УДК 94
ББК 63.3(2); 63.3(4/8)
Н63

Данное издание опубликовано
при финансовой поддержке фонда «Русский мир»

Никонов В.А.
Н63 Современный мир и его истоки. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 880 с.
ISBN 978-5-19-011045-6

Ann.
Ключевые слова: ??.

УДК 94
ББК 63.3(2); 63.3(4/8)

Niconov V.A.
The Modern World and Its Origins. — Moscow: Moscow University Press, 2015. — 880 p.
??.
Key words: ??.

ISBN 978-5-19-011045-6

© Никонов В.А., 2015
© Издательство Московского университета, 2015

Оглавление

Предисловие 9

ГЛАВА 1. ЗЕМЛЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ 13

Человечество 14
Этносы и нации 24
Государства 29
Глобализация 32
Власть, сила, международная система 40
Цивилизации 47

ГЛАВА 2. ЗАПАД 60

Мировой гегемон? 60
Античное наследие 66
Тевтонская традиция 73
Папы и императоры 78
Феодальный плюрализм 83
Представительство, самоуправление и закон 87
Позитивное знание, Возрождение и Реформация 90
Капитализм, парламентаризм, демократия 97
Милитаризм, национализм, колониализм 105
Запад как система 113

ГЛАВА 3. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ 124

Путь европейского единства 124
Кризис и новый импульс интеграции 140
Судьба европейской социальной модели 155
Какой номер телефона? 163

ГЛАВА 4. АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ 175
От колоний к Соединенным Штатам 176
Предначертание судьбы 185
«Специфический институт», Гражданская война и сегрегация . . . 195
Подъем великой державы 200
Прогрессивная эра и просперити 207
Рузвельт и Трумэн: создание сверхдержавы 212
Новый консерватизм и новые рубежи 224
Республиканская эра 231

ГЛАВА 5. ЕДИНСТВЕННАЯ СВЕРХДЕРЖАВА 251
Надежды глобализации и Великая рецессия 251
Обамамания 261
Экономика доллара 266
Судьбы американской демократии 276
Сила: умная или грубая? 285
«Что делать с путинской Россией?» 299
Военное планирование 306
Логика американского поведения 313

ГЛАВА 6. РОССИЯ 320
География — это судьба 320
Откуда есть пошла земля Русская? 325
Западный улус Орды 331
Московское царство 334
Российская Империя 341
В европейском концерте 350
СССР 360
Российская матрица 371

ГЛАВА 7. РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ 384
Ельцинизм 384
Путинизм 390
Российская полития 397
Экономика профицита 401
Вежливые люди 413
Российский социум 416
Взгляд на мир из Москвы 427
Россия, Восток и остальные 437

ГЛАВА 8. АЗИЯ 448
Подъем Азии 448
Код Востока 454
Западное господство и азиатский реванш 462
Мегатенденция — подъем Восточной Азии 474

ГЛАВА 9. КИТАЙ 489
Шан-Инь и Чжоу 490
Цинь Шихуан и создание империи 499
Эпоха Хань 503
От Троецарствия до монголов 506
Династии Мин и Цин 514
Китайская республика 520
Не важно, какого цвета кошка 523
Китайское чудо 529
Традиция и политика 540
Геополитический гигант 550

ГЛАВА 10. ЯПОНИЯ 575
Ямато и Ниппон 576
Генетический код 582
Сегунаты 586
Реставрация Мэйдзи и империя 593
Японские чудо и дефляционная ловушка 600
Невестминстерская демократия 610
Непотопляемый авианосец 617

ГЛАВА 11. ИНДИЯ 632
Хараппа, Маурьи, Гупты 633
Индийскость 642
Тысячелетие под властью завоевателей 648
Самая большая демократия 658
«Индия растет ночью» 673
Поднимающаяся великая держава 680

ГЛАВА 12. МИР ИСЛАМА 700
Пророк и его учение 701
Звездная эпоха ислама 704
Как проходит мирская слава 713
Реисламизация и радикализм 717
«Арабская весна» и будущее исламского мира 730

ГЛАВА 13. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. БРАЗИЛИЯ 748

Латиноамериканская цивилизация? 748
Континент на подъеме 759
Бразильская модель. 774
Тропический гигант. 782
Век Бразилии?. 796

ГЛАВА 14. АФРИКА. ЮАР 809

Неуютная колыбель человечества 809
Колониализм и независимость. 814
Африканская цивилизация?. 819
«Слишком мало времени и слишком много серьезной работы» . . 825
Африка и великие державы 837
ЮАР: долгий путь к свободе 843
Континентальный лидер 852
Дипломатия убунту. 866

Заключение 873

Предисловие

Приходило ли Вам, уважаемый читатель, в голову, что Северный полюс сверху — это условность? С таким же успехом он мог быть и снизу. А если глобус перевернуть, как это нередко делают в Южном полушарии, то картина мира сильно изменится. Самыми крупными континентами кажутся Антарктида и Австралия, а Россия будет заметна приблизительно так же, как на нашем глобусе Антарктида.

Так получилось, что побывал в доброй сотне стран. И как ученый, участник конференций. И как американист по образованию и диссертациям, стажировавшийся и преподававший в США. И как парламентарий, входящий в большое количество межпарламентских организаций. И как исполнительный директор, а затем и председатель правления фонда «Русский мир», который занимается распространением русского языка и культуры по планете. И как председатель Российского национального комитета по исследованию проблем БРИКС — становящегося объединения пяти крупнейших развивающихся экономик — Бразилии, России, Индии, Китая, Южной Африки. И как руководитель российской делегации в Азиатско-Тихоокеанском совете сотрудничества по безопасности (АТССБ), куда входят 27 государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В каждой из этой сотни стран разговаривал с людьми — от многих глав государств и министров до таксистов и официантов. Читал местные газеты, если мог их понять, и издаваемые там книги. Знакомился с музеями и культурными памятниками. Старался вникнуть в склад ума, взгляд на мир, разобраться в истории этих государств и цивилизаций, к которым они принадлежат. И вот к какому выводу пришел.

Мы привыкли смотреть на мир с одной точки зрения — с позиции Запада и Севера. Образование, которое мы получали, было, да и остается северо- и западоцентричным. После истории Древнего мира, где Востоку и Западу посвящали относительно одинаковое внимание, дальше история в школьных учебниках оказывалась преимуществен-

но отечественной и европейской. Слава богу, что хоть так: во многих странах зарубежную историю вообще не преподают. В курсах отечественной истории Европа доминировала: мы то от нее защищались, то пробивали в нее окно, то ее побеждали, то интегрировались с ней, то дезинтегрировались. Философия была западной или марксистской, т.е. тоже западной. Политология или менеджмент очень часто оказывались калькой с американских и английских учебников (для начинающих). Авторитетные эксперты по любым вопросам живут на Западе. Вечный вопрос русской интеллигенции: а что скажет Европа? Главный идеологический водораздел — мы Запад или нет, входить в него или нет. Сам побывал во всех странах Европы и Северной Америки, прежде чем начал плотно интересоваться другими частями света.

Что и говорить, Запад очень важен. Это — единственная цивилизация, которая наложила свой отпечаток — в основном через завоевания, но не только — на весь мир. Но есть и остальное человечество, о существовании которого мы мало задумываемся. Средства массовой информации — главные источники знаний в современном мире — не помогают, поскольку редко сообщают хоть что-то о событиях, странах и континентах, которые не вписаны в систему национальных стереотипов. Помним ли мы, что человек, земледелие, цивилизация, государства, города, письменность, мировые религии, основы науки — все это родилось не на Западе, а на Востоке? И — если не считать два последних столетия — основные центры мирового развития и экономики тоже располагались не на Западе? Задумываемся ли хоть на миг о процессах в странах, где сегодня живет гораздо больше людей, чем в России: скажем, в Индонезии, Нигерии, Пакистане или Бангладеш? Слышим ли мы хоть что-то о войнах в Африке, уносящих сейчас жизни тысяч людей ежедневно? Да и свою собственную страну знаем куда как слабо. Николай Гоголь поражался: «Велико незнание России посреди России. Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей»[1].

Как следует поколесив по свету, легче понять насколько он богат и разнообразен.

О чем эта книга?

Она о нашей планете Земля, населяющих ее народах, нациях, государствах и цивилизациях. Об их происхождении, корнях, появлении на арене истории. О причинах возвышения одних народов, создавших великие державы современности, и (меньше) — неудачах тех, других, которые стали достоянием археологии давно или уходят в небытие уже в наши дни. О моделях государственности и факторах силы держав, их политических систем, характере лидерства, моделях взаимодействия власти и подданных. О природе власти и ее концепций в мире. О роли

[1] *Николай Гоголь.* Избранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1952. С. 308.

экономики, политики, военной силы, личности, воли, идей, традиций, культуры во вращении «шестеренок» глобального сообщества.

Книга о восприятии мироздания, верованиях, политической культуре людей различных континентов. О том, откуда взялись национальные характеры. Как (и почему) люди в разных частях мира воспринимают себя, свою страну, свою идентичность, в чем видят свою самобытность, которую берегут. «Нациям нужны идентичности, — пишет известный в Индии историк Ромила Тапар (много ли вы знаете индийских ученых?) в книге «Прошлое как настоящее». — Они создаются из восприятий того, как развивалось общество <…> Настаивать на надежной истории — это больше чем просто педагогическая задача, учитывая деликатное взаимоотношение прошлого и настоящего»[1].

Книга о происхождении тех основных интеллектуальных, философских, религиозных течений, которые и сегодня структурируют мышление и всего человечества, и отдельных его частей. Следует заметить, что таких течений очень немного, и возникли они, в основном, очень давно.

Книга о том, на каком свете мы живем сегодня, какие центры силы и глобальные тенденции несут человечество вперед. А оно неизменно идет исключительно вперед, даже когда прогресс неочевиден или налицо регресс, потому что время неостановимо и его нельзя повернуть вспять.

Книга о том, как правительства, элиты, люди в разных странах видят развитие своих обществ. Каковы особенности их экономических и социальных моделей. Как на государственную политику влияют культурные стереотипы. Как одни цивилизации и государства воспринимают остальных, выстраивают с ними свои отношения. Каково соотношение сил в сегодняшнем мире, каков удельный вес государств по основным компонентам могущества, какое место они себе отводят, как видят пути обеспечения собственных национальных интересов и национальной безопасности.

Книга о том, как единственная сверхдержава — Соединенные Штаты Америки — расставляет фигуры на мировой шахматной доске. И об отношении к этому в других частях Земли. О том, что китайское руководство думает о Латинской Америке, бразильское — об Африке, южноафриканское — о России, российское — о мире ислама, стран мусульманского мира — о Европе, европейское — о Китае, китайское — о США, американское — об Индии, индийское — о Японии, японское — о Латинской Америке. И так до бесконечности (по секрету, самым сложным оказалось не повторяться при описании межстрановых взаи-

[1] *Romila Tapar.* The Past as Present: Forging Contemporary Identities Through History. New Delhi, 2014. P. 305.

модействий, например, китайско-японских отношений в главе о Китае и японо-китайских — в главе про Японию и т.д.).

Эта книга — попытка, уверяю Вас, довольно поверхностного описания того, что представляет собой современный мир хотя бы в самых крупных его блоках — великих держав современности, центров цивилизационного притяжения. И ответа на вопрос, почему планета стала такой, какой мы ее знаем (или не знаем). И робкая попытка заглянуть в мир будущего.

Надеюсь на то, что каждый найдет что-то ранее не известное, а может и полезное. Тем более, что бесполезных знаний практически не бывает.

Хотел бы поблагодарить многих людей за помощь в работе над этой книгой.

Самая большая благодарность — студентам факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Если бы мне не надо было читать им курс о современном мире, книга бы точно не появилась. А их реакция на лекции, вопросы, обсуждения, ответы на экзаменах позволяли выявить слабые места, расставить акценты, найти понятную тональность.

Отдельные слова признательности Светлане Трубниковой, для которой работа с разными итерациями текста стала существенным дополнением к ее основным обязанностям по оказанию помощи в российском законодательном процессе; и Марине Веселовской, одновременно продвигавшей русский язык по миру. Галине Цапалиной, проведшей не один день, придавая компьютерную строгость моим чрезмерно разраставшимся мыслям.

Дмитрий Перелыгин из «Русского мира» сильно помог с визуальным рядом и с обработкой моих фотографий, снятых в разных странах не самым профессиональным фотографом.

Слова благодарности издательству, за качественную редактуру и оперативное издание. Такая книга — товар во многих разделах скоропортящийся, и чем раньше он попадет в Ваши руки и будет прочитан — тем полезнее.

И, конечно, моей супруге и детям, терпеливо сносившим мое затворничество в то самое время, которое более ответственные отцы семейств посвящают своим близким.

Глава 1

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Нельзя разочаровываться в человечестве — ведь мы и сами люди[1].

Альберт Эйнштейн

Прошлое человечества, как и прошлое всей Вселенной, загадочно.

С позиции современного научного знания все существующие космические объекты возникли около 20–13 млрд л.н., вероятно, как результат Большого взрыва. Мы живем в относительно спокойное в астрофизическом отношении время, сильно отличающееся от буйного периода молодого, горячего космоса. Новые солнца и планеты формируются со скоростью, которая не превышает и 3% от той, что наблюдалось 11–8 млрд л.н.[2] Та часть Вселенной, которая доступна астрономическим наблюдениям, называется Метагалактикой и насчитывает несколько сотен миллиардов галактик.

Планета, на которой мы все имеем счастье жить, — третья от звезды планета Солнечной системы, затерявшейся (или, напротив, не затерявшейся) на окраинах — в 10 тыс. парсек от центра Галактики, которая называется Млечный Путь и насчитывает кроме Солнца еще 10^{11} звезд (многократно больше, чем количество людей, живущих на нашей планете).

Солнце принадлежит не к самому многочисленному типу звезд (большинство из них меньше по массе), орбиты планет более округлены и отстоят друг от друга на большем расстоянии, чем в большинстве других экзопланетных систем. Нет супер-планеты, которая бы на много порядков превосходила по массе Землю, что наблюдается в 60% всех систем. Поэтому Солнечная система избежала нестабильности, характерной для большинства других планетарных систем. Это не означает, что Земле обеспечено тихое и спокойное будущее: через несколько сотен миллионов лет наша система может вступить в более хаотичный период. А еще через пять миллиардов лет Солнце старея расширится и существенным образом снизит температуру обогрева планет.

---

[1] *Альберт Эйнштейн.* Мир, каким я его вижу. М., 2013. С. 136.

[2] *Caleb Scharf.* Cosmic (In)Significance // Scientific American. July 2014.

Земля образовалась около 4,7 млрд л.н. из рассеянного в протосолнечной системе газопылевого вещества. Она обращается вокруг Солнца по эллиптической орбите со средней скоростью 29,765 км/с на среднем расстоянии 149,6 млн км за период, равный 365,24 суток. Период вращения вокруг оси 23 часа 56 мин 4,1 с. Этот трехосный эллипсоидный стероид имеет средний радиус 6371 км, площадь поверхности — 510,2 млн км^2.

Планета состоит из железа (36,4%), кислорода (29,6%), кремния (15,2%) и магния (12,7%). Атмосфера на 78,1% состоит из азота, на 21% — из кислорода, меньше одного процента приходится на водные пары, углекислый газ, инертные и иные газы. Живем в умеренном месте, не слишком теплом и не слишком холодном, в химическом отношении среда не слишком активна и не слишком инертна, не слишком неустойчивая и не лишена изменений. Максимальная температура поверхности 57–58° С, зафиксирована в тропических пустынях Африки и Северной Америки, минимальная — минус 90 — в центральных районах Антарктиды.

Бóльшая часть поверхности Земли — 70,8% — занята Мировым океаном, остальная — 149,1 млн км^2 приходится на долю суши, образующей 6 материков и множество островов. Не вся суша гостеприимна: 20% приходится на пустыни, 10% — на ледники. Лес занимает 30%, саванны и редколесья — 20%, сельскохозяйственные угодья — еще 10%.

Геологическая история Земли делится на два неравных периода: докембрий, охватывающий первые 3 млрд лет, и фанерозой (разделяемый на палеозой, мезозой и кайнозой), к которому относят последующие 570 млн лет. От 3,5 до 3 млрд л.н. зародилась жизнь, начала формироваться биосфера

Не менее трех миллионов лет назад — скорее всего в Африке — появился человек, к нашему времени превратившийся в хозяина планеты — не самого рачительного и весьма жестокого. Он оказался едва ли не единственным видом, уничтожающим себе подобных и сильно влияющим на окружающую среду, причем не в лучшую сторону.

Наш вид образовался в ничтожный миг колоссальной по своей продолжительности истории, и создается впечатление, что будет существовать еще более продолжительное будущее с нашим участием или без него.

Человечество

На Земле существуют организмы, которые крупнее, чем люди: киты, слоны. Однако мы значительно ближе к верхней границе шкалы жизни, чем к микроскопическому. Человеческое тело примерно в 10 млн (бактерии) или в 100 млн (вирусы) раз больше, чем извест-

ные нам простейшие виды жизни. Среди теплокровных земных млекопитающих человек также одна из крупных особей: средний вес тела популяции млекопитающих составляет 40 гр.

Существуют две основных концепции происхождения человека. Согласно одной, он был сотворен Демиургом, Божественной силой. Так, по Библии, человек был создан Господом по своему образу и подобию на шестой день творения, и первые люди — Адам и Ева — жили в Эдемском саду, располагавшимся в Междуречье Тигра и Евфрата на территории современного Ирака. В соответствии с византийским летоисчислением, которому следовали и в России до Петра I, произошло это в 5508 г. до Рождества Христова, т.е. 7523 года назад (писалось в 2015 г.).

Согласно другой, это произошло намного раньше и в другом месте. 8–5 млн л.н. в Африке вид приматов разделился на две ветви: одна из них привела к человекообразным обезьянам типа шимпанзе, вторая — около 3 млн л.н. — к первым гоминидам — австралопитекам. Они походили на человекообразных обезьян, но при этом обладали двуногой походкой и способностью изготавливать орудия труда. Возраст первых каменных орудий из Хадара в Эфиопии — 2,5 млн лет. В научной литературе австралопитеков принято называть homo habilis — человек умелый.

В процессе эволюции 1,6–1,5 млн л.н. в Восточной Африке появились прямоходящие люди (homo erectus), к которым относят археоантропов (ранние гоминиды) — питекантропов и синантропов. Именно они начали расселяться по всей Африке, а затем проникать в Европу и Азию.

Следующая линия — неандертальцы (по месту находки черепа в германской местности Неандерталь). Они жили в Европе гораздо раньше современных людей и, как выяснили ученые в последние годы, были более развитыми существами, чем считалось ранее, и оказали большое воздействие на становление человека разумного. 4% генов европейцев перешли к ним исключительно от неандертальцев, включая те гены, которые отвечают за различение запаха, зрение, деление клеток, сперму, мускульное строение и даже речь. Они, похоже, могли говорить, и питались не только растительной пищей, но добывали устриц и рыбу, охотились на тюленей[1].

По поводу времени и места возникновения непосредственных предков современного человека — человека разумного (homo sapiens) единого мнения не существует. По одной гипотезе, он появился в Африке, где вытеснил более древних гоминид. По другой «сапиентизация» шла постепенно в разных частях планеты. Первые сапиентные неоантро-

[1] *David Frayer.* Who're You Calling a Neanderthal? // International Herald Tribune. May 3, 2013.

пы перемещались вслед за служившими им пищей животными, зоны обитания которых менялись в зависимости от колебаний в климате, от вызывавшихся геологическими катаклизмами ледниковых периодов. В результате около 40 тыс. л.н. человек разумный становится единственным представителем семейства гоминид и заселяет практически всю планету.

Миграция сапиентных людей в различные районы ойкумены с вытеснением из них обитавших там досапиентных гоминид и, возможно, метисацией с ними послужила основой для появления в различных районах земного шара многочисленных расовых типов. Человечество сегодня делится на четыре больших расовых ствола — европеоиды, монголоиды, негроиды, австралоиды, каждый из которых состоит из крупных расовых подразделений и мелких расовых групп.

Для периодизации истории человечества чаще всего используют археологическую схему, основанную на различиях в технике изготовления орудий труда:

- каменный век — от появления человека до IV–III тыс. до н.э.:
  а) древнекаменный (палеолит) — только в России открыто 1500 поселений человека верхнего палеолита[1];
  б) среднекаменный (мезолит);
  в) новый каменный (неолит);
  г) меднокаменный (энеолит);
- бронзовый век — от IV–III тыс. до начала I тыс. до н.э.;
- железный век — с I тыс. до н.э.

Человечество медленно, но росло, постепенно заселяя планету. 40 тыс. л.н. людей вряд ли было больше полумиллиона. Для собирателей и охотников — каждому из них для прокорма нужна была территория в 10–25 км^2 — больше места и не оставалось.

В эпоху позднего энеолита — 10 тыс. л.н. — население Земли составляло около 6 млн человек, средняя продолжительность жизни достигала 30 лет, а человек жил (условно) на 2 долл. в день. От 10 до 20% людей становились жертвами убийств другими людьми[2]. Особенно большое значение имел начавшийся в то время переход от мезолита к неолиту, получивший справедливое название неолитической революции: от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) — к производящему, т.е. к земледелию, скотоводству; появились металлургия, ремесла, зачатки товарообмена. Центральная роль хранительницы очага — женщины — стала вытесняться ведущей ролью мужчины как землепашца и воина, что привело к переходу от матриархата к патриархату. Появление излишков продовольствия, а также орудий труда и

[1] *А.П. Деревянко, Н.А. Шабельникова.* История России. М., 2007. С. 20.

[2] *Jan Morris.* War! What is it Good for? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots. Stanford, 2014.

другого скарба, которые уже не распределялись среди всей общины, а оставались в семье, приводило к появлению частной собственности и неравенства. Складывалась родовая верхушка, решавшая дела в племенном совете, выделялись военные вожди и жрецы.

Оседлый быт с гарантированной пищей, ставший возможным с неолитической революцией, способствовал резкому ускорению развития производства и культуры, быстрому росту населения.

Ко времени Платона и Аристотеля (IV в. до н.э.) численность населения планеты приблизилась к 200 млн и затем надолго застыла: человечество вступило в эпоху усиленного самоистребления, подкрепленного масштабными эпидемиями (самой крупной считается пандемия чумы, истребившая 45% европейского населения в середине XIV в.)[1]. В 1000 г. н.э. на всей Земле жили примерно 275 млн человек. Примерно к 1800 г. численность человечества достигла миллиардной отметки. Затем начался демографический взрыв.

За XX столетие население планеты почти дважды удвоилось. В 1900 г. оно составляло 1,6 млрд человек, в 1927 г. — 2 млрд, в 1950 г. — 3 млрд. 12 октября 1999 г. в Сараеве родился шестимиллиардный человек — Аднан Невич. Через 12 лет — в ночь на 31 октября 2011 года — в Калининграде на свет появился уже 7-миллиардный — Пётр Алексеевич Николаев. Сегодня за сутки на Земле родится около 230 тыс. человек, в этом году — где-то 80 млн.

Средняя продолжительность жизни составила 67 лет, а средний доход — 25 долл. в день. При этом 2,5 млрд человек, как и в каменном веке, живут меньше, чем на 2 долл. в день, причем у 77% из них никогда не было счета в банке[2]. В XX в. люди убили в войнах 100–200 млн себе подобных. Но поскольку в прошлом веке на планете проживало в общей сложности 10 млрд человек, погибло только 1–2%, а в XXI в. и того меньше — 0,7%. То есть сегодня вероятность насильственной смерти в 10–20 раз меньше, чем в каменном веке[3].

Оснований для озабоченности и даже тревоги за судьбу Земли немало. Применительно к миру в целом мы все чаще слышим о его перенаселении. Останется ли где жить и что есть нашим внукам и правнукам? В России, напротив, все разговоры о «падающем» населении; термин «депопуляция» обретает права гражданства.

Ответы на все этим вопросы не столь однозначны и не праздны. И, как выясняется, стары почти как мир. Уже Платон в «Республике» и «Законах» рекомендовал установить государственное регулирование уровня рождаемости, чтобы население не столкнулось с пространствен-

---

[1] *George Minois.* Too Much Life on Earth // International Herald Tribune. July 14, 2011.

[2] *Jake Kendall, Roger Voorhies.* The Mobile-Finance Revolution. // Foreign Affairs. March/April 2014, P. 9.

[3] *Jan Morris.* War! What is it Good for?

ными и ресурсными ограничениями. Эта проблема занимала и Аристотеля, но не с точки зрения ресурсов, а с позиции поддержания порядка в обществе, испытывающем перенаселение. Римскую империю волновали прямо противоположные проблемы: как стимулировать слишком низкий рост собственного населения в условиях, когда досаждавшие ей варвары размножались угрожающе быстро. Рим так и не справился с этим вызовом, что стало одной из причин его падения.

С распространением христианства дискуссии о демографии перешли из общественной и политической плоскости в сферу религии и морали, когда на первый план вышли вопросы девственности и брака. В конце XVIII в. британский экономист и священник Томас Мальтус поднял дискуссию на новый уровень, доказывая в «Эссе о принципах населения», что население планеты (оставив в стороне эпидемии) всегда росло быстрее, чем производство продовольствия, что грозит человечеству неизбежным перенаселением и голодом. На что позднее Карл Маркс, раскритиковав Мальтуса, ответил собственной теорией, согласно которой голод порождается не ростом населения, а неправильным распределением богатства[1].

Миллиардные цифры прироста населения — столько людей трудно себе даже представить. Но, давайте попробуем. Представим, что все люди планеты собрались в одном месте, например на острове, и встали плечом к плечу. Каких размеров должен быть этот остров? Как Великобритания или Япония, или Гренландия? Вовсе нет. Все население Земли 1950 г. поместилось бы на скалистом острове Уайт у берегов Южной Англии площадью 381 км^2. Для сегодняшнего человечества хватило бы Занзибара, занимающего 1554 кв. км^2, что немногим больше площади Москвы до ее расширения за границы МКАД.

Пик прироста населения пришелся на 1960-е гг., когда он составлял 2% в год. Сегодня — вдвое меньше. К следующему рубежу — в 8 млрд человек — мы подойдем уже не через 12, а через 14 лет, а на следующий миллиард может потребоваться 18 лет. Главной причиной взрывного роста населения в XX в. стали успехи здравоохранения, прежде всего изобретение антибиотиков и внедрение правил гигиены. Основной отличительной чертой XXI в. станет снижение рождаемости. Мы это видим на примере все большего количества государств и континентов.

В демографии есть показатель, столь же неизменный, как число «пи» в математике, — 2,14. Это — уровень воспроизводства. Когда средняя рождаемость на одну женщину выше, население страны растет, ниже — сокращается. Еще в 1970 г. средний уровень рождаемости на

[1] *George Minois.* Too Much Life on Earth.
[2] A Tale of Three Islands // The Economist. October 22, 2011. P. 29.

Земле составлял 4,45, т.е. в среднестатистической мировой семье насчитывалось 4–5 детей. Сейчас этот показатель равен 2,45.

Почему такое падение? Главным фактором считается развитие городских обществ, городской культуры. Как острят демографы, «урбанизация — самое лучшее средство контрацепции». Процитирую роман Виктора Пелевина «ДПП(нн)»: «Во всем мире белые консюмер-христиане прекращали рожать детей, чтобы поднять уровень своей жизни. Причем от уровня жизни это не зависело, а зависело только от навязчивого стремления его поднять». Кроме того, сыграли роль такие факторы, как рост образовательного и профессионального уровня женщин, тенденция к вступлению в брак в более позднем возрасте и к более частым разводам, отсутствие в городах экономической необходимости создавать большую семью, широкое распространение практики абортов и контрацепции. Сегодня около двух третей женщин мира применяет те или иные средства искусственного предотвращения или прерывания беременности. Некоторую роль в сокращении или, во всяком случае, в замедлении темпов роста населения сыграли новые инфекционные заболевания, в частности СПИД (но это затронуло в основном неразвитые страны).

Более 40% человечества живет в странах, где уровень рождаемости ниже уровня воспроизводства. Сюда относятся в первую очередь развитые государства Европы, а также Канада, Австралия, Новая Зеландия. Сейчас нет больших различий между Россией (уровень рождаемости — 1,58) и Германией (1,31), Италией (1,2), Испанией (1,25) или Японией (1,3). Несколько выше показатель рождаемости во Франции и Великобритании. В ближайшие полвека сократится численность населения всех европейских государств, за исключением Албании, Ирландии, Исландии, Люксембурга, Франции, Мальты и Норвегии. Наибольшая убыль населения по отношению к общей его численности придется на Эстонию и Болгарию, которые потеряют до 40% своего населения. Население Италии через 50 лет уменьшится на 25%, Великобритании — на 1%. Германия в течение ближайших 40 лет может потерять 1/5 часть своего населения — это, по существу, все население Восточной Германии.

В этом же ряду и Россия, которая стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось порядка 9% мирового населения (около 170 млн человек), а на долю России в ее нынешних границах — чуть больше 2%, и этот показатель продолжает снижаться.

Схожие тенденции наблюдаются в Китае и других странах Восточной Азии, где уровень рождаемости также сокращается. Япония будет иметь самое резкое на планете падение численности населения. Китай подбирается к той точке, когда начнет срабатывать политика «одного ребенка». В ближайшее десятилетие рост населения Китая остановится

и оно начнет сокращаться. Ниже уровня воспроизводства рождаемость в таких странах, как Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Бразилия, Тунис и даже Иран (где еще в 1984 г. на одну женщину приходилось 7 детей!).

Вторая группа стран — не менее многочисленная, но демографически более перспективная — имеет средний уровень воспроизводства от 2,1 до 3. Сюда относится большинство стран Южной и Юго-Восточной Азии, исламского мира, а также американского континента, включая и Соединенные Штаты, которые будут в числе быстрорастущих с точки зрения демографии стран мира. Произойдет это в значительной степени за счет иммиграции.

Пятая часть населения планеты живет в странах с уровнем фертильности больше 3, в основном в Африке южнее Сахары. Еще в середине 1970-х гг. население этой части планеты не доходило и до половины европейского. В 2004 г. оно превысило европейский уровень, а к 2050 г. достигнет 2 млрд человек, тогда как в Европе — при самом благоприятном развитии событий — будет жить менее 700 млн человек. Приблизительно половина прироста числа обитателей планеты — из тех 2,3 млрд, которые добавятся за следующие 40 лет, — придется на Африку[1]. К лидерам мирового роста населения относятся также Монголия, Филиппины, Йемен, Палестина, Пакистан, Саудовская Аравия. Быстрее всех будут расти 50 самых бедных государств мира, которые до 2050 г. утроят свое население.

«А будет ли где жить нашим детям и внукам?» Современные демографические тенденции настраивают на положительный ответ на этот вопрос. Планета, судя по всему, выдержит и прокормит свое население XXI в., а значит, и XXII столетия. По прогнозам демографов, его численность стабилизируется на уровне 9 млрд к 2050 г. (потребуется остров размером с Тенерифе) и 10 млрд в 2150-м г.

Конечно, если человечество по-прежнему было бы обществом охотников и собирателей, никаких ресурсов не хватило бы. И некоторые современные тенденции пугают. Несмотря на все усилия мирового сообщества, с 1990 г. по 2014 г. количество голодающих в мире удалось сократить всего лишь на одну пятую часть, и оно достигает 800 млн человек, из них 160 млн — дети в возрасте до 5 лет[2]. Потребление зерна в развивающихся странах (прежде всего, Китай и Индия) за последние 30 лет выросло на 80%, а в развитых — на 22%, а потребления мяса удвоилось (при этом на производство одного килограмма говядины уходит минимум 6 кг зерна и тысячи литров воды). Большое количество потенциальной растительной пищи (в США до 40% всей кукурузы) идет на изготовление горючего — этанола. Количество обрабатываемой земли

[1] Ibid. P. 32.
[2] Feast and Famine // The Economist. November 29, 2014. P. 53.

подходит к некоему естественному пределу (не в России), а истощение земли и нехватка воды для полива фиксируется в растущем количестве стран.

По подсчетам Всемирного банка, для того чтобы прокормить человечество в 2050 г., учитывая рост его численности и потребностей, выпуск продовольствия должен увеличиться на две трети по сравнению с нынешним уровнем. Много это или мало? Не так много, если учесть, что в 1970–2010 гг. объем мирового сельхозпроизводства вырос в 3,5 раза за счет селекции семян, применения удобрений, развития ирригации, генетики домашних животных. Если сегодня люди голодают, а 2 млрд человек живут в нищете, то это объясняется не дефицитом ресурсов, а их плохим распределением[1], т.е. в первую очередь, низким качеством государственного управления.

Рост населения вызывает опасения за среду обитания в связи с увеличением эмиссии углекислого газа, изменением климата, угрозой биологическому разнообразию Земли, загрязнением Мирового океана. «Экологические катастрофы происходят с нарастающей частотой, поскольку они вызваны частично действиями человека, такими, как вырубка лесов, эрозия берегов, масштабное загрязнение и, конечно, выбросы парниковых газов, изменяющие климат на планете. Новое в том, что такие бедствия, как изменение климата, которые до недавнего времени считались угрозами будущего, уже являются явной и сегодняшней опасностью. Ученые уже даже дали имя новой эре — антропоцен, — в котором человечество оказывает широкомасштабное воздействие на экосистемы планеты»[2], — пишет профессор Колумбийского университета Джеффри Сакс.

Вместе с тем следует иметь в виду, что рост населения произойдет в тех странах, которые отличаются самыми низкими показателями использования энергии, а значит, загрязнения (один американец или австралиец производит 20 т двуокиси углерода ежегодно, а житель Африки южнее Сахары — менее 1 т). Поэтому, с точки зрения экологии, значение имеет не столько рост населения как таковой, сколько та структура экономики, которая сложится в странах с быстрым ее ростом.

Что лучше: когда население увеличивается, когда оно сокращается или темпы его прироста замедляются? Однозначного ответа нет. В принципе, главная демографическая проблема человечества в целом — это все же не недостаток людей, а их избыток. С общепланетарной точки зрения, снижение рождаемости — благо. С точки зрения увеличения доходов на душу населения его сокращение может также показаться привлекательным.

---

[1] *George Minois.* Too Much Life on Earth.

[2] *Jeffrey Sachs.* The World's Future Is a Matter of Human Choice // The Moscow Times. January 29, 2013.

Но с точки зрения обеспечения высоких темпов экономического роста, усиления геостратегических позиций отдельных государств в мире рост населения, безусловно, предпочтителен его сокращению. Николас Эберстадт из Американского предпринимательского института подчеркивает: «Во-первых, ощутимое падение рождаемости сегодня означает замедление роста численности рабочей силы завтра. Во-вторых, низкая фертильность сегодня приведет к старению населения завтра — процесс, который приобретает реактивную скорость, если рождаемость ниже уровня воспроизводства продолжается длительное время»[1].

Существует понятие «демографический дивиденд», он измеряется соотношением численности работающего населения и иждивенцев (дети и пенсионеры старше 65 лет). Так, именно демографическим дивидендом на треть объясняют феноменальный экономический рост Китая, где этот показатель очень низок — 38 (т.е. на 100 работающих приходятся 38 иждивенцев). Да и все человечество воспользовалось демографическим дивидендом в последние десятилетия, когда этот показатель снизился с 75 в 1970 г. до 52 — в 2010-м[2]. Чем больше количество работающих в составе населения, тем больше занятых в экономике и меньше социальных расходов, тем дешевле — из-за конкуренции на рынке труда — рабочая сила, тем больше сбережения и спрос на товары и услуги.

С 2010 до 2030 г. численность рабочей силы (количество людей в возрасте от 15 до 65 лет) вырастет на 900 млн человек, или на 400 млн меньше, чем в предшествовавшие два десятилетия. При этом, половина этого роста придется на страны Африки южнее Сахары, Пакистан и Бангладеш. А почти все развитые страны — члены Организации экономического и социального развития (ОЭСР), государства Восточной Европы и СНГ, включая Россию, Китай, Япония испытают на себе абсолютное сокращение количества работающих.

Одна из самых заметных тенденций, связанных со снижением рождаемости — старение населения, особенно в развитых странах. Если в 1990 г. продолжительность жизни в странах ОЭСР составляла 63 года, то в 2000-м — уже 77 лет, а в 2050-м достигнет 83,5 года. Из-за роста продолжительности жизни и спада рождаемости доля людей старше 65 лет почти удвоится: сейчас их 14%, а в 2050 г. будет 25%. Если в 2000 г. на 100 работающих людей приходилось 38 пенсионеров, то в 2050 г. их станет уже 70. А это совершенно другие нагрузки на экономику. Один работающий человек должен будет содержать вдвое больше пенсионеров, чем сегодня. Причем сильнее всего эту проблему ощутит такая

[1] *Nicholas Eberstadt.* The Demographic Future: What Population Growth — and Decline — Means for the Global Economy // Foreign Affairs. November/December 2010. P. 56.

[2] A Tale of Three Islands. P. 30.

страна, как Япония. Будет стареть и Китай, где на 100 работающих в 2050 г. придется уже не 38, а 64 иждивенца. Россию эта ситуация тоже не минует. Сейчас на одного пенсионера приходится два работника. Но если существующий пенсионный возраст не будет повышен, в 2050 г. на 100 работающих придется 93 пенсионера. Кто и как сможет их содержать? Вывод, который делает, например ОЭСР: если люди не захотят трудиться до 70 лет, а работодатели не станут удерживать их, экономический рост замедлится примерно на треть.

Секретным оружием человечества в решении демографических проблем станет экономика знаний, технологические инновации и больший упор на качество человеческого капитала, что предполагает развитие образования, здравоохранения, создание условий для более продуктивного использования становящейся все более ценной рабочей силы. Образованные работники не только обеспечивают бóльшую производительность, они и здоровее, и способны дольше приносить пользу на рабочем месте. Во всех развитых и становящихся развитыми странах будет и дальше повышаться пенсионный возраст и создаваться стимулы для людей работать как можно дольше.

Все более существенное воздействие на демографические процессы оказывает миграция, которая в последние десятилетия претерпела качественное изменение. На протяжении нескольких веков иммиграция почти полностью означала переселение белых людей из Европы на другие континенты, куда затем перемещалась и необходимая европейцам рабочая сила. Так, в период колонизации американского континента более полумиллиона испанцев и португальцев и около 700 тыс. британцев перебрались в заокеанские колонии. С 1821 по 1915 г. Европу покинули до 44 млн человек. В XV–XIX вв. через Атлантический океан было официально переправлено более 10 млн рабов из Африки, оценки неофициальной работорговли, как минимум, удваивают эту цифру[1]. Миллионы китайцев и индийцев работали по контракту в странах Юго-Восточной Азии, Африке и Северной Америке. Людей гнали за океан (если не кандалы работорговца) перенаселенность и религиозные преследования.

Сегодня доминирующей тенденцией является ускоряющаяся миграция выходцев из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, более половины которых оседает на территории индустриально развитых стран. Важный фактор миграции — бедственное положение в ряде развивающихся стран, сопровождаемое исходом беженцев. Да и передвижение по миру стало куда более быстрым, безопасным и относительно дешевым. В 1960 г. в мире насчитывалось 3,2 млн трудовых мигрантов, в 1995-м — более 35 млн, в 2008 г. — 93 млн

[1] *Kevin Shillington.* History of Africa. 3rd ed. L., 2012. P. 180–181.

(3% мировых трудовых ресурсов). Поскольку мигранты переезжают с семьями, цифру можно смело умножать более чем вдвое. По оценкам Международной организации по миграции, с 2000 по 2010 г. общемировая численность мигрантов возросла почти в полтора раза, достигнув 214 млн человек (и к 2050 г. может составить уже 405 млн). Кроме того, около 100 млн находились в странах иммиграции нелегально[1]. По оценкам Гэллапа, 700 млн человек в мире хотели бы переехать на постоянное место жительства в другую страну, среди них половина населения таких стран, как Сальвадор, Гаити или Эфиопия[2]. Разумеется, не все воплотят свои намерения в жизнь.

Из проживавших в 2010 г. в США 43 млн мигрантов 53% составляли выходцы из стран Латинской Америки (в основном из Мексики), а еще 27% — из стран Азии[3]. В случае сохранения нынешних тенденций, к 2050 г. доля белого неиспаноязычного населения США может снизиться с нынешних 66% (в 1970 г. она составляла 83%) до 52%, тогда как доля выходцев из стран Латинской Америки и Азии возрастет с 20% (в 1970 г. — 6%) до 35%[4]. Из 51 млн мигрантов, проживающих сегодня на территории Евросоюза, около 70% составляют выходцы из стран «глобального Юга»[5]. В результате развитый мир сталкивается с вызовом эрозии его цивилизационного облика.

Каждый из 7 с лишним миллиардов человек, живущих на Земле, входит во множество общностей — территориальных, этнических, языковых, конфессиональных, государственно-политических, культурных. Эти общности — от простого к более сложному — разделим:

- на этносы;
- на нации;
- на государства;
- на цивилизации.

Этносы и нации

Сколько на планете этносов? Точный ответ не знает никто, а неточный зависит от того, что вы имеете в виду. Этнос в переводе с греческого ἔθνος — «народ», и эти два термина в русском языке долго рассматривались просто как синонимы, пока ученый-эмигрант С.М.

---

[1] World Migration Report 2010. The Future of Migration: Building Capacities for Change. IOM. Geneva, 2010; *Юрий Шишков.* Вызовы и перспектив глобальных миграций // Международные процессы. № 3. 2011. С. 4–5.

[2] *Roger Waldiner.* Moving Right Along // The American Interest. November/December 2014. P. 84.

[3] World Migration Report 2010. The Future of Migration… P. 152

[4] *Ph. Martin, E. Midgley.* Immigration in America. 2010 // Population Bulletin Update, Population Reference Bureau. June 2010. P. 2–3.

[5] IOM. World Migration Report 2008. Geneva. December 2008. P. 455.

Широкорогов не ввел понятие «этнос» как научный термин, вокруг содержания которого, как водится, идут широкие дискуссии.

В обыденном сознании этнос нередко связан с общностью по крови. Это, конечно не так, трудно найти на планете человека, чьи предки на протяжении тысячелетий никогда не вступали в интимную близость с людьми других национальностей. Разумеется, исторически этносы складываются на основе племенных общностей. Однако в процессе этногенеза под влиянием особенностей трудовой деятельности, природных условий формируются специфические для этноса черты материальной и духовной культуры, быта, групповых психологических характеристик, общее самосознание, заметное место в котором занимает представление об общности происхождения. Самоидентичность проявляется и в общем самоназвании — этнониме. Однако, единожды возникнув, этническая общность осознает себя не столько по признаку крови, сколько по характеру культурных стереотипов, которые лежат в основе самоидентичности, в различении «своих» и «чужих». И здесь важную, часто важнейшую роль играет то, что лежит в основе любой культуры — язык. Именно он в первую очередь позволяет определить «другого». Именно в нем выявлен кристаллизованный образ мира каждого этноса, т.е. фундамент всех других культурных стереотипов. Именно язык я поставил бы на первое место среди других признаков этноса.

Вместе с тем существуют люди, говорящие на одном языке, но считающие себя разными этносами. Яркие примеры мы видели в последние годы на Балканах, где говорящие на сербохорватском языке после распада Югославии и кровопролитных войн разделились на сербов, боснийцев, хорватов. По какому признаку? Религиозному. Сербы — в основном православные, боснийцы — мусульмане, хорваты — католики. Конфессиональная принадлежность, таким образом, тоже может выступать одним из наиболее значимых этнообразующих факторов. В дореволюционной России в официальных документах указывалась не национальность (как в СССР), а вероисповедание: православные практически приравнивались к русским вне зависимости от этнической принадлежности. В современной России кряшены — крещеные татары — сознают себя как отдельный народ. А в современной Мьянме распространено выражение: «Быть бирманцем значит быть буддистом».

Этнические различия могут отражать различия в хозяйственной или профессиональной деятельности. Так, кочевые оленные коряки-чавчувены и оседлые коряки-нымылланы — разные народы. В XIX в. на Балканах, переходя от занятия сельским хозяйством к торговле, человек превращался из болгарина в грека, причем языковой фактор не служил этому препятствием, ибо люди хорошо владели обоими языками. Даже практически потеряв родной язык, этнос может существовать на основе традиции, как шотландцы или валлийцы. Этнос может

закрепляться на различных, порой далеко отстоящих друг от друга территорий, как, например, цыгане. Раса тоже имеет значение: некоторые выделяют, например, в качестве отдельного этноса афроамериканцев. При этом представители одного этноса могут принадлежать как к одной, так и к разным расам (или расовым типам) и, наоборот, представители одной расы могут принадлежать к разным этносам.

Я не склонен проводить и современном русском языке различие между народом и этносом. Вот что пишет наиболее признанный авторитет в этом вопросе — директор Института этнологии и антропологии РАН академик Валерий Тишков: «"Народ" в смысле этнической общности — группа людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности».

Итак, этнос — это совокупность людей, которая сложилась историческим путем, говорит на одном языке и обладает устойчивым сочетанием национальных свойств, общностью культуры, быта, традиций, обычаев, самосознания. Этносы подвержены изменениям — консолидации, ассимиляции и т.п. Для более устойчивого существования они стремятся к созданию своей государственности. Однако история предлагает множество примеров того, как различные этносы, даже многочисленные, так и не смогли решить задачу социально-территориальной организации. Более того, подавляющее большинство этносов даже не приблизилось в государственной самоорганизации.

Так сколько же этносов на планете? Если их главным отличительным признаком выступает язык, то народов должно быть примерно столько же, сколько и языков. Точное их число установить невозможно, поскольку не всегда реально провести грань между языком и диалектом. По оценкам, сейчас на Земле говорят на 5–6 тыс. языков. При этом 80% населения планеты знает лишь 80 языков, а на 0,2% жителей Земли приходится 3,5 тыс. языков.

Больше всего говорят (млн человек):

- на китайском — 1213;
- на английском — 514;
- на испанском — 425;
- на русском — 275;
- на хинди — 258;
- на арабском — 256;
- на бенгальском — 215;
- на португальском — 194;
- на индонезийском (малайском) — 176.

Из первой десятки выпали в последние годы японский и немецкий.

Но если мы посмотрим на число носителей того или иного языка как родного (что имеет большее отношение к численности этноса), то здесь картина будет другая:

- китайский — 1213;
- испанский — 329;
- английский — 328;
- арабский — 221 (официальный язык в 57 странах);
- хинди — 182;
- бенгали — 181 (официальный язык Бангладеш);
- португальский — 178;
- русский — 144;
- японский — 125;
- немецкий — 110[1].

А что будет с языками малых этносов? В XXI в., как ожидается, исчезнет до 70% существующих языков. А через пару столетий выживут 500–600 языков. Каждые две недели один язык становится мертвым. То есть в год умирают 24 языка, и так будет продолжаться дальше. Для того чтобы язык сохранялся, количество его носителей должно превышать 100 тыс. человек. Сегодня исчезающими считаются 400 языков. Главные виновники этого явления — миграция в города и английский язык. Ближе всех к исчезновению языки индейцев Северной Америки, аборигенов Австралии, ряда африканских племен. Та же опасность грозит языкам малых народов Российской Федерации. Но здесь причина не в английском, а в великом и могучем. Уже на наших глазах исчезли нганасанский, юкагирский, керекский (остались 4 носителя) языки. Около 100 человек говорят на удэгейском языке, 900 — на тофаларском.

Если количество этносов тает, то число наций растет.

Понятие «нация» (от лат. natio — «племя, народ») в научной литературе имеет две основные трактовки.

Во-первых, как этнонация — этническая общность с единым языком и самосознанием. Именно такая трактовка нации — как этнической общности — утвердилась и в нашей стране с легкой руки прилежных учеников австро-марксистов XIX в. — Владимира Ленина и Иосифа Сталина. Отсюда определение императорской России как тюрьмы народов, признание статуса наций за крупными этносами — русскими, украинцами, казахами и др. — и теоретическая установка на право наций на самоопределение. К современным теориям национальной политики и к современному миру подобная трактовка не имеет отношения.

---

[1] *Владимир Емельяненко.* Новый русский парадокс // Русский мир. ru. Январь 2013. С. 11, 13.

Во-вторых, как политическая нация — сообщество граждан определенного государства, устойчиво, осознанно и единообразно позиционирующееся в пространстве и времени и ассоциирующее себя с определенной территорией и историей. Именно такая трактовка закреплена в международном праве, где нация является синонимом государства, и общепризнанна в большинстве стран мира. «Понятие “нация” <…> по сути подразумевает народ в смысле государственного территориального сообщества, — пишет В.А. Тишков. — Связь понятий “нация” и “государство” отражена в сложной категории “нация-государство” (nation-state). Это есть общепризнанное обозначение всех суверенных государств мира, входящих в Организацию Объединенных Наций и считающих себя государствами-нациями»[1].

Если этносы существовали на протяжении всего исторического времени, то нации формируются только в период Нового и даже Новейшего времени. До этого людям не приходило в голову, что этничность должна совпадать с государственностью. Эта идея возникла в Европе XVIII в. и получила название национализма. Идеология эта в одном из своих аспектов заключается в обособлении и вычленении отдельной нации из общего числа этносов, проживавших до ее возникновения на определенной территории. После обособления нации парадигма национализма начинает работать на становление, защиту и укрепление своей нации и ее государственности.

Первыми современными нациями, по утверждению классика изучения национализма Бенедикта Андерсона, были латиноамериканские, сформировавшиеся в ходе борьбы против испанской короны, за которыми последовали США и затем Франция. Впервые понятие «нация» в его политическом значении появилось именно в ходе Великой французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен утраченного «подданства французской короны». В 1800-е гг. возник немецкий национализм, затем последовали национализмы Греции и Скандинавских стран (1810–1820-е гг.), итальянский национализм (1830-е гг.), в 1850–1900-е гг. национализм распространился на страны Восточной Европы и в Индию, а в начале XX в. — охватил страны Азии и Африки. Там нации формировались в ходе борьбы за независимость и особенно после ее завоевания на причудливо выкроенных в результате колониальных разделов территориях из различных по языку, культуре, уровню жизни племен и народностей. Образование наций не является универсальной стадией развития всех народов мира. Почти все малочисленные этносы оказались в составе крупных наций.

При этом полиэтничный состав населения вовсе не служит непреодолимым препятствием для формирования гражданской нации

[1] *В.А. Тишков.* Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 558.

и создания нации-государства. Напротив, этнически однородные нации крайне редки и встречаются в основном в отдаленных и изолированных углах мира (например, Исландия). Обычно нация строится на базе большого количества этносов, которых свела вместе историческая судьба. Латиноамериканские нации расово неоднородны: состоят из белых, креолов, индейцев. Считается общепризнанным, что еще в XIX в. Великобритания, Франция, Германия, даже Испания, были нациями-государствами, хотя все они при этом оставались глобальными империями, имели крайне неоднородное в этноконфессиональном плане население и внутренние колонии. Не следует забывать Северную Ирландию и Шотландию в составе Великобритании, Бретань и Корсику в составе Франции, лоскутную империю, созданную Бисмарком, Кастилию, Каталонию, Страну Басков в Испании. Многоэтничность и поликонфессиональность — абсолютная норма для современных национальных государств. По многообразию этнических, религиозных, расовых групп многие страны далеко оставляют позади и дореволюционную, и, тем более, современную Россию с ее 135 народами (которых по последней переписи неожиданно стало 180). Вот как, по данным ООН, выглядит количество этнических групп в некоторых странах современного мира: Китай — 205, Камерун — 279, Индия — 407, Нигерия — 470, Индонезия — 712, Папуа — Новая Гвинея — 817[1]. Все они являются безусловными нациями-государствами. Почему же в России не так? Живуч этнонационализм.

Идея российской нации абсолютно продуктивна.

Сколько на Земле наций? Если трактовать их как политические нации, то количество примерно совпадет с числом государств.

Государства

Основной формой общественно-политического существования человечества выступает государство. Макс Вебер определял государство как сообщество, которое обладает монополией на законное использование силы внутри определенной территории. Фрэнсис Фукуяма считает: «Монополия легитимной власти, которую государство применяет, позволяет избегать внутри страны того, что Томас Гоббс назвал “войной всех против всех”, но служит причиной конфликтов и войн на международном уровне»[2].

Точное время возникновения первых государств неизвестно: любая датировка событий, произошедших до II тыс. до н.э. (а государство возникло раньше), носит исключительно условный характер. С местом —

[1] «Видимые руки»: ответственность за социальное развитие: Доклад Исследовательского института по проблемам социального развития при ООН. М., 2001. С.78–82.

[2] *Фрэнсис Фукуяма.* Сильное государство. М., 2010. С. 20, 12–13.

определенности больше. В тех регионах земного шара, где существовали центры заселения с наибольшей плотностью населения, возникали условия как для концентрации усилий избыточного населения, организации его общежития, так и для столкновений, в том числе с соседними племенами. Государства образовались на основе племенных протогосударств (вождеств, chiefdoms) в городских культурах, развившихся в долинах великих рек, и первыми из них были государства Шумера в междуречье Тигра и Евфрата, где, похоже, впервые возникли царская власть (в том числе наследственная), бюрократия и письменность, а также Египта в долине Нила. За ними последовали государства вдоль русла Инда в Индии и Хуанхэ в Китае. Из числа первых государств до наших дней можно проследить преемственность только в Китае, где государства существовали на протяжении тысячелетий. В Европе государственность сложилась с появлением первых греческих племен на Балканах в XX–XVII вв. до н.э., когда возникли Микены, Тиринф, Пилос.

Первой континентальной, евразийской державой явилась Монгольская империя, основанная Чингисханом, которая одновременно контролировала Китай, Центральную Азию и значительную часть Восточной Европы, включая и Русь, которая стала западным улусом Орды.

Европейское Средневековье (за исключением времен франкской империи Карла Великого) характеризовалась существованием большого количества государств, которые не располагали монополией на проведение внешней политики или использование насилия при доминировании Священной Римской империи германской нации. Ни одно государство не было суверенным в смысле обладания верховной властью над своей территорией. Каждый правитель делил свою власть либо с вассалами, либо с Папой Римским, либо с императором. «В Средние века завоевать умы и сердца, контролировать территории, ресурсы, торговлю и инвестиции пытались все: империи, города, корпорации, церкви, племенные орды и наемники»[1], — отмечал Параг Ханна.

Крупные государства — с массовыми армиями, налоговыми органами, централизованной бюрократией — в Европе стали появляться на рубеже Нового времени, насчитывая историю в четыре или пять столетий со времени образования французской, испанской и шведской монархий[2]. К этому времени можно смело относить и создание централизованного Российского государства.

Фукуяма не без оснований считает, что существовало два пути создания современных государств. Первый был порожден потребностями военного противостояния с соседями, что делало эффективное управление условием выживания. Сюда относятся Китай, Пруссия. Полагаю,

[1] *Параг Ханна.* Как управлять миром. М., 2012. С. 22–23.
[2] *Фрэнсис Фукуяма.* Сильное государство. С. 12.

и Россия тоже. Второй — путь политической модернизации через реформы, которые проводили коалиции общественных групп, заинтересованных в существовании эффективного и некоррумпированного правительства (Великобритания и США)[1].

В середине XVII в. была предпринята первая и значимая до настоящего времени попытка упорядочить международную систему, и с этого же времени ведут отсчет государства в современном смысле (или, по крайней мере, современная концепция государства). После протестантской Реформации и кровопролитной Тридцатилетней войны ведущие европейские державы в Вестфалии постарались выработать новые правила взаимодействия и собственной легитимации, о чем мы подробнее поговорим в следующей главе. Итогом стала модель, в фундаменте которой лежал принцип суверенитета: государство является источником высшей политической власти, осуществляемой в полной мере в пределах собственной территории, самостоятельно проводит внешнюю политику и уважает право других государств действовать таким же образом. С тех пор государство стало центром, исходной единицей для формирования мировой системы, выработки соответствующих политических и правовых норм.

XIX в. принес создание ведущими европейскими государствами империй под которыми современные авторы чаще всего понимают «отношение, формальное или неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества»; «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее малые политические единицы»; «составное государство, в котором метрополия господствует над периферией в ущерб интересам последней»[2].

Начало распада империй после Первой и, особенно, после Второй мировой войны, подъем национального самосознания, вызвали нараставшую тенденцию к увеличению числа независимых государств. При создании ООН в 1945 г. в ней было представлено 51 государство. На сегодняшний день — 193. Существенный вклад в процесс мультипликации количества государств внес распад СССР, добавивший сразу 14 новых стран — членов ООН. Однако в мире растет и число так называемых непризнанных государств, т.е. таких, которые обладают фактическим суверенитетом, но этот суверенитет не признан ни одним другим государством (Приднестровье, Донецкая и Луганская республики), признан небольшим количеством стран (Абхазия, Южная

[1] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. L., 2014. P. 199–201.

[2] *M.V. Doyle.* Empires. Ithaca, 1986. P. 45; *J.A. Armstrong.* Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982. P. 131; *Р.Г. Суни.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империй // Национализм в мировой истории / Под ред В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007. С. 38.

Осетия) или даже большим количеством стран, но недостаточным для обретения статуса члена Организации Объединенных Наций (Косово или Палестина). Если учесть непризнанные страны, то общее количество государств на планете превысит 250. А есть еще регионы, которые фактическим суверенитетом не обладают, но активно на него претендуют (например, Баскония и Каталония в Испании, Шотландия, Уэльс или Северная Ирландия в Великобритании, Фландрия в Бельгии и т.д.), что создает потенциал для создания новых независимых государств. Из двух основополагающих принципов, закрепленных в международном праве, — территориальной целостности и права наций на самоопределение, — верх все больше берет второй. «Государственные границы, особенно в Азии и Африке, часто представляют собой имперское наследие и не совпадают с этническими и лингвистическими границами, — пишет видный американский аналитик Збигнев Бжезинский. — Эти границы становятся ненадежными перед напором растущего политического сознания, которое ведет к более настойчивым территориальным притязаниям»[1]. Крупные многонациональные государства, включая Россию, сталкиваются и будут сталкиваться с растущей проблемой сепаратизма.

Глобализация

После Первой мировой войны и вплоть до 1980-х гг. шло укрепление национальных государств. Функционирование единого глобального сообщества было крайне затруднено из-за раскола мира на противостоящие системы. Прекращение холодной войны, распад социалистического лагеря и Советского Союза создали предпосылки для глобализации, главной движущей силой которой стали страны Запада, увидевшие возможность расширить свое влияние в развивающихся государствах путем экономического и информационного проникновения.

Под глобализацией понимают резкое ускорение процесса пересечения национальных границ деньгами, товарами, услугами, информацией, людьми. Это создает во многом интегрированную глобальную экономику с помощью торговли, иностранных инвестиций, широкомасштабных перетоков капитала, создания системы глобальных поставок, инноваций в информационных технологиях, массовой миграции. Ни одно из этих явлений не было чем-то новым. «За три десятилетия до начала Первой мировой войны доля мировой торговли в глобальной экономике была почти такой же, как и в последние тридцать лет. В том мире, лишенном границ и виз, доля трудовых мигрантов была,

[1] *Зб. Бжезинский.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 179.

безусловно, выше»[1], — утверждает известный английский историк из Гарварда Ниал Фергюсон. Но в конце XX в. синергия этих явлений создала новое качество.

В 1990-е гг. появились концепции, доказывавшие неизбежность ослабления и постепенного отмирания государства, стали хоронить Вестфальскую систему. И некоторые основания для подобных выводов имелись. С одной стороны, многие государства реально теряли свое влияние (особенно перед лицом американской мощи), а степень государственного вмешательства в социально-экономические процессы осязаемо сокращалась. С другой стороны, происходило усиление политической власти и политической активности за пределами национального государства.

«Уменьшение государственного сектора оставалось преобладающей темой в политике в течение переломных 80-х и начала 90-х, когда множество стран в бывшем коммунистическом мире, Латинской Америке, Азии и Африке в результате того, что Хантингтон назвал третьей волной демократизации, стали отходить от авторитарного правления»[2], — отмечал Фукуяма. Во многом для целей демонтажа мощного госсектора посткоммунистических и постколониальных стран Международным валютным фондом, Всемирным банком и правительством США была предложена концепция, делавшая упор на уменьшение государственного вмешательства в экономику, которая с легкой руки одного из ее разработчиков — Джона Уильямсона — получила название «Вашингтонский консенсус», или «неолиберализм», как была названа его разновидность для Латинской Америки[3]. Неолибералы видели в глобализации не только победу личности и законов рынка над государственной властью, но и начало формирования глобальной цивилизации с новыми институтами и механизмами управления, что сопровождалось, по их мнению, культурной универсализацией, стандартизацией экономической и политической жизни. Глобальное распространение либеральной демократии рассматривалось в этой связи как предвосхищение конца национального государства и предпосылка формирования нового мирового порядка, условно, «космополитической демократии»[4].

Глобализация имеет множество последствий для государств, главным из которых является утрата ими монополии на реализацию властных функций. Хотя правительства и государства остаются главными действующими лицами, они вынуждены делить арену мировой поли-

---

[1] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. М., 2010. С. 308.
[2] *Фрэнсис Фукуяма.* Сильное государство. С. 17.
[3] *John Williamson.* The Political Economy of Political Reform. Wash., 1994.
[4] *Сусанна Пшизова.* Государство // Политология: Лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М., 2007. С.102.

тики с другими институтами и структурами — международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, группами давления, наднациональными и субнациональными институтами.

Заметно осложняется проведение и меняется содержание внешней политики государств. Раньше положение в мире определялось отношениями между двумя десятками государств, сейчас приходится иметь дело с двумя с лишним сотнями различных по размерам и внутреннему состоянию стран, каждая из которых претендует хотя бы на формальное равноправие. К ним добавляются сотни международных организаций, институтов и режимов, а также тысячи частных и общественных самодеятельных игроков различных профиля и оттенков. «Проблема для всех государств в XXI в. заключается в том, что все больше и больше вещей оказывается за пределами контроля даже самых могущественных государств из-за диффузии власти от государств к негосударственным акторам»[1], — утверждает Джозеф Най.

Растущее число негосударственных субъектов экономики и политики берет на себя ряд функций, ранее выполнявшихся государством. Дневной оборот денег, пересекающих национальные границы, во много раз превышает годовой размер ВВП подавляющего большинства стран мира. Экономическая мощь транснациональных корпораций превосходит возможности правительств даже среднеразвитых стран. Хозяйственная политика отдельных государств перестает быть суверенной, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке. Глобальная система коммуникаций маргинализирует роль государства на информационном поле, делает крайне затруднительным правительственный контроль над информацией.

Все больше стираются грани между внутренней и внешней политикой. Министерства иностранных дел постепенно утрачивают привычную роль единственного представителя страны на международной арене. Возрастает удельная значимость «низкой дипломатии» (торговля, технологии, валюта и т.д.) по сравнению с «высокой дипломатией» (национальная безопасность, военные кризисы, саммиты). Энергетическая, научно-техническая, транспортная, социальная, экологическая политика все сильнее интернационализируется. При этом правительства и парламенты, не говоря уже об избирателях, мало задумываются над тем, насколько решение ими внутренних проблем воздействует на остальной мир и зависит от него.

Глобализация во многом обостряет те общие проблемы, которые стоят перед всем человечеством, несет с собой опасность их более быстрого распространения. Любая ошибка способна стать глобальной —

[1] *Joseph S. Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. xvi.

применение атомного оружия, изобретение смертоносного вируса или лекарства — и оказаться фатальной для всего человечества. В августе 2014 г. — в третий раз в истории — Всемирная организация здравоохранения объявила состояние international public health emergency в связи с распространением в Западной Африке лихорадки Эбола — смертоносной болезни, от которой умерло больше 80% от числа инфицированных[1].

Поэтому государства, хотят они того или нет, все более активно втягиваются в решение глобальных проблем. Более того, разрешение многих из них возможно более эффективно (или только) на уровне национальных государств, а не международных организаций: изменение климата, наступление пустынь, выбросы углекислого газа, экология, преступность, эпидемии, бедность, неуправляемость мегаполисов или нарастания отчуждения индивидуума от общества. Именно государствам предстоит решать проблемы гармонизации межстрановой конкуренции, создания архитектуры глобального управления.

Глобализация меняет систему принятия государственных решений, выдвигая на первый план принцип субсидиарности (вопросы решаются на том уровне, который обеспечивает наиболее квалифицированную и эффективную их реализацию). Национальный уровень по-прежнему остается самым важным, поскольку только на нем существуют достаточные правовые механизмы решения самого широкого круга проблем. Но если политические цели на уровне отдельных государств становятся недостижимыми, тогда они выносятся на региональный и международный уровни. Возникла также задача международной (или хотя бы региональной) совместимости национальных правовых систем и установленных всемирных правил игры для экономических субъектов.

Суверенитет многих государств действительно подвергся испытаниям со стороны многих внешних сил. «В условиях роста взаимозависимости, “сжатия мира”, “снижения порога” границ между странами, — считает российский политолог Эдуард Баталов, — роль внешнего фактора внутренних изменений существенно возрастает. Этому способствует повышение эффективности использования виртуальных средств воздействия на массы, манипулирования их сознанием, рост потенциала информационных и психологических войн»[2]. Великие и региональные державы способны оказывать воздействие на внутреннее развитие других государств, менять их режимы с помощь технологий «цветных революций» (Сербия, Грузия, Украина), вооружения внутренней оппозиции и оказания ей прямой военной поддержки (Косово, Ливия,

---

[1] *Alan Cowell, Nick Cumming-Bruce.* W.H.O. Declares Ebola Emergency // International New York Times. August 9–10, 2014.

[2] *Эдуард Баталов.* Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. № 1. 2012. С. 12.

Сирия) или прямых военных интервенций (Ирак, Афганистан, Ливия). Появились и получают все большее распространение концепции «гуманитарных интервенций» или «права на защиту», преимущественно поддерживаемые западными странами. Эти концепции предполагают право международного сообщества на вмешательство во внутренние дела государств, если в них нарушаются фундаментальные права человека, поддерживается международный терроризм.

И не случайно идеи государственного суверенитета вновь становятся популярными в мире. Тимофей Бордачёв уверен: что «Единственной ценностью, которую разделяют все без исключения государства современного мира (применительно к себе даже Соединенные Штаты), остается суверенитет <…> Идея стирания суверенитета, широко обсуждавшаяся 15–20 лет тому назад в период расцвета европейского интеграционного проекта, оказалась неспособна захватить "широкие народные массы" <…> государства не могут переступить через некую черту»[1]. Законотворчество — при признаваемом многими государствами приоритете международного права над национальным законодательством — по-прежнему остается прерогативой прежде всего национальных государств. У современного человека существует множество идентичностей — религиозных, этнических, национальных, локальных, политических, профессиональных, — но он вовсе не спешит избавиться от идентичности государственной. Повсеместно, как свидетельствуют глобальные опросы, люди, считающие себя гражданами своих государств, гораздо более многочисленны, чем граждане мира[2].

Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. заметно остудил тех, кто предсказывал триумф неолиберализма и закат государства. Профессор из Гарварда Дэни Родрик вопрошал: «Кто спасал банки, занимался фискальным стимулированием и предоставлял социальные гарантии безработным, пытаясь не допустить разрастания кризиса? Кто переписывал правила надзора на финансовых рынках и менял принципы регулирования, чтобы избежать новых инцидентов? В чей адрес неслась львиная доля упреков в ошибках? Ответ на все эти вопросы один: национальные правительства. G20, МВФ, Базельский комитет по банковскому надзору, как правило, оказывались на вторых ролях»[3]. В годы финансового кризиса повсеместно наблюдался возврат сильного государства, для стимулирования экономического развития правительства ведущих стран потратили 3 трлн долл., что составляло почти 5% глобального ВВП[4].

---

[1] *Тимофей Бордачев.* Общество мирового уровня: Социальная сила государства как решающий фактор международного успеха // Россия в глобальной политике. Январь–февраль 2012. С. 26–27.

[2] *Дэни Родрик.* Наступление на суверенность // Ведомости. 13 марта 2012.

[3] Там же.

[4] *Параг Ханна.* Новое Средневековье // Россия в глобальной политике. Том 10, № 2. Апрель–май 2012. С. 52.

Более того, появилось опасение, как бы усилившееся в годы кризиса государство не выступило могильщиком свободного рынка и демократии. Президент «Eurasia Group» Иан Бреммер бил тревогу: «Сейчас свободный рынок отодвинулся на второй план. На смену пришел государственный капитализм — система, при которой государство вступает в качестве ведущего экономического агента и использует рынки главным образом в политических целях <…> Теперь сторонники свободной торговли и открытых рынков вынуждены доказывать преимущества данной системы все более скептически настроенному международному сообществу»[1].

Многие крупные государства действительно сами выступают глобальными экономическими игроками. В странах с сильной ролью государства в экономике на первый план выходят такие их экономические агенты, как национальные нефтяные корпорации, государственные предприятия, частные «национальные чемпионы» и суверенные фонды национального благосостояния, созданные странами с большим положительным сальдо торгового баланса для управления своими богатствами. Под управлением этих фондов уже в преддверии кризиса — в 2007 г. — находилось 2,6 трлн долл., что лишь немного уступало размеру государственных пенсионных фондов и резервов центральных банков мира. По прогнозу банка «Morgan Stanley», к началу 2020-х гг. объем суверенных фондов вырастет до 27 трлн долл., что составит 9% от всех мировых активов[2]. 13 крупнейших по запасам нефтедобывающих компаний мира находятся в собственности или управлении государств: «Saudi Aramco», «National Iranian Oil Company», «Petroleoz de Venezuela», «China National Petroleum Corporation», малайская «Petronas», бразильская «Petrobras», Газпром, «Роснефть» и др. На их долю приходится 75% запасов и производства нефти в мире, тогда как на долю крупнейших частных ТНК — в энергетической области они существуют почти исключительно в англо-саксонских странах (BP, «Chevron», «ExxonMobil» и др.) — падает 10% мировой добычи и лишь 3% запасов[3]. Государственные предприятия и крупные частные корпорации, пользующиеся сильной государственной поддержкой, в большинстве стран планеты превалируют в таких отраслях, как нефтехимия, электроэнергетика, добыча полезных ископаемых, черная металлургия, портовое хозяйство и судоходство, производство вооружений, авиация.

Вместе с тем степень контроля отдельных государств над финансами и их использованием заметно ослабевает из-за существования офшорных зон, сферы теневой экономики. По данным исследователь-

---

[1] *Иан Бреммер.* Государственный капитализм достиг совершеннолетия: Конец свободного рынка? // Россия в глобальной политике. № 3. Май–июнь 2009. С. 35–36.

[2] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. С. 356–357.

[3] *Иан Бреммер.* Государственный капитализм достиг совершеннолетия. С. 35–36.

ской группы The Tax Justice Network, от 21 до 35 трлн долл. в 2012 г. было размещено в офшорах. Если учесть, что все мировое богатство тогда оценивалось в 230 трлн долл., то окажется, что от 10 до 15% спрятано от налогообложения страны происхождения. По расчетам консалтинговой группы A.T. Kearney, теневая экономика составляет в развитых странах около 10%, а в развивающихся — до 40%[1]. Владимир Путин — далеко не единственный лидер на планете, который ставит задачу деофшоризации национальной экономики.

Глобализация оказывает противоречивое воздействие на развитие демократических институтов. С одной стороны, усложнение общественных связей, децентрализация экономической деятельности, информационных потоков приводят к невозможности их регулирования из единого центра. Это подразумевает менее иерархическое управление, порождает тенденцию к выстраиванию общества по типу сети, а не иерархии институтов. Это ускоряют распространение демократических ценностей и институтов, число формально демократических государств на планете растет. Демократические общества способны более гибко и эффективно учитывать культурное многообразие, отвечать на потребности различных категорий населения, разговаривающих на разных языках, исповедующих различные религии.

Вместе с тем выясняется, что демократия и рыночный либерализм, взятые сами по себе, не создают надежных и устойчивых к вызовам глобализации государств. Демократические Филиппины менее приспособлены к реальностям современного мира, чем квазидемократические «азиатские тигры». Западные демократии демонстрируют в последние десятилетия худшую экономическую динамику, чем совсем недемократический Китай. Чарлз Капчан считает: «В мире, характеризующемся скоростью, прозрачными границами и взаимозависимостью более централизованные государства вполне способны регулярно оставлять позади своих демократических визави, исповедующих принципы laissez-faire. Как ясно показал недавний экономический кризис, регулируемые рынки и плановая экономика могут иметь осязаемые преимущества перед западными альтернативами <…> Грядущий глобальный поворот <…> произведет на свет мир не только со множеством центров силы, но и со множеством версий модерна (современности)»[2].

Возникает новая проблема — обеспечения демократии, организационно оформленной в рамках отдельных государств, при создании систем регионального и глобального управления. Все большим влия-

---

[1] *Александр Зотин, Евгений Сигал, Максим Кваша.* Богатые тоже прячут // Коммерсантъ Деньги. 30 июня — 5 августа 2012. С. 11–14; *Евгений Сигал.* Вам хавала из Шанхая // Коммерсантъ Деньги. 19–25 ноября 2012. С. 52–53.

[2] *Charles Kupchan.* No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford, 2012. P. 89–90.

нием в мире пользуются транснациональные корпорации, неправительственные организации, надгосударственные органы (как, например, Европейская комиссия, фактическое правительство Европейского союза), руководство которых не формируется с помощью демократических процедур.

Глобализация сопровождается накоплением информации о гражданах, их поведении, а также созданием электронных баз данных об их телеметрических параметрах, структуре ДНК, отпечатках пальцев и т.д. Американское Агентство национальной безопасности, как поведал Эдвард Сноуден, прослушивает весь мир. Тем самым резко возрастают возможности для вмешательства в личную жизнь граждан и для глобального контроля за их поведением. Это находится в противоречии с рядом основополагающих демократических принципов и может потребовать дополнительных мер по защите сферы частной жизни.

Серьезный вызов государствам и демократии бросает современное информационное общество. В мире работают более 5 млрд мобильных телефонов, более 2 млрд человек пользуются Интернетом. Создаются трансграничные виртуальные сообщества, способные воздействовать на правительства и даже способствовать их свержению. Профессиональная пресса, традиционно считавшаяся четвертой властью, возможно, теряет эту роль. Количество граждан, становящихся де-факто непрофессиональными журналистами, хроникерами, блогерами, растет по экспоненте. Их деятельность способна стать не менее эффективным политическим инструментом, чем усилия любого правительства или зарегистрированных СМИ. Они способны устраивать флешмобы, «революции Твиттера», атаковать серверы не понравившихся госструктур, публиковать секретные материалы, документировать коррупцию. Каждый пользователь Интернета потенциально — глобальный игрок.

Глобальный информационный век расширяет поле для демократии, но и для авторитаризма тоже. Плодятся сайты, продвигающие идеологию террора и человеконенавистничества, причем часто экстремистские сайты поддерживаются с территории демократических государств. Вопрос о контроле за содержанием Интернета с целью защиты безопасности, культурных и цивилизационных ценностей ставится все шире — и в Соединенных Штатах, и в странах Европейского союза, не говоря уже о государствах Азии. Десятки книг написано о кибервойнах и киберпреступности. Появились и первые государственные концепции кибербезопасности, кибернетические командования в вооруженных силах и спецслужбах ведущих государств. Как совместить решение проблемы общественной и государственной безопасности с соблюдением демократических принципов открытости и свободы — задача далеко не тривиальная.

Все острее встает вопрос о праве контроля государств над своим национальным сегментом Интернета, который управляется из Соединенных Штатов. Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (ICANN), которая принимает ключевые решения по управлению Интернетом, формально является международной независимой организацией, но на деле имеет соответствующий контракт с правительством США, что не устраивает многие страны, включая Россию. Москва и ряд других столиц предлагают передать функции ICANN, имеющие отношение к безопасности, Международному союзу электросвязи, который является организацией ООН. Таким образом, речь идет об интернационализации управления Интернетом с одновременным расширением возможностей правительств влиять на ситуацию в национальных сегментах Сети[1]. В ответ звучат обвинения в том, что предлагаемые меры позволят оправдать цензуру и легитимизировать ограничение доступа к Интернету. 42 из 72 государств, политика которых анализировалась в рамках программы «Open Net Initiative», так или иначе фильтруют и цензурируют контент[2].

Если в 1990-е гг. демократия рассматривалась в качестве главной и единственной предпосылки успешного развития, то сейчас к этому добавляется обеспечение управляемости государством и обществом. Параг Ханна не без оснований считает, что «понятие "надлежащее управление" быстро вытесняет демократию на глобальном уровне. Руководители разных стран, все больше ощущая давление извне, суть которого в том, что они должны предоставить экономические свободы, наладить предоставление услуг и обеспечить политическую транспарентность, но вовсе не обязательно демократию. В сущности, "надлежащее управление" подразумевает предоставление и защиту прав в большей степени, чем одна только демократия. В части прав человека у Коммунистической партии Китая неизмеримо больше возможностей проявить заботу о гражданах, чем у Индийского национального конгресса…»[3].

Власть, сила, международная система

Глобализация трансформировала содержание политики безопасности государств. Увеличилась роль проблем «мягкой безопасности», связанных с экономикой, финансами, экологией. «Обычная мудрость исходила из того, что государство с более сильной военной машиной одержит верх, но в информационный век может победить

---

[1] *Елена Черненко.* Россия выступит за интернационализацию Интернета // Коммерсантъ. 3 декабря 2012.

[2] *Винтон Серф.* Интернет под угрозой // Ведомости. 3 декабря 2012.

[3] *Параг Ханна.* Как управлять миром. С. 182–183.

государство (или негосударственные структуры), которое расскажет лучшую историю», — подчеркивает Джозеф Най — один из творцов концепции «мягкой силы» и «умной силы». Под «умной силой» сам он понимал «комбинацию жесткой силы принуждения и денег с мягкой силой убеждения и привлекательности»[1].

Но все же и фактор военной силы государств вовсе нельзя сбрасывать со счетов. Напротив, его роль продолжает скорее возрастать. «Войны все-таки выигрываются — при всех различиях обстоятельств можно вспомнить конфликты в Югославии, Ливии, Чечне, Грузии, победу правительства Шри-Ланки над «Тиграми освобождения Тамил Илама». Ядерное сдерживание работает, не допуская больших войн, и никто всерьез не сокращает ядерные арсеналы, а, напротив, совершенствует их»[2], — пишет Сергей Караганов. Ускорившийся трансграничный переток ноу-хау и усиление хаотичности в международных отношениях очевидно усиливают опасность распространения оружия массового поражения (ОМП), ракетных технологий, что может способствовать началу настоящей гонки вооружений в развивающихся странах. Пока что эта гонка, фактически завершившись в Европе, продолжается наиболее интенсивно в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Глобализации обострила ряд старых и принесла с собой новые вызовы и угрозы: опасность распространения ОМП, сепаратизм, религиозный экстремизм, наркотрафик, трансграничную оргпреступность, пиратство на морях, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление. Участились конфликты по вопросам использования лесных и водных ресурсов, рыболовства, границ экономических зон. Даже в вооруженных конфликтах с участием государств все большую роль играют негосударственные организации: неправительственные организации обзаводятся партнерами в лице частных военных компаний, военный аутсорсинг, охватывающий десятки тысяч подрядчиков, активно использовался США в Ираке, Афганистане, на Украине[3].

Вместе с тем, несмотря на стремительный рост населения планеты и числа суверенных государств, в последние полстолетия постоянно сокращается количество межгосударственных войн и вооруженных конфликтов (хотя в это трудно поверить). За первое десятилетие XXI в. только 3 из 30 крупных вооруженных конфликтов были межгосударственными — между Индией и Пакистаном, Эфиопией и Эритреей, интервенция США в Ираке. Наличие ядерного оружия уже много десятилетий сдерживает возможность крупной войны между великими державами. Число гражданских войн росло в годы холодной войны и

---

[1] *Joseph S. Nye, Jr.* The Future of Power. P. xiii.

[2] *Сергей Караганов.* Зачем оружие? // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2012. С. 10.

[3] *Параг Ханна.* Как управлять миром. С. 153.

сразу после ее завершения, но затем тоже сократилось. Это объясняется практическим прекращением постколониальных войн, столкновений на линиях соприкосновения двух лагерей в биполярной конфронтации, возросшей ролью международного миротворчества. За 15 лет после прекращения «холодной войны» завершилось больше войн, чем за предшествовавшие полвека. Из 150 крупных гражданских войн, которые велись на Земле после 1945 г., продолжается не более десяти и только в семи в последнее время гибли более 1000 человек в год. Наибольшие жертвы были в Ливии, Сирии, а в 2014 г. — еще и на Украине и в Ираке. Не прекращается противостояние на нашем Северном Кавказе. Средняя продолжительность гражданской войны сократилась с 1991 г. с 4,6 до 3,7 года[1].

Но государства по-прежнему остаются субъектами войн, хотя многие войны сейчас ведутся от имени «мирового сообщества» или в рамках блока НАТО. Однако подобные коллективные действия были бы невозможны, если бы за ними не стояла воля Вашингтона и американская военная мощь.

Большинство конфликтов в современном мире порождено нерешенностью проблем государственных границ, требованиями отдельных национальностей о создании собственной государственности. Гаагский Международный суд завален делами о территориальных спорах, в рамках Конвенции ООН по морскому праву регистрируется все больше и больше исков по разделению морского пространства.

Сокращение числа конфликтов с участием государств сопровождается ростом негосударственных, которые в среднем менее интенсивны и продолжительны, сопровождаются меньшим количеством жертв, но чаще ведут к потерям среди мирных граждан. Наряду с традиционными категориями конфликтов — межгосударственные, внутригосударственные, негосударственные — учащаются конфликты между государством и негосударственным игроком, действующим с территории другой страны. К их числу относится борьба между ливанской группировкой «Хизболла» и Израилем, угандийской «Армии бога» и рядом стран Центральной Африки. К категории «экстрагосударственных» относится и противостояние «глобального джихада» со многими ведущими странами мира[2].

Атака террористов на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября 2001 г. наглядно высветила новую проблему — глобализацию терроризма. Созданная после окончания «холодной войны» мировая система столкнулась с «антисистемным» противником, не признающим правил мирового сообщества. Террористы впервые в таких

[1] How to Stop the Fighting, Sometimes // The Economist. November 9, 2013. P. 27–28.

[2] SIPRI Yearbook 2010: Armaments, Disarmament and International Security, Summary. L., 2011. P. 4.

масштабах применяют современную технику и научные достижения. Не обладая мощными вооруженными силами и оружием массового поражения, они тем не менее способны наносить даже великим державам ущерб, сопоставимый с результатами действий крупных армейских подразделений или применения ОМП. Впервые человечество имеет дело с биотерроризмом, велика опасность ядерного, химического, радиационного и кибертерроризма. Впервые террористы проповедуют свои цели через глобальные информационные каналы.

С начала XXI века показатели террористической активности в мире увеличились в 4–5 раз. Причем всплеск террористической активности пришелся как раз на пик возглавленной США войны с террором, а большинство терактов произошло в трех странах — Ираке, Афганистане и Пакистане, находившихся в эпицентре этой войны[1]. Авторитетный американский центр RAND в докладе о состоянии террористической угрозы в мире зафиксировал в 2007 г. 28 групп исламских экстремистов типа «Аль-Каиды», которые совершили около 100 нападений, а в 2013 г. — 49 групп и почти 1000 атак. «С 2010 г. произошло повышение на 58% числа джихадистских групп, удвоение числа бойцов и утроение атак со стороны аффилированных с "Аль-Каидой" структур, — подытоживает доклад. — Наиболее серьезная угроза США исходит от террористических групп в Йемене, Сирии, Афганистане и Пакистане»[2]. По сути террористическая группа «Исламское государство» установила контроль над значительной частью территории Сирии и Ирака.

В современном мире существует растущая экономическая взаимозависимость между ведущими государствами планеты, которая полностью отсутствовала в российско-американских отношениях времен холодной войны. Но означает ли это снижение уровня конфронтационности в межгосударственных отношениях? Не обязательно. Огромная экономическая взаимозависимость между Китаем и Японией не помешала острейшему конфликту вокруг крошечных островов Спратли. Зависимость стран Евросоюза от российского газа не стала препятствием для проведения специальных расследований против Газпрома и торможения «Южного потока». Весьма сложно складываются отношения между двумя крупнейшими торговыми партнерами в мире — США и Китаем.

Центр мирового экономического развития все больше перемещается от государств развитых к развивающимся и от государств Запада к государствам Востока. Медленный экономический рост и долговые проблемы Запада — надолго, а западная модель теряет свою привлекательность, если не в России, где у нее еще много поклонников, то в мире. Повсеместно можно услышать, что те или иные успешные раз-

---

[1] Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А.Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011. С. 143.

[2] *Евгений Антонов.* Халифы революции // Мир и политика. Август 2014. С. 73–74.

вивающиеся экономики добиваются результата именно потому, что следуют своей собственной, а не западной модели. О том, что мир становится многополярным, можно уже услышать даже от президента Соединенных Штатов.

В 1990-е гг. процесс глобализации характеризовался в первую очередь активным освоением компаниями США, Западной Европы и Японии новых рынков — посткоммунистической России, Китая, Индии, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, отворивших двери для иностранных инвестиций. Но с начала XXI в. процесс пошел в обратную сторону. Все больше компаний из развивающихся стран выходят на развитые рынки, нередко через слияния и поглощения. И уже развитые страны начинают ставить препятствия на пути проникновения «новых претендентов». Если раньше вопросы развития мировой экономики решались в рамках «Большой семерки», то теперь эти вопросы стали прерогативой «Большой двадцатки», куда входят все крупные развивающиеся экономики. «Финансовый кризис сделал очевидным, что никакой международный орган, который включает Канаду и Италию, но исключает Китай и Индию не способен предложить надежные решения самым насущным современным транснациональным проблемам»[1].

Особый динамизм демонстрируют государства БРИКС, играющие растущую роль в мировой экономике и политике. «С 2001 по 2010 г. объем ВВП стран БРИК больше чем утроился — с примерно 3 трлн долл. до 12 трлн долл., обеспечив треть роста всей мировой экономики. Совокупный прирост их ВВП вдвое превысил аналогичный показатель США и был равен созданию одной новой Японии плюс одной Германии, или пяти Великобританий в течение одного десятилетия»[2], — утверждал автор концепции БРИК Джим О'Нил из компании «Голдман Сакс». Страны БРИКС последовательно увеличивают свою голосующую долю в международных финансовых институтах. На пятки БРИКС наступают другие развивающиеся экономики, которые «Goldman Sachs» назвал «следующие 11» (next eleven): Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Южная Корея, Турция и Вьетнам.

От государства в решающей степени зависит качество образования, которое становится важнейшим фактором конкурентоспособности. Все чаще вместо разговоров о «бедных странах» можно услышать о «странах с дефицитом интеллекта». Бедным странам оказывается все труднее выдерживать соревнование в этой сфере, к тому же они в первую очередь

---

[1] *Ian Bremmer.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations. L., 2011. P. 2.

[2] *Jim O'Neill.* The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICs and Beyond. N.Y., 2011. P. 4–5, 136–137.

сталкиваются с проблемой «утечки мозгов», что в перспективе ведет к возрастанию экономического и социального неравенства государств.

Итак, умирают ли государства? Нет. Даже с учетом глобализации и утраты своей монополии на международной арене они сохраняют свои центральные позиции. У государства всегда будет преимущество (или монополия) в решении таких задач, как обеспечение порядка и обороноспособности, предоставление социальных услуг, регулирование рынка, поддержание транспортной инфраструктуры, контроль за добычей природных ресурсов, регулирование миграции, решение внутренних этнических проблем и др. Но при этом государства сами должны меняться, чтобы отвечать на все новые вызовы. Возникают повышенные требования к компетенции государственного руководства и качеству государственного управления. Критическое значение приобретают состояние финансовой системы, эффективно функционирующая система правосудия, чистота самого правительства, отсутствие коррупции.

Слабое государство в современном мире могут себе позволить лишь слаборазвитые общества. Множество стран в Африке южнее Сахары имеют исключительно слабые государственные институты, но это гарантирует не демократию и процветание, а анархию и нищету. Там действительно очень низкие налоги, но это неизбежно означает отсутствие нормальных социальной политики, инфраструктуры, правоохранительных органов, плохое образование и здравоохранение. Как правило, эти государства остаются в стороне и от процессов глобализации[1].

Глобализация и становление многополярного мира сами по себе нисколько не упорядочивают систему межгосударственных отношений. Осознание этого факта подталкивает обсуждение вопросов создания трансгосударственного миропорядка.

На нынешнем этапе наибольшее значение приобретает региональный уровень интеграции государств. На нем легче, чем на глобальном, устанавливать общие для всех правила, учитывая сходство культурных традиций и экономического развития стран одного региона. В региональной интеграции государства в первую очередь стараются использовать преимущества свободной торговли, и каждый из ныне существующих торговых блоков будет пытаться усилить свое влияние через прием новых членов. Наиболее продвинутый проект региональной интеграции — Европейский союз, число участников которого составило 28.

В Азии и Африке интеграция идет более медленными темпами, что не в последнюю очередь объясняется незавершенностью процессов создания многих национальных государств. Тяга к интеграции наблюдается и между странами СНГ, создающими Евразийский экономический союз.

---

[1] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. С. 302.

Активизируются усилия государств по созданию системы глобального управления (global governance). ОЭСР, ВТО, МВФ, Всемирный банк, «Большая двадцатка» уже сейчас занимаются вопросами регулирования финансовых рынков, коррупции, конкретной экономической политики, экологическими стандартами, торговыми тарифами, которые раньше были исключительным делом национальных государств. При всеобщем недовольстве слабостью, фрагментарностью и неэффективностью системы глобального управления до настоящего времени нет единого понимания, того, как оно должно быть выстроено.

Как справедливо отмечает Параг Ханна, «сегодня глобальная политика зашла в тупик: Запад настаивает на вмешательстве во внутренние дела других государств под флагом защиты прав человека; Восток предпочитает суверенитет и невмешательство; Север напуган терроризмом и распространением ядерного оружия; Юг нуждается в продовольственной безопасности и справедливой торговле. Для стран, чье богатство основано на капитале, самое главное — биржевые курсы, а для стран, богатых ресурсами, — товарные цены. Американцы настороженно относятся к китайским компаниям, принадлежащим государству, а китайцы — к американским регуляторам. Судя по всему, выработка нового консенсуса представляется сейчас столь же далекой перспективой, что и раньше… Однако нет ни одной нации и нет ни одной организации, способной править миром. Некоторые эксперты предлагают стратегии по "приведению мира в порядок", но их утопические схемы столь же слабы в теории, сколь и неосуществимы на практике»[1].

И еще долго определяющее воздействие на ход мировых дел будут оказывать великие державы — такие центры силы, как единственная сверхдержава США, Европейский союз, Япония, Китай, Индия. В качестве такого центра выступает и Россия. Мировая система будет колебаться между попытками однополярного доминирования и фактической многополярностью.

Российская дипломатия исходит из убеждения в самоценности национальных государств, их суверенитета, возможности самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою судьбу. Глава МИД Сергей Лавров подчеркивает: «Внешнеполитическая самостоятельность России — безусловный императив. В современном глобализирующемся мире далеко не все могут себе это позволить. Для нас это — вопрос ключевой, вопрос суверенитета. Наша страна не подходит для того, чтобы ею или ее внешней политикой управляли извне… Холодная война была шагом назад в том смысле, что она принесла национальные интересы в жертву идеологии. Поэтому возврат к Вестфальской системе координат в современных международных отношениях критически

[1] *Параг Ханна.* Как управлять миром. С. 13, 14–15.

важен для преодоления наследия эпохи идеологической конфронтации. И речь здесь совсем не о том, чтобы “закрыться суверенитетом” от проблематики прав человека (на этот счет есть универсальные взаимные обязательства), а о возвращении каждого государства к прочной опоре на свои коренные, прагматические национальные интересы при уважении таких же интересов других»[1].

Но, что важно подчеркнуть, все великие державы, как и ряд других государств, входящих в «Большую двадцатку», являются стержневыми государствами, странами — лидерами для мировых цивилизаций.

Цивилизации

В конце XX в. почему-то считалось (утрирую, конечно), что в развитых демократиях, а по мере укрепления демократических институтов — и в остальных странах люди разных национальностей и вероисповеданий начнут растворяться в рамках некоего общечеловеческого и трансграничного социума, построенного по принципам западной цивилизации, а мигранты ассимилируются в принимающих их странах. Концепция множественности культур отрицалась как антизападная идея. Хантингтон уверял, что мультикультурализм «выступает против евроцентристских концептов демократических принципов, культуры и идентичности Америки. Это в основе своей антизападная идеология»[2]. Фрэнсис Фукуяма выступил с концепцией конца истории — окончательной и бесповоротной победы западной модели развития в глобальном масштабе.

Слияния не произошло, мир оказался сложнее. Люди — мы это наблюдаем повсеместно — вовсе не торопятся отказываться не только от государственного суверенитета, но и от своего «я», от национальной, религиозной идентичности. Ричард Шведер — известный культурный антрополог из университета Чикаго — в 2000 г. писал: «Тридцать лет назад многие обществоведы предсказывали, что в современном мире религия уйдет и ее заменит наука. Они предсказывали, что племена уйдут и их заменят индивидуумы. Они оказались неправы. Этого не происходит и не произойдет, ни глобально, ни локально. Мультикультурализм — факт жизни… Развитие глобальной системы мира и возникновение местных движений за этническое и культурное возрождение, похоже, идут рука об руку»[3].

---

[1] *Сергей Лавров.* Между прошлым и будущим: Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 35, 61.

[2] *Samuel P. Huntington.* Who Are We? The Challenges to America’s National Identity. N.Y., 2004. P. 171.

[3] *Richard A. Shweder.* Moral Maps, “First World” Conceits? And the New Evangelists // Culture Matters / L. Harrison, S. Huntington, eds. N.Y., 2000. P. 167.

Мультикультурализм рассматривается сегодня как официальная основа государственной политики во многих странах, например в Канаде или в Австралии. Люди все больше ищут и находят источники силы в своих цивилизационных корнях, растет национальное самоуважение. Гордость за свою страну и ее культуру мы легко сегодня обнаружим в Китае и Казахстане, Южной Африке и Южной Корее, Индии и Египте. Латинскую Америку захлестывает волна «индехенисто» — движения за обращение к традициям коренного населения континента. Аналогичное движение на юге Африки получило название «убунту».

Растущее число мыслителей обращается к анализу культурно-цивилизационных факторов для объяснения модернизации, политической демократизации, поведения этнических групп, военных стратегий, характера отношений между различными государствами. И это оказалось весьма продуктивным подходом. «Культура имеет значение», — так называлась вышедшая на рубеже веков и наделавшая много шума книга под редакцией Самюэля Хантингтона и Лоуренса Харрисона. Культура, если понимать ее широко, — это набор ценностей, верований, убеждений, поведенческих стереотипов, которые передаются из поколения в поколение и во многом определяют устремления, поведение, структуру индивидуальных предпочтений людей. Она — важный фактор, формирующий отношение людей к общественному порядку или этике, влияет на государственные институты, во многом определяет идеологию законодательства и практической политики. «Культура — мать, а институты — ее дети», — отмечал еще французский мыслитель XIX в. Алексис де Токвиль. Культурная традиция может звать к великим свершениям и к кропотливому труду. А может ориентировать на жизнь по принципу «моя хата с краю» и к лежанию на печи. Культура действительно имеет значение.

Принято считать, что цивилизация возникла там же, где и государство, и ее первопроходцами выступала та же четверка — Шумер, Египет, Индия, Китай. Последние находки ученых не дают оснований считать это доказанным. Похоже, что земледелие возникло на острове Новая Гвинея (который сейчас делят Индонезия и Папуа — Новая Гвинея) и, возможно, в Перу раньше, чем в Шумере. Возможно, письменность появилась на юго-западе Европы и в Китае тоже раньше, чем в Шумере. А старейшие монументальные здания обнаружены на Мальте. Наши знания о мире, причем не только прошлом, но и настоящем, постоянно расширяются и углубляются.

«Цивилизация» — понятие не точное. В латыни слово *civilis*, от которого и происходит «цивилизация», означало «гражданский, государственный, политический, достойный гражданина», а также совокупность гражданских качеств — «воспитанность, образованность». Аналогичное понятие можно найти и в древнекитайском языке, кото-

рое звучало как *вэнь* и означало важнейшие качества, присущие конфуцианскому «благородному мужу», или «совершенному человеку» Именно в этих значениях термин «цивилизация» вводился в употребление французскими просветителями XVIII в., выступавшими за развитие гражданского общества, в котором царствуют свобода и право. Впервые в печати его употребил в своей работе «Друг людей, или Трактат о населении» (1756 г.) маркиз Виктор де Мирабо, отец знаменитого деятеля Великой французской революции Оноре Мирабо. То есть изначально речь шла о некоем продвинутом состоянии культурного и интеллектуального развития. В схожем смысле — как этап в человеческом прогрессе, наступивший за дикостью и варварством — определяли цивилизацию Льюис Морган, Карл Маркс или Макс Вебер. Таким образом, изначально и вплоть до настоящего времени под цивилизацией в основных языках мира понимают высокий уровень культуры и/или развития страны или общества.

О цивилизациях во множественном числе — как о социокультурном феномене — заговорили в первой половине XIX в., когда появились труды Генри Бокля («История цивилизации в Англии»), Франсуа Гизо («История цивилизации во Франции») и Рафаэля Альтамира-и-Кревеа («История Испании и испанской цивилизации»). В этих книгах цивилизация по сути отождествлялась с нацией с ее специфической культурой, ментальным складом, историей, языком. Однако к тому же времени относилась уже и «История цивилизации в Европе» того же Гизо.

Концепции цивилизации в XVIII–XIX вв. носили исключительно европоцентристский характер. «“Благородная” культура XVIII в. казалась достойным возрождением аттического и римского духа, и хотя во Франции просветительский оптимизм не смог пережить ножа гильотины и кровавого побоища Наполеоновских войн, он вновь расцвел в следующем столетии в джентльменских клубах Англии, — иронизировал известный английский историк Роджер Осборн. — В наступивший Век прогресса, который совпал с эпохой подъема Британской империи, Маколей, Карлейль, Бокль объяснили читателям, что чудеса Древней Греции и Древнего Рима образуют непрерывное целое с чудесами Венеции и Флоренции эпохи Возрождения, а также с чудесами британской индустриализации… Те народы, которые находились в стороне от этой священной оси, признавались варварами, а те, что находились на ней, — носителями цивилизации. Цивилизация в дни Бокля не только сама задавала свои географические границы, она считала себя наделенной миссией “подавлять, обращать и цивилизовывать” остальное человечество — с этой точки зрения процесс колонизации всего мира представлялся некоей благотворной смесью проповедничества и морального торжества»[1].

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. М., 2008. С. 10–11.

Одним из первых, кто вывел теорию цивилизаций за европоцентристские рамки, был русский идеолог панславизма Николай Данилевский. В книге «Россия и Европа», вышедшей в 1869 г., Данилевский выделял десять исторических типов, развившихся в самостоятельные цивилизации, из которых три принадлежали «племенам семитической породы» — халдейскому, еврейскому, арабскому, два — самобытным племенам — хамитскому (египетскому) и китайскому, а остальные — арийским — индийскому, персидскому, греческому, римскому, германскому. Одиннадцатым типом, восходящим на арену мировой истории, он считал славян. Определяющим для классификации цивилизаций Данилевский считал язык и расу.

В начале XX в. цивилизационный подход — представление об истории как совокупности и чередовании социокультурных систем, порожденных конкретными условиями существования обществ, — стал весьма популярным. Его развивал Питирим Сорокин, предложивший, на наш взгляд, наиболее исчерпывающий перечень критериев, отличающих одну цивилизацию от другой. Каждая из них включает в себя идеологическую совокупность смыслов, объединенных в системы языка, науки, религии, философии, права, этики, литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, экономических, политических, социальных теорий; действия, церемонии, ритуалы; а также материальную культуру, предметно воплощающую эти смыслы; действия, церемонии, ритуалы. Каждая цивилизация рождается, достигает расцвета и умирает, уступая место новой. Исторический процесс — последовательность уникальных цивилизаций.

Серьезно взбодрил теорию цивилизаций Освальд Шпенглер, чья книга «Упадок Запада» (в русском издании — «Закат Европы») произвела в европейском интеллектуальном мире эффект разорвавшейся бомбы. Выделив семь крупнейших в истории — египетскую, китайскую, арабскую, греко-римскую, мексиканскую, семитскую и западную — он измерил средний жизненный цикл цивилизации, составляющий около 1000 лет, и эпатировал публику предсказанием неизбежной гибели западноевропейской цивилизации, подобно тому как погибли ее величайшие предшественницы.

Классиком жанра считается Арнольд Тойнби, который был не столь пессимистичен, как Шпенглер, в отношении цивилизации Запада, видя выход в его духовном обновлении. В 12-томном «Постижении истории» Тойнби предложил считать главными родовыми признаками цивилизации религию и территорию. Рассматривая цивилизации как макрокультуры, Тойнби отмечал в каждой специфические духовную и социальную структуры, институты, элиты, стадии развития: через возникновение, создание универсального государства и вселенской Церкви к надлому и гибели. В разных томах своего эпического труда Тойнби

выделял в истории человечества от 21 до 26 цивилизаций, а среди живых в современном ему мире — от восьми до десяти. Вот эти 10 живых цивилизаций, по Тойнби:

- западная;
- православно-христианская Ближнего Востока;
- ответвление православно-христианской в России;
- исламская;
- индуистская;
- дальневосточная с основным стволом в Китае;
- ответвление дальневосточной в Японии;
- полинезийская;
- эскимосская;
- кочевническая.

По не очень оптимистическому утверждению Тойнби, «полинезийское и кочевническое общество ныне пребывают в стадии предсмертной агонии, а семь из восьми оставшихся — в той или иной степени — подвергаются опасности уничтожения или ассимиляции восьмой, а именно цивилизацией Запада». Впрочем, и западная «также может пройти свой зенит и последовать за всеми уже известными нам»[1].

В 1929 г. во Франции была основана школа «Анналов», получившая свое название по издававшемуся журналу «Анналы. Экономики. Цивилизации. Общества». Больше других представителей школы писавший собственно о цивилизациях Фернан Бродель трактовал их как сложную и упорядоченную систему запретов, повелений, принципов и категорий освоения мира, которые определяют своеобразие мышления, строя чувств и действий. «Цивилизации… представляют океан привычек, ограничений, одобрений, советов, утверждений всех тех реальностей, которые каждому из нас кажутся личными и спонтанными, в то время, как пришли они к нам зачастую из очень далекого прошлого. Они — наследие, точно так же как язык, на котором мы говорим».

Вторая мировая война, когда был продемонстрирован впечатляющий раскол внутри западной цивилизация, а основатель школы «Анналов» Марк Блок был расстрелян гестапо; и «холодная война», чьи идеологические фронты пролегли по всем странам и континентам и даже внутри отдельных государств (Германия, Корея, Вьетнам), заметно дискредитировали цивилизационный подход к истории. Ее отвергали по обе стороны «железного занавеса». На Западе она мешала сфокусированному взгляду на мир как на поле битвы между силами демократии и тоталитаризма. В Советском Союзе — противоречила взгляду на историю как арену борьбы классов, имущих и неимущих.

---

[1] *Арнольд Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 455, 496.

Взрывной интерес к цивилизационной теории вернулся в 1990-е гг. после статей и книги Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка», где он доказывал: «В зарождающейся глобальной политике стержневые государства главных цивилизаций занимают места двух сверхдержав периода холодной войны и становятся основными полюсами притяжения и отталкивания для других стран»[1]. Всего Хантингтон выделял до девяти основных мировых цивилизаций:

- западная;
- латиноамериканская;
- африканская;
- исламская;
- синская;
- индуистская;
- православная;
- буддистская;
- японская.

Хантингтон уверял, что историю будущего определит конфликт цивилизаций: «Цивилизации представляют собой человеческие племена в предельной форме развития, и столкновение цивилизации суть племенной конфликт в глобальном масштабе, — пишет он. — <…> Человеку свойственно ненавидеть. Для самоопределения и мотивации людям нужны враги: конкуренты в бизнесе, соперники в достижениях, оппоненты в политике. Естественно, люди не доверяют тем, кто отличается от них и имеет возможность причинить им вред, и видят в них угрозу <…> В современном мире “ими” все чаще становятся люди из других цивилизаций». При этом мало кто обратил внимание на знак вопроса после названия книги: «Конфликт цивилизаций?» (в русском переводе он просто исчез). И на то, что Хантингтон оставлял и Западу, и остальному человечеству надежду: «Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания»[2].

Современных авторов отличает некоторый цивилизационный минимализм. Адда Боземан насчитывала всего пять цивилизаций в мире премодерна: западную, индийскую, китайскую, византийскую и исламскую[3]. Мэттью Мелко обнаружил всего 12 за всю историю человечества, из которых 7 уже прекратили существование (месопотамская, египетская, критская, классическая, византийская, центральноамериканская,

---

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 238.

[2] Там же. С. 322, 194.

[3] *Adda Boseman.* Politics and Culture in International History: From the Ancient Near East to the Opening of the Modern Age. N.Y., 1994.

андская), а пять — продолжают свою историю — китайская, японская, индийская, исламская и западная[1]. К этим пяти Шмуэль Эйзенштадт добавил еще одну — еврейскую[2].

В современной западной мысли Россию редко выделяют в качестве представительницы самостоятельной цивилизации. Фелипе Фернандес-Арместо (аргентинец, бóльшую часть жизни преподававший в Англии и Франции и закончивший свою книгу «Цивилизации» в Нидерландах) высмеивал «сумбур типа "православной цивилизации" Хантингтона, которая включает и Россию, и Грузию»[3]. Россию сейчас чаще относят либо к византийской — применительно к Средневековью, либо к западной цивилизации. Ниал Фергюсон находит немало оснований для утверждения, что «Советский Союз был настолько же продуктом западной цивилизации, насколько и Соединенные Штаты. Его основная идеология имела во многом то же викторианское происхождение, как и национализм, неприятие рабства, избирательное право для женщин: она родилась в старом круглом читальном зале Британской библиотеки. И ее географическое распространение было продуктом европейской экспансии и колонизации не в меньшей степени, чем колонизация Америки. В Центральной Азии и в Южной Америке европейцы правили неевропейцами»[4]. А в труде «Великая дегенерация» (2012) Фергюсон уверял, что СССР «в реальности был последней европейской империей, которая правила большими кусками Азии»[5].

Как бы к ней ни относиться, теория цивилизаций все больше подтверждающих ее примеров по мере того, как поднимающиеся центры силы оказываются прежними или относительно новыми центрами цивилизационного притяжения.

А теперь о цивилизациях по Никонову.

Под цивилизацией мы понимаем длящуюся в истории социокультурную общность наций и государств, которую объединяет ряд общих или схожих параметров и характеристик.

1. Географический регион, коль скоро среда обитания является исходным условием для формирования цивилизаций, особенно древних. В этом я солидарен с Фернандесом-Арместо, который определял цивилизации как «результат взаимоотношений отдельного вида живых существ со всей остальной природой, как стремление преобразовать среду для удобства человека»[6].

---

[1] *Matthew Melko.* The Nature of Civilizations. Boston, 1969.

[2] *S.N. Eisenstadt.* Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden, 2003.

[3] *Фелипе Фернандес-Арместо.* Цивилизации. М., 2009. С. 39.

[4] *Niall Ferguson.* Civilization: The West and the Rest. L., 2011. P. 15.

[5] *Niall Ferguson.* The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die. L., 2012. P. 23.

[6] *Фелиппе Фернандес-Арместо.* Цивилизации. С. 10.

Тойнби считал, что, как цикл день–ночь управляет жизнью каждого человека, так же и «цикл времен года управляет самой жизнью человека, ибо от него зависит снабжение продуктами питания… В целом эти повторяемые и предсказуемые природные события все-таки остаются хозяевами жизни человечества — даже на современном западном уровне технического прогресса — и они демонстрируют свое владычество, подстраивая человеческую деятельность под свою модель»[1]. Один из наиболее издаваемых современных геополитиков Роберт Каплан в вышедшем в 2012 г. бестселлере «Реванш географии» уверяет: «Интеллигенция, представляющая как правых консерваторов, так и левых либералов, продолжает заявлять, что идеи и действия людей определяют историю — и, конечно, они правы. Тем не менее столь же правда и то, что человеческие существа оперируют в рамках ограничений, навязываемых географией и вытекающих из нее широким набором разнообразных явлений: от устойчивых, пусть и меняющихся, национальных характеристик до расположения торговых путей и жизненно необходимых природных ресурсов — нефти, воды, стратегических металлов и минералов»[2].

Слишком благоприятные климатические условия не стимулируют развитие цивилизации. Она проявляется там, где, с одной стороны, существуют вызовы выживания (для России, например, это вызов холода), а с другой — можно создавать достаточный прибавочный продукт (в отличие от регионов Крайнего Севера, где возможна лишь кочевническая культура).

2. Религия. Макс Вебер выделил пять «мировых религий» — христианство, ислам, индуизм, конфуцианство (которое правильнее назвать учением, чем религией) и буддизм. Замечу, все пять родились в Азии. И все они, в той или иной степени, составляют фундамент основных цивилизаций. Сегодня более принято считать мировыми только три религии (по времени появления): буддизм, христианство и ислам. Религиозны (не говорю, верят в Бога, поскольку не все религии предполагают такую веру) четыре пятых человечества. Из общего числа верующих 56% являются приверженцами одной из авраамических религий, признающих единобожие — христианство, ислам, иудаизм. К христианам относятся 2,18 млрд (33% верующих, в том числе 17% католиков, 7,5% протестантов и 4% православных). Среди христиан сто лет назад больше двух третей были белыми, сегодня — 41,6%. Число приверженцев христианства продолжает расти прежде всего за счет харизматических независимых деноминаций, при этом доля жителей Африки

[1] *Арнольд Тойнби.* Цивилизации перед судом истории. М.; СПб., 1995. С. 36.

[2] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. N.Y. 2013. P. 347.

южнее Сахары выросла за сто лет с 1,4 до 23,8%. Христиане в Америке составляют 86,8% населения, в Азии — 13,1%.

К мусульманам относятся более четверти всех верующих (1,4 млрд). Иудаизм исповедуют 0,2% — 13,5 млн человек. Причем, если в начале XX в. на первом месте по числу проживавших иудеев была Российская империя, то сейчас 81% из них проживает в Израиле и США, а в России — только 205 тыс. человек[1]. Индуизм исповедуют 14% (870 млн) жителей планеты, буддизм — 7,1% (он распадается на два направления: махаяна, распространившаяся в Китае, Корее, Вьетнаме и Японии; и сохранившая более древние корни теравада, доминирующая в Шри-Ланке, Юго-Восточной Азии, Тибете, Монголии).

Одной из очевидных тенденций современного мирового развития является рост религиозности, которые еще называют «реваншем Бога». Храмы пустеют только в Западной Европе, но даже там переполнены мечети. Религиозный ренессанс происходит не только в России после десятилетий атеизма, но и в Китае, и в США, а во многих странах, прежде всего мусульманских, в Индии, Африке население всегда было почти поголовно верующим. Росту религиозности в мире способствуют средства глобальной коммуникации, модернизационные изменения в основных христианских конфессиях, связанные с введением литургии на национальных языках, более широким участием Церкви в политике, прекращение атеистической пропаганды в станах бывшего социалистического лагеря, усиление религиозной риторики в речах американских президентов (особенно Картер, Рейган, Буш-мл.), усиление исламского фундаментализма[2].

3. Языковая близость. На планете существует несколько мировых языков, которые соответствуют одной (или более) цивилизаций. Об этом мы уже говорили.

4. Особенности культуры, система ценностей. Лоуренс Харрисон в книге «Центральная либеральная правда» по сути поставил знак равенства между цивилизацией и культурой, хотя многие не рассматривают их как тождественные. Под последней он понимает совокупность «ценностей, верований и отношений, определяемых, главным образом, окружающей средой, религией и поворотами истории, которые передаются от поколения к поколению, в основном через практику воспитания детей, церковной службы, системы образования, средства массовой информации, отношения со сверстниками». Харрисон выделяет протестантскую, католическую, православную, иудейскую, исламскую, конфуцианскую, индуистскую и буддистскую культуры, считая их «грубо совпадающими» с цивилизациями из книги Хантингтона, хотя не

[1] Alive and Well // The Economist. July 27, 2013. Special Report. P. 2–3.

[2] *В.В. Толкачев.* Религиозные акторы в современной мировой политике: роль, возможности, перспективы развития // Вестник МГИМО-университета. № 3. 2013. С. 75–79.

согласен с объединением европейских протестантских и католических стран вместе с «дочерними странами» (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) в единый Запад.

5. Устойчивые черты общественно-политической организации, взаимоотношений между государством и обществом, которые часто описывают в терминах политической культуры.

6. Психологическое чувство принадлежности к общности, самоидентичность.

7. В современном мире (да не только) ко всему этому добавляется осознанная элитами геополитическая общность, стремление к региональной интеграции.

Конечно, все названные характеристики — разного порядка, и мы не найдем ни одной цивилизации, для которой все они подходили бы в полном объеме. Есть характеристики, которые частично или даже полностью неприменимы для отдельных цивилизаций. Не все характеристики в равной степени важны для выделения той или иной цивилизации или для самоидентификации ее представителей.

Так, география имеет исключительное значение для вычленения африканской, латиноамериканской, индийской цивилизаций, но менее важна для разбросанной сегодня по разным континентам цивилизации западной (хотя играла огромную роль для европейской прародины).

Религия важна для выделения специфики исламской, западной, латиноамериканской цивилизаций, но имеет куда меньшее значение для африканской или цивилизаций Восточной Азии, каждая из которой является синкретической, т.е. основанной на сочетании нескольких религий или учений (конфуцианство, даосизм и буддизм в Китае, синтоизм, конфуцианство и буддизм в Японии). Древнейшая и распространенная по всему миру иудейская религия вряд ли может быть определена как основа какой-либо современной цивилизации, а государство Израиль следует в практическом смысле рассматривать скорее как часть цивилизации западной.

Языковая близость сплачивает латиноамериканскую (говорящую на языках латинской группы), китайскую цивилизации, но не является определяющей для африканской или индийской.

Цивилизационная самоидентичность вообще трудно измерима, коль скоро люди идентифицируют себя в первую очередь со страной, этносом, даже континентом и в последнюю очередь с цивилизацией (если вообще идентицифируют).

По нашему убеждению, сегодня в мире существует девять цивилизаций, некоторые из которых распадаются на субцивилизации. У каждой из них имеется ядро, в котором цивилизационные особенности проявляются наиболее отчетливо, и периферия, где они размыты или

имеют двойственную природу. У каждой цивилизации и/или субцивилизации есть отчетливые государства-лидеры или одно отчетливое государство-лидер, которые выступают местом кристаллизации цивилизационных особенностей и центром притяжения для стран и народов, входящих в цивилизационную общность. Причем, если внутри цивилизации несколько государств-лидеров, не обязательно между ними существуют гармоничные отношения.

1. **Западная цивилизация**

- европейская субцивилизация, совпадающая в основном с границами Европейского союза. Центральные государства — Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания;
- североамериканская субцивилизация, в которую кроме лидера — США входит Канада;
- австралийская субцивилизация, где Австралия выступает лидером по отношению к Новой Зеландии и ряду прилежащих островных государств.

2. **Восточноевропейская (восточнохристианская, евразийская) цивилизация**, которую мы все же склонны выделять вслед за Тойнби и Хантингтоном. Центральное государство — Россия, цивилизационно к ней тяготеют страны, которые принято называть ядром Содружества Независимых Государств.

3. **Исламская цивилизация**

- арабская субцивилизация, охватывающая 23 страны, лидеры — Египет и Саудовская Аравия;
- тюркская субцивилизация, лидер — Турция;
- индо-персидская субцивилизация, включающая в качестве ведущих государств Иран и Пакистан.

4. **Индийская цивилизация**, в которой кроме безоговорочно лидирующей Индии представлены Непал, Бутан, Шри-Ланка.

5. **Китайская цивилизация**, которой вполне достаточно и одной страны — Китая, тем более что она дала мощнейший толчок развитию двух цивилизаций, названных следующими в этом перечне. Скорее всего сюда же в качестве субцивилизации мы отнесли бы и Корею.

6. **Японская цивилизация.**

7. **Цивилизация Юго-Восточной Азии**, в основном совпадающая с ареалом стран АСЕАН — синтетическая, становящаяся, далеко не оформившаяся, полицентричная, мультиэтническая и поликонфессиональная. Наибольший потенциал для лидерства существует у Индонезии, которая является крупнейшей, но все же периферийной страной исламской цивилизации.

8. **Африканская цивилизация**, охватывающая континент южнее Сахары. Лидер — не самая типичная для континента и ее цивилизационных особенностей страна — Южная Африка. Цивилизация исклю-

чительно разнородна, на роль неоформленных субцивилизаций могут претендовать группы стран по принципу географической и языковой (унаследованной от колонизаторов) близости.

9. **Латиноамериканская цивилизация,** где лидером выступает Бразилия при очень существенной роли Мексики и Аргентины.

В отличие от Хантингтона, мы полагаем, что людям свойственно не только ненавидеть, но и как минимум добиваться своих интересов. И этот интерес не столько в конфликте, сколько в сотрудничестве. Поэтому, полагаем, впереди нас ждет не столько столкновение, сколько «концерт» цивилизаций.

Но как его представить, концерт цивилизаций, кто будет его участниками, ведь цивилизации, как правило, бессубъектны? Существующие внутри них интеграционные группировки и альянсы (за возможным исключением НАТО и Европейского союза) весьма аморфны, не имеют наднациональных органов, наделенных полномочиями говорить от имени всех. Ответ дает наличие цивилизационных лидеров. Именно государства-лидеры являются, как правило, великими державами современного мира. И именно они являются участниками потенциального или может быть уже складывающегося «концерта» цивилизаций. Обращаю Ваше внимание: почти все государства — лидеры цивилизаций и субцивилизаций (за исключением Ирана) входят в «Большую двадцатку». О крупнейших из них в первую очередь и пойдет речь в этой книге.

Часто можно слышать, что цивилизационная матрица определяет судьбу государства, что та или иная страна, например, стала демократической в силу своей исторической традиции, а другая никогда таковой не станет из-за прямо противоположной политической культуры. Будто, например, вся российская история против нашей демократии, а исламская или конфуцианская культуры препятствуют созданию полноценной рыночной среды и демократического государственного устройства. Существует ли на самом деле приговор, проклятие культурной традиции?

Думаем, что нет. Напомним: всего три века назад на планете не было ни одного демократического государства. А значит, ни одна страна, начиная создавать демократию, не имела ее изначально в своем культурном коде.

Дэниэл Патрик Мойнихен говорил: «Главная консервативная истина заключается в том, что культура, а не политика определяет успех общества. Главная либеральная истина в том, что политика может изменить культуру и спастись от нее». Настоящий политик, безусловно, должен всегда помнить, в какой стране он работает, знать ее традиции. Но он не может быть рабом традиции. Политическая воля способна менять судьбы государств.

Пример современных Китая, Сингапура, многих других восточноазиатских стран опровергает долгое время считавшееся непререкаемым мнение Макса Вебера по поводу невозможности примирить конфуцианскую традицию с развитой рыночной экономикой, простор для которой открывает якобы только протестантская этика. Более того, именно в конфуцианской этике — с ее упором на уважение авторитета, старших, труда и образования — видят многие аналитики первопричину экономических успехов восточноазиатских стран в последние десятилетия. Турция доказала всему миру, что исламская страна может быть и демократической, и развитой.

Россия, имевшая тысячелетнюю традицию авторитаризма, за два десятилетия добилась немало в деле создания демократического общества, хотя мы не склонны и переоценивать достигнутое. Основная работа еще впереди.

Глава 2

ЗАПАД

Пришел. Увидел. Победил.

Юлий Цезарь

Самый важный игрок в современном мире — Запад. Эта цивилизация уникальна тем, что она — единственная оказала фундаментальное воздействие на весь остальной мир — через завоевания, переселения, экономическую экспансию и идеи.

Запад никого не оставляет равнодушным. Он вездесущ. В его адрес высказываются самые эмоциональные оценки — от восторженных до ненавидящих — причем как в самих западных странах, так и вовне.

Мировой гегемон?

Один взгляд: Запад всесилен и это — большой плюс, потому что он несет идеалы прогресса и демократии. С распадом СССР исчез его единственный серьезный конкурент, судьбы мира решает «Большая семерка» и НАТО и только они располагают глобальными возможностями, в том числе и военными.

Все крупные незападные экономики заметно отстают от западных по показателям ВВП на душу населения. Средний доход на душу населения в развитых странах составлял 40,4 тыс. долл., а мира в среднем — 12 тыс.[1] То же можно сказать и о качестве ВВП, его структуры. Валовой продукт западных стран в значительной степени создается в сфере услуг (около 80%), в том числе в таких ее определяющих современное развитие секторах, как наука, образование, здравоохранение, телекоммуникации, а также в наиболее высокотехнологичных отраслях обрабатывающей промышленности. Лидирует Запад и по показателям капитализации рынка, накопленным иностранным инвестициям. Государства Запада контролируют международную банковскую систему, почти все резервные валюты, лидируют в сферах НИОКР, телекоммуникациях, авиационной промышленности, производстве новейших вооружений. Западные страны являются основными потребителями в

[1] The Economist. Pocket World in Figures. 2014 Edition. L., 2013. P. 24–25.

мире. На либерализованный мировой рынок хлынули Макдоналдс и KFC, Google и Facebook. Заговорили о том, что Запад разросся до размеров Земли.

Ведущие концепции последних веков — либерализм, консерватизм, христианская демократия, анархизм, марксизм, коммунизм, социализм, социал-демократия, консерватизм, национализм, шовинизм, расизм, корпоративизм, фашизм, нацизм, христианская демократия — порождены западной цивилизацией. Трудно также не согласиться с Фрэнсисом Фукуямой, который пишет: «В современном мире просто не существует иной широко признанной идеологической системы, помимо теории либеральной демократии»[1]. Эта теория, бесспорно, западная. Ценности и доктрины, которые приходят с Запада, усваиваются значительными сегментами элиты, а порой и массами людей на разных континентах.

Хантингтон называл это «универсальной цивилизацией», или «давосской культурой»: «Каждый год около тысячи бизнесменов, банкиров, правительственных чиновников, интеллектуалов и журналистов из десятков стран встречаются в Швейцарии на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Почти у всех этих людей есть университетские степени по точным наукам, общественным наукам, бизнесу, праву; они работают со словами и/или числами, довольно бегло говорят по-английски; работают на правительства, корпорации и академические учреждения, у которых сильны международные связи, и часто выезжают за пределы своей родной страны. Они, как правило, разделяют веру в индивидуализм, рыночную экономику и политическую демократию, что также широко распространено среди людей западной цивилизации. Люди из Давоса контролируют практически все международные институты, многие правительства мира, а также значительную долю мировой экономики и военного потенциала»[2].

Запад служит предметом подражания для многих стран и народов. И у него действительно есть, чему поучиться. Ниал Фергюсон выявил шесть «убийственных» преимуществ западных стран, обеспечивших им господствующие позиции в мире.

Конкуренция. Европа была политически фрагментированной, но внутри каждой монархии или республики существовало большое количество соперничавших корпоративных групп.

Научная революция. Все прорывы в науке с XVII в. в математике, астрономии, физике, химии и биологии имели место в Западной Европе.

Верховенство закона и представительное правительство. Оптимальная система общественного и политического порядка возникла в англоя-

---

[1] *Фрэнсис Фукуяма.* Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008. С. 173.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 74–75.

зычном мире и была основана на праве собственности и представительстве собственников в избираемых законодательных собраниях.

Современная медицина. Все достижения медицины в XIX–XX вв., включая контроль над тропическими болезнями, принадлежат западноевропейцам или североамериканцам.

Общество потребления. Промышленная революция случилась там, где имелось и предложение высокопроизводительного оборудования, и спрос на большее количество лучшей и дешевой продукции, начиная с хлопковой одежды.

Этика труда. Западные люди были первыми в мире, которые соединили экстенсивный и интенсивный труд с возможностью накапливать его излишки, способствуя накоплению капитала[1].

На протяжении последних десятилетий Соединенные Штаты и их европейские союзники определяли, что соответствует нормам международного права, а что нет, каковы исключения из этих правил, сами их в одностороннем порядке навязывали или нарушали.

Запад по-прежнему в моде.

Но существует и другой взгляд: та цивилизация в упадке, чье мировое политическое, экономическое и военное могущество в сравнении с другими центрами силы неуклонно снижается. Показатели экономического превосходства Запада заметно ниже, чем когда-либо за последние три века, и имеют тенденцию к дальнейшему сокращению. Центр глобальной динамики явственно смещается из Европы и Северной Америки — в Восточную, Южную, Юго-Восточную Азию, в АТР, Латинскую Америку. Это особенно стало заметно с подъемом Китая и Индии, а экономический кризис 2007–2009 гг. только ускорил эту долгосрочную тенденцию. В 2011 г. впервые размер ВВП развивающихся стран превысил размер развитых. США перестали быть крупнейшей экономикой мира — по паритету покупательной способности валют — в 2014 г., уступив пальму первенства КНР. Параметры накопленных на Западе государственных долгов приближаются к 100% от ВВП. Сейчас по темпам роста экономики западные страны, особенно европейские заметно отстают от развивающихся. Ожидаемые темпы роста экономики в 2015 г. в Северной Америке — 3,2%, Западной Европе — 1,4% (прогноз чрезмерно оптимистичен), тогда как в Азии — 6%, Африке южнее Сахары — 4,5%, на Ближнем Востоке — 4,1%[2].

Смещение происходит и в геополитическом отношении. Территории и население стран, находящихся под прямым западным контролем, за последний век кардинально уменьшились. «В 1490 г. западные общества контролировали бóльшую часть европейского полуострова, кроме Балкан, или что-то около 1,5 миллиона квадратных миль, — под-

[1] *Niall Ferguson.* Civilization: The West and the Rest. L., 2011.
[2] The Economist. The World in 2015. P. 93.

считал Хантингтон. — <…> Когда территориальная экспансия Запада достигла своего апогея в 1920 г., он напрямую управлял территорией около 25,5 миллиона квадратных миль — почти половиной земной суши. К 1993 г. подконтрольные территории сократились наполовину, до 12,7 миллиона квадратных миль. Запад вернулся к своему изначальному европейскому "ядру", плюс он имеет обширные, освоенные поселенцами земли в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. В 1900 г. жители Запада составляли около 30% от общего населения мира, а западные правительства управляли почти 45% населения (в 1920 г. эта цифра увеличилась до 48%). В 1993 г. <…> население Запада составляло чуть больше 13% человечества…[1]

Под вопросом оказываются многие центральные для Запада идеи. Роджер Осборн с сожалением пишет: «Наверное, самую важную роль в изменении наших взглядов на цивилизацию играет растущее разочарование в наиболее могущественном западном символе веры — идее прогресса <…> Загрязнение окружающей среды, разрушение семейных и общественных связей, появление таких болезней, как СПИД, прогрессирующее распространение ожирения и психических расстройств среди подростков, почти неостановимый рост употребления "тяжелых" наркотиков, увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми (как на Западе, так и между Западом и остальным миром), новые проблемы глобализирующейся экономики — все эти суровые напоминания о том, что слова о прогрессе должны восприниматься с серьезными оговорками <…> Истории о кровавой эксплуатации остального человечества, разрушении других культур, истреблении народов, населявших привлекавшие нас земли, — все это с готовностью впитывалось поколением, чье недоверие к существующему порядку заставляло ожидать только худшего»[2].

Западное общество наполнено фобиями, о которых написал целую книгу самый видный французский политолог Доминик Моизи: «Впервые за два столетия Запад не "заказывает музыку", — пишет он. — Восприятие нашей уязвимости и относительной потери центрального положения — вот подлинная причина кризиса нашей идентичности <…> Теперь нам кажется, будто мы стали жертвами сил, которые неспособны контролировать. Азия вот-вот превзойдет нас экономически. Фундаменталисты исламского мира намерены уничтожить нас. Нас вот-вот накроет волна иммигрантов с юга… Потеря контроля над будущим является общим источником страха для всех стран Запада… Сегодня граждане по обе стороны Атлантики уже не так гордятся своими демократическими моделями существования и лидерами, которых избирают <…> Когда демократические страны проповедуют ценности,

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 118–119.
[2] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. М., 2008. С. 26.

которым не следуют на практике, они теряют моральный авторитет, а с ним и привлекательность для остального мира»[1].

Идею о том, что распространение западных моделей потребления и популярной культуры по всему миру создает универсальную цивилизацию, Хантингтон считал неглубокой и несущественной: «Нововведения в одной цивилизации часто перенимаются другими. Но это, как правило, либо технологии, никак не отражающиеся в общей культуре сообщества, либо мимолетные причуды, которые приходят и уходят, не изменяя базовой культуры заимствующей их цивилизации». Не-западные народы, искавшие успеха в том, чтобы стать как Запад, теперь, использовав многое из западного опыта, ищут вдохновение в собственной традиции»[2]. Идеи органического превосходства Запада все менее популярны в самих западных странах. Даже монополия Запада на трактовку норм международного права оказалось под вопросом, особенно после недавних событий в Крыму, который вошел в состав России, реализовав свое право на самоопределение. «Вместо эры американской правовой гегемонии и лидерства возникает мультицентричная структура, в которой растущее число государств могут играть и играют лидирующую роль по отдельным вопросам во все более гибкой и аморфной правовой системе. Эти государства включают в себя Бразилию, Россию, Индию, Китай и не только их. В Крыму Россия, пожалуй, впервые после падения Советского Союза заявила о себе как центре особого толкования международного права, что во многом бросает вызов балансу в самом сердце послевоенного порядка и способности США возглавлять этот порядок»[3].

Какой из двух взглядов адекватен? На наш взгляд, оба. Сегодня доминирование Запада неоспоримо, и он останется самой могущественной цивилизацией. В обозримом будущем он будет занимать ведущие позиции в уровне жизни, науке, инновациях, военном деле. Однако необратимые и фундаментальные перемены приводят к снижению могущество Запада по сравнению с другими центрами силы, прежде всего азиатскими.

Каковы отличительные черты западного общества, какие компоненты его опыта могут считаться определяющими в его генетическом коде? Ответы на эти вопросы, предлагаемые поколениями исследователей, расходятся в деталях, но достаточно едины в определении ключевых институтов, обычаев, событий и идей, которые можно считать стержневыми для западной цивилизации.

---

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 121–122, 123, 125, 126.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 74–75.

[3] *William W. Burke-White.* Crimea and the International Legal Order // Survival. August–September 2014. P. 66.

В фундаменте западной — первоначально европейской — цивилизации лежат очень разные компоненты:

- классическое наследие культур Древней Греции и Древнего Рима;
- Римско-католическая церковь;
- культура германских племен;
- разделение духовной и светской власти;
- политический и общественный плюрализм;
- доктрина верховенства права;
- вольный город;
- наследие Ренессанса;
- Реформация и протестантизм;
- индивидуализм;
- рационализм;
- наличие представительных органов;
- либерализм и демократия;
- рыночный капитализм;
- колониализм;
- милитаризм;
- национализм.

Эти характеристики не всегда и не везде присутствовали в западном обществе. Нередко здесь игнорировали верховенство закона и распускали представительные органы. Многие из названных выше черт проявляются и в других цивилизациях. По отдельности почти ни одна из этих особенностей не была уникальна исключительно для Запада. Но их уникальное сочетание определило его специфику. И еще — география.

Уильям Макнил в классической работе о происхождении Запада отмечал такие особенности европейской географии, как обширные и плодородные равнины, изрезанная береговая линия, дарящая большое количество естественных бухт; множество судоходных рек, текущих с юга на север, которые обеспечивали сообщение со Средиземноморским регионом; изобилие леса и металлов. Достаточно суровый, холодный и влажный климат делал жизнь достаточно сложной, что стимулировало цивилизацию, но при этом существовали удобные условия для путешествий и торговли[1].

Авторы «Современной мировой политики» из МГИМО делают важное замечание о том, что на Востоке благоприятные природные условия сформировали общество, ориентированное на поиск свободных ниш в окружающей среде, определив его созерцательный, пассивный характер. Наличие готовых к непосредственному применению

[1] *William H. McNeill.* The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, 1963.

природных ресурсов требовало объединить трудовые усилия для их использования, что привело к утверждению коллективизма.

«В Европе ограниченность готовых для непосредственного использования природных ресурсов требовала принципиально иного характера поведения — не созерцательного, а деятельностного, предопределив формирование социума агрессивного типа, постоянно ощущающего антагонизм "человек–природа", вынужденного противопоставлять себя внешней среде и строить в соответствии с этим свой жизненный уклад… В то время как Китай искал гармонии с природой, стремясь совершенствовать существующее, а не "познавать" природу в библейском смысле, Европа наращивала мускулы для борьбы, чтобы, покорив ее, восстановить гармонию уже на новых, социальных принципах. Воспроизводство и поддержание жизни предполагало постоянную, непрекращающуюся борьбу с внешним миром, ставшую важнейшим источником философской мысли и государственных институтов»[1].

Античное наследие

Ведущую роль в греческих обществах играли ахейские племена, которые стали знамениты благодаря походу на Трою, воспетому Гомером в «Илиаде» и «Одиссее». В историческое время территория, занятая эллинами, дробилась на пару тысяч мелких самостоятельных городов-государств, то враждовавших, то заключавших союзы друг с другом. Общественные системы в различных частях Греции отличались, но развивались по общей схеме. «Развитие шло весьма единообразно: сперва от монархии к аристократии, затем к чередованию тирании и демократии, — замечал великий британский мыслитель Бертран Рассел. — Цари не имели абсолютной власти, как в Египте и в Вавилонии; они правили с участием совета старейшин и не могли безнаказанно нарушать обычаи. Тирания не означала непременно плохого управления, но лишь правление человека, чье притязание на власть не основывалось на принципе наследования. Демократия означала правление всех граждан, в число которых не входили женщины и рабы»[2].

Далеко не все греческие полисы использовали демократические институты, да и сама демократия порой была сомнительной. Больше всего известно о демократии в Афинах, где эта форма правления продержалась с небольшими перерывами 170 лет. Демократия зародилась как военное собрание. Все солдаты в Афинах были рядовыми гражданами, и собрание граждан-воинов, ожидающих приказов военачаль-

---

[1] Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010. С.

[2] *Бертран Рассел.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М., 2009. С. 29.

ников, и стало первым в истории демократическим собранием. Идеал афинской демократии был изложен в речи знаменитого афинского полководца Перикла, которую он произнес в ходе войны со Спартой для сплочения войска, связав демократию, личную свободу, отвагу, гражданскую доблесть, обходительное поведение и эстетическую искушенность в неотразимое сочетание. «Перикл был первым знаменитым политиком, который считал один строй правления превосходящим всякий другой из принципиальных соображений. То, как он призвал афинян сражаться за свои ценности в войне, которая на самом деле велась по чисто стратегическим причинам, оказало сильнейшее влияние на всех последующих политических лидеров Запада»[1]. При этом в Афинах существовала политическая цензура, граждане не раз голосовали за казнь героических полководцев. Половину населения города составляли рабы.

Сократ, Платон и Аристотель — античные мыслители, оказавшие наибольшее влияние на западное мышление, — жили в Афинах в V–IV вв. до н.э., т.е. в период расцвета демократии (вообще век классических Афин укладывается между реформами Клисфена примерно в 500 г. до н.э. и разгромом при устье реки Эгоспотамы в 404 г. до н.э.). При этом все они критиковали демократию. «Разве справедливо будет, если бедные, опираясь на то, что они представляют большинство, начнут делить между собой состояние богатых?»[2], — вопрошал Аристотель. Сократ даже вошел с афинской демократией в конфликт и был казнен за то, что «развращает молодых людей, и богов, которых признает город, не признает, а признает другие, новые божественные знамения»[3].

Но важнее было постоянно поддерживаемое самими афинянами представление о существовавшей у них уникальной свободы, сообщавшее им несомненное чувство превосходства по отношению к остальным народам, которых они считали варварами. Аристотель выражал общее мнение, когда доказывал, что северные — греческие — народы смелы, южные — культурны, но одни лишь греки и смелы, и культурны. Платон и Аристотель полагали неправильным обращать в рабство греков, но не варваров. «В вопросе о касте мысль Платона и Аристотеля заражена тем расизмом, который стал одним из преобладающих пороков западного общества в последнее время, — подчеркивал Арнольд Тойнби. — Платоновская концепция “благородной лжи” — изощренное средство для внушения мысли о том, что между одним человеческим существом и другим могут существовать настолько же глубокие

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 88–89.
[2] *Аристотель.* Политика. М., 2010. С. 108.
[3] *Платон.* Диалоги. М., 2011. С. 14.

различия, как между одним животным видом и другим. Аристотелевская защита рабства производится на тех же основаниях»[1].

Из Древней Греции, которая из-за неплодородной почвы в огромной степени зависела от морской торговли для обеспечения даже продовольственных потребностей (до VI в. до н.э., когда развилась средиземноморская система торговли зерном, греки ели пшеничный хлеб исключительно по праздникам), идет западная традиция контролировать на постоянной основе жизненно важные морские пути[2].

Греция была не столько страной, сколько культурным и языковым понятием, поскольку составлявшие ее города-государства, как в калейдоскопе, складывались в узоры постоянно менявшихся союзов, которые воевали между собой. Только внешняя угроза, в первую очередь вторжение персов в начале V в. до н.э. смогла впервые и ненадолго объединить их. И только под властью македонского царя Филиппа, установившего после битвы при Херонее в 338 г. до н.э. гегемонию над Грецией, города-государства осознали себя частями общего политического целого. Время полисов подошло к концу, ему на смену пришла эпоха монархий — царств и империй.

Результатом завоеваний сына Филиппа Александра Македонского стало вытеснение Персидской империи Ахеменидов, которая два столетия доминировала от Атлантики до Бенгальского залива. «Вторжение Александра для персов и многих из их подданных было вторжением варваров, разрушительным, смертоносным и святотатственным, — пишет британский историк Джон Грейнджер. — В Индии это было очевидно даже для македонских воинов, но вавилоняне, персы и бактрийцы всегда воспринимали это именно так. Немногие приветствовали вторжение Александра: ионийские греки, египтяне, возможно, некоторые из вавилонян. Для всех остальных его карьера была в том или ином отношении катастрофой»[3]. Результатом завоеваний Александра стало создание эллинистического мира общей протяженностью 7200 км — от Испании до Северной Индии. Эллинистический мир стал моделью многих будущих культурно-государственных образований в первую очередь в Европе.

Греческая цивилизация в итоге было подчинена римской. Рим впервые вмешался в греческие дела, начав войну с эпирским царем Пирром, который ценой огромных потерь одержал при Аускулуме (279 г. до н.э.) пиррову победу. В 148 г. до н.э. после внутреннего переворота и последовавшей военной операции римлян Македония пре-

---

[1] *Арнольд Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 354.

[2] *Уильям Дж. Бернстайн.* Великолепный обмен: история мировой торговли. М., 2014. С. 56–62.

[3] *Джон Д. Грейнджер.* Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. М., 2010.

вратилась в римскую провинцию. Все следующее столетие римляне продвигались на восток, постепенно захватив весь эллинский мир. Последним к их ногам пал Египет, где императрица Клеопатра, несмотря на бурные романы с Юлием Цезарем и Антонием, в 30 г. до н.э. вынуждена была покончить жизнь самоубийством. Это явилось формальным завершением эпохи эллинизма.

Греки внесли решающий вклад в западную концепцию государства. «Понятие государства, оригинальное и жизнестойкое изобретение греческого народа, определило его историю и всю его мысль, — пишет французский историк Античности Франсуа Шаму. — Перенесенное в Рим, где оно корректировалось и обогащалось по мере использования, это понятие было передано целиком Европе, которая оттуда заимствовала в значительной степени современную концепцию государства»[1]. Для западного общества оказались важны также такие компоненты древнегреческого наследия, как представления о демократии; убежденность в собственном превосходстве, в том числе, с точки зрения государственного строя и расовых особенностей; опыт создания колоссальной империи — эллинистической; уважение к искусству и знаниям; критический разум, стремящийся все подвергнуть сомнению. Греки считали, что мир прост, логичен и может быть объяснен математическими формулами. Убеждение в том, что разум способен решить проблемы человеческого общества, примирить свободу и порядок, закрепилось в Европе.

Эллинистическая культура не исчезла с приходом римлян. Напротив, Римская империя превратилась в носителя и продолжателя теперь уже греко-римских традиций, распространяла их по Европе. Когда римляне впервые вступили в контакт с греками, то осознали, что являются по сравнению с эллинами весьма грубыми и неотесанными созданиями. Естественным отношением грека к римлянину было презрение, смешанное со страхом: грек чувствовал себя более культурным, но и более слабым. Греки были заметно выше римлян в ремесле, сельском хозяйстве, искусстве, литературе, философии, беседе. Римляне так и не предложили новых литературных и художественных форм, философских систем или научных открытий. Но они очевидно превосходили греков в военном искусстве и общественной сплоченности, составлении и систематизации законов, инженерном деле, включая строительство и прокладку дорог. В остальном римляне признавали достижения греков и усердно их копировали. Состоятельные граждане отправляли своих сыновей на учебу в Александрию, Пергам и Эфес, и даже свою родословную римляне возводили к центральному мифическому событию греческой истории — осаде Трои.

---

[1] *Франсуа Шаму.* Цивилизация Древней Греции. Екатеринбург; М., 2009. С. 226.

В Риме не было демократии. В первые два с половиной века, с момента основания Рима братьями Ромулом и Ремом (приблизительно 754–753 гг. до н.э.) существовала монархия. После изгнания последнего царя Тарквиния Гордого (510–509 гг. до н.э.) была установлена республика, в которой граждане-воины тоже играли важную роль, но высшим государственным органом власти оставался сенат, в котором доминировали представители знатных, а позже и самых богатых семей. К середине III в. до н.э. Рим подчинил себе весь Апеннинский полуостров и вступил в успешную борьбу за гегемонию в Средиземноморье. Рим формально стал империей в 27 г. до н.э., когда Октавиан получил от сената титул Августа. Максимальных границ Римская империя достигла во II в. н.э. при императоре Траяне. Именно в Римской империи Тойнби видел западное «универсальное государство <…> объединившее все эллинское общество в единую политическую общину в последний период эллинской истории»[1]. И по сей день в западном мире — и не только — продолжают жить римские политические термины и концепции — республика, сенат, конституция, консул, префект, верховенство закона.

С IV в. до н.э. Рим начал платить солдатам, воевавшим все дальше и дальше от дома. Так было положено начало одной из крупнейших профессиональных организаций в истории человечества — военной машине Рима. За девять столетий через нее прошли миллионы людей со всех уголков Европы, Северной Африки, Ближнего Востока. «Рим находился в состоянии войны почти непрерывно на протяжении 900 лет, и пока ему сопутствовала удача на поле боя, сенат и императоры держали власть в своих руках, а о демократии не возникало и речи»[2], — подчеркивает Осборн. Все существовавшие в античном мире демократии канули в Лету под имперским натиском самого Рима, и новой реинкарнации ей предстояло ждать в течение следующих восемнадцати веков.

В Риме почти отсутствовало собственное производство, за исключением строительства, город существовал за счет сбора налогов с провинций и колоний. Правительства были вынуждены организовывать нормированную раздачу хлеба для огромного количества безработного плебса, а численность столицы империи в период его расцвета доходила до миллиона человек. Лозунг «Хлеба и зрелищ» был выражением насущной политики, реальности государственного управления.

Римляне постоянно воевали на окраинах империи, а внутри нее существовал продолжительный мир, что не только способствовало распространению культуры, но и приучало людей к идее единой цивилизации, живущей под общей юрисдикцией, единым управлением.

---

[1] *Арнольд Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. С. 57.

[2] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 161.

Конечно, и за пределами Римской империи в Евразии процветали великие цивилизации, вспомним об Индии, Китае. Но у римлян существовало представление, будто они владеют всем миром, за пределами которого оставались лишь варвары, чьи земли в случае необходимости тоже могут быть завоеваны. Для большинства римлян империя выражала общечеловеческое начало, воспринималась как сила на стороне добра. Они верили, что виновниками непрекращающихся конфликтов были другие народы и, вынужденно захватывая чужие земли, они приносят всем блага римской цивилизации. Это дал повод английскому историку XVIII в. Эдуарду Гиббону повод саркастически заметить, что «обороняя себя, римляне покорили целый мир».

Рим вел войны не только «ради своих купцов», как утверждал самый красноречивый из римлян Цицерон, казненный за свои длинный язык. Римлян вела в бой честь и слава родины, непоколебимая уверенность, что своими победами они несут благо всему человечеству. Концепция человечества как единой общности, возможности существования единой универсальной культуры и единого всемирного государства, управляемого из одного центра, единой религии преследовала мысль европейской элиты со времен Римской империи. Полагаем, что здесь истоки западного мессианства.

В римскую эпоху добавился еще один важнейший компонент западной цивилизации — христианство. Оно пришло с Востока с его многовековым опытом переживаний и отчаяния, который использовал в качестве духовного противоядия веру в потусторонний мир, в жизнь после смерти. Христианство становилось наиболее эффективным средством утешения от людских страданий. После распятия Иисуса вокруг апостола Петра стала складываться община, которая из Палестины распространилась в другие восточные провинции Римской империи — Египет, Малую Азию, в местах иудейского рассеяния (диаспоры), в саму столицу империи. Строитель христианской Церкви апостол Павел (первоначально Савл, гонитель христиан, затем ревнитель новой веры, исповедовавший ее в Восточном Средиземноморье и Риме), открыл общины для всех, независимо от происхождения, положения или пола. В его Послании к галатам сказано: «Нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28). Именно усилиями Павла стало возможным принятие в лоно Церкви неевреев, чему немало ранних христиан сопротивлялось, и создание единой общины с универсальным учением. Образованный еврей и житель греко-римского мира Павел вложил в христианство уникальное сочетание ветхозаветного нравственного рвения и греческого рассудочного универсализма. Первые христиане ощущали себя членами целого, которое основывалось не на географической, а религиозной общности. Началось строи-

тельство христианской Церкви (от греч. слова «экклесия», что означает «собрание») с особым уставом и иерархией.

Римляне, управляя империей, которую населяли многочисленные народы с различными верованиями, обычно проявляли веротерпимость. Но терпимость к местным обычаям соблюдалась лишь до той степени, пока они не нарушали римских интересов. В отношении христиан в первые века его существования терпимости не было: для римлян они были опасными бунтовщиками, которые отказывались воздавать божеские почести императору, могли оказаться везде. Огромное количество христианских святых и мучеников — жертвы масштабных римских чисток. Массовые казни христиан, обвиненных императором Нероном в поджоге Рима в 64 г. — традиционная дата мученичества апостолов Петра и Павла. После этого христианство на 250 лет было объявлено Римом вне закона. Наиболее сильные гонения на христиан пришлись на годы правления императоров Деция и Валериана в середине III в. и Диоклетиана — в самом начале IV в. Христиане же следовали пророчеству Христа: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой» (Мф. 10: 23). Публичные казни лишь сильнее цементировали веру внутри общины и пробуждали интерес и восхищение со стороны язычников.

Затем свершилось чудо. Император Константин стал христианином, вероятно, надеясь, что это поможет ему в управлении гигантской разнородной империей, особенно в условиях, когда большинство его солдат, похоже, уже стали христианами. В 313 г. был принят Миланский эдикт, который уравнял христианство с другими легальными культами империи, а фактически превратил христианство в официальную идеологию. Римская империя стала христианской. Римский папа был объявлен главой Церкви. Но еще до того, как стать государственной религией, христианство впитало в себя многие элементы не только иудаизма, но и греческой традиции, чтобы передать их дальше западной и восточнохристианской цивилизациям.

В римскую же эпоху на историческую арену выходят германские племена. Взаимодействие античной средиземноморской культуры с германской и кельтской — в рамках торговых отношений, завоевательных походов, оккупации — стало центральным процессом в истории западной цивилизации. Завоевания, торговля и дороги превратили почти всю Европу, включая и не покоренные Римом земли, в единую экономическую систему. Из ее западных провинций шли металлы, зерно, пушнина, шерстяные ткани, поставлялись рабы и… солдаты.

Германские племена, не знавшие письменности, но во многом находившие смысл жизни и удовольствие в битве, около 400 г. до н.э. начали пересекать границы слабеющей империи. Они грабили римские земли и возвращались домой с богатой добычей, но вряд ли ставили

своей целью их завоевание или политическое подчинение. Для защиты от одних племен римляне привлекали воинов из других. Вскоре на службе у императора было больше готских воинов, нежели римских легионеров, и они уже возводили римских вождей на трон.

В 476 г. командир германских наемников Одоакр, под контролем которого оказалась крупнейшая в Италии военная сила и которому надоел этот фарс, просто низложил императора Ромула Августула. Поскольку после этого Одоакр провозгласил себя королем, а не императором, Западная Римская империя официально прекратила свое существование. Удаление последнего императора прошло почти незамеченным, но после этого империя постепенно развалилась на составные части. Началось Средневековье. Классическая цивилизация какое-то время еще теплилась в Ирландии, но и там была разрушена датчанами в IX в.

Что же касается Восточной Римской империи (которая отделилась от Западной в 395 г.), то она в обличии Византии просуществовала еще тысячелетие — вплоть до арабского завоевания в 1453 г., приняв участие в создании восточнохристианской цивилизации, ветвью которой является и российская.

Мостами же между Античностью и западной цивилизацией стали два основных института: множество мелких королевств, распадавшихся и вновь возникавших, под властью разных германских племен и католическая Церковь.

Тевтонская традиция

За падением Западной Римской империи последовало своего рода «междуцарствие» — от исчезновения античного и до появления собственно западного общества, — которое получило название «темные века». «Европейское христианство стало возникать как отдельная цивилизация в VIII–IX столетиях, — подчеркивает Хантингтон. — На протяжении нескольких веков, однако, она по своему уровню развития плелась позади многих других цивилизаций. Китай при династиях Тан, Сун и Мин, исламский мир с восьмого по двенадцатый век и Византия с восьмого века по одиннадцатый далеко опережали Европу по накопленному богатству, размерам территории и военной мощи, а также художественным, литературным и научным достижениям».

К германским племенам, которым предстояло главенствовать в западном мире в последующие века относились англы, саксы, франки, фризы и алеманы, чьи языки стали прародителями английского, немецкого и голландского. Германцы северной группы являются предками современных скандинавских народов. Наибольшую роль в судьбе Западной Римской империи сыграли положившие ей конец восточногерманские племена — остготы, вестготы, вандалы, бургунды, которые

рассеялись затем по всей Европе и не оставили языкового потомства. Германцы не строили храмов своим многочисленным богам, полагая нелепым ограничивать их присутствие какими-либо помещениями, для них (как и для кельтов, сыгравших меньшую роль в европейской истории и оставивших ирландский, шотландский и валлийский языки) священными местами были лесные рощи.

Их правители не имели представления о том, что значит управлять государством с постоянными границами, создавать аппарат власти или собирать налоги. Остатки римской администрации исчезли в хаосе, торговля и города приходили в упадок. Население Рима, достигавшее 1 млн человек, к VII в. сократилось до 20 тысяч. Экономическая, политическая и духовная жизнь стремительно перетекла из города в деревню. Запад перешел в основном на натуральное хозяйство малых самообеспечивающихся сельских общин. Появлявшиеся монастыри (самый первый был создан в 415 г. близ Марселя) становились центрами сельской, а не городской жизни. Короли и аристократия обитали преимущественно в охотничьих замках и загородных поместьях. У «темных веков», которые принято воспринимать как период дикости, было и свое обаяние: это была эпоха разнообразия, когда местные культуры, ремесла могли развиваться в рамках общеевропейской системы, еще не стиснутой границами, непримиримыми этническими и религиозными конфликтами, доминированием одного центра. Общество становилось плюралистичным.

Из германских племен, ставших «наследниками» Римской империи, прочное государство, имеющее прямое продолжение и в наши дни, на западе Европы удалось создать только одному — франкам. Именно им принадлежала решающая роль в выковывании западной цивилизации. Начало Франкскому государству положил Хлодвиг (годы правления — 481–511) — король салических (западных) франков из рода Меровингов, завоевавший почти всю Галлию и принявший христианство в 496 г. Последний из Меровингов Хильдерик III был свергнут и пострижен в монахи его майордомом — наследственным управляющим королевским дворцом — Пипином Коротким из династии, которая получит название Каролингов (по имени ее наиболее прославленного представителя — Карла Великого). В 751 г. на собрании франкских феодалов при поддержке папского престола Пипин был провозглашен королем, причем он стал первым европейским государем, который был помазан на царство.

Королевство Каролингов с центром в Аахене достигло наибольшего величия в период правления Карла Великого (768–814), посвятившего свою жизнь покорению соседних стран и обращению их в католичество. На своем пике Франкское королевство занимало территории современных Франции (которой дало свое название) и многих областей

Германии, Испании и Италии — от Пиренеев до Одера и от Северного моря до Рима. Это было самое крупное из западноевропейских государств в истории, если не считать недолговечных империй Наполеона и Гитлера. Он смог привлечь к своему двору ученых, собирал рукописи, способствовал книгоизданию. Энергичный строитель, он построил дворцы в Нимвегене, Ингельгейме и Аахене, первым стал возводить постройки в романском стиле к северу от Альп.

Император, в котором оставалось еще очень много от варварского короля, научился читать по-латыни, но писал с большим трудом. При нем так и не возникло административного аппарата, торговли, дорог, главный метод управления сводился к назначению герцогов, которые следили за лояльностью местных феодалов. Законы государства франков — как и Церковь — находились под сильным влиянием германских обычаев.

Представители «новой тевтонской расы», как называет новых хозяев Европы Морис де Вульф, «пассивно восприняли кое-что из культуры греко-римского мира: определенные элементы организации, юридические и политические, а также некоторые фрагментарные научные и философские идеи. На протяжении IX, X и XI вв. эти новые расы сопротивлялись тому, что получили, и все переделывали на собственный лад»[1]. Право германцев представляло собой по сути разновидность кровной мести, судьями были представители заинтересованных сторон, виновность определялась посредством ордалии, — т.е. испытанием огнем и водой или в поединке. Ордалия, или «Божий суд», проходил в присутствии священника, который как бы подтверждал, что приговор действительно выносится от имени Всевышнего. Однако при Карле Великом элементы римского права начали действовать наряду с обычным правом либо взамен его.

После падения Рима императорским титулом короновались правители Византии. Воспользовавшись тем, что престол в Константинополе занимала женщина, императрица Ирина, что противоречило традиции, Карл Великий добился титула римского императора. На Рождество 800 г., когда он присутствовал на богослужении в Риме, после мессы папа Лев III возложил на его голову корону и провозгласил цезарем. Это было не столько помазанием преклонившего голову короля, сколько отчаянной попыткой папы заручиться покровительством самого могущественного человека в Европе и обрести влияние на судьбы христианского мира. Ватикану необходим был могущественный покровитель, Карлу Великому — обоснование особого места в истории его самого и Франкского королевства, в которой он хотел видеть священную империю. Карл управлял Церковью как неотъемлемой частью

[1] *Морис де Вульф.* Средневековая философия и цивилизация. М., 2014. С. 16.

своих владений, рассматривая епископства и аббатства как феодальные бенефиции. Он запретил епископам участвовать в битвах, но проповедовал слово Божие огнем и мечом.

Значение империи Карла для будущего западной цивилизации трудно переоценить. «Именно при дворе Карла Великого возродилось старое понятие "Европа", — обращает внимание английский историк Норманн Дэвис. — Каролингам нужно было как-то назвать ту часть мира, где они господствовали, в отличие от языческих земель, от Византии и от христианского мира в целом. Так что первая Европа была мимолетным западным понятием, и оно не пережило Шарлеманя»[1].

После смерти Карла Великого его наследники развалили империю. По Верденскому миру 843 г. она была разделена на три части между его внуками. Карл Лысый получил западную, романскую часть, что стало основой будущей Франции. Людовик Германский обрел бóльшую часть восточных земель, которые станут Германией. А Лотарь I добился титула императора вместе с Австразией, восточной Бургундией, Провансом и Италией, которые стали называть Срединным королевством, надолго ставшим яблоком раздора между Францией и Германией. Распри Каролингов открыли возможности для викингов, которые стали атаковать владения Карла Лысого и Британские острова.

Последующие междоусобицы и набеги викингов еще больше раздробили империю. Графы и герцоги превращались в местных правителей, малозависевших от королей. В конечном счете монархам удалось их подчинить, но в процессе противостояния дворянство добилось многих прав, прежде всего права на собственность, которая считалась неприкосновенной. «Не все в королевстве принадлежит королю» — вот основополагающий принцип, который лег в основу концепций политических прав и свободной экономики, во многом определивших специфику Запада и его успехи.

Франкские рыцари, облаченные в недоступные менее состоятельным противникам рыцарские доспехи, на протяжении трех столетий — примерно с 930 по 1250-е гг. — не знали поражений. Контролируя Францию и Западную Германию, они, оттесняя викингов, арабов, венгерские и славянские племена прошли по всей Европе, покорили или заселили Англию, части Уэльса и Ирландии (нормандское завоевание 1066 г., которому англичане придают особое историческое значение, было лишь фрагментом более широкой норманно-франкской экспансии), Южную Италию, Сицилию, Грецию, Богемию, Моравию, Эстонию, Финляндию, Австрию, Венгрию, Силезию, Кастилию, Арагон. Франкская знать путем захватов, расчетливых браков, колонизации добилась имущественного и политического господства почти в каждом

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. М., 2007. С. 222.

европейском королевстве. Их потомки от жен из числа местной элиты, становились национальной аристократией. Вместе с католичеством франки несли и развитую систему феодализма, органически развившуюся во Франции, но насильственно навязанной местному населению всех покоренных земель во исполнение соглашений королей и рыцарей-завоевателей, заключавшихся еще до начала военных кампаний. Так, уже в X–XI вв. определились границы Запада. Россия никакой своей частью в него не входила, аристократия с франкскими корнями в нашей стране, похоже, если и оказывалась, то только в качестве приглашаемых на службу.

Франкское государство стало каркасом западной цивилизации. А Франция после этого надолго обеспечила себе роль европейского лидера. «Именно во Франции формировалось феодальное мышление, — пишет де Вульф. — Традиции морали, искусства, религии начали проявляться на земле французских провинций. Рыцарство, феодализм, организация бенедиктинцев, монастырские и религиозные реформы, романское и готическое искусство — вот примеры многочисленных плодов, порожденных французским темпераментом, и они распространились по всему западному миру благодаря тогдашним путешествиям и торговле». Французские бароны, пришедшие с Вильгельмом Завоевателем из Нормандии и Анжу, правили Британскими островами, хотя бóльшую часть времени проводили в своих французских владениях и предпочитали именно там быть похороненными. Королевский двор в Лондоне говорил по-французски и покровительствовал проникновению в Англию французского монашества[1]. Затем уже настанет пора притязаний английских королей на французские земли и престол, и разногласия разрешатся Столетней войной (1337–1453), в результате которой Англия лишится своих обширных владений во Франции.

Но прямым наследником империй Рима и Карла Великого заявляла себя Священная Римская империя германской нации, которая, словами язвительного Вольтера, не была ни священной, ни римской, ни империей, ни германской. В эпоху могущества империя включала в себя территории современных Германии, Австрии, Швейцарии, Чехии, Голландии, части Бельгии, Восточной Франции, Северной Италии, Западной Польши. Император избирался семью выборщиками — архиепископами Майнца, Кёльна и Трира, а также королями и герцогами Богемии, Саксонии, Бранденбурга и Пфальца. Империя была самой населенной частью Европы, а города Нидерландов, долины Рейна и Северной Италии были наиболее продвинутыми в техническом отношении и зажиточными частями континента. Не случайно корона импера-

[1] *Морис де Вульф.* Средневековая философия и цивилизация. С. 17–18, 23–24.

тора представляла интерес для всех великих держав, коль скоро только его обладатель носил титул римского императора[1].

Более того, контроль над Центральной Европой на протяжении веков означал контроль над всей Европой. Кембриджский профессор Брендан Симмс пишет, что все европейские лидеры, даже не имевшие имперских притязаний, были убеждены, что «борьба за господство будет определяться империей или внутри нее и составлявших ее немецких государств. Это знала королева Елизавета I, это знал Кромвель, это знал герцог Мальборо, это знали Питты, это знало командование Антанты в годы Первой мировой войны, это знал Франклин Делано Рузвельт, это знал Сталин, это знал Горбачев, это знали русские, которые яростно возражали против расширения НАТО после падения Берлинской стены, это знают элиты, выступающие сегодня за единство Европейского союза в опасении, что Германия вновь сорвется с якоря. Кто контролировал Центральную Европу на протяжении этого времени, контролировал Европу, а кто контролировал всю Европу, тот доминировал в мире… Из германского инкубатора родились все наиболее важные идеологические перемены в Европе, которые в решающей степени повлияли на мир: Реформация, марксизм, нацизм»[2].

В Средние века свое веское слово скажут и другие европейские державы — Испания, Голландия и, конечно, Италия, где располагался важнейший объединяющий центр западной цивилизации — Рим.

Папы и императоры

Римско-католическая церковь пережила империю, однако ее будущее было в чужих руках: папы оказались в изоляции в потерявшем столичное значение Риме и были вынуждены идти на поклон либо к местным — первоначально языческим — готским королям либо к Византии. Для Западной Европы сохранилось столько античной культуры, сколько ее впитала католическая Церковь.

Престиж Римской империи был той основной причиной, которая заставила завоевавших ее германцев принять христианство. Последующему превращению христианства в универсальную религию средневековой Европы способствовала его открытость для каждого: святой или грешник, король или ремесленник — каждый мог и должен был быть христианином. Такая открытость западного христианства была заложена трудами святого Августина, который создал цельную ортодоксию, удерживавшую свои позиции на протяжении тысячелетия. Религия,

---

[1] *Peter Blickle.* Obedient Germans? A Rebuttal: A New View of German History. Charlottesville, 1997. P. 44–52; *Marie Tanner.* The Last Descendants of Aeneas: The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor. New Haven, 1993.

[2] *Brendan Simms.* Europe: The Struggle for Supremacy, 1453 to the Present. L., 2013. P. 5.

основанная на признании всемогущего Бога, могла исповедоваться людьми, не достойными Его любви. Христиане должны жить праведной жизнью ради нее самой, ибо только освободившись от порабощающих порочных желаний, они могут постичь Промысел и испытать Его любовь. Книга «О граде Божьем» Августина стала самой читаемой в средневековой Европе после Библии.

Католическая церковь была теснейшим образом связана с феодальной системой через епископов, которые были крупными землевладельцами, как светскими, так и духовными, и, еще больше, через аббатов монастырей. Многие монастыри — особенно бенедиктинские, первыми из которых были Клюни и Сито во Франции, — творения военного сословия. Ненасилие раннего христианства уже со времен Константина отходило на второй план, ведь в противном случае официальная Церковь постоянно воевавших стран не могла рассчитывать на поддержку государства. И все же, прияв в свое лоно германских воинов, Церковь не признала полностью их взглядов, и они с течением времени превращались в рыцарей. Теперь у их доблести появлялось благословение Церкви. И наоборот, после бурных боевых похождений рыцари нередко уединялись в монастырях, накладывали на себя епитимью и не только показывали пример справедливого обращения со своими работниками, но и помогали привносить христианский дух в умы феодальных баронов[1].

Завоевания Карла Великого, осуществлявшиеся с благословения Рима и во многом с целью насаждения христианства изменило характер деятельности Церкви. К силе проповеди для обращения в христианство добавлялась сила меча, посланцы Ватикана должны были обучать и исправлять население, блюсти его неукоснительную верность учению. Тонкие нити, из которых ткалась папская паутина, стянули западно-христианский мир в естественное единство.

Подъем Западной Европы и папства не мог не вызвать конфликта с Константинополем, который также не без оснований считал себя столицей христианского мира, тем более, что Византия по всем параметрам находилась на гораздо более высокой ступени развития, чем франкские королевства. Сначала конфликт носил характер противоречий между западной и восточной церквями по догматическим, обрядовым и каноническим вопросам. Так, в западных церквах с VI в. утверждалось учение об исхождении Святого Духа и от Сына, которое на Востоке всегда признавалось еретическим. Восточные церкви обвиняли западную в обрядовых отступлениях, к коим относили пост по субботам, совершение евхаристии (причащения) на опресноках (пресном хлебе), а миропомазания — одними епископами, безбрачие духовенства и т.д.

---

[1] *Морис де Вульф.* Средневековая философия и цивилизация. С. 29.

С правления Карла Великого начинаются и серьезные политические расхождения. Короновав его, папа счел себя свободным от зависимости от Восточной Римской империи и стал свысока смотреть на восточных христиан и претендовать на верховенство над всем христианским миром, на роль руководителя и судьи всей вселенской Церкви, стоявшей выше Вселенских соборов. В 860-е гг., — как раз в тот момент, когда русская государственность только появлялась на горизонте, в Константинополе вспыхнул острый религиозно-политический кризис. Из-за малолетства императора Михаила III Византией управляли его мать Феодора и дядя — кесарь Варда. Феодора поставила патриархом Игнатия, но когда Варда заточил ее в монастырь, патриарха поменяли на Фотия. В этих условиях Рим решил, что настал решительный момент для вмешательства с целью захвата контроля над Константинопольским патриархатом. Папа Николай в 862 г. созвал в Риме собор из своих епископов, на котором предали проклятию Фотия и восстановили Игнатия (всего Фотий станет обладателем 16 папских проклятий) В Константинополе это решение проигнорировали, предложив в свою очередь Людовику низвести с престола Николая и собрали поместный собор, который осудил римские заблуждения.

После этого полтора века сносились с папами только византийские императоры и только по личным мотивам. В середине XI столетия папа Лев IX, взявшись восстановить позиции западной Церкви, перевел на латинский обряд церкви Константинопольского патриархата в Южной Италии и замахнулся на контроль над Антиохийским патриархатом. В ответ патриарх Константинопольский Михаил Керуларий закрыл латинские церкви и монастыри в своих пределах. Папа, не заинтересованный в полном разрыве, прислал для примирения легатов, которые, однако, проявили неуважение к патриарху. Тот в 1054 г. провел в Константинополе собор, на котором папские легаты были преданы проклятию, а во всех восточных церквях перестали поминать папу при богослужении. Окончательное разделение церквей состоялось[1]. Это событие, закрепившее разделение Европы на православие и католицизм, на Восток и Запад, сыграло исключительно большую роль в судьбах Старого Света и нашей страны.

Началось острое соперничество двух церквей за души европейцев. В XI–XIII вв. были обращены в западное христианство Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье, а восточная граница западной цивилизации стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений надолго. Этот мир по сути стал творением католической Церкви. Киевская Русь осталась в лоне Византийского содружества православных наций.

[1] *Евграф Смирнов.* История христианской Церкви. М., 2007. С. 412–421.

Крестовые походы на Святую землю для спасения ее от неверных начались в 1095 г. и продолжались почти два столетия. Римский папа объявлял о начале Крестовых походов и освящал их, что внушало крестоносцам непоколебимую уверенность в том, что с ними Бог. Хотя главной целью объявлялось избавление Гроба Господня в Иерусалиме от исламского плена, удар часто приходился именно по Византии.

Франко-норманнские рыцари изгнали византийцев из их последних западноевропейских оплотов в Южной Италии. Обострение отношений достигло пика в 1204 г., когда крестоносцы вмешались во внутридинастический конфликт в Византии и захватили Константинополь. Устроив там разбой и резню, рыцари посадили на трон графа Бодуэна Фландрского. «Колоссальная прочность Восточной Римской империи была, наконец, подорвана не степными кочевниками из Центральной Азии, не пылкими мусульманами, ведущими джихад, но своими же собратьями по вере, христианами, соперничавшими с ними в правах на одну и ту же римскую традицию, — подчеркивает известный американский историк и политолог Эдвард Люттвак. — <…> Прежде империя была на волосок от уничтожения, но всякий раз восстанавливалась; однако за падением в 1204 г. восстановления не последовало. Когда Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь в 1261 г., он стал править греческим царством, а не империей»[1]. А раскол между двумя церквями закрепился окончательно.

Не менее важно, что в результате Крестовых походов религиозная идентичность западноевропейцев стала восприниматься как единая с расовой принадлежностью. С XII в. в письменных источниках говорится о «христианском народе» или «христианской расе». Крестовые походы «сводят вместе различные народы и направляют их внимание на Восток; в то же время они воспитывают в манере до сих пор беспримерного идеала великого человеческого братства, основанного на христианской религии. Церковь охватывает все круги через своих монахов, духовных лиц, епископов»[2].

Вместе с тем на Западе власть Церкви и государства была разделена, что препятствовало созданию неограниченной монархии. Более того, конфликт между долгом по отношению к Богу и к государству, который принесло христианство, принял форму конфликта между Церковью и королем.

Потеряв мощных защитников в лице Карла и его преемников, папы стали короновать местную знать. В германской части прежней империи на престол в 936 г. взошел король Оттон I, коронованный в 973 г., и в дальнейшем титул римского императора (а вскоре и Священной Римской империи) неизменно доставался германским монархам.

---

[1] *Эдвард Люттвак.* Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 331.
[2] *Морис де Вульф.* Средневековая философия и цивилизация. С. 19.

Император считался верховным правителем всех христиан, и теоретически им мог стать правитель любой национальности.

Церковная юрисдикция Папы Римского постепенно распространилась на всю Европу — от Испании и Великобритании до Скандинавии и Польши. К XI в. в связи с окончательным оформлением феодальной системы, когда короли и аристократы стали все чаще самостоятельно назначать епископов и священников, Церковь почувствовала угрозу. Если не считать Италии и Южной Франции, контроль папы над епископатом был слабым. Это решительно изменилось со времен Григория VII в конце XI в., когда духовенство всей Западной Европы превратилось в единую организацию, непреклонно устремившейся к абсолютной власти Рима. «Папский диктат» Григория VII провозглашал главенство Церкви как в религиозных, так и в светских вопросах. Напряженность в отношениях между духовными и светскими властями не исчезала на протяжении всех Средних веков. Императоры и короли были уязвимы для обличений и проклятий со стороны Церкви, а папа мог быть силой лишен престола.

До начала XIV в. духовенство, как правило, одерживало верх в конфликте со светской властью, которая сохранилась в руках королей и баронов, стремившихся сохранить в неприкосновенности как можно больше из того, что они принесли с собой из тевтонских лесов, где не было традиции абсолютной власти. Одна из главных причин, по которой монархи западнохристианского мира соглашались с папским верховенством, заключалась в том, что папа находился в тот период вне подозрения в попытках посягнуть на сферу светской власти. Действительно, папы никогда не покушались на императорство, как императоры — на папство. Они не сомневались в необходимости существования друг друга, и борьба между ними шла вокруг соотношения их власти. В этом важная особенность Западной Европы, отличавшая ее, скажем, от Византии, где император воспринимался как правитель, вершивший и светские, и духовные дела, а патриарх назначался с его согласия. И лишь позднее, когда нити Ватикана начали превращаться в железные обручи, которые ощутили и короли и народы, положение стало кардинально меняться.

«В течение всей западной истории сначала Церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства, — подчеркивал Хантингтон. — Бог и кесарь, Церковь и государство, духовные и светские власти — таков был преобладающий дуализм в западной культуре. Только в индусской цивилизации было столь же четкое деление на религию и политику. В исламе бог — это кесарь; в Китае и Японии кесарь — это бог, в православии кесарь — младший партнер бога. Это разделение и неоднократные столкновения между Церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой

из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе»[1].

В 1378 г. попытка возвратить папство в Рим из авиньонской ссылки привела католичество к «Великому расколу», или «Великой схизме», и появились два папы — один в Риме, другой — в Авиньоне. Каждый из них добивался расположения могущественных светских правителей, соперничавшие папы удерживали власть с помощью союзов и сделок с королями, все больше попадая в зависимость от них. С этого времени стала привычна торговля как духовным, так и материальным — от отпущения грехов и спасения души до аббатств и епархий, что подрывало моральный авторитет Церкви и еще больше ослабляло ее перед лицом светской власти[2].

Феодальный плюрализм

Одна из основных особенностей западной цивилизации — заметно более высокий уровень политического и общественного плюрализма и соперничества, причем, как между государствами, так и внутри них. «Европа была исключительно разделенным континентом, — подчеркивает Брендан Симмс. — Она была вовлечена в непрекращающиеся конфликты на протяжении всех Средних веков: между императором и папой, между основными монархами, между городами-государствами и территориальными принцами, между различными баронами, между соперничавшими городами, между крестьянами и землевладельцами. Католическое единство находилось под атаками лоллардов в Англии, гуситов в Богемии, альбигойцев в Южной Франции и множества других сект»[3].

Истоки плюрализма этого следует искать в «темных веках», характеризовавшихся исчезновением римской власти и отсутствием какой-либо еще. Германский вождь после распада Римской империи превратился в короля, у которого, однако, не было ни регулярной армии, ни стройной системы налогов, ни бюрократии. Он повелевал больше своим воинством, которое становилось знатью, нежели конкретной территорией или народом. Границы между владениями были размытыми и часто не имели никакого практического значения. Как подчеркивает Норманн Дэвис, именно «беспорядок породил феодализм»: «Здесь трудно отделить причины от следствий; но дробление (и ослабление) политической власти и беззащитность населения на местах привели к таким политическим, правовым, общественным, экономическим и военным последствиям, которые все вместе сформировали то, что позд-

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С.
[2] *Барбара Такман.* Ода политической глупости: От Трои до Вьетнама. М., 2013. С. 66.
[3] *Brendan Simms.* Europe: The Struggle for Supremacy… P. 2–3.

нее теоретики назовут феодализмом. На деле феодализм не был единообразной системой: он существовал во множестве вариантов и поэтому требует самых разных определений <…> В этой системе ключевыми стали лошади, вассальная зависимость, пожалование леном (поместьем), (юридическая) неприкосновенность, личные замки и рыцарство»[1].

Главной заботой короля было содержание сильного войска, ударной частью которого в раннее Средневековье с тяжелой руки Персии и Византии стала тяжелая кавалерия, требовавшая громадных коней, способных нести на себе всадника в доспехах. Первым в Западной Европе такую кавалерию ввел Карл Мартелл в государстве франков, для содержания которой ввел ленную систему и секуляризировал церковные земли. Поэтому нередко именно его считают «основателем европейского феодализма»[2]. Основной задачей было создание таких условий, которые позволяли бы значительному слою рыцарей учиться воинскому искусству, нести службу и одновременно покрывать очень большие затраты на коней, доспехи и свиту. Именно потребность содержания большой прослойки высококвалифицированных кавалеристов — шевалье, кабальеро, рыцарей, шляхты — связала землю со службой.

Король наделял землями своих ближайших сподвижников. За это новая знать должна была обеспечить в случае необходимости войско королю. Земля, передаваемая в собственность, получила название феода (лен, надел), что и дало название общественно-экономическому строю.

Теоретически король продолжал владеть землей, но на практике она становилась наследственной собственностью феодала, который был связан лишь клятвой. Вассальная зависимость выросла из римской практики коммендации, при которой патрон скреплял предложение о защите пожатием рук с клиентом. При Каролингах вассал и сюзерен стали приносить клятву верности, скрепленную поцелуем и наделением вассала символом его положения — знаменем, мечом, соглашением, феодом. Подданный обещал хранить верность своему повелителю, пока тот защищал его. Королевская власть, таким образом, подразумевала негласно договорный характер отношений правителя и подчиненного, и эта идея никогда не умирала в Западной Европе. Это предопределяло слабость феодальных монархов и монархий.

Расплата за феод первоначально исчислялась количеством рыцарей, выставляемых с определенного участка земли. Затем добавились службы по охране замков и дворцов, участие в совете (consilium) при сюзерене и в его суде, разные формы «помощи» (auxilium), включая денежную — на выкуп сюзерена из плена, на посвящение в рыцари его старшего сына, на приданое старшей дочери или на Крестовый поход. Взамен вассал получал доход со своей земли и судебную власть над

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. С. 227.
[2] *Hugh Trevor-Roper.* The Rise of Christian Europe. L., 1966. P. 96.

всеми ее жителями. В случае невыполнения обязательств земля и доход с нее возвращались владельцу. В принципе контракт терял силу в случае смерти одной из сторон. Однако вассалы делали все, чтобы превратить свои владения в наследственные, иметь право делить землю и распоряжаться ею. Сюзерены, напротив, всячески противодействовали наследованию женщинами, а также малолетними и недееспособными. Принято считать, что феодализм начинается с того момента, когда ленные поместья становятся наследственными, и эта практика сливается с вассальной зависимостью в единое целое[1].

Центральной административной фигурой франкской Европы становился граф — местный родовитый помещик или назначенный правитель, который собирал налоги от лица сюзерена и своего собственного, председательствовал в суде и руководил местным ополчением в военном походе. Слияние военных и гражданских функций являлось фундаментальным принципом европейского феодального общества.

На высшем уровне пожалование феода предполагало договор между королем и главными держателями земли. Но сами эти держатели могли жаловать свою землю собственным держателям, а те — своим и т.д. При том же Карле Мартелле землевладельцы, включая Церковь, начали облагать все большими налогами крестьян-землевладельцев, выстраивая и закрепляя систему сеньориальных и феодальных обязательств. Община очень рано начала распадаться. На самом низовом уровне владелец вотчины давал участок земли семьям своих сервов в обмен на службу в виде неоплачиваемой обработки господской земли. Поскольку это был договор между свободным и несвободным, взаимных обязательств, как на верхнем уровне, не возникало. Так происходило закрепощение крестьянства. Но это не было рабство, поскольку тоже предполагался контракт — земля за службу и защита за преданность. Например, в Северной Италии крепостные приносили своим хозяевам клятву, как рыцари своему синьору. Крестьянство было прикреплено к земле и служило суверену, который в свою очередь служил королю.

Западноевропейское общество оказывалось исключительно иерархическим. Верденский договор 843 г. исходил из принципа, что «каждый человек должен иметь господина». Теоретически, свободными были только император и Папа римский, но и они считались слугами Господа. Это давало человеку точку координат, четкую ячейку в обществе, создавало определенную защищенность, но также формировало жесткую систему подчинения.

Однако плюрализм пробивал себе дорогу в виде возраставшего партикуляризма, развития системы иммунитетов, расширения системы договорных отношений между монархами и их вассалами.

---

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. С. 228.

«В континентальной Европе и в меньшей степени в англо-нормандском королевстве Вильгельма Завоевателя феодализм появился, когда королевская власть была в упадке, — подчеркивал Доминик Ливен. — Преимущественно эта система сложилась на нижнем уровне феодального рыцарства в качестве защитного механизма от произвола крупных лендлордов. Рыцарь служил и повиновался только своему непосредственному господину, а не господину господина — какому-то далекому королю <…> Западноевропейские феодальный контракт прежде всего являлся взаимообязывающим. Вассал имел право оказать сопротивление монарху, нарушившему свои обязательства. Чтобы избежать конфронтаций между королем и его аристократическими вассалами, этот контракт записывался и утверждался в качестве закона. Английская Великая хартия вольностей 1215 г. представляет собой самый известный пример такого контракта»[1]. Сложная система бенефиций, соглашений, пожалований, хартий, договоров создавала взаимозависимость между крепостным и его господином, даже между рабом и высокопоставленным придворным, включая самого короля. В конечном счете монархам удастся всех подчинить, но в процессе противостояния дворянство добилось многих прав, прежде всего права на собственность, которая считалась неприкосновенной.

Автономные социальные группы формировались во многом на основе иммунитетов — освобождений от налогов и иных повинностей. Поначалу иммунитеты предоставлялись Церкви — приходам, монастырям, монашеским орденам, но затем они стали распространяться на множество других институтов, а также корпорации типа гильдий. Присутствовали относительно самостоятельная аристократия, крепкое крестьянство, небольшой, но значимый торговый класс. Сила феодальной аристократии была особенно значима в сдерживании абсолютизма. Конечно, ни о какой демократии в Средние века речи не шло, но европейские элиты по большому счету были свободными, и требования политических прав были распространены и среди небедной части населения[2].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что все эти разногласия и плюрализм сопровождались появлением растущей общей идентичности людей в Западной и Центральной Европе. Почти все пребывали в лоне католической Церкви, признавая моральный авторитет папы, видели угрозу в исламе, образованные классы объединяло знание римского права и латыни, феодальные политические и социальные структуры были схожими. На уровне самоидентичности Запад уже существовал в позднее Средневековье[3].

---

[1] *Доминик Ливен.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 390.

[2] *Samuel K. Cohn, Jr.* Lust for Liberty: The Politics of Social Revolt in Medieval Europe, 1200–1425. Italy, France and Flanders. Cambridge (Mass.); L., 2006. P. 228–242.

[3] *Robert Bartlett.* The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350. L., 1993. P. 291.

Представительство, самоуправление и закон

Ни одна другая современная цивилизация не имеет тысячелетней истории представительных органов. Исландский альтинг — наверное, самый древний парламент и судебное собрание на планете (а сейчас, пожалуй, и самый маленький по размерам своего здания) был учрежден в 930 г. Он собирался на две недели каждое лето в местечке Тингвеллир, участвовать в его работе могли все желающие, а вожди округов-годордов — годи — обязаны были участвовать. Представительство на национальном уровне дополнялось определенной автономией на местном, чего тоже почти не наблюдалось в других регионах мира. На местном уровне начиная с IX в. также стали возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем и в трансальпийских странах.

Смысл сословного представительства заключался в обсуждении жалоб и получении от сословий вотума на ассигнования центральной власти. С его помощью аристократия, высшее духовенство, а в ряде случаев и города вступали в «договор безопасности» с королем, которому обещали военную помощь и поддержку в обмен на защиту от врагов и гарантии земельных прав. Эта — феодальная — конструкция легко прослеживается в английском, ирландском и шотландском парламентах, в Генеральных Штатах Нидерландов и Франции, кортесах в Кастилии, в германском рейхстаге, аналогичных органах в Венгрии, Швеции, Польши[1]. Европейская политическая культура — правда, не всегда — предполагала договоренности: кто, на что и сколько налогов будет платить. Отсюда родился принцип: никаких налогов без представительства.

Российская медиевистка Н.А. Хачатурян оценивает «сословно-представительный режим как наиболее яркое достижение политической средневековой истории, неизвестное предшествующей мировой практике, и уникальное, так как было рождено творчеством только европейских народов. Оно стало возможным благодаря сословной самоорганизации европейского общества и его социальной и политической активности, которые преобразовали многовековую историю средневековой государственности, замыкающейся на фигуре государя… “Все, что происходит, не имеет силы, пока сословия это не санкционируют, и никакой институт не существует здраво и основательно, если поднимается против них или действует без консультации с ними”, — заявляли французские депутаты в Генеральных штатах 1484 г. <…> Ответная, отнюдь не благоприятная, но столь же показательная реакция власти:

[1] *H.G. Koenigsberger.* Parliaments and Estates // The Origins of Modern Freedom in the West / Ed. by R.W. Davis. Stanford (Cal.), 1995. P. 135–177.

"они возомнили себя господами, забыв о том, что являются подданными", — отчетливо отразила неоднозначный характер взаимодействия политических сил, обреченных быть в связке. Политическая автономия сословий ставила существенные ограничения притязаниям королевской власти и предполагала их право на диалог с монархом, который принимал самые разнообразные формы — от частных консультаций и локального договора до самого яркого его выражения — в рамках сословно-представительного учреждения»[1].

В Средние века парламенты не были постоянными органами власти и не принимали законы. В некоторых случаях во времена абсолютизма эти органы были запрещены или их власть существенно ограничили. Но именно сословно-представительные учреждения обеспечили формы представительства, которые в Новое время стали развиваться в институты современной демократии.

Одним из главных форпостов западной цивилизации становились вновь начавшие расти города. С XI в. Западная Европы переживала бум каменного строительства, когда всю ее поверхность стали покрывать кафедральные соборы, монастыри и замки. Наступила эпоха великих романских и готических соборов. Средневековая Европа делала акцент на коммерческой деятельности городов: первоначально возникавшие там храмы и казармы окружались плотным кольцом рынков, купеческих и ремесленных кварталов и складов. Признание особого статуса и роли городов было отмечено началом дарования им королевских хартий. Получая особые привилегии, стимулировавшие экономическую активность, средневековые города обретали особую юрисдикцию, а горожане оказывались более свободными в выборе своих занятий, нежели крестьяне. Макс Вебер подчеркивал, что «в городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип: "городской воздух приносит свободу"»[2]. В средневековых городах Европы исчезало, теряя свое экономическое значение, рабство. «Могущественные цехи нигде не допустили бы возникновения слоя ремесленников из рабов, платящих подушную подать господину, в качестве конкурентов свободных ремесленников»[3]. Городами управляли выборные советы из наиболее зажиточных и влиятельных лиц, которые из своей среды в свою очередь избирали бургомистра, или мэра.

Следует подчеркнуть, что определенный плюрализм сохранялся и тогда, когда монархи, конфликтовавшие с феодалами и парламентами, постепенно стали брать верх, в казну ведущих государств начало поступать золото из заморских стран, услуги парламентов для пополне-

---

[1] *Н.А. Хачатурян.* Власть и общество в Западной Европе в средние века. М., 2008. С. 10.

[2] *Макс Вебер.* Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 330, 332.

[3] Там же. С. 332.

ния казны оказались излишними, шел процесс усиления контроля над городами, областями, церквями, гильдиями и отдельными людьми со стороны все более централизованного государства. То есть, когда монархии становились абсолютными. Но это не означало абсолютизма. Почему? Потому что существовал закон и органы представительства, также ставившие предел верховной власти.

Концепция верховенства закона было унаследована от римлян. Точнее, от византийцев, поскольку кодификацию римского права, начиная с эпохи Адриана, осуществил император Византии Юстиниан в VI в. В конце XI в. его «Корпус гражданского права» был заново открыт в Италии и лег в основу канонического права, а также светских занятий юриспруденцией в Болонье, положивших начало первому настоящему университету, а равным образом и западной юриспруденции, распространившись оттуда по всему миру[1].

В эпоху абсолютизма — во времена Людовика XIV — Жан Бенинь Боссюэ, епископ Мо, знаменитый французский писатель и проповедник, так определял границы власти монарха:

«Государь никому не должен давать отчет.

Государь выносит окончательный приговор.

Государь не может подвергаться принуждению.

Но при этом короли не свободны от исполнения закона»[2].

Как видим, последнее положение ограничивало. О каких законах шла речь? Прежде всего король должен был чтить Божественные законы: пренебрежение десятью заповедями освобождало бы подданных от обязанности подчиняться. Король обязан чтить естественный закон, наделяющий человека разумом, справедливостью и чувством долга. Он должен составлять законы, опираясь на разум и справедливость, иначе подданные не будут их исполнять. Наконец, монарх обязан был уважать своих подданных, соблюдать уже существующие законы королевства. Монарх не должен был покушаться на собственность подданных, присваивать их достояние или распоряжаться им по собственной воле. И он не мог полностью не считаться с представительными органами и корпорациями — провинциальными, городскими, профессиональными, судейскими. Правда, тот же Людовик XIV нарушал едва ли не все заповеди.

Законодательство на Западе настолько наполнено римским наследием, что вплоть да XX в. юристам необходимо было владеть латынью. Бóльшая часть действующего сегодня договорного права, законов о собственности, наследовании, долговых обязательствах, диффамации, а также правила судопроизводства и свидетельских показаний представляют собой вариации на тему римского права.

---

[1] *Эдвард Люттвак.* Стратегия Византийской империи. С. 128.

[2] *Эрик Дешодт.* Людовик XIV. М., 2011. С. 96–98.

Фарид Закария подчеркивает роль права в кристаллизации западной цивилизации: «На протяжении большей части современной истории власть в Европе и Северной Америке характеризовалась и отличалась от других правительств мира не демократичностью, а конституционным либерализмом. “Западную модель управления” точнее всего символизирует не массовый плебисцит, а беспристрастность суда»[1]. Замечу, правление закона, отраженное в Великой хартии вольностей, в магдебургском праве на шесть-семь веков предшествовало появлению выборов.

Западноевропейские города были небольшими по размерам и населению, если сравнивать их с Римом времен его империи или с городами Востока. Рим достиг миллионной отметки на рубеже нашей эры, подсчитал профессор из Стэнфорда Иан Моррис. В следующий раз повторить этот показатель в Европе смог Лондон только в XIX в. После падения Рима крупнейшим городом на планете стал Константинополь — 450 тыс. жителей в 500 г. н.э., но затем и его население неуклонно сокращалось, достигнув к 700 г. 125 тыс. человек. Вскоре его обойдут Багдад, Каир, а затем испанская Кордова, которая в 900–1000-е гг. под властью арабов была самым населенным городом европейского континента. Но примерно с конца VI в. н.э. и до конца XVII в. крупнейшими на Земле были китайские города (последовательно): Сяньян, Кайфен, Гуаньчжоу, Нанкин и Пекин. Лишь потом Лондон и Стамбул возьмут кратковременный реванш, чтобы в XX в. вновь уступить первенство неевропейским городам[2].

В 1500 г. в Европе насчитывалось более пятисот государств, городов-государств, княжеств и герцогств. Городская автономия развилась особенно сильно в тех регионах, где как следствие борьбы императоров и пап, не существовало централизованной власти, — на территории современных Германии и Италии. Именно там зародились ключевые для будущего европейской цивилизации феномены — университеты, Возрождение, Реформация, а затем и Просвещение.

Позитивное знание, Возрождение и Реформация

Пионером европейской учености, как и феодализма, выступала Франция, хотя независимые школы и университеты с XI в. возникали в Италии (Болонья), меньше — в Англии и Германии. Но все же поговорка XII в., нашедшая отражение в хрониках, гласила: «В Ита-

[1] *Фарид Закария.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 10.

[2] *Ian Morris.* The Measures of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations. L., 2013. P. 144–165.

лии — папство, в Германии империя, а во Франции — учение». Первые школы создавались вокруг монастырей и аббатств, среди которых большую роль сыграли бенедиктинские ордены Клюни и Сито. Французские школы соревновались друг с другом, приумножая библиотеки, приглашали известных преподавателей, привлекали студентов из разных стран — Англии, Испании, Шотландии, Германии. Как тут не вспомнить песню на стихи вагантов: «Во французской стороне не чужой планете предстоит учиться мне в университете». Преподавание было монополизировано духовенством, а международная иерархия церкви, повсеместное использование латыни как языка науки заложили основы общеевропейского профессорского братства и мобильности студентов. Среди знаменитых преподавателей, уже в XII в. странствовавших из одной школы в другую, можно назвать Ансельма Лаонского, Абеляра, Алана Лилльского, Гильома де Шампо и др.

В раннее Средневековье программа обучения включала тривиум — грамматику, риторику, диалектику — и квадривиум — математику, геометрию, астрономию, музыку. Учебники включали в себя труды средневековых грамматиков, Вергилия, Сенеки, Горация, Евклида, «Органон» Аристотеля. В XII в. от теологии начинает отделяться философия, ученые мужи единодушно повторяют слова Боэция: «Persona est rationalis naturae individual ubstantia» («Личность есть неделимая индивидуальная субстанция разумного порядка»).

В начале XIII в. король Филипп II Август (он же Филипп Кривой) даровал привилегии Парижскому университету (слово *universitas* взято из римского права и означает «корпорация, или группа»), который затмил епископальные и монастырские школы, надолго став ведущим в Европе. В нем были факультеты теологии, искусства (куда входили основные гуманитарные и естественно-научные дисциплины), права и медицины. Студентами становились в 14 лет и к двадцати годам могли окончить факультет искусств, после чего имели право поступить на другие. Готовили почти исключительно к преподавательской деятельности: нужно было пройти бакалавриат, лиценциат, и магистратуру. Уже на стадии бакалавриата необходимо было прочитать публичную лекцию и представить диссертацию, процедура защиты которой длилась порой весь Великий пост и предусматривала ответы на многочисленные вопросы профессуры и коллег. Магистратура представляла собой введение в должность недавнего дипломированного выпускника в корпорацию мастеров — членов факультета, доступ в которую разрешен по согласию всех ее членов и после принятия клятвы верности ректору и факультету.

Парижский университет был особенно знаменит преподаванием философии и теологии. Среди его преподавателей были итальянцы Бонавентура и Фома Аквинский, немец Альберт Великий, бельгиец

Генрих Гентский, датчанин Боэций Дакийский, англичане Роджер Бэкон и Уильям Оккам. Болонский университет — близнец Парижского — и Оксфорд были знамениты своими школами права. Европейское высшее образование изначально развивалась как унифицированная международная система. Прежде всего потому, что университеты были церковными заведениями, в которых готовили либо к служению среди паствы, либо к научным занятиям под сенью монастырей. Изучение права тоже было важно, поскольку Церковь не оставляла надежд подчинить своей юрисдикции и светский мир.

Однако тогда же европейцы убедились, что… не так уж много знают. Почему? Потому что Крестовые походы и взаимодействие с арабами на юге Италии и в Испании позволили Европе открыть мир византийской и мусульманской науки. На рубеже I–II тыс. страны ислама находились на более высоком уровне развития, чем Европа. Когда европейские аристократы во время Крестовых походов прибыли на Святую землю, знатные арабы поражались, насколько они грубы и необразованны. После покорения арабскими воинами Ближнего Востока классические греческие тексты, сохранившиеся и имевшие переводы на арамейский и персидский языки, обрели новую жизнь в умах и творениях исламских мудрецов. Труды Платона и Аристотеля стали частью канона Арабского мира, как и достоянием Византии. Полтора века Западная Европа активно переводила на латынь ранее неизвестные ей труды — в испанском Толедо, в Греции, в Королевстве обеих Сицилий — с греческого, арабского, арамейского. Запад не только вновь — через полтора тысячелетия — познакомился с основными трудами Аристотеля («Метафизика», «Физика», «О душе»), Платона, неоплатоников, Прокла. Он узнал работы аль-Фараби, Авиценны, Аверроэса и многих других выдающихся исламских ученых и мыслителей. Огромная работа переводчиков была закончена примерно к 1270-м годам, после чего оказалась возможной систематизация науки, классификация человеческих знаний (не всех, китайские и индийские познания, еще более продвинутые, станут известны Европе позже) и особый вклад в это внес Фома Аквинский[1]. Именно тогда античные Греция и Рим были включены в культурную родословную западной цивилизации, а сами европейцы познакомились с арабскими цифрами (которые, вообще-то были изобретены в Индии), с алгеброй и химией.

Европа теперь постигала науку, главным образом, по вновь открытым трудам Аристотеля — по логике, медицине, астрономии и математике, и авторитет их был непререкаем. Кроме того, в программы университетских курсов входили Библия, труды Августина, Кодекс Юстиниана, которые составили основу курсов по богословию

[1] *Морис де Вульф.* Средневековая философия и цивилизация. С. 37–75.

и праву. Систему наук можно было сравнить с пирамидой, состоящей из трех больших ступеней. В основании находились эмпирические науки, такие, как астрономия, ботаника, зоология, физиология, химия, которым обучали в первую очередь. В середине конструкции размещалась философия, распадавшаяся на теоретическую (физика, математика, метафизика), практическую (логика, этика, социальная и политическая философия) и поэтическую. Только после этого можно было подступать к вершине знаний — теологии, которая в свою очередь распадалась на доктринальную (библейскую и апологетическую) и мистическую.

Эпоха Возрождения началась на рубеже XIII–XIV вв. в Италии, которая насчитывала около 300 городов, живших фактически как независимые государства. Исторический смысл Ренессанса заключался в начале секуляризации европейского общества, выхода его за рамки строгой католической догмы. Люди эпохи Возрождения назвали времена античных Греции и Рима классическим, т.е. лучшим, непревзойденным периодом. Язык и литература классического Рима вошли в моду, искались и находились античные манускрипты. Брунеллески и Донателло потратили годы на раскопки в римских развалинах, которые раньше не вызывали никакого интереса. Высшей похвалой художнику стало сравнение его творений с наследием древних. В архитектуре, скульптуре, живописи, литературе итальянское Возрождение стало дарить творения, сравнимые с достижениями классической Греции.

Сформулированная Августином и папой Григорием VII доктрина отречения от мирских благ и сосредоточения на молитве уступила место социальной активности и стремлению к успеху. «Эпоху Возрождения можно охарактеризовать интеллектуальным “отклонением” от магистрального идеологического направления, переворотом, направленным против ограничений, которыми веками сковывались желания, любознательность, индивидуальность человека, стремления к познанию мира и удовлетворению вожделений тела… Изменилось восприятие мира, он виделся не статичным и бесцветным, а ярким, динамичным, скоротечным, переполненным эротической энергией и жаждущим изменений»[1]. Купцы эпохи Возрождения тратили деньги на произведения искусств и хотели чувствовать себя столь же добродетельными, сколь и их предшественники, жертвовавшие средства церквам и монастырям. Отсюда возникла концепция гражданского гуманизма, в котором вместо Церкви функцию нравственного ориентира начал выполнять особый настрой мысли и чувства, воспитываемый классической литературой как камертоном благородной традиции республиканства, личного самосознания и самосовершенствования.

[1] *Стивен Гринблатт.* Ренессанс: У истоков современности. М., 2014. С. 17–18.

Особенно выделялась Флоренция. В XIV веке город наполнили монументальные сооружения, такие, как Санта-Кроче, Санта-Мария Новелла, палаццо Веккио. В эпоху Кватроченто (XV в.) стала активно развиваться частная архитектура, влиятельные семьи построили сотни дворцов. Фра Анжелико создавал фрески в монастыре Сан-Марко, Лука делла Роббиа получил известность непревзойденного мастера керамики и терракоты, а Донателло — скульптора (вспомните пластичность статуи Давида). Изменился статус людей искусства, которые стали пользоваться широким вниманием и защитой у меценатов, приближение их к себе становилось козырем в политической игре влиятельный семей. Важность, которая придавалась людям искусства, распространялась понемногу на философов и писателей, таких, как Боккаччо, Данте, Петрарка, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола. Скульпторы, художники, граверы, осознавая свою общественную роль, теперь подписывали свои творения, начали изображать самих себя, стали требовательны к размеру своего вознаграждения. Микеланджело стоил очень дорого. Донателло отказался снимать шляпу перед епископом Падуи, мотивируя это тем, что они оба были великими людьми, пусть и каждый в своей области[1].

В Италии формировались и новые формы хозяйственных и политических отношений. Ломбардия и Тоскана служили теми лабораториями западного мира, где шел удавшийся эксперимент по созданию международного коммерческо-промышленного общества.

К концу XV в. итальянцы чувствовали себя настолько выше остальных европейцев, что возродили понятие «варвары» для всех народов, обитавших по ту сторону Альп. И остальная Европа чувствовала и признавала это превосходство. Вспомните, более трех четвертей пьес Вильяма Шекспира основано на итальянских сюжетах. Старый достопочтенный герцог Йоркский в «Ричарде II» поучает молодого короля:

«Россказни о модах итальянских, —
Ведь ныне мы Италии кичливой
Во всем, как обезьяны, подражаем
И тащимся у ней на поводу».

Впрочем, эпоха Возрождения продолжалась недолго.

А Англия станет наиболее прилежным учеником, который лучше всех усвоит экономические и политические уроки итальянского Возрождения, когда оно умрет в самой Италии. Именно в Англии эта традиция разовьется в концепции ответственности исполнительной власти перед парламентом, т.е. начальной демократии, и индустриализма, т.е. промышленного производства на основе рыночной экономики.

[1] *Катрин Брис.* История Италии. М., 2008. С. 185.

Возрождение было первым вызовом средневековому миру, вторым — Реформация XVI в.

Она явилось не только атакой на католическую Церковь, но и мятежом северных наций против интеллектуального лидерства Италии и господства Ватикана в условиях, когда вокруг и внутри него происходили события, весьма далекие от представлений о христианском благочестии. Когда в 1430-е гг. папы окончательно утвердились в Риме, они охотно стали перенимать моральные принципы и потребительские замашки правителей итальянских городов-государств. С 1470 по 1530-й г. сменилось шестеро пап — пятеро итальянцев и один испанец, которых Барбара Такман в книге о крупнейших просчетах в государственном управлении называла главными творцами Реформации: «Каждый из упомянутой шестерки — в нее входили Борджиа и два Медичи — словно собаки, взявшие след, старались приумножить семейное состояние, которого хватило бы и потомкам. В этой гонке каждый с головой погружался в политику, что означало бесконечные комбинации, интриги и маневры без какой-либо основополагающей идеи, без какого-либо постоянства: все зависело от соотношения сил на данный момент <…> Викарии Христа превратили Святейший престол в объект насмешек и колыбель Лютера»[1].

Набожным немцам и англичанам, платившим немалые деньги в папскую казну, становилось очевидным, что авторитет папства несовместим с беспечной распущенностью Борджиа и Медичи. Особое возмущение вызывала масштабная торговля индульгенциями — отпущением грехов, которые еще предстояло совершить.

Исходя из положения Послания Павла к римлянам, где говорилось, что человека спасает вера в Христа, Мартин Лютер пришел к выводу, что не нужно ничего специально предпринимать для обретения спасения, а тем более обращаться за помощью к священникам. Реформация поставила целью перестройку Церкви в соответствии с духом и словом Библии и на основе принципов и норм ранних христианских общин — собраний в скромной обстановке, а не в роскошных храмах. Протестанты отвергли Церковь как посредника в Откровении; истина — в Библии, которую каждый человек может толковать по-своему. За четыре десятилетия — с 1520 по 1560-й г. — новая форма вероисповедания начала укореняться в Северной Европе: во многих германских княжествах, швейцарских кантонах, Нидерландах, Англии, Шотландии, Скандинавии и на части Франции. После полутора столетий кровавых войн протестантизм утвердился как верование половины жителей Западной Европы.

---

[1] *Барбара Такман.* Ода политической глупости. С. 66–67, 65.

Протестантизм вовсе не означал вседозволенность. Напротив, он требовал жесткого соблюдения евангельских канонов. В Женеве, когда ее возглавил Кальвин, за прелюбодеяние, чревоугодие и магию сажали в тюрьму, а критика доктрины кальвинизма каралась смертной казнью. Черная магия, алхимия, знахарство, на которые католицизм закрывал глаза, теперь попали под подозрение. Охота на ведьм и сжигание их на костре было по преимуществу протестантским занятием.

Реформация и порожденная ею Контрреформация — борьба с реформаторским вольнодумством со стороны Ватикана — положили конец и эпохе Возрождения. Престарелый Микеланджело дожил до того момента, когда ему запретили изображать обнаженные тела. В 1563 г. Святой престол опубликовал список запрещенных книг, в который попали сочинения Данте, Боккаччо, Макиавелли, Кастильоне. Вместе с тем, считает Фукуяма, «разрушив связи между традиционной религией и государственной властью и выведя последнюю в построенную на плюралистических принципах политическую сферу, протестантизм заложил основы для современной политики светского государства и отделения Церкви от государства»[1].

Возрождение и Реформация коренным образом поменяли европейское мировоззрение. Появились субъективизм, индивидуализм, которые выступали проявлением и большей интеллектуальной свободы, и растущей социальной изоляции личности. Устранение Церкви как посредника между верующим и Богом меняло представление верующих о его отношениях и со светской властью. И не случайно, что голландский и североамериканский кальвинизм оказались так тесно связаны с идеями политического самоопределения.

Право на индивидуальный выбор — то, что Дойч назвал «революцией Ромео и Джульетты», — доминировало на Западе уже к семнадцатому веку. Даже призывы к равным правам для всех индивидуумов — «у самого последнего бедняка в Англии такая же жизнь, как у первейшего богача» — были слышны повсюду. Индивидуализм остается отличительной чертой Запада среди других современных цивилизаций.

В XVI в. прозвучал удивленный лозунг научной революции: «Древние греки, оказывается, могли ошибаться!». Европейские ученые начали их превосходить. Николай Коперник в 1543 г. перестал считать Землю центром Солнечной системы. Его идея стала не только первым серьезным проявлением собственно европейской науки и одним из крупнейших научных открытий за несколько сотен лет, а также важным указателем на пути к познанию внутренней структуры космоса и природы мира. В 1600-е гг. торговец и ученый Антони ван Левенгук с

[1] *Фрэнсис Фукуяма.* Америка на распутье. С. 107–108.

помощью сделанного своими собственными руками микроскопа стал первым человеком, увидевшим бактерии, — это привело в ранее не известный мир микрокосмоса. Представления о мире еще больше изменялись в свете все новых географических открытий. Практическое значение науки впервые было признано в связи с ее полезностью в военном деле. Галилео Галилей и Леонардо да Винчи получили должности на государственной службе благодаря своим проектам модернизации артиллерии и фортификаций. Начиная с этого времени роль ученых в военной сфере росла. В гражданской области спрос появился с началом машинного производства.

Наука, которую называли еще натуральной философией, занималась наблюдением за миром. Главным двигателем и инструментом науки выступило книгопечатание. Оно же сильно повысило интерес к гуманитарному знанию.

Капитализм, парламентаризм, демократия

Основа основ западной цивилизации — частная собственность. Запад подарил миру капитализм со всеми его основными современными атрибутами. Капитализм, по Веберу, определяется наличием предприятий (Betrieb), цель которых — получение максимальной прибыли, а средства достижения этой цели — рациональная организация труда и производства.

Новые формы хозяйственных и политических отношений, которые назовут капиталистическими, как уже говорилось, формировались в Ломбардии и Тоскане в эпоху Возрождения, которая была отмечена невиданным до того времени сосредоточением богатства в руках правящей аристократии, что и явилось причиной стремительного развития того периода.

Но откуда деньги? Сначала это были сельское хозяйство, ремесла и торговля, как и в более ранние эпохи. Капитализм стартовал с началом банковских операций. В развитии банковской системы итальянские города сыграли решающую роль и из них явно выделялась Флоренция — город-государство и республика с зачатками демократического правления. Главным препятствием на пути развития банковского сектора долгое время была религия (а для мусульман и остается). Для христианина ссудить деньги под процент значило согрешить. На Третьем Лютеранском соборе в 1179 г. всех ростовщиков отлучили от Церкви, а отказавшихся считать ростовщичество греховным делом объявили еретиками на Венском соборе 1311–1312 гг. В XVII песне «Божественной комедии» Данте в особо мрачных красках описывал ту часть седьмого круга ада, которая была предназначена исключительно для ростовщи-

ков. С кредитами поначалу выручали венецианские евреи. Вообще-то, им тоже не рекомендовалось ссужать деньги под процент, но тут пригодилась ветхозаветная книга Второзакония: «…иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23: 20). Они одалживали деньги христианам, но не взимали проценты с соплеменников. Цена вопроса оказалась высока: евреи — пионеры на европейском финансовом рынке — повсеместно стали изгоями. Все изменилось, когда за дело взялись серьезные люди.

Во Флоренции наиболее мощные семьи Перуцци, Барди, Аччайюоли практически монополизировали кредитный рынок Италии и стали банкирами Святого престола и кредиторами королей Англии. Однако, когда два очень важных клиента — английский король Эдуард III и неаполитанский король Роберто — отказались выплачивать долги, прославленные семьи исчезли со сцены. Им на смену пришли Медичи, чья роль в эпоху Возрождения не знает параллелей в мировой истории: двое Медичи — Лев X и Климент VII — взойдут на Святой престол, две женщины из этого рода — Екатерина и Мария — станут королевами Франции, еще трое — герцогами Флорентийским, Немурским и Тосканским. Медичи стали известны как «банкиры»: они сидели на лавках (отсюда — *banchieri*) за выставленными на улицу столами[1].

Главное преимущество Медичи лежало не в масштабе, а в диверсификации их деятельности: банк Медичи представлял собой общеевропейскую совокупность товариществ с собственными уставами. В эпоху высшего расцвета бизнеса Медичи были держателями большинства акций в одиннадцати разных обществах: банк, шелковая и две ткацкие фабрики во Флоренции, филиалы в Венеции, Брюгге, Лондоне, Женеве, Авиньоне, Милане, Риме, компания в Пизе. Медичи продавали ткани, которые изготавливали во Флоренции, торговали пряностями, миндалем, лошадьми, квасцами, добычу которых контролировали[2].

Именно итальянской банковской моделью вдохновлялись североевропейские народы, достигшие наивысшего уровня экономического развития в последующие века, — голландцы, англичане, шведы. Амстердам, Лондон и Стокгольм стали городами, где появились первые прототипы современных центральных банков. Если возникновение банков было первой великой революцией капитализма, то второй стало рождение облигации — закрепленного на бумаге обещания правительства выплачивать ее держателю определенный процент. В XIV–XV вв. редкий год Флоренция, Пиза и Сиена находились в мире между собой и не воевали с соседями. Не желая возлагать войну на собственных граждан, каждый город нанимал подрядчиков (*condottieri*), а те уже снаряжали армии. Средства на это флорентийцы решили занимать у

[1] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. М., 2010. С. 53–55.
[2] *Жан Делюмо.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург; М., 2008. С. 260–261.

самих себя: вместо оплаты налога на собственность состоятельные горожане в обязательном порядке ссужали деньги своему правительству и по этим недобровольным кредитам получали процент. Подобные облигации могли перепродаваться другим горожанам за живые деньги. Флоренции первой удалось сделать своих жителей крупнейшими инвесторами в собственную экономику: к началу XV в. в финансировании правительственного долга поучаствовали более двух третей домохозяйств.

На роль ведущей европейской державы в XVI в. стала быстро выдвигаться Испания, чей успех принято объяснять тем, что, полностью уничтожив превосходивших испанцев по многим параметрам цивилизации инков и ацтеков, конкистадоры наладили стабильный поток золота и серебра на родину. Но мало кто знает, что у Испании в те времена существовала провинция, насчитывавшая примерно 200 городов, которая сосредоточили в своих руках 50% торговли Европы и приносила Испании в семь раз больше налогов, чем все золото Америки. Этой провинцией Испании в силу династических перипетий оказались… Нидерланды. Странное сочетание этики скромности, бережливости, трудолюбия, богобоязненности, потрясающего богатства и свободы духа[1].

В XVII в. Амстердам — признанная столица финансовых новшеств. Здесь возник Амстердамский обменный банк — как считается, первый в мире центральный банк, и с его помощью голландцам удалось преобразовать денежное обращение: проблему порчи монеты они решили, перейдя на банковские билеты. Но главное голландское изобретение — акционерная компания. Голландские купцы в поисках возможностей нарушить безраздельное господство испанцев и португальцев в торговле восточными пряностями в 1602 г. создали Объединенную Ост-Индскую компанию. Она получила монополию на торговлю на всем пространстве к востоку от мыса Доброй Надежды и к западу от пролива Магеллана. Подписаться на ее бумаги мог любой гражданин Республики Соединенных Провинций. Купцы, ремесленники, даже слуги ринулись скупать бумаги, и в мгновение ока ГОК стала крупнейшей компанией на Земле. Компания была разрублена на небольшие доли (*actien*)[2].

Не успело первое в истории акционерное общество провести первое в истории первичное размещение акций, как возник вторичный рынок для их купли-продажи. Для торговли ими в 1608 г. было решено возвести на улице Рокин, неподалеку от городской ратуши, крытую биржу (*Beurs*). Примерно в то же время — в 1609 г. — был учрежден Амстердамский обменный банк, поддерживавший фондовый рынок: акции уже можно было приобрести в кредит. Акционерная компания,

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. С. 392, 394–396.
[2] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. М., 2010. С. 142–146.

биржа, банк — вот три вершины треугольника в основании новой — капиталистической — экономики.

Голландцы вели себя агрессивно по всей планете, — захватывая земли от Индонезии до о. Манхэттен, где был построен Новый Амстердам, и лучше всех зарабатывали. ГОК крепко держала в руках монополию на экспорт гвоздики и муската, торговлю индийскими тканями. «Без нее не обходилась и торговля внутри Азии; японские серебро и медь обменивались на ткани из Индии, золото и шелк из Китая. Затем индийский текстиль отбывал на острова в Тихом океане, а оттуда шли перец и пряности, в обмен на которые на Ближнем Востоке можно было приобрести драгоценные металлы»[1].

Нидерландская республика отойдет в сторону, чтобы уступить место новому, более удачливому конкуренту — Англии. Болезненные поражения от Англии свидетельствовали «о хрупкости мировой империи, принадлежавшей одной-единственной провинции с населением в 670 тыс. душ и с 15–16 тыс. кораблей.

В Западной Европе XVI в. — впервые с античных времен — возродилась политическая философия. Широкую известность приобрели труды Никколо Макиавелли, идеи испанского католического философа Франсиско Суареса о праве королей повелевать и праве народов свергать тиранов, выходит коммунистическая «Утопия» Томаса Мора. Стали не только ставиться проблемы государственного управления, но и революционные вопросы о том, как сделать жизнь людей лучше. «Современные либеральные демократии не возникли из темного тумана традиций, — справедливо подчеркивал Фукуяма. — Они, как и коммунистический идеал общества, были сознательно созданы людьми в определенный момент времени на основе определенного теоретического понимания человека и соответствующих политических институтов, которым надлежит управлять человеческим обществом. Хотя либеральная демократия не может проследить свои теоретические истоки к единственному автору вроде Карла Маркса, она утверждает, что основывается на конкретных рациональных принципах, богатую интеллектуальную родословную которых можно непосредственно проследить. Принципы, лежащие в основе американской демократии, содержащиеся в Декларации независимости и в конституции, были основаны на работах Джефферсона, Мэдисона, Гамильтона и других американских отцов-основателей, которые сами многие идеи вывели из английской либеральной традиции Томаса Гоббса и Джона Локка»[2].

Шанс на публичное обсуждение и испытание на практике у новых политических теорий появился в Англии. Почему там? Тойнби объяснял это тем, что «Англия, будучи по своей территории меньше кон-

[1] Там же. С. 152–153.

[2] *Фрэнсис Фукуяма.* Конец истории и последний человек. М., 2007. С. 242–247.

тинентальных феодальных королевств и обладая четче очерченными границами, гораздо раньше своих соседей достигла подлинно национального существования в противовес феодальному»[1]. При Стюартах парламент начал возвышаться до уровня короны и предпринял попытку заставить Карла I смириться с ролью монарха как слуги государства.

Там решающая роль в процессе модернизации принадлежала земельной аристократической элите, которая, в отличие от французской, жила в своих поместьях, уделяла внимание хозяйству и не презирала коммерцию. Через систему огораживаний и утверждение твердой рукой прав на пастбища и общинные земли, арендаторы принуждали живших на них землевладельцев более эффективно использовать угодья.

Помимо предприимчивой аристократии появлялись также группы богатых и влиятельных людей, обязанных своему успеху собственной хозяйственной активностью. От мелких дворян до укрепившихся в бизнесе крестьян они составили класс йоменов, который можно охарактеризовать как агрессивный мелкий и средний капитал. Это и были первые представители буржуазии, которых Карл Маркс справедливо относил к основной движущей силе либерализации. Палата общин, вырывавшая власть из рук короля, стала пополняться разбогатевшими купцами, торговцами, неродовитым мелкопоместным дворянством-джентри, которое все больше теснило аристократические фамилии, число которых никогда не было больше двухсот.

Аристократы и землевладельцы, составлявшие парламент, всего лишь стремились сохранить свои древние права и привилегии, для чего разработали ряд мер по ограничению полномочий короля: регулярный созыв парламента, введение налогов лишь с его согласия, независимость суда. Тем самым, они непроизвольно заложили основы либерального государства, в котором искали место для рационального человека, наделенного чувством собственного достоинства. Для реализации этой цели потребовались две революции, проведенные, правда, с меньшим кровопролитием, чем последовавшие в других государствах. Основные события уложились в период с начала гражданской войны в 1642 г. через Билль о правах 1689 г. до Акта о престолонаследии 1701 г.

В постреволюционное время земельная аристократия заняла доминирующее положение. «Рациональный индивидуум — грамотный, образованный дворянин (“джентльмен”), регулярный читатель книг и газет, знакомый с содержанием идейной полемики, религиозный, но прагматичный — обнаружил, что это государство вполне служит его потребностям. На протяжении следующих примерно 200 лет британскому государству лучше остальных удавалось направлять в благо-

[1] *Арнольд Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. С. 427.

творное русло устремления и активность этой самоуправляющейся социальной группы — дав ее членам доступ к власти. По мере того, как остальные нации следовали примеру Британии, вкусы, идеи и социальные условности среднего и мелкого дворянства (в противоположность как монархическому классу, так и простонародью) превращались в лейтмотив западной цивилизации»[1], — справедливо замечает Осборн. В XVIII в. началась эпоха англомании, как называли ее французы. В остальных странах Европы после этого пришлось все больше прислушиваться к требованиям образованных дворян, которые были начитаны по вопросам прав и обязанностей, свободы и конфликта интересов. За ними подтягивались и другие обеспеченные слои, создавая массу прагматичных и самостоятельных индивидуумов, осознающих ответственность за собственную судьбу. Позднее их назовут средним классом.

Принципы либерализма, призванные теоретически поддержать парламентский переворот, были сформулированы Джоном Локком в труде «Два трактата о правлении», опубликованном в 1690 г. Опираясь на римскую идею естественного права и мнение большинства в английском парламенте, он уверял, что каждый человек с рождения наделен правами на жизнь, свободу и собственность. Государство Локк представил как результат общественного договора, согласно которому люди предоставляют часть своих свобод правительству в обмен на защиту своих прав.

С тех пор политические идеи, все шире распространяясь из-за роста грамотности, сделались исключительно влиятельным средством общественных перемен. Политическая философия расцвела в эпоху Просвещения, предшествовавшую Великой французской революции конца XVIII в. «Монтескьё проповедовал неверно понятые им английские достижения, — отмечал Тойнби. — Англомания в форме культа конституционной монархии была одной из огневых цепей, воспламенивших французскую революцию»[2]. Главной целью было объявлено преобразование всех общественных институтов — от политики до морали и веры — на основе принципов разума. Один из ярких представителей Просвещения утверждал: «Человек не будет свободным до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника».

Революция не только свергла гнет короля и ставшей ненавистной в эпоху рациональности Церкви, но и обернулась большим кровопролитием и диктатурой. «Начиная с жестокого подавления Вандеи и неудавшейся попытки революционной Франции завоевать всю Европу,

---

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 455.

[2] *Арнольд Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. С. 428.

история зародившегося тогда так называемого демократического государства видала всякое. “Достижения” белого демократического национализма в деле разорения туземных народов в европейских колониях оставляют далеко позади аналогичные “успехи” аристократических и бюрократических империй»[1], — пишет Доминик Ливен. Современное европейское государство, которое сложилось в XIX в., соединило в себе французские принципы централизации и гражданственности с британским принципом политической конкуренции.

Что же касается электоральной демократии, то она развивалась постепенно. В Великобритании до реформы 1832 г. избирательным правом обладало 1,8% граждан, после — 2,7%, затем этот процент увеличился до 6,4% в 1867 г. и до 12,1% — в 1884-м. Только с предоставлением избирательных прав женщинам в 1930 г. страна стала соответствовать современному стандарту демократии. Через полвека после обретения независимости в выборах президента США принимали участие 5% взрослого населения. Женщины стали голосовать в 1920 г., а последние ограничения для голосования афроамериканцев в южных штатах исчезли в 1960-е гг.[2] Кто первым в мире ввел всеобщее и полное избирательное право? Россия — после Февраля 1917 г.

Огромную роль в успехе британской нации сыграло другое ее изобретение — массовое индустриальное производство. В 1771 г. двое английских предпринимателей — Ричард Аркрайт и Джедедайя Стюарт — построили в городе Кромфорд (графство Дербишир) первую ткацкую фабрику на водной тяге, положив начало фабричной системе. Вскоре Британия стала первой экономикой и «мастерской мира», первой вступив в индустриальную фазу развития. Помимо этого, она защищала свой внутренний рынок протекционистскими мерами и контролировала торговлю в мировом океане при помощи самого мощного военно-морского флота. Принципы свободного рынка Адам Смит сформулирует позже, а претворять их в жизнь придется с помощью жесткого государственного регулирования

Апогей Британии пришелся на период между 1845–1870-ми гг., когда она производила более 30% мирового валового продукта, потребляла энергии в 5 раз больше, чем Соединенные Штаты и Пруссия и в 155 раз больше, чем Россия. На ее долю приходилась 1/5 мирового товарооборота и 2/5 мирового промышленного производства. И это при 2% от общего населения Земли[3].

Британский предпринимательский класс тянул за собой человечество, воплощая в технические новинки все новые открытия. В XVIII в.

---

[1] *Доминик Ливен.* Российская империя и ее враги… С. 636.

[2] *Фарид Закария.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. С. 42.

[3] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. М., 2009. С. 189.

появилось листовое и брусовое железо, что позволило создавать машины и промышленное оборудование больших размеров. Паровая машина Уайта положила начало машинному производству. В 1804 г. Тревитик использовал эту машину для изготовления локомотива. В 1825 г. была открыта первая железная дорога между Стоктоном и Дарлингтоном, и «Рокет» Стивенсона достиг скорости сорока четырех миль в час. К середине XIX в. железными дорогами покрылась Европа и Северная Америка, увеличив скорость передвижения сразу в 10 раз.

На канале Форт-оф-Клейд в Англии в 1802 г. появился пароход «Шарлотта Дунди». Пароходы многократно сократили расстояния между континентами. Если раньше крайне небезопасное пересечение Атлантики занимало несколько недель, то в начале XX в. — пять суток, и пароходы прибывали с точностью до часа. Исследования в области электричества произвели информационную революцию. Электрический телеграф появился в 1835 г., а первый подводный кабель протянули из Англии во Францию в 1851-м. В 1880-е гг. появились электрический свет и электрическая тяга. В течение одного столетия, как отмечал великий фантаст и хороший историк Герберт Уэллс, «человек сделал в материальных условиях жизни такой скачок вперед, какого не сделал в длинный период времени от палеолитической эпохи до земледелия или от времени царствования Пепи в Египте до Петра III»[1].

Британия стала первой глобальной экономической империей. «Арабский шейх ест плов ложкой, сделанной в Бирмингеме, — писал более ста лет назад английский публицист Э. Берит. — Египетский паша пьет шербет из кубка бирмингемской чеканки, освещает гарем хрустальным бирмингемским канделябром и прибивает на нос лодки бирмингемские украшения… Краснокожий охотится и воюет с бирмингемской винтовкой в руках. Богатый индус украшает салон бирмингемским хрусталем. В пампасы Бирмингем посылает для диких наездников шпоры, стремена, а для украшения бархатных штанов — блестящие пуговицы. Неграм в колониях под тропиками он шлет топоры, сечки и прессы для сахарного тростника… На жестянках, в которых хранится консервированная зелень и прессованное мясо — запасы австралийского старателя, выбито имя бирмингемского фабриканта»[2].

Британия была и самым успешным экспортером своей культуры. Английский образ жизни активно копировали во всем мире. Пушкинский Евгений Онегин увидел свет «как денди лондонский одет». Из Англии пошли почти все виды спорта: идеи игры по правилам, атлетизма и любительского спорта выдвинул английский педагог доктор Томас Арнольд, глава мужской частной школы «Рагби», находившийся

[1] Герберт Уэллс. История цивилизации. М., 2011. С. 389.

[2] Цит. по: *А.Б. Давидсон, И.И. Филатова.* Исторические пласты афроцентризма // Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. М., 2009. С. 25.

под большим влиянием французского барона де Кубертена, который в 1896 г. положил начало современным Олимпийским играм. Впрочем, как справедливо подчеркивает историк Британской империи Джереми Паксман, «спорт был изобретен и снабжен правилами, чтобы поддерживать наших молодых людей в форме и при деле, а также чтобы передать колонизуемым народам — через крикет, футбол, теннис или гольф — некоторые из имперских ценностей»[1].

Началом заката Британской империи многие историки считают Англо-бурскую войну начала XX в. в Южной Африке.

Милитаризм, национализм, колониализм

Первый исторический сюжет, с которого отсчитывается история Запада — героическая Троянская война. Как германский воин, так и средневековый рыцарь находили удовольствие в битвах и гордились своей воинской доблестью. Политический авторитет и социальный статус аристократов опирался на постоянные завоевательные походы. Они сами вели свои силы в атаку, воспринимая военную доблесть как дело личной и родовой чести. Встречая организованный отпор или стихийное сопротивление, рыцари попросту топили их в крови. «Во все уголки Европы они принесли с собой культ воителя, — замечал Осборн. — Безжалостные, но честолюбивые, скупые, но верные своему роду, ненасытные, но богобоязненные — таковы были характеристики новых хозяев Европы, к которым добавлялись постоянное культивирование идеи войны и социальная структура, отражавшая потребности милитаризированного общества»[2]. Король продолжал делить свою власть с феодальной аристократией, но сохранял за собой неотъемлемое право на вспышки страстей в виде войн и насилия.

В эпоху абсолютных монархий постоянные войны требовали все большей централизации власти, и не будет преувеличением сказать, что европейские государства Нового времени имели милитаристское происхождение. Государство обрело решающее влияние на умы и сердца подданных, во многом благодаря применению китайского изобретения — пороха. Непрерывные боевые действия были лучшим оправданием существования сильного государства. С XVI по XVIII в. большинство европейцев смотрели на войну, как на неизбежную, необходимую и даже благотворную часть жизни. Мир делал общество праздным и слабым, война развивала лучшие мужские качества, а, кроме того, массовые армии позволяли очистить общество от нежелательных элементов. У королей появились собственные вооруженные

[1] *Jeremy Paxman.* Empire. L., 2012. P. 12.
[2] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 239.

силы, которые были обращены и против собственных подданных, будь то слишком самостоятельные аристократы или не желавшие платить налоги крестьяне. Основной функцией дворянства стало командование вооруженными силами.

Военная сила была главным фактором успехов колониальной политики. «В значительной степени, — замечал военный историк Джофри Паркер, — подъем Запада обусловливался применением силы, тем, что баланс между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу завоевателей… Ключом к успеху жителей Запада в создании первых по-настоящему глобальных империй послужила именно их способность вести войну, которую позже назвали термином “военная революция”»[1].

С начала Реформации на протяжении 150 лет доминировал глубокий религиозный раскол, сопровождавшийся войнами религиозными и династическими. В течение следующих полутора столетий — после Вестфальского мира — вооруженные столкновения происходили в основном между императорами и королями, боровшимися за территории. В годы Великой французской революции войны между королями завершились, начались войны между народами. Эта модель была в силе до Первой мировой войны. И в этот период — самый мирный в ее истории — Европа усиленно вооружалась, превращаясь в настоящий военный лагерь с массовыми армиями. Культура милитаризма играла все большую роль, война становилась автоматической реакцией на серьезные политические осложнения.

Именно Европа стала местом, где начинались и велись обе мировые войны. А НАТО является сегодня единственным воюющим альянсом, на долю которого приходится три четверти военных расходов на планете. Идея позитивности или неизбежности войн для блага человечества весьма распространена а западном политическом мышлении, особенно в англосаксонском. Иан Моррис пишет: «Может война и является самым плохим способом создать более крупные и мирные сообщества, но самый обескураживающий факт заключается в том, что это почти единственный способ. Если бы Римская империя могла быть создана без убийства миллионов галлов и греков, если бы США могли быть построены без убийства миллионов коренных американцев, если бы бесконечные конфликты могли разрешаться дискуссиями вместо силы. Но этого не происходило. Люди почти никогда не отказываются от своей свободы, пока их к этому не принудят; и почти единственной силой является поражение в войне или неминуемость такого поражения»[2].

---

[1] *Geoffrey Parker.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West. Cambridge, 1988. P. 4.

[2] *Ian Morris.* In the Long Run, Wars Make Us Safer and Richer // The Washington Post. April 25, 2014.

К середине II тысячелетия расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для эры глобальной политики. Спорадические контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему воздействию Запада на все остальные. Окончание Реконкисты на Пиренейском полуострове — последних мавров выбили из Испании в 1492 г. — совпало с датой отплытия Колумба под покровительством испанских монархов в морское путешествие с целью найти западный путь в Индию: сухопутные пути в то время находились под прочным контролем мусульман. Вместо Индии Колумб открыл Америку. Началось активное проникновение в обе Америки испанцев, а португальцев — в Азию. Вслед за ними вскоре устремятся Англия, Франция и Голландия. В 1547 г. испанский теолог Хуан Хинес де Сепульведа записал: «С совершеннейшим правом испанцы повелевают этими варварами Нового Света и близлежащих островов, каковые мудростью, разумением и добродетелью, а также цивилизованностью, столь же уступают испанцам, сколь младенцы уступают взрослым, а женский пол — мужскому. Разница между ними подобна разнице между наиболее жестокими и дикими из народов и наиболее милосердными из них, между теми, что склонны к отвратительнейшим излишествам, и теми, что сдержанны и умеренны в своих удовольствиях, одним словом — разнице между обезьянами и людьми»[1].

Население Мезоамерики в начале XVI века составляло, по некоторым оценкам, около 25 млн человек. Местные жители европейцев сначала приветствовали. Но военная культура, видевшая доблесть в том, чтобы подставлять себя опасности и нападать с намерением убить, была за пределами понимания аборигенов. Гости были лучше вооружены (огнестрельное оружие и лошади), организованны и дисциплинированны. Из Европы в Новый Свет были завезены и новые, ранее не знакомые ему болезни. В результате через полвека население сократилось до 9 млн человек. Высочайшие цивилизации ацтеков и инков были полностью уничтожены. Аборигенное население Северной Америки до прихода европейцев было поменьше — 6–12 млн человек. Сейчас — меньше одного миллиона. Аборигены представлялись европейцам либо неисправимыми примитивными дикарями, либо «гордыми дикарями».

В «Путешествии Гулливера», написанном в 1726 г., Джонатан Свифт поместил воображаемую Лилипутию в Южную Австралию, а в заключительной, 12-й главе сатирически изобразил обычную историю заселения Нового Света: «Например, буря несет шайку пиратов в неизведанном им направлении. Наконец, юнга открывает с верхушки мачты землю. Пираты выходят на берег, чтобы заняться грабежом и разбоем.

[1] Цит. по: Роджер Осборн. Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 403.

Они находят безобидное население, оказывающее им хороший прием. Дают стране новое название, именем короля завладевают ею, водружают гнилую доску или камень в качестве памятного знака, убивают две или три дюжины туземцев, насильно забирают на корабль несколько человек в качестве заложников, возвращаются на родину и получают прощение. Так возникает новая колония, приобретенная по божественному праву»[1].

Представление о праве на лишение других свободы, идущее из Античности, закрепилось с появлением национализма. Когда он возник? Еще в Средние века сильное чувство «самости», отличия от других было широко распространено в Англии, Франции, Кастилии, Бургундии, Польше, оно особенно отчетливо проявлялось во время войн.

Однако до конца XVIII в. никому на планете не приходило в голову, что этничность должна совпадать с государственностью. Настоящими творцами национализма следует признать лидеров такого художественного направления, как… романтизм, идейные основы которого были заложены Фридрихом Шеллингом и братьями Августом и Фридрихом Шлегелями. Романтики, в отличие от людей французского Просвещения, веривших в превосходство разума, выделяли чувства, эмоции, страсти в качестве мотивов человеческого поведения. Представители немецкого романтизма уверяли, что универсального разума не существует, что нельзя абстрактно рассуждать о людях и обществах, поскольку все они разные и сильно варьируют от страны к стране. Личность определяют язык и история, а поэтому важно понять, что значит быть немцем и чем он отличается от француза. Отсюда интерес к девственным корням германской культуры, еще не тронутой влиянием римской цивилизации и христианства, к первобытным тевтонским лесам. Настоящее просвещение — изучение собственных корней, народных ремесел, устного творчества, преданий. Из этого следовал вывод: люди, говорящие на одном языке и принадлежащие к одной культуре, должны жить в самостоятельном государстве. Не может быть хорошим правительство, не принадлежащее к своему народу. Нация не может себя защитить, пока у него нет государства.

Государства уже строились на принципе не династических прав монарха, а нации. Их число стало резко сокращаться через слияние государственных образований с населением, говорящим на одном языке. Из более чем трехсот, существовавших до Великой французской революции, к 1815 г. осталось лишь 38. Впрочем, впереди были еще серьезные кровопролития, связанные с объединением Италии и Германии.

В колониальной политике участвовало не такое уж большое число жителей Старого Света: к 1800 г. лишь 4% европейцев проживало за его

[1] Перевод Б.М. Энгельгардта.

пределами, в основном в Северной Америке и районах Южной Америки с умеренным климатом. Но сделать они успели много. В Азии, где европейцы встретили просвещенные общества с высокоразвитой экономикой, они поначалу лишь создавали укрепленные поселения, которые становились торговыми центрами для приобретения специй, кофе, чая и тканей. На американском континенте основные доходы принесли драгоценные металлы, а в странах Карибского бассейна — сахарные и табачные плантации. Именно начало производства сахарного тростника в Вест-Индии привело к открытию работорговли, которая стала масштабным и прибыльным бизнесом. Положение белых как свободных людей, а черных — как рабов законодательно закрепили англичане, и вскоре это стало нормой для остальной Америки. Процветание Виргинии, Северной и Южной Каролины в XVIII в., строительство роскошных поместий и городских усадеб было профинансировано доходами от табака, кофе и риса, которые выращивали рабы. К моменту отмены рабства США производили 3/4 мирового хлопка, в основном на основе рабского труда. В Британской империи рабство было отменено в 1833 г., и еще одно поколение оно существовало в Соединенных Штатах — до 1863 г.

Великие неевропейские империи — маньчжурская в Китае, Великих Моголов в Индии, Османов и Сефевидов — не смогли устоять перед европейской мощью. «Экспансия Запада облегчалась также преимуществами в организации, формировании дисциплины и обучения войск, а также последующим превосходством в транспорте, логистике и медицинской службе, что явилось результатом ведущей роли Запада в промышленной революции. Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт, жители не-Запада никогда этого не забудут»[1], — утверждал Хантингтон.

Более существенные, чем сопротивление туземцев, проблемы для колонизаторов создавало соперничество между ними самими, требовавшее все больших затрат. Особенно от Англии и Франции, ставших в XVIII в. двумя ведущими европейскими империями. Из Семилетней войны (1756–1763) Англия вышла победительницей, утвердив свой контроль над Северной Америкой и Индией, но вскоре проиграла своим собственным колонистам в их Войне за независимость. Как полагал историк Британской империи Пирс Брендон, «победа Вашингтона при Йорктауне действительно стала сигналом катастрофы для метрополии, она послужила предзнаменованием будущих неудач и отступлений,

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 64.

а также подъема могущественной Американской империи»[1]. Утрата 13 американских колоний, создавших Соединенные Штаты, вынудила Англию повернуться от Атлантики и перейти к экспансии в Азии и Тихоокеанском регионе. После Наполеоновских войн на смену дорогостоящим военным операциям с сопутствующим ростом внутреннего налогообложения упор был сделан на экономическое развитие переселенческих колоний — Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки — на основе самодостаточности и выкачивания из них ресурсов через свободную торговлю. В Индии не так: затраты на укрепление империи были полностью переложены на местное население. Доля Индии в мировом ВВП упала с доколониальных 27% в начале XIX в. до 1,5% в его конце.

В Австралию из Англии первоначально отправлялись исключительно преступники и их конвоиры. Австралийский историк с аборигенными корнями С. Макинтайр описывал особенности колонизации его страны: «Европейцам пришлось приложить серьезные усилия, чтобы подчинить себе коренные народы в районах заселения; не меньше усилий потребовалось и для оправдания экспроприации того, что им принадлежало. Отношение к местным жителям как к культурно и расово неполноценным людям оправдывалось ссылками на провидение и судьбу. Англичане пришли в Тихоокеанский регион с сознанием собственного превосходства как наследники западной цивилизации и носители сокровенных смыслов христианства, усиленных дальнейшими достижениями в области научных знаний, промышленного прогресса и свободы. Поселенческие общества, созданные Европой, стали ее продолжением и новыми истоками»[2].

Все Западное полушарие и значительные территории в Азии попали под господство европейцев. Но к концу XVIII столетия дальнейшая колониальная экспансия сопровождалась уже и первыми потерями: вслед за Соединенными Штатами сначала Гаити, а затем и большая часть Латинской Америки, воспользовавшись подчинением Испании Наполеоном, восстали против европейского владычества и добились независимости.

Имперские идеи в течение пяти веков пронизывали всю жизнь, политику и психологию народов метрополий — от аристократа до простолюдина. Само слово «империалист» произносилось с уважением, было овеяно романтикой. Сесиль Родс в конце XIX в. был идолом едва ли не подавляющей части английского общества именно как человек, сделавший Британию империей, над которой никогда не заходит солнце. «Мы являемся лучшей расой в мире, и чем большую часть Земли

[1] *Пирс Брендон.* Упадок и разрушение Британской империи: 1781–1997. М., 2010. С. 17.

[2] *Стюарт Макинтайр.* Краткая история Австралии. М., 2011. С. 34.

мы заселим, тем лучше для человеческой расы», — под этими его словами подписывался едва ли не каждый англичанин[1]. «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизуется, — уверял Родс. — Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог, я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими»[2].

Примечательно, что имперское вдохновение правящий класс британцев черпал из истории Рима. «Их правители изучали древние языки и античную литературу, — подметил Пирс Брендон. — Многие представители элиты посещали достопримечательности, связанные с Античностью. Они жили в свете Возрождения. Они погружались в потрясающую драму Гиббона… Они нашли ключ к пониманию Британской империи в руинах Рима»[3]. Примечательно, что наиболее частной технологией, которую использовали англичане при строительстве империи, было использование частных компаний, которые в массовом порядке нанимали добровольцев, в том числе, на месте из числа туземцев. «Иногда территории завоевывались по приказу правительства, но гораздо чаще флаг водружался лицензированными компаниями или каким-то пиратствующим капиталистом, которому кивнули или мигнули в Лондоне»[4]. Киеву это ничего не напоминает?

Хантингтон подвел сухой остаток колониальной политике: «Европейцы или бывшие европейские колонии (в обеих Америках) контролировали 35% поверхности суши в 1800 г., 67% в 1878 г., 84% к 1914 г. К 1920 г., после раздела Оттоманской империи между Британией, Францией и Италией, этот процент стал еще выше. В 1800 г. Британская империя имела площадь 1,5 миллиона квадратных миль с населением в 20 миллионов человек. К 1990 г. викторианская империя, над которой никогда не садилось солнце, простиралась на 11 миллионов квадратных миль и насчитывала 390 миллионов человек. Во время европейской экспансии андская и мезоамериканская цивилизация были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самодостаточное независимое существование»[5].

Но у империй есть и защитники в современном мире. Например, Ниал Фергюсон, выпустивший в 2003 г. книгу с красноречивым назва-

---

[1] Цит. по: *Jeremy Paxman.* Empire. P. 9.
[2] Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. С. 23–24.
[3] *Пирс Брендон.* Упадок и разрушение Британской империи: 1781–1997. С. 13.
[4] *Jeremy Paxman.* Empire. P. 18.
[5] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 63.

нием «Империя: чем современный мир обязан Британии», приходит к выводу: «Разумеется, нельзя сказать, что репутация Британской империи безупречна… Тем не менее в XIX в. она проложила путь свободной торговле, свободному движению капитала и — после отмены рабства — свободному труду. Империя тратила огромные деньги на развитие глобальной сети современных коммуникаций. Она обеспечивала верховенство права на обширных территориях. Хотя империя вела множество локальных войн, она сохраняла мир в глобальном масштабе»[1].

Конечно, колониализм не может быть сведен к грабежам, наживе и эксплуатации. И, конечно, существовали другие империи, а порядки в Османской или Монгольской были никак не лучше европейских. Но из исторической памяти многих народов это стерлось, как и память о позитивном наследии Европы. Зато индийцы никогда не забудут, что Уинстон Черчилль называл их национального героя Махатму Ганди «воинствующим полуголым факиром». И китайцы не забудут, как кайзер Вильгельм II напутствовал немецкий экспедиционный корпус, отправляя его в 1890 г. в Китай: «Пощады не давать! Пленных не брать. Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Аттилой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово “германец” должно ужасать Китай в следующую тысячу лет»[2].

Распад континентальных европейских империй — Германской и Австро-Венгерской — произошел в результате Первой мировой войны, а разгром гитлеризма положил начало закату империй с заморскими территориями. Британия уцепилась за белую часть своего Содружества, превратившуюся в доминионы. Но он утратила Индию, Пакистан, Шри-Ланку, Бирму, отступила перед острым конфликтом в Палестине и подъемом освободительного движения в Малайзии. Движение за независимость в Восточной Азии приобрело непреодолимый характер после победы коммунистов в Китае и избавления Индонезии от господства Нидерландов. В Африке деколонизация началась на рубеже 1950–1960-х гг. Великобритания, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия либо смирялись с утратой империй, либо предпринимали арьергардные бои в стремлении отсрочить неизбежную передачу суверенитета своим колониям. Прямое правление заменялось неформальными методами воздействия: через торговлю, инвестиции, помощь для развития и поставки вооружения Распад колониальных империй западных стран в основном завершился в 1970-е гг., когда прекратила существование португальская империя.

---

[1] *Ниал Фергюсон.* Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 480.

[2] Цит. по: Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. С. 25–26.

Запад как система

Возникновение международной системы с западным доминированием было важнейшим событием мировой истории после 1500 г. Но, осуществляя экспансию вовне, западные государства взаимодействовали друг с другом, ощущая свое единство и стремясь выработать общие правила игры. Они постоянно воевали между собой, но между ними шла активная торговля, элита путешествовала по всему континенту, правящие дворы состояли в родстве.

В середине XVII в. была предпринята первая и значимая до настоящего времени попытка упорядочить европейскую систему. Именно тогда окончательно умерли средневековые надежды на создание единого универсального мирового порядка, основанного на слиянии традиций Римской империи и католической Церкви. Императоры Священной Римской империи все меньше желали видеть себя подчиненными Ватикана, особенно в условиях распространения протестантской Реформации, которая реально угрожала их власти. Результатом стала опустошительная Тридцатилетняя война, которая охватила Германию и в которую вступили Дания, Швеция и, наконец, Франция. Поднимавшиеся государства Европы поняли, что нуждаются в каком-то новом принципе легитимации, нежели благословение или воля Святого престола (особенно когда некоторые из них переставали быть католическими) и регулирование отношений между ними. Такой принцип предложил один из наиболее влиятельных политиков того времени кардинал Ришелье: высший государственный интерес (raison d'etat), понимаемый в русле современной концепции национальной безопасности, который оправдывает применение любых средств для ее обеспечения.

Именно этот принцип лег в основу Вестфальской модели мира, которая родилась на четырехлетних переговорах между Священной Римской империей германской нации и Францией в Мюнстере, а также между империей, с одной стороны, и Швецией вместе с другими германскими государствами — с другой, в Оснабрюке. Подписанные в 1648 г. два мирных договора, положивших конец Тридцатилетней войне, получили название Вестфальского мира, коль скоро и Мюнстер, и Оснабрюк расположены в Вестфалии. Священная Римская империя утратила свое господство в Европе, превратившись фактически в конгломерат более 300 независимых государств, германские правители получили статус королей. Франция, Швеция, выдвинувшиеся в европейские лидеры, и их союзники, напротив, добились немалых территориальных приобретений и права на вмешательство в дела империи. Голландия и Швейцарская Конфедерация получили государственный суверенитет. Были признаны права и свободы за лютеранами и кальвинистами. Доминирование одного центра сменило равновесие сил и

принцип суверенитета. Европейские государства стали воспринимать себя как международное сообщество, заинтересованное в совместном обсуждении намерений друг друга.

Как минимум с начала XVIII в. — с битвы под Полтавой, где Петр I разгромил шведскую армию Карла XII, сильнейшую на тот момент в Европе — частью этого сообщества и одной из наиболее влиятельных континентальных держав стала и Россия. Немецкий философ Лейбниц в тот день написал: «Теперь царь привлечет внимание Европы и будет играть роль в ее общих делах <…> Многие говорят, что царь будет представлять опасность для всей Европы, что он будет турком Севера»[1]. К западу от наших границ Россию никогда не было принято считать европейской страной, как и Оттоманскую империю, которая контролировала до четверти того, что было принято называть Европой.

Баланс сил был кардинальным образом нарушен войнами Наполеона, который попытался осуществить один из самых амбициозных в истории Европы проектов создания универсального государства. Причем, не только силой оружия. «Наполеоновская программа объединения Европы выглядит такой современной не только из-за того, что она написана на французском языке, — иронизировала Маргарет Тэтчер. — Например, одной из целей Бонапарта было, как он выразился, создание “валютного единства по всей Европе”. Позже он заявил, что его кодекс общего права, система университетского образования и денежно-кредитная система “превращают Европу в единую семью. Никто не будет покидать дома, путешествуя по ней”. Президент нынешнего Европейского центрального банка вряд ли мог сформулировать идею лучше»[2].

После падения Наполеона Европа озаботилась созданием общеевропейской системы безопасности, что нашло воплощение в «европейском концерте» держав. Он родился, как писал Генри Киссинджер, «из трансформации идеалистических предложений русского царя Александра I об отказе от применения силы и разрешении конфликтов путем арбитража великих держав в более практичную концепцию, основанную на балансе сил»[3]. На Венском конгрессе 1815 г. возникла своего рода дипломатическая олигархия, которая взялась совместно поддерживать международную стабильность и статус-кво. Сначала это были четыре великие державы, внесшие наибольший вклад в победу над Бонапартом — Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия. После скорого возвращения на международную арену Франции (против которой

---

[1] Цит. по: *Andrew Rothstein.* Peter the Great and Marlborough: Politics and Diplomacy in Converging Wars. Basingstoke, 1986. P. 124.

[2] *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством: Стратегия для меняющегося мира. М., 2003. С. 357.

[3] *Henry Kissinger.* Diplomacy. N.Y., 1999. P. 75–76.

первоначально во многом и создавался Концерт) квартет превратился в «пентархию», а с присоединением Королевства Италии — в «гекзархию», своеобразную «большую шестерку». Знаменитый французский историк Антонэн Дибидур в конце XIX в. так описывал современную ему европейскую систему: «Перечисленные государства не всегда жили в полном согласии. Иногда между некоторыми из них возникали жестокие конфликты. Одни из этих государств усилились и приобрели большее влияние, чем прежде, другие пришли несколько в упадок и утратили прежний авторитет. Но ни одно из них не претерпело такой утраты сил, чтобы другие могли уничтожить его или исключить из своего объединения. Все они продолжают существовать, порою гарантируя спокойствие в одинаковой мере своим соперничеством, как и своим согласием»[1]. Во многом благодаря существованию «концерта», XIX в. оказался самым мирным в человеческой истории. Он не предотвратил лишь крупные Крымскую и Франко-прусскую войну, остальные же столкновения шли на европейской и колониальной периферии.

К 1914 г. мир демонстрировал большее политическое и экономическое единство, чем в любой другой период в истории человечества. Доля международной торговли и внешних инвестиций в валовом мировом продукте была выше, чем когда-либо до этого, и вновь вернется на тот уровень только в 1970–1990-е гг. Термин «цивилизация» применялся почти исключительно в отношении Запада. Международное право был западным. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий.

Однако в ходе Первой мировой войны огромные пространства в Европе подверглись страшному разорению, чего не случалось уже целое столетие. «Первая мировая война положила конец вере европейских наций в свое богоданное превосходство и “естественный прогресс”; также она показала безосновательность присвоения ими морального права повелевать другими и произвела на свет затяжное противостояние между капиталистической и коммунистической системами»[2], — подчеркивает Осборн. Европейцы впервые задумались о кризисе своей цивилизации. В 1919 г. французский поэт и философ Поль Валери писал, что «теперь и мы, цивилизации, знаем, что мы смертны».

Предсказывавшийся Шпенглером закат был действительно началом ослабления европейской составляющей западной цивилизации, но не западного господства. На мировую арену стремительно ворвались Соединенные Штаты Америки, которые еще в 1872 г. стали крупнейшей экономикой мира. Вступив в Первую мировую войну в апреле

---

[1] *Антонэн Дебидур.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. 1. М., 1947. С. 25.

[2] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 643.

1917 г. и внеся вклад в ее завершение, США усилиями президента Вудро Вильсона во многом повлияли на условия мира. Версальский договор выключил из общеевропейской системы Германию, про которую говорили, что она «слишком большая, чтобы остаться в покое, и слишком маленькая, чтобы добиться гегемонии». Некоторые в Германии с тезисом о гегемонии не согласились. Исключена была и возникшая на развалинах Российской империи Советская Россия. Версальская система, пишет Брендан Симмс, «была создана, чтобы защитить от возрождения германского экспансионизма, сохраняя при этом рейх как бастион против распространения большевизма»[1]. Декорации для нового столкновения были расставлены.

К конфликтам между национальными государствами прибавился конфликт идеологий. Карл Маркс был западным мыслителем, формулировал свои идеи на основе опыта революционной Франции и писал свои работы в Британском музее — задолго до того, как они воплотились в практику в Советской России. Марксизм был продуктом Европы, но в ней успеха не имел. В 1920-е гг. на рынке идеологий появился фашизм, рожденный в Италии, и его еще более опасная германская разновидность — национал-социализм (нацизм). Хотя и фашизм, и коммунистическая идеология имели корни в представлениях и настроениях предыдущего столетия, «они отнюдь не являлись двумя сторонами одной монеты. Национализм, ксенофобия и вера в превосходство белой расы, которые поразили европейское общественное сознание в конце XIX в. и легли в основание фашистской догмы, прямо противопоставлялись таким принципам коммунизма, как интернационализм и всеобщее равенство»[2].

Межвоенный период был ознаменован нараставшим сужением сферы распространения демократии в Европе. Если в 1920 г. на всем континенте западнее Советской России существовали конституционные и избираемые представительные органы, то к началу Второй мировой войны они были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских государств, а еще в пяти они прекратили существование, когда война началась. Лишь Британия и Финляндия, а также сохранившие нейтралитет Ирландия, Швеция и Швейцария все это время вплоть до 1945 г. поддерживали деятельность демократических институтов[3].

Сокрушительный удар по либеральной демократии, которая отступала под натиском коммунизма и фашизма, нанесла Великая депрессия 1929–1933 гг., лишившая людей сбережений и дискредитировавшая постулаты свободного капиталистического рынка. Наиболее сильно кризис ударил по Германии, которая оставалась — вместе с

---

[1] *Brendan Simms.* Europe. The Struggle for Supremacy… P. 320.
[2] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 646.
[3] Там же. М., 2008. С. 662.

СССР — изгоем европейской системы. А ее армия, которую политики заставили капитулировать в 1918 г., считала себя преданной. Кризис стал важнейшим фактором, способствовавшим приходу к власти в Германии в 1933 г. нацистов, которые стали формировать свой европейский и мировой порядок. «В Адольфе Гитлере с его устремлениями к европейскому господству вполне можно увидеть последователя Наполеона, — подметила Тэтчер. — Терминология, которой пользовались нацисты, жутковато напоминают ту, что в ходу у нынешних еврофедералистов. Гитлер, в частности, высокомерно говорил в 1943 г. о "кучке мелких наций", которые должны быть уничтожены во имя создания единой Европы»[1].

Осенью 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций. 13 января 1935 г. Гитлер, явно не рассчитывая на противодействие западных демократий, провел в Саарской области, которая находилась под управлением Лиги Наций, плебисцит, по результатам которого восстановил полный немецкий контроль над этим угольным бассейном. 13 марта фюрер объявил Германию свободной от обязательств отказаться от авиации, а спустя три дня подписал закон о введении воинской повинности и воссоздании вермахта в составе 12 корпусов и 36 дивизий, что являлось вопиющим нарушением Версальского договора и вызовом Лиге Наций.

Германия стремительно восстанавливала и наращивала экономический потенциал, чему немало способствовала политика западных держав. «Несмотря на германские махинации с выплатой долгов по планам Дауэса и Юнга, ни США, ни Англия не применяли санкций, опасаясь краха нацистского режима и большевизации Германии, — зафиксировал историк Михаил Мельтюхов. — Став в 1930-е гг. крупнейшим рынком сбыта сырья и военных материалов, Германия обеспечила себе относительно благоприятное положение в торговле с Англией и США, которые опасались, что подобные ограничения могли бы привести к увеличению германского экспорта и усилить конкуренцию. Тем более, что к 1935 г. Германия стала крупнейшим импортером сырья и военных материалов из США и Англии»[2].

В 1934 г. польский лидер Пилсудский подписал с Германией декларацию о ненападении и дружбе, изменив традиционной профранцузской ориентации. 24 октября 1936 г. Гитлер и Муссолини объявили о создании оси Берлин–Рим, а 15 ноября в Берлине глава германского МИДа Нейрат и его японский коллега Мусякодзи подписали Антикоминтерновский пакт. Гитлер открыто заявлял, что теперь он способен победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Англию.

---

[1] *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством. С. 358.

[2] *Михаил Мельтюхов.* Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу 1939–1941. М., 2008. С. 21.

30 января 1937 г. он произнес в Рейхстаге знаменитую фразу: «Германия убирает свою подпись с Версальского договора». Тем временем началась схватка за Испанию, где Советский Союз оказывал военную помощь законному республиканскому правительству, помог в формировании интернациональных бригад, воевавших с профашистскими мятежниками генерала Франко при фактическом невмешательстве западных демократий.

Британский премьер Болдуин говорил в 1936 г., что Великобритания «могла бы разгромить Германию с помощи России, но это, по-видимому, будет иметь своим результатом лишь большевизацию Германии». Поэтому он приветствовал желание Гитлера двигаться на восток: «Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами». Тех же принципов придерживался и сменивший его на посту премьера в 1937 г. Невилл Чемберлен, который полагал: «Для нас, разумеется, стало бы наилучшим исходом, если бы эти бешеные псы — Гитлер и Сталин — сцепились и разорвали друг друга»[1]. Италия при почти полном молчании западных столиц военным путем захватила Эфиопию, а затем и Албанию. Германия — СССР возражал, Запад молчал — провела аншлюс Австрии. В Мюнхене в сентябре 1938 г. Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Деладье подписали смертный приговор Чехословакии, запретив ей сопротивляться или просить советской помощи. В Москве мюнхенскую политику однозначно оценили как умиротворение агрессора с целью натравить его на СССР. А Польша поучаствовала в разделе Чехии и получила от Геринга уверения, что «в случае осложнений с Россией, Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии».

Но Гитлер решил пойти другим путем. Его стратегия, разработанная к началу 1939 г., заключалась в том, чтобы разгромить всех своих соперников поодиночке, избегая войны на два фронта. Из двух главных соперников на континенте — СССР и Франции — последнюю сочли более слабым соперником, с которого и следовало начинать. Планировалось в марте покончить с Чехословакией, до осенней распутицы — с Польшей, в 1940 г. — разгромить Францию и, по возможности, Англию, и уже в 1941 г. осуществить «главную цель» — уничтожить СССР. В середине марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство. 3 апреля была издана директива о готовности германских войск к нападению на Польшу к 1 сентября 1939 г., а 11 апреля Гитлер подписал соответствующий план «Вайс».

В те дни, когда Германия готовилась к нападению на Польшу, СССР уже вел полноценную войну с японцами. СССР, естественно, был заин-

[1] Цит. по: *Валерий Горохов.* История международных отношений 1918–1939. М., 2004. С. 188.

тересован в сохранении Польши как буферного государства, отделявшего его от Германии. Но для этого она должна была разрешить себе помочь, принимая гарантии безопасности с нашей стороны, на что так и не согласилась. Польше могли помочь Франция и Великобритания, если бы дали всерьез понять Берлину, что действительно готовы воевать с Германией, когда та нападет на Польшу. Напротив, Гитлер получал с Запада успокаивающие сигналы, что войну объявят, но воевать не станут. СССР все еще не рассматривался в Париже и Лондоне как государство, с которым «приличные» страны могут вступать в союзнические отношения.

В ночь с 23 на 24 августа был подписан Советско-германский договор о ненападении и протокол к нему. 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась самая кровопролитная война в истории человечества.

Стефан Цвейг в книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца» описывал свой XX в.: «Все бледные кони Апокалипсиса промчались через мою жизнь — революция и голод, обесценение денег и террор, эпидемии и эмиграция; у меня на глазах возникали и распространялись массовые идеологии — фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, большевизм в России и в первую очередь национализм — проклятая чума, отравившая своим ядом расцвет европейской культуры. Мне довелось стать бессильным и беззащитным свидетелем возврата человечества к, казалось бы, давно забытому варварству с его сознательной и запрограммированной догмой антигуманности. Нам на долю выпало вновь увидеть то, чего не бывало уже много столетий: войну без объявления войны, концентрационные лагеря, пытки, массовые грабежи и бомбардировки беззащитных городов — все те зверства, которые не знали последние пятьдесят поколений и которых, надеюсь, не узнают наши потомки».

Историк Эндрю Робертс подсчитал, что Вторая мировая война длилась 2174 дня, обошлась в 1,5 трлн долл. и унесла жизни более 50 млн человек. Это значит, что на протяжении шести лет каждый день погибали 23 тыс. человек, или шесть человек каждую минуту[1]. Больше половины из этого числа были гражданами Советского Союза.

После войны разрушенный Старый Свет избавлялся от милитаризма, который преследовал его на протяжении веков. Послевоенная деколонизация еще больше сократила влияние Европы. От фазы однонаправленного воздействия одной цивилизации на все остальные человечество переходило к этапу интенсивных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями. Как говорили исто-

[1] *Эндрю Робертс.* Смерч войны. М., 2011. С. 751.

рики, завершилась «экспансия Запада» и началось «восстание против Запада».

Слабела Европа, но не Соединенные Штаты. С 1940-х гг. начались американская фаза западного доминирования и период наиболее тесного единства западной цивилизации. Хантингтон подмечал: «Если Америка девятнадцатого века ощущала себя отличной от Европы и противостоящей ей, то Америка двадцатого столетия определяет себя как часть и несомненно как лидера более общей идентичности — всего Запада, который включает в себя Европу»[1]. Другим важнейшим фактором сплочения западного мира стала советская угроза, которая воспринималась как экзистенциальная. СССР претендовал не просто на расширение сферы влияния (это испокон веку было нормой поведения великих держав), но и на воплощение в жизнь альтернативного проекта общественного устройства. Под словом «Запад» стали понимать одну из сторон в биполярной конструкции мира, под словом «Восток» — Советский Союз и его партнеров по социалистическому лагерю. Остальные государства оказались в обширной категории стран «третьего мира».

Символом военно-политического единства Запада и растущего долгосрочного вовлечения США в европейские дела стало образование в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО). «НАТО было новым явлением в создании европейской безопасности, — считал Киссинджер. — Международный порядок больше не характеризовался традиционным европейским балансом сил, основанным на изменяющихся коалициях множества государств. Если какой-либо эквилибрум сохранялся, то между двумя сверхдержавами… Страны, вступавшие в Организацию Североатлантического договора предоставляли некоторые вооруженные силы, но скорее в качестве билета за вход под американский ядерный зонтик, а не как инструмент региональной обороны»[2].

Атлантическая солидарность и военное присутствие США в странах Старого Света стали важнейшими скрепами западной цивилизации. Неофициальной формулой альянса станет: держать США в Европе, Германию — под спудом, а Россию — вне Европы («America — in, Germany — down, Russia — out»). Это и определяло характер взаимодействия России с западной системой. Военные блоки, направленные, так или иначе, против СССР, были созданы и в других регионах земного шара: пакт Рио-де-Жанейро, АНЗЮС. Расширялись сети двусторонних военных соглашений США с различными странами, финансово-

---

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 56.

[2] *Henry Kissinger.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. L., 2014. P. 282, 283.

экономическими системами (МВФ, МБРР, ГАТТ, ОЭСР), в которой тоже доминировали Соединенные Штаты.

Но и Западная Европа вновь возвращалась к нарушенному двумя мировыми войнами единству. «Период европейской надежды возник из руин в конце Второй мировой войны, — замечал Доминик Моизи. — <…> Боязнь возвращения в прошлое и новой вспышки военного противостояния между Францией и Германией, по сути, помогла продвижению проекта Европейского союза, начиная с создания Объединения угля и стали в 1950 г. Именно страх перед советскими танками и опасение, что корейская война может стать предзнаменованием конфликта между коммунизмом и капитализмом на европейской почве, побудил выдвинуть в 1950 г. План европейского оборонительного сообщества, отвергнутый после смерти Сталина»[1].

Трансатлантическая солидарность не раз подвергалась испытаниям в годы «холодной войны». США не поддержали англо-французскую интервенцию в районе Суэцкого канала в середине 1950-х гг., рассматривая ее как проявление неоколониализма. Серьезные трещины появились в годы американского вторжения в Индокитай в 1960–1970-е гг., когда США не могли рассчитывать на поддержку многих союзников, а президент Франции Шарль де Голль даже вывел страну из НАТО. Массовые антивоенные протесты, разлившиеся после поражения США, «вьетнамский синдром», экономические трудности, начало которым было положено решением стран ОПЕК в 1974 г. сократить добычу нефти, что привело к скачку цен на энергию, — все это вновь вызвало волну рассуждений о кризисе Запада.

Однако в 1980-е настроения изменились. Сформировался новый — консервативный — консенсус, олицетворением которого выступали президент США Рональд Рейган и британский премьер Маргарет Тэтчер. Они стряхнули недавний пессимизм, возродив идеи великодержавности, военной силы, мессианизма, веры в западные ценности. Люди стали чувствовать гордость за принадлежность к западной цивилизации. Идеи свободного рынка положили начало экономике предложения, монетаризму и «вашингтонскому консенсусу». Был заявлен рывок в военном строительстве для достижения решительного перевеса над СССР. Именно как триумф такой политики был воспринят распад социалистического лагеря и Советского Союза на рубеже 1980–1990-х гг. Многие эксперты полагают, что пик западного влияния пришелся именно на 1990-е гг., когда США стали единственной глобальной сверхдержавой.

Тогда же в практическую плоскость встал вопрос о границах Запада: нужно было определить, как далеко распространять на восток евро-

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 128–129.

пейские и евро-атлантические институты — ЕС и НАТО. Хантингтон, на наш взгляд, адекватно объяснил логику поиска ответа в цивилизационных терминах. Он полагал, что представление о границе Запада дает «линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой); по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока; через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Оттоманской империями. Это — культурная граница Европы, и в мире после холодной войны она стала также политической и экономической границей Европы и Запада… Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие»[1]. Не трудно заметить, что почти точно по этим линиям установилась восточная граница НАТО и Евросоюза, а сейчас проходит раскол Украины.

Одним из парадоксальных результатов триумфа Запада в «холодной войне» и расширения его интеграционных институтов стало заметное ослабление внутреннего единства. Еще в разгар Горбачевской «перестройки» один из ее идеологов, член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев, сказал, что Советский Союз совершит самую страшную для Запада вещь — исчезнет как угроза. Исчезновение СССР лишило западные страны множества внутренних скреп. Моизи имеет все основания утверждать: «Чтобы коротко охарактеризовать этот разлом, можно сказать, что пренебрежение, которое Америка испытывала к Европе, росло, в то время как европейцы почувствовали, что их потребность в Америке ослабла»[2]. Евросоюз старался делать больший упор на «мягкой силе», «пуле суверенитетов» и размывании государственных границ и суверенитетов. США гораздо больше полагались на «жесткую силу» — готовность применять военную силу, в том числе превентивно — и незыблемость собственного суверенитета. Известный американский неоконсерватор Роберт Кейган считал, что американцы — с Мар-

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 241–244.
[2] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 157–158.

са и их идеал — могущество, а европейцы — с Венеры и стремятся к раю на Земле[1].

Евро-атлантическое пространство распадается как минимум на США и ЕС. Но и Европа разделена как минимум на «старую» и «новую», каждая из которых тоже многолика. Кризис на Украине и антироссийские санкции вновь реанимировали западную солидарность. Надолго ли?

Итак, сейчас термин «Запад» чаще всего обозначает то, что раньше называлось западным христианством. Это единственная часть человечества, которая определяет себя по части света, а не по названию какого-либо народа, религии или области.

Россия как часть Запада? У нас было немало сторонников этой точки зрения. На Западе такие тоже были, но их единицы. Полагаю, последние события вокруг Украины, которые привели к фронтальному столкновению интересов России и Запада, еще больше сократили их число. Операцией по смене режима в Киеве и втягиванием Украины в свою орбиту, Запад подтверждал прекращение своего геополитического и экономического отступления и прежнюю привлекательность европейского интеграционного проекта. Главной причиной кризиса, и здесь я согласен с Сергеем Карагановым, стал фактический отказ Запада закончить холодную войну. «Он систематически распространял зону своего влияния и контроля — военного и экономико-политического (расширение НАТО и ЕС соответственно). С интересами и возражениями России демонстративно не считались, вели себя с ней как с побежденной державой. Русские же побежденными себя не считали, да и вообще за полтысячелетия привыкли не проигрывать большие войны. России навязывалась версальская политика в “бархатных перчатках” — без жесткого отъема территорий или обложения формальными контрибуциями, как в случае с Германией после Первой мировой войны, но со стремлением ограничить и сократить влияние в международной системе»[2].

Впрочем, это уже другая история.

---

[1] *Robert Kagan.* Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order. N.Y., 2003.

[2] *Сергей Караганов.* Россия и Европа: не допустить новой «холодной войны» // Россия в глобальной политике. № 2. Март–апрель 2014. С. 9–10.

Глава 3

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Говорить о «Европе» — ошибка; это всего лишь географическое понятие.

Отто фон Бисмарк

Как называется самый большой город в Европе? Правильный ответ — Москва (Стамбул больше, но основная его часть расположена с азиатской стороны Босфора). После этого не сложно ответить на вопрос о том: какая самая большая страна в Европе — и по территории, и по населению? Но когда в Брюсселе, Лондоне или Берлине произносят «Европа», то не имеют в виду и Россию в том числе. Европа географическая и политическая — различные реальности.

Под Европой понимают прежде всего 28 стран — членов Европейского союза. Но кроме них существуют еще несколько развитых стран Западной Европы, которые в ЕС предпочли не входить — Норвегия, Швейцария, Исландия, самые малые страны Западной Европы: Андорра, Лихтенштейн и др. Далее выделяют группу стремящихся к членству в ЕС, но не входящих в нее Балканских стран — Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Черногория, а также не получившее пока официального признания Косово. В число претендующих на членство входят Исландия и, во все меньшей степени, Турция. В следующий круг включают постсоветские государства — Беларусь, Молдову, Украину — и Россию, которые в число официальных кандидатов на вступление в ЕС не входят, хотя Украина и Молдова неоднократно заявляли о своем желании стать его членами и подписали соглашения об ассоциированном партнерстве.

Европейский союз — 4 млн км^2 плотно обжитой территории с населением 507 млн человек.

Путь европейского единства

Сегодня Западная и Центральная Европа — самое интегрированное пространство в мире. Это, как мы уже знаем, не всегда было так на континенте, «подарившем» миру наибольшее количество войн, в том числе обе мировые. При этом идея общеевропейской си-

стемы не раз высказывалась в том или ином виде. Даже Владимир Ленин в 1915 г. отметился статьей «О лозунге “Соединенных Штатов Европы”».

Европейская интеграция неразрывно связана с движением за единую Европу, возникшим после окончания Второй мировой войны с основной целью избежать нового военного конфликта. «Завершение Второй мировой войны означало конец европейской глобальной гегемонии. Это было фундаментальное изменение. Теперь антагонизм между Соединенными Штатами и Советским Союзом определял мировую политику на протяжении почти полувека»[1], — пишет Энтони Гидденс, много лет возглавлявший Лондонскую школу экономики.

Среди многих призывов к объединению наибольший резонанс вызвала речь Уинстона Черчилля 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете, где он призвал европейцев покончить «с национальными распрями», прежде всего с франко-германским антагонизмом и создать на континенте «нечто вроде Соединенных Штатов Европы». Черчилль полагал: «Любую инициативу в этом направлении следует поддерживать, поскольку она направлена на сглаживание былой ненависти и забвение канувшей в Лету тирании, она направлена на облегчение процесса взаимообмена в сфере товаров и услуг». Самой Великобритании в этой схеме Черчилль отводил довольно скромное место: «Мы с Европой заодно, но мы не являемся ее частью (with Europe, but not of it). У нас общие интересы, но мы не хотим растворится в ней и потерять свое лицо»[2].

Противоречия между Францией и Германией оставались главными на континенте. Когда Германия после образования ФРГ и ГДР разделилась, известный французский писатель Франсуа Мориак заметил: «Моя любовь в Германии так велика, что я рад, что их теперь две». Европе нужны были мир, согласие и достаток. Политическое и идеологическое противостояние двух блоков усиливало центростремительные движения в каждом из них. Западноевропейские страны, большинство из которых оказалось в лагере проигравших во Второй мировой войне, тяжело переживали утрату мирового лидерства, потерю колоний, рост международного влияния США и СССР.

Со стратегическим выбором Европе помогли определиться Соединенные Штаты. Только ее политическое и военное объединение может остановить СССР и снять бремя защиты Старого Света, которое Вашингтон нес практически в одиночку. Центральным в его подходе стала ремилитаризация Германии. Дин Ачесон утверждал: «Невозможно обеспечить какую-либо безопасность в Западной Европе без исполь-

---

[1] *Anthony Giddens.* Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe? Cambridge, 2014. P. 182.

[2] *Франсуа Бедарида.* Черчилль. М., 2011. С. 332.

зования германской мощи». Вопрос для него заключался лишь в том, должна ли германская военная машина «стать частью западноевропейской мощи или расти как самостоятельная сила»[1]. США предложили сопротивлявшимся Лондону и Парижу, которые были не в восторге от идеи опять вооружить Германию, условие: увеличение американского военного присутствия в Европе будет происходить только в том случае, если Англия и Франция согласятся на создание крупных немецких вооруженных сил в рамках НАТО.

В то же время в Вашингтоне считали, что проект объединенной Европы необходим для сдерживания возрождаемого германского могущества. Джон Макклой, возглавлявший американский верховный комиссариат в Германии утверждал, что «никакое прочное решение германской проблемы невозможно без эффективного Европейского союза»[2]. Такие образом, объединение Европы рассматривалось как инструмент двойного сдерживания — Германии и Советского Союза.

Соединенные Штаты оказали не только дипломатическую, но и финансовую, и информационную поддержку европейскому проекту. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Департамент информационных исследований — самое быстрорастущее подразделение британского МИДа проявили большую изобретательность. Их операции включали в себя создание антикоммунистических и антисоветских профсоюзов, либеральных и левацких организаций. «Средоточием этой тайной кампании являлся Конгресс за свободу культуры, который с 1950 по 1967 г. возглавлял агент ЦРУ Майкл Джоссельсон… На пике своей деятельности Конгресс за свободу культуры имел отделения в 35 странах, его персонал насчитывал десятки работников, он издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, организовал престижные международные конференции, выступления музыкантов и выставки художников, награждал их призами. Его задачей было отвлечь интеллигенцию Западной Европы от затянувшегося увлечения марксизмом и коммунизмом и привести ее к воззрениям, более подходящим для принятия “американского образа жизни” <…> Нравилось им это или нет, знали они об этом или нет — в послевоенной Европе оставалось совсем немного писателей, поэтов, художников, историков, ученых и критиков, чьи имена не были связаны с этим тайным предприятием. Никем не оспариваемая, так и не обнаруженная в течение более чем 20 лет, американская разведка управляла изощренным, надежно обеспеченным культурным фронтом на Западе, *ради* Запада, под предлогом свободы

[1] *Christipher Gehrz.* Dean Acheson, the JCS and the “Single Package”: American Policy on German Rearmament, 1950 // Diplomacy and Statecraft. No. 1. 2001. P. 141.

[2] *Kai Bird.* The Chairman: John J. McCloy and the Making of the American Establishment. N.Y., 1992. P. 337.

выражения»[1], — пишет скрупулезная британская исследовательница Фрэнсис Стонор.

В Мюнхене было создано радио «Свободная Европа», были подготовлены классические антисоветские публикации. Информационно-аналитический департамент британского МИДа профинансировал написание и издание «Фермы животных» Джорджа Оруэлла. Для поддержания морального духа холодной войны в 1950 г. была подготовлена Европейская конвенция прав человека, формулировавшая новый набор идей, получивший название «европейские ценности», якобы традиционно присущих Старому Свету, — демократия, свобода слова и права человека. Война за умы человечества шла полным ходом[2].

В мае 1950 г. главы МИД США, Великобритании и Франции выпустили заявление, предлагавшее ускоренное вовлечение ФРГ в западноевропейское сообщество. В августе Черчилль призвал к созданию единой европейской армии, и в сентябре приглашение в эту армию получила ФРГ. Западные страны заявили об официальном прекращении войны с Германией и о том, что нападение на ФРГ будет расценено как нападение на каждую из них. Это фактически распространяло на Бонн гарантии безопасности, предусмотренные ст. 5 Вашингтонского договора, что явилось важнейшим шагом к вступлению Западной Германии в НАТО. В октябре уже Франция предложила «План Плеве», предусматривавший создание европейской армии с немецкими формированиями.

Между тем в Западной Европе зарождался собственный интеграционный проект. Западноевропейские страны, большинство из которых оказалось в числе проигравших во Второй мировой войне, тяжело переживали утрату мирового лидерства, потерю колоний, рост международного влияния США и СССР и потому еще больше стремились навстречу друг другу, надеясь обрести силу в единстве. Практический путь к европейской интеграции открыла декларация министра иностранных дел Франции Шумана, который 9 мая 1950 г. обратился к правительству ФРГ с предложением начать новую главу в отношениях, передав всю угольную и сталелитейную промышленность Франции и Западной Германии под управление общего наднационального органа. Значение декларации выходило за рамки двусторонних отношений. Она призывала к созданию «общей основы экономического развития, которая явится первым шагом к Европейской федерации», обеспечи-

---

[1] *Фрэнсис Стонор.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М., 2013. С. 5–6.

[2] *Scott Lukas.* Freedom's War: The American Crusade Against the Soviet Union. Manchester, 1999. P. 81; *Volker R. Berghahn.* America and the Intellectual Cold Wars in Europe. Princeton; Oxford, 2001. P. 108–151; *Samuel Moyn.* The Last Utopia: Human Rights in History. Cambridge; L., 2010. P. 78–79.

вающей мир, экономический рост и улучшение условий жизни европейского населения.

Хотя план подавался как чисто экономический, в основу его легли соображения стратегические — поставить вооруженные силы Германии под международный контроль, раз уж американцы так настаивают на их возрождении. «По сути, — пишет английский историк Брендан Симмс, — Париж захотел европеизировать Германию до того, как Европа германизируется»[1]. Британия, как и следовало ожидать, была настроена крайне скептически, опасаясь утраты суверенитета. Кроме того, английская экономика была развернута в сторону Британского Содружества, на которое приходилась половина товарооборота, тогда как другая половина делилась между США и Западной Европой. Аденауэр поддержал план Шумана, рассчитывая вернуть Германию за стол великих держав, и с действительной верой в общую европейскую судьбу.

Аденауэра больше всего волновали роль ФРГ как изгоя Европы и французская оккупация Саарского угольно-металлургического бассейна и он воспринял предложение, по словам его биографа, как подарок небес: «Она решает по меньшей мере четыре проблемы, каждая из которых связана с другой и каждая из которых причиняла ему головную боль: во-первых, Германия оказывалась бы прочно привязанной к Западу, интегрирована в западное сообщество; во-вторых, были бы навсегда устранены опасения французов насчет возрождения немецкой военной машины; в-третьих, снималась бы острота саарской проблемы; и, наконец, вступление ФРГ в Совет Европы уже не выглядело бы безоговорочной капитуляцией»[2]. США поначалу имели некоторые сомнения, поскольку видели перспективу создания европейского экономического картеля, способного укрепить конкурентные позиции Европы по отношению к американской экономике. Но затем стратегические соображения взяли верх и в Вашингтоне. Американские дипломаты приняли самое непосредственное участие в подготовке плана Шумана[3].

В разработке концепции европейского строительства велика роль еще одного видного французского «европеиста» — Жана Монне, занимавшего на тот момент пост руководителя Комиссариата планирования, — который утверждал: «Европа никогда не существовала. Европа — не сумма национальных суверенитетов. Европу надо создать». Вместо Европы, раскалываемой национализмом, концепция Монне–Шумана предлагала сформировать единую миролюбивую Европу на

---

[1] *Brendan Simms.* Europe: The Struggle for Supremacy, 1453 to the Present. L., 2013. P. 411.

[2] *Чарльз Уильямс.* Аденауэр. Отец новой Германии. М., 2002. С. 403–404.

[3] *A.W. Lovett.* The United States and the Schuman Plan. A Study in French Diplomacy, 1950–1952 // Historical Journal. No. 2. 1996. P. 425–455.

принципах демократии, экономического благосостояния, социального консенсуса, мира и равноправного сотрудничества. Концепцию Монне–Шумана изначально приняли далеко не все западноевропейские государства. Это относилось прежде всего к Великобритании, которая создаст в 1960 г. совместно с Австрией, Данией, Норвегией, Португалией, Швейцарией и Швецией Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) был разработан в соответствии с решениями проходившей в июне 1950 г. в Париже Межправительственной конференции с участием Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Италии и подписан 18 апреля 1951 г. сроком на 50 лет. Страны «шестерки» попытались наладить и военно-политическое сотрудничество, учредив в мае 1952 г. Европейское оборонительное сообщество. Одновременно началась подготовка договора о Европейском политическом сообществе, располагающем наднациональной системой институтов с полномочиями в сферах внешней политики, обороны, экономической и социальной политики, защиты прав человека. Однако в августе 1954 г. Национальное собрание Франции отвергло Договор об оборонительном сообществе, после чего прекратилась и подготовка политического договора. На роль основной структуры европейской безопасности выдвинулось НАТО.

Тем не менее усилиями евроэнтузиастов европейская интеграция продвигалась вперед — от таможенного союза к единому внутреннему рынку со свободным движением товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, а далее — к экономическому и валютному союзу, перераставшему в политический. Продвижение к единой Европе сопровождалось формирование общей правовой базы (aquis communautaire) и системы институтов, имеющих отчасти межгосударственный, отчасти наднациональный характер, которым делегируются полномочия, составляющие часть суверенных прав государств-членов. Именно это в первую очередь в наибольшей мере отличает ЕС от других существующих интеграционных объединений.

25 марта 1957 г. те же шесть первоначальных стран-основателей подписали в Риме два бессрочных договора, учредивших Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Одновременно были созданы Парламентская ассамблея и Суд Европейских сообществ. Наиболее важное значение имело учреждение ЕЭС, сразу устремившегося к более тесной интеграции. Предполагалось введение общей аграрной и торговой политики, координацию политики в других сферах экономики. Предусматривалось четыре этапа интеграции.

Первый — зона свободной торговли, т.е. отмена таможенных пошлин, квот и других ограничений в торговле между государствами-членами при сохранении их автономии в таможенной и торговой политике по отношению к третьим странам.

Второй — таможенный союз, предполагавший введение общего внешнего таможенного тарифа и переход к единой торговой политике в отношении третьих стран.

Третий — единый внутренний, общий рынок, в котором к таможенному союзу прибавлялись свободное движение услуг, капиталов и рабочей силы (включая свободу их профессиональной деятельности).

Четвертый — экономический и валютный союз — общий рынок, дополненный гармонизацией и координацией экономической политики государств-членов на основе совместно принятых решений и контроля за их выполнением, замена национальных валют единой валютой и единая валютная и денежная политика Евросоюза.

8 апреля 1965 г. в Брюсселе был подписан Договор, учреждающий единый Совет и единую Комиссию Европейских сообществ. Акт, именуемый обычно Договором о слиянии, объединил институты трех сообществ — Совет и Комиссию ЕС, Европейский парламент и Верховный суд ЕС в единую структуру Сообществ. В июне 1969 г. начался очередной — на сей раз успешный — раунд переговоров о вступлении в Европейские сообщества Великобритании, Дании и Ирландии. С 1 января 1973 г. «шестерка» превратилась в «девятку».

На этой волне Европейское сообщество в 1971 г. приняло план перехода к Экономическому и валютному союзу («план Вернера» — по имени автора проекта, премьер-министра Люксембурга). Этот этап интеграции намечено было завершить к 1980 г., но план реализован не был. Главную роль в этом сыграли внешние факторы: отказ Вашингтона в 1971 г. от золотого паритета доллара, что привело к расстройству большинства европейских валют, а также четырехкратное повышение цен на нефть из-за сокращения добычи государствами-экспортерами в 1973–1974 гг.

Развитие интеграции пошло по пути создания в 1974 г. нового института — Европейского совета на уровне глав государств и правительств. Сообщество приступило к проведению политики финансовой и технической помощи отдельным регионам, для чего в 1975 г. возник Европейский фонд регионального развития. В 1978–1979 гг. была введена Европейская валютная система, основными механизмами которой стали поддержание стабильных обменных курсов национальных валют государств-членов и общая денежная единица ЕС — экю. В 1979 г. состоялись первые прямые выборы в Европейский парламент. В 1984 г. была начата программа общей сельскохозяйственной политики, при-

нята Первая рамочная программа научно-технического развития на 1984–1987 гг.

Именно в Европе началась разрядка, там все громче критиковали агрессивную вьетнамскую политику США, выступали за нормализацию отношений между всеми государствами континента. Еще в 1960-е гг. французский президент Шарль де Голль выдвинул идею создания пространства общей безопасности «от Атлантики до Урала». Франция и ФРГ перехватывали у Вашингтона инициативу в формулировании политики Запада в отношении соцстран. Германский канцлер Вили Брандт выступил с идеей о том, что объединение Германии может быть достигнуто путем сближения с СССР и странами Восточной Европы. За этим последовало признание Бонном де-факто существования ГДР. 12 августа 1970 г. Брандт подписал Московский договор, где признавались западные границы Польши по Одеру и Нейсе, а также границы между двумя германскими государствами.

Хельсинкский Заключительный акт 1975 г., во многом навеянный идеей де Голля, хотя и не был юридически обязывающим документом, сыграл значительную роль в укреплении безопасности в условиях биполярного мира и впервые создавал общеевропейскую структуру — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (позднее переименованное в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ), в которое вошли все страны Старого Света по обе стороны от «железного занавеса».

Европейская идея зазвучала с новой силой в 1985 г., когда председателем Европейской комиссии стал Жак Делор, а лидером СССР — Михаил Горбачев. «Союз необходим как гарантия нашего выживания... иначе наши страны превратятся в музеи, куда будут заглядывать американские и японские туристы», — уверял Делор в 1989 г. Возможность преодолеть раскол континента и положить конец холодной войне будоражила умы и зажигала сердца. Сообщество в середине 1980-х гг. вступило в новый этап — завершения формирования Единого внутреннего рынка ЕС. Правовой основой программы стал Единый европейский акт 1986 г. К намеченному сроку — 1 января 1993 г. — единый внутренний рынок ЕС, к удивлению многих, стал реальностью.

В конце 1980-х гг. активно обсуждались идеи единой Европы, включающей в себя также СССР, и его союзников. Тэтчер первой озвучила формулу евро-атлантического пространства безопасности «от Ванкувера до Владивостока». Горбачев говорил об «общем европейском доме», который включал бы в себя и Советский Союз. Но в дальнейшем эти формулы, содержавшие большую долю идеализма, продолжения не получили. Восточная часть континента осталась во многом в стороне от последующих шагов в европейском строительстве.

После падения Берлинской стены в 1989 г. резко возросла общественная поддержка идее строительства единой Европы внутри самого ЕС, согласно опросам «Евробарометра», — с 63% в 1973 до 80–82% в начале 1990-х гг.

Но в ЕС существовали и продолжают существовать различные взгляды на характер европейского строительства, противоборство которых и определяет динамику строительства единой Европы. Вот как их описывал экс-канцлер Германии Герхард Шредер: «На одном полюсе, представленном в первую очередь Германией и Францией, действуют те, кто видит будущий Евросоюз непременно как союз политический. Политический союз полагает своей целью передачу основных государственных функций объединившихся стран — в сферах экономики и финансов, внутренней политики и права и обязательно во внешней политике и в обеспечении безопасности — на наднациональный, общеевропейский уровень. На противоположном полюсе представлен взгляд на Европу прежде всего как на общий рынок. Участникам общего рынка нужны лишь общие правила экономического регулирования, тогда как политические функции в значительной мере должны и в дальнейшем оставаться в ведении отдельных национальных государств. Этот подход характерен для Великобритании. <…> К тому же особые отношения между Британией и США мешают участию британцев в созидании общеевропейского будущего. Гораздо охотнее, чем другие страны, Великобритания готова предвосхищать намерения США и ставить их во главу своей европейской политики»[1].

Позицию британских евроскептиков очень ярко артикулировала Маргарет Тэтчер в своей книге «Искусство управления государством»: «Европейский миф не становится менее влиятельным оттого, что это миф… Европа в любой ином смысле помимо географического — совершенно искусственное построение. Нет ни капли смысла в перемешивании Бетховена и Дебюсси, Вольтера и Берка, Вермеера и Пикассо, соборов Парижской Богоматери и Святого Павла, отварной говядины и тушеной рыбы, а затем в преподнесении их как элементов “европейской” музыкальной, философской, художественной, архитектурной или гастрономической реальности. Если Европа чем-то и способна очаровать нас, так это своими контрастами и противоречиями, а не связностью и единством»[2].

Новая стратегия развития Европейского союза после окончания холодной войны была разработана с учетом двух главных обстоятельств. Во-первых, после успеха в создании внутреннего рынка перспективы дальнейшего укрепления интеграции казались безграничными.

---

[1] *Герхард Шредер.* Решения: Моя жизнь в политике. М., 2007. С. 314–315.

[2] *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 359.

Во-вторых, завершение холодной войны и трансформации в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) открыли возможности для резкого расширения Евросоюза. Отсюда стратегия одновременного углубления и расширения. Европтимисты надолго одержали победу над евроскептиками.

Цели и программа развития интеграции «вглубь» были определены в Договоре о Европейском союзе, подписанном в голландском Маастрихте 7 февраля 1992 г. и дополненном решениями Евросовета в Амстердаме в 1997 г. и Ницце в 2000 г. Целями Маастрихтского договора было создание Экономического и валютного союза, а также переход к общей внешней и оборонной политике, сотрудничество в сферах внутренней политики и правосудия. Договор ввел единое гражданство Союза.

После Маастрихта для обозначения областей деятельности ЕС было введено понятие трех «опор»:

- политика ЕС, связанная с таможенным союзом, единым внутренним рынком, Экономическим и валютным союзом;
- общая внешняя политика и политика безопасности;
- сотрудничество в области внутренней политики и юстиции.

Первая «опора» вскоре обрела реальное воплощение: в 2001 г. возникла единая валюта — евро. Это была чисто политическая конструкция. Ее введение, как уверяет Моизи, было продиктовано в первую очередь опасением возрождения германского национализма и той подавляющей силы, которой будет обладать Германия: «Канцлер Гельмут Коль выразился по этому поводу весьма ясно. Он представлял себя как последнего “доброго немца” — иначе говоря, последнего канцлера Германии с личными воспоминаниями о Второй мировой войне. Он говорил своим партнерам в Европе, что им нужно поторопиться завершить начавшийся после холодной войны процесс интеграции и введение европейской валюты, поскольку после него, может быть, будет уже поздно»[1].

Вторым мотивом для введения евро, по словам глобального экономического корреспондента Рейтера Алана Уитли, было стремление «увеличить европейскую роль в мире и сократить чрезмерную привилегию Соединенных Штатов, с которыми годами конфликтовали, особенно французы. Еще в 1990 г. в докладе Европейской комиссии утверждалось, что мировой экономике будет лучше с “более симметричной” международной монетарной системой, в которой мир меньше бы полагался на доллар, а США имели бы меньшее влияние — прямое или через МВФ. Защищенная единой валютой, Европа была бы

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 128–129.

менее уязвима от волатильности доллара и от американского курсового оружия»[1].

С опорой безопасности оказалось сложнее. Падение Берлинской стены, распад соцлагеря и СССР не принесли Европе мира. Напротив, впервые после 1945 г. на континенте вспыхнула война на Балканах. Трудно переоценить влияние кровопролития в Югославии на самочувствие европейцев. Для водворения мира потребовалось вмешательство Соединенных Штатов и НАТО, разбомбивших Сербию. На этом фоне многие полагали, что решение проблем стабильности в Европе лежит в создании собственных европейских структур обеспечения безопасности и дальнейшем расширении Европейского союза, джентльменского клуба с ценностями мира, процветания и этнического примирения. Чтобы избежать балканизации всей Европы, нужно европеизировать Центральную и Восточную Европу.

Вскоре после войны в Югославии — на встрече Совета ЕС в Кёльне в июне 1999 г. — была поставлена цель проведения Европейской политики безопасности и обороны (ESDP), для чего были созданы Комитет политической безопасности, Европейский военный комитет и Европейский военный штаб, а Хавьер Солана был назначен Высоким представителем по вопросам общей политики в области обороны и безопасности. Затем Совет ЕС на саммите в Хельсинки взял обязательство создать 60-тысячные «силы быстрого реагирования, способные принимать участие в сложных гуманитарных интервенциях. Балканам был предложен Пакт стабильности — возможность в перспективе членства в ЕС при условии удовлетворения критериям Союза. А в декабре 1999 г. в Ницце было решено начать переговоры о членстве сразу с большой группой стран[2].

Если раньше ЕС расширялся дозировано (в 1980-е гг. были приняты избавившиеся от диктатур Греция, Испания и Португалия, а в 1990-е — Австрия, Швеция и Финляндия), то затем произошел взрыв, отражавший стремление закрепить страны Центральной и Восточной Европы в западной орбите. Самая большая в истории волна расширения ЕС последовала в 2004 г.: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. В 2007 г. настанет очередь Болгарии и Румынии. В 2013 г. произошло седьмое расширение — присоединилась Хорватия. Однако успехи в расширении сопровождались и немалыми проблемами. Как подчеркнул Моизи, «большинство западноевропейцев встретило расширение без всякого энтузиазма, видя в нем скорее нравственный и исторический долг, а также политический и экономический риск, чем повод для оптимизма и торжества. Мож-

[1] The Power of Currencies and Currencies of Power / Ed. by Alan Wheatley. L., 2013. P. 46.

[2] *Brendan Simms.* Europe: The Struggle for Supremacy… P. 507.

но сказать, что расширение в эмоциональном смысле пришло слишком поздно (иначе говоря, слишком много лет прошло после падения Берлинской стены) и слишком рано с точки зрения развития социальных институтов, поскольку расширение происходило одновременно с "углублением" союза — иначе говоря, его экономическая, социальная и политическая интеграция по-прежнему далека от завершения»[1].

Не намного больше евроэнтузиазма со временем стало и в странах Восточной Европы. Популярность идеи национального суверенитета, писал Шрёдер, «растет и среди восточноевропейских стран — членов ЕС: после крушения Варшавского договора они обрели суверенитет и им трудно решиться на передачу своих суверенных государственных прав на европейский уровень»[2]. Впрочем, и изначально там были опасения по поводу членства в ЕС. «После ухода с поста премьер-министра у меня было немало откровенных и дружеских (в прямом, а не дипломатическом смысле этого слова) бесед с ведущими политическими фигурами этих стран, — откровенничала Маргарет Тэтчер. — Большинство из них под нажимом признают, что их беспокоят возможные последствия вступления в ЕС. Эти люди, прожив бóльшую часть века под властью социалистической бюрократии и хорошо зная, как растаптываются национальная индивидуальность и права, отнюдь не горят желанием попасть под правление Брюсселя. Хотя многие глубоко озабочены нестабильностью, идущей с востока, и все еще стремятся получить гарантии, связанные с членством в ЕС (а также и в НАТО), у них практически нет иллюзий относительно господства Германии в Европе. Это также является причиной беспокойства, но вряд ли кто признается в этом публично»[3]. Мегарасширение привнесло в ЕС невиданную ранее пестроту и неоднородность. И сегодня подспудные проблемы Восточной Европы — более низкий уровень жизни, национализм, коррупция — остаются во многом нерешенными.

За мегарасширением должно было последовать мегауглубление — принятие общей конституции. И здесь возникли большие проблемы. В 2005 г. французы и голландцы сказали «нет» Европейской конституции, в 2008 г. отвергли конституцию ирландцы. Причины возросшего евроскептицизма объяснял бывший британский премьер Тони Блэр, гораздо больший энтузиаст евроинтеграции, чем Тэтчер. «Конечно у Европы есть свои иллюзии: будто бы путь к более сильной Европе лежит через интегрированный процесс принятия решений, — писал он. — Иными словами, "проевропейская" точка зрения заключалась в принятии решений квалифицированным большинством, больше полномочий Европейскому парламенту, больше пространства, охва-

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 130–131.
[2] *Герхард Шредер.* Решения: Моя жизнь в политике. С. 314–315.
[3] *Маргарет Тэтчер.* Искусство управления государством. С. 371.

ченного европейским законодательством и т.д. Этот фокус был по сути конституционным, и это тоже не помогало. Это стало способом избежать реальных проблем, влиявших на европейскую силу: как принять сильные решения, которые направили бы Европу в правильном направлении»[1].

Разбившись о волнорезы референдумов, проект европейской интеграции потребовал переосмысления перед угрозой попятного движения. Из текстов основополагающих документов ЕС были изъяты упоминания о флаге, гимне и девизе Евросоюза. Исчезли слова «конституция», «европейский закон», «семья народов». Осталось утверждение о «создании более тесного союза народов Европы» на основе общих ценностей — достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и прав человека. Результатом ревизии планов стал Лисабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г., который дал передышку проекту европейской интеграции. Видение единой Европы в форме федерации, которое разделяли евроэнтузиасты, осталось нереализованной.

Шансы на ее реализацию, казалось, начали только таять под ударами экономического кризиса 2007–2009 гг. и последующей затяжной депрессии. Но одновременно в поисках путей выхода из экономических проблем появилось множество инициатив, призванных дать новый импульс интеграции. Но прежде, чем поговорить о них, ответим на вопрос: насколько сегодня интегрирована Европа, какая часть национального суверенитета находится сегодня в Брюсселе, а какая — в национальных столицах?

Функционирование и развитие ЕС обеспечивает разветвленная и порой запутанная система институтов, норм, методов и процедур, создававшихся и обкатывавшихся на протяжении десятилетий: Европейский совет, Европейский парламент, Европейская комиссия, Европейский суд, Счетная палата, Совет Европейского союза, Европейский центральный банк, Европейский экономический и социальный совет (партнер Общественной палаты РФ). И это — далеко не все.

ЕС далеко продвинулся вперед в деле унификации законодательства стран-участниц. В большинстве стран Союза более половины новых законов разрабатывается в Брюсселе и затем включается в национальное законодательство. Однако страны продолжают блюсти свои прерогативы по широкому кругу вопросов. «Анализ современной европейской политики свидетельствует: страны — члены Европейского союза сохраняют суверенные права во всех без исключения важнейших областях политической и экономической жизни, — подчеркивает знающий европеист Тимофей Бордачёв. — Охрана границ с соседями ЕС,

[1] *Tony Blair.* A Journey. L., 2010. P. 534–535.

национальная оборона, внешние энергетические связи, юстиция и внутренние дела, миграционная политика, образование — все эти вопросы остаются в исключительной компетенции национальных властей. Такие ключевые сферы экономики, как социальная политика и регулирование трудовых отношений (т.е. весь социальный блок), также находятся в стопроцентном ведении национальных властей»[1].

Директор Института европейских исследований в Брюсселе Поль Магнетт подчеркивал, что из четырех главных функций современного государства — защита границ, источник национальной идентичности, определение политического устройства общества, регулирование рынка — только последняя подвержена наднациональному регулированию, причем не автоматическому, а как результат длительного согласования национальных интересов, учета конъюнктуры и позиций лобби[2]. Общий бюджет ЕС составляет немного больше 1% союзного ВВП. У Брюсселя нет права самостоятельно собирать налоги. Страны-участницы в значительной степени делегировали часть законодательных функций, но держат подальше от него свою казну. Европейский союз превратился в гиганта в области правового регулирования, но пока гораздо менее влиятелен в финансовых вопросах. Ниалу Фергюсону ЕС напомнил «не столько Рим императоров, сколько Рим пап, об одном из которых Сталин как-то спросил: “А сколько у него дивизий?”»[3].

Широкая общественная дискуссия о задачах и средствах интеграции велась в Западной Европе в 1950–1960-е гг., когда и были выработаны основные идеологические конструкции, на которых держится Евросоюз. Попытки возобновить общественные дискуссии о его будущем в последние годы регулярно проваливались Все большее число критиков Европейского союза указывает на дефицит демократии в условиях, когда все большие полномочия оказываются в руках неизбираемой и стремительно расширяющейся брюссельской бюрократии. Единственным напрямую избираемым органом остается Европарламент, однако, несмотря на широкие полномочия, политику сообщества определяет не он, и не случайно, что интерес к его формированию и деятельности падает. В 1979 г. в выборах в Европарламент приняли участие 65% избирателей, а в 2009 г. — только 43%[4]. Куда более реальная власть сосредоточена в коридорах Европейской комиссии, в формировании которой избиратели не принимают участия, а все судьбоносные решения исходят от политических лидеров крупнейших стран.

---

[1] *Тимофей Бордачев.* Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. Том 5. № 1, январь–февраль 2007. С. 66–67.

[2] Там же.

[3] *Ниал Фергюсон.* Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 493.

[4] *David Marquand.* Europe’s Missing Union // International Herald Tribune. July 9, 2012.

В 2011 г., выступая в Берлине, знаменитый философ Юрген Хабермас, заявил: «Процесс европейской интеграции, который всегда осуществлялся через головы населения, зашел в тупик. И он никуда не пойдет дальше без переключения с обычного административного режима на большее общественное участие». Видный американский политолог Уолтер Лакер подметил: «Многие европейцы жалуются на недостаток демократии и они опасаются, вероятно, справедливо, что Европа, где будут доминировать Брюссель, станет еще менее демократической»[1]. Демократический дефицит — отсутствие у граждан каналов эффективного влияния на официальный Брюссель — становится все более сильным раздражителем для граждан.

Повсеместно сокращается число членов политических партий, в Великобритании оно упало с 20 до 1%. Опрос в семи европейских странах показал, что половина граждан не испытывают «ни малейшего доверия к правительству». 62% британцев считают, что «политики всегда врут»[2]. Наученные горьким опытом народных волеизъявлений, политические элиты теперь старательно избегают референдумов, а это значит, что невысказанный протест прорывается наружу в других формах.

Часть населения считает Евросоюз бесполезной и дорогостоящей надстройкой над их странами. Нарастает вал публикаций о брюссельской бюрократии — самой быстрорастущей, самой высокооплачиваемой и, пожалуй, самой расточительной на планете. В 1999 г. комиссия Сантера была распущена из-за коррупции, непотизма и нулевой эффективности. Каждый новый член — это новое представительство с аппаратом в Брюсселе, каждая новая программа — сотни миллионов евро, вынутых из национальных бюджетов. В 2011 г. группа европарламентариев была задержана в ходе переговоров о получении денег за внесение конкретных поправок от лоббистов, выдававших себя за журналистов. В 2012 г. афера с регулированием табачной сферы привела к отставке еврокомиссара по здравоохранению Джона Далли из Мальты. Четверть из 35 тыс. чиновников ЕС имеют зарплату выше, чем у германского федерального министра. Только на поддержание в рабочем состоянии здания Европарламента в Страсбурге уходит 212 млн евро. Там 46 дней в году заседают 754 европарламентария (зарплата 8 тыс. евро, суточные, перелеты, такси, надбавка за дальность, 20 тыс. на помощников)[3].

Согласно опросу «Евробарометра» в сентябре 2011 г., только 30% респондентов считали, что их голос в ЕС что-то значит, зато 62% были

---

[1] *Walter Laquer.* Night Thoughts on Europe // The National Interest. November/December 2011. P. 31.

[2] What's Gone Wrong with Democracy // The Economist. March 1, 2014. P. 50.

[3] The Dragon in the Room: The European Union Inexplicable Fear of Exposing Corruption // The Economist. April 26, 2014. P. 28; *Алексей Славин.* Евротранжиры живее всех живых // Эхо планеты. № 47. 2013. С. 26–27.

убеждены в обратном. Комиссия и Совет, инициирующие и принимающие основные решения Евросоюза, неподотчетны гражданам и не рискуют быть смещенными путем перевыборов или вотума недоверия[1]. Евросоюз монополизировал право говорить от имени всей Европы и формулировать европейские ценности. Неудивительно, что и миллионы людей поставили знак равенства между Европой и ЕС, и именно на Брюссель стали возлагать ответственность за накапливающиеся проблемы.

Все чаще европейцы сетуют и на дефицит лидерства. Среди нынешних глав государств нет сравнимых по масштабу с Черчиллем, Шуманом, Аденауэром, де Голлем или даже с Тэтчер или Делором. Еще более бесцветны руководители институтов Евросоюза, где высшие посты занимают порой политики и чиновники второго ряда, которые не добились большого успеха в собственной стране. «Коренной чертой европейского проекта является политика без политиков на общеевропейском уровне и наличие политиков при отсутствии политики на уровне государств»[2], — метко подмечает ведущий болгарский политолог Иван Крастев.

Что же касается европейских институтов, не входящих в структуру Европейского союза, то их судьба по окончании «холодной войны» выглядела следующим образом.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) предполагала наличие трех корзин: безопасность, экономика, гуманитарные проблемы. Безопасность, в значительной степени, ушла в НАТО, экономика — в ЕС, гуманитарная почти исчезла (культурные проблемы, меньшинства, языки), осталось наблюдение за выборами восточнее ЕС и НАТО. Россия в середине 1990-х предлагала сделать ОБСЕ европейской системой безопасности. Предложение было тогда отвергнуто как русский заговор с целью подрыва НАТО, и теперь ОБСЕ все больше превращается в организацию виртуальную. Но ОБСЕ, в которую сейчас входят 55 стран — уже не только европейских — не безнадежна, если постараться реанимировать ее в первоначальном предназначении и наполнении всех трех корзин реальным содержанием. На Украине с 2014 г. ОБСЕ пытается играть посредническую роль, но пока не слишком успешно.

Совет Европы, созданный в 1949 г. для решения проблем прав человека, культурного и гуманитарного сотрудничества, на выходе из холодной войны состоял из 23 западноевропейских государств, сейчас их 47. Вновь входившие (включая Россию, которая стала членом СЕ в

---

[1] *Ольга Буторина.* Европа без Евросоюза // Россия в глобальной политике. Ноябрь–декабрь 2011.

[2] *Иван Крастев.* Парадокс европейской демократии // Pro et Contra. Январь–апрель 2012. С. 7.

1996 г.) присоединялись к Европейской конвенции по правам человека и принимали ее контрольные механизмы, включая Европейский Суд по правам человека. Условие присоединения к Совету Европы — демократическое правовое устройство и проведение свободных выборов. В рамках Совета Европы действуют свыше 170 общеевропейских конвенций, обязательных для ратифицировавших их государств.

Кризис и новый импульс интеграции

Европейская самобытность проявляется в том, что называют европейской экономической и социальной моделью. Она имеет различные страновые формы, однако заметно отличается, скажем, от американской модели и обладает следующими характерными чертами: более высокий уровень государственных расходов, более высокий суммарный уровень налогообложения, более высокие социальные отчисления, сильное госрегулирование, особенно рынков труда. Кроме того, только в рамках ЕС существует денежно-кредитный союз, а большая часть государств-членов входит еще и в зону евро. Однако сегодня все больше аналитиков рассуждают о пределах и эффективности этой модели из-за переживаемых Европой серьезных экономических трудностей.

В 2011 г. экс-премьер Великобритании Гордон Браун писал: «Раньше на Европу приходилась половина мирового производства. К 1980 г. этот показатель упал до четверти. Сегодня он меньше одной пятой — лишь 19%. Скоро будет чуть больше одной десятой — 11% к 2030 г., а затем упадет до 7%. К 2050 г. — менее чем через четыре десятилетия — европейская экономика будет уступать латиноамериканской. Если в показателях роста Европа будет и дальше далеко отставать от конкурентов, к середине века ее экономика сравняется с африканской»[1].

Что произошло? Сергей Караганов давал емкий ответ: «Европа ЕС вынуждена будет расплачиваться за триумфализм и ошибки прошлого. За слишком быстрое и почти без условий расширение Союза и зоны евро. За отказ большинства стран (кроме Германии и ряда северных европейцев) от структурных реформ на волне эйфории, вызванной экстенсивным расширением рынков из-за падения железной стены и экономического открытия Китая»[2]. На протяжении двух десятилетий, предшествовавших кризису 2007–2009 гг., средние темпы прироста ВВП в странах Европейского союза составили 1,9%. В это же время суммарное сальдо текущего баланса ЕС равнялось –0,2%, и доля Евросоюза в мировом экспорте постепенно уменьшалась. Валовой внутренний про-

[1] *Gordon Brown.* Europe's Real Problems // International Herald Tribune. July 12, 2011.
[2] *Сергей Караганов.* Европа: хорошие новости // Российская газета. 13 июля 2012.

дукт мог расти только за счет внутреннего спроса, причем — по факту — потребительского, который увеличивался быстрее, чем сам ВВП. Успехам торговли помогала цифровая революция: компьютеры, плееры, мобильные телефоны и другая часто меняемая техника. Росту продаж способствовало долгосрочное снижение инфляции и процентных ставок. Коммерческие банки расширяли объемы кредитования, глядя сквозь пальцы на платежеспособность заемщиков.

Происходила интенсивная деиндустриализация. «Мощная промышленность, сложившаяся в Китае, Индии, Турции и других странах юга и востока, создала непреодолимую конкуренцию традиционным индустриальным державам Западной Европы, — пишет Николай Спасский, зампред Росатома и бывший посол России в Италии. — Сейчас индустрия в этих странах, особенно тяжелая и легкая, доживает последние дни. Высокотехнологичные отрасли пока еще держатся, но тоже сдают позиции»[1]. С 2000 по 2012 г. доля ЕС в мировом индустриальном производстве упала на 5%, тогда как Азия увеличила свою долю на 18%. За эти годы ЕС потерял 6 млн рабочих мест в промышленности. Европейская комиссия ставит цель вновь увеличить долю Евросоюза в мировом производстве с 15 до 20%, но путей к этому не видно[2].

При этом Европа явно теряла предпринимательский дух, новые фирмы и предприятия почти не возникали. В 2010 г. «начинающие предприниматели» составляли в Италии 2,3% всего взрослого населения, в Германии — 4,2%, во Франции — 5,8%, тогда как в Китае этот показатель достигал 14%, в Бразилии — 17%. С 1950 г. в Европе возникло лишь 12 новых крупных компаний, вошедших в список 500 крупнейших корпораций мира, а с 1975 г. — всего три: две в Великобритании и одна в Ирландии[3].

Присоединяясь к денежно-кредитному союзу, государства ЕС добровольно уступали свои полномочия по управлению денежно-кредитной политикой Европейскому центральному банку (ЕЦБ). Они также становились участниками Договора об обеспечении стабильности и роста, который накладывал ограничения на размер их бюджетных дефицитов (3% от ВВП). Теоретически участие в союзе требовало от этих государств также проведения серьезных структурных реформ. Но случилось иное. Германия и некоторые другие страны в предкризисные годы уменьшали свои финансовые дисбалансы и повышали конкурентоспособность экспорта за счет проведения корпоративной реструктуризации. Обратная ситуация наблюдалась в Италии, Испании, Греции

---

[1] *Николай Спасский.* Закат Европы и перспективы России // Россия в глобальной политике. Май–июнь 2012. С. 52.

[2] *Markus Kerber.* What's needed is a much more visionary EU industrial policy // Europe's World. Autumn 2014. P. 87, 86.

[3] Les misérables // The Economist. July 28, 2012. P. 17–18.

и Португалии, где финансовые дисбалансы оставались значительными, а темпы роста заработной платы опережали рост производительности труда.

Кризис 2007–2009 гг. пришел в Европу из США, но страны ЕС оказались в числе наиболее пострадавших: в 2009 г. их совокупный ВВП снизился в среднем на 4,1% при среднемировом падении порядка 3%. По характеру принимавшихся антикризисных мер Старый Свет разделился на те же две группы. Государства, где раньше наращивались расходы, продолжили это делать за счет внутренних и внешних заимствований, не останавливаясь перед резким увеличением бюджетного дефицита. При этом почти все страны ЕС сильно превысили 3-процентную планку дефицита бюджета. Государства с наибольшими дефицитами рванулись за помощью к более экономным партнерам, но те не видели причин поощрять чужую расточительность. Добрая половина Европы стала испытывать проблемы с платежеспособностью, рост производства остановился, экспорт упал на 16%, безработица превысила 10%. Общий долг, накопленный странами ЕС, составил 84% от их совокупного ВВП, в Греции он достиг 125%, в Италии — 118%. Выделилась группа наиболее проблемных стран — PIIGS (Португалия, Ирландия, Италия, Греция, Испания).

Американский журналист Майкл Льюис наглядно показал, каким образом, например, греческие власти распорядились возможностью почти неограниченного кредитования экономики, когда их страна стала членом зоны евро и получила наивысший кредитный рейтинг. «Только за последние 12 лет фонд заработной платы государственного сектора греческой экономики удвоился в реальном выражении — без учета взяток чиновникам. Средняя зарплата в госсекторе почти в три раза превышает среднюю зарплату в частном секторе. Годовой доход государственной железной дороги составляет 100 млн евро, а на зарплаты тратится 400 млн, не говоря уже о прочих расходах в сумме 300 млн евро… Было бы дешевле перевозить всех пассажиров греческой железной дороги на такси… Греческая система государственных школ начисто лишена эффективности: будучи одной из худших в Европе, она тем не менее нанимает вчетверо больше учителей на одного ученика, чем финская, одна из лучших европейских систем образования… В стране есть три государственные военно-промышленные компании: их совокупная задолженность достигает миллиардов евро, а убытки постоянно растут. Пенсионный возраст в Греции, считающийся “высоким”, составляет 55 лет для мужчин и 50 для женщин. В настоящее время в результате попыток государства проанализировать природу щедрых пенсий выяснилось, что более 600 профессий в Греции каким-то образом попали в категорию тяжелых: парикмахеры, дикторы на радио, официанты, музыканты…» И так далее, и так далее. Самое интересное,

правительство знало лишь сумму расходных статей, записанных в бюджете, и никто не следил за реальными тратами. Когда новый министр финансов Папаконстантину, имевший первоклассное экономическое образование и десять лет проработавший в ОЭСР, в октябре 2009 г. пришел в свой кабинет, правительство было уверено, что дефицит бюджета составлял 3,7%. Через две недели Папаконстантину выяснил, что реальный дефицит составлял 14% от ВВП[1]. Европа оказалась в шоке.

Вторая группа государств, напротив, пошла на жесткие сокращения государственных расходов и увеличение налогов, но тоже с весьма неутешительными результатами. Наиболее решительно затянули пояса прибалты. Так, Литва в 2009 г. сократила расходную часть бюджета на 30%, зарплаты в госсекторе — на 20–30%, пенсии — на 11%; были повышены все акцизы — от лекарств до алкоголя. В итоге Вильнюсу удалось удержать дефицит на уровне 9% от ВВП, но следствиями стали 14-процентная безработица, 15-процентное падение производства, массовый отток рабочей силы и удвоение числа самоубийств. По этому же пути — пути экономии — шла Германия и ряд стран Северной Европы, но и они не избежали кризиса.

Как выяснилось, именно германские банки выступали главными кредиторами Греции, крупнейшими вкладчиками в американский, ирландский и исландский ипотечные и финансовые пузыри. «Другие страны воспользовались иностранными деньгами как средством удовлетворения различных безумных потребностей, — писал Льюис. — В Германии банкиры использовали собственные деньги для того, чтобы дать иностранцам вести себя безумно… Они кредитовали американских низкокачественных заемщиков, ирландских магнатов недвижимости, исландских банковских воротил, чтобы те проворачивали дела, которые ни один немец никогда бы себе не позволил. Убытки немцев пока не подсчитаны окончательно, но по последним данным они составляют $21 млрд по исландским банкам, $100 млрд по ирландским банкам, $60 по американским низкокачественным ипотечным обязательствам. Кроме того, предстоит еще определить размер потерь по греческим облигациям»[2].

В 2010 г. экономический рост возобновился: суммарный ВВП стран ЕС вырос на 1,7%, в 2011-м — на 1,6% в зоне евро и на 1,8% в ЕС-27. Однако норматив — не выше 3% ВВП для дефицита — в 2010 г. был нарушен 22 государствами (12 из них были членами еврозоны), бюджетный дефицит в среднем по ЕС превысил 6%.

Катастрофическое финансовое положение Греции, а вскоре — Ирландии и Португалии поставило под угрозу евро и экономический и

[1] *Майкл Льюис.* Бумеранг: Как из развитой страны превратиться в страну третьего мира. М., 2013. С. 65–67.

[2] Там же. С. 172–173.

валютный союз в целом. Из двух зол — исключить проблемные страны из еврозоны с угрозой цепной реакции или оказать им колоссальную по размерам помощь — лидеры ЕС избрали меньшее — помощь. Летом 2010 г. начал работу Европейский стабилизационный фонд (European Financial Stability Facility), который мог предоставлять займы в размере до 440 млрд евро и гарантии на 780 млрд евро. Другим инструментом стал Европейский финансовый стабилизационный механизм, с помощью которого Еврокомиссия получала возможность занимать на финансовых рынках средства (до 60 млрд евро), начиная с 2013 г.

Вторым направлением антикризисной стратегии была объявлена финансовая стабилизация, а ее инструментом — национальные программы стабилизации (для стран еврозоны) или конвергенции (для остальных участников ЕС) на 2011–2014 гг. Общим для них являлся переход к рестриктивной бюджетной политике, подкрепляемой структурными реформами, ведущими к увеличению доходов государства.

Многие эксперты не без оснований предупреждали, что бюджетное самоограничение может иметь следствием более затяжную депрессию, высокую безработицу, социальный протест. Страны еврозоны действительно попали в ловушку. Задолженность проблемных стран оказалась настолько велика, что финансисты всего мира боялись давать в долг не только странам «европейской финансовой периферии» — Греции, Ирландии, Португалии, но и таким крупным экономикам, как Испания и Италия. Когда долги велики, можно, конечно, снизить дефицит бюджета, т.е. сократить расходы и попытаться увеличить доходы, убеждая инвесторов, что в будущем дефицита не предвидится. Однако сокращение дефицита во время нулевого роста или спада только усиливает спад, поскольку государственные расходы не поддерживают совокупный спрос. Снижая дефицит во время кризиса, правительства направляют экономику в порочный круг: чем ниже темпы роста, тем меньше веры в то, что государство сможет расплатиться по долгам, тем сильнее нужно сокращать расходы и повышать налоги, тем ниже темпы роста и т.д.

Но даже те страны, относительно которых кредиторы не беспокоились, тоже озаботились снижением бюджетных дефицитов. Экономистов (в том числе и таких знаменитых, как нобелевский лауреат Пол Кругман), которые говорили, что неправильно сокращать расходы, если сомнений в платежеспособности заемщика нет, никто не слушал. Даже когда стали ясны последствия решительного сокращения бюджетного дефицита правительством Кэмерона в Британии (там вновь начался спад), возможность существенного увеличения расходов даже сильных экономик еврозоны не рассматривалась. Надежды возлагались на ЕЦБ, который — с промедлением — переходил к менее ограничительной денежной политике.

Помимо этого, не имея собственной валюты, проблемные страны не смогли прибегнуть к таким антикризисным механизмам, как девальвации или эмиссия. Американский экономист Нуриэль Рубини, получивший известность за точный прогноз мирового финансового кризиса, подчеркивает: «Когда евро только создавался в качестве единой валюты в Европе, я, как и многие другие специалисты, выражал по этому поводу обеспокоенность. Страны, пользующиеся одной валютой, отказываются от важного инструмента — регулировки валютных курсов, — необходимого для проведения корректировок. Если бы Греции и Испании разрешили понизить стоимость своих валют, их экономики укрепились бы — за счет увеличения экспорта. Более того, при переходе от своих валют к евро эти две страны отказались еще от одного инструмента, применяемого в периоды экономического спада, — денежно-кредитной политики. Если бы они этого не сделали, то могли бы ответить на кризис, в котором оказались, снижением процентных ставок, чтобы стимулировать приток инвестиций (хотя при нынешней тяжелой рецессии снижение процентных ставок не сработало бы). Однако вместо прежней свободы действия руки у стран еврозоны оказались связаны»[1].

Третье направление антикризисной стратегии — повышение качества управления экономическим развитием в национальных рамках и в масштабе ЕС. Здесь существовало фундаментальное противоречие: между валютным союзом с его единой наднациональной валютной политикой и единым ЕЦБ, с одной стороны, и экономическим союзом, наделенным лишь функцией координации политики входящих в него стран, которые сохраняли значительную автономию в ее разработке и осуществлении, — с другой. ЕС в еврозоне добился полного валютного единства, но экономический союз так и не состоялся. Страны, пользовавшиеся одной валютой, проводили совершенно разные, порой взаимоисключающие линии в экономической политике.

В 2012 г. вновь начался спад, превращаясь в реальную угрозу самому существованию евро; обрушились суверенные кредитные рейтинги не только основных стран-должников, но и Евросоюза в целом. Прогнозы относительно заката эпохи евро перестали считаться экстравагантными. К краю финансовой пропасти подошли уже не только периферийные экономики — Греция, Португалия, Ирландия, но и Италия с Испанией. Для еврозоны и ЕС в целом дефолт этих крупных стран в принципе недопустим.

Самой сложной оставалась ситуация в Греции, где госдолг вырос со 113% ВВП в 2008 г. до 177% — в 2012-м. В ночь на 27 ноября 2012 г. после 12-часовых переговоров министры финансов ЕС и представители МВФ

[1] *Нуриэль Рубини.* Как я предсказал кризис. М., 2011. С. ??

договорились, что Греция получит 43,7 млрд евро в обмен на обещание снизить размер госдолга до 124% от ВВП к 2020 г. и до 110 — к 2022-му[1]. Если учесть, что внутренний и внешний долг, по некоторым оценкам, составлял 1,2 трлн долл., т.е. четверть миллиона долларов на каждого жителя[2], а экономика сократилась на 20% с начала кризиса и продолжала падать, то рассчитывать на быстрое спасение не приходилось.

Положение в ЕС стало похоже на замкнутый круг. Банки боятся неплатежеспособности своих национальных правительств, облигации которых они держат, а правительства — неплатежеспособности банков, получивших государственные гарантии.

Еще одним непредвиденным следствием экономического кризиса стало, по авторитетному утверждению главы Европола Роба Уайнрайта, удвоение (как минимум) объемов теневой экономики. По его мнению, особую опасность представляют итальянские преступные группировки коза ностра, каморра и ндрангета. Только последняя располагает незаконными доходами в 44 млрд евро в год. Теневая экономика в ЕС не связана с наркотиками, проституцией и ограблением банков (хотя и это присутствует), она специализируется на обходе административных барьеров и налоговых правил. В теневом пространстве Европы лидером считается Греция, где в тень выводится 40% производимых товаров и услуг; недалеко от нее ушли Польша, Румыния и Болгария. Общий объем теневой экономики в ЕС достигает 2,2 трлн евро — почти 19% от ВВП[3]. Европейская комиссия оценивает стоимость коррупции для европейской экономики в 120 млрд евро в год — столько же, сколько Германия планирует инвестировать в инфраструктуру в следующие 10 лет[4].

Все чаще говорят об опасности соскальзывания стран Евросоюза в дефляционную спираль, подобную той, которая на два десятилетия загасила японский экономический рост. Ультранизкая инфляция — менее 1% к 2014 г. — совпала с заметным падением покупательского спроса, который в зоне евро был на 5% меньше, чем в 2008 г., в Италии — на 12%, в Испании — на 16%. «ЕЦБ позволил еврозоне скатиться по крутому и покрытому препятствиями склону. Он провалился с достижением целей по инфляции, и экономика даже флиртует с дефляцией. Банк также позволил стагнировать предложению денег и кредита»[5], — полагает видный финансовый аналитик Мартин Вольф.

Итак, каково состояние европейской экономики и чего можно ожидать в дальнейшем? В 2009–2013 гг. экономика Евросоюза сокращалась

---

[1] *Наталья Райбман.* Новый день Греции // Ведомости. 28 ноября 2012.
[2] *Майкл Льюис.* Бумеранг. С. 66.
[3] *Дмитрий Докучаев.* Европу накрыла тень // Эхо планеты. № 37. 2013. С. 19–20.
[4] *Markus Kerber.* What's needed is a much more visionary EU industrial policy. P. 87.
[5] *Martin Wolf.* The Spectre of Eurozone Deflation // Financial Times. March 12, 2014.

в среднем на 1% в год. В 2014 г. ВВП Испании был ниже докризисного на 7,5%, Португалии — на 7,6%, Ирландии — на 8,4%, Италии — на 8,8%, Греции — на 23,4%. Рост Еврозоны по итогам 2014 г. был меньше 1%, безработица превысила 11%. Долг стран Евросоюза превышает 87% ВВП. Жан-Клод Юнкер предложил план стимулирования экономики в 315 млрд евро, в основном за счет привлечения частных средств. Но шансы на его реализацию оцениваются как минимальные. Рост в 2015 г. вряд ли превысит 1%[1]. Эксперты заговорили и о факторе санкций в отношении России, которые, судя по цифрам, пока приносят больший урон Евросоюзу. Еврокомиссия прогнозирует на последующие 10 лет рост на 1% против 2,5% в США. Продолжится отставание от США по производительности труда: она стала на 10% ниже в середине 1990-х, на 20% — в 2014 г., а к 2023 г. разрыв достигнет 27%[2].

Томас Райт из Brookings Institution утверждает: «Исходя из текущей политики и ее возможных результатов, мы видим европейское десятилетие экономической стагнации: низкие показатели роста, высокая безработица, банки-зомби и уязвимость к внешним шокам, — что подорвет силу Европы, усилит политическую напряженность по поводу будущего еврозоны и Европейского союза и заставит Европу играть меньшую роль в международных делах»[3]. Еще менее оптимистичен Пол Кругман, который в августе 2014 г. был уверен, что «Европе еще повезет, если на ее долю выпадет лишь одно потерянное десятилетие»[4].

Эксперты все чаще винят в сложившейся экономической ситуации Германию, которая проводит политику экономии сама и предлагает ее всему ЕС. «Конечно, Германию нельзя упрекать за желание иметь сильную валюту и сбалансированный бюджет, — пишет известный финансист Джордж Сорос. — Но ее можно винить за навязывание своей модели другим странам с разными нуждами и предпочтениями — как Прокруст из греческой мифологии, который заставлял людей ложиться в его ложе и растягивал их или обрубал им ноги, чтобы они точно в него помещались. Прокрустово ложе, в котором должна лежать еврозона, называется экономия и, как следствие, дефляция»[5]. На рост антигерманских настроений по всему континенту обращает внимание лорд Гидденс: «Германия лидирует, но не любима. Несмотря на всю

---

[1] Fiddling While Europe Burns // The Economist. November 29, 2014. P. 13; Europe's Great Alchemist // Ibid. P. 28; Brussels In-Tray // The Economist. The World in 2015. P. 38.

[2] *Martin Wolf.* Germany's Strange Parallel Universe // Financial Times. September 24, 2013; *Екатерина Кравченко.* Закат Европы // Ведомости. 15 января 2014; *Татьяна Едовина.* Зоне евро не до роста // Коммерсантъ. 15 августа 2014.

[3] *Thomas Wright.* Europe's Lost Decade // Survival. December 2013 — January 2014. P. 7.

[4] *Paul Krugman.* The Forever Slump // International New York Times. August 16–17, 2014.

[5] *George Soros with Gregor Schmitz.* The Tragedy of the European Union: Desintegration or Revival? N.Y., 2014. P. 25.

политкорректность, в газетах — главным образом южноевропейских стран — появляются заголовки со словосочетанием “четвертый рейх”». Демонстранты в Италии, Испании, Греции, на Кипре носят портреты Меркель с подрисованными усами и свастикой»[1].

Даже внешне Европа стала выглядеть хуже, беднее. Все больше заброшенных магазинов и ресторанов, и уже не только на юге континента.

Переживаемые Европой трудности носят комплексный характер. Паскаль Лими, генеральный директор ВТО, так определил его параметры: «Еврокризис — это на самом деле три кризиса: экономический, институциональный и кризис легитимности. Экономический компонент — это симптом: опасная комбинация недостаточной конкуренции, бюджетных проблем и шатающихся банков. Институциональный компонент отражает первородные грехи в дизайне валютного союза — недостаточные полномочия центральных европейских властей в надзоре, принятии решений и разделении рисков, чего не смогли преодолеть последовательные конституционные реформы. Наконец, евро подрывает кризис легитимности, во время которого поддержка единой валюты и, шире, европейского проекта находится в упадке»[2].

Так может быть, начинает сбываться пророчество Уолтера Лакера из его книги 2006 г. «Последние дни Европы» о превращении Старого Света в музей, тематический культурный парк для состоятельных туристов из Восточной Азии?

Многие европейцы с этим не согласны. Евросоюз остается мощным экономическим игроком, на которого приходится 15,6% мирового экспорта, что заметно больше американских 8,3% и японских 4,6%. Финляндия, Нидерланды, Германия, Великобритания и Швеция входят в десятку самых конкурентоспособных экономик мира[3]. Пророчества по поводу распада зоны евро или выхода из нее отдельных членов оказались несостоятельными. Выход из еврозоны имеет запредельно высокую цену. Даже намек какой-то страны на выход способен привести к коллапсу ее банковской системы. Ее новая валюта обесценится еще до введения, все сбережения обесценятся, долги станут абсолютно неподъемными, поскольку номинированы в евро. Страна вынуждена будет объявлять дефолт, что на годы отрежет ее от мировой финансовой системы. Поэтому, по всем опросам, большинство жителей еврозоны считает, что введение общей валюты принесло вред их странам, но все же не поддерживает расставание с евро. Более того, еврозона расширяется. В 2011 г. в нее вступила Эстония, с 1 января 2014 г. 18-м ее членом

---

[1] *Anthony Giddens.* Turbulent and Mighty Continent. P. 209–210.

[2] *Pascal Lamy.* Europe Needs a Legitimacy Compact // International Herald Tribune. July 9, 2012.

[3] *Mark Leonard, Hans Kundnani.* Think Again: European Decline // Foreign Policy. May/June 2013. P. 47.

стала Латвия, с 1 января 2015 г. — Литва. Евро вместо собственной валюты используют Черногория и Косово, а Болгария и Босния и Герцеговина используют currency board на основе евро.

И Европа не сидит на месте. Стремление преодолеть фундаментальные проблемы и противоречия стало главной причиной ряда шагов по углублению интеграции в Евросоюзе.

Эти шаги заметны начиная с 2011 г. Одобренный Евросоветом документ «Евро-плюс пакт», который заменял действовавший с 2003 г. Пакт стабильности и роста, расширял полномочия Еврокомиссии в части надзора и контроля над финансовой и экономической политикой государств-членов. В документе были названы 12 приоритетных проектов, цель которых — завершение интеграции некоторых сегментов ЕВР (рынки услуг и электронной торговли), устранение остатков протекционизма в других сегментах (контракты по государственным закупкам и т.д.), улучшение функционирования рынков в секторах энергетики, транспорта и телекоммуникаций, повышение трудовой мобильности.

Серьезный толчок интеграции был дан на саммите Европейского союза 7–8 декабря 2011 г., принявшем решение о заключении межправительственного бюджетно-налогового соглашения. Оно было призвано противодействовать долговому кризису путем ужесточения и автоматического применения санкций к странам еврозоны — нарушителям финансовой дисциплины (блокировать санкции могло квалифицированное большинство в 75% членов еврозоны).

Вводилась система проверки в Брюсселе проектов госбюджетов до их принятия национальными парламентами, потолок временного стабилизационного фонда увеличивался до 500 млрд евро и заменялся постоянным Европейским механизмом стабильности с июля 2012 г. Страны еврозоны увеличивали свой взнос в МВФ на 200 млрд евро, не в последнюю очередь для того, чтобы стимулировать другие страны — США, государства БРИКС — также наращивать свои вливания в МВФ для поддержки Евросоюза.

Соглашение одобрили все страны еврозоны и все не входящие в нее участники ЕС, за исключением Великобритании. Таким образом, на декабрьском саммите 2011 г. Европейский совет — без согласования с Европарламентом и национальными парламентами — принял решение, которое фактически подводило единую налогово-бюджетную политику под единую валюту ЕС, во многом забирая этот оплот экономического суверенитета из-под контроля государств-членов. Для руководства экономическим и валютным союзом, наделенным новыми функциями, планировалось создать подобие «экономического правительства» на основе Еврогруппы — Совета министров финансов стран еврозоны. По аналогичной схеме виделось преобразование Экофина (Совета министров финансов и экономики стран ЕС) или его основного

рабочего органа — Экономического и финансового комитета (он включает, кроме министров финансов и глав центробанков стран, представителей Еврокомиссии и Европейского центрального банка).

В июне 2012 г. управляющий Центральным банком Франции Кристиан Нойер утверждал: «Кризис показал, что европейский экономический и валютный союз не завершен. Общая валюта должна быть подкреплена финансовым союзом. Наши банки сегодня — не банки Германии, Испании или Франции… Нам нужна общеевропейская структура, ответственная за гарантии вкладов, банковский надзор, разрешение кризисов»[1].

В 2012 г. на июньском саммите Евросовета был принят Пакт роста и занятости с бюджетом в 120 млрд евро. Но главным итогом саммита стало решение создать единый банковский регулятор. На первом этапе его задача виделась в рестуктуризации банковского сектора (около 8,5 тыс. банков) и стабилизации рынка кредитования. После создания единого регулятора Европейский стабилизационный механизм получал право проводить рекапитализацию проблемных банков напрямую, а не через правительства, как это было ранее[2].

Главными силами углубления интеграции стали страны европейского «ядра» — Германия и Франция, несмотря на разногласия между их лидерами. Их усилия были поддержаны в заявлении «Будущее Европы», опубликованном 18 сентября 2012 г. — после встречи в Варшаве министров иностранных дел Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Дании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Польши и Португалии. Масштаб изменений, предложенных министрами, превосходил отвергнутую Конституцию ЕС: предложили вернуться к идее президента Евросоюза, избираемого прямыми выборами в государствах-членах; усилить полномочия общей внешнеполитической службы; создать европейскую пограничную полицию и даже европейскую армию; отменить принцип единогласия в вопросах общей внешней политики и политики безопасности с целью ее гармонизации. «Решение нынешней головоломки — больше, а не меньше Европы, которая будет более конкурентоспособной, более защищенной от экономических кризисов, более объединенной перед лицом вызовов глобализации»[3], — писали, представляя заявление, министры иностранных дел Польши и Германии Радек Сикорский и Гуидо Вестервелле.

Осуществление такой реформы потребовало бы ревизии Лиссабонского договора. С учетом прежнего опыта министры выдвинули

---

[1] *Christian Noyer.* The Next Step for Europe Is Financial Union // The Wall Street Journal. June 12, 2012.

[2] Inching Towards Integration // The Economist. July 7, 2012. P. 15–16; *Екатерина Кравченко.* Порадовали согласием // Ведомости. 2 июля 2012.

[3] *Radek Sikorski, Guido Westerwelle.* A New Vision of Europe // International Herald Tribune. September 18, 2012.

беспрецедентное предложение: утверждать будущие редакции договоров о ЕС не единогласно, а квалифицированным большинством, с тем чтобы эти договоры могли действовать в только ратифицировавших их государствах[1].

Осенью 2012 г. был представлен проект «углубленного и настоящего Экономического и валютного союза» — рассчитанный на срок до 5 лет амбициозный план создания полного экономического, банковского и бюджетного (фискального) союза. План предполагал более обязывающую координацию выработки и принятия национальных решений в сфере макроэкономической и бюджетной политики при непосредственном участии наднациональных институтов, передачу им компетенций по санкционированию национальных мер и контролю над их исполнением. Это также касается политики в области налогообложения и занятости. Предполагается создание автономного бюджета еврозоны, в том числе для поддержки стран, которые проводят болезненные структурные реформы.

В октябре 2012 г. зампред Еврокомиссии Олли Рен писал: «Европейскому союзу необходимо двигаться в сторону более тесной интеграции. Поэтому европейские лидеры договорились о создании подлинного валютно-экономического союза, основанного на четырех принципах: банковский, финансовый, экономический и, наконец, политический союз»[2].

Что касается банковского союза, то основной мерой виделся запуск единого механизма надзора за деятельностью банков. В декабре министры финансов стран ЕС предоставили ЕЦБ полномочия по надзору за крупнейшими кредитными организациями: с марта 2014 г. регулятор мог осуществлять постоянный контроль примерно за 150 финансовыми институтами (банки с объемом активов не менее 30 млрд долл. либо те институты, чьи балансы достигают 20% от ВВП страны базирования). Столь высокая планка стала заслугой германского лобби, выступившего против контроля над системой более мелких национальных сберегательных банков. Тем не менее ЕЦБ получил возможность вмешательства в случае возникновения проблем в любом банке[3].

При этом сохранялись разногласия по проблемам финансирования деятельности Евросоюза. На внеочередных — ноябрьском и декабрьском — саммитах лидеров ЕС 2012 г. не удалось достичь компромисса по проекту долгосрочного бюджета на 2014–2020 гг. Лишь в феврале 2013 г. после рекордных 24-часовых переговоров лидеры стран Евросоюза согласовали первый за всю историю союза секвестр бюдже-

---

[1] Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика: Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М., 2012. С. 100–102.

[2] *Олли Рен.* Экономические перспективы ЕС // Ведомости. 19 ноября 2012.

[3] *Евгений Басманов.* Под контролем ЕЦБ // РБК-daily. 14 декабря 2012.

та. Действующий бюджет на 2007–2013 гг. составляет 993,6 млрд евро, Еврокомиссия просила 1,09 трлн на следующую шестилетку, но получила только 993,6 млрд[1].

Летом 2013 г. возникла еще одна угроза дефолта — на сей раз на Кипре. Его просьбы о финансовой помощи были оставлены практически без ответа. «Впервые с начала кризиса в отношении страны, к которой применялся традиционный рецепт блока — бюджетное сжатие, — была использована и новая догма банковского "вкупа" (*bail-ins*), при котором кредиторы и вкладчики, а не налогоплательщики оплачивали счет за провалившиеся банки, насильственно расставаясь со своими кредитами и депозитами»[2], — писала тогда The Wall Street Journal. Не в последнюю очередь такая схема «санации» банков была принята потому, что там было много российских денег. Россиян не жалко.

К концу 2012 г. началась дискуссия о стратегических перспективах ЕС и возможном формировании полноценной федеративной структуры, о которой раньше старались не упоминать. Еврокомиссия представила проект продвижения к «подлинному» экономическому и валютному союзу.

Но он вызвал множество вопросов. Юрген Хабермас, в частности, считал, что «пакт Европы повторяет старую ошибку: юридически не обязывающие соглашения, заключенные главами государств, либо неэффективны, либо недемократичны, а потому должны быть заменены институционализацией процесса совместного принятия решений с неоспоримой демократической легитимностью»[3].

Стремление придать бóльшую легитимность, авторитет и демократизм процессу формирования институтов ЕС привело к реализованной в 2014 г. реформе, в соответствии с которой результаты выборов в Европейский парламент должны были учитываться при избрании председателя Европейской комиссии. Однако это не сильно повысило интерес к выборам: явка составила рекордно низкие 42,5%.

Европейская народная партия (объединение консерваторов и христианских демократов) была первой, несмотря на потерю нескольких десятков мандатов. Не смогла увеличить представительство и Партия европейских социалистов. При этом укрепились позиции евроскептиков и националистов, которые заняли первое место на выборах во Франции («Национальный фронт»), Великобритании (Партия независимости Соединенного Королевства), Дании (ДНП), увеличили свое представительство в Австрии, Германии, Швеции, Финляндии, Греции.

---

[1] *Екатерина Кравченко.* Первый секвестр Европы // Ведомости. 11 февраля 2013.

[2] *Matina Stevis.* The Unintended Consequences of Cyprus // The Wall Street Journal. July 26–28, 2013.

[3] *Jürgen Habermas.* The Crisis of the European Union: A Response. Cambridge, 2014. P. 3–4.

Выборы продемонстрировали и увеличение поддержки избирателями крайне левых сил, входящих во фракцию «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера», которые, однако, не относят себя к евроскептикам. Из левых партий крупнейший прирост показали греческая СИРИЗА и испанские «Объединенные левые»[1].

Поскольку ни одна группа не смогла получить более 50% мест, чтобы утвердить нового председателя Еврокомиссии, потребовалось формирование коалиции консерваторов и социалистов, называемой на еврожаргоне «большой коалицией». В результате этот пост занял Жан-Клод Юнкер, выдвинутый Европейской народной партией (представители которой заняли 221 из 752 мест в Европарламенте) и опередивший лидера Прогрессивного альянса социалистов и демократов (191 место) Мартина Шульца. Надо сказать, что реформа явно не достигла поставленной цели. С одной стороны, Юнкер, незадолго до этого проигравший на выборах в Люксембурге, не мог восприниматься как самый авторитетный европейский политик и, как подмечал The Economist, «вряд ли воплощал демократическое обновление, в котором ЕС так отчаянно нуждается»[2]. С другой стороны, выдвижение Юнкера — сторонника большей централизации в Евросоюзе — вызвало резкие протесты в Великобритании, в том числе и со стороны премьера Кэмерона[3].

Другие руководители Евросоюза — глава Совета ЕС Дональд Туск и высший представитель по международным делам и вопросам безопасности Федерика Могерини — были назначены практически без дебатов главами государств и правительств на саммите 30 августа 2014 г.

По мере того, как европейская экономика возобновляла медленный рост, импульсы к дальнейшим преобразованиям исчезали. «Острота кризиса еврозоны спáла, что ослабило давление в пользу реформ, — отмечал в марте 2014 г. The Economist. — Евроскептицизм на марше, что делает сложным выигрыш плебисцитов по серьезным изменениям Договора в таких странах, как Франция или Ирландия»[4].

Дальнейшее развитие экономической интеграции невозможно без передачи все большего объема компетенций национальных правительств наднациональным структурам. При этом тема национального суверенитета была и остается одной из самых болезненных во взаимо-

---

[1] Подробнее см.: *Владимир Оленченко.* Европарламент: усиление евроскептиков // Международная жизнь. Сентябрь 2014. С. 42–51; *Владимир Швейцер.* Выборы в Европейский парламент: сдвиги на партийно-политическом пространстве. // Современная Европа. № 4. Октябрь–декабрь 2014. С. 23–32.

[2] Election or Selection // The Economist. March 15, 2014. P. 27.

[3] *Полина Химшиашвили, Елизавета Базанова.* Европейская перестройка // Ведомости. 27 июня 2014; *Павел Тарасенко.* Британия отказывает в доверии Европе // Коммерсантъ. 1 июля 2014.

[4] Wooing Mrs Merkel // The Economist. March 1, 2014. P. 32.

отношениях с гражданами, большинство из которых считает, что Европейский союз отчуждает элементы национального суверенитета и не дает ничего соразмерного взамен. В 2013 г. только 26% респондентов считали необходимым, чтобы Европейский союз осуществлял контроль за национальной политикой, против были 68% (в 2011 г. те же показатели составляли 40 и 55%)[1].

В Великобритании заговорили о том, чтобы провести референдум об участии страны в ЕС. 23 января 2013 г. британский премьер Дэвид Кэмерон заявил, что в случае успеха тори на выборах 2015 г. будет согласован иной, менее обязывающий формат участия Великобритании в Евросоюзе, а вопрос о продолжении самого членства будет вынесен на референдум. Хотя сам Кэмерон не является сторонником выхода из ЕС, исключать вероятность такого развития событий нельзя. Опросы общественного мнения в конце 2012 г. показывали, что выход поддерживали 48% избирателей, против выступали 31%[2]. Большое возмущение в Великобритании вызывают решения Европейского суда по правам человека, регулярно выносящего неоправданно мягкие, по мнению англичан, приговоры самым жестоким и извращенным убийцам. Лондон решил выйти из 133 норм Евросоюза, касающихся охраны законности и порядка[3].

Возможный выход Британии (*Brexit*), считает Чарльз Грант, может иметь для Евросоюза несколько последствий. Уменьшится роль ЕС в мировой внешней и оборонной политике. Уход страны, наиболее последовательно отстаивающей ценности свободного рынка и права граждан, ослабляет эти аспекты в политике ЕС. Менее тесными станут связи с Соединенными Штатами. Кроме того, заметно обострится вопрос о гегемонии Германии, которая потеряет мощный противовес[4].

Любопытно, но, несмотря на все трудности, не снимается задача расширения еврозоны. Правда, Еврокомиссия предупредила, что проверка претендентов на их соответствие Маастрихтским критериям будет проводиться гораздо строже, чем ранее. После приема Хорватии из других балканских стран запланированы переговоры о членстве лишь с Черногорией. Переговоры с Сербией обусловливаются «нормализацией» ее отношений с Косово, а о принятии Турции — фактически приостановлены. Членство Украины, Грузии и Молдовы, несмотря на подписание соглашений об Ассоциации, в повестке дня не стоит. Ассо-

---

[1] *Thomas Wright.* Europe's Lost Decade. P. 10.

[2] Goodbye Europe // The Economist. December 8, 2012. P. 15–16; Bagehot. Hero for a Day // The Economist. January 26, 2013. P. 31; *Charles A. Kupchan.* Albion at the E.U. Exit Door // International Herald Tribune. November 11, 2012.

[3] *Ольга Дмитриева.* Убийцы обскакали Лондон // Российская газета. 12 июля 2013.

[4] *Charles Grant.* The EU Wouldn't be Better Off Without the UK, but Won't Pay Any Price to Keep It // Europe's World. Autumn 2014. P. 60–62.

циация далеко не предполагает членство[1] и сегодня включает сотрудничество с такими странами, как Алжир, Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Молдавия, Палестинская Автономия, Сирия, Тунис, Украина и даже Россия — через договор о четырех общих пространствах.

Судьба европейской социальной модели

Западная Европа вправе гордиться успехами в создании модели социального государства, которая превратила ее в один из самых благополучных регионов мира. Интересен реализуемый Евросоюзом принцип социальной сплоченности. Удалось избежать эксцессов нерегулируемого рынка, уровень социального расслоения низок, уровень безопасности — высок (по количеству убийств ЕС вчетверо уступает Соединенным Штатам).

Однако в последние годы социальная напряженность на континенте нарастает, и одна из главных причин — неспособность стран Евросоюза в новых реалиях поддерживать прежние стандарты социального обеспечения. Ангела Меркель выражала тревогу по поводу того, что на ЕС приходится 7% населения мира и половина всех социальных расходов[2].

Главная проблема — безработица. Драматично складывается ситуация с занятостью лиц с высоким уровнем образования. Средний уровень безработицы для всех стран ЕС в начале 2014 г. составлял 12,1%. Греция и Испания в результате мер жесточайшей экономии смогли немного сократить бюджетные дефициты, но в Испании безработица достигла 25,9%, а в Греции доходы домохозяйств упали на 35%, втрое выросла безработица среди глав семейств. Похожее положение с занятостью в Латвии, Литве, Ирландии[3].

Ситуацию на рынке труда осложняет деиндустриализация. Люди, которые раньше трудились на производстве, хотят не только чистой работы и стабильной зарплаты, но и повышения своего статуса. Отсю-

---

[1] Соглашение об ассоциации — это соглашение между ЕС и государством, не являющимся его членом. Соглашение об ассоциации появилось в Римском договоре для налаживания сотрудничества ЕЭС с Великобританией. Первыми заключили соглашения об ассоциации в 1960 г. Греция и Турция. ЕС обычно заключает такие соглашения в обмен на обязательство провести политические, экономические, торговые, судебные реформы. В обмен на это ассоциированное государство может получить беспошлинный доступ к некоторым или всем рынкам ЕС, а также финансовую или техническую помощь. В последнее время такие соглашения подписывались в рамках двух политик ЕС: Процесса стабилизации и ассоциации и Европейской политики соседства. Государства Балканского полуострова участвуют в первой, вторая распространяется на страны Средиземноморья и Восточной Европы.

[2] The Next Supermodel // The Economist. February 2, 2013. P. 9.

[3] Not Much Pick in Output is Expected // The New York Times. May 20, 2013.

да — стимулы для раздувания административного и государственного аппарата. По данным ОЭСР, сегодня в странах ЕС на управленческий аппарат уходит 10–17% госрасходов, что сравнимо с расходами на здравоохранение или образование.

Резко обострилась проблема молодежи, хотя, казалось бы, сегодня молодые европейцы имеют возможности, о которых их родители не могли и мечтать. Они свободно путешествуют по всему пространству ЕС, участвуют в программах студенческих обменов, Интернет обеспечивает им доступ к любой информации. Проблема заключается в том, что молодежь стала заложницей стагнирующей экономики. В последние десятилетия европейские маркетинговые стратегии переориентировались на молодых потребителей. Электроника, одежда, ночные клубы, дискотеки, массовые зрелища, фитнес, туризм, — молодежь с детских лет заражена престижным консюмеризмом. Находясь на содержании родителей, дети и молодые люди привыкают ко многим благам, которые становятся недоступными при переходе к самостоятельной жизни. При этом содержание детей обходится все дороже и растягивается на все большее время. Молодые европейцы все позже покидают отчий дом, вступают в брак и заводят детей. Сейчас в возрасте 20–24 лет с родителями и без партнера живут 75% юношей и около 60% девушек[1].

Доля безработных среди лиц до 25 лет в 2012 г. составляла 21%, среди остальных возрастов — 8%. В Греции, Словакии и балтийских странах молодежная безработица достигала 33–35%, а в Испании — 42%. Не работали, не учились и не проходили программ переподготовки 8 млн молодых европейцев — каждый седьмой. В Италии и Испании — каждый пятый, а в Греции — каждый четвертый[2].

Целью ЕС является снижение числа не окончивших школу до 10% и увеличение доли лиц с высшим или средним специальным образованием до 40%. За первое десятилетие XXI в. первый показатель сократился с 17,6% только до 14,1%. Второй показатель вырос с 22,4% до 33,6%, однако в Италии, Румынии и на Мальте он не дотягивает до 20%.

Нарастающий разрыв между представлениями о «нормальных» жизненных стандартах и возможностями их достижения оказывается одним из важных факторов социального протеста, в котором молодежь играет центральную роль. Жесткие комментарии посетителей страниц Европейской комиссии и Европейского парламента в Facebook разительно отличаются от того, что можно увидеть на официальном сайте Евросоюза.

---

[1] *Ольга Буторина.* Европа без Евросоюза.

[2] Youth Unemployment in Europe. Guaranteed to Fail // The Economist. July 20, 2013. P. 10–11; *Jack Ewing.* Euro Zone Gets Mixed Signals on Recovery // International New York Times. November 30 — December 1, 2013; Return to Growth Brings Dividends but Challenges on Poverty and Jobs Persist // Financial Times. April 30, 2014.

Несколько цитат из книги Филиппа Леграна «Европейская весна»: в Греции «дети копаются в мусоре… а в больницах не хватает лекарств». В Испании «самоубийство стало основной причиной смерти после естественных причин». По всей Европе «пятнадцать миллионов человек в возрасте до тридцати лет нигде не работают и не учатся»[1].

К 2010 г. население ЕС-27 впервые перевалило за полмиллиарда. С 1960-х гг. прирост населения составлял 1,5–2 млн в год, однако этот показатель постепенно снижается.

Европа стареет. Многочисленное поколение, родившееся в годы «бэби-бума», достигает предпенсионного порога. С 2014 г. самодеятельное население начало сокращаться[2]. Свой вклад внесла и растущая продолжительность жизни: к 2060 г. прогнозируется рост числа 80-летних с нынешних 4% до 12%. В первом десятилетии XXI в. количество лиц, достигших 60 лет, ежегодно увеличивалось на один миллион, во втором десятилетии — уже на два с лишним миллиона. В 1970 г. в странах ЕС на каждого пенсионера приходилось 4–5 человек в трудоспособном возрасте, в 2010 г. — немногим более трех. К 2030 г. пропорция работающих и пенсионеров в некоторых странах, например в Германии, составит 2:1. Если учесть, что из всего трудоспособного населения в Европе занято не больше 65% (самые многочисленные группы неработающих — студенты и домохозяйки), то на двух пенсионеров придется трое работников. Нынешние системы социальных отчислений не рассчитаны на такое соотношение. По данным Банка международных расчетов, при сохранении нынешней структуры государственных расходов и доходов к 2030 г. в Австрии, Германии, Италии, Нидерландах и Испании госдолг вырастет до 200% ВВП, а во Франции, Греции и Великобритании — до 300% ВВП. Чтобы справиться с нагрузкой, правительства идут на повышение пенсионного возраста и вводят гибкие схемы формирования пенсионных фондов, предлагая работникам увеличивать собственные отчисления. Люди, которым до выхода на пенсию осталось 10–15 лет, таких взносов сделать не успеют, если только они не сделали их раньше. Не встретило восторга у населения и повсеместное увеличение пенсионного возраста: в частности, в Испании — с 65 до 67 лет, в Греции и Франции — с 60 до 63–65.

На рубеже тысячелетий главным источником прироста населения в ЕС стала иммиграция. В последние годы ежегодное пополнение составляло 3–4 миллиона приезжих. При этом качественным образом из-

---

[1] *Philippe Legrain.* European Spring: Why Our Economies and Politics are in a Messand How to Pull Them Right. CB Books, 2014.

[2] Demography Report 2010 // Commission staff working document / European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion and Eurostat, the Statistical Office of the European Union. P. 2.

менился характер иммиграции: ее костяк составили выходцы из неблагополучных стран Азии и Африки, в основном мусульманских. Бурные события на Ближнем Востоке и в Северной Африке только увеличивают их число.

Новые иммигранты принесли с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, которые плохо стыкуются с обычаями коренного населения Старого Света. Они не хотят воспринимать нормы и ценности западного общества, не спешат интегрироваться — овладеть языком страны пребывания, принять ее обычаи. Они все чаще рассматривают себя как отдельную этнокультурную общность, отстаивающую свое право на «инакость» с использованием политических и юридических инструментов. Среди иммигрантов последних волн значительна доля лиц без образования и профессиональных навыков, порой неспособных даже к неквалифицированной работе, что превращает их в перманентных получателей помощи за счет налогоплательщиков. Стоит ли удивляться, что в государствах с высокой долей новых иммигрантов отчетливо проявляется настороженность коренных жителей по отношению к чужакам, иногда перерастающая в нетерпимость, ксенофобские и антииммигрантские настроения.

Официальная политика государств Евросоюза долгие годы была направлена на то, чтобы не допустить роста националистических настроений. Два-три десятилетия назад из европейского лексикона напрочь исчезло слово «родина» и его эквиваленты. За годы председательства в Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу произнес его лишь однажды, назвав в 2004 г. Германию «родиной субсидиарности». Однако созданная атмосфера тотальной политкорректности и терпимости привела к тому, что острые проблемы межнациональных отношений оказались за рамками публичной дискуссии. Европейский союз поощряет развитие национальных культур, но фольклорные фестивали не заменяют понятия родины, которое в традициях европейской культуры основано на вере в избранность своего народа, в определенное его предназначение. Очень немногие европейцы ощущают своим Отечеством Евросоюз[1].

Минимизировать издержки новой иммиграции пытались поразному. Большие надежды возлагались на внедрение в общественное сознание ценностей так называемого мультикультурализма, который должен был прийти на смену традиционной ставке на ассимиляцию меньшинств. Мультикультурализм исходит из презумпции возможности и даже полезности параллельного существования и взаимодействия этнических, многосоставных общин, представляющих не только

[1] *Ольга Буторина.* Европа без Евросоюза. С. 188–189.

разные культуры, но и разные цивилизации. Сейчас, однако, в Евросоюзе все чаще говорят о тщетности усилий по его внедрению. В 2011 г. сразу несколько лидеров ведущих демократических стран — Ангела Меркель, Николя Саркози, Джеймс Кэмерон — высказали мнение, что мультикультурализм мертв.

Бомбой в предельно политкорректной ФРГ стала книга бывшего члена правительства Берлина Тило Саррацина «Германия: самоликвидация», где он, в частности, бил тревогу по поводу того, что «о последствиях падения рождаемости целые десятилетия нельзя было даже заикаться, чтобы не попасть под подозрение в националистической идеологии. В последнее время это изменилось, поскольку поколение "1968-го" стало бояться за свою пенсию. Но теперь уже слишком поздно, с этим опоздали на 40 лет; социальное бремя неуправляемой миграции всегда было табуировано, и запрещалось говорить о том, что люди неравны, а именно: есть умственно более и менее способные, более ленивые и более трудолюбивые, — и что этого не изменишь ни равенством образования, ни равенством шансов… <…> Германия не погибнет внезапно и скоропостижно. Она будет тихо угасать вместе с немцами и демографически обусловленным истощением их интеллектуального потенциала»[1].

22 июля 2011 г. Андерс Брейвик взорвал бомбу в правительственном квартале Осло, а затем расстрелял более 70 участников молодежного лагеря Рабочей партии на острове Утёйа. Таким образом 32-летний норвежец намеревался пробудить Европу ото сна, который не позволяет видеть угрозу гибели от нашествия мусульман и потакающих им левых и либералов.

Одновременно в ряде стран попытались сократить приток приезжих, ужесточив иммиграционные законы. В дальнейшем упор был сделан на то, чтобы разделить потенциальных иммигрантов на «нужных» и «ненужных», облегчив первым преодоление законодательных барьеров и сделав их непроницаемыми для вторых. Пока, однако, наиболее очевидным результатом подобных действий стало резкое увеличение численности нелегальных иммигрантов и обострение демографической проблемы. Констатирует Фарид Закария: «Политическая реальность заключается в том, что Европа старается принимать все меньшее число иммигрантов, тогда как ее экономическое будущее требует все больше приезжих»[2].

Но речь идет уже о мигрантах не только из-за пределов континента, но и из самой Европы. В 2011 г. польский язык стал вторым по числу пользователей в Англии, оттеснив языки представителей бывших коло-

---

[1] *Тило Саррацин.* Германия: самоликвидация. М., 2013. С. 14–15, 343.
[2] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. М., 2009. С. 210–211.

ний[1]. Вездесущий «польский сантехник» стал не просто фигурой речи, но и аргументом в политической борьбе. Ничуть не больше симпатий в Западной Европе вызывают мигранты из Румынии и Болгарии, среди которых немало цыган, занявшихся своим обычным промыслом на улицах даже небольших городков Франции и Бельгии.

На этом фоне растут акции националистических партий, сочетающих антииммигрантские лозунги с критикой Евросоюза и евро. Британская национальная партия, французский «Национальный фронт», голландская и австрийская Партия свободы, «Истинные финны» и другие влиятельные европейские правые радикалы активно вербуют сторонников в рядах евроскептиков, число которых быстро растет по мере углубления кризиса в ЕС. Традиционные правоцентристские партии — консерваторы, христианские демократы — тоже берут на вооружение антибрюссельские лозунги, наиболее яркой иллюстрацией стала поддержка британской Консервативной партией идеи проведения референдума о выходе из ЕС. В 2014 г. количество сторонников выхода страны из ЕС достигло 47% (против — 39%)[2].

Одновременно происходит рост влияния ультралевых партий, партийно-политические системы поляризуются. В первом туре президентских выборов во Франции в апреле 2012 г. ультралевые и ультраправые получили вместе 29% голосов — больше, чем Николя Саркози или Франсуа Олланд. «Национальный фронт» был первым на выборах в Европарламент. Его лидер — Марин Ле Пен заявила: «Франция ничего не контролирует: ни бюджет, ни валюту, ни границы. Пора сказать “стоп” Евросоюзу»[3].

В июне 2012 г. на парламентских выборах в Греции 27% граждан поддержали ультралевую коалицию СИРИЗА, а еще 7% — неонацистов. Профессор Жан-Вернер Мюллер из Принстона, анализируя ситуацию в Восточной Европе, приходит к следующему выводу: «Демократия обороняется, почти все страны, вступившие в ЕС в последнее десятилетие, находятся в серьезном политическом кризисе… Стало ясно, что некоторые из историй успеха были сказками, в которые многие в ЕС предпочли верить, несмотря на свидетельства фальши... Для Восточной Европы большой инвестиционный бум закончился около 2007 г. Вера общества в демократию исчезала по мере того, как ухудшалось экономическое положение»[4]. В Венгрии националистическая

---

[1] *Robert Booth.* Polish Becomes England's Second Language // Guardian. January 30, 2013.

[2] *Павел Тарасенко.* Британия отказывает в доверии Европе.

[3] *Hugh Carnegy.* Le Pen Demands French “Patriots” Reject Brussels // Financial Times. May 2, 2014.

[4] *Jan-Werner Mueller.* Eastern Europe Goes South: Disappearing Democracy in the EU's Newest Members // Foreign Affairs. March/April 2014. P. 14–16.

партия «Йоббик» стала третьей в парламенте и уже имеет двух евродепутатов. Венгерский лидер Виктор Орбан сравнил ЕС с колониальной державой и объявил «войну за независимость» от Брюсселя. Крайний националист Марианн Котлеба из партии «Наша Словакия» был избран губернатором одной из провинций, получив 55,5% голосов. О подъеме бандеровщины на Украине и говорить нечего.

Мелани Филипс из The Times бьет тревогу по поводу растущей популярности неофашистских и расистских партий: «Мы теперь знаем, что поражения нацизма, падения коммунизма, подъема ЕС оказалось недостаточно для того, чтобы навсегда изгнать кошмар пропитанного кровью прошлого Европы. Демократия сейчас способствует подъему все большего количества партий, добивающихся ее эрозии. Все это грозит возвратом Европы к состоянию опасности, которого она не знала почти век»[1].

На фоне экономического кризиса обострилась проблема сепаратизма. Фландрия все более решительно заявляет о желании отделиться от менее зажиточной Валлонии, что ставит под угрозу существование Бельгии как государства (пока распад сдерживает в основном неспособность двух сторон поделить Брюссель). За независимость от Италии на непризнанном референдуме проголосовала Венеция, думаю, на очереди некогда австрийский Южный Тироль. В Каталонии на ноябрьских выборах 2012 г. победу одержали партии, выступающие за ее отделение от остальной — менее зажиточной — Испании. Референдум, на котором почти половина населения сказала «да» независимости от Великобритании, 18 сентября 2014 г. прошел в Шотландии. Нарастают сепаратистские настроения в Уэльсе. Никто не поручится за будущую целостность Боснии и Герцеговины. В ноябре 2014 г. состоялся референдум о независимости Каталонии, который не признал конституционный суд Испании.

«Главная проблема современного Евросоюза — утрата европейской идеи и невнятность европейской идентичности»[2], — подчеркивает профессор МГИМО Ольга Буторина. Его лидеры так и не смогли дать вразумительный ответ на вопрос, что значит быть европейцем сегодня. Названные в Лиссабонском договоре европейские ценности — свобода, демократия, права человека, верховенство закона — являются универсальными для всего цивилизованного мира и не имеют особых признаков «европейскости». Упоминания о христианских корнях Европы были изъяты из проекта конституции еще на стадии его подготовки. «Религиозные предания, музыка и ритуалы, которые чествовались ты-

[1] *Melanie Phillips.* Europe's Facist Fringe Is Awakening Again // The Times. March 3, 2014. P. 28.

[2] *Ольга Буторина.* Европа без Евросоюза. С. 181.

сячелетиями, изучались из поколения в поколение образованными и неграмотными, стали для многих людей на Западе артефактами столь же древними, как наскальные рисунки в пещерах, — представляющими определенный эстетический и исторический интерес, но имеющими к современности не большее отношение, чем палеолитическое искусство»[1], — пишет в книге «Как Запад действительно потерял Бога» Мэри Эберштадт. Тем более ЕС стесняется говорить со своими гражданами о том, о чем написано в предыдущей главе: наследии Крестовых походов, противостоянии пап и королей, Ренессансе, Реформации и религиозных войнах, колониализме и Просвещении. Под негласный запрет попал период строительства социализма в истории стран Центральной Европы. Старый Свет все меньше ощущает свои цивилизационные корни.

Марсело Веназиани из итальянской Il Giornale бьет тревогу: «Христианство покидает Европу... Этот процесс выражается не только в исчезновении религиозного чувства, несоблюдении обрядов, непосещении месс и резком снижении числа желающих стать церковными служителями; он приводит к тому, что люди уже не ощущают свою принадлежность к христианской цивилизации, что проявляется в культуре и в народном быту, в глубинной ориентации и в повседневной жизни.

К первому, социальному и культурному фактору присоединился второй, институциональный фактор: Европейский союз не имеет общего исторического и стратегического, культурного и духовного мировоззрения. Наоборот, преобладает сильное и очевидное желание освободиться от всяких связей с христианской цивилизацией... Общими нитями, связывающими Европу, стали валюта, финансы и экономика, что искоренило возможность любого другого — неэкономического — призыва к единству. Остались разве что некоторый дух Просвещения и права человека. Третий фактор — это массированное присутствие иммигрантов, в основном мусульманского вероисповедания»[2]. Римским Папой был избран впервые в истории неевропеец — аргентинец Бергольо, что подчеркивает утрату Европой роли центра католического мира (в Латинской Америке католиков действительно больше, чем в Европе).

Террористический акт в редакции парижского сатирического издания «Шарли Эбдо» прозвучал как набат для миллионов европейцев, которые в январе 2015 г. вышли на улицы городов, чтобы сказать «нет» экстремизму и «да» своим национальным корням и традициям.

---

[1] *Mary Eberstadt.* How the West Really Lost God. West Conshohocken (PA), 2013. P. 4.

[2] Marcello Veneziani. E il cristianesimo lasciò l'Europa. Tre le cause: una radicale mutazione sociale, una Ue anti-religiosa, l'immigrazione. E poi c'è Bergoglio... // Il Giornale. 05/05/2014.

Какой номер телефона?

На протяжении нескольких столетий — по крайней мере, с того момента, как Колумб открыл Америку, — мировая история делалась в Европе, а контроль над Старым Светом был едва ли не синонимом мирового господства. Этот период закончился. Известный американский аналитик, директор по отношениям с Россией в Совете национальной безопасности США при Джордже Буше-мл. Томас Грэм очень точно подметил: «Первое и наиболее важное в стратегическом отношении заключается в том, что Европа, в отличие от предыдущих 400–500 лет, больше не находится в центре международной системы, а борьба за преимущества и господство в Старом Свете впредь не будет основным содержанием международных отношений»[1]. Европа остается важным центром экономической мощи. Но центр глобальной экономической и политической динамики явственно сместился из Европы в Америку и из Атлантики на Восток — в Южную Азию и Азиатско-Тихоокеанский регион.

В бытность Генри Киссинджера госсекретарем США (1970-е гг.), когда зашла речь о единой европейской внешней политике, он поинтересовался номером телефона, по которому можно было бы узнать о ее сути. До сих пор, по большому счету, такого номера телефона не существует. С позиции Соединенных Штатов современный европейский подход к внешней и оборонной политике, если воспользоваться словами Чарльза Капчана, выглядит как «шизофренический»: «С одной стороны, Лиссабонский договор создает в Европе институты, нацеленные на повышение ее возможностей подняться на новый уровень международного лидерства и ответственности. Новый дипломатический корпус ЕС — Служба внешних действий (External Action Service) — приступил к работе 1 января 2011 г. и активно пополняет свой портфель. С другой стороны, ренационализация Европы подрывает стремление ЕС демонстрировать более сплоченную и сильную внешнюю политику»[2]. А Иан Бреммер иронизировал: «Всякому, кто сомневается, что национальные государства продолжают жить внутри Европейского Союза, стоило бы понаблюдать за толпой во время футбольного матча между Голландией и Германией, Англией и Францией, Португалией и Испанией»[3].

Однако ирония здесь не вполне уместна. Западная Европа остается серьезнейшим внешнеполитическим игроком. Она вторая по военной

---

[1] *Томас Грэм.* Трансатлантическая безопасность: нужна ли ревизия? // Россия в глобальной политике. Май–июль, 2010. С. 68.

[2] *Charles A. Kupchan.* No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Truth. Oxford, 2012. P. 176.

[3] *Ian Bremmer.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations. N.Y., 2010. P. 13.

мощи после Соединенных Штатов. Десятки тысяч европейских солдат базируются в Сьерра-Леоне, Конго, Кот-д'Ивуаре, Чаде, Ливане, Республике Мали. На долю ЕС приходится 17% мировой торговли (12% у США) и половина всех программ внешней помощи (США — 20%)[1].

Вместе с тем роль стран Европейского союза в стратегических расчетах американского руководства в последние десятилетия скорее снижалась. В Европе, с точки зрения Вашингтона, основные стратегические задачи были решены в 1991 г., когда прекратили существование Варшавский договор и Советский Союз. Имеющиеся в Старом Свете проблемы выглядели второстепенными по сравнению с Ближним Востоком, Ираком, Ираном, Афганистаном, Пакистаном и, конечно, Китаем. Кроме того, Соединенные Штаты были удовлетворены сложившейся иерархией организаций по безопасности в Европе, на вершине которой находится НАТО. Обаме удалось улучшить атмосферу отношений с ключевыми европейскими союзниками, разочарованными милитаризмом администрации Буша-младшего. Реализация инициативы ЕС в области самостоятельной Европейской политики обороны и безопасности, раздражавшая Вашингтон как разворот от НАТО, затормозилась.

Одновременно в Вашингтоне зрело разочарование в европейских союзниках — как в связи с их неспособностью в полной мере помочь даже партнерам по Североатлантическому альянсу, например Греции, так и из-за растущего в Европе недовольства ростом оборонных расходов и военных обязательств. «Демилитаризация Европы, где большие группы общественности и политического класса возражают против применения военной силы и связанных с этим рисков, означает движение… к созданию препятствий в деле обеспечения безопасности и длительного мира в XXI в., — говорил 23 февраля 2010 г. Роберт Гейтс, занимавший тогда пост министра обороны США. — Происходящие из-за этого сокращения в финансировании и возможностях делают затруднительными совместные операции и боевые действия». Министр обороны США посетовал, что только 5 из 28 стран — членов НАТО выдерживали обязательство расходовать на оборону больше 2% от своего ВВП[2]. При этом сами Соединенные Штаты, также испытывающие долговые проблемы и все более озабоченные вопросами безопасности в других регионах земного шара, сокращали свое военное присутствие в Старом Свете.

На европейском континенте предполагалось сохранить четыре бригады и штаб армейского корпуса передового базирования. Но одновременно планировалось начать размещение там «видоизменен-

[1] *Joseph S. Nye.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. 162.
[2] International Herald Tribune. February 24, 2010.

ной противоракетной архитектуры США и нарастить военно-морское присутствие передового базирования в регионе в поддержку этой инициативы»[1]. Решение это было поддержано всеми членами Евроатлантического альянса на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г. «Нам необходимо защитить наше население и территории от угрозы, создаваемой распространением ракет. НАТО может это сделать по доступной цене»[2], — уверял генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен. Началось создание и размещение модифицированной системы ПРО с усилением ее морской составляющей, несмотря на жесткие возражения со стороны России.

При всем сохраняющемся «европейском антиамериканизме», США и страны Западной Европы рассматривают друг друга как ключевых партнеров и союзников в современном мире. Элиты большинства европейских стран получили образование в США или рекрутировались с участием американских государственных и неправительственных структур, принадлежат к общей «давосской культуре». С 2012 г. активизировались разговоры о создании зоны свободной торговли между Европейским союзом и США (хотя и сейчас торговые барьеры не так высоки и составляют в среднем 3%). Учитывая объем торговли (485 млрд долл. в сравнении с 390 млрд между США и Китаем), это может дать большой стимул для развития торговли и увеличить рост и в ЕС, и в США примерно на 1,5 процентных пункта[3]. 12 февраля 2013 г., выступая с Посланием о положении страны, Барак Обама провозгласил: «Сегодня я объявляю, что мы начинаем переговоры о всеобъемлющем Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве с Европейским союзом». Руководители Евросоюза активно поддержали это заявление[4]. По сути, речь идет о развитии идеи трансатлантического экономического партнерства, одобренной еще на Лондонском саммите США–ЕС в 1998 г.[5]

Новый раунд переговоров идет непросто, особенно если учесть многочисленные камни преткновения: запрет на импорт генетически модифицированной кукурузы и сои или американского сыра «пармезан», который, как считают европейцы, может производиться исключительно в Парме.

Но, конечно, главным стержнем евро-атлантической интеграции остается НАТО.

---

[1] Quadrennial Defense Review. Wash., 2010. P. 65.

[2] *Anders Fogh Rasmussen.* NATO Does Need a Missile Defense // International Herald Tribune. October 13, 2010.

[3] *Jack Ewing.* Reviving an Elusive Dream: A Europe-U.S. Free Trade Zone // International Herald Tribune. November 26, 2012.

[4] *James Kanter, Jack Ewing.* A Running Start for a Big Trade Pact // International Herald Tribune. February 14, 2013.

[5] Подробнее см.: *Михаил Носов.* Отношения ЕС–США: политика, экономика, безопасность // Современная Европа. Октябрь–декабрь 2014. С. 8–22.

В принципе, с исчезновением СССР в евро-атлантической зоне не осталось опасностей, которые требовали бы сохранения крупнейшего на планете военно-политического блока. Но как распускать альянс, который только что триумфально «победил» главного врага Запада без единого выстрела?

Отсутствие полноценной объединяющей миссии и стремление закрепить геополитические изменения в пользу Запада, происшедшие в Европе после распада Советского Союза и Организации Варшавского договора, стали причинами замены углубления сотрудничества масштабным расширением. В 1999–2004 гг. к НАТО присоединились десять новых членов, в 2009 г. в альянс вступили Албания и Хорватия. Сейчас в НАТО из участников Европейского союза не входят только Австрия, Финляндия, Швеция, Ирландия, Кипр и Мальта. Расширение за счет большого количества слабых стран не укрепило единства и военной мощи НАТО. Европейские ветераны альянса были раздражены тем, что тон в нем задавали недавно вступившие государства, имевшие свое видение угроз, главной из которых многие из них считают Россию. Новички, в свою очередь, больше доверяют гарантиям безопасности со стороны США, нежели посулам «мягкотелых» западноевропейских грандов.

Война в Югославии 1999 г. стала первой в истории военной кампанией НАТО. Европа нейтрализовала горячую точку у своих границ, а США проверили дееспособность блока как военного инструмента и испытали явное разочарование в военных возможностях союзников. После терактов 11 сентября 2001 г. в ответ на предложение европейцев применить статью о коллективной обороне США предпочли действовать первоначально вне рамок блока, полагаясь на «коалицию желающих».

Против вторжения в Ирак выступили Германия и Франция. Немецкое правительство не поддержало бомбардировки Ливии, немалые разногласия существовали внутри альянса по вопросу использования силы против Сирии.

Все чаще подвергается сомнению возможность продвижения демократии в различных частях планеты, особенно военным путем. Приход к власти «Братьев-мусульман» и еще более радикальных исламистов на первых свободных выборах в Египте стал холодным душем для европейских сторонников этой идеи. «После операций в Ираке и Афганистане мы должны признать, что простой перенос вестминстерской демократии на остальной мир не работает»[1], — говорила на Мюнхенской конференции 2011 г. канцлер ФРГ Ангела Меркель.

Когда в начале 2013 г. потребовалось срочно вводить войска в Республику Мали, на севере которой пришедшие из полностью дестаби-

[1] Коммерсантъ. 7 февраля 2011.

лизированной Ливии племена туарегов и радикальные исламисты создали собственное государство размером с две Германии, НАТО отошла в сторону, предоставив возможность действовать Франции.

С 1990 г. в Европе действительно наблюдалась тенденция к сокращению военных расходов. На 2014 г. 2-процентное обязательство выполняют только 4 страны — Великобритания, Франция, Греция и Эстония. С 2008 по 2013 г. реальные военные расходы сократились в Италии на 21,5%, в Великобритании на 9,1%, в Германии на 4,3%. Рост наблюдался только в двух европейских странах — Польше (на 7% в 2012 г.) и Швеции. Большей частью общества увеличение оборонных ассигнований не поддерживается: 46% граждан выступают за их сохранение на существующем уровне, 17% — за увеличение, 24% — за сокращение. В Вашингтоне недовольны все меньшими оборонными усилиями стран ЕС. В НАТО на долю США сегодня приходятся 75% (против 63% в 2001 г.)[1]. Вместе с тем ЕС остается весомой военной силой, на него приходится 20% мировых оборонных расходов, по сравнению с 8% у Китая, 4% — у России и 3% у Индии[2].

Роберт Гейтс в бытность министром обороны США утверждал, что у европейцев «просто нет военных возможностей» для проведения серьезных кампаний. В начале 1990-х гг. три наиболее дееспособные военные державы ЕС — Великобритания, Германия и Франция располагали армиями совокупной численностью 500 тыс. человек, к сегодняшнему дню эта цифра сократилась на две трети. Было 68 подлодок, сейчас 17; было 105 надводных боевых кораблей, осталось 57[3].

Хотя европейская интеграция в военно-политической сфере продолжается, члены ЕС и здесь оберегают свою самостоятельность от вмешательства руководящих органов Союза. С другой стороны, желание ряда европейских государств развивать собственную идентичность в сфере обороны и безопасности весьма критически оценивается и отторгается структурами НАТО и Соединенными Штатами.

В Европе, как явствует из секретного отчета германского МИДа, недовольны неповоротливостью альянса, медленным ходом реформ. Анализировавшие отчет немецкие журналисты подчеркивали: «Америку все больше интересуют быстро развивающиеся страны Азии, набирающие силу в том числе и в военном плане. Вашингтон демонстрирует все меньшую готовность брать на себя растущие затраты на защиту Ев-

---

[1] *Steven Erlanger.* Shrinking Europe Military Spending Stirs Concern // New York Times. April 22, 2013.

[2] *Mark Leonard, Hans Kundnani.* Think Again: European Decline. P. 48; *Bastian Giegerich, Christoph Schwegmann.* Sustaining Europe's Security // Survival. August–September 2014. P. 43.

[3] *Oystein Tunsjo.* Europe's Favorable Isolation // Survival. December 2013 — January 2014. P. 96.

ропы и ее интересов»[1]. Серьезный клин в трансатлантические отношения был вбит разоблачениями Эдварда Сноудена, который подтвердил факты тотальной слежки не только за штаб-квартирой ЕС и его зарубежными представительствами, но и за лидерами западноевропейских стран, включая канцлера ФРГ Ангелу Меркель. Особенно сильно пострадал престиж США именно в Германии: под ударом оказались «архетипы, которые немцы традиционно имели в отношении своего самого важного союзника»[2].

Этап ускоренного расширения альянса, судя по всему, завершен. Едва только на этом пути встретилось сопротивление, как с Украиной и Грузией, стало ясно, что ни на риски, ни тем более на жертвы никто в НАТО не готов.

Кризис на Украине подарил альянсу новую жизнь. Министры иностранных дел НАТО согласились, что «российская незаконная военная интервенция на Украине и нарушение Россией украинского суверенитета и территориальной целостности» является основанием для прекращения «всего практического гражданского и военного сотрудничества между НАТО и Россией». Расмуссен заявил: «Агрессия России на Украине бросает вызов свободе и миру в Европе… Мы привержены коллективной обороне. А оборона начинается со сдерживания». Были увеличены средства, выделяемые для воздушной миссии патрулирования стран Балтии, задействованы дополнительные силы для разведывательных полетов над Польшей и Румынией, запланированы масштабные учения. На саммите в Уэльсе в сентябре 2014 г. альянсу были, по сути, возвращены те функции, которые он выполнял в годы холодной войны. Было решено положить конец сокращению военных бюджетов. Принят «План действий по оперативному реагированию», в котором Россия названа «угрозой для евро-атлантической безопасности». Расширяется — в нарушение Основополагающего акта Россия–НАТО — военное присутствие в Латвии, Литве, Эстонии, Румынии и Польше. Создаются силы быстрого реагирования численностью до бригады — 5 тыс. человек[3].

Если США и трансатлантическое партнерство остаются главным политическим вектором внешней политики Евросоюза, то основным экономическим партнером в последние годы становятся азиатские страны, прежде всего Китай.

---

[1] *Матиас Гебауэр, Ральф Нойкирх, Гордно Репински, Кристоф Шульт.* Со скоростью улитки // Профиль. № 8. 2013. С. 21.

[2] Falling out of Love // The Economist. November 9, 2013. P. 36.

[3] *Елена Черненко.* НАТО наводят на старую цель // Коммерсантъ. 25 марта 2014; Statement of NATO Foreign Ministers, April 1 2014. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108501/htm; НАТО переходит к сдерживанию // Коммерсантъ. 2 апреля 2014; *Елена Черненко.* НАТО расширяется назад: Североатлантический альянс возвращается к стратегии сдерживания России // Коммерсантъ. 4 сентября 2014.

В 1996 г. по инициативе Франции и Сингапура стартовал форум Азия–Европа (АСЕМ), проходящий на высшем уровне раз в два года. На саммите в Милане в октябре 2014 г. были представлены 53 государства, прозвучали цифры экспорта из ЕС в Восточную Азию в 500 млрд евро и 573 млрд — в обратную сторону. Обсуждалось развитие «нового Шелкового пути» — транспортных маршрутов через Россию и Центральную Азию. Развитию отношений Евросоюза с азиатскими странами способствует отсутствие у ЕС имиджа военной сверхдержавы (как у США), имеющей стратегические интересы в Южно-Китайском море и Малаккском проливе[1].

Восприятие Китая в ЕС заметно отличается от позиции США, которые требуют от Китая однозначного принятия западных правил, считая иное поведение «ревизионизмом». Так, немецкие аналитики Себастиан Хейлман и Дирк Шмидт доказывают, что по своей Большой стратегии (защита суверенитета, экономическое развитие и максимизация национального статуса) Китай мало чем отличается от других стран. Тема «китайской угрозы» — одна из центральных в американской литературе о международных отношениях — в Евросоюзе практически отсутствует[2].

Стратегический диалог ЕС–Китай стартовал в 1994 г. С 1998 г. проходят ежегодные двусторонние саммиты. Для ЕС главной проблемой в сотрудничестве является колоссальный дефицит в торговле с КНР. Товарооборот превышает $400 млрд, при этом китайский экспорт в страны ЕС превышает европейский экспорт в КНР в три раза. Брюссель считает, что в этом виноват заниженный курс юаня, помогающий китайским экспортерам. В 2009 г. ЕС выстраивал таможенные барьеры на пути дешевых китайских товаров, спасая собственных производителей. Кроме того, Евросоюз добивается от КНР сотрудничества по вопросу изменения климата: Китай на саммите в Копенгагене отказался брать на себя обязательства по сокращению выбросов углекислого газа.

В отношениях между Россией и Европейским союзом существует несколько констант, которые определяют рамочные условия взаимодействия и не претерпевают разительных изменений в связи со сменой страны, председательствующей в ЕС. Действия и слова руководства ЕС и стран-членов нередко свидетельствуют о том, что Европа не избавилась от ощущения победителя в холодной войне, от тенденции рассматривать Россию как осколок потерпевшего в этой войне поражение Советского Союза. Отсюда нежелание признавать наличие у России национальных интересов, внедрение западных военных структур в

---

[1] *Richard Werly, Yeo Lay Hwee.* Why Asia Is Europe's Future // Europolitics. No. 6. Autumn 2014. P. 48–49.

[2] *Sebastian Hellmann, Dirk H. Schmidt.* China's Foreign Political and Economic Relations: An Unconventional Global Power. Lanham (MD), 2014.

постсоветское пространство, усилия по минимизации влияния России в сопредельных государствах, притязания на право влияния на наше внутриполитическое развитие.

Пусть и не всегда содержательные и бесспорные с западной точки зрения, российские предложения о развитии сотрудничества (будь то единое экономическое пространство или договор о европейской безопасности) последовательно игнорировались. Взамен не предлагалось вообще ничего, и это демонстрировало отсутствие инклюзивной стратегии в отношении России. В то же время постсоветские государства все более активно вовлекались в различные форматы сотрудничества, исключавшие Россию, но демонстрирующие вновь обретаемый потенциал европейской «мягкой силы».

Серьезным фактором разногласий оказалась программа «Восточного партнерства», предложенная Азербайджану, Армении, Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украине, по традиционной для Евросоюза схеме: содействие развитию при условии осуществления реформ с акцентом на демократизацию, укрепление законности и соблюдение прав человека. Инициаторами программы выступали Польша и Швеция, увидевшие в этом шанс взять геополитический реванш у России. Учредительный саммит «Восточного партнерства» прошел 7 мая 2009 г. в Праге. Россия отказалась участвовать в этой программе, не без оснований видя в ней механизм по отрыву новых независимых государств от СНГ. По итогам второго саммита (Варшава, сентябрь 2011 г.), куда не была приглашена Белоруссия, высказывалось мнение, что Брюссель потерял интерес к данному проекту: в условиях кризиса у стран Евросоюза оставалось меньше свободных ресурсов и желания для создания альтернативного СНГ.

Новую жизнь эта идея получила в ноябре 2013 г. на саммите в Вильнюсе, где Грузия и Молдова парафировали Соглашение об ассоциации с ЕС. Здесь же предусматривалось подписать Соглашение об ассоциации и Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли с Украиной, однако за неделю до саммита правительство Виктора Януковича приостановило процесс подготовки к подписанию, что стало отправной точкой волнений на Украине, приведших к государственному перевороту и жесткой российско-украинской конфронтации. Также отказался подписать Соглашение об ассоциации с ЕС Азербайджан. Белоруссия и Армения, в свою очередь, устремились к укреплению связей с Россией в рамках Таможенного союза.

В европейских столицах заговорили о кризисе «Восточного партнерства», углубившего разделительные линии на континенте. «Европейцы оказались неспособны всерьез принять прозрачную и долговременную позицию России по общему соседству. Они игнорировали очевидные признаки потенциальных проблем. Они самонадеянно предполагали,

что любое правительство в соседних странах уцепится за шанс получить "больше Европы"»[1]. На встрече участников «Восточного партнерства» в Праге в апреле 2014 г. речь шла уже о необходимости индивидуального подхода к каждому из партнеров. «Именно с автоматического использования таких механизмов, как соглашение об ассоциации, и начались все проблемы. Мы начали забегать в слишком отдаленное будущее»[2], — заявил глава чешского МИД Любомир Заоралек.

Джордж Сорос обратил внимание на более общую проблему: «Политика партнерства является первой жертвой европейского кризиса. Евросоюз мало что может предложить из-за внутренних политических и финансовых проблем»[3].

Для Европейского союза Российская Федерация является крупным торговым партнером — третьим после Китая и Соединенных Штатов. Особенно выделяется группа из трех стран — Нидерланды (товарооборот в 76 млрд долл. в 2013 г.), Германия (74 млрд) и Италия (54 млрд), уступающие во внешнеторговых отношениях с Россией только Китаю; заметно меньше торговля с Польшей, Великобританией, Францией, Финляндией (28–19 млрд).

Европейские страны являлись и основными инвесторами в российскую экономику. Следует учитывать, что при «прописке» иностранных инвестиций в Швейцарии, Люксембурге или на Кипре речь часто идет о возврате в Россию под видом «иностранного инвестирования» ее же активов, законно или незаконно вывезенных из страны (по оценкам экспертов, такие «репатриируемые» активы составляют 1/3 всех инвестиций). Только 20% европейских инвестиций в Россию являлись прямыми, 1% — портфельными, а около 80% — «прочими», в основном состоящими из возвратных кредитов и во многом спекулятивными. Значительная часть инвестиций осуществляется в России не через новое производство и строительство, а через поглощения и слияния уже существующих предприятий.

Непросто идет энергетическое партнерство, сопровождаемое газовыми и иными конфликтами, нередко с участием транзитных стран. Крайне непродуктивным с точки зрения интересов России явился «третий энергопакет» ЕС, принятый в марте 2011 г. несмотря на активные протесты наших властей и бизнес-сообщества.

Антироссийские настроения в странах ЕС сейчас сильны, как никогда.

Поворот к более жесткой линии в отношении России был заметен в ЕС (особенно в его локомотиве — Германии) с момента возвращения

---

[1] *Neil MacFarlane, Anand Menon.* The EU and Ukraine // Survival. May–June, 2014. P. 100.

[2] *Павел Тарасенко.* «Восточное партнерство» стремится к гибкости // Коммерсантъ. 25 апреля 2014.

[3] *George Soros with Gregor Schmitz.* The Tragedy of the European Union. P. 106.

Путина в Кремль в 2012 г. В германских СМИ была проведена кампания по дискредитации «апологетов» России в политическом классе и экспертном сообществе. Берлин превратился из сторонника сближения с Россией в открытого противника Москвы по всем линиям. Украина довела процесс охлаждения до логической точки. Сегодня, пишет Дмитрий Тренин, «объединенная Европа под руководством Берлина и сохраняющимся военно-политическим патронатом Вашингтона — не только экономический партнер России, но и ее идеологический оппонент и геополитический соперник»[1].

Повестка дня касательно отношений с Россией, как ее описывает The Economist, не самая многообещающая. Во-первых, в ответ на «российскую угрозу» страны ЕС намерены увеличить военные расходы. Во-вторых, продолжится линия на ослабление энергетической и иной зависимости от России. В-третьих, «санкции против России будут сохранены, а возможно, и усилены, хотя они наносят урон не только России, но и неустойчивой западноевропейской экономике»[2].

И дело не только в Украине. Углубляется культурно-цивилизационный разрыв. «Конфликт происходит на почве либеральных ценностей, а если посмотреть внимательно, то раскол происходит из-за разных мировоззрений, — считает Александр Рар. — Запад давно живет в постхристианском мире, в то время как Россия пытается развиваться в духе неохристианства после коммунистического преследования религии в течение почти всего XX в.

Для России это хорошо, для Запада — немыслимо. На Западе не поверили своим глазам, когда сотни тысяч россиян пришли в храмы поклониться афонской святыне — “поясу Богородицы”, о котором на Западе давно позабыли. Аргументы христианских кругов в России, что панк-группа осквернила своим позорным выступлением священное место церковного амвона, где во время литургии причащаются верующие для прощения грехов, на Западе только послужили обвинению России в мракобесии и возвращении в Средневековье.

Сегодня Запад считает себя в полном праве экспортировать свою идею либеральной революции по всему миру. На Западе тоже свято верят в то, что демократия и права человека — универсальные ценности всего человечества и что свободу надо внедрять, если потребуется, силой. Открыто этого на Западе никто не скажет, но западные интеллектуалы считают “авторитарный режим Путина” нелегитимным. Они надеются на то, что в России к власти придет более “просвещенное” поколение и тогда сотрудничество возобновится по западному сценарию. На упреки российской элиты, что Запад подрывает принципы

[1] РБК. 2 декабря 2014. С. 7.
[2] The Economist. The World in 2015. P. 37.

государственного суверенитета и таким образом нарушает международное право, следует такой ответ: мировой порядок изменился, когда где-то нарушаются права человека, у либерального Запада появляется моральное право вмешиваться во внутренние дела других государств, защищая слабых от произвола диктаторов»[1].

Европа ощущает себя в кризисе, причем не только экономическом, но и психологическом. Доминик Моизи описал эти ощущения в категориях страха: «Это страх того, что Европа, перестав быть центром творчества и потеряв влияние в мире, обречена стать неким подобием музея, этакой большой Венецией, оазисом "хорошей жизни" и культуры, который люди других, более динамичных континентов хотят посетить и где хочется пожить после выхода на пенсию. Даже если Европу, как и весь остальной мир, обойдет стороной вторая Великая депрессия, плавный, но устойчивый спад в будущем представляется вполне правдоподобным»[2].

Европейский союз погружается в состояние аутизма, утонув в собственных проблемах: экономических, политических и национальных. Даже когда дело касается острых внутриевропейских тем, явно требующих консолидированных ответов (например, приток мигрантов из Африки, с которым не справляется Италия), единого подхода не просматривается.

«Европа, какой я ее знал, находится в процессе исчезновения, — пишет Уолтер Лакер. — На ее место придет что-то среднее между региональной державой и действительно ценным музеем… Нынешний кризис — это не финансово-долговой кризис, а в первую очередь кризис недостатка воли, инерции, усталости и сомнения в собственных силах; как бы часто ни упоминались "европейские ценности", это кризис недостаточной уверенности в себе, слабого эго — в терминах психоаналитики»[3].

Но существуют и еврооптимисты. Например, руководители Европейского совета по международным делам Марк Леонард и Ханс Кунднани, которые уверены: «Одним своим созданием ЕС стал беспрецедентным феноменом международных отношений — и гораздо более совершенным союзом, чем считают сторонники идеи его упадка»[4].

Ричард Хаас — председатель американского Совета по международным делам — подчеркивает, что «критические элементы европейской трансформации за последние 70 лет — демократизация Германии, франко-германское примирение, экономическая интеграция — на-

---

[1] *Александр Рар.* Европа–Россия: на чем ставим крест // Российская газета. 11 сентября 2012.

[2] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 132–139.

[3] *Walter Laquer.* Night Thoughts on Europe. P. 33.

[4] *Mark Leonard, Hans Kundnani.* Think Again: European Decline. P. 50.

столько крепки, что их можно принимать как данность. Европейское местничество и военная слабость может сделать регион плохим партнером Соединенных Штатов в глобальных делах, но континент как целое уже не является проблемой с точки зрения безопасности…»[1].

Представляется, что Евросоюз, несмотря на все переживаемые им трудности, докажет свою способность адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним экономическим и политическим условиям. Движущей силой евроинтеграции по-прежнему остается «тандем» Германии и Франции, хотя первая явно лидирует. Германию все больше поддерживает Польша.

При этом все серьезные аналитики сходятся в том, что Европа переживает период исключительной неопределенности. «Никто не знает, переживет ли еврозона, возглавляемая Германией и Францией, расстройство рынков или распадется, как в свое время Континентальная система, Mitteleuropa и "Крепость Европа", — считает Брендан Симмс. — Найдет ли Европа общую позицию в связи с вызовами и возможностями "арабской весны", российских амбиций на востоке и роста китайской мощи или фрагментируется на свои составные части; будут ли европейцы по-прежнему рассматривать ЕС как современную Священную Римскую империю, которая позволяет сосуществовать более успешно, чем когда-либо раньше, но не способна на эффективные коллективные действия, — или придут к заключению, что их проблемы могут быть решены созданием нового конституционного порядка в русле, проложенном англо-американцами в XVIII в.: мощный союз, основанный на общем долге, сильных центральных институтах, ответственных перед прямо избранным парламентом, и общей обороне против общих врагов»[2].

Будущее покажет.

---

[1] *Richard N. Haass.* The Unraveling // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 72.
[2] *Brendan Simms.* Europe: The Struggle for Supremacy… P. 532.

Глава 4

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

У нас, англичан, с американцами теперь и вправду все общее, кроме, разумеется, языка.

Оскар Уайльд

Соединенные Штаты Америки сегодня — единственная сверхдержава, имеющая глобальные интересы и способная применять и проецировать силу в любой точке Земного шара. США — незаменимая держава в том смысле, что ни одна серьезная мировая проблема без нее не решается, а сама она стоит за множеством из этих проблем. Америка выступает той силой, которая в наибольшей степени влияет на современный мир и меняет его. Так было далеко не всегда. Хотя предпосылки нынешних взглядов на миссию страны в мире можно обнаружить еще в представлениях первых переселенцев — пуритан.

По территории (9,63 млн кв. км) США занимают четвертое место в мире после России, Канады и Китая. По численности населения — 316 млн человек — Соединенные Штаты третьи на планете после Китая и Индии. Белые (включая испаноязычных) составляют 77,1% населения, афроамериканцы — 12,9%, лица азиатского происхождения — 4,2%; индейцы, эскимосы, алеуты — 1,5%. Государственный язык — английский, хотя во многих южных штатах де-факто официальным является также испанский. Три четверти населения — христиане (протестантов — 56%, католиков — 28%), иудеев — 2%, атеистов не более 10%.

Соединенные Штаты — плоть от плоти Западной цивилизации. Но все-таки это отдельная ее ветвь, обладающая немалыми особенностями.

Посмеяться над простоватыми и неотесанными «янки» любили многие европейцы, особенно до тех пор, пока США не стали великой державой. «Америка — это не Запад, а Дальний Запад», — был уверен Жорж Дюамель, французский писатель. «Америка — это большой дружелюбный пес в очень маленькой комнате. Всякий раз, когда он виляет хвостом, он переворачивает стул», — иронизировал Арнольд Тойнби. Жоржу Клемансо принадлежат слова: «Америка — единственная страна, перешедшая из стадии варварства прямо в стадию дегенерации, минуя стадию цивилизации». Уинстон Черчилль, мать которого была

американкой, тоже иронизировал: «Туалетная бумага здесь слишком тонкая, а газеты слишком толстые»[1].

Один из основателей французской исторической школы «Анналов» Фернан Бродель утверждал: «С удивительным упорством эта Америка всегда хотела быть необычной. Долгое время она являлась цивилизацией без исторических корней, напоминавшей путешественника без багажа, уверенной в том, что перед ней открывается лучшее будущее, достижение которого зависит только от нее самой»[2].

Оптимизм, идеализм, индивидуализм, гибкость, культ превосходства, убежденность в собственной уникальности были ключевыми компонентами успеха американцев, видевших в своей стране скорее строительную площадку нового мира, чем воплощение некоей европейской традиции, которую нужно сохранять или преодолевать. Америка думала о будущем. Уолт Уитмен, изъездивший всю страну, писал, что старается «распеленать сознание еще не обретшей форму Америки, освободить его от предрассудков, избавить от затянувшегося, неотступного, сковывающего наследства антидемократических авторитетов азиатского и европейского прошлого». Америка (насколько поэтичнее это звучало, чем «Соединенные Штаты»!) должна была стать новой страной, отвернувшейся от Европы и метафорически, и культурно. История Европы растворялась, как если бы ее не было. Америка не имела своей Басконии, Ольстера, Эльзаса и Лотарингии или Шлезвиг-Гольштейна, за которые нужно было убивать других и гибнуть самому. Если иммигранты-европейцы первого поколения еще имели корни на родине, то у их детей уже не было привязанности к стране своего происхождения. «В отличие от европейцев, американцев не преследует призрак их прошлого», — полагает Доминик Моизи[3].

От колоний к Соединенным Штатам

Американская ветвь западной цивилизации начала расти из Испании. До конца XVI в. ей принадлежали обе Америки. Могущество Испании заставляло другие нации избегать вражды с испанским королем. Единственными европейскими поселениями в Северной Америке к 1600 г. были испанские крепости Сан-Хуан на территории нынешнего Нью-Мексико и Сан-Августин во Флориде. В XVII в. соотношение сил в Европе резко изменилось, что моментально нашло отражение и в Западном полушарии. Слабевшая Испания ревностно отстаивала свои позиции в Южной и Центральной Америке, но не в

[1] *Уинстон Черчилль.* Изречения и размышления. М., 2012. С. 188.

[2] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 442.

[3] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 144–145, 153–154.

слабо заселенной северной части Нового Света, куда устремились англичане, французы и голландцы.

В первые годы XVII в., следуя по пути, проложенному Жаком Картье, французские коммерсанты прошли по реке Святого Лаврентия, закладывая поселения на месте нынешних Квебека и Монреаля. После они двинулись на запад, через район Великих озер, и на юг, в бассейн Миссисипи, где вышли к Мексиканскому заливу и в 1718 г. основали поселок, ставший позднее Новым Орлеаном. Французы застолбили за собой огромную территорию, но их было слишком мало. В 1750 г. в Луизиане (так называлась огромная территория, номинально подчиненная французской короне) жили порядка 2 тыс. французов и немцев и от 200 до 300 тыс. коренных американцев.

Голландская и английская волны колонизации Северной Америки шли совместно. В 1609 г. Хендрик Хадсон (Гудзон), английский исследователь на службе Голландской Ост-Индской компании, поднялся по реке, носящей ныне его имя, в поисках морского пути в Индию. Торговцы из Нидерландов примерно с 1624 г. начали заселять острова в устье самой реки, включая Манхэттен. Они привели за собой более 10 тыс. колонистов из Европы — французских гугенотов, бельгийцев, англичан, финнов и шведов, — а также португальских евреев из Бразилии, африканцев. Так появился Новый Амстердам, превратившийся в Нью-Йорк в 1664 г., когда прибывшие английские военные корабли заставили голландцев признать главенство Британии. В XVII в. Лондон обладал гегемонией на морях.

Когда в ходе революции 1640-х гг. в Англии начались преследования протестантских сект, вышедших из повиновения официальной церкви, многие из их последователей были вынуждены покинуть страну, и поток беженцев только возрос после реставрации монархии в 1660 г. Сектанты отправлялись за океан, стремясь создать общины на принципах истинной веры. Впрочем, многих переселенцев гнало через океан просто стремление к лучшей жизни или вердикт суда: в Америку ссылали и каторжан.

Первым постоянным собственно английским поселением в Северной Америке был Джеймстаун, основанный в 1607 г. (сейчас это фешенебельный район города Вашингтона). Из 8–9 тыс. человек, прибывших между 1610 и 1622 гг., 80% не прожили на новой земле и десяти лет. Чума и малярия, занесенные на кораблях с островов Карибского моря, желтая лихорадка и дизентерия выкосили большинство переселенцев. Наведение элементарного порядка, выработавшийся иммунитет к болезням, а также открытие такой ценной товарной культуры, как табак, позволили колонии сохраниться. В 1643 г. ее население составляло уже 5 тыс. человек. Район Чесапикского залива стал важным центром притяжения для многих британских эмигрантов.

В 1620 г. группа религиозных раскольников, позднее названных отцами-пилигримами, высадилась севернее Джеймстауна, на мысе Кейп-Код. Им тоже пришлось нелегко, но в 1630–1640-х гг. за ними последовало еще множество пуритан, и к 1700 г. в районе Массачусетского залива, названного Новой Англией, жили уже порядка 100 тыс. поселенцев. Крупнейшим городом Новой Англии стал Бостон.

В 1681 г. Уильям Пенн основал колонию для преследуемой в Англии секты квакеров на территории, которая получит название Пенсильвании. Эта колония стала также пристанищем для протестантских сект из Шотландии, Германии и Швейцарии. К 1700 г. Филадельфия, обогнав Бостон, стала самым крупным городом на атлантическом побережье Северной Америки.

До середины XVIII в. Америка представляла собой, по преимуществу, цепочки прибрежных колоний, связанных между собой в основном каботажным флотом и входивших в мировую торговую сеть, которая соединяла Европу, Северную и Южную Америку, Вест- и Ост-Индию, Китай. Это, помимо прочего, к концу века позволило только возникшим Соединенным Штатам иметь второй по тоннажу флот в мире после английского.

Казалось, английские колонии в Америке были расположены куда менее удачно, чем испанские или французские. Как подмечал Фернан Бродель, «английский “плацдарм” оказался зажат между Флоридой, где уже начали обустраиваться испанцы, и обширными, слишком обширными французскими территориями, на которых промышляли охотники и добытчики пушнины, а также проявляли активность миссионеры-иезуиты. Когда в XVIII в. английская экспансия направилась к западу, то на ее пути встали форты с французскими гарнизонами». Но у Англии оказался один неубиваемый козырь: из-за революции и религиозных гонений оттуда в Новый Свет направлялось гораздо больше переселенцев, чем из Франции. К началу Семилетней войны, которая определит расклад сил на континенте, на миллион англичан в Северной Америке приходилось лишь 63 тыс. французов[1].

В условиях крайней слабости колониальной администрации принципы организации управления, правосудия, образования переселенцам пришлось взять на себя, во многом используя опыт городского самоуправления Западной Европы. Каждая американская колония зарождалась как поселение, которым управляли избираемые всем сообществом люди. Городские советы отчитывались перед своими избирателями на открытых городских собраниях, где и принимались общегородские решения. В сельской местности преобладали индивидуальные фермерские хозяйства, а деревни европейского типа не воз-

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 443.

никли, соответственно, не было и крестьянских общин. Изолированное фермерское расселение станет основной моделью на большей части страны.

Еще в дореволюционную эпоху формировался особый генетический код, определивший многие особенности американской традиции. Она изначально была дуалистичной, отражавшей различные компоненты исторического сознания и опыта.

Американскую модель называют порой «идеальным творением», авторов которого не сковывал авторитет истории. Это и так, и не так. Англо-американская цивилизация, уверял Алексис де Токвиль, есть «результат (данное исходное положение должно постоянно присутствовать в ходе любых размышлений) двух совершенно различных начал, которые, кстати говоря, весьма часто находились в противоборстве друг с другом, но которые в Америке удалось каким-то образом соединить одно с другим и даже превосходно сочетать. Речь идет о приверженности религии и о духе свободы. Основатели Новой Англии были ревностными сектантами и одновременно восторженными новаторами. С одной стороны, их сдерживали оковы определенных религиозных верований, а с другой — они были совершенно свободны от каких-либо политических предрассудков»[1].

Классик американской историографии Артур Шлезингер-мл. считал центральным для понимания сути Соединенных Штатов расхождение в ответе на ключевой для них вопрос: является ли Америка суровым экспериментом для части человечества или реализацией Божественного замысла, предначертания свыше? Шлезингер прослеживал «две нити, которые переплелись с того самого времени, когда англоговорящие белые впервые вторглись на западный континент, ведут каждая свою тему, пребывая в неутихающем противоборстве относительно того, в чем смысл Америки. Истоки обеих тем лежат в нравственных установках кальвинизма. Обе темы в дальнейшем были обновлены светскими дополнениями. Обе нашли себе место в разуме американца и на протяжении американской истории борются за обладание им. Их соперничество, несомненно, будет продолжаться до тех пор, пока существует нация»[2]. Первая «нить» становилась основой для реалистической традиции, вторая — для мессианской.

Исторически первой была христианская интерпретация судьбы Нового Света. Религиозное напряжение первых переселенцев стало фундаментом мессианско-идеалистической традиции, которая имела корни еще в Британии XVII в.: в трудах философов и общественных деятелей зазвучала мысль о том, что англосаксам предписано свыше колонизировать и тем самым принести цивилизацию и истинную пу-

[1] *Алексис де Токвиль.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 53
[2] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 15–16.

ританскую веру в Новый Свет и в другие части планеты. Как отмечает Шлезинтер, «страдания сами по себе» казались переселенцам доказательством их высокой роли «в истории спасения»[1].

Первоначально речь шла о том, что Америке предначертано стать моральным примером для всего остального человечества, уже в сознании ранних поселенцев идеи «исключительности» перешагивали далеко за пределы Америки. Особенно это касалось пилигримов Массачусетского залива, которые, по словам историка Дэниела Макинери, «стали первыми американцами, осознавшими свою особую миссию и позиционировавшими себя как часть спасительной нации, которая призвана стать образцом для всего мира. Подобная модель не допускала инакомыслия. Пуритане не отвергали идею религиозной свободы, но признавали ее только для самих себя — чтобы жить и поступать в соответствии с велениями собственного Бога»[2]. Не случайно именно в Массачусетсе началась печально известная «охота на ведьм», апогеем которой стал Сейлемский процесс, когда перед судом предстали около 100 человек — в основном пожилых женщин, 20 из которых были казнены.

В пуританских представлениях губернатора колонии Джона Уинтропа о «Граде на Холме», к которому будут обращены взоры всех народов, и об Америке как о «стране Господа» ей отводилась роль не скорбного просителя Божьей милости к человечеству, а верховного арбитра других народов, наделенного особой способностью проникновения в Божественное провидение. Жители колоний в большинстве своем разделяли убеждение видного литератора и теолога Дж. Эдвардса, который в 1740-е гг. писал, что провидение избрало Америку в качестве средства для «славного обновления всего мира»[3].

В то же время императивы борьбы за существование, стремление сделать окружающий мир более совершенным становились питательной средой для складывания другой традиции — реалистического мышления, откликавшегося на тяготы бытия и устремленного к практическим действиям, исходящим из сознания несовершенства человеческой природы и необходимости учитывать исторический и текущий опыт. Эта тенденция превалировала в американском политическом сознании XVIII в., когда отцы-основатели Соединенных Штатов в поисках вдохновения для выработки идеологии борьбы за независимость и создания нового государства обращались в первую очередь к истории… Древнего Рима (Греция интересовала их меньше), к мыслям Полибия, Плутарха, Цицерона и Тацита. Изучение классической литературы и римской истории, которая не давала уверенности в неизбежности прогрессивного развития человечества, усиливало кальвинистское ощуще-

[1] Там же. С. 28–29.
[2] *Дэниел Макинерни.* США: История страны. М., 2011. С. 40.
[3] *Merle Curti.* The Roots of American Loyalty. N.Y., 1968. P. 6.

ние того, что жизнь — страшный риск и американский эксперимент вовсе не обречен на успех. Деятельность отцов-основателей в значительной степени была продиктована стремлением заложить рациональные основания общественного и политического устройства, приспособленные к конкретным условиям жизни на континенте, который стремился порвать с европейскими феодально-монархическими корнями.

Александр Гамильтон, один из ведущих основоположников реализма, в первом же номере «Федералиста» утверждал, что американцы имеют возможность «своим поведением и примером решить важный вопрос: действительно ли человеческие сообщества способны установить хорошее правление, опираясь на свои рассуждения и свободу выбора, или же им навсегда суждено в деле своего политического устройства зависеть от случайностей или силы». В своей инаугурационной речи первый президент США Джордж Вашингтон так определил предназначение страны: «Сохранение священного огня свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». Отцы-основатели, полагал Шлезингер, «были смелыми и невозмутимыми реалистами, ввязавшимися вопреки истории и теологии в грандиозную игру»[1]. Вместе с тем и им был присущ мессианский идеализм, пусть и не в тех масштабах, что ранним пуританам. В США реализм никогда не существовал без дозы идеализма — и наоборот. Водораздел между идейными течениями, как правило, определялся пропорциями того или другого.

Мессианство США, обращенное вовне, также носило двойственный характер. С одной стороны, оно включало в себя космополитически-демократическое обоснование, подчеркивая роль Америки как морального примера для остального мира. С другой — становилось оправданием активного вмешательства в ход мировых событий во имя утверждения идеалов «американской мечты», нередко получая милитаристскую окраску.

Конечно, в XVIII в. мысли о глобальной миссии Америки никак не соответствовали ее возможностям и весу в мировой системе. На этом этапе они использовались для оправдания колонизации континента, которая представлялась поселенцам не простой территориальной экспансией, а движением «высших арийских племен, несущих цивилизацию на Запад вслед за светилом»[2]. Идеи «исключительности» наполнялись новым и вполне реалистическим смыслом в годы англо-французских войн в Северной Америке. Жители английских колоний свою роль в этих войнах видели не столько в том, чтобы бросить по-

---

[1] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 25.

[2] *R. Horsman.* Race and Manifest Destiny: The Origins of American Racial Anglo-Saxonism. Cambridge; L., 1981. P. 84.

беду на алтарь величия метрополии, сколько в реализации собственных территориальных устремлений и утверждении независимости от Англии. Джон Адамс считал изгнание «беспокойных галлов» главным условием быстрого роста англоязычного населения Нового Света, что, по его мнению, должно было привести к «перенесению великого герба империи в Америку»[1].

Семилетняя война, полем сражений которой стала не только Европа, но и Северная Америка, послужила катализатором американской революции. Война привела к удвоению задолженности Британии, поставив в то же время под контроль Лондона восточные части Нового Света. Однако поддержание военного присутствия в американских колониях стоило слишком дорого. Британия поставила цель реорганизовать администрацию и ввести налогообложение на территории Северной Америки, коль скоро там жили люди, обладавшие формальным статусом подданных британской короны. Но это были уже особенные подданные: к этому времени в каждой колонии существовала собственная ассамблея представителей городов, на которой обсуждались общие для всей колонии вопросы.

В книге о выдающихся примерах политической глупости Барбара Такман писала: «Перспектива налогов возбудила в колониях больше воинственности, чем даже ввод армии. До той поры колониальные правительства обсуждали бюджеты и утверждали их на своих собраниях… Поскольку колонисты не имели своего представительства в парламенте, они объяснили свое сопротивление тем, что англичанин может быть обложен налогом только собственными представителями, однако причиной была обычная реакция на любой новый налог: дескать, “платить мы не станем”. Признавая зависимость от короны, колонии считали себя независимыми от парламента, а свои собрания — равноправными парламентским заседаниям… Американцы отреагировали слишком бурно, ошибались, ссорились, но действовали, если и не безупречно, то в собственных интересах. Если сумасшествие выражается в нарушении собственных интересов, то в данном случае безумными были британцы»[2].

Британские запреты колонистам селиться западнее Аппалачей, введение законом о гербовом сборе товарной пошлины спровоцировали бойкот английских товаров и самосуд над британскими таможенными чиновниками в портах (их обмазывали дегтем и вываливали в перьях). В октябре 1765 г. девять колоний направили делегатов на первый общий форум — Конгресс гербового сбора, прошедший под лозунгом

---

[1] *R. Van Alstyne.* Empire and Independence: The International History of the American Revolution. N.Y. et al., 1965. P. 1.

[2] *Барбара Такман.* Ода политической глупости: От Трои до Вьетнама. М., 2013. С. 157.

«Никаких налогов без представительства». Закон о гербовом сборе был отменен, однако по инициативе канцлера британского казначейства Чарльза Тауншенда для оплаты колониальных судей и губернаторов были введены пошлины на стекло, бумагу, краски и чай. В 1770 г. британский парламент из-за протестов поселенцев отменил все пошлины за исключением чайной. 16 декабря 1773 г. группа колонистов, переодевшись индейцами, проникла на борта трех судов, стоявших в бостонской гавани, и выбросила в море 342 сундука с чаем. Это было знаменитое «Бостонское чаепитие». Британский король Георг III приказал закрыть гавань до полного возмещения ущерба, запретил городские собрания и назначил британского генерала губернатором Массачусетса.

В сентябре 1774 г. делегаты от всех 13-ти колоний собрались в Филадельфии на Первый континентальный конгресс, который высказался за бойкот британских товаров, совместные действия в случае нападения на них, потребовал представительства в британском парламенте. 19 апреля 1775 г. британский генерал Гейдж предпринял марш из Бостона в Конкорд, чтобы захватить подпольный арсенал повстанцев. Американские ополченцы организовали отпор у Лексингтона и Конкорда, заставив Гейджа отступить с потерями в 250 человек убитыми и ранеными. Началась война за независимость.

В 1776 г. новый импульс борьбе придал памфлет незадолго до этого приехавшего из Англии Томаса Пейна «Здравый смысл», который разошелся полумиллионным тиражом в колониях, где проживало всего 2,5 млн человек. Пейн убеждал, что американцы, как и большинство европейцев, живут под гнетом тирании и перед ними стоит выбор: либо смириться с правлением неизбираемого монарха, либо вступить в битву за свободу. В июне 1776 г. Континентальный конгресс в Филадельфии поручил комитету из пяти человек (Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Томас Джефферсон, Роберт Ливингстон и Роджер Шерман) составить проект документа о государственной независимости. 4 июля 1776 г. Конгрессом была принята Декларация независимости, написанная Джефферсоном с несколькими поправками Франклина, где говорилось о праве каждого человека на «жизнь, свободу и стремление к счастью» и провозглашалось отделение от Британии. Тринадцать штатов Америки образовали самостоятельное государство, которому оставалась самая малость — победить войска метрополии.

Главнокомандующим конгресс назначил виргинского плантатора Джорджа Вашингтона, который оказался неважным полководцем, но талантливым лидером и вдохновителем, в котором как раз и нуждалось добровольческое ополчение, сражавшееся с кадровой армией. Выиграв первые сражения, Вашингтон начал нести тяжелые потери, пока в октябре 1777 г. не заставил сдаться 6 тыс. британских солдат при Саратоге. Этого оказалось достаточно, чтобы убедить французов, об-

хаживаемых послом США в Париже Франклином, вступить в войну. В октябре 1781 г. английский генерал Корнуоллис был окружен в Йорктауне, где и капитулировал вместе с восьмитысячным войском, после чего исход войны был предрешен. Формальный мирный договор был подписан в феврале 1783 г.

В мае 1787 года 55 делегатов от 13 штатов собрались в Филадельфии для принятия Конституции. Фернан Бродель замечал: «Уже давно сказано: отцы-основатели создали конституцию, основанную на "философии Гоббса и религии Кальвина". Но они также полагали, что "человек человеку волк", что его "телесный дух" противоположен духу Божьему… Но главной идеей, которая беспокоила и обусловливала поступки этих собственников, этих деловых людей, этих законников, этих плантаторов, спекулянтов и финансистов, этих "аристократов", была идея о том, что необходимо защитить собственность, богатство, социальные привилегии… Отныне американская конституция может считать себя революционной, новой, провозглашающей равенство, но только в той мере, в какой она уравновешивает животные импульсы человека, остающегося эгоистичным и жестоким»[1].

Основная дискуссия сосредоточилась на двух главных вопросах: о прерогативах федерального правительства и штатов, а также о выборах в Конгресс. Некоторые делегаты отдавали предпочтение избранию законодателей ассамблеями штатов. Однако возобладала идея прямых выборов Конгресса, а президента — через коллегию выборщиков. Правом голоса наделялись лишь мужчины (женщины, индейцы и рабы оставались политически бесправными), имевшие в своей полной собственности облагаемую налогом недвижимость на 40 шиллингов. Делегаты доказывали, что только собственники сознательно заинтересованы в благосостоянии страны и что люди сражались не за демократию, а за конституционное правление. Конституция определила взаимоотношения между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также исчерпывающие полномочия федерального правительства. Все остальные вопросы оставались в ведении самих штатов. После 17 недель тайного обсуждения документ был согласован.

Когда Конституцию направили на ратификацию, ряд законодательных собраний штатов под предводительством Массачусетса пожелали, чтобы были добавлены гарантии прав граждан. Джеймс Мэдисон подготовил поправки к конституции, десять из которых были приняты и получили название Билля о правах, предусматривавшего права на свободу слова и мирные собрания, на ношение оружия, на отказ от свидетельствования против себя (часто используемая Пятая поправка), право на суд присяжных. Естественно, заявленные права и свободы не

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 449.

касались рабов и коренного населения — индейцев, число которых превышало 6 млн человек, тогда как белых было не больше 2,5 млн. Если учесть, что белых мужчин было около 1 млн, а избирательными правами в первые 50 лет американской демократии пользовались 5% из них, речь шла о демократии для порядка 50 тыс. человек из 9 млн жителей. Тем не менее США с момента возникновения имели значительно более широкое избирательное право, чем любая европейская страна[1].

При этом Америка оказалась и более расистской страной. «Особенно после Американской революции расовое разграничение между белыми и черными усилилось. Конституция США, при всех ее достоинствах, институционализировала это разграничение, признав рабство легитимным, — первородный грех новой республики»[2], — подметил Ниал Фергюсон. Женщины получат избирательное право в 1929 г., афроамериканцы — в 1960-е. И все же, можно признать, что США возникли как уникальный для того времени образец эгалитарного общества широких прав со слабой аристократией и формальным равенством граждан.

Политическая система, созданная Конституцией, позволила Соединенным Штатам оставаться стабильным образованием на протяжении двух столетий, за которые они изменились до неузнаваемости, превратившись в самую мощную страну мира.

Предначертание судьбы

Политическая культура Соединенных Штатов имела ряд важных институциональных особенностей, которые и до сих пор заметно отличают ее от европейской. Историк Стивен Сковронек подчеркивал, что США в XIX в. складывались как «страна судов и партий», и те функции, которые в Европе традиционно осуществляли исполнительная власть и бюрократия, в Америке принадлежали судьям и избираемым лицам — будь то законодатели или шерифы[3]. Почему так получилось? Фрэнсис Фукуяма подмечал, что в Западной Европе первоначально возникло право (Великая хартия вольностей, Магдебургское право), затем — в эпоху абсолютистских монархий — современное государство, и лишь в XVIII в. — зачатки демократии. США наследовали традиции британского права еще в колониальную эпоху, но затем стали создавать институты демократии до того, как создали функционирующее государство[4].

---

[1] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. L., 2014. P. 140.

[2] *Niall Ferguson.* Civilization: The West and the Rest. L., 2011. P. 129, 132.

[3] *Stephen Scowronek.* Building a New American State: The Expansion of National Administration Capacities, 1877–1920. Cambridge, 1982. P. 24.

[4] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay. P. 203.

Отцам-основателям партии первоначально представлялись ненужными. В XVIII в. в партиях вообще не видели проку нигде в мире, даже в Англии тори и вигов называли фракциями, что звучало тогда как синоним безответственной клики. Руссо во Франции обличал «группы интриганов и объединения фанатиков». В революционной Америке доминировала философия гражданского республиканизма, которая ставила общественное благо выше групповых и личных интересов. Джефферсон уверял, что если бы ему «нашлось место в раю лишь как члену какой-либо партии, то предпочел бы отказаться от рая». Ни на колониальных ассамблеях, ни на Континентальном конгрессе партий не возникало, не были они упомянуты и в Конституции.

Первый президент — Джордж Вашингтон не был партийным кандидатом. В своем прощальном послании нации он «самым торжественным образом» предостерег от партийного духа, который является худшим противником демократического правительства[1]. Но именно в годы президентства Вашингтона партии де-факто возникли.

Они становились важнейшими связующими инструментами между гражданским обществом и государством, выразителями многообразия социальных интересов и форм собственности. Они оказались также весьма полезными в качестве приводных ремней между разделенными ветвями государственной власти. «С самого начала американская политика оказалась в сложном лабиринте плюрализма — конфликта интересов между этническими, социально-экономическими, региональными, религиозными группами, разбросанными по разным штатам обширной и разнородной страны, с соответствующими различиями в настроениях, мнениях, симпатиях к тем или иным лидерам. Перед лицом такого плюрализма партии оказались первостепенным политическим инструментом для установления упорядоченного демократического контроля в политике и политической координации в правительстве»[2], — писал видный историк Уильям Нисбет Чемберс. Как общенациональные институты, противостоявшие местничеству и сепаратизму, партии, по выражению известного исследователя американской политики XIX в. Генри Джона Форда, выступали и «последними хранителями государственного единства»[3].

Изначальный дуализм американской традиции, проявившийся в колониальную эпоху, продолжился и в практической политике, и в идеологии независимых Соединенных Штатов Америки.

Во внутриполитической сфере дихотомия проявлялась, прежде всего, в ответе на вопрос о роли государства и его регулирующих функ-

---

[1] *Екатерина Глаголева.* Вашингтон. М., 2013. С. 434.

[2] *William Nisbet Chambers.* The Democrats 1789–1964: A Short History of a Popular Party. Boston; Toronto, 1964. P. 10.

[3] *Henry Jones Ford.* The Rise and Growth of American Politics. N.Y., 1898. P. 203.

циях в жизни общества. Обычно принято считать, что США являются страной классического частного предпринимательства, которое и стало первопричиной ее феноменальных успехов. Это не совсем так. Собственно, библия частного предпринимательства — «Богатство народов» Адама Смита — появилась на свет в один год с американской Декларацией независимости. В колониальные времена, как и в первые десятилетия самостоятельности, преобладали идеи меркантилизма, которые позволили Кольберу добиться выдающихся успехов в подъеме французской экономики. Когда мысли Смита дошли до Америки, началось продолжающееся до сих пор — с модификациями — противоборство двух подходов, отразившееся и в дуализме американской партийной системы.

Сам Джордж Вашингтон склонялся к сторонникам сильной центральной власти во главе с министром финансов Гамильтоном, которого упрекали в монархических замашках и аристократическом снобизме. Гамильтон представлял себе Америку «динамичной республикой, капиталистическим правовым государством, в котором экономика основывается на техническом прогрессе и частных корпорациях. Сторонники Гамильтона видели в национальном правительстве эффективный инструмент для превращения аграрной страны в бурно развивающуюся промышленную державу»[1]. Отбрасывая в сторону «фантазии Адама Смита» и называя идею о саморегулировании экономики «бредовым парадоксом», Гамильтон писал в 7-й статье «Федералиста»: «Ничем не ограниченный дух предпринимательства ведет к нарушению законов и произволу, а в итоге — к насилию и войне». В своей Великой программе 1790-х гг. Гамильтон призывал государство предоставлять средства тем, кто готов расходовать их на развитие национального производства. Его идеи стали фундаментом экономического реализма, признававшего роль государства в экономическом регулировании.

Гамильтон претворял идеи в жизнь через фракцию в Конгрессе, через которую обеспечил связь с отдельными штатами и избирателями на местах. Уже в 1793–1974 гг. его фракция, получившая название Федералистской, стала, по утверждению Чемберса, «первой подлинно общенациональной политической партией в современной истории», хотя и не массовой, а элитной[2].

Между тем в палате представителей зрела оппозиция политике Гамильтона, получавшая поддержку главным образом от представителей южных штатов, а также некоторых конгрессменов из Нью-Йорка и Пенсильвании. Их лидерами стали Джеймс Мэдисон и Томас Джефферсон, который «видел Америку будущего как рай для мелких хозяйств, сельскую Аркадию, где каждый свободный землевладелец чувствует себя

[1] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 313.
[2] *William Nisbet Chambers.* The Democrats 1789–1964. P. 13.

в безопасности под своею виноградной лозой и своею смоковницей… Но необходимость функционирования банков и бирж он до конца так и не смог признать, что было предметом его бесконечных пререканий со сторонниками Гамильтона»[1]. Джефферсон, считавший «Богатство народов» «лучшей книгой нашего времени» по политической экономии, утверждал: «Получай мы указания из Вашингтона, когда нам сеять, а когда собирать урожай, мы, пожалуй, остались бы без хлеба».

Эти идеи легли в основу идеологии партии джефферсоновских республиканцев — широкой и парадоксальной коалиции, которая находилась под эгидой плантаторской верхушки, претендовавшей на титул защитника интересов простого народа от посягательств привилегированного меньшинства. Идеологическим общим знаменателем такой коалиции служили, как отмечает видный американист Владимир Печатнов, «известные идеалы "джефферсоновской демократии" — демократической республики фригольдеров, основанной на принципах индивидуальной свободы и равноправия (по крайней мере, для белого мужского населения), минимального государственного вмешательства, местного самоуправления и неотъемлемых прав штатов»[2].

Следующей линией водораздела между партиями стало отношение к революционной Франции, которой объявили войну многие европейские державы, включая Британию. Граждане Соединенных Штатов разделились на «англоманов», которые тяготели к федералистам, и «галломанов», группировавшихся вокруг республиканцев. «Французская революция и последовавшая война собрали и усилили все противоречия, которые разделяли федералистов и джефферсоновцев: разногласия о характере нового общества, об экономической политике, о толковании конституции, о внешней политике»[3], — замечал Ричард Хофстедтер.

Раскол был предотвращен выборами 1800 г., на которых победил Джефферсон, впервые в истории положив начало чередованию партий у власти. В их соперничестве более успешными оказались джефферсоновские республиканцы, которым во время войны с Англией (1812 г.) удалось убедить избирателей в антинациональном характере партии федералистов. Именно от джефферсоновских республиканцев — с 1792 г. — отсчитывает свою родословную современная Демократическая партия США, хотя, строго говоря, ее название официально появилось тремя десятилетиями позже — во время избирательной кампании Эндрю Джексона. Мотивация сторонников и новых неэлитных групп с

---

[1] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 314.

[2] *Владимир Печатнов.* От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 15.

[3] *Richard Hofstadter.* The Idea of a Party System: The Rise of the Legitimate Opposition in the United States, 1780–1840. Berkeley; L.A., 1969. P. XI.

помощью системы патронажа — раздачи или обещания должностей взамен на политическую лояльность — стала отличительной особенностью США также со времен Джексона[1]. На роль второй партии претендовали многие — фрисойлеры, «ничего не знающие», виги, пока в этой роли с 1850-х гг. не утвердилась Республиканская партия.

Двухпартийная система стала отличительной чертой Соединенных Штатов. Почему? Известный историк Клинтон Роситер называл несколько причин, укладывающихся в три широких категории. Психология: двухпартийная система корреспондирует с естественной природой вещей, поскольку дуализм «за и против» всегда существует в жизни. Социология: альтернативные, третьи силы никогда не были сильны. «Щедрость американской экономики, текучесть американского общества, выдающееся единство принципов американского народа и, самое важное, успех американского эксперимента — все это препятствовало появлению больших групп несогласных, которые искали бы удовлетворения своих особых нужд через создание политических партий». Конституционное устройство: поляризующий эффект одномандатных избирательных округов и системы выборов президента (победитель получает все, а у третьего не будет шанса избраться куда бы то ни было), разделение власти между федерацией и штатами (создать общенациональную организацию с нуля просто нереально). Вся электоральная система — законы о выборах, практика проведения кампаний — все работает против третьих партий. А со временем сама двухпартийность стала частью американской политической традиции[2].

Доминировавшие на политическом поле демократы уже не были партией государственного невмешательства: вплоть до Гражданской войны 1861–1865 гг., по сути, федералистская линия на подстегивание индустриализации была преобладающей. Североамериканский континент, казавшийся первым переселенцам из Старого Света необъятным, с 1840-х гг. прорезали нити железных дорог, многочисленные каналы. Их строительство было бы немыслимо без государственного финансирования. За столетие с небольшим Соединенные Штаты сумели превратиться из разрозненных прибрежных колоний в экономическое и культурное целое.

«Процесс становления этого современного гиганта вобрал в себя все возможные проявления человеческого духа — героизм, войну на истребление, насилие, идеализм, алчность, самоотверженность, — увеличенные до невероятных масштабов, — замечал Роджер Осборн. — Освобождение от всего, что стесняло их на родине, обернулось для

---

[1] *Walter Russell Mead.* The Jacksonian Tradition and American Foreign Policy // National Interest. Winter 1999/2000. P. 5–29; *David Schultz, Robert Maranto.* The Politics of Civil Service Reform. N.Y., 1998. P. 38.

[2] *Clinton Rossiter.* Parties and Politics in America. N.Y., 1960. P. 17–19.

миллионов европейских иммигрантов источником и благоприятных возможностей, и новой эксплуатации; но при том, что коррупция, геноцид и безудержная жажда наживы составляли неотъемлемую характеристику героической эпохи американской истории, это огромное, не укладывающееся в привычные рамки бурление человеческой активности породило совершенно новую культуру — культуру, давшую голос людям, с рождения обреченным жить в мире машин, работы от звонка до звонка и обезличенного городского быта»[1]. Коллективистское побуждение делиться и отдавать, взаимная заинтересованность и поддержка, с одной стороны, и безоглядное стремление заработать как можно больше любой ценой — с другой. Феномен Дикого Запада во многом вырос из этих полярных импульсов.

Истоки внешнеполитической традиции тоже надо искать в XVIII–XIX вв. Генри Киссинджер так описывал дихотомию внешнеполитического сознания: «Специфические черты, обретенные Америкой по ходу ее исторического развития, породили два противоположных подхода к вопросам внешней политики. Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на Америку обязательства бороться за их утверждение во всемирном масштабе….»[2] Первый больше связан с изоляционизмом, второй — с интервенционизмом. Первый можно проследить в представлениях тех, кого принято относить к школе «реальной политики», второй — во взглядах проповедников активной американской миссии по изменению мира — от либеральных интернационалистов до неоконсерваторов. При этом следует подчеркнуть, что непроходимой границы между различными линиями и тенденциями никогда не существовало, они выступали порой в самых различных сочетаниях и комбинациях. Шлезингер утверждал, что «любому американскому президенту ради обеспечения поддержки своих политических действий приходится апеллировать и к геополитике, и к идеологии, а чтобы делать это эффективно, президенты обязаны совмещать оба эти направления не только в своих речах, но и в своей душе»[3].

Соединенные Штаты с первых лет своего существования вынуждены были весьма плотно заниматься внешней политикой, коль скоро им приходилось ограждать себя от британцев, французов, испанцев, многочисленных пиратов Карибского моря, а также индейцев. В XVIII в. серьезное влияние на американскую внешнеполитическую традицию оказала традиция британская, которая — особенно в интерпретации

---

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. М., 2008. С. 557.
[2] *Генри Киссинджер.* Дипломатия. М., 1997. С. 10.
[3] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 83.

партии вигов — отстаивала принципы невмешательства в дела континента, неучастия в войнах в Европе, поддержания там баланса сил и развития торгово-экономических связей. Эти принципы — политическая отстраненность и акцент на торговые отношения — легли в основу «Образца договоров», который был разработан еще в ходе Войны за независимость будущим вторым президентом США Джоном Адамсом.

Первым серьезным вызовом для внешнеполитической доктрины молодого государства явилась Великая французская революция, которую отцы-основатели, как антимонархисты и республиканцы, связанные к тому же с Парижем союзным договором 1778 г., по идее должны были поддержать. После бурных дискуссий возобладали прагматические соображения собственной безопасности, что исключало вмешательство в дела других стран. В течение следующих десятилетий реальные государственные интересы в целом брали верх над призывами поддержать республиканские или освободительные движения — будь то во Франции, странах Латинской Америки или в Греции[1].

Александр Гамильтон, отстаивая принятие конституции и создание сильной централизованной государственной власти, доказывал, что она необходима, помимо прочего, для «возведения одной великой американской системы, превосходящей по мощи любые трансатлантические силы, способной диктовать условия связей между Старым и Новым Светом»[2]. Такая позиция не встречала всеобщего понимания, существовали опасения, что это потребует большой армии, а следовательно, чревато тиранией. Конгресс поначалу не хотел давать согласие на создание постоянной армии. Гамильтону пришлось обратиться с предостережением со страниц «Федералиста»: «Соединенные Штаты будут являть собой самое необычайное зрелище, какое только наблюдал мир, — зрелище страны, которую ее Конституция лишает возможности готовиться к обороне, прежде чем она окажется захвачена неприятелем». Он верил в американскую миссию, надеясь, что страна, свободная от пороков, слабостей и зол, поразивших все другие нации, со временем возродит мир. В прощальном президентском послании Джорджа Вашингтона 1796 г. прозвучали слова о том, что будущее — за американской мечтой, а остальной мир рано или поздно должен будет подстроиться под ее идеалы. Пока же он, как и другие федералисты, считал в наибольшей степени отвечающим национальным интересам США поддержание баланса сил в Европе.

Примечательно, что та же мысль была центральной в позиции его основного идейного противника — Томаса Джефферсона, что создавало почву для межпартийного согласия по внешнеполитическим

---

[1] *М.О. Трояновская.* Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775–1823). М., 2010. С. 11–13.

[2] The Federalist. Cambridge (Mass.), 1961. P. 142.

вопросам, которое неизменно было сильнее, чем по внутриполитическим. Позднее это явление получит название двухпартийной внешней политики. Джефферсон первоначально проповедовал гуманистический взгляд на американскую миссию, видел будущее Америки в создании «империи свободы», в которую вошли бы самоуправляющиеся государства, создаваемые переселенцами из США. Тем разительнее перемены, которые произошли во взглядах Джефферсона после его вступления на пост президента в 1801 г. Луизиана после ее покупки в 1803 г. не получила самоуправления, а была просто включена в состав Соединенных Штатов. В 1809 г. в письме своему преемнику — Джеймсу Мэдисону Джефферсон заявил, что приобретенные территории позволят создать «такую империю свободы, какой мир не видел с момента сотворения; и я уверен, что ни одна конституция не была так хорошо приспособлена, как наша, для создания обширной империи»[1].

Всплеск дискуссий о внешней политике, в которых центральной стала тема «исключительных прав» США на обладание Северной Америкой, пришелся на период дебатов, предшествовавших войне с Великобританией 1812–1815 гг. Сын второго президента США, тогда американский посол в Санкт-Петербурге Джон Квинси Адамс в 1811 г. писал отцу: «Я полагаю, Святым провидением предначертано, чтобы весь континент Северной Америки был населен одним народом, говорящим на одном языке, исповедующим одну общую систему религиозных и политических принципов и привыкшим к общему укладу общественных традиций и обычаев»[2].

Вопреки прежнему курсу Вашингтона, Адамса и Джефферсона, не позволивших втянуть страну в европейские войны, президент Мэдисон объявил войну Британии. В обращении к Конгрессу 1 июня 1812 г. он назвал четыре причины такого решения: захват англичанами моряков и товаров с американских судов, блокада портов США, ограничения на внешнюю торговлю бывших колоний, подстрекательство Лондоном индейцев к военным действиям. Не прозвучали две других — реальных: стремление раздавить англофилов-федералистов перед предстоявшими президентскими выборами и давление членов Конгресса от новых штатов и поселенцев, которым не терпелось приступить к аннексии Канады[3]. Результатом стал захват Вашингтона и сожжение Белого дома английскими войсками в 1814 г. США одержали решительную побе-

---

[1] *A. Koch.* Power, Morals, and the Founding Fathers: Essays in the Interpretation of the American Englightenment. Ithaca; L., 1961. P. 48.

[2] *S. Bemis.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. N.Y., 1973. P. 182.

[3] *М.О. Трояновская.* Англо-американский конфликт 1812 г. и начало второй войны за независимость США // США. Канада: экономика, политика, культура. № 3. 2013. С. 85–86.

ду при Новом Орлеане в январе 1815 г., когда война уже официально завершилась. Война укрепила американскую элиту в убеждении, что, пока страна не обладает достаточным военным потенциалом, столкновения с ведущими европейскими державами как минимум преждевременны. Британия и Соединенные Штаты больше не воевали между собой, а Америка больше не ввязывалась ни в один из европейских конфликтов на протяжении столетия. «В XIX веке американские цели за рубежом сначала определялись как надменная изоляция (не впутываться), а затем как расширение сферы влияния, подкрепляемое время от времени изрядными порциями ура-патриотизма»[1], — замечал Збигнев Бжезинский. Новая страна повернулась в противоположную Атлантике сторону и стала расширять свои пределы на западе и юге.

Первая половина XIX в. явилась периодом нового религиозного пробуждения Америки, когда многократно увеличилось количество протестантов-евангелистов, уверенных в том, что спасение доступно каждому «вновь родившемуся» христианину; тогда же появились адвентисты, мормоны, фундаменталисты, спиритуалисты. Все их адепты, пишет Дэниел Макинерни, «придерживались убеждения, что Америке предстоит изменить человеческое сообщество. Проповедники постоянно рассуждали об особой роли, которую Бог уготовил американской нации ради духовного спасения мира… Их нации суждено изменить мир. Захочет ли остальной мир присоединиться к нарастающей волне американизма — вопрос уже второстепенный. Но то, что сработало в Америке, просто обязано было сработать повсюду»[2].

Квинтэссенцией американской внешней политики надолго стала доктрина Монро, которая, по авторитетному мнению американского историка С. Бемиса, явилась «гласом явного предначертания»[3]. 2 декабря 1823 г. президент Джеймс Монро в своем послании конгрессу заявил, что ввиду превосходства американских политических институтов над европейскими и прямой заинтересованности США в обеспечении «свободы и счастья своих друзей по эту сторону Атлантики» Соединенные Штаты будут рассматривать любую попытку европейских стран — участниц Священного союза «распространить их систему на любую часть этого полушария как угрозу для нашего мира и безопасности»[4]. Заложенный в доктрину Монро принцип невмешательства и неколонизации Северной и Южной Америки державами Старого Света пре-

---

[1] *Зб. Бжезинский.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010. С. 224.

[2] *Дэниел Макинерни.* США: История страны. С. 265, 266–267.

[3] *S. Bemis.* John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. P. 407.

[4] A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. Wash., 1902. Vol. II. P. 218.

вращался в инструмент оправдания «исключительных прав» на создание сферы влияния самих США.

Идеи «предначертания» США осуществлять экспансию на всем Американском континенте пронизывали риторику и деятельность Эндрю Джексона, занимавшего пост президента страны в 1829–1837 гг. Он считал, что провидение избрало американский народ в качестве «хранителя свободы для защиты ее во благо всей человеческой расы»[1]. Ему принадлежит авторство выражения «расширение зоны свободы»: под этим понималось освоение под будущий «Град Божий» обширных территорий Дикого Запада, прежде всего за счет земель индейцев.

К этому времени относится и формирование того, что Уолтер Рассел Мид назвал «джексоновской традицией популизма», которая тянется и в современность и находит отражение в деятельности таких групп, как «Движение чаепития», воюющее с Бараком Обамой. Джексон — выходец из народа — во многом делал ставку на новых иммигрантов ирландско-шотландского происхождения, которые составили основной костяк переселенцев на Запад, носителей культуры оружия и сторонников изгнания индейцев.

Идеи «американской миссии» звучали со страниц прессы, особенно журнала Democratic Review, возглавляемого Дж. О'Салливаном. Именно из-под его пера вышел тезис о «явном предначертании» (или «предопределении судьбы» — Manifest Destiny). Первоначально доктрина обосновывала необходимость аннексии Техаса и Орегона «правом нашего явного предначертания владеть всем континентом, который Провидение вручило нам для развития великого эксперимента свободы»[2]. Выражение, вошедшее с легкой руки О'Салливана в американский политический лексикон, обрело силу весьма популярной теории.

Под этим флагом США аннексировали Техас и после войны с Мексикой в 1848 г. присоединили огромную территорию, простирающуюся от современного штата Аризона до Тихого океана. По иронии судьбы «расширение зоны свободы», которое шло в юго-западном направлении, на деле вылилось в расширение зоны рабовладения.

Торгово-финансовый Северо-Восток, интересы которого в большей степени представляла вигская партия, с подозрением относился к развертыванию рабовладельческой экспансии. В то же время представители Северо-Востока проявили куда меньшую щепетильность, когда встал вопрос об аннексии Орегона. Во главе борцов за его присоединение вновь оказался Джон Квинси Адамс, который в 1846 г., выступая перед палатой представителей, заявил: «Заставить дикий край расцвести,

---

[1] A Compilation of the Messages and Papers… Vol. III. P. 308.

[2] Encyclopedia of American Foreign Policy: Studies of the Principal Movements and Ideas. N.Y., 1978. Vol. II. P. 526.

подобно розе, установить законы, увеличить, умножить и подчинить себе мир — это то, что нам предначертано сделать, исходя из первого завета Всемогущего Господа»[1].

Теперь взоры были обращены в первую очередь на Кубу и Центральную Америку. В выработанной американскими дипломатическими представителями в западноевропейских столицах секретной программе действий по кубинскому вопросу (которая получила название «Остендский манифест»; 1854 г.) было записано, что Куба «естественным образом принадлежит к великой семье штатов, которые Союз опекает от лица Провидения». Сенатский комитет по иностранным делам в 1859 г., доказывая «естественные права» Соединенных Штатов на Кубу, сформулировал еще один «закон»: «Закон существования нации заключается в росте. Мы не можем, даже если бы захотели, не подчиняться ему»[2].

В ходе дебатов вокруг политики США в Центральной Америке был заложен очередной кирпич в фундамент доктрины «исключительности», — «закон политической гравитации», сформулированный конгрессменом Сэмюэлем Коксом из Огайо: «Более слабые и дезорганизованные народы должны быть поглощены сильными и организованными нациями. Национальности низшего сорта должны капитулировать перед превосходящими их по уровню развития цивилизации и политики. Поскольку расы этого континента пребывают в стадном состоянии, как наши индейцы, или в полуцивилизованном и анархичном состоянии, как расы в Центральной, Южной Америке и в Мексике, то они должны подчиняться закону политической гравитации... И неважно, придут ли Соединенные Штаты, чтобы взять их себе, или нас об этом попросят»[3].

«Специфический институт», Гражданская война и сегрегация

В 1820 г. Томас Джефферсон писал о рабстве: «Этот существеннейший вопрос, подобно пожарному колоколу посреди ночи, будил меня и переполнял ужасом. Однажды я услышал в нем похоронный звон по нашему Союзу». Число рабовладельцев к середине XIX в. составляло около 380 тыс. человек. Но система рабства, которое называли *peculiar institution* («специфический институт»), лежала в основе всего южного общества, владение рабами сделалось для белых жителей естественной частью быта. Рядовые граждане держали рабов как прислугу и поваров, строителей и чернорабочих. Промышленная революю-

[1] *Norman A. Graebner.* Manifest Destiny. N.Y., 1968. P. 109.
[2] Ibid. P. 254, 285, 287, 293–298.
[3] Ibid. P. 320–321.

ция в Англии положила начало безграничному, как казалось, спросу на американский хлопок: его производство с 1820 г. удваивалось каждые десять лет, и в 1860 г. хлопок составлял три пятых всего американского экспорта и три четверти его мировых поставок[1]. Спрос на хлопок привел к скачку численности рабов — с 800 тыс. в 1776 г. до 1,5 млн в 1820-м и 4 млн в 1860 г. Помимо прибылей от хлопка, сахарного тростника и табака, южане неплохо зарабатывали и на самой работорговле. В то время как рабство исчезало по всему миру, американский Юг считал себя особым регионом планеты с отличной от северных штатов культурой и сопротивлялся любому вмешательству в свои внутренние дела, апеллируя к джефферсоновской доктрине прав штатов.

Вместе с тем с промышленным переворотом и бурным развитием товарного аграрного хозяйства внутренний рынок страны оказывался все менее способным поглощать растущий объем продукции. Следовавшие один за другим экономические кризисы приводили к резкому падению цен. В этих условиях экспансия — территориальная, экономическая, торговая — стала рассматриваться как императив здорового развития общества. Фермерское большинство требовало новых земель. Промышленность жаждала расширения рынков. Рабовладельцам Юга новые территории нужны были для сохранения экстенсивной системы плантационного хозяйства. Идея экспансии была подхвачена лидерами Демократической партии, в которой неуклонно усиливалось влияние южного рабовладельческого крыла, стремившегося к расширению зоны рабства за счет земель не только Мексики, но и американского Среднего Запада, где началось столкновение северного и южного переселенческих потоков.

Северяне (янки) не были сторонниками рабства, но и не были готовы жертвовать жизнью ради его отмены: фабрики Северо-Востока неплохо зарабатывали на производстве одежды и обуви из сырья, получаемого с Юга, который выступал и хорошим рынком сбыта для готовой продукции. Настроения меняла иммиграция. На тех же пароходах, что доставляли их в Америку, северяне-иммигранты, нередко сами являвшиеся жертвами преследований у себя на родине, могли видеть закованных в кандалы черных рабов. Конфронтация между южной традицией, в которой рабовладение было неотъемлемой частью, и северной, представлявшей Америку свободной страной, только нарастала. Торгово-финансовый Северо-Восток с большим подозрением относился к развертыванию рабовладельческой экспансии. В 1850-е гг. США стремительно приближались к тому моменту, когда назревавший долгие годы конфликт плантаторов-рабовладельцев Юга с Севером должен был вырваться наружу.

[1] *Джеймс Макферсон.* Боевой клич свободы: Гражданская война 1861–1865. Екатеринбург, 2012. С. 59.

Возникновение Республиканской партии в 1854 г. явилось логическим итогом нараставшего движения за ограничение — не отмену — зоны распространения рабовладения. Победа ее кандидата Авраама Линкольна на выборах 1860 г. спровоцировала конфликт. Сторонники разрыва исходили из «узкого» толкования американской Конституции и доктрины прав штатов. «Союз был образован как добровольное объединение штатов, вынесших на своих плечах все тяготы Войны за независимость, которые резервировали за собой право по собственному усмотрению в любой момент расторгнуть узы, скрепляющие его»[1]. Штаты Юга объявили о сецессии и образовании независимой Конфедерации со столицей в Ричмонде (Виргиния). Новость была встречена северянами с изумлением, а приходившие с юга вести о глумлениях над звездно-полосатым флагом вызывали шок. Союз уже был к тому времени символом американской жизни, пиетет перед которым воспитывался на уроках истории, в церквах, через празднование Дня независимости.

Авраам Линкольн принял вызов: «Дом, разделенный надвое, не устоит. Я верю, что это правление неспособно продержаться долго, будучи наполовину рабовладельческим, наполовину свободным. Я не жду, что Союз распадется, я не жду, что дом падет, — но я жду, что он перестанет быть разделенным. Он станет либо целиком рабовладельческим, либо целиком свободным». Линкольн объявлял войну схваткой, в которой решается вопрос, «потеряем ли мы или с честью спасем последнюю лучшую надежду человечества»[2] в лице единых Соединенных Штатов. Но в конце концов, как отметил ведущий знаток эпохи Эрик Фонер, «война шла из-за будущего специфического института и людей, которых он порабощал»[3].

Гражданская война между Севером и Югом, самая кровопролитная в истории США, начиналась как сражение за Союз. Но, чтобы добиться победы, в конце 1862 г. Линкольн объявил рабство вне закона, а рабов — свободными. «Или мы освободим рабов, или сами станем рабами, — уверял Линкольн. — Несомненно, что рабы являются большим подспорьем для тех, кто ими владеет, а мы должны решить, будет ли эта сила с нами или против нас»[4]. Президент предоставил южным штатам возможность избежать действия закона, если до 1 января 1863 г. они отменят решение о выходе из Союза. Ни один штат этой любезностью не воспользовался. Конгресс поддержал президента, и Прокла-

---

[1] *Александр Кормилец, Сергей Поршаков.* Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы Гражданской войны. М., 1987. С. 72.

[2] *R. Niebuhr, A. Heimert.* A Nation So Conceived: Reflections on the History of America from Its Early Visions to Its Present Power. N. Y., 1963. P. 126.

[3] *Eric Foner.* Forever Free: The Story of Emancipation and Reconstruction. N.Y., 2005. P. XII.

[4] *Джеймс Макферсон.* Боевой клич свободы. С. 583.

мация об освобождении была принята как закон. Теперь рабы убегали с плантаций, в том числе для того, чтобы сражаться в армии северян. К концу войны там насчитывалось до 200 тыс. чернокожих солдат. Юг, где не было собственной промышленности, в том числе военной, был обречен.

Но расовый вопрос оставался нерешенным. В то время «большинство белых американцев были на сто процентов убеждены в превосходстве собственной расы». В таких условиях попытки обеспечить равноправие негров (или индейцев) были обречены на провал. «Белые рассматривали негров как представителей низшего порядка, которые в лучшем случае пока не готовы, а в худшем и вовсе не способны принимать полноценное участие в жизни страны. Минувшая война никак не связывалась в глазах белых северян с борьбой за освобождение чернокожих рабов, посему все попытки даровать неграм равные права наталкивались на непонимание и раздражение. Южане и вовсе рассматривали эту затею как прямой вызов своим принципам и традициям»[1], — подчеркивал Дэниел Макинерни. Ответом южан стала созданная в 1866 г. военизированная организация под названием Ку-клукс-клан.

Уже во время последовавшей за Гражданской войной Реконструкции стала складываться система расовой сегрегации. Как скажет видный деятель негритянского движения Уильям Дюбуа, «рабы получили свободу, короткое время постояли на солнце, а затем отправились назад в рабство». Провал Реконструкции, считает Эрик Фонер, «и превращение черных в класс зависимой рабочей силы без права голоса в огромной степени способствовало распространению расизма, пока к началу XX в. он не проник в культуру и политику нации так глубоко, как никогда с начала крестового похода против рабства и, наверное, как никогда в нашей истории»[2].

Верховный суд в 1883 г. постановил, что федеральная администрация не имеет права налагать запрет на сегрегацию со стороны частных лиц, в 1896 г. подтвердил права штатов на сегрегацию мест общего пользования, а в 1899-м позволил штатам строить новые школы только для белых. Логика Верховного суда может быть проиллюстрирована его решением делу Плесси против Фергюсона, написанным от имени большинства судьей Генри Брауном, где говорилось, что политические права всех людей одинаковы, но это не отменяет врожденной неполноценности черных, что определяет и их соответствующий социальный статус[3]. После этого большинство южных штатов ввело сегрегацию в

---

[1] *Дэниел Макинерни.* США: История страны. С. 337.

[2] *Eric Foner.* Reconstruction: America's Unfinished Revolution. 1863–1877. N.Y., 1988. P. 602, 604.

[3] *Eric Foner.* Forever Free. P. 214.

общественных учреждениях, поездах, школах, общественном транспорте и приняло законы, запрещающие контакты между белыми и черными и фактически отстранившие афроамериканцев от голосования. Стала создаваться расистская массовая культура. «В первой половине XX века черные и белые южане рождались в разных больницах, учились в разных школах, сочетались браком в разных церквях, обретали вечный покой на разных кладбищах, и каждый автобус, школа, закусочная, пансионат, приемная, больница, тюрьма и фонтанчик с питьевой водой были либо для белых, либо для черных, и никогда для тех и других вместе. Американская общественная жизнь скатилась до такого уровня, что в 20-х годах XX века афроамериканцы лишились доступа в публичные здания на территории столичного округа Колумбия — в число которых входил мемориал Авраама Линкольна»[1], — пишет Осборн.

Формальное разрушение системы сегрегации относится только к 1960-м гг., когда афроамериканское население получит гражданские права по настоянию демократических администраций Джона Кеннеди и Линдона Джонсона.

Еще более печально сложилась судьба коренных обитателей Нового Света, в отношении которых английские колонисты поначалу имели добрые намерения. Первой крупной проблемой стали новые для аборигенов болезни — грипп, краснуха, чума, которые унесли сотни тысяч жизней. Затем потребовалась земля. Заселение превратилось в достаточно легкое занятие, учитывая военное превосходство. Пока переселенцы держались восточного побережья, особых проблем не возникало. Но на Диком Западе ощущение неприкаянности, оторванности от корней подталкивало их к расправе над индейцами. Настоящими разрушителями традиционной Америки оказались фермеры.

Массовый геноцид коренных американцев начался после Гражданской войны. Генерал Карлтон, решивший очистить юго-запад для поселений, отдал приказ: «Эти люди должны уничтожаться везде и всегда, как только их обнаруживают». В 1865 г. армия получила приказ очистить от индейских племен Великие равнины. Власти приступили к уничтожению стад бизонов, разрушая основу индейской экономики (в 1870 г. на равнинах американского Запада паслось около 15 млн бизонов, десятилетие спустя их осталось максимум несколько сотен).

В конце 1880-х гг. индейцы сиу и прочих племен проявили непокорность, вдохновляемые духовным вождем, который проповедовал ненасильственное сопротивление в виде обряда Пляски духов, которая должна была призвать Великого духа покончить с белыми и со всем злом, которое они принесли. Их настигли, взяли в плен и привели в

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 576–577.

лагерь вблизи ручья Вундед-Ни в Южной Дакоте. «Бойня у Вундед-Ни стала символическим финальным актом уничтожения коренного американского образа жизни. Никогда во время всех последующих войн и кризисов право западной цивилизации повелевать Америкой уже не оспаривалось»[1].

Подъем великой державы

Гражданская война многократно увеличила государственные заказы и рынок капиталов, способствуя созданию первых крупных частных состояний за рамками плантационного рабства, основа которого была подорвана. Поднимающийся капиталистический класс продиктовал направления экономической политики: протекционизм и отказ от госрегулирования внутри страны. «Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал лорд Брайс в 1888 г., — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов». Американское общество было построено на убеждении, что «право самому распоряжаться заработанным считается исконным и священным», «чем меньше государства, тем лучше», «функции государства должны быть сведены к минимуму»[2].

За полвека после 1865 г. массовая иммиграция, заселение Запада и рост городов создали современную континентальную державу. «После Гражданской войны уровень сбережений и инвестиций в стране подскочил до небывалой высоты и закрепился на ней до конца XIX столетия: средства производства превышали пятую часть валового национального продукта. С окончания Гражданской войны до конца столетия объем средств производства вырос вчетверо, намного больше, чем численность рабочей силы, которая увеличилась менее чем на 150%»[3].

Быстрому экономическому росту способствовало и геополитическое положение, благодаря которому США были избавлены от разорявших Европу межгосударственных войн, от конкуренции иностранных товаров и могли беспрепятственно осуществлять территориальную экспансию. «Америка получила свободу заниматься только своими собственными внутренними проблемами, поддерживать собственное благополучие, воздвигать, таможенные барьеры, подобные Великой китайской стене, которые ограждали ее от остального мира, не бояться угроз соседей и бессовестно увеличивать свою территорию, — замечал

[1] Там же. С. 580–582.

[2] *James Bryce.* The American Commonwealth. 3rd ed. Vol. II. L., 1895. P. 536–537.

[3] *Роберт Хиггс.* Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М., 2010. С. 155.

Бродель. — Ее собственные территориальные завоевания представляли собой в глазах американцев экспансию, тогда как морские завоевания других держав представлялись как чудовищные колониальные предприятия»[1].

Всего двух поколений хватило, чтобы в стране с преобладающей аграрной экономикой развилось урбанизированное индустриальное общество. В 1870–80-е гг. с востока на запад было проложено четыре железнодорожных магистрали. Все трансконтинентальные железные дороги — кроме Великой северной — бесплатно получили государственную землю под строительство. Была решена проблема доставки скота с отдаленных пастбищ Америки на скотобойни: его перегоняли к ближайшему конечному пункту железнодорожной линии в Абилине или Вайоминге, откуда в вагонах переправляли в чикагские скотные дворы. Родилась фигура ковбоя, которого кинематограф изображает искусным стрелком и завсегдатаем салунов. На деле это были малообщительные одиночки, проводившие жизнь в седле вдали от обитаемых мест. Эра ковбоев уложилась в период между окончанием Гражданской войны и 1890-ми гг., когда железнодорожная сеть опутала всю страну и началось массовое огораживание пастбищ. Пароходы сменили парусники на основных трансокеанских маршрутах — время в пути сократилось вдвое, надежность перевозок выросла многократно. В 1914 г. завершилось строительство Панамского канала, соединившего Атлантику с Тихим океаном.

Во время Гражданской войны правительство ввело импортные пошлины с целью покрытия военных расходов. После нее пошлины превратились в механизм протекционизма, который действовал до тех пор, пока американская промышленность не заняла доминирующего положения в мире. Антимонопольное законодательство, способное поддерживать конкуренцию, отсутствовало. Суды почти автоматически выносили решения в пользу предпринимателей против профсоюзов, в пользу кредиторов против должников, железнодорожных компаний — против фермеров, недовольных изъятием у них земель. Американский вариант laissez-faire допускал государственную помощь бизнесу, но исключал вмешательство правительства в его деятельность.

Правительство, развивая сеть железных дорог, выделяло железнодорожным компаниям деньги и землю, а те, наживаясь на правительственных контрактах, сбывали с огромной прибылью прилегающие к полотну участки и подкупали политиков. По слова Ричарда Хофстедтера, «прежде чем бизнес научился скупать государственных деятелей оптом, ему приходилось выкупать государственные привилегии

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 477.

в розницу. Тратились баснословные суммы»[1]. Эндрю Карнеги скупил большинство американских месторождений угля и железной руды, которыми обеспечивал исключительно собственные предприятия, производившие 70% американской стали, фактически закрыв отрасль для остальных. В 1901 г. он продал свой бизнес Дж.П. Моргану. Монополию представляла собой и принадлежавшая семье Рокфеллеров нефтяная компания «Стэндард Ойл».

Это был период «баронов-грабителей», которые доминировали в бизнесе. Крупнейшие города являли собой средоточие преступности, коррупции и бедности (в этом плане фильм «Банды Нью-Йорка» очень реалистичен), но ничто не могло смутить миллионы иммигрантов, которые приезжали в страну, почитаемую как царство возможностей. Если в 1882 г. около 90% иммигрантов по-прежнему являлись выходцами с севера и запада Европы, то в начале XX в. 80% процентов прибывали с юга и востока Старого Света. При этом иммигранты стремились держаться ближе друг к другу, создавая в кварталах крупнейших городов США калейдоскоп этнических сообществ — итальянских, ирландских, польских, еврейских, русских.

Сплочению новой американской нации немало способствовал такой фактор, как национальная пресса и распространение массовой культуры. В Европе газеты возникли в среде образованного дворянства и отражали взгляды правивших верхов. Американская пресса имела традицию независимого и критического отношения к власти еще со времен Бенджамина Франклина и его «Филадельфия газетт». Джозеф Пулитцер, владелец «Сент-Луис пост диспэтч» и «Нью-Йорк уорлд», — выходец из Венгрии, который начинал простым репортером. Главный газетный магнат Уильям Рэндольф Херст, создавший желтую прессу (хотя у него работали Марк Твен и Джек Лондон), был сыном миллионера, поднявшегося из низов и сколотившего состояние на добыче угля и скотоводстве. Массовая пресса скрепляла многонациональную страну единым языком и культурой, выработав отличительный американский стиль — скептический, оптимистичный, романтический, патриотический, пафосный, но в то же время сухо высмеивающий чрезмерный пафос.

Начало формирования полноценной бюрократии, распространившей свою юрисдикцию на всю территорию страны, Фрэнсис Фукуяма относит к принятию закона Пендлтона в 1883 г., а создание современного государства европейского типа — только к окончанию Второй мировой войны. Тремя основными особенностями политической системы США по сравнению с другими демократиями политолог называет значительно бóльшую роль законодательной и судебной власти в ущерб исполнительной, сильное влияние групп интересов и лоббистов, «ве-

[1] *Richard Hofstadter.* The American Political Tradition, and the Men Who Made It. N.Y., 1974. P. 219.

тократию» — возможность отмены решений одной ветви власти другими ветвями. «Американская политика на протяжении большей части XIX в. была чисто клиенталистской. Политики мобилизовали избирателей обещаниями личных привилегий, иногда в форме небольших услуг или прямых выплат наличными, но чаще всего — через предложение работы в государственной бюрократии, например в почтовой или таможенной службе. Такая легкая возможность распределять патронаж имела серьезные последствия в виде официальной коррупции, при которой политические боссы и члены Конгресса извлекали выгоды для себя из ресурсов, которые они контролировали»[1]. Запомним эти особенности, которые к сегодняшнему дню, как мы увидим, обернутся слабостями Америки.

Конец XIX в. стал «золотым» для политических партий. Их организационные структуры и внутренняя дисциплина были наивысшими за всю американскую историю, как и явка на выборы, доходившая до 82%.

Героическое наследие Гражданской войны, прочная финансовая поддержка со стороны бизнеса, протестантской церкви позволяли республиканцам во второй половине XIX — начале XX в. оставаться партией большинства. После ее окончания, в период Реконструкции «великая старая партия», как стали называть республиканцев в конце XIX в. за былые заслуги времен Гражданской войны, все больше превращалась в партию бизнеса, в оплот консерватизма, главную поборницу свободного предпринимательства. Электорат Республиканской партии состоял тогда из мелких и крупных предпринимателей, привилегированной части рабочего класса, фермеров. Ей отдавали предпочтение американцы английского, шотландского, валлийского, норвежского, шведского происхождения, принадлежавшие к различным деноминациям протестантской церкви. Демократами считали себя большинство недавних иммигрантов-католиков из Ирландии, Германии, стран Восточной Европы, а также лютеран — выходцев из Голландии, Норвегии, Германии. Афроамериканцы, составлявшие главную опору Республиканской партии на Юге в период Реконструкции, стали играть все меньшую роль в ее коалиции. «Великая старая партия» имела наиболее прочные позиции в Новой Англии, а также в среднеатлантических штатах и на Среднем Западе. Штаты бывшей Конфедерации и пограничного Юга оставались главными бастионами демократов.

К концу XIX в., порывая с изначальной американской традицией изоляционизма, Республиканская партия сделалась и главной носительницей идей экспансии. В последней четверти XIX в. крупные промышленные компании, значительно укрепившие свои позиции, все более настойчиво обращали взоры на внешние рынки сбыта и новые

[1] *Francis Fukuyama.* The Decay of American Political Institutions // The American Interest. Winter (January/February), 2014. P. 7–8, 10, 12.

источники сырья. Республиканское правительство Уильяма Маккинли начало в 1898 г. войну за передел уже поделенного мира — против испанской монархии.

Вера в способность любого человека достичь вершин жизненного успеха питалась почти непрерывным экономическим подъемом. Накануне Гражданской войны общая стоимость товаров, произведенных в Соединенных Штатах, составляла 1,6 млрд долл., а в 1899 г. — 13 млрд, что сделало США крупнейшей экономикой мира.

Мессианизм Америки стал получать экономическое, а также научное и философское обоснование. Большую услугу приверженцам «американской исключительности» оказал... Чарльз Дарвин. В своей книге «Происхождение видов» он написал: «По-видимому, много правды лежит в мнении, что изумительный прогресс Соединенных Штатов, равно как и характер тамошнего населения, представляет следствие естественного отбора. Наиболее энергичные, предприимчивые и смелые люди из всех частей Европы выселялись в продолжение последних десяти или двенадцати поколений в эту обширную страну и преуспевали здесь соразмерно своим дарованиям»[1]. Эта цитата использовалась в качестве неопровержимого доказательства превосходства американцев над народами других стран. Эволюционная теория легла в основу социального дарвинизма, согласно которому сильные предназначены для господства над слабыми самой природой.

В том, что «наиболее приспособленные» живут именно в США, американцев нетрудно было убедить. «Хотя дарвинизм не был основным источником воинственной идеологии и догматического расизма конца XIX в., — писал Ричард Хофстедтер, — он стал новым инструментом в руках теоретиков расизма и сражений»[2]. За соединение социал-дарвинизма с идеями «американской исключительности» взялось множество философов, историков, теологов.

Гарвардский профессор Джон Фиске исходил из изначального превосходства англосаксонской расы, которой опять-таки «предначертано судьбой» силой овладеть всем миром: «Работе, начатой английской расой, когда она колонизировала Северную Америку, предначертано продолжаться до тех пор, пока каждая страна на поверхности Земли… не станет английской по языку, религии, политическим привычкам и обычаям и в преобладающей степени — по крови ее народа»[3]. Либеральный историк Эрик Голдман, иронизируя по поводу подобных рассуждений, писал: «У довоенных (имеется в виду Первая мировая

---

[1] *Чарльз Дарвин.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1927. Т. II. Кн. I. С. 187.

[2] *Richard Hofstadter.* Social Darwinism in American Thought. Boston, 1955. P. 172.

[3] *J. Fiske.* American Political Ideas Viewed from the Standpoint of Universal History. N.Y., 1885. P. 143.

война. — *В.Н.*) консерваторов были свои проблемы с первобытными англосаксонскими лесами, которые почему-то располагались преимущественно в Германии, но сила англосаксонской доктрины всегда заключалась в гибкости: определение того, кто́ является англосаксом, менялось в зависимости от обстоятельств»[1].

«Тевтонская» концепция развивалась профессором Джоном Барджесом. Из своих исторических изысканий он вынес вывод о том, что «тевтонские народы наделены особой способностью к созданию национальных государств», а потому должны нести «миссию осуществления политической цивилизации в современном мире». Более того, Барджес доказывал, что отказ «тевтонских наций» (и в первую очередь — Соединенных Штатов) от своих цивилизаторских функций — это «не только ошибочная политика, но и невыполнение своего долга»[2].

Апология англосаксонизма была подкреплена авторитетом теологии в работах протестантского миссионера Стронга. Усматривая в успехах экономического развития США перст Божий, Стронг доказывал: «Люди этого поколения с вершины пирамиды возможностей, на которую вознес нас Господь, смотрят вниз на сорок веков! Наша рука, простертая в будущее, имеет силу выковать судьбу миллионов нерожденных людей... Наша могущественная раса двинется в Мексику, в Центральную и Южную Америку, на морские острова, в Африку и дальше. И может ли кто-либо сомневаться, что результатом этого соревнования рас станет выживание наиболее приспособленного?»[3]

Среди видных историков, оказавших непосредственное влияние на внешнеполитическую идеологию, следует назвать Фредерика Джексона Тернера, основоположника весьма популярной в США теории «границ». Он заявлял, что история Соединенных Штатов и успехи в их развитии — это продукт последовательных этапов продвижения их «границы» на Запад. В трактовке Тернера постоянная «экспансия свободы» была необходимой для поддержания и распространения демократии. К концу XIX в. американцы окончательно заселили Тихоокеанское побережье. Неужели движение «границы» подошло к концу? Тернер давал на это однозначно отрицательный ответ: «Плохим пророком будет тот, кто скажет, что экспансионистский характер американской жизни ныне полностью иссяк. Движение было ее доминирующим фактором, и... американская энергия будет постоянно требовать более широкого поля деятельности»[4].

---

[1] *E. Goldman.* Rendezvous with Destiny. N.Y., 1956. P. 181.

[2] *Julius W. Pratt.* Expansionists of 1898: The Acquisition of Hawaii and the Spanish Islands. N.Y., 1936. P. 8–10.

[3] *J. Strong.* Our Country: Its Possible Future and Its Present Crisis. N.Y., 1885. P. 180, 208–227.

[4] Frontier and Section: Selected Essays of Frederick Jackson Turner. Englewood Cliffs (N.Y.), 1961. P. 61.

Не оставалась в долгу и американская военная мысль. В ее классику вошли труды начальника военно-морского колледжа в Аннаполисе контр-адмирала А. Мэхэна. Главная его идея сводилась к тому, что исторические судьбы любой страны определяет ее морская мощь. В соединении с доктринами «явного предначертания» и англосаксонизма концепция Мэхэна доказывала необходимость наращивания военно-морского флота, создания заморских баз, обретения колоний для защиты и распространения американской цивилизации[1].

В конце 1890-х гг. большое распространение получает концепция «бремени белого человека» — «цивилизаторской миссии США и гуманной помощи отсталым народам»[2], — которую отстаивал ряд популярных публицистов и литераторов, включая талантливого английского поэта и прозаика Редьарда Киплинга.

К 1898 г., когда США перешли к борьбе с колониальными державами и вступили в войну против Испании за ее владения, «идея о том, что англосаксы имеют специальную цивилизующую и управляющую миссию в мире, уже прочно укоренилась в американском сознании»[3]. Почва для широкого общественного согласия на установление господства США на Филиппинах, Гуаме, Пуэрто-Рико, а также протектората на Кубе была подготовлена. Когда встал вопрос об аннексии Гавайских островов, президент Уильям Маккинли (1897–1901) не долго искал основания для своего решения: «Гавайи нам нужны так же, как Калифорния, и даже больше. Это предначертание судьбы»[4]. Примечательно, что, как и раньше, противники экспансионизма — изоляционисты и антиимпериалисты рубежа XIX–XX вв. — в своей пропаганде также весьма охотно апеллировали к «исключительности». По их мнению, «господство над подчиненными народами нарушит священную традицию американского морального превосходства»[5].

Под влиянием пропаганды впечатляющей плеяды идеологов экспансии менялся сам характер восприятия американской миссии правящими кругами страны, да и широкими общественными слоями, на что обратил внимание Ричард Хофстедтер: «До этого *предначертание судьбы* означало, прежде всего, что американская экспансия, когда мы этого хотим, не может встречать сопротивления со стороны других,

---

[1] *Julius W. Pratt.* Expansionists of 1898. P. 16–17.

[2] *Игорь Дементьев.* Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М., 1973. С. 174–176.

[3] *P. Boller.* American Thought in Transition: The Impact of Evolutionary Naturalism, 1865–1900. Chicago, 1971. P. 215.

[4] *E. Tompkins.* Anti-Imperialism in the United States: The Great Debate, 1890–1920. Philadelphia, 1972. P. 102.

[5] *H. May.* Ideas, Faith, and Feelings: Essays on American Intellectual and Religious History. N.Y.; Oxford, 1983. P. 199.

тех, кто захочет стоять на нашем пути. В 1890-е гг. оно стало значить, что сами американцы, захваченные спиралью судьбы, хотят они того или нет, не могут этому сопротивляться»[1].

Прогрессивная эра и просперити

В начале XX в. — в т.н. Прогрессивную эру — президенту-республиканцу Теодору Рузвельту импонировали идеи Барджеса по поводу «голоса тевтонской крови». «Во всех случаях экспансия имела место потому, что раса была великой расой, — доказывал Рузвельт справедливость внешних захватов США. — Разве мы все еще находимся в начальной стадии нашей здоровой юности, все еще в начале нашего славного возмужания, чтобы сидеть в окружении престарелых людей, слабых и трусливых, которые занимают наше место? Тысячу раз — нет!»[2] После вступления на пост президента Рузвельту, правда, пришлось изрядно умерить свои взгляды. Генри Киссинджер писал: «Рузвельт был мудрым аналитиком, изучавшим систему равновесия сил. Он настаивал на необходимости для Америки играть соответствующую роль в международной политике, оправдывая это национальными интересами и полагая, что мировое равновесие сил невозможно, если Америка не является его составной частью»[3]. С начала XX в. акцент смещался с экспансионизма территориального к экономическому и идеологическому: «Мы намереваемся сделать все, что в наших силах, чтобы помочь всем нациям в мире... подняться от варварства и дикости, жестокости и физического насилия к подобающему самоуважению и законопослушной цивилизации»[4]. С именем Рузвельта связана и новая интерпретация доктрины Монро, которая использовалась уже для оправдания права США пускать в ход «большую дубинку» в Латинской Америке.

Теодор Рузвельт — наследник гамильтоновской традиции — стал утверждать, что всемогущество корпораций означает угрозу для демократии: «Только национальное правительство может навести должный порядок в промышленности, что отнюдь не равнозначно централизации. Это лишь признание того очевидного факта, что процесс централизации уже охватил и наш бизнес. Контроль за этой безответственной и антиобщественной силой может осуществляться в интересах всего народа лишь одним способом — предоставлением надлежащих пол-

---

[1] *Richard Hofstadter.* The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N.Y., 1965. P. 177.

[2] *Richard Hofstadter.* The American Political Tradition and the Men Who Made It. N.Y., 1959. P. 212–213.

[3] *Генри Киссинджер.* Дипломатия. М., 1997. С. 21.

[4] The Writings of Theodore Roosevelt / Ed. by W. Harboauch. Indianapolis; N.Y., 1967. P. 77.

номочий единственному институту, способному ими воспользоваться, — федеральному правительству». Тедди Рузвельт стал первым президентом, предпринявшим антикризисные меры. В период банковской паники 1907 г. администрация понизила учетную ставку и увеличила эмиссию для помощи банковской системе.

Существенные последствия имели попытки поставить на место партии. «Реформы Прогрессивной эры в Соединенных Штатах уничтожили одну особую форму клиентализма, а именно способность политической партий обеспечивать поддержку через распределение рабочих мест в бюрократии на федеральном, штатном и местном уровнях, — пишет Фрэнсис Фукуяма. — Это, однако, не прекратило практики распределения других благ, таких как субсидии, налоговые льготы и другие, для политических сторонников. Одной из больших проблем, влияющих на американскую политику в последние годы, стало влияние групп интересов, которые способны эффективно подкупать политиков через взносы в избирательные кампании и лоббизм»[1].

Перед Первой мировой войной уже существовала детально разработанная концепция государственного вмешательства в экономику. Война сама по себе укрепила такое понимание: никому не приходило в голову искать ответы на вызовы Америке в доктрине нерегулируемого рынка в условиях, когда на карту были поставлены судьбы мира — и не в последнюю очередь самих Соединенных Штатов. Теперь уже демократическая администрация Вудро Вильсона (1915–1921) расширяла военное производство, осуществляла контроль над производством и распределением продовольствия, регулировала частные инвестиции и даже национализировала железные дороги, телеграф и телефонную сеть.

В годы правления Вильсона Вашингтон весьма решительно разобрался с «левой угрозой», захлестнувшей Россию и отчасти — Европу. Под предлогом того, что в июне 1919 г. ряд высокопоставленных лиц получил посылки со взрывчаткой, как выяснилось, от анархистов, генеральный прокурор Митчелл Пальмер поручил своему помощнику Эдгару Гуверу создать спецотдел по борьбе с радикальными движениями. Его сотрудники быстро собрали досье на 150 тыс. человек, после чего начались «рейды Пальмера» — массовые облавы с обысками и арестами в офисах профсоюзных, коммунистических и социалистических организаций. Было арестовано больше 10 тыс. человек, около 600 иностранцев выдворены из страны. В результате «красной истерии» (red scare) в тридцати штатах были приняты законы по борьбе с левой опасностью, из законодательных органов всех уровней изгонялись депутаты-социалисты. К моменту прекращения «рейдов Пальмера» количество

[1] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay. P. 208.

членов социалистических и коммунистических организаций сократится на 80%. Лидер социалистов Юджин Дебс просидел в тюрьме два с половиной года за возражения против участия США в войне[1].

США охватил прилив внешнеполитического активизма. С именем Вильсона связывается идеология либерального интернационализма. Вильсон еще в бытность профессором политологии в Принстоне и губернатором Нью-Джерси немало рассуждал об Америке как о «Граде на Холме». «В этой части мира, во вновь открытой половине планеты, человечеству… была предоставлена возможность основать новую цивилизацию; здесь мы получили неожиданную привилегию поставить новый человеческий эксперимент»[2], — писал Вильсон в программной книге «Новая свобода». С начала «Великой войны» президент успешно пользовался лозунгами особой миссии США в деле водворения всеобщего мира, чтобы подготовить общественное мнение к преодолению изоляционистских настроений и включению в военные действия (впервые в американской истории) в Старом Свете. США вступили в войну в решающий момент — в апреле 1917 г., когда обе воюющие стороны были истощены, что позволило при небольших затратах занять положение мирового арбитра. В Версале Вильсон сделал заявку на особую роль в определении судеб человечества. «Наконец-то мир знает Америку как спасителя планеты»[3], — заявил он по возвращении с мирной конференции.

«Для Вильсона обоснование американского участия в международных делах носило мессианский характер: на Америку, с его точки зрения, была возложена обязанность не просто соучаствовать в системе равновесия сил, но распространять свои принципы по всему свету, — уверяет Генри Киссинджер. — Во времена администрации Вильсона Америка стала играть ключевую роль в международных делах, провозглашая принципы хотя и бывшие трюизмом в рамках собственно американского мышления, но, тем не менее, для дипломатов Старого Света означавшие революционный разрыв с прошлым. В число этих принципов входили понятия о том, что от распространения демократии зависит мир на земле, что государства следует судить по тем же самым этическим нормам, которые являются критериями поведения отдельных личностей, и что национальные интересы любой страны должны подчиняться универсальной системе законов»[4].

Ведущим инструментом в борьбе США за мировое лидерство Вильсон считал Лигу Наций. Сенат отказался ратифицировать Версальский мирный договор и санкционировать вступление Соединенных Штатов

---

[1] *Виктор Согрин.* Исторический опыт США. М., 2010. С. 325–326.
[2] *Woodrow Wilson.* The New Freedom. N.Y., 1961. P. 161.
[3] *S. Freud, W. Bullitt.* Thomas Woodrow Wilson. Boston, 1967. P. 287.
[4] *Генри Киссинджер.* Дипломатия. С. 21.

в Лигу, но агитация Вильсона не прошла бесследно. «Пожалуй, наиболее значительным достижением Вильсона, — писали американские авторы, — явилось утверждение связи между восприятием миссии США и новым чувством ответственности за мировое сообщество в его концепции Лиги Наций»[1].

Название «миссионерская дипломатия» получила политика Вильсона в Западном полушарии. Как писал известный историк Артур Линк, Вильсон и его госсекретарь Брайан, эти «евангелисты демократии, думали, что они могут научить народы Мексики, Центральной Америки и Карибского бассейна избирать хороших лидеров и создавать стабильные институты. И, следовательно, интервенция всегда оправдывалась — как спасение добрым соседом его беспомощных друзей от внешних опасностей и внутренних беспорядков»[2].

По окончании войны столкнулись группировки изоляционистов и «интернационалистов», которые представляли собой сложные образования; с известными оговорками, Республиканская партия стала опорой сторонников изоляционистского курса, а идеи «интернационализма» — активной международной роли США — получили наибольший отклик в среде демократов.

Поражение вильсоновского «интернационалистского» блока в борьбе вокруг планов вхождения в Лигу Наций, успех на президентских выборах 1920 г. республиканского кандидата Уоррена Гардинга означали смену вех в политике США. С этого времени и вплоть до вступления страны во Вторую мировую войну определяющую роль играли идеи изоляционизма. Но о полном отходе Соединенных Штатов от мировых дел уже не могло идти речи. Сам Гардинг говорил: «Мы не намерены отказываться от ответственности нашей республики за мировую цивилизацию»[3]. Главным принципом изоляционизма была «свобода рук» для укрепления экономических и политических позиций США, что во многом облегчалось тем обстоятельством, что полмира ходило в должниках Америки.

На время пребывания у власти республиканских администраций Гардинга, Кальвина Кулиджа, Герберта Гувера пришелся период «процветания» — просперити. Они вошли в историю как последовательные проповедники индивидуалистических принципов. «Что хорошо для “Дженерал моторс”, то хорошо для Америки!» — таков был лозунг эпохи, роль государства сводилась к помощи в «саморегулировании бизнеса».

Америка уже не просто была крупнейшей экономикой, она стала задавать жизненные стандарты. Фотография, телефон, кинематограф,

---

[1] *R. Niebuhr, A. Heimert.* A Nation So Conceived. P. 139.
[2] *A. Link.* Woodrow Wilson and the Progressive Era. 1910–1917. N.Y., 1967. P. 217.
[3] *Julius W. Pratt.* America and World Leadership: 1900–1921. L., 1967. P. 217.

радио были изобретены в Европе, но получили массовое применение именно в Соединенных Штатах. Началось активное строительство кинотеатров, и к 1926 г. их насчитывалось уже 20 тысяч, а еженедельная посещаемость превысила 100 млн человек — почти половину населения страны. Киноиндустрию создали в первую очередь евреи — выходцы из России. Первоначально отрасль базировалась в Нью-Йорке, однако его климат был слишком капризным для съемок. С 1907 г. фильмы начали снимать в окрестностях Лос-Анджелеса, и в 1911 г. компания под названием «Нестор» построила первую постоянную студию к северо-западу от города. Через десять лет в районе Голливуда существовало 760 студий, производивших не менее 80% кинокартин на планете.

Другим мощным культурным инструментом выступила звукозапись. В Европе обычно записывали популярные оперные арии и классическую музыку. Америка пошла своим — парадоксальным — путем, не в последнюю очередь из-за… сегрегации. Афроамериканцам не были доступны занятия живописью, архитектурой, литературой или кинематографом, но у них были музыкальные инструменты, на которых они исполняли песни в странном стиле, называемом блюзом. Перекочевавшие из него бесконечные вариации вокруг базовой темы в сочетании с эмоциональностью исполнения становились отличительными чертами западной музыки XX в. Новый Орлеан стал местом рождения джаза, а негритянский исполнитель Луи Армстронг — первой настоящей джазовой звездой. Усилиями таких белых композиторов, как Ирвинг Берлин и Джордж Гершвин, на основе блюза, джаза и рэгтайма создавал новый тип популярной музыки и песни. В Техасе и на остальном Юге белые исполнители начали перенимать приемы своих черных коллег, и так родилось кантри — белая версия блюза, впитавшая в себя народные танцевальные мелодии. Сентиментальная любовная песня — бродвейская, ковбойская, свинговая — из Америки стала завоевывать мир.

«Единообразие американской жизни, поддерживаемое одними и теми же фильмами, музыкой, журналами, газетами и потребительской продукцией, дало американским производителям огромные преимущества и сделало доступным для граждан Соединенных Штатов изобилие дешевых товаров, — подчеркивает Роджер Осборн. — Богатство корпораций и их первостепенное значение для национальной экономики оборачивались ростом их политического влияния, а новые методы рекламы — ростом влияния на потребителей. По сравнению с Америкой в Европе подобная ситуация складывалась достаточно медленно, ибо здесь по-прежнему сохраняли свою силу традиционные финансовые структуры и потребительские привычки»[1].

[1] *Роджер Осборн.* Цивилизация: Новая история Западного мира. С. 596–597.

Вера во всесилие американских ценностей и нерегулируемого рынка стала одной из главных причин биржевого краха на Уолл-стрит в 1929 г., за которым последовала самая глубокая в истории капиталистического мира Великая депрессия. С 1929 по 1933 г. обанкротились 15 тыс. американских банков — 20% от их общего числа. Монетизация экономики сжалась, цены упали на треть, реальные процентные ставки превысили 10%, уничтожая задолжавшие кредитные учреждения и домохозяйства[1].

«Депрессия нанесла мощный удар по уверенности Америки в уникальности своей цивилизации, — подчеркивал авторитетный историк У. Лейхтенберг. — Трудно было проследить разницу между хорошей судьбой Америки и нищетой Европы, когда Соединенные Штаты были обладателями множества социальных болезней, которыми, как давно полагали, был заражен лишь Старый Свет»[2]. Страницы газет, выступления общественных деятелей были заполнены мрачными предсказаниями «упадка американского величия», сомнениями в совершенстве общественной системы США. Экономические проблемы поглотили Соединенные Штаты. Но даже когда уровень безработицы в США достиг 25% (в 1931 г.), президент Герберт Гувер отказывался от поддержки занятости: «Единственной функцией правительства является сейчас создание условий, которые благоприятствовали бы развитию частного предпринимательства»[3].

Рузвельт и Трумэн: создание сверхдержавы

Результатом такой политики стал катастрофический провал республиканцев на выборах 1932 г., приведших к власти Франклина Делано Рузвельта, который выступал с прямо противоположных позиций, доказывая необходимость активизировать государственное вмешательство для стимулирования экономики. «Я имею в виду не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, — пояснял Рузвельт, — а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и различных отраслей ее народного хозяйства»[4]. Президентство Рузвельта, который переизбирался 4 раза, положило нача-

---

[1] *Niall Ferguson.* Civilization: The West and the Rest. P. 230–231.

[2] *W. Leuchtenburg.* The Great Depression // The Comparative Approach to American History. N.Y., 1968. P. 297.

[3] *Herbert Hoover.* State Papers and Other Public Writings / Ed. by W.S. Myers. N.Y., 1934. Vol. 2. P. 8–9.

[4] *Franklin D. Roosevelt.* Public Papers and Addresses. 1928–1932. N.Y., 1938. P. 782.

ло новой эре внутренней политики, основными чертами которой стали усиление роли государства и долгосрочное доминирование Демократической партии.

Рузвельт считал государственное вмешательство лишь антикризисной мерой. Его «Новый курс» заложил основы новой либеральной политики, политэкономическим фундаментом которой стало кейнсианство, предполагавшее правительственное регулирование совокупного спроса в соответствии с конкретными условиями динамики конъюнктуры. Именно во времена Рузвельта начала получать практическое воплощение доктрина социальной ответственности государства, в Америке появилась система социального страхования. В «Экономическом билле о правах» Рузвельта целями государственной политики объявлялись гарантии права на работу, достойную заработную плату, права на жилье, медицинское обслуживание, образование, социальное обеспечение в случае болезни, безработицы, старости.

В годы президентства Рузвельта произошла партийно-политическая перегруппировка, которая превратила демократов в партию большинства. В сознании избирателей укрепился образ демократов как спасителей страны от Великой депрессии (а затем и от фашизма), как партии, способной обеспечить социальную справедливость и устойчивое развитие экономики. Сложившаяся на этой основе широкая левоцентристская коалиция с главной опорой на городские промышленные центры Севера и однопартийный Юг надолго обеспечила демократам устойчивое доминирование. Крутую переориентацию претерпела негритянская община США, для которой практическая притягательность социального законодательства «Нового курса» оказалась сильнее традиционной приверженности республиканцам. На какой-то период лишь большинство зажиточного населения составляло опору Республиканской партии. В конгрессе 75-го созыва (1937–1939 гг.) доля принадлежавших им мест в палате представителей составляла 21%, а в сенате — 17%. Однако постепенно партия укрепляла свои позиции, приблизившись к состоянию паритета с демократами после выборов 1942 г. Ей отдавали предпочтение большинство предпринимателей, верхушка «белых воротничков», лица с высоким уровнем доходов и образования, протестанты, жители аграрных районов Среднего Запада. Отставание в уровне общественной поддержки республиканцы компенсировали гораздо более существенными финансовыми возможностями (их поддерживало до 90% представителей крупного бизнеса) и превосходящей организацией.

Изоляционизм содействовал проведению Соединенными Штатами в 1930-х гг. политики «невмешательства», способствовавшей раз-

вязыванию державами «оси» агрессии в Европе и на Дальнем Востоке: «Спасать демократию надо у себя дома». Консервативные политики и бизнесмены высказывали опасение, как бы полномочия федерального правительства, и без того резко возросшие в годы «нового курса» Рузвельта, не увеличились еще больше в результате новых военных акций и не поставили бы под удар основу «истинного американизма» — систему свободного предпринимательства[1].

После нападения Германии на Польшу, положившего начало Второй мировой войне, изоляционистские настроения продолжали преобладать в США. Генри Коммаджер описал их так: «Это (развязывание войны. — *В.Н.*) — именно то, чего можно было ожидать от коррумпированных и выродившихся народов Старого Света. Давайте не будем принимать в этом участия. Давайте останемся островом цивилизации в океане анархии»[2]. Но, с другой стороны, та же концепция «исключительности» была взята на вооружение политическими силами, которые под руководством Франклина Рузвельта добивались преодоления изоляционистского комплекса и установления международного сотрудничества в деле борьбы с нацистской опасностью.

Рузвельт право Соединенных Штатов на мировое лидерство выводил из того, что США являются единственной «незаинтересованной» державой в мире, не претендующей на территориальные приобретения и озабоченной только распространением идеалов демократии. Он также считал, что Европа — с приходом к власти в Германии Гитлера — погрузилась в состояние хаоса и США остались единственными хранителями огня западной цивилизации. «Франклин Рузвельт, ученик одновременно и адмирала Мэхена, и президента Вильсона, с успехом сочетал национальный интерес с идеологией, хотя в критической ситуации интерес всегда выступал у него на первый план»[3]. Нападение японской авиации на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. решило спор между изоляционистами и «интернационалистами». Покончив с традицией изоляционизма, Рузвельт вступил во Вторую мировую войну, что стало тем рубежом, после которого Соединенные Штаты превращаются в сверхдержаву — уже не только экономическую, но и военную (особенно с обретением в 1945 г. ядерной монополии), равно как и политическую.

Понимание миссии США в той интерпретации, которую она получит в годы холодной войны, в наибольшей степени предвосхитил газетный магнат Г. Люс в вышедшей в 1941 г. книге «Американский век». Он полагал, что XX век — это «первый век Америки как господствующей

---

[1] *Ch. Alexander.* Nationalism in American Thought, 1930–1945. Chicago, 1971. P. 164–172.
[2] *Henry Commager.* The Defeat of America. N.Y., 1974. P. 39–40.
[3] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 83.

силы в мире»[1]. В годы Второй мировой войны создавались предпосылки для проведения правящими кругами США внешнеполитического курса, основанного на убеждении, что Америка будет играть решающую роль в системе международных отношений.

Наибольшее недовольство Запада после войны вызывала политика СССР в Восточной Европе, которую он достаточно быстро стал перестраивать в соответствии со своим видением геополитики (впрочем, наши союзники так же вели себя в Западной Европе). Рузвельт понимал неизбежность новых сфер влияния великих держав, надеясь, в то же время, сохранить советскую сферу влияния открытой для американских капиталов, товаров и пропагандистского воздействия. Холодная война стала неизбежной тогда, считает Ричард Саква, «когда стало понятно, что советская власть пришла, чтобы остаться в странах Восточной Европы, освобожденных Красной Армией от фашизма, а теперь вынужденных подчиниться великому советскому коммунистическому эксперименту»[2].

Но все же, если пытаться обнаружить истоки холодной войны, полезно заглянуть в Вашингтон середины 1940-х. Во внешнеполитическом истеблишменте США противоборствовали три направления, поразному представлявшие себе Советский Союз и характер отношений с ним. «Оптимисты», к числу которых относились Франклин Рузвельт, вице-президент Генри Уоллес, Гарри Гопкинс, считали, что СССР не является имманентно враждебной державой, может быть партнером и в битве с фашизмом, и в послевоенное время, участником «семейного круга» великих держав, особенно в случае либерализации режима. Именно эта группировка определяла контуры американской политики при жизни Рузвельта. «Реалисты» во главе с Джорджем Маршаллом, которые имели наиболее сильные позиции в Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ), понимали решающую роль СССР в разгроме Германии и, возможно, Японии и готовы были ему в этом помогать. Вместе с тем они не исключали возможности превращения Советского Союза после войны в потенциального противника и концентрировались на выстраивании глобальной системы обеспечения национальной безопасности США. Что же касается, «пессимистов», то они доминировали в Государственном департаменте и военной разведке. По их мнению, любое усиление СССР представляло собой угрозу для Соединенных Штатов, а поэтому Москву нужно «остановить», вплоть до прекращения поставок по ленд-лизу[3]. К числу «пессимистов»

---

[1] *Henry Luce.* The American Century. N.Y., 1941.

[2] *Ричард Саква.* Коммунизм в России: Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 79.

[3] *Владимир Печатнов, Александр Маныкин.* История внешней политики США. М., 2012. С. 264–265.

принадлежал, безусловно, и президент Трумэн. «Мы уже обнаружили, насколько тяжело иметь дело с русскими, но в месяцы после войны это проявилось в еще большей степени»[1], — напишет он в мемуарах.

США после войны заняли доминирующие позиции на мировой арене на фоне разоренных Европы и Советского Союза. На долю США приходилось 60% мирового ВВП, четыре пятых золотых запасов и две трети торговли на планете. Вооруженные силы превышали 12,5 млн человек, флот был больше, чем у остальных стран мира, вместе взятых, как и возможности стратегической авиации. Военные расходы, составлявшие около 1% бюджета в начале XX в. и около 3% в 1930-е гг., за годы войны поднялись до 40% и остались на этом уровне. «Боинг», «Дженерал Моторс» и другие корпорации сохранили свои оборонные подразделения[2]. Беспрецедентный потенциал проецирования мощи подкреплялся ядерной монополией Соединенных Штатов.

«Поэтому они смогли определить лидерство, — считал Генри Киссинджер, — как практический прогресс по линиям, смоделированным на основе внутреннего американского опыта; альянсы — как вильсонианскую концепцию коллективной безопасности; и управление в виде программ экономического возрождения и демократических реформ»[3]. Все это порождало уверенность во всемогуществе США, превращении XX в. в американский. «Подобная роль отвечала проведению становившейся традиционной американской политики, направленной на предотвращение господства какой-либо одной страны в Европе либо в Азии»[4], — подчеркивал Самюэль Хантингтон.

С другой стороны, опыт двух мировых войн, особенно шок от нападения на Пёрл-Харбор, порождал в США комплекс уязвимости, опасения за безопасность собственной территории в случае новых военных столкновений. Отсюда установка на поддержание военно-промышленного потенциала и боеготовности на уровне, достаточном для разгрома любого потенциального противника, нанесения по нему опережающих ударов, на отнесение военных действий максимально далеко от американской территории. Установка на оборону «дальних подступов» приводила к переходу от довоенной концепции континентальной обороны — защиты Западного полушария — к концепции глобальной обороны: обеспечения постоянного военного присутствия в ключевых регионах мира и потенциала глобального проецирования мощи, достаточного для подавления любого агрессора в каждом из этих регионов.

---

[1] *Harry S. Truman.* Memoirs. Years of Tensions. Vol. 1. N.Y., 1965. P. 567.

[2] *William J. Lynn III.* The End of the Military-Industrial Complex // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 105–106.

[3] *Henry Kissinger.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. L., 2014. P. 278.

[4] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 369.

При этом, в соответствии с концепциями набиравшей популярность школы геополитики (Маккиндер, Спайкман), в качестве главного источника стратегических угроз рассматривалось сухопутное пространство Евразии, контроль над которым со стороны враждебных США государств трактовался как угроза американским жизненным интересам. Особый интерес вызывали выявляемые геополитиками «окаймления» (rimlands) Евразии, откуда можно проецировать мощь вглубь материка. Уже подготовленный в 1943 г. план послевоенного базирования предусматривал обеспечение стратегического периметра обороны далеко за переделами Западного полушария, предполагая доминирование и в Атлантике, и на Тихом океане. К осени 1945 г. КНШ представил новый план базирования, где размещение только основных опорных баз планировалось на всей акватории Тихого океана (от Новой Зеландии через Филиппины к Аляске и Алеутским островам), в Арктике (Ньюфаундленд и Истландия), Восточной Атлантике (Азорские острова), Карибском бассейне и зоне Панамского канала. Авиационный транзит должен был обеспечиваться по линии Манила — Бангкок — Рангун — Калькутта — Дели — Карачи — Дархан — Каир — Триполи — Касабланка.

Владимир Печатнов подчеркивал, что «сочетание новых огромных возможностей США, с одной стороны, и новых потенциальных опасностей, с другой, подводило Вашингтон к идее глобального лидерства Америки как посильного и необходимого условия поддержания международной стабильности и предотвращения новой мировой войны. Новое убеждение, вынесенное военно-политической элитой страны из суммарного опыта обеих мировых войн, состояло в том, что без лидерства и опеки США Старый Свет вновь станет жертвой своих периодических безумств, а спасать его от них опять придется Америке. Традиционное для заокеанской республики мессианство с его уверенностью в универсальности американских принципов и благости американской мощи теперь впервые опиралось на самый мощный в мире военно-экономический потенциал»[1]. Но для оправдания, обеспечения государственной и общественной поддержки такой глобальной стратегии не хватало одного — врага.

К весне–лету 1945 г. эта роль в закрытых военно-политических оценках все чаще стала отдаваться Советскому Союзу, хотя бы потому, что только он располагал набором характеристик, приписываемых глобальному конкуренту: положением в центре Евразии, военной мощью, неприемлемыми для США идеологией и общественным строем. Ждать, когда эта сила проявит еще и агрессивность, в Вашингтоне не хотели. Первое развернутое обоснование этой позиции можно обна-

[1] *Владимир Печатнов, Александр Маныкин.* История внешней политики США. С. 292.

ружить в подготовленном в апреле 1945 г. докладе УСС «Проблемы и цели политики Соединенных Штатов», где СССР представал в роли «евразийского гегемона», способного в силу органически присущих ему «экспансионистских устремлений» и ресурсов «стать для США самой зловещей угрозой из всех известных до сих пор». В качестве инструментов «профилактического сдерживания» предлагалось исключить советское влияние в Японии, не допустить его распространения на всю Германию и Китай, а также создать систему обороны, состоящую из трех эшелонов. Первый — военно-политический блок США и стран Западной Европы, второй — сеть военных баз от Исландии и Гренландии до Карибского бассейна, третий — система обороны обеих Америк. Уход из Европы рассматривался как равнозначный «приглашению России к берегам Атлантики и чреватый риском оказаться лицом к лицу с Россией, подмявшей под себя всю Европу»[1].

Был и еще ряд важных факторов, который заставлял искать серьезного врага и находить его именно в лице Советского Союза. Печатнов совершенно справедливо указывает на «большие опасения верхушки Пентагона в связи с перспективой обвальной демобилизации и демонтажа всего военно-промышленно-научного комплекса США, созданного в годы войны и теперь казавшегося ненужным в глазах значительной части американского общества. В этой обстановке СССР представлялся идеальным эквивалентом фашистской угрозы, дающим как нельзя более подходящее и единственно правдоподобное объяснение сохранения и дальнейшего наращивания американской военной мощи… Подобной идентификации противника помогала и ставшая популярной в Вашингтоне ассоциация советского режима с нацистским на основе схожих внешних черт — политическая диктатура, “экспансионистская” официальная идеология, враждебная либеральной демократии, и т.д.»[2].

Идеи американской исключительности приобрели явную антисоветскую окраску. «Убежденные в том, что Провидение назначило нас избранным инструментом противодействия коммунизму, где бы он ни угрожал миру, стабильности и морали, мы заняли позиции на фронте Армагеддона и воевали во имя Господа, — писал Генри Коммаджер. — Те, кто не был с нами, были против нас, говорили мы — и использовали огромные суммы денег, влияние и, наконец, военную силу, чтобы нанести удар по силам зла и вдохновить и вооружить руку добра. Тем самым мы разделили мир на два лагеря по признаку моральности»[3]. В риторическом обрамлении американской миссии резко возрос удель-

---

[1] Цит. по: *Владимир Печатнов, Александр Маныкин.* История внешней политики США. С. 295–296.

[2] Там же. С. 302.

[3] *Henry Commager.* The Defeat of America. P. 10

ный вес антикоммунистических рассуждений, по-прежнему большое значение имело религиозное обоснование, зато упала роль теорий расистского англосаксонизма. «Христианская миссия, расовый и культурный noblesse oblige, социальный дарвинизм вышли из моды в мире, населенном в основном нехристианами с темным цветом кожи, которые восстали против старых империй, контролируемых западным миром, и против доктрин, оправдывавших справедливость этих империй, — писал историк Эдвард Пессен. — Новые ключевые слова — антикоммунизм, антимарксизм, антиленинизм, демократия и свобода»[1].

Осенью 1945 г. в ОКНШ Соединенных Штатов была разработана новая директива под названием «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», где утверждалось, что «единственной ведущей державой, с которой США могут войти в конфликт, неразрешимый в рамках ООН, является СССР». Разработанная на основе этой логики «Стратегическая концепция разгрома России» стала быстро дополняться конкретными военными планами. Первый из них был разработан в октябре 1945 г., он предусматривал ядерные бомбардировки 20 крупнейших городов Советского Союза. За несколько месяцев в военно-стратегическом планировании США Советский Союз превратился из союзника в противника, хотя само по себе поведение Москвы явно не давало для этого достаточных оснований (СССР действовал в рамках ялтинских и потсдамских договоренностей, не началась еще даже советизация режимов в странах Восточной Европы)[2].

Курс на конфронтацию был взят. К началу 1946 г. мотивы советской политики трактовались в Пентагоне как неотличимые от фашистских, что предполагало и свод принципов, применявшихся в годы войны к государствам «оси»: недопустимость умиротворения, бесполезность переговоров, ставка на силовое уничтожение агрессора.

Сталин ответил речью 9 февраля 1946 г., в которой возродил установку о капитализме как об источнике войн и призвал советских людей осуществить новый рывок, чтобы быть готовыми «к любым неожиданностям». На Западе эту речь восприняли как отказ СССР от сотрудничества с западными демократиями. Госдепартамент запросил мнение на этот счет своего посольства в Москве и получил, наверное, самый знаменитый в истории дипломатии ответ — «длинную телеграмму» о мотивах советского поведения. Джордж Кеннан создал тот демонический образ Советского Союза, который оказался столь востребованным в администрации США: от природы враждебная Западу сила, движимая идеями экспансии и нуждающаяся во внешних врагах для

---

[1] *Edward Pessen.* George Washington's Farewell Address, the Cold War and the Timeless National Interest // Journal of Early Republic. Spring, 1987. P. 18–19.

[2] *Владимир Печатнов, Александр Манькин.* История внешней политики США. С. 299–301.

спасения своей тоталитарной системы. Руководство СССР воспринимает только логику силы, и поэтому он должен быть сдержан преобладающей силой Запада. Министр обороны Форрестол сделал все, чтобы телеграмма получила максимально широкое хождение в Вашингтоне. Созданный весной 1946 г. State-War-Navy Coordinating Committee предложил положить ее в основу выработки внешней и оборонной политики. Стратегия прояснилась: отпор «советской экспансии» по всему миру, отказ от компромиссов в отношениях с СССР, силовое давление — «сдерживание».

28 февраля госсекретарь США Джеймс Бирнс предупредил «потенциальных агрессоров», что ответом им будет военная сила. 5 марта Уинстон Черчилль выступил со знаменитой Фултонской речью, согласованной с Трумэном. Черчилль говорил о воздвигнутом тоталитарным режимом «железном занавесе», для разрушения которого необходимо возобновить англо-американское военно-стратегическое сотрудничество.

Ужесточение западной позиции не ограничивалось риторикой. Оно принимало форму создания единого военного командования, «ремобилизации» промышленности, наращивания ядерного потенциала, расширения сети военных баз, создания «вспомогательных сил» из бывших германских и японских военнопленных, разработки совместных планов войны с СССР. Первый из них — под названием «Пинчер», — подготовленный к лету 1946 г., предусматривал атомные бомбардировки СССР с английских военно-морских баз, расположенных на самих Британских островах и в Египте. Сентябрьский доклад «Американская политика в отношении СССР», составленный по указанию Трумэна его помощником Кларком Клиффордом, прямо говоря о стремлении Москвы к мировому господству, ставил задачу оградить от советского проникновения Западную Европу, Восточную Азию, Средиземноморье и Ближний Восток[1]. Соглашения о военных базах были заключены с Португалией (Азорские острова), Исландией, приняты решения о создании баз на японской Окинаве, Каролинских, Маршалловых и Марианских островах, Филиппинах. Начались активные поиски союзников для сдерживания СССР по всему миру. Наращивались западные пропагандистские усилия и ресурсы, в том числе в зоне советского влияния.

18 марта 1947 г. была озвучена доктрина Трумэна, в соответствии с которой представлялась финансовая и военная помощь Греции и Турции, над которыми якобы нависла советская военная угроза. Главной целью американской политики становилась защита свободы и демократии, в том числе в странах Восточной Европы, которая, как утверждал президент США, была захвачена Советским Союзом. При провоз-

[1] Там же. С. 307.

глашении этой доктрины президент подчеркнул: «Свободные люди мира смотрят на нас в поисках поддержки в деле сохранения свободы... Если мы дрогнем в исполнении роли лидера, мы можем поставить под угрозу мир на земле...»[1]

В июне 1947 г. госсекретарь США Джордж Маршалл, выступая на выпускной церемонии в Гарварде, предложил кредитовать Европу. Решалось одновременно несколько задач — предотвращение там экономического краха, создание рынка сбыта для американских товаров и ослабление влияния компартий, которые активно заявляли о себе, особенно во Франции и Италии.

Холодная война быстро перекинулась и на Дальний Восток. Москва располагала информацией о возможности применения американцами ядерного оружия для защиты своих гоминьдановских союзников внутри Китая, и последовал ассиметричный ответ Кремля: блокада западных зон Берлина. Китайская революция с советской помощью одержала победу, что означало образование КНР и эмиграцию гоминьдановцев во главе с Чан Кайши на Тайвань. Появились «два Китая».

Затем — война в Корее. Устремившиеся на Юг Войска КНДР, успевшие занять Сеул, были остановлены, когда в дело вступили американские войска в голубых касках ООН, а затем отброшены на север от 38-й параллели. Северокорейские войска оказались на грани полного разгрома, от которого их спасло китайское вмешательство. Наступление китайских войск привело к захвату Сеула, но удержать завоеванное уже не удалось. Затяжные бои и многократные угрозы США применить ядерное оружие делали ситуацию тупиковой. К тому же становились все более очевидными политические и дипломатические издержки. Война в Корее показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав — СССР и США — и положило начало их глобальному противостоянию в самых различных уголках земного шара. А внутри США она породила новую волну «красной истерии» и маккартизм.

В начале 1950 г. начались шпионские скандалы. 21 января Алджер Хисс, бывший высокопоставленный сотрудник Госдепа, был привлечен к ответственности за отрицание под клятвой факта сотрудничества с советской разведкой в 1930–40-е гг. Через три дня последовало заявление от британского правительства: германский эмигрант Клаус Фукс признался, что передавал СССР детали Манхэттенского проекта. В западных столицах заговорили о тотальной измене. В феврале до той поры никому не известный республиканский сенатор от Висконсина Джо Маккарти объяснил, почему Советы так быстро получили бомбу, а коммунисты захватили власть в Китае: не потому, что «враг послал солдат для завоевания наших берегов, а из-за предательства тех,

[1] Profile of American Politics: Readings in American Government / Ed. by E. Lefever, W. Hohenstein. Boston, 1960. P. 223.

кто пользовался благами самой богатой нации на свете — лучшими домами, лучшим университетским образованием, лучшей работой в правительстве»[1]. Враг — в правительстве!

24 июля 1950 г. Эдгар Гувер добился от Трумэна официального расширения полномочий ФБР в расследовании «дел о шпионаже, диверсиях, подрывных действиях и связанных с ними вопросов», затрагивающих национальную безопасность США. 24 августа Гувер направил Трумэну устрашающий доклад, где предупреждал, что невидимая армия — десятки тысяч верных членов американского коммунистического подполья — готова вести сражение на американской территории, как и инструктируемые в Москве «ядерные камикадзе» и подростки — «самоубийцы-подрывники», которых будут сбрасывать с парашютами. 23 сентября был принят Закон о внутренней безопасности: теперь граждане, занимавшиеся «подрывной деятельностью», подлежали тюремному заключению по политическим мотивам, коммунистические и сочувствующие им организации должны были регистрироваться в Совете по контролю над подрывной деятельностью. Постоянно росший «алфавитный указатель» Гувера, в котором уже значилось более 20 тысяч сочувствовавших коммунистам, стал официальным списком для превентивных задержаний (и действовал еще на протяжении 21 года). Левые воззрения, а также гомосексуализм (который рассматривался как ненормальность, которую враг может использовать) становились причинами для немедленного увольнения с государственной службы и лишения перспектив в остальных формах деятельности. В рамках секретной гуверовской «Программы ответственности» университеты, колледжи и школы были очищены от сотен преподавателей, подозреваемых в левых взглядах[2]. Всего через различные процедуры проверки лояльности пройдут 10 млн человек.

«Сталинская диктатура оставалась столь же жесткой и столь же зависимой от репрессий, как и раньше, но с началом маккартизма в Соединенных Штатах и множащимися доказательствами того, что шпионажем занимаются по обе стороны Атлантики, возникли сомнения, смогут ли сами западные демократии сохранить терпимость к инакомыслию и уважение к гражданским свободам, которые отличали их от диктаторов»[3], — замечал Джон Гэддис.

Расширение сферы стратегических интересов США находило воплощение в создании под их эгидой системы военно-политических блоков и союзов. Символом военно-политического единства Запада и растущего долгосрочного вовлечения США в европейские дела ста-

---

[1] *David M. Oshinsky.* A Conspiracy So Immense: The World of Joe McCarthy. N.Y., 1983. P. 108–109.

[2] *Тим Вейнер.* ФБР: Правдивая история. М., 2014. С. 184–186, 189–190.

[3] *John Lewis Gaddis.* The Cold War. L., 2005. P. 46.

ло образование в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО), которая распространила на страны Западной Европы американские гарантии безопасности. Военные блоки, направленные, так или иначе, против СССР, были созданы и в других регионах земного шара: Пакт Рио-де-Жанейро, АНЗЮС. Расширялись сети двусторонних военных соглашений США с различными странами, финансово-экономической системы (МВФ, МБРР, ГАТТ, ОЭСР), в которой тоже доминировали Соединенные Штаты.

В США любят говорить, что они успешно провели демократизацию агрессивно настроенных, диктаторских режимов в Германии и Японии. «Это верно, но данные примеры только вводили нас в заблуждение, — пишет Фукуяма. — Германия и Япония после 1945 г. стали образцовыми демократическими государствами, но они изначально были высокоразвитыми странами, там имелся крепкий каркас государственности, который по большей части не был разрушен в ходе войны. Более того, в этих странах само общество решительно восстало против политических сил, которые втянули свои государства в войну»[1].

С другой стороны, Соединенные Штаты на протяжении почти пятидесяти лет владели Филиппинами, однако успехи демократии и экономики там были сомнительными. США осуществляли вторжение на Кубу, в Никарагуа, Доминиканскую Республику и на Гаити, и ни в одной из этих стран им не удалось создать прочные демократические институты.

В настоящее время из документов холодной войны представители американского руководства чаще всего цитируют подготовленный при президенте Трумэне в 1950 г. доклад СНБ-68, который действительно заложил философию, алгоритм действий государственных органов, характер военного планирования, содержание пропаганды на весь период до начала 1990-х гг. Эта квинтэссенция концепции сдерживания коммунизма на самом деле ставила задачи сдерживания «рабовладельческого Советского Союза» лишь на второе по значимости место, выдвигая на первый план те цели, которые составляют неизменные до сего дня приоритеты стратегии национальной безопасности США. Сверхзадача американской внешней политики и стратегии национальной безопасности — «формирование международной среды, в которой американская система может выжить и процветать». СНБ-68 рассматривал в качестве основных компонентов этой политики использование инструментов ООН, укрепление системы альянсов в Западном полушарии и Западной Европе и экономическую экспансию. «Одним из важнейших ингредиентов мощи государства» называлась военная сила — «превосходящая совокупная военная мощь, как имеющаяся, так и быстро

[1] *Francis Fukuyama.* After the Neocons: America at the Crossroads. L., 2006. P. 132.

мобилизуемая»[1]. При этом военная сила рассматривалась не только в качестве применимого средства (в различные периоды существовали и различные пороги чувствительности к применению силы), но и в качестве инструмента для достижения политических и экономических задач. Тогда, ныне и на обозримую перспективу цель США — создание стабильной международной системы, которая бы обеспечивала их преобладающие позиции. Именно эта идея лежит в основе всего доктринального мышления в Соединенных Штатах.

США были на пике могущества. Американская политическая модель, основы конституционного строя США все более активно заимствовались различными странами. Ценности американского образа жизни и массовой культуры проникали во все поры мирового социума. Причем это происходило даже в тех странах, которые, казалось, прочно ограждены от западных веяний «железным занавесом». США явились тем локомотивом, который потянул другие государства в эру научно-технической революции. Представления о мессианской роли США находили все большее подкрепление в повседневной жизни.

Новый консерватизм и новые рубежи

На выборах 1952 г. победу одержал Дуайт Эйзенхауэр. Впоследствии он скажет: «…я часть слышал со стороны оппозиции, особенно ее клики расточителей, реплики о необходимости увеличить темпы экономического роста с помощью правительственной активности, расширения федеральных расходов. Мы отвергаем тезис о том, что здоровый рост экономики может быть куплен за счет фондов федеральной казны»[2]. Практическая политика Эйзенхауэра была иной, выдержанной в русле «просвещенного консерватизма» или «нового республиканизма». Уже начавшийся летом 1953 г. экономический кризис, когда за семь месяцев непрерывного спада объем промышленного производства сократился на 10%, заставил действовать. «Правительство не может стоять в стороне от частной экономики, оно должно проявить готовность предпринять энергичные шаги для поддержания стабильного процветания»[3], — объяснял председатель Совета экономических консультантов при президенте Артур Бирнс. Республиканская администрация мобилизовала финансовые рычаги государства для стимулирования роста: были сокращены налоги на корпорации и личные доходы, облегчен доступ к банковским кредитам. Рост государственных расходов, дефицитный бюджет в 1950-е гг. прочно входят в арсенал ре-

[1] NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950.

[2] Congressional Record. Vol. 106. Pt. 13. P. 17558.

[3] US News & World Report. October 29, 1954. P. 46.

спубликанцев. Осуществлялись крупные проекты строительства автострад и жилья, реконструкция водного пути по реке Св. Лаврентия. Государственные расходы с 42,5 млрд долл. в 1950 г. возросли до 92,2 млрд в 1960-м. Лишь трижды (в 1956, 1957 и 1960 финансовых годах) федеральный бюджет сводился с положительным сальдо.

Своих продолжателей в лице Эйзенхауэра и его государственного секретаря Джона Фостера Даллеса нашли идеи американской миссии. Уже в своей инаугурационной речи президент заявил, что видит свое предназначение в борьбе за освобождение и безопасность «всего мира... рисовода Бирмы и производителя пшеницы в Айове, пастуха в Южной Италии и жителя Андских гор»[1]. В предвыборной платформе 1952 г. «великая старая партия» обещала «положить конец негативной, ничтожной и аморальной политике сдерживания, которая отдает бесчисленное множество людей под власть деспотизма и безбожного терроризма» и поощрять «освободительные тенденции» в соцстранах[2].

Своего апогея достигает «маккартизм». Человек, попавший под маховик расследования в комиссии конгресса, рисковал быть осужденным почти наверняка по одному из трех пунктов: или за нарушение закона Смита, если он признает себя членом компартии; или за лжесвидетельство, если будет отрицать связи с коммунистами; или за неуважение к конгрессу, если откажется отвечать на вопросы комиссии. ФБР под началом Эдгара Гувера и министерство юстиции составляли досье на миллионы американцев. В общей сложности 10 млн человек прошло проверку по различным программам «лояльности», и только из государственных органов к середине 1954 г. было уволено около 7 тыс. служащих. Компартию США объявили «агентом иностранной враждебной державы» и лишили прав политической организации. «Советскую угрозу возвеличивали, приписывали ей почти сверхъестественную силу, способную поддерживать единый всемирный заговор против всего хорошего, что есть у человечества»[3], — писал о тех годах профессор Т. Герцель из Ратгерского университета.

На смену стратегии сдерживания коммунизма приходила доктрина «освобождения», подкрепляемая расширением американского военного присутствия, массированным экономическим и культурным натиском. Америка стояла за свержением правительства Гватемалы, вмешательством в выборы в Италии, заговором против Мосадыка в Иране, убийством Патриса Лумумбы в Конго и многими другими акциями. Приверженность идеям «глобальной ответственности» США

---

[1] *Blanche Cook.* The Declassified Eisenhower: A Startling Reappraisal of the Eisenhower Presidency. N.Y., 1984. P. 173.

[2] National Party Platforms. Vol. 1. P. 499.

[3] Intervention or Abstention: The Dilemma of American Foreign Policy. Lexington, 1974. P. 167–168.

в полной мере отразилась в теории «вакуума сил». Согласно ей, в тех районах мира, откуда в результате национально-освободительной борьбы были изгнаны «старые» колониальные империи, образуются пустоты, которые призваны заполнить США. Эта теория легла в основу «доктрины Эйзенхауэра».

Уверенность в преимуществе в ядерном вооружении и авиационных средствах его доставки лежала в основе принятия доктрины «массированного возмездия», которую впервые изложил Даллес 12 января 1954 г. Соединенные Штаты в состоянии создать «максимальную сдерживающую силу умеренной ценой», если они «в большей степени будут рассчитывать на силу устрашения и в меньшей мере ставить себя в зависимость от мощи локальной обороны». Если пытаться оказывать отпор «агрессии», основываясь, как это делало правительство Трумэна, на «готовности воевать в любом месте... то это не может долго продолжаться без того, чтобы не привести к серьезным бюджетным, экономическим и социальным последствиям». Отсюда следовал вывод: «Основным является решение полагаться главным образом на большую способность к мгновенному ответному удару средствами и в местах по нашему собственному выбору»[1]. Принципиальная применимость ядерного оружия была для Эйзенхауэра и его госсекретаря Алена Даллеса бесспорной. «Моим чувством всегда было и остается сейчас, — писал Эйзенхауэр в мемуарах, — что для Соединенных Штатов было бы невозможным выполнять военные обязательства, которые мы на себя приняли по всему миру (не рискуя превратиться в государство гарнизонного типа), если бы мы не владели атомным оружием и не применяли его, когда это необходимо»[2].

К Пакту Рио-де-Жанейро, НАТО и АНЗЮС добавились два новых блока: в Юго-Восточной Азии в 1954 г. был создан СЕАТО, в который помимо США вошли Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины; в 1955 г. появился на свет Багдадский пакт, после выхода из него Ирака переименованный в СЕНТО, с членами которого (сами Соединенные Штаты в блок не вошли) правительство Эйзенхауэра заключило «соглашения о сотрудничестве». В результате «пактомании Даллеса» США оказались во главе четырех военно-политических блоков, охватывавших кроме них самих еще 39 стран мира, не считая множества двусторонних военных договоров. Расширялась система военных баз, из предназначения которых в США не делали большого секрета: «Европейские и азиатские базы были особенно важны в 50-е годы, поскольку представляли собой форпосты, с

[1] The New York Times. January 13, 1954.

[2] *Dwight Eisenhower.* White House Years: Mandate for Change. 1953–1956. Garden City (N.Y.), 1963. P. 180.

которых американские стратегические бомбардировщики могли наносить удары по сердцевине коммунистического монолита»[1].

Принятый в декабре 1954 г. документ СНБ-5412 разъяснял полномочия ЦРУ при проведении операций по «шпионажу и контрразведке за рубежом»: «создание и использование в своих целях трудноразрешимых проблем для международного коммунизма... дискредитация идеологии и престижа международного коммунизма и уменьшение силы его партий и других элементов... сокращение международного коммунистического контроля над любыми районами мира... создание подпольного сопротивления и содействие тайным и партизанским операциям, обеспечение активности этих сил в случае войны». Все «тайные операции» рекомендовалось проводить с таким расчетом, чтобы «ответственность за них правительства США не была явной... и в случае обнаружения правительство Соединенных Штатов могло с правдоподобностью отрицать какую-либо ответственность за них». В качестве методов подобных операций СНБ-5412 предлагал использовать «пропаганду; политические действия; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж и контрсаботаж, поощрение к эмиграции; подрывную деятельность против враждебных государств или групп, включая помощь подпольному сопротивлению, партизанским и эмигрантским группам; поддержку националистических и антикоммунистических элементов... планы и операции клеветы»[2].

Вместе с тем в отношениях между СССР и Западом наметились и некоторые позитивные подвижки. Уже через две недели после смерти Сталина — 19 марта 1953 г. — правительство СССР утвердило курс на прекращение войны на Корейском полуострове. Со своей стороны, главнокомандующий американскими войсками в Корее генерал Риджуэй утверждал, что наступление на север, к границам Маньчжурии, обойдется США в 350–400 тысяч убитыми и ранеными. В июле 1953 г. соглашение о перемирии было подписано.

Признаки перелома тенденции к конфронтации были заметны на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании, США и Франции в январе–феврале 1954 г., а также на совещании великих держав на высшем уровне, которое проходило в июле 1955 г.

Запуск первого советского искусственного спутника Земли в 1957 г. вызвал в США эффект разорвавшейся бомбы: наиболее эффективное средство доставки ядерного оружия — межконтинентальные баллистические ракеты — впервые было взято на вооружение Советским Союзом. Неуязвимость США отошла в прошлое. «Советское научное достижение было впечатляющим, — вспоминал Эйзенхауэр. — Могущество

[1] *Ch. Kegley, E. Willkopf.* American Foreign Policy: Pattern and Process. N.Y., 1982. P. 101.

[2] *Blanche Cook.* The Declassified Eisenhower: A Divided Legacy. Garden City, 1981. P. 182–183.

силы, способной поднять спутник такого веса, было полной неожиданностью для нас»[1]. Новая ситуация делала угрозу «массированного возмездия» нереалистичной. Даллес в 1957 г. писал, что «в будущем может быть желательно в меньшей степени полагаться на устрашающую силу массированного возмездия»[2]. «Послевоенная эра кончается, — с разочарованием признавал вскоре после запуска спутника известный журналист Уолтер Липпман, — величайшая реальность, с которой мы должны сейчас примирить наше мышление, заключается в том, что мы являемся равной [Советскому Союзу], а не верховной силой»[3].

В октябре 1959 г. состоялся первый в истории визит советского лидера в Соединенные Штаты. На пленарном заседании XIV сессии Генеральной ассамблеи ООН Хрущев вынес на рассмотрение Декларацию о всеобщем и полном разоружении. Перед ответным визитом Эйзенхауэра в Москву решено было созвать конференцию четырех государств на высшем уровне в Париже. Но 1 мая 1960 г. самолет У-2, летевший из Пакистана и имевший задачу пересечь с разведывательными целями территорию СССР с юга на север, был сбит в районе Свердловска. Совещание в Париже было сорвано: Хрущев устроил там грандиозный скандал и хлопнул дверью. Визит американского президента в СССР стал невозможен. А Москва воспользовалась приходом к власти на Кубе в 1959 г. Фиделя Кастро для создания своего плацдарма в Латинской Америке.

В конце 1950-х гг. настал черед уже администрации Эйзенхауэра принимать на себя огонь критики за «равнодушие» к утверждению идеалов Pax Americana. Одним из наиболее последовательных критиков республиканской политики зарекомендовал себя сенатор-демократ Джон Кеннеди, который призвал «положить конец депрессии нашего национального духа... и прийти на назначенное нам свидание с судьбой». В первом обращении нового хозяина Белого дома звучали идеи мирового лидерства: «Пусть знает каждая страна, чего бы она нам ни желала, добра или зла, что мы заплатим любую цену, возьмем на себя любое бремя, пойдем навстречу любым трудностям, поддержим любого друга, выступим против любого врага, чтобы обеспечить сохранение и успех свободы»[4].

Был предпринят рывок в военном строительстве, позволивший США до конца 1960-х гг. удерживать ядерное превосходство. На смену «массированному возмездию» пришла доктрина «гибкого реагирования», делавшая упор на расширение диапазона войн, к которым долж-

---

[1] *Dwight Eisenhower.* The White House Years: Waging Peace. 1956–1961. Garden City, 1965. P. 205.

[2] Foreign Affairs. October 1957. P. 31.

[3] The New York Herald Tribune. February 4, 1958.

[4] Public Papers of the Presidents. John F. Kennedy. 1961. Wash., 1962. P. 1.

ны готовиться США. Но активизм Кеннеди имел не только военный, но и реформистский аспект, призванный продемонстрировать заботу Соединенных Штатов о судьбах развивающихся стран. Представители администрации демократов немало говорили о необходимости ликвидировать острые социальные и экономические противоречия, повысить уровень жизни в развивающихся странах, ограничить господство земельной аристократии и военных диктатур.

Кеннеди, не желая иметь под боком постоянную проблему в лице просоветской Кубы, осуществил весной 1961 г. военное вторжение на остров в заливе Свиней, которое закончилось неудачей. Летом 1962 г. на Кубу были доставлены советские ракеты среднего радиуса действия. Когда об этом стало известно в Вашингтоне, правительство Кеннеди объявило об установлении военно-морской блокады острова. США стали сосредоточивать свои вооруженные силы в Карибском море, привели в полную боевую готовность свои войска, расположенные в Европе, 6-й и 7-й флоты, парашютно-десантные, пехотные и бронетанковые дивизии, авиацию. СССР ответил симметричными мерами. Мир был на волоске от катастрофы. Компромисс был найден в последний момент.

После этого кризиса — самого острого за все годы холодной войны — обе стороны предпочитали не доводить свои отношения до столь опасной черты. В августе 1963 г. в Москве представители СССР, США и Великобритании подписали Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

Годы правления демократов (1961–1969) знаменовали собой расцвет либеральной политики. Кеннеди стал президентом в тот период, когда экономический кризис 1960–1961 гг. еще не был преодолен, и первоначально вся программа правительства была представлена как серия чрезвычайных антикризисных мер. «Американская экономика в беде, — заявил Кеннеди в послании о положении страны 30 января 1961 г. — Мы пришли к руководству страной после семи месяцев кризиса, трех с половиной лет стагнации, семи лет вялого экономического роста и девяти лет падения фермерских доходов»[1]. Меры по стабилизации экономики предполагали традиционную кейнсианскую политику увеличения расходов и активного кредитного регулирования. Кеннеди потребовал ассигновать дополнительно 10 млрд долл. на предстоявшие два года, добился принятия законов о продлении периода выплаты пособий по безработице, помощи детям в семьях безработных, жилищном строительстве и ряда других социальных программ.

В годы президентства Линдона Джонсона, занявшего пост после убийства Кеннеди в Далласе, «вопросы обеспечения рынка для

[1] Ibid. P. 19.

сбыта возрастающих объемов продукции, поддержания уровня массового потребления стали необъемлемой частью процесса организации и планирования производства… на уровне государственно-монополистического регулирования»[1]. Одновременно с этим нехватка квалифицированной рабочей силы при сохранявшемся высоком уровне безработицы в условиях весьма благоприятной экономической конъюнктуры потребовала активного вмешательства государства в вопросы профессионального обучения и использования трудовых ресурсов. Программа «великого общества» Джонсона представляла собой ряд законодательных актов, зафиксировавших ответственность федерального правительства за разрешение некоторых проблем социального обеспечения, здравоохранения, образования (включая профессиональное обучение), за оказание помощи бедствующим районам, реконструкцию городов и борьбу с бедностью, преодоление расовой сегрегации[2].

В системе внешнеполитических приоритетов Джонсона неуклонно снижалось значение реформистского элемента — при возрастании роли военно-силовых операций. Особенно наглядно это проявилось во Вьетнаме. Решение о развертывании широкомасштабной агрессии в Индокитае объяснялось не только стратегическими и дипломатическими интересами США в Юго-Восточной Азии, но и убежденностью в своем «исключительном праве» «остановить любую форму революционного движения, которое отказывается признать доминирующую роль Соединенных Штатов» в мире[3]. После инспирированного Вашингтоном «Тонкинского инцидента» в феврале 1965 г. США начали интенсивные бомбардировки Северного Вьетнама (ДРВ), через месяц американские боевые части высадились в Южном Вьетнаме для военных действий против Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. К декабрю 1965 г. там действовала уже 400-тысячная американская армия. СССР и Китай ответили поставками оружия Северному Вьетнаму. В мае 1965 г. в ДРВ прибыла группа советских военных советников, а специалисты зенитно-ракетных войск с августа открыли счет сбитым американским самолетам с помощью доставленных из СССР ракетных комплексов «земля–воздух».

Но вьетнамский же фактор — с неожиданной стороны — оказался и причиной начала процесса нормализации отношений с Западом.

---

[1] США: от «великого» к больному… М., 1969. С. 25.

[2] См.: *Б.И. Маклярский.* «Великое общество»: декларации и действительность. М., 1968; *А.В. Валюженич.* Американский либерализм: иллюзии и реальность. М., 1976; *Владимир Печатнов.* Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.

[3] *G. Kolko.* The Roots of American Foreign Policy: An Analysis of Power and Purpose. Boston, 1969. P. 132.

Как отмечал тогда американист Юрий Мельников, «увязнув в бесперспективной и опасной “борьбе с коммунизмом” в Индокитае, правительство Джонсона попыталось сделать несколько более уравновешенной и многоплановой свою политику в остальном мире»[1]. Из Белого дома прозвучали заверения о стремлении улучшить отношения между Востоком и Западом, начать переговоры об ограничении стратегических вооружений. В 1968 г. был заключен Договор о нераспространении ядерного оружия, и очень вовремя: вскоре произошло новое обострение отношений, вызванное «Пражской весной».

Республиканская эра

Социально-демографические сдвиги — усиление влияния «молодого» бизнеса Юга и Запада и опережающий рост населения в этих районах, неуклонное увеличение численности зажиточного среднего класса — способствовали сокращению разрыва между республиканцами и демократами в степени электоральной поддержки, в первую очередь за счет избирателей некогда монопольно демократического Юга, где рост симпатий к «великой старой партии» рос с переселением в этот растущий регион выходцев из других штатов и массовым исходом негров в города Севера и усиливался недовольством белых южан либерализмом демократов в расовом вопросе в годы президентства Кеннеди и Джонсона (1961–1969). Это предопределило долговременное усиление позиций республиканцев, которые за период с 1969 по 1993 г. уступят президентство демократам лишь однажды (Джимми Картеру в 1977 г.).

Часто можно было услышать мнение, будто республиканцы и демократы — идеологические близнецы. Это не совсем так. Республиканцы — это в основном консерваторы, для которых характерно стремление в большей степени полагаться на возможности рыночных механизмов, тенденция к переносу акцентов в выполнении социальных функций с федерального на более низкие уровни управления в соответствии с доктриной прав штатов, стремление к ограничению социальных программ с тем, чтобы заставить нуждающихся в большей степени «полагаться на собственные силы», больший акцент на традиционные ценности семьи, веры, неприятие легализации однополых браков и абортов. Демократы, напротив, настроены более либерально, что в американском контексте означает упор на государственный активизм во всех его аспектах, согласие на более строгое регулирование бизнеса и

[1] *Юрий Мельников.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945–1982 гг. М., 1983. С. 216.

социальную ответственность федерального правительства, терпимость в морально-этических вопросах.

В сфере внешней политики межпартийные различия менее ярко выражены, существует двухпартийный внешнеполитический курс, базирующийся на согласии поддерживать мировой порядок, в котором Америке принадлежит решающая роль. Важнейшим цементирующим элементом двухпартийной политики в условиях биполярности выступал антикоммунизм и готовность платить любую цену за победу в холодной войне. Но внешнеполитический консенсус не был безусловным. Либерализм, свойственный Демократической партии, во внешнеполитической сфере предполагал более деятельное, организующее отношение к происходящему в мире, стремление путем активного вмешательства изменить глобальное развитие. Не случайно избиратели США в послевоенные годы чаще склонны были отождествлять Демократическую партию с наступательным активизмом во внешней политике (ее политику в США называли «либерализмом холодной войны»), способным даже довести страну до войны. Именно при демократических правительствах в послевоенные годы — до 1980-х гг. — были совершены наиболее значительные рывки в наращивании военной мощи США. Вместе с тем и реформистский компонент во внешней политике проявлялся более рельефно в политике демократических администраций, в частности в поддержке программ помощи развивающимся странам. В 1950–70-е гг. для республиканцев в большей степени, чем для демократов, был характерен конъюнктурный прагматизм в подходе к международным событиям, стремление к известной экономии в военной сфере и концентрации усилий на ряде наиболее важных, с их точки зрения, направлениях (в первую очередь — на ядерном), второстепенное внимание к реформистским шагам «типа зарубежной помощи». После неудачи во Вьетнаме, в условиях нарастания «вьетнамского синдрома» и установления военно-стратегического паритета между НАТО и ОВД, именно республиканская администрация Ричарда Никсона в начале 1970-х гг. взяла курс на «разрядку».

В первые годы пребывания у власти администрация Никсона старалась делать упор на развязывание инициативы частного сектора, децентрализацию государственного управления, урезание отдельных статей социальных расходов. В чистом виде, однако, такая линия не могла быть проведена в жизнь. «Потребовалось не так уж много времени, чтобы обнаружить, что мои энтузиазм и решительность не смогли преодолеть реальность, которая заключается в том, что я был первым президентом за последние 120 лет, который начинал свой срок, имея обе

палаты конгресса под контролем оппозиционной партии, — жаловался Никсон. — Я направил более сорока внутриполитических предложений в конгресс в течение первого года своего президентства… Только два из этих предложений были приняты»[1].

Первоначально в политике Никсона фактор неглубокого кризиса 1969–1971 гг. и рост безработицы просто игнорировались. Отдавая приоритет борьбе с инфляцией, правительство стремилось «охладить» перегретую экономику. В выступлениях перед бизнесменами Никсон призывал их «затянуть пояса и подготовить себя к неприятной экономической паузе»[2]. В результате снижения производства, роста безработицы и инфляции уже в 1971 фин. г. в бюджете образовался дефицит в 23 млрд долл. Для борьбы с ним правительство Никсона провело налоговую реформу: отменялась 7-процентная скидка с налогов на новые капиталовложения корпораций, облагались налогом вклады в благотворительные фонды, повышался уровень доходов, не облагаемых налогом, снижены ставки налога для лиц с размером доходов более 100 тыс. долл. в год[3]. В 1971 г. Никсон провозгласил «новую экономическую политику», которая включала в себя такие беспрецедентные для республиканцев шаги, как регулирование цен и заработной платы. «Глубинной причиной повышения гибкости экономической политики Никсона являлась, похоже, его боязнь того, что строгое следование консервативным подходам приведет к политической катастрофе»[4], — справедливо замечал исследователь республиканских администраций Дж. Ричли.

К концу 1960-х гг. Советский Союз достиг военно-стратегического паритета с США. Ощутимые удары по международным позициям и престижу Америки нанес третий мир. В частности, повышение цен на нефть странами — членами ОПЕК в 1973 г. способствовало осознанию зависимости США от остального мира. Этому способствовали и многочисленные движения протеста внутри самой страны. Тема «упадка» Америки являлась одним из центральных пунктов идейных дискуссий в США 1970-х. Видные теоретики доказывали, что Соединенные Штаты стали «ординарной» державой, равной в ряду других стран и обществ в мировой истории. Дэниел Белл писал: «Вера в американскую исключительность исчезла вместе с концом империи, ослаблением власти,

---

[1] The Memoirs of Richard Nixon. Vol. 1. N.Y., 1979. P. 512–513.

[2] Business Week. November 29, 1969. P. 25.

[3] *А.С. Богданов.* Налоговые маневры Вашингтона // США: экономика, политика, идеология. № 5. 1970. С. 89.

[4] *J. Reichley.* Conservatives in an Age of Change: The Nixon and Ford Administrations. Wash., 1981. P. 206.

потерей веры в будущее нации. Существуют явные признаки того, что Америка теряет статус всемогущей страны»[1].

В Соединенных Штатах в условиях набиравшего силу «вьетнамского синдрома» все более широко распространялись антиинтервенционистские настроения. Пентагон, ВПК, спецслужбы становились объектом острой критики. Как признавал сам Никсон, «консенсус, который поддерживал нашу национальную приверженность американскому военному могуществу в послевоенные годы, больше не существует»[2]. Взамен «превосходства» Никсон заговорил о «достаточности». «Доктрина достаточности представляет собой открытое признание изменившихся обстоятельств, которые мы застали в сфере стратегических сил. Соединенные Штаты и Советский Союз достигли сейчас такого рубежа, где небольшие военные преимущества в стратегических силах имеют малое военное значение»[3].

Основным политическим документом, определившим контуры новой военно-политической стратегии республиканской администрации, явилась «доктрина Никсона», или «гуамская доктрина» (обнародована в июле 1969 г. на острове Гуам). Объясняя ее суть конгрессу, Никсон говорил: «Ее центральный тезис заключается в том, что Соединенные Штаты будут участвовать в защите и способствовать развитию своих союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать все планы, все программы, принимать все решения и брать на себя во всем объеме оборону всех свободных стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная необходимость и когда это будет отвечать нашим интересам»[4].

В рамках этой доктрины была предложена новая военно-политическая стратегия — «реалистического сдерживания». В соответствии с ней правительство Никсона потребовало от своих союзников опоры не на сухопутные войска США, а на их собственные военные силы. И это относилось не только к партнерам Соединенных Штатов в Азии, где в рамках программ «вьетнамизации», «кореизации» и т.д. стала осуществляться замена американских вооруженных сил местными, но и к союзникам по блоку НАТО. Никсон объявил, что в военном строительстве будет ориентироваться на обеспечение способности США вести не две с половиной, как прежде (большие войны в Европе и в Азии и малую войну в любом регионе земного шара), а полторы вой-

---

[1] *Daniel Bell.* The End of American Exceptionalism // The Public Interest. Fall, 1975. P. 197.

[2] US Foreign Policy for the 1970s: Shaping a Durable Peace. A Report to Congress by Richard Nixon. Wash., 1973. P. 181.

[3] United States Foreign Policy for the 1970's: Building for Peace. A Report to Congress by Richard Nixon. Wash., 1971. P. 171.

[4] US News & World Report. March 2, 1970. P. 23.

ны. При этом не делалось секрета, что речь шла об отказе Соединенных Штатов вести «большую азиатскую войну», т.е. воевать против Китая.

Сближение с Китаем — один из краеугольных камней внешнеполитического курса Никсона, который стал первым американским президентом, посетившим Пекин. «Если бы Советский Союз добился низведения Китая до состояния бессилия, это оказало бы воздействие на мировой баланс сил ненамного меньшее, чем советское завоевание Европы», — объяснял логику администрации Генри Киссинджер. При этом он отмечал, что одновременное движение США навстречу СССР и Китаю рассматривалось и как средство предотвратить сближение между этими двумя странами.

Все это не мешало подготовке нескольких десятков конкретных договоров и соглашений с Москвой. В мае 1972 г. состоялся официальный визит в Советский Союз президента Никсона. Были подписаны «Основы взаимоотношений между СССР и США», где впервые признавалось, что краеугольным камнем отношений двух государств должны стать принципы мирного сосуществования и что стороны будут делать все возможное, чтобы избежать военной конфронтации. Фиксировались признание интересов безопасности сторон, основывающейся на принципе равенства, и отказ от применения силы или угрозы ее применения.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) обязывал обе стороны не развертывать такие системы противоракетной обороны, которые прикрывали бы всю территорию страны или отдельные ее районы, за исключением двух — в пределах одного района радиусом в 150 км вокруг столицы и в пределах одного района радиусом в 150 км, где расположены шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР). СССР и США договаривались не создавать системы ПРО морского, воздушного, космического или наземно-мобильного базирования.

Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) обязывало стороны в период действия соглашения, подписанного сроком на 5 лет, не начинать строительства дополнительных стационарных пусковых установок МБР, ограничить общее число пусковых установок баллистических ракет на подводных лодках (БРПЛ) и современных подводных лодок с такими ракетами на борту[1]. В ходе визита Никсона были подписаны соглашения о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, в области медицинской науки и здравоохранения, исследования и использования космического пространства в мирных целях, а также в

[1] Проблемы военной разрядки / Отв. ред. Алексей Никонов. М., 1981. С. 154–155.

области науки и техники. Была утверждена советско-американская комиссия по вопросам торговли.

Вместе с тем разрядка не означала прекращения холодной войны. Киссинджер так описывал пределы политики разрядки в октябре 1973 г.: «Эта администрация никогда не испытывала иллюзий в отношении советской системы. Мы всегда настаивали на том, что прогресс в технических областях, как и торговля, должен следовать за прогрессом в создании более стабильных международных отношений и отражать его. Мы поддерживаем сильный военный баланс и гибкую оборонную политику как основу стабильности. Мы настаиваем на том, чтобы разоружение было обоюдным. Мы оценивали изменения в отношениях с Советским Союзом не по атмосфере, а по тому, как решаются конкретные проблемы, и по ответственности его международного поведения»[1].

Именно в начале 1970-х гг. было начато осуществление тех программ создания стратегических вооружений, которые дали реальный результат в следующие десятилетия. «После подписания ОСВ-1 наш военный бюджет вырос, — констатировал Киссинджер, — и администрации Никсона и Форда провели программы создания стратегических сооружений (ракет МХ, бомбардировщика Б-1, крылатых ракет, подводных лодок “Трайдент” и более совершенных боеголовок), которые и десятилетие спустя составляют костяк программ обороны и которые блокировались конгрессом до начала ослабления напряженности с Москвой»[2].

В январе 1974 г. шеф Пентагона Джеймс Шлесинджер выдвинул новую военно-стратегическую концепцию, которая была окрещена доктриной «ограниченной» ядерной войны и предусматривала перенацеливание американского стратегического вооружения с гражданских объектов в СССР на военные. Как не без оснований замечали в тот период советские авторы, «контрсиловой удар по военным силам другой стороны имеет смысл лишь в качестве первого — обезоруживающего — удара. Имеет смысл бить по ракетам и бомбардировщикам другой стороны, пока они еще не запущены на цели; наносить же ответный удар по пустым шахтам и аэродромам вряд ли целесообразно»[3]. Само обсуждение проблемы «стратегического ядерного обмена», затеянное Пентагоном в то время, когда начались переговоры об ОСВ-2, было призвано «охладить» разрядку.

---

[1] *Henry Kissinger.* Years of Upheaval. L., 2011. P. 53–54.

[2] Ibid. P. 237.

[3] Современная внешняя политика США / Отв. ред. Г.А. Трофименко. Т. 1. М., 1984. С. 309–310.

Но визит Никсона 27 июня — 3 июля 1974 г. вовсе не был безрезультатным. Были подписаны Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, протокол к Договору об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., в соответствии с которым стороны согласились иметь лишь по одному району размещения систем противоракетной обороны вместо двух. Однако после этого саммита, который состоялся лишь за месяц до вынужденной отставки Никсона из-за Уотергейтского скандала, для политики разрядки наступили тяжелые времена.

Америка проигрывала в Индокитае, в чем не без причин обвиняла СССР. В апреле 1974 г. капитулировал проамериканский режим в Камбодже, пал Сайгон и власть перешла к Временному революционному правительству Южного Вьетнама. В декабре 1975 г. народно-демократической республикой провозглашен Лаос, а в сентябре совет СЕАТО принял решение о ликвидации аппарата блока. Затем последовал резкий обмен претензиями в связи с событиями в Анголе, где США оказали почти открытую помощь антиправительственным группировкам, поощряли внешнее вмешательство со стороны ЮАР и Заира, чтобы помешать приходу к власти правительства Народного движения за освобождение Анголы, а затем дестабилизировать его. Поддержка Советским Союзом национально-освободительных движений (в кавычках или без них) воспринималась как «нарушение кодекса разрядки».

Джеральд Форд, занявший пост президента после отставки Никсона, стремился сохранить структуру переговоров по контролю над вооружениями. Владивостокская встреча с Брежневым в ноябре 1974 г. подтвердила намерение сторон подготовить новое соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). В 1975 г. в силу вступила Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления бактериологического (токсичного) оружия и об уничтожении уже имевшихся его запасов. Свидетельством возможностей сотрудничества между двумя странами явился совместный космический полет и стыковка кораблей «Союз» и «Аполлон» в июле 1975 г.

Без воли на то Вашингтона на состоялось бы Общеевропейское совещание в Хельсинки в 1975 г. Форд писал: «Ни один из моих визитов в годы президентства не вызывал такого широкого непонимания». Он всячески доказывал, что им движет исключительно желание заставить «лидеров закрытых и контролируемых стран разрешить свободу передвижения граждан и более свободный поток информации и идей»[1].

Однако и нарастание негативных тенденций в советско-американских отношениях было уже налицо. Представители admини-

[1] *Gerald Ford.* Time to Heal: An Autobiography of Gerald Ford. N.Y., 1979. P. 300–301.

страции, включая и Киссинджера, стали высказывать «разочарование в разрядке», обвиняя СССР в нарушении ее «правил» и вступлении в стадию «глобальной империалистической экспансии». В 1974 г. Конгресс по инициативе «сенатора от Боинга» — Генри Джексона принял поправку, которая обусловливала предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле и кредитах по государственной линии изменением советской эмиграционной практики. В феврале 1976 г. Форд ввел эмбарго на поставку зерна в СССР под предлогом наказания его за помощь правительству Агостиньо Нето в Анголе.

Форд назначил весной 1976 г. специальную комиссию (команда «В») во главе с Ричардом Пайпсом и Полом Нитце для проверки правильности оценок спецслужбами баланса сил между СССР и США. В отчете этой команды сообщалось, «что все предыдущие оценки национальной разведки были неправильными, что Советы предприняли массированный рывок в военном строительстве для оказания давления на Запад и необходим был решительный ответ США»[1]. Киссинджер объявил, что он возрождает политику «сдерживания» СССР, но «в более активной форме»[2]. В марте 1976 г. Форд отказался от употребления термина «разрядка», заявив, что отныне США будут «проводить политику мира, опираясь на силу»[3].

В начальный период правления Джеймса Картера (первого южного демократа в кресле президента со времен Гражданской войны) в экономике США наступил некоторый подъем, и администрация с оптимизмом выдвинула ряд долгосрочных целей: рост ВНП на 4,5–5% в год, уменьшение инфляции, сбалансированный бюджет к 1981 г. Однако всплеск инфляции заставил правительство уже в 1978 г. отказаться от мер по стимулированию экономического роста и сокращению безработицы. Усматривая главную причину увеличения цен в раздутом федеральном бюджете, Картер в необычном для демократов ключе перешел к ограничению социальных программ. Если в 1970–1976 гг. социальные расходы в федеральном бюджете возрастали ежегодно на 10,2%, то в 1976–1980 гг. — лишь на 2,6%. Оборонные ассигнования с поправкой на инфляцию в первой половине 70-х снижались на 4,9% в год, а во второй — стали увеличиваться на 1,9%[4]. На заключительном этапе деятельности администрации Картера на смену кейнсианскому стимулированию спроса через увеличение федеральных программ пришло

---

[1] *A. Wolfe.* A Rise and Fall of the 'Soviet Threat': Domestic Sources of the Cold War Consensus. Wash., 1983. P. 27.

[2] International Herald Tribune. February 2, 1976.

[3] The New York Times. March 3, 1976.

[4] *А.А. Попов.* Конец одного мифа // США: экономика, политика, идеология. № 7. 1984. С. 23.

стимулирование предложения товаров и услуг, т.е. предоставление возможностей частному сектору для увеличения финансирования производственных капиталовложений. Совет экономических консультантов Картера объявил «ограничение спроса не только в ближайшем будущем, но и на длительную перспективу» важнейшим приоритетом[1].

На старте президентства Картера в советско-американских отношениях наметилось кратковременное потепление. Однако в конце 1977 — 1978 г. наступил новый раунд острых разногласий: вокруг конфликта на Африканском Роге, по поводу победы апрельской революции в Афганистане и июньской — в Южном Йемене, вспышек гражданской войны в Заире и, наконец, свержения проамериканского шахского режима в Иране. С легкой руки помощника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского была поднята проблема «дуги нестабильности», охватывающей Юго-Западную Азию и Ближний Восток. Весь регион был объявлен сферой жизненных интересов США.

Договариваться о контроле над вооружениями становилось все более сложно. Картеру пришлось выслушать немало критики по поводу «Мюнхена-2» и «умиротворения агрессора». Подписанный летом 1979 г. Договор ОСВ-2 впервые устанавливал равное для обеих сторон суммарное число стратегических наступательных вооружений.

В декабре на Брюссельской сессии НАТО под давлением США было принято решение о размещении на территории пяти западноевропейских стран баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет «Томагавк», способных наносить удары в глубь европейской части территории СССР. Ответом СССР стала постановка на боевое дежурство в 1981 г. мобильного ракетного комплекса «Пионер» (SS-20 — по западной классификации).

Ратификация ОСВ-2 затягивалась, а внимание администрации Картера переключилось на проблему американских заложников в Иране, на кризис в Персидском заливе, куда в спешном порядке перебрасывались две авианосные группы. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. стал последним ударом по ОСВ-2.

США сыграли не последнюю роль в том, чтобы заманить СССР в Афганистан. Уже в начале XXI в. Бжезинский впервые признает в интервью, что вмешательство США в дела Афганистана началось еще до того, как СССР ввел туда свои войска. «В адрес членов Политбюро шли постоянные записки об активности США в Афганистане; циркулировали даже вполне реальные подозрения, что афганский лидер Амин мог быть завербован ЦРУ еще в более ранний период. Да и само поведение американских представителей как бы провоцировало СССР на более

[1] Economic Report of the President 1980. Wash., 1980. P. 98.

активное вмешательство. Ведомство З. Бжезинского стремилось создать впечатление о "спокойной" реакции США на возможные действия, что оказалось блефом, ибо США сразу же после ввода советских войск заняли необычайно жесткую наступательную позицию против СССР»[1], — пишет Александр Чубарьян. 3 января 1980 г. Картер обратился к сенату с рекомендацией отложить решение вопроса о ратификации ОСВ-2 на неопределенный срок. В печать просачивались сведения о Президентской директиве № 59, которая предусматривала возможность ведения Соединенными Штатами ограниченной ядерной войны.

Среди новых вариантов лидерства видное место заняли идеи перехода человечества под эгидой США в постиндустриальное, технотронное общество. В трудах Элвина Тоффлера, Дэниела Белла, Збигнева Бжезинского и других Соединенные Штаты представали как страна, первой вступившая в этот новый этап развития, к которому должны прийти все страны мира. Усилия по восстановлению в общественном сознании идей морального превосходства Америки, ее права выступать в роли арбитра в решении мировых проблем, действующего во имя гуманизма, демократии и свободы, вновь встречали широкий отклик, проявлялось желание видеть Америку могущественной, самоутвердившейся и избавившейся от «комплекса моральной неполноценности». Общественность, избавившаяся от «вьетнамского синдрома» и вдохновленная лозунгами «нового патриотизма», охотнее откликалась на риторику консервативных сил, которые обвиняли администрацию в недостаточности усилий по укреплению военной мощи и национального духа США.

Рональд Рейган (1981–1989) резко приостановил тенденцию к увеличению роли государства и предпочел руководствоваться следующим принципом: «Правительство не решит наших проблем. Правительство — само по себе проблема». Изначальные установки «рейганомики» базировались на соединении трех элементов: «экономики предложения» с ее упором на ускорение темпов роста за счет предоставления налоговых и других льгот бизнесу; монетаризма, ориентирующего на борьбу с инфляцией с помощью рестриктивной кредитно-денежной политики; традиционной консервативной экономической теории, ставящей во главу угла сбалансированность федерального бюджета[2]. Директор административно-бюджетного управления Дэвид Стокмэн свидетельствовал, что эти меры были «троянским конем», который по-

---

[1] *Александр Чубарьян.* XX век: Взгляд историка. М., 2009. С. 397.

[2] См.: *В.М. Шамберг.* Об экономических концепциях республиканской администрации // США: экономика, политика, идеология. № 5. 1982; *П. Востриков.* Неоконсервативная экономическая теория и практика «рейганомики» // Мировая экономика и международные отношения. № 11. 1984.

мог администрации реализовать свои политические цели: применение рецептов «экономики предложения» приводило к росту бюджетных дефицитов, и это должно было заставить конгресс охотнее соглашаться на сокращение государственных расходов[1].

Конкретное содержание «рейганомики», изложенное в серии посланий президента, сводилось к следующим основным направлениям: существенное снижение ставок подоходного налога и предоставление крупных налоговых льгот корпорациям, значительное ограничение роста федеральных расходов (за исключением военных), ослабление государственной регламентации предпринимательской деятельности, перекладывание значительной доли социальных ассигнований на плечи администраций штатов в рамках программы «нового федерализма».

Артур Шлезингер-мл. утверждал: «Большинство послевоенных президентов — Трумэн, Эйзенхауер, Кеннеди, Никсон — все сходились, с готовностью или нехотя, на признании приоритета реальной политики над идеологией. Но приход к власти администрации Рейгана ознаменовал собой мощное возрождение мессианизма во внешней политике. Отказываясь, по крайней мере на словах, от характерного для отцов-основателей подхода с позиций национального интереса и рассматривая международные явления сквозь идеологическую, а не историческую призму, президент Рейган возродил мечту о Соединенных Штатах как о нации-спасительнице»[2].

«Исключительность» возрождалась в полном объеме. «Мы снова станем образцом свободы и маяком надежды для тех, кто сейчас не имеет свободы»[3], — подчеркнул Рейган в инаугурационной речи. Неоднократно он повторял фразу, якобы сказанную в конце Второй мировой войны папой Пием XII: «Бог вручил Америке исстрадавшееся человечество»[4]. А выступая перед членами Национальной ассоциации евангелистов в 1983 г., Рейган заявил: «В мире существуют грех и порок, и нам предписано Священным Писанием и Господом Иисусом бороться с ними всей нашей мощью»[5].

В ходе первой пресс-конференции в качестве президента (29 января 1981 г.) Рейган назвал разрядку «улицей с односторонним движением, по которой Советский Союз продвигался к своим целям». И добавил: Советы «считают единственно моральным лишь то, что способствует продвижению их к цели, подразумевая, тем самым, что они оставля-

---

[1] *David Stockman.* The Triumph of Politics: How the Reagan Revolution Failed. N.Y., 1987.

[2] *Артур М. Шлезингер.* Циклы американской истории. С. 83.

[3] Public Papers of the Presidents. Ronald Reagan. 1981. Wash., 1982. P. 3.

[4] Weekly Compilation of Presidential Documents. May 4, 1981. P. 484; June 1, 1981. P. 562.

[5] Public Papers of the Presidents. Ronald Reagan. 1983. Wash., 1984. Book 1. P. 362.

ют за собой право совершать любые преступления, лгать, обманывать ради достижения этой цели и что это морально, а не аморально; мы же действуем, исходя из совсем других принципов»[1]. Через год с небольшим последует его знаменитая и многократно повторенная фраза, в которой СССР объявляется «империей зла».

Его посол в СССР Джек Мэтлок впоследствии напишет: «Рейган был убежден, что за 1970-е годы оборонная мощь США была ослаблена и что это сделало США уязвимыми. По его мнению, дисбаланс мог побудить советских руководителей считать, что они могут использовать свою военную мощь для шантажа Соединенных Штатов и откола… [наших] союзников. А кроме того, Рейган считал, что слабость США дает ему мало шансов в переговорах о сокращении вооружений»[2]. В числе доктринальных новинок администрации Рейгана следует выделить стремление преодолевать «искусственные ограничения прежних стратегий» (слова министра обороны Каспара Уайнбергера), т.е. отказ от концепций 1½ или 2½ войн и принятие установки о «горизонтальной эскалации», предусматривавшей готовность США к расширению любого вооруженного конфликта — вплоть до глобальных масштабов. Военную доктрину Уайнбергер назвал стратегией «прямого противоборства» США с Советским Союзом на глобальном и региональном уровнях.

Администрация Рейгана делала упор на создание таких систем вооружений, которые «Советам будет трудно нейтрализовать, которые вызовут непропорциональные расходы с их стороны, откроют новые области военного соперничества и сделают напрасными все предыдущие советские усилия»[3]. Наращивались контрсиловые системы ядерного оружия: ракеты МХ, «Трайдент-2», ракеты среднего радиуса действия «Першинг-2». Широкой политической поддержкой пользовался провозглашенный президентом 23 марта 1983 г. план разработки системы противоракетной обороны с элементами космического базирования (СОИ) как средства ликвидации угрозы со стороны стратегических ядерных ракет.

Но если Госдеп и Министерство обороны США были больше озабочены стратегическим балансом, то ЦРУ во главе с Уильямом Кейси — одним из наиболее приближенных к Рейгану политиков — смотрело на мир под немного другим углом зрения. «Он был зациклен на Советском Союзе, — писал о Кейси знаток мира американских спецслужб Стив Колл. — Он верил, что эпохальный конфликт между Соединенными Штатами и Советами не будет разрешен гонкой ядерных воору-

---

[1] Цит. по: *Джек Ф. Мэтлок.* Рейган и Горбачев. М., 2005. С. 24.

[2] *Джек Ф. Мэтлок.* Рейган и Горбачев. С. 31.

[3] Eagle Defiant: United States Foreign Policy in the 1980s / Ed. by K. Oye et al. Boston, 1983. P. 131.

жений или войной в Европе. Прочтение Кейси советской доктрины и истории убеждало его в том, что стареющее андроповское политбюро, в котором доминировало КГБ, старается избежать апокалипсического ядерного обмена с Западом и будет придерживаться доктрины Брежнева, ведя медленную кампанию — в течение нескольких поколений, если потребуется, — чтобы окружить и подорвать американскую капиталистическую демократию, поддерживая марксистские войны "национального освобождения" в третьем мире… Он приготовился вступить в конфронтацию с коммунистами на выбранной ими территории»[1]. Фрэнсис Фукуяма пишет: «Соединенные Штаты и международное сообщество, начиная с первой половины 1980-х гг., совместно выработали внушительный ряд политических механизмов поддержки демократической смены режимов»[2].

Белый дом претендовал на то, чтобы под предлогом защиты демократии вмешиваться в дела других стран, в первую очередь афро-азиатских и латиноамериканских. Была также активно поддержана «Солидарность», наносившая удар по польскому режиму. После заседания СНБ 21 декабря 1981 г. Рейган записал в дневнике: «…это может быть последний шанс в нашей жизни увидеть изменения в колониальной политике советской империи в Восточной Европе. Мы должны занять твердую позицию и обращаться к Советам до тех пор, пока военное положение в Польше не будет отменено, добиваясь также освобождения и возобновления переговоров между Валенсой ("Солидарность") и польским правительством... Кроме того, я убеждал наших союзников по НАТО присоединиться к санкциям против СССР, подчеркивая, что в противном случае они рискуют порвать с нами»[3]. Администрация Рейгана также приняла решение ужесточить ограничения на развитие отношений с СССР в надежде ослабить его экономически.

В Афганистане организация сопротивления советским войскам была поначалу рутинной операцией холодной войны, которую осуществляли США (прежде всего), Пакистан, Саудовская Аравия, Франция, Египет, ряд других государств. Были организованы силы моджахедов, по инициативе ЦРУ, в частности, создана «Аль-Каида».

Другим важнейшим ареалом конфронтации становилась Центральная Америка. В октябре 1983 г. последовало нападение США на Гренаду. Белый дом начал операцию «Иран-контрас», связанную с тайными поставками оружия Ирану, доходы от которых поступали на вооружение никарагуанских «контрас», воевавших с сандинистским пра-

---

[1] *Steve Coll.* Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden from the Soviet Invasion to September 10, 2001. N.Y., 2004. P. 92.

[2] *Francis Fukuyama.* After the Neocons: America at the Crossroads. P. 131.

[3] *Ronald Reagan.* The Reagan Diaries / Ed. by Douglas Brinkley. N.Y., 2007. P. 57.

вительством (что станет известным и вызовет большой политический скандал в США)[1]. По той же логике шли поставки оружия оппозиционным бандформированиям в Мозамбике, Анголе. «Неоглобализм» послужил основанием и для бомбардировки Ливии.

Согласно превалирующей в США точке зрения, Запад выиграл холодную войну целенаправленными усилиями, решающим из которых стала программа «звездных войн» Рональда Рейгана. «Изучение коллапса Советского Союза вне контекста американской политики похоже на то, как если бы при расследовании неожиданной и загадочной смерти не возникало даже и мысли об убийстве»[2], — писал Питер Швейцер в книге «Победа. Секретная стратегия администрации Рейгана». Своей жесткой милитаристской политикой Рейган загнал Советский Союз в экономический и политический тупик, и тот счел за благо капитулировать. Однако одно из последних авторитетных исследований на этот счет говорит скорее об обратном: «Именно политика второго срока президентства Рейгана, его решение иметь дело с Горбачевым проложило курс к окончанию холодной войны… Своей политикой Рейган избавил Советский Союз от жестко конфронтационных отношений с Соединенными Штатами, которые на протяжении десятилетий служили для Москвы аргументом в пользу содержания огромного военного аппарата»[3].

Встреча Горбачева с Рейганом в ноябре 1985 г. в Женеве положила начало двустороннему диалогу Москвы с Вашингтоном и многостороннему — со всем Западом. Определяющей в этих отношениях оставалась сфера безопасности с упором на проблемы немилитаризации космоса и сокращения ядерных вооружений в их взаимосвязи. В Рейкьявике — 11–12 октября 1986 г. — Горбачев внес широковещательные предложения по сокращению, а в дальнейшем и полной ликвидации стратегических наступательных вооружений и уничтожению ракет средней дальности в Европе в обмен на мораторий на СОИ. «На столь раннем этапе своего правления Горбачев просто переоценил имеющиеся у него на руках карты. Он попытался объединить уничтожение стратегических ракет с запретом на испытание СОИ в течение десяти лет, однако неверно оценил как своего собеседника, так и собственную позицию на переговорах»[4]. Однако 7–10 декабря 1987 г. в ходе визита в Вашингтон Горбачеву удалось договориться об уничтожении ракет средней и

---

[1] Подробно см.: *Вячеслав Никонов.* Афера «Иран-контрас». М., 1987.

[2] *Peter Schweizer.* Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y., 1994. P. XII.

[3] *James Mann.* The Rebellion of Ronald Reagan: A History of the End of the Cold War. N.Y. et al., 2009. P. 345–346.

[4] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 394–395.

меньшей дальности. Это был первый случай ракетно-ядерного разоружения. Горбачев был в восторге от «нового мышления», а Рейган продолжил традиционную геополитику.

В январе 1988 г. американский президент выступил со своим последним посланием, где вновь отдал дань мессианским идеям: «Мы оставили позади период отступления, и Америка опять стала энергичным лидером свободного мира. Ничто не внушило бы мне большей гордости, чем то, что я оставил после себя единодушную поддержку обеими партиями дела мировой свободы, единодушие, которое навсегда предотвратит новый паралич воли Америки»[1].

Идеи Рейгана нашли продолжение в политике Джорджа Буша-старшего. На съезде Республиканской партии в 1988 г. он подчеркивал: «Я рассматриваю Америку как лидера, как уникальную нацию, играющую особую роль в мире. Этот век называется американским, потому что в течение него, к счастью для всего мира, мы были доминирующей силой. Мы спасли Европу, вылечили полиомиелит, отправились на Луну и осветили мир факелом нашей культуры. Сейчас мы находимся на пороге нового века... Я говорю, что это будет еще один американский век»[2].

Буш-старший был одним из немногих «внешнеполитических президентов» в истории Америки. Буш был опытным и знающим политиком, вице-президентом, руководил ЦРУ. «Он был мастером кризисного урегулирования, но не был стратегическим провидцем. Он уверенно действовал в связи с распадом Советского Союза и в ответ на агрессию Саддама Хусейна сумел с большим дипломатическим искусством и военной решимостью организовать ответную международную акцию. Но ни один свой триумф он не превратил в длительный исторический успех. Уникальное политическое влияние Америки и ее моральная легитимность не нашли стратегического применения ни в трансформации России, ни в умиротворении на Ближнем Востоке», — считал Бжезинский.

Через несколько дней после прихода Буша в Белый дом советские войска были выведены из Афганистана. Но думал ли сам Буш, что СССР и соцсистема вскоре рухнут? Его ответ: «Нет, не думал, и мы этого не планировали». Глава СНБ Брент Скоукрофт говорил об отсутствии доверия к Горбачеву: «Я опасался, как бы Горбачев не уговорил нас на разоружение без фундаментальных перемен в оборонной структуре Советского Союза. Тогда через десятилетие мы столкнулись бы с еще большей угрозой, чем раньше»[3]. Вместе с тем администрация Буша откровенно поддержала вспыхнувшие в Восточной Европе движения

[1] The New York Times. January 27, 1988.
[2] The Washington Post. August 19, 1988.
[3] *George Bush, Brent Scowcroft.* A World Transformed. N.Y., 1998. P. XIII, 13–14.

протеста. «Организации, оказывающие поддержку демократическим движениям такие как Национальный фонд демократии, а также НКО, подобные Американскому центру трудовой солидарности (подразделение Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов — АФТ/КПП), сыграли определяющую роль в деле содействия польскому профсоюзному объединению "Солидарность". Вещание радиостанций "Свобода — Свободная Европа" и "Голос Америки" стало для граждан коммунистических государств важным альтернативным источником информации о положении дел в их странах, равно как и во внешнем мире»[1]. Летом 1989-го польская «Солидарность» добилась проведения первых в соцлагере свободных выборов, а в сентябре сформировала первое в советском блоке некоммунистическое правительство. 9 ноября 1989 г. пала Берлинская стена.

Гораздо большую осмотрительность США проявили в отношении Китая, где протест на площади Тяньаньмэнь был подавлен танками 4 июня 1989 г. Буш не захотел подвергать риску стратегическое партнерство с Пекином, хотя симпатии американцев и Конгресса были на стороне студентов. Он избрал относительно мягкое осуждение, за которым последовала секретная миссия в Пекин Скоукрофта, заверившего, что американская реакция будет формальной, а польская модель неприменима к Китаю.

Кризис советской системы развязал руки Соединенным Штатам в Центральной Америке, где началась зачистка антиамериканских правительств. После высадки американских парашютистов в столице Панамы в декабре 1989 г. президент Норьега оказался в американской тюрьме. В 1990 г. организованное левыми повстанческое движение в Сальвадоре и гражданский конфликт в Никарагуа сошли на нет, а прекращение советской экономической помощи Кубе ввергло режим Кастро в серьезный кризис.

После оккупации Кувейта Ираком в августе 1990 г. Буш создал антииракскую коалицию. В середине января 1991 г. Соединенные Штаты начали воздушную войну, за которой в феврале последовало наступление на суше, приведшее к разгрому армии Саддама Хусейна и освобождению Кувейта в ходе операции «Буря в пустыне». Этот успех имел далекоидущие последствия. Как отметил Ричард Беттс, «поразительно быстрая, дешевая и полная победа в войне в Персидском заливе в 1991 г. резко увеличила ожидания американских политиков относительно того, чего можно добиться силой при низких затратах». Интервенционизм обрел множество сторонников в обеих партиях[2].

---

[1] *Francis Fukuyama.* After the Neocons: America at the Crossroads. P. 136.

[2] *Ричард Беттс.* Разобраться, за что воевать // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2014. С. 34.

Исторической стала встреча Буша и Горбачева в декабре 1989 г., проводившаяся на двух военных кораблях вблизи Мальты через несколько недель после падения Берлинской стены. Горбачев и Буш официально заявили о завершении холодной войны. Было оформлено советское согласие на признание переворотов в Восточной Европе и приведен в действие процесс консультаций, который в течение года привел к воссоединению Германии практически на условиях Запада. «Действия Буша заслуживают высочайшей похвалы, — считает Бжезинский. — Он уговаривал, заверял, льстил, прибегал в мягкой форме к угрозам в беседах со своим советским партнером. Он должен был соблазнить Горбачева, рисуя ему картины глобального партнерства и одновременно поощряя его согласиться с распадом советской империи в Европе. В то же время Бушу было необходимо убедить своих британских и французских союзников в том, что Германия не создаст угрозы их интересам, и ради этого принуждать канцлера Западной Германии признать линию Одер Нейссе (до того времени защищаемую только Советским Союзом) в качестве западной границы вновь освобожденной Польши»[1]. На встрече в Белом доме 31 мая 1990 г. Горбачев полностью согласился с воссоединением Германии, получив взамен обещания финансовой помощи и сотрудничества. Обстоятельства сделки до сих пор вызывают споры, но, судя по всему, Горбачев согласился на вступление объединенной Германии в НАТО в обмен на обещание Бейкера не расширять Альянс на восток[2].

Хотел ли Буш развала СССР? Скорее нет, хотя он не склонен был заявлять об этом публично. Приватно он обещал Горбачеву на Мальте: «Я сделаю ничего, что подорвало бы Ваши позиции»[3]. Джеймс Бейкер настаивал даже на том, чтобы усилить центральную власть в Москве, делая ставку на Горбачева. Последовательно выступал за разрушение Советского Союза лишь министр обороны Ричард Чейни. Президент же опасался нестабильности, которая может возникнуть в результате распада крупного многонационального государства. Это касалось и Югославии, где в июне 1991 г. Хорватия и Словения объявили о независимости, что вызвало сербское вторжение, поначалу поддержанное американской администрацией.

В августе 1991 г. Буш посетил Москву, а затем, выступая в Киеве, заявил, что не будет помогать тем, кто «распространяет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти», признал

---

[1] *Зб. Бжезинский.* Еще один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010.

[2] *George Bush, Brent Scowcroft.* A World Transformed. P. 239; *James M. Goldgeier.* Not Whether, But When: The US Decision to Enlarge NATO. Wash., 1999.

[3] Цит. по: *John Lewis Gaddis.* The Cold War. P. 248.

достоинства «большей автономии» (но не независимости) и заверил, что Америка намерена «развивать бизнес с Советским Союзом, включая Украину». Эта речь была интерпретирована как попытка сохранить Советский Союз. Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Уильям Сэфайр назвал ее «котлетой по-киевски»[1].

Впрочем, период «горбомании» оказался непродолжительным. В какой-то момент в Вашингтоне решили отбросить Горбачева в качестве партнера, как «отработанный материал». «ЦРУ было ярым сторонником Ельцина, поддерживало его не столько словесно, сколько посредством серии оценок, подчеркивающих его популярность в России и за ее пределами, его инициативы в области реформ и его подход к национальному вопросу»[2], — свидетельствовал тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс. А Горбачеву останется только обижаться на неблагодарную консервативную часть американского руководства: «Похоже, оно сочло, что интересам США больше соответствует ослабленная Россия при Ельцине, чем перспектива обновления Союза, за которую боролся Горбачев»[3]. Полагаю, США не устраивали не столько планы Горбачева, сколько сам СССР.

Важнейшие документы, подготовленные в последние месяцы пребывания Буша у власти, — «Основные направления политики в области обороны на период 1994–1999 гг.» (Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994–1999), проект которых был обнародован в феврале 1992 г., и «Оборонная стратегия на 1990-е годы», выпущенная Ричардом Чейни за несколько дней до инаугурации Билла Клинтона. Эти документы во многом определяли стратегию национальной безопасности в годы пребывания у власти и Клинтона, и Джорджа Буша-младшего, когда Чейни стал вице-президентом США.

«Интересы национальной безопасности Соединенных Штатов неизменны: выживание Соединенных Штатов как свободной и независимой нации, обеспечение неприкосновенности фундаментальных ценностей и безопасности институтов и народа; здоровая и растущая экономика США, обеспечивающая возможности для индивидуального процветания и ресурсы для национальных предприятий внутри страны и за рубежом; здоровые и политически активные отношения сотрудничества с союзниками и дружественными государствами; стабильный и безопасный мир, где процветают политическая и экономическая свобода, права человека и демократические институты»[4], — говорилось в «Оборонной стратегии на 1990-е годы».

---

[1] *Michael R. Beschloss, Strobe Talbot.* At the Highest Levels: The Inside Story of the End of the Cold War. Boston, 1993. P. 417–418.

[2] *Robert M. Gates.* From the Shadow. N.Y., 1996. P. 503.

[3] *Михаил Горбачев.* Наедине с собой. М., 2012. С. 595.

[4] Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. Secretary of Defense Dick Chaney. January 1993. P. 3.

Главной целью политики национальной безопасности после холодной войны, завершение которой однозначно трактовалось как победа США и триумф политики «сдерживания», в «Основных направлениях» объявлялось «предотвращение появления нового противника — на территории бывшего Советского Союза или где-либо еще, — который представлял бы угрозу такого уровня, которую представлял Советский Союз». Существовало небезосновательное представление об огромном долговременном превосходстве США по всем компонентам силы и их способности обеспечивать глобальное доминирование. На основании этого Соединенные Штаты должны были:

- «продемонстрировать лидерство, необходимое для создания и защиты нового порядка, который содержит обещание убедить потенциальных конкурентов, что им не следует стремиться к большей роли или занимать более агрессивную позицию, чтобы защитить свои легитимные интересы»;
- «в достаточной степени заботиться об интересах развитых промышленных наций, чтобы подавить их стремление бросить вызов лидерству США или попытаться подорвать сложившийся политический и экономический порядок»;
- «поддерживать механизмы, сдерживающие потенциальных конкурентов даже от желания обрести бóльшую региональную и глобальную роль».

Центральный вывод для военного планирования заключался в том, что исчезла угроза «неожиданного, ведомого Советами общеевропейского конфликта, способного привести к глобальной войне с возможностью столь же быстрой эскалации к войне ядерной». Угроза конвенциальной войны, исходящая из Евразии, оценивалась как крайне маловероятная: Россия, потерявшая союзников на территории СССР и среди стран Варшавского договора, лишенная военного потенциала и отказавшаяся от конфронтации, не рассматривалась как серьезный противник. Акцент был сделан на укрепление в России демократических институтов, чтобы предотвратить появление «авторитарного режима, основанного на восстановлении агрессивной военной мощи».

Главным звеном европейской безопасности по-прежнему назывался Североатлантический альянс, закладывались концептуальные предпосылки для его расширения: «Самым многообещающим путем к привязыванию восточных и центральных европейцев к Западу и к укреплению их демократических институтов является их участие в западных политических и экономических организациях, членство стран Восточной и Центральной Европы в Европейском сообществе и расширенные связи с НАТО… Если возникнет угроза со стороны государства — пре-

емника Советского Союза, мы должны планировать защиту Восточной Европы от такой угрозы, если на то будет решение альянса»[1].

«Оборонная стратегия» перемещала фокус политики с глобальных угроз на региональные вызовы и возможности. В наиболее сжатом виде такая «региональная стратегия» определялась как «обеспечение способности США осуществлять лидерство в выстраивании неопределенного будущего, чтобы сохранить и упрочить завоеванную с таким трудом стратегическую глубину. Это потребует укрепления наших альянсов и расширения зоны мира, чтобы она включала новые независимые государства Восточной Европы и бывшего Советского Союза… Вместе с нашими союзниками мы должны исключить доминирование враждебных недемократических держав в критических для наших интересов регионах и, напротив, создавать международную среду, отвечающую нашим ценностям». Подчеркивалась возможность «обеспечить большую безопасность меньшей ценой», производилось сокращение военнослужащих и гражданского персонала Минобороны на миллион человек — до уровня, предшествовавшего началу корейской войны[2].

Последним важным внешнеполитическим событием президентства Буша стало подписание осенью 1992 г. Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой Соглашения о североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Впрочем, оно вступит в силу благодаря энергичным законодательным усилиям Клинтона только в 1994 г.

Збигнев Бжезинский писал: «Самочинная коронация президента США в качестве первого глобального лидера была историческим моментом, хотя и не отмеченным особой датой в календаре. Произошло это вслед за развалом Советского Союза и прекращением холодной войны. Американский президент просто начал действовать в своем новом качестве без всякого международного благословения. Средства массовой информации Америки провозгласили его таковым, иностранцы выразили ему свое уважение, и визит в Белый дом (не говоря уже о Кэмп-Дэвиде) стал апогеем в политической жизни любого иностранного лидера»[3].

---

[1] Defense Planning Guidance for the Fiscal Years 1994–1999. P. 2–4, 16, 18, 20.
[2] Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. P. 1, 4, 2.
[3] *Зб. Бжезинский.* Еще один шанс. С. 7.

Глава 5

ЕДИНСТВЕННАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

Сегодня мы собрались, чтобы еще раз заявить о величии нашей нации.

Барак Обама

Надежды глобализации и Великая рецессия

Союзниками США были практически все развитые страны. Америка доминировала в ведущих международных финансово-экономических институтах (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация), определявших «правила игры» в мировой экономике. Бюджет Пентагона составлял около половины мировых военных расходов. Все это давало США основания претендовать на роль единственной сверхдержавы в однополярной системе международных отношений.

Молодость, ум и красноречие Билла Клинтона, занявшего Белый дом в 1993 г., сделали его символом доброй, но всемогущей Америки. Внутри страны он предпочел изменить традиционный имидж демократов как партии большой бюрократии, высоких налогов, иждивенчества бедноты и морального релятивизма. Предвыборная платформа демократов, названная «Новым договором с американским народом», призывала воссоздать взаимность обязательств государства и граждан, нарушенную предыдущими администрациями. «Новые демократы» увидели перспективу в апелляции к материальным интересам и нравственным принципам среднего класса. Победив на выборах, Клинтон сделал упор на долгосрочные вложения в человеческий капитал, стимулирование роста, сокращение бюджетного дефицита за счет увеличения налогов на корпорации и более обеспеченные слои, сокращение государственного аппарата и второстепенных федеральных программ. От ряда затратных проектов Клинтону пришлось отказаться, и реальная политика, по его собственному признанию в узком кругу, стала походить на «эйзенхауэровский республиканизм в борьбе с рейгановским республиканизмом»[1].

Стратегия, получившая название «третьего угла» (Triangulation), предполагала принятие ряда республиканских инициатив (ликвида-

[1] *M. Walker.* The President We Deserve: Inside the Clinton White House. N.Y., 1996. P. 191.

ция бюджетного дефицита, замена вспомоществования трудом) при сохранении таких «священных коров» политики демократов, как программы медицинского страхования, охраны окружающей среды и поддержки школ. В начале 1995 г. Клинтон объявил, с одной стороны, о завершении «эры большого государства», а с другой — о «билле о правах для среднего класса», поддерживаемого отныне не государственными деньгами, а налоговыми скидками с расходов на образование и профессиональную переподготовку. При этом Клинтон подчеркнуто дистанцировался от либерального крыла своей партии, выступавшего против смертной казни, молитв в школах, а также за разрешение однополых браков и свободу иммиграции в США[1].

Восьмилетие Клинтона было наиболее успешным для американской экономики в XX в. По темпам роста США опережали — впервые за десятилетия — остальные развитые страны: 4,1% во второй половине 90-х, безработица снизилась с 6 до 4%. Это было обусловлено весьма ответственной макроэкономической политикой: в 1998 г. в федеральном бюджете образовался профицит, а государственный долг сократился с 64,4% от ВВП до 57,9%. Сработала ставка на инвестиции в человеческий капитал — экономику знаний, в индустриальную политику, опережающее развитие информационных технологий и превращение «электронной экономики» в локомотив роста[2]. Сыграла свою роль и открывшаяся возможность пользоваться благами глобализации уже во всемирном масштабе, активно осваивая рынки восточноевропейских и постсоветских государств.

Миру Клинтон предложил привлекательную перспективу: «Под воздействием картины истории, нарисованной Клинтоном в розовых тонах, и неопровержимой логики глобализации гонка вооружений должна была бы уступить дорогу контролю над вооружениями и ядерному нераспространению, война — сохранению мира и национальному строительству, соперничество между странами — организованному глобальному сотрудничеству, основанному на наднациональных правилах поведения»[3]. Клинтон сделал акцент на глобализацию, соединив внутренние и внешние дела в единую, взаимосвязанную задачу. Он даже называл глобализацию «экономическим эквивалентом сил природы». В своей первой инаугурационной речи Клинтон заявил, что «больше не существует разделения между зарубежным и внутренним. Мировая экономика, мировая окружающая среда, глобальное распространение СПИДа, мировая гонка вооружений — все воздействует на

---

[1] *Владимир Печатнов.* От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 414–431.

[2] *Владимир Согрин.* Исторический опыт США. М., 2010. С. 424–428.

[3] *Зб. Бжезинский.* Еще один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010.

нас… Америка должна продолжать лидировать в мире, для создания которого мы так много сделали»[1].

При этом заметно ухудшились отношения с Россией. Многие проблемы проистекали из американских оценок причин и последствий завершения холодной войны. Дмитрий Саймс писал: «В основе неверных действий США по отношению к России лежит бытующее в Вашингтоне мнение о том, что администрация Рейгана выиграла холодную войну в общем, в одиночку… Именно самовозвеличивающий исторический нарратив Вашингтона лежит в основе его провалов в отношениях с Москвой после окончания холодной войны… В Вашингтоне, похоже, забывали, что на российской земле не стояли американские солдаты, а ее города не сравняли с землей атомные бомбы. Россия не потерпела поражение, а провела преобразования. И это, в основном, и предопределило ее реакцию на действия Соединенных Штатов»[2].

В марте 1999 г. начались бомбардировки Югославии и изгнание сербов из Косово. Затем последовала операция по смене режима в Белграде методом «цветной революции», свое участие в которой Соединенные Штаты не слишком уж и скрывали. «С моим коллегой Йошкой Фишером и другими я призывала оппозиционных лидеров Сербии создать настоящую политическую организацию и сфокусироваться на изгнании Милошевича, — вспоминала Мадлен Олбрайт. — <...> Я встречалась с демократически настроенными мэрами и нашла способы, посредством которых они могли оказать помощь своим людям так, чтобы на нее не наложило лапу центральное правительство… Когда демонстранты, выступавшие против Милошевича, заполнили Белград, среди них было много представителей муниципалитетов, которым мы помогли»[3].

Администрации Клинтона и Джорджа Буша-мл. в полной мере отработали технологии «цветных революций». «К началу XXI в. возникла широкая международная инфраструктура, призванная помогать народам в проведении первичного перехода от авторитарного правления к демократическому и к дальнейшему укреплению демократических институтов после того, как сделан первый шаг в осуществлении преобразований, — пишет Фрэнсис Фукуяма. — Влияние этих международных инструментов мягкой силы отчетливо проявилось в ходе трех крупнейших демократических преобразований, имевших место в наступившем тысячелетии: при крушении режима Слободана Милошевича в Сербии в 2000 г., в ходе “революции роз” в Грузии в 2003 г. и “оранжевой революции” на Украине в 2004–2005 гг. Каждый раз события развива-

---

[1] *Bill Clinton.* My Life. N.Y., 2004. P. 477.

[2] *Дмитрий Саймс.* Мы можем потерять Россию. URL: http://www.inosmi.ru/translation/237578.html

[3] *Madeleine Albright.* Madam Secretary: A Memoir. N.Y., 2003. P. 500–501.

лись по одинаковому сценарию: коррумпированный и (или) частично авторитарный лидер проводил выборы, в ходе которых прибегал к разного рода уловкам и фальсификациям; начинались демонстрации протеста против объявленных результатов выборов; население страны восставало против прежнего лидера. В итоге страна осуществляла ненасильственную, демократическую смену режима.

В каждом из этих случаев внешняя поддержка была решающей. При отсутствии сложной сети международных наблюдателей, которых можно оперативно мобилизовать, было бы невозможно продемонстрировать фальсификацию результатов выборов. Без независимых средств массовой информации (таких как "Майдан", "Остров" и "Украинская правда") было бы невозможно осуществить мобилизацию масс, и эти информационные органы также получали существенную поддержку извне. Без длительного строительства институтов гражданского общества, которые могли бы сплотиться в протесте против результатов выборов, не было бы уличных демонстраций и других открытых акций. В Сербии студенческие группы, например "Отпор", получали поддержку от западных организаций, включая НФД, Международный республиканский институт и ААМР, призванных способствовать распространению демократии. Украинские институты гражданского общества, участвовавшие к организации "оранжевой революции", в частности Украинская ассоциация молодежи, "Молодой Рух" и Школа политического анализа Киево-Могилянской академии, на протяжении многих лет пользовались грантами НФД. Благотворительный институт "Открытое общество" Джорджа Сороса также во многом способствовал установлению демократии во всех названных странах».

Для успеха «цветных революций», утверждает Фукуяма, нужны три условия. Во-первых, смены режима не происходит, если в стране нет сильных, сплоченных местных групп, готовых противостоять старому режиму. «Внешние спонсоры и организаторы играют определяющую роль в укреплении таких организаций, но необходимо, чтобы последние имели корни в своей стране». Во-вторых, внешняя поддержка эффективна только в том случае, когда «речь идет о частично авторитарном режиме, который ощущает необходимость проведения выборов и допускает некоторую степень гражданских свобод, то есть условия для зарождения общественных групп. Преобразования в Сербии, Грузии и на Украине осуществились после проведения конкурентных выборов и не могли бы произойти, если бы таких выборов не было». Третий фактор — готовность местных продемократических сил «принять внешнюю поддержку, в первую очередь из Соединенных Штатов… Ситуация может оказаться иной в таких странах, как Россия или Китай, где сохраняется историческая память о былом господстве и гегемонии, а также в некоторых арабских странах, где население не определилось

с тем, какой оно хочет видеть свою страну и ее отношения с Западом, ведомым Соединенными Штатами»[1].

Соединенные Штаты Америки вступили в XXI в. в расцвете могущества, являясь локомотивом мирового экономического и научно-технического развития, лидером в информационной революции и инновациях, создании экономики знаний. На долю США все еще приходилась треть мирового ВВП и свыше 50% капитализации мирового рынка. Несмотря на кризисы 1991–1992 и 2001–2002 гг., США переживали период длительного подъема. Они оказались в состоянии использовать своего рода «мирный дивиденд» от прекращения холодной войны, увеличить динамику инвестиций и инноваций, создав определенный отрыв от ЕС и Японии.

После выборов 2000 г., которые принесли победу Джорджу Бушу-мл., Республиканская партия контролировала и Белый дом, и Конгресс, что не создавало серьезных внутриполитических ограничений для реализации любой линии администрации. Буш заявил о себе как о наследнике политического курса Рейгана, в котором идеи развязывания инициативы свободного рынка сочетались с концепцией американского глобального доминирования, обеспеченного внешнеполитическим активизмом и военной мощью.

Полагаю, именно такой курс привел в итоге к экономическому кризису 2007–2009 гг., последствия которого ощутил на себе весь мир. Во всяком случае, среди экспертов и политиков мира «ответственность» США, их финансовой системы и регулирующих органов за возникновение кризиса, получившего название Великой рецессии, считается признанной. Было совершено несколько ошибок, растянувшихся на десятилетие.

Администрация Буша провела в 2001 и 2003 гг. самое крупное в американской истории снижение подоходных налогов, желая тем самым стимулировать бизнес, что привело к падению доходов федерального правительства примерно на четверть. В то же время государственные расходы существенно росли, причем не только военные, но и некоторые социальные (медицинская помощь пенсионерам). В результате существовавший при Клинтоне профицит бюджета быстро превратился в дефицит. Шло накопление дисбалансов бюджета и внешних расчетов, экономический рост и личное потребление финансировались во многом за счет иностранных сбережений.

Задолженность росла не только у правительства, но и у банков, а кроме того — у населения. Долги пяти крупнейших инвестиционных банков — Lehman Brothers, Bear Stearns, Merrill Lynch, Goldman Sachs и Morgan Stanley — за 2004–2007 гг. достигли 4,1 трлн долл. Кризис пере-

[1] *Francis Fukuyama.* After the Neocons: America at the Crossroads. L., 2006. P. 137–138.

живут только два последних. Частный долг, включая потребительский кредит, достиг в 2008 г. 290% ВВП (почти 21 трлн долл.), по сравнению с 123% ВВП в 1981 г.

Превалирование неоконсервативной повестки дня стало следствием трагедии 11 сентября 2001 г., когда США — впервые со времен англо-американской войны 1812–1814 гг. — оказались атакованы на собственной территории. Американское общество сплотилось вокруг президента, и Буш получил карт-бланш на проведение любой политики.

Администрация Буша крайне жестко отреагировала на теракты 11 сентября. Было создано новое ведомство — Департамент внутренней безопасности. Конгресс принял Патриотический акт, дающий силам правопорядка внутри страны большие полномочия в действиях против вероятных террористов, что вызвало протесты со стороны приверженцев гражданских свобод.

Было достигнуто согласие о необходимости — и праве на это Америки — уничтожить режим талибов в Афганистане, где приютили бен Ладена, а затем и режим Саддама Хусейна в Ираке (якобы для уничтожения оружия массового поражения).

В стратегическом плане «война с террором» отражала, на самом деле, стремление сохранить контроль над ресурсами Персидского залива и желание неоконсерваторов укрепить безопасность Израиля путем устранения угрозы со стороны Ирака. После свержения правительства талибов и Хусейна настроение в Белом доме было триумфальное. «Позже в различных своих заявлениях Буш подтвердил, что для него 11 сентября стало призывом к принятию на себя особой миссии, личным прозрением, близким к божественному призванию. Убежденность в этом придала ему уверенность, граничащую с самонадеянностью и вселявшую наивный манихейский догматизм», — свидетельствовал Бжезинский.

Выступления в Вест-Пойнте и Американском институте предпринимательства в июне 2002 и феврале 2003 г., «Национальная стратегия безопасности Соединенных Штатов», опубликованная в сентябре 2002 г., в совокупности получили неофициальное название «доктрины Буша», зазвучавшей в унисон с постулатами неоконсерватизма. Сам президент сформулировал ее следующим образом: «Во-первых, не проводить никакого различия между террористами и странами, которые их укрывают, и призвать тех и других к ответственности. Во-вторых, перенести военные действия к врагу за океан, пока он снова не атаковал нас дома. В-третьих, атаковать проблему до того, как она полностью материализуется. И, в-четвертых, продвигать свободу и надежду как альтернативу вражеской идеологии репрессий и страха»[1].

[1] *George W. Bush.* Decision Points. N.Y., 2010. P. 396–397.

Отныне неоконсерватизм, уверял Фукуяма, «неизбежно связывается с такими концепциями, как преимущественное право Америки, смена режимов, унилатерализм (однополярность) и благодетельная гегемония; их-то и проводила в жизнь администрация Буша»[1].

Президент явно не предусмотрел серьезной негативной реакции в мире на интервенционистскую политику, равно как и последствий иракской кампании. Хотя американские войска довольно быстро вошли в Багдад в 2003 г., они не смогли установить контроль над страной. Моральные и материальные издержки росли. В течение следующих трех или четырех лет одержимость проблемой Ирака в высшем эшелоне власти затмила все другие внешнеполитические вопросы, с которыми столкнулась Америка.

Война, считал Бжезинский, «дискредитировала глобальное лидерство Америки. Америка оказалась неспособной ни сплотить мир в связи с поставленной задачей, ни одержать решительную победу силой оружия. Ее действия разделили ее союзников, сплотили врагов и создали дополнительные возможности для ее соперников и недоброжелателей. Исламский мир был возбужден и приведен в состояние ярой ненависти. Уважение к американскому государственному руководству резко упало, и способности Америки быть лидером был нанесен тяжелый урон»[2].

Россия активно поддержала войну с террором, но уже в 2002 г. США вышли из договора об ограничении систем противоракетной обороны, который сдерживал создание системы ПРО. Все внимание внешнеполитических и силовых структур было переключено на Большой Ближний Восток. «По крайней мере 90% моих путешествий за семь лет директорства ЦРУ были совершены на Ближний Восток или в граничащие с ним страны Центральной и Южной Азии»[3], — писал глава разведки Джордж Теннет. Россия — вместе с Германией и Францией — открыто выступила против войны в Ираке, где оружие массового уничтожения так и не было найдено. В 2004 г. в НАТО были приняты еще семь стран, а на саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. Буш решительно настаивал на немедленном приглашении в альянс Украины и Грузии, и только скептицизм Меркель и Саркози не позволил реализовать этот план[4]. Война в Южной Осетии в августе 2008 г. довела российско-американские отношения почти до точки замерзания.

Главную проблему в отношениях с Россией тогдашний госсекретарь США Кондолиза Райс видела в «неспособности России примириться с

---

[1] *Фрэнсис Фукуяма.* Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008. С. 14–15, 20–21.

[2] *Збигнев Бжезинский.* Еще один шанс. С.

[3] *Джордж Тенет.* В центре шторма: Откровения экс-главы ЦРУ. М., 2008. С. 71.

[4] *George W. Bush.* Decision Points. P. 430–431.

порядком, установившимся после холодной войны. Отношения не развалились из-за Ирана, Северной Кореи и контроля над вооружениями. Мы добились благоприятного сотрудничества по Ближнему Востоку и блестящего взаимодействия в борьбе против терроризма и ядерного распространения. Проблема имела отношение к российской периферии и прежней сфере влияния. Москва верила, что по-прежнему имеет специальные привилегии на территории бывшего Советского Союза и Варшавского пакта. Мы же были убеждены, что новые независимые государства имеют право самостоятельно выбирать себе друзей и их альянсы. Это превратилось в непримиримое противоречие»[1]. Сам Буш возмущался в мемуарах: «За восемь лет вновь приобретенное российское богатство изменило Путина. Он стал агрессивнее по отношению к зарубежным государствам и в защите репутации своей страны»[2].

Две среднемасштабные войны — в Афганистане и Ираке, где, разгромив регулярные силы, США увязли в противопартизанских и антитеррористических операциях, — потребовали крупных затрат. Однако впервые в американской истории война велась не только без повышения налогов, но, напротив, на фоне их снижения. Расходы на Ирак и Афганистан (свыше 1 трлн долл.) стали дополнительной причиной стремительного роста бюджетного дефицита.

Федеральная резервная система, выполняющая функции центрального банка, искусственно стимулировала экономическую активность, манипулируя учетной ставкой. Это имело одним из следствий возникновение ипотечного «пузыря» под лозунгом осуществления американской мечты — приобретения своего дома максимальным количеством граждан, в том числе бедных. Увеличение интереса к теме ипотеки объяснялось и тем, что неустойчивый рост в середине десятилетия, сопровождавшийся слабыми показателями фондового рынка, особенно высокотехнологичных компаний, канализировал личные сбережения в сектор жилищного строительства. Рост спроса на этом рынке привел к еще более быстрому росту цен на жилье, делая ее желаемым объектом инвестиций. В течение последних двух десятилетий XX в. средняя цена семейного дома колебалась около 3-х годовых доходов домохозяйства. К 2006 г. она превышала среднегодовой доход семьи в 4,6 раза.

Осуществленное же в неолиберальном ключе дерегулирование финансовых рынков привело к нарастанию спекулятивной волны, прежде всего на рынке третичных финансовых инструментов (деривативов), связанных с той же ипотекой, в результате чего возник колоссальный разрыв между стоимостью некоторых видов ценных бумаг и их реальным обеспечением. В спекулятивную игру оказались вовлечены и ведущие банки, и инвестиционные компании.

---

[1] *Condoleeza Rice.* No Higher Honor: My Years in Washington. N.Y., 2011. P. 693.
[2] *George W. Bush.* Decision Points. P. 432.

Нуриэль Рубини подчеркивает: «Политики не сделали ничего, чтобы оградить население от соблазна схем, суливших быстрый заработок. Они скорее даже поощряли их. Не кто иной, как сам президент Соединенных Штатов, объявил о том, что правительство не должно беспокоить бизнес, а Федеральная резервная система не стремилась к тому, чтобы остановить спекулятивный поток. Финансовые инновации и эксперименты получили правительственный карт-бланш за свой огромный вклад в экономический рост страны, и на рынке появились новые виды финансовых компаний, целью которых было продавать малопонятные ценные бумаги неопытным инвесторам и сделать полноводные кредитные линии доступными для миллионов заемщиков»[1].

Усилилась зависимость экономики от финансового сектора и его положения (так, в 2006 г. этот сектор обеспечил около половины корпоративной прибыли). Тем временем ускорился перенос промышленного производства за рубеж, что усугубило деиндустриализацию и разбухание сферы услуг. И без того не слишком заметная инвестиционная активность во многих отраслях экономики США в 2008 г. практически остановилась. Не способствовал увеличению производства в США и быстрый рост цен на сырье и топливо — нефть стоила почти 150 долл. за баррель, — ограничивший как потребительский, так и производственный спрос (цены на бензин в США практически удвоились).

США не только во многом проинвестировали экономический рост в Азии, но и получили в результате огромный приток средств, в первую очередь из Китая. Как отмечал Ниал Фергюсон, «китайское правительство потратило буквально триллионы долларов в собственной валюте, чтобы предотвратить ее повышение по отношению к доллару. Основная цель этой политики заключалась в том, чтобы сохранять китайский промышленный экспорт ультаконкурентоспособным на западных рынках. И китайцы были не единственными, кто захотел перевести свои профициты платежного баланса в доллары. Вторичным… последствием этого стало фактическое предоставление Соединенным Штатам огромной кредитной линии»[2].

Традиционное ожидание новостей о финансовых потрясениях в развивающихся странах (подобных Азиатскому кризису 1997–1998 гг.), ощущение превосходства своей финансовой системы, вера в силу нерегулируемого рынка привели к тому, что не было создано системы оценки системных рисков экономики самих Соединенных Штатов, а значит, и всего мира. «Этот кризис очень похож на многие другие, которые имели место и до него, как в Соединенных Штатах, так и в дру-

---

[1] *Нуриэль Рубини.* Как я предсказал кризис: Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М., 2011. С. 19.

[2] *Niall Ferguson.* The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die. L., 2012. P. 56.

гих странах, — уверяет нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц. — Существовал пузырь, который, лопнув, стал сметать все, оказавшееся на его пути. Надуванию последнего пузыря помогали плохие банковские кредиты, выдаваемые под залог активов, стоимость которых из-за надувания пузыря была искусственно завышена. Появившиеся инновационные финансовые продукты позволяли банкам скрывать большую часть своих плохих кредитов, выводить их за рамки балансового отчета, увеличивать размер фактически применяемого кредитного плеча, из-за чего пузырь надувался все больше и больше, а тот хаос, который породил его прорыв, становился все масштабнее... Те, кто работал на Уолл-стрит, хотели верить в то, что каждый из них по отдельности ничего плохого не делает и что сама система по своей сути является правильной. Они считали, что стали жертвами несчастного случая из-за шторма, случающегося раз в тысячу лет. Но кризис не относится к тем явлениям, которые возникают на финансовых рынках сами собой: это был рукотворный феномен, появившийся в результате деятельности людей, это было то, что Уолл-стрит сделала для себя и для остального общества»[1].

7 сентября 2008 г. федеральное правительство взяло под прямой контроль компании Fannie Mae и Freddie Mac, на которые приходилось две трети ипотечных кредитов в стране, уволив ее старших управляющих и советы директоров. 15 сентября в 13:45 инвестиционный банк Lehman Brothers, история которого к тому моменту насчитывала 164 года, подал в окружной суд Южного Нью-Йорка заявление о банкротстве. На него не нашлось покупателя: британские регуляторы запретили это делать банку Barklays, а Bank of America предпочел выкупить Merrill Lynch. На следующий день правительство осуществило самое большое приобретение в истории, купив за 85 млрд долл. 80% крупнейшей в мире страховой компании — AIG. «Спасением AIG мы продлили финансовую агонию еще на три недели, — свидетельствовал Джордж Буш. — С каждым днем новости ухудшались. Когда я уходил на совещание, индекс Доу поднимался на 200 пунктов, а когда выходил через тридцать минут — падал на 300. Рынки волновались, и я тоже. Я чувствовал себя капитаном тонущего корабля. Министерство финансов, Федеральный резерв, моя команда в Белом доме — мы работали круглосуточно, но все наши действия походили на вычерпывание воды. Я решил, что больше так продолжаться не может — и лодку нужно латать»[2].

Республиканская администрация решительно отказалась от традиционных идей своей партии о невмешательстве государства. Руководи-

---

[1] *Джозеф Стиглиц.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., 2011. С. 17.

[2] *Джордж Буш.* Ключевые решения. М., 2011. С. 518–519.

тели финансового блока — глава минфина Генри Поулсон и глава ФРС Бен Бернанке — сумели убедить Буша, что без гораздо более решительных дополнительных шагов страну ждет дальнейший обвал рынков, кризис масштабов Великой депрессии с 25-процентной безработицей. Было предложено вбросить на рынок 700 млрд долл. дополнительной ликвидности за счет увеличения государственного дефицита. Коллеги-республиканцы в Конгрессе пришли в ужас от необходимости голосовать за столь решительное перераспределение денег налогоплательщиков на спасение Уолл-стрит, и большинство конгрессменов от «великой старой партии» не поддержали своего президента. Тем не менее Закон о чрезвычайной экономической стабилизации, которым создавался фонд в 700 млрд долл. для спасения проблемных финансовых активов, был принят и подписан Бушем 3 октября[1]. «В течение дней политические официальные лица в Вашингтоне взяли на себя ответственность за решения, которые обычно принимают рынки в Нью-Йорке»[2], — подчеркивал Иан Бреммер.

Финансово-экономический кризис длился 18 месяцев (до июня 2009 г.) и оказался самым продолжительным со времен Великой депрессии 1929–1933 гг. Предыдущий послевоенный рекорд — 16 месяцев — был поставлен в 1981–1982 гг. Кризис вызвал списание банковской системой США в убыток гигантской величины активов — более 1 трлн долл. (или более 8% всех активов — против 3,6% в Европе). Именно сила финансового шока в США еще до промышленной рецессии (обычно это происходит позже и под влиянием рецессии) обусловила тяжесть кризиса. Разрушение системы кредита привело к лавинообразному сокращению продаж автомобилей, домов и других товаров долговременного спроса, что отразилось на производственном секторе всего мира. Произошло не только падение валового продукта, но и сокращение личного потребления, вклад которого в ВВП составляет около 70%.

Обамамания

Великая рецессия породила кризис доверия к политическому курсу Буша, к государственным и экономическим институтам. Под ударом оказались характерные для американского общества оптимизм и вера в будущее. Америка созрела для самых крутых перемен.

На политическую арену стремительно ворвался Барак Обама. «За два года этот политик нового пошиба достиг недостижимого, — вос-

---

[1] *Peter Baker.* Days of Fire: Bush and Cheney in the White House. N.Y. et al., 2013. P. 607–617.

[2] *Ian Bremmer.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations? L., 2010. P. 1–2.

хищался его биограф Дэвид Мендел. — Он символизировал расу и переступал межрасовые барьеры. Он очаровывал прогрессистов и протягивал руку консерваторам. Он соблазнил видавших виды политических аналитиков — по крайней мере, некоторых из них и, по крайней мере, на некоторое время — новизною, интеллектом и обходительностью. Он стал символом, иконой, путеводной звездой для многих миллионов чернокожих американцев. Он, наконец, стал гулким голосом демократов… Со времен братьев Джона и Роберта Кеннеди и их сияющего политического Камелота не было в американской политике личности, столь быстро захватившей воображение такого количества избирателей… После Рональда Рейгана не было политика, умевшего столь искусно заражать несокрушимым оптимизмом разочарованных избирателей»[1]. В ноябре 2008 г. Барак Обама победил на президентских выборах кандидата от республиканцев Джона Маккейна.

В центре экономической политики оказались три основные задачи: стимулирование роста, повышение занятости, преодоление огромного дефицита бюджета. При этом шаги по их реализации нередко противоречили друг другу, рост стимулировался за счет увеличения дефицита.

В качестве первоочередной меры был предложен законопроект о восстановлении экономики (2009 г.). На антикризисные меры планировалось затратить 787 млрд долл., из них 40% приходилось на снижение налогов для лиц среднего и низкого достатка. Внесенный Обамой в конгресс проект бюджета на 2011 финансовый год увеличивал госрасходы до 3,8 трлн долл. и предусматривал дефицит в размере 1,3 трлн долл. Предлагался рост ассигнований на образование, программы занятости, технологии «чистой энергетики» — наряду с ограничением роста (но не сокращением) военных расходов.

Но все же Обама не был «социалистом», как его нередко называла консервативная оппозиция. Иан Бреммер уверял: «Столкнувшись с кризисом исторических масштабов, он уполномочил правительство США взять в свою собственность крупные финансовые институты и автопроизводителей. Он драматически увеличил государственные расходы в попытке восстановить доверие к американской финансовой системе, ограничить потерю рабочих мест и помочь создать новые, стимулировать экономический рост… Но Обама не предпринял никаких шагов, чтобы изменить экономическую систему США, чтобы усилить доминирование государства на рынке. Финансовый кризис давал ему первоклассную политическую возможность национализировать крупные банки США. Он этого не сделал. Он отказался переписать правила для финансового сектора, Белый дом и обе партии в конгрессе договорились, что правительство больше не будет спасать из долговой

[1] *Дэвид Мендел.* Барак Обама: Биография. СПб., 2008. С. 20–21.

ямы какие-то новые компании. Правительство не особенно заботилось об управлении фирмами, акциями которых владело, и министерство финансов поспешило продать последние крупные пакеты в Citybank и General Motors»[1].

С декабря 2008 г. Федеральная резервная система поддерживала базовую учетную ставку на минимальном уровне. Другие меры ФРС включали в себя стимулирование инвестиций и потребительских расходов с помощью вливания денежной массы в экономику, для чего в 2010–2011 гг. был осуществлен второй раунд количественного смягчения (QE-2, Quantitative Easing — 2), который заключался в приобретении ФРС государственных обязательств и ипотечных ценных бумаг на сумму 600 млрд долл. В сентябре 2011 г. ФРС объявила о начале программы «Операция "Твист"», в ходе которой производила реструктуризацию своего портфеля ценных бумаг, увеличивая долю долгосрочных бумаг за счет продажи краткосрочных на сумму 400 млрд долл. Рост спроса на долгосрочные обязательства привел к уменьшению их доходности, что оказало понижательное давление на долгосрочные процентные ставки по ипотечным, автомобильным и другим типам кредитов и стимулировало рост потребления.

Несмотря на все принимаемые меры, рост оставался на уровне чуть выше 2%. Проблема заключалась не в отсутствии доступа к кредитным средствам, а в недостаточности инвестиционного и потребительского спроса: корпорации осторожничали, не торопясь расширять производство и увеличивать число занятых, хотя и фиксировали рекордные прибыли, прежде всего за счет снижения издержек через увольнение персонала во время кризиса[2].

С 2011 г. акцент делался на создание рабочих мест в сфере образования и высокотехнологичных отраслях, поощрение инвестиций в новое оборудование и масштабные расходы на приоритетные проекты — образование, инновации (в том числе в «чистой энергетике») и развитие инфраструктуры, НИОКР.

В августе 2011 г. — после острейшей межпартийной борьбы и в условиях угрозы дефолта США, когда долг достиг максимально установленного законом уровня в 14,3 трлн долл., — был подписан Закон о бюджетном контроле (The Budget Control Act). Официальный верхний предел государственного долга США был поднят на 2,1 трлн долл., что позволяло осуществлять платежи до 2013 г. Одновременно закон предусматривал жесткий план уменьшения государственных расходов на 1 трлн долл. в течение 10 лет. Впервые с 1990-х гг. военные расходы планировалось уменьшить — на 350 млрд долл. за 10 лет. Замораживалась

[1] *Ian Bremmer.* The End of the Free Market. P. 202.
[2] The Associated Press, Thursday, March 10, 2011.

заработная плата гражданских федеральных служащих на два года, прекращалось финансирование и сокращались более 200 федеральных программ. Закон предусматривал дальнейшее уменьшение бюджетного дефицита на 1,5 трлн долл., для выработки конкретных предложений был создан Совместный комитет Конгресса из 6 демократов и 6 республиканцев.

В 2012 г. экономическая политика Обамы стала давать первые результаты: началось оживление на жилищном рынке, в автомобильной промышленности. Уровень безработицы снизился с 10-процентного максимума октября 2009 г. до 7,7% в ноябре 2012 г.

Правительство и ФРС решительно увеличивали масштабы использования финансовых и административных инструментов. Так, по опубликованным в сентябре 2012 г. данным аудита ФРС, проведенного Government Accounting Office, американский центробанк, действуя на грани законных процедур, израсходовал за два послекризисных года 16 трлн долл. на поддержку крупнейших американских и зарубежных финансовых институтов. До конца 2012 г. в ходе «Операции "Твист"» (замены краткосрочных облигаций на долгосрочные) в экономику поступало ежемесячно порядка 85 млрд долл. Путем этого уникального и рискованного денежного насыщения мирового рынка, проведенного при сохранении позиций доллара и минимальном уровне инфляции, удалось избежать развала мировой финансовой системы и даже укрепить мировой статус американской валюты.

В соответствии с принятым в августе 2011 г. Законом о сокращении бюджетного дефицита с января 2013 г. был запущен механизм автоматического сокращения расходов государственного бюджета общим объемом в 2,4 трлн долл. Одновременно должно было произойти возрастание налогов в связи с истечением срока действия налоговых льгот, принятых еще в начале 2000-х гг. и продленных президентом Обамой на два года в 2010 г. Сочетание жесткого сокращения расходов бюджета — по закону только в 2013 г. оно должно было составить 240 млрд долл., или почти четверть от всех дискреционных расходов, — с повышением налогов могло привести в начале 2013 г. к ситуации, получившей название «бюджетный обрыв» (fiscal cliff), от ожидания которой в последние месяцы, дни и даже часы 2012 г. лихорадило рынки всего мира. Ведь шоковое сокращение совокупного спроса могло привести к сползанию экономики США в новую рецессию.

Президент призывал Конгресс продлить существующие налоговые льготы для среднего класса, однако отменить их для 2% самых состоятельных американцев, то есть семей с доходом, превышающим 250 тыс. долл. в год. Кроме того, он настаивал на усилении прогрессивности налогообложения в соответствии с «правилом Баффета»: до-

мохозяйства с доходом более 1 млн долл. в год не должны отдавать в виде налогов меньшую долю своего дохода, чем семья, принадлежащая к среднему классу (около 55 тыс. американцев с доходом более 1 млн долл. платили налог по меньшей эффективной ставке, чем семья среднего класса). Республиканцы выступали против отмены льгот и усиления прогрессивности налогообложения и за сокращение некоторых социальных программ, но против сокращения военных расходов[1].

Драматическая развязка наступила в новогоднюю ночь, «фискального обрыва» удалось избежать. При этом ни одна из сторон не добилась желаемого, а фундаментальные проблемы американской экономики остались без ответа. Но секвестр — набор драконовских сокращений — был отсрочен на 60 дней.

Республиканцы настаивали на секвестре, в ответ грозя не согласиться на поднятие потолка госдолга. Результатом очередного компромисса стало сокращение с 1 марта на 85 млрд долл. дискреционных расходов в течение последующих семи месяцев, что означало урезание военных программ на 8%, а внутренних — на 5%[2]. Но дальше вновь возник вопрос о поднятии потолка, а партии продолжали разговаривать на разных языках, не слыша друг друга. «Президент говорит об установлении контроля за дефицитом по мере восстановления экономики; республиканцы видят растущий дефицит, который скоро опять вырастет и представляет открытую угрозу. Республиканцы говорят исключительно об экономическом росте, президент говорит о справедливом перераспределении национального богатства»[3], — писала газета деловых кругов The Wall Street Journal. Республиканское большинство в палате представителей вновь заявило, что проголосует за повышение потолка только при условии новых сокращений расходов. В результате к 1 октября 2013 г., когда долг достиг ранее установленной планки в 16,7 трлн долл., договориться с республиканцами не удалось, и многие федеральные структуры прекратили работу (в 18-й раз с 1976 г.). В вынужденный отпуск были отправлены 90% специалистов НАСА, почти 70% сотрудников министерства энергетики и 50% гражданских служащих Минобороны[4]. Новый политический кризис и новый компромисс, который не решил основных проблем американской экономики.

---

[1] Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика: Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М., 2012. С. 63–67.

[2] Budget Cleaver // International Herald Tribune. February 18, 2013.

[3] *Gerald F. Seib.* President's Agenda: Progressive, Populist // The Wall Street Journal. July 26–28, 2013.

[4] *Кирилл Белянинов.* Правительство США закрыли на кризис // Коммерсантъ. 2 октября 2013.

Экономика доллара

Экономическая модель США характеризуется со сравнительно низкой степенью вовлеченности государства в перераспределение ВВП. Уровень налогообложения и государственных доходов в США меньше, чем в развитых странах Европы, и составляет примерно 30% ВВП, тогда как во многих европейских государствах — 45–50% ВВП. В налоговой системе основной упор сделан на подоходные налоги, а косвенные налоги, в частности НДС, применяются меньше. Это — одна из причин высокого уровня частного потребления в США.

Уровень государственных расходов в Соединенных Штатах также весьма низок — примерно 35% ВВП (правда, в годы кризиса они вырастали до 43% ВВП). В структуре бюджетных расходов велики затраты на традиционные силовые функции, доходящие до 6% ВВП (втрое больше, чем в Евросоюзе). Расходы на социальное обеспечение, здравоохранение и образование составляют 15% в США и 30% — в странах ЕС. Крупнейшими защищенными статьями американского бюджета являются четыре ключевые госпрограммы: программа социального обеспечения, в рамках которой выплачиваются пенсии, а также пособия вдовам, сиротам и инвалидам; «Медикейд», предоставляющая медицинское обслуживание малоимущим слоям населения; «Медикэр», финансирующая услуги здравоохранения для пенсионеров и инвалидов, а также «Помощь малоимущим» (Welfare). В целом на долю защищенных статей приходилось 56% федеральных расходов, а на долю дискретных — только 38%. Еще 6% составляли процентные платежи.

Из-за переноса мощностей в другие страны США потеряли за 10 лет 5,6 млн рабочих мест, и их доля в мировом промышленном производстве сократилась с 27 до 19%, тогда как доля КНР выросла с 7 до 19,7%. Но теперь американские компании стали все чаще задумываться о возвращении на родину[1]. Внутри страны концентрируются высокотехнологичные отрасли производства: авиакосмическая, медицинская, военная, телекоммуникационная, компьютерная, фармацевтическая.

Возрождается сектор недвижимости, хотя продажи домов заметно сократились по сравнению с докризисным уровнем. Произошла рекапитализация и реструктуризация банковской системы, улучшились показатели капитала и ликвидности, банки избавились от проблемных активов, особенно связанных с ипотекой. Повышается производительность промышленного сектора, издержки производства снизились на 11% за десятилетие. Большая автомобильная тройка — Chrisler, Ford и General Motors — вернула себе прежнюю долю североамериканского рынка[2].

---

[1] *Екатерина Кравченко.* Назад в Америку // Ведомости. 10 октября 2011.

[2] *Роджер Олтман.* Падение и новый подъем Запада // Россия в глобальной политике. № 1. Январь–февраль, 2013. С. 76–78.

В 2014 г. США, как и в 1990-е, опережали другие развитые страны по росту ВВП — до 4% в последние два квартала по сравнению с 1,8% для ОЭСР[1]. Любопытно, что в последние годы в США наибольший прирост демонстрируют традиционные отрасли экономики и исключительно те штаты, которые производят нефть и газ. Как отмечают американские аналитики, «главные победители в современной экономике — "материальные парни" — люди, которые выращивают зерно, бурят нефть и прокладывают трубопроводы»[2].

Прежде всего следует отметить так называемую «сланцевую революцию» — резкое увеличение добычи сланцевого газа и нефти. В 2000 г. на сланцевый газ приходилось только 2% газоснабжения в США, в 2012 г. — 37%, а через два десятилетия эта цифра достигнет 65%. Уже разведанные в США запасы позволят поддерживать современный уровень потребления газа на протяжении более чем ста лет[3].

Развитие сланцевых технологий позволило США еще в 2013 г. стать крупнейшей газодобывающей страной в мире, а в первом полугодии 2014 г. выйти в мировые лидеры и по добыче нефти — 11,5 млн баррелей в сутки. Отрыв от прежних лидеров — России и Саудовской Аравии — пока невелик и вряд ли будет нарастать: себестоимость добычи сланцевых углеводородов высока. Экспортный энергетический потенциал США под вопросом, поскольку сами они потребляют энергии больше, чем производят. Для сравнения, России в год надо около 420 млрд кубометров газа и 150 млн т нефти, а США — 740 млрд кубометров газа и 830 млн т нефти. Тем не менее именно рекордный рост добычи энергоносителей в США стал главным фактором, обрушившим цены на нефть[4]. «Американская энергетическая революция имеет не только коммерческие последствия; она имеет и далекоидущие геополитические последствия, — пишут видные американские аналитики. — Глобальные энергетические торговые карты уже перечерчиваются по мере того, как американский импорт продолжает сокращаться, а экспортеры находят новые рынки… Большинство производящих энергию стран со слабо диверсифицированной экономикой, как Россия или монархии Персидского залива, проиграют, а потребители энергии, в частности Китай, Индия и другие азиатские государства, могут оказаться в выигрыше»[5].

---

[1] America's Economy. The Lonely Locomotive // The Economist. November 29, 2014. P. 64.

[2] *David Brooks.* Revolution of the Axis of Ennui // International Herald Tribune. March 3, 2013.

[3] *Daniel Yergin.* The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. L., 2012. P. 331–332.

[4] *Маргарита Лютова.* США не дали нефти подорожать // Ведомости. 17 июня 2014; *Михаил Серов, Елена Ходякова.* США — лидер по добыче нефти // Ведомости. 7 июля 2014.

[5] *Robert D. Blackwill, Meghan L. O'Sullivan.* America's Energy Edge // Foreign Affairs. March/April 2014. P. 104.

Падение цен на нефть имело двоякие последствия для американской экономики. С одной стороны, подешевевшее топливо оживило предпринимательскую и потребительскую активность. С другой — началось сокращение бурения новых скважин сланцевого газа, добыча котрого становилась нерентабельной[1].

США — второй экспортер в мире (после Китая), по итогам 2013 г. объем экспорта товаров и услуг превысил 2,3 трлн долл.[2] По темпам прироста в структуре американской внешней торговли лидируют также энергоносители — бензин и уголь (годовой прирост на 114% в 2013–2014 гг.), за которыми следуют нефть и газ (рост на 68,3%). В среднем прирост по сырьевым товарам составил 32,7%. И напротив, доля США в общемировом экспорте промышленных товаров с 2001 по 2014 г. снизилась с 19 до 11% (Евросоюза — с 22 до 20%, тогда как доля Китая выросла с 7 до 21%). Так что, вопреки установке Обамы, США увеличивают не высокотехнологический, а сырьевой экспорт[3].

Конкурентным преимуществом Соединенных Штатов является научно-технологическое лидерство. В 2010 г. на долю США приходилось 34,4% мировых расходов на научные исследования (Япония и Китай — по 12,3%, весь Европейский союз — 23,3%, Россия — 1,9%). В восьми из девяти важнейших областей композитные материалы и нанотехнологии, сельскохозяйственные, медицинские, энергетические, компьютерные, информационные, авиакосмические и автомобильные технологии — США занимают первую позицию (исключение — автомобилестроение, где лидерами являются Германия и Япония).

Самый мощный инструмент экономической политики США — доллар, который на протяжении почти 90 лет является основным и на протяжении 70 лет — практически монопольным платежным средством, инструментом накопления и кредита. Курс доллара вообще не волнует ФРС при проведении денежной политики. Долларами можно расплатиться в любой точке мира. Ими оплачивают экспортируемые из США товары. Очень хороший американский товар, с которого получается едва ли не максимальная чистая прибыль, — бумажные доллары (они стоят казначейству не больше цены бумаги и печати), 60% которых обращаются за пределами Соединенных Штатов. Их было бы еще больше, если бы не купюры в 500 евро, которые более популярны среди наркоторговцев, контрабандистов и других представителей международного преступного мира[4]. Удельный вес доллара в международ-

---

[1] The New Oil Order // The Wall Street Journal. December 1, 2014.

[2] *Michael Froman.* The Strategic Logic of Trade // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 111.

[3] *Екатерина Кравченко.* Промышленное возрождение США // Ведомости. 22 августа 2013.

[4] The Power of Currencies and Currencies of Power / Ed. by Alan Wheatley. L., 2013. P. 30.

ных расчетах составлял 86%, в международных резервах — 64%, в иностранных банкнотах, обращающихся за рубежом — 65%, в хранящихся долговых обязательствах — 46%[1]. Вместе с тем с появлением евро относительное место доллара уменьшилось, в этом же направлении действует растущий интерес к юаню.

С 1980-х гг. Соединенные Штаты потребляют больше, чем производят, все глубже залезая в долг. Государственный долг США колоссален, он превышает размеры ВВП (как и совокупный размер долгов домохозяйств). Но он не является экстраординарным по сравнению с долгом других развитых стран. На долю США приходится 24% государственного долга всех стран мира, Европейского союза — 22%, Японии — 8%. Однако преимущество мировой роли доллара помогало покрывать дефициты федерального бюджета посредством «количественного смягчения», выпуска облигаций федерального правительства без угрозы для стабильности финансовой системы США. Имеет значение и то, что рынок ценных бумаг по размерам денежных активов значительно превосходит банковский сектор. Граждане, американские финансовые институты, иностранные центральные банки и компании бесперебойно поглощали выпуски американских государственных облигаций, рассматриваемых как безрисковые активы, наличие которых обязательно в инвестиционных портфелях. Примечательно, что дело редко доходит до погашения этих обязательств. В отсутствие других привлекательных сфер приложения капитала спрос на казначейские обязательства по-прежнему велик, и это позволяет заменять облигации, которым наступил срок погашения, новыми выпусками.

Даже тот факт, что рейтинговые агентства «Мудиз» и «Стэндэрд энд Пурс» в августе 2011 г. впервые в истории понизили кредитный рейтинг США в связи с политическими рисками, не отразился на покупках облигаций американского казначейства иностранными кредиторами. Страны, располагающие избытком капитала, не имеют реальной альтернативы американскому инвестиционному рынку. В 2014 г. Китай держал в американских ценных бумагах 1,27 трлн долл., Япония — 1,2 трлн, Бельгия — 381 млрд, Бразилия — 250 млрд, Тайвань и Великобритания — 176 млрд. Даже Россия, резко сокращавшая эту позицию, являлась седьмым в мире держателем американского долга — 100 млрд[2].

США по-прежнему опережают другие страны по капитализации рынка. В 10:10 утра 25 августа 2014 г. индекс Standard & Poor's 500 впервые в истории перевалил за отметку 2000, а общая капитализация эмитировавших акции компаний достигла 66 трлн долл. Индекс утроился

[1] International Monetary Fund. Reserve Accumulation and International Monetary Stability. April 13. 2010. P. 8.

[2] *Нигина Бероева.* Доллар, давай до свидания? // Комсомольская правда. 22 мая 2014.

с марта 2009 г., рынок рос на протяжении 65 месяцев. Впрочем, на фоне безграничного биржевого оптимизма зазвучали голоса, предупреждающие о возможности образования нового пузыря[1]. С началом войны с ИГИЛ в Ираке индекс вновь опустился ниже 2 тысяч.

Огромным и во многом неподконтрольным остается рынок деривативов, связанный с процентными и валютными операциями, а также сделками с акциями, товарными контрактами, банковскими кредитами. В середине 2008 г. общий объем операций с деривативами на внебиржевом рынке, где происходит подавляющая часть этих сделок, достиг 672 трлн долл. (!). Под влиянием кризиса к середине 2010 г. он сократился до 582 трлн долл., а затем снова стал расти.

Вместе с тем американская социально-экономическая модель вызывает много вопросов, а лидерство США по многим показателям перестает выглядеть безоговорочным.

Компании продолжают получать рекордные прибыли, но попрежнему не спешат их инвестировать, значительная их часть оседает на зарубежных счетах, уходя от налогообложения в США. 60 крупнейших американских компаний на конец 2012 г. имели на заграничных счетах 1,3 трлн долл., выведя 40% прибыли из-под налогов[2].

Существует не менее острая проблема, на которую обращает внимание самый известный американский журналист — Боб Вудвард. Это «долгосрочная проблема неподъемных и неотменяемых расходов по программам “Медикэр”, “Медикейд” и программа социального страхования, часто поднимаемая республиканским председателем Комитета по бюджету палаты представителей Полом Райаном и знакомая всем информированным политикам, к которой, по большому счету, не подступаются. Общая стоимость трех программ в 2012 г. составляла около 1,6 трлн долл. Бюджетное управление конгресса прогнозирует, что эта цифра почти удвоится за 10 лет и достигнет 3 трлн»[3].

Многие авторитетные эксперты уверены, что Соединенным Штатам не избежать повышения налогов, против чего решительно возражают республиканцы, да и многие демократы. «Низкий уровень налогов ставит США в уязвимое положение, — уверял известный экономист из Колумбийского университета Джеффри Сакс. — Правительство США собрало только 32% от ВВП в виде налогов в прошлом году, в сравнении с 38% в Канаде, 45% в Германии и 49% в Швеции. Названные страны могут преодолеть бюджетный дефицит, нищету

---

[1] *Nick Summers.* Stock Overvalued? Who Cares? // Bloomberg Businessweek. September 1–7, 2014. P. 39.

[2] *Скотт Турм, Кейт Лайнбо.* Секвестр на зарубежных счетах // Ведомости. 12 марта 2013.

[3] *Bob Woodward.* The Price of Politics. L., 2012. P. 379.

и устаревшую инфраструктуру. США — не смогут. Им потребуются налоговые ставки, как в Канаде, к концу этого десятилетия, чтобы выполнить работу»[1].

Серьезным источником опасений для американской элиты выступает деградация инфраструктуры. «Если Китай строит новые аэропорты и дороги, Европа, Япония, а теперь и Китай могут похвастаться высокоскоростными поездами, американские аналоги намертво застряли в XX веке, — сетует Збигнев Бжезинский. — Только на Китай приходится 5000 км железнодорожного полотна для сверхскоростных пассажирских экспрессов — в США нет ни одного. Аэропорты Пекина и Шанхая по эффективности и элегантности на десятилетия опережают свои эквиваленты в Вашингтоне и Нью-Йорке, которые все более унизительно отдают третьим миром»[2].

Американское общество гражданских инженеров поставило такие оценки компонентам инфраструктуры США (A — отлично, D — двойка): аэропорты и авиапарк — D; мосты — C+; плотины — D–; порты — C; железная дорога — C+; автодороги — D; питьевая вода — D. Средняя оценка — D+. Необходимые инвестиции в инфраструктуру до 2020 г. оцениваются в 3,6 трлн долл., но в бюджетах они не просматриваются. Так, Highway Trust Fund формируется за счет отчислений 18,4 цента с каждого галлона купленного американцами бензина. Но машины становятся все более экономичными, люди ездят все меньше, а бензин дешевеет. И ни один федеральный политик с 1993 г. не осмелился поставить вопрос о повышении этого акциза. Его увеличивают некоторые штаты, но в объемах, явно недостаточных для решения проблемы. Еще один пример: вице-президент Джо Байден отметил, что в нью-йоркском аэропорту Ла Гвардиа создается полное впечатление прибытия в страну третьего мира[3].

Быстрыми темпами растет задолженность отдельных штатов, городов, графств, которые в тучные годы охотно увеличивали социальные выплаты под давлением профсоюзов госслужащих и других групп интересов, а сейчас все чаще объявляют о дефолте. Случай Детройта, который дефолт настиг в 2013 г., был самым показательным. Растущее количество городов и штатов ищут ответ на вопрос, каким образом оплачивать уже существующие щедрые пенсии и медицинские страховки, которые стали для них непосильной ношей. Дефицит пен-

---

[1] *Jeffrey Sachs.* Obama Has Four Years to Transform America's Economy // The Financial Times. November 12, 2012.

[2] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012. P. 51.

[3] *Robet Wright.* Broken System // Financial Times. April 29, 2014; Where New York Meets the Third World // Ibid.

сионных фондов по итогам 2012 г. составлял в Иллинойсе 241% от годовых доходов штата, в Коннектикуте — 190%, Кентукки — 141%, Нью-Джерси — 137%, на Гавайях — 133%[1].

Одной из проблем является высокое социальное неравенство и ухудшение положения среднего класса в последние два десятилетия. Если в 1971 г. к категории среднего класса можно было отнести 61% взрослого населения, то в 2011-м — только 51%. 85% опрошенных представителей среднего класса признали, что им сложнее поддерживать привычный образ жизни, нежели десятилетие назад. В своих бедах люди винят законодателей, затем — банки и крупные корпорации[2]. В 2013 г. средний доход американского домохозяйства составлял 51,5 тыс. долл., что заметно меньше пика в 56,3 тыс., зафиксированного в январе 2008 г. При этом число работающих американцев трудоспособного возраста снизилось с 65,7% до 63,5%[3]. «Рыночные экономики для своего функционирования действительно нуждаются в некотором неравенстве, — пишет Пол Кругман. — Но американское неравенство стало настолько вопиющим, что приносит огромный экономический ущерб»[4].

Быстро растет неравенство по расовой линии. Доход средней черной семьи с 2000 г. снизился с 64 до 58% от дохода белой семьи (у афроамериканской семьи — 33 тыс. долл. в год, у белой — 55 тыс.). По накопленному богатству афроамериканская семья отставала от белой в 2005 г. в 11 раз, в 2009-м — после того, как лопнул ипотечный пузырь, — в 20 раз. В 1960-е гг. били тревогу по поводу того, что 25% черных детей рождаются вне семьи. Сегодня этот показатель — 72% (для белых — 29%), причем почти всегда речь идет о действительно одиноких матерях. Школы для афроамериканцев недофинансированы, 17-летний школьник из негритянской семьи читает и считает, как 13-летний белый. В колледже учатся 45% белых и 36% черных в возрасте от 18 до 24 лет. Безработица среди афроамериканцев — 15%, вдвое выше, чем среди белых. Правоохранительная система предвзята в отношении черных, что хорошо видно на примере города Фергюсона, где в 2014 г. произошли серьезные волнения на расовой почве. К 30–34 годам каждый десятый афроамериканец оказывается за решеткой (37% всего населения тюрем), среди белых такая участь ожидает одного из 61[5]. «Соединенные Штаты серьезно изменились после Акта о гражданских правах, — уверен социолог из Университета Калифорнии Джон

[1] Retirement Benefits. Who Pays the Bill // The Economist. July 27, 2013. P. 33.

[2] *Анна Файфилд.* Хуже некуда // Ведомости. 24 августа 2012.

[3] The Inequality President // The Wall Street Journal. July 26–28, 2013.

[4] *Paul Krugman.* Inequality Is a Drag // International New York Times. August 9–10, 2014.

[5] Race Relations in America. Chasing the Dream // The Economist. August 24, 2013. P. 10; Time. March 24, 2014. P. 36.

Скрентни. — Но мы, американцы, все еще очень далеки от того дня, когда раса перестанет играть роль в обществе»[1].

Соединенные Штаты на протяжении всей своей истории были образцовым «плавильным котлом», в котором в единую американскую нацию успешно переплавлялись выходцы из разных стран и культур. Но с конца XX в. в США активно заговорили о «культурной и политической фрагментации», «эрозии национальной идентичности». По мнению С. Хантингтона, это имело четыре следствия: «…популярность доктрины мультикультурализма и разнообразия в группах элиты и специальных интересов, которые поставили расовые, этнические, половые и другие идентичности над национальной идентичностью; слабость или отсутствие факторов, которые раньше способствовали ассимиляции иммигрантов, при усилении тенденции среди иммигрантов сохранять двойные лояльности, идентичность, гражданство; доминирование среди иммигрантов, особенно из Мексики, говорящих на одном языке, не английском (феномен, беспрецедентный для американской истории), что усиливает тенденцию к испанизации и превращению Америки в билингвальное, бикультурное общество; денационализация важных сегментов американской элиты и растущий разрыв между ее космополитическими и транснациональными установками и все еще сильно националистическими и патриотическими ценностями американского народа»[2].

Не все блестяще в образовательной системе. По уровню среднего образования Соединенные Штаты не входят даже в первую двадцатку наиболее успешных стран, уступая Польше и Эстонии. Однако по университетскому образованию Америка пока не имеет себе равных. Фарид Закария пишет: «Высшее образование — лучшая промышленность Америки… Имея 5 процентов от населения Земли, Соединенные Штаты полностью доминируют в области высшего образования, обладая либо 42, либо 68 процентами университетов, входящих в пятьдесят лучших вузов мира (в зависимости от того, каким рейтингом вы пользуетесь). Ни в какой другой сфере преимущество Америки не является столь подавляющим»[3]. На сферу образования тратится 7% ВВП, доля лиц с высшим образованием в составе рабочей силы — 30%, среднее число лет обучения американцев — около 13-ти[4]. Поставлена задача к 2020 г. иметь самый высокий в мире процент выпускников с высшим

[1] *John D. Skrentny.* Only Minorities Need Apply // International New York Times. May 8, 2014.

[2] *Samuel Huntington.* Who Are We? The Challenges to American National Identity. N.Y., 2004. P. 138.

[3] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. М., 2009. С. 204–205.

[4] *Виктор Супян.* США в мировой табели о рангах: экономические показатели // Международная жизнь. Август 2013. С. 142.

образованием (сейчас США пятые, с 43%, после России, Канады, Японии и Израиля), подготовить 100 тысяч учителей по естественным наукам, технологическим, инженерным и математическим дисциплинам.

В то же время американское высшее образование подвергается внутри страны серьезнейшей критике. Правда в том, что применительно к США нет смысла говорить об университетах вообще. Генри Розовски — бывший ректор Гарварда — пишет: «Ярлык "американские университеты" оказывается практически бессодержательным, если вспомнить, что в стране более 4 тысяч высших учебных заведений, и среди них есть те, которые действительно могут вызвать всеобщую зависть, и те, которые немного отличаются от старших классов средней школы, а уж между этими полюсами чего только нет»[1]. По оценкам экспертов, существуют 125 университетов, которые «способны обеспечить значительную часть важнейших фундаментальных знаний и практических исследовательских открытий, которые создаются в мире»[2].

В своей книге «Дерзость надежды» Барак Обама признавал: «За последние тридцать лет федеральное финансирование физики, математики, технических наук в процентном содержании ВВП значительно уменьшилось, в то время как другие страны последовательно увеличивают долю финансирования науки в своих бюджетах… Уменьшение поддержки фундаментальных исследований прямо связано с тем, что все меньше молодых людей желают заниматься математикой, естественными науками, техникой, — понятно, почему в Китае ежегодно выпускают в восемь раз больше инженеров, чем у нас»[3]. Среди 20- и 30-летних меньше людей со средним образованием, чем среди лиц в возрастной категории 55–65 лет[4].

Среди молодых европейцев и азиатов неизменно оказывается больше способных показать на карте Соединенные Штаты, нежели среди их сверстников-американцев. В 2006 г., когда США вели две войны на Большом Ближнем Востоке и об этом каждый день сообщалось в СМИ, 63% американских старшеклассников и студентов не смогли показать на карте Ближний Восток, 75% — Ирак и 88% — Афганистан[5]. Относительно новая проблема: до 2 млн к 2014 г. выросло число американцев в возрасте 60 лет и старше, которые не погасили образовательные креди-

---

[1] *Генри Розовски.* Исследовательские университеты: американская исключительность? // Вопросы образования. № 2. 2014. С. 9.

[2] *Jonathan R. Cole.* The Great American University: Its Rise to Prominence, Its Indispensable National Role, Why It Must Be Protected. N.Y., 2009. P. 5.

[3] *Барак Обама.* Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008. С. 188.

[4] *Michael Cohen.* The American Dream is Now Just that for its Middle Classesa Dream // Guardian. April 26, 2014.

[5] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision. P. 52.

ты, а общая сумма их задолженности достигла 43 млрд долл. — в пять раз больше, чем в 2005 г.[1]

Следует вместе с тем подчеркнуть, что в экономике США — и при «направляющих» субсидиях бюджета — кризисы нередко ведут к интенсификации научно-технического прогресса, а не к стагнации и застою. Низкие темпы роста и высокая безработица довольно часто являются индикатором усиления конкуренции, а не поиска рент, как в развивающихся странах с низким качеством деловых институтов. Важно и то, что правительство США из-за экономических проблем не жертвовало расходами на НИОКР. Американская научно-техническая мысль будет работать с прежней интенсивностью, тем более что количество сотрудников университетов (а это главные разработчики НИОКР) превышает необходимое для преподавания примерно втрое.

Соединенные Штаты располагают существенным демографическим дивидендом, преимущественно за счет иммиграции. Вместе с тем кризис оказал воздействие и на демографическую ситуацию: в последние годы темпы прироста населения падали из-за безработицы в цветных семьях, решений молодежи подождать со вступлением в брак или заведением ребенка. В 2010 г. количество родившихся по сравнению с предыдущим годом сократилось на 124 тыс., в 2011 — еще на 46 тыс. Сегодня уровень фертильности в США составляет 1,9, что меньше, чем, скажем, во Франции или Великобритании[2].

США — абсолютный лидер по совокупным расходам на здравоохранение (около 18% ВВП, в сравнении с 11% в среднем по странам ОЭСР). Однако лишь 29% американцев имеют обязательную государственную страховку, это — наименьший показатель среди всех стран ОЭСР. 16,7% населения США не имеют никакой медицинской страховки (а среди лиц, не имеющих гражданства, — 46%). Реформы Обамы, расширяющие систему медицинского страхования, вызывают яростное сопротивление республиканцев, небезосновательно указывающих на раздутость расходов на медицину. С ними соглашаются и многие эксперты: «Врачи назначают и проводят процедуры, практически не имеющие медицинской ценности, а во многих случаях приносящие отрицательный побочный эффект. Врачи современных специальностей зарабатывают слишком много и делают много лишнего, в то время как врачи первичного звена играют незначительную роль. Страховые компании используют свои базы данных с медицинскими и платежными историями для выявления людей, которые, вероятно, понесут в будущем более крупные расходы на свое здоровье, чтобы заставить их платить гораздо большие взносы, чем обычно, иногда в 10 раз выше…

[1] *Natalie Kitroeff.* A Growing Number of Americans 60 and Older Have Student Debt // Bloomberg Businessweek, August 25–31, 2014. P. 43.

[2] Virility Symbols // The Economist. August 11, 2012. P. 34.

Больницы дают взятки врачам, чтобы те назначали пациентам больше медицинских процедур для увеличения суммы счета за оказанные услуги. Фармацевтические компании ведут широкую рекламу лекарств на телевидении и систематически одаривают врачей, чтобы те способствовали чрезмерному использованию дорогих фирменных препаратов»[1], — пишет Малькольм Гец из Университета Вандербильта.

Констатируя социально-экономические проблемы США, следует в то же время подчеркнуть, что экономика США все еще составляет примерно пятую часть мирового ВВП, только на потребление американских граждан приходится более 15% ВВП планеты. Реальный (внедряемый) научно-технический прогресс мира во многом сконцентрирован в Соединенных Штатах. Тезис о крахе доллара не имеет под собой оснований: США не «печатают деньги», а продают ценные бумаги, которые экономические агенты других стран покупают добровольно. Долговые проблемы США менее остры, чем соответствующие проблемы стран ЕС и Японии.

Судьбы американской демократии

В 2006–2008 гг. американцы окончательно разочаровались в деятельности Джорджа Буша-младшего, и политический маятник резко качнулся в сторону демократов, что привело не только к победе Обамы на президентских выборах 2008 г., но и к установлению контроля демократов над обеими палатами Конгресса. Приход к власти первого темнокожего президента отразил серьезные социально-культурные сдвиги в американском обществе, небывалую активизацию в условиях кризиса тех групп избирателей (молодежь, цветные, женщины), которые давно ожидали перемен. За Обаму проголосовали 43% белых американцев, 95% афроамериканцев, 66% испаноязычных и 64% азиатов.

Но элитная политическая база Обамы, который ранее не был связан с влиятельными группами интересов и центрами принятия решений, оказалась достаточно узкой, а партийно-политическая система стала предельно поляризованной. Республиканская партия сделала ставку на жесткое противодействие демократам по всем вопросам.

Ни республиканцам, ни демократам в последние десятилетия не удается создать устойчивое электоральное большинство, на основе которого можно было бы проводить преемственную политику. Их коалиции примерно одинаковы по своим ресурсам. Лишь в 10% округов по выборам в палату представителей наблюдается межпартийное соперничество, в остальных одна из партий имеет гарантированное пре-

[1] *Малькольм Гец.* Реформирование здравоохранения в США // США. Канада: экономика, политика, культура. № 2. 2013. С. 71.

имущество. Нет периодов устойчивого доминирования, происходят постоянные перетекания небольших групп независимого электората в зависимости от конъюнктуры.

В 2008–2009 гг. у либералов была надежда на то, что Обама в условиях кризиса будет в состоянии сколотить на базе новой реформистской программы демократическое большинство, поскольку кризис может работать на усиление роли государства, социальную повестку дня и сокращение военных расходов, а значит — на усиление либеральных настроений. Эти ожидания не оправдались, популярность Обамы и Демократической партии заметно снижалась, что объяснялось не в последнюю очередь отсутствием быстрых успехов в борьбе с кризисом и высокой безработицей. Все чаще звучали предположения, что Обама может оказаться президентом одного срока. В феврале 2010 г. рейтинг Обамы опустился до уровня 46%. Большинство избирателей полагало, что страна движется в неверном направлении. 81% американцев — рекордный за все время опросов уровень — считали, что действующие члены конгресса не заслуживают избрания на следующий срок[1].

Правые радикалы объявили Обаме настоящую войну, призывая республиканцев разработать эффективную стратегию, способную «остановить американских левых» на президентских выборах 2012 г. Уже в первые недели после инаугурации Обамы, в январе–феврале 2009 г., по стране прокатилась волна протестов, организованная «Движением чаепития» (Tea-party movement), названным в память о Бостонском чаепитии 1773 г. Это было сколоченное при помощи Интернета движение граждан, ненавидящих Обаму лично и бурно протестующих против его политики, считая ее социалистической. Американцы, придерживающиеся взглядов «Чаепития», считают — буквально! — что после смерти Обама попадет в ад. В марте 2010 г. «Движение чаепития» формализовалось. Оно представляет собой сетевую структуру из более чем 3 тыс. организаций, разбросанных по всем штатам. Ее программа включает ряд целей, которым симпатизировал каждый пятый американец: уменьшение федерального долга через сокращение государственных расходов; снижение налогов, идущих на социальные расходы, которые несовместимы с американскими ценностями; «ограниченное правительство» вместо «большого правительства», ущемляющего права свободных граждан; свободный нерегулируемый рынок; свобода личности, ответственной за свою судьбу.

«Движение чаепития», не претендуя на роль третьей партии, на выборах в Конгресс в 2010 г. поддержало кандидатуры 130 правых республиканцев, баллотировавшихся в палату представителей, и около десяти — в сенат. Такая поддержка оказалась далеко не лишней. По

[1] International Herald Tribune. February 12, 2010.

итогам промежуточных выборов 2010 г. чаша весов сильно качнулась в сторону республиканцев, которые увеличили свое представительство в обеих палатах Конгресса и взяли под контроль палату представителей.

В Республиканской партии практически не осталось умеренных либералов, а в Демократической партии — консерваторов. Идеологические различия между двумя партиями значительно возросли. Голосования в конгрессе шли строго по партийным линиям, уровень партийной дисциплины был беспрецедентно высок. Во многом это было связано не только с экономическими, но и с социокультурными вопросами (аборты, права сексуальных меньшинств, роль религии), по которым найти золотую середину практически невозможно. Это затрудняет выработку двухпартийной позиции по многим вопросам, ведет к постоянному противостоянию «стенка на стенку».

Получив контроль над палатой представителей, республиканцы стали вносить существенные коррективы в повестку дня президента. В 2011 г. тривиальный вопрос об увеличении потолка государственного долга — с 1960 г. он повышался 78 раз (49 раз при президентах-республиканцах и 29 раз при демократах), — вызвал упоминавшийся острейший политический кризис, стоивший США высшего кредитного рейтинга.

Проблема бюджетного дефицита усугублялась тем, что республиканцы наотрез отказывались поддерживать любое увеличение налогов, а Обама не мог покуситься на социальные расходы и отказаться от своего предвыборного обещания не повышать налоги для домовладений с совокупным годовым доходом меньше 250 тыс. долл., т.е. для абсолютного большинства американцев. И ни одна из партий не может ставить вопрос о радикальном снижении оборонных расходов. В СМИ и политических кругах начались активные дискуссии о кризисе управляемости в США.

Межпартийное противостояние налицо и по вопросам внешней политики. В ходе избирательной кампании 2012 г. республиканские кандидаты дружно обвиняли Обаму в том, что он способствует «уменьшению американской мощи»[1]. Наиболее жестко республиканцы критиковали провозглашенный Обамой лозунг ядерного разоружения, не без успеха добиваясь увеличения ассигнований на модернизацию ядерного арсенала. Две трети республиканских сенаторов проголосовали в декабре 2010 г. против ратификации нового Договора СНВ. Подавляющее большинство республиканцев выступает в принципе против контроля над вооружениями. В партии по-прежнему сильны позиции неоконсерваторов, которые могут занять ключевые посты в случае ее победы на президентских выборах, что обещает возвращение к поли-

[1] How the GOP Should Attack Obama's Foreign Policy in 2012 // Foreign Policy, August/July 2011.

тике односторонних силовых действий в стиле Буша-мл. Краутхаммер, один из столпов неоконсерватизма, писал, что политика Б. Обамы является «пассивной, реактивной, импульсивной и запутанной», и обвинил его в том, что он «сознательно сокращает присутствие, позиции и лидерство США в мире»[1]. В то же время некоторые сторонники «Движения чаепития», включая кандидата на пост президента Рона Пола, являются приверженцами изоляционизма, выступают за немедленное прекращение войн и вывод войск, за уменьшение американских обязательств за рубежом. Внутри собственной электоральной базы Обамы существует недовольство президентом из-за сохраняющегося военного присутствия в Афганистане, сохранения тюрьмы в Гуантанамо.

На президентских выборах 2012 г. Обама выглядел довольно легкой мишенью: экономическая ситуация тревожная, настроения пессимистические, госдолг зашкаливает, дефицит бюджета огромен, безработица высокая. Шансы Обамы сохранить пост президента были связаны в первую очередь с некоторым улучшением экономической динамики и снижением безработицы. А во вторую очередь — с неспособностью республиканцев выдвинуть объединяющую их электорат и популярную фигуру кандидатом на пост президента. Митт Ромни оказался скорее слабостью Республиканской партии. Он не стал фигурой, объединяющей всех недовольных. Как отмечала Наталья Травкина из ИСКРАН, «выяснилось, что Б. Обама и демократы в целом пришли к выборам 2012 г. с таким запасом прочности, о котором не подозревали их противники из Республиканской партии, ставшие, по сути, жертвами собственной раскрученной на полную мощь пропагандистской машины»[2].

Победа Обамы зависела от того, как проголосуют избиратели в семи-восьми штатах, которые называют «колеблющимися». Президенту достаточно было выиграть в большинстве таких штатов, а Ромни надо было выигрывать во всех. Чуда не произошло. Победа Обамы обнаружила одну серьезную структурную проблему, определяющую преимущество демократов перед республиканцами — демографическую. Те категории избирателей, которые с большей вероятностью голосуют за демократов (афроамериканцы, испаноязычные, американцы азиатского происхождения, молодежь), растут быстрее, чем отдающие предпочтение республиканцам (белые, пенсионеры). Обама триумфально выиграл выборы, заручившись поддержкой лишь 39% белых избирателей и 44% лиц старше 65 лет[3].

---

[1] The Washington Post. April 29, 2011.

[2] *Н.М. Травкина.* Избирательная кампания в США 2012 года: 6 млрд долл. за сохранение статус-кво // США. Канада: экономика, политика, культура. № 3. 2013. С. 19.

[3] *Michael D. Shear.* A Demographic Wall? Ever Shifting, Poses Test for Republican Strategy // International Herald Tribune. November 9, 2012.

В Конгрессе расстановка сил по итогам выборов тоже почти не изменилась. Демократы добавили себе два места (что было очень неплохим результатом, учитывая, что на кону стояло 23 демократических кресла и только 10 республиканских), и соотношение сил составило 54:45 при одном независимом. В палате представителей демократы получили на 16 мест больше, чем ранее, но республиканцы сохранили перевес — 234:201.

Продолжился законодательный ступор, причем по всем тем вопросам, которые определяют перспективы развития американской экономики и Америки как государства. Ни один из законопроектов, который помог бы улучшить экономическую ситуацию, в Конгрессе просто не проходил. В итоге три четверти американцев были недовольны тем, как конгресс выполняет свою работу, а девять из десяти считали, что его члены больше озабочены обслуживанием групп специальных интересов, нежели избирателей[1].

Особо острым политическим вопросом — помимо традиционных бюджета и медицинского страхования — стала реформа иммиграционного законодательства. Обама предлагал действовать сразу по трем направлениям: обеспечить строгое выполнение миграционных законов, регулировать приток новых нужных стране мигрантов и легализовать статус 11 млн нелегалов, уже находящихся в США. Всеобъемлющий законопроект в июне 2013 г. был поддержан двухпартийным большинством в сенате, но затем его намертво заблокировало республиканское руководство во главе со спикером палаты представителей Джоном Бенером. Оно заявило, что предпочтет несколько отдельных законов, которые бы обеспечивали строительство стены по границе с Мексикой, визы для сезонных рабочих, но слова типа «путь к гражданству» остаются для республиканцев неприличными[2].

Падавшая популярность Обамы дала республиканцам шанс на промежуточных выборах 2014 г. завоевать уже обе палаты в Капитолии. И они его не упустили, сделав центральной тему некомпетентности администрации Обамы, провалившейся на всех фронтах. «Голосование закончило долгую, горькую и дорогостоящую кампанию, в которой доминирующей проблемой был президент, — писала The Washington Post. — Всего через два года после комфортабельного переизбрания Обамы его имидж был разрушен неудачным запуском программы медицинского страхования и неверной реакцией на кризисы за рубежом. Республиканцы жестко с ним боролись, а демократы от него бежали»[3].

---

[1] *Ashley Parker, Allison Kopicki.* In Poll? Unity on Guns but a Divide on Leadership // International Herald Tribune. May 3, 2013.

[2] Of Courage and Cantaloupes // International Herald Tribune. August 5, 2013; Stalled Immigration Reform // International New York Times. November 28, 2013.

[3] *David A. Fahrenthold.* GOP Dominates Midterms, Takes Control of Senate // The Washington Post. November 5, 2014.

Промежуточные выборы обернулись катастрофой для демократической партии. Она потеряла большинство в Сенате, а в палате представителей республиканцы получили 247 мест — больше, чем когда-либо с 1929 г. Перспективы сохранения демократами Белого дома после 2016 г. также оказываются под сомнением, хотя ранее считалось, что у явного лидера в уже начавшейся у демократов предвыборной гонке — Хиллари Клинтон — очень хорошие шансы на успех. Эксперты считали, что электоральной коалиции «всех цветов радуги» для победы может не хватить, нужна основательная программа, которая повернула бы избирателей в сторону демократов[1]. Пока же Клинтон расширяет свою базу поддержки вправо. Ее сторонниками стали, в частности, видные неоконсерваторы Роберт Кейган и Макс Бут[2].

В 2015 г. США вступили в ситуации классического разделенного правления, когда президент принадлежит к одной партии, а большинство членов Конгресса — к другой. Паралича государственной машины удается избежать, прежде всего, благодаря нежеланию республиканцев представать партией голого обструкционизма и вынужденной готовности Обамы идти на компромисс с законодателями[3]. Именно вследствие такого компромисса удалось в декабре 2014 г. (уже после начала финансового года) принять федеральный бюджет, в котором под давлением республиканцев были отменены многие нормы, введенные в дни кризиса для регулирования финансовой системы. «То, что случилось, имеет отношение не к свободному рынку, а к жульническому капитализму»[4], — возмущался Пол Кругман в статье «Реванш Уолл-стрит».

Огромное возмущение республиканцев вызвала проведенная исполнительным приказом Обамы реформа, которая позволит избежать депортации примерно 5 млн незаконных мигрантов. Немедленно власти 17 штатов подготовили иски в суды, обвиняя президента в превышении полномочий. Во главе протестов оказался наиболее страдающий от миграции из Мексики Техас, в котором стали даже собирать подписи за выход штата из состава США[5].

А в кругах правых республиканцев (сенаторы Рон Джонсон и Том Кобурн) началось движение за проведение Конституционного конвента, который переписал бы Конституцию и включил бы в нее положения о сбалансированном бюджете и других ограничениях на расходные и налоговые полномочия федерального правительства. Теоретически

---

[1] *Edward Luce.* Clinton's Rickety Bridge to the Oval Office // Financial Times. December 1, 2014.

[2] *Doug Henwood.* Stop Hillary! Vote No to a Clinton Dynasty // Harper's Magazine. November 2014. P. 37.

[3] *Carl Hulse, Jeremy Peters.* Boehner Uses Mandate to Muffle Talk of Shutdown // International New York Times. December 2, 2014.

[4] *Paul Krugman.* Wall Street's Revenge // The New York Times. December 15, 2014.

[5] *Игорь Дунаевский.* Ковбои пишут Обаме // Российская газета, 17 декабря 2014.

созыв такого конвента возможен, для этого нужна воля 34-х штатов (но до этого еще очень далеко)[1].

Линия межпартийного водораздела прошла и по различным штатам. The New York Times, симпатизирующая демократам, в редакционной статье «Разъединенные Штаты» летом 2013 г. писала: «По медицинскому страхованию, образованию, многим другим проблемам карта Соединенных Штатов становится мозаикой сознательности и бессердечия. Люди по одну сторону границы штата имеют доступ к здравоохранению, сильным государственным школам и колледжам, к хорошей системе транспорта, а по другую — нет. Исчезновение чувства национального единства в Вашингтоне теперь обнаруживается по всей стране по мере того, как две дюжины штатов начинают отказываться от традиции ответственного правительства. Это не чисто партийный вопрос… Но большинство штатов, где республиканцы доминируют, сокращают сферу своей ответственности, тогда как штаты под контролем демократов продолжают верить в то, что правительство играет большую роль в поддержании социальной страховочной сетки»[2]. Действительно, в тех двух с лишним десятках штатов, где республиканская партия контролирует и пост губернатора, и легислатуры, при поддержке крупнейших предпринимательских организаций — Торговой палаты США и Национальной ассоциации предпринимателей — происходят удивительные вещи с правами трудящихся, как, например, отмена минимальной заработной платы для многих категорий занятых (например, для получающих чаевые и т.д.)[3].

А теперь вернемся к вопросу об особенностях американской политической системы, которые выделил Фрэнсис Фукуяма применительно к ранним этапам ее развития. По-прежнему исключительно большая роль законодательной и судебной власти в ущерб исполнительной делает процесс принятия любого серьезного решения предметом долгой борьбы, парализующей власть. «Конфликты, которые в Швеции или Японии разрешатся через тихие консультации между заинтересованными сторонами внутри бюрократии, в Америке будут бушевать в рамках формальной судебной процедуры… Политика является следствием сильно специализированного, а потому непрозрачного процесса принятия решений судьями, которые неизбираемы и обычно занимают свои посты пожизненно. Кроме того, когда одна сторона проигрывает законодательную битву, она может продолжать воевать на стадии реализации закона в судах, как это случилось с “Обамакэйр”».

---

[1] *Albert R. Hunt.* Clamor Rises to Rewrite Constitution // International New York Times. December 1, 2014.

[2] The Divided States // The New York Times. June 7, 2013.

[3] *Corey Robin.* The Republican War on Workers' Rights // The New York Times. May 19, 2014.

По-прежнему огромная роль групп интересов и лоббистов «искажает демократический процесс и приводит к эрозии способности правительства эффективно действовать». В 1971 г. в Вашингтоне существовало 175 зарегистрированных лоббистских фирм, к 2009 г. их число выросло до 13 700 с годовым бюджетом более 3,5 млрд долл. В США высокие ставки налога на корпорации, но почти никто не платит по таким ставкам, потому что почти все корпорации — через лоббистов — добились для себя различных лазеек.

Система принятия решений стала чрезмерно децентрализованной, считает Фукуяма, «чрезмерно демократичной», а «ветократия» — еще более могущественной. Государство стало огромным, но при этом наименее эффективным из всех демократических стран. «В период острой политической поляризации эта децентрализованная система все меньше и меньше способна представлять интересы большинства, но дает чрезмерное представительство взглядам групп интересов и организаций активистов, что не добавляет суверенитета американскому народу»[1].

Схожих взглядов придерживается и Ниал Фергюсон: «Американцы когда-то могли с гордостью заявить, что их система задавала модель всему миру. Соединенные Штаты были правлением закона, сейчас же мы видим правление юристов, а это не одно и то же». США, по его мнению, отстают от остального мира в таких аспектах, как эффективность политической системы, ясность законов, достаточность регулирования, эффективность правовой системы, гибкость при увольнении и приеме на работу[2].

Сейчас Вашингтон сосредоточен на налогах и сокращении расходов, — отмечает, в свою очередь, Фарид Закария, — в то время как его основной задачей должны быть реформы и инвестиции. США, помимо прочего, требуются существенные перемены в фискальной, социальной, инфраструктурной, иммиграционной и образовательной сферах. Однако поляризованный и часто парализованный истеблишмент откладывает проблемы на будущее, в результате их решение становится все более сложным и дорогостоящим. Исследования показывают, что обострение политических разногласий в Вашингтоне достигло максимума за весь период после Гражданской войны… Сегодня масштабы проблем выросли, а американская демократия функционирует с огромным трудом и обладает гораздо меньшим авторитетом, чем когда-либо ранее, и у нее значительно меньше рычагов, чтобы воздействовать на глобализированную экономику»[3].

---

[1] *Francis Fukuyama.* The Decay of American Political Institutions // The American Interest. Winter (January/February), 2014. P. 8–9, 11, 13, 19.

[2] *Niall Ferguson.* The Great Degeneration. P. 108, 100.

[3] *Фарид Закария.* Можно ли поправить дела Америки? Новый кризис демократии // Россия в глобальной политике. № 1. Январь–февраль 2013. С. 62–63, 64.

Степень зарегулированности различных сторон жизни зашкаливает. Такого количества бумаг, как при поступлении на временную работу в Калифорнийском технологическом институте, я не заполнял никогда, даже в администрации Президента СССР. Налоговый кодекс, если соединить все нормы, составит 73 тыс. страниц. Количество нормативных актов федерального правительства, штатов и местных органов власти не поддается исчислению. В исследовании конкурентоспособности Всемирного экономического форума США оказались на 76-м месте по «бремени государственного регулирования».

Новый тур дискуссий о качестве американской демократии вызвали известные скандалы, связанные с деятельностью спецслужб. В июне 2013 г. The Washington Post и The Guardian опубликовали данные, согласно которым с 2007 г. АНБ по требованию ФБР начала секретную программу по сбору информации PRISM. Она была запущена на основании Закона о контроле за деятельностью иностранных разведок (FISA) и принятого в том же году закона Protect America Act (PAA), который позволяет вести слежку за агентами иностранных спецслужб за пределами США без соответствующего судебного решения. Программа позволила разведслужбам получать доступ к аудио- и видеофайлам, проверять сообщения электронной почты, а также выяснять местонахождение и перечень контактов интернет-пользователей. В числе компаний, сотрудничающих со спецслужбами, были названы Microsoft, Yahoo!, Google, Facebook, AOL, Skype, YouTube, Apple и PalTalk. Стало также известно, что по запросу ФБР крупнейшая телекоммуникационная компания США Verizon в течение трех месяцев передавала спецслужбам данные о телефонных звонках американских граждан.

Обама выступил со специальным заявлением, в котором подтвердил наличие такой программы, но заверил, что она «не касается граждан США и тех, кто живет на территории страны». Тем самым президент впервые признал: спецслужбы США шпионят за иностранцами через соцсети. По его мнению, это — «скромная плата за участие в войне с терроризмом». Ряд членов Конгресса США заявили протест, сообщив, что ничего не знали о подобной операции спецслужб, хотя Обама уверял, что с каждым конгрессменом был проведен детальный брифинг. Обеспокоенность сбором данных в Интернете высказали и официальные представители ЕС, других зарубежных стран. Но США дали понять, что не собираются отказываться от слежки[1].

В январе 2014 г. Обама запретил АНБ прослушивать телефонные звонки внутри США без судебного решения. Но при этом не запрещается «случайная» прослушка, если она ведется в рамках слежки за

[1] *Кирилл Белянинов, Елена Черненко.* «Большой брат» ушел в виртуальный мир: Барак Обама признал, что спецслужбы США следят за иностранцами в интернете // Коммерсантъ. 10 июня 2013.

иностранными гражданами. Правовая основа деятельности разведорганов, как утверждают американские правозащитники, — своего рода черный ящик. Она ведет свое начало еще от исполнительного приказа 12333 президента Рейгана. Правила постоянно меняются в коридорах исполнительной власти без участия Конгресса и даже специального секретного суда по вопросам разведки, который принимает решения по прослушке внутри страны[1].

Летом 2014 г. Обама признал, что спецслужбы США в целях борьбы с терроризмом активно использовали пытки, а в декабре появился соответствующий доклад сенатского комитета по разведке. Образ Америки как светоча демократии заметно потускнел.

Сила: умная или грубая?

Еще до победной избирательной кампании — в 2006 г. — Барак Обама выпустил книгу «Дерзость надежды», где имелся внушительный внешнеполитический раздел, ставший затем каркасом философии нынешней демократической администрации. Обама — один из очень немногих американских лидеров, обративших внимание на темную сторону концепции «предначертания судьбы», которое «также означало и завоевание — кровавые ожесточенные бои с племенами коренных американцев, прогоняемых с земли, и с мексиканской армией, защищающей свои границы. Это завоевание, как и рабство, противоречило принципам основания Америки, его склонны были объяснять в расистских терминах, это было завоевание, полностью впитать которое американской мифологии всегда было трудно, но которое другие страны признавали тем, чем оно являлось, — применением грубой силы»[2]. Обама очень резко отзывался о политике своего предшественника, который вместо программы американского лидерства предложил «набор устаревших политических стратегий из прошлых эпох, с которых сдули пыль, слепили вместе и приделали новые ярлыки. “Империя зла” Рейгана теперь стала “осью зла”, доктрина Монро в версии Теодора Рузвельта — идея, что мы можем в превентивном порядке смещать не нравящиеся нам правительства, — стала ныне и доктриной Буша. Доктриной, распространившейся уже за пределы Западного полушария, чтобы охватить весь мир. “Предначертание судьбы” снова стало модным; все, что нужно, согласно Бушу, это американская огневая мощь, американская решимость и “коалиция единомышленников”»[3].

---

[1] *Charles Savage.* Surveillance Order Faulted Over Rights // International New York Times. August 15, 2014.

[2] *Barak Obama.* The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. N.Y., 2006. P. 281.

[3] Ibid. P. 293.

Однако в качестве альтернативы Обама предложил довольно жесткий вариант либерального интернационализма. Идеалом для него стали послевоенные руководители — президент Трумэн, Дин Ачесон, Джордж Маршалл и Джордж Кеннан, которые построили новый порядок, «соединивший в себе идеализм Вильсона и трезвый реализм, признание силы Америки и ее способности управлять событиями во всем мире… Америка нуждалась в надежных союзниках — союзниках, которые разделяли бы идеалы свободы, демократии, власти закона и видели бы свою выгоду в рыночной экономике»[1].

В первые два года президентства Барака Обамы осуществлялась масштабная работа по пересмотру концептуальных основ военно-политической стратегии.

Следует подчеркнуть, что инициатива выработки стратегии национальной безопасности принадлежала министерству обороны под руководством многоопытного Роберта Гейтса, который работал уже в восьмой по счету администрации (он был помощником Збигнева Бжезинского в администрации Джеймса Картера, руководил созданием антисоветского подполья в Афганистане, занимал руководящие посты в ЦРУ и Пентагоне). В течение 2010–2011 гг. был выпущен солидный пакет и других доктринальных документов в области национальной безопасности и обороны[2]. Первым стал выпущенный в феврале 2010 г. Четырехлетний обзор в области обороны (Quadrennial Defense Review).

Разработчики исходили из того, что США и остальной мир вступал в третью после 1945 г. «стратегическую эру». Первая — это холодная война с биполярной конфронтацией, вторая — короткий период между распадом СССР и началом глобальной войны с терроризмом, ознаменованный американским абсолютным доминированием. Прежние стратегические установки о долговременном американском доминировании вступили в известное противоречие с увязанием в локальных конфликтах в Ираке и Афганистане, быстрым ростом крупных развивающихся экономик, вызванным самой Америкой мировым экономическим кризисом.

Подтверждалась заинтересованность Соединенных Штатов в поддержании такого баланса сил, который позволял бы им сохранять доминирующие позиции в мировой экономике и политике. Основной

[1] Ibid. P. 284.

[2] Четырехлетний обзор в области обороны (Quadrennial Defense Review, February 2010), Обзор по программе ПРО (Ballistic Missile Defense Review Report, February 2010), Ядерный обзор (Nuclear Posture Review, April 2010), Стратегия национальной безопасности (Nation Security Strategy, May 2010), Обзор космической политики (Space Policy Review, June 2010), Национальная стратегия космической безопасности (National Security Space Strategy, January 2011), Национальная военная стратегия (National Military Strategy, February 2011).

стратегической целью Соединенных Штатов, как и на протяжении всего периода после Второй мировой войны, остается предотвращение появления равного соперника.

В начале 2012 г. Фарид Закария как главный редактор журнала Time попросил президента описать «доктрину Обамы». Глава Белого дома предпочел не давать прямого ответа, а ударился в рассуждения о том, что Соединенные Штаты должны действовать совместно с другими странами, что он осуществляет такое «американское лидерство, которое признает подъем Китая, Индии и Бразилии. Это лидерство США, при котором мы сознаем пределы наших ресурсов и возможностей». Закария комментирует: «Этот многосторонний подход — слушать других, учитывать их национальную гордость, интересы, эго — это, безусловно, продукт его космополитического бэкграунда, с кенийским отцом, индонезийским отчимом и матерью, которая занималась исследованиями в области глобального развития»[1].

На смену политики односторонних силовых действий приходила новая стратегия — стратегия «умной силы» (*smart power*), которая определялась комиссией во главе с автором этой идеи Джозефом Наем как «предоставление глобальных благ», недостижимых в отсутствие американского глобального лидерства[2]. На язык реальной политики концепцию перевела госсекретарь Хиллари Клинтон: «Для меня “умная сила” означала выбор правильной комбинации инструментов — дипломатических, экономических, военных, политических, правовых и культурных — для каждой ситуации. Цель “умной силы” и нашего повышенного внимания к технологиям, государственно-частному партнерству, энергетике, экономике и к другим вопросам вне стандартного портфеля Государственного департамента заключалась в дополнении более традиционных дипломатических инструментов и приоритетов, а не в их замене»[3].

Еще одним стратегическим новшеством стала доктрина «лидерства из-за сцены» (*leadership from behind*), которая наглядно проявилась в связи с событиями в Ливии и Сирии, несомненно инспирированными Вашингтоном, который, однако, предпочел действовать чужими руками. «Использовать беспилотные средства, такие как дроны, и полагаться на силы союзников больше, нежели на свои собственные, — вот что стало центральным звеном американской военной доктрины»[4], — пишет Доминик Моизи.

---

[1] Time. January 30, 2012. P. 18.

[2] CSIS Commission on Smart Power. Cochairs: Richard L. Armitage, Joseph S. Nye Jr. Center for Strategic and International Studies, Washington, 2008. P. 5.

[3] *Hillary Rodham Clinton.* Hard Choices. L., 2014. P. 33.

[4] *Dominique Moisi.* Rule by Proxy Is New U.S. Leadership Model // The Moscow Times. May 22, 2013.

Белый дом выстраивал такую систему тематических и региональных приоритетов: союзники, быстро развивающиеся экономики, Россия, страны исламского мира, международные организации.

После Второй мировой войны активной стороной в отношениях между Америкой и странами Западной Европы выступали Соединенные Штаты. Интересы Вашингтона на европейском континенте, по словам Грэма, в последние десятилетия выражались тремя простыми формулами: не допустить доминирования какой-то одной державы в Европе и — в более широком смысле — в мире; минимизировать риск конфронтации великих держав в Европе, не позволяя тем самым дестабилизировать мировую систему и уничтожить значительную часть благосостояния; развивать тесные торговые отношения на благо процветания Америки в долгосрочной перспективе. В современных условиях, однако, США нужна единая Европа, выполняющая роль их настоящего глобального партнера, противостоящего многочисленным вызовам и способного участвовать в управлении все более сложной мировой системой, «Европа, разделяющая — в широком смысле — американские ценности»[1]. В 2010 г. Барак Обама выступил со специальной статьей, в которой писал: «Ни с одним другим регионом у Соединенных Штатов нет такого близкого совпадения ценностей, интересов, возможностей и целей»[2].

Администрация Обамы предприняла усилия с целью укрепить ослабевшее при Буше-младшем единство западного сообщества, возобновить сотрудничество с Германией и Францией, преодолев разногласия по таким вопросам, как войны в Ираке и Афганистане. Обама предложил укрепить механизм консультаций с союзниками по блоку НАТО и наметить программу реформы альянса, для чего была создана группа экспертов во главе с бывшим госсекретарем США Мадлен Олбрайт[3]. Основные выводы группы свелись к следующему:

- НАТО, как группировка, выигравшая холодную войну, должна и дальше играть ключевую роль в упрочении евро-атлантического единства и обеспечении безопасности;
- поскольку блоковая основа союзнических отношений между США и странами евро-атлантической зоны сохранилась, должен быть выработан согласованный блоковый подход к отношениям с ключевыми странами, не вошедшими в альянс: в Европе — Россия, Сербия, «нейтралы», на Ближнем Востоке — арабские страны, в Южной Азии — Индия, Иран и Афганистан;

---

[1] *Томас Грэм.* Трансатлантическая безопасность: нужна ли ревизия? // Россия в глобальной политике. Май–июль, 2010. С. 69.

[2] *Barak Obama.* Europe and America? Aligned for the Future // International Herald Tribune. November 20–21, 2010.

[3] NATO 2020: Assured Security, Dinamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on New Strategic Concept for NATO. May 17, 2010.

- Соединенные Штаты и дальше должны играть роль гаранта безопасности своих союзников. При этом, в связи с неудачами в Ираке и Афганистане, финансовым кризисом, ростом Китая и других развивающихся экономик, ставилась под сомнение способность США продолжать играть ту же лидирующую роль в отношениях с союзниками, что и в годы холодной войны.

В обнародованной в мае 2010 г. Стратегии национальной безопасности поддержание экономики и уровня жизни союзных стран и самих США было объявлено одной из главных задач. С другой стороны, как мы уже знаем, в Вашингтоне зрело разочарование в европейских союзниках, как в связи с их нежеланием и неспособностью помочь даже партнерам по альянсу, так и вследствие нежелания увеличивать военные обязательства.

О решении администрации Барака Обамы приступить к практическому сокращению военного присутствия в Европе объявил министр обороны Леон Панетта в январе 2012 г. в Форт-Блиссе, штат Техас: Европу должны покинуть две из четырех расквартированных там армейских бригад. При этом США намерены были сохранить военную базу Рамштайн в ФРГ, а также базу Авиано в Италии. Общее число американских военнослужащих в Европе в итоге не должно было превысить 30 тыс., вместо имевшихся 80 тыс. Одновременно администрация Обамы дала понять, что сокращение бюджета не помешает развертыванию системы противоракетной обороны в Европе: размещению компонентов ПРО в Польше и Румынии, радара в Турции, кораблей класса Aegis с ракетами-перехватчиками на борту — в одном из портов Испании[1].

На фоне украинского кризиса очевидно проявляется стремление США использовать его для увеличения военных расходов европейских стран. Налицо и стремление Вашингтона создать в ЕС рынок для американского сланцевого газа, перекраивая географию энергетических поставок. Именно США продавливают в Европе жесткие санкции против России.

Наряду с развитием военно-политического сотрудничества Соединенные Штаты все активнее работали над созданием системы крупных экономических группировок. НАФТА много критикуют, но ее достижения трудно оспорить. «Объединив экономики Канады, Мексики и Соединенных Штатов, НАФТА создала региональный рынок размером в 19 трлн долл. с 470 млн потребителей. По оценке Торговой палаты США, шесть миллионов рабочих мест зависят от торговли с Мексикой и еще восемь миллионов — от торговли с Канадой. НАФТА была первым полноценным договором о свободе торговли между

[1] Коммерсантъ. 17 января 2012.

развитыми и развивающимися странами»[1], — писала сопредседатель Совета по международным делам Карла Хиллс. Каждый день товары и услуги на 2 млрд долл. пересекают северную границу США, на 1 млрд — южную.

Сейчас Соединенные Штаты озабочены созданием сразу двух новых интеграционных группировок — трансатлантической (со странами Евросоюза; речь об этом уже шла) и транстихоокеанской. В переговорах о Транстихоокеанском партнерстве участвуют США, Канада, Мексика, Чили, Перу, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Сингапур, Малайзия и Бруней. Есть перспективы присоединения к переговорам Японии, что позволит объединить страны, на которые приходится 40% мирового ВВП и мировой торговли. Иан Бреммер и Дэвид Гордон называют это объединение «геополитическим актором, способным изменить правила игры» (*a geostrategic game-changer*) и считают, что его создание позволит США «обрести то, в чем они сильно нуждаются: безопасную и долговременную основу для либеральной торговли, инвестиций, принципов регулирования в самом экономически многообещающем районе мира, который в противном случае оказался бы замороженным в расширяющейся тени китайского государственного капитализма»[2].

Отношения с крупными развивающимися экономиками изначально характеризовались администрацией Обамы как «мультипартнерство».

Политика Обамы в отношении пятерки БРИКС включала несколько противоречивых элементов. С одной стороны, с каждой из этих стран США поддерживают достаточно плотные отношения, ориентированные на сферы, представляющие взаимный интерес: торговля и финансы — с Китаем, инвестиции и технологии — с Индией, межамериканская солидарность — с Бразилией; стратегическая стабильность — с Россией. С другой стороны, налицо стремление не допустить консолидации группы БРИКС для совместных действий, особенно с другими развивающимися странами, что позволило бы им стать глобальным игроком в ущерб США. Отсюда стремление «развести» страны БРИКС: Индию и Бразилию в Вашингтоне принято хвалить как демократии, а потому представлять потенциальными союзниками, а Россию и Китай критиковать как автократии, представляющие потенциальную угрозу. В Америке сотрудничество в рамках БРИКС обсуждается лишь в двух контекстах: это либо невозможно, поскольку страны слишком разные; либо реакционно, коль скоро пятерка способна бросать вызов «свободному миру». Но чаще существование БРИКС или его саммиты просто игнорируют.

---

[1] *Carla A. Hills.* NAFTA's Economic Upsides. The View From the United States // Foreign Affairs. January/February, 2014. P. 122.

[2] *Ian Bremmer, David Gordon.* Two Key Foreign Policy Openings for Obama // International Herald Tribune. February 26, 2013.

Растущее значение во внешнеполитической стратегии США обрел Азиатско-Тихоокеанский регион. Торговые связи американцев со странами Восточной Азии уже давно развиваются значительно активнее, чем с европейскими государствами. Здесь находится ряд ключевых союзников США, крупнейшая мусульманская страна мира — Индонезия, играющая значительную роль в кампании США по пропаганде «мягкого ислама». Именно в контексте АТР США склонны рассматривать Индию, стремясь привязать ее к интеграционным процессам в регионе. Наконец, определяющее значение для американской политики играет фактор Китая — главного стратегического визави США в XXI в. В этой связи весьма симптоматичным выглядело и то, что Обама позиционировал себя как первого тихоокеанского президента Соединенных Штатов, и заявленный им и Хиллари Клинтон «разворот в сторону Азии».

«Президент разделял мое стремление поставить Азию в фокус внешней политики администрации, — вспоминала Клинтон. — Рожденный на Гавайях, проведший годы своего становления в Индонезии, он чувствовал сильную личную связь с этим регионом и понимал ее значимость… В течение следующих четырех лет мы использовали то, что назвали “дипломатией передового базирования”, в Азии, позаимствовав этот термин от наших военных коллег»[1]. Количественные параметры сдвига американской политики озвучил министр обороны США Леон Панетта в июне 2012 г. на Диалоге Шангри-Ла в Сингапуре: к 2020 г. 60% военных кораблей США, включая 6 авианосных группировок, будут базироваться в АТР.

Вопросом номер один является, безусловно, усиление Китая. Наиболее опасным сценарием рассматривается его усиление за счет Соединенных Штатов, т.е. путем замещения их связей с ближайшими союзниками влиянием Пекина. На сегодня этого не происходит: ни один ключевой военно-политический партнер США в Восточной Азии не рассматривает КНР как альтернативу Вашингтону, напротив, все они видят в Соединенных Штатах единственное государство, способное сбалансировать Китай и не допустить его доминирования в регионе. И все же Китай определенно увеличивает свое влияние в Восточной Азии и пока успешно нейтрализует создание любых, даже неформальных, коалиций, которые были бы направлены против него.

На развитие двусторонних отношений значительно повлиял мировой финансово-экономический кризис, который выявил высокую степень взаимозависимости между крупнейшей потребляющей и крупнейшей производящей экономиками мира. Китай выступил главным кредитором Соединенных Штатов и локомотивом глобального выхода из рецессии. В своей книге, вышедшей в 2009 г., Захари Карабелл

[1] *Hillary Rodham Clinton.* Hard Choices. P. 45.

ввел в употребление быстро ставший популярным термин «Химерика» (Chimerica)[1], обозначавший симбиоз двух экономик. Заговорили и о «Большой двойке» (G-2) — неформальном союзе США и Китая, способном решать судьбы мира. По сути, речь шла об американской инициативе по созданию (или воссозданию) биполярной системы, которая некоторыми американскими аналитиками рассматривалась как благоприятный сценарий развития глобальной политики. Команда Обамы сформулировала и новый подход к американо-китайским отношениям — «стратегическое заверение», подразумевающее толерантную позицию США в отношении увеличения геополитической мощи и влияния Китая в мире в обмен на сотрудничество с США по ключевым вопросам безопасности[2].

Однако вскоре стало очевидно, что первоначальные ожидания американской политической элиты от этого проекта не оправдались. Идти на равноправные отношения с Китаем в Вашингтоне оказались психологически не готовы, а статус младшего партнера не устраивал Пекин. Китайцы увидели в формуле «Большой двойки» стремление Америки получить рычаги влияния на их внутреннюю политику для развала изнутри. Вашингтон так и не дождался поддержки от Пекина в северокорейском и иранском вопросе. Как следствие — очередное обострение американо-китайских отношений, проявлением которых стали конфликтные ситуации вокруг Google в Китае, встречи Обамы с далай-ламой, возвращение американцев к проблематике прав человека в Китае и возобновление поставок американского оружия на Тайвань. Усилилось противостояние в валютно-финансовой и военно-политической сферах, в киберпространстве.

Не был безоблачным визит Си Цзиньпина в Вашингтон в феврале 2011 г., который рассматривался как главный этап его мировой премьеры в качестве нового китайского лидера. Ключевые темы огласил вице-президент США Джо Байден. «Мы, американцы, ценим конкуренцию. Но сотрудничество может быть взаимовыгодным только тогда, когда все играют честно». После чего перечислил претензии к Пекину: заниженный курс юаня, принуждение иностранных компаний передавать технологии в обмен на доступ к китайским рынкам, нарушения прав человека, поддержка диктаторских режимов вроде сирийского. Те же тезисы прозвучали во время встречи в Белом доме с Бараком Обамой. Все упреки Си Цзиньпин выслушал с улыбкой. А в ответ заметил, что «проблемы следует решать с помощью диалога, а не путем продавливания одной точки зрения».

---

[1] *Zahary Karabell.* Superfusion: How China and America Became One Economy and Why the World's Prosperity Depends on It. N.Y., 2009.

[2] *Yang Peng.* "Strategic Reassurance" and the Future of China-U.S. Relations // CIR. September/October 2010. P. 17–19.

Для полномасштабной конфронтации с Китаем у американцев сейчас нет ни сил, ни желания. Пекин же — при всех противоречиях — прекрасно понимает роль США в современном мире. В июне 2013 г. состоялась встреча Си Цзиньпина и Обамы в Калифорнии, которую эксперты назвали самым важным событием в истории двусторонних отношений с момента исторического сближения Мао и Никсона в 1972 г. Функционирует формат ежегодного Стратегического и экономического диалога США–Китай, в котором принимают участие министры иностранных дел и финансов двух стран, а также Диалога стратегической стабильности, в рамках которого обсуждаются самые деликатные вопросы, связанные с конфликтами на морях и кибербезопасностью. Пятый такой диалог состоялся в июле 2013 г. В июне 2014 г. прошли самые крупные в истории военно-морские учения США — Тихоокеанский барьер, — в которых приняли участие и 4 китайских корабля[1]. На саммите АТЭС осенью 2014 г. США и Китай подписали соглашения о сотрудничестве в области окружающей среды и в военной сфере.

Вместе с тем в апреле 2014 г. Обама совершил вояж в Восточную Азию, в ходе которого подписал новое военное соглашение с Филиппинами. Усиливается американское военное сотрудничество с Японией и Кореей, впервые морские пехотинцы США размещены в Австралии, увеличивается количество вылетов американских боевых самолетов из Сингапура. Прозвучали заявления о намерении получить возможность для «временного военного присутствия» США во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии. Пентагон активно реанимирует американские и японские аэродромы времен Второй мировой войны в Тихом океане для целей сдерживания Китая. Хотя сам Обама заявлял, что в его планы входит лишь «обеспечение соблюдения международных правил и норм», агентство Синьхуа расценило визит как часть «хорошо просчитанного плана посадить Китай в клетку»[2].

На протяжении последних лет именно Китай был в центре военного планирования Соединенных Штатов. Именно в отношении Китая (как, впрочем, и России) разрабатывалась концепция «воздушно-морской операции», создавалось соответствующее объединенное командование[3]. В Пекине прекрасно осознают антикитайскую направленность этой концепции и не раз высказывали озабоченность на этот счет[4]. В Соединенных Штатах в порядке вещей обсуждение раз-

---

[1] *Kurt M. Campbell, Ely Ratner.* Far Eastern Promises // Foreign Affairs. May/June 2014. P. 111; Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 327–328.

[2] *Geoff Dyer.* US Eyes Pacific Islands as Part of Military Strategy // Financial Times. April 29, 2014.

[3] *Aaron L. Friedberg.* Beyond Air-Sea Battle: The Debate Over US Military Strategy in Asia. L., 2014.

[4] *Zhao Jinjun.* Objectively Viewing “Air-Sea Battle” // Beijing Zhanyou Bao. June 30, 2012. P. 3; Not to Be MisunderstoodAir-Sea Battle is Officially Directed at China // Global Times. January 12, 2012.

личных сценариев военных действий против Китая, в том числе и в киберпространстве («компьютерное» соперничество рассматривается как фактор, который может только приблизить открытый военный конфликт)[1].

Руководитель разведки Тихоокеанского флота США (пять авианосных групп, 180 кораблей, 2000 самолетов, штаб-квартира на Гавайях) Джеймс Фэннел в 2013 г. однозначно объяснял причины, по которым 60% своей военно-морской мощи Вашингтон концентрирует в Тихом и Индийском океанах. Он утверждал, что китайский флот занят подготовкой к войне, имея целью именно американские ВМФ, и уже стал «серьезной боеспособной силой»[2]. А командующий Тихоокеанским флотом Гэрри Харрис уже в 2014 г. осуждал китайские «реваншистские тенденции» и убеждал страны АТР не прибегать к «односторонним акциям и воспламеняющей риторике, чтобы не сорваться в кризис по типу крымского, что было бы губительно для мировой экономики»[3]. Впрочем, многие американские военные эксперты не склонны преувеличивать возможности китайского флота, называя выводы о способности КНР применять его в отдаленных регионах земного шара «чистой спекуляцией» и считая его организацию и структуру типичными для ВМФ, который предназначен для обороны побережья[4].

Вместе с тем существуют и факторы сближения. КНР для США является и крупнейшим кредитором, и важнейшим торговым партнером. Китай не может быстро расстаться со своими долларовыми активами, не рискуя обвалить доллар и американскую экономику, что приведет к обесценению собственных золотовалютных резервов и сжатию важнейшего рынка сбыта. Но первые осторожные шаги уже предприняты: доля ценных бумаг США в золотовалютных резервах Китая сокращается.

В Вашингтоне внимательно следят за подъемом Индии, которая с 2000-х гг. рассматривается в качестве возможного стратегического партнера, противовеса китайскому и, возможно, российскому и иранскому влиянию, союзника в борьбе с радикальным исламизмом. Рассматривая Индию в качестве перспективного экспортера безопасности «в Индийском океане и за его пределами», Соединенные Штаты не готовы сделать на нее решающую стратегическую ставку в регионе, подтверждая верность «долгосрочному стратегическому партнерству с Пакистаном, построенному на фундаменте взаимных интересов и совместных

---

[1] *David C. Gompert, Martin Libicki.* Cyber Warfare and Sino-American Crisis Instability // Survival. August/September 2014. P. 7–22.

[2] Цит. по: *John Garnaut.* Xi's War Drums // Foreign Policy. May/June 2013. P. 78.

[3] *Ben Bland.* Top US Pacific Admiral Criticizes Beijing // Financial Times. March 20, 2014.

[4] *Bernard D. Cole.* Asian Maritime Strategies: Navigating Troubled Waters. Annapolis (MD), 2013. P. 208.

усилий»[1]. Приверженность США альянсу с Пакистаном остается важнейшим препятствием к американо-индийскому сближению.

В кратко- и среднесрочной перспективе вектор угроз национальной безопасности указывает на Большой Ближний Восток. Ситуация там тесно переплетена с внутренней политикой США ввиду наличия крупных лоббирующих групп: влиятельнейшей еврейской общины, многомиллионного иранского, арабского и других мусульманских сообществ. Крайне важна для Вашингтона и энергетическая, и финансовая (арабские деньги хранятся главным образом в американских банках) составляющие ближневосточной политики.

Отношения Соединенных Штатов со странами исламского мира всегда развивались крайне неравномерно. Заметное место занимали союзники США — Египет, Саудовская Аравия, Кувейт, Иордания, Марокко и Пакистан. Они обеспечивали Соединенным Штатам необходимую поддержку и значительно смягчали трения между Вашингтоном и наиболее активными исламскими движениями.

В первые месяцы своего президентства Обама попытался сделать реверанс в сторону арабо-исламского мира, символом чего стала его речь в Каирском университете, действительно вызвавшая положительный резонанс у мусульман. Однако ее следствием явилось и снижение рейтинга Обамы до пяти процентов в Израиле, что стало угрожать уже электоральной коалиции демократической партии, в которой еврейские организации играют заметную роль. Результатом стал очевидный откат от первоначально заявленной ориентации и возвращение к более традиционным подходам.

В вопросе арабо-израильского урегулирования Обама попробовал проявить жесткость и настоять на согласии Израиля на урегулирование по формуле создания двух государств. Однако Израиль после строительства защитной стены, обещаний поставок новых систем ПВО, прекращения обстрелов с территории, подконтрольной ХАМАС, почувствовал себя в относительной безопасности и не демонстрировал заинтересованности в переговорах.

Главной проблемой для администрации Джорджа Буша в регионе первоначально являлся Ирак. При Обаме количество американских военнослужащих там к 2012 г. было сокращено до 16 тыс. «сотрудников посольства США» в Багдаде, действующих в рамках Миссии инструкторов и советников (The Iraq Training and Advisory Mission). В США верили, что иракские силы безопасности, несмотря на опасность возобновления насилия, все же имеют возможность сохранить порядок. Но после ухода американских войск страна вновь скатилась к угрозе гражданской войны.

[1] Ibidem.

Авантюрная политика США в Сирии, где Обама поддержал близкие «Аль-Каиде» группировки для свержения режима Башара Асада, в итоге обернулась огромной головной болью для Вашингтона. Выросшее и вооружившееся в Сирии Исламское государство Ирака и Леванта захватило значительную часть территории Сирии и Ирака, что потребовало нового военного вмешательства США. Известный журналист Питер Бейкер писал: «Обама оказался там, где точно не хотел быть. Надеясь закончить войну в Ираке, Обама стал четвертым президентом подряд, кто приказывает начать военные действия на этом кладбище американских амбиций»[1]. Еще больший резонанс, чем бомбардировки ИГ, вызвало заявление руководителя Объединенного комитета начальников штабов Мартина Демпси о том, что может потребоваться и наземная операция[2].

Большое внимание администрация Обамы уделяет Афганистану. Теневые правительства «Талибана» действуют в 33 из 34 провинций страны. Афганское общество на грани разрушения, жертвы среди мирных граждан приводят к тому, что целые группы населения, которые раньше сохраняли нейтралитет, все чаще поддерживают талибов. В то же время часть афганцев сумела наладить взаимовыгодные отношения с оккупационными силами, в первую очередь через полулегальный наркобизнес, в котором заинтересованы местные князьки и американские наркокартели. Фактически открытая граница с соседним Пакистаном, где расположены многие базы талибов, заставляет расширять сферу ответственности американских военных и спецслужб.

Администрация Обамы в 2010 г. резко — до 100 тыс. военнослужащих — увеличила американскую военную группировку в Афганистане, чтобы добиться решающих военных успехов. Особых успехов добиться не удалось, но США начали обещанный к 2014 г. вывод войск.

Полная стабилизация ситуации в проблемном регионе или стране (как в Германии или Японии после Второй мировой войны) далеко не всегда является целью политики США, часто их устраивает долговременная дестабилизация, не позволяющая поверженному противнику встать на ноги. И в случае с Афганистаном, возможно, США заинтересованы не в фиксации, а в дестабилизации ситуации. Линия на взаимодействие с «умеренными талибами» (напоминающая маневры по созданию «Аль-Каиды» для борьбы с просоветскими афганцами в 1980-е гг.) может означать готовность американцев передать власть — хотя бы на региональном уровне — в руки тех сил, которые (при воз-

---

[1] *Peter Baker.* Obama Back in a Conflict He'd Hoped to be Done with // International New York Times, August 9–10, 2014.

[2] The Slippery Slope Begins. Is U.S. Policy on Fighting ISIS Already Changing? // New York Times. September 17, 2014.

можной поддержке тех же наркокартелей) будут представлять постоянную и серьезную угрозу для соседей Афганистана.

Роль Пакистана с сокращением числа сил коалиции в Афганистане возрастет. Значительная часть пакистанской элиты делает ставку на радикальные исламистские силы в расчете на то, чтобы с их помощью добиться контроля над обширной территорией к западу и северу от страны. Обвинения пакистанских спецслужб со стороны США в пособничестве террористам оправданны. Но у США нет альтернативы поддержке Пакистана.

Растущее значение в стратегии национальной безопасности США имеет фактор Ирана, роль которого как региональной державы в последние несколько лет заметно выросла в результате ослабления его извечного противника — Ирака, возможности оказывать серьезное влияние на политику его шиитского руководства (говорят даже о своеобразном американо-иранском кондоминиуме в Ираке), а также из-за научного рывка, позволившего Ирану выйти на высокий технологический уровень, недоступный основным партнерам США из числа арабских стран. Одновременно у США создалось впечатление, что они имели возможность осуществить успешную операцию по смене власти в Тегеране.

Обретение Ираном ядерного оружия абсолютно неприемлемо для Соединенных Штатов и Израиля, поскольку это изменило бы весь стратегический баланс в регионе не в их пользу. Не вызывает сомнения, что администрации Обамы сдерживала Израиль от бомбардировок ядерных объектов Ирана. В американских СМИ появляется много сообщений от «высокопоставленных источников в Вашингтоне» о том, что США пугал чрезмерный пыл, проявляемый Израилем в противостоянии с Ираном, а последней каплей, переполнившей терпение Вашингтона, стало убийство в Тегеране ученого-ядерщика Мостафы Ахмади Рошана. США назвали условия, при которых война с Ираном станет неизбежной: если Тегеран непосредственно приступит к созданию ядерной бомбы, а также в случае перекрытия иранцами Ормузского пролива, через который осуществляется до 40% мирового экспорта нефти.

После ухода с политической арены президента Ахмадинежада Белый дом возобновил диалог с правительством Рухани. Но это решение вызвало серьезное раздражение произраильского лобби в Вашингтоне и суннитских стран — партнеров США на Ближнем Востоке. Снятие санкций с Ирана может затянуться.

Революционные события в Тунисе, Египте, Ливии, обострение внутренней ситуации в Алжире, Йемене, Сирии, Бахрейне поставили под сомнение исходные посылки региональной стратегии США. «Отчаянная по неразумности поддержка “арабской весны”, которая диктовалась совсем призрачной надеждой на укрепление позиций западной демократии в

мире, обернулась ослаблением в основном проамериканских режимов. Ближний Восток стал качественно менее стабильным»[1]. Популярность Америки на Большом Ближнем Востоке оказалась на исключительно низкой отметке как среди населения, так и среди элит. «Соединенные Штаты переживают стратегический поворот от когда-то доминирующей позиции на Ближнем Востоке. Они быстро превращаются лишь в одного из дерущихся игроков на хаотичной и сложной шахматной доске»[2].

Опыт американцев в Ираке и Афганистане довольно быстро показал, что внедрение демократического режима посредством военного вторжения и оккупации является крайне дорогостоящим и неэффективным методом.

В последнее время все чаще можно услышать немало критических высказываний в отношении результатов американских усилий по смене политических режимов, особенно на фоне дестабилизации на Ближнем Востоке и на Украине. В специальном исследовании на этот счет Стивен Кинцер пришел к выводу, что «большинство спланированных Америкой операций по смене режима в конце концов скорее ослабили, чем усилили безопасность Америки»[3]. Ричард Хаас уверен: «Существует множество данных о том, что постепенные и мирные реформы авторитарных систем не только менее дороги со всех точек зрения, но и с большей вероятностью могут иметь следствием открытое общество, а не разрушение и смерть. Давление в пользу смены режимов предлагает лекарства, которые хуже болезни»[4].

Внешнюю политику Обамы в США не ругает сейчас разве что ленивый. «Трудно представить кого-нибудь из последних президентов, кто бы так мало вырос, находясь у власти»[5], — возмущен главный редактор Foreign Policy Дэвид Роткопф. В 2014 г. Карл Роув предельно четко выразил суть претензий к Обаме: «Действия администрации, а точнее, зачастую, ее бездействие не выдерживает абсолютно никакой критики»[6].

«Что делать с путинской Россией?»

В вышедших в 2014 г. мемуарах Роберт Гейтс давал весьма критическую оценку политики США на российском направлении, подчеркивая, что «с 1993 г. Запад, и особенно Соединенные Штаты,

---

[1] *Сергей Караганов.* Россия–США: долгое противостояние? // Россия в глобальной политике. № 4. Июль–август 2014. С. 78.

[1] *Casimir Jost.* Out of Quicksand: Strategic Failure in the Middle East Could be a Blessing in Disguise // The American Interest. May/June 2014. P. 96–97.

[2] The Futility of Regime Change // International New York Times. August 16–17, 2014.

[3] The American Interest. May/June 2014. P. 40.

[4] *David Rothkopf.* National Insecurity: Can Obama's Foreign Policy be Saved? // Foreign Policy. September/October 2014. P. 46.

[5] *Carl Rove.* Obama's Foreign Policy Fails His Own Test // The Wall Street Journal. June 11, 2014.

сильно недооценивал степень российского унижения от проигрыша холодной войны и распада Советского Союза, что означало конец многовековой Российской империи. Самонадеянность американских официальных лиц, ученых, бизнесменов и политиков, которые объясняли русским, как им строить внутреннюю и внешнюю политику (не учитывая внутреннего психологического воздействия потери сверхдержавного статуса), привела к глубокой и долговременной обиде и горечи… Получение согласия Горбачева на объединенную Германию как члена НАТО было большим достижением. Но слишком быстрое включение столь большого количества ранее подчиненных СССР стран в НАТО было ошибкой… Когда Россия была слабой, в 1990-е и позже, мы не принимали российские интересы всерьез. Мы не утруждали себя тем, чтобы взглянуть на мир с ее позиции, и не выстроили отношения на перспективу»[1].

Россия заняла относительно высокую ступень в системе внешнеполитических приоритетов администрации Обамы — как один из поднимающихся крупных центров силы, крупный игрок на энергетическом рынке, единственная страна, обладающая способностью создать экзистенциальную угрозу Соединенным Штатам, и возможный источник угроз безопасности в Евразии. Белый дом приостановил реализацию планов ускоренного принятия Украины и Грузии в НАТО при сохранении военного сотрудничества на уровне, необходимом для фактической подготовки к членству.

Отношения с Россией и до украинского кризиса продолжали страдать от взаимного недоверия и строились по следующему принципу: улучшение отношений возможно, только если другая сторона изменится (Россия поменяет свою внутреннюю политику, а Америка — внешнюю). Стратегия, аналогичная подходу к России практикуется США лишь в отношении Кубы, стран-изгоев, Белоруссии и Сирии.

Сама стратегия, основанная на поиске общности интересов, широко критиковалась в Америке, особенно ветеранами холодной войны. Во внешнеполитических ведомствах США трудится огромное количество людей, которые набирались опыта в бывших соцстранах и союзных республиках, где их главной задачей был отрыв этих государств от России, против которой они и привыкли работать. Специалисты, по-настоящему знающие Россию, — в явном меньшинстве. Не случайно, что в Государственном департаменте не нашлось человека, способного объяснить разницу между «перезагрузкой» и «перегрузкой», что породило известный дипломатический казус. Директор Института США и Канады РАН академик Сергей Рогов справедливо сетовал на то, что «у

[1] *Robert M. Gates.* Duty: Memoirs of a Secretary at War. L., 2014. P. 157, 158.

стратегического партнерства России и США нет внутриполитической базы»[1].

Война в Южной Осетии была интерпретирована как свидетельство возрождения авторитарной и агрессивной России. На слушаниях в комитете по делам вооруженных сил сената США 24 марта 2009 г. генерал Джон Крэддок, одновременно руководящий Европейским командованием ВС США и Объединенными ВС НАТО в Европе, заявил: «Если ранее прогноз США и НАТО основывался на отсутствии угрозы вторжения в Европе и Евразии, то теперь ошибочность этого прогноза представляется доказанной»[2]. Следствием подобных оценок стали демонстративное возобновление планирования конвенциальных военных действий против России в случае «агрессии» против государств Балтии и программа военно-воздушных и военно-морских учений в непосредственной близости от наших границ весной–осенью 2010 г.

Вместе с тем оказалась возможной «перезагрузка». Что лежало в ее основе? Если говорить о ее непосредственных причинах, Эндрю Качинс, директор Центра Карнеги в Москве называл три главные: «растущая срочность разрешения иранского ядерного вопроса; нужда в дополнительных транспортных путях в Афганистан для поддержки растущего военного присутствия; возвращение к более многостороннему подходу для обеспечения ядерной безопасности и укрепления режима нераспространения»[3].

Новый тур обострения отношений наметился в связи с избирательным циклом 2011–2012 гг. в России, возвращением Путина на пост президента, волной обвинений Москвы в усилении диктаторских тенденций и массовых нарушениях прав человека и, наконец, в связи с событиями в Сирии. В США заговорили о начале новой холодной войны, не жалея эпитетов в адрес России. «Тяжелые люди ставят перед тяжелым выбором, и больше всех — Владимир Путин, президент России, — сокрушалась Хиллари Клинтон. — Его взгляд на мир определяется восхищением могущественными царями российской истории, давним интересом России интегрировать нации на ее границах, личным стремлением никогда больше не допустить, чтобы его страна выглядела слабой или зависимой от милости Запада, какой она была, по его мнению, после крушения Советского Союза. Он хочет восстановить российскую силу через доминирование над соседями и контроль за их доступом к энергии»[4].

---

[2] *Сергей Рогов.* Политика США и российско-американские отношения в начале XXI века // Внешняя политика России: 2000–2020. Т. 1. М., 2012. С. 94.

[1] *John Vinocur.* The Disorder of Conferring With Russia // The New York Times. March 30, 2009.

[2] Russia After the Global Economic Crisis / Anders Åslund, Sergei Guriev, and Andrew C. Kuchins, eds. Wash., 2010. P. 244.

[4] *Hillary Rodham Clinton.* Hard Choices. P. 227.

Во время американской президентской кампании 2012 г. кандидат республиканцев Митт Ромни называл Россию «геополитическим врагом номер один». Осуществленные в июне 2013 г. перестановки во внешнеполитической команде Обамы, когда его помощником по национальной безопасности стала Сьюзан Райс, а послом США в ООН — Саманта Пауэр (представительницы интервенционистского крыла, пришедшие на смену прагматикам и реалистам), тоже не предвещали ничего хорошего для российско-американских отношений[1]. Новое обострение вызвало дело Эдварда Сноудена, которое США восприняли как пощечину.

Наступление на российские интересы продолжилось через организацию Вашингтоном смены режима в Киеве. По признанию заместителя госсекретаря США Виктории Нуланд, на «поддержку демократии» на Украине Америка израсходовала в последние годы 5 млрд долл. Для России это вызов даже не геополитический, а экзистенциальный, и Москва повела себя соответственно. Референдум о присоединении Крыма к России, а затем поддержка Москвой ополченцев Новороссии, с оружием защищавших свой край от киевской карательной операции, оказались серьезнейшим вызовом для руководства США, которое не могло демонстрировать бессилие в ситуации, когда престиж Америки в мире падает.

Вопрос «Что делать с путинской Россией?» стал одним из главных, если не центральным в американской внешней политике.

Наиболее жесткую позицию заняли неоконсерваторы, чьи взгляды озвучивали и правые республиканцы, обвинявшие Обаму в непростительной слабости и призывавшие вернуться к холодной войне и «сдерживанию». Сенатор Джон Маккейн утверждал: «В течение пяти лет американцам говорили, что опасность войны уменьшается, что мы можем выйти из всемирных дел без особого вреда для наших целей и интересов. Это создало впечатление, что Америка слаба, а для таких людей, как Путин, слабость выглядит провоцирующе»[2].

Фрэнсис Фукуяма призвал не увлекаться борьбой с исламистами и помнить, что главными угрозами мировому порядку выступают Россия и Китай. Путин перешел критическую черту: «Весь европейский порядок после холодной войны базировался на принятии Россией того факта, что положение русских меньшинств в соседних странах ей никак не изменить. Путин поставил это под вопрос, и последствия будут ощущаться от Молдовы до Казахстана и Эстонии». Выход Фукуяма видел в «возрождении НАТО как настоящего военного альянса, а не инструмента для продвижения демократии, а также в создании междуна-

[1] *Peter Rutland.* Obama's Russian Policy with Rice // The Moscow Times. June 7, 2013.

[2] *John McCain.* Obama Has Made America Look Weak // The New York Times. March 15, 2014.

родной структуры, которая не позволит соседям Китая остаться с ним один на один»[1].

Либеральные интернационалисты, к числу которых принадлежал и сам Обама, предлагали широкий набор мер. Бывший посол в Москве Майкл Макфолл, которому явно не дают покоя лавры Кеннана, опубликовал в марте 2014 г. статью «Вступая в конфронтацию с путинской Россией». Россия, утверждает он, слаба по сравнению с СССР, у нее нет союзников. Достаточно возродить политику конфронтации, подтянуть партнеров, открыть глаза китайцам и среднеазиатам, помочь Украине превратиться в образцовую демократию, задавить Россию санкциями — и она будет сокрушена или встанет на путь истинный под знаменами сторонников демократических ценностей[2]. В августе Макфолл конкретизировал свои предложения в статье «Чтобы побить Путина, поможем Украине». Эта поддержка должна была включать предоставление Киеву максимума разведывательной информации, нелетального военного снаряжения, информационную кампанию против России в СМИ и Интернете, помощь беженцам, международную конференцию доноров для сбора средств на восстановление Донбасса, содействие экономическим реформам и демократической консолидации Украины, диалог с «подлинными представителями Юго-Востока» (не связанными с Россией), децентрализацию и гарантии использования там русского языка[3].

Ричард Хаасс считал, что «у Запада есть несколько вариантов. Один заключается в экономическом и политическом укреплении Украины (помощь в проведении выборов, а также в формировании и обеспечении функционирования нового правительства). Другой вариант заключается в подготовке нового раунда экономических санкций против России — намного более сильных, чем те, которые были применены после вторжения и аннексии Крыма Россией. Новые меры должны быть направлены на российские финансовые институты и ограничение экспорта в Россию, а США и ЕС должны донести до Путина свое согласие в подобных санкциях, чтобы он понял полную цену, которую он заплатит за дестабилизацию Украины»[4]. Энн Эпплбаум уверена, что лучшим средством наказания России станет переключение стран ЕС с российского газа на американский[5].

Консервативные реалисты — школа Генри Киссинджера — заняли заметно более умеренную позицию, призывая, по крайней мере, до-

---

[1] *Francis Fukuyama.* ISIS Risks Distracting Us from More Menacing Foes // Financial Times. June 26, 2014.

[2] *Michael A. McFall.* Confronting Putin's Russia // The New York Times. March 23, 2014.

[3] *Michael A. McFall.* To Beat Putin, Support Ukraine // International New York Times. August 8, 2014.

[4] *Richard N. Haass.* The Sources of Russian Conduct // Project Syndicate. April 17, 2014.

[5] *Anne Applebaum.* Europe Ought to Chart an Independent Course // Washington Post. May 6, 2014.

зировать ответную реакцию. Том Грэм также призывал к укреплению военного сотрудничества США с Украиной и восточноевропейскими странами НАТО, однако центральным элементом американской стратегии он считал превращение Украины в процветающее государство, что невозможно без участия России. Вместо сдерживания США должны использовать свою энергию на то, чтобы постараться учесть российские озабоченности[1]. «Хотя мы и стремимся сдерживать российскую агрессию в Европе, Россия по-прежнему может быть полезным партнером, когда речь идет о прекращении смуты на Ближнем Востоке, разрешении иранской ядерной проблемы и предотвращении нестабильности в Афганистане после ухода американских сил. В долгосрочной перспективе она также может служить барьером для усиливающегося Китая. Если относиться к России как к противнику и вводить против нее жесткие санкции, можно излишне ослабить страну, способную стать важным элементом глобального баланса, соответствующего интересам Америки»[2]. Дмитрий Саймс справедливо подчеркивает: «Просто нет ни одного примера, когда санкции заставили бы независимую страну, а тем более великую державу отказаться от того, что она считает соответствующим ее ключевым интересам». Программу-минимум он видит в соглашении, которое «включало бы в себя обеспечение территориальной целостности Украины, гарантию подлинной автономии для донецкого и луганского регионов, установление внеблокового статуса для Украины и снятие санкций»[3].

Схожие оценки можно обнаружить и во многих работах, выходящих из-под пера авторитетных аналитиков, не связанных с политическими кругами. Роберт Легволд считает: «Кризис на Украине подтолкнул обе страны к тому, чтобы перейти опасную черту и вступить в отношения, не смягченные двусмысленностью, характерной для последнего десятилетия, когда стороны не видели друг в друге ни друзей, ни врагов. Отныне Россия и Запад — противники… Чтобы распутать этот клубок, нужно начать прямой диалог на высшем уровне — спокойно и без всяких предварительных условий… В практическом отношении это означает, что Вашингтону и Брюсселю следует оказать Украине экономическую помощь, в которой она отчаянно нуждается (обусловив это реальными шагами по исправлению коррумпированной политической системы), настаивать на том, чтобы украинские ли-

---

[1] *Thomas Graham.* Punishing an Aggressive Russia is a Fool's Errand // Financial Times. April 27, 2014.

[2] *Thomas Graham.* America Needs a Real Russian Policy // The National Interest. July 25, 2014.

[3] *Дмитрий Саймс.* Трудная дорога к подлинному соглашению // Известия. 25 сентября 2014.

деры сформировали правительство, которое могло бы быть принято как легитимное на востоке страны, и стремиться создать такие условия, при которых Украина сможет сотрудничать с Европой и Россией без необходимости делать выбор между ними...»[1]

Джон Миршаймер видел главную причину кризиса в «расширении НАТО, которое стало стержнем более широкомасштабной стратегии по выведению Украины из российской орбиты и ее интеграции с западным миром». А последней каплей, переполнившей чашу терпения Путина, стало «незаконное свержение демократически избранного и пророссийски настроенного президента Украины, которое тот справедливо охарактеризовал как "государственный переворот". Выход в том, чтобы отказаться от вестернизации Украины и попытаться сделать ее нейтральным буферным государством между НАТО и Россией, каким была Австрия в эпоху холодной войны»[2]. Многие эксперты подчеркивают, что сдерживание России в духе холодной войны окажется неподъемным для военного бюджета в условиях, когда США никак не могут закончить войну в Афганистане, сокращают размер армии и затрачивают огромные усилия на соперничество с Китаем. Джозеф Най считает: «Это будет дорого и с точки зрения военных приготовлений, и с точки зрения решения некоторых вопросов, по которым мы нуждаемся в некотором сотрудничестве с Россией… Правда заключается в том, что мы не контролируем мир сейчас, да и вообще никогда его не контролировали»[3].

У России нашлись сторонники среди американских ультраконсерваторов. Так, Патрик Бьюкенен полагает: «Путин пытается показать, что Москва — это праведный город современности, а также центр сопротивления контрреформаторства новому язычеству. Путин подключается к самым мощным течениям современного мира. И это проявляется не только в его открытом неповиновении тому, что значительная часть нашего мира считает наглым стремлением Америки к мировой гегемонии. Он черпает силы не только в своем желании защитить по родству крови русских соплеменников, оставшихся за пределами России во время распада СССР, но и во всемирном отвращении и сопротивлении нечистотам гедонистической светской социальной революции, которые плывут с Запада. В войне культур за будущее человечества Путин твердо и уверенно водружает российский флаг на стороне традиционного христианства. В его недавних выступлениях прослеживаются отголоски

---

[1] *Robert Legvold.* Managing the New Cold War // Foreign Affairs. July/August, 2014.

[2] *John J. Mearsheimer.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoke Putin // Foreign Affairs. September/October 2014. P. 77, 87.

[3] *Romesh Ratnesar.* Power Delusions // Bloomberg Businessweek. March 10–16, 2014. P. 12.

деклараций Иоанна Павла II, который в своей энциклике Evangelium Vitae ("Евангелие жизни") в 1995 г. подверг Запад суровой критике за его поклонение "культуре смерти"»[1].

Еще сильнее солидаризируются с Путиным американские левые и антиглобалисты. Один из них — Дон Мартен утверждает: «Когда-нибудь историки, возможно, назовут происходящее началом конца надменной, свихнувшейся от гордыни американской империи — если, конечно, это не станет началом конца человечества. Ученые объяснят, что виной всему была полная безответственность трехглавого чудовища по имени Обама-Байден-Керри и его бесчисленных летучих обезьян — неоконсерваторов и либеральных интервенционистов»[2].

Политика Обамы в отношении России, как, впрочем, и во многих других случаях, явилась сочетанием рецептов неоконсерваторов и либеральных интернационалистов. «Своими с американской точки зрения вызывающе несистемными действиями в Крыму Москва фактически поставила вопрос о способности Вашингтона как мирового лидера добиваться поставленных целей и поддерживать нормы и принципы сложившегося после 1991 года миропорядка… Поэтому "своеволие ревизионистской державы" необходимо решительно пресекать. Поворот к сдерживанию России в рамках подобного восприятия ситуации был неизбежен»[3]. Были введены санкции против многих представителей российской элиты, нефтегазового, оборонного и банковского секторов России. Но военная помощь США Украине носила умеренный характер.

В Сенате демократ Роберт Менендес и республиканец Боб Коркер внесли законопроект об ужесточении санкций против России и о предоставлении Украине оружия на сумму 350 млн долл. В декабре 2014 г. Конгресс США одобрил их инициативу, приняв «Акт о поддержке свободы Украины — 2014». По нему Обама имеет право ввести санкции против Газпрома и Рособоронэкспорта, если они будут дестабилизировать Украину, а также предоставить Киеву противотанкового оружия, артиллерийских радаров и боеприпасов на сумму в 350 млн долл. Еще 20 млн долл. выделяется на поддержку «демократических институтов» в России и ее идеологическое разложение[4]. С осени 2014 г. во всех своих речах Барак Обама стал называть Россию в числе трех основных угроз безопасности человечества — наряду с Исламским государством и лихорадкой Эбола.

---

[1] *Patric Buchanan.* Vladimir Putin, Christian Crusader? // American Conservative. April 4, 2014.

[2] *Donn Marten.* Wag the Finger: John Kerry's Increasing Instability // OpEdNews.com. April 30, 2014.

[3] *Эдуард Соловьев.* Смена режима на Украине и проблема эволюции российско-американских отношений // Международная жизнь. Октябрь 2014. С. 82.

[4] *Елизавета Базанова.* Санкции про запас // Ведомости. 15 декабря 2014.

Военное планирование

В конце 1990-х гг. завершился период сокращения оборонных расходов, последовавший за окончанием холодной войны. Военные расходы США выросли в 2001–2010 гг. почти в два раза и превысили 700 млрд долл. Вашингтон попытался уйти далеко в отрыв, приступив к развертыванию вооружений пятого поколения, обеспечивая себе подавляющее военное превосходство над любым другим государством или коалицией государств.

В документах в области стратегического планирования при Обаме оценки общей международной обстановки заметно отличались от тех, что звучали в годы президентства Клинтона, Буша-младшего и отражали уверенность в возможности одностороннего американского доминирования.

Роль Соединенных Штатов в мире по-прежнему определялась как чрезвычайно высокая. США — «глобальная держава с глобальной ответственностью», «единственное государство, способное проецировать силу и проводить широкомасштабные операции на отдаленных расстояниях». Однако при этом учитывалась ограниченность американских возможностей, рост новых центров силы и необходимость в большей степени полагаться на многосторонние подходы. Поднимающиеся державы будут «продолжать структурировать международную систему, которая больше не поддается точному определению, — систему, в которой Соединенные Штаты останутся наиболее могущественным актором, но должны будут в возрастающей степени работать с ключевыми союзниками и партнерами, чтобы обеспечить стабильность и мир»[1]. Обама стал первым американским президентом, употребившим термин «многополярный мир». В первых доктринальных документах прослеживалась заявка на минимизацию американских военно-политических обязательств в мире в среднесрочной перспективе (после «победы» в тех войнах, которые США вели в Афганистане и Ираке).

Новая идея — сохранить для США господство на море, в воздухе, в киберпространстве, в космосе. Это господство понималось как некий аналог господства на морях — стержневой стратегической концепции XIX в. В свою очередь, господство «в средах» должно позволить сохранить контроль над инфраструктурой мировой торговли, экономическими позициями, коль скоро значительная часть экономики США вынесена далеко за их пределы.

В Четырехлетнем обзоре обороны были названы 6 основных миссий вооруженных сил: защищать Соединенные Штаты и поддерживать

[1] Quadrennial Defence Review 2010. Wash., 2010. P. 5, 1, xiv, iv, iii.

гражданские власти внутри страны; одерживать верх в контрповстанческих, стабилизирующих и контртеррористических операциях; наращивать оборонные возможности государств-партнеров; сдерживать и наносить поражение агрессору в условиях, когда задействованы средства противодействия вторжению; предотвратить распространение оружия массового поражения; эффективно действовать в киберпространстве (только у министерства обороны США было 7 млн компьютеров, объединенных в 15 тыс. локальных сетей, действующих на 4 тыс. военных объектов в 88 странах)[1].

Военное планирование определялось потребностью Соединенных Штатов иметь «общие военные возможности, необходимые для превалирования в серии накладывающихся друг на друга операций различного характера и интенсивности». Это включало в себя способность «победить два состоятельных государства-агрессора (capable nation-state aggressors)»; кроме того, подчеркивалось в обзоре, США должны «серьезно относиться к планированию максимально широкого спектра операций — от защиты собственной территории и обеспечения безопасности гражданских властей до миссий по сдерживанию-возмездию (deterrence) и поддержанию боеготовности, — происходящих в различных и непредсказуемых комбинациях». Здесь мы имеем дело с разновидностью традиционной концепции «двух больших войн», к которым готовились США в годы холодной войны, — войн с Россией и с Китаем.

В качестве главной для сухопутных сил определялась «способность осуществлять операции полного спектра — с особым упором на способность проводить эффективные и последовательные контрповстанческие, стабилизирующие и контртеррористические операции самостоятельно или совместно с партнерами»[2]. Новым здесь являлось отсутствие в спектре сухопутных операций «больших войн». Это подтверждало информацию о существенном повороте в военно-политическом планировании: в войнах против Китая и России не предполагалось использование сухопутных сил. Решающая роль отводилась военно-морским и военно-воздушным силам, развитию и обеспечению более тесного взаимодействия которых уделялось повышенное внимание.

С 1990-х гг. в стратегическом дискурсе США права гражданства получило понятие «асимметричный конфликт». Оно было введено в научный оборот ученым-международником Эндрю Макком, который в 1975 г. опубликовал статью «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта». Роберт Скейлс, ректор Военного колледжа ВС США, замечал, что «асимметричные во-

[1] QDR. P.V, 2, 37.
[2] Ibid. P. X, 39.

енные действия» стали частым выражением (buzzword) в Пентагоне в 1990-х. В начале 1990-х гг. термин «асимметричный» использовали для характеристики стратегий вооруженных сил США, которые предусматривали использование преимуществ совместных действий нескольких родов войск для нанесения поражения противнику. Другая интерпретация подразумевала военные операции, в которых противники применяют разные рода войск. В «Совместной доктрине подрывных операций» (1997) под симметричными действиями понималась борьба между подобными родами войск (например, наземные силы против наземных); под асимметричными — борьба с использованием различных родов войск (авиация против наземных сил)[1].

Похоже, именно концепция «асимметричного конфликта» легла в основу концепции совместной воздушно-морской операции (joint air-sea concept), которая предусматривает интеграцию воздушных и морских сил по всем операционным полям — воздух, море, земля, космос и киберпространство. Именно в связи с этой концепцией говорится о необходимости нарастить возможности сил дальнего радиуса действия, что включает в себя развитие средств слежения и нацеливания, электронной войны, высокоточных проникающих систем, а также обеспечение возможности наносить удары на большие расстояния с нестратегических подлодок, создание новых беспилотных самолетов для ВМФ, бомбардировщиков и самолетов-разведчиков, новой модели крылатых ракет одновременно для ВВС и флота, совершенствование средств электронного нападения, коммуникационных сетей, инфраструктуры военных баз и системы кибернетической обороны. Считается, что концепция воздушно-морской операции разрабатывается применительно к Китаю[2]. Но, полагаю, она дает наиболее точное представление о характере военных действий, с которыми может столкнуться Россия.

Принципы использования ядерного оружия определялись Обзором ядерной политики, который позволял сделать вывод о некотором сокращении роли ядерного компонента в военной политике США. Подтверждалась приверженность озвученной Обамой формуле «глобального нуля» (критики президента в военно-политическом истеблишменте считают ее наивной). Сужался спектр случаев, в которых США могли применять ядерное оружие, исчезли упоминания о возможности его использования против стран, создающих химическое и бактериологическое оружие. Основным предназначением ядерного арсенала объявлялось сдерживание ядерного нападения на Соединенные

---

[1] *Лариса Дериглазова.* Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. № 2. 2010. С. 51–64.

[2] См.: *Aaron L. Friedberg.* Beyond Air-Sea Battle: The Debate Over US Military Strategy in Asia. L., 2014.

Штаты (видные демократы, включая председателя сенатского комитета по разведке Диану Фейстайн, настаивали на том, чтобы это предназначение было единственным). Это оставляет возможность использования ядерного оружия против врагов, способных передать ядерные материалы террористам, а также совершающих нападение на США с применением химического и биологического оружия. Обама отказывался от планов разработки новых видов ядерного оружия.

В 2014 г. разразилась серия скандалов, связанных с американским ядерным арсеналом, — начиная с сообщений о разваливающихся ракетных шахтах 60-летней давности и заканчивая данными об исчезновении шести атомных бомб, которые по ошибке загрузили не в тот самолет, долго летевший над страной. Заговорили о системной проблеме стареющей ядерной триады и «само́м будущем программы и арсенала, размер которого значительно превосходит потребности национальной обороны». Обама, отказавшись от первоначальной разоруженческой повестки, заявил о программе массовой модернизации МБР, бомбардировщиков и БРПЛ, которая будет стоить 1 трлн долл. в последующие 30 лет[1].

Одновременно упор делался на развертывание систем противоракетной обороны в тех регионах, откуда возможно контролировать запуски из Ирана (эти точки совпадают с местами возможного контроля за Россией). Среди серьезных экспертов нет сомнений, что американская стратегическая ПРО направлена не только против «стран-изгоев», но также против Китая и России. На данный момент вся американская система состоит из четырех взаимосвязанных компонентов: ПРО территории США; европейская ПРО; ближневосточная ПРО; ПРО в Северо-Восточной Азии.

Особое внимание уделяется развертыванию системы «Оперативный глобальный удар» (Prompt Global Strike) — нового класса неядерного ракетного оружия, размещенного на территории США и способного в течение часа поражать цель в любой точке земного шара. Эти средства доставки планируется размещать за пределами существующих ракетных баз с извещением России и Китая об их точных координатах, чтобы их запуски не воспринимались в Москве и Пекине как применение ОМП. Считается, что высокоточное оружие дальнего радиуса действия, оснащенное мощными обычными боеголовками, способно решать те же задачи, что и ядерное, не провоцируя использование атомного оружия сторонами конфликта.

Администрация Обамы анализировала вопрос о выводе на национальную территорию тактического ядерного оружия, которое в на-

[1] Wrestling with Aging Arsenal // International New York Times. December 2, 2014.

стоящее время, по американским источникам, размещено в Германии, Италии, Бельгии, Турции и Нидерландах. Это рассматривается как возможная стартовая точка для переговоров с Россией о сокращении тактических боезарядов[1]. Впрочем, в последнее время актуальность этого вопроса отпала.

Все большее внимание уделяется вопросам кибернетической войны. Основные ее принципы были изложены в документе, принятом еще в 1998 г.[2] Основные элементы информационных операций (радиоэлектронная борьба, психологические операции, обеспечение безопасности операций, военный обман, компьютерная сетевая защита) предусмотрены Объединенной доктриной информационных операций. Сетевой принцип построения глобальной информационной сети открывает возможности целенаправленного воздействия в киберпространстве, способного приводить к серьезным последствиям для систем государственного и военного управления, экономической и финансовой системы страны-мишени. Если при администрации Клинтона борьба с информационными угрозами воспринималась в основном как противодействие криминалу, то при Буше-младшем полномочия по обеспечению кибербезопасности были переданы от правоохранительных органов министерству обороны и разведывательному сообществу. Была принята Стратегия защиты киберпространства[3].

Обама создал в рамках Стратегического командования специальное Киберкомандование (US CYBERCOM), которое приступило к работе в октябре 2010 г. В его функции входит подготовка, координация, интеграция, синхронизация действий по проведению операций и защите информационных сетей министерства обороны США, а также проведение военных информационных операций для поддержки действий вооруженных сил, обеспечения свободы действий американских и союзных вооруженных сил в киберпространстве, вывода из строя информационных средств противника[4]. Руководитель Киберкомандования Кит Александер заявил, что американский наступательный военный потенциал в принципе может быть использован против следующих целей противника: военные сети командования и контроля; сети противовоздушной обороны; военные платформы и вооружения; энергетические станции; банки и другие финансовые институты;

---

[1] The New York Times. March 1, 2010.

[2] Joint Pub 3-13 “Information Operations”, DOD US, Washington DC. December 1998.

[3] National Strategy to Secure Cyberspace. White House, Washington DC. September 2002. P. 11.

[4] US Department of Defense Cyber Command Fact Sheet October 13, 2010. URL: http://www.defense.gov/cyber

транспортные информационные сети; национальные телекоммуникационные сети[1].

Но, наверное, самое важное изменение в последнее десятилетие произошло в характере проведения специальных операций США. В ходе войны с террором исчез водораздел между действиями секретных служб и вооруженных сил. Обращусь к вышедшей в 2013 г. книге лауреата Пулитцеровской премии, корреспондента The New York Times Марка Мазетти «Путь ножа»: «Война распространилась на разные континенты, от гор Пакистана до пустынь Йемена и Северной Африки, от тлеющей клановой войны в Сомали до густых джунглей Филиппин. Фундамент секретной войны был заложен консервативным республиканцем и поддержан либеральным демократом, который был очарован таким наследством. Президент Барак Обама увидел в этом альтернативу беспорядочным и дорогим войнам, которые свергают правительства и требуют многих лет американской оккупации. По словам Джона Бреннана, одного из ближайших советников Обамы, которого он потом назначил руководителем ЦРУ, вместо "молота" Америка теперь полагается на "скальпель"… Традиционная шпионская служба больше не занимается кражей секретов у иностранных правительств, Центральное разведывательное управление превратилось в машину для убийств, в организацию, занятую охотой на людей.

ЦРУ берет на себя функции, ранее ассоциировавшиеся с военными, шпионы становятся солдатами — и наоборот. Американские военные используются в темных зонах американской внешней политики, и коммандос проводят такие разведывательные миссии, которые Вашингтон даже не мог мечтать одобрить до 11 сентября 2001 г. До этой атаки Пентагон мало занимался шпионажем с помощью людей, а ЦРУ официально не разрешалось убивать. Теперь обе организации занимаются и тем и другим, и военно-разведывательный комплекс символизирует новый американский способ ведения войны… В тайной войне, которая ведется по всей Земле, Америка преследует своих врагов, используя роботов-убийц и силы специальных операций. Она платит частным наемникам для создания секретных шпионских сетей, полагается на продажных диктаторов, ненадежные зарубежные специальные службы и разношерстные армии по доверенности»[2]. В одном только Пакистане таким образом убито больше 5 тыс. человек.

Существенный отпечаток на военное планирование США накладывают финансовые ограничения, вызванные экономическим кризисом,

---

[1] Advance Questions for Lieutenant General Keith Alexander, USA. Nominee for Commander, United States Cyber Command. April 15, 2010.

[2] *Mark Mazzetti.* The Way of the Knife: The CIA, a Secret Army, and a War at the End of the Earth. N.Y., 2013. P. 4–5.

во многих документах признается необходимость действовать в «среде ограниченных ресурсов» (resource-constrained environment). В США около трети оборонного бюджета идет на НИОКР и закупки вооружений и военной техники (в странах Европы — примерно 20%, в странах БРИКС — 25%), что составляет приблизительно 70% всех мировых расходов на эти цели. По данным СИПРИ, из 100 крупнейших компаний, производящих оружие, 45 — американские, на долю которых приходится около 65% продаж вооружений в мире (основной покупатель — Пентагон). США в обозримом будущем будут сохранять превосходство в качественных параметрах вооружений.

Впрочем, серьезные проблемы есть и у американского ВПК, и начались они не вчера. Еще в 1993 г. по инициативе тогдашнего министра обороны Уильяма Перри было принято решение передать основную часть оборонных заказов от больших диверсифицированных конгломератов группе компаний, специализирующихся исключительно на военной продукции. В результате из этой сферы ушли крупнейшие американские корпорации, из них выделились оборонные подразделения, что сопровождалось огромной волной слияний, разделений и поглощений. Одним из следствий этого стало растущее технологическое отставание связанных с Пентагоном производств от гражданских секторов. «Хотя исторически Пентагон экспортировал меньше технологий в коммерческий сектор, сейчас он стал нетто-импортером, — констатирует бывший замминистра обороны Уильям Линн. — Действительно, коммерческие технологии следующего поколения скакнули гораздо дальше возможностей оборонной индустрии в области 3D-принтеров, облачных компьютерных технологий, кибербезопасности, нанотехнологий, робототехники и других». Бюджет на НИОКР пяти крупнейших подрядчиков Пентагона (4 млрд долл. в 2014 г.) был вдвое меньше аналогичного бюджета компании «Майкрософт»[1].

Впервые с окончания холодной войны США ограничивают потребности в военном развертывании из-за экономических и других внутриполитических факторов. В результате межпартийного бюджетного компромисса 2011 г. запланировано сокращение ежегодных оборонных расходов на 10–15%. Так, уже запрос на 2012 финансовый год сокращался на 99 млрд долл., что возвращало бюджет Пентагона на уровень 2007 г. Всего же за десять лет бюджет Пентагона планировалось сократить на 487 млрд долл., а количество военнослужащих сухопутных сил — с 560 тыс. до 490 тыс. человек. Вступивший в силу с 1 марта

[1] *William J. Lynn.* The End of Military-Industrial Complex // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 106.

2013 г. секвестр федерального бюджета означал сокращение военных расходов еще на 43 млрд долл., или сразу на 8%[1].

24 февраля 2014 г. министр обороны Чак Хейгел заявил, что численность американских вооруженных сил может опуститься до самой низкой отметки с 1940 г. Представленный им военный бюджет на 2015 г. составлял 496 млрд долл., добавляя финансирование на специальные силы, но предусматривал списание большого количества устаревших самолетов, сокращение количества военных баз и умеренное сокращение зарплат и бонусов военнослужащих (в нулевые годы они быстро росли). Но даже с таким бюджетом на долю США приходится 40% мировых оборонных расходов[2]. Впрочем, ожидается, что в течение ближайших десяти лет доля оборонных расходов в ВВП может сократиться с 3,8 до 2,6%. «Никогда за весь период после Второй мировой войны мы не пытались защитить нашу страну и выполнить международные обязательства такой малой долей национального продукта»[3], — замечает Уильям Галстон из Института Брукингса.

Учитывая новую роль спецслужб, уместно обратить внимание и на их бюджеты, которые растут. Согласно секретному запросу в конгресс директора национальной разведки Джеймса Клэппера (обнародован Эдвардом Сноуденом), в 2013 г. на финансирование всех 16 американских разведслужб ушло 52,6 млрд долл., из них на ЦРУ — 14,7 млрд, на Агентство национальной безопасности — 10,8 млрд, на Национальную разведывательную организацию (спутниковая разведка) — 10,3 млрд. Приоритетами называется борьба с разведками Китая, России, Кубы, Пакистана, Ирана и Израиля. Россия, как и Китай с Ираном, является объектом кибероперацій США[4].

Логика американского поведения

Итак, каковы «истоки американского поведения», если использовать аналогию со статьей Джорджа Кеннана? Декан факультета политологии МГИМО Алексей Богатуров выделял несколько универсальных компонентов внешнеполитического мышления США: «Уверенность в превосходстве — первая и, возможно, главная черта американского мировидения... На идее превосходства высится махина американского патриотизма — неистощимо многообразного, сводимого, однако, к общему знаменателю: многое в Америке нужно исправить, но это — лучшая страна в мире. Идея превосходства — такая

[1] Hacking at Defense // International Herald Tribune. February 26, 2013.
[2] Boots on the Ground // The Economist. March 1, 2014. P. 42.
[3] The National Interest. May/June 2014. P. 31.
[4] *Алексей Никольский.* $52,6 млрд на шпионаж // Ведомости. 2 сентября 2013.

же въевшаяся черта американского сознания, как чувство уязвленности (обиды на самих себя) — современного русского. В данном смысле американцы — это "русские наоборот"… В США могут, не стесняясь, словесно "отхлестать" любого президента. Но усомниться в Америке? Унизить собственную страну даже словом — значит, по американским понятиям, выйти за рамки морали, поставить себя вне рамок приличия… Оборотная сторона американского патриотизма — искренняя, временами слепая и пугающая убежденность в том, что предназначение Соединенных Штатов — не только "служить примером миру", но и действительно "помогать" ему прийти в соответствие с американскими представлениями о добре и зле».

Идея «свободы-демократии» (liberty) легко трансформируется в идею «свободы Америки», что подразумевает не только право США быть свободными, но и их право свободно действовать. «Уверенность в самоценности "свободы-демократии" позволяет считать ее высшим благом. Идея "свободы действий" в сочетании с комплексом "предначертания судьбы" позволяет формулировать миссию Америки — нести "свет демократии" всему миру. Представление об оправданности американского превосходства дает возможность отбросить сомнения в уместности расширительных толкований прав и глобальной ответственности США. <…> Американцам трудно понять, почему другие страны не хотят скопировать практики и институты, доказавшие свое преимущество в США. Стремление "обратить в демократию" против воли обращаемых (в Ираке и Афганистане) — болезненная черта американского мировосприятия. Ирония по этому вопросу вызывает в Америке недоумение или холодную отстраненность. <…>

Наконец, американоцентризм… Сферой исключительных американских интересов в Вашингтоне считают весь мир. При этом никакой другой стране не полагается иметь военно-политические интересы в Западном полушарии, Северной Америке, на Ближнем и Среднем Востоке. Американцы терпят факт наличия у России и Китая собственных стратегических интересов в непосредственной близости у их границ. Но попытки Москвы или Пекина создать там зоны своего исключительного влияния воспринимаются Вашингтоном как противоречащие его интересам.

Международная жизнь — последнее, что интересует американцев, они поглощены внутренними делами, если речь не идет о крупной войне, типа иракской. Но и такая война — вопрос для американца внутренний. Соль новостей из Ирака — это не страдания иракцев, а влияние войны на жизнь американцев: сколько еще солдат может погибнуть, и вырастут ли цены на бензин? «Представления о географии, истории,

культурных особенностях внешнего мира не очень занимают американцев. Все, что не является американским, значимо лишь постольку, поскольку способно с ним соперничать»[1]. Американцы искренне полагают, что если в мире есть что-то стоящее, то США его купят.

«Изоляция привела к тому, что американцы плохо понимают мир за пределами своей страны, — уверяет Фарид Закария. — Американцы почти не знают иностранных языков, почти ничего не знают о зарубежных культурах и по-прежнему даже не думают о том, что эту ситуацию надо исправлять. Американцы редко сравнивают что-либо с мировыми стандартами, потому что убеждены: именно их путь самый лучший и самый прогрессивный. В результате они с подозрением относятся к развитию глобальной эры... Американские политики постоянно и неразборчиво требуют, клеймят, накладывают санкции и проклинают целые страны за их ошибки и упущения. Только за последние пятнадцать лет Соединенные Штаты наложили санкции на половину населения планеты. Мы — единственная страна, которая издает ежегодный отчет о поведении всех других стран. Вашингтон, округ Колумбия, похож на пузырь, раздутый от самодовольства, и здесь совершенно не понимают, что происходит во внешнем мире»[2].

Ему вторит известный политолог Эдвард Люттвак, находящий корни подобного поведения в древнеримской традиции. «Римляне не были расистами — скорее, они были “культуралистами”, если это слово здесь уместно; но они были просто слишком могущественны для того, чтобы интересоваться банальной жизнью неримлян... Как бы то ни было, в этом отношении современные властители Америки — настоящие римляне: у них тоже начисто отсутствует любопытство по отношению к иностранным народам, а значит, и знание о них. Мир убедился в этом в 2003 г., когда они решили уничтожить диктаторский режим Саддама Хусейна, исходя из предпосылки, что население Ирака готово принять демократическое правительство»[3].

Многоопытный Тип О'Нил, который много лет был бессменным спикером палаты представителей, написал книгу под названием *All Politics is Local* («Вся политика — местная»). В США внутриполитические соображения, интересы избирательной борьбы, конкретных штатов и округов часто диктуют национальную повестку дня, даже во внешней политике. Вот что писал по этому поводу Генри Киссинджер: «Конгресс не только издает законы, касающиеся внешнеполитической тактики, но и с помощью множества санкций стремится навязать опре-

---

[1] Современная мировая политика: Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010. С. 356–362.

[2] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 68–69.

[3] *Эдвард Люттвак.* Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 410.

деленный кодекс поведения другим государствам. То, что за границей называется самоуверенной борьбой Америки за мировое господство, очень часто представляет собой реакцию на давление внутренних сил, которые способны повлиять на решение ключевых вопросов, обещая поддержку или угрожая карой во время избирательной кампании, и которые поддерживают друг друга, имея в виду свои собственные перспективные цели… В то же время вездесущие и громогласные средства массовой информации превращают внешнюю политику в разновидность развлечения. Неистовая борьба за рейтинг способствует превращению любого нового кризиса в наваждение и обычно изображает его как борьбу между добром и злом, причем с каким-либо специфическим исходом, и очень редко — в широком историческом контексте»[1].

Концепция «американской исключительности» не только жива, но и становится все более популярной. Дотошные аналитики подсчитали, что этот термин появлялся в национальных публикациях 457 раз в 1980–2000 гг., 2558 раз в 2000–2010-м и 4172 раза в 2010–2012 гг., став чуть ли не центральным в предвыборной полемике между Обамой и Ромни. «Исключительность — не просто фигура речи, — пишет президент MapStory Foundation Роберт Томс. — Это не просто концепция или аргумент, это переплетенная связка идей, которые в совокупности представляют американскую веру, или идеологию. Американская исключительность предполагает веру в то, что Соединенные Штаты уникальны среди всех стран, а для многих — в то, что они превосходят все другие страны. В декабре 2010 г. 80% американцев положительно ответили на вопрос, имеют ли США “уникальные особенности, которые делают их величайшей страной в мире”. Другой взгляд на исключительность состоит в том, что Америка имеет заранее предначертанную роль в делах мира, который она должна вести за собой. Для кого-то американская исключительность — это высокая миссия, для других — прикрытие для империализма»[2].

Америку бессмысленно осуждать, а тем более пытаться ее поменять. Она такая, какая есть, и иной в обозримом будущем не станет. Ее надо понимать — и с учетом этого понимания строить свою политику.

Насколько сильна и насколько слаба Америка?

В американском экспертном сообществе идут активные дебаты о месте США в мире, при этом выделяются два основных лагеря — сторонники «школы упадка» американского влияния (declinists) и оптимисты, верящие в непоколебимость гегемонии США.

---

[1] *Генри Киссинджер.* Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 12–13.

[2] *Robert R. Tomes.* American Exceptionalism in the Twenty-First Century // Survival. February–March, 2014. P. 27–28.

Если несколько лет назад в Вашингтоне рассуждали о том, как растянуть существование однополярной системы на весь XXI в., то сейчас с легкой руки Фарида Закарии популярность обретают рассуждения о наступлении «постамериканской эпохи». «С ростом активности других стран огромное поле деятельности Америки неминуемо сократится... Новый порядок отнюдь не означает заката Америки, потому что я верю в американскую мощь и в то, что в новом мире не будет сверхдержав, а будет разнообразие сил, между которыми Вашингтон сможет лавировать и которые, возможно, даже поможет направлять. Но все же, говоря чисто экономическим языком, по мере подъема всего остального мира Америку неминуемо ждет спад. И чем быстрее будут расти остальные, тем меньше будет становиться наша доля пирога (хотя эти изменения в течение многих лет будут незначительными)»[1].

В опубликованном в конце 2008 г. докладе «Глобальные тренды 2025: трансформировавшийся мир», подготовленном экспертами по заказу Национального разведывательного совета, отмечалось, что в мире происходит «диффузия силы», «перенос относительного богатства и экономического влияния с Запада на Восток». В результате «возникает глобальная многополярная система»[2]. В этом многополярном мире задача заключается в том, чтобы сделать Америку «первой среди равных»[3] в клубе великих держав XXI в., обеспечить Вашингтону роль балансира в многополярном мире.

«Политики все еще говорят об американской исключительности, но в основном для того, чтобы отогнать опасения, что ее больше не существует, — писал в 2012 г. Иан Бреммер. — …Кумулятивный эффект от потери столь большого количества рабочих мест в промышленности на протяжении многих лет, глубина и продолжительность экономического спада вслед за финансовым кризисом, разочаровывающе медленный темп восстановления, опасение за способность страны оплачивать долгосрочный долг собрали серьезную психологическую дань. Но хуже всего — опасение, что лидеры Америки не в состоянии решить эти проблемы, потому что политическая система сломана и не подлежит ремонту»[4].

«И правые, и левые в Америке начинают сомневаться в современном мировом порядке и в компетентности его архитекторов. Вдобавок общество разделяет консенсус элиты, согласно которому после холодной войны Америке следует вкладывать в мировую систему меньше и получать от нее больше. В том, что добиться этого не получается, люди винят своих лидеров, — констатирует Уолтер Мид. — И в любом слу-

---

[1] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 66–67.

[2] Global Trends 2025: A Transformed World. GPO, Wash., 2008. P. V.

[3] Ibid. P. 93.

[4] *Ian Bremmer.* Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. L., 2012. P. 64.

чае избирателей совершенно не тянет к новым большим инициативам, как внутри страны, так и вовне. Публика настроена цинично и отворачивается от вашингтонской партийной борьбы со смесью скуки и презрения.

Придя к власти, Обама планировал сократить военные расходы, снизить значение внешней политики в обществе и укрепить либеральный миропорядок. Сейчас, когда прошло чуть более половины срока его пребывания на президентском посту, он все сильнее увязает в тех самых геополитических конфликтах, без которых он надеялся обойтись. Реваншизм Китая, Ирана и России пока не разрушил установившийся в Евразии после холодной войны порядок, однако уже превратил бесспорный статус-кво в оспариваемый. У президентов США больше не развязаны руки: вместо расширения либерального миропорядка, они все чаще вынуждены укреплять его геополитические основания»[1].

Но и у обратной точки зрения имеются не менее авторитетные проповедники. «Альянсы, партнерства, многосторонность, демократия — это инструменты лидерства США, и они побеждают, а не терпят поражение в битвах XXI века против геополитики и за мировой порядок»[2], — считает Джон Айкенберри. «Ни одна страна даже близко не подходит к тому, чтобы иметь сочетание возможности и желания, необходимое для вызова глобальному превосходству Соединенных Штатов»[3], — уверен Ричард Хаасс.

Гленн Хаббард из Колумбийского университета и Тим Кейн из Гудзоновского института отвергают доводы «деклайнистов», утверждая, что «Соединенные Штаты остаются удивительно продуктивными и осуществляют инновации на острие потенциала экономического роста… благодаря лучшему набору экономических институтов, которые когда-либо знал мир… Соединенные Штаты вполне могут возобновить тот экономический рост, который поднял их на уровень не имеющей конкурентов экономической мощи, сопровождаемой глобальным вмешательством, пионерскими инновациями, высокой занятостью. История говорит, что ничего вечного не существует, но американская демократия доказала бóльшую силу, чем предсказывали скептики и циники. Это все еще поднимающееся солнце»[4].

Ответ на вопрос о состоянии США пытается дать в своей книге «Стратегическое видение. Америка и кризис глобального могущества»

---

[1] *Walter Russell Mead.* The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. May/June 2014.

[2] *G. John Ikenberry.* The Illusion of Geopolitics: The Ending Power of the Liberal Order // Foreign Affairs. May/June, 2014. P. 81.

[3] *Richard N. Haass.* The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 73.

[4] *Glenn Hubbard and Tim Kane.* Balance: From Ancient Rome to Modern America. N.Y., 2013. P. 295, 296.

(в русском переводе — «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис») Збигнев Бжезинский, называющий 6 факторов слабости и 6 факторов силы Америки.

Факторы слабости:

- государственный долг и дефицит бюджета;
- прогнившая финансовая система;
- социальное неравенство;
- деградация инфраструктуры;
- слабое знание американцами окружающего мира;
- буксующая и поляризованная политическая система.

Факторы силы:

- общая экономическая мощь;
- огромный инновационный потенциал;
- демографический динамизм;
- возможность проводить стремительную мобилизацию;
- выгодное геополитическое положение;
- привлекательность демократии[1].

Мэтр забыл упомянуть еще и превосходящую военную мощь. Америка по-прежнему единственная *сверхдержава*. Но не единственная держава в мире. Ей предстоит отстаивать свое глобальное лидерство.

---

[1] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision. P. 46–74.

Глава 6

РОССИЯ

Должность российского Бога — не синекура.

Федор Тютчев

Россия — одно из двух-трех государств на планете, которые могут похвастаться пятью веками непрерывного суверенного существования, не прерванного завоеваниями извне или нахождением под чьей-то властью.

География — это судьба

Главный фактор, определяющий судьбу России, — это самая северная и самая холодная страна в мире. Две трети ее территории покрыты снегом две трети года. «Боковая ветвь православно-христианской цивилизации в России подверглась вызову лесов, дождей и морозов, еще более суровому, чем тот, с которым пришлось бороться западной цивилизации»[1], — подчеркивал Тойнби. Средняя температура в СССР составляла минус 2° по Цельсию (в Китае — +25). В Российской Федерации, лишившейся ряда теплых регионов, средняя температура упала до –5,5 градусов. Москва — весьма теплое место по российским меркам — является самой холодной столицей мира (соревнуясь за этот титул с Оттавой и Улан-Батором). Континентальный климат предопределяет огромный перепад температур. Если в районе экватора Земли разницы между средней температурой зимой и летом практически нет, в Великобритании, Франции или Испании она составляет 10–15 градусов, то в районе Москвы она превышает 30, а между Енисеем и Становым хребтом достигает 65 градусов. Здесь же — в районе Верхоянска — находится глобальный полюс холода.

Такое местоположение имело позитивные аспекты. Суровая зима предохраняла Россию от тропических болезней, которые опустошали другие части земного шара. Северные леса были богаты зверем, а на меха в мире всегда существовал большой спрос; они давали древесину,

[1] *Арнольд Дж. Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 182.

из которой на протяжении веков была выстроена почти вся российская недвижимость, создавался флот. Леса хоть немного защищали от кочевников. Но размеры и климат страны брали свой дополнительный налог с любой деятельности.

Леса и болота создавали на каждом шагу множество непредвиденных опасностей. Это приучало внимательно следить за природой, развивало осторожность и изворотливость в трудных обстоятельствах, привычку к терпеливому преодолению невзгод и лишений. «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого»[1], — подчеркивал Василий Ключевский.

Восточноевропейская равнина — весьма неблагоприятный регион для сельского хозяйства, основного занятия его населения. Если в Западной Европе сельскохозяйственные работы производятся в течение 300 дней с февраля по ноябрь (с двухмесячным мертвым сезоном), то в России для подобной деятельности пригодны всего 130 дней, из которых 30 суток — сенокос и 100 — земледелие. Плодородие обрабатываемой земли было низким, на протяжении веков урожайность на помещичьих землях традиционного российского Нечерноземья составляла сам 2, сам 3 (т.е. из одного посаженного зерна вырастали 2–3), на крестьянских — еще ниже. В Англии, где снег — большая редкость, урожай достигал сам 10. Короткое время полевых работ не оставляло места для новаторства и экспериментов: один неверный шаг, потеря нескольких дней — и впереди маячит голод.

Хозяйство русских крестьян, а они еще в начале XX в. составляли более 85% населения, базировалось на сжатом цикле полевых работ и предполагало способность к тяжелому и героическому труду в течение короткого сельскохозяйственного сезона. Но шесть-семь месяцев в году земледелие было невозможным из-за погодных условий. Крестьяне мастерили мебель и домашнюю утварь, пряли, шили одежду, заготавливали дрова, ходили за скотиной, что создавало тип разносторонне развитого, выносливого, энергичного, но необязательно готового к систематическому труду человека. Отсюда же, полагаю, и нередко загульные формы релаксации — короткого отдыха летом и долгого в зимние месяцы.

Большая часть России находится в зоне рискованного земледелия, где урожаи вовсе не гарантированы. Неурожаи не раз становились причиной страшного голода, когда люди вымирали тысячами и сотнями тысяч. Была и особая форма техногенного катастрофизма: деревянная Россия (в большинстве регионов Восточноевропейской равнины нет камня, пригодного для строительства) периодически выгорала. Отсюда

[1] *Василий Ключевский.* Курс русской истории. Т. 1. М., 1987. С. 312.

исключительная стойкость к ударам судьбы: люди веками были одинаково готовы и к подаркам природы, и к бедствиям.

Крайняя слабость индивидуального хозяйства компенсировалась громадной ролью крестьянской общины. Любые неприятности: болезнь, падеж скота, пожар, насекомые-вредители, засухи, лютые морозы — могли создать угрозу выживанию. Крестьяне нуждались в общине из-за необходимости взаимовыручки: в восстановлении сгоревшего дома или в сборе урожая для заболевшего соседа. Земли в стране было много, но, как справедливо подмечал академик и ректор Московского университета в предреволюционные годы Матвей Любавский, «сравнительно мало было хлебородной земли»[1] (значение малоземелья в какой-то степени снижала низкая плотность населения, в период раннего средневековья она в России была примерно в три-шесть раз меньше, чем на Западе). Это имело следствием экстенсивное производство и требовало распашки все новых площадей. Отсюда подмеченный Ключевским алгоритм российского развития: «История России есть история страны, которая колонизуется»[2]. Российская территориальная экспансия во многом реально стимулировалась низкоурожайным малоземельем, что требовало постоянного приращения пахотных земель.

Колонизация, которая, как мы увидим, была далеко не только процессом поиска новых плодородных земель, предопределила размеры России, охватившей в итоге 11 часовых поясов (хотя официально сегодня осталось только девять), что тоже стало важнейшим компонентом российской матрицы, наложило отпечаток на все аспекты существования страны. «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта»[3], — утверждал Николай Бердяев.

Мигрирующее земледелие, помимо прочего, препятствовало формированию оседлой культуры быта, не создавало стимулов образцово организовать свое жизненное пространство, как, например, в Германии и Японии. Существовало представление о временности любого места жительства, даже если семья столетиями жила на одном месте. Философ Федор Степун подмечал психологию «безлюбовного отношения к любимой земле, ощущение в качестве земли-кормилицы не столько собственной земли под сохой, сколько земли за чертой своей собственности», тягу «к земле на горизонте»[4].

---

[1] *Матвей Любавский.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 38.

[2] *Василий Ключевский.* Избранное. М., 2010. С.57.

[3] *Николай Бердяев.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8.

[4] *Федор Степун.* Мысли о России (национально-религиозные основы большевизма: пейзаж, крестьянская философия, интеллигенция) // Русская философия собственности XVIII–XX вв. СПб., 1993. С. 336.

Европу во многом сделала торговля. Центральная Россия удалена не только от основных европейских торговых путей — морских и атлантических, но и от традиционных материковых, по которым осуществлялись коммерческие связи Европы с Азией. Огромные расстояния, климат делали и сухопутные коммуникации невозможными в течение значительной части года. Основными географическими доминантами выступали реки (по объемам протекающей по ее территории пресной воды Россия уступает только Бразилии), которые определяли и пути миграции, и пределы государства. Российская цивилизация была речной.

Реки были и основными средствами коммуникации, и основными защитницами, создавая естественные преграды. Но зимой они замерзали. И они же указывали завоевателям, где искать населенные пункты русских, которые размещались по берегам рек. Территория России всегда была исключительно уязвима для завоеваний. А геополитическое окружение России никогда не отличалось спокойствием и миролюбием. Ни одно государство мира не могло сравниться с ней по количеству соседствующих народов, многие из которых к тому же находились друг с другом во враждебных отношениях или отличались нестабильностью. Русь находилась на стыке Европы и Азии — этом «проходном дворе» человечества. Подвижность границ, их уязвимость вынуждали держать оборону практически по всему периметру, на всех направлениях действий реального или вполне вероятного противника, а это означало: и на юге, и на западе, и на востоке.

Величайший военный стратег Карл фон Клаузевиц, в 1812 г. служивший в русской армии, отмечал, что стратегически Россия незащитима. Клаузевиц считал, что Россию спасало то обстоятельство, что из-за мороза в ней мало кому хотелось задерживаться, а тем более жить. И пространство. «Русское государство так велико, что позволяет играть в «кошки-мышки» с неприятельской армией; на этом и должна базироваться, в основном, идея ее обороны против превосходных сил неприятеля. Отступление в глубь страны завлекает туда же неприятельскую армию, оставляя в ее тылу обширные пространства, которые они занять не в состоянии»[1]. Так будут поступать и Петр I в войне со шведами, и Александр I, и Сталин, противостоявшие вооруженным силам большинства континентальных европейских государств, которые привели Наполеон и Гитлер.

Сложнее обстояло дело с южными рубежами, где на равнинах, тянущихся от Монголии до Карпат, с VII в. до н.э. до XVIII в. н.э. безраздельно властвовали воинственные кочевые племена. Долгое время Великая Степь являлась определяющим фактором и российской исто-

[1] *Клаузевиц.* 1812 год. М., 1937. С. 93–94, 92.

рии. Бродель подчеркивал: «Если орды кочевников устремлялись в сторону Ирана, Багдада, то для русских это была удача, это означало, что угроза прошла стороной… Судьба России долгое время была предопределена ее приграничным положением: защищая Европу, она амортизировала удары, которые наносились со стороны Азии, что дорого ей обходилось»[1]. Именно благодаря этому обстоятельству Европа была во многом избавлена от ударов Степи, которые гасились Россией. Но в истории средневековой Руси можно насчитать лишь не более двух с небольшим десятилетий — время княжения Ярослава Мудрого и начало правления его сыновей, — когда она не испытывала прямой угрозы с юга. И это были годы настоящего расцвета Киевской Руси.

Страна в любую минуту могла подвергнуться опустошительному нападению — не просто для ограбления, а с целью поголовного уничтожения населения или увода его в рабство. Это диктовало необходимость, прежде всего, в кратчайшие сроки осуществлять мобилизацию максимального количества воинов.

Западноевропейский король мог жить в своем загородном дворце, а его герцоги в своих загородных замках, предоставив городскому населению вольности, потому что самыми опасными врагами для них мог быть соседний король или герцог, а самой большой угрозой — выплата налогов ему. Русские князья и их дружинники не могли жить в отдельных дворцах и замках: их бы сразу по одиночке поубивали степняки. Русские «короли и герцоги» вынуждены были жить в укрепленных городах, все население которых должно было не просто заниматься торговлей и ремеслами, а быть готовым взойти на крепостную стену, чтобы с оружием в руках защищать жизни свои и собственных семей. Альтернативой этому было либо смерть, либо рабство. И горожане были организованы не по цехам и гильдиям, как в Западной Европе, а как на войне — по сотням и тысячам.

Необходимость обеспечивать выживание и обороноспособность большой территории, находящейся в сложном геополитическом окружении, предполагала мобилизацию и перераспределение ресурсов от исключительно бедного и весьма немногочисленного населения. Это, в первую очередь, привело к высокой степени централизации власти. Таким образом, доминировавший на протяжении большей части российской истории тип государственности был продиктован поиском оптимальной организации управления и выживания в крайне сложных климатических и географических условиях, опасном геополитическом окружении при исключительно слабых материальных основах общества и бедности населения.

---

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 502.

Откуда есть пошла земля Русская?

Русские — как украинцы и белорусы — принадлежат к восточнославянской ветви индоевропейской языковой семьи. Название славянских племен происходит от слова «слава», но о времени и обстоятельствах их происхождения, как, впрочем, и всех других народов нашей планеты, существуют самые разные мнения. Славянские языки считаются одними из наиболее архаичных, они сохранили многие черты первоначального индоевропейского языка. Славянооптимисты ведут начало славян примерно с XV в. до н.э., когда «праславяне отпочковываются от общего индоевропейского массива» и занимают «огромные пространства в лесной или лесостепной зоне Центральной и Восточной Европы от Днепра на востоке до Одера на Западе». Более осторожные историки относят возникновение славянских племен к V–VI вв. н.э., когда появляются первые достоверные упоминания о них в письменных источниках.

По всей видимости, государственность пришла к славянам поздно. Славяне к северу от Дуная, которых описывал в «Стратигиконе» константинопольский император Маврикий в конце VI в., совершали набеги на Византию, но при этом обладали независимым характером, находились в состоянии «безначалия» и жили среди лесов, болот и неприступных озер, занимаясь разведением скота и выращиванием зерна[1]. Это был оседлый народ, живший небольшими поселениями, в основном на берегах рек в полуземлянках. Племенные союзы полян, древлян, северян, вятичей, кривичей, радимичей, дречовичей и другие возглавляли князья. У всех славянских племен — от балтийских до поляков и чехов — источники фиксируют обычай совместного обсуждения важнейших вопросов, общих собраний, которые в латинских летописях носят названия conventus generale, colloquium или generalis curia, а в русских обозначались «снидошася вкупе». У восточных славян эти собрания назывались вече.

Начало славянской государственности положили южные и западные славяне. В VII в. возникло Первое Болгарское царство, за которым через столетие последовали Великоморавское государство, сербские княжества и Хорватское государство. Восточнославянские племена в это же время начали заселять территории до Дона на востоке и до озера Ильмень на севере. Формирование специфических черт, отличающих древнерусскую культуру от общеславянской, происходит в Среднем Поднепровье. «Восточные славяне, т.е. народы арийского происхождения (как, впрочем, и все славяне), продвигаясь вперед, достигли городов, деревень и степей Днепра, — отмечал Бродель. — Эта миграция, начавшаяся уже в новую эру, закончилась в VII в. На востоке славянские

[1] *Саймон Франклин, Джонатан Шепард.* Начало Руси. СПб., 2009. С. 124–125.

племена вошли в соприкосновение с народами, которые уже давно здесь обосновались: с угро-финнами, спустившимися с Уральских гор; с племенами, пришедшими из Центральной Азии (их потомки вошли в историю под именами скифов, сарматов, камских булгар); с готами Вислы и Немана, аланами и хазарами (эти последние приняли затем иудейскую веру), выходцами с берегов Дона и Каспия»[1].

История российской государственности может быть разделена на шесть основных эпох:

- Киевская Русь — с 862 г. (условно) — до 1236 г.;
- период татаро-монгольского господства — 1236–1490 гг.;
- Московское царство — 1490 — конец XVII в.;
- Российская империя — начало XVIII в. — 1917;
- Советский Союз — 1917–1991;
- Российская Федерация — с 1991 г.

Известия о первом восточнославянском государстве носят полулегендарный характер и связаны со свидетельством летописи о призвании погрязшими в распрях племенами трех братьев-варягов, один из которых — Рюрик — стал княжить в Новгороде в 862 г., что до сих пор считается началом российской государственности, и династии Рюриковичей.

Чуть позже Олег — регент Игоря, малолетнего сына Рюрика, — захватил власть и в Киеве, что стало толчком к образованию единого древнерусского государства — Киевской Руси. Князь являлся руководителем профессиональной военной дружины и, судя по всему, верховным жрецом. Последовали усилия по созданию централизованного государства, в результате которых Игорь был убит при попытке взыскать дань с древлян. Его вдова Ольга не только жестоко отомстила, но и ввела «уроки и погосты», т.е. впервые прибегла к законодательному закреплению времени и места сбора дани.

Происхождение самого названия Руси и роли в ее создании германских, скандинавских племен — предмет больших споров, основанных на размытости и противоречивости свидетельств летописей, зарубежных источников и данных археологии, оставляющих большое поле для интерпретаций. Летописца Нестора, задавшего в XI в. вопрос «откуда есть пошла земля русская?», нередко называют основоположником норманнской теории, согласно которой своим происхождением Русь обязана призванным из Скандинавии варягам-викингам, которые и создали первоначальную государственность. В мягкой форме — варяги были скандинавами, но сыграли не слишком большую роль в создании русского государства — норманнская теория является едва ли не доминирующей. Среди ее приверженцев слово «Русь» чаще всего вы-

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 502.

водится из финского «руотси» — гребцы. Антинорманисты, признавая очень сильные контакты со скандинавами, чаще считают варягов вендами, т.е. балтийскими славянами. А название «Русь» выводят от многочисленных рек с названиями Рось, Русь, Роса, Руса, Русна, Роська, Порусье и т.д. по всей Восточной Европе, что отражало культ воды у народа, жившего вдоль русел рек, с его русалками и русалиями. Современные археологи не подтверждают какого-либо существенного скандинавского присутствия в IX — начале X в. При этом фиксируется едва ли не повсеместное балто-славянское присутствие и наличие скандинавов в составе дружин в северной Руси[1].

Говорить о привнесении государственности извне оснований немного: у скандинавов государство возникло позже — в конце X — начале XI в. Вместе с тем на процесс государствообразования существенное влияние оказал факт наличия у первых русских князей сильного политического ядра — дружины, имевшей и норманнский компонент. Именно князья и дружина составили русскую знать, которая существовала первоначально за счет дани, а с X в. начала становиться крупными землевладельцами[2].

Специфику государственности во многом определила принятая в Киевской Руси система престолонаследия. Со времени правления сына Игоря и Ольги Святослава Игоревича политической традицией становится назначение сыновей великого князя руководителями отдельных земель страны по старшинству, в соответствии со значимостью того или иного региона — с правом самостоятельного сбора дани, в том числе для передачи в столицу. Этот тип управления закрепляется сыном Святослава Владимиром (годы правления 980–1015), который сам княжил в Киеве, а власть на местах принадлежала его сыновьям. Если умирал старший из братьев, его княжество переходило следующему за ним по старшинству, и все остальные братья перемещались на одну иерархическую ступеньку вверх, получая более престижное княжение. Такая система позволяла сохранять государственное единство, но была чревата серьезной враждой, особенно в момент смерти великого князя киевского, за престол которого разгоралась борьба между его братьями и сыновьями.

Ярослав Мудрый (1016–1054), с именем которого связывается первый документ писаного права — Русская Правда, сумел отодвинуть от власти братьев, заменив их собственными сыновьями. После смерти Ярослава большую роль в престолонаследии начинает играть киевское народное собрание — вече, которое неоднократно призывало и изгоня-

---

[1] *Николай Макаров.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Ин-т археологии РАН. М.; Вологда, 2012. С. 456.

[2] *Антон Горский.* Русское средневековье. М., 2010. С. 34–35, 42, 68.

ло князей. Борьба за власть между сыновьями и внуками Ярослава, в которой принимали участие и половецкие отряды, закончилась в 1097 г. княжеским съездом в Любече, где восторжествовал принцип: «Каждый да держит вотчину свою». Это означало, что та земля, которой правил отец, переходила к сыну. Был дан импульс дробления единой страны на 12 самоуправлявшихся княжеств с собственными династиями, которые по одиночке становились все более уязвимыми перед внешними завоеваниями.

Общественная организация отличалась от западноевропейской. Основным вызовом, породившим западный феодализм, как мы помним, было желание франкских королей иметь большое количество тяжеловооруженных конников. На Руси они не требовались: им не с кем было воевать. Русская дружина была легковооруженной, и ее содержание обходилось намного дешевле, нежели рыцарей (к сожалению, легковооруженная кавалерия кочевников вообще ничего не стоила, а именно она была основным военным вызовом). В Западной Европе раннего средневековья феодалы-рыцари получали доход за счет закрепощенных землевладельцев. В Древней Руси практиковалось налогообложение земледельцев-общинников, прежде всего государством. Крепостного права в Киевской Руси, в отличие от современной ей Западной Европы, не было. Ни крестьяне, ни дружина не были прикреплены к земле. Люди могли свободно переселяться из одного княжества в другое, бродяжничать.

Частное вотчинное землевладение — база западного феодализма — так и не стало в России ведущей формой собственности, верховная собственность на землю оставалась у государства. Крестьяне были «держателями» земли, но обязанными именно перед государством: налогами, оброком и натуральными повинностями[1].

Важнейшая причина этого заключалось в отмеченном порядке престолонаследия. Когда князья постоянно переходили с одного стола на другой, дружинники, чаще всего, следовали за ними. Знать выступала не как землевладельческая аристократия в конкретной местности и вассал государя, а, скорее, как служилый класс, не имеющий источника дохода, отличного от общегосударственного (если не считать одновременное занятие коммерческой деятельностью, что тоже стало привычным для государевых слуг).

Ни в Киевской Руси, ни позднее в Московском государстве отношения между монархом и его вассалами не были оформлены в договорном порядке, как в Европе. Если древнерусские князья Руси и вступали в договорные отношения, то не с вассалами, а с подведомственными им городами.

---

[1] *Леонид Милов.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 434–435, 558.

Западноевропейская феодальная модель мало повлияла на порядки Древней Руси. Гораздо большее воздействие оказала Византия. Во времена Ольги, первой принявшей христианство, и Владимира Святого, как подчеркивает ведущий специалист по Византии академик РАН Сергей Карпов, «Византия, несомненно, в культурном, экономическом и политическом отношениях превосходила любую страну тогдашней Западной Европы. Константинополь был признанной "мастерской мира", самым населенным, богатым и привлекательным городом Европы, литургия, совершаемая в храме св. Софии, захватывала воображение, восхищала всех, явившихся в храм, своей гармоничной красотой и сиянием всех искусств в благолепии иеротопии. Императорская власть, власть над всей ойкуменой, не знала соперников до Карла Великого, но и после него власть императора Запада оставалась в глазах византийцев и окружавших их народов властью пусть могущественного государя, но лишь "василевса франков", в отличие от правившего в Константинополе "василевса ромеев", т.е. всей ойкумены». Византия была привлекательна как носительница традиций и Римской империи, и истинной соборной апостольской церкви[1].

Главным фактором византийского влияния стало христианство. Характерна официальная история принятия христианства Русью, инициатором которого выступил князь Владимир (официальная дата крещения Руси — 988 г.). Оно было выбрано после знакомства с другими религиями соседних народов — иудаизмом и исламом — не в последнюю очередь в силу такого убедительного аргумента, как могущество Византийской империи. Русь получила от Византии основы вероучения, Писание и предание, литургическую практику, а затем уже хронографию, богословские и философские трактаты. Из Византии на Русь пришли градостроительная техника, архитектура, мозаика, фреска, икона, декоративно-прикладное искусство. В результате литургической и литературной деятельности греков Кирилла и Мефодия и их последователей в Киевской Руси в X и начале XI вв. славянский язык стал, наряду с латинским и греческим, одним из трех письменных и богослужебных языков средневекового христианства. Церковнославянский язык, при всех его изменениях, оставался основным литературным языком России до конца XVII в.

После принятия христианства Киевская Русь становится частью своего рода «Византийского Содружества наций». Она была одним из последних государств, принявших византийское христианство, но при этом самым крупным. Ни традиции, ни возможности политического контроля над Русью у Константинополя не было, и политически Киев

[1] *Сергей Карпов.* Роль византийского наследия на Руси в формировании российской государственности и русской культуры // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 59–60.

ему не подчинялся. Вместе с тем Русь выступала как источник военных ресурсов и оказывала материальную помощь Византии в случаях нашествий и стихийных бедствий.

Русь заимствовала в византийской традиции — в противоречии с западноевропейской — верховенство царской власти над церковной. Русская церковь изначально была метрополией константинопольского патриаршества, но на практике управлялась сбором епископов и подчинялась непосредственно киевскому князю. Одной из основ византийской традиции был примат православия над этничностью. В XI–XII вв. понятия житель Руси и христианин начинают практически совпадать. Русич, исповедующий христианство по православному обряду, противопоставлялся язычникам, «поганым», «латинам», «бохмитам» (последователям Мухаммеда). Наименование *христианин* (крестьянин), как позднее *православный*, было идентично тогда понятию *русич*[1].

Русь, в отличие от множества других народов, имела возможность воспринять христианство на родном языке. Подлинный переворот в деле переводов и христианского просвещения произошел при Ярославе Мудром. Первая библиотека на Руси возникла в XI в. его усилиями, и размещалась она в Киевском Софийском соборе[2]. До нас дошло от нескольких долей процента до одного процента всех рукописей, существовавших в Киевской Руси: климат губителен для пергаментов, свой вклад внесли пожары, междоусобицы, войны, стихийные бедствия.

Одна из книг из этой библиотеки сохранилась во французском Реймсе. Это то самое Евангелие на глаголице, которое привезла с собой дочь Ярослава Анна и на котором клялись поколения королей Франции. Стоит ли говорить, что Анна была куда более образованна, чем ее супруг король Генрих I, умела, в отличие от него и его свиты, не только читать, но и писать, в том числе и на латыни. Людьми высокой книжной культуры были сыновья Ярослава Мудрого. У них были собственные крупные библиотеки, они сами заказывали переводы. Князь Всеволод Ярославович знал пять языков.

Города Киевской Руси были в значительной степени грамотными. Об этом однозначно говорят берестяные грамоты, надписи на новгородских цилиндрах-бирках, надписи-граффити на стенах древних соборов. Огромную роль в духовной жизни играли монастыри, ставшие главными центрами книгописания, переводов, распространения грамотности. Но в российской системе средневекового образования ключевые элементы западного — Аристотель, Августин, римское право — либо полностью отсутствовали, либо присутствовали в минимальной

---

[1] *В.П. Даркевич.* Единство и многообразие древнерусской культуры (X–XII вв.) // Вопросы истории. № 4. 1997. С. 42.

[2] *Алексей Карпов.* Ярослав Мудрый. М., 2010. С. 313–315.

степени. Уникальным явлением не только русской, но и мировой культуры стали летописи, которые из года в год велись в монастырях при епископских кафедрах, в княжеских канцеляриях различных земель Руси с X или XI в. до XVII включительно. Каждый следующий летописец опирался на труды своих предшественников. Джеймс Биллингтон восхищался: «Летописи на церковнославянском языке были написаны в Киевской Руси задолго до хроник, созданных на итальянском или французском, и с не меньшей художественностью, чем сочинения на латыни или немецком… Русские летописи — гораздо более ценный источник для изучения как светской, так и церковной истории, чем большинство монастырских хроник средневекового Запада»[1].

Россия имела отличное от Западной Европы культурно-цивилизационное наследие. Для Западной цивилизации ключевыми были влияния античной культуры, впитанной через римско-католическую церковь и латынь, а затем — через восточные переводы классических трудов Древней Греции. Большая часть античного наследия прямого отношения к Руси не имела, ее единственной «Грецией» была Византия. Русь не вошла в ареал франкских завоеваний, которые еще в XI в. прочертили восточные границы Запада, и два с половиной века в империи Чингизидов — исключительно российский опыт, неизвестный Западной Европе.

Западный улус Орды

В 1237 г. русские княжества пали жертвой нашествия во главе с внуком Чингисхана Батыем. Десятки процветавших городов превратились в пепелища, а жители их поголовно убиты, «от старца до сущаго младенца!», как горестно восклицал летописец. «Кровь отцов и братьев наших, как обильная вода, землю напоила, — констатировал автор XIII в. Серапион. — Многие братья и дети наши в плен уведены, села наши диким лесом поросли». Францисканский монах Плано Карпини, отправленный папой с дипломатической миссией к монголам, проезжал Киев через 5 лет после нашествия Батыя: «Татары произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города… Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей там держат они в самом тяжелом рабстве»[2].

---

[1] *Джеймс Х. Биллингтон.* Икона и Топор: Опыт истолкования истории русской культуры. Т. 1. М., 2011. С. 42–43.

[2] Цит. по: *Александр Дегтярев.* Избранные труды по русской истории. Т. 2. М., 2006. С. 233, 231.

Большинство русских городов, поражавших приезжих своим великолепием, не пережило нашествия. На полтора-два столетия, а то и навсегда, исчезли многие традиционные ремесла: перегородчатая эмаль, чернь, зернь, полихромная поливная строительная техника. Прекратилось каменное строительство[1]. В огне погибли основные собрания книг, заглохли многие центры летописания, иконописи, художественных промыслов. Уцелевшие летописцы рисуют ужасающие картины нравственной деградации русского общества. Францисканец Гильом Рубрук, проезжавший по Руси через десять лет после Плано Карпини, записал: «Эта страна вся опустошена татарами и поныне ежедневно опустошается ими. Когда русские не могут дать больше золота или серебра, татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных»[2]. Именно в это время русские стали предметом международной работорговли, слово «раб» стало ассоциироваться со словом «славянин».

Впрочем, в планы монголов не входило полное уничтожение населения для захвата земель, поскольку они не годились для кочевий. Русских надлежало использовать главным образом как источник постоянного обогащения и пополнения рабочей и воинской силы. Сопротивляться монголам обескровленная страна долго была не в силах. В 1243 г. владимирский князь Ярослав Всеволодович отправился на поклон к Батыю, и тот в полном согласии с монгольской традицией, которая отдавала верховенство в иерархии покоренных племенных вождей тому, кто первым присягал на верность, признал его «старейшинство» над прочими русскими князьями. Первоначально верховная власть принадлежала великим монгольским ханам, находившимся в столице Монгольской империи — Каракоруме, куда пришлось ездить на поклон и Александру Невскому, сыну Ярослава.

В 1260-е гг. западный улус Монгольской империи (который монголы называли «улус Джучи» — по имени отца Батыя, а русские — Ордой) стал самостоятельным государством с кочующей столицей, которая существовала одновременно с постоянной — городом Сараем на Нижней Волге. В отличие, например, от Китая или Ирана, где потомки Чингисхана сменили местных правителей, Русь осталась под властью собственных князей, не входя непосредственно в состав Орды, но признавая ордынского хана легитимным сюзереном — царем. Зависимость выражалась, прежде всего, в утверждении ханами князей на их престолах путем выдачи соответствующих ярлыков. Как правило, хан не нарушал существовавшие традиции престолонаследия, но имел окончательное слово в династических конфликтах. Князья были обяза-

[1] *Вадим Каргалов.* Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век. М., 2012. С. 112–113.

[2] Цит. по: *Алексей Карпов.* Великий князь Александр Невский. М., 2010. С. 84.

ны оказывать монголам военную помощь. С 1250-х гг. была наложена дань — выход — и другие поборы[1]. В 1257 г. началась перепись, в ходе которой пересчитывалось все: люди, дома, пашни, скот, угодья. Орда освободила от переписи только священников и монахов, чтобы не гневить верующих[2].

На эти, самые тяжелые годы монгольского господства приходится одно событие, не вызвавшее большого интереса у современников, но оказавшее исключительно большое воздействие на дальнейший ход истории России. В соответствии с завещанием Александра Невского в 1260–1270-е гг. из Владимирского княжества впервые было выделено княжение — последнее в русской истории — с центром в небольшом городке Москва. Правившие в нем потомки младшего сына Александра Невского Даниила оказались тонкими дипломатами и политиками, которые больше других преуспели в «собирании земель» — присоединением выморочных княжеств, заключением союзов, покупками, получением ярлыков, завоеваниями. Большую помощь в завоевании ими власти над Русью сыграли приглашаемые татарские рати. Московские князья стали политическими лидерами вновь поднимавшейся Руси.

Существенное влияние на Московское государство оказал опыт государственной организации империи Чингизидов. «Правители Орды проводили достаточно осмысленную политику, вовсю пользуясь услугами китайских, уйгурских и хорезмийских чиновников, накопивших богатый опыт по управлению гигантскими территориями. Почтовая и курьерская служба, обеспечение безопасности на дорогах, сбор и учет налогов и перепись населения, выпуск твердой монеты и бумажных ассигнаций, раздача ярлыков и личная зависимость получивших их правителей от хана, отчетность чиновников перед центральными властями, четкая организация вооруженных сил, специальные службы по сбору и складированию продовольствия и фуража, наведению мостов и прокладке дорог — все это было поставлено в древнем и средневековом Китае, а затем и в Монгольской державе, на такой уровень, какого не знала Европа»[3], — подчеркивает Алексей Карпов. Россия в своих заимствованиях никогда не выйдет на китайский уровень организованности, но некоторые контуры Московской государственности сохранят монгольские очертания.

За период монгольского господства страна участвовала в трех сотнях войн и битв — с самой Ордой, литовцами, Ливонским орденом, Швецией. Это стало стимулом стремительного развития военного дела. Изучались все новые — и западные, и восточные — приемы ведения боевых действий, появлялись навыки использования осадной техники,

---

[1] *Антон Горский.* Русское средневековье. С. 135–136, 143, 146, 192–193.
[2] *Александр Дегтярев.* Избранные труды по русской истории. Т. 2. С. 238.
[3] *Алексей Карпов.* Батый. М., 2011. С. 161.

совершенствовались боевые доспехи. От монголов пришла централизованная армия, основанная на принципах воинской повинности, разведка, смертная казнь (неизвестная Киевской Руси) и пытки вместе со словом «палач». Когда Орда стала распадаться, многие татары хлынули на Русь, чтобы служить великому князю. «Служилые татары» составят костяк московской кавалерии. По сведениям европейцев, посещавших Московское государство в XV–XVI вв., было трудно отличить русскую конницу от кочевой как по внешнему виду, так и по тактике ведения боя.

Когда Московское княжество окрепло, оно уже оказалось способно успешно сопротивляться монголам. Дмитрий Донской в 1380 г. нанес крупное поражение «узурпатору» (не происходившему из рода Чингизидов) Мамаю на Куликовом поле. В правление Василия II и Ивана III, когда Орда очевидно слабела, возобладала идея перехода к московским великим князьям от павшей Византийской империи царского достоинства, что было несовместимо с признанием зависимости от хана.

Принадлежность к империи Чингизидов — первой в истории евразийской империи, связавшей народы и истории Восточной Азии и Европы, — сделала Русь участником глобальной политики. А в дальнейшем реванш России сделает ее наследником северной части Монгольской империи. Преследуя ее осколки, русские дойдут до Тихого океана, движимые, не в последнюю очередь, идеей создания крупнейшего христианского государства на планете. Третьего Рима, наследника Византийской империи.

Московское царство

Окончательное освобождение от Орды произошло в 1490 г. при Иване III. Тогда никто и предположить не мог, какое будущее ждет ее западный улус, и ждет ли вообще. Алексей Левандовский пишет: «Русь загнана в “медвежий угол” — суглинки, болота, дремучие леса. Климат — ни с чем не сравнимый. Нет выхода к морям, природные богатства — скудны. И все это зажато между двумя жерновами — Литвой и Золотой Ордой… Когда оцениваешь эту ситуацию, то поражает не столько то, какой ценой за империю было заплачено… а то, что обретение независимости и государственности вообще оказалось возможным!»[1] Территория Московского княжества в середине XV в. составляла 430 тыс. кв. км, и проживало там около 3 млн человек. Этому молодому государственному образованию меньше чем через пару столетий суждено было стать самой большой по территории страной мира. В XVI–XIX вв. в состав государства были включены не только ис-

[1] *Алексей Левандовский.* Сибирь из нас не «вытянешь» // Родина. № 2. 1995. С. 99.

конные земли Руси, но и татарские ханства Поволжья, Сибирь, Дальний Восток, Аляска, Зауралье, Северный Кавказ, Украина, Прибалтика, Причерноморье, Польша, Финляндия, Бессарабия, Закавказье, Средняя Азия. В период апогея своего расширения страна была почти в пятьдесят раз больше своего исходного размера.

Почему и как это произошло? Иван III стал не просто великим князем московским, но и первым «государем и великим князем всея Руси», которого уже самого величали царем и самодержцем (тогда это означало, что он самостоятельно — независимо от монгол — управлял государством). Централизованное Русское государство стало суверенным центром силы, управляемым единовластным государем, при котором действовал постоянный совещательный орган в лице аристократической Боярской думы. Второй супругой Ивана III стала племянница последнего византийского императора принцесса Софья Палеолог, после чего Русь стала рассматривать себя как наследницу павшей в 1453 г. под натиском османов Византии, герб которой — двуглавый орел — стал гербом России. Тогда же начали получать распространение идеи об особой миссии России как богоизбранного государства, как «Третьего Рима» (вторым был Константинополь), призванного стать наиболее праведным и крупным христианским государством.

Россия испытала на себе влияние и итальянского Возрождения на его излете, наглядным свидетельством чему является Московский Кремль, стены и соборы которого построены итальянскими мастерами. Из ренессансной Италии пришли также некоторые рационалистические ереси, водка и венерические болезни.

Первопричиной экспансии нередко называется все тот же климат в сочетании с демографией. Академик Милов замечал: «Полная драматизма политика русских государей по отношению к своим соседям отнюдь не была вызвана какой-то изначально свойственной России особой агрессивностью, а диктовалась неумолимыми тенденциями внутреннего развития, стремлением увеличить и площадь пашен, и людские ресурсы»[1]. Экспансия не получилась бы, если бы Россия не обладала военным превосходством над народами покоряемых территорий. Ослабление, а затем и свержение ига дали ей несколько десятилетий экономического подъема, средства от которого были направлены главным образом на укрепление военной мощи.

Но почему строителем империи станет Россия, а, скажем, не Литва или Польша, которые в тот момент были крупнее, сильнее, обладали большим населением, более совершенным вооружением и активно стремились раздвинуть свои границы «от моря до моря»? Во-первых, степень милитаризации российского государства, вынужденного не-

[1] *Леонид Милов.* Великорусский пахарь… С. 555–556, 566.

прерывно держать активную оборону на трех направлениях — Восток, Юг и Запад, была заметно выше, чем у его ближайших западных соседей. А сложившийся на Руси к середине XV в. политический строй позволял гораздо жестче осуществлять мобилизационные мероприятия, концентрировать силы и средства в одном кулаке[1]. Во-вторых, на востоке — основном направлении расширения России в XVI–XVII вв. — серьезными соперниками были осколки на глазах слабевшей Орды. Россия получила уникальную возможность заполнить геополитический вакуум, образовавшийся в Евразии после распада империи Чингизидов.

Но началась территориальная экспансия Московского государства на западе. Иван III, рассматривая себя наследником князей Киевской Руси, поставил целью объединение всех земель, ранее входивших в Древнерусское государство, а затем оказавшихся в Великом княжестве Литовском и в Польше. В 1492 г. Иван напал на Литву, которая в итоге вынуждена была признать территориальные приобретения России. У его сына Василия III оказалась свобода рук в отношении последних независимых русских княжеств. В 1510 г. был подчинен город-республика Псков, около 1521 г. — уже вышедшее из литовской зависимости Великое княжество Рязанское. За годы правления Ивана III и Василия III Москва объединила практически все русские земли, и размеры государства составили 2,8 млн кв. км, а население — от 4,5–6 млн[2].

После падения ордынского ига предпринимались попытки вовлечь Россию в западную систему в качестве вассала. Ивану III и его сыну по инициативе римского папы и императора Священной Римской империи германской нации было сделано несколько предложений о коронации в Риме. Последовал отказ. Именно с этого времени — с начала XVI в. — на Западе, в первую очередь в Польше, которая тогда воевала с Московией, формируется остававшийся неизменным до настоящего времени образ России как варварского, дикого, безбожного, отсталого и враждебного государства. Еще более существенно, что такое восприятие России становилось частью западной матрицы: страна выступала в роли того антипода, глядя на который Запад возвышал свою систему ценностей в собственных глазах. Отказ от такого образа для Запада означал бы потерю части собственной идентичности. В России, в свою очередь, развился комплекс самоизоляции как реакция на постоянные угрозы извне и как следствие уверенности в своем духовном превосходстве. Самоизоляция даже в XVI–XVII вв. не была абсолютной, но контакты с Западом отражали не признание его превосходства или

---

[1] *Н.И. Никитин.* Расширение территории как геополитический фактор российской государственности: концептуальные вопросы // Российская империя: от истоков до начала XIX века: Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 32.

[2] Там же. С. 28.

стремление с ним слиться, а, напротив, усиливали притязания на российскую исключительность.

Внук Ивана III Иван IV, более известный как Иван Грозный (правил в 1533–1584 гг.), был уже официально венчан на престол как самодержавный царь и помазанник Божий. При нем окончательно утвердилась сильная верховная власть с элементами сословно-представительной монархии. Была создана регулярная государственная бюрократия, профессиональное стрелецкое войско, жестоко преследовались проявлявшие неповиновение и сепаратистские настроения бояре. Вместе с тем царь управлял страной с опорой на Боярскую думу и Земские соборы, которые мало отличались от своих западноевропейских аналогов. Фрэнсис Фукуяма усматривает в них прямую аналогию французским Генеральным Штатам или испанским Кортесам[1]. Роль Земского собора была огромна. Вопрос о войне и мире решался согласно с его мнением. «И хотя Собору было отказано в праве выбора министерства, но он пользовался правом гораздо более важным — правом избрания царя. В этом отношении ему не приходилось завидовать ни английскому парламенту, ни французским Генеральным Штатам»[2], — был уверен Максим Ковалевский.

При Иване IV окончательно сложилась система помещичьего землевладения с крепостным правом для половины крестьянского населения. Как при раннем западноевропейском феодализме, логика была военной. Для противодействия новым противникам, — а на первое место выдвигались Литва, Польша, Швеция, — потребовалась хорошо вооруженная и обученная элитная конница. До конца XV в. господствовала наследственная вотчина, и традиционное вотчинное право не ограничивало дворянина в его правах распоряжаться землей и не предусматривало обязательной воинской службы с земли. После экспроприации боярских земель при Иване III образовался колоссальный фонд государственных земель, которые были переданы казной московским дворянам и детям боярским в условное владение. Условием стала обязательная военная или государственная служба. Судебник 1550 г. устанавливал, что дети боярские по службе и рождению не могли уже располагать своей личной свободой. Служилый человек должен был начинать свою службу с 15 лет и нести ее до смерти или до неспособности из-за старости или увечья[3]. В 1556 г. служба с вотчин уравнена со службой с поместий. Дворянин обязан был по первому зову встать в строй «конным, людным, оружным». Обеспечить его могли только

---

[1] *Francis Fukuyama.* The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. L., 2012. P. 394.

[2] *Максим Ковалевский.* Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 71–72.

[3] *Матвей Любавский.* Русская история от Скифии до Московии. М., 2012. С. 322–323.

доходы от поместного хозяйства, а крестьяне нередко попросту разбегались. Ради сохранения боеспособной армии правительство стало прикреплять крестьян к земле — с Судебника 1497 г. через указы о заповедных и урочных летах, чтобы окончательно утвердить крепостное право в Соборном уложении 1648 г.

Становление России как империи начинается, считают многие историки, также в правление Ивана Грозного — с завоевания Казанского и Астраханского ханств. Усиление Османской империи, после захвата Константинополя продвинувшейся на Балканы и в Северное Причерноморье, вызвало активизацию вассального от него Крымского ханства, открыто враждебного России и координировавшего свои усилия с Казанью и Астраханью. Набеги с юга по-прежнему были проклятием России. Казань была взята в 1556 г., и в честь этой победы на Красной площади в Москве был воздвигнут храм Василия Блаженного. Наступая на Астрахань, русские войска появились на Северном Кавказе, дойдя до Терека и до Каспийского моря.

Затем наступила очередь Сибири. Начальный импульс для продвижения из Поморья на Восток был придан в XVI в. промысловой колонизацией, лидерами которой выступили купцы и промышленники Строгановы, снарядившие первую экспедицию Ермака. После чего за дело взялись официальные власти. Покорение Сибири «носило характер военной оккупации и выражалось в построении в землях туземцев русских городов, городков и острогов»[1]. Современный знаток вопроса заселения Сибири называет факторы успеха: «Опора на реки, ставшие главными коммуникациями русского наступления, строительство на реках городов с артиллерией, которые сделали их почти недоступными для кочевников. Города позволяли контролировать территорию между реками. Этот контроль проводился мобильными конными, тактики и вооружение которых были заимствованы у кочевого мира. Русская конница уступала своим кочевым учителям и была бы разбита ими, но она базировалась в городах, недоступных для кочевников, снабжение которых проходило в обход поля по рекам. Кочевники могли разбить конные отряды, осадить города, победить все эти элементы по отдельности, но не в совокупности»[2]. Правительство и его представители на местах выступали и как дипломатические агенты: кочевники никогда не были для царей безликой массой, кочевая знать принималась как равная в российскую элиту. Для заселения Сибири активно использовали ссылку туда преступников (как Англия отправляла их в Америку или Австралию).

---

[1] *Матвей Любавский.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996. С. 448, 455, 562.

[2] *В.Д. Пузанов.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII вв. СПб., 2010. С. 377.

Сын Ивана Грозного Федор стал последним царем из династии Рюриковичей. Он отметился утверждением в России самостоятельного патриаршества, что позволило создавать и собственные церковные метрополии. Смерть в 1598 г. Федора Иоанновича, не оставившего наследников, и избрание Земским собором Бориса Годунова положили начало Смутному времени, когда страна была охвачена кровавой гражданской войной, в которую активно вмешались Польша и Швеция. Они по-прежнему были сильнее России и соперничали с ней за титул сверхдержавы Восточной Европы. В период Смуты чуть не реализовался проект включения России в европейскую систему через подчинение Польше и унии с ней. Россия оказалась на грани гибели, от которой ее спасло народное ополчение во главе с князем Пожарским и новгородским старостой Мининым, освободившее в 1612 г. московский Кремль от поляков.

Царем был избран родоначальник новой династии — Михаил Романов (1613–1645). Он руководил с помощью регулярно созывавшихся Земских соборов, системы приказов, началось создание регулярных полков «нового строя». Продолжилась территориальная экспансия. Привлекаемые лежбищами моржей и богатыми пушниной верховьями великих сибирских рек мореплаватели и землепроходцы на морских судах-кочах открыли и закрепили земли по побережью Северного Ледовитого океана — вплоть до Чукотки. Но по мере «испромышления» моржовых бивней и соболя в северных широтах первопроходческий дух смещался на юг. В 1643 г. отряд якутского пятидесятника Курбата Иванова добрался до Байкала. В то же время отряд якутских служилых людей под руководством Василия Пояркова обнаружил благодатные земли по реке Амур. Далее настала очередь Приморья, привлекшего благоприятным морским климатом: амурский регион оказался самым заселенным русскими в Забайкалье[1].

Российская территориальная экспансия достигла тех географических границ, за которыми она уже не могла осуществляться в виде заполнения геополитического вакуума. На востоке ее пределы жестко обозначили интересы Китая, на юге — Османской империи, на Западе — Польши, Швеции, германских государств. Дальше почти любые территориальные приращения России сопровождались войнами и/или были их результатами. Даже в тех случаях, когда происходило добровольное присоединение, речь шла о землях, уже находившихся в разных формах зависимости от кого-либо еще.

В момент формирования Вестфальской системы ее участники не признавали Россию равным партнером, относя ее к числу варварских держав, подлежащих освоению, как американский или африканский

[1] *Н.И. Никитин.* Присоединение Сибири // Российская империя: от истоков до начала XIX века. С. 124–126.

континенты. «Алексей, вступивший на престол в том же году, что и Людовик XIV, — констатирует Дэвис, — был никому не известным московским князем, о котором в Версале вообще слыхом не слыхали»[1]. Впрочем, полагаю, этот факт мало заботил Алексея Михайловича.

России первый политический опыт нового времени — английской революции и парламентаризма — очевидно не понравился. Когда по решению парламента в 1649 г. обезглавили короля Карла I, царь был так оскорблен, что изгнал всех английских купцов из пределов России (что оказалось сильно на руку немецким и голландским торговцам). А пока король Карл II оставался в изгнании, Алексей посылал ему деньги и передавал самые нежные пожелания «безутешной вдове достославного мученика, короля Карла I»[2].

В России недовольство западным высокомерием начинает сочетаться с пониманием необходимости освоения западного опыта. Во второй половине XVII в. начинается секуляризация культуры, появляется жанр светской литературы и поэзия, возникает светская живопись. В 1649 г. было подготовлено Соборное Уложение, включавшее в себя собрание всех норм действовавшего государственного, гражданского и уголовного права, насчитывавшее 967 статей, намного больше, чем судебники Ивана III (94 статьи) и Ивана IV (100 статей). В основу Уложения, которое объявлялось высшим законом, был положен принцип равенства перед законом, ставилась цель, чтобы «суд и расправа была во всех делах всем равно»[3]. Серьезные последствия имела проведенная Алексеем Михайловичем совместно с патриархом Никоном церковная реформа, которая предусматривала изменение церковных обрядов и книг по правилам Греческой церкви и привела к расколу: от официальной церкви отделились старообрядцы, не признавшие нововведений.

Началось более активное продвижение на Юг — как средство защиты от ежегодных набегов крымчаков. Южные российские города первоначально были исключительно крепостями, защищаемыми дворянской конницей и служилыми людьми. На Юге создавалась засечная черта, которую Вячеслав Козляков называет своего рода Великой китайской стеной на русский лад: «Только сделана она была не на века из камня, а из ближайших подручных средств — леса и земли путем устройства завалов и засек, охраняемых специально назначаемыми засечными головами и сторожами, а также окрестным населением». Полное завершение второй оборонительной линии — Белгородской — состоится в царствование Алексея Михайловича[4]. Мирная крестьянская

---

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. М., 2007. С. 479.
[2] *Роберт Масси.* Петр Великий. Т. 1. Смоленск, 1996. С. 26.
[3] *Александр Боханов.* Царь Алексей Михайлович. М., 2012. С. 178–198.
[4] *Вячеслав Козляков.* Михаил Федорович. М., 2010. С. 291–294.

колонизация в южные степи, которые со временем превратятся в главные житницы России, начнется только в XVIII в.

Воссоединение с Украиной, находившейся под властью Польши, началось после Переяславской Рады, которая в 1653 г. приняла решение о переходе под покровительство России Левобережной Украины. Земский собор дал Алексею Михайловичу согласие на то, чтобы «того гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами и с землями принять под свою государственную высокую руку для православной христианской веры и святых Божьих церквей»[1]. Это автоматически вызвало войну с Польшей, после которой Россия по Андрусовскому перемирию 1667 г. присоединила Киев с Правобережьем Днепра, Северские земли с Черниговом, а также Смоленск. Первоначально Украина пользовалась большой степенью автономии. Во главе находился избранный на казачьей раде и утвержденный правительством гетман, осуществлявший верховное управление и суд с опорой на старшинскую раду.

Камчатка впервые была обследована с Чукотки пятидесятником Владимиром Атласовым, который «для прииску новых неясачных людей» зимой 1696 г. с отрядом в составе 60-ти русских казаков и промышленников и 60-ти ясачных юкагиров проделал из Анадырского острога путь в тысячи километров и в сопровождении оставшихся в живых 15 казаков и 4 юкагиров вернулся в Анадырь с богатой ясачной казной. В дальнейшем, помимо Камчатки, были присоединены Курилы, Сахалин, русские поселения появились в Северной Америке — на Аляске и западном побережье, вплоть до форта Росс на территории современного Сан-Франциско. Территория обитания коренных народов признавалась царской собственностью, а главной обязанностью посылаемых туда воевод и служилых людей было бесперебойное получение ясака в виде меха, который регулярно собирался по «землицам», волостям, улусам и юртам.

Российская Империя

Петр I стал единодержавным правителем в 1696 г. и царствовал до 1725 г. Под влиянием потребностей ведения широкомасштабной войны со Швецией и знакомства с опытом ряда западных стран — прежде всего Голландии и Англии — он вступил на путь решительной вестернизации, которая осуществлялась жесткими мерами. Вестернизация проявлялась повсюду — от бритья бород и введения европейской одежды до реформ в административном устройстве, промышленности, военном деле. Была построена новая столица — Санкт-

[1] *Иван Беляев.* Земские соборы на Руси: От Ивана Грозного до Екатерины Великой. М., 2013. С. 60–61.

Петербург — как символ прорыва в Европу. Вместо Боярской думы был создан Сенат, страна разделена на губернии, приказы заменены на коллегии, появилась Академия наук, театры, первая газета, сотни новых заводов и фабрик. Были созданы регулярные армия и флот, введены рекрутская повинность, обязательное обучение дворянских детей в государственных учебных заведениях или за рубежом, обязательная пожизненная военная или гражданская служба для дворян.

Земские соборы перестали собирать, за образец Петр взял абсолютистскую модель государственной власти, которая в его времена господствовала в большинстве европейских стран. Вместе с тем и впредь любой самодержец должен был учитывать интересы влиятельных групп элиты, армейской верхушки. Самодержавие будут ограничивать и высшая бюрократия, и необходимость делегировать полномочия, и народные бунты, и дворцовые перевороты. Ричард Пайпс утверждал: «Формально власть российских правителей в XVIII–XIX вв. оставалась всеобъемлющей, и ничто не могло сдержать царя, вознамерившегося достичь какой-то конкретной цели; он мог издавать какие угодно законы, создавать, преобразовывать и упразднять учреждения, объявлять войну и заключать мир, распоряжаться государственными имуществами, возвышать или губить отдельных своих подданных. Однако контроль государей над страной в целом и их способность вмешиваться в ее каждодневные дела были уже далеко не безграничны и уменьшались все более… Как будто бы они были капитанами корабля, обладающими полной властью над его командой и пассажирами, но почти не имеющими права голоса в управлении им или в выборе курса… Парадоксально, но факт, что, требуя для себя монопольной политической власти, русские самодержцы оказались более безвластны, чем их конституционные собратья на Западе»[1].

Россия стала великой европейской державой под Полтавой в 1709 г., и с тех пор никогда не теряла этого статуса, завоевывая положение серьезного игрока в большой политике Старого Света. Россия была провозглашена империей Петром Великим в 1721 г., после окончательной победы над шведами в Северной войне и присоединения земель восточной Прибалтики. Позднее губернии этого региона — Лифляндская, Курляндская и Эстляндская — были объединены в Прибалтийское генерал-губернаторство. В основе управления этими губерниями лежал принцип сохранения привилегий остзейских баронов, верой и правдой служивших трону российских императоров.

Политика Петра ввести Россию в западный культурно-цивилизационный контекст частично удалась, по крайней мере на уровне элиты, а результаты петровских реформ и дискуссии вокруг них

[1] *Ричард Пайпс.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 154–155.

на столетия вперед предопределят дискурс российских историософских споров: были ли они ненужным прерыванием преемственности российской традиции, а потому вредной затеей, либо, наоборот, были единственно возможным и желательным.

Период правления племянницы Петра I Анны Иоанновны (1730–1740), супругом которой был герцог Курляндский, отмечен засильем немцев во власти. Дворянство получило дополнительные привилегии: они могли учить детей дома, выходить в отставку после 25 лет службы. В результате русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Россия возвратила себе Азов, присоединила Молдавию, но потеряла завоеванные Петром земли по Западному побережью Каспия. В Казахстане, который начали захватывать племена джунгар (монгольских калмыков), ханы, стоявшие во главе Младшего и Среднего казахских жузов, обратились за защитой к России и в 1731 и 1740 гг. присягнули на верность царице (старший жуз присоединится в 1860-е гг., после чего начинается массовое переселение русских и украинских крестьян в казахстанские степи).

Елизавета Петровна (1741–1761), объявившая себя продолжательницей дела отца, избавилась от немцев на госслужбе, смягчила внутренние порядки, отменив смертную казнь. Она выступила покровительницей наук и искусств. В 1755 г. был создан Московский университет, в 1758 г. — Академия художеств, построен Зимний дворец (Эрмитаж) в Петербурге, появились первые профессиональные театры. В 1754 г. открылся Дворянский банк, предоставлявший кредит под 6% годовых. Увеличив пошлины на ввозные товары, правительство ликвидировало внутренние таможни на въездах в городах и внутренние пошлины.

Начало царствования Елизаветы Петровны пришлись на войну со Швецией 1741–1743 гг., которая стремилась взять реванш за Полтаву, но потеряла часть Финляндии. В годы Семилетней войны Россия примкнула к альянсу Франции и Австрии и объявила войну Пруссии. 130-тысячная русская армия раздавила своей численностью ее силы в Восточной Пруссии, которая после битвы при Гросс-Егерсдорфе была присоединена к Российской империи. После победы у Кунерсдорфа в августе 1759 г. русские войска подошли к Берлину. «Чтобы удержать в рамках этих господ, понадобится вся Европа»[1], — говорил отчаявшийся Фридрих Великий. Его спасло Бранденбургское чудо — смерть Елизаветы Петровны и воцарение Петра III, который считал прусского короля величайшим гением, героем и наставником. В апреле был подписан сепаратный мир, по которому Восточная Пруссия возвращалась королю, а русские войска направлялись против австрийцев.

Гвардия никогда не простит такого позора императору, хоть он и отметится еще Манифестом о вольности дворянской, избавившим

[1] *Норман Дэвис.* История Европы. С. 479.

высшее сословие от обязательной службы. Екатерина II пришла к власти, как это было уже принято, в результате дворцового переворота и убийства ее супруга в 1762 г. Испытывая влияние французских просветителей, Екатерина взялась за реформирование страны по западному образцу. Она созвала Уложенную комиссию для выработки Свода законов, для которой подготовила специальный «Наказ», где можно было обнаружить такие словосочетания, как «естественные права человека», «равенство перед законом», «веротерпимость», «презумпция невиновности». Вместе с тем императрица никогда не ставила под сомнение принцип самодержавия: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством столь великого государства… Лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим»[1]. Работа Уложенной комиссии ничем не закончилась. Вскоре грянуло восстание Емельяна Пугачева, а окончательно конституционные идеи покинули Екатерину, когда на полный ход заработала гильотина в революционном Париже. Действовать она предпочла не через институты, а с опорой на фаворитов и других доверенных лиц. Среди них особая роль принадлежала князю Потемкину. История о «потемкинских деревнях», которые якобы строились из одних фасадов на пути следования Екатерины на Юг, была вымыслом саксонского дипломата Гельбига, изгнанного из России за шпионаж. По возвращении на родину он издал сборник анекдотов о России, который со временем был объявлен достоверным политическим памфлетом.

Екатерина продолжила «раскрепощение» дворянства, начатое ее покойным мужем. По учреждению о губерниях 1775 г. дворянство, освобожденное от обязательной службы, сохранило преимущественные права на государственной службе и при выборах должностных лиц в провинциальные учреждения. С изданием жалованных грамот дворянству и городам впервые в России все сословия — за исключением крестьянства — приобретали юридические права, причем за основу было взято Магдебургское право. Органы городского самоуправления становились выборными.

В усадьбы надолго стали поселяться ранее обязанные постоянной службой дворяне, которые создавали собственные библиотеки, спорили о содержании последних зарубежных романов, философских и естественнонаучных трактатов или свежих газет[2]. Общество было охвачено театральным ажиотажем. Екатерина II озаботилась образованием

---

[1] *Екатерина II.* О величии России: Из «Особой тетради» великой императрицы. М., 2012. С. 74.

[2] *В.Я. Гросул.* Общественность России в годы правления Екатерины II и Павла I // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова. М., 2011. С. 498–499.

женщин, появились женщины-поэтессы, переводчики, Дашкова возглавила Академию наук. Возникала та Россия, которую мир узнает из «Войны и мира» Льва Толстого.

При Екатерине II государство руководствовалось принципами фритрейдерства, продолжило уход из экономики, сохраняя контроль лишь над главными отраслями военной промышленности. В октябре 1762 г. императрица разрешила всем сословиям создавать мануфактуры (но не в Москве и Петербурге), а Манифест 1775 г. — и промышленные предприятия. Крестьяне начали активно заниматься торговлей, взяв в свои руки большую часть рынка продовольственных товаров, домашней утвари и сельскохозяйственных орудий. Число заводов и фабрик за годы царствования Екатерины II выросло вчетверо. В 1768 г. вышел Манифест и именной указ Сенату «Об учреждении в С.-Петербурге и Москве Государственных банков для вымена ассигнаций». Все это, а также развитие торгового мореплавания, учреждение заграничных консульств и заключение торговых конвенций оживило внешнюю торговлю.

По количеству войн эпоха Екатерины была едва ли не рекордной в российской истории: три с Польшей, две с Турцией, по одной с Персией и со Швецией. А затем замаячила перспектива большого столкновения с Францией. На большую высоту поднялось военно-оперативное искусство, связанное с именами Румянцева, Суворова и Кутузова. В соответствии с договором, подписанным в Кучук-Кайнарджи в 1774 г. и Ясским миром 1791 г., Турция отказалась от прав на Крым, Россия приобрела Кубань и Новороссию — от Буга до Днестра.

Когда в середине 1770-х гг. началось восстание американских колоний Англии, ее король Георг III просил Екатерину прислать армию и флот для подавления мятежа. Потемкин якобы сказал: «Если Англии потребуется 20 тысяч солдат, Россия могла бы без проблем ей их дать». Пожалуй, этих 20 тысяч вполне бы хватило для прекращения восстания и отсрочки дня независимости США на много десятилетий. Но Екатерина не забыла отказа Георга подписать союзный договор, поддержать ее в Турции или Польше. Англия еще долго не простит России эту инициативу, которую высоко оценили американские борцы за независимость.

13 октября 1795 г. был подписан договор о третьем разделе Польши. Российские владения простерлись до линии, очерчивающей восточную границу современной Польши. «Таким образом, — подчеркивает Каррер д'Анкосс, — Россия вернулась к границам земель, управляемых в прошлом потомками Рюрика»[1]. Только разделы Польши дали России 7,5 млн новых подданных (все население в начале царствования Екате-

[1] *Элен Каррер д'Анкосс.* Екатерина II: Золотой век в истории России. М., 2006. С. 342.

рины не превышало 20 млн). На присоединенных украинских землях гетманство было окончательно ликвидировано, правовое и налоговое положение унифицировано с общероссийским, как и украинское казачье войско.

Внешние успехи России, безусловные для ее населения, совершенно иначе выглядели для внешнего мира. Как подмечал Генри Киссинджер в «Дипломатии», «Россия вызывала двойственное к себе отношение: отчасти надежду и отчасти страх, что и явилось ее уделом вплоть до нынешних дней. В начале XVIII века русская граница проходила по Днепру; столетием позднее она уже находилась на Висле, пятьюстами милями западнее. В начале XVIII века Россия боролась за свое существование со Швецией под Полтавой, в глубине территории современной Украины. В середине века она уже участвовала в Семилетней войне, и войска ее находились на подступах к Берлину. В конце века она выступила в роли главного участника раздела Польши»[1]. Становление России как великой державы не прибавляло ей симпатий в Европе.

Кардинальные изменения в европейскую систему внесла Великая Французская революция, перераставшая в большую международную войну. Правители Австрии, Пруссии, Швеции, Саксонии, Испании и России выступили за интервенцию, которой помешало, главным образом, отсутствие четко выраженного согласия Людовика XVI. Главным организатором трех антифранцузских коалиций выступала Великобритания, костяк вооруженных сил поставляли Россия, Австрия и Пруссия. Австрийцы без особого успеха отбивались от революционных войск в Нидерландах, а также в Северной Италии, где взошла звезда Бонапарта. В это время Россия потеряла свою великую правительницу.

Павел I эмоционально был готов к тому, чтобы возглавить силы противников революции, которая воспринималась им как совершенное зло, как козни антихриста, как вызов Богу[2]. Когда в 1798 г. Бонапарт захватил Мальту и заявил о ликвидации базировавшегося там Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, именно император Павел согласился принять на себя звание Великого Магистра. Когда французы заняли Рим, свергли, ограбили и увезли во Францию папу Пия VI, свои войска в Италию на освобождение Рима отправил тот же Павел I, который видел свою миссию в том, чтобы быть «восстановителем тронов и оскверненных алтарей». Последовали победы над французами в Северной Италии, успех экспедиции адмирала Ушакова, который высадился в Неаполе и освободил Рим. Пий VII назовет Павла «другом человечества и бескорыстным защитником и покровителем гонимых и угнетенных»[3].

---

[1] *Генри Киссинджер.* Дипломатия. М., 1997. С. 62.
[2] *Александр Боханов.* Павел I. М., 2010. С. 264.
[3] Цит. по: *Александр Боханов.* Павел I. С. 273.

Однако вскоре, разочаровавшись в ненадежных союзниках, третировавших даже воевавших за них русских воинов как людей второго сорта, Павел резко сменил курс, начав сближение с Францией, где Бонапарт усмирил революцию, стал единоличным правителем, прекратил гонения на церковь. Он становился едва ли не единственным европейским лидером, с которым, по мнению Павла I, имело смысл иметь дело. Со своей стороны, Наполеон рисовал перспективу мощной коалиции, способной сокрушить английское глобальное могущество, и в качестве объекта для первого совместного удара предлагал «жемчужину Британской империи» — Индию. Павел отозвался направлением туда казачьего корпуса.

Павел был врагом «врожденных привилегий», требовал от всех дворян безупречного и безусловного служения стране и даже разрешил применять к ним телесные наказания, заставил чиновников ходить на службу, установив начало рабочего дня в 6 часов утра и обязательный отход ко сну в 10 вечера. Политика Павла, проводившаяся жестко и бесцеремонно, восстановила против себя влиятельную екатерининскую элиту. Лондон не поскупился на операцию по смене режима в России, отработанную во многих других странах, и нашел надежных партнеров при дворе.

Внук Екатерины Великой Александр I, занявший престол в марте 1801 г. после удавшегося заговора, лишившего жизни императора Павла I, в первые годы царствования также был полон решимости реформировать Россию: ввести конституцию, отменить крепостное право. Указ «О вольных хлебопашцах» 1803 г. стал первым шагом в этом направлении. Петровские коллегии были заменены министерствами, учреждался Государственный совет в качестве законосовещательного органа. Открывались университеты, появился Лицей, уже первый выпуск которого во главе с Александром Пушкиным оказался прославленным, появилось бесплатное начальное образование. Но в дальнейшем реформы были остановлены. На сей раз причинами стали сопротивление аристократии ослаблению прерогатив монаршей власти и отмене крепостного права, а также несколько войн одновременно: со Швецией, Персией, Турцией и, конечно, с наполеоновской Францией.

Аннексия Финляндии объяснялась стремлением отодвинуть границу Швеции, в очередной раз пытавшейся взять реванш за Полтаву, от Санкт-Петербурга. Был оформлен особый статус Великого княжества Финляндского, который был настолько особым, что государствоведы так и не смогли договориться, что же это было — самостоятельное государство, состоявшее с Россией в тесном союзе, или автономная провинция.

Защита закавказских христиан считалась в России святым, не подлежащим обсуждению долгом. Царь объединенных Картли и Кахетии Ираклий II в 1783 г. заключил Георгиевский трактат, согласно которому

Россия принимала царство под свой протекторат. А его сын Георгий XII вступил в переговоры о полном вхождении в состав Российской империи, результатом которых стал соответствующий манифест 1801 г. Персия и Оттоманская империя восприняли это как прямую угрозу своим интересам, Великобритания — как косвенную и потенциальную. Потребовался ввод в Закавказье русских войск, что вызвало войну с Персией, а затем и с Турцией. Земли Восточной Армении, разделенные между этими двумя странами, перешли под контроль России в 1805–1828 гг., образовав Эриванскую губернию. Полем русско-персидской войны стали азербайджанские земли. По Гюлистанскому договору 1813 г. Персия признала включение Грузии и части азербайджанских ханств в состав России. Тылам и путям снабжения русской армии в Закавказье постоянно угрожал самобытный мир черкесско-адыгских племен Северного Кавказа, большинство из которых к тому же находилось в союзе с Турцией. Покорение этих народов превратилось в 60-летнюю Кавказскую войну (впрочем, она полностью не закончена до сих пор). Россия завязла на Кавказе.

Переоценка военных возможностей России заставила Александра I войти в ряды третьей антинаполеоновской коалиции. Опрометчивость своего решения император ощутил в 1805 г. под Аустерлицем, где русские войска подверглись унизительному разгрому. Из поражения были сделаны серьезные выводы, которые пошли по пути заимствования тактики военной организации Франции. К 1812 г. численность российских войск достигла 620 тысяч человек, из них на западной границе размещалось 210–220 тысяч. Они противостояли 610-тысячной Великой армии. Мало кто за пределами России сомневался в очередной победе Наполеона.

Но у Александра и его военного министра Барклая де Толли были иные прогнозы. Благодаря прекрасно действовавшей разведке они были хорошо осведомлены о планах и возможностях Наполеона и разработали трехлетний стратегический план, который предусматривал затягивание боевых действий вглубь российской территории в 1812 г., а затем их перенос за границу в 1813–1814 гг. Наполеон, вторгнувшись в Россию, постепенно распылил силы, растянул коммуникации по пути до Москвы, тогда как российское командование, долго избегая решающего сражения, смогло заметно пополнить свой боевой потенциал.

Обескровив наполеоновское войско в решающей битве при Бородине, российское командование пришло к выводу, что по стратегическим соображениям необходимо оставить Москву. Наполеон не был самокритичен, списав свои последующие неудачи на климат: «В Москве весь мир уже готовился признать мое превосходство: стихии разрешили этот вопрос»[1]. На самом деле его политические и страте-

[1] *Наполеон Бонапарт.* Путь к империи. М., 2011. С. 449.

гические просчеты только продолжали множиться. Ожидая в Москве начала мирных переговоров, он катастрофически терял время: его армия разлагалась и таяла, а зима приближалась. «В то время, когда в России были мобилизованы значительные материальные и людские ресурсы, решительно использовались все возможные средства для отпора и борьбы с французами (созыв ополчений, поощрение партизанских действий, пропагандистские мероприятия: от религиозных и патриотических призывов к населению до агитации солдат противника), главные силы Наполеона оказались в центре враждебной территории при наличии единственной и чрезвычайно растянутой коммуникационной линии, проходящей через регионы, ставшие ареной боевых действий и имевшие, вследствие применения русскими тактики "выжженной земли" крайне скудные возможности для применения реквизиционной системы снабжения войск»[1], — справедливо замечает историк Виктор Безотосный. Результатом Отечественной войны 1812 года стало почти полное уничтожение Великой армии. По подсчетам Клаузевица, из 610 тысяч в России осталось убитыми и пленными 552 тысячи[2]. Только нерасторопность российского командования при Березине не позволила полностью уничтожить французскую армию. В декабре 1812 г. в Варшаве чудом спасшийся Наполеон несколько раз повторил: «От великого до смешного — только один шаг».

Русские войска отправились «добивать чудовище в его логове». Позиции России в тот момент настолько сильны, что после капитуляции Наполеона от имени поверженной Франции второй Парижский договор в ноябре 1815 г. подписывал герцог Арман Эммануил де Ришелье (больше известный в нашей стране как Эммануил Осипович) — генерал-лейтенант русской службы и бывший одесский градоначальник, возглавивший в тот момент правительство короля Людовика XVIII.

Александр I выступил инициатором создания Священного союза, призванного хранить новый политический порядок в Европе, акт о создании которого был написан его рукой. Это было объединение христианских государств, первоначально России, Австрии и Пруссии, которые подчинялись «высоким истинам, внушаемым вечным законом Бога Спасителя». Позднее к Союзу присоединились принц-регент Англии Георг, принц Уэльский (как регент ганноверский), а также короли французский, шведский и норвежский, датский, нидерландский, сардинский, обеих Сицилий, испанский, португальский, государи и вольные города Германии, швейцарский союз. Вне рамок общеевропейской системы осталась лишь Турция.

---

[1] *Виктор Безотосный.* Все сражения русской армии 1804–1814 гг.: Россия против Наполеона. М., 2012. С. 400.

[2] *Клаузевиц.* 1812 год. С. 229.

В европейском концерте

Это положило начало европейскому концерту держав, обеспечившему Старому Свету самый мирный век в его истории. Мир поддерживался именно балансом сил, важным компонентом которой стала Россия, и без нее, как тогда говорили, ни одна пушка в Европе не стреляла. Концерт не предотвратил лишь крупные Крымскую и франко-прусскую войны, остальные же боевые столкновения велись на европейской и колониальной периферии.

В 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали в Тропау протокол, в котором провозглашалось право подавлять революционные выступления в любой стране без согласия на то его правительства. Франция и Великобритания отказались признавать этот «принцип вмешательства». Священный союз после Тропау, словами американского аналитика Марка Мазовера, стал «подгруппой консервативных держав внутри Концерта»[1]. Россия не просто была частью европейской системы, она была ее основной несущей конструкцией, наиболее влиятельной державой континента.

Александр I считал раздел Польши противным его понятиям о справедливости. Но в 1815 г. в соответствии с решениями Венского конгресса его польские владения заметно расширились после того, как большая часть герцогства Варшавского переходила к России под названием Царства Польского. Александр сразу же признал за нею право на представительное правление, даровав конституцию, систему местного самоуправления, свободу печати и право иметь армию. «Два восстания — в 1830 и в 1863 году — были сочтены русскими монархами совершенно освобождающими их от всех прежних обязательств по отношению к польской нации и поставили поляков в положение неблагонадежных подданных»[2], — возмущался Максим Ковалевский. После жестоко подавленных восстаний Царство Польское лишилось большинства атрибутов автономии, проводилась довольно последовательная политика русификации.

В царствование Николая I (1825–1855), которое началось под залпы восстания декабристов, предпринявших попытку или первой революции, или последнего дворцового переворота в стиле предыдущего века, о реформаторстве не вспоминали. «Его неприязнь к “конституции” и парламентским формам правления вызывалась убеждением, что это “сделка с революцией”, что это уступка тем и тому, что разрушает вечное, целостное и неподдельное»[3], — подчеркивал его биограф Александр Боханов.

---

[1] *Mark Mazower.* Governing the World: The History of an Idea. L., 2012. P. 7.
[2] *Максим Ковалевский.* Очерки по истории политических учреждений России. С. 218.
[3] *Александр Боханов.* Николай I. М., 2008. С. 10, 9.

Именно при Николае I была предпринята попытка выработки новой государственной идеологии, которая приняла форму теории «официальной народности»: в ней традиционными началами российской государственности объявлялись Православие, Самодержавие, Народность. В николаевское тридцатилетие если и было следование западной модели, то в технике управления государством. Впервые упор был сделан на госаппарат, костяком которого стали военные, доказавшие свою преданность в бою. Было кодифицировано законодательство, вводилось техническое и военное образование, появился первый акционерный устав. Началось строительство железных дорог, была сооружена самая совершенная на тот момент обсерватория в Пулково.

Человек, которого не без оснований называли последним рыцарем Европы, был предельно верен монархическому принципу и союзническим обязательствам перед Пруссией и Австрией, направив даже войска на подавление венгерского восстания 1849 г. Но чрезмерная активность на Кавказе, установление протектората над православными Дунайскими княжествами и попытки установить покровительство над христианскими святынями в Палестине, находившейся в османском владении, привели к неудачной Крымской войне с мощной антирусской коалицией в составе Великобритании, Франции и других держав, в разгар которой император скончался. Оттесняемая на обочину европейской политики, Россия, словами канцлера Александр Горчакова, не обижалась. Она сосредотачивалась.

Александр II (1855–1881) приступил к грандиозному социальному эксперименту — к революции сверху, к реформам, которые на сей раз не были копированием чьего-либо опыта. Манифест об отмене крепостного права 1861 г. положил начало целой серии глубочайших преобразований. Среди них — суд с участием присяжных, который укреплял гражданский порядок. Выборные земства становились органами самоуправления, благодаря которым, в частности, появились и врачи, и агрономы, и ветеринары, и начальные школы в деревнях, и статистические исследования. Формировалось городское общественное самоуправление с избирательными собраниями, думами, городскими управами. Началось становление гражданского общества и правового государства. Расширение свободы слова, преподавания, научного поиска стало основой успехов российской науки, способствовало росту образованности общества и появлению величайших пиков отечественной культуры.

При Александре II удалось установить границу по Амуру с Китаем, который оказался ослабленным экспансией в него едва ли не всех великих держав сразу. Определивший границу Айгунский мирный договор 1858 г., за который его творец Николай Муравьев получил графский

титул и именную приставку Амурский, одновременно наделял Приморье статусом земель совместного с Китаем пользования.

Петербург однозначно поддержал Север в шедшей в США Гражданской войне, рискуя столкновением с Великобританией. Не имея уверенности в способности сохранить контроль над Аляской и желая сблизиться с Вашингтоном, Александр счел за благо в 1867 г. продать ее Америке за 7 млн долл.

Русско-турецкая война 1877–1878 принесла независимость Черногории, Сербии и Румынии, автономию Северной Болгарии; Россия присоединила устье Дуная, Батум, Карс, Ардаган. Российская империя продвинулась в Центральную Азию, где войска первоначально оказались, преследуя полубандитские формирования, которые тревожили населенные пункты и крепости Прикаспия, Южного Зауралья и Казахстана. Кроме того Россию беспокоило военно-политическое проникновение в регион Великобритании. В 1866 г. русские войска взяли Ходжент, в 1868-м — Хиву, в 1884 г. — Мерв. Расходы России на обустройство среднеазиатских приобретений втрое превысили получаемые оттуда поступления. Там началась прокладка железных дорог, городское строительство европейского типа, была ликвидирована работорговля.

Царя-освободителя 1 марта 1881 г. взорвал террорист из «Народной воли». Именно Россия стала родиной террора. Одним из организаторов покушения был студент Петербургского университета Александр Ульянов, брат Владимира Ленина. В день казни брата Ленин скажет, что пойдет иным путем.

У Александра III (1881–1894) не было пиетета перед приветствовавшей цареубийство интеллигенцией, которая, в свою очередь, отрицала наличие у императора здравого смысла и понимания прогресса. «Император Александр III считал, что большинство русских бедствий происходило от неуместного либерализма нашего чиновничества и от исключительного свойства русской дипломатии поддаваться всяким иностранным веяниям»[1], — вспоминал великий князь Александр Михайлович. Александр III не видел необходимости в кардинальных переменах и потому, что за рубежом его не только критиковали (как критиковали всех без исключения российских монархов, что бы они ни делали), но и считали примером для подражания. Канцлер Германии Бисмарк даже высказывался за «русский путь развития» для своей страны.

Государство вновь стало усиливать свою роль в экономике, исключив, в частности, возможность построек и эксплуатации железных дорог частными обществами. Вновь круто развернулась таможенная си-

[1] *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминаний // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 108.

стема — от фритредерства к протекционизму. В 1880-е гг. начинается настоящий промышленный бум, который серьезно менял лицо страны: в среднем рост на 5% в год вплоть до 1914 г.

Свое внешнеполитическое кредо Александр III начертал на донесении Сабурова: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего все, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная…»[1] Три императора — России, Пруссии и Австро-Венгрии — в 1881 г. заключили в Берлине пакт о нейтралитете сроком на три года, который был продлен в 1884 г. Но затем Германия стала стремительно менять свою внешнеполитическую ориентацию, заключив в 1882 г. с Австро-Венгрией и Италией Тройственный союз, нацеленный против Франции и, косвенно, России. Чтобы разорвать дипломатическую изоляцию, в 1887 г. царь пошел на заключение тайного «договора перестраховки» с Германией. Но вступивший в 1888 г. на престол 29-летний император Вильгельм II, отправив в отставку Бисмарка, начал сближение Берлина с Лондоном, которое было непродолжительным, но достаточным для того, чтобы похоронить российско-германский альянс. Новая политика Германии подталкивала Петербург к сближению с ее основным противником — Францией, что было оформлено секретной военной конвенцией 1892 г. Как напишет об Александре III Сергей Витте, «его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой — недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет»[2].

В конце XVIII — начале XIX в. были заложены и основы российской интеллектуальной традиции.

Основные интеллектуальные течения и философия возникали как реакция на европейскую мысль. При этом зарубежные теории поначалу воспринимались как истина в последней инстанции и руководство к действию, не подвергаясь критическому или скептическому анализу. Российская мысль не создала собственной философской системы, понимаемой как абстрактная, чисто интеллектуальная систематизация знания. Философия была тесно связана с жизнью, морализаторством, а потому чаще обнаруживала себя в литературе и публицистике, нежели в научных трактатах.

Идейно-политический спектр России — дистанция между левым и правым — уже в XIX в. окажется намного длиннее, чем где бы то ни

[1] Цит. по: *Олег Айрапетов.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 361.

[2] *Сергей Витте.* Воспоминания: Полное издание в одном томе. М., 2010. С. 313.

было, и этот плюрализм воспроизведется в постсоветской России. Современные идейные размежевания во многом берут начало уже в те времена.

Как представляется, основоположником консервативной традиции можно считать Николая Карамзина, которого ужаснула Великая французская революция, и он отдал явное предпочтение органическим российским началам. Основными носителями консервативной традиции выступили славянофилы — последователи Алексея Хомякова, видевшие плюс в самобытности России — православии, земских и сословных принципах, крестьянской общине, отсутствии классовой борьбы. Консерватизм продолжился также и как не связанное со славянофильством интеллектуальное течение (поздний Пушкин, Гоголь, Тютчев, Достоевский). Консервативно-охранительное течение ассоциировалось с деятельностью последних российских императоров, и его идеологами выступали Уваров, Катков и Победоносцев. Национализм обрел крайнюю форму в черносотенстве.

Либерализм, судя по всему, начался с Александра Радищева, воспитанного французским Просвещением и атеизмом и сделавшего упор на сострадательности и человеколюбии. Либералы в значительном количестве оказались в рядах западников (первым из которых я считаю Петра Чаадаева), которые возмущались крепостничеством, самодержавием, бюрократизмом, отсталостью, невежеством и призывали брать пример с Англии и Франции. Из либерального западничества после прививки к нему марксизма, анархизма и народнических идей вырос российский социализм, провозвестником которого представляется Виссарион Белинский, а главными творцами, идеологами и практиками во всемирном масштабе — Владимир Ленин и Иосиф Сталин. В советское время именно социалистическая идея в ее коммунистической форме — с прибавлением диктатуры пролетариата — осталась единственной признанной идеологией, хотя все остальные течения немедленно проявляли себя при первых признаках оттепели. При этом и ленинизм был самобытен: ни в одной другой стране мира воплощение марксистских идей не привело к однопартийному государству.

Развитие рыночных отношений, появление независимых центров экономической силы, начало становления гражданского общества требовали большего полицентризма, оперативности решений, наличия легальных каналов для выхода инициативы и протеста снизу, социальной мобильности. Отставание России в уровне общественной организации от наиболее развитых стран являлось кошмаром прогрессивной российской политической мысли. И Николай II (1894–1917) это тоже понимал.

Он начал реформы с осторожных шагов, демонстрируя ставший вскоре фирменным стиль, который Иван Солоневич охарактеризу-

ет довольно точно: «как всегда медленно и как всегда с огромной степенью настойчивости, — ничего не ломая сразу, но все переделывая постепенно»[1]. Николай шел навстречу требованиям студентов, восстанавливая автономию университетов. Началась разработка законодательства, облегчающего выход крестьян из общины, поощряющего хуторские выделы, крестьянское подворье стало частной собственностью.

Важным фактором модернизации страны Николай считал расширение прав земств, протестовавших против бюрократической опеки. Председатель Московской губернской земской управы Дмитрий Шипов был уверен, что «с воцарением Николая II условия нашей государственной жизни не изменились к лучшему: преследование общественной самодеятельности не прекратилось, отношения правительства к общественным учреждениям не изменились, и по-прежнему продолжал господствовать в стране неограниченный произвол административной власти... Многими лицами высказывалось, что молодой государь мало и плохо подготовлен к ответственному делу государственного управления»[2].

Российские либералы, которые были вынуждены соперничать за симпатии народа с исключительно радикальными социалистическими организациями, сами занимали гораздо более левые позиции, чем аналогичные группы в Западной Европе. Макс Вебер замечал: «Сравнивают русскую революцию с французской. Не говоря о бесчисленных прочих различиях между ними, достаточно назвать одно: даже для “буржуазных” представителей освободительного движения собственность перестала быть священной и вообще отсутствует в списке взыскиваемых ценностей»[3]. Даже убийства эсеровскими террористами двух подряд министров внутренних дел — Дмитрия Сипягина и Вячеслава Плеве — вызвали сочувствие общественных кругов.

Борьбу против императорской власти возглавили активисты земского движения из числа высших аристократов и крупных бизнесменов и продолжили земские дворянство и служащие вместе с прогрессивной интеллигенцией. Однако Николай II по-прежнему был уверен, что именно земство станет той почвой, на которой может быть построен будущий российский конституционный строй. В 1904 г. после убийства Плеве, царь назначил на этот ключевой пост Петра Святополк-Мирского. Просвещенный бюрократ, он отменил телесные наказания, ослабил цензуру, разрешил проведение в ноябре 1904 г. Земского съезда. На нем впервые в российской истории легально прозвучали призы-

---

[1] *И.Л. Солоневич.* Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 21.

[2] *Д.Н. Шипов.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 159.

[3] Цит. по: *А. Кустарев.* Макс Вебер, русская революция, вестернизация // Космополис. № 3. 2005. С. 49.

вы к принятию конституции, созыву парламента и введению основополагающих прав и свобод.

Неудачи России в войне с Японией в 1904–1905 гг. привели сначала к серьезному брожению среди интеллигенции и либерального дворянства, а затем и массовым протестам в городах, вооруженным столкновениям и крестьянским бунтам. «Российские мечты об азиатской судьбе превратились в ночной кошмар военного поражения и революции»[1]. На фоне всероссийской забастовки осени 1905 г. император Николай II согласился на серьезную либерализацию политического строя.

Россия получила конституцию, политические свободы, двухпалатный парламент и стала конституционной монархией. Первые две Государственные думы, в которых большинство принадлежало либеральной партии конституционных демократов (кадетов), были настолько оппозиционны, что их заседания превратились в нескончаемый антиправительственный митинг и были распущены после нескольких месяцев работы. Лишь избранная в 1907 г. Третья дума, где ведущей стала более умеренная партия октябристов, занялась законотворчеством и доработала отведенный ей пятилетний срок. Восстания в стране продолжались вплоть до 1907 г. и были подавлены премьером Петром Столыпиным силой оружия. При Столыпине Россия осуществила мощный экономический рывок, однако премьер был убит в Киеве в 1911 г. социалистом-революционером.

В Первую мировую войну Россия оказалась втянута в силу своих союзнических обязательств перед Антантой, в которую входили также Великобритания и Франция; собственных геополитических интересов на Балканах и в союзных славянских государствах, которым все больше угрожали Австро-Венгрия, Германия и Оттоманская империя.

Война и последовавшая в 1917 г. революция до сих пор окружены множеством мифов. Чаще всего считали, особенно в советские времена, так: слабая и нищая Россия терпела поражение в Первой мировой войне, ее экономика рухнула, армия развалилась, людские ресурсы иссякли, свирепствовал голод, недееспособное и неадекватное самодержавное правительство вело страну путем измены, за что буржуазия его и свергла в Феврале, а ее, в свою очередь, в Октябре свергли пролетариат и крестьянство. Все это весьма далеко от истины.

В начале XX в. Россия не была сверхдержавой, но была одной из великих держав. 22,4 млн кв. км (площадь современной Российской Федерации — около 17 млн кв. км). Численность населения около 170 млн человек, каждый восьмой на планете (сейчас — каждый 50-й). Русское экономическое чудо было реальностью. По общим показателям инду-

[1] *David S. van der Oye.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. De Kalb (Ill.), 2006. P. 109.

стриального развития Россия оказалась на четвертом месте на планете, ее доля в мировом промышленном производстве составляла 8,2%[1].

Россия уже не была неограниченной монархией, а Николай II был адекватным руководителем страны. Он проявил мужество, когда принял на себя командование армией в августе 1915 г., после чего возросла ее боеспособность. На внутреннем фронте он пытался демонстрировать свою волю, неподвластность требованиям Думы — и в то же время лавировать, идя на точечные уступки требованиям оппозиции, что приводила к частым переменам в кабинете министров, непродуктивным во время войны.

Российский бизнес в начале войны способствовал переводу экономики на военные рельсы, принял активное участие в формировании военно-промышленных комитетов, земских и городских союзов (Земгор), взявшихся оказывать всестороннюю помощь фронту. Однако именно эти организации и стали одним из важнейших инструментов дестабилизации императорской власти. В земгоровских кругах были составлены еще в 1915 г. списки будущего правительства, которые почти полностью совпали с составом первого Временного правительства, возникшего после Февраля. Из земгоровских кругов вышла и широко распространявшаяся по стране концепция «блока черных сил» — германофильской придворной партии, выступающей за сепаратный мир. Главой ее объявлялись императрица Александра Федоровна и Георгий Распутин, хотя доказательств их предательства никем найдено не было.

Ведущей социальной группой, приближавшей революцию, явилась интеллигенция. Во время войны пораженческие, антиправительственные настроения в ее среде оказались распространены достаточно широко, многие считали патриотизм прибежищем негодяев. Именно из нее в основном и складывались все оппозиционные политические партии — от либеральных до экстремистско-террористических, включая большевиков.

Пролетариат и крестьянство по мере затягивания войны начали задавать вопросы о справедливости ее целей, правильности правительственной политики и не всегда находили устраивающие их ответы. Но инициаторами изменения существовавшего государственного строя рабочие и крестьяне, настроенные в основном консервативно, не выступали.

В русской революции сыграли роль внешние силы. Как и другие воюющие страны, Россия была объектом подковерной дипломатии, подрывных усилий спецслужб, международных пиар-кампаний, финансовых махинаций. Центральные державы проводили активную

[1] *Paul Kennedy.* The Rise and Fall of the Great Powers. N.Y., 1987. P. 202.

подрывную деятельность против России в рамках «стратегии апельсиновой корки»: расчленить Россию «как апельсин, без ножа и ран, на ее естественные исторические и этнические составные части» — Финляндию, Польшу, Бессарабию, Прибалтику, Украину, Кавказ, Туркестан, которые должны стать независимыми государствами под германским контролем[1]. Финансируемый из Германии копенгагенский Институт изучения социальных последствий войны во главе с Гельфандом (Парвусом) выступал спонсором не только Ленина и большевиков, но других оппозиционеров. Вклад в нарастание революционных тенденций внесли и союзники России, чья политика была, как минимум, трехслойной. На уровне глав государств степень доверительности была высока (что не помешало предать Николая II). На втором — элитном — уровне к России относились плохо, считая ее диктатурой, а русских — полуварварским племенем. Отсюда — плохая пресса о России и ее руководстве. На третьем уровне — общественно-политическом — осуществлялась поддержка оппозиции внутри страны. А когда политика Запада была другой?

К моменту Февральской революции Россия была готова в военном и экономическом отношениях к успешному продолжению военных действий. Страна вооружила, снабдила и выставила на поле боя 60 армейских корпусов вместо тех 35-ти, которыми располагала в начале войны. Численность действующей армии, в 1915 г. не достигавшая 4 млн, к концу 1916 г. составила 7 млн человек. Страна значительно нарастила свою собственную оборонную промышленность. Рекордными темпами — за 12 месяцев — удалось построить 1050-километровую железнодорожную колею до Мурманска, куда в основном поступала внешняя помощь. Продовольственные трудности в России имели меньшие масштабы, чем в других воевавших странах, наблюдались только в крупных городах, а основную массу населения — крестьянство — не затронули вообще. Голод и разорение России зимой 1916–1917 гг. не грозили, хлеба хватало, промышленность росла. Потери убитыми, умершими от ран и ранеными (5,5 млн человек) были меньше, чем у Германии (6,05 млн), сражавшейся на два фронта. А по отношению к общему числу мобилизованных были вообще наименьшими из всех основных воевавших стран — 35,5%, по сравнению с 47% у Франции и 55% у Германии. Уже было ясно, что в войну на стороне Антанты в ближайшее время вступят Соединенные Штаты.

Нам уже не дано знать, когда и как закончилась бы Первая мировая война, не свершись революция, следствием которой действительно было позорное поражение России и вынужденный унизительный сепаратный Брестский мир. Но мы знаем, как война реально закончилась:

[1] *Г. Шиссер, Й. Трауттман.* Русская рулетка: немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 19–21.

Германия капитулировала в ноябре 1918 г. Логично предположить: если бы Россия осталась в числе воюющих стран, если бы были реализованы согласованные стратегические планы союзников, война могла бы кончиться тем же — триумфом Антанты, — но только намного раньше и с участием России.

Российская Империя пала жертвой нескольких разрушительных потоков, которые сойдутся в двух точках — на улицах столицы и в Ставке. Все эти потоки носили форму мало скрываемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земгоровских и социалистических кругах и уже в полной мере затронули армейскую верхушку. Руководитель Ставки генерал Алексеев представит царю самый убедительный аргумент в пользу отречения — позицию армейского руководства.

Возникло Временное правительство, министров которого объединяла принадлежность к Земгору, ВПК, Прогрессивному блоку Думы, к масонским ложам. Но одновременно социалистические партии сформировали Совет рабочих и солдатских депутатов, который осуществлял контроль за правительством, что создало ситуацию двоевластия. Правление олигархической и интеллигентской элиты, не понимавшей природы власти и страны, привело к тому, что в течение нескольких дней февраля–марта 1917 г. исчезла российская государственность. Действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат. «Россия весной 1917 года явила миру уникальный пример правительства, порожденного революцией, устранившего прежний аппарат управления прежде, чем оно (правительство) смогло бы заменить его структурами собственного производства»[1], — с полным изумлением констатировал Ричард Пайпс.

Распадом государственности воспользовалась левацкая партия большевиков: к осени у нее были преобладающие позиции в Советах, опираясь на которые Ленин объявил себя верховной властью после стремительной операции собственных вооруженных отрядов. Большевики породили надежду на мир и землю, что дало им ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти, — армию. Идея экспроприации экспроприаторов нашла более короткий путь к народной душе, чем концепции конституционализма. Большевизм воплотил и широко разлившуюся потребность в порядке. По словам Николая Бердяева, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым на-

[1] *Ричард Пайпс.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 351.

род согласился подчиниться»[1]. На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться. Да никто и не спешил, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики — калифы на час и продержатся максимум до Учредительного собрания. Продержались 74 года.

СССР

Большевизм у власти был сложносочиненным и эклектичным продуктом, взращенным объективными условиями российской действительности, возникшей международной изоляцией, а также попытками религиозно фанатичной партии большевиков воплотить в жизнь русифицированные марксистские принципы традиционными отечественными методами.

Советский Союз был идеократическим государством. Впервые претворялась в жизнь идеологическая конструкция, сознательно противопоставленная всему предыдущему опыту человечества. Идеология советского социализма в его чистом виде выглядела следующим образом. Путь к социализму и от него к коммунизму лежит через диктатуру пролетариата, которая решает задачу экспроприации эксплуататорских классов в пользу всех трудящихся. Государство диктатуры пролетариата гораздо более демократично, чем буржуазное государство, которое является лишь формой диктатуры буржуазии. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Лишь тогда громадное большинство, а постепенно и все члены общества научатся управлять государством, после чего оно начнет отмирать. Уничтожение классов — первая и основная задача в осуществлении социального равенства, искоренении эксплуатации человека человеком, обеспечении равенства труда и оплаты за него.

Социализм предполагал захват государством командных высот в экономике и внедрение плановости народного хозяйства. Главное отличие советской экономической модели от дореволюционной заключалось в том, как решался вопрос о собственности. В 1914 г. государство владело 8,3% капитала и 10% индустриальных предприятий. Советское государство постепенно овладело всеми предприятиями и капиталами страны.

Главный принцип внешней политики — пролетарский интернационализм: подчинение интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; способность и готовность со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения междуна-

[1] *Николай Бердяев.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 109.

родного капитала. Как ударная сила мировой революции рассматривался Коммунистический Интернационал, объединивший создававшиеся при поддержке большевиков компартии по всей планете. Но не следует преуменьшать и прагматизм лидеров Советской России, их потребность считаться с реальностью.

После революций 1917 г. Россия развалилась. Ушли Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония; Румыния захватила Бессарабию. В начале 1918 г. Германия и ее союзники признали Украину независимым государством, рухнул кавказский фронт, и грузины, армяне и азербайджанцы провозгласили на еще не завоеванных турками землях независимую Закавказскую федерацию; в Средней Азии вспыхнули сепаратистские движения; о своей независимости и надежде позднее воссоединиться с дебольшевизированной Россией объявила Сибирь. К лету 1918 г. на территории бывшей Российской Империи существовало как минимум 30 правительств. Началась кровопролитная гражданская война.

Попытки ввести милиционно-добровольческие принципы военного строительства, предпринятые на заре советской власти, быстро привели к провалу и были заменены призывом и правильной военной организацией, которые позволили большевистской Красной армии одержать победу в Гражданской войне над белыми армиями, поддержанными западными странами, которые прибегли и к прямой интервенции. Война унесла 8 млн жизней, отбросила экономику страны на полстолетия назад, привела к максимальной централизации власти и милитаризации сознания большевистских руководителей. Железом, кровью и дипломатией государство частично было восстановлено.

В 1920–1921 гг. были заключены договоры Российской, Украинской, Белорусской советских республик, Бухарской и Хорезмской народных советских Республик и Дальневосточной республики. Договоры оставляли за ними «независимость и суверенитет», предусматривая сплочение сил в целях обороны и хозяйственного строительства. Наибольшие проблемы создавала Грузия, и тогда сильно тяготившаяся более тесными отношениями со всеми соседями. Лишь в марте 1922 г. Москве удалось втащить ее в союз с Азербайджаном и Арменией, навязав договор о Закавказской Федерации, также вступившей в альянс с РСФСР. Реальное единство формально самостоятельных стран обусловливали не столько договоры, сколько общая для них власть большевистской партии. В декабре 1922 г. был подписан договор о создании СССР как государства, открытого для присоединения к нему других социалистических республик.

Советский федерализм не означал делегирования республикам политической и экономической власти, но при этом учитывал в административно-территориальном делении и в своей политике инте-

ресы отдельных народов. Такую модель известный американский знаток вопроса Терри Мартин предлагает называть «интернационалистским национализмом» или «положительным действием» (affirmative action). Руководители Советского Союза создавали национальные элиты там, где их не было или они были слабы, распространяли и поддерживали, — там, где это было актуально, — различные формы национальной культуры и идентичности, способствовали «территориализации» этничности, создавая национальные образования на разных уровнях, насаждая новые официальные языки[1].

Экономический коллапс в условиях «военного коммунизма» времен Гражданской войны, массовые вооруженные бунты крестьянства заставили Ленина в 1921 г. продавить принятие «новой экономической политики» (нэпа), которая предусматривала возможность использования рыночных отношений при сохранении командных высот государства в промышленности. Нэп позволил к середине 1920-х гг. решить проблему голода, возобновить экономический рост, но не давал возможности Кремлю (с 1918 г. столица вновь вернулась в Москву) аккумулировать крупные средства для создания тяжелой и оборонной промышленности. Нэп также широко критиковался внутри компартии как антимарксистская затея.

После смерти Ленина в 1924 г. в руководстве страны развернулась острая борьба, в которой Сталин и его соратники одержали победу как над левыми коммунистами — сторонниками Троцкого, Каменева, Зиновьева, настаивавшими на немедленном подталкивании мировой революции и форсированном отказе от рыночных отношений; так и над правыми (Рыков и Бухарин), которые были не менее активными сторонниками мировой революции, но противниками отказа от нэпа. Сталин же предложил концепцию «победы социализма в одной стране», откладывавшую мировую революцию до лучших времен.

Он подавил репрессиями реальную и потенциальную оппозицию, отбросил в сторону нэп и провел насильственную модернизацию страны через индустриализацию и создание крупных коллективных хозяйств на селе. Индустриализация, коллективизация и культурная революция замышлялись как единое и взаимосвязанное целое, синхронизированное по времени. Увеличение изъятия зерна из деревни и внешние займы должны были позволить осуществить стремительный индустриальный рывок, дававший возможность с помощью новых кадров инженеров и рабочих и путем закупок новейшего оборудования на Западе решить задачи создания современных промышленных отраслей, оборонного комплекса, а также парка сельскохозяйственной техники. Следующим шагом должно было стать создание коллектив-

[1] *Терри Мартин.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

ных хозяйств, которые предполагалось насытить техникой и кадрами, сделать их более эффективными, чем кулацкие, и за счет этого постепенно вобрать в колхозы середняков. Это, в свою очередь, должно было дать сырье промышленности, обеспечить гарантированное снабжение продовольствием стремительно росших за счет деревни индустриальных центров, дать возможность увеличивать экспортные поставки зерна. Советская культурная революция имела следствием почти всеобщую грамотность населения, создание серьезного научно-технического потенциала. В результате первых пятилеток Советский Союз действительно создал мощную тяжелую промышленность, которая позволила начать механизацию сельского хозяйства и резко увеличить оборонную мощь.

Индустриализация и коллективизация дались исключительно дорогой ценой, сопровождались раскулачиванием, ГУЛАГом, репрессиями, которые объяснялись не в последнюю очередь стремлением предотвратить появление «пятой колонны» в условиях приближения войны с гитлеровской Германией.

С момента прихода Гитлера к власти ни на день не было ни малейшего сомнения, что война с Германией неизбежна: программные документы НСДАП недвусмысленно говорили о захвате и колонизации Советского Союза и истреблении большей части его расово неполноценного населения. С начала 1930-х гг. СССР находился в состоянии острого конфликта с Японией, осуществлявшей завоевание Китая. Для противодействия нараставшей военной угрозе СССР добился вступления в Лигу наций, выступил с инициативой Восточного пакта (его отвергли Германия и Польша), оказал помощь республиканцам в Испании. Москва предлагала западным державам и сама готова была предоставить гарантии безопасности подвергавшимся германской угрозе восточноевропейским странам, однако Франция и Великобритания предпочли политику умиротворения агрессора, символом которой стал Мюнхен.

Советский Союз стремительно вооружался, по темпам роста оборонных расходов он если и отставал от кого-то в мире, то только от Германии, и только в одном 1938-м г.[1] Третий пятилетний план разрабатывался с учетом уже состоявшегося Антикоминтерновского пакта — Германии, Италии и Японии — и возможной военной коалиции всех его участников, к которым присоединятся Польша и Румыния.

В 1939 г. СССР мог и готов был помочь Польше — откровенно тогда враждебной. Но для этого она должна была принять гарантии безопасности с советской стороны. Но никто так и не смог Варшаву на это уговорить. Естественно, Москва предпочла бы альянс с западными

[1] *Paul Kennedy.* The Rise and Fall of the Great Powers. P. 296.

демократиями и неоднократно его предлагала. Переговоры в Москве летом 1939 г. шли, но только английские и французские представители не имели даже полномочий на заключение какого-либо соглашения.

В ночь с 23 на 24 августа был подписан советско-германский договор о ненападении, больше известный как пакт Молотова-Риббентропа. Советские руководители пошли на него потому, что до немецкого нападения на Польшу оставались дни, и для Москвы вопрос заключался в том, где остановятся германские войска. Пакт, как писал Уинстон Черчилль, был насколько циничным, настолько же холодно-расчетливым политическим шагом. Он давал шанс не сразу вступить в войну с немцами и нарастить военные возможности — за 2 года оборонный потенциал СССР удвоится. И начать эту войну с более стратегически приемлемых рубежей. Советский Союз вовсе не стал союзником Германии, он вырвал передышку.

После начала Второй мировой войны СССР, разделив сферы влияния с Германией, вновь присоединил потерянные в годы Гражданской войны Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию, Прибалтийские страны. Было много трагедий для государств и их граждан. Другой вопрос, было бы им лучше, если бы уже в августе 1939 г. их оккупировали нацисты? К началу Великой Отечественной войны подойдет промышленная страна, которая по объему военного производства сможет перегнать почти всю европейскую экономику, работавшую на гитлеровскую Германию. С марта 1941 г. начался перевод промышленности на условия военного времени.

Нападение на СССР 22 июня 1941 г. поначалу принесло успех германским войскам, насчитывавшим 5,5 млн человек. Немецкое командование сразу же ввело в действие 190 дивизий, 3700 танков, более 50 тысяч орудий и минометов, 5000 самолетов. Георгий Жуков подробно писал о неудачах первого этапа войны: «Основные причины состояли в том, что война застала наши вооруженные силы в стадии их реорганизации и перевооружения более совершенным оружием; в том, что наши приграничные войска своевременно не были доведены до штатов военного времени, не были приведены в полную боевую готовность и не развернуты по всем правилам оперативного искусства для ведения активной стратегической обороны… Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался»[1].

Измотав противника в оборонительных боях, Красная армия в конце 1941 г. предприняла контрнаступление под Москвой. И хотя на следующий год нацистам сопутствовали удачи на южном фланге и

[1] *Георгий Жуков.* Воспоминания и размышления. 13-е изд. Т. 1. М., 2013. С. 280, 281.

они вышли к Сталинграду, ответные удары советских войск позволили в 1944 г. завершить освобождение захваченных немцами территорий, перевести военные действия в Восточную Европу и в начале мая 1945 г. водрузить знамя Победы над Рейхстагом. Роль Советского Союза в войне была очевидна: он разбил 80% немецких дивизий, потеряв 27 млн человек в фашистской машине истребления. Нет семьи, которую обошла бы трагедия войны. Советский Союз выиграл войну и считал себя вправе играть весомую роль в формировании условий послевоенного мира.

По окончании войны Москва оформила свою обширную сферу контроля в Восточной Европе — ареале исторического Запада, что явилось одной из причин «холодной войны». Другой причиной стала установка американского руководства на глобальное доминирование и предотвращение возвышения державы, способной этому помешать. Западная система строилась именно против СССР в рамках стратегии «сдерживания», или уж точно исходя из стремления держать Советский Союз вне ее рамок. Советский вызов воспринимался как экзистенциальный. СССР претендовал не просто на расширение сферы влияния (это испокон веку было нормой поведения великих держав), но и на воплощение в жизнь альтернативного проекта общественного устройства. Советский Союз стал сверхдержавой в результате создания мировой социалистической системы, обретения термоядерного оружия, выхода на самые передовые рубежи мировой науки. СССР был пионером в освоении космоса, запустив первый спутник в 1957 г. и отправив Юрия Гагарина на орбиту в 1961 г., в создании ядерной энергетики.

Доминик Ливен писал об СССР: «С 1945 по 1991 год он заслуженно считался одной из двух мировых сверхдержав. СССР не просто воплощал великую социалистическую идею, он также возглавлял в двадцатом веке противостояние либеральному капиталистическому мировому порядку, тем ценностям, которые тот отстаивал, и его главному оплоту — могучему англо-американскому военно-политическому блоку. Советский социализм открыто претендовал на звание совершенно новой цивилизации универсального масштаба и всемирного распространения. Он претендовал на то, что является провозвестником конца истории. Это была империя с действительно грандиозным влиянием и претензиями»[1].

Сталин скончался 5 марта 1953 г. при обстоятельствах загадочных, не исключающих версию насильственной смерти от рук соратников, среди которых наибольшие подозрения падают на Берию, устраненного в том же году. Власть сосредоточилась в руках Хрущева, ставше-

[1] *Доминик Ливен.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 455–457.

го первым секретарем ЦК, премьера Маленкова и сменившего его на этом посту Булганина.

Хрущев приступил к радикальным реформам, начав с сельского хозяйства. Ключевым было объявлено освоение целинных и залежных земель Казахстана, Сибири, Урала и других пустынных районов. В первые годы целина давала зерно. Но дальше началась быстрая эрозия плодородного слоя, который уносили черные пылевые бури. Было решено ликвидировать мелкие сельские поселения. «Он поднял цены на мясо, молоко, рассчитывая таким путем поднять деревню. Но этого не случилось. Крестьяне стали резать свой скот, и деревня поехала за мясом, маслом и молоком в Ленинград, в Москву. Стало хиреть Нечерноземье. Деревня раскрестьянивалась»[1], — писал Дмитрий Шепилов.

Огромное значение для судеб страны имел XX съезд партии, на котором Хрущев ошарашил собравшихся докладом о преступлениях Сталина, надеясь укрепить свой авторитет в стране и партии и нанести удар по престижу соперничавшей с ним старой гвардии. Резонанс превзошел все ожидания. «Хрущев выпустил джинна из бутылки — замахнувшись на своих противников мечом политических разоблачений, он разрушил, сам того не желая, ту идеологическую дисциплину и единомыслие, которые были неотъемлемой частью коммунистической идеологии»[2], — замечал Рудольф Пихоя.

Многие преобразования декларировались как меры по демократизации управления: расширить хозяйственные права республик, приблизить управление к «местам», сократить управленческий аппарат. Впервые за столетия отраслевая система управления заменялась территориальной. В начале 1957 г. были упразднены союзные министерства, а подчиненные им предприятия переданы региональным Советам народного хозяйства (СНХ), руководившим одновременно многими отраслями промышленности на подведомственной территории. Как писал Каганович, «это была сплошная, перманентная перетасовка»[3].

Отношения внутри партийной верхушки резко обострилась. Схватка между Хрущевым и большинством Президиума состоялась в середине 1957 г. Хрущеву были предъявлены обвинения в самоуправстве, в принятии единоличных решений, неверных шагах в области сельского хозяйства, в произнесении не согласованного на Президиуме доклада на XX съезде и предложено уйти в отставку. Но на экстренном июньском пленуме 1957 г. Хрущев, получивший поддержку местной

---

[1] И примкнувший к ним Шепилов: Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998.

[2] *Рудольф Пихоя.* О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. № 6. 1995. С. 13.

[3] *Лазарь Каганович.* Памятные записки. М., 1996. С. 512.

партийной элиты, аппарата ЦК и министерства обороны, одержал верх.

Хрущев расплачивался с партаппаратом, ослабляя еще недавно железные тиски дисциплины и идеологической монолитности. Ричард Саква полагал, что с этого времени «два основных процесса разрушали системы изнутри. Первый — социальная эрозия, когда господствующий класс, легализованный системой назначения номенклатуры, превращался в продажную и своекорыстную элиту, заинтересованную в сохранении своих привилегий… Элиту захватил дух стяжательства, а общество в целом стало более ориентированным на потребителей. Это была борьба, в которой Советский Союз не мог победить, так как в битве за возможность обеспечения товаром между капитализмом и коммунизмом первый без труда выигрывал… Второй процесс был связан с первым и касался идеологической эрозии системы»[1]. Процесс саморазрушения советской системы и Советского Союза как государства был запущен.

До конца 1950-х гг., казалось, политика Хрущева приносила результаты: объем промышленного производства увеличился в полтора раза. Во многом этот рост объяснялся мультипликативным эффектом массового строительства жилья в городах, что потом назовут жилищной революцией. Все больший вклад в экономический рост начал обеспечивать топливно-энергетический комплекс. Однако в начале 1960-х темпы роста экономики снизились. Идея создания совнархозов себя не оправдала.

К концу 1950-х СССР вновь стал импортировать технологии. Так, в 1959–1963 гг. на Западе были закуплены под ключ 50 химических заводов. В тех отраслях, где передача новых технологий ограничивалась западной стороной из военно-стратегических соображений (например, электроника), отставание становилось явным. Серьезно обострилась продовольственная проблема. В 1963 г. впервые в истории закупили хлеб за границей. В итоге Хрущев настроил против себя и партийный аппарат, и силовые структуры.

Хрущев был сторонником резкого сокращения советской военной машины: «Если военных не контролировать и дать им возможность развернуться в собственное удовольствие, то они вгонят страну в бюджетный гроб»[2]. Он считал, что располагая потенциалом ракетно-ядерного удара, СССР мог позволить себе гораздо более компактные вооруженные силы, которые были сокращены с пяти с лишним до двух с половиной млн человек. Такая логика показалась опрометчивой в период Карибского кризиса, который разразился после того, как летом 1962 г.

[1] *Ричард Саква.* Коммунизм в России: Интерпретирующее эссе. М., 2011. С. 106.
[2] *Никита Хрущев.* Воспоминания. М., 1997. С. 441, 471.

на Кубу были доставлены советские ракеты среднего радиуса, а правительство Кеннеди объявило об установлении военно-морской блокады острова и привело все войска в полную боевую готовность. Мир был на волоске от катастрофы. Компромисс был найден в последний момент. Армию и ВПК не пришлось долго уговаривать поддержать отстранение Хрущева от власти.

На октябрьском Пленуме ЦК 1964 г. он был отправлен в отставку. Во главе страны сначала оказался триумвират — Брежнев, избранный первым секретарем ЦК, Алексей Косыгин — председатель правительства и Николай Подгорный — председатель президиума Верховного Совета СССР. Немедленно были упразднены совнархозы и вновь образованы прежние отраслевые министерства. Однако они уже не располагали прежним весом и самостоятельностью, поскольку не могли принимать важные решения без согласования с сохранявшимися и усиливавшимися отраслевыми отделами ЦК КПСС. Столкновения между министерствами и ЦК были одной из важных причин заминок в проведении экономических реформ 1960-х гг., связанных с именем Косыгина и предполагавших большую самостоятельность предприятий. Брежнев все больше сосредоточивал процесс принятия решений в своих руках, не обладая при этом ни замашками диктатора, ни качествами крупного публичного политика.

Сейчас эпоха позднего СССР воспринимается как период застоя, который вел к краху государства. Однако в тот период — в 1960–1970-е гг. — все выглядело совсем иначе. Именно тогда страна достигла наивысшей доли в мировом ВВП — 12,3%[1] (сейчас на РФ приходится чуть более 3%). Государства Запада казались все менее управляемыми, о переходе каких-либо новых стран к демократии речи не было, а социалистические (или псевдосоциалистические) режимы множились повсеместно на фоне прорывов СССР в космос. Ведущие теоретики-компаративисты считали тогда однопартийное государство советского типа весьма эффективным. В ставшей классической книге «Политический порядок в меняющихся обществах», вышедшей в 1968 г., Хантингтон называл советскую модель образцом эффективного строительства политических институтов для модернизирующихся постколониальных стран, как французский абсолютизм и британский парламентаризм некогда были образцами государственных институтов для остального мира[2]. В другом классическом труде — «Государства и социальные революции» Теды Скочпол, вышедшем в 1979 г., — Советский Союз представал как один из наиболее успешных примеров государственного строительства в XX в. Коммунистическая партия до-

[1] *Joseph Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2012. P. 169.
[2] *Samuel Huntington.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 336–341.

бивалась успехов, потому что «состояла из иерархически организованных кадров, которые назначало высшее партийное руководство и которые подчинялись жесткой дисциплине, что таким образом обеспечивало более эффективную централизованную координацию, чем у царя»[1].

Режим обеспечивал политическую стабильность, для чего использовались административные меры — аресты, ссылки, высылки за границу, содержание в тюрьмах психиатрических больницах нескольких сот, максимум — тысяч человек. В средствах массовой информации и сфере культуры сохранялась цензура. Политически господствовала КПСС, пронизывавшая всю социальную и производственную структуру страны. Открытое проявление оппозиции не допускалось. При этом экономическое развитие замедлялось — во многом из-за перекоса в отрасли военно-промышленного производства и укрепления армии. Именно во времена Брежнева СССР достиг военно-стратегического паритета с США и НАТО, что (наряду с «вьетнамским синдромом» в Вашингтоне) явилось важной причиной для начала политики разрядки и заключения серии российско-американских договоров о контроле над вооружениями. Средства отвлекала и активная внешняя политика: поддержка стран социалистического лагеря, усилия по расширению экономического и политического влияния в «третьем мире». К моменту смерти Брежнева в 1982 г. власть терявшего силы генсека вызывала усмешки, а страна жила в условиях постоянного дефицита множества товаров.

Скоропостижная смерть двух следующих лидеров — Юрия Андропова и Константина Черненко — привела к вершине власти в 1985 г. представителя «шестидесятников» — Михаила Горбачева.

Он был полон позитивных намерений: собирался в одностороннем порядке прекратить холодную войну — и прекратил ее, он добивался демократизации советского строя, что не пришло бы в голову его предшественникам. Он хотел улучшить хозяйственное положение, допустив ограниченные элементы рыночных отношений, ослабить нагрузку избыточного военно-промышленного комплекса на экономику, избавиться от старой коммунистической элиты, мешавшей отойти от одиозных крайностей советского режима, которые препятствовали адаптации к вызовам развития. Но в планы Горбачева вовсе не входили распад «социалистической системы», уход от власти КПСС (а значит — и его самого), равно как и распад СССР. Это явилось во многом неожиданным побочным результатом его деятельности.

---

[1] *T. Skocpol.* States and Social Revolution: Comparative Analysis of France, Russia and China. N.Y., 1979. P. 226.

Перестройка являлась претворением в жизнь определенной политической философии, отличавшейся от традиционной коммунистической догмы. Ее инициаторы были глубоко убежденными сторонниками общегуманитарных ценностей, социализма с человеческим лицом, государственной собственности и демократии, которым не позволяли утвердиться пережитки сталинизма, партийный аппарат (либо только консервативная ее часть) и спецслужбы. Достаточно дать людям свободно высказывать все, что они думают, и выбирать себе начальников, как социализм сможет развернуться во всю свою ленинскую силу. Этот набор идей, весьма характерный для всего поколения интеллигенции, которое заняло руководящие посты в партии, правительственных структурах, в средствах массовой информации в 1980-е гг., даст рождение такой модели государственного устройства, которое не было — и вряд ли могло быть — жизнеспособным.

Что я имею в виду? В мире существовали и существуют жизнеспособные демократии с рыночной экономикой, наглядным примером которых являются страны Запада. Есть функционирующие авторитарные государства с плановой экономикой, и ведущим среди них выступал именно Советский Союз. Есть функционирующие авторитарные государства с рыночной экономикой — Российская Империя, современный Китай или азиатские «тигры». Но нигде и никогда в мире — кроме перестроечного Советского Союза — никто не пробовал сочетание демократии с нерыночной плановой экономикой. Главная проблема с этой моделью заключалась вот в чем. Когда в условиях демократии людям разрешают задавать вопросы, первый из них — при отсутствии рынка: «А где, собственно, еда?» Именно этот вопрос оказался роковым и последним для Горбачева.

Советский Союз был в чем-то запрограммирован на распад самой формулой своего национально-государственного устройства. В основе его было деление народов на неравноправные категории. К «первосортным» относились крупные этносы, имевшие выход на границы государства, — они получали статус нации и право на формирование союзной республики. Меньшие по численности и непограничные считались народностями и могли создавать автономии. Прочие не имели государственности. Таким образом, статус нации накрепко связывался в сознании масс и элит с обретением той или иной формы государственности, что определяло «сорт» того или иного народа. Эта конструкция, которая могла существовать только в условиях, когда ее основы нельзя было даже поставить под вопрос, венчалась «правом нации на самоопределение вплоть до отделения», которым не собирались пользоваться. Об этом конституционном принципе тут же вспомнили, когда

ведущие скрепы советского государства — компартия и спецслужбы — потеряли свое былое могущество.

В декабре 1991 г. СССР прекратил свое существование, дав рождение 15-ти новым независимым государствам.

Российская матрица

Матрицу традиционной российской государственности можно определить как сословно- (профессионально- и национально-) территориально-представительную автократию с сильным самоуправлением и чувством индивидуальной свободы человека.

Для российской политической культуры — как дореволюционной, так и послереволюционной — характерна, в первую очередь, ярко выраженная этатистская ориентация. Государство — это не «ночной сторож» и не механизм управления, основанный на принципе «общественного договора», для реализации которого граждане отказываются от части своего естественного суверенитета. Государство нередко понимается как полный синоним понятиям Россия или Отечество. «В России государство воспринимается как становой хребет цивилизации, гарант целостности существования общества, устроитель жизни, в том числе экономической. Такое воспитание отражало, пусть в несколько гипертрофированной форме, реальную роль государства в стране со специфическими геополитическими, географическими условиями и отсутствием гражданского общества»[1], — подчеркивал политолог Эдуард Баталов.

В российской модели, как и в западной, наблюдались элементы общественно-политического плюрализма, однако многие из западных факторов и институтов действовали слабее или не действовали вообще. По степени плюрализма Киевская Русь, где князь, княжеская (боярская) дума и вече были неотъемлемыми компонентами системы управления, ничем не уступала Западной Европе, если не превосходила ее. В то же время в Древней Руси и Московском государстве отношения между монархом и его вассалами не оформлялись в договорном порядке, значимых усилий законодательным путем ограничить прерогативы верховной власти не предпринималось. Аристократия в западном понимании этого слова не развилась, она не обладала экономической самостоятельностью, находясь в сильной зависимости от верховной власти.

---

[1] *Эдуард Баталов.* Политическая культура России через призму civic culture // Pro et Contra. № 3. Лето 2002. С. 17.

Совокупность этих черт определяло отсутствие в России реального разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, их функции неизменно были переплетены. Верховная власть в России — после прекращения созыва Земских соборов и Боярской думы — была неразделенной. «Порядок — от Царя», спасать и строить страну способна только верховная власть, «горе тому царству, коим владеют многие», «лучше грозный царь, чем семибоярщина». В императорской России права государственной власти в полном объеме принадлежали Государю Императору (до Основных законов 1906 г., которые создавали представительные органы). В СССР Советы воплощали в себе идею соединения исполнительной и законодательной властей. В современной России по Конституции 1993 г. существует институт очень сильной президентской власти, поставленной над системой разделения властей.

В числе отличительных свойств российской системы власти — ее неинституционализированность и персонификация. Важны не столько институты власти, сколько люди у власти. Академик Юрий Пивоваров подчеркивал, что «эта Власть всегда персонифицирована, т.е. обязательно предполагает определенного ее носителя (в отличие от этого на Западе власть имеет абстрактную природу — отделена, независима от правителя, не является его личной прерогативой)»[1]. В России верховным правителям прощали все. Кроме слабости. Правитель, воспринимавшийся как слабый, мог столкнуться с крайними формами протеста. Характерны в этом смысле судьбы Николая II и Михаила Горбачева.

Вместе с тем мнение о всемогуществе во все времена самодержавной российской власти не следует абсолютизировать. Даже в эпоху абсолютизма (XVIII–XIX вв.) возможности монархов по своему усмотрению строить жизнь страны, реформировать ее были весьма ограничены: их прерогативы сдерживались наличием традиции, влиятельной бюрократии, императорской семьи, дворянского землевладения, армейской верхушки, перспективами возможных дворцовых переворотов и народных бунтов.

Система управления во все времена не отличалась четкостью, функции различных государственных органов традиционно были переплетены и запутаны. Привычка, которую Ключевский называл наследственной, «к административным боковушам, клетям и подклетям» прошла в неизменном виде от домостроительных привычек московских правителей до сегодняшнего дня. Власть никогда не была полностью формализованной, существовало несоответствие между реальной

[1] *Юрий Пивоваров.* Русская политика в ее историческом и культурном отношениях. М., 2006. С. 17.

и предусмотренной законом процедурами принятия решений. Российской традицией стало существование узкого внеинституционального круга лиц, которые на практике подменяли собой формальные государственные институты. Этот круг принимал форма Ближней думы, Избранной рады, Тайного совета, Негласного совета, узкого круга Политбюро, малого Совнаркома, «семьи» Бориса Ельцина и т.д.

Родовой чертой российской государственности можно считать разделение верховной власти, которая концентрировалась в руках князя, царя, императора, Генерального секретаря ЦК КПСС, президента, — и высшей исполнительной власти, находившейся в руках высшей бюрократии — Боярской думы, Сената, Государственного совета, Совета министров, Совнаркома, Правительства. При этом в руках верховной власти неизменно оставался контроль над армией, спецслужбами и дипломатической службой.

Россия на протяжении большей части своей истории располагала системой представительных органов — вече, Земские соборы, Государственная дума, Верховный Совет. В период после заката веча, которое представляло так или иначе все население отдельных городов и прилегающих к ним местностей, представительство носило сословный и территориальный характер: призываемые верховной властью лица представляли отдельные социальные и профессиональные группы и регионы страны. Такая форма представительства характерна и для дореволюционной, и для советской, и для современной системы представительной (и законодательной) власти, в которой, по мнению и власти, и общества, должны находиться и начальники, и интеллектуалы, и рабочие, и крестьяне из всех уголков страны. Представительные (законодательные) органы в России были, за редким исключением, не столько противовесом, сколько продолжением верховной власти, ее подспорьем, и именно власть в решающей степени определяла их повестку дня.

Русская система права изначально — через первые судебники Киевской Руси — была связана с византийскими номоканонами, включавшими и церковные правила, и гражданское законодательство, — а через них с системой римского права. Судебные функции длительное время принадлежали исполнительной власти, но на региональном и местном уровнях издревле существовали выборные судебные органы. Кодификация законов неизменно оставалась слабым местом, противоречия между различными законодательными нормами были в порядке вещей. Правовая система не носила универсального характера, существовала серьезная асимметрия, учитывавшая особенности отдельных регионов с их национальной спецификой. Идея права связана не столь-

ко с государственными законодательными актами и формальным правом, сколько с пониманием справедливости и народной «правдой». Закон часто противопоставляется правде как высшей справедливости, велика снисходительность к правонарушителям.

Государство выступает единым пространством власти, которая распространяется иерархически. Наделение властными полномочиями идет с высших ярусов иерархии к низшим, вертикальные связи оказываются важнее горизонтальных или сетевых. На уровне территорий эта неразделенность власти тоже очевидна. Маятник постоянно качался между стремлением все решать из столицы с помощью органов центрального правительства — и созданием относительно самостоятельных органов местного управления и самоуправления. Вместе с тем система отношений между центром и провинциями во все времена отличалась повышенным уровнем централизованного контроля, высокой долей национального богатства, концентрируемого в столице, асимметрией в статусе различных субъектов, связанной с их национальным составом.

Губное и земское самоуправление существовало на протяжении веков. Однако суженные права выборного представительства в городах, где — особенно на южных и восточных рубежах — большую роль играли служилые люди (стрельцы, казаки, пушкари), не позволяло городам выступать флагманами капиталистических отношений. Экспериментируя с западными методами городского управления и самоуправления, Россия до 1930-х гг. даже близко не приближалась к западному уровню урбанизации. Российская цивилизация была деревенской и ментально во многом продолжает оставаться таковой, что ныне подтверждается наличием беспрецедентного для остального мира числа дач и приусадебных хозяйств.

Русская колонизация по многим аспектам напоминала западную, и русские служилые люди и колонисты не были ангелами. Но россияне не уничтожили ни одной цивилизации, как испанцы поступили с ацтеками и инками; жертвы их колонизаторской деятельности не измерялись десятками миллионов человек, как в случае с западной колонизацией. Российские власти оставили аборигенов в местах обычного проживания, а не согнали в резервации и не уничтожили, как в Соединенных Штатах. Не стали обращать новых подданных в рабов и заниматься их торговлей в глобальном масштабе, как это делали европейские колониальные державы.

Британский журналист и писатель М. Уоллес писал в XIX в.: «Русский крестьянин точно создан для мирной, земледельческой колонизации. Среди нецивилизованных племен он добродушен, вынослив,

миролюбив, способен терпеть крайний недостаток и отлично умеет приноравливаться к обстоятельствам. У него в характере вовсе нет высокомерного сознания личного и национального превосходства и непреодолимого стремления к господству, которое часто превращает преклоняющихся перед законом, свободолюбивых британцев в жестоких тиранов, когда они приходят в соприкосновение с более слабой расой. У него нет желания управлять, и он вовсе не хочет обратить туземцев в дровосеков и водовозов»[1]. Получили широкое распространение смешанные браки. Нередко в местах колонизации образовывалась единая синкретичная культура, когда русские перенимали кухню, одежду или даже язык и элементы верований (шаманства, анимизма) местных жителей. «При российской примирительной внутренней политике присоединенные народы занимали свое органичное место в едином государстве, сохраняли свое физическое бытие, природное окружение, религию, культуру, самобытность»[2], — подчеркивал Нобелевский лауреат Александр Солженицын.

Со времен Ивана Грозного правительство не заостряло вопрос о формальном статусе территорий. Считалось достаточным, чтобы тот или иной регион значился в высшей государственной символике — царском титуле, гербе империи, оказывался в сфере деятельности центральных ведомств, входил в состав какой-либо административной единицы — воеводства, губернии, наместничества, руководствовался общероссийским законодательством, а его население выплачивало бы налоги и выполняло положенные повинности[3].

Система управления нерусскими областями отличалась сочетанием максимально допустимого сохранения местных особенностей и жизненных устоев, невмешательства чиновников в сферы, регулируемые традицией и обычаями. Для всех жителей существовала общая правовая среда, которая если и отличалась для отдельных территорий и народов, то только в лучшую сторону (за исключением, пожалуй, лишь «черты оседлости» для евреев). Полностью отсутствовала система национального господства со стороны «имперской нации» — русских, на которых, напротив, распространялись самые тяжелые повинности и формы дискриминации — от крепостного права и рекрутчины, до репрессий и отсутствия этнической государственности. Правящий класс всегда был многонациональным с непропорционально низким пред-

---

[1] Размышления о России и русских: Штрихи к истории русского национального характера / Сост. С.К. Иванов. М., 1996. С. 124.

[2] *Александр Солженицын.* Россия в обвале. М., 1998. С. 112.

[3] *В.В. Трепавлов.* Категория «российская цивилизация» и феномен полиэтничности // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова. С. 132–133.

ставительством собственно русских. Окраинные территории чаще всего и не могли быть источником обогащения, коль скоро большая часть империи была либо совершенно не рентабельна даже для проживания в силу климатических условий, либо сильно отставала в развитии от центра, который выступал источником инвестиций, а не наоборот. Профессор Олег Матвейчев считает: «Россия — это антиимперия, так как империи высасывают все из колоний, а Россия, наоборот, высасывала себя ради развития "колоний"»[1].

Под русификацией нередко скрывался не «колониализм», а объективная потребность модерного общества, складывающегося в единое экономическое и культурное пространство. Русский язык проникал в иноязычную среду не только в результате искусственного навязывания, но и потому, что знание государственного языка, являющегося одним из мировых, открывало более широкие жизненные перспективы.

В дореволюционной и советской мысли понятие нации имело социально-культурологическую, а не политическую интерпретацию, в отличие от Западной Европы, где в период нового времени под нацией понималась гражданская солидарность и народ как источник власти.

Еще восточные славяне были бы сметены потоком истории, если бы не обладали военной организаций, включавшей в себя всех взрослых мужчин. Исключительно уязвимое геополитическое положение, соседство со Степью превращали интересы обороны в абсолютный приоритет государственной политики. Война стала нормой существования страны, а ее милитаризация — отличительной особенностью российской матрицы. Технологическое и тактическое отставание от противников, особенно не Западе, компенсировалось способностью мобилизовать крупные человеческие ресурсы, обладавшие незаурядными выносливостью и мужеством, централизованно концентрировать непропорционально большие силы и средства для целей обороны, использовать для маневрирования обширное пространство страны. Если для Западной Европы был характерен принцип найма на военную службу, то для России — принцип повинности, долга для каждого, прежде всего элиты, обязанной служить с поместных и вотчинных земель. При Петре I Россия стала первой страной в мире, которая ввела рекрутскую повинность, а затем и всеобщую систематическую воинскую повинность — в 1874 г.

С петровских времен российская армия становится одной из сильнейших на планете, способной противостоять — с той или иной степенью успешности — любой другой великой державе или их коалициям,

[1] *Олег Матвейчев.* Суверенитет духа. М., 2007. С. 197.

как это было во время наполеоновских войн, Первой и Второй мировых войн. Но и не была гарантирована от поражений — как в Крымской или русско-японской войнах. Армия, всегда выделявшаяся своей численностью, часто отставала от вооруженных сил крупных мировых держав по техническому оснащению и возможностям мобилизационного развертывания из-за слабости транспортной инфраструктуры. Самостоятельная политическая роль армии была скорее исключением (XVIII в.), чем правилом.

Особое значение в государственной системе имели органы политического сыска — тайной полиции, выступающей инструментом контроля верховной власти над элитой и населением: опричнина в эпоху Ивана Грозного, Тайный приказ в царствование Алексея Михайловича, фискалат и прокуратура в период Петра I, Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии, Департамент полиции и охранные отделения в XIX — начале XX в., органы ОГПУ-НКВД-КГБ в советское время. «Силовые структуры сами становились объектом борьбы между верховной властью и правящим слоем; перевес той или иной стороны во внутриэлитном противостоянии определялся, как правило, контролем над репрессивным аппаратом»[1], — замечает Оксана Гаман-Голутвина.

Россия на протяжении пяти последних столетий неизменно входила в десятку крупнейших экономик мира. Исключение составили только периоды Крушений — Смута, Гражданская война, 1990-е, когда она скатывалась во второй десяток. При этом страна неизменно отставала от ведущих держав своего времени по качественным хозяйственным параметрам, технологиям, уровню жизни. В России институт частной собственности, составлявший квинтэссенцию западного общества, не мог сложиться в полной мере. Купеческое сословие оставалось весьма замкнутым и сильно зависело от милостей власти. Низкая производительность сельского хозяйства в России, да еще с учетом того, что до половины крестьянства в течение почти четырех веков находилось в крепостной зависимости, не позволяло сельскому хозяйству рождать капитализм, как в Англии или США.

Роль государства в регулировании экономики неизменно была велика. Широкое распространение получило государственное предпринимательство, которое развивалось параллельно с централизацией власти и переходом под ее контроль все большего объема земельной собственности. Частное богатство рассматривалось как следствие правительственной милости и на деле часто являлось таковым.

---

[1] *Оксана Гаман-Голутвина.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 418–419.

Дух свободного предпринимательства и практики бизнеса отставали от западных. Торговля слишком долго тяготела к натуральному товарообмену. Зарубежный капитал играл внутри России неизменно бóльшую роль, чем российский за границей. Весьма неразвитой во все времена оставалась банковская система, отсутствовал доступный кредит. Отличительной чертой является отсутствие нормальной транспортной инфраструктуры.

Богатство, в соответствии с представлениями раннего христианства, считалось грехом. Люди не испытывали тяги организовывать частное хозяйство, недолюбливали богатых и удачливых, интеллектуальная элита с пренебрежением относилась к торговле и промышленности. И в современной России без труда можно разглядеть неуважение к собственности, чиновничье предпринимательство, госслужбу как источник обогащения, отрицательное отношение к бизнесу, относительно низкие среднедушевые показатели. Российское сознание также отличается своей нерыночностью, слабо развитой «мотивацией достижения». Россиянам свойственно более терпимое и сострадательное, чем на Западе, отношение к неудачникам, к бедным и обездоленным. Люди не любят рутинную работу даже за большие деньги. Россияне никогда не жили лишь материальным, в идеале их должна осенять высокая цель.

Распространенное убеждение о «тьме власти» в России, о существовании во все времена необъятного бюрократического аппарата является недоразумением. Чиновничий корпус был — относительно общей численности населения, а уж тем более размера территории — всегда меньше, чем в странах Запада или Востока, и гораздо дешевле обходился казне. У последнего обстоятельства была и обратная сторона: необеспеченность чиновников была одной из причин взяточничества. Коррупция действительно была масштабной и доходила до высоких правительственных сфер.

В России — даже на пике демографической активности — всегда проявлялось несоответствие между относительно небольшой численностью населения и колоссальными размерами территории, протяженностью границ, масштабами требовавших освоения пространств, неразвитостью поселенческой сети. Немногочисленность бюрократии при столь большой территории предопределила и слабость вертикали власти: в уездах, волостях, не говоря уже о сельских поселениях, представителей центральной власти веками не видали. Но как же тогда управлялась страна? Помещиком, который управлял своими крепостными и чинил над ним суд. Но в крепостной зависимости находилось меньше половины крестьян, и даже там, где крепостное право существовало, помещика могли не видеть вообще. А ответ в том, что в России веками существовало сельское самоуправление.

Крестьянский мир имел самые широкие полномочия для решения всех общинных проблем на основе обычного права. Определяющее слово оставалось за главами семейств. Жизнь в мире не гарантировала гармонии — и в деревнях кипели страсти, но она предполагала поиск согласия во имя общего блага. Западное сознание рассматривает конкуренцию, конфликт как определенную ценность. Для российского сознания ценностью была скорее бесконфликтность. «В мире жить — с миром жить»[1] — гласит русская поговорка. Русская деревня не знала института частной крестьянской, индивидуальной или семейно-дворовой собственности на землю. Земля воспринималось как принадлежащая Господу, а не человеку. Крестьянин пользовался наделом, предоставленным общиной, которая на всем протяжении своего существования — вплоть до образования колхозов с 1930-е гг. — сохранила принцип периодического уравнительного передела[2].

Общинное мировоззрение не ограничивалось сельскими сообществами, оно проявляло себя в принципах организации труда и в промышленной области, в частности в принципах организации промысловых артелей. Община — это коллектив, общинное сознание — коллективное. Даже спасение виделось как коллективное, а не индивидуальное.

Однако в России личность вовсе не растворялась в социуме, как это происходило на Востоке. Народу всегда была присуща тяга к индивидуализации, желание человека «быть о себе». Еще византийские источники отмечали свободолюбие славян, склонность расходиться друг с другом во мнении и обнаруживать взаимную страстную неуступчивость (сочинения Маврикия, Прокопия XI в.). Во все времена люди сбрасывали тягло — «постылое тягло на мир полегло» — и уходили «на волю», в степи и леса. Отсюда множество «людей вольных, гулящих», людей без оседлости, без собственного хозяйства.

Российское сознание расходится с западным в трактовке свободы и справедливости. На Западе свобода — это реализация прав в сочетании с обязанностями, а справедливость является синонимом законности. В России свобода — воля, отсутствие ответственности; справедливость — равенство для всех и сильное патерналистское государство. Идея естественных прав человека практически не существовала в отделенном от государства виде. Если на Западе, в идеальном виде, права и свободы следовало защищать от государства, то в российской традиции

---

[1] *Владимир Даль.* Избранные пословицы русского народа. М., 2012. С. 148.

[2] *С.Д. Сказкин.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 64–65; *О.Ю. Яхшиян.* Крестьянская община и самоуправление в России // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 538–551.

права даровались государственной властью, которая и должна была их защищать.

У россиян достаточно сильно развита национальная гордость, но нет национального чванства, претензии на мессианскую исключительность. При этом они очень критичны в отношении самих себя. Россиянам свойственна самоироничная отстраненность. Александр Герцен называл одним из свойств русского духа «способность время от времени сосредоточиться в самом себе, отречься от своего прошлого, посмотреть на него с глубокой, искренней, неумолимой иронией, имея мужество сказать об этом открыто, без цинизма… и без лицемерия, обвиняющего себя, чтобы получить оправдание от других»[1]. Для россиян — за исключением контрэлит в революционные эпохи — характерен низкий уровень участия в политическом процессе. Вместе с тем ни в одной стране не было таких жарких споров о прошлом, нигде так не переписывали учебники истории.

Русская православная церковь во все времена выступала фактором государственного единства, играла огромную роль в сохранении национальной идентичности, выступала культурным стержнем, идейным столпом сопротивления агрессорам. Если для западной матрицы характерно разделение государства и церкви и соперничество между ними, а восточное государство часто основывалось не теократическом принципе, то в православии царь рассматривался как помазанник Божий, но без восточного обожествления, а власть традиционно имела примат над церковью. Русскому православию не были известны те доктринальные конфликты, которые привели к возникновению множества течений в католичестве. С Петра I и до перестройки Михаила Горбачева РПЦ находилась в абсолютно подчиненном положении у власти: фактически на правах одного из правительственных ведомств в императорской России и гонимой и жестко преследуемой организации в официально атеистическом Советском Союзе. Существовало сильное антирелигиозное течение в российской элите и интеллигенции, пропитанной идеями позитивизма и социализма. Народ в значительной степени был не столько религиозен, сколько мистичен, вера связывалась не с богословскими познаниями, а с обрядностью.

Страна веками сохраняла высокую степень веротерпимости, в ней не было инквизиции и охоты на ведьм. Миссионерское начало было развито гораздо меньше, чем на Западе, а о насаждении своей веры силой оружия речи вообще не шло. Притеснения иноверных, гонения на еретиков и даже преследования старообрядцев имели куда меньшие масштабы, чем в Западной Европы. Россия не знала религиозных войн.

[1] *Александр Герцен.* Собр. соч. Т. 8. М., 1975. С. 27.

Сохранялись и сохраняются другие христианские деноминации, традиционными религиями являются ислам, буддизм, иудаизм. Гонения на них, если случались, носили не столько религиозный, сколько политический характер и по масштабам нередко уступали гонениям на Русскую Православную Церковь (особенно в советское время).

Россиянам часто приписывают мессианизм. На самом деле (за возможным исключением части советского периода) он им несвойственен. Они не считают себя избранными людьми, призванными вести остальное человечество в светлое завтра. Философ Иван Ильин справедливо подмечал, что «русскому народу несвойственно закрывать себе глаза на свои несовершенства, слабости и пороки; напротив, его скорее тянет к мнительно-покаянному преувеличению своих грехов. А природный юмор его никогда не позволял ему возомнить себя первым и водительным народом мира»[1].

В то время — в XVI в., — когда на Западе интеллектуальная деятельность вырвалась за рамки античных знаний и стала создаваться современная наука, российская мысль продолжала развиваться в строгих религиозных канонах, отвергая западную ученость. Только с петровских времен можно говорить о появлении научного знания и интеллектуальной среды, которая развивалась в западных канонах и усилиями приглашенных европейских ученых. Российский образованный класс в значительно большей степени, чем на Западе, был далек от остального народа, отличаясь даже по одежде и языку. Кроме того, не существовало связи между образованностью и состоятельностью: интеллектуал порой жил бедно и испытывал антибуржуазные чувства.

Чувство отчуждения от власти и собственности, давление жизненных обстоятельств и цензурных ограничений, отсутствие демократической и наличие критической интеллектуальной традиции придавало интеллигенции антигосударственный характер и радикализм. Интеллигенция во все времена оставалась в оппозиции власти, и ее оппозиционность всегда резко нарастала в условиях либерализации режима, который критиковался за недостаточность или неискренность либерализации. Если западный интеллектуал предлагал продукт своего труда и пытался на нем заработать, пытаясь использовать государство в своих целях, то русский интеллигент искал справедливости и работал на ослабление или свержение любой власти. На все времена справедливы характеристики авторов «Вех», данные русской интеллигенции: оторванность от жизни, прекраснодушие, самомнение, неприятие инако-

[1] *Иван Ильин.* Наши задачи: Исторические судьбы и будущее России. Т. 1. М., 1992. С. 285.

мыслия, отвлеченный догматизм, героический максимализм, историческая нетерпимость, отсутствие чувства связи с прошлым страны.

Отношение к внешнему миру было весьма сложным. Он воспринимался прежде всего как источник угроз, от которых спасала сильная армия. Восточные и южные страны воспринимались как менее развитые и как постоянный источник угроз. Западные — как более развитые, но ничуть не менее опасные. Но при этом иноземцев опасались, и особую осторожность проявляли в вопросах веры. У них многое перенимали, но заимствование носило специфический характер. Юрий Пивоваров отмечал, что природа российской власти «предполагает» заимствования, и, прежде всего, того, чего в русской жизни нет вообще. Но заимствования функциональные, а не субстанциальные»[1].

Россия заимствовала порядки, как правило, у своего самого сильного противника. Многое было позаимствовано у Византии и монголов. Петр I перенимал шведскую государственную модель, Александр I — французскую военную модель. Форму организации хозяйственной жизни Советская Россия заимствовала у соперника в Первой мировой войне — Германии. Либеральную государственную и экономическую модель Россия заимствовала у главного противника в холодной войне — США. Во всех случаях перенятые за рубежом схемы в России работали хуже, нежели оригиналы.

Была ли Россия частью Западной политической системы? На протяжении большей части своей истории — безусловно нет. Границы Запада с рубежа I–II тысячелетий определялись распространением католицизма, латыни и франкской знати. Вместе с тем Русь, Россия была крупным государством в Европе, играла важную роль на восточной периферии Западного мира, не раз становилась объектом устремлений включить ее в этот мир. С правления княгини Ольги Киевская Русь стала предметом соперничества между Византией и Римом, и предпочтение, отданное Константинополю, стало моментом цивилизационного выбора (украинцы почему-то считают, что делают его прямо сейчас). После наполеоновских войн Россия выступает одним из творцов и основной несущей конструкцией Венской системы и европейского концерта держав, а вестернизация образованного класса достигает наивысшей точки. С победой большевистской революции впервые в истории в крупной стране к власти пришел режим, не только открыто отвергавший западные ценности, но и предлагавший ему радикальную альтернативу в глобальном масштабе.

Мой анализ заставляет скорее согласиться с Александром Пушкиным и Александром Герценом, Арнольдом Тойнби и Самуэлем Хан-

[1] *Юрий Пивоваров.* Русская политика… С. 116–117.

тингтоном, которые склонны были видеть в России и ее ближайших окрестностях самостоятельную цивилизацию. Специфика России очевидна. Историческое движение страны, раскинувшейся на огромных просторах Евразии от Балтики до Тихого океана, не могло не придать ей специфические черты. Интересный ответ на вопрос об идентичности России дал бывший глава французского МИДа Юбер Ведрин: «Глядя из Франции, я не понимаю, почему Россия вечно задается вопросом: Европа она или Азия? Ее место однозначно посередине, не обязательно в качестве моста, но непременно в качестве одного из крупных полюсов этого мира»[1].

Российскость можно понять, прежде всего, исходя из собственной сущности самой России, а не чьей-то еще. Россия — самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, который может быть описан только в ее собственных терминах. «Россия — это огромный, целостный и уникальный мир со своими генетическим кодом истории, системой архетипов социальности, культуры, духовности, особым способом их проживания в истории и самой истории, со своим типом локально-цивилизационного бытия и развития»[2], — справедливо, на мой взгляд, пишет философ Николай Козин.

Россия не является ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада. Это стержневое государство самостоятельной цивилизации, назовем ли мы ее российской или восточноевропейской, к которой европейская цивилизация наиболее близка.

---

[1] *Юбер Ведрин.* «Место России однозначно посередине»: Ответы на вопр. кор. РИА «Новости» // Россия в глобальной политике. Ноябрь–декабрь 2011. С. 178.

[2] *Николай Козин.* Россия. Что это? М., 2012. С. 523.

Глава 7

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Им нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия.

Петр Столыпин

Распад СССР открыл принципиально новый этап в развитии страны. Мировая система, основанная на биполярной конфронтации, ушла в прошлое, и Россия перестала быть одним из ее полюсов. Одновременно она утратила статус сверхдержавы, которой являлся Советский Союз. На долю Российской Федерации, правопреемницы СССР, пришлось 4/5 его территории, но лишь около половины населения и хозяйственного потенциала.

Территория Российской Федерации (17 млн кв. км) заметно меньше, чем СССР (22,5 млн). Однако, составляя уже не 1/6, а лишь 1/8 суши, Россия по-прежнему остается самой крупной страной в мире.

При этом ее географический центр заметно сместился на Север и Восток — из Новосибирской области в Эвенкийскую республику (Красноярский край), а центр сосредоточения населения — с 52° северной широты на 55°30′. Став еще более северной страной, чем Российская империя или СССР, страна оказалась пространственно «отодвинутой» от Западной и Центральной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии.

Сильно уменьшившись по своим параметрам, Россия обнаружила на Западе расширяющийся Евросоюз, на Востоке — быстро поднимающийся Китай, на юге — все более радикализирующийся мир ислама. «Впервые со времени появления из темных лесов Московии, Россия оказалась в окружении государств и политических группировок, которые экономически, демографически и политически более динамичны, чем она сама»[1], — писал Эндрю Качинс.

Ельцинизм

Крушение Советского Союза было неожиданностью даже для новой российской власти, которая сама активно приближала это событие. Вновь исключительно много зависело от первого лица.

[1] Russia After the Global Economic Crisis / Andes Aslund, Sergei Guriev, and Andrew C. Kuchins, eds. Wash., 2010. P. 245, 246.

Ельцин воссоздал государственный механизм, разрушенный вместе с Советским Союзом, запустил демократические механизмы, разгромил бастионы КПСС и старый партаппарат. Одолел Съезд народных депутатов, не остановившись перед расстрелом парламента осенью 1993 г. и уничтожением одного из главных атрибутов предшествовавшей эпохи — Советов, заявив, что «большинство органов советской власти несут прямую ответственность за крайнее обострение ситуации в Москве»[1]. Вслед за этим последовала подготовка новой Конституции и введение Указом избирательного законодательства, по которым избирался новый двухпалатный парламент — Совет Федерации и Государственная дума. Продавленная через референдум Конституция зафиксировала основополагающие демократические права и свободы, но наделила президента такими полномочиями, которым позавидовал бы любой его коллега. При этом Ельцин стоически терпел критику и не давал оснований заподозрить себя в покушении на свободу слова.

Но его месяцами не было на рабочем месте. Такой внеинституциональный центр, как «семья» президента, играл порой большую роль, чем предусмотренные Конституцией институты. Крупный бизнес через ее каналы участвовал в руководстве страной, назначении министров, принятии законов, избрании губернаторов на своих «вотчинных» территориях, пользовался широким доступом к государственным ресурсам, но не обрел привычки платить налоги. Новая политическая элита складывалась, главным образом, из бывших партийных и советских работников, а новая хозяйственная элита рекрутировала кадры из комсомольцев и хозяйственников[2].

Подстегиваемая президентом региональная суверенизация зашла так далеко, что под угрозой оказалась целостность страны и стала возможной трагедия Чечни, унесшая десятки тысяч жизней. Взрывались жилые дома в Москве и Буйнакске, страну захлестнул террор, гибли сотни людей. Угрозам безопасности России без большого успеха пытались противостоять дезорганизованные многочисленными реформами низко оплачиваемые спецслужбы, деморализованная армия, не получавшая новых вооружений. Но Ельцин не допустил худшего — «югославского сценария».

Ельцин спас экономику, пустив в нее силы рынка. С начала 1992 г. были либерализованы цены. Реформы вице-премьера Егора Гайдара характеризовались стремлением утвердить рыночные принципы, свободное ценообразование и конкуренцию, развязать частную инициативу и индивидуальную ответственность, соблюдать легальные правила

---

[1] *Борис Ельцин.* Обращение к гражданам России по телевидению, 6 октября 1993 г. // Российская газета. 7 октября 1993.

[2] *Сергей Хенкин.* «Партия власти»: российский вариант// Pro et Contra. № 1. Осень 1996. С. 33.

игры (пусть часто меняющиеся) в отношениях с бизнесом. Ставились задачи интеграции страны в мировое экономическое пространство, привлечения зарубежных инвестиций.

«“Шоковая терапия” Гайдара — это, как говорили шутники, “сплошной шок и никакой терапии”… К концу десятилетия великая сверхдержава обрела статус обнищавшей страны третьего мира»[1], — констатировал известный американский журналист Пол Хлебников, позднее убитый в Москве. Ельцин почувствовал, что база поддержки правительства снизилась до опасной черты, и предпочел передать должность премьера многоопытному хозяйственнику и создателю «Газпрома» Виктору Черномырдину. Но молодые реформаторы остались в составе кабинета. И именно они — наиболее активную роль играл Анатолий Чубайс — выступили главной движущей силой политики приватизации. Огромная страна, где все — от атомных электростанций до гвоздя — принадлежало государству, переходила в частные руки. Победителями в игре оказались те из выживших, которые убедили государственных чиновников назначить именно их, а не кого-то еще, миллиардерами. В качестве аргументов выступали действия, которые во всем мире определяются термином «коррупция», соблазны были непреодолимы. Приватизация проводилась, во многом, в идеологических целях, чтобы сломать хребет социалистической экономике и создать новый класс крупных собственников. Сперва небольшие предприятия перешли трудовым коллективам, а от них — директорам и связанным с ними нуворишам.

В годы правления Ельцина Россия, перестав быть сверхдержавой, уже не могла рассчитывать на ту международную роль, которую играл СССР. Вместе с тем создание Российской Федерации сопровождалось эйфорией по поводу международных перспектив нового самостоятельного государства.

Министр иностранных дел РФ Андрей Козырев так определял свою доктрину: «Ориентация на высокоразвитые демократические страны и вхождение в их клуб — именно и только в этот клуб — на равных, достойно, со своим собственным лицом. В этом вся концепция». Политику начала 1990-х гг. отличал очевидный американоцентризм. «Гегемония Соединенных Штатов, которой нас пугают, и разговоры о единственной сверхдержаве — все это стереотипы и зашоренность. Никакой единственной сверхдержавы нет»[2], — подчеркивал Козырев, выдвигая план стратегического союза с США, позднее трансформированный в идею стратегического партнерства. Россия делала заявку на членство в Западной системе. На втором месте фигурировала задача

[1] *Пол Хлебников.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001. С. 81.

[2] Интервью с Андреем Козыревым // Московские новости. 14 июня 1992.

«создания пояса добрососедства по периметру российских границ»[1]. Наконец, важными объявлялись также отношения со странами «третьего мира», развиваемые на основе взаимной выгоды и без идеологических догм, что означало уход России из большинства регионов развивающихся государств.

С заключением масштабных соглашений о контроле над вооружениями — от сокращения обычных вооружений по договору ОВСЕ до уничтожения ракет средней дальности и уменьшения сил сдерживания в соответствии с договором СНВ-2 — были заложены основы стратегической стабильности. Российско-американское сотрудничество помогло превратить Украину, Беларусь и Казахстан в страны, свободные от ядерного оружия. Но вскоре появилось и разочарование от «доктрины Козырева».

Отношение к России во многом определялось той оценкой, что проигравшая сторона в холодной войне сдалась на милость победителям. Джек Мэтлок описывал: «Мы выиграли холодную войну и может делать, что хотим. Русским просто придется привыкнуть к тому, что они больше не великая держава, и мы можем не обращать внимания на их мнения». Эта позиция привела многих русских к выводу, что «“Запад” не примет Россию в качестве партнера, а только в качестве подчиненного им придатка»[2]. Проамериканские жесты воспринимались на Западе просто как должное. А любая активность России, особенно в СНГ, стала рассматриваться как проявление «неоимпериализма».

Вновь встал вопрос о границах Западной системы. «Некоторые историки считают, что после распада Советского Союза в 1991 г. Центральная Европа восстановилась в том виде, в каком она сложилась на протяжении Средних веков»[3], — пишет Жак Ле Гофф, известный французский медиевист. Причем вопрос сразу был переведен в практическую плоскость: как далеко распространять на восток европейские и евроатлантические институты — ЕС и НАТО. Не трудно заметить, что западная система воспроизводила себя по средневековой цивилизационной матрице, которая не включала в себя Россию.

Серьезнейший удар по политике Козырева был нанесен открывшейся перспективой расширения НАТО вопреки многочисленным заверениям, данным западными лидерами еще Михаилу Горбачеву, что этого никогда не произойдет. Ельцин сменил тональность российской дипломатии. В послании Федеральному Собранию президент заявил: «В 1994 г. нам надо положить конец порочной практике односторон-

---

[1] Андрей Козырев: «К слову “патриотизм” прилагательные не нужны» // Красная звезда. 26 ноября 1992.

[2] *Джек Мэтлок-мл.* Сверхдержавные иллюзии: Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону и как вернуться в реальность. М., 2011. С. 25–26.

[3] *Жак Ле Гофф.* Рождение Европы. СПб., 2008. С. 145.

них уступок»[1]. О вступлении в «западный клуб» речи больше не шло. Кремль усиленно искал альтернативу расширению НАТО, предлагая «далеко идущие инициативы формирования новой Европы». Однако всякий раз слова, усилия, демарши Москвы опровергались реальностью, одна «принципиальная позиция» сдавалась за другой. В преддверии президентских выборов 1996 г. Ельцин передал МИД в руки Евгения Примакова, что позволило прикрыть предвыборный внешнеполитический фронт.

Лишь исключительно жесткая и за рамками правил антикоммунистическая кампания, огромные финансовые вливания, элитно-силовая консолидация и чудеса на избирательных участках позволили Ельцину в июле 1996 г. во втором туре добиться переизбрания на новый срок. Между двумя турами у Ельцина был инфаркт. Кампания завершилась без кандидата, но страна об этом не знала.

После операции на сердце Ельцин затеял новый тур либеральных реформ. «Мне казалось, что после выборов 96-го наступала новая эпоха. Эпоха строительства»[2]. Весной 1997 г. была проведена масштабная приватизация по схеме «залоговых аукционов», в результате которой за 1,1 млрд долл. ряд крупных финансовых структур (поднявшихся на бюджетных деньгах), установили контроль за крупнейшими предприятиями, вошедшими в новые частные холдинги — ЮКОС, Норильский никель, ТНК и т.д., но, во-первых, активы достались новым собственникам по символической цене, и часто это имело следствием простую перепродажу этих активов и закрытие производства. Во-вторых, низкая цена входа на рынок обусловила ориентацию на текущую прибыль и невнимание к перспективным целям. В-третьих, становилось бессмысленным строительство новых производств, коль скоро они по издержкам не могли конкурировать с приватизируемыми почти задаром предприятиями. В-четвертых, допуск к приватизации только «своих» ограничил приток на российский рынок иностранных капиталов[3].

«Невидимая рука рынка», на которую возлагались большие надежды, так и осталась невидимой. Она не смогла произвести ни одного корабля, атомного реактора, нового самолета, автобана, не решила проблем деградации сфер образования, здравоохранения. «В процессе рыночной, в значительной степени стихийной трансформации выживали наиболее ликвидные отрасли, связанные с экспортом необработанного сырья и полуфабрикатов. Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию»[4], — напишет Владимир Путин. Месяцами

---

[1] Стратегическая цель — создать процветающую страну: Выступление Бориса Ельцина в Федеральном Собрании // Российская газета. 25 февраля 1994.

[2] *Борис Ельцин.* Президентский марафон. М., 2000. С. 85.

[3] *Владислав Иноземцев.* Приватизация по-российски // Ведомости. 24 января 2011.

[4] *Владимир Путин.* О наших экономических задачах // Ведомости. 30 января 2012.

люди не получали заработную плату и пенсии. При этом экономика по-прежнему была обременена огромным объемом унаследованных от коммунистических времен социальных обязательств. Центробанк и Минфин были вынуждены бросать огромные средства из золотовалютных резервов для спасения финансового рынка и поддержания рубля.

Более осмысленной начала выглядеть внешняя политика. Примаков заявил: «Модель ведомой страны неприемлема для России»[1]. В противовес он фактически провозгласил собственную доктрину: приоритет российских интересов и отказ от роли «младшего партнера» в отношениях с США и Западом в целом, не допуская при этом обострения отношения и появления новых разделительных линий в Европе; установление многополярного мира, многовекторность внешней политики и проведение в ряде острых международных вопросов линии, альтернативной позиции США (отсюда перенос акцентов на развитие отношений со странами Западной Европы, попытки создания «оси Москва — Пекин — Дели», независимая линия в отношении Ирана, Ирака, Югославии); продолжение интеграции России в глобализирующийся мир; интеграция СНГ «на разных скоростях».

Россия получила членский билет в Парижский и Лондонский клубы, вступила в АТЭС, был ратифицирован Договор о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом, подписан Основополагающий акт Россия–НАТО. В 1996 г. было создано Сообщество Белоруссии и России (позднее трансформировавшееся в Союз), заключено Соглашение об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях между странами «ядра СНГ». «Доктрина Примакова» прошла испытание на прочность во время борьбы по поводу расширения НАТО в 1996–1997 гг., иракского кризиса конца 1997 — начала 1998 и в период войны Запада против Югославии весной 1999 г. И практически в каждом случае России пришлось отступить, удовлетворившись символическими компенсациями.

В марте 1998 г. последовала третья попытка ельцинских либеральных реформ: отставка кабинета Виктора Черномырдина и назначение и.о. премьера Сергея Кириенко. И уже в августе грянул дефолт. Банки, компании, частные лица лишились огромных средств, цены вновь устремились ввысь. Ельцин, ставший «хромой уткой», призвал в Правительство команду тяжеловесов во главе с Евгением Примаковым.

В дальнейшем главной политической интригой стал состав власти после Ельцина. Примаков в роли душеприказчика не устраивал слишком многих в ближайшем окружении президента. Премьером ненадолго стал Сергей Степашин, но его популярность оказалась невелика. Выбор Ельцина пал на Владимира Путина.

---

[1] *Е. Примаков.* Мир после 11 сентября. М., 2002, С. 184–185.

За года президентства Ельцина экономика сократилась вдвое и откатилась на 14-е место в мире, ВВП сжался до 300 млрд долл. Россия окажется наиболее слабой относительно других стран, чем когда-либо за последние 500 лет. Она чудом прошла по краю пропасти в 1990-е гг.

Путинизм

26 марта 2000 г. страна обрела нового президента. В основе изначальной стратегии Путина лежал прагматизм: решать вопросы выживания страны. Вместе с тем он с самого начала прекрасно сознавал необходимость серьезного модернизационного прорыва, нужного для превращения России в конкурентоспособную страну, которая восстановит достоинство и уважение в мире. Реализация этой стратегической линии считалась возможной лишь при условии стабилизации политической системы на основе создания субъекта в лице государственной власти, способного осуществлять необходимые преобразования; формирования нормальной экономической среды, способной обеспечить долговременный экономический рост; обеспечения благоприятных международных условий для внутреннего развития; преодоления общественной атомизации. В Федеральном Собрании впервые за постсоветское время удалось обеспечить в обеих палатах работающее пропрезидентское большинство. Именно благодаря этому появились в России право собственности на землю, налоговая система с плоской 13-процентной шкалой подоходного налогообложения, начала создаваться нормальная социальная инфраструктура.

В основе стратегии Путина в области федеративных отношений лежали приведение нормативной базы регионов в соответствие с федеральными законами и Конституцией, что было сделано с помощью нового властного института — полномочных представителей президента в семи федеральных округах. Через полпредов также удалось вновь замкнуть на Москву действующие на местах органы федеральной исполнительной власти, которые в 90-е гг. оказались под прямым контролем губернаторов. Был запущен процесс укрупнения некоторых субъектов федерации. Самый спорный этап федеративной реформы был связан с переходом от прямых выборов губернаторов к их избранию законодательными собраниями субъектов Федерации по представлению президента. Эксперимент, начатый Ельциным во время выборов в 1996 г. для привлечения на свою сторону ряда региональных руководителей, был признан неудавшимся.

Стимулирование создания партий шло через отмену запретов для представителей исполнительной власти состоять в партиях и переход на выборы в Государственную Думу по партийным спискам. Президент не видел проблем в существовании крупной доминантной партии —

«Единой России», — позволяющей обеспечить консолидацию ядра провластного электората, управленческой элиты, а также проведение реформ и преемственность курса.

Экономическая программа Путина была проста: увеличение ВВП вдвое за десять лет. В качестве практических мер президент называл укрепление и профессионализацию государственных институтов, дерегулирование и разбюрокрачивание экономики, создание долговременных налоговых стимулов, сокращение избыточных социальных обязательств, регулирование тарифов инфраструктурных монополий, достижение полной конвертируемости рубля, поощрение миграции в Россию из стран бывшего Советского Союза. То, что его команда сделала для снижения налогов, введения частной собственности на землю, открытия экономики для глобальной конкуренции, проведения коммунальной, социальной, пенсионной и других реформ, по многим направлениям шло заметно дальше замыслов реформаторов раннеельцинской поры. Вместе с тем стратегия Путина, особенно в годы второго срока его президентства, предполагала сохранение или даже усиление государственного контроля за некоторыми стратегическими отраслями, над топливно-энергетическим комплексом. Поскольку крупный частный капитал неохотно шел в новые отрасли, была сделана ставка на создание крупных государственных корпораций и вертикально-интегрированных холдингов — «Ростехнологий», «Росатома», Объединенной авиастроительной корпорации, Объединенной судостроительной корпорации. Цель состояла в том, чтобы остановить развал высокотехнологичных отраслей, сохранить производственный потенциал за счет централизации управления, собрать формально принадлежавшие государству разрозненно неуправляемые активы, зачастую потерявшие связь с научными и конструкторскими центрами.

Одновременно Путин направил крупнейшему бизнесу несколько однозначных «посланий»: платите налоги и проявляйте социальную ответственность; федеральная политика — дело Кремля; среди олигархов святых нет. Гусинский и Березовский были вынуждены покинуть страну. В 2003 г. настанет очередь Михаила Ходорковского, чья излишняя политическая активность вызвала повышенный интерес правоохранителей к действительно топорным схемам ухода от налогов, которые применяла его компания «ЮКОС».

Восьмилетний экономический рост — самый быстрый в Европе — привел к резкому росту залоговалютных резервов, бюджетного профицита, средств стабилизационного фонда. Но Путин проявлял себя как сторонник бюджетного консерватизма, не санкционируя масштабных расходных программ. Почему эти деньги не тратились? Подобный вопрос был задан и Путину на его встрече с экспертами. Президент ответил, что причины две: во-первых, нет механизма контроля над рас-

ходованием средств, так что все равно их разворуют; во-вторых, есть опасность запустить инфляцию.

«Управление экономикой России под руководством Путина было предметом постоянной критики на Западе из-за того, что воспринималось как усиление государственного контроля над бизнесом, — писали руководители Third Millennium Russia Fund Джон Коннор и Лоренс Милфорд в 2008 г. — Хотя это было правдой в отношении некоторых секторов экономики, особенно природных ресурсов, это было далеко не правдой в отношении всей экономики. Российская экономика сегодня более приватизирована, чем большинство развивающихся рынков мира и чем некоторые из западноевропейских стран, как Италия или Франция. Под руководством Путина Россия явила один из самых консервативных примеров фискальной политики среди развивающихся рынков, если не во всем мире»[1]. По итогам 2007 г. Россия опередила Италию и Францию по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, и вошла в семерку крупнейших экономик мира[2].

Путина отличал очевидный акцент на укреплении непосредственных атрибутов силы государства — армии, спецслужб, правоохранительных органов. В годы его президентства в оборонной реформе во главу угла была поставлена профессионализация Вооруженных сил, понимаемая как увеличение численности и качества профессиональных частей постоянной боеготовности. Упор сделан на компактные и мобильные спецподразделения и развитие сил сдерживания как абсолютного гаранта безопасности страны, имеющей относительно слабые обычные вооруженные силы и вооружения. Существовало понимание того, что от угрозы террора и оргпреступности могут защитить только собранные спецслужбы и правоохранительные органы, для чего предусматривалось резкое увеличение материального содержания, техническое переоснащение, улучшение межведомственной координации. Стратегия на Северном Кавказе заключалась в сочетании мер по уничтожению террористов с созданием и расширением сферы влияния легитимной светской власти, восстановлением разрушенного жилого фонда, созданием рабочих мест для разоренного войной населения.

Стратегия-2020 предполагала прорыв России в первую пятерку экономик мира. Страницы газет и отчеты инвестиционных фондов пестрили самыми радужными прогнозами развития.

В программной статье «Россия на рубеже тысячелетий», вышедшей 30 декабря 1999 г. — за день до отставки Ельцина, Путин отмечал:

---

[1] *John T. Connor, Lawrence P. Milford.* Out of the Red: Investment and Capitalism in Russia. Hoboken (N.J.), 2008. P. 16.

[2] *Владимир Путин.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml

«Россия переживает один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200–300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира»[1]. Отдавая отчет в относительном ослаблении потенциала страны, Путин проводил независимую, активистскую, многовекторную политику прагматичного «отца нации», озабоченного вместе с тем величием этой нации.

В системе приоритетов на почетном месте были страны СНГ, в отношениях с которыми центральной оставалась концепция разноскоростной интеграции. В отношениях со странами Запада Путин был готов настолько тесно сближаться с ними и их организациями, насколько Запад готов был сблизиться с Россией. Был придан импульс сотрудничеству с Европейским Союзом, что проявилось и в создании механизмов саммитов Россия–ЕС. Путин пошел, несмотря на возражения многих, на размораживание отношений с Североатлантическим блоком, прерванных после бомбардировок Югославии. Установив взаимопонимание с парламентом, президент добился ратификации важнейших соглашений — СНВ-2, Договора о запрещении ядерных испытаний, которые без движения несколько лет лежали в парламенте при Ельцине. Получило серьезный импульс стратегическое партнерство с Китаем и Индией.

Существенным водоразделом в мировой политике стала атака террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон 11 сентября 2001 г. Путин был первым, кто принес соболезнования и оказал всю возможную поддержку американскому президенту Джорджу Бушу в антитеррористической кампании. По иронии судьбы, это оказалось возможным благодаря наличию «горячей линии» между Москвой и Вашингтоном, созданной в годы холодной войны для предотвращения возможных недоразумений в ядерном противостоянии. На саммите в Вашингтоне и в Кроуфорде в ноябре 2001 г. было заявлено о долговременном партнерстве двух стран.

После выхода США из Договора по ПРО Путин выразил сожаление, но не более того. Россия пошла на подписание Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, несмотря на возражение критиков, недовольных его неконкретностью и возможностью для США не уничтожать, а складировать сокращаемые боеголовки. Решение Пражского (2002 г.) саммита НАТО о присоединении семи стран Центральной и Восточной Европы к блоку, включая государства Балтии, было названо «бесполезным», но не вызвало дипломатических осложнений. Де факто Россия дала согласие на проецирование американской военной силы в постсоветском пространстве (Центральная

[1] *Владимир Путин.* Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета, 31 декабря 1999.

Азия, Грузия), которое ранее рассматривалась как зона исключительного стратегического влияния РФ, и на применение военной силы в непосредственной близости от этого пространства (Афганистан). Россия оказала поддержку США организацией и вооружением антиталибского Северного альянса, предоставлением разведывательной информации, воздушных коридоров для военных самолетов, доступа к базам в бывших советских республиках и доставкой гуманитарных грузов.

Но далее отношения с Западом вступили в полосу осложнений. «Очень серьезным ударом по российско-американским отношением стало вторжение США в Ирак, встретившее однозначное осуждение на только со стороны Москвы, но также Берлина и Парижа. Новыми испытаниями для отношений с Западом стал 2004 г., когда Украину захлестнула волна «оранжевой революции», лидеры которой не скрывали стремления привести страну в НАТО, и в 2008 г., когда на Бухарестском саммите Альянс, пусть не называя конкретных сроков, пообещал принять в свои ряды Украину и Грузию. Кремль был готов отказаться от какой-либо роли в своей прежней сфере интересов — Центральной и Восточной Европе, а также в Прибалтике. Но Россия была полна решимости не допустить дальнейших покушений Запада на ту территорию, которую она считала своим «историческим пространством»[1], — замечал Дмитрий Тренин.

Отказ Буша принять предложение Путина о сотрудничестве в сфере противоракетной обороны, которое он высказал в 2007 г. на саммите в Кеннебанкпорте, сворачивание российско-американских учений по защите от баллистических ракет, фактический отказ США от заключенного в 2000 г. соглашения о создании совместных центров слежения за ракетными пусками, выбор в качестве района дислокации объектов ПРО Польши, откуда американские перехватчики теоретически могли сбивать российские ракеты, запущенные по целям в Северной Америке, — все это было воспринято в Москве как признаки ужесточения курса в отношении России. Американский сенат отказался ратифицировать Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), из-за чего он так и не вступил в действие. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) был ратифицирован лишь четырьмя странами — все из СНГ и ни одной западной, и в какой-то момент Россия решила сама приостановить свое в нем участие.

Все разочарование от результатов сотрудничества с Западом Путин выплеснул на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г., обрушившись на практику однополярного мира: «Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия реше-

[1] *Дмитрий Тренин.* Post-Imperium: Евразийская история. М., 2012. С. 154–155.

ния. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри»[1]. Шок от этой речи был серьезный. Заговорили о перспективе новой холодной войны. Впрочем, серьезные испытания были еще впереди.

В 2008 г. второй срок президентства Путина истек. Не желая менять Конституцию, которая устанавливает лимит в два подряд президентских срока, Путин выдвинул своим преемником бывшего главу Администрации и вице-премьера Дмитрия Медведева.

Его курс действительно был преемствен по отношению к курсу Путина, но в то же время Медведев не был его двойником. Медведев выдвигал на первый план наращивание человеческого капитала и создание цивилизованной правовой среды: верховенство закона, искоренение коррупции, практики неправосудных решений, гуманизация правосудия. Большой акцент делался на уважении прав собственности, на защите мелкого и крупного бизнеса от административного произвола. Медведев шел на выборы, предлагая программу модернизации, основанную на четырех «и»: институтах, инвестициях, инновациях и инфраструктуре. Однако драматические события 2008 г. заставили внести существенные коррективы. Первостепенное внимание пришлось уделить кризисам: экономическому, вокруг Южной Осетии и в отношениях с Западом.

Мировой экономический кризис, в первую очередь из-за падения спроса на сырье и энергию в странах Европейского Союза, ударил по России сильнее, чем по большинству крупных экономик: падение ВВП достигало 8% (хуже было только в Японии). Правительство России приняло ряд мер, призванных капитализировать банковскую систему. Оказывалась помощь тем корпорациям и банковским организациям, которые активно брали кредиты на мировом рынке. Программа антикризисных мер включала в себя также увеличение социальных обязательств, пенсий, повышение размеров пособия по безработице, поддержку занятости, включая опережающее профессиональное обучение, организацию общественных работ, помощь в открытии собственного бизнеса, нормализацию ситуации в моногородах, стимулирование частного спроса, увеличение объема гарантий по индивидуальным вкладам.

Когда кризис ослаб, власть вновь поставила целью создание более свободной и конкурентной рыночной среды. Был сокращен в пять раз перечень стратегических предприятий, принят масштабный план при-

[1] *Владимир Путин.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml

ватизации крупных компаний с госучастием. Прозвучали идеи утверждения России в качестве одного из финансовых центров мира.

Визитной карточкой внешней политики Медведева становилось частое обращение к теме верховенства международного права. Большое внимание он уделил развитию многосторонней дипломатии. Президент предлагал создавать новую европейскую архитектуру, основанную на общих ценностях, общих правовых истоках; на единстве Европы, без разделительных линий, путем равноправного взаимодействия России, ЕС и США; на договоре с Европейским Союзом о стратегическом партнерстве.

Во время грузинской агрессии в Южной Осетии в августе 2008 г. была применена сила для принуждения зарвавшегося Саакашвили к миру. Одержав победу и закрепив ее признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, Россия решительно вернулась за стол большой геополитической игры. На обострение отношений с Западом Россия отреагировала выражением крайнего разочарования результатами партнерства с западными странами, которые единодушно встали на сторону агрессора.

Столкнувшись с очевидными проблемами на западном направлении, Россия начала увеличивать свою стратегическую глубину по всем остальным азимутам. Была усилена военная составляющая Союза России и Белоруссии, в частности в сфере функционирования совместной ПРО. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на саммите одобрила 16 новых соглашений, превращающих ее в полноценный военно-политический блок. Кремль протянул руку антикризисной помощи своим союзникам и предложил создание антикризисного фонда ЕврАзЭС, долгосрочные кредиты. Были предприняты шаги к оформлению Таможенного Союза России, Белоруссии и Казахстана. Открытие первого предприятия по производству сжиженного природного газа и запуск месторождения «Сахалин-2» означало прорыв на энергетические рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай предоставил кредит в 25 млрд долл. на сверхльготных условиях, чтобы, помимо прочего, обеспечить ответвление дальневосточного нефтепровода на юг и гарантировать бесперебойные поставки российской нефти на десятилетия. Бразилия, Россия, Индия и Китай приняли решение формализовать отношения в рамках БРИК, что и произошло в 2009 г. в Екатеринбурге.

Да и на Западе после «грузинского обострения» ситуация менялась. В США заявили о необходимости «перезагрузки» в российско-американских отношениях, об отсутствии у администрации Барака Обамы намерений форсировать расширение НАТО или размещение компонентов ПРО в Восточной Европе, о растущем интересе в сотрудничестве по Афганистану, Ближнему Востоку и т.д. Москва согласилась

обеспечить наземный транзит невоенных грузов в Афганистан. В Женеве пошли интенсивные переговоры по новому договору об СНВ. Итоговые цифры новых потолков ядерных вооружений (1500–1675 для боеголовок и 500–1100 для носителей) не выглядели революционными. Но у договора с такими параметрами было немного противников в США и России (включая военных), что способствовало ратификации. В сочетании с подписанным соглашением о ядерной безопасности, препятствующим расползанию атомных технологий, был подан важный сигнал для нераспространения и разоружения, первый за многие годы.

В каких терминах можно описать систему взглядов Медведева и Путина? В отличие от либералов, они не отрицают национальных традиций: говорят о семейных, моральных и религиозных ценностях. Они — сторонники сильного государства. Вместе с тем привержены принципам эволюционного развития, свободного рынка, демократии, сильной государственности, российского суверенитета и традиционализма. Эта комбинация весьма характерна для консерватизма. Да Путин и сам это подтверждал. В частности, 4 сентября 2013 г. на прямой вопрос о его идеологической ориентации ответил: «Я думаю, что вполне можно сказать, что я прагматик с консервативным уклоном…»[1]

Российская полития

О состоянии сегодняшней государственности в России мнения варьируются: от демократии или неразвитой демократии до жесткого авторитаризма. Джошуа Курлантик из американского Совета по международным отношениям в книге о деградации демократии в мире в целом на протяжении всего недолгого XXI в. помещает Россию в категорию стран с «в высшей степени дефективной демократией», где положение только ухудшается[2].

Сами Путин и Медведев уверены, что демократия в России существует, пусть и не в идеальном виде (где она идеальна?). Выборы отражают структуру электоральных предпочтений. СМИ независимы настолько, что больше 60% имеют зарубежных владельцев. Оппозиционеры, вылив на митинге, в парламенте или в телестудии ушаты грязи на «кровавый диктаторский режим», прекрасно знают, что уедут после этого на свои роскошные дачи, а не в Сибирь. Нацменьшинства никто не угнетает. Россия — не Саудовская Аравия, не Китай или даже не Турция, но российский демократический процесс развивается сложно.

---

[1] Эксклюзивное интервью В. Путина Первому каналу и агентству «Ассошиэйтед Пресс». 4 сентября 2013. URL: http://www.1tv.ru/news/social/241135.

[2] *Joshua Kurlantrick.* Democracy in Retreat: The Revolt of the Middle Class and the Worldwide Decline of Representative Government. New Haven; L., 2013. P. 8–10.

Демократические ценности были во многом дискредитированы эпохой ельцинизма. В 2012 г. Пайпс подтверждал: «Если говорить о политической системе, то россияне с недоверием относятся к демократии и приравнивают ее к хаосу и разгулу преступности»[1]. В России уровень политической активности граждан относительно низок, явка на выборы не превышает среднемировые показатели. Политическая жизнь, по исследованиям ВЦИОМ, так или иначе интересует 51% россиян. При этом «безусловную» заинтересованность в политике проявляет лишь 13% граждан, тогда как 38% — от случая к случаю, а остальные — крайне редко или совсем никогда[2]. При этом россияне не хотят назад. Под «порядком» они понимают не отказ от демократических принципов, а политическую и экономическую стабильность, соблюдение законов, прекращение разворовывания страны, возможность для каждого реализовать свои права. Люди считают позитивным и впервые ими обретенные свободы слова, выезда из страны, предпринимательства, право на забастовку и т.д.

При этом в одной Москве есть минимум пять тысяч профессиональных революционеров, для которых борьба за насильственное свержение избранной власти является смыслом жизни, призванием и хорошо оплачиваемой профессией. Что бы Путин ни делал, ему вряд ли удастся переубедить тех, кто рассматривает его «препятствием на пути прогресса», «врагом демократии», если не хуже. Но по-прежнему большинство составляют люди, которые считают Путина едва ли не самым успешным и удачливым лидером.

С формальной точки зрения с Конституцией все в порядке. В ней закреплены принципы разделения властей, идейный и политический плюрализм, равенство граждан перед законом, права и свободы человека в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права. Исполнительная власть — Правительство, законодательная — Государственная Дума и Совет Федерации, судебная — Конституционный, а также Верховный и Высший арбитражный суды (до их слияния). А где президент? Президент — вне системы разделения властей. При этом он обладает и исполнительными правами, поскольку формирует правительство и фактически руководит им. И законодательными, поскольку издает указы и распоряжения. И судебными, поскольку может выступать арбитром в спорах центральной и региональной власти.

Наряду с постом могущественного Президента Конституция создала позицию сильного Председателя Правительства, что весьма наглядно доказал Путин, когда занимал его в 2008–2012 гг. Но о Правительстве

---

[1] *Ричард Пайпс.* Дело не в циклах, а в культуре // Ведомости. 21 декабря 2012.

[2] От плебисцита к выборам: Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / Под ред. Валерия Федорова. М., 2013. С. 410.

не говорится как о высшем органе исполнительной власти, и оно зависит от Президента заметно больше, чем от парламента: назначается главой государства, который вносит на рассмотрение Думы кандидатуру премьера. Но если законодатели трижды ее отвергнут, то могут быть распущены. Вотум недоверия Правительству не означает его отставки, если Президент с этим не согласен. Законодательную власть осуществляет двухпалатное Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной думы. Российские суды по-прежнему обвиняют в тех же грехах, что и в советское, и досоветское время: избирательности правосудия, обвинительном уклоне, политическом влиянии на судей, коррупции. Многие из таких обвинений невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, но общее ощущение именно такое.

Политическая история постсоветской России — история возникновения и исчезновения огромного количества партий. В 1990-х гг. существовало около двухсот только официально зарегистрированных общефедеральных общественных объединений, имевших право выполнять функции партий. И это при том, что действовали нормы, прямо запрещающие совмещение руководящих государственных должностей с руководством партиями и участием в их деятельности. В 2002 г. был принят закон о партиях, который являлся попыткой укрупнить партии. Более жесткие требования к их регистрации, поощрение крупных партий через их государственное финансирование приводили к тому, что мелкие партии начали исчезать. Кремль весьма умело сконструировал полноценную партию власти, объединив основные элитные группировки из «Единства» и «Отечества — всей России» в рядах «Единой России». Затем был осуществлен переход к выборам в Государственную Думу исключительно по партийным спискам. Законодательство о партиях и выборах неоднократно изменялось в направлении сужения поля для политической конкуренции. Требования к численности для регистрации партии были повышены с 10 до 50 тысяч членов. Все это сыграло на руку крупным партиям, общее их число снизилось до семи.

Острейшая политическая схватка разразилась в конце 2011 г., когда против «Единой России» объединилась коалиция электоральных и уличных сил, недовольная, прежде всего, Путиным и фактом его переизбрания на следующий президентский срок. Под грузом обвинений в коррупции и предвыборных фальсификациях ЕР, потеряв свое конституционное большинство, едва сохранила большинство простое. За «Единую Россию» проголосовали 49,3% избирателей, за КПРФ — 19,2%, «Справедливую Россию» — 13,2%, ЛДПР — 11,7%.

Вместе с тем всплеск протестных настроений заставил Кремль пойти на изменения в законодательстве о партиях и о выборах. В 2012 г. была максимально облегчена процедура регистрации новых общенациональных политических партий — вместо прежних 50 тысяч чле-

нов требовалось лишь 500. Осенью 2012 г. своим правом побороться за места в региональных парламентах воспользовались 24 партии, а в сентябре 2013 г. — 54, представляющие весь мыслимый политический спектр. Вернулись одномандатные округа на выборах в Государственную Думу, что усилит связь законодателей с избирателями, создаст пул более независимо действующих депутатов.

В постсоветской России главным символом либерализма выступал Борис Ельцин, а сейчас — пестрый альянс сил без очевидного лидера, призывающий следовать западной модели. Либеральная, прозападная часть электората не столько мала — около 10–15%, сколько раздроблена. Либералы провалились на выборах в Думу в 2003 г., не смогли вернуться в 2007 или 2011. Партия власти во главе с Владимиром Путиным является главным носителем консервативной традиции, Компартия Геннадия Зюганова — коммунистической, «Справедливая Россия» — социал-демократической, ЛДПР Владимира Жириновского — националистической.

Одновременно власть не побоялась попасть под огонь оппозиционной критики за «непопулярные» меры по усилению ответственности за несанкционированные митинги, введение регистрации для политических некоммерческих организаций, получающих финансирование из-за рубежа, введение контроля за интернет-сайтами, предлагающими детскую порнографию, наркотики и самоубийства. Должен заметить: судя по опросам общественного мнения, меры эти весьма популярны — каждая из них поддерживается как минимум двумя третями избирателей. Большой проблемой остается коррупция, хотя ее масштабы непросто измерить. Ежегодные декларации о доходах и собственности, введение запрета на зарубежные счета и отчетов за зарубежную недвижимость для высших должностных лиц и депутатского корпуса уже заставили многих предпочесть собственность и счета государственной службе.

С конца 2011 г. маятник федеративных отношений пошел в сторону большего усиления прерогатив регионов. В 2012 г. прямые выборы губернаторов были восстановлены. Желающие попасть в избирательный бюллетень должны пройти через «муниципальный фильтр», т.е. собрать подписи не менее 5% представителей депутатского корпуса в регионе в свою поддержку.

Много внимания Кремлю пришлось уделить местному самоуправлению. Конституция 1993 г. создала довольно запутанную и нежизнеспособную конструкцию, при которой местное самоуправление отделялось от государственного управления, но при этом фактически должно было выполнять государственные функции. По сути, из Конституции выпал уровень местной власти. При этом местное самоуправление должно было обеспечить реализацию прав граждан на бесплатное до-

школьное, основное общее и среднее профессиональное образование, на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь, на обеспечение жильем и поддержание общественного порядка.

Несмотря на неприятие большой частью населения самого понятия «демократия» и несмотря на подозрения в отношении Путина в авторитаризме, власть твердо намерена следовать по пути развития России как демократического государства. Не имея гарантий судебной защиты, находясь под прессом криминального и/или бюрократического произвола и т.д., наиболее активные сограждане проголосуют ногами и кошельками, переместившись в более гостеприимные уголки планеты.

Но Россия вовсе не намерена соглашаться на роль нерадивого ученика, которого мудрый и справедливый учитель отчитывает за невыученные уроки. Мы не ученики, а мудрость учителей демократии под большим вопросом на фоне Ирака, Гуантанамо, тюрем ЦРУ, глобальной прослушки АНБ и т.д. И у всех в памяти 1990-е гг., когда Россия потеряла половину экономики, строго следуя советам учителей из международных финансовых организаций. Попытки извне повлиять на политическую ситуацию или избирательный процесс будут не просто не приветствоваться, а пресекаться.

Экономика профицита

По итогам 2012 г. Всемирный банк (ВБ) оценил ВВП России в 3,4 трлн долл. по паритету покупательной способности рубля, и Россия по этому показателю стала крупнейшей экономикой в Европе и 5-й на планете — после США (15,6 трлн), Китая (12,4 трлн), Индии (4,8 трлн) и Японии (4,5 трлн). МВФ, оценивавший ВВП по обменному курсу, ставил Россию на 8-е место, пропуская вперед Германию, Францию и Великобританию[1]. По показателям ВВП на душу населения Россия тоже продвинулась вперед: 14,82 тыс. долл. по обменному курсу, а по ППС — 25 810 долл. — самый высокий уровень для стран БРИКС[2]. Это соответствует уровню таких европейских стран, как Хорватия или Венгрия.

Существует мнение, что рост экономики России и благосостояния ее граждан был обеспечен исключительно повышением цен на нефть. Экономический рывок начала века с нефтью вообще никак не был связан, напомню ее цену: 28,5 долл. за баррель в 2000 г., 24,4 долл. — в 2001-м, 25 долл. — в 2002-м, 28,8 долл. — в 2003 г. Дополнительные доходы от экспорта углеводородов обеспечили всего около 28% от роста

[1] Россия от противного // Ведомости. 16 июля 2013; Россия победила Германию в ВВП // Коммерсантъ Деньги. 22–28 июля 2013. С. 6.

[2] The Economist. The World in 2015. P. 96.

доходов граждан и лишь 12% от прироста ВВП. Темпы номинального роста зарплат и пенсий втрое превысили темпы роста цен на нефть. Локомотивом экономики был потребительский, а не сырьевой сектор. Кремль существенно повысил налоговое бремя на экспортеров энергии и за счет этого смог облегчить его для отраслей, ориентированных на внутренний спрос: торговли, строительства, сферы услуг, обрабатывающей промышленности[1]. Существовали и другие важные внутренние факторы: ответственная макроэкономическая политика, рыночное ценообразование, частная собственность на землю.

Сейчас налицо замедление темпов экономического роста, начавшееся еще до введения западных санкций. Рост ВВП в 2012 г. составил 3,4%, в 2013-м — 1,3%. 2014 г. дал рост на 0,7%. Главным фактором роста стало сельское хозяйство. А факторами торможения — бюджетное сжатие, высокая учетная ставка ЦБ, сокращение инвестиций и темпов роста монетизации экономики, падение цен на нефть и санкции.

В последние годы идут активные дискуссии по поводу структурной реформы российской экономики, преодоления ее ресурсной ориентации. Но как реально выглядит структура экономики? Доля добывающей промышленности в ВВП страны не является сильно гипертрофированной, составляя 5,7% (на уровне Китая, Канады и существенно уступая ведущим сырьевым странам — Австралии и Норвегии). По доле обрабатывающей промышленности Россия также не является аутсайдером — 14,1%, что ненамного уступает США — 15,4%. Есть относительно слабое развитие финансового сектора (16,7% от ВВП, что находится на бразильском уровне), сильное отставание по доле сегмента социальных услуг — здравоохранение, образование, соцуслуги (6,5%, что ниже, чем даже в Индии). Но есть одно направление, где Россия — безусловный лидер: ни в одной крупной экономике столь большой процент ВВП — 27% — не приходится на торговлю[2].

Общим местом стало обвинение Владимира Путина в том, что он чрезмерно раздул масштабы государства в ущерб свободе рынка. Размер современного государства измеряется обычно таким показателем, как доля ВВП, перераспределяемая через консолидированный бюджет. В России этот показатель составлял 38%, а в странах «большой семерки» — 46%. Размер государства определяют и по доле государственного сектора в экономике, которая в России на протяжении первого десятилетия XX в. действительно росла. Но она меньше, чем во многих странах Западной Европы.

Может, государство задавило запредельными налогами? Тоже нет. В России платят лишь 59% от американских налогов и гораздо ниже

[1] *Михаил Лосев.* Рост на казенных харчах // РБК. Август 2012. С. 25–26.

[2] *Владимир Кондратьев.* Природные ресурсы роста // Прямые инвестиции. № 10. 2012. С. 12.

европейских. А такого низкого — 13-процентного и плоского — подоходного налога, как в России, практически нигде нет. Повышать налоги правительство не планирует. Уровень общей налоговой нагрузки в России составил 34,5% от ВВП, в странах ОЭСР — ровно столько же. Но при этом почти 10,8% от ВВП приходится на налоги, которые платит нефтегазовый сектор, что делает нагрузку на остальную часть экономики на треть меньше, чем в развитых странах.

У России устойчивая бюджетная система. С 2013 г. действует бюджетное правило: планирование расходов федерального бюджета осуществляется исходя из среднего значения цены на нефть за ряд предшествующих лет. При превышении фактическими ценами на нефть уровня базовой цены избыток нефтегазовых доходов направлялся в Резервный фонд. При этом часть его средств может быть направлена на финансирование инфраструктурных и других приоритетных проектов.

Это правило, позволявшее нарастить подушку безопасности «на черный день», вызывало достаточно серьезную критику со стороны тех экономистов и политиков, которые предпочли бы использовать средства для предотвращения кризиса, а не для борьбы с его последствиями. Кроме того, вызывает существенные опасения способность региональных органов власти справляться с возросшими обязательствами. В последние годы нагрузка на региональные бюджеты существенно возросла, в то время как межбюджетные трансферты из федерального бюджета упали.

Россия, в отличие от остальных развитых и крупных экономик, все последние годы сохраняет профицит бюджета. Даже в 2014 г., когда ожидались особые сложности, объем поступивших доходов федерального бюджета превысил объем расходов на 1,2 трлн руб. Резервный фонд и Фонд национального благосостояния за 2014 г. выросли на 2,5 трлн руб. и составили 8,4 трлн руб. Размер золотовалютных резервов сокращался — на конец 2013 г. 511 млрд долл., на июль 2014 г. — 472,5 млрд долл., на 18 декабря — 419 млрд[1]. Это четвертый показатель в мире — после Китая, Японии и Саудовской Аравии. Международные валютные резервы размещены на 44,8% в долларах США, на 41,5% — в евро, на 9,3% — в фунтах стерлингов, на 3,3% — в канадских долларах, на 1,1% — в австралийских долларах[2].

В 2014 г. Россия начала увеличивать долю золота в своих ЗВР, что позволило, обойдя по его запасам Китай, выйти на 6-е место в мире, а если не считать МВФ, то пятое. В дальнейшем — помимо золота —

---

[1] Большая пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 года. URL: http://news.kremlin.ru/news/47250

[2] *Роман Маркелов.* Рыжий лист кленовый… // Российская газета. 19 мая 2014.

ЦБ может увеличить долю азиатских валют — китайского юаня, гонконгского доллара, японской иены[1].

У России по-прежнему самый незначительный совокупный — внешний и внутренний — государственный долг среди развитых стран. Он составляет 13,5% от ВВП и меньше, чем госдолг Дании или Бельгии, почти в десять раз ниже долга Германии и в 30 раз — долга США[2].

Банковская система находится в целом в удовлетворительном состоянии. Вклады граждан в банках на начало 2014 г. составляли 17 трлн руб., тогда как в докризисном 2006-м — 2,7 трлн[3]. В значительной степени это объясняется стремительным распространением банковских зарплатных карт. Активно развивался рынок потребительского кредитования; объем кредитов только физическим лицам в 2013 г. превысил 7,7 трлн руб. — 12% ВВП, в том числе 2,6% — ипотечные кредиты. Если учесть, что в ЕС доля только ипотечных кредитов в ВВП составляет 51,7%, российскому рынку еще есть куда расти. При этом некоторые аналитики начинают бить тревогу из-за роста числа «плохих заемщиков»[4].

Вместе с тем эксперты отмечают нарастание напряженности на денежном рынке: замедление роста денежной массы, рост процентных ставок по кредитам конечным заемщикам, хронически высокий уровень цены денег на межбанковском рынке, падение курса рубля. Доступность коротких денег сосуществует с острым дефицитом длинных инвестиционных ресурсов, несмотря на значительные средства в финансовой системе, прежде всего в руках государства.

Серьезной проблемой стал для России отток капитала. который в первом полугодии 2014 составил 74,6 млрд долл. против 61 млрд в 2013 г.[5] Впрочем, отток профинансирован во многом российскими банками, кредитовавшими российские же компании, зарегистрированные за рубежом (их кредитование юридически отражается как кредитование нерезидентов). Кроме того, российские банки наращивали внешние активы, российские компании — прямые инвестиции за рубежом, зарубежные инвесторы уходили с фондовых рынков развивающихся стран, гастарбайтеры переводили деньги домой. В последнее время среди факторов бегства капиталов появились и геополитические риски, связанные с Украиной. Впрочем, в России в 2013 г. отток капитала оценивался в 1,6% ВВП, в Швеции — 6%, Германии 7,5%, Швейцарии —

---

[1] *Виталий Гайдаев.* Золотой занавес // Коммерсантъ. 15 августа 2014.

[2] *Игорь Лавровский.* Мобилизация без шока // Эксперт. 14–20 июля 2014. С. 41.

[3] Россия в цифрах: 2014. М., 2014. С. 401–402.

[4] *Дарья Борисяк.* Россияне свободны от ипотеки // Ведомости. 27 августа 2013 года; Наталия Биянова, Татьяна Воронова. Кредитный риск россиян // Ведомости. 29 июля 2013.

[5] *Екатерина Кравченко.* Удар по резервам России // Ведомости. 5 августа 2014.

9,6%, в Голландии и Норвегии больше 10%, а в Кувейте — 40%[1]. Отток капитала характерен для всех стран с активным сальдо внешней торговли, каковой является и Россия.

Россия — крупный игрок на рынке инвестиций, которые направлялись в компании сырьевого, энергетического, металлургического и телекоммуникационного секторов. Крупнейшим инвестором в экономику России много лет выступал… Кипр, на который приходилось почти 40% накопленных Россией ПИИ — 124 млрд долл. к марту 2012 г., что вдвое превышало кипрский ВВП. Еще четверть накопленных ресурсов приходилась на долю Швейцарии, Нидерландов, Люксембурга и Виргинских островов, где существуют зоны со льготным налогообложением, что явно свидетельствовало о российском происхождении инвестиций[2]. Сегодня интерес к инвестициям на российском рынке весьма сдержан на Западе. Но заметно растет на Востоке. Нельзя не обратить внимание на контракт в 400 млрд долл. с Китаем на проект газопровода «Сила Сибири», который позволит заметно диверсифицировать маршруты транспортировки российского газа.

Иностранные компании активно развивали производство в России, пришли практически все мировые автогиганты. В последнее время все активнее стала проявляться своего рода скрытая олигополия: зарубежные транснациональные корпорации занимают целые сектора российской экономики. Они практически не создают новые бренды, а просто поглощают российские конкурирующие фирмы или объединяются с ними. Так, например, за пределами Pepsi и Coca остаются лишь около 20% российского производства соков[3].

Данные о внешней торговле товарами постоянно фиксировали рекордные объемы: рост со 149,9 млрд долл. в 2000 г. до 867,6 млрд — 2013[4]. Крупнейшие внешнеторговые партнеры — Китай, Нидерланды, Германия, Италия. Структура экспорта оставляет желать лучшего, и прогресса нет. Доля минеральных ресурсов (нефть, нефтепродукты, газ, угль, руды) выросла с 42,5% в 1995 до 71,6 в 2013 г.[5] У России лишь 14,3% экспорта приходится на промышленную продукцию[6]. Кремль начал задумываться о переходе к расчетам в рублях, прежде всего за газ и за нефть, стимулировать размещение новых эмиссионных ценных бумаг именно в рублях и желательно на российском рынке.

---

[1] *Андрей Шитов.* Или руки с мылом, или чай с сахаром // Российская газета. 30 мая 2014.

[2] *Ольга Кувшинова.* Для денег нет дела // Ведомости. 21 июня 2012; *Николай Вардуль.* Загадка Набиулиной // Профиль. № 11. 2012. С. 36–37.

[3] *Дмитрий Голубев.* Бренды поглощает сильнейший // Российская бизнес-газета. 10 июля 2012.

[4] Россия в цифрах: 2014. С. 517.

[5] Там же. С. 520.

[6] *Оксана Антонец.* Мимо тренда // РБК. Май 2013. С. 35–38.

В Послании Федеральному Собранию 2013 г. Путин особо подчеркнул важность деофшоризации экономики. Масштабная сделка с объемом более 50 млрд долл. с продажи долей в компании ТНК — ВР «Роснефти» была проведена вне российской юрисдикции. В 2012 г. через офшоры или полуофшоры прошли российские товары общей стоимостью 111 млрд долл. — пятая часть всего экспорта. Половина из 50 млрд долл. российских инвестиций в другие страны также пришлась на офшоры. В связи с этим Путин предложил: доходы компаний, которые зарегистрированы в офшорной юрисдикции и принадлежат российскому собственнику, конечному бенефициару, должны облагаться по внутренним налоговым правилам, а налоговые платежи должны быть уплачены в российский бюджет. Компаниям, зарегистрированным в иностранной юрисдикции, нельзя будет пользоваться мерами государственной поддержки, включая кредиты ВЭБа и госгарантии, им также должен быть закрыт доступ к исполнению государственных контрактов[1].

В 1990-е гг. Россия пережила деиндустриализацию и до сих пор по объему промышленного производства не вышла на уровень РСФСР. Дмитрий Медведев, будучи президентом, заговорив об экономической модернизации, выделил пять ее стратегических векторов:

- повышение эффективности производства, транспортировки и использования энергии, разработка и выведения на рынки новых видов топлива;
- ядерные технологии: ввод новых реакторов, применение ядерных разработок и в других сферах (прежде всего, в медицине), производство водородного топлива, создание двигательных установок;
- информационные технологии, участие в развитии глобальных общедоступных информационных сетей, суперкомпьютеров;
- расширение собственной наземной и космической инфраструктурой передачи всех видов информации;
- медицинское оборудование, средства диагностики, медикаменты для лечения вирусных, сердечно-сосудистых, онкологических и неврологических заболеваний[2].

Вновь приоритет — энергия. Но как это соотносится с курсом на более высокотехнологичную экономику? Не стоит забывать, что современная добыча и транспортировка энергии сами по себе являются высокими технологиями. Россия — энергетическая сверхдержава. Это не имеет отношения к стратегии развития. Это — констатация факта.

Несколько лет подряд растут объемы добычи нефти, и сейчас на долю страны приходится более 12% ее мирового производства. В 2013 г.

---

[1] *Маргарита Папченкова.* Офшоры заплатят России // Ведомости. 13 января 2014.

[2] *Дмитрий Медведев.* Россия, вперед! URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

получено 523 млн тонн нефти и газового конденсата (рост на 1%). Увеличение это было обеспечено за счет новых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока: здесь добыча выросла на 10%. Экспортируя почти 5 млн баррелей нефти в сутки, Россия уступает по этому параметру только саудовцам[1]. Идет развитие трубопроводной системы: в феврале 2014 г. была утверждена инвестпрограмма «Транснефти» общим объемом почти 2 трлн руб. Эти инвестиции будут направлены как на реконструкцию существующей трубопроводной системы, так и на увеличение мощности трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» до уровня в 80 млн тонн.

После приобретения ТНК–ВР первой в мире по запасам и добыче нефти стала компания «Роснефть». Она реализует масштабные проекты не только внутри страны, но также в Венесуэле, Бразилии, на Кубе, во Вьетнаме, Канаде, Германии, Италии и, конечно, в рамках мегапроектов — в Китае (контракт на поставку 360 млн тонн нефти в течение 25 лет)[2]. Начинаются и поставки в Индию.

Россия занимает второе место в мире и по добыче природного газа, немного уступая по этому показателю США, где упор сделан на ускоренную добычу сланцевого газа. Но крупнейшей газовой компанией мира является «Газпром», чья капитализация с начала 1990-х выросла более чем в 60 раз. На компанию в 2013 г. приходилось 18,5 мировых запасов газа, 15,6% мировой добычи, 21,5% глобального экспорта газа[3].

«Сланцевая революция» стала самой обсуждаемой темой в мировой экономике. Западные специалисты считают, что в краткосрочной перспективе именно Россия окажется главной проигравшей, поскольку выход сланцевого газа на мировой энергетический рынок может ослабить зависимость многих государств от поставок из нашей страны[4]. А что же Россия? «Газпром» не раз заявлял, что для него сланцевый газ интереса не представляет. Но вот сланцевая нефть — прежде всего, месторождение Баженовская свита в Западной Сибири — пользуется серьезным вниманием российских энергетических компаний[5].

Распространена точка зрения, что проблемы нефтегазового сектора заключаются, прежде всего, в его чрезмерном огосударствлении. В этой связи уместно заметить, что за пределами англо-саксонских стран практически невозможно обнаружить частные компания в этой сфере, а европейские, латиноамериканские, восточноазиатские государственные энергокомпании ничем по своей эффективности не уступают частным.

---

[1] *Thane Gustafson.* A New Chapter for Russian Oil // International Herald Tribune. December 5, 2012.

[2] *Ольга Дука.* И целого мира мало // Коммерсантъ. 27 июня 2014.

[3] Эволюция Газпрома. 1993–2013 // Нефтегазовая вертикаль. № 3. 2013. С. 20–23.

[4] *Robert D. Blackwill, Meghan L. O'Sullivan.* America's Energy Edge // Foreign Affairs. March/April 2014. P. 106.

[5] *Александр Фролов.* Сланцевая нефть // Газпром. № 4. 2013. С. 32–33.

Россия заявляет свои права на значительную часть природных запасов Арктики, которые огромны. Всего в Арктике, по оценкам службы, находилось до 13% еще не открытых запасов нефти и до 30% запасов газа. Россия, согласно этим оценкам, располагает наибольшими среди арктических стран запасами углеводородов[1]. В декабре 2013 г. пришла первая нефть из Арктического шельфа России — с Приразломного нефтяного месторождения. 9 августа 2014 г. — уже после введения санкций против российской энергетической отрасли — запустили первую поисковую скважину «Роснефти» и американской Exxon Mobile на структуре Университетская в Карском море, где объемы запасов, по некоторым оценкам, могут превысить уровень Саудовской Аравии.

Советский Союз был родоначальником использования атомной энергии в мирных целях, первым построил атомную электростанцию. Россия сохраняет прежний задел, входит в топ-четверку стран с наибольшим количеством ядерных реакторов — 33 (в США — 104 реактора, Франции — 58, Японии — 50, после Фукусимы не работающих), на которых вырабатывается 16% электроэнергии. Атомная отрасль вернулась к серийному строительству, заказы атомной промышленности машиностроению выросли с 2006 г. в 25 раз. Создан типовой серийный блок АЭС-2006 со сроком эксплуатации 60 лет[2]. Росатом начал активную международную экспансию. Планы по возведению атомных станций за рубежом (23–25 блоков общей мощностью 30 ГВт) превосходят общий объем российской атомной энергетики (10 блоков мощностью 24,2 ГВт). Росатом достроил станцию в иранском Бушере, достраивает в словацком Моховце, индийском Куданкуламе, есть договоренности на сооружение энергоблоков в Белоруссии, Турции, Китае, Армении, Вьетнаме, Бразилии; участвовала компания в тендерах в Чехии и Иордании. Росатом активно реализует и низкообогащенный уран в десятки стран, среди которых Соединенные Штаты, Южная Африка, Китай, Франция, Германия, Швейцария, Швеция, Нидерланды, Иран. Россия, уже занимающая лидирующие позиции по поставкам низкообогащенного урана с 17% доли глобального рынка, планирует ее увеличить до 25% к 2025 г., задействовав недоиспользуемые возможности военного ядерного производства[3]. Общий портфель заказов по строительству, поставкам топлива, обогащению урана превышает 74 млрд долл.[4] Глава Росатома Сергей Кириенко заявлял о планах утроить продажи корпорации до 2030 г.

---

[1] *Василий Кашин.* Арктическая кладовая // Ведомости. 25 июля 2008.

[2] *Антон Валинский.* Без атомной энергии планете не выжить // Парламентская газета. 17–23 января 2014.

[3] *Andrew E. Kramer.* Atomic Ambitions of Russia // International Herald Tribune. October 12, 2010.

[4] *Владимир Дзагуто.* Атом без границ // Коммерсантъ. 7 февраля 2011.

По производству электроэнергии на душу населения Россия опережает страны ЕС и уступает лишь Соединенным Штатам. 70% расходуемого в бытовых целях электричества идет на отопление помещений. Однако при этом энергоэффективность экономики остается крайне низкой. Реформа РАО ЕЭС, направленная на дробление единой энергетической системы для преодоления ее монополизма и создания конкурентных рынков электроэнергии, не дала ожидаемых результатов: образовавшиеся на ее основе более мелкие компании превратились по большей части в региональных монополистов. Цены на электричество сопоставимы с американскими[1].

Россия остается одним из крупнейших производителей металлов. Черная металлургия находится в лучшем положении, чем во многих других странах, в результате закрытия в годы кризиса нерентабельных и устаревших производств. Износ основного оборудования в отрасли не превышает 43% (у ThissenKrupp — 58%, у Nippon Steel — 78%). Производство стали прогнозируется в 2015 г. на уровне 79,3 млн тонн. На экспорт идет порядка 25 млн тонн, импортируется 6–7 млн тонн, причем объемы экспорта растут, а импорта — падают. Основной спрос на металлы внутри страны — более трети — обеспечивает строительство[2].

По скорости строительства жилья Россия занимает второе место в Европе — 5,8 квартиры на 100 жителей в 2012 г., что на 75% выше среднего показателя в Евросоюзе и уступает только показателям Франции[3]. Научились строить небоскребы: самым высоким зданием в Европе стала башня «Федерация», а в восьмерке самых высоких построек в Европе шесть московских небоскребов[4]. Но на пути строительного бизнеса стоят серьезные бюрократические препоны. Самые длительные и дорогостоящие процедуры — оформление земельных участков, согласование проекта постройки, получение разрешения на ввод в эксплуатацию, подключение к энергосетям.

Россия имеет потенциал стать великой транспортной державой. Принято решение об использовании средств Фонда национального благосостояния для реализации крупных инфраструктурных проектов — строительства Центральной кольцевой автодороги, модернизации Байкало-Амурской магистрали и Транссибирской железнодорожной магистрали. Более 170 млрд выделяется на строительство совершенно необходимого автомобильно-железнодорожного моста через Керченский пролив в Крым.

---

[1] *Константин Угодников.* Конец света // Итоги. 30 апреля 2012. С. 30–31.

[2] Стальные окна роста // Коммерсантъ Металлургия. 29 мая 2013.

[3] *Мария Дранишникова.* Россия быстро строится, но медленно обустраивается // Ведомости. 27 августа 2013.

[4] Самое высокое здание в Европе // Итоги. 5 ноября 2012. С. 7.

Рынок авиационных перевозок в последние годы рос, опережая среднемировые показатели. Рост спроса на перевозки внутри страны сопровождается обновлением парка самолетов, в основном за счет зарубежных. Тем не менее в 2013 г. доля отечественной техники составила уже почти 17% всех поставок коммерческой авиации, и эта цифра будет увеличиваться, особенно с учетом возможных новых санкций. Есть проект создания совместного производства самолетов с Китаем. В конце 2012 г. Правительство одобрило Программу развития авиационной промышленности на период с 2013 по 2025 г. с объемом финансирования 1,7 трлн руб., из которых 1,2 млрд придут из федерального бюджета.

После многолетнего простоя и развала вновь начала функционировать судостроительная отрасль, динамизм которой обеспечивали, прежде всего, оборонные заказы. Госпрограмма развития российского судостроения до 2030 г. ориентирована на развитие оборонных верфей, а в гражданском судостроении акцент сделан на шельфовые проекты и строительство судов ледового класса[1].

Северный морской путь вдоль побережья Сибири, имевший до настоящего времени весьма ограниченное значение (по нему снабжаются регионы Крайнего Севера) из-за недостаточной развитости ледокольного флота и береговой инфраструктуры, по мере глобального потепления может превратиться в коммерчески выгодный кратчайший маршрут между Атлантическим и Тихим океанами. Китайский корабль Yong Sheng стал первым в истории контейнеровозом, совершившим путешествие из Поднебесной по морям Северного Ледовитого океана в Роттердам, куда прибыл 11 сентября 2013 г. Он позволяет сэкономить около 2 недель в пути, поскольку на 4,5 тысяч км короче, чем традиционный путь через Суэцкий канал[2].

В 2013 г. Правительство создало Объединенную ракетно-космическую корпорацию, имеющую главной целью обеспечить потребности Вооруженных сил и отечественных космических программ в современной технике. Россия сохраняет мировое лидерство по числу пусков ракет-носителей. В декабре 2013 г. на Плесецке проведено успешное испытание ракеты-носителя «Союз-2.1В» — впервые с 1980-х гг. в космос была отправлена новая российская ракета. Уже в 2014 г. успешно испытана ракета «Ангара». Полным ходом идет строительство космодрома Восточный. Завершилось формирование глобальной спутниковой группировки ГЛОНАСС, а в ближайшие время начнется массовое применение спутниковых навигаторов системы. В качестве партнеров выступают различные государства, в том числе страны БРИКС. Но Рос-

[1] Судостроителям прописали шельф и оборону// Коммерсантъ. 12 сентября 2012.
[2] Северный путь // График движения. № 10. 2013. С. 5.

сии все сложнее удерживать свои позиции в космосе: много неудачных запусков.

Вместе с тем американцы — бригадный генерал Кевин Райан и научный сотрудник Гарвардского университета Симон Сараджян — справедливо замечают: «Российские космические корабли в настоящее время являются единственным средством доставки американских астронавтов на Международную космическую станцию и обратно. Российские двигатели обеспечивают запуски американских ракет, которые выводят на орбиту военные грузы. Россия стала единственным поставщиком плутониевого топлива для батарей, на которых работают основные приборы американских межпланетных космических аппаратов»[1]. После введения НАСА антироссийских санкций вице-премьер Дмитрий Рогозин рекомендовал Соединенным Штатам доставлять своих астронавтов на МКС с помощью батута.

По-прежнему одна из наиболее динамичных отраслей — информационные технологии. Россия вышла на первое место в Европе и пятое место в мире по общему числу пользователей Интернета. Сегодня у россиянина в среднем по 2 мобильных телефона, тогда как в 2000-м они были лишь у 11%. На территории всей страны к 2015 г. будет обеспечен широкополосный доступ в Интернет, осуществлен переход на цифровое телевидение и мобильную связь четвертого поколения.

Однако в области инноваций можно было бы сделать гораздо больше. В процесс создания инноваций вовлечены меньше 10% компаний, тогда как среднее значение для ОЭСР — 50%, для Германии — 70%. На НИОКР СССР тратил 2% ВВП при наличии 1,9 млн ученых, сегодня — 1% и 700 тысяч ученых[2].

Развивая высокие технологии, государство уделяет также внимание значимым традиционным отраслям. У России огромный потенциал в сельском хозяйстве, но сейчас в этой отрасли производится только 4,4% ВВП. Россия, десятилетиями в советское время ввозившая зерно из-за рубежа, превратилась в его крупнейшего экспортера. Одно из важных направлений господдержки аграрному сектору — субсидирование процентных ставок по кредитам и займам из федерального бюджета. Даже в не самые урожайные годы страна производит больше зерна, чем ее ежегодные внутренние потребности, которые составляют менее 70 млн тонн. В 2014 г. было выращено 104 млн тонн. Амбиции российских производителей зерна — к 2020 г. поставлять на экспорт более 40 млн тонн, что обеспечит более 20% всего мирового экспорта. Наиболее значимым препятствием на пути к этой цели являются не столько объемы про-

---

[1] *Кевин Райан, Симон Сараджян.* Уроки космоса для противоракетной обороны // Россия в глобальной политике. Май–июнь, 2012. С. 156, 161–162.

[2] Forbes. № 9. 2013. С. 32.

изводства и потребления, сколько недостаточные мощности зерновых портов. Существуют проекты их существенного расширения — особенно на Черном и Азовском морях, на Дальнем Востоке[1].

Если в растениеводстве есть достижения, подрываемые иногда климатическими факторами, то с другими отраслями производства продуктов питания менее радужно. С 1992 по 2013 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 52,2 млн голов до 19,5 млн. Зато резко возросло производство мяса птицы: 1428 тыс. тонн в 1992 г., 768 тысяч — в 2000-м и 3817 — в 2012-м. Так что по общему убойному весу скота и птицы Россия по-прежнему на уровне начала 1990-х[2].

В России стремительно таял рыбопромысловый флот — только с 2003 до 2011 г. количество судов сократилось с 3085 до 2320. Но при этом потребление рыбы росло за счет рыбоводства и экспорта[3]. После российских контрсанкций доля российский компаний на этом рынке возрастет.

Фактор обширности территории и наличия девственных лесных массивов делает Россию глобальным экологическим донором. Эта роль выросла за последние десятилетия, когда в результате спада производства страна на треть сократила выбросы парниковых газов, что составило 60% общемирового уменьшения уровня загрязнения. По данным Всемирного фонда дикой природы на Россию приходится примерно 9% всей биоемкости планеты Земля — 1,2 млрд из 13,6 млрд глобальных гектаров (под глобальными гектарами понимают средний по планете показатель способности окружающей среды к воспроизводству ресурсов и поглощению отходов). Здесь мы уступаем только Бразилии[4].

Стратегия социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока на период до 2025 г. опирается на более полное использование природно-ресурсного и транзитного потенциала территории, устойчивое наращивание экспорта конкурентных видов продукции и модернизацию транспортной инфраструктуры. Было создано министерство по развитию региона. Сегодня Дальневосточный регион, во многом благодаря соседству с динамичными центрами роста АТР и инвестициям в проведение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г., растет темпами более высокими, чем Россия в целом, — на 7–10%. Подъем Сибири и Дальнего Востока, сказал Путин, — это «наш национальный приоритет на весь XXI век». Там создается сеть специальных территорий опережающего экономического развития с особыми условиями

---

[1] *Илья Дашковский.* Зерно в топку // РБК. Август 2012. С. 60–61; *Алексей Непомнящий.* Зерно — на выезд // Ведомости. 14 ноября 2011.

[2] Россия в цифрах: 2014. С. 287–288.

[3] Коммерсантъ Деньги. 18–26 июня 2012. С. 26.

[4] *Антон Леднев.* Вода приобретает стратегическое значение // Известия. 17 августа 2012.

для организации несырьевых производств, ориентированных, в том числе, и на экспорт.

Вежливые люди

После распада СССР Россия пережила самую радикальную демилитаризацию. Армия была сокращена втрое. Войска были полностью выведены из Восточной Германии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджана, Монголии; закрыты военные базы на Кубе и во Вьетнаме. Вывод войск был столь стремительным, что возвращавшихся военнослужащих оказалось негде разместить. Сильное воздействие на моральное состояние армии оказала война в Чечне. Шли перманентные реформы армии, ничем не заканчивавшиеся, кроме реорганизации управления войсками.

Оборонные расходы, постоянно снижаясь, к 2000 г., по оценкам СИПРИ, составили 43,9 млрд долл. К 2008 г. по сравнению с 1992-м производство военных самолетов в России уменьшилось в 17 раз, боевых вертолетов — в 5 раз, авиационных ракет — в 23 раза, боеприпасов — более чем в 100 раз[1]. С 2008 г. срок обязательной военной службы сокращен до 1 года, тогда как к моменту распада СССР составлял 2 года, а до начала 1970-х — три.

Путин напишет: «Мы начали с самых неотложных вещей. Восстанавливали системы элементарных социальных гарантий для военнослужащих, ликвидировали постоянные задержки с выплатой денежного довольствия. Год от года увеличивали долю расходов на развитие Армии и Флота, а ведь были времена, когда на самые неотложные нужды денег не хватало… На всех стратегических направлениях формировались части постоянной готовности, укомплектованные контрактниками»[2]. Вооруженные силы повысили боеготовность, что продемонстрировала уже война с Грузией в 2008 г. После войны реформа началась всерьез. Ставилась цель создания армии в высокой степени боеспособной, профессиональной, компактной, мобильной, высокотехнологичной, мотивированной, основанной на лучших традициях российского воинства, избавленной от коррупции и дедовщины.

Военная доктрина Российской Федерации, принятая 5 февраля 2010 г., впервые не предусматривала подготовку к большой войне (в 1970–1980-х гг. это означало войну с НАТО, или Китаем, или с обоими одновременно). Вместе с тем, семь из одиннадцати названных источников угроз так или иначе были связаны с Западом и НАТО. Сохранение и укрепление ядерного арсенала характеризовалось в военной доктри-

---

[1] Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М., 2011. С. 109.

[2] *Владимир Путин.* Россия сосредотачивается. Ориентиры. М., 2012. С. 88, 89.

не как «важнейший оборонительный фактор», применение первыми ядерного оружия в экстренных случаях не исключалось[1].

В сентябре 2008 г. президент Медведев подписал «План реорганизации Вооруженных сил». Осуществлялось формирование вместо прежних шести военных округов (ВО) четырех укрупненных, которые одновременно являются объединенными стратегическими командованиями (ОСК) — Западным (штаб в Санкт-Петербурге), Южным (Ростов-на-Дону), Центральным (Екатеринбург) и Восточным (Хабаровск). Произошел переход Сухопутных войск на трехзвенную систему: оперативное командование — армия — бригада (прежде ВО — армия — корпус — дивизия — полк). К 2012 г. было развернуто свыше ста общевойсковых и специальных бригад с нормативом подъема по тревоге — 1 час и переброски на потенциальный театр боевых действий — 1 сутки.

Министром обороны Сергеем Шойгу ставится задача набора до 2017 г. 425 тысяч солдат и сержантов контрактной службы[2]. С начала 2012 г. оклады военным были увеличены в 2–3 раза. Значительно увеличилось количество учений, в одном 2011 г. их было проведено 1700. А с 2013 г. учения стали гораздо более серьезными, масштабными, с охватом огромных территорий.

Россия — ядерная сверхдержава, одна из двух стран, способных уничтожить все живое на планете, а по количеству ядерных боезарядов (с учетом тактических) продолжает занимать первое место в мире. Согласно информации Госдепартамента США об обмене данными о ходе выполнения СНВ-3 на 1 марта 2013 г. Россия располагала 1480 развернутыми ядерными боеголовками на 492 носителях стратегической триады — межконтинентальных стратегических ракетах (МБР), баллистических ракетах на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиках (ТБ). У Соединенных Штатов было 1654 на 792 носителях. Кроме того, в целом развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР и БРПЛ, а также тяжелых бомбардировщиков в России насчитывается 900 (1499 боеголовок), в США — 1028 (1722)[3].

Доля современных вооружений в составе РВСН достигла 30%. Планируется, что к 2016 г. она составит около 60% от всей ударной группировки, а к 2021 г. — 98%. Пока же продлеваются сроки эксплуатации ракетных комплексов шахтного базирования, прежде всего самой мощной тяжелой ракеты РС-20В «Воевода», и — до перевоору-

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 10 февраля 2010. О реакции на доктрину см.: *Д.О. Новикова.* Российская военная доктрина в редакции 2010 года: реакции и оценки политических и экспертных кругов Запада // Вестник МГИМО-Университета. № 4. 2010.

[2] *Алексей Никольский.* Продолжить дело Сердюкова // Ведомости. 28 февраля 2013; Задачи особой важности // Красная звезда. 9 апреля 2013.

[3] Ракетный баланс // Красная звезда. 9 апреля 2013.

жения на «Ярс» — подвижных грунтовых комплексов «Тополь» с ракетой РС-12М.

Россия сохранила ограниченное военное присутствие в Армении (до дивизии), Абхазии и Южной Осетии (несколько тысяч человек), Приднестровье (около тысячи военнослужащих), Таджикистане (мотострелковая дивизия неполного состава), Киргизии (авиабаза). Кроме того, Россия имеет небольшие небоевые контингенты, обслуживающие объекты в Белоруссии (центры связи), Азербайджане (радиолокационная станция) и Казахстане (космодром).

По численности Вооруженных сил — 845 тысяч человек — Россия занимает пятое место в мире, уступая Китаю, США, Индии и Северной Корее[1]. По оценкам SIPRI, Россия занимает третье место в мире по уровню оборонных расходов — 90,7 млрд долл., уступая только США — 682 млрд и Китаю — 166 млрд, но опережая Великобританию — 60,8 млрд, Японию — 59,3 млрд и Францию — 58,9 млрд. На ее долю приходится 5,2% оборонных расходов планеты (США — 39%).

В 2014 г. расходы на национальную оборону выросли почти на 20%. Еще резче — на 30% — увеличивается объем оборонзаказа по линии Минобороны, размеры которого превысили 1,5 трлн руб. Более 60% этой суммы ушло на закупку новых вооружений и военной техники, а остальные — на НИОКР и ремонт техники. В 2014 г. в Вооруженные силы поступили более 40 современных межконтинентальных баллистических ракет, более 210 самолетов и вертолетов, свыше 200 единиц бронетехники.

Происходит обновление боевого состава, системы боеготовности, управления и материально-технического обеспечения. В числе первоочередных вопросы обеспечения Вооруженных Сил современными автоматизированными пунктами управления и информационными комплексами, замена устаревших аналоговых средств связи цифровыми, расширение возможностей систем электронной и радиотехнической безопасности и разведки.

Успехи в военном строительстве наглядно продемонстрировало воссоединение с Крымом, где «вежливые люди» без единой жертвы обеспечили проведение референдума и мирный переход полуострова в российскую юрисдикцию. «События в Крыму опровергли многие спекуляции о российской военной мощи, — писал журнал Survival. — …Несмотря на утверждения в обратном, Россия гораздо ближе к тому, чтобы иметь нужные ей Вооруженные силы, чем часто предполагалось… Пора отказаться от гиперболы о российском военном ослаблении или упадке»[2].

---

[1] The Military Balance. 2014. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economica. L., 2014. P. 486–492.

[2] *Bettina Renz.* Russian Military Capabilities after 20 Years of Reform // Survival. June–July 2014. P. 62, 79.

Главный редактор журнала Moscow Defense Brief Михаил Барабанов считает, что «общий замысел российской военной реформы 2008 г. всецело оправдался — руководство России получило в руки достаточно эффективную военную силу постоянной готовности, способную к масштабным действиям на постсоветском пространстве без проведения мобилизационных мероприятий и без особого доукомплектования». Ахиллесовой пятой остаются вопросы, связанные с большим значением призывного контингента с кратким временем службы и недостаточным количеством контрактников[1]. По своей совокупной военной мощи Россия сегодня занимает второе место на планете, уступая только Соединенным Штатам.

Российские военно-промышленные компании стали единственными в мире, кто смог существенно (на 20%) увеличить свои продажи — внутри страны и вовне. Россия занимает второе место и на мировом рынке вооружений. По данным СИПРИ на нашу страну приходится 27% мирового военного экспорта (США — 29%, Германии — 9%, Франции — 8%). Российскую технику и системы вооружения закупают 55 государств, а военно-техническое сотрудничество осуществляется более чем с 80 государствами мира[2].

В начале 2012 г. создано киберкомандование ВС. Координация усилий по обеспечению кибербезопасности возложена на спецслужбы — в первую очередь ФСБ. 15 января 2013 г. Путин подписал указ о создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы страны. Масштабы проблемы велики: только на сайты президента, Госдумы и Совета Федерации ежедневно осуществляется до 10 тысяч атак[3].

Российский социум

В 1913 г. на долю Российской Империи приходилось около 9% процентов мирового населения. В 1950 г. доля собственно России составляла (и это после войны) порядка 4%, доля СССР — около 8%. А сегодня доля России в населении земного шара — всего 2,4%, и она продолжает сокращаться. По прогнозам к середине XXI в. эта доля не будет превышать 1%. Если в 1913 г. Российская Империя по численности населения уступала только Китаю и Индии, а в 1950 г. Россия в

---

[1] *Михаил Барабанов.* Испытание «нового облика»: Украинский кризис и военная реформа в России // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2014. С. 16.

[2] *Алексей Никольский.* Истребители нарасхват // Ведомости. 22 января 2013; *Алексей Никольский.* Китаю нужны крылья // Ведомости. 14 февраля 2013; Вооружать стало лучше. Российский ВПК показал рекордный рост продаж // КоммерсантЪ. 15 декабря 2014.

[3] *Иван Егоров.* Николай Патрушев: ФСБ раскинет сеть // Российская газета. 20 февраля 2013.

нынешних границах занимала четвертое место после Китая, Индии и США, то сегодня Россия с 146 млн человек — лишь девятая по численности населения страна мира: нас обогнали Индонезия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш, Нигерия. Ожидается, что к 2050 г. Россия сместится на 18-е место, пропустив вперед Египет, целый ряд африканских стран, Мексику, Филиппины, Вьетнам, Иран и т.д.

Нет ни одного прогноза, который обещал бы нам прирост населения. Некоторые исследователи не видят здесь большой проблемы. В конце концов, в Канаде тоже очень небольшое население, но оно прекрасно живет. Подобный оптимизм трудно разделить. Налицо явное несоответствие между численностью населения страны и размерами территории, протяженностью границ, масштабами пространств, которые нуждаются в освоении. Ни по внутренним экономическим, ни по внешним геополитическим соображениям убыль населения не отвечает интересам России: мы просто не сможем удержать свою территорию.

Можно ли переломить нынешние демографические тенденции?

В России падение рождаемости в 1990-е гг. носило в немалой степени экономический характер. Минимальный показатель — 1,215 млн родившихся — был зафиксирован в 1999 г., после дефолта. С того времени — постоянный рост. В 2013 г. родились 1,901 млн детей. В 1999 г. суммарная рождаемость на одну женщину составила 1,16, в 2011 — 1,58. При этом наиболее вероятный возраст материнства увеличился — с 21 года до 25–26 лет[1].

Свою стимулирующую роль играет материнский капитал. В 71 субъекте федерации дополнительно предусмотрели региональный материнский капитал[2]. Для повышения рождаемости важна пропаганда семейных ценностей и большой семьи, кампания против абортов. Россия располагает самым либеральным в мире законодательством об абортах. Но — внимание — с 1988 г. идет непрерывное снижение числа абортов, к 2011 г. — в 4 раза[3]. Но даже при этом условии роста рождаемости проблема остается: будущие молодые родители крайне малочисленны. Матерей — от 20 до 35 лет — в начале 2020-х гг. будут на треть меньше, чем тех, кто мог производить на свет детей в начале XXI в.

Смертность в 1990-е гг. заметно выросла, особенно среди мужчин. Причиной № 1 в РФ являлась водка и ее суррогаты. На российских дорогах погибает заметно больше людей, чем в других странах, — 28 ты-

---

[1] Население России 2010–2011: Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2013. С. 278, 294.

[2] *Дмитрий Медведев.* Отчет о результатах деятельности Правительства Российской Федерации за 2012 год. М., 2013. С. 12.

[3] Население России 2010–2011. С. 338.

сяч в 2011 г. И еще больше кончает жизнь самоубийством. По количеству самоубийств на душу населения Россия занимает 12-е место в мире — 21,4 человека на 100 тысяч населения (наивысшие показатели у Литвы — 31,5 и Республики Корея — 31,2)[1]. Кроме того, по данным Федеральной службы наркоконтроля наркотические и психотропные вещества в немедицинских целях употребляют 8,5 млн человек, при том что на учете в лечебно-профилактических учреждениях состояло лишь 320 тысяч человек[2].

Количество больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, выросло с 92 млн в 1992 г. до 113 млн в 2012, или с 614 до 796 человек на каждую тысячу жителей. Вместе с тем за то же время при увеличении количества врачей с 637 до 733 тысяч число больничных учреждений сократилось более чем вдвое — с 12,8 тысяч до 6,2 тысяч, а амбулаторно-поликлинических — с 21,5 тысяч до 16,5 тысяч[3].

Однако с 2003 г. наблюдается самый длительный после 1965 г. период устойчивого снижения смертности: с 16,4 умерших на тысячу человек до 13,3 в 2012-м. В 2000 г. естественная убыль населения составляла 958 тысяч человек, в 2012-м мы впервые не теряли населения, в 2013 впервые зафиксирован естественный прирост. А с учетом миграции прирост населения составил 320 тысяч человек. Средняя продолжительность жизни увеличилась с начала века с 65,3 до 71, причем у женщин — до 76 лет — наивысший показатель за всю историю страны, а у мужчин — до 65 лет, выше было в 1964 и 1987 гг. Демографы связывают рост продолжительности жизни, в первую очередь, с сокращением потребления крепкого алкоголя[4]. Добавил бы прекращение войны на Северном Кавказе. Не забудем, в 2014 г. население России приросло Крымом — больше двух миллионов человек — и сотнями тысяч беженцев из Новороссии.

Сыграл свою роль ввод в эксплуатацию большого количества региональных и федерального перинатальных центров. За последние 20 лет младенческая смертность снизилась в три раза — с 22,5 до 7,9 на тысячу родившихся живыми (но это все еще в 2–3 раза выше, чем в наиболее развитых странах), а материнская смертность сократилась на 71% за последние 10 лет[5].

Надеяться увеличить население только за счет снижения смертности и мер по повышению рождаемости нельзя. Не обойтись без мигрантов. Барак Обама, вводя очередной пакет санкций, заявил, что в

---

[1] *Ирина Краснопольская.* Линия смерти // Российская газета. 15 марта 2013.

[2] *Анна Полюхович.* В группе риска // Известия. 16 сентября 2013.

[3] Российский статистический ежегодник 2013. М., 2013. С. 237, 229.

[4] Население России 2010–2011. С. 390–391, 420; *Анастасия Мануйлова.* В РФ стало больше жителей и меньше работников // Коммерсантъ. 31 марта 2014.

[5] Население России 2010–2011. С. 404–405, 408; Младенцев умирает меньше // Аргументы и факты. № 17. 2014. С. 14.

Россию никто не хочет ехать. Весьма характерный пример уровня американского внешнеполитического анализа. Могли бы заглянуть в любой справочник и выяснить, что Россия на втором месте в мире по количеству иммигрантов (после США и впереди Германии).

Оценки количества гастарбайтеров в России крайне разноречивы: 8–12 млн человек. Рабочие мигранты из православных стран к западу от России воспринимаются коренными жителями как «свои»: они знают русский, не выделяются внешне, не создают национальных анклавов. Претензии возникают к выходцам из Центральной Азии, Южного Кавказа и даже Северного Кавказа, входящего в состав РФ, от которых русские ожидают — и не всегда дожидаются — соблюдения общепринятых в России норм поведения. Но реальная проблема состоит не в том, как ограничить миграцию, а как сделать ее максимально легальной и полезной для страны.

Владимир Путин в одной из своих предвыборных статей 2012 г. довольно точно определил специфику России как государства многих наций. «Историческая Россия — не этническое государство и не американский “плавильный котел”, где все так или иначе — мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»[1]. Когда великого американского балетмейстера Джорджа Баланчина спрашивали о его национальности, он отвечал: «По крови я грузин, по культуре русский, а по национальности петербуржец». Это очень характерное для россиян самоопределение, в котором переплетены этничность, культура и место проживания.

Многие граждане СССР, оказавшиеся за рубежом, называли себя русскими, независимо от этнической принадлежности. Этнические русские нигде в эмиграции не составляли устойчивых национальных диаспор, хотя и численно, и качественно были представлены весьма значительно. Потому что в российской национальной идентичности другая, не этническая матрица. Однако Россия все еще живет в плену представления о нации как общности, связанной с этничностью больше, чем с государственностью (что унаследовано через ленинизм у австро-марксизма).

На уровне высших органов государственной власти в настоящее время транслируется консолидирующее понятие политической нации в значении согражданства, т.е. сообщества граждан российского госу-

[1] *Владимир Путин.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012.

дарства — через понятия «российская нация», «единый народ России», «многонародная российская нация»[1]. По различным исследованиям от 80 до 95% россиян идентифицируют себя как «граждане России». При этом наиболее сильным консолидирующим фактором выступает государство, за ним следуют гордость за свою историю и культуру[2]. Разрушителем концепции российской гражданской нации выступает и русский этнонационализм, лозунг «Россия — для русских».

Распад СССР привел к заметному подъему религиозных чувств. Если в Западной Европе количество верующих и прихожан неуклонно падает, то в России — растет. Религия берет реванш. Причем это касалось всех традиционных религий и множества нетрадиционных. Вероисповедание стало публичным, а религия «вошла в моду».

Если в конце 1980-х гг. две трети россиян считали себя неверующими, а 30% называли себя православными, то на начало 2013 расклад был такой: 79% жителей России причисляют себя к последователям православия, 4% — ислама, 9% верят в некую высшую силу и 7% придерживаются атеистических взглядов. С конца XX в. доля россиян, никогда не посещавших церковь, мечеть или синагогу, упала с 42% до 26%. Вместе с тем современная религиозность россиян достаточно поверхностна. Глубоко верующими, соблюдающими все церковные нормы являются лишь 4% населения[3]. По сведениям Министерства юстиции РФ на 2010 г. зарегистрировано 23 494 религиозных организации. Большая часть из них — 12 941 — принадлежат к Русской православной церкви Московского патриархата; 4127 являются мусульманскими организациями, 291 — иудейскими, 208 — буддийскими, 4438 — протестантскими и 1489 относятся к остальным вероисповеданиям[4].

При Патриархе Кирилле РПЦ обретает новую энергичную, даже наступательную стратегию, активно внедряется в общественно-политическую жизнь[5]. При этом церковь в последнее время подвергается серьезной атаке со стороны либеральной и ультракоммунистической оппозиции, которая обвиняет РПЦ в чрезмерном сотрудничестве с властью и обскурантизме.

Россия — одна из крупных исламских стран. В августе 2003 г. президент Путин принял участие в саммите Организации Исламской конференции в Куала-Лумпуре, где назвал Россию не только оплотом

---

[1] Русский народ пробуется на объединяющую роль // Коммерсантъ. 18 октября 2012.

[2] *Лиакадия Дробижева.* Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. № 1. 2013. С. 74–84.

[3] Российская газета. 19 июня 2012; *Б. Дубин.* «Отношение к вере аналогично отношению к государству» / Интервью вела О. Редичкина // РБК. Август 2012. С. 22.

[4] *В.Ю. Зорин.* Государственная национальная политика в России на современном этапе // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 257.

[5] *Алексей Малашенко.* Заключение // Православная церковь при новом Патриархе. М., 2012. С. 402–403.

православия, но и страной, в которой ислам является исторической религией. После развала СССР в России, по существу, состоялось исламское возрождение. Открыты тысячи мечетей, создается система религиозного обучения, налажены очень устойчивые контакты с зарубежными мусульманами. Но все же единой мусульманской общины-уммы в России до сих пор так и не сложилось. Фактически в стране существуют два крупных мусульманских ареала. Один — кавказский, второй — поволжский. Особой разницы в ориентациях двух основных групп российских мусульман нет, хотя, конечно, татаро-башкирам ментально ближе Турция, а северокавказцам — арабские страны[1]. Большинство мусульманских общин России — достаточно умеренные, модернистские или традиционалистские.

Серьезной угрозой безопасности Российской Федерации остается деятельность террористических группировок и бандформирований на Северном Кавказе. Действующие на территории Российской Федерации террористические группировки теснейшим образом связаны со структурами международного терроризма.

В 1994 г. эмиссары «Аль-Каиды» были впервые зафиксированы на территории Российской Федерации. Уже пять лет спустя это проникновение приобрело зримые формы: поход на Дагестан в 1999 г. начинался вовсе не под флагами Чечни, а под черными знаменами «Аль-Каиды» и имел достаточно конкретную цель — выйти к Каспию и создать «халифат от моря до моря» как плацдарм для «Аль-Каиды». На занавесе захваченного террористами театрального зала на Дубровке был тоже вывешен не флаг Чечни, а знамя «Аль-Каиды».

Стратегия нормализации, с одной стороны, в безусловном уничтожении бандформирований, пресечении их внешнего финансирования и радикальной исламистской пропаганды, с другой, в передаче большего объема полномочий и ответственности в руки местных органов власти, программе экономического роста и создания новых рабочих мест. Важной считается поддержка священнослужителей, имамов, муфтиев, которые проповедуют традиционный ислам, отвергающий экстремизм.

Преступность в России достаточно высока, но и здесь налицо определенный прогресс. В 2000 г. было зафиксировано 2,9 млн преступлений, из них 31,8 тысяч убийств. В 2011-м соответствующие цифры составили 2,4 млн преступлений, 14,3 тысячи убийств. Численность осужденных по приговору судов сократилось с 1184 тысяч человек в 2000 г. до 782 тысяч в 2011-м, в том числе осужденных за убийства — с 19,4 до 10,8 тысяч. В 29% случаев наказание осужденных было связано с лишением свободы[2].

---

[1] *Ринат Мухаметов.* Российские мусульмане и внешняя политика // Россия в глобальной политике. Май–июнь, 2012. С. 117.

[2] Россия в цифрах: 2012: Краткий статистический сборник. М., 2012. С. 173, 175.

Уровень жизни россиян в XXI в. последовательно рос. С 2000 по 2013 г. средняя зарплата и трудовая пенсия в номинальном выражении выросли в 12–13 раз, а в реальном — в 4,7 раз. Среднемесячная начисленная заработная плата в 2014 г. составила 31,3 тыс. руб. Общие потребительские расходы увеличились почти в 10 раз по номиналу. В 2000 г. среднедушевой доход в России уступал американскому в 20 раз, сейчас — втрое[1].

Относительно высокий уровень зарплат имеет и негативный аспект: российская экономика с точки зрения производственных издержек становилась менее конкурентоспособной, практически сравнявшись в этом отношении с американской. Десять лет назад средняя стоимость трудочаса в России составляла 6,76 долл., а в США — 17,54 долл. К 2014 г. этот показатель утроился и составил 21,9 долл., а в Соединенных Штатах — 22,32 долл.[2] При этом безработица уже несколько лет находится на уровне 5,5%.

В России один из самых низких в мире возрастов для выхода на пенсию — 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Российская пенсионная система, как это ни странно, считается достаточно устойчивой по мировым меркам. Впервые включенная в «Индекс устойчивости пенсионных систем», которую подготовила Allianz Global Investors AG по 44 странам, Россия заняла 18-е место, сразу после США[3]. По новой пенсионной формуле на размер пенсии влияют три фактора — заработная плата, длительность страхового стажа и возраст обращения за назначением пенсии. Выходить на пенсию позже станет более выгодно. Имеется в виду создать стимул продолжать трудиться после достижения пенсионного возраста.

По сравнению с 1990-ми гг. нищета сократилась более чем в 2,5 раза. Хотя, если следовать стандартам Всемирного банка, который считает нищими людей, живущих меньше чем на два доллара в день, таковых в России вообще нет. Бедных (домохозяйства, потребляющие менее 5 долл. на человека в день) в 2010 г. насчитывалось 10%, уязвимых (до 10 долл.) — 30%[4]. Главную причину бедности социологи видят в том, что минимальная зарплата по стране ниже прожиточного минимума[5].

Больше 80% российских семей сегодня имеют более высокий уровень потребления, чем средняя советская семья. Россия является

---

[1] *Martin Gilman.* Russia Overtakes Portugal — and Spain Is Next // The Moscow Times. October 10, 2012.

[2] В России не дешевле: Издержки отечественных производителей почти сравнялись с американскими // РБК-daily. 19 августа 2014.

[3] *Дина Ушакова, Александр Мазунин.* Пенсии вышли индексом // Коммерсантъ. 11 ноября 2011.

[4] *Алексей Шаповалов.* Средний класс требует новой работы // Коммерсантъ. 27 марта 2014.

[5] Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М., 2014. С. 281, 282, 271, 279.

одним из крупных рынков продуктов питания. В расчете на душу населения по их потреблению (2229 долл.) она уступала только развитым западным странам (на первом месте была Франция — 4740 долл., в США — 2931 долл.), опережая всех свои партнеров по БРИКС (Бразилия — 1743 долл., Китай — 722, Индия — 324). По качеству питания Россия занимает 44-е место в мире (первые три места — Нидерланды, Швейцария и Франция), при этом могла быть и заметно выше, если бы люди выбирали более полезные продукты, а не консервы и гамбургеры. В 1995 г. люди тратили 49% своих доходов на продовольствие, в 2010 г. — 29,8%. При этом расходы на жилье и коммунальные услуги выросли с 4,2% до 9,2%[1].

Общая площадь вводимого жилья в последние десятилетия увеличивалась — с 41,5 млн кв. м в 1992 г. до 70,5 млн в 2013-м — рекорд в современной России. Обеспеченность россиян жильем выросла на 40% — с 16,8 до 23,8 кв. м на человека[2]. Это является 32-м показателем в мире — между Словакией и Сербией (лидер Австралия — 89 м^2)[3]. Доля коммунальных квартир уменьшилась почти в 4 раза, и сейчас в них проживает менее 1% населения. По количеству квартир на тысячу жителей — 425 — Россия отстает от среднего уровня по Евросоюзу (473 квартиры), но опережает Польшу или Бельгию. Доля домохозяйств, использующих воду из водопровода, составляла в 2002 г. 70%, в 2010 г. — 89%. Но в деревне обеспеченность водопроводной водой лишь 54%, остальные пользуются колодцами. Туалетом со смывом, душем или ванной в доме располагают лишь чуть больше 70% соотечественников[4]. Количество земли, находящейся в частной собственности физических лиц, выросло с 4,2 млн га в 1990 г. до 32 млн га.

У 57% домохозяйств есть автомобиль, тогда как в 2000 г. был только у 27%. Россия стала 2-м в Европе автомобильным рынком. По общему количеству автомобилей — 45,4 млн в 2013 г. — Россия занимает 5-е место в мире, уступая США (251 млн), Китаю (109 млн), Японии (76 млн) и Германии (46,5 млн). По автомобилизации на душу населения — 52-е место: 317 авто на 1000 жителей[5]. Мобильных телефонов на душу населения в России в 1,5 раза больше, чем в США, Японии или Франции.

---

[1] Компания. 14 мая 2012. С. 10; *Татьяна Замахина.* Россия прыгнула в серьезное неравенство // Московский комсомолец. 22 февраля 2012. *Екатерина Дранкина, Роман Овчинников.* Пьянка без рекламных пауз // Коммерсантъ Деньги. 6–19 августа 2012. С. 20; *Василий Миронов.* И здесь неплохо кормят // Российская газета. 17 января 2014.

[2] Россия в цифрах: 2014. С. 114, 305.

[3] Коммерсантъ Деньги. 1–7 декабря 2014. С. 64–65.

[4] Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. М., 2012. С. 163–165; Медведев — деревне // Ведомости. 13 ноября 2012; *Мария Дранишникова.* Россия быстрее строится, но медленно обустраивается.

[5] Коммерсантъ Деньги. 1–7 декабря 2012. С. 7.

За последние 10 лет сформировался значительный средний класс, хотя его размеры установить не просто. В 1998-м г. он составлял от 5 до 10% населения — меньше, чем в позднем СССР. Сейчас — не менее 30% населения, если считать по уровню доходов. А вот по оценкам Всемирного банка российский средний класс (домохозяйства со среднедушевым потреблением выше 10 долл. по ППС в ценах 2005 г.) с 2001 г. увеличился с 27 до 60% благодаря росту трудовых доходов и пенсий[1]. Россия заняла седьмое место в рейтинге самых путешествующих по миру и оставляющих деньги за границей стран, опередив Японию и Италию[2].

При этом Россию отличает рост социального неравенства. Соотношение среднего уровня доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан в 1992 г. составляло 8 раз, сейчас — 16,2, что фактически повторяет структуру распределения доходов в США. За последние 20 лет доходы 20% самых обеспеченных россиян выросли вдвое, а 20% наименее обеспеченных — сократились в 1,5 раза[3]. Исключительно сильно неравенство в уровне жизни различных регионов. Самый развитый из них — Тюменская область — богаче самого бедного — Республики Ингушетия — в 25 раз, если считать по доходу на душу населения[4].

Отражением сильного социального неравенства является рейтинг миллиардеров журнала Forbes, где Россия занимает второе место в мире с 96 участниками, отставая от США (425) и опережая Китай (95). Редактор Thomson Reuters Кристина Фриланд в книге «Плутократы» утверждает, что в последние годы наибольшие возможности сорвать очень крупный куш существовали именно в России, где «двадцать лет капитализма создали около сотни миллиардеров, 8 процентов от их общего числа в мире. Личного богатства этой группы русских достаточно, чтобы приобрести примерно 20% экономического производства их страны». Россия на первом месте в мире по соотношению количества миллиардеров к размеру ВВП[5].

Образование и наука в 1990-е гг. получили удары недофинансирования, оттока квалифицированных кадров, отхода от советских стандартов образования, деградации наукоемких отраслей промышленности, стремительной переориентации образования с естественнонаучных на гуманитарные специальности. Резко сократилось количество людей, занятых исследованиями и разработками — с 1,7 млн в 1991 г. до 807 ты-

---

[1] *Алексей Шаповалов.* Средний класс требует новой работы.

[2] Зарубежные поступления // Компания. 25 февраля 2013. С. 12.

[3] *Ольга Кувшинова.* Две России // Ведомости. 11 апреля 2011.

[4] Хорошие и разные // Ведомости. 19 декабря 2012.

[5] *Christina Freeland.* Plutocrats. The Rise of the New Global Super-Rich and the Fall of Everyone Else. N.Y., 2012. P. 149.

сяч в 2006-м. На работу в научные организации поступало не более 1% выпускников вузов[1].

Понеся ощутимые потери, отечественная наука тем не менее смогла выжить. Началась реализация программ грантовой поддержки разработчиков новейших технологий на конкурсной основе. Институты развития занялись поиском и отбором перспективных проектов, предоставляя финансовое содействие инновационным предприятиям. Создается центр инновационных исследований в Сколково. С начала столетия финансирование науки из федерального бюджета увеличилось в номинальном выражении в 20 раз — с 17 млрд рублей в 2000 г. до 355 млрд в 2012-м. Планируется довести этот показатель к 2015 г. до 1,8% от ВВП, что, однако, ниже, чем в большинстве развитых стран (США — 2,5%)[2].

Какова ситуация с системой образования? С моего поста председателя профильного комитета Государственной Думы она видится следующим образом. Дошкольное воспитание стало уровнем образования. Здесь у России весьма неплохие позиции: дошкольное образование, поставленное на систематическую основу, редко где можно встретить в мире. Решается задача обеспечения всех детей в возрасте от 3 до 7 лет местами в детских садах до 2016 г. Очередь быстро сокращается, но она по-прежнему большая из-за роста рождаемости. По окончании программы строительства детских садов будет развернута программа строительства новых школ.

Начальное образование — первые классы школы — просто блестящее. По всем межстрановым сопоставлениям, по рейтингам PIRLS мы входим в первую тройку-четверку, оказываясь в компании таких продвинутых в образовательной области стран, как Гонконг, Сингапур, Финляндия. Но те же рейтинги, оценивающие нашу среднюю, или основную, школу, дают менее обнадеживающие показатели. Но все равно Россия оказывается в первой десятке, обгоняя многие западные страны, уступая «восточноазиатским драконам». Снижение качества наблюдается в старших школьных классах. Во многом из-за того, что ребята просто перестают учиться по целому ряду предметов, по которым не планируют сдавать ЕГЭ.

Образование на уровне бакалавриата, специалитета в хороших российских вузах сопоставимо с западным. Другое дело, что оно в значительной степени формализовано, в меньшей степени позволяет

---

[1] *А.В. Тодосийчук.* О диспропорциях в российской системе подготовки научных кадров и путях их преодоления // Науковедческие исследования 2010: Сборник научных трудов. М., 2010. С. 26–28.

[2] Российский статистический ежегодник 2013. М., 2013. С. 503; В мире науки. Июль 2012. С. 5.

обеспечивать вариативность программ, выстраивать индивидуальные образовательные траектории. На Западе трудно найти двух человек, которые, учась на одном факультете, прошли бы одинаковый набор предметов. А у нас, напротив, трудно найти тех, кто в рамках одного факультета сумел бы пойти разными путями. В России все еще довольно жесткая вузовская система специализации и профессионализации, хотя постепенно становится более пластичной, гибкой и вариативной.

Но дальше начинаются проблемы. Магистратура в большинстве вузов в полной мере пока не выстроена. Что же касается аспирантуры — то в ней пока не учатся, а пишут диссертацию и сдают кандидатские минимумы. Новым законом об образовании поствузовское обучение признано третьим уровнем высшего образования. Но в реальности его еще только предстоит создать.

Количество вузов и студентов в современной России многократно выросло. В 1991 г. насчитывалось 514 вузов с 2,8 млн студентов, в 2008–2009 учебном году — 1134 с 7,5 млн, в 2012–2013 — 1046 вузов с 6 млн учащихся. Все это приводило к тому, что общее качество высшего образования снизилось. К сожалению, многие вузы, прежде всего частные, занимались исключительно сбором денег и выпиской дипломов. В 2013–2014 гг. в стране осталось 969 вузов и 5,65 млн студентов[1]. Вместе с тем, из-за демографического провала 1990-х гг. только за десятые годы количество выпускников школ сократится вдвое и 70–80% из них будут обеспечены бюджетными местами в вузах.

Среди граждан в возрасте от 25 до 64 лет высшее образование уже имеют 60% людей: по этому показателю Россия обошла Канаду (54%), Израиль (47%), Японию (44%) и США (43%). Эксперты ОЭСР признали Россию самой образованной страной из всех государств самой ОЭСР и «большой двадцатки». Высшее образование из социального лифта превратилось в норму, к которой стремится большинство[2].

Выпускники российсских вузов успешно продолжают учиться и работать по всему миру; не найдете ни одного приличного западного университета, где бы ни работали российские профессора. Знаменитая Силиконовая долина во многом двигается вперед усилия наших соотечественников. Россия потеряла целое поколение преподавателей и ученых, которые разбежались по более прибыльным профессиям, нежели наука, или по тем местам, где за науку платят. Довести уровень оплаты труда вузовских ученых до среднего по региону, а затем до 200% от среднего, что предложил Путин, — давно перезревшая задача.

---

[1] Россия в цифрах: 2014. С. 157.

[2] Высокие запросы // Ведомости. 25 апреля 2014.

Взгляд на мир из Москвы

В Москве исходят из того, что в мире происходят серьезные трансформации. «Уже нет сомнений в том, что с окончанием холодной войны завершился наиболее длительный этап мирового развития — 400–500 лет, в течение которых в мире доминировала европейская цивилизация, — писал в 2008 г. глава российского МИДа Сергей Лавров. — На острие этого доминирования последовательно выдвигался исторический Запад. Есть два принципиальных подхода к оценке того, в чем состоит содержание нового этапа в развитии человечества. Первый — мир через принятие западных ценностей постепенно должен становиться Большим Западом. Это своего рода вариант "конца истории". Другой подход — и его разделяем мы — заключается в том, что конкуренция приобретает подлинно глобальный характер и цивилизационное измерение. То есть предметом конкуренции становятся в том числе ценностные ориентиры и модели развития»[1].

В Кремле полагают, что Россия — одна из тех немногих стран в мире, которые способны и будут вести собственную внешнеполитическую игру, выступать самостоятельным центром силы, сохраняющим суверенитет во внутренних и международных делах. Потенциал для этого есть: постоянное членство в Совете Безопасности ООН; Россия — единственная евро-тихоокеанская держава, энергетическая, ядерная, космическая, ресурсная сверхдержава, внесшая немалый вклад в развитие мировой цивилизации на протяжении последнего тысячелетия. Россия сохранила немалые внутренние институциональные ресурсы, основанные на высоком профессионализме Министерства иностранных дел, внешней разведки, экспертно-аналитического сообщества, способного мыслить глобальными категориями.

Путин в предвыборной статье 2012 г. утверждал, что «мы будем последовательно исходить из собственных интересов и целей, а не продиктованных кем-то решений. Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах. Россия практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Так будет и впредь. Более того, я убежден, что безопасность в мире можно обеспечить только вместе с Россией, а не пытаясь "задвинуть" ее, ослабить ее геополитические позиции, нанести ущерб обороноспособности»[2].

Все большее место в российской внешней политике занимает коллективная дипломатия. РФ выступает за реформу Организации объе-

---

[1] *Сергей Лавров.* Между прошлым и будущим: Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 67–68.

[2] *Владимир Путин.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012.

диненных наций, позволяющая продвинуться к созданию механизма глобального управления на базе ООН. Москва признает право каждого государства на суверенное, свободное от внешнего вмешательства развитие, выступает за укрепление правовых основ международных отношений, выступает за соблюдение норм международного права (rule of international law), нравится ли оно кому-то или нет.

Полицентричность современного мира предполагает многовекторную внешнюю политику — позитивную повестку дня в отношениях со всеми центрами силы и регионами. В системе региональных приоритетов впереди страны СНГ и Европейского Союза, далее следует Азиатско-Тихоокеанский регион, потом США, НАТО и другие евроатлантические структуры, страны Латинской Америки и Африки.

В принципе, интересам России отвечало создание на территории СНГ интеграционного объединения, в идеале имеющего своей моделью Европейский Союз. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Скоропостижность развала СССР сделала собирание его кусков делом исключительно сложным. На Западе расценили любые интеграционные процессы в Содружестве и российскую активность на этом направлении как проявление «неоимпериализма». СНГ стал ареной столкновения интересов России и Запада. Вашингтон вовлек в индивидуальные планы партнерства с НАТО (IPAP), что обычно предшествует членству, Грузию, Казахстан, Азербайджан, Молдавию, Армению и Украину.

У России с западными странами диаметрально противоположное определение успеха политики в отношении стран СНГ. Для России успех — это усиление интеграционных связей, сближение с соседями, укрепление сотрудничества. Для Запада, наоборот, — дистанцирование новых независимых государств от России, переориентация на внешние для СНГ центры силы с целью предотвратить «возрождение российской империи».

Содружество хоронят все годы его существования. Тем не менее, как подчеркивал Владимир Путин, «именно опыт СНГ позволил нам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство»[1]. Конечная цель в СНГ — формирование единого экономического пространства совместного развития на территории Евразии. В 2010 г. вступил в силу Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии, главными элементами которого стали общие пошлины по отношению к третьим странам и общий таможенный кодекс.

[1] *Владимир Путин.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 4 октября 2011.

27 ноября 2009 г. в Минске лидеры тройки приняли решение о переходе к более высокой форме интеграции — Единому экономическому пространству (ЕЭП), на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм. С начала 2015 г. начинают функционирование Евразийский таможенный союз, куда входят, помимо тройки, Армения и Киргизия.

С точки зрения России, Запад — важный и неизбежный партнер. Его отношение к России мало изменилось за последние пять веков. Но Запад не един. Евросоюз состоит из «старой Европы», более настроенной на диалог с Россией, и «новой», в большей степени сохраняющей антироссийские фобии. «Старая Европа» делится на Южную, менее русофобскую, и Северную. «Новая Европа» также многолика: одно дело — Прибалтийские государства, другое — Кипр, Греция, Словакия, где Россия антипатии не вызывает.

Запад заполнял образовавшийся после исчезновения СССР и соцсистемы геополитический вакуум, воспринимая Россию как побежденную державу, которая способна протестовать, но не более. Поднимающаяся Россия Путина, которая воспринимается как авторитарная страна, занимающая самостоятельную линию по всем вопросам мировой политики, часто не совпадающую с западной, представляется растущим вызовом.

Даже в тех книгах и статьях, в которых уже с западной стороны предлагались идеи подключения России к общему евро-атлантическому пространству безопасности, мысль заключалась в том, что на интеграцию с Западом может рассчитывать другая, не сегодняшняя Россия — без Владимира Путина, полностью открытая для зарубежного капитала, занимающая солидарные с Западом позиции по ключевым международным вопросам.

Главный недостаток ситуации, при которой НАТО стала европейской системой безопасности, с российской точки зрения, очевиден: мы в него не входим. В принципе, симпатия к военному блоку, к которому не принадлежишь, — извращение. Особенно если этот блок — самый сильный в мире и приближается к границам России, несмотря на годы отчаянных возражений. В оперативном военном планировании НАТО Россия продолжает оставаться противником, и она остается в коротком списке целей для ядерной или кибернетической атаки. Как утверждают на основе анализа ядерных доктрин ведущих ядерных стран и НАТО авторитетные российские аналитики, «несмотря на произошедшие геополитические и иные изменения, Россия продолжает рассматриваться альянсом в качестве основного “объекта” ядерного сдерживания»[1].

[1] *Алексей Арбатов, Владимир Дворкин, Сергей Ознобищев.* Современные ядерные доктрины государств. М., 2010. С. 40.

Основополагающий акт Россия–НАТО не делал Россию частью евро-атлантической системы, поскольку ее роль ограничена лишь необязывающими консультациями. Август 2008 г. и украинский кризис — хорошая иллюстрация: механизм, созданный для разрешения кризисов, именно в период кризиса замораживался западной стороной.

Членство России в НАТО — из области фантастики, не более вероятно оно и в Европейском Союзе. Россия не интегрируема в НАТО и Европейский Союз. Россия для них слишком большая и слишком русская. И разве Москву кто-то туда приглашал?

Между тем Путин ставил высокую планку отношений с ЕС: «Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации»[1]. Указ о мерах по реализации внешнеполитического курса от 7 мая 2012 г. предлагал в отношениях с Европейским Союзом «выступать за достижение стратегической цели — создание единого экономического и человеческого пространства от Атлантического до Тихого океана»[2].

Сотрудничество России и ЕС не отличалось особым динамизмом, если не считать объема торговли. Главный документ, определяющий отношения с ЕС, — Соглашение о партнерстве и сотрудничестве — стандартное непреференциальное соглашение, самый низкий уровень сотрудничества ЕС с кем-либо. Соглашение истекло в 2008 г., переговоры о новом долгое время блокировались Польшей, недовольной российским запретом на ввоз индийского мяса через ее территорию по санитарным квотам ЕС. Переговоры начались, но обещают быть бесконечными. «Наши партнеры из Еврокомиссии почему-то решили попытаться получить от РФ сверх того, что стало предметами договоренностей в рамках ВТО. Они, по сути, хотят “ВТО плюс”, но этого не получится»[3].

Забыты концепция стратегического партнерства, предложенная Евросоюзом и поддержанная Россией в 1999 г., и концепция создания четырех общих пространств (экономического, внутренней безопасности, внешней безопасности и науки, образования и культуры), принятая на Санкт-Петербургском саммите Россия–ЕС в марте 2003 г. Проходившие дважды в год саммиты Россия–ЕС не вызывали большого интереса даже у СМИ и сейчас больше не собираются.

ЕС — главный торговый партнер России. Для Европейского Союза Российская Федерация является третьим торговым партнером — после Китая и Соединенных Штатов. За последние десять лет товарооборот утроился. Россия экспортирует сырье, продукцию химической про-

---

[1] *Владимир Путин.* Россия и меняющийся мир.

[2] Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

[3] Соглашение о бесконечной торговле // Коммерсантъ. 2 апреля 2012.

мышленности, металлы, импортирует продукцию машиностроительной и электронной промышленности, товары массового потребления и продовольствие.

В общем объеме российских инвестиций за рубежом на страны ЕС приходится около 60%, причем прежде всего на страны, близкие по своему статусу к «налоговым гаваням». В основном активы вложены в обрабатывающие отрасли и маркетинг, в том числе российских товаров. Такие предприятия теоретически могли быть источниками передовой технологии, но в реальности это редко происходило. Например, владея 6% акций Европейского оборонно-космического консорциума ЕАДС, российский ВТБ не получил никаких ноу-хау.

Энергетическое партнерство осложнено газовыми войнами. «Третий энергопакет» ЕС, принятый в 2011 г., предусматривал, что вся транспортировка газа и передача электроэнергии в ЕС функционально и юридически должны быть отделены от их производства и сбыта, а иностранные операторы допускаются в такие сети только в разрешительном порядке, что явно дискриминирует «Газпром». Против «Газпрома» в ЕС ведется специальное антимонопольное расследование. Заблокировано Брюсселем строительство газопровода «Южный поток» — в обход Украины.

В очевидном внешнеэкономическом крене в сторону Европы есть проблема: Россия оказывается больше привязанной к недружественному и вводящему против нас санкции ЕС, чем к наиболее динамично развивающемуся и вовсе не враждебному Азиатско-Тихоокеанскому региону. Это подкрепляет претензии Брюсселя на патернализм и не способствует развитию регионов Сибири и Дальнего Востока. Водораздел между Россией и Европой проходит и по другим линиям — культурным, связанным с отношением к религии, нравственности, семейным ценностям, однополым бракам.

На Западе вина за ухудшение отношений однозначно возлагалась на Россию. Из Москвы все это выглядело совершенно иначе. Бывший министр иностранных дел Игорь Иванов уверен, что «Россия не сделала ни одного шага, не приняла ни одного решения, не выступила ни с одной международной инициативой, которые наши западные партнеры могли бы расценить как недружественные или наносящие ущерб их законным интересам. И что же мы получили в ответ на стремление к стратегическому партнерству с Западом? Расширение НАТО продолжалось вопреки настойчивым российским возражениям несмотря на очевидную сомнительность стратегии географической экспансии блока с военной точки зрения. Соединенные Штаты в одностороннем порядке вышли из советско-американского Договора о ПРО, тем самым поставив под угрозу складывающуюся десятилетиями систему стратегического баланса между Москвой и Вашингтоном. Начало военной

операции США и их союзников в Ираке в очередной раз поставило под вопрос принцип верховенства международного права в мировой политике. Запад предпринял активные усилия по политическому проникновению на территорию стран СНГ и ослаблению там российских позиций»[1].

Соединенные Штаты рассматривались в Москве как единственная глобальная сверхдержава и как неизбежный партнер в борьбе с распространением оружия массового отражения, с международным терроризмом. Перезагрузка сохранила контроль над вооружением. Беспокойство России было связано с повышенной американской военно-политической активностью по всему периметру ее границ. И в Москве США воспринимаются как страна, по-прежнему заинтересованная в сдерживании, ослаблении и дестабилизации России.

Глобальная система противоракетной обороны США предполагала создание баз в Польше, Румынии, в Средиземном море, что прямо нарушало политическое обязательство, принятое членами НАТО, не размещать объекты военной инфраструктуры на территории новых членов альянса. «Не будем забывать, что европейская часть ПРО — это лишь один сегмент глобальной противоракетной обороны США, — замечал Лавров. — Не менее быстрыми (а может быть, даже более скорыми) темпами создается также противоракетная оборона в Северо-Восточной Азии вместе с партнерами Америки — Японией, Республикой Корея, — которая станет частью глобальной системы и расположена очень близко от наших границ»[2].

Новое обострение вызвало дело Эдварда Сноудена, неожиданно для всех оказавшегося в транзитной зоне аэропорта «Шереметьево». Путин занял предсказуемо твердую позицию: «Проблема в том, что у нас нет с Соединенными Штатами соглашения о взаимной выдаче преступников. Мы Соединенным Штатам многократно предлагали заключить такое соглашении и получили отказ… Наших преступников, которые не какие-то секреты выдали, а у которых руки по локоть в крови, которые людей убивали, которые торговали людьми, и наши коллеги американские знают об этом, нам не выдают»[3].

Путин не разделял уверенность вице-президента Джозефа Байдена, который, выступая в Московском государственном университете в 2011 г., доказывал, что переизбрание Путина будет бедой (harmful) для него лично и для России. И не было понимания того, почему, отменяя

---

[1] *Игорь Иванов.* Будущее — за «умной» внешней политикой // Внешняя политика: 2010–2020. Т. 1. М., 2012. С. 19.

[2] За и ПРОТИВ // Российская газета. 24 октября 2012.

[3] Эксклюзивное интервью В. Путина Первому каналу и агентству «Ассошиэйтед Пресс». 4 сентября 2013. URL: http://www./tv.ru/news/social/241135

поправку Джексона-Вэника, ее нужно заменить законом Магницкого. Ответом стал «список Гуантанамо». Были также запрещены усыновления в США. На фоне попыток вмешательства США в российские внутренние дела, растущей воинственности Вашингтона в отношении Сирии летом 2013 г. США вышли на первое место среди стран, которые, по мнению граждан России, настроены к ней наиболее враждебно: с 38% США опередили Грузию — 33%, Латвию — 21%, Литву — 17% и Эстонию — 16%[1].

Но главное испытание для отношений Россия — Запад было впереди — украинский кризис.

Геополитическое соперничество за Киевскую Русь насчитывает уже ни одно столетие, и в происходящем сейчас на Украине в Москве видят его продолжение.

Нынешний раунд начался во время Второй мировой войны, быстро переросшей в войну холодную. Вместе с гитлеровцами сражались бойцы дивизии СС «Галичина» и другие фашисты с Западной Украины, которая впервые стала частью СССР в 1939 г. Они отметились особой жестокостью в отношении евреев, поляков, русских, словаков, да и поддерживавших СССР украинцев. На их руках кровь сотен тысяч детей, женщин, стариков. Многие из бандеровцев, каждый из которых приносил клятву лично Гитлеру, оказались в Германии, а затем в Америке. Те подразделения гестапо и СС, которые занимались Украиной (как, впрочем, и Прибалтикой, и Северным Кавказом), вскоре превратились в аналогичные управления в ЦРУ, которое не брезговало работать с нацистами. Они и сейчас состоят по большей части из прямых потомков бандеровцев, которые руководят в эти дни украинскими правоохранительными органами.

На Западе могут называть происшедшее на Украине как угодно — вплоть до триумфа демократии, но практически для всей России и значительной части украинцев происшедшее на Украине — антиконституционный вооруженный переворот, организованный, в основном, Соединенными Штатами для реализации своих геополитических целей. Европа в данном случае, как часто бывало, выступила группой поддержки. Для России это вызов не геополитический — это вызов экзистенциальный, и Москва ведет себя соответственно.

Для множества людей в России и на Украине постреволюционная киевская власть не легитимна. При свержении президента Виктора Януковича и формировании новой власти были нарушены не только международные договоренности от 21 февраля 2014 г. (конституционная реформа, досрочные президентские выборы), но и все возможные нормы украинской Конституции.

---

[1] Российская Федерация сегодня. № 12. 2013. С. 37.

У граждан русского Востока и Юга Украины были и есть, как мы видим по трагическим событиям гражданской войны, основания опасаться за свои жизни и права. И дело не только в Правом секторе, УНА-УНСО, карательных батальонах, которые стали наводить свои порядки по всей стране. Не только в правительстве Майдана, где основным лозунгом, — а сейчас и лозунгом украинской армии, — стал не «Слава Европейскому Союзу!», а клич бандеровцев, дивизии СС Галичина.

26 февраля 2014 г. легитимный парламент Крыма выступил с инициативой референдума о выходе из Украины. 18 марта в состав Российской Федерации вошли два новых субъекта — Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В Россию вернулись территории, которые духовно и культурно всегда оставались с нашей страной, на основании открытого и честного волеизъявления народа Крыма по результатам референдума, который был проведен в соответствии с общепринятыми демократическими процедурами. Присоединение Крыма поддержало 96% проголосовавших крымчан и 92% россиян. Поддержка действий Путина достигла 83%, причем в Москве и Петербурге — 73%. Те, кто маршировал с плакатами «Аннексия Крыма — позор России», а затем выходил на «марш мира», лишили себя очень надолго, если не навсегда, политических перспектив.

Запротестовали Юг и Восток Украины, которые были присоединены к ней по воле Владимира Ленина, чьи памятники были дружно снесены по всей Украине. Россия и политики Юго-Востока предлагали конструктивный план выхода из кризиса. Провести конституционную реформу, предусмотрев федерализацию — возможность для граждан каждого региона выбирать собственную власть; статус русского языка как государственного, внеблоковый статус Украины.

Мнение Москвы проигнорировали. Активистов протеста на Юго-Востоке слушать не захотели. Тех, кого не арестовывали, избивали и убивали люди из Правого сектора и СБУ, их семьям угрожали, дома сжигали, их выгоняли из страны. 2 мая была Одесса. С Юго-Востоком американские кураторы нынешнего киевского режима предпочли поступить, как с Ираком и Афганистаном. Туда были брошены армия, спецназ, американские, польские и т.д. наемники, бойцы Правого сектора, ставшие Национальной гвардией. Число жертв пошло на многие тысячи, а беженцев — на многие сотни тысяч.

Тем не менее опасение выглядеть «бумажным тигром» в глазах мира и внутренней оппозиции подталкивает администрацию Барака Обамы к все новым антироссийским шагам и к соответствующему давлению на европейских союзников, которые зависят от Вашингтона. Москву обвинили на Западе во всех смертных грехах — от прямой военной агрессии против Украины до уничтожения малазийского «Боин-

га». Ввели три пакета санкций, наносящих ущерб банковскому сектору, которому ограничили доступ к западным кредитным ресурсам, а через это — и всей экономике. Сфере нефтедобычи и ВПК: для них доступ к западным технологиям был закрыт. Санкции могут быть и дальше. Они действительно могут быть неприятными. Только кому больше? Еще никто не пробовал санкционировать пятую экономику мира. Дальнейшие санкции ударят по всей мировой экономике. Взаимозависимости колоссальные. Европейский Союз не только на треть зависит от российской энергии. Россия потребляет — по ряду позиций, включая автомобили, — до трети европейского импорта. Любые экономические санкции, на которые последуют контрсанкции, похожи на стрельбу в собственную ногу. А персональные санкции бьют мимо цели. Отсутствовать в списке «невъездных» не модно. Заморозить зарубежные счета тем, у кого их не может быть по закону, — не эффективно. И сейчас понятно, насколько прозорливо было решение о национализации российской элиты с запретом госслужащим и депутатам иметь зарубежные счета.

Критической зависимости России от импорта не существует: весь его объем составляет 16,4% от ВВП (США — 13,7%, Китай — 21,3%, Южная Корея и Польша — 40%). К нам ввозится — по стоимости — 30% автомобилей, 20% мебели, 50% лекарств, 20% овощей и молочных продуктов, 25% мяса и изделий из него, 1% зерна. Импорт из западных стран сейчас падает и из-за падения курса рубля по отношению к доллару и евро (но не к валютам многих других стран)[1].

Россия ответила небольшими, но вполне болезненными контрсанкциями, запретив экспорт в Россию сельхозпродукции из тех стран, которые ввели санкции против нас. Помимо отечественных аграриев, ниши на рынке заполняют компании из СНГ, Китая, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Египта, Турции, Израиля и других стран, которым и в голову не придет наказывать Россию… за зверства киевского режима против собственного народа.

Уход западных фирм с российского рынка означает то, что их место занимают компании из других стран, включая и российские. Кредитные ресурсы оказались менее доступными на Западе, но вовсе не стали недоступными. Российское сальдо по внешним заимствованиям (разница между привлеченными и погашенными средствами) стремительно — в десятки раз — сокращаются в западных странах, а в некоторых даже вышли на отрицательные значения: Нидерланды, Великобритания. При сокращении общих объемов внешних заимствований на первое место в предоставлении средств вышел Китай, за ним следуют Люксембург (с сократившейся долей рынка) и Япония (с увеличившей-

[1] *Михаил Лосев.* Чужое добро // РБК. № 5. 2014. С. 20–28.

ся). Следует заметить, что переориентация российских предприятий началась задолго до санкций — еще в конце 2013 г. — после дела Сноудена, обострения сирийского и начала украинского кризисов[1].

Даже в количестве приезжающих к нам из-за рубежа Россия не потеряла: рост на 4% в первом полугодии 2014 г. Да, несколько сократился поток из США, Германии, Великобритании, Франции. Зато вырос из Италии, Японии, Китая, Турции, Южной Кореи, Израиля[2].

При этом Россия вовсе не настроена на эскалацию войны санкций. Мы продолжаем приветствовать зарубежные инвестиции. Не будет прекращен даже транзит западных военных грузов в Афганистан.

Да, возникли проблемы для промышленности, связанные с ограничениями кооперации с иностранными партнерами и закрытием рынков. Это создает дополнительные стимулы для сокращения зависимости от импорта и/или обеспечения потребности за счет собственного производства. В большинство отраслевых стратегий и государственных программ уже включены импортозаменяющие проекты.

Особенно это актуально для ВПК. Уже сейчас Россия не зависит от импорта в производстве многих видов военной продукции. Страна и дальше намерена усиливать свои позиции на мировом рынке вооружений не только за счет более тесных связей с такими традиционными партнерами, как Индия или Китай, но и налаживания новых кооперационных связей с Латинской Америкой, а также восстановления позиций на рынке Африки. Два-три года потребуются на замещение кооперационных связей с предприятиями Украины, которое вовсе не исключено. И уже возле многих оборонных предприятий страны активно строится жилье для инженеров и квалифицированных рабочих… из Украины.

Отключение некоторых российских банков от международных платежных систем — мощный стимул, чтобы наконец создать национальную платежную систему — 90% проводок, которые осуществляются базирующимися в США платежными системами, приходятся на внутрироссийские проводки. Внесены соответствующие изменения в закон о платежной системе.

Слабым местом российской экономики оказался рубль и его обменный курс, который в конце 2014 г. резко просел. Причины этого заключались в падении мировых цен на нефть, вызванном санациями дефицита ликвидности в долларах и евро, бегстве капитала из России, запоздалых действиях российских денежных властей, спекулятивной атаке на рубль и последовавшей панике населения. ЦБ в декабре 2014 г.

---

[1] *Анастасия Алексеевских.* Россия перестала кредитоваться на Западе еще до санкций // Известия. 19 августа 2014.

[2] *Светлана Башарова, Анна Ивушкина.* И в туризме европейцев заменят китайцы // Известия. 19 августа 2014.

поднял основную ставку до 17%, что сбило спекуляции, но поставило под большой вопрос будущий экономический рост.

И, конечно, обострение отношений с Западом ускоряет разворот России на Восток.

Россия, Восток и остальные

Российская Федерация все еще недостаточно осознает себя как государство Азии и Тихого океана. И в других государствах региона Россию тоже часто не рассматривают в качестве державы АТР, воспринимая ее как европейскую страну. Императивы XXI в. заставляют взглянуть на Российскую Федерацию не как на европейскую или евразийскую страну, а как страну евро-тихоокеанскую. Политика, направленная на усиление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предполагает решение триединой задачи:

- модернизационное развитие Дальнего Востока с использованием возможностей быстро растущих соседних государств, с последующим задействованием возросшего потенциала дальневосточного региона для максимизации нашего влияния в АТР;
- превращение России в составляющую часть экономики АТР;
- увеличение роли России как геополитического и геоэкономического игрока в АТР, как участника региональных интеграционных процессов и создаваемых механизмов коллективной безопасности.

К настоящему времени к категории товаров устойчивой специализации Российской Федерации на рынках стран АТР относятся сырье, в первую очередь топливно-энергетическое (нефть, нефтепродукты и уголь), а также металлы первичного передела, лесоматериалы и морские биоресурсы. В ближайшее время добавятся электроэнергия и природный газ. Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2030 г. предусматривала увеличение доли АТР в российском экспорте топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) с 8–10% до 26–27%. Выполнение Энергетической стратегии требует, в первую очередь, ускоренного создания инфраструктуры для экспорта энергоносителей. Перспективным направлением развития энергетического экспорта России в АТР являются поставки избыточной электрической энергии с каскадов ГЭС в Иркутской и Амурской областях.

Важная задача — продвижение российской высокотехнологичной продукции на рынки АТР, осуществление совместных проектов в сфере инноваций. Здесь следует отметить проекты в области атомной энергетики и ядерного топливного цикла. С 1998 г. в Китае «Атомстройэкспорт» реализует проект Тяньваньской АЭС. Началось строительство первой АЭС во Вьетнаме. Готовятся проекты участия компаний из Южной Кореи, Японии, Китая в разработке месторождений урана на

территории Российской Федерации и третьих стран. Подписываются соглашения о мирном использовании атомной энергии с Индонезией, Таиландом, Малайзией, Филиппинами. Идет сотрудничество в космической области, которое осуществляется в условиях усиления конкуренции с самими странами АТР. Новое значимое направление сотрудничества связано с продвижением в Азии системы связи и навигации ГЛОНАСС.

Крупные компании из АТР все шире участвуют в программе модернизации российской экономики, в том числе путем локализации высокотехнологичного сегмента их производственной деятельности на нашей территории, увеличения импорта в Россию технологий. В качестве «пилотных» определены такие отрасли, как фармацевтика, медицинская техника, электроника, станкостроение, транспортное машиностроение.

С использованием механизмов «промышленной сборки», льгот регионального уровня, а также особых экономических зон в России создан ряд автомобильных производств компаний Японии и Кореи («Тойота», «Ниссан», «Исудзу», «Мицубиси», «Комацу», «Хендэ», «КИА», «Ссаненг», «Дэу»). Следующим этапом является расширение местного производства комплектующих и запчастей. Реализуются проекты модернизации и строительства новых российских верфей с участием сингапурско-китайского консорциума, южнокорейской и японской компаний для налаживания производства судов-газовозов, танкеров ледового класса, плавучих заводов СПГ.

Интересам России отвечает становление в АТР многослойной, полицентричной, внеблоковой архитектуры безопасности и сотрудничества. Наиболее важными для Москвы являются Восточноазиатские саммиты, АТЭС, ВАС, ШОС, РИК и БРИКС, Региональный форум АСЕАН (АРФ), совещания министров обороны. Активизируется диалог с АСЕАН. Вехой в отношениях стал Второй российско-асеановский саммит осенью 2010 г. в Ханое. Главная цель России — обеспечение благоприятных условий по продвижению товаров, технологий и инвестиций, в том числе за счет привлечения к многосторонним проектам государств — участников Ассоциации. Результатом стало закрепление за Россией статуса стратегического партнера АСЕАН. Россия подключилась к Форуму «Азия–Европа» (АСЕМ), впервые приняв участие в его 8-м саммите в Брюсселе в 2010 г.

Для России подъем Азии — это и вызов, и возможность. Вызов потому, что впервые за много веков на востоке появился центр силы, превосходящий Россию по своему потенциалу. Возможность, поскольку Россия может стать частью этого подъема.

Крупнейший и важнейший партнер в Азии — Китай. Новая модель отношений с Китаем — одно из главных внешнеполитических

достижений России. Они находятся на наиболее высоком уровне партнерства за всю их историю. Символ Китая — Великая стена, которая защищала от главной угрозы на протяжении тысячелетий — вторжений с севера. Закрыт пограничный вопрос, что для Китая имеет сверхпринципиальное значение: впервые за многотысячелетнюю историю у нас появилась признанная, зафиксированная и безопасная северная граница. Сложилась уникальная для двусторонних отношений разветвленная система связей: 18 комиссий, подкомиссий, 3 механизма сотрудничества на уровне вице-премьеров (по гуманитарным вопросам, по экономике, по энергетике).

У двух стран широкое поле совпадающих интересов. Китай разделяет российский взгляд на устройство мира, который выражен концепцией многополярности. Россия и Китай отрицательно относятся к давлению Запада по многим вопросам. Как писал Путин, «процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия»[1].

Китай и Россия являются инициаторами создания и лидерами БРИКС. Китай был главным инициатором приглашения в БРИК Южной Африки и выступает за дальнейшее расширение организации. Вместе с тем он проявляет осторожность в вопросе ее институционализации. Китай — важный региональный партнер России в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Главное для Китая — чтобы из Центральной Азии не исходили угрозы безопасности, прежде всего для Синьцзяна. Китайцы очень ценят поддержку Москвы по Тибету, Тайваню и Синьцзяну.

Китай — один из важнейших экономических партнеров России. Путин не раз говорил о необходимости «ловить китайский ветер в российские паруса». Китай уже является крупнейшим торговым партнером России, хотя достигнутые объемы торговли в 90 млрд долл. несопоставимы с китайско-американской (более 520 млрд) или китайско-европейской (более 450 млрд). Сотрудничество с Китаем необходимо для развития Сибири и российского Дальнего Востока. Китай — надежный и постоянно растущий потребитель углеводородов и сырья.

Стороны намерены продвигать совместные проекты в гражданском авиастроении, космонавтике, в других высокотехнологичных областях, а также по линии технопарков, индустриальных кластеров, особых экономических зон как в России, так и в Китае. Планируется отстроить «современное здание» финансовой, инвестиционной инфраструктуры двусторонних деловых отношений, реализовать принятые решения о переходе на расчеты в национальных валютах при осуществлении взаимных торговых, инвестиционных и прочих операций.

---

[1] *Владимир Путин.* Россия и меняющийся мир.

В то же время между Китаем и Россией существуют точки расхождения. Для Китая горбачевский Советский Союз и ельцинская Россия представляли интерес, прежде всего, как примеры, которым ни в коем случае нельзя было следовать, чтобы не вызвать развала страны и коллапса ее экономики. Экономическая база отстает от уровня политических отношений и взаимного доверия между руководителями. Товарооборот в 90 млрд — это много для России, но для Китая — мало.

Не спадает антикитайский алармизм в России. Говорить и писать о готовящейся «китайской военной экспансии» модно. Тезис — «Китай становится опасным для России, потому что он сильный и большой» — не требует дополнительных доказательств. Это мнение распространено у части российского руководства и бизнес-элит, связанных с Западом и не заинтересованных в развитии отношений с КНР. Вместе с тем у китайцев сегодня отсутствует целенаправленная политика демографической экспансии с помощью миграции. Больше проблем возникает из-за отсутствия порядка на нашей стороне: нормальный китайский предприниматель не выдерживает в России. Существует проблема усиления влияния Китая в Центральной Азии, хотя сегодня нет сформулированной целенаправленной политики вытеснения России из этого региона, и именно из-за учета российского фактора.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Сергей Лузянин считает: «На сегодняшний день РФ — практически единственное из больших держав государство, с которым у КНР нет серьезных (системных) противоречий… Для нового китайского руководства Россия в сфере экономики, возможно, и будет отчасти выглядеть как “младшая страна”, но в геополитике и стратегической безопасности она будет оставаться “старшей”. Вот такая «асимметрия» или, точнее, “баланс” в партнерстве»[1]. Для Си Цзиньпина его первый официальный визит в ранге главы государства именно в Россию носил знаковый характер.

Отношения с Японией складываются более проблематично. Это один из самых тяжелых партнеров для России. Антироссийские настроения в стране восходящего солнца весьма сильны — меньше нас там любят разве что корейцев. Известный японист Сергей Чугров считает, что недоверие и подозрительность японцев к России имеет долгую историю и «изначально опирается на представления о величине и непредсказуемости России, которая, как считают японцы, может “опрокинуться” на “маленькую Японию“». В исторической памяти хранятся опасения, восходящие к эпохе присутствия России в Маньчжурии в конце XIX в. … Удар по национальному самолюбию нанесло вступление СССР в войну в августе 1945 г. Особенно фрустрирующим

[1] *Евгений Шестаков.* Пекин меняет мир: В предстоящие 10 лет Китай просит считать его «развивающимся государством» // Российская газета. 23 ноября 2012.

фактором стало интернирование более 800 тысяч военнопленных в Сибири. «В целом СССР рассматривался как носитель злой непредсказуемой воли»[1]. Вопрос о Северных территориях, как в Японии называют четыре острова Южнокурильской гряды, которые она считает своими, при каждом случае ставится в принципиальной плоскости.

В то же время, как подчеркивают видные российские специалисты, «японской политической элите явно не хотелось бы быть втянутой в американскую стратегию сдерживания Китая, так как ухудшение отношений с великим соседом может привести ко многим политическим и экономическим потерям. С другой стороны, Токио не в восторге от перспективы стать "младшим партнером Пекина". Отсюда появление размышлений о целесообразности более продвинутых отношений с Россией, имея в виду, прежде всего, китайский и корейский факторы»[2].

Россия и Индия представляют собой уникальный случай в мировой истории: это единственная пара великих держав, которые никогда в истории не только не воевали, но даже не имели серьезных разногласий. Двусторонние отношения остаются важным приоритетом для обеих стран, что отражено в многочисленных соглашениях и декларациях, в которых определяется общность подходов по очень широкому кругу региональных и глобальных проблем, включая и самые деликатные. Россия поддерживает усилия Индии по достижению статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, ее членство в ШОС. С озабоченностью восприняв проведение Индией ядерных испытаний, Россия в международных санкциях против нее участия не принимала. «Сегодня между Дели и Москвой существуют, пожалуй, только две проблемы, а именно: ослабление двусторонних торговых связей и риск того, что Россия сделает слишком много для укрепления военного потенциала КНР», — пишет Раджа Мохан. Вместе с тем уровень современных двусторонних отношений далек от того уровня, который существовал во времена Советского Союза. Посол Дилип Лахири из Observer Research Foundation в типичной для индийских международников манере замечает: «Несмотря на очень важные отношения в области поставок вооружения в Индию, Россия не восстановила той значимости в регионе, которой обладал СССР. Вместе с тем она является постоянным членом СБ ООН, и ее роль и взгляды никогда нельзя игнорировать»[3].

Перспективным может оказаться сотрудничество по таким направлениям, как реконструкция ряда электростанций; модернизация и расширение объектов, построенных в Индии с помощью СССР; сотрудни-

---

[1] *Сергей Чугров.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 214.

[2] Современные российско-японские отношения и перспективы их развития / А.Н. Панов (рук.) и др. М., 2012. С. 9.

[3] *Dilip Lahiri.* Major Powers in South Asia: What is the Game? // South and Southeast Asia: Responding to Changing Geo-Political and Security Challenges. New Delhi, 2010. P. 6.

чество в сооружении в Индии линий электропередач, строительство новых и реконструкция старых автомобильных и железных дорог; угольных шахт, модернизация предприятий государственных сталелитейных корпораций SAIL и RINL; разведки и добыча нефти и газа; совместное производство и модернизация гражданской авиатехники, самолетостроение; производство и совместная эксплуатация морских судов; строительство морских портов и терминалов; сотрудничество в области телекоммуникационных технологий, биотехнологий, медицины, метро.

В арабском мире Россия стремится к восстановлению существовавшего в прошлом широкого комплекса взаимосвязей экономического и военного характера. Но современная Россия все еще воспринимается политически неустойчивым продуктом распада Советского Союза, будущее которой, как и ее внешнеполитическая ориентация, пока не вполне определены. Путин стал первым, кто официально признал на высшем уровне, что Россия — «и мусульманская страна» и что российские мусульмане имеют полное право чувствовать себя частью глобальной уммы, а сама Россия всегда была и остается геополитическим союзником ислама»[1].

В то же время очевидно, что географический вектор внешних угроз безопасности Российской Федерации исходит с Юга — со стороны радикального исламизма, подпитывающего международный терроризм, в том числе и на нашей территории. Москва не заинтересована в создании нового халифата и террористического интернационала, следующей целью которого вполне может стать Россия. Ситуация в Сирии была близка к критической, и США уже начали отсчитывать дни до начала военной операции, когда 5 сентября 2013 г. на саммите «двадцатки» в Санкт-Петербурге Путин предложил Обаме формулу разрешения конфликта: постановка сирийского химического оружия под международный контроль с последующим его уничтожением. Это позволило администрации США, где идея удара по Сирии не пользовалась общественной поддержкой, и союзникам Америки, откровенно не стремившимся присоединить к силовой акции, спасти лицо.

Крупнейшим контрагентом Москвы в исламском мире становится Турция, для которой Россия вообще превратилась в торгового партнера номер один: из 30 млрд долл. товарооборота 27 млрд приходится на поставки из РФ, главным образом энергетические. Россия начала строительство АЭС в Мерсине. РФ является главным рынком для турецких строительных подрядчиков, а Турция — главным местом отдыха российских туристов[2]. В ходе российско-турецкого саммита в декабре 2014 г. Путин завил об остановке строительства газопровода «Южный

[1] *Ринат Мухаметов.* Российские мусульмане и внешняя политика. С. 109–110.
[2] Russia and Turkey. Cool Pragmatism // The Economist. December 8, 2012. P. 36.

поток», вызывавшего вопросы в Евросоюзе, и дополнительных поставках газа по «Голубому потому», 6-процентной скидке на энергию для Анкары и о возможности строительства газового «хаба» на границе Турции с Грецией для потребителей в Южной Европе[1].

Россия предлагает решать иранскую ядерную проблему только мирным путем, признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран, но только в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под всесторонний контроль МАГАТЭ. Если Тегеран согласится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние. В сентября 2013 г. в ходе подготовки встречи Путина с Хасаном Роухани было принято решение пойти навстречу пожеланиям Ирана по двум ключевым вещам: поставкам модернизированных зенитно-ракетных комплексов С-300 в обмен на отзыв иска Тегерана «Рособоронэкспорту» на 4 млрд долл. за срыв прежнего контракта и строительству второго энергоблока АЭС в будущем[2].

Латинская Америка после некоторого перерыва, вызванного дезинтеграцией СССР и развалом 1990-х гг., возвращается в орбиту российской внешней политики. В годы холодной войны интерес был почти исключительно идеологическим и геополитическим, символом чего была Куба, где проходил передний фронт противостояния двух сверхдержав, едва не превратившийся — в период Карибского кризиса 1962 г. — в арену глобальной ядерной катастрофы. Сейчас интерес, скорее, прагматический и экономический. В качестве основного партнера на континенте все явственнее выступает Бразилия.

Сближение началось в 1990-е гг., и в новом веке достигло высокой интенсивности. Бразильский аналитик Фабиано Мельничук объясняет эту тенденцию тем, что «обе страны переосмысливали свои идентичности и сблизились как партнеры на основе защиты курса на общее развитие (в случае Бразилии) и многополярного миропорядка (в случае России), чтобы укрепить свои совпадающие интересы на международной арене… В переосмыслении Бразилией и Россией своих идентичностей наблюдается сходство: обе страны отступили от приверженности международному порядку, основанному на либеральном консенсусе, и от признания однополярного мира (при лидерстве США) после холодной войны[3].

В экономике России уже представлены бразильские инвестиции. Активно развивают свою деятельность здесь такие компании, как

---

[1] *Кира Латухина.* Южный поток сенсаций // Российская газета. 2 декабря 2014.

[2] *Елена Черненко, Иван Сафронов.* Россия и Иран нашли оружие сближающего действия // Коммерсантъ. 11 сентября 2013.

[3] *Фабиано Мельничук.* Российско-бразильские отношения после «холодной войны» // Международная жизнь. Апрель 2012. С. 38, 47.

SADIA, JBS (крупнейший производитель мяса в мире), BERTIN, PERDIGÃO и Marco Polo. В рамках принятой правительством Бразилии «Программы ускорения роста» открываются новые возможности для прямых российских инвестиций в бразильскую энергетику и инфраструктуру. Бразилия и Россия рассматривают возможность использования собственных валют в двусторонних торговых отношениях[1]. В числе приоритетных сфер совместного приложения усилий — энергетика, авиастроение, нанотехнологии, военно-техническое сотрудничество, освоение космического пространства, спутниковая навигация с использованием российской системы ГЛОНАСС.

Ученые Института Латинской Америки Российской Академии наук подчеркивают: «Как сама по себе, так и в рамках формата БРИКС, Бразилия уже в ближайшие годы при наличии соответствующей политической воли в России могла бы стать важным союзником нашей страны в разработке принципиально новых стратегий мирового развития»[2]. Вместе с тем Бразилия не заинтересована в «российско-боливарианской» оси в противовес США. Пределы российско-бразильского сближения просматриваются там, где начинает маячить угроза конфронтации с Вашингтоном.

А вот из Африки после распада Советского Союза наша страна действительно ушла. Как подчеркивает директор Института Африки РАН Алексей Васильев, «СССР сыграл выдающуюся роль в деле деколонизации Африки и в этом смысле действовал в русле исторического процесса. Именно поэтому России как наследнице СССР на международной арене достался большой, но постепенно убывающий капитал симпатий и признательности африканцев — база для дальнейшего политического и экономического сотрудничества. Остались от прошлого и негативные воспоминания: распространение на Африку (правда, в очень ограниченных масштабах) глобальной конфронтации СССР и США, втягивание африканских стран в разрушительную для них гонку вооружений»[3]. ЮАР — ведущий торговый контрагент в Африке, но товарооборот еще не велик — чуть больше 1 млрд долл. С конца 2008 г. реализуется совместный проект создания системы дистанционного зондирования Земли. Российской ракетой-носителем в 2009 г. был запущен южноафриканский спутник связи «Сумбандила». При участии российских компаний реализуются инвестиционные проекты в горнодобывающей промышленности, металлургии, в которых участвуют «Ренова», «Норильский никель», «Евраз-групп». Бизнес Южной Африки-

---

[1] БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. М., 2010. С. 64–65.

[2] Бразилия — «тропический гигант» на подъеме / Отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2011. С. 9.

[3] *Алексей Васильев.* Африка нужна России. Россия нужна Африке // Внешняя политика России: 2000–2020. Т. 1. С. 196–197.

ки также уже достаточно широко представлен в нашей стране: компании «САБМиллер», «Насперс», «Бейтман», ряд банковских структур.

Путин на совещании Послов летом 2012 г. напомнил, что «политика "мягкой силы" предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто постоянно стреляет и наносит ракетные удары тут и там, — они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию. Вот в чем мы виноваты»[1].

Имидж Российской Федерации в последнее десятилетие страдал как от остаточных фобий времен «холодной войны» («агрессивное диктаторское государство, традиционно угрожающее соседям»), так от новых образов: страна в состоянии распада, деградации и нищеты, управляемая некомпетентными чиновниками, обуреваемая планами «возрождения империи». Часть этих образов была почерпнута из российских СМИ и в какой-то мере отражала реальность. Вместе с тем в имидже России сохранился ряд стереотипов, поддерживаемых некоторыми представителями западной элиты, профессионально специализирующимися на враждебности России.

Немецкий журналист О. Зиньковский замечает: «Любопытно, что Китаю, Японии, Индии Запад позволяет быть уникальными. Азии не указывают, как жить. А Россию видят, скорее, как родственника, который сбился с пути, но, может, еще исправится. У Индии учатся. Русских поучают. Срабатывает некий "семейный синдром". Возможно, в его основе географическая близость. А еще — общие христианские корни»[2]. Безусловно также, что никто не в состоянии отменить геополитику. Сильных конкурентов не любят. На протяжении последнего века у США и Запада в целом было куда больше оснований рассматривать в качестве геополитического конкурента Россию, нежели Китай. Аплодисменты в адрес России за это время в США прозвучали лишь дважды, когда она совершала самоубийства, — в феврале 1917 и в декабре 1991.

---

[1] *Владимир Путин.* Выступление на Совещании послов — 2012 // Международная жизнь. Июль 2012. С. 7.

[2] *О.Е. Зиньковский.* Истоки непонимания — генезис восприятия российской государственности в Европе (на примере Германии) // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 663.

На имидж государства существенно влияют и действующие внутри него зарубежные и финансируемые из-за рубежа неправительственные организации, особенно те, цель которых и состоит в том, чтобы этот имидж ухудшить. Западные страны достаточно активно поддерживают непримиримую внутрироссийскую оппозицию, представители которой и являются главными комментаторами событий в России для западных СМИ, одновременно выполняющих роль общемировых.

Серьезным ресурсом страны способен выступить Русский мир. Огромное количество людей рассеяно по всей планете в результате бурных исторических и политических событий в российской истории XX в. Первая мировая война, революция, гражданская война, репрессии, Вторая мировая война, распад Советского Союза... Возникло большое количество русских диаспор по всему миру. Сейчас дискутируют, является ли русская диаспора самой большой в мире или второй по численности после китайской. За пределами Российской Федерации живет едва ли не больше представителей Русского мира, чем в самой России.

Пик количества людей, которые знали русский язык, пришелся на конец 1980-х — 350 млн человек. Причем 290 млн из них жили в Советском Союзе, где русский был государственным языком и для большей части жителей являлся родным. Русский был универсальным средством коммуникации в рамках Совета экономической взаимопомощи, Варшавского договора, которые вовлекли в свою орбиту также десятки стран Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной и Юго-Западной Африки и даже Латинской Америки.

Распад СССР нанес очень серьезный удар по позициям русского языка. Это единственный из крупных языков, который не просто терял свои позиции в мире на протяжении последних 20 лет, а терял их стремительно. В настоящее время он является родным для 130 млн граждан Российской Федерации, для почти 25 млн жителей республик Содружества независимых государств и Балтии, для 7 млн жителей стран дальнего зарубежья. То есть родным языком русский сейчас считают порядка 160 млн человек. Но еще значительное количество людей, точное число которых очень трудно установить, владеет русским как вторым языком — преимущественно в странах СНГ и Балтии. Это еще порядка 120–170 млн человек.

У Русского мира в СНГ есть будущее. Об этом наглядно свидетельствуют результаты опроса общественного мнения, проведенного агентством РАМИР по заказу МФГС. Задававшийся вопрос звучал так: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети знали русский язык?» Везде больше 90% ответили «да».

Россия относительно слабее СССР. Но она куда сильнее, чем 15 лет назад. И куда более монолитна в понимании своего естества, добра и

зла, не искаженного коммунистической или псевдодемократической догмой.

Россия не собирается никого завоевывать. Не собирается, в отличие от США, поддерживать военное присутствие по всей планете, объявлять страны в других полушариях зоной собственных жизненных интересов. Ей не нужна роль мирового полицейского. Мы не собираемся совать нос во все чужие внутренние дела. Мы не надорвемся, стремясь подмять под себя весь мир, поскольку этого не хотим. Но ответить нам есть чем.

Союзников у России гораздо больше, чем кому-то хотелось. Сегодня создан Таможенный союз, Евразийский экономический союз, Организация договора коллективной безопасности, усиливает свою международную роль БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, на которые приходится 43% человечества), крепнет и скоро будет расширяться Шанхайская организация сотрудничества. Нет у России неразрешимых имиджевых проблем среди большинства стран Азии, Африки, Латинской Америки. Разговоры о растущей международной изоляции России — не больше чем мечты Вашингтона. Запад — и только он — действительно пытается изолировать Москву — пока безуспешно.

Ну а даже если бы у России союзников действительно не было? Ей случалось оказываться одной или почти одной против сил объединенного Запада. В 1812 г. Великую армию объединенной Европы привел в Россию Наполеон. В 1941 г. то же самое сделал Гитлер. Исход известен. Именно Россия оказывалась победителем и на правильной стороне истории.

Глава 8

АЗИЯ

Пусть мудрецы из глубины столетий
мне образцом величественным служат.

Чу Цюй Юань (IV–III вв. до н.э.)

Что такое Азия? С точки зрения географии и демографии — планетарный гигант. Это пятая часть суши. 29 государств: 21 на самом континенте, 8 — на островах и архипелагах.

Азия — самая густонаселенная территория (с плотностью расселения в три раза выше мировой); 60% жителей Земного шара и семь из десяти самых многолюдных стран — Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Россия и Япония (в десятке также США, Бразилия и Нигерия). К середине нынешнего века, правда, останется пять: Россию и Японию в этом списке заменят Эфиопия и Конго[1].

Азия — родина многих цивилизаций и субцивилизаций, каждую из которых характеризует собственный генетический код: китайской, японской, индусской, исламской цивилизаций (с тюркской, персидской и арабской субцивилизациями), цивилизации ЮВА.

Подъем Азии

Азия — растущий глобальный игрок. Крупнейшая экономика мира с апреля 2014 г. — Китай. Самый большой город в мире — Токио. Самый высокий небоскреб в мире находится в Дубае. Самый большой жилой дом принадлежит Мукешу Амбани из Мумбаи — 27-этажный небоскреб с шестью сотнями прислуги. Самая крупная акционерная компания — китайская. Самый большой инвестиционный фонд — в Объединенных Арабских Эмиратах. Самые обширные золотовалютные резервы — в Китае и Японии. Крупнейший банк мира — китайский Bank of China. Самый богатый человек — ливанец Слим, правда, живущий в Мексике. В пятерке стран с наивысшим доходом на душу населения три азиатских — Катар, Сингапур и Бруней

[1] *Анатолий Вишневский.* Конец североцентризма: Политические последствия демографических дисбалансов // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2009. С. 182.

(перемежаемые Люксембургом и Норвегией). Самый крупный нефтеперерабатывающий комплекс — в Индии. Все крупнейшие фабрики мира — в Китае. Много лет на первой строчке рейтинга лучших мест для ведения бизнеса Гонконг. Большего всего патентов выдается в Японии, а на душу населения — в Южной Корее. Самые большие расходы на НИОКР в ВВП — в Израиле. Наибольшее количество мобильных телефонов на душу населения в Макао.

Самые лучшие авиакомпании — по наблюдениям многолетнего глобального путешественника — Singapore Airlines и Emirates, к которым приближается Korean Air. Где самый большой аэропорт? В Пекине. Где самый лучший аэропорт? Все последние годы — Чанги в Сингапуре. Три авиакомпании — Emirates из Дубаи, Etihad Airlines из Абу-Даби и Quatar Airways — располагают бóльшим количеством широкофюзеляжных самолетов, чем все американские авиакомпании вместе взятые. Самый большой единовременный заказ на покупку пассажирских самолетов — на 99 млрд долл. — был сделан компанией Emirates в конце 2013 г.: заказали 150 новых Боингов 777X с опцией на дополнительные 50 лайнеров и 50 самых больших в мире A380s[1]. Откуда производится наибольшее количество космических запусков? С Байконура, Казахстан. Самые большие в мире казино — в Макао, часто это копии казино Лас-Вегаса, только увеличенные в пару раз. Больше всего кинофильмов выпускается в Индии, в Болливуде; не удивительно, что в этой стране и наибольшее количество посетителей кинотеатров. Самый большой торговый центр находится в Пекине. Самое большое чертово колесо — в Сингапуре.

Прежде в ходу была поговорка: «Когда Америка чихает, весь мир подхватывает грипп». Во время финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. США мучились от тяжелой пневмонии, но многие азиатские страны даже не кашляли. Напротив, Китай и Индия, прежде всего, помогли своим ростом преодолеть последствия кризиса. Количество долларовых миллиардеров в Азии достигло к 2011 г. рекордных 332 человек. В период и после кризиса многие крупнейшие западные компании, банки: HSBC, Citigroup, Morgan Stanley, Credit Suisse, — сокращая свои операции и штаты в западных странах, заметно расширяли их в Азии[2]. В странах континента стали свысока посматривать на представителей МВФ, Всемирного банка и других структур, которые десятилетиями учили основам правильной рыночной экономики и конкуренции.

---

[1] *Jad Mouawad.* Ambitious Mideast Airlines Revel in the Fast Track // International New York Times. November 29, 2013.

[2] *Denny Thomas et al.* Still Hiring: Global Financial Firms in Asia // International Herald Tribune. May 23, 2011.

Ричард Макгрегор, много лет возглавляющий китайское бюро Financial Times, писал: «В конце 2005 — начале 2006 г., когда иностранные финансовые институты инвестировали десятки миллиардов долларов в государственные кредитные организации Китая, деньги поступили вместе с обещаниями, что иностранцы обучат местных увальней секретам мастерства в области финансовых инноваций и управления рисками. Западные банки отнеслись к этому процессу как к своего рода вечерней школе для взрослых — и вот почему последовавшие события оказались столь шокирующими. Не прошло и пары лет после заключения крупных банковских сделок, как поджавшие хвост вестготы глобальных финансов вновь появились на китайском пороге. На сей раз они пришли с шапкой в руке, униженно выклянчивая деньги, чтобы поставить подпорки в своих балансовых отчетах или попросту распродать недавно приобретенные акции, лишь бы хоть что-то привезти домой»[1].

Параг Ханна замечал: «Когда министр финансов США Тимоти Гайтнер отправился в Китай и заявил там на переговорах, что американские облигации — надежное вложение капитала, его слова были встречены смехом. США призывают покупать американское, вот Китай и скупает Америку»[2].

В быстро растущих странах мало у кого возникают сомнения в эффективности собственных экономических моделей. «Стабильность превратилась в мантру региона, особенно социальная и экономическая стабильность. Политика азиатских стран — налоговая, монетарная, валютная и регулятивная — полностью сфокусирована на том, чтобы избежать разрушительных тенденций, которые вызвали такой хаос в Америке»[3], — подметил президент Morgan Stanley Asia и профессор Йельского университета Стивен Роуч.

По оценке Deutsche Bank в начале 2010-х гг. наивысшие темпы роста экономики в мире, если не считать восстанавливавшихся после полного разорения Ливии и Ирака, демонстрировала такая страна, как… Монголия — 12–17% в год. Она же установила мировой рекорд по приросту промышленного производства — 37,4% в 2012 г. — прежде всего за счет запуска медно-золоторудного рудника Ою-Толгой. Большие возможности открывает и разведанное угольное месторождение Таван-Толгой[4]. В десятке самых быстро растущих экономик в 2015 г. также Папуа — Новая Гвинея, Макао, Туркменистан, Лаос, Камбоджа, Бутан

---

[1] *Ричард МакГрегор.* Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. М., 2011. С. 8.

[2] *Параг Ханна.* Как управлять миром. М., 2012. С. 89.

[3] *Stephen S. Roach.* Look Eastward, America // International Herald Tribune. September 15, 2010.

[4] *Дмитрий Докучаев.* Секреты степного дракона // Эхо планеты. № 8. 2013. С. 11.

(остальные страны в рейтинге — из Африки)[1]. За последние 20 лет один Китай вырвал из нищеты 400 млн человек.

В 1970-е гг. Северная Америка потребляла в 2 раза больше нефти, чем Азия. В 2005 г. впервые Азия вырвалась вперед, а через 10 лет на нее придется половина планетарного энергопотребления[2]. При этом в Азии работает только 1% ядерных реакторов мира, что делает ее крайне привлекательным рынком для компаний, предлагающих ядерные технологии, в том числе и для российских. Соединенные Штаты не строили новые реакторы более 30 лет, а Китай намерен запустить до 2030 г. 33 новых реактора, ежегодно добавляя мощности, равные всей электрогенерации Индии[3].

В 1980 г. Соединенные Штаты производили 100 млн тонн стали, Китай — 40 млн, а Индия — 10 млн. В 2010 г. США выплавили 80 млн тонн, Китай — 600 млн, а Индия — 65 млн тонн стали. В середине 1960-х гг. Западная Европа была безусловным лидером в судостроении, спустив на воду корабли с 5-миллионным тоннажем, страны Азии — 3,7 млн, США — 0,25 млн. В 2009 г. Азия увеличила производство до 70 млн тонн, ровно в десять раз больше, чем спустил на воду весь остальной мир[4].

Потребительский спрос в Азии, по оценке Налали Чан из Азиатского банка развития, вырастет с 4,5 трлн долл. в 2009 г. до 44 трлн в 2030 г., что составит половину мирового спроса и в 1,6 раза превысит этот показатель всех стран ОЭСР. Но и тогда из 4,2 млрд человек, которые будут жить в развивающейся части Азии за пределами Китая, 780 млн будут иметь доход меньше, чем 2 долл. в день, а еще 1,7 млрд — 2–10 долл. в день[5].

Китай и Индия, самые населенные страны мира, как нетрудно догадаться, являются крупнейшими в мире производителями и потребителями продовольствия. В Азии в последние десятилетия стали заметно больше есть. Если в 1972 г. на одного человека приходилось только 8 кг потребляемого мяса, то в 2002-м — 27 кг. При этом в сельском хозяйстве очень много проблем. Так, 80% продовольствия производится крошечными немеханизированными хозяйствами с размером земельного участка меньше двух гектаров. Рост сельхозпроизводства стагнирует из-за деградации окружающей среды, недостаточной ирригации, а также падающего плодородия почвы в ряде регионов Индокитая, Мьянмы,

---

[1] The Economist. The World in 2015. P. 93.

[2] *Дэниэл Ергин.* Новые правила игры // Ведомости. 20 февраля 2006.

[3] *Christopher Stephens.* America's Asian Nuclear Challenge // The Wall Street Journal. November 18, 2010.

[4] *Charles Kupchan.* No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford, 2012. P. 81–82.

[5] *Natalie Chun.* Opportunities and Challenges from the Rise of Asia's Middle Class // Poverty in Focus / International Policy Center for Inclusive Growth. No. 26. October 2013. P. 34, 35.

Малайзии, Индонезии, Южного Китая[1]. Наибольшее количество голодающих на планете тоже приходится на Азию — 578 млн в 2010 г. против 239 млн в Африке южнее Сахары[2].

Если где-то и можно говорить о кризисе государства и размывании его функций, то только не применительно к Азии. «Европейские страны находятся на нисходящем этапе в жизненном цикле национального государства. Большинство азиатских — на восходящем, поскольку были созданы после деколонизации, прежде всего, как инструменты, обеспечивавшие инфраструктуру — техническую и административную — сначала для обретения независимости, затем — для экономического развития и пресечения всего, что делали бывшие имперские державы Европы, чтобы осложнить их развитие»[3], — подчеркивает проведший на Востоке 40 лет датский дипломат Йорген Острем Меллер в книге под названием «Как Азия может изменить мир», которая вышла в Сингапуре. Ричард Хаас также подтверждает, что в Азии «большинство государств не слабы и не разваливаются, а сильны и становятся сильнее»[4]. Тенденцию к поддержанию сильной государственной власти в полной мере подкрепляет и историческая традиция этих государств, и опыт последнего кризиса. Популярный в регионе декан школы госуправления Ли Кван Ю Сингапурского университета Кишор Мабубани подчеркивал: «Азиаты безусловно согласны, что ни одна страна не может функционировать без эффективного правительства… Ключевые творцы американской политики, как Алан Гринспен, считали правильными слова Рональда Рейгана о том, “что правительство не является решением наших проблем, оно само — проблема”. К счастью, азиаты не стали поклоняться этой идеологии»[5].

Азия долго была полем колониальной экспансии, а затем острого геополитического соперничества великих держав, крупных вооруженных конфликтов. Начиная со Второй мировой войны практически все они проходят при непосредственном участии Соединенных Штатов: войны в Корее в начале 1950-х, Вьетнаме — в 1960–1970-е, вторжения в Афганистан и Ирак в начале XXI в. СССР также отметился неудачной войной в Афганистане.

Важнейшим атрибутом государства в Азии является армия — не всегда современная и эффективная, но всегда больших размеров. Сре-

---

[1] *Monika Barthwal-Datta.* Food Security in Asia: Challenges, Policies and Implications. L., 2014. P. 11–14.

[2] *Екатерина Кравченко.* Сытых стало больше // Ведомости. 15 сентября 2010.

[3] *Jørgen Østrom Møller.* How Asia Can Shape the World: From the Era of Plenty to the Era of Scarcities. Singapore, 2011. P. 15.

[4] *Richard Haass.* The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 71.

[5] *Kishore Mahbubani.* End of Whose History? // International Herald Tribune. November 12, 2009.

ди двадцати стран с самыми многочисленными армиями мира в 2013 г. была только одна западная — США, на втором месте после Китая. За ними следовали Индия, Северная Корея, Россия, Южная Корея, Пакистан, Иран, Турция, Вьетнам, Египет, Мьянма, Индонезия и Таиланд. В конце второй десятки также Тайвань, Ирак и Япония, перемежаемые странами Латинской Америки — Бразилией, Колумбией и Мексикой. Самая большая европейская армии — французская — заняла в этом списке скромное 23-е место, уступив Саудовской Аравии[1]. В 2012 г. оборонные расходы в Азии превысили ассигнования европейских членов НАТО[2].

По сведениям Стокгольмского международного института исследования мировых проблем (SIPRI) с 2007 по 2011 г. продажи оружия в мире выросли на 24%, а пятерка лидеров состоит исключительно из азиатских государств. На первое место уверенно вышла Индия, на которую приходится 10% всего мирового импорта оружия, за ней следуют Южная Корея, Пакистан, Китай и крошечный по азиатским меркам Сингапур[3].

В последние годы помимо официальных членов «ядерного клуба» еще три страны — Индия, Пакистан и Северная Корея — стали обладателями ядерного оружия. По имеющимся оценкам, Китай вышел на третье место в мире по числу ядерных боезарядов, обойдя по этому показателю не только Англию, но и, возможно, Францию. Китай, Индия и Пакистан осуществляют интенсивные программы испытания баллистических ракет.

Мабубани, полемизируя с книгой Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», в статье с красноречивым названием «Конец чьей истории?» писал: «В XXI веке история развивается в направлении прямо противоположном тому, которое предсказывали западные интеллектуалы в 1991 году. Теперь мы увидим “возвращение истории”, что означает “отступление Запада”. Один прогноз я могу дать с полной уверенностью: слишком большой отпечаток западной ноги, оставленный на планете в XIX–XX веках, уменьшится в размерах. Это не будет означать отступления всех западных идей. Многие идеи, как рыночная экономика и верховенство закона, распространятся более широко. Однако мало кто в Азии поверит, что западные общества лучше других претворят в жизнь эти принципы. Действительно, предположение о западной компетентности в вопросах управления и менеджмента будет замещено опасением, что Запад стал весьма некомпетентен в управлении экономикой. Образуется и новый разрыв. Уважение к западным идеям останется, но

[1] The Economist. Pocket World in Figures. 2014 Edition. L., 2013. P. 102.

[2] *Bastian Giegerich, Christoph Schwegmann.* Sustaining Europe's Security // Survival. August/September 2014. P. 44.

[3] *Сергей Строкань.* Оружие стекается в Азию // Коммерсантъ. 20 марта 2012.

уважение к западным практикам сократится, пока Запад не улучшит управление…

Фундаментальное предположение, на котором основан тезис о "конце истории", — Запад останется маяком мира в вопросах демократии и прав человека. В 1989 году, если бы кто-то осмелился предположить, что основной маяк будет первым западным государством, которое возобновит пытки, все бы закричали: "Это — невозможно!" Немногие на Западе сознают, какой шок Гуантанамо вызвало в не-западных умах. Поэтому многие озадачены, что западные интеллектуалы продолжают исходить из того, что они могут изображать себя и свои страны как модели для подражания, когда говорят с остальным миром о правах человека… Возвращение Азии будет сопровождаться ее поразительным возрождением, в котором многие разнообразные азиатские культуры заново откроют свое потерянное наследие в искусстве и философии. Нет сомнений, что азиаты отпразднуют возвращение истории. Единственный вопрос: присоединится ли Запад к празднованию или будут ждать прихода конца?»[1]

И на Востоке, и на Западе выходят книги, в которых одна и та же мысль: XIX принадлежал Европе, XX в. — Соединенным Штатам, а XXI-й будет принадлежать Азии, — и остановить эту тенденцию никому не под силу[2]. Национальный совет по разведке США пришел к выводу, что к 2030 г. Азия опередит США и Европейский Союз вместе взятые по всем компонентам мощи: размер ВВП, численность населения, военные расходы и инвестиции в технологии[3].

И у этих прогнозов есть шансы сбыться.

Код Востока

Когда и как возникла дихотомия Востока и Запада, Европы и Азии? И в чем она?

Для доантичной Греции, предстающей со страниц гомеровского эпоса, были характерны примерно те же порядки, которые существовали и в восточных протогосударствах: всесилие власти при отсутствии защищенной законом частной собственности и признаваемых властью прав подданных. Расхождения берут начало со второй трети I тысячелетия до н.э., когда греки стали замечать отличия своего образа жизни от соседних народов Востока. В античном мире было положено начало слабо развитым в остальном мире отношениям частной собственности

[1] *Kishore Mahbubani.* End of Whose History?

[2] *Kishore Mahbubani.* The new Asian Hemisphere: The Irresistible Shift of Global Power to the East. N.Y., 2008; *Fareed Zakaria.* The Post-American World. N.Y., 2009; *Martin Jaques.* When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. L., 2011 и др.

[3] Global Trends 2030: Alternative Worlds. Wash., 2012. P. IV.

в сочетании с ориентированным на рынок товарным производством и относительно слабой централизованной властью в рамках города-государства.

Азия всегда была самым населенным, если не перенаселенным местом на планете, а Китай всегда был самой большой по численности жителей страной. «На протяжении целых эпох соотношение основных производственных факторов — земли и населения — препятствовало утверждению частной собственности»[1], — подчеркивают авторы «Современной мировой политики» из МГИМО. «Благоприятные энергонасыщенные природные условия на Востоке уже на ранних стадиях генезиса сформировали общество, ориентированное на поиск свободных ниш в окружающем мире. Преобладание природно-климатических факторов над мотивационными ("вызов-ответ", по Тойнби) подчинило себе восточное общество, определив его созерцательный, пассивный характер. Задача социума сводилась к тому, чтобы заметить и завладеть существующими, но еще не используемыми природными средствами. Восточный человек встраивался в природу экстенсивно, повторяя логику животного мира, постоянно приспосабливающегося к внешней среде. Наличие достаточного количества готовых к непосредственному применению природных ресурсов требовало лишь объединить трудовые усилия для их использования, что привело к утверждению коллективизма сначала в качестве функциональной, производственной ценности, а затем и этической. Доминирование природных факторов над мотивационными создало атмосферу, в которой природа воспринималась как источник жизни, а человеческое вмешательство — как угроза. Взаимоотношение с окружающим миром было продиктовано стремлением восстановить природную гармонию, нарушенную самим актом появления человека…»[2]

Многие исследователи отмечали воздействие на азиатские цивилизации культуры орошаемого земледелия, которая доминировала во всех великих восточных государствах с древних времен. Фернан Бродель писал: «Повсюду — на холмах Филиппин и Явы, в кантонском районе Китая и в Японии — орошение, с примитивными или современными насосными установками, с его зачастую воздушными бамбуковыми канализациями, требует строгой рабочей дисциплины и подчинения, что напоминает картину Древнего Египта, классического примера кабальной зависимости человека от оросительного земледелия»[3]. Карл Виттфогель также считал, что «рисоводческая цивилизация» предполагала искусственное орошение. Это требовало соблюдения гражданской,

---

[1] Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2010. С.341.

[2] Там же. С. 336.

[3] *Фернан Бродель*. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 174.

политической и социальной дисциплины и влекло за собой возникновение жестких бюрократических режимов с большим количеством чиновников.

В обществах восточных политического и социального плюрализма, в отличие от Европы, действительно не наблюдалось. Там существовала власть-собственность: власть была эквивалентна собственности — и наоборот. Высшие носители власти нередко были и крупнейшими собственниками. Государство как институт противостояло частному собственнику, видя в его чрезмерном усилении угрозу для казны и политической стабильности. Это создавало такой тип общества, в котором государственное первично, а частное вторично и, к тому же, опосредовано государством.

Как объясняет знающий востоковед Леонид Васильев, «неевропейское государство с незапамятных времен всегда и везде являлось не только неотъемлемой частью неотделимого от него социума, но и вершиной его. Включая в себя социум, венчая его, оно возвышалось над ним и подчиняло его себе (в наименьшей степени это было в исламских обществах)… В восточном обществе государство являет собой высшую и ничем не ограниченную власть, перед которой трепещет и обязано трепетаь все общества, снизу доверху. В этом весь смысл разницы. И если в антично-буржуазной Европе власть зависит от баланса противоречивых тенденций в социуме, то на Востоке авторитет власти ни от чего подобного никогда не зависит. Все в конечном счете решает только сила самой власти, эффективность налаженной администрации и регулярный приток в казну гарантированной нормы дохода»[1].

Не существовало норм права, которые защищали частную собственность (как в римском праве). Права индивидуума на Востоке охранялись исключительно по отношению к другому человеку, но никогда не от государства. Отношения собственности на землю никогда не носили столь формализованного характера, как в Европе. Для государства вопрос земельной собственности сводился к вопросу фактического владения землей, с которой — не важно от кого — должен был поступать налог-рента. Рынка земли или системы открытой торговли земельными участками не существовало.

Государство было всеобъемлющим, но не всегда авторитарным. Так, Индия славилась исключительно слабыми государственными институтами при большой роли самостоятельных сельских общин. Но и в Индии, и в других станах Востока существовавшие автономно от власти институты и корпорации — семья, клан, община, каста, секта, цех, землячество — были вписаны в систему государства. В идеально отлаженном конфуцианском административном аппарате низовой ячейкой

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. 6-е изд. Т. 1. М., 2011. С. 710.

были старшие в деревнях — фактически чиновники — и ответственные за пяти- и десятидворки. Похоже были организованы средневековая индийская система джаджмани или мусульманская махалля (квартал). «В такой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель автоматического или полуавтоматического характера, основанная на внутрисемейных отношениях: отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного, в том числе и религиозной традицией»[1].

Как пишет Йорген Меллер, «до того, как понятия государства и суверенитета пришли в Азию, — а когда это произошло, сам по себе хороший вопрос, — нормой было правление человека, основанное на этике, ценностях и поведенческих нормах»[2]. Вся система основополагающих идей, ценностей, верований, институтов в Азии была нацелена на поддержание исторически сложившейся системы и укрепления и без того сильной центральной власти. На это настраивали и китайское конфуцианство, и индуизм, и ислам, и буддизм. «Государства восточного типа основаны на принципе “священной справедливости”, т.е. государственность в них мессианская, свобода — не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность»[3], — утверждает декан факультета политологии МГИМО и авторитетный китаист Алексей Воскресенский.

Восточные общества были основаны на теократическом принципе. Верховный правитель — праведный царь, в персоне которого воплощены сакральные силы. Важны не столько разум правителя, его умение управлять, а та божественная сила, носителем которой он является. Дело царя — выполнение сакрального долга защиты подданных. А народ должен был следовать универсальным — установленным небом — законам. Поэтому представления о иерархичности общества, отношениях господства и подчинения естественны.

То, что Азия сейчас уходит вперед, не должно удивлять никого, кто знаком с мировой историей.

---

[1] Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2011. С. 32.

[2] *Jørgen Østrom Møller.* How Asia Can Shape the World. P. 59.

[3] Восток и политика. С. 32–33.

История начиналась именно в Азии. Есть основания полагать, что именно на Ближнем Востоке появились первые сапиентные люди. Здесь началась неолитическая революция, и принесенное ею земледелие стало основой для первых протогосударственных структур. Жители Азии построили первые города, учредили первые политические, экономические и социальные институты, создали первые государства и цивилизации — в долинах Тигра, Евфрата, Нила, Инда, Хуанхэ. Предков пшеницы или ячменя следует искать среди диких злаков, которые по-прежнему растут в Ливане, Сирии или Палестине. Недаром древние римляне, цивилизация которых во многом была дочерней по отношению к ближневосточной, с уважением говорили: "Ex Oriente lux!" ("С Востока свет!")»[1].

Наша семидневная неделя ведет начало от библейского сюжета о Сотворении мира, основанного, в свою очередь, на семитской системе исчисления, в основе которого лежало число семь. Древние семиты Месопатамии (вавилоняне) почитали семь планет, главной из которых — Солнцу — посвящали первый день недели (Sunday), Луне — второй (Monday), Сатурну — седьмой (Saturday). Деление часа на 60 минут, минуты на 60 секунд, а окружности на 360 градусов — это все тоже пришло из Месопотамии. Там же придумали пиктографическую систему письма, которая затем развилась в Египте, а финикийцы — далекие предки современных обитателей Ливана — преобразовали ее в алфавит и подарили его остальному миру (в той его части, которая не пользовалась иероглифами)[2].

Азия — родина всех мировых религий, колыбель культуры и государства. Пять религиозных, или моральных, систем ведут происхождение из древних цивилизаций Китая и Индии: индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм и синтоизм. Сегодня индуизм преобладает в Индии и Непале, исповедуется в соседних Бангладеше, Бутане и Шри-Ланке. Синтоизм ограничивается Японией. Буддизм, возникший в Индии около 500 г. до н.э., напротив, широко распространился по Азии, являясь основной религией Бутана, Камбоджи, Лаоса, Монголии, Мьянмы и Шри-Ланки. В России распространен в Бурятии, Калмыкии и Тыве. Вместе с конфуцианством буддизм преобладает в Китае, Северной и Южной Корее, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме и является значимой религией в Брунее и Малайзии.

К этим религиям следует добавились взлелеянные на Ближнем Востоке — главным образом, в Палестине — авраамические религии: иудаизм, христианство и ислам, — ставшие продуктом духовного опыта все тех же семитов. Иудейская вера, сохранившаяся сейчас в основ-

---

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. С. 18–19.

[2] *Филип Хитти.* Краткая история Ближнего Востока: Мост трех континентов. М., 2012. С. 7–8.

ном в Израиле и еврейской диаспоре по всему миру, дала Библию (Ветхий Завет), но не признала божественной природы Христа, жизнь и страсти которого занесли в Евангелия его апостолы благодаря изобретенному финикийцами алфавиту. Христианство, рожденное в Азии и оказавшее огромное воздействие на весь мир, меньше всего повлияло на Азию, если, конечно, не считать Россию. Даже в районах с высоким процентом исповедующих христианство (Южная Корея, где четверть населения христиане, Индонезия — 10% и Малайзия — 7%), оно остается второстепенной религией. Много впитавший в себя из иудейской и христианской традиции ислам, напротив, из Саудовской Аравии распространился по континенту до Центральной Азии, Афганистана и Пакистана и по морю на восток — до Бангладеша, Брунея, Индонезии, Малайзии и Мальдивов. Ислам является государственной религией в шести азиатских странах, основной религией в 12-ти, и более чем 2/3 населения, исповедующего ислам, проживает в Азии. Четыре страны с самым многочисленным исламским населением тоже в Азии: Индонезия (160 млн верующих), Бангладеш (125 млн), Пакистан (116 млн) и Индия (100 млн).

Азия на протяжении многих столетий имела преобладающую военную силу. После падения Рима следующее тысячелетие — с V по XVI в. — было периодом, когда, как показывают сравнительные исследования Иана Морриса, на стороне Азии было и военное превосходство[1]. Это было заметно по успехам Арабского халифата, непобедимой поступи Чингисхана, военным подвигам и полукругосветным военно-морским походам Китая династии Мин, уничтожению Византийской империи Османами, военному искусству японских самураев.

В 1500 г. население Западной Европы составляло меньше 50 млн человек, тогда как в минском Китае и в Индии при Великих Моголах — 200 млн и 110 млн соответственно. За последние двадцать веков Азия превосходила по объему производимой продукции любую другую часть света на протяжении 18-ти. Еще в середине XVIII в. на долю Китая приходилось более трети мирового ВВП, на долю Индии — 29%, а на крупнейшую европейскую экономику — только 5%. Причем эта экономика была российской. Доминирование Китая, помимо огромного внутреннего потребления, было обязано колоссальному спросу Запада на фарфор, шелк, хлопчатобумажную ткань и чай; Индия росла на экспорте чая, хлопка, специй и опиума. В 1820 г. доля Китая в ВВП планеты все еще составляла 32,4%, всей Европы — 26,6%, Индии — 16%, Японии — 3% и США — 1,8%[2].

---

[1] *Ian Morris.* The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations. L., 2013. P. 189–191.

[2] *Дамбиса Мойо.* Как погиб Запад: 50 лет экономической недальновидности и суровый выбор впереди. М., 2012. С. 32–33.

Азия, считают многие исследователи, не столько географическое, экономическое и политическое явление, сколько историко-культурное. «Само понятие Азии преимущественно западное, — подчеркивает Доминик Моизи. — Азиаты не считают себя от природы азиатами и не называют себя так — по крайней мере, не настолько, насколько европейцы считают себя европейцами. Азиаты не имеют общей религии в том смысле, в котором европейцы разделяют сложный сплав (сегодня несколько разбавленный) православной, иудейской и римской католической культур, который называется иудео-христианством. У них нет общей истории. У них нет общего врага (которым был когда-то ислам для христианских народов Европы). У них нет общих культурных ориентиров»[1]. Примечательно, что единственный музей азиатской цивилизации в Азии существует в вестернизированном Сингапуре, где официальный английский язык соединяет китайское, малайское и индийское население.

Соглашаясь с этим, нельзя не заметить, что сознание азиатского единства существует, а история его формирования насчитывает не одно тысячелетие. Самая древняя на планете торговая ось протянулась на пять тысяч километров от гор Малой Азии через междуречье Тигра и Евфрата в Персидский залив и от побережья Индийского океана до берегов Инда. Именно на перекрестках этого пути выросли крупные торговые города Ур, Акал, Вавилон, Ниневия (все на территории современного Ирака). Поток товаров из этих городов распространялся все шире: сначала на Средний Восток, затем до Средиземноморья, а потом и на восток — до самого Китая.

Более двух тысяч лет назад китайский шелк и фарфор уже обменивались на индийский хлопок, южноазиатские пряности и древесину на всем протяжении Великого Шелкового пути, водных путей Юго-Восточной Азии. Китайский шелк достигал в начале нашей эры до Рима. Китайские торговцы загружали суда в южных портах, откуда они шли вдоль берегов Индонезии, полуострова Малакка, через Бенгальский залив к портам Шри-Ланки. Там их встречали индийские купцы, переправлявшие ткани в тамильские порты, откуда через арабских и греческих посредников они попадали на остров Диоскория у южных берегов Аравийского полуострова, где бурно торговали индийские, персидские, эфиопские, арабские, греческие предприниматели, которые по Красному морю достигали Египта, откуда по Нилу товары попадали в Средиземное море. Еще более сложным был сухопутный маршрут по Великому шелковому пути, открытый посланниками императоров династии Хань во II в. н.э., в основных центрах которого —

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 54–55.

Самарканде, Исфахане, Герате — ведущую роль играли еврейские, армянские и сирийские купцы и перекупщики[1].

Культурные связи уходят корнями еще в III в. до н.э., когда индийский император Ашока начал экспансию буддизма за пределы субконтинента. Первые попытки паназиатского политического объединения можно усмотреть в политике сбора дани императорским Китаем, который проводил различие между неазиатскими «варварскими» странами и азиатскими данниками: Кореей, Японией, королевствами Юго-Восточной Азии.

В выковывании общеазиатского единства велика была роль самой обширной империи в истории человечества — монгольской империи Чингизидов, простиравшейся от Тихого океана до Восточной Европы и включавшей в себя современные Китай, Россию, Украину, Венгрию, Иран, государства Средней Азии и Леванта, Северную Индию. Она соединила в рамках одного государства представителей самых разных народов, религий и культур, оставив на них свой отпечаток. Опыт монгольского государства, чьи правители жили в Китае, был любопытным.

Каррер д'Анкосс считала наиболее важными компонентами монгольского наследия идеологию, принципы политической организации государства и отношений собственности: «Чингисхан передал своим наследникам политические структуры и способ управления, которые не могли сравниться в своей эффективности ни с каким другим государственным устройством того времени. Эта система была продуктом идеологической концепции, что встречалось крайне редко, если вообще существовало в то время, но что стало сплошь и рядом распространенным явлением в XX столетии. Монгольская система ставила себе целью утверждение мировой Империи, завоеванной путем серии постоянных войн, и она стремилась установить, благодаря поставленной повсюду власти, глобальный мир и общественный порядок, ключевыми понятиями в котором были слова справедливость и равенство, под эгидой всемогущего хана. Но таким образом организованное человечество, обеспеченное безопасностью и равенством, должно было платить за эти благодеяния, постоянно и неустанно служа государству, то есть хану, который являлся его воплощением. Со своей стороны, хан, всемогущий властитель над жизнью своих подданных, был также собственником земель своей Империи»[2].

Монгольская империя давала пример полиэтничности и мультиконфессионализма. Чингисхан не принадлежал ни к какой религии, но с уважением относился к служителям любых культов при условии,

---

[1] *Уильям Бернстайн.* Великолепный обмен: История мировой торговли. М., 2014. С. 25, 9–10.

[2] *Элен Каррер д'Анкосс.* Незавершенная Россия. М., 2005. С. 37–38.

что они будут молить своих богов за здравие монголов. Впрочем, уже младший брат Батыя Берке, руководивший северокавказским регионом, был первым из Чингисидов, кто принял ислам.

Западное господство и азиатский реванш

Когда и почему Запад вырвался вперед?

Полагаю, важнейшим фактором оказалась демография. Наличие огромной и часто избыточной рабочей силы в Азии поощряло экстенсивный характер производства. Отсутствовали серьезные стимулы для внедрения технических новинок. Научное знание на Западе оказалось куда больше востребованным в практических целях, чем на Востоке.

Запад начинал также уходить вперед благодаря использованию огнестрельного оружия. Казалось бы, порох изобрели в Китае, и артиллерия там появилась не позже, чем на Западе. Почему же в Азии не стали развивать эти вооружения? Кеннет Чейс считает, что в Европе для этого было больше стимулов, чем на Востоке. В Европе с начала Нового времени политическая фрагментация привела к большому количеству войн. Существовало множество подлежавших штурму укрепленных городов. Оказались востребованы крупные армии, а лошадей на всех не хватало, поскольку в Европе негде было пасти большие табуны. На первый план выдвинулась пехота, главными задачами которой было уничтожение медленно передвигавшейся пехоты противника и взятие городов. И для того, и для другого наиболее эффективными средствами были ружья и пушки.

В Азии войны были более редким явлением, особенно гражданские, если не считать великую войну в Корее 1592–1598 гг. Китаю — крупнейшей военной державе — приходилось отбиваться, в основном от степных кочевников, против которых огнестрельное оружие неэффективно. Армии Китая, Индии, Персии, Турции были в значительной степени кавалерийскими, степные просторы или близость к ним позволяли иметь неограниченное количество лошадей. Стимулы к военной инновации в Европе оказались гораздо сильнее[1].

Виновата и география. Иан Моррис утверждает: «В XV веке новые способы навигации, первопроходцами в которых был Китай, позволили кораблям пересекать океаны. Неожиданно одна географическая деталь — что от Западного побережья Европы до восточного берега Америки 3000 миль, а от Китая 6000 тысяч до ее западного берега — стал самым важным фактором в мире. Это означало, что именно европейцы, а не китайцы колонизируют Новый Свет, создавая рыночные экономики нового типа по обе стороны Атлантики. Эти рынки создали

[1] *Kenneth Chase.* Firearms: A Global History to 1.700. Cambridge (UK), 2003.

столь же новые стимулы, которые заставляли европейцев, а не китайцев начать использовать сжигаемое топливо для промышленной революции. Порожденные этой революцией пароходы и железные дороги сделали мир еще меньше в XIX веке, высвобождая огромный промышленный потенциал Северной Америки»[1].

Долговременный кризис двух азиатских гигантов — Китая и Индии, а с ними и всего азиатского континента, наступил, когда англичане с помощью последних достижений промышленной революции, используемых для военных целей, оккупировали Индию и начали выкачивать из нее несметные богатства, а затем производить там опиум и пытаться продавать его в Китай. Поскольку китайцы сопротивлялись, Британия начала против них опиумные войны, заставив, наконец, покупать наркотики. В 1840–1842 гг. небольшой британский флот поставил Китай на колени. Рассказ очевидца — лорда Роберта Джоуселина: «Корабли сделали бортовой залп по городу, и треск от падающих деревьев и домов, стоны людей донеслись с берега. Огонь с нашей стороны продолжался девять минут… Мы высадились на опустевший берег. Одни лишь мертвые тела, луки и стрелы, сломанные копья и ружья остались на поле боя»[2]. В 1890 г. доля Китая составила 13%, а Индии — около 2%[3].

Пик колонизации в Азии пришелся на XIX в., когда сформировалось несколько зон колониального контроля: британская — на юге и юго-западе континента, российская — в Центральной Азии и Закавказье, французская — в Индокитае, голландская — в Индонезии, совместное влияние западных держав и России в Восточной Азии. Внешняя экспансия нарушила естественное развитие Азии, привела к столкновению цивилизаций, находившихся на разных стадиях развития. Хотя в Европе уже кое-где упрочились секуляризированные и даже либеральные нормы, колониальные режимы ни в коей мере не были озабочены привитием этих норм. Управление было иерархичным, авторитарным и в этом отношении мало чем отличалось, а иногда и превосходило по жесткости традиционные восточные порядки.

Европейские державы имели возможность военного вмешательства в любой стране Азии. Оттуда шла почти бесплатная рабочая сила — индийцы на Малайский полуостров, китайцы в Тринидад и т.д. Оттуда вывозились культурные артефакты, которыми до сих пор переполнены музеи и частные коллекции в Западной Европе. Оттуда в любых объемах вывозилось сырье, столь необходимое для западной индустриализации, что одновременно не позволяло начаться индустриализации на Востоке. Азиатские рынки были полностью открыты для европейских промышленных товаров, что уничтожило многие местные ремеслен-

[1] *Ian Morris.* Here Comes the East // International Herald Tribune. December 22, 2010.
[2] *Peter Ward Fay.* The Opium War, 1840–1842. Chapel Hill (N.C.), 1997. P. 222.
[3] *Дамбиса Мойо.* Как погиб Запад. С. 33.

ные производства. Цивилизация теперь отождествлялась с европейскими формами научного и исторического знания, представлениями о морали, общественном порядке, праве, даже о стиле одежды и вере. «Поэтому подчинение Азии европейцам не было просто экономическим, политическим и военным, — подчеркивает известный индийский аналитик Панкадж Мишра. — Они было также интеллектуальным, моральным и духовным — совершенно иной тип завоевания, чем когда-либо раньше. Оно оставляло жертвы возмущенными, но в то же время завидующими завоевателям и, наконец, желающими приобщиться к тайнам их власти, которая казалась почти мистической»[1].

Сунь Ятсен — основатель Гоминдана — скажет в 1924 г., что даже в последнем десятилетии XIX в. в Азии не считали, что освобождение от господства белых вообще возможно: «Люди думали и верили, что европейская цивилизация была прогрессивной — в науке, промышленности, производстве, вооружении, — и Азии нечем с ней сравниться. Как следствие, они полагали, что Азия никогда не окажет сопротивления Европе, и европейское угнетение никогда не будет поколеблено»[2]. Для многих азиатских мыслителей вызов Запада не был геополитическим — он был экзистенциальным. И появилось немалое количество интеллектуалов, которые готовили революцию в азиатском сознании. Шло активное заимствование отдельных элементов западных политических идей, норм и традиций. «За модернизацию политической культуры выступила новая восточная интеллигенция, получившая европейское образование. Знакомство с западными общественно-политическими учениями привело к заимствованию одной частью идей буржуазного развития, другой частью — социалистических идеалов. Значительная прослойка новой восточной интеллигенции стремилась к модернизации политического развития, не связывая его ни с капитализмом, ни с социализмом, а пытаясь найти самобытный, свой собственный путь с использованием национальной политической культуры»[3]. К их числу можно отнести китайского историка и философа Лян Ци-чао, журналиста Джамаля аль-Дина аль-Афгани, индийца Рабиндраната Тагора, японца Сасеки.

В чем причина превосходства Запада? Азиатских интеллектуалов не устраивали ответы в духе «восточного деспотизма» и «расовой неполноценности». Ответ они находили в организации западных государств и обществ: европейские формы политической и военной мобилизации — армии по призыву, эффективные налоговые системы,

---

[1] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. N.Y., 2013. P. 45.

[2] *Sun Yat-sen.* Pan-Asianism, China and Japan: Natural FriendsUnnatural Enemies. Shanghai, 1941. P. 143.

[3] *Л.М. Ефимова.* Особенности политической культуры современного Востока // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 101.

кодифицированные законы; финансовые институты — акционерные компании, биржи; информационно насыщенная общественная жизнь, образование. Первой на путь заимствования форм государственной организации встала Япония, роль которой в развитии азиатизма и в дальнейшем будет очень большой. Реформы Мэйдзи, осуществленные с 1868 г., стали превращать Японию в великую державу. Япония уже сама к концу века стала активно вмешиваться в колониальные конфликты в Восточной Азии, претендуя не только на собственные владения, но и на выполнение миссии освобождения Азии от завоевателей.

Япония не только продемонстрировала возможность быстрой модернизации восточного общества, но и первой предложила концепцию паназиатизма — азиатского единства и азиатской солидарности. Какузо Окакура начинал свою известную книгу «Идеалы Востока», написанную в 1903 г., словами: «Азия — одна. Гималаи разделяют, только чтобы подчеркнуть это, две могучие цивилизации — китайскую с коммунизмом Конфуция и индийскую с индивидуализмом Вед… Арабское благородство, персидская поэзия, китайская этика, индийская мысль, все говорят о едином азиатском мире, в котором они выросли в одинаковой жизни. Хотя в разных регионах расцветают разные характерные черты, но нигде нет четкой разделительной линии»[1].

В России и на Западе привыкли считать, что главными событиями в истории XX в. были две мировые войны, а затем биполярная конфронтация и «холодная война». «Однако сегодня становится понятнее, что центральным событием для большинства населения мира было интеллектуальное и политическое пробуждение Азии и ее возникновение из-под руин и азиатских, и европейских империй»[2], — считает Мишра.

Можно совершенно точно назвать тот момент в истории, когда народы Азии почувствовали, что колониальному угнетению европейских держав можно успешно противостоять. Как бы ни неприятно нам это вспоминать, речь идет о Цусимском сражении в мае 1905 г., когда небольшой японский флот адмирала Хэйхатиро Того потопил большую часть российского флота, проделавшего путь вокруг половины Земного шара, что решило исход войны, которая шла за контроль над Кореей и Маньчжурией. Это событие привело в восторг жившего в Южной Африке безвестного индийского адвоката Махатму Ганди; учившегося в Англии 16-летнего мальчишку Джавахарлала Неру; служившего в Дамаске молодого османского солдата Мустафу Кемаля, который станет известным под именем Ататюрка; оказавшегося в Лондоне китайского националиста Сунь Ятсена. Учитель Рабиндранат Тагор вывел учеников

[1] Pan-Asiatism: A Documentary History / Ed. by Sven Saaler, Christopher Szpilman. Vol. 1. Lanham (Md.), 2011. P. 96.

[2] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire. P. 8.

своей сельской школы в Бенгале на марш победы. Сотни тысяч людей ликовали в Китае, Вьетнаме, Персии, Турции, Египте. Именем адмирала Того называли детей по всей Азии, где сделали основной вывод: «белые люди, завоеватели мира, больше не являются неуязвимыми»[1]. Известный японский журналист Токутомо Сохо уверял: «Мы разрушаем миф о неполноценности небелых рас. Своей силой мы добиваемся принятия нас как члена в ряды величайших держав мира»[2].

Студенты из азиатских стран потянулись в Японию за опытом. Азиатские правители смотрели на нее как на пример и начали заимствовать и опыт, и институты. В Османской империи младотурки заставили султана Абдулхамида восстановить действие конституции, отмененной в 1876 г. В Персии в 1906 г. была создана Национальная ассамблея. В Индонезии возникла первая националистическая партия. Успех Японии в войне с Россией не мог отменить реальность — безусловное военное и экономическое превосходство Запада, но он начал процесс интеллектуальной деколонизации.

Следующим толчком для антиколониализма и идеологии азиатизма стала Первая мировая война, в ходе которой европейская цивилизация теряла в глазах азиатов остатки морального авторитета. Общим местом для восточных интеллектуалов стало убеждение в империалистической природе европейской бойни, в которой на кону стояли колониальные владения. Большое впечатление в Азии произвела книга Владимира Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где он описал схватку жадных до капиталов и ресурсов европейских держав, от которых ни в чем не отставали Япония и США. Ленинский принцип права наций на самоопределение предшествовал его провозглашению американским президентом Вудро Вильсоном, у которого, однако, было больше возможностей донести свои позиции до мировой общественности.

Азиатские страны поначалу были вдохновлены принципами Вильсона, который также заявил о праве на самоопределение малых наций. Однако скоро стало понятно, что этот принцип в вильсонизме касался только европейских народов. Уже в 1919 г. британцы жестоко подавили движения протеста в Пенджабе, Афганистане и Египте, не встретив ни малейших возражений со стороны США. Мао Цзэдун, Джавахарлал Неру, Хо Ши Мин и другие националисты в Азии убедились в том, что «империя возвращается»[3]. Еще ниже звезда вильсонизма опустилась в глазах азиатов в ходе Версальской конференции. Следует отметить, что

---

[1] Ibid. P. 1–3.

[2] *John D. Pierson.* Tokutomo Soho 1863–1957: A Journalist for Modern Japan. Princeton, 1980. P. 279.

[3] *Erez Mazela.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. N.Y., 2007.

на 1910-е гг. пришелся едва ли не пик расистского антииммигрантского законодательства — в Австралии, Канаде, американской Калифорнии, где опасались наплыва «азиатских орд». Япония — единственная представленная в Версале небелая и нехристианская страна — внесла предложение включить в число принципов создававшейся Лиги наций «расовое равенство». Вильсон блокировал эту идею, предложив взамен принцип «открытых дверей» в Восточной Азии, компенсацию японских интересов за счет германских претензий на китайский Шаньдун[1].

В этих условиях симпатии азиатских националистов стали склоняться в сторону страны, провозгласившей принцип равенства всех народов, антиколониализма и пролетарского интернационализма, — Советской России. В 1920 г. большевики организовали в Баку Конгресс народов Востока, Коминтерн развернул работу по подъему сил национального освобождения в Азии. В Москве будут учиться многие будущие лидеры революционного движения Азии и Африки, а компартии повсеместно выступят активными, если не главными силами социальных перемен.

Китайский мыслитель Янь Фу на старости лет все больше чувствовал, что «западный прогресс за последние триста лет вел только к эгоизму, резне, коррупции и бесстыдству»[2]. Сунь Ятсен настаивал в «Принципах трех народов» в 1924 г. на восстановлении традиционных ценностей, которые он называл «королевским путем» Востока: «лояльности, сыновней почтительности, гуманизма и любви, верности и долга, гармонии и мира»[3]. С другой стороны, императорская Япония в 1920–1930-е гг. оправдывала свои захватнические военные акции идеями азиатского единства, освобождения азиатских государств от западного колониального ига и создания «великой восточноазиатской сферы сопроцветания». Война в Азии началась с наступления Японии в Маньчжурии в 1931 г. и продолжалась до 1945-го.

В течение трех месяцев после атаки на атаки на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. Япония захватила британские, американские и голландские владения — Филиппины, Сингапур, Малайзию, Гонконг, Индонезийские острова, большую часть Сиама и французского Индокитая, Бирму и уже стояла на границе Индии. Это был один из самых драматичных эпизодов одновременного унижения почти всех великих западных держав. На покоренных территориях японцы демонстрировали невиданную жестокость, перед которой бледнеют даже преступления гитлеризма, если подобное возможно представить. Война унесла в Азии,

---

[1] *Mark Mazower.* Governing the World: The History of an Idea. L., 2013. P. 163–165.

[2] *Jerome B. Greider.* Intellectuals and the State in Modern China: A Narrative History. N.Y., 1981. P. 23.

[3] Sources of Chinese Tradition, From 1600 Through the Twentieth Century / Ed. by William De Bary et al. Vol. 2. N.Y., 2000. P. 322.

по самым минимальным оценкам, 24 млн жизней, включая 3,5 млн индийцев, умерших от голода в 1943 г., сотен тысяч китайцев, расстрелянных в Нанкине. Рабский труд, пытки, массовые изнасилования были в порядке вещей. И в Азии японцам этого никогда не забудут.

Но важным было и то, что японцы, действуя под лозунгом «Азия для азиатов», не только свергли во многих местах европейские колониальные администрации, изгнав их или отправив их представителей в тюрьмы и концлагеря, но и подтолкнули националистические и паназиатские движения по всему континенту. С апреля 1943 г. официальным лозунгом Японии стало «освобождение Азии», и в том же году состоялся Конгресс Большой Восточной Азии в Токио, показавший, что паназиатизм был далеко не только японской идеей. Джавахарлал Неру, встретивший Вторую мировую войну в британской тюрьме, писал, что «азиатизм был ремнем, связующим нас против агрессии Европы». Его видение будущего заключалось в «федерации, которая включает Китай и Индию, Бирму и Цейлон, Афганистан, а возможно, и другие страны»[1].

Колониальные власти затрещали по швам повсеместно даже там, где японцев не было. Творец современного Сингапура Ли Кван Ю напишет: «Мои коллеги и я сам принадлежат к поколению молодых людей, которые пережили Вторую мировую войну и японскую оккупацию и вышли из них убежденные в том, что никто — ни японцы, ни британцы — не имеют права распоряжаться нами. Мы знали, что мы можем управлять собой сами и воспитывать детей в стране, где люди с гордостью управляют сами собой»[2]. Япония проиграла войну, но восстановить колониальное господство в Азии оказалось уже невозможно.

Повсеместно взрыву движений за освобождение предшествовала активнейшая националистическая агитация, направленная на консолидацию исключительно фрагментированных многоэтнических, многоконфессиональных обществ, существовавших во всех азиатских колониальных и полуколониальных странах. Следующим этапом стали революции, во главе которых оказывались националистические и левые силы.

В 1947 г. британцы в полупанике бежали из Индии, не забыв отделить — катастрофа для Южной Азии — Пакистан. Бирма освободилась в 1948 г. В 1949-м силы Сукарно изгнали голландцев из Ост-Индии, и были созданы Соединенные Штаты Индонезии — федерация из 15-ти государств, годом позже ставшая Республикой Индонезией. Восстали против британского господства Малайзия и Сингапур. Победила революция в Китае.

---

[1] *Javaharlal Nehru.* Autobiography. New Delhi, 1989. P. 488, 632.
[2] Цит. по: *Eri Hotta.* Pan-Asiatism and Japan's War 1931–1945. N.Y., 2007. P. 218.

«С зенита своего влияния в начале XX века европейский контроль над Азией драматически ослабел, к 1950 году Китай и Индия стали независимыми странами, и Европа сохранила периферийное присутствие в Азии, поддержанное новейшей западной державой — Соединенными Штатами — и в возрастающей степени зависящей от военных баз, экономического давления и политических переворотов»[1], — пишет Мишра.

В 1951 г. президент Ирана Мохаммад Моссадык сорвал аплодисменты в ООН, выступая по поводу национализации британских нефтяных компаний и вспоминая, как Вторая мировая война «изменила карту мира»: «По соседству с моей страной сотни миллионов человек после веков колониальной эксплуатации обрели независимость и свободу… Иран требует соблюдения своих прав»[2]. Через два года Моссадык будет свергнут в результате англо-американской «цветной революции».

Холодная война переместилась в Азию, символом чего явилось создание под эгидой США в 1954 г. Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Индийский премьер Джавахарлал Неру расценил этот акт как «одностороннее объявление своего рода Доктрины Монро в отношении стран Юго-Восточной Азии». Неру вместе с индонезийским президентом Сукарно выступили инициаторами проведения Бандунгской конференции 1955 г. На конференции были представители 29 новых независимых государств — китаец Чжоу Эньлай и египтянин Гамаль Абдель Насер, камбоджиец Нородом Сианук, вьетнамец Фам Ван Донг и многие другие.

Это был звездный час азиатского национального освобождения, триумф хозяина саммита — Сукарно, чьи идеи «панчасилы» были подняты на пьедестал третьего мира. «Это первая межконтинентальная конференция цветных людей в истории человечества!», — заявлял он с трибуны форума. — На протяжении многих поколений наши люди были лишены голоса в этом мире, решения за них принимали другие». Теперь, когда жители колоний и бывших колоний Азии и Африки составляют 1,4 млрд человек, половину человечества, они «должны начать понимать друг друга, а через понимание придет и большее уважение друг друга, а из уважения родится совместное действие»[3].

Взгляды самого Сукарно представляли примечательную смесь воззрений Эрнста Ренана и Махатмы Ганди, Отто Бауэра и Джамаля аль-дина Аль-Афгани, Карла Маркса и пророка Мухаммеда. Под «панчасилой» понимались изначально пять принципов индонезийской

---

[1] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire. P. 7.

[2] *Christopher De Bellaigue.* Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Very British Coup. L., 2012. P. 179.

[3] *Vajoy Prashad.* The Darker Nations: a Peoples History of the Third World. N.Y., 2008. P. 34.

идентичности: национализм; интернационализм или общечеловечность; консенсус или демократия; благосостояние народа; вера в единого Бога. Сукарно был за демократию, но не западную, а «управляемую», «демократический консенсус между лидером и последователями», и за развитие отношений со всеми странами мира, что подтвердили немедленно последовавшие триумфальные государственные визиты в СССР, Китай, Югославию, Чехословакию и США[1].

На конференции не договорились о том, является ли социалистический лагерь в Восточной Европе проявлением колониализма, но зато в основу Бандунгской декларации легла идея совместной борьбы стран Азии, Африки и Латинской Америки против западного империализма и колониализма, став основой идеологии созданного тогда же Движения неприсоединения. Дух азиатского единства проявился и в поддержке концепции «панчасила», которая трансформировалась в пять принципов мирного сосуществования. Понимание того, что подъем национально-освободительного движения и однозначная поддержка ему со стороны Советского Союза лишает Запад морального лидерства, заставило Соединенные Штаты начать занимать антиколониальную позицию (что нашло отражение во время Суэцкого кризиса 1956 г.) и приступить к преодолению расовой дискриминации внутри самих США[2].

С 1961 г. афро-азиатский блок государств определял исход голосований в ООН. Но независимость не далась азиатским странам легко, все они испытали немалые экономические и политические потрясения. Цель — догнать как можно быстрее западные страны, которую ставили перед собой и Неру, и Мао Цзэдун, и Хо Ши-мин, и Сукарно, — оказалась весьма далекой. Задачи перед идеалистическими и абсолютно неопытными в управлении элитами новых государств стояли серьезные: консолидировать территорию, найти деньги для индустриализации доиндустриальной экономики, создать налоговую систему, провести земельную реформу, построить дороги, создать парламент и партии, армию и госаппарат, сформировать национальную идентичность в многоэтническом обществе, написать законы, запустить систему образования и здравоохранения. Пробовались самые разные политические модели: социализм в Китае и Северном Вьетнаме, парламентская демократия в Индии, союзное США светское государство в Турции. Но разочарования сопровождали азиатские страны на протяжении, как минимум, трех десятилетий, если опять же не считать быстро поднявшуюся с американской помощью Японию.

При этом, какая бы общественно-политическая система ни использовалась, она накладывалась на местную культурную матрицу,

---

[1] *James R. Rush.* Sukarno: Anticipating an Asian Century // Makers of Modern Asia / Ed. by Ramachandra Guha. L., 2014. P. 179, 184, 186–189, 191.

[2] *Mark Mazower.* Governing the World. P. 258–261.

а ориентация на СССР или США не означала автоматического согласия с их политикой и сервильности. «Примечательно, — пишет историк из Бангалора Рамачандра Гуха, — что классическая марксистская теория отвергала националистические сантименты, но коммунистические режимы в Азии были глубоко националистическими. И в Китае, и во Вьетнаме правящие коммунисты обладали глубоким чувством национальной, если не цивилизационной гордости. Интересы своей страны обычно ставились выше социалистического или пролетарского интернационализма»[1]. Азиатски союзники Запада вовсе не спешили присоединяться к его военным операциям в регионе. А большое количество азиатских государств предпочло оставаться в парадигме последовательного неприсоединения.

Азия исключительно сильно заявила о себе в 1973 г., когда ключевые нефтедобывающие страны Ближнего Востока — Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Абу-Даби, Дубай, Бахрейн, а также Ливия и Алжир — объявили о сокращении добычи нефти и наложили эмбарго на поставку нефти в США в ответ на поддержку Вашингтоном Израиля в его войне против Египта и Сирии, после чего эпоха дешевой нефти в мире закончилась.

Еще один виток роста азиатского самосознания начался с японского «экономического чуда» и появления «азиатских тигров» (Гонконга, Сингапура, Южной Кореи, Тайваня), продемонстрировавших способность перейти от аграрной развивающейся экономики к уровню передовых индустриальных государств за время жизни одного поколения. За ними последовали и другие страны, включая и двух гигантов Азии — Китай и Индию. Это рассматривалось как свидетельство превосходства их собственной экономической и политической модели, полезности возвращении азиатских стран к своим истокам.

Называть нынешний век азиатским стало уже общим местом. «Люди на Западе были бы шокированы, если бы узнали, насколько глубоки и сильны антизападные настроения», миллионы «испытывают большую радость от перспективы унижения их бывших хозяев и властителей». Но Мишру это совсем не радует, коль скоро «сегодня не существует убедительного универсалистского ответа западным идеям в политике и экономике»[2].

Во многих странах западный колониализм привел к выработке того, что исследователь из Стэнфорда Манджари Миллер, проследив опыт Китая и Индии, назвал «постимпериалистической идеологией». Она включает в себя «коллективную травму» несправедливо пострадавшей жертвы, желание, чтобы этот факт был признан другими, и не-

[1] *Ramachandra Guha.* The Politics Behind the Economics of Asia's Rise // Makers of Modern Asia. L., 2014. P. 7.

[2] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire.

желание оказаться в положении жертвы снова. Отсюда гипертрофированное стремление к максимизации территориального суверенитета и статуса, подчеркнутое чувство национальной гордости и уважения к собственному культурному и историческому наследию[1].

Збигнев Бжезинский утверждает, что «огромная азиатская часть населения мира политически пробудилась. Ее политическое сознание определяется и заряжается национализмом и/или религией, пропитанными — в разной степени (в зависимости от специфического исторического опыта отдельных стран) — остающимися антизападными настроениями. Общая тема их, пусть и отличающихся, исторических нарративов — тема антиимпериализма, где на разные части Запада возлагается ответственность за прошлые и воображаемые злодеяния… Интенсивность национализма напоминает Европу полуторавековой давности. Азиатский национализм, особенно подкрепленный в некоторых случаях религиозным рвением, представляет наибольшую угрозу политической стабильности в регионе»[2].

Как сегодня выглядит азиатский код? Для наиболее общего определения отличий между современными азиатскими и западными ценностями обращусь к Йоргену Меллеру, который называл три базовых:

- менее ориентированное на деньги социальное поведение при определении статуса и социальной стратификации;
- более сбалансированное отношение между человеком и природой;
- разные представления о том, что управляет обществом — ценности или закон[3].

Культура, общественные и моральные традиции имели и имеют большее значение, чем правовые нормы, институты и идеологии. Можно согласиться с Фрэнсисом Фукуямой, который подчеркивал, что традиционные азиатские культуры начинают с четвертого (культура) и третьего уровней (гражданское общество) и продвигаются вверх — ко второму (институты) и первому (идеология), тогда как современная западная политическая мысль стремится идти сверху вниз[4].

Азиатские демократии могут достаточно сильно отличаться от европейской и американской моделей, но при этом оставаться демократиями. Они не «лучше» и не «хуже», просто «другие» и, возможно, лучше приспособлены для решения собственных политических проблем[5]. Современные западные исследователи демократии приходят к

---

[1] *Majari Ch. Miller.* Wronged by Empire: Post-Imperial Ideology and Foreign Policy in India and China. Pal Alto, 2013. P. 20, 135.

[2] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012. P. 156.

[3] *Jørgen Østrom Møller.* How Asia Can Shape the World. P. 59.

[4] *Francis Fukuyama.* The Primacy of Culture // Journal of Democracy. No. 1. 1995.

[5] *А.Д. Воскресенский.* Сравнительный анализ политических систем… // Политические системы и политические культуры Востока. С. 20–25, 28–29.

неутешительному выводу о том, что ее распространение в Азии в последние годы существенно замедлилось, если не повернуло вспять. «Краткосрочные перспективы для установления гражданского контроля в молодых демократиях Южной и Юго-Восточной Азии весьма печальны». По всему Ближнему Востоку всплески Арабской весны, на которую возлагались столь большие надежды, привели повсеместно к резкому усилению роли военных и исламистов при маргинализации роли либеральной интеллигенции. Даже в Восточной Азии, больше всего выигравшей от глобализации, повсеместно фиксируется «растущее разочарование в демократии» и «авторитарная ностальгия»[1].

Существенные различия и на личностном уровне. Если коротко, в европейской культуре «личность оценивается в целом, ее поступки в разных ситуациях считаются проявлением одной и той же сущности. А вот китайцы, например, избегают суждений о человеке в целом, делят его поведение на изолированные области, в каждой из которых действуют свои законы и нормы поведения. В европейском обществе объясняют поведение человека мотивами… а в Китае — общими правилами, нормами. На Востоке люди более интровертны»[2].

К азиатскому коду следует отнести и некоторые демографические тенденции. Везде существуют традиции крепкой семьи, хотя они и отличаются в различных культурных ареалах. В Южной Азии браки ранние, им предшествует помолвка, роль мужчины доминирующая, важна расширенная семья. В Восточной Азии, где тоже мужчина главный, в центре — нуклеарная семья. В исламских странах разрешено многоженство, женщинам не всегда удается выбирать себе супруга. Заметное исключение — исламские страны Юго-Восточной Азии, где в целом женщина пользовалась более широкими правами, чем где-либо на Востоке. В Южной Азии и Китае почти 98% мужчин и женщин связывают себя узами брака, тогда как на Западе четверть переваливших за 30 людей остаются неженатыми, а половина браков заканчивается разводами. В Японии только 2% детей рождаются вне брака, тогда как в Швеции 55%, а в Исландии — 66%. Однако в Восточной Азии наблюдаются те же тенденции, что и на Западе: люди позже и реже вступают в брак, чаще разводятся. Изменения связаны, прежде всего, с ростом образования, достатка женщин и их занятости вне дома[3].

Анализ Азии начнем с ее восточной части, которую сейчас уместнее рассматривать в более широком контексте — Азиатско-Тихоокеанского региона, в который входят страны и двух других континентов — Австралии и Америки.

---

[1] *Joshua Kurlantzick.* Democracy in Retreat: The Revolt of the Middle Class and the Worldwide Decline of Representative Government. New Haven; L., 2013. P. 12–13, 20.

[2] Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 168.

[3] The Flight From Marriage // The Economist. August 20, 2011. P. 17–20.

Мегатенденция — подъем Восточной Азии

Мегатенденция последних десятилетий — смещение глобального центра силы в Восточную Азию и в АТР. «Экономическое развитие Восточной Азии было одним из наиболее важных событий в мире во второй половине двадцатого века, — подчеркивал Хантингтон. — Этот процесс начался в Японии в 1950-х годах, и на протяжении некоторого времени Япония воспринималась как большое исключение: не-западная страна, которая была успешно модернизирована и стала экономически развитой. Тем не менее процесс экономического развития распространился и на "Четырех Тигров" (Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Сингапур), а затем и на Китай, Малайзию, Таиланд и Индонезию; сейчас он приходит в Индию, Филиппины и Вьетнам... Для того чтобы удвоить доход на душу населения, Британии и Соединенным Штатам понадобилось соответственно сорок восемь и сорок семь лет, в то время как Япония сделала это за тридцать три года, Индонезия — за семнадцать, Корея — за одиннадцать, Китай — за десять. Китайская экономика росла в среднем на 8% в восьмидесятых годах и первой половине девяностых, а "Тигры" недалеко от него отстали»[1]. Что обеспечило столь стремительный подъем?

«Более низкая стоимость производства в этих странах означала более дешевые товары, которые нашли охотных покупателей в Америке и Европе, — отвечает Иан Бреммер. — В Бреттон-Вудсе Соединенные Штаты добивались открытых рынков, чтобы обеспечить потребительский спрос для экспорта из США. Три десятилетия спустя центры производства развивающегося мира и богатеющие американские покупатели развернули торговые потоки в обратную сторону. В 1960 году американцы потратили 15 млрд долл. на импортные товары. К 1985 году эта цифра достигла почти 340 млрд долл. Вот как азиатские тигры стали первыми поднимающимися рынками… По мере того, как Соединенные Штаты все глубже залезали в долги, список развивающихся рынков рос, и эти страны забирали все большую часть глобального богатства»[2]. В 1978 г., когда Дэн Сяопин начал свои реформы, доля Китая в мировой торговле не превышала 0,6%...

В Восточной Азии существовали, да и сейчас еще существуют различные экономические модели: постиндустриальная, индустриальная и даже доиндустриальная. Логика экономического развития соответствовала концепции «летящих гусей», выдвинутой японским экономистом Канаме Акамацу еще в 1930-е гг.: следование за более развитой

---

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 150–151.

[2] *Ian Bremmer.* Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. L., 2012. P. 50–51.

страной и принятие ее модели развития экономики после того, как та переходит на новый технологический уровень. Так, Япония, занявшись бытовой электроникой и автомобилестроением, передала текстильную промышленность Южной Корее и Тайваню. Когда Япония сконцентрировалась на еще более высокотехнологичной продукции, Южная Корея и Тайвань переняли электронную и автомобильную промышленность, а текстильная промышленность ушла в Индонезию, Таиланду и т.д.). К Японии, развивающей экономику знаний, добавляются Южная Корея, Тайвань и Сингапур. Мировой «город» уже переехал из Европы и Северной Америки в Восточную и, частично, в Южную Азию.

Страны, где голод был нормой в течение столетий, произвели на свет первые поколения, которые не недоедают. Это привело, помимо прочего, к тому, что средний рост населения, например, в Японии после Второй мировой войны увеличился на 20 сантиметров. Более того, продукция сельского хозяйства стала предметом экспорта. Не случайно рассматриваются планы создания организации стран — экспортеров риса (наподобие ОПЕК), куда могут войти Таиланд, Мьянма, Лаос, Вьетнам, Камбоджа, Индия и Китай.

Процессы в Восточной Азии справедливо сегодня рассматривать в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона. На долю АТР приходится большинство населения планеты, до 60% мирового ВВП (35% без США), около половины объема международной торговли и порядка 40% совокупных инвестиций, и эти показатели тоже увеличиваются. Тон развитию региона задают три крупнейшие экономики мира — США, Китай и Япония. К АТР относится половина стран, входящих в состав «Группы двадцати», — Австралия, Канада, Китай, Индия, Индонезия, Япония, Мексика, Россия, Республика Корея и США.

Характерная особенность АТР — весьма пестрый состав расположенных здесь государств, различающихся по формам политического устройства, моделям и уровню социально-экономического развития, цивилизационной и религиозной идентичности. Хантингтон подмечал: «В одной только Восточной Азии расположены страны, принадлежащие к шести цивилизациям — японской, китайской, православной, буддистской, мусульманской и западной, — а с учетом Южной Азии к ним прибавляется еще и индийская… В результате получается крайне усложненный образчик международных отношений, во многом схожий с тем, который существовал в Европе в восемнадцатом и девятнадцатом веках, и чреватый той непредсказуемостью, что характерна для многополюсных ситуаций»[1].

Огромным остается разрыв в уровнях экономического развития. Мощные экономики с высоким уровнем жизни населения — США,

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 344.

Япония, Гонконг, Сингапур, Канада, Австралия — соседствуют здесь с такими беднейшими странами, как Восточный Тимор и Папуа — Новая Гвинея. Да и быстрорастущие экономики — Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам — тоже пока не могут похвастаться высокими показателями объема ВВП в расчете на душу населения.

В АТР расположены крупнейшие геополитические центры современного мира, прежде всего Соединенные Штаты Америки, которые остаются доминирующей силой в регионе со времен Второй мировой войны и имеют торгово-экономические отношения, многократно превосходящие их трансатлантические связи. Китай не без основания рассматривается как основной претендент на звание второй сверхдержавы планеты. Индия становится все более значимым и глобальным, и региональным игроком. Крупнейшая в мире исламская страна — Индонезия с населением в 240 млн человек — входит в десятку стран АСЕАН, объединяющую 500 млн человек.

Россия заметна в регионе как крупный политический игрок, но не рассматривается как значимый экономический или культурный фактор. Влияют и определенные предубеждения — не только геополитические, но также расово-этнические. Россия не воспринимается как страна азиатская. «Исторически страны Восточной Азии имели тенденцию рассматривать Россию как “отдаленного соседа” с собственной… цивилизацией — ни европейской, ни азиатской — и с отличными политическими и стратегическими интересами»[1], — отмечает директор центра восточноазиатских исследований Монтерейского института Цунео Акаха.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе существует серьезный конфликтный потенциал. Именно там фактически началась Вторая мировая война — с японской оккупации Китая, стран Юго-Восточной Азии. И сейчас именно в Восточной Азии память о Второй мировой войне вызывает куда более сильные эмоции, чем на европейском континенте. В регионе сохраняются и застарелые геополитические разломы, восходящие еще к началу эпохи холодной войны. Именно здесь находятся 5 самых больших армий на планете — Соединенных Штатов, Китая, Индии, Северной Кореи и России. Лидирующие позиции по темпам роста военных расходов занимали в последнее десятилетие Китай, Япония, Индия и Южная Корея.

Между странами существует взаимное недоверие, а между некоторыми и открытая враждебность: Индией и Пакистаном, Южной Кореей и КНДР. Сохраняются территориальные споры, в которые вовлечены едва ли не все страны Восточной Азии. Три района Южно-Китайского моря (Парасельские острова, острова Спратли и Тонкинский залив)

[1] *Tsuneo Akaha.* A Distant Neighbor: Russia's Search to Find Its Place in East Asia // Global Asia. Summer 2012. P. 8.

являются зонами многосторонних споров. На Парасельские острова (китайское наименование Сиша цюньдао, вьетнамское — Куандао Хоанша) претендуют Китай и Вьетнам, а на Спратли — КНР, Тайвань, Вьетнам, Филиппины и Малайзия. В Китае Спратли именуются Наньша цюньдао, во Вьетнаме — Куандо Чыонгша, на Филиппинах — Калаяана. Островки Южно-Китайского моря никогда не имели постоянного населения, вопрос об их юрисдикции имеет отношение к возможности извлечения энергоресурсов с зоны континентального шельфа и к национальной гордости. Конфликт вокруг разграничения водных пространств в Тонкинском заливе между КНР и СРВ связан с претензиями вьетнамской стороны на значительную часть шельфа Тонкинского залива[1]. Не урегулированы пограничные проблемы между Индией и Пакистаном, Индией и КНР, Китаем и Вьетнамом, Японией и всем ее соседями. Один из последних примеров — обострение территориального спора между Камбоджей и Таиландом, обернувшееся вооруженными столкновениями на границе.

Острейший после Второй мировой войны кризис вспыхнул осенью 2012 г. в китайско-японских отношениях. В ответ на решение Токио выкупить у частных владельцев три из пяти спорных островков Сенкаку Китай захлестнула волна протестов с уничтожением японских флагов, автомобилей и ресторанов, погромами в офисах японских компаний, штурмом посольства Японии. В район спорных островов были отправлены патрульных корабли КНР и рыболовецкая флотилия в составе до двух тысяч судов. Глава Пентагона Леон Панетта подтвердил японскому руководству приверженность договору о безопасности с Японией и готовность защитить союзника в случае внешней агрессии[2].

Серьезный конфликт возник внутри АСЕАН, где председательствовавшая в 2012 г. Камбоджа попыталась провести резолюцию в поддержку позиции дружественного ей Китая, в чем встретила решительное сопротивление других участников организации, прежде всего Вьетнама и Филиппин, которые сами вспомнили о своих территориальных спорах с Китаем. Филиппинский флот даже в течение нескольких недель устраивал афронт китайскому в районе добычи рыбы Скарборо[3].

Исключительным анахронизмом выглядит ситуация на Корейском полуострове, где сегодня, более полувека спустя после окончания войны 1950–1953 гг., по-прежнему отсутствуют гарантии мира и стабильно-

---

[1] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2010. С. 164.

[2] *Сергей Строкань.* Осеннее обострение: Азиатско-тихоокеанское сотрудничество приняло неожиданно бурные формы // Коммерсантъ. 17 сентября 2012; *Он же.* Полный АТЭС: США, Китай и Япония вступили в конфликт века // Коммерсантъ. 19 сентября 2012.

[3] South-East Asia and China. All Change at ASEAN // The Economist. February 9, 2013. P. 46.

сти. Участились конфликты в АТР по вопросам использования лесных и водных ресурсов, рыболовства, границ экономических зон.

Серьезным дестабилизирующим фактором является террористическая угроза, в ряде государств — Индия, Пакистан, Китай, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Мьянма — действую экстремистские и сепаратистские движения и группировки, существует сеть лагерей подготовки боевиков. Деятельность местных диверсионных организаций, борющихся за автономию или отделение мусульманских районов, — движения юга Таиланда, Национальная организация Аракана, Исламский фронт освобождения Моро — носит относительно локализованный характер. Гораздо большую активность демонстрируют отделения транснациональных террористических сетей («Джамаа Исламия», «Абу Сайяф»).

Одним из аспектов террористической деятельности в Восточной Азии являются морской терроризм и пиратство в Малаккском проливе, через который проходит основной товарооборот не только стран Юго-Восточной Азии, но также Китая, Японии, Южной Кореи, Тайваня и США. Географические особенности Малаккского пролива делают его самым небезопасным местом Мирового океана. Основными сферами деятельности восточноазиатских организованных преступных группировок являются: торговля оружием, производство, транспортировка и распространение наркотиков, торговля людьми, рэкет и т.д.[1]

Бжезинский, отмечая высокий конфликтный потенциал в Восточной Азии и сравнивая азиатскую ситуацию с европейской полуторавековой давности, указывает и на ряд существенных отличий. Во-первых, Азия — в отличие от Европы XIX в. — все еще не является центром мировой военной мощи и должна принимать во внимание возможность вмешательства преобладающей силы извне. Во-вторых, Восточная Азия сильно выигрывает от роста экономической взаимозависимости, ценит свои экономические успехи, представители среднего класса всех стран региона активно путешествуют, общаются в Интернете, что размягчает национализм. В-третьих, исторически азиатские страны могли существовать друг с другом в мире на протяжении многих столетий, тогда как в Европе периоды мира были, скорее, исключением Наконец, европейские войны имели целью, в основном, территории соседей, тогда как в Восточной Азии территориальные споры второстепенны по сравнению с проблемами поддержания внутренней стабильности отдельных стран[2].

Соединенные Штаты связывают со многими странами двусторонние военные альянсы. Из них ключевые — с Японией, Австралией,

---

[1] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. С. 154–155.

[2] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision. P. 159–161.

Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Военное сотрудничество переводится в многосторонние форматы, расширяются его география и функциональная сфера действия («Сиднейская тройка», стратегический треугольник «США — Япония — Республика Корея»). Без особой помпы проходят трехсторонние консультации по сотрудничеству в области безопасности между США, Японией и Индией[1]. Кроме того, у США существуют механизмы двусторонних консультаций со всеми остальными странами АТР. Вашингтон исходит из того, что любая формирующаяся интеграционная структура в регионе должна отражать фундаментальную роль Соединенных Штатов и системы союзов Америки. А страны региона, находящиеся вне американского «зонтика», ищут дополнительные возможности укрепления собственной безопасности.

Ключевой вопрос для региональной безопасности — как будут развиваться отношения между двумя основными игроками в АТР — США и Китаем. Само возвышение Китая вызывает самые различные оценки — от надежды на то, что Пекин использует обретенную им мощь для поддержания стабильности, до опасений тотального стратегического доминирования Китая в регионе. Все явственнее ощущается возвращение страха перед биполярной конфронтацией теперь уже между США и Китаем. Страны региона хотели бы этого избежать, вписав две державы в общую систему, которая давала бы гарантии от конфликта между ними.

Не продемонстрировали государства Азии и АТР какого-либо желания занимать стороны и в противостоянии России и Запада вокруг Украины. К санкциям против Москвы из государств региона охотно присоединилась Австралия и с явной неохотой — Япония. Даже такие ближайшие союзники США, как Южная Корея или Новая Зеландия, не пожелали портить отношения с Россией. Из Пекина и Дели прозвучали заявления о ее праве защищать базовые стратегические интересы. Страны АСЕАН выступили за активизацию торгово-экономического сотрудничества с Россией. И даже в Малайзии, самолет которой был сбит над Новороссией, большинство общественного мнения склоняется к версии о провокации, за которой стоят США[2].

Обостряется соперничество военно-морских потенциалов в АТР, в котором решающую роль играют опять же США и Китай. Со времен Второй мировой войны Соединенные Штаты вместе со своими союзниками поддерживали ощутимое военно-морское превосходство в

---

[1] *Brahma Chellaney.* A US-India-Japan Cooperation Bloc Can Ensure Stability in Asia, Especially With an Increasingly Rigid China // The Economic Times (New Delhi). November 21, 2012.

[2] *Владимир Петровский.* Россия и Восточная Азия в контексте украинского кризиса: «нет» санкциям, «да» новому миропорядку // Международная жизнь. Октябрь 2014. С. 52–65.

Северо-Восточной Азии, полагаясь на сеть баз, протянувшихся от Южной Кореи через территорию Японии и Окинаву на Гуам. Выше уже отмечалось, что в Азии строят в 10 раз больше кораблей, чем в остальном мире. Вместе с тем, подчеркивает Чарльз Капчан, «удивительное превосходство Азии в судостроении не имеет немедленных последствий для морской гегемонии США. Подавляющее большинство производимых в Азии кораблей — торговые, а не боевые суда. Когда дело доходит до военных кораблей, американский флот из почти 300 судов, включая 11 авианосных групп, более 70 подводных лодок и 3700 самолетов ставит его далеко впереди в любом соревновании».

По состоянию на 2011 г. только Седьмой флот США в Западной части Тихого и Индийского океана насчитывал до семидесяти кораблей, 300 самолетов и 40 тысяч военнослужащих. Китайский флот состоял из более 80 основных надводных кораблей. Операционное развертывание авианосцев начнется, как ожидается, между 2015 и 2020 г. Китай не способен бросить вызов морскому доминированию США на глобальном уровне, но может — на региональном[1].

Угрозой стратегической стабильности чревата американская линия на развертывание стратегической и тактической систем противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) наземного и морского базирования, в том числе, за пределами национальной территории. Формальным предлогом для ее развития называется ракетная угроза со стороны КНДР, однако, очевидно, куда более существенной целью является сдерживание Китая. Озабоченность Москвы в связи с региональной системой ПРО в АТР обусловлена тем, что она служит частью создаваемой американцами глобальной системы ПРО, а это существенно ограничило бы возможности российского потенциала сдерживания. В АТР сосредоточено до 75% информационно-разведывательных и ударно-боевых средств этой системы. Учрежден «Трехсторонний форум по ПРО» (США, Австралия, Япония). Одновременно активизировались усилия Японии, Республики Корея и Тайваня по развитию собственных систем противоракетной обороны.

Специфика развития АТР — отсутствие целостной, стройной архитектуры безопасности. Имеются разрозненные, неоднородные по характеру, задачам и составу участников многосторонние институты разной степени эффективности. «Природа многосторонности в Азии с минимальной долей институционализации, упором на невмешательство, уважение суверенитета, отсутствие конфронтации и сохранение лица, на которых строятся пять принципов мирного сосуществования и асеановский путь, привела к тому, что региональным институтам отводится маргинальная роль в разрешении кризисов, чего нельзя ска-

[1] *Charles Kupchan.* No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford, 2012. P. 82–83.

зать о двусторонних договорах безопасности (обычно под руководством США)»[1].

Вспышка любого из «дремлющих» конфликтов — будь то напряженность на Корейском полуострове, тайваньская проблема или территориальный спор в Южно-Китайском море — способна привести к большой беде. Однако проблемы безопасности, за исключением ситуации на Корейском полуострове, остаются в тени, практически не затрагиваются в ходе проводимых в АТР мероприятий на высшем уровне, включая саммиты АТЭС, АСЕАН, ВАС, заседания АРФ. Это выдвигает на повестку дня создание такой региональной архитектуры, которая позволила бы предотвращать и преодолевать конфликты, создавала стимулы для сотрудничества.

Отвечают ли таким требованиям современные азиатско-тихоокеанские реалии? Архитектура в АТР складывалась нескольких десятилетий, в три этапа.

Первый — годы «холодной войны», когда регион выступал в роли своего рода заднего двора в биполярной конфронтации и поля горячих войн: в Корее, в Юго-Восточной Азии. Попытки создания региональных механизмов относятся к концу 1940-х — началу 1960-х гг. К ним относятся идеи Соединенных Штатов Индокитая (1946 г.), Союза Юго-Восточной Азии (1947 г.), Ассоциации Юго-Восточной Азии (1961 г.) и ряд других. В 1954 г. был подписан Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), а в 1966-м состоялось учреждение конференции Азиатско-тихоокеанского совета (АЗПАК). Однако из-за своей военно-блоковой логики эти инициативы и организации не могли стать универсальными. Возникновение в августе 1967 г. АСЕАН — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, включившей в себя пять дружественных США стран субрегиона: Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Филиппины, — воспринималось не сколько как прорыв в развитии интеграции, сколько как инструмент для улаживания противоречий между самими этими странами. АСЕАН развивалась как прозападная группировка, противостоящая коммунистическому «гегемонизму» и маоистскому проникновению в Юго-Восточную Азию, а затем и вьетнамскому «экспансионизму» в Индокитае.

Второй этап начался после холодной войны, когда в АТР пошли внеблоковые интеграционные процессы. В январе 1989 г. была поддержана инициатива создания форума Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), с которой выступил премьер-министр Австралии Боб Хоук во время своего визита в Республику Корея[2].

---

[1] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. С. 113.

[2] *С.Б. Шипилов.* Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: Становление, развитие, перспективы (1989–2007 гг.). М., 2009.

Третий этап наступил с азиатским кризисом 1997–1998 гг. В ряде стран случились политические взрывы: падение режима Сухарто в Индонезии, острый внутриполитический кризис в Малайзии, смена руководства в Южной Корее и Таиланде. Вышли на первый план новые игроки — Китай и Индия. В этих условиях обозначилось стремление стимулировать региональную экономическую интеграцию, расширение зон свободной торговли. Появилась структура АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), основа новой финансовой миниархитектуры региона. Это устраивало не всех игроков, прежде всего тех, кто не участвовал в процессе и выступил за придание региональной интеграции всеобъемлющего характера.

Сегодня в Азиатско-Тихоокеанском регионе варится густой алфавитный суп различных организаций. Наиболее крупные из них — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Ассоциация регионального сотрудничества в Южной Азии (СААРК) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Наряду с этим в регионе функционируют многочисленные диалоговые форумы. Это Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА, создано в 1992 г. по инициативе Нурсултана Назарбаева, объединяет 26 стран и 9 наблюдателей, среди которых даже Украина), взаимодействие в форматах Россия — Индия — Китай (РИК), Восточноазиатская тройка (Китай, Япония, Республика Корея), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), форум островов Тихого океана (ФОТО), Балийский демократический форум и др. Все более важную роль играют межрегиональные объединения — БРИКС, диалоговые форумы «Азия — Европа» (АСЕМ), «Азия — Ближний Восток», «Восточная Азия — Латинская Америка» (ВАЗЛАФ), Новое афро-азиатское стратегическое партнерство (НААСП) и др.

Один из парадоксов АТР заключается в том, что в регионе, где находится большое количество великих держав, ядром и движущей силой интеграционных процессов традиционно выступали государства второго порядка, объединенные в АСЕАН. Первоначально партнерами АСЕАН по диалогу были исключительно государства Западного клуба. Но именно страны АСЕАН были инициаторами создания сначала Конференции, затем Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества, на базе которых, подстегиваемый примером европейской интеграции, создания НАФТА, вырос форум АТЭС. С 1992 г. действует договоренность о создании зоны свободной торговли в АСЕАН с целью устранения таможенных барьеров к 2020-му. С 1993 г. работает Региональный форум АСЕАН (АРФ), в который входят 27 государств, включая Российскую Федерацию. Он является центральной структурой многостороннего сотрудничества в сфере безопасности и формирования

мер доверия. У АРФ есть и влиятельный полуторный трек под названием Азиатско-Тихоокеанский Совет по сотрудничеству и безопасности (АТССБ), председателем его Российского национального комитета является ваш покорный слуга.

Сам АСЕАН к концу XX в. охватил уже Юго-Восточную Азию, поочередно вобрав не входившие в него первоначально Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянму, Камбоджу, оставаясь ядром основных интеграционных процессов. Существует целый ряд форматов АСЕАН+1 с ведущими партнерами организаций. Всего таких форматов десять, один из них — с Россией. Набирает обороты сотрудничество в формате АСЕАН+3 — Китай, Япония и Южная Корея. На очереди — создание зоны свободной торговли АСЕАН с Китаем и Японией. В декабре 2005 г. была образована новая структура — АСЕАН+6, или механизм Восточноазиатских саммитов, где к ним добавились Австралия, Новая Зеландия, Индия.

Большое место в иерархии региональных организаций занимает АТЭС, объединяющее 21 страну и территорию, включая Россию. Изначально главный вектор деятельности АТЭ — торговля и экономика. После событий 11-го сентября 2001 г. в США в повестку дня АТЭС стали регулярно включаться вопросы противодействия новым вызовам. Контртеррористическая стратегия АТЭС направлена на защиту инфраструктуры торговли, финансовых и информационных систем, обеспечение безопасности торговли, прежде всего морских и воздушных перевозок, пресечение финансовой подпитки терроризма, компьютерная безопасность. В феврале 2003 г. была создана Специальная группа по борьбе с терроризмом. АТЭС начала заниматься такими проблемами, как экология, продовольствие, наркобизнес, торговля людьми, социальное развитие, противодействие распространению инфекционных заболеваний, предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций. Вопрос о наделении АТЭС более широкими политическими или даже военно-политическими функциями постоянно ставится в экспертной среде, но на практической повестке дня не стоит.

Магистральной тенденцией регионального развития является заключение двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). Этот процесс особенно ускорился из-за пробуксовки Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО и кризиса 2007–2009 гг., сопровождавшегося протекционистскими мерами со стороны стран региона. Подписано около шестидесяти ССТ — двусторонних, субрегиональных (Зона свободной торговли стран АСЕАН–АФТА и др.) и трансрегиональных (Соглашение о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве, соглашения АСЕАН с Китаем, Японией, Республикой Корея, Индией, Австралией и Новой Зеландией и др.).

Начала реализовываться упоминавшаяся американская идея создания общерегионального Транстихоокеанского партнерства на базе Соглашения о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (Сингапур, Чили, Новая Зеландия и Бруней). Формирующееся на его основе объединение может в перспективе стать основой крупнейшей зоны свободной торговли с участием США, стран Азии и Латинской Америки. Но одновременно как весьма радужные рассматриваются перспективы заключения соглашения о «Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве», которое объединяет — уже без США — в единую зону свободной торговли Австралию, Китай, Индию, Японию, Южную Азию, Новую Зеландию и десятку стран АСЕАН[1].

Образовано несколько переговорных форматов для урегулирования конфликтных ситуаций. Особое место среди них занимает механизм шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова в составе США, России, Китая, Японии, Южной Кореи и КНДР. Там наша роль во многом определяется сохраняющейся возможностью влиять на позиции Пхеньяна. Однако нельзя не заметить и стремление некоторых партнеров по шестерке принизить роль России или постараться вообще без нее обходиться.

Вместе с тем полноценной региональной архитектурой всю эту пеструю картину назвать трудно. Что-то или кто-то из любого из существующих форматов обязательно выпадает. Нет военно-политических альянсов, подобных НАТО, или континентальных структур по образу Евросоюза, ОБСЕ или Совета Европы. Многосторонние организации в АТР носят достаточно размытый характер, принимаемые ими решения, как правило, не имеют обязывающего характера. Не случайно в последнее время обсуждалось несколько новых инициатив по созданию всеобъемлющей архитектуры АТР.

В качестве возможных структур и форматов называли: Региональный форум АСЕАН (АРФ) с приданием ему экономической составляющей; Восточноазиатский саммит с расширением состава его участников; сетевую дипломатию — создание партнерской сети многосторонних объединений (например, АРФ и АТЭС или ВАС и АТЭС), чтобы процесс регионального сотрудничества имел и политическое, и экономическое измерения; «большую восьмерку АТР» в составе США, Японии, Китая, России, Индии, Республики Корея, Австралии, Индонезии; или «большую двойку» — США и Китай.

Наибольшее внимание привлекали инициативы экс-премьер-министра Японии Хатоямы о формировании Восточноазиатского сообщества, а также бывшего премьер-министра Австралии Радда о

[1] *Чез Фримен.* Мир непредвиденных сложностей // Россия в глобальной политике. № 3. Май–июнь 2014. С. 32.

создании Азиатско-Тихоокеанского сообщества. Отвергнув оба плана, страны АСЕАН предложили воплотить в жизнь похожую схему. В итоговом документе своего 16-го саммита, который проходил в Ханое в апреле 2010 г., они выразили готовность рассмотреть вопрос о расширении ВАС за счет России и США (АСЕАН+8). Было принято решение провести в октябре 2010 г. встречи министров обороны в том же формате АСЕАН+8, который, похоже, становится стержневым направлением развития региональной архитектуры. Во всяком случае, в алфавитном супе впервые появились две организации с совпадающим набором стран участниц: Восточноазиатский саммит (EAS) и формат Совещаний министров обороны АСЕАН+ (ADMM+). Появилась и большая ясность относительно функций отдельных структур. На Бали, где в ноябре 2011 г. прошел первый саммит ВАС с участием России и США, была принята декларация о принципах взаимовыгодных отношений. В нем подчеркнуто общее видение роли ВАС как «руководимого лидерами форума для диалога по широкому кругу стратегических, политических и экономических вопросов, представляющих общий интерес и озабоченный целью продвижения мира, стабильности и экономического процветания в Восточной Азии». Похоже, у ВАС есть все предпосылки стать платформой стратегического диалога по ключевым вопросам регионального порядка.

И все же АТР по степени интегрированности в обозримом будущем будут отставать от Европы. К тому же страны АСЕАН, которые находятся в центре интеграционных процессов, воспринимают с подозрением и ревностью любые попытки создания структур, которые грозят вырвать из их рук руль региональной интеграции.

Превращение Восточной Азии в двигатель мировой экономики привело к усилению национального самосознания. Большую популярность получают идеи об «историческом реванше», восстановлении исторической справедливости, попранной колониальной властью западных держав.

«Азиаты полагают, что этот экономический успех во многом объясняется азиатской культурой, которая превосходит культуру Запада, где имеет место культурный и социальный упадок, — подмечал еще Хантингтон. — …В начале девяностых азиатское ликование было вновь выражено в том, что иначе как “сингапурское культурное наступление” не назовешь. Начиная с Ли Кван Ю, лидеры трубили о подъеме Азии по отношению к Западу и противопоставляли добродетели азиатской, в основном конфуцианской культуры, которая привела к такому успеху — порядок, дисциплина, семейная ответственность, трудолюбие, коллективизм, воздержанность — самоуверенности, праздности, индивидуализму, преступности, недостаточному образованию, неуважению власти и “интеллектуальному окостенению”, которые виновны в

упадке Запада». Ли Кван Ю утверждал, что «такие присущие восточноазиатской культуре ценности, как превосходство групповых интересов группы над индивидуальными, способствуют всеобщему групповому напряжению, которое необходимо для бурного развития»[1]. Особое звучание получили идеи «азиатских ценностей».

Следует заметить, что применительно к Восточной Азии есть основания говорить о культурно-цивилизационной общности, в основе которой лежала, прежде всего, китайская традиция. «Китай, благодаря своим масштабам и древности культурных традиций, выступал в данном историко-культурном регионе источником практически всех культурных, научных и технических инноваций, — замечает петербургский востоковед Н.А. Самойлов. — Основные философские и религиозные системы попали в другие страны Восточной Азии из Китая либо через него. Китай на протяжении большей части своей истории противостоял кочевому окружению — Великой Степи, защищая основополагающие ценности земледельческой цивилизации. Своеобразным символом этого противостояния и в то же время крайним северным форпостом Восточноазиатского историко-культурного региона стала всемирно известная Великая Китайская стена»[2].

Это регион иероглифической письменности, которая на протяжении веков обеспечивала коммуникацию в Восточной Азии. Китайский, корейский, японский, вьетнамский языки абсолютно не похожи, но их образованные носители поймут друг друга, общаясь «при помощи кисти». В Японию китайские иероглифы привезли буддийские монахи из корейского королевства Пэкче, и они до сих пор используются наряду с двумя алфавитами более позднего изобретения. Корея и Вьетнам давно перешли на алфавитное письмо, но иероглифы также в ходу как связь с классической культурой. По представлениям восточноазиатских народов культура прежде всего заключена в именно письменности как хранительнице многовековых традиций. Сегодня практически каждый четвертый на планете в той или иной степени понимает и использует иероглифику. И, похоже, Интернет с его унифицированной иероглификой создает новые импульсы для культурного единства Восточной Азии.

Ни в одной из стран Восточной Азии государство не соединилось и даже не сблизилось с церковью, как это было в Европе, Византии, странах ислама, да и Церкви в каноническом понимании этого слова в Восточноазиатском регионе не возникло. Государства были сакральны уже сами по себе и не нуждались в легитимации со стороны Церкви. Система религиозного синкретизма в сочетании с локальными культами

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 158–161.
[2] Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 396.

и верованиями и особо почитаемым культом предков сформировала основные культурные и этнопсихологические особенности.

«В противовес Западу, который резко разделяет человеческое и божественное, Дальний Восток не знает этого различия, — подчеркивал Бродель. — Религиозный аспект пронизывает все формы человеческой жизни: государство есть религия, философия есть религия, мораль есть религия, социальные отношения есть религия. Все эти формы имеют отношение к сакральному. Отсюда их тенденция к неизменности, к вечности»[1].

Конфуцианским акцентом на образовании, открытом для всех, а также на практическом опыте как средстве развития человека («самосовершенствование») и общества в их взаимозависимости объясняется повышенное внимание к образованию. Уровень грамотности в такой стране, как Корея, — где конфуцианская традиция сохранилась в наиболее чистом виде, — был просто выдающимся задолго до японской колонизации и реформ в самой Японии.

Развиваемая концепция «восточноазиатских ценностей» обычно включает в себя сильное, патерналистское и нелиберальное государство; наличие централизованной, жестко иерархизированной бюрократии; коллективизм; подчинение авторитету группы; семью как оптимальную модель общественной организации; сильную клановую систему; дисциплину, трудолюбие и бережливость; уважение к старшим, в том числе к власти; приоритет общественного согласия перед конфликтом; преклонение перед образованием и знанием[2].

Восточная Азия является местом, где вырабатывается модель модернизации, которая воспринимается не как вестернизация, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократии и местной политической культуры. Для этой модели характерно первоначальное создание экономической базы и законодательное введение экономического либерализма, затем постепенное и одновременно жесткое введение рыночных принципов, затем постепенная демократизация в зависимости от способности общества «переваривать» политические изменения. Во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, — а только эти государства смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнать Запад по большинству параметров, — формы и скорость осуществления были различными, но модели неизменными.

Причем это мало зависело от политической системы. В Индии сосуществуют Вестминистерская парламентская модель и кастовая система, в Шри-Ланке — буддийская государственность и демократия; в Малай-

---

[1] *Фернан Бродель*. Грамматика цивилизаций. С. 183.

[2] См., например: “Asian Values” and Democracy in Asia / Ed. by Takashi Inoguchi. Tokyo, 1997.

зии — особая роль ислама и синкретической идеологии «панчасила»; в Сингапуре — ограничение некоторых свобод и наличие доминантного харизматического лидера; в КНР — китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом уровне и конфуцианская этика; во Вьетнаме — китайско-конфуцианская модель с советской политической системой. «В настоящее время Восточная Азия представляет собой смесь либерализма, олигархии, демократии, капитализма и коррупции — то есть весьма напоминает Запад примерно в 1900-м году»[1], — не без оснований подмечал Фарид Закария.

Отношение к демократии весьма характерно выразил экс-премьер Малайзии Махатхир: «Демократия — хорошая система, но у нее есть слабости. Надо понимать, как работает демократия, чтобы заставить ее работать… Некоторые люди думают, что ты идешь на войну, делаешь ту или иную страну демократией (США в Ираке) и тем самым решаешь все свои проблемы. Это — неправильно. Люди должны понимать демократию, прежде чем ее принять, потому что существуют ограничения свободы. Не существует абсолютной свободы для всех»[2].

Впрочем, многие в Восточной Азии полагают, что их общества становятся все более вестернизированными, а все разговоры об азиатских ценностях — от лукавого. «Правомерность дискурса об азиатских ценностях нередко оспаривалась, в том числе и самими представителями Азии, а после экономического кризиса 1997 г. он и вовсе обесценился, точно так же, как местные валюты»[3], — считают сингапурские исследователи Саймон Тей и Аарон Чу. Полагаю, они спешат с выводами, и с ними не согласятся многие их коллеги и из самого Сингапура, и из других стран. Прежде всего, из Китая.

---

[1] *Фарид Закария.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 50.

[2] *Tom Plate.* Conversations with Mahathir Mohamad. Doctor M.: Operation Malaysia. Singapore, 2011. P. 97.

[3] *Саймон Тэй, Аарон Чу.* АСЕАН после холодной войны: Как укрепить связи между Россией и Юго-Восточной Азией // Россия в глобальной политике. Январь–февраль 2012. С. 206.

Глава 9

КИТАЙ

Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду.

Конфуций

Китай превращается в мощную мировую державу, без учета позиций которой не могут решаться региональные или глобальные проблемы.

Это цивилизация с пятитысячелетней историей, которая воспринимает несколько последних веков, неудачных для страны, как случайный эпизод в истории Великой Поднебесной, и вся эта история имеет для него огромное значение сегодня.. Генри Киссинджер писал: «Ни одна другая страна не может заявить о более продолжительном существовании цивилизации или о более тесной связи с древним прошлым и классическими принципами стратегии и государственности. Другие общества, включая Соединенные Штаты, заявляли об универсальной применимости своих ценностей и институтов. Но никто не сравнится с Китаем в отстаивании — и убеждении в этом соседей — концепции столь высокой роли в мире на протяжении столь длительного времени и перед лицом такого множества исторических превратностей судьбы. С момента возникновения Китая как единого государства в третьем веке до нашей эры и до краха династии Цин в 1912 году, Китай выступал как центр восточноазиатской международной системы поразительно длительной по времени. Китайский император воспринимался (и признавался в большинстве соседних государств) как вершина универсальной политической иерархии, а правители других стран теоретически служили ему вассалами. Китайский язык, культура и политические институты были пробирным клеймом цивилизации настолько, что даже региональные враги и внешние завоеватели принимали их в различной степени как признак собственной легитимности (часто как первый шаг к тому, чтобы быть абсорбированными Китаем)»[1].

Говорят, в Китае цена тысячелетия невелика.

[1] Henry Kissinger. On China. N.Y., 2011. P. 2–3.

Шан-Инь и Чжоу

Синантроп — «человек пекинский» — жил на территории Северного Китая полмиллиона лет назад, занимаясь охотой и собирательством. Значительно позже, в эпоху неолита, в бассейне Хуанхэ (Желтой реки) развились две сельскохозяйственные культуры: красных гончарных изделий Яншао с центром в нынешней провинции Шэньси и черной керамики — Луньшан в Шаньдуне.

Некоторые энтузиасты относят начало китайской истории к VIII тысячелетию до н.э., к которому принадлежат первые археологические находки, свидетельствующие о зачатках цивилизации. Китайская мифологическая традиция и современная наука более скромны, усматривая появление цивилизации в III тысячелетии до н.э., когда появляется традиционный календарь, религиозный культ, система прорицаний, социальная организация.

В древности территория Китая была ограничена бассейнами среднего и нижнего течения двух великих рек — Хуанхэ и Янцзы — с мягким, теплым и влажным климатом и плодородными, легко возделываемыми лессовыми почвами и аллювиальными по их берегам. Долина Хуанхэ давала один урожай проса в год, в районе Янцзы можно было собирать два-три урожая заливного риса в года, что вместе с развитым животноводством и наличием большого количества речных и морепродуктов позволяло обеспечивать пропитанием большое количество людей[1].

С наступлением бронзового века, утонченные образцы которого датируются уже второй половиной II тысячелетия, начинают складываться и некоторые черты китайской ментальности, в которой из почитателя божеств, символизировавших стихии, человек постепенно возвысился до положения соучастника величественного союза: Небо — Земля — Человек. Небо из верховного божества превращалось, как и Земля, в природную сущность, которая требовала не столько поклонения, сколько уважения. Восставать против Неба или Земли было не столько кощунством, сколько бессмысленным занятием. Нравственный императив заключался в том, чтобы следовать божественным повелениям, ниспосланным в ответ на молитвенное обращение, понять закон, сообразующийся с жизнью мира, и следовать ему. Поиск этого закона, места человека в мире лежал в основе морали.

Культурные нововведения, сопровождавшие переход от неолита к бронзовому веку, китайская традиция приписывает таким героям-цивилизаторам, как Юй Великий или Хуан-ди (Желтый император).

[1] Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 150.

Археологи выявили ряд неолитических культур в Хэнани и на юге Хэбэя, которые могут соответствовать первой — полулегендарной — династии Ся, ее по традиции относят к 2207–1766 гг. до н.э. Полагают, что некое племя (или клан) действительно носило название Ся и оно действительно постепенно расселилось по той местности, которая стала колыбелью китайской цивилизации[1]. Концом III тысячелетия до н.э. датируют и первые города-дворцы, которые станут типичными для Китая в последующие эпохи.

Собственно китайская цивилизация, обладающая отчетливой самобытностью, начинается с XVIII в. до н.э., которым традиция датирует начало династии Шан-Инь. Именно тогда появляются главные технические достижения китайцев — повозка, запряженная лошадьми, письменность. В эту эпоху, утверждает известный синолог Иван Каменарович, формируется особая социальная организация, основанная на двух принципах: «Во-первых, появляется империя патерналистского типа, создающая модель общества, аналогичную модели семьи. Во-вторых, обнаруживается разделение между городской аристократией и простолюдинами, занятыми земледелием. “Семейная” структура империи дополняется еще одной особенностью — отсутствием духовенства в собственном смысле слова… Сам император на уровне главы государства, как и отец на уровне главы семьи, обращается к духам»[2].

Города эпохи Шан (XVIII–XII вв. до н.э.) были невелики по размерам: последняя столица (самый большой город того времени) имела в окружности не более 800 метров. Китайский мир архаической эпохи являлся системой таких городов — военно-религиозных центров, в которых проживало благородное сословие. Царская столица и города вассалов (кровных родственников и свойственников царей) были рассеяны по всему бассейну Хуанхэ. Количество политических образований постепенно сокращалось — с нескольких тысяч в эпоху Ся до 1200 к концу шанской эпохи и семи ко времени Сражающихся царств (475–221)[3].

Уже в эпоху Шан есть признаки связей с зарубежными странами. Некоторые формы гончарных изделий Шан встречаются в Джемдет-Насре и Мохенджо-Даро. Нефритовые изделия, найденные в Аньяне, импортированы из Центральной Азии. Животные мотивы напоминают месопотамских змей, сцепившиеся хвостами; тигры и другие животные, повернутые друг к другу, как на воротах древних Микен.

Заключительный период эпохи Шан носит название аньянского (традиционные даты 1384–1121 гг. до н.э.) по названию столицы, на-

---

[1] *Иван Каменарович.* Классический Китай. М., 2014. С. 10–15.

[2] Там же. С. 16.

[3] *Kwang-chih Chang.* Art, Myth, and Ritual: The Path to Political Authority in Ancient China. Cambridge (MA), 1983. P. 26–27.

ходившейся в Аньяне. Последний правитель Шан-Инь, известный под именем Чжоу из рода Инь, за роскошь и распутство лишился Небесного мандата, который был пожалован новой династии в лице царя У-вана из рода Чжоу.

У-ван, его отец Вэнь-ван и брат Чжоу-гун (который, избежав искушения властью, стал мудрым советником и опекуном своего племянника царя Чэнь-вана, наследовавшего У-вану) заняли в ранней китайской культуре то же место, что гомеровские герои в греческой. К ним восходят и первые представления о единстве народа, который в те времена называл себя хуася. Как гласила надпись на древнем бронзовом сосуде, «Вэнь-ван объял покровительством верхи и низы, сплотил воедино десять тысяч стран»[1].

Династия Чжоу (XII–III вв. до н.э.) до середины VIII в. до н.э. занимала территорию в долине Вэйхэ в Шэньси (откуда название «Западная Чжоу»). Новое царское семейство было менее расточительным и требовательным к убранству дворцов или одежде, ремесленное искусство стало заметно менее утонченным. В эту эпоху произошло оформление правящей верхушки: благородное сословие стало представлять собой пирамиду, на вершине которой находился царь — главное сакральное лицо. Он назначал князей-градоначальников. Ниже царя и князей стояли главы знатнейших семейств, занимавшие придворные должности и составлявшие генералитет. Далее шли семьи средней знати, жившие на доходы с доверенных им поместий. Основанием являлись рядовые дворяне, из которых набиралась основная масса воинов. В случае надобности вассальные князья участвовали в войнах и больших царских охотах. Царь, со своей стороны, тоже помогал вассалам войсками. Аналогичные отношения связывали князей со средней знатью.

В середине VII в. до н.э. нашествие варваров вынудило дом Чжоу оставить свою столицу в Шэньси и укрепиться в Хэнани, на месте нынешнего Лояна. Одновременно возникли могущественные государства, подчинившие себе малые города на Великой Китайской равнине. Это так называемая эпоха «весны и осени», государств-гегемонов, или «разделенных государств» (770–476 гг. до н.э.). Насчитывают пять таких государств, хотя реальной властью обладали только Ци, Цзинь и Чу. Но и они еще не помышляли о захватах, долго считавшихся великим бесчестием. Более богатые и сильные, чем Чжоу, они оказывали ей поддержку как почитаемому религиозному центру. «Но в VII в. до н.э. против “срединных царств” (Чжунго — это имя до сих пор носит весь Китай), хранивших древние традиции, выступили окраинные государства, не почитавшие ритуал и не ценившие справедливую умеренность. Среди них особо отличалось Царство Чу, обуреваемое «духом завоевания и

[1] Духовная культура Китая. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009. С. 18.

стремлением к вооруженному господству, совершенно чуждым менталитету древних китайских городов-государств»[1].

На смену патриархальным отношениям, основанным на присяге и авторитете, приходили отношения силы и права. В некоторых царствах стали вводить налоги и централизованное управление. Во второй половине VI в. до н.э. появились записи уголовных законов на треножниках.

Начало железного века изменило ландшафт Китая. Первое упоминание о выплавке железа в письменных источниках относится к 513 г. до н.э. (выплавка чугуна стала известна в Китае примерно на 1600 лет раньше, чем в Европе[2]). Именно тогда Китай становится той великой земледельческой державой, которой оставался вплоть до новейшей эпохи. Период с 453 по 221 гг. до н.э. называют эпохой Сражающихся царств. Традиция насчитывает в это время семь сильнейших царств, конфликтовавших между собой: «три Цзинь» (Хань, Вэй и Чжао) в Шаньси, Ци в Шандуне, Цинь в Шэньси, Чу в Хубэе и Янь в Хэбэе.

Войны привели к появлению регулярной пехоты в конце VI в. до н.э., изобретению арбалета и катапульты (V в. до н.э.) и созданию кавалерийских частей (IV в. до н.э.). Поединки чести — схватки благородных воинов на колесницах — сменились сражениями армий из нескольких сотен тысяч человек, в которых главную солдатскую массу составляли крестяне. Кавалерия развилась под влиянием грозных конных лучников — сюнну (гуннов). Вследствие этого всадники, в отличие от Европы, никогда не были в Китае благородным сословием, их рекрутировали из крестьян, нередко варварского происхождения. И в целом из-за забвения традиций благородного сословия архаической эпохи воинское дело стало считаться уделом простонародья.

Новая форма войны требовала единоначалия, обученных войск и многочисленных резервов. Государство Цинь первым ввело систему обязательной воинской повинности, подав пример, которому Китайская империя следовала до X в. (там же, где сохранялись аристократические обычаи, вельможи создавали свои личные ополчения, что впоследствии практиковалось и в империи при каждом ослаблении центральной власти). Походы стали более дальними и продолжительными, развивалось искусство стратегии. Наставления по военной стратегии Сунь Биня и Сунь-цзы не теряют своего значения до настоящего времени.

Первое и основное правило стратегии войны Сунь-цзы: «Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой». Вот одна из емких стратегем: «Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, что не

[1] *Жак Жерне.* Древний Китай. М., 2004. С. 78.
[2] Там же. С. 92.

можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает»[1].

Войсками стали командовать не правители и их министры, представлявшие знатные фамилии, как прежде, а профессиональные полководцы. Реформы госуправления были направлены на жесткую централизацию. Установился обычай ставить во главе административных единиц сменяемых чиновников, которые каждый год подавали подробный отчет о своей деятельности. Так возникла профессиональная бюрократия.

Царства Чу и Ци в V в. до н.э. первыми построили на своих границах оборонительные стены. В следующем веке другие царства последовали их примеру. Одни стены защищали от вторжений соседей, другие — от набегов кочевников из Монголии и Маньчжурии. После того как стены продолжили на запад до юга Ганьсу и на восток до Ляодунского залива, они образовали непрерывную оборонительную линию протяженностью более 3000 км. Эти укрепления проходили намного севернее стены, выстроенной в XV в. при династии Мин, значительные фрагменты которых сохранились до наших дней.

Войны требовали быстрого роста ремесленного и сельскохозяйственного производства. Ремесленные мастерские зависели от дворца, свободных ремесел не существовало. За казной закреплялись доходы от эксплуатации недр, лесов. Начались широкомасштабные ирригационные работы, строительство каналов. Как и в случае со стенами, это предполагало наличие мощных государственных структур, способных мобилизовывать многочисленную и дисциплинированную рабочую силу.

Появлялись технические нововведения: железные инструменты, бронзовые сплавы, развилось искусство пайки, инкрустации, ткачества, деревообработки, лакового и керамического производства. Войны, сметая границы государств, приводили к развитию торговли, распространению металлических монет, впервые появившихся около 500 г. до н.э. Развитию коммерции способствовало и другое нововведение: письменные торговые контракты. В IV–III вв. складывается купеческое сословие

[1] *Сунь-цзы.* Искусство стратегии. М., 2008. С. 15, 8.

и, соответственно, психология, основанная на расчете, прозорливости и хитрости.

С VII-го по IV-й в. до н.э., в период, который К. Ясперс назвал «осевым временем»[1], во всех уголках тогдашнего цивилизованного мир — в силу закономерностей, до конца не понятых, — шли бурные процессы элитной кристаллизации, рождались великие философские, политические и религиозные системы. Это было время Будды, Платона, Аристотеля. В Китае эпохи «разделенных государств» наиболее заметной фигурой оказался Конфуций (ок. 551–479 до н.э.).

Малые города-государства пытались спастись, прибегая к искусству дипломатии и убеждения. «Развивалось тонкое искусство дипломатических комбинаций и моралистической риторики, оказавших глубочайшее влияние на китайскую мысль и литературу вплоть до начала нашей эры. Древние города-государства держались за свои традиции так сильно, что и пришельцы не оставались нечувствительными к тому, что в их глазах представало как истинные благородство и "китайскость". Очевидно, важность, которую в то время приобрели нравственные и ритуальные требования как побудительные мотивы действий людей и государств, отчасти объясняет происхождение идеала "порядочного человека", который в начале V в. до н.э. стал центральным в учении Конфуция»[2].

Китайская философия рождалась во дворах правителей, министров и аристократов, содержавших не только вооруженную стражу, шутов, музыкантов и искусных ремесленников, но и — в качестве советников — мастеров ораторского искусства, дипломатов и мудрецов. У наиболее прославленных учителей возникали группы последователей из десятков, а то и сотен учеников, повсюду следовавших за ними. Главы школ и сект ходили из царства в царство, предлагая свои услуги при дворах знати.

Первым главой философской школы был Конфуций (Кунцзы). Человек благородного происхождения, он принадлежал, скорее всего, к потомственным писцам и гадателям. По крайней мере, высказывания древних царей, религиозные гимны, придворные поэмы, пособия по гаданию, летописи царств занимают в конфуцианском воспитании куда больше места, чем военное дело. Конфуций, пишет его биограф и известный китаист Владимир Малявин, «завещал потомкам лишь ряд простых жизненных правил, до предела лаконично и скромно высказанных, чуждых всякой риторики, самовлюбленного резонерства, умственной косности»[3].

---

[1] См.: *К. Ясперс.* Смысл и назначение истории. М., 1994.
[2] *Жак Жерне.* Древний Китай. С. 84.
[3] *Владимир Малявин.* Конфуций. М., 2010. С. 19.

Конфуций был проникнут почитавшимися знатью моральными принципами: умеренность, следование ритуалам, верность древним традициям, которые хранили старые княжества Великой Китайской равнины. Конфуций, считал французский ориенталист Даниэль Елисеев, «всего-навсего навел некоторый порядок в массе унаследованных от древности рассказов, поэм, церемоний и кодексов примерного поведения, на изобилие которых он взирал с известным ощущением, что слишком много законов убивают Закон. Он никогда не призывал что-то обновлять, а, напротив, явно желал восстановить порядок в китайском культурном наследии». Учение Конфуция базировалось на пяти формулах. Образцом человека является князь — не задиристый и неотесанный аристократ, а образованный, уравновешенный, воспитанный человек, обдумывающий свои поступки и слова, которые должны выражать всеми признанную реальность. На этих основаниях строится доброта по отношению к живым существам; управление, опирающееся на уважение; порядок вещей, обусловленный ритмом церемоний; что и приводит в действие принципы морали[1].

Конфуций обозначил идеал порядочного человека — по воспитанию не столько воина, сколько книжника, почти «интеллигента», преимущественно озабоченного правильностью поведения, ритуальных жестов и поз. Русский востоковед И. Коростовец писал: «Совершенный человек Конфуция должен обладать следующими добродетелями: он должен быть скромен, почтителен к старшим, добр с народом и справедлив в управлении им, он должен избегать ссор, и если это случится, то он должен сдерживаться и выказывать неудовольствие лишь к тем, поведение коих достойно презрения. Он не любит тех, кто говорит о недостатках других, а также тех, кои, находясь в низшем состоянии, поносят высших. Он не любит тех, кои обладают доблестью, не уравновешенной пристойностью»[2].

Конфуцианские высказывания и сегодня звучат современно — это хороший образец индуктивной логики. Вещи и явления правильно классифицированы, затем становится достаточно глубоким знание. Знание достаточно глубоко, затем становятся искренними помыслы и стремления. Помыслы и стремления искренни, затем очищается сердце. Очистилось сердце, затем совершенствуется личность. Стала совершенной личность, затем в семье устанавливаются порядок и единодушие. В семье установлены порядок и единодушие, затем упорядочивается государство. Государство стало упорядоченным, затем умиротворяется Поднебесная.

Конфуций не задумывался по поводу таких абстрактных понятий, как свобода и справедливость, уделяя больше внимания конкретным

[1] *Даниэль Елисеев.* История Китая: Корни настоящего. СПб., 2008. С. 36, 39–40.
[2] *Иван Коростовец.* Китайцы и их цивилизация. СПб., 1896. С. 478.

действиям человека. Конфуцианство делало акцент на долге и обязанностях человека, благодаря исполнению которых он органично вливается в семью, общество и государство. Знаменитый принцип конфуцианства гласит: «Сохраняйте гармонию, невзирая на различия».

«Обогати их, дай им образование» — мудрец, имевший явную склонность к ярким и коротким фразам, состоящим из четырех иероглифов, советовал тем, кто управляет людьми. Всех людей Конфуций делил на 4 категории: владеющие знанием, стремящиеся его приобрести, ограниченные от природы, но приобретшие знания, и неспособные что-либо усвоить. Владеющий знанием называется совершенным человеком, он следует непосредственно за мудрецом.

Казалось, конфуцианская доктрина не имела шансов на успех. Конфуций окончил жизнь с ощущением полного краха. Никто из правителей не принял его всерьез, а те из учеников философа, кто добился успеха и оказался на службе, не следовали заветам учителя. Но конфуцианцы, взяв на себя после смерти учителя функции воспитателей, просветителей, редакторов древних текстов вслед за такими видными его последователями, как Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), с течением времени все же стали выразителями древних традиций китайской культуры.

Но возникали и получали распространение и другие учения. Прежде всего даосизм, одно из самых оригинальных и стойких течений китайской мысли. Даосизм — учение о Великом Абсолюте, Дао. Основоположником учения считается Лао-цзы, живший будто бы одновременно с Конфуцием (хотя не исключено, что это созданный позже мифический персонаж). Даосы призывали следовать Абсолюту, сливаться с природой и избегать всего искусственного, нарочитого, противопоставленного естественному. Одним из принципов даосов было недеяние (у-вэй), умение строить жизнь таким образом, чтобы она шла должным путем без активного вмешательства человека, касается ли это отношения к природе, к людям, даже к управлению государством, в чем усматривают идейные истоки анархизма или даже либерализма.

В философской школе даосов, в которой наиболее видное место занимал писатель Чжуан-цзы (369–286 гг. до н.э.), общим было осуждение роскоши, любых новшеств, которые вели лишь к порабощению человека и оскудению его естественных добродетелей. Золотой век — в утонченной древней цивилизации. Идеал — в аскезе и независимости, в изолированных сельских общинах. Отказ от обращения к рассудку, неприятие жизни в обществе с его условностями, замкнутость в себе были доведены у даосов до предела. Одни учили не отвечать на оскорбления, видя в этом универсальное средство для мира между людьми; другие проповедовали покорность жизненным обстоятельствам; третьи уверяли в самоценности и самодостаточности человека, каждый

из которых самостоятельно должен производить все необходимое для жизни.

Уход от мира, к природе связывался даосами с возможностью обретения долголетия и даже вечной жизни. Философский даосизм со временем — в эпоху Хань — трансформировался в даосизм религиозный с поисками бессмертия, божествами, героями, гаданиями, предсказаниями. Даосы и близкие к ним школы натурфилософов обстоятельно разработали идею инь-ян, сводившуюся к противопоставлению и постоянному благотворному взаимодействию мужского (ян) и женского (инь) начал.

Школе даосов противостояли реалистические теоретики государства — легисты, к которым обычно причисляют всех видных министров-реформаторов чжоуского Китая. Новый порядок должен был быть построен на выгоде и страхе, а не на морали, бессилие которой стало очевидным. Добросовестность, преданность, честность излишни. Вопрос выбора людей, казавшийся таким важным, — ложная проблема. Чиновник государства — легко заменяемый человек, а его поведение, как и всех подданных, регламентируется сводом правил, учитывающих желание богатства, карьеры и страх контроля и наказания. Не опора на феодальную знать, склонную к смутам, а создание хорошо налаженной бюрократической машины, четкие предписания, выполнение которых хорошо вознаграждается, и предостережения, невнимание к которым сурово наказывается. Сочинения легиста Хань Фэйцзы весьма напоминают рассуждения Макиавелли в «Государе».

«Именно легизм оказался той доктриной, которая в условиях чжоуского Китая наиболее последовательно выразила интересы централизованного государства. Неудивительно поэтому, что, прежде всего, за счет усилий министров-реформаторов легистского толка, которых нанимали из числа ши, странствовавших по различным царствам и предлагавших свои услуги правителям, централизованная администрация в основных царствах чжоуского Китая достигла важных успехов»[1].

Глава еще одной почитавшейся школы — Моцзы (конец V — начало IV вв. до н.э.) — вероятно, происходил из рядовых дворян. Для него клановый дух, борьба за почести — корень всех бед. Они порождают войны между государствами, борьбу между знатными фамилиями, непомерное расточительство и нужды простого народа. Моцзы вдохновлял идеал равенства, единообразной регламентации расходов и образа жизни (в противовес иерархизированной регламентации, идеалу конфуцианской школы). С конца V в. до н.э. и до образования империи идеи Моцзы имели в Китае более широкий отзвук, нежели аристократический идеал порядочного человека, защищавшийся Конфуцием.

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. М., 2011. С. 309.

Ученики и наследники Моцзы первыми изложили правила ораторского искусства, из их среды вышли первые диалектики.

Проблемы логики и физики, занимавшие западных философов, мало интересовали китайских философов эпохи Чжоу, за исключением учеников Моцзы. Большинство философских школ занималось весьма практическими проблемами управления государством и человеком в обществе. Первоочередное внимание к морали — одна из самых характерных черт китайской мысли. Китайцы придавали мало значения праву. Договор и добрая воля, закон и мораль противоположны друг другу.

«В то время как другие цивилизации рассматривали историю как своего рода странствие к идеальной модели, “божественному граду”, китайцы размышляли над ней с точки зрения социологии: главным критерием хорошего управления считались спокойствие в провинциях и быстрый рост количества подданных. Однако в этой системе отсутствовала ось времени. Время делало круг или возвращалось вспять: для конфуцианских мыслителей лучшие образцы находились в прошлом, а не в “светлом будущем”»[1], — отмечал Даниэль Елисеев.

Цинь Шихуан и создание империи

В эпоху Сражающихся царств между их жителями не было ощущения принадлежности к общей цивилизации. Однако войны безжалостно сводили на нет региональные различия вследствие непрерывного перемешивания населения, захвата пленных, обмена заложниками, технических, управленческих заимствований и подражаний. Культурное объединение Китая предшествовало политическому.

С середины IV в. до н.э. все более опасным для соседей становилось небольшое и дотоле самое отсталое царство Цинь, казавшееся изолированной крепостью в горах между долиной Вэйхэ и равнинами Хэнани. Своим могуществом Цинь было обязано новой административной и военной организации, созданной радикальными реформами Шан Яна (Гунсунь Яна), в основу которых легли идеи легистов. Строгие уголовные законы, хитроумная система премий и наград, установленный в деревнях тип общинного устройства, позволявший реализовать всеобщую воинскую повинность вплоть до тотальной мобилизации, — все это позволило создать самую эффективную военную машину. Экономическое могущество Цинь было обеспечено завоеванием Красной долины — плодороднейшей области Чэнду в Сычуани. Масштабные ирригационные работы, сооружение 150-километрового канала, соединившего реки Цзинхэ и Северная Лохэ, позволили увеличить урожаи

[1] *Даниэль Елисеев.* История Китая. С. 18–19.

на огромных площадях. На эти земли стали переселяться десятки тысяч благородных семей.

Будущий первый китайский император Цинь Шихуан вступил на престол в Цинь 13 лет отроду, а в 238 г. до н.э., достигнув совершеннолетия — 21-го года — стал управлять страной. Свои первые познания об искусстве управления государством он черпал из трактата Шан Яна «Книга правителя области Шан», из которой усвоил, что в политике вероломство, коварство и сила выше человеколюбия, милосердия и долга. Правителю надлежит стремиться к неограниченной власти и усилению своего государства за счет соседей, помня, что политика ориентирована на реальность, а не на духовность[1].

Стратегия подчинения остальных китайских царств была основана на действиях по разложению противника, которые включали разведку, подкуп неприятельских министров и военачальников, убийство неподкупных представителей местной элиты. Только после этого в дело вступали войска. Главным фактором успеха стала закаленная и хорошо вооруженная армия, в которой бойцам принадлежала вся добыча на поле боя и выплачивалась премия за каждого обезглавленного врага. Исторические труды полны описаний гор окровавленных голов, которые воины приносили императору вечером после сражений и сдавали по счету. Таких голов были сотни тысяч.

В 230–221 гг. до н.э. серией молниеносных походов, напоминающих наполеоновские кампании, Хуанди овладел всем Китаем. В 230 г. до н.э. пало царство Хань, в 228 г. до н.э. — Чжао, в 225 г. до н.э. — Вэй, в 223 г. до н.э. — Чу и, наконец, в 221 г. до н.э. последний противник — Ци. На северо-востоке Хуанди дошел до Кореи. На севере, столкнувшись с гуннами, он остановил их в излучине Хуанхэ и распорядился построить из фрагментов более ранних укреплений Великую стену, которая на многие века стала северной границей империи. На юг Цинь послал четыре армии, которые соединились у моря в районе современного Кантона, и дошли до северной части современного Вьетнама. Так были обозначены географические рамки, в которых сформировалась Китайская империя.

Став ее хозяином, Цинь Шихуан приступил к грандиозному делу политической и административной унификации огромного пространства, следуя постулатам легистов и отвергая все местные традиции. По его стопам пойдут многие последующие императоры Китая. Он отобрал привилегии у древней знати, у нее конфисковали оружие. Были разрушены крепостные сооружения прежних царств, чтобы императорское управление не встречало препон и никакой мятежник не мог бы за ними укрыться. Не пожелавших повиноваться безжалостно из-

[1] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 724.

гоняли из страны, невзирая на знатность рода. Цинь Шихуанди упразднил все местные княжества («ибо все беды мира происходят от того, что есть князья и владетели») и создал взамен 36 административно-военных округов (цзюнь) с жестко унифицированной структурой. Единицы мер, монета, письменность, принятые в Цинь после реформ IV в., были введены по всей империи. Отныне в Китае существовала только одна монета (медная с отверстием), один образец письма, один уголовный и административный кодекс, одинаковая упряжь для повозок. Чтобы обеспечить контроль за отдаленными районами, государь распорядился построить дороги — шириной 7,5 м, обсаженные деревьями, — лучами расходившиеся из центра, которым стала его новая столица Сяньян (близ современного города Сянь).

Император приструнил интеллектуалов, которые составляли окружение знати и были способны к критике и противодействию. Занятия искусством, литературой и философией резко осуждались. В 213 г. до н.э. было осуществлено ставшее знаменитым публичное сожжение книг. Были уничтожены все классические книги, по которым учились в школах, сочинения, прославлявшие древнюю аристократию, выражавшие «частное знание» и «порочившие настоящее перед прошлым». Сохранялись только «полезные» труды: священные, по медицине, фармацевтике, гаданию по черепаховым панцирям и стеблям тысячелистника, земледелию и садоводству. Ученые-конфуцианцы изгонялись, несколько сот из них были казнены. Главным принципом было объявлено единомыслие: «Люди должны изучать только законы государя и учиться только у назначенных им чиновников».

Основой жизни государства было названо сельское хозяйство, и крестьянин, работающий в поле и встающий в строй в военное время, становился ключевой фигурой. Ужесточились наказания. Принятая в царстве Цинь система общин с коллективной ответственностью нескольких семей за поведение их членов была распространена повсеместно. Вводились жесткие нормы нравственности, особенно относительно женщин. Вдовам, имеющим детей, не дозволялось выходить замуж. Лицо, застигнутое за прелюбодеянием, можно было безнаказанно убить.

Жестко регламентировались ремесла и торговля. Крупные купцы-предприниматели, выступавшие ранее вдохновителями политической централизации и объединения страны, стали и первыми жертвами императорской власти. Торговая деятельность резко ограничивалась. Богатые купцы ссылались на юг, где принудительно работали в поле, львиная же доля доходов от торговли сосредоточивалась в руках государства.

Царство Цинь, которое изначально было бедным, отсталым и воспринималось как полуварварское, привыкло к жестко организованному порядку, который предписывал жить по единому образцу, не

признавал родственных связей, не оставлял места досугу и искусству. Другие — более развитые области Китая — не были в восторге от нововведений. Всеобщее недовольство ввергло империю Цинь в состояние анархии. Через несколько лет после смерти своего основателя в 210 г. до н.э., она рухнула.

Династия царствовала недолго, но установленный Цинь Шихуанди порядок послужил примером для преемников. Административное устройство китайского мира, его государственная инфраструктура были заданы раз и навсегда. Династия Цинь сумела выковать всекитайское единство и сделать Китай одной из величайших империй в истории.

Многие из нововведений надолго пережили Первого императора, например недоверие к знати и к торговцам. Титулом «хуанди» (дословно «священный государь»), который Цинь присвоил себе в 221 г., будут величать императоров вплоть до 1911 г. Сам этот титул происходил из древней легенды о том, что Китаем в незапамятные времена управляли три хуана (священных), а затем пять ди (государей). Несмотря на внешний (и не только) разрыв с прошлыми царствами, Цинь многое у них позаимствовал, в частности, у царства Чжоу были выбраны цвет, цифра и элемент, благоприятные для династии (для Цинь это был черный цвет, цифра шесть и вода). Сюда же следует отнести закрытую жизнь в глубине дворца, путешествия в четыре страны востока, постройку большой подземной гробницы, которая должна была упокоить государя после его смерти, и, наконец, едва ли не самое важное — принцип наследственной власти. В то же время появились новые элементы государственности, вызванные к жизни концепциями легистов. Император больше не выполнял исключительно религиозную функцию. Он имел реальную власть и активно ее демонстрировал[1].

Представление о «неподвижном» императорском Китае основано на том, что в течение веков там сохранялся один тип правления, одна династия сменяла другую. Однако долгое время существовала не единая империя, но несколько соседствовавших и соперничавших царств, от века к веку центр власти и географические границы империи существенно менялись. Не верна и точка зрения, будто Китай всегда жил в изоляции. Действительно, низменное заболоченное побережье Северного Китая и отсутствие близлежащих островов долгое время не способствовало развитию мореходства. Горы преграждали путь на западе и юго-западе, а пустыни и степи Монголии и Синьцзяна служили преградой для влияний цивилизаций Западной Азии. Но эта изоляция никогда не была абсолютной. Гунны, тюрки, монголы, маньчжуры, со-

[1] *Дени Ломбар.* Императорский Китай. М., 2004. С. 27–28.

гдийцы, персы, индийцы, арабы не только играли подчас первостепенную роль в его истории, но и оказали глубокое влияние на искусство, досуг, технику, мысль и религию. Можно отметить, по крайней мере, четыре глобальных явления нашей эры, оказавших исключительное влияние на развитие императорского Китая (как и большинства других стран мира): великое переселение народов (III–VI вв.), распространение ислама (VII–X вв.), формирование монгольской империи (XIII–XIV вв.) и европейская экспансия (XVI–XIX вв.).

Цинь Шихуан оставил Китаю не только империю, но и одно из названий. Принято считать, что название China появилось в Европе первоначально благодаря шелковым тканям из империи Цинь. Но самоназвание китайцев — Хань. К ханьцам относят 92% населения современной КНР. Это слово происходит от династии Хань (206 до н.э. — 220 г. н.э.), пришедшей на смену Цинь.

Эпоха Хань

После смерти Цинь Шихуана в течение нескольких лет страну раздирали междоусобные войны, дело шло к возвращению прежней раздробленности. Однако около 202 г. до н.э. на политической сцене появляется новая фигура — Лю Бан. Крупный землевладелец, происходивший из незнатного рода, сумел одержать верх над всеми противниками и основать новую династию — Хань, которая поначалу царствовала на довольно ограниченном пространстве, ненамного превышающем размерами княжество периода Сражающихся царств.

Первые императоры династии Хань сумели подавить восстания, поднятые местными правителями, слабевшими, но остававшимися фактическими хозяевами удельных княжеств со своими традициями, культурой и даже языком. И новой восходящей силы в лице крупных землевладельцев, которые даже вооружали крестьян, чтобы противостоять воле императора. Власть проводила и политику примирения, возвращая часть прежних традиций, частично восстанавливая в правах старую аристократию. Крестьяне возвращались на землю после гражданской войны, уменьшились налоги и повинности. Началась кодификация общеимперского права. Был создан Кодекс династии Хань, который насчитывал к 200 г. н.э. 26 272 параграфов и более 17 миллионов иероглифов.

Исчезновение внутренних границ и унификация денежного обращения обусловили гигантский рывок в экономике. «Страна внутри морей стала единой, — писал историк Сыма Цянь в начале I в. до н.э. — Дороги и порты были открыты. Отменили запреты, которые закрывали горы и озера. Богатые купцы получили возможность передвигаться по

всей империи. Не было такого товара, который не появился бы в любом месте. Стало возможно получить все, что угодно»[1].

В Чанане (ныне Сиань в провинции Шэньси) был построен первый дворец династии Хань. Императорский двор становился не только центром администрации, но и центром культуры. Правители Ханьской эпохи — в отличие от Цинь Шихуана — старались собирать таланты, привлекать носителей знаний, встроить их в армию чиновников. В госуправлении появилась новая фигура: ученый чиновник, в котором, по мере возможностей, совмещались черты администратора-легиста и порядочного человека в понимании конфуцианцев.

В конфуцианстве правителей эпохи Хань в первую очередь привлекали идеи уважения к семейной и общественной иерархии, почитание традиций и государя как гаранта всеобщего благосостояния. Отцом ханьского конфуцианства считается Дун Чжун-шу (187–120 гг. до н.э.), создавший новую государственную идеологию на основе добавления к учению Конфуция элементов других учений, включая легизм, моизм, даосизм. Главными были не идеи сами по себе, но выстроенная на их основе всеохватывающая система образа жизни и организации управления, норм и институтов.

Среди правителей династии Хань особое место занимает император У-ди, царствовавший 54 года (140–87 гг. до н.э.). Он боролся с аристократией, уравняв в правах своих родственников и верных советников, создав корпус чиновников по принципу личной преданности. Каждый регион должен был выбрать наиболее достойного представителя, и в 134 г. до н.э. устроил первый официальный экзамен на должность. Классические книги, сожженные Цинь Шихуаном, снова стали пользоваться почетом, и кандидаты на чиновничью должность обязаны были проникнуться их принципами и конфуцианской моралью.

У-ди превратил свой двор в средоточие культуры. Он реформировал календарь, который сделал императора господином, отмеряющим время. Начало года было перенесено на первую луну весны. Была введена периодизация истории по династиям. В 110 г. до н.э. по инициативе императора была создана Музыкальная академия, в обязанность которой вменялось собирать во всех концах империи народные песни и мелодии. В чести при дворе были поэты, ученые, в том числе алхимики и даосские учителя, которые обещали У-ди открыть эликсир бессмертия. Его двор стал впоследствии примером для подражания. «При У-ди Китай достиг пика своего могущества, став самой большой и многолюдной империей древнего мира»[2], — подчеркивают российские китаисты.

---

[1] Там же. С. 32.

[2] Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. С. 366.

У-ди активно взялся за консолидацию страны и расширение ее пределов, для чего реорганизовал армию, серьезно усилив кавалерию, без которой бессмысленно было воевать с кочевниками. У-ди потеснил гуннов, на юго-западе присоединил территорию вьетнамцев, на востоке — часть Кореи. Но наибольшим успехом его внешней политики можно считать путешествия Чжан Цяня, проникшего в поисках союзников против гуннов далеко на запад и описавшего многие страны Средней Азии (Фергана, Бактрия, Парфия и др.). После возвращения Чжан Цяня вдоль пройденного им маршрута был проложен Великий шелковый путь. Наиболее ценившимся предметом китайского импорта из Средней Азии были ферганские аргамаки (собственно, желание заполучить этих лошадей и были причиной походов на Фергану). В Китай хлынули также другие диковинные для него товары: верблюды, виноград, персики, арбузы, чеснок, скульптура, музыка и первые сведения о буддизме.

Войны, строительство огромного канала, который соединил столицу Чанань с Хуанхэ, истощали казну. Для выхода из положения в 123 г. была введена продажа титулов (самый высокий новый титул стоил 370 000 монет, т.е. почти 15 кг золота). В 119 г. власти переплавили монеты, чтобы ввести новые, которые стали гораздо легче, установили государственную монополию на железо и соль, налог на недвижимость, наиболее сильно ударивший по торговцам, которым с этого момента пришлось декларировать свои доходы. Финансовые проблемы приобрели хронический характер. Императорская власть слабела. После смерти У-ди ханьский Китай вступил в затяжную полосу стагнации, а затем кризиса и упадка. Однако, пишет Леонид Васильев, «начиная с У-ди конфуцианский императорский Китай, несмотря на взлеты и падения, смену периодов централизации и децентрализации, катастрофические кризисы, мощные крестьянские восстания и завоевания со стороны северных кочевников, — словом, несмотря на все испытания, всегда существовал. И существовал именно как империя, причем в мало изменявшемся по сравнению с Хань виде, и, более того, возрождался из пепла в случае любых, даже особо острых кризисных ситуаций, все в том же раз и навсегда генетически закодированном виде, лишь с второстепенными модификациями»[1].

Границы городов расширялись, население их увеличивалось. В конце правления династии Ранняя Хань, по переписи 2 г. н.э. население достигло 57 млн человек (точнее, 12 366 470 семей и 57 671 400 человек).

В 9 г. н.э. один из приближенных императора — Ван Манн — объявил себя императором и основал новую династию, которую назвал Синь, т.е. Новая. Его короткое царствование (9–23 гг. н.э.) было озна-

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. С. 316.

меновано множеством реформ, имевших целью замедлить обнищание деревни. Была запрещена торговля землей и рабами, был установлен контроль за рынками и ценами, возобновилась унификация валюты (к тому времени в Китае в ходу вновь оказалось множество видов денег — до 18-ти). Недовольные реформами жители столицы штурмом взяли дворец, и Ван Манн был обезглавлен.

Землевладельцы с помощью личных армий взяли ситуацию под контроль. На трон был посажен представитель рода Лю, который пожелал восстановить династию своего потомка Лю Баня, назвав ее Поздняя Хань. Столицу свою он перенес из Чананя на восток, в Лоян (отсюда второе название династии — Восточная Хань). В 29 г. в Лояне была основана Большая академия, в которой должно было обучаться до 30 000 человек. Академии отвели 1800 комнат в 240 строениях. О масштабах Лоянской библиотеки можно судить хотя бы по тому, что, когда последний император династии, спасаясь бегством, пожелал увезти книги с собой, ему понадобилось больше 7 тысяч повозок. В большом почете оставался Конфуций. При Поздней Хань официальный классический текст его трудов был высечен на огромных каменных плитах, которые хранили в Большой академии.

Развитие все более сложной административной системы, в которой письменный документ играл основную роль, постоянная интерпретация классических текстов привели к ряду открытий. Наряду с бамбуковыми и деревянными дощечками впервые стала использоваться бумага, изобретение которой приписывают евнуху Цай Луню. Для письма на новом материале подходила уже не заостренная палочка, а кисточка. Ее использование позволило выработать каллиграфию и скоропись. Все манускрипты тщательно сохранялись и систематизировались в башне под названием «Каменный канал» в Чанане. Было положено начало и словарному делу: увидел свет первый большой словарь, включавший объяснение 9000 иероглифов. Появились историческая наука и историография.

«Китай был первой цивилизацией в мире, создавшей современное государство, — считает Фрэнсис Фукуяма. — …При династиях Цинь и Хань Китай развил и общую культуру в добавление к сильному государству… Существовало сильное чувство, что Китай определяется общим письменным языком, классическим литературным каноном, бюрократической традицией, общей историей, общеимперскими образовательными институтами и системой ценностей, которая определяла поведение элит на политическом и социальном уровне»[1].

[1] *Francis Fukuyama.* The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. L., 2012. P. 150, 149.

От Троецарствия до монголов

Империя Хань пала под двойным ударом «варваров» и крестьянского восстания «желтых повязок» и разделилась на три соперничавших царства — Вэй (на севере, в долине Хуанхэ), У (на юге) и Шу (в Сычуане). Началась эпоха Троецарствия (220–280 гг.), когда сама идея единой империи теряла актуальность, равно как основанное на принципах нравственности конфуцианство. На первый план выходят два новых типа людей, которые пользовались уважением в глазах современников: предприимчивый и авантюрный генерал-стратег и противоположный — тип даоса, который отстраненно присутствует в мире или удаляется в отшельничество, уделяя внимание музыке, поэзии, вину и близким друзьям. Этим жил, например, кружок Семи Мудрецов.

В этот период в Китае и Восточной Азии укрепляется такое явление, как религиозный синкретизм (от греч. слова synkretismos — «соединение»), т.е. сочетание различных религиозных и философских учений без формализованного их объединения. Еще в I в. н.э. в Китай из Индии через Центральную Азию начал проникать буддизм (подробнее о нем в главе об Индии), который оказался единственным иноземным учением, не просто закрепившимся в Китае, но и ставшим неотъемлемой частью его духовной традиции. Этому способствовало то обстоятельство, что он сблизился с даосизмом. Именно из рядов даосов выходили первые китайские буддисты; их термины и понятия использовались буддийскими монахами в качестве нужных китайских эквивалентов при переводе на китайский древних текстов с пали и санскрита. Буддизм для возбужденных умов той эпохи был источником успокоения и надежды на повторную жизнь. В смутное время войн в буддийских монастырях страждущие находили приют, беглецы — покой и отдых, усталые интеллектуалы — необходимое уединение. Одновременно сам даосизм, который вдохновлял лидеров восстания «желтых повязок», превращался в полноценную религию. Даосские священнослужители заняли место при дворе. Их астрологические и алхимические познания — поиски эликсира бессмертия, проблемы левитации, превращения металлов — все больше привлекали умы. С III в. в китайской литературе применительно к конфуцианству, даосизму и буддизму начал использоваться термин «три учения» (перевод «три религии» представляется не вполне корректным, поскольку конфуцианство не является религией в прямом смысле этого слова).

«На самом деле даосизм и буддизм глубоко различны, — подмечал еще Бродель. — Одна религия ищет “снадобье для достижения бессмертия”, сохранения телесной оболочки, а другая рассматривает тело как оковы, навязанные человеку его несовершенством, и вообще отказывает ему в реальном существовании. Для буддизма не существу-

ет даже Я: в нирване любая личность растворяется, тогда как в рае бессмертных святой даосист рассчитывает навечно сохранить собственную личность». Буддизм сохранил в Китае не все свои компоненты, но вера в переселение душ охватила всех китайцев, включая даосов, а в Средние века буддистская метафизика проникла и в неоконфуцианство. И сегодня в одном храме можно увидеть статую Будды, алтарь местных даосских богов и статую почти обожествленного Конфуция[1].

Конфуцианство абсолютно доминировало в области государственного управления и в системе регулирования взаимоотношений в обществе, в сфере этики, морали и семейных отношений. Не богатый и знатный, но следующий мудрости древних конфуцианский ученый-чиновник всегда стоял на вершине ценностей в императорском Китае. Даосизм с его магическими ритуалами и обрядами, верой в сверхъестественное и обширным пантеоном божеств, заимствованным из народных верований, компенсировал отсутствие всего этого в рациональном конфуцианстве. В периоды стабильности и крепкой центральной власти конфуцианский полюс преобладал. В эпохи войн, нашествий и катаклизмов, на передний план выходил даосско-буддийский полюс с его бунтарскими эгалитарно-утопическими идеями, магией и мистикой. Впрочем, за эгалитаризмом просматривалась та же конфуцианская идея, поскольку восставшие стремились к восстановлению сильного централизованного государства, которым управляли бы те же ученые-конфуцианцы. «В то же время обычный китаец, стараясь быть в общественной жизни конфуцианцем, в душе всегда оставался хотя бы немного даосом, не забывая при этом совершать буддийские обряды и ритуалы. Религиозный синкретизм безоговорочно господствовал на "нижнем уровне" — в среде простого народа. Рядовые китайцы (крестьяне и горожане) практически не видели разницы между тремя учениями, по мере необходимости обращая свои взоры и чаяния к каждому из них, а порой и ко всем сразу»[2]. Формула «три учения», придя из Китая, закрепилась в соседних Корее и Вьетнаме.

После краткого объединения под властью династии Западная Цзинь (280–316) страна снова распалась, причем новые разделительные линии между регионами оказались теми же, что в эпоху Сражающихся царств. Далее наступил период, который называют эпохой Северных и Южных династий, или Шести династий (316–580). Пять из них — китайского происхождения — сменяли друг друга на юге. На севере же утвердились династии «варваров». Из двадцати шести государей, носивших титул императоров в течение данного периода, тринадцать были убиты, четыре свергнуты и только девять умерли естественной смертью. Императором часто становился один из победоносных гене-

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 196.
[2] Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 397–398

ралов, который находился в полной зависимости от могущественных семейств, реальных хозяев земли и власти, а также от собственных офицеров и подчиненных.

Очередное объединение страны началось с севера. Инициатором его стал представитель могущественной семьи из провинции Шэньси — Ян Цзянь. После победы над Северной Чжоу в 581 г. он основал новую династию Суй и назвался императором Вэн-ди. В 588 г. он отправил 500-тысячное войско в поход на юг и захватил Цзянькан (Нанкин). Однако его сын и наследник — Ян-ди — не смог удержать власть, и в 618 г. ее захватил выходец с запада Ли Юань, занявший трон под именем Тайюань и основавший династию Тан.

Новые государи воспроизвели матрицу системы управления династии Хань. Столица империи вновь оказалась в регионе Вэй и среднего течения Хуанхэ, а затем в Лояне. В следующее столетие Китай жил в редкую эпоху внутреннего мира и экономического подъема. Начало восстанавливаться население, вновь достигшее почти той же численности, что в начале нашей эры, — 52 880 488 человек в 754 г.

С династиями Суй и Тан связаны три важных экономических мероприятия: был прорыт Великий канал, введен в действие аграрный кодекс и унифицировано денежное обращение. Вновь расцвела торговля, поддерживаемая новыми финансовыми институтами и инструментами. Купцы объединялись в ассоциации, чтобы кредитовать друг друга, создавая зачатки банковской системы: выпускались депонентские сертификаты, переводные векселя («летающие деньги»), с которыми стало возможно спокойно путешествовать по стране.

Китайская культура при династии Тан переживала один из периодов расцвета, который по праву называют «золотым веком». Полного развития достигла доктрина императорской власти, согласно которой правитель Срединной империи являлся единственным посредником между небом и людьми. «Через императора (Сына Неба) распространялась в мире “благая преобразующая сила” дэ, под воздействием которой люди, “внутренне преобразуясь”, покорялись императору, реки текли по своим руслам, времена года в положенный срок сменяли друг друга и т.п. Сила дэ, не знающая границ, “переливалась” через пределы Китая и достигала “варваров”, которые, подчиняясь благому влиянию, “покорялись, преобразовывались” и являлись с данью к императорскому двору»[1].

Только двор багдадских халифов мог тогда соперничать с двором Чананя в роскоши и утонченности. По дорогам, ведущим из Индии и Среднего Востока, двинулись буддийские пилигримы, а также манихейцы, несторианцы, мусульмане, чьи учения тоже находили после-

[1] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 169.

дователей в Китае. Изучение санскрита, необходимого для понимания оригинальных буддистских текстов, породило интерес к филологии.

Ведомство чинов, руководствуясь принципами Конфуция и легистов, выстроило стройную систему подготовки и назначения чиновников. Именно в эпоху Тан окончательно утвердился единый конкурсный принцип, опиравшийся на систему экзаменов, для сдачи которых необходимо было знать конфуцианские каноны и сочинения древних авторов, демонстрировать эрудицию, литературный вкус и способность к стихосложению. Экзамены мог сдавать любой налогоплательщик, хотя, конечно, у знати было преимущество лучшего образования. Те, кто показал лучшие результаты, допускался к экзамену на более высокую ступень, что открывало и соответствующие карьерные возможности. При этом чиновник не имел права служить там, откуда сам был родом. Циркуляция чиновников по стране способствовала унификации элиты, а значит, и всего государства. «Значение созданной в ту эпоху государственной системы управления трудно переоценить, — подчеркивают российские историки Китая. — Железный каркас бюрократии обеспечивал восстановление государственности при любых потрясениях. Четкое штатное расписание, продуманное разделение функций, контроль за исполнением решений, единая система культурных ценностей делали китайскую чиновничью машину самой эффективной в средневековом мире». При этом, правда, росла прослойка честолюбцев, проваливших экзамены, из рядов которых выходили застрельщики многочисленных мятежей и восстаний[1].

Образованные люди писали научные трактаты, причем был налицо гуманитарный уклон. Группа образованных чиновников под руководством Ло Фаяня составила словарь, устанавливавший стандартное произношение по диалекту, принятому в столице. Появились многочисленные книги по истории, политическим наукам, которые необходимо было изучить для сдачи императорских экзаменов, энциклопедия. Следует заметить, что высокий уровень исторического самосознания является одной из прочных основ китайской самоидентичности. Веками даже неграмотные крестьяне узнавали исторические предания от «семейных» и профессиональных рассказчиков, театрализованные представления на деревенских и городских площадях чаще всего посвящались историческим сюжетам.

Переживает расцвет художественная литература: рядом с тремя великими — Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи — творила целая плеяда талантливых поэтов (только краткая антология поэтов Танской эпохи насчитывает более 2 тысяч имен). В 624 г. император создал нечто вроде ордена медиков, который составлял медицинские энциклопедии и занимался

[1] Всемирная история: В 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 283–286.

обучением врачей. Появились трактаты Сунь Сымяо по фармакологии, офтальмологии и акупунктуре. Медики овладели техникой пломбирования зубов серебряной пастой. В 801 г. Цзя Тань опубликовал сборник карт. В IX в. зародилось книгопечатание. Первые типографии изготовляли копии буддийских картин и текстов. Образованное сословие начало обзаводиться библиотеками.

В середине VIII в. империя Тан вновь столкнулась с сепаратизмом. «Китайская политическая система всегда отличалась сильным гражданским контролем над армией, но в этот период он начал напоминать Римскую империю, где могущественные генералы в провинциях начинали использовать их как базы для продвижения собственной политической карьеры»[1], — замечал Фукуяма. Гарнизоны, расквартированные на северо-востоке, восстали. Одновременно на западе появляется доселе неведомая сила — мусульмане. В 751 г. они наголову разбили китайские войска на берегах реки Талас на территории нынешнего Казахстана (китайские солдаты, попавшие в плен при Таласе, принесли остальному миру технику изготовления бумаги). Внутренние мятежи и военные поражения разоряли казну, опустошали значительные территории, дезорганизовали распределение земли из-за невозможности правильно вести реестры.

Последний представитель династии Тан был свергнут в 907 г. выходцем из крестьян Чжу Цюаньчжуном, который основал новую династию Поздняя Лян. К тому времени южные провинции — от Сычуаня до Цзянсу — отделились, и только Северный Китай признавал власть пяти эфемерных династий, сменявших друг друга на императорском троне вплоть до 960 г. (Поздняя Лян, Поздняя Тан, Поздняя Цзинь, Поздняя Хань, Поздняя Чжоу). Период 907–960 гг. вошел в историю как период Пяти династий.

Следующий этап — правления династий Сун (960–1279) — был отмечен противостоянием Севера и Юга. Первый император династии Сун Чжао Куанинь, объединил китаизированные районы юга империи практически бескровно. Проблемы создавали окраины на северной границе, где образовались крупные некитайские государства, мечтавшие о захватах.

Сначала кидани разбили войска династии Сун около Чанпина (к северу от современного Пекина), отняли у Китая ряд северных провинций и основали династию Ляо по китайскому образцу. В 1038 г. в бассейне Хуанхэ появились сися, или тунгуты, создавшие там свое царство и перекрывшие Шелковый путь. С 1115 г. чжурчжэни (ветвь тунгусов, из которой произошли и маньчжуры) заставили киданей бежать на запад. Чжурчжэни основали династию Цзинь и начали военные действия

[1] *Francis Fukuyama.* The Origins of Political Order. P. 292–293.

против Сун, и даже взяли в плен императора в 1125 г. Сися, кидани и чжурчжэни ввели собственную оригинальную письменность, основанную на китайской иероглифике (сохранились лишь немногочисленные надписи, плохо поддающиеся расшифровке). При Ляо и Цзинь, чьей столицей был Пекин, северо-восточный регион страны приобретал то большое значение, которое сохранит и в дальнейшем.

Как ни странно, период правления династии Сун был довольно успешным для Китая. Целые регионы страны длительное время не подвергались убийствам и разграблению, что обеспечило значительный прирост населения: с 90 млн в 1083 г. до более 100 млн (20 882 258 семей) — в 1124 г.

Большие успехи были достигнуты в науке, в частности в алгебре. В 1090 г. были сконструированы астрономические часы. Похоже, и механические часы не являются, как считалось долгое время, европейским изобретением XIV в. Появились многочисленные работы по сельскому хозяйству, архитектуре, военному искусству, педиатрии, акупунктуре, фармакологии. Среди врачей выделялся Сунн Цы, написавший первый в мире трактат по судебной медицине. В 1014 г. была применена вакцинация против оспы. К эпохе Сун относятся и изобретения, изменившие судьбу планеты: компас и порох.

Когда дорога в Центральную Азию была отрезана тунгутами, большую часть внешней торговли пришлось вести морем, что способствовало развитию флота. Китай экспортировал шелк, украшения, фарфор, керамику; монеты и изделия сунской эпохи находят на Яве, в Индии, Занзибаре, в Египте. Взамен ввозили ценные породы дерева, парфюмерию, пряности, жемчуг, слоновую кость. В XI–XIII вв. стал появляться активный класс торговцев. Конфуцианская традиция отодвигала торговое сословие в разряд низших классов, однако богатство сближало с властью. Вместе с тем в Китае — в отличие от Европы — торговое сословие никогда не претендовало на самостоятельность.

С начала XIII в. появился еще один серьезнейший претендент на китайский престол — монголы. Завоевание шло поэтапно, и его методы менялись. После жестокостей Чингисхана и междоусобиц, разразившихся после его смерти в 1229 г., аннексия продолжалась полководцами Хубилая более аккуратными методами, позволявшими сохранить в целости города и деревни. Именно Хубилай завершил завоевание Поднебесной, присоединив к своим владениям Южный Китай. В 1271 г. он основал династию Юань, а в 1275 г. в битве Динцзячжоу разгромил армию Южной Сун и взял в плен императора. После чего Хубилай принял буддизм и новое имя — Ши Цзу[1].

[1] *Лин фон Паль.* История Империи монголов: До и после Чингисхана. М.; СПб., 2010. С. 212.

Монгольские войска заняли все стратегически важные пункты страны. Наиболее плодородные земли были конфискованы и распределены среди победителей, все лошади реквизированы. Общество по объему прав официально было разделено на четыре группы: монголы, народы Центральной Азии неханьского происхождения (в частности, уйгуры, союзники монголов), китайцев с севера (подданных павшей династии Цзинь) и уроженцев юга. Китайцы всегда оказывались в подчиненном положении. Им было запрещено носить оружие, изучать монгольский язык, для них устанавливался комендантский час. Но некоторые богатые китайцы смогли договориться о сохранении привилегий, для чего приходилось принимать монгольские имена.

Китайские историки чаще всего беспощадны к династии Юань (1271–1368), которую они упрекают в эксплуатации Китая. Как это ни парадоксально, период монгольского господства сопровождался национальной консолидацией. Империя была разделена на провинции, границы которых, за малым исключением, сохранились до XXI в. Теснее стали связи с Тибетом и Внутренней Монголией. Завоевание открыло новые возможности для китайской экономики: вновь стало возможно пользоваться Великим шелковым путем, другими маршрутами в Северной Азии.

Возобновление отношений с Тибетом вызвало распространение тибетской формы буддизма — ламаизма. Китай начал контактировать с другими подвластными монголам государствами, население которых частично исповедовало ислам. Мусульмане из Туркестана и Ирана проникали в Китай с севера. Появились христианские священники, доходившие до дальних районов Китая. Венецианец Марко Поло жил в Китае в течение многих лет, занимал высокий пост в императорской администрации. Он не без оснований писал, что Хубилай носил титул хана — великий владыка владык — по праву, поскольку он «самый могущественный из людей, существующих ныне в мире, как по числу подданных, так и по землям и богатствам»[1]. Действительно, его империя простиралась от Тихого океана до Балтии. Именно во время монгольского завоевания на Запад из Китая попали методы производства пороха и книгопечатания.

В 1351 г. Хуанхэ вышла из берегов, затопив целые районы и вызвав страшный голод. Вспыхнули крестьянские восстания, наиболее значительное — восстание «красных повязок», положившее конец власти монголов. Крестьянин из Аньхоя по имени Чжу Юаньчжан, воевавший сначала на стороне «красных повязок», повернул оружие против прежних союзников, восстановил порядок и основал собственную династию — Мин («ясность»).

---

[1] *Лоуренс Бергрин.* Марко Поло: От Венеции до Ксанаду. М., 2011. С. 148.

Династии Мин и Цин

Монгольские армии были отброшены в степь, и от угрозы нового вторжения защитились новой Великой стеной длинной 12 700 км, которая пролегла гораздо южнее предыдущих. Великая стена играла также роль безопасного пути сообщения и — поднятая высоко над землей — служила для наблюдения как за приграничными жителями, так и за кочевниками. Столицу Империи вначале переместили в Нанкин, а потом, когда был достроен Запретный город, — в Пекин (при Юнлэ в 1421 г.).

Персона императора была окружена пышным и сложным этикетом. Династия Мин (1368–1644) возродила многие древние ритуалы, например жертвоприношения Земле и Небу, захоронение тела императора в великолепных усыпальницах. Могильный курган, к которому вел «священный путь», окаймленный каменными статуями животных и людей, содержал в себе подземный дворец, вход в который держался в секрете.

Возвращение к традиции означало и восстановление общины с круговой порукой, уравнительный передел земли, бесплатную раздачу рабочих быков, инструментов для пахоты и ирригационных работ. В 1394 г. императорским указом было введено обязательное разведение хлопка. Половина территории страны обрабатывалась, а производство зерна удвоилось по сравнению с эпохой Юань.

При императоре Юнлэ столица Китая была центром мировой науки. Две тысячи ученых трудились над составлением своего рода энциклопедии человеческого знания, которая в итоге составила 11 тысяч томов. Самой объемной энциклопедией на планете она оставалась ровно шесть столетий — до 2007 г., когда ее смогла обойти Википедия[1].

Относительная политическая стабильность, прогрессивные сельскохозяйственные технологии, улучшение санитарных условий вели к быстрому демографическому подъему. Население выросло с 60 млн в 1368 г. до 138 млн к XVII в.[2] Потом последовало снижение, вызванное войнами, которые сопровождали смену династий. Но в 1787 г. население достигнет 300 млн человек, а в середине XIX в. — 430 млн. С XVII в. проводилась обязательная прививка оспы. Демографический рост вызывал обеспокоенность: еще в XVIII в. первые китайские демографы били тревогу по поводу опасной тенденции к перенаселению. Рост населения, активное развитие торговли дали импульс эмиграции. Начиная с XV в., она приняла массовый характер. «Заморские китайцы» («хуа цяо») сохраняли связи с метрополией, куда многие из них возвращались, сколотив состояние.

---

[1] *Niall Ferguson.* Civilization: The West and the Rest. L., 2011. P. 22.

[2] *Angus Maddison.* Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 2007. P. 24.

Юнлэ в 1405 г. снарядил первую крупную морскую экспедицию по странам Юго-Восточной Азии и Индийского океана. С 1408 по 1433 г. было отправлено еще шесть крупных морских экспедиций под руководством евнуха — выходца из мусульманской семьи — Чжэн Хэ. В последней из них участвовали 27 000 человек на 63 кораблях. Только на флагманском корабле плыло более тысячи человек. Флотилии добрались до Чампы (юг современного Вьетнама), Суматры, Малакки, Цейлона, Индии, Ормуза и Восточной Африки (Могадишо). Не получив информации о существовании где-либо более высокой цивилизации, чем китайская, императоры сочли нецелесообразным тратить средства на морские походы, которые были навсегда прекращены. И это в то время, когда европейцы эти походы только начинали.

Европейцы объявились в Китае в начале XVI в. «Дальневосточные книжники, — писал Тойнби, — когда увидели первых представителей западного человечества в правление династии Мин, прикрепили к вновь прибывшим ярлык "варваров Южного моря" на основании их непосредственного происхождения и их очевидного уровня культуры… При своей первой высадке они выглядели словно безобидные морские микроскопические животные прежде неизвестного рода. Вскоре они показывали себя дикими морскими чудовищами. Наконец, они оказывались хищными амфибиями, столь же подвижными на суше, как и в своей собственной стихии»[1]. В 1511 г. португальцы завладели Малаккой и почти сразу же отправили в Китай посольство под руководством Тома Пиреса. К середине XVI в. русские казаки достигли Амура, и в 1567 г. — при Иване Грозном — в Пекин прибыли два первых русских посланца, Петров и Яличев. С этого времени Срединная империя должна была считаться с присутствием этих держав. Русские продвигались на Дальний Восток и в Центральную Азию, англичане — в Индию и Тибет, голландцы — на Зондские острова, французы — в Индокитай. В 1624 г. голландцы захватили Тайвань (Формозу), где продержались вплоть до 1662 г.

К концу XVI в. появилась новая опасность — маньчжуры, потомки чжурчжэней, которые когда-то основали империю Цзинь. В 1616 г. их предводитель Нурхаци провозгласил себя императором. В 1636 г. его сын принял династический титул Цин. К падению династии Мин привело восстание Ли Цзычэна. Евнухи, которые были хранителями императорского имущества и руководили тайной полицией, довели последнего императора династии Мин до самоубийства. Открыв ворота Пекина народным толпам Ли Цзычэна, они договорились с маньчжурами о вторжении в Китай. Утвердилась последняя в истории Китая императорская династия — Цин (1644–1911).

---

[1] *Арнольд Дж. Тойнби.* Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М., 2009. С. 535.

Во время царствования первых трех ее императоров страна занимала бóльшую территорию, чем когда-либо в прошлом или в будущем. В границы государства вошли Монголия, Джунгария, Восточный Туркестан и Тибет — их называли Застенным Китаем и «внешними варварами». В конце XVIII в. среди «данников» Китая числились Корея, Вьетнам, Бирма, Сиам, Непал, Сикким.

При этом внутри страны маньчжуры вели себя как завоеватели. Они селились в отдельных кварталах. Коренным китайцам предписывалось носить косичку (от маньчжуров также пошел обычай носить долгополый халат и куртку, а женщинам — длинное платье с боковыми разрезами), вводилась строжайшая цензура, система тотальной слежки. В Большом Совете заседать имели право только знатные маньчжуры. Меньшинствам было запрещено смешиваться с ханьцами, а ханьцам — учить языки меньшинств. Однако постепенно маньчжурские императоры поняли выгоды сближения с ханьской элитой. Китайский язык был объявлен официальным наравне с маньчжурским. Власти проявляли повышенный интерес к конфуцианству, что вновь открыло дорогу наверх представителям образованных классов.

Китайская экономика с конца XVII в. претерпевала эволюцию, сравнимую с европейской: появились частные мануфактуры с наемными рабочими, наиболее развившиеся в производстве шелка. В то же время ни купцы, ни первые предприниматели-«капиталисты» не смогли сформировать, как в Европе, значимый класс буржуазии. Главной тому причиной являлось сдерживание государством частной инициативы. Не было вольных городов, контроль был в руках местного мандарина. Дерево в Китае — редкость (еще в древние времена леса были сведены), что не позволило, например, кузницам, использующим древесный уголь, распространяться, как в Англии. Не последнюю роль сыграла система наследования, которая перераспределяла наследство между всеми детьми и таким образом распыляла состояние[1].

В последние десятилетия XVIII в. появились признаки кризиса. Экономический рост все сильнее отставал от демографического, появилась массовая нищета, которую охотно описывали европейские путешественники, пошли народные волнения. «Маньчжуры попытались управлять своей страной и ее соседями методами, которые до них не применял никто из правителей, и к началу XIX века им стало сложно контролировать территориально переросшую правителей империю, — писала Одд Арне Вестад из Лондонского экономического института. — Казна истощалась, военные устали от боевых действий на территории сопредельных стран, а население проявляло все большее недовольство полицейским государством, постепенно терявшим свое

[1] *Дени Ломбар.* Императорский Китай. С. 151–152.

предназначение»[1]. При дворе плели нескончаемые интриги маньчжурская знать, высшие чиновники-ханьцы и евнухи.

«Наконец, европейцы стояли уже у ворот и все больше угрожали Китаю, — замечал французский историк Анри Ломбар. — Они мечтали проникнуть на огромный внутренний рынок Китая, не до конца, впрочем, осознавая, насколько низка покупательная способность населения. Осуществление экспансионистских планов несколько задержали наполеоновские войны, однако с их окончанием они возобновились. Англичане покупали в Китае шелк, фарфор, чай, поначалу расплачиваясь деньгами. Однако вскоре был найден новый способ сократить свои убытки: в Китай стали ввозить опиум»[2]. Его и раньше доставляли голландцы и французы, но англичане явно превзошли их масштабами: к 1830-м гг. в Китай ими открыто и контрабандой импортировалось более 30–40 тысяч ящиков наркотиков ежегодно. В 1836 г. китайский император сделал попытку противостоять отравлению народа, запретив ввоз опиума. Но в Англии у наркодельцов нашлись влиятельные покровители, включая министра иностранных дел лорда Пальмерстона, и в июне 1840 г. британские корабли на паровой тяге с тысячами солдат на борту подошли к китайским берегам. К концу лета 1842 г. англичане контролировали Янцзы, угрожали Нанкину и столице империи[3]. Проиграв «опиумную войну», Китай был принужден открыть для англичан пять портов. И это было только начало.

Китай в силу своей внутренней специфики оказался не готов ответить на вставший пред ним геополитический вызов Запада. «Этические принципы социальной регуляции конфуцианства исключали социальную агрессивность, так же как и буддийское отношение к природе в совокупности с принципом у вей (недеяние) и цикличностью времени даосизма давали универсальную, гармоничную модель бытия… Эти три начала в Китае создавали закрытое, самодостаточное сообщество, инертное не только внутри себя (и поэтому гармоничное), но и в отношении внешнего мира (и поэтому изоляционистское). Организация вооруженного сопротивления как смысл существования империи была неорганична и чужда цинскому Китаю, что и объясняло его поражения и неэффективную систему противодействия внешней экспансии в течение всего XIX в. и начала XX в.»[4]. Одним из основных факторов упадка императорского Китая исследователи называют также слабость его государственности, немногочисленность административного аппарата. К концу XIX в., когда система правления мандаринов была упразднена,

---

[1] *Одд Арне Вестад.* Беспокойная империя: Китай и мир с 1750 года. М., 2014. С. 32–33.
[2] *Дени Ломбар.* Императорский Китай. С.173–174.
[3] *Jeremy Paxman.* Empire. L., 2011. P. 62–64.
[4] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 194.

на 400 млн подданных приходилось не более 8 тысяч чиновников, находившихся по большей части в Пекине и в столицах провинций[1].

Рост налогов и массовое разорение земледельцев служили причиной восстаний, вспыхивавших под руководством различных тайных обществ, чьи лозунги были окрашены порой в даосско-буддийские тона или приобретали националистическую форму — против правления маньчжуров. На этом фоне в начале 1850-х гг. выделилось движение тайпинов. К идее тайпин — великого равенства, которая вдохновляла участников восстания «желтых повязок» в эпоху Хань, теперь добавились христианские мотивы. Войско тайпинов стало занимать один южнокитайский город за другим. Сделав своей столицей Нанкин, тайпины придали ей привычные очертания, их руководители получили княжеские титулы, обзавелись дворами и гаремами.

Осенью 1856 г. в Гуанчжоу высадились английские войска, к которым вскоре присоединились французы. Интервенты стали продвигаться к Шанхаю, в мае 1858 г. появились около Пекина и Тяньцзиня. Цинские власти предпочли пойти на переговоры и уступки державам (Тяньцзиньский договор 1858 г.). Но когда Пекин попробовал изменить его условия, последовала новая война, завершившаяся разгромом и сожжением комплекса летних императорских дворцов Юаньминьюань и подписанием в 1860 г. кабальных Пекинских соглашений. Тем временем тайпины обрели второе дыхание. Державы сочли за благо помочь императорским войскам и вмешаться в ход военных действий с тайпинами. В 1864 г. Нанкин был взят штурмом.

Следующий век китайской истории точно описывал Фернан Бродель: «Китай не был оккупирован, подобно Индии, не был низведен до положения колонии. Но в страну ворвались силой, ее разграбили и расчленили. Китай выбрался из этого ада только благодаря возникновению Китайской Народной Республики в 1949 г.»[2]. Китай стремительно терял суверенитет, превращался в зависимую от Запада полуколониальную державу.

Позор поражений в войнах с «варварами», экономическая разруха, падение престижа и упадок сил Поднебесной, распад «даннической системы», превращение в полуколонию — все это остро ранило самолюбие Сынов Неба, еще недавно считавших себя верховными правителями мира. Реакцией цинской империи стала политика самоусиления, имевшая целью заимствовать европейские оружие и технологии с целью поставить их на службу Китаю. Теоретическим ее обоснованием стал лозунг: «Китайская наука — основа, западная — прикладное». Высшие сановники с начала 1860-х гг. стимулировали энергичное стро-

[1] *Даниэль Елисеев.* История Китая. С. 224–225.
[2] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 210.

ительство арсеналов, верфей, заводов. На практике это означало заимствование принципов полугосударственного капитализма.

Политика самоусиления позволила подстегнуть развитие страны, создать военную промышленность, однако плоды подъема ставились под сомнение коррупцией, расточительством власти, включая и императрицу Цыси, которую Даниэль Елисеев назвал «воплощение жестокости и разврата»[1]. Неэффективность правительственной политики проявилась в ходе войны с Францией за Индокитай в 1884–1885 гг. и японо-китайской войны 1894–1895 гг., которые принесли Китаю сокрушительные поражения. Был утрачен контроль над вассальными Вьетнамом и Кореей, а затем и исконной территорией — Тайванем, что только подогрело аппетиты колониальных держав. В ходе так называемой «битвы за концессии» зарубежные банки и компании получили контроль над строительством железных дорог, значительной частью судостроения и судоходства. Параллельно с этим продолжалось создание казенных предприятий, прежде всего горнорудных, металлургических, текстильных.

На рубеже XIX–XX вв. возникает концепция китайской нации как единой общности, охватывающей все население страны, тогда же из Японии приходят и термины с этим значением: гоминь — нация политическая и миньцзу — нация как этнос[2]. Появились интеллектуальные течения, выступившие за ускоренную вестернизацию. Кан Ю-вэй, опираясь на авторитет Конфуция, агитировал за введение конституционной парламентской монархии, демократизацию, заимствование западных правовых стандартов, поддержку частного предпринимательства. В 1895 г. под его руководством была создана Ассоциация усиления государства, которой симпатизировал и молодой император Гуансюй (племянник Цыси). После 1898 г., когда Германия оккупировала район бухты Цзяочжоу с городом Циндао, а вслед за ней китайские территории начали захватывать Англия (Коулун), Франция (побережье Гуанчжоувань) и Россия (Порт-Артур и Дальний), сторонники реформ стали создавать союзы защиты государства, а наиболее радикальные из них предложили устроить государственный переворот и низложить Цыси. Однако их выдал привлеченный реформаторами для реализации их замыслов генерал Юань Ши-кай, после чего Цыси арестовала Гуансюя и вождей-реформаторов, многие из которых были казнены.

Ненависть к «иностранным варварам» крепла. Под лозунгом «Поддержим Цин, уничтожим иностранцев!» повстанцы разрушали христианские церкви и дома миссионеров, громили принявших христианство китайцев, лавки зарубежных торговцев, помещения консульств. Возглавило национальное движение даосско-буддистское общество Ихэту-

[1] *Даниэль Елисеев.* История Китая. С. 244.
[2] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 18.

ань — отряды справедливости и мира, — прославленное мастерством рукопашного боя (за что европейцы назвали их боксерами). Императрица Цыси поддержала ихэтуаней, открыв перед ними ворота столицы, а также ввела в город регулярную армию. В июне 1900 г. началась война, в ходе которой 20-тысячная объединенная армия восьми держав заняла Пекин. Цыси бежала в Сиань, возложила вину за поражение на ихэтуаней и направила против них правительственные войска. Восстание ихэтуаней было подавлено год спустя, а Китай признал свое поражение подписанием так называемого Заключительного протокола.

Вслед за этим началась «новая политика» Цыси: реформы армии, судопроизводства, основание множества учебных заведений. В Китай вернулись ранее бежавшие из него реформаторы. Южные районы Китая, где давно существовали миссионерские школы, поставляли кадры радикально настроенной образованной молодежи, вдохновлявшейся западными идеями демократии и революции. Среди них был и Сунь Ят-сен, в молодости живший в Гонолулу, а затем учившийся в миссионерской школе и медицинском колледже Гуанчжоу и Гонконга. Созданный им еще на Гавайях Союз возрождения Китая поставил своей целью реализацию его знаменитых «трех принципов»: национализм (свержение династии маньчжуров); народовластие (республиканско-демократический строй); народное благоденствие. В 1905 г. Сунь-Ят-сен созвал в Японии съезд разных организаций, создавший Объединенный союз (Тунмэнхуэй).

Под влиянием петиционной кампании за введение конституционного строя императрица согласилась на политические реформы. Была создана комиссия, которая предложила девятилетний план замены старой империи конституционной монархией путем заимствования уже действовавшего японского основного закона за минусом его небольших ограничений на власть императора[1]. Однако кончина Цыси в 1908 г. ускорила ход событий. Тунмэнхуэй взял курс на подготовку вооруженного восстания.

Китайская республика

Восстание солдат и офицеров в Учане 10 октября 1911 г. оказалось достаточным толчком для того, чтобы династия Цин, а вместе с ней и центральная власть рухнули. На севере с претензиями на руководство страной выступил Юань Ши-кай, признанный в ноябре премьер-министром и объявивший о созыве всекитайского парламента. На юге же Сунь Ят-сен был избран временным президентом Китайской республики со столицей в Нанкине. 12 февраля 1912 г. монархия

[1] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay: From Industial Revolution to the Globalization of Democracy. L., 2014. P. 359–360.

была официально упразднена. После этого во имя единства страны Сунь Ят-сен отказался от поста президента в пользу Юань Ши-кая. В апреле 1912 г. в Пекине из членов Нанкинского собрания и депутатов от провинций был создан временный парламент, но сформировать ответственное перед ним правительство он так и не сумел. Северные генералы принудили депутатов проголосовать за министров, предложенных исключительно Юань Ши-каем, который повел дело к собственной диктатуре. Сунь Ят-сен ответил созданием новой политической партии Гоминьдан, которая получила большинство в созванном в апреле 1913 г. парламенте. Юань Ши-кай в ноябре распустил парламент, а в начале 1914 г. — провинциальные и местные представительные учреждения. Был опубликован проект новой конституции, согласно которому президенту предоставлялись почти неограниченные полномочия, восстанавливались многие должности, звания и титулы только что свергнутой монархии.

В январе 1915 г. Япония захватила германские владения в Шаньдуне и предъявила Китаю «21 требование», суть которых сводилась к превращению Китая в зависимое от Японии государство. Юань Ши-кай вынужден был принять значительную их часть. При этом средством противодействия японской экспансии он объявил возвращение к монархии. Выдав свою дочь замуж за последнего китайского императора Пу И, он готовился провозгласить себя новым императором. Но идея восстановления монархии вызвала сильное сопротивление. Генералы, де-факто руководившие провинциями, не захотели подчиняться Юаню, который так и не успел короноваться до смерти летом 1916 г.

Как не раз бывало в кризисные периоды в истории Китая, на первый план вышли военные, и не случайно период с 1916 по 1928 г. получил название «эры милитаристов», когда «власть в Пекине самым запутанным образом переходила от одних к следующим политикам и милитаристам. Они устраивали схватки за овладение центральной властью, но такая власть значила все меньше и меньше. При том что в Китае сохранялось правительство, признанное остальными государствами, настоящая власть все больше уходила в провинции и в группы провинций, пользующихся полной самостоятельностью, кроме названия государства»[1]. Временный парламент то разгоняли, то собирали вновь — и в Пекине, и в Нанкине, — он лишь санкционировал свершавшиеся помимо его воли события, будь то назначение того или иного президента, изменение или восстановление конституции. Сунь Ят-сена то избирали президентом, то он вновь терял этот пост по воле милитаристов.

В 1923 г. Сунь Ят-сен, вновь оказавшись у власти в Гуанчжоу, повел работу по укреплению партии и созданию ее собственной армии. Под-

[1] *Одд Арне Вестад.* Беспокойная империя. С. 184.

держка пришла из СССР, который помог китайским революционерам сформировать свои вооруженные силы. На I Конгрессе Гоминьдана в 1924 г., в котором приняла участие и компартия Китая (КПК), была провозглашена политика единого фронта. С помощью советских военных советников М.М. Бородина, П.А. Павлова, В.К. Блюхера была организована военная академия в Вампу во главе с ближайшим соратником Суня Чан Кай-ши, ставшая кузницей кадров революционных командиров. Смерть Сунь Ят-сена в 1925 г. не остановила роста влияния Гоминьдана. Тем временем резко обострились отношения между партнерами по «единому фронту»: слабая китайская компартия, находившаяся под влиянием Коминтерна и советских военных советников, вызывала резкое раздражение гоминьдановцев и подверглась репрессиям.

1 июля 1925 г. правительство юга, которое возглавил Чан Кай-ши, объявило себя Национальным правительством Китая и начало войну за объединение страны, выступив в победоносный Северный поход, план которого был разработан при участии советских специалистов. Армия становилась костяком новой власти в завоеванных провинциях, где в конфуцианском духе происходило соединение военной и административно-политической функций. Власть Национального правительства постепенно признали все политические силы, кроме коммунистов. Под его контролем оказалось 95% от территории Китая на пике могущества династии Цин.

«Чан был последовательным культурным шовинистом, который верил, что более пяти тысяч лет китайские “войны с соседями” были “только справедливыми войнами”, которые велись в целях самообороны, и что меньшинства в Китае изначально принадлежали к той же расе, что и ханьцы, — пишет его биограф. — С другой стороны, он решительно отвергал идею “господствующей цивилизации и господствующей расы”»[1].

В экономике лидирующее положение по-прежнему занимал английский и японский капитал, хозяйственную политику определяли зарубежные консультанты, среди которых было много немцев, национальный бизнес развивался преимущественно в сфере торговли и мелкого предпринимательства. Правительство взяло под свой контроль финансы — банки, страховые общества, налоговые и таможенные сборы, чем создало механизм государственного контроля над экономикой и планирования. Правительство Чан Кай-ши приняло ряд законов о труде, установило минимальный уровень зарплаты, создало систему официальных государственных профсоюзов, гарантировало определенные права граждан, в частности право частной собственности. Аграрный закон 1930 г. ограничил размеры арендной платы, установил пото-

[1] *Jay Taylor.* Chiang Kai-Shek and Chinese Modernization // Makers of Modern Asia. L., 2014. P. 44.

лок для земельных владений. Государство выступало в роли верховного собственника и высшего субъекта власти. Но создать полноценную оборонную промышленность, сравнимую с японской, не удалось.

В 1931 г. Япония захватила Маньчжурию, где создала марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с императором Пу И. Затем последовала атака на Шанхай и оккупация всего Северного Китая. В 1937 г. японцы приступили к оккупации наиболее развитых регионов восточного побережья Китая, включая Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Ухань и Гуанчжоу. В оккупированном японцами Нанкине было создано новое правительство во главе с одним из бывших лидеров Гоминьдана Ван Цзин-вэем.

Чан Кай-ши переместился на запад, в Чунцин, и возглавил сопротивление Японии, пригласив в союзники и базировавшиеся рядом с границей СССР вооруженные силы КПК. Сначала коммунисты согласились на создание единого антияпонского фронта, но с приходом к руководству компартией Мао Цзэ-дуна последовал ряд разворотов генеральной линии, и борьбу с японцами коммунисты все же предпочли вести обособленно. В 1941–1943 гг. стабилизация линии фронта и относительные военные успехи гоминьдановцев ослабили позиции коммунистов. Однако в связи с коренным переломом в ходе Второй мировой войны на советско-германском фронте КПК и ее армии перешли в наступление. Когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией и занял Маньчжурию, захваченное им вооружение сдавшейся Квантунской армии помогло компартии, как и советские военные инструкторы, как и переданные Москвой японские военнопленные, которые обслуживали переданную КПК военную технику. Помогло и то, что в Соединенных Штатах идея вмешательства во внутриполитический конфликт не пользовалась общественной поддержкой. Весной 1946 г., когда войска Гоминьдана начали теснить силы коммунистов в северной Маньчжурии, генерал Маршалл осадил наступательный порыв Чан Кайши. Это позволило Мао получить передышку, а Советскому Союзу — нарастить военные возможности КПК[1].

Не важно, какого цвета кошка

На начальной стадии гражданской войны в Китае Сталин не исключал возможности разделения страны на две части по реке Янцзы: Север — для КПК, Юг — для Гоминьдана. Москва на протяжении всей войны внешне дистанцировалась от КПК и критиковала ее за излишний радикализм. Только после победы коммунистов и образования Китайской Народной Республики (КНР), что заставило гоминда-

[1] *Юн Чжан, Джон Холлидей.* Неизвестный Мао. М., 2007. С. 307–311.

новцев во главе с Чан Кай-ши эвакуироваться на остров Тайвань, Мао получил приглашение посетить Кремль[1]. Появились «два Китая».

Когда мир следил за социальными экспериментами Мао и видел в них попытку загнать страну в коммунизм, в самом Китае этот процесс воспринимался как привычный поиск социальной справедливости, государства высшей гармонии, управляемого харизматическим великим лидером.

«Идеи равенства и справедливости, поиск социальной гармонии и ориентация на стремящегося к ней, ищущего ее авторитетного лидера-мудреца — в крови китайской традиции. Отсюда с легкостью воспринятая Китаем идея революции с ее ориентацией на лозунги Сунь Ят-сена. Отсюда же и взлет влияния компартии во главе с Мао. Идея о ведущей роли государства и аппарата власти с его бюрократической иерархией опять-таки в крови китайской традиции с ее неизменной ставкой на централизованное регулирование хозяйства»[2], — пишет Леонид Васильев.

Китаем должны руководить мудрые правители, опирающиеся на хорошо знающих доктрину помощников, как в свое время императоры с их конфуцианскими чиновниками, а при Гоминьдане — его лидеры вместе со знакомыми с теорией Сунь Ят-сена функционерами и военными. При Мао их место заняли кадровые работники КПК (ганьбу). Стратегия была прагматичной: «Рыть глубокие туннели, всюду запасать зерно, никогда не претендовать на гегемонию»[3].

Вместе с тем Китай принял самое непосредственное участие в войне в Корее, начатой лидером КНДР Ким Ир Сеном во многом с благословения Москвы и Пекина. «Вторжение в Южную Корею могло втянуть Китай в кризис на его границах, отвлечь внимание Америки от Европы к Азии и, в любом случае, отвлечь часть американских ресурсов в этот регион»[4], — описывал мотивы корейской политики Кремля Генри Киссинджер.

После первых успехов северокорейских войск 16 сентября 1950 г. 50-тысячный американский десант в голубых касках ООН под командованием генерала Макартура неожиданно высадился в районе Инчона, создавая плацдарм для контрнаступления, американские войска заняли Пхеньян и продвинулись дальше в сторону границы с Китаем. В КНР началась кампания «спасти соседа — значит спасти себя». Мао был уверен, что Америка не сможет конкурировать с ним в готовности неограниченно жертвовать жизнями своих солдат и просил передать

---

[1] *Александр Панцов.* Мао Цзэдун. М., 2007. С. 505–507.

[2] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 2. М., 2011. С. 321.

[3] *Мао Цзэдун.* Не бояться трудностей, не бояться смерти. М., 2014. С. 13.

[4] *Henry Kissinger.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. L., 2014. P. 289.

Сталину, что Америка может послать от тридцати до сорока дивизий, но китайские войска всех их «перемелют»[1].

Вступление в войну рассматривалось как важнейшая битва для Китая, Кореи и всего Востока. Мао делал заявку на лидерство в борьбе за мировую революцию и национальное освобождение. Чжоу Эньлай убеждал, что «мы должны воевать до победы против Соединенных Штатов в Корее и нанести империалистам США сильный удар и сбить их спесь. Только добившись такой победы, национально-освободительные движения Востока, вдохновленные победой китайского народа, не будут подавлены»[2].

26 ноября 300-тысячная китайская армия накатила на американские войска. «Мы столкнулись с совершенно новой войной»[3], — признал Макартур. Всего Китай выставит на поле боя более 3 млн солдат, США — больше миллиона. Наземные и морские операции китайской и корейской армий прикрывал специально сформированный 64-й истребительный авиакорпус советских ВВС со штабом вблизи китайского Аньдуна в составе до 15 советских авиадивизий. Всего за время Корейской войны советскими летчиками были сбиты 1097 самолетов противника при потере 319 собственных боевых машин.

Наступление китайских войск на юг привело к захвату Сеула, но удержать завоеванное уже не удалось. Затяжные бои и угрозы США применить ядерное оружие делали ситуацию тупиковой. Общее количество погибших и искалеченных со всех сторон превысило 5,5 млн человек, из них — 3 млн корейцев[4]. Мир балансировал на грани новой мировой войны. В итоге в 1953 г. был установлен мир, предусматривавший разделение Кореи по 38-й параллели. А Китай до начала 1970-х гг. оказался в дипломатической изоляции со стороны Запада.

Китайская Народная Республика с советской помощью за несколько лет восстановила разрушенную войнами экономику и добилась немалых результатов. Первый пятилетний план на 1953–1957 гг. был разработан с помощью советских специалистов и предусматривал возведение 694-х важнейших промышленных объектов, организацию 33% крестьянства в «полусоциалистические» производственные кооперативы. В 1950-е гг. на учебу в СССР поехали 6 тысяч студентов и 7 тысяч рабочих, из Советского Союза и стран Восточной Европы в Китай отправились 12 тысяч специалистов. Ежегодный прирост экономики в

---

[1] *Юн Чжан, Джон Холлидей.* Неизвестный Мао. С. 376–377.

[2] *Chen Jian.* Jhou Enlai and China's Prolonged Rise // Makers of Modern Asia. P. 156.

[3] *D. Clayton James.* The Years of MacArthur: Triumph and Disaster, 1945–1964. Boston, 1985. P. 536.

[4] *Анатолий Торкунов, В. Денисов, Владимир Ли.* Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 82–84, 127–130, 172–173, 177.

годы первой пятилетки составил 16–18%, ВВП более чем удвоился, производство чугуна и стали утроилось[1].

В КНР была создана, напоминающая сталинскую, система партийно-государственного руководства. Но отношения двух соседних держав не заладились, прежде всего, из-за личной неприязни Мао и Хрущева и их конкуренции за умы мирового коммунистического движения. Вскоре после XX съезда КПСС, который Мао воспринял как предательство мирового комдвижения, он провозгласил курс на «Большой скачок», имевший целью обогнать Советский Союз в деле строительства новой жизни на основе трудового энтузиазма в условиях казарменного быта. «В сельской местности отменили все права на частную собственность, а крестьян согнали в народные коммуны, призванные обеспечить повышение производительности труда аграриев. Внутри этих коммун все услуги организовали на коллективных началах, в том числе уход за детьми и заботу о престарелых людях… Крестьянам приказали заниматься гигантским проектом по освоению новых земель и улучшению качества уже возделываемой почвы, а собранный ими урожай отправляли в города и иногда за границу»[2]. Для ускорения индустриализации металл начали плавить едва ли не на каждом дворе. Трудовая активность лишенных земли и собственности крестьян снизилась, припасы были проедены в народных коммунах. Производство оказалось дезорганизовано. В 1958–1959 гг. страна стала испытывать голод.

Резко обострилась внутрипартийная борьба, одним из следствий которой стал новый грандиозный эксперимент под названием культурная революция, прошедшая под лозунгом «огонь по штабам». Как говорил Мао, «интеллигенция — самая необразованная часть общества»[3]. Многие представители партийных органов, аппарата власти и интеллигенции были репрессированы и отправлены на перевоспитание в деревню, тогда как за чистотой рядов следили молодежные отряды хунвэйбинов. Культурная революция, пишет биограф Мао Рана Миттер, представляла собой «наиболее экстремистский радикальный антиконфуцианский элемент» во всей истории КНР[4].

Перед преемниками Мао в 1976–1977 гг. встала проблема выхода из экономического тупика, создания условий для развития и стимулов для роста производительности труда. В 1978 г., по самым оптимистическим оценкам, подушевой ВВП КНР по паритету покупательной способности не превышал 978 долл. (против 18 400 в США и 6600 в СССР). Номинальная зарплата рабочего в Китае составляла менее 1% от зарплаты

---

[1] *Александр Панцов.* Мао Цзэдун. С. 562–563.
[2] *Одд Арне Вестад.* Беспокойная империя. С. 425–426.
[3] *Мао Цзэдун.* Не бояться трудностей, не бояться смерти. С. 210.
[4] *Rana Mitter.* Mao Zedong and Charismatic Maoism // Makers of Modern Asia. P. 108.

рабочего в США или Японии. Экспорт оценивался в 10 млрд долл., валютные резервы составляли 167 млн долл.

Китаю повезло, что у руля страны фактически оказался Дэн Сяопин, бывший генеральный секретарь ЦК КПК, который в 1967 г. был не просто снят со своих постов за буржуазные взгляды, но и посажен в тюрьму, а затем сослан в провинцию, где работал на тракторном заводе. Только в 1974 г. Мао согласился вернуть его в Пекин на пост вице-премьера. В течение месяцев после смерти Мао Цзэдуна новый Председатель ЦК КПК Хуа Го-фэн отстранил от руководства левацкую «банду четырех», что положило конец культурной революции и проложило путь наверх Дэну и его сподвижникам. «Не было ничего неизбежного в таком развитии событий, как и в следующих важных шагах, которые стали результатом того, что уже Дэн Сяопин политически переиграл Хуа»[1], — подчеркивали Дарон Акемоглу и Джеймс Робинсон.

В декабре 1978 г. на III Пленуме ЦК КПК 11-го созыва Дэн Сяопин произнес речь, которая стала самой важной в современной истории Китая. Он заявил, что режим должен сосредоточиться на экономическом развитии, а не на идеологии. «Не важно, какого цвета кошка — черная или белая. Пока она ловит мышей, это хорошая кошка». С тех пор Китай идет по пути прагматичной модернизации. Причем, в отличие от Советского Союза, где перестройка поставила на первый план политические отношения и демократизацию, Пекин сделал упор на экономическую либерализацию, сохраняя в неприкосновенности государственные институты. При этом Дэна вдохновляли идеи Ленина и особенно Бухарина о «новой экономической политике» в СССР. Но не только.

Одд Арне Вестад отмечала четыре основных источника вдохновения для Дэна. «Первым были элементы социальных изменений, уже происходивших в некоторых частях южного Китая в 1970-е годы. Вторым стал опыт развития в других восточноазиатских странах. Третьим — влияние китайской диаспоры. А четвертым — отношения с Соединенными Штатами, которые к концу 70-х распространились со сферы безопасности на экономическое и технологическое взаимодействие»[2].

Китай не пошел по пути разоблачения Мао. В соответствии с установками Дэна, Мао Цзэдун был объявлен «великим марксистом, великим пролетарским революционером, стратегом и теоретиком», а его идеи «богатейшей духовной сокровищницей партии». Вместе с тем было признано, что Мао допускал ошибки, особенно крупные с конца 1950-х гг. и в период «культурной революции», однако все они зани-

---

[1] *Daron Acemoglu, James A. Robinson.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y., 2012. P. 424.

[2] *Odd Arne Westad.* Den Xiaoping and the China He made // Makers of Modern Asia. P. 208.

мали в его жизни «второстепенное место». Заслуги и ошибки Мао соотнесли как 70:30, и на этом исторические споры закончили. Но вдова Мао и восемь членов его Политбюро оказались в тюрьме в связи с обвинениями во множестве преступлений контрреволюционного характера, преследовании руководителей с целью свержения диктатуры пролетариата и в массовых репрессиях[1].

Попытки демократизации политического строя, предпринятые в конце 1980-х гг. под влиянием перестройки Михаила Горбачева, были признаны неудачными, а затем и пресечены с разгоном и расстрелом студенческих выступлений на площади Тяньаньмэнь. Дэн уверял, что цель студентов — «установить буржуазную республику западного образца», но «если миллиард людей прыгнет в многопартийные выборы, мы погрузимся в хаос типа всеобщей гражданской войны, которую мы наблюдали во время культурной революции… Цель военного положения — раз и навсегда подавить беспорядки и быстро вернуться к нормальной жизни»[2].

Примечательно, что создание «китайского рыночного социализма» Дэн Сяопин максимально связал с китайской традицией. «Тотальная вестернизация в конце двадцатого века была не более практична, чем в конце девятнадцатого, — подмечал Хантингтон. — Вместо этого руководство избрало новую версию: капитализм и интеграция в мировую экономику, с одной стороны, в сочетании с политическим авторитаризмом и возвращением к корням традиционной китайской культуры — с другой. Революционные порядки марксизма-ленинизма были заменены на более функциональные, поддерживаемые зарождающимся экономическим ростом и национальными устоями, а также осознанием отличительных характеристик китайской культуры… В начале двадцатого века китайские интеллектуалы, независимо повторив Вебера, идентифицировали конфуцианство как источник отсталости Китая. В конце двадцатого столетия китайские политические лидеры, параллельно с западными специалистами в области общественных наук, превозносили конфуцианство как источник прогресса Китая. В 1980-х китайское правительство принялось поддерживать интересы конфуцианства, а партийные руководители объявили его “основой” китайской культуры»[3].

Свои реформы Дэн Сяопин объявил возрождением первой социальной утопии Конфуция — сяо канн — «общества малого благоденствия», придав ей новое социальное звучание: «общество средней зажиточности» как первая стадия строительства «социализма с китайской спецификой». В том же русле действовали и преемники Дэна.

---

[1] *Александр Панцов.* Дэн Сяопин. М., 2013. С. 416.
[2] Там же. С. 463.
[3] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 154–155.

Так, на XVII съезде КПК обсуждалась вторая социальная утопия Конфуция — создание общества «Великого единения» — да тун — с упором на «повышение народного благосостояния»; а также идея гармонии (хэ), которая перекликалась с тезисом Моцзы о «всеобщей любви и всеобщей выгоде» и принципом Конфуция о «гармонии многообразного и исходного»[1].

Китайское чудо

«Результаты превзошли все ожидания. Экономический рост Китая на протяжении почти тридцати лет составлял 9% в год — история не знает примеров подобного темпа роста крупной экономики. За этот же период из нищеты вырвалось около 400 млн человек — и снова в истории нет таких примеров. Годовой доход среднего китайца вырос в семь раз. Китай, вопреки помехам и препятствиям, в массовом порядке достиг того, о чем мечтают все страны третьего мира, — здесь решительно порвали с нищетой. Экономист Джеффри Сакс выразился кратко и ясно: «Китай — это самый успешный пример развития в мировой истории». «Величину перемен в Китае представить себе почти невозможно. Размер экономики на протяжении трех десятилетий удваивался каждые восемь лет»[2], — удивлялся Фарид Закария в 2009 г.

Утвержденные Пленумом ЦК в 1979 г. реформы предусматривали ликвидацию коммун (колхозов) и передачу земли в личное пользование крестьянам, легализацию частной торговли. Была ограничена роль государственного планирования, созданы возможности для развития кооперативного и индивидуального секторов в промышленности, торговле и сфере услуг. Государственным предприятиям предоставлялись права и возможности расширения производства и свободной реализации внеплановой продукции, в том числе за рубежом. К 1984 г. Китай произвел 400 млн тонн зерна в год, что было достаточно для минимального продовольственного самообеспечения.

Рыночные реформы в КНР преследовали свой целью не столько смену формы собственности, сколько поддержание устойчивого экономического роста. Крестьянство не только обеспечило стабильное развитие сельского хозяйства, но и сформировало рынок для потребительских товаров, сделав возможным первоначальное накопление капитала, а также стало движущей силой процесса урбанизации (в 1978–1998 гг. население городов в среднем ежегодно увеличивалось на 14,5 млн человек). Начался приток иностранных инвестиций в Шэньчжэнь, Гуанчжоу и другие особые экономические зоны. Масштабные перемены на-

[1] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 15.
[2] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. М., 2009. С. 109.

чались после южного турне Дэн Сяопина в 1992 г., когда наибольшее впечатление на него произвел еще совсем недавно нищий Сингапур.

Кроме того, в Китае крайне внимательно изучили опыт советских реформ, приведших к краху СССР, чтобы не повторить наших ошибок. «Китайские официальные лица наблюдали за советским коллапсом и российским переворотом, как будто их выживание зависело от этого, и вынесли несколько важных уроков, — замечал Иан Бреммер. — Во-первых, они поняли, что если КПК не обеспечит благосостояние китайского народа, ее дни сочтены. Во-вторых, они признали, что государство не может просто декретировать длительный экономический рост. Только выпустив на волю предпринимательскую энергию и инновацию своего большого населения, Китай мог быстро расти а партия — выжить. Вкратце, Китаю нужно было воспринять рынок. В-третьих, когда потенциал роста был разбужен, партия могла сохранять свою монополию на политическую власть только путем государственного контроля максимально возможной доли того богатства, которое производят рынки»[1].

В Китае почти не использовали термин «приватизация», да ее практически и не проводили. Правительство, скорее, позволяло инвесторам создавать новые предприятия, чем приобретать прежде принадлежавшие государству активы. Не государственный сектор сокращался, а частный — расширялся. У китайских компаний появились возможности инвестировать в собственное производство. Открылся рынок, и иностранные корпорации с 1979 по 2008 г. вложили в экономику страны 852,6 млрд долл. «Пекин не пошел по японскому (или южнокорейскому) пути развития, в основе которого лежала политика экспорта, но при этом внутренние рынки и само общество оставались закрытыми. Китай, напротив, открыл себя миру. (Отчасти он был вынужден это сделать, потому что у него не было внутренних сбережений, таких, как у Японии или Южной Кореи.)»[2] Большинство небоскребов и грандиозных сооружений, определяющих облик нового Китая, построили иностранные архитекторы. А выбирая режиссера для праздника открытия Олимпийских игр, Пекин остановился на Стивене Спилберге.

Если в 1978 г. на предприятия, находившиеся в госсобственности, приходилось 77,6% промышленной продукции, то в 2009-м лишь 26,7%. В 1990-е гг. приватизировались в основном те государственные предприятия, которые не вписались в рынок, — причем обычно через процедуру банкротства. Государство стремилось сохранить за собой высокодоходные и эффективные производства. В результате оно контролирует табачную промышленность (на 100%), инфраструктурное

[1] *Ian Bremmer.* The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations? N.Y., 2010. P. 4.

[2] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 111.

строительство (на 90%), электроэнергетику (на 88%), нефтедобычу и переработку (на 85,5%), коммунальные услуги (на 67,8%), а также производство автомобилей (более чем на 40%). В большинстве отраслей обрабатывающей промышленности и строительстве на госкомпании приходится не более 20%, а в химической промышленности, производстве электроники и медицинских препаратов, пищевой промышленности — менее 20%. В сфере услуг госкомпании сосредоточены в финансовом секторе, а в оптовой и розничной торговле, в общественном питании, гостиничном бизнесе, пассажиро- и грузоперевозках они вообще не представлены.

Это не значит, что государство ушло из экономики. В 2011 г. было 63 госпредприятия с годовой выручкой 100 млрд юаней и выше, а частных компаний такого масштаба — всего пять (Huawei, Shagang Group, Haier, Suning, Gome). Общая сумма прибыли 500 крупнейших частных фирм была меньше прибыли двух крупных госкомпаний — China Mobile и CNPC. Частный бизнес в КНР, кроме того, сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны иностранных компаний, в то время как государственные корпорации от нее во многом ограждены[1].

Для китайского государства развитие — это прежде всего строительство инфраструктуры. В годы восьмой пятилетки (1991–1995) власти взяли курс на ее опережающее финансирование. С 1990 по 2009 г. протяженность железных дорог выросла в 1,47 раза, число аэропортов — в 1,76 раза, автодорожная сеть — в 3,75 раза. С 2005 ежегодно строилось по 132,5 тысячи км автомобильных дорог общего назначения, 2200 км железных дорог, 190 новых морских причалов, не говоря об аэропортах и метро.

Финансирование инфраструктурных проектов осуществлялось с применением различных схем. Значительная роль принадлежала Государственному банку развития, который прокредитовал проекты в сфере строительства автомобильных и железных дорог, портов, аэропортов, нефте- и газопроводов, а также офисов и супермаркетов. Широкое распространение получили и облигации местных органов власти, с помощью которых те привлекают средства, необходимые для проектов регионального масштаба. Широко применяется метод приглашения инвестора, который по заказу властей возводит тот или иной объект, запускает его в эксплуатацию и после возмещения издержек и получения прибыли безвозмездно передает государству. Этот метод впервые был применен в 1984 г. в Шэньчжене при строительстве крупной электростанции. Инвестор — гонконгская компания — выстроила станцию под обязательства правительства ежегодно покупать определенный объем электроэнергии по фиксированной цене. Через 10 лет станция

[1] *Фэн Шаолей.* Приватизация по-китайски // Ведомости. 24 января 2011.

перешла в госсобственность, но опыт оказался столь успешным, что сейчас применяется на сотнях объектов.

Кроме того, государство стремится переложить на частные предприятия строительство инфраструктурных объектов, при этом контролируя их деятельность, ограничивая прибыли и распределяя риски. Это позволяет ограничить рост издержек; так, например, в новых жилых домах средняя стоимость строительства 1 кв. м составляет чуть больше 300 долл. (в Китае социального жилья нет, все покупают свои квартиры). В конкурентных областях инфраструктуры государство допускает рыночное формирование цен, а в отношении естественных монополий применяется жесткий контроль над издержками и ценами[1].

Китай активно позиционирует себя как страну, поощряющую науку и инновации. В 1995 г. была принята государственная программа по высоким технологиям, в которой приоритетными отраслями объявлялись электроника, информатика, аэрокосмическая промышленность и оптоволоконная связь, энергосберегающие технологии и т.д. Китай стал третьей в мире космической державой. Государство активно вкладывает средства в университеты. Новые кампусы, по размаху сильно превосходящие западные аналоги, ежегодно открываются десятками.

Китай продемонстрировал устойчивость перед ударами кризиса 2007–2009 гг., хотя вначале испытал мощнейший шок от потерь на внешнем рынке, обвала фондового рынка, от девальваций валют в соседних странах, которые стали более привлекательны с точки зрения снижения издержек (Вьетнам, Лаос) и куда поэтому стали перетекать средства зарубежных инвесторов. Безработица начала стремительно расти из-за закрытия ориентированных на экспорт производств в городских центрах Восточного побережья.

Вместе с тем Китай использовал кризис для расширения внутреннего рынка, развития, инноваций, завоевания новых позиций в мировой экономике. Главное решение, которое было принято после начала мирового кризиса, — резко увеличить государственные расходы, приняв в дополнение к ранее одобренному бюджету специальную антикризисную программу ценой около 600 млрд долл., призванную заместить потерю внешнего спроса резким наращиванием спроса внутреннего. На полтриллиона юаней были сокращены налоги предприятий, чтобы обеспечить им дополнительный инвестиционный потенциал. Произошло наращивание программ в жилищном секторе, который, как считалось, способен создать максимальное количество рабочих мест и загрузить смежные отрасли. Китай увеличил объемы зарубежных инвестиций и кредитования, расширил глобальное культурное и образовательное присутствие. Только за 2008 г. внешние инвестиции Китая

[1] *У Чжифэн.* Инфраструктурный прорыв // Ведомости. 2 июня 2011.

выросли на 60%, достигнув 52 млрд долл. Китайцы осуществляли приобретения по всей планете, от Австралии и Африки до Европы и Америки, скупая заметно подешевевшие активы.

Китай внес самый весомый вклад в поддержание на плаву американской экономики, оставаясь крупнейшим кредитором США. При этом китайское руководство откровенно критиковало американскую экономическую политику, поддерживало идею альтернативной доллару резервной валюты, призывало к созданию новой системы глобального финансового управления, которая отразила бы возросшую роль крупных развивающихся экономик. Ху Цзиньтао 3 февраля 2010 г. выступил на партучебе руководящих кадров с программной речью о последствиях кризиса для китайской экономики, где подчеркнул, что только внешне кризис — удар по темпам роста, по сути дела, это удар по модели экономического роста, которая нуждается в изменении.

Покупка долговых инструментов США и огромный профицит в торговле с ними сделали Китай обладателями огромных долларовых резервов, что стало и его уязвимым местом. Только с 2003 по 2010 г. Китай потерял более 270 млрд долл. из-за снижения стоимости американской валюты. Обмен долларовых активов на бумаги, номинированные в любой другой валюте, означали бы удар по доллару и, следовательно, по китайским резервам. Масштабная закупка сырьевых товаров на рынках или фьючерсов на них привела бы к резкому росту котировок, что означало бы девальвацию американской валюты и китайских резервов. Для избавления от «долларового проклятья» Пекин сделал ставку на покупку сырья, еще не находящегося в обращении, путем выдачи кредитов — заемщиками чаще всего выступают национальные правительства или близкие к ним компании — под гарантии поставок сырья в долгосрочной перспективе. Примером может служить сделка КНР с Венесуэлой. Каракас получил кредит в 20 млрд долл. на развитие совместного предприятия по добыче нефти, а расплачиваться будет поставками сырья в течение 25 лет. В 2009 г. КНР предоставила кредит в размере 5 млрд долл. на освоение крупнейшего в Туркмении месторождения газа Южный Иолотань. В 2005 г. китайские банки предоставили «Роснефти» 6 млрд долл. для покупки «Юганскнефтегаза». Чтобы погасить долг, «Роснефть» обязалась экспортировать в Китай 48,8 млн тонн нефти до 2010 г. На основе этого опыта в 2009 г. China Development Bank (CDB) предоставил кредит в 15 млрд долл. «Роснефти» и 10 млрд долл. «Транснефти». В обмен «Роснефть» должна была поставить в Китай 300 млн тонн нефти в течение 20 лет, а «Транснефть» — построить ответвление от трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) Сковородино-Мохэ мощностью 15 млн с вероятным увеличением до

30 млн тонн сырья в год[1]. Еще один из инструментов, которым Китай замещает долларовые активы, — золото, объемы которого в официальных хранилищах Пекина в последние годы заметно росли[2].

Идет интернационализация юаня. В 2011 г. Министерство Торговли КНР разрешило иностранным компаниям осуществлять инвестиции внутри Китая в юанях, которые могли быть приобретены за пределами КНР. Также разрешен вывоз прибыли иностранных компаний, номинированной в юанях. Кроме того, все провинции получили право осуществлять внешнеторговые сделки в национальной валюте. В первой половине 2011 г. объем юаневых внешнеторговых сделок сразу достиг 150 млрд долл. — в 13 раз больше, чем годом ранее. Летом 2012 г. было принято решение о создании специальной зоны в Шеньжене для проведения эксперимента с введением свободной конвертируемости юаня[3].

Пекин активно помогает собственным компаниям, особенно государственным. Так, программа госзакупок, названная «национальные инновации», устанавливала строгие стандарты на все виды товаров — от сотовых телефонов до автомобилей, и они часто сформулированы так, что дают очевидные преимущества местным производителям. Патентное право обязывает работающие в стране зарубежные компании передавать китайской стороне ключевые технологии. С 2009 г. компания, желающая участвовать в конкурсе на госзакупки, должна регистрировать патент или торговую марку сначала в Китае, а потом уже в других странах.

Целенаправленное замедление темпов роста экономики началось в 2007 г., когда прирост ВВП составил более 14%, что напугало и китайских, и мировых экспертов. По мнению китайских властей, охлаждение было необходимо для уменьшения дисбалансов, сложившихся за годы быстрого роста (загрязнение окружающей среды, увеличение разрыва в доходах между бедными и богатыми, высокий уровень безработицы, чрезмерно экспортно-ориентированная экономика и т.д.). Первым шагом стало снижение инвестиций в инфраструктуру и ограничительная кредитная политика. Вместе с финансовым кризисом эти меры принесли «успех»: темпы прироста ВВП сократились до рекордно низких 6,1% в первом квартале 2009 г. После этого правительство приняло уже ряд мер, направленных на разогрев экономики, включая упомянутые пакеты финансового стимулирования. В результате «кризисные» темпы экономического развития КНР составили 9,2% в 2009 г.[4]

---

[1] *Павел Салин.* Пекинский пасьянс // Россия в глобальной политике. Т. 8. № 4. Июль–август 2010. С. 73–76.

[2] *Михаил Оверченко.* Китаю не нравится доллар // Ведомости. 2 марта 2012.

[3] *Simon Rabinovich.* China to Create Special Test Zone for Currency // Financial Times. June 29, 2012.

[4] Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика: Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М., 2012. С. 77.

Для стимулирования роста в 2012 г. была запущена новая, неформализованная программа поддержки экономики. Вновь были начаты инфраструктурные проекты, программа льготного кредитования малого и среднего бизнеса, утилизации старых автомобилей, объявлено о субсидировании покупки энергоэффективных товаров общим объемом более 5 млрд долл. Стратегическими отраслями для приоритетного финансирования определены: производство энергоэффективных товаров, защита окружающей среды, информационные технологии, биоинжиниринг, новые источники энергии, новые материалы, автомобили на альтернативных источниках топлива. Стимулирующие программы на сотни миллиардов долларов были запущены и на местном уровне[1].

С начала 2013 г. в партийном лексиконе появился термин «семейная ферма», причем применительно не к хозяйствам отдельных семей, а к огромным частным сельхозпредприятиям. Первый визит за пределы Пекина в качестве премьера Ли Кэцян совершил на ферму размером в 450 га и заявил, что нормальное производство на крошечных участках земли невозможно[2]. По итогам заседания Госсовета в апреле 2014 г. частные инвесторы получали доступ к ряду ранее для них закрытых стратегических отраслей. Всего было обозначено 80 проектов в транспортировке газа и нефти, нефтепереработке, строительстве дорог и портов. Впрочем, инвесторам было предложено участие в основном в форме государственно-частного партнерства[3]. С 2000 по 2014 г. средний рост экономики составлял 10% в год, а размер ВВП вырос в 4 раза. В 2012 и 2013 гг. экономика росла на 7,7% в год, в 2014 наблюдались самые низкие темпы роста экономики за 30 лет — 7,3%. Снижение темпов, с одной стороны, было обусловлено неблагоприятными факторами: общая мировая экономическая нестабильность, удорожание сырья и ресурсов, снижение объемов экспорта из-за кризисных явлений в Евросоюзе. С другой стороны, Пекин стремился корректировать модель экономического роста в сторону меньшей зависимости от внешних рынков, расширения внутреннего спроса, повышения доходов населения и энергоэффективности.

В 2010 г. Китай опередил Японию по размеру ВВП, став второй экономикой мира. Еще раньше он стал обладателем самых крупных золотовалютных запасов в мире. В 2012 г. Китай обошел Соединенные Штаты и вышел на первое место в мире по производству товаров[4]. По итогам 2013 г. объемы китайской внешней торговли товарами выросли

---

[1] Там же. С. 78–79.

[2] Bring Back the Landlords // The Economist. May 3, 2014. P. 51.

[3] *Татьяна Едовина.* Китай приоткрывает ворота: Инвесторов допустят к транспорту и энергетике // Коммерсантъ. 25 апреля 2014.

[4] *Peter Marsh.* In Search of Inspiration // Financial Times. June 12, 2012.

на 7,6% и составили 4,16 трлн долл., что впервые превысило показатели Соединенных Штатов. У Китая есть шансы и дальше наращивать свое лидерство в качестве первой торговой державы мира по мере восстановления спроса на Западе[1]. Юань превратился в седьмую по использованию валюту в мире. Китай имеет в 2014 г. бюджетный профицит в 200 млрд долл., тогда как США дефицит в 500 млрд.

В 2014 г. Китай вышел на первое место в мире по размеру ВВП по паритету покупательной способности. Однако США по-прежнему в пять раз превосходят Китай по доходу на душу населения, а в индексе человеческого развития ООН Китай занимает лишь 101-е место. И Китай вовсе на в восторге от своего лидерства, подчеркивая, что остается среднеразвитой страной, вовсе не претендующей на особое место в мире[2]. Размер китайского ВВП на душу населения в 2015 г. The Economist оценивает в 8,55 тыс. долл. (по ППС — 14,46 тыс.). Это вдвое меньше, чем в России, но уже гораздо больше, чем на Украине[3].

«Подъем Китая уже изменил мир, — пишет Дэвид Пиллинг из "Financial Times". — Став глобальной фабрикой с самой дешевой продукцией, он снизил стоимость промышленных товаров. Это увеличило покупательную способность потребителей, хотя конкуренция с сотнями тысяч китайских рабочих по ходу снизила западные зарплаты. Как огромный импортер сырья Китай изменил судьбы его экспортеров от Бразилии до Австралии и от Монголии до Анголы. Если африканская экономика наконец растет, то не в последнюю очередь из-за китайского спроса»[4].

Насколько устойчив рост Китая? Способен ли он и дальше играть роль «локомотива» мировой экономики? Внешне и чисто визуально поступательный рост Китая представляется неудержимым. «Китай сочетает в себе элементы предельно модернизированной экономики западного образца с унаследованной от древнего Востока "гидравлической цивилизацией", — пишет Роберт Каплан. — Благодаря управлению из единого центра китайский режим способен, например, вербовать миллионные трудовые армии на строительство крупнейших объектов инфраструктуры. Это и сообщает Китаю неуклонное поступательное развитие — подобных темпов попросту нельзя ожидать от демократических государств, которые привыкли неторопливо согласовывать интересы своих граждан. Китайские лидеры формально считаются коммунистами. Но в том, что касается заимствования западных технологий и практики, они — преемники примерно 25 императорских династий,

[1] *Li Jiabao.* China Lays Greater Stress on Trade Quality // China Daily. March 7–13, 2014. P. 9.

[2] *Chris Giles.* China to Overtake US as Top Economic Power this Year // Financial Times. April 30, 2014; China's Soprano Is a Numbers Game // Financial Times. May 2, 2014.

[3] The Economist. The World in 2015. L., 2014. P. 97.

[4] *David Pilling.* On Top of the World // Financial Times. May 3–4, 2014.

правивших в стране на протяжении четырех тысяч лет и встраивавших западный опыт в жесткую и развитую культурную систему»[1].

Вместе с тем ряд экспертов, в том числе китайских, сходятся в том, что уже в ближайшие годы Китай ожидает замедление темпов роста. Распространенный прогноз: темпы роста ВВП будут составлять 7–8%, а в среднесрочной перспективе могут упасть до 5–6%. Китайцы говорят, что 6–8% прироста ВВП в год — это минимально необходимые темпы прироста, позволяющие справляться с безработицей и обеспечивать минимальное улучшения уровня жизни. При таком росте страна выполняет все поставленные до 2020 г. задачи.

Фактором слабости называют высокий уровень общего долга — государственного, корпоративного и домохозяйств, — который в середине 2014 г. превысил 251% от ВВП (в США 260%, в Великобритании — 277%, в Японии — 415%). Увеличение кредитования китайские власти остановить не спешат, чтобы не снизить темпы экономического роста[2].

Китайский рынок постепенно теряет одно из главных своих конкурентных преимуществ, связанное с низким уровнем оплаты труда. Средние зарплаты в стране удваиваются за пять лет. Минимальная годовая зарплата уже в 2011 г. составила 1500 долл., это в 2,2 раза больше, чем в Камбодже, в 2 раза — чем в Индии, в 1,9 раза — чем в Бангладеш, и в 1,5 раза — чем во Вьетнаме. Китайские работодатели вынуждены постоянно улучшать условия труда, вводить новые льготы, повышать уровень заработной платы, чтобы производство не вставало из-за недостатка работников. Существует дефицит хороших менеджеров, в результате чего 60% корпораций вкладывают деньги в поиск специалистов за рубежом.

Новым явлением становится инвестиционная эмиграция. Около 60% обладателей состояния более 10 млн долл. (а в Китае миллион миллионеров) планируют переселиться в другие страны, а 32% уже имели зарубежные активы, которые они приобрели для получения вида на жительство — в США, Канаде, Сингапуре. Основная причина — забота о будущем детей[3].

Рост Китая происходит на фоне усугубления ресурсных дисбалансов. Казалось бы, китайская цивилизация настраивает на гармонию с окружающей средой: единство человека и природы является ключевой концепцией китайской философии. Однако пока оснований для оптимизма мало — цель политики в том, чтобы замедлить ухудшение окружающей среды, а не остановить его. В 2006 г. КНР обошла Соединенные Штаты в качестве главного производителя углекислого газа на планете,

---

[1] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. N.Y.., 2013. P. 198.

[2] *Алексей Невельский.* Долг мешает росту // Ведомости. 23 июля 2014.

[3] Россия и мир: 2012: Ежегодный прогноз / ИМЭМО РАН. М., 2011. С. 74–77.

а к 2014-му опередила Америку по этому показателю вдвое. В стране — нехватка земли и водных ресурсов, нарастание экологических проблем, включая истощение пахотного клина и ликвидацию лесов. Правительство планировало потратить более 600 млрд долл. на улучшение экологической ситуации, из них 277 млрд на борьбу с загрязнением воздуха и 328 млн — на улучшение состояния источников питьевой воды[1].

Одним из факторов нестабильности оказывается ситуация на рынке недвижимости, вызванная избытком предложения: в городах простаивает 22% жилого фонда. Только за первый квартал 2014 г. объем продаж жилья снизился на 7,7%, а в Пекине за один только июль продажи рухнули на 30%. В официальных СМИ появился термин «мыльный пузырь»[2], заговорили о городах-призраках, состоящих из кварталов непроданного жилья.

Возможно, самое серьезное препятствие на пути роста Китая — это внешняя реакция на китайский рост. Китай вовлекает в оборот все большую долю мировых ресурсов, и ряд исследователей ставит вопрос: достаточно ли велика наша планета для Китая? Главной политикой Запада в отношении Китая остается сдерживание. На Китай оказывается массированное внешнее давление, нацеленное на изменение его политики регулирования обменного курса юаня, на снижение протекционистских барьеров, используются механизмы торговых войн.

Одним из главных рисков для поступательного экономического развития Китая может выступать социальная и/или политическая нестабильность. Мандат КПК на власть основывается на способности партии гарантировать постоянный подъем жизненного уровня граждан. При нынешних темпах экономического роста это удается. За последние 10 лет ВВП на душу населения вырос в пять раз, объем инвестиций в образование, здравоохранение, социальное обеспечение, программы занятости, строительство доступного жилья и т.д. составил более 2,5 трлн долл. Количество людей, живущих ниже черты бедности, за два десятилетия сократилось как минимум вдвое. Жизненный уровень в ряде восточных провинций Китая превысил среднероссийский. Системы социального страхования, здравоохранения, образования постоянно развиваются. В 2012 г. государственные расходы на образование достигли 4% от ВВП, были повышены базовые пенсии, разработана система накопительного страхования.

Вместе с тем Китай никогда не отличался продвинутой социальной политикой. До сих пор пенсии получает абсолютное меньшинство по-

---

[1] *Joy Y. Zhang, Michael Barr.* Green Politics in China: Environmental Governance and State-Society Relations. L., 2013. P. 7; Where China's Future Will Happen // The Economist. April 19, 2014. P. 8; *Ирина Гаврикова.* Китай задыхается и ставит на «зеленое» // Эхо планеты. № 37. 2013. С. 26.

[2] Квадратный «пузырь» сдувается // Дыхание Китая. Октябрь 2014. С. 16.

жилых людей. Все более остро стоит проблема неравенства, которая только обостряется. 20% беднейшей части населения располагали 4–7%, а 20% наиболее зажиточных — более 50% суммарного дохода. Индекс Джини в течение жизни нынешнего поколения достиг в КНР почти латиноамериканских уровней. В Египте и Тунисе, где произошли революционные события, распределение доходов более равномерное, чем в Китае. Плодами экономического роста страны пользуются по большей части прибрежные регионы, а огромные сельские территории остаются за бортом. Разрыв в подушевых доходах между провинциями достигает семикратной величины. Происходит стремительное расслоение общества, новые классы и группы предпринимателей требуют дополнительных прав и рычагов влияния, включая политические.

Проблемой для Китая остается низкое потребление домохозяйств — одна треть от ВВП, что вдвое меньше, чем в развитых странах, и меньше, чем в развивающихся. Похоже, традиционная конфуцианская мораль с ее проповедью умеренности в расходах по-прежнему доминирует в сознании[1].

Наблюдается рост числа акций социального протеста, участниками которых являются наемные работники, рабочие, крестьяне, студенты. У протеста есть контекст, связанный с недовольством коррупцией, правовой незащищенностью, непрозрачной бюрократической системой. Но гораздо больше он связан с имущественными отношениями. Земельные споры, тяжбы из-за потери земель становятся все более острыми из-за жесткой политики расчистки площадей под государственные нужды, а также в результате деятельности крупных земельных спекулянтов (половина крупнейших состояний в стране сколочена на сделках с землей и другой недвижимостью). Имеются факты нарастающих социальных протестов крестьян и других групп населения в глубинке. В последние годы на подъеме забастовочная активность на промышленных предприятиях, которая заставляет власти идти на повышение заработной платы, что, в свою очередь, еще больше лишает китайскую экономику конкурентного преимущества.

Несмотря на меры по контролю рождаемости и политику одного ребенка в семье, население продолжает расти. В 2015 г. оно достигло 1,36 млрд человек. При этом доля старших возрастных групп последовательно увеличивается. В 2013 г. количество лиц старше 60 лет преодолело отметку в 200 млн человек (более 14%), в 2015 г. ожидается 221 млн, а еще через 10 лет — 487 млн (среди них на 10 женщин будут приходиться 6 мужчин)[2]. В 2012 г. впервые произошло сокращение числа лиц трудоспособного возраста, который Национальное бюро статистики определяет от 15 до 64 лет. Количество молодежи в возрасте от 15 до

[1] AsiaBusiness. Лето 2012. С. 9.
[2] Страна долголетия // Дыхание Китая. Октябрь 2014. С. 38.

24 лет в течение ближайшего десятилетия сократится на 21%. Демографический дивиденд Китая, связанный с постоянным притоком дешевой рабочей силы, постепенно исчезает. Впрочем, тот факт, что 47% населения до сих проживает в деревнях, делает возможным использование деревенской рабочей силы[1].

Продолжается урбанизация. Горожанами за три последних десятилетия стали 500 млн человек — население США и трех Великобританий. К 2030 г. в китайских городах будет проживать 1 млрд человек — каждый восьмой на планете[2]. Это, с одной стороны, ведет к росту внутреннего спроса, с другой — увеличивает и потребность городов во всех видах ресурсов. Напряженность между мигрантами из деревень и жителями городов продолжает нарастать.

В Китае существует и организованная преступность, в которой наиболее сильные позиции имеют легендарные триады. Они ведут свое происхождение от тайных патриотических обществ, которые в XVII–XIX вв. боролись за свержение маньчжурской династии. В начале XX в. триады превратились в чисто мафиозные организации. Действовавшие первоначально в Южном Китае и Юго-Восточной Азии, они вслед за китайскими эмигрантами проникли в чайнатауны тихоокеанских штатов США, а с 1970-х гг. и в Западную Европу. Они традиционно занимались рэкетом среди хуацяо (китайских эмигрантов), а также перевозкой нелегальных мигрантов, торговлей поддельными паспортами и опиумом. В маоистском Китае триады были поставлены вне закона, поэтому их базой стал Гонконг. Основой деятельности триад является героиновый наркобизнес[3].

Традиция и политика

Современная история Китая свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а, скорее, об их трансформации и послойном «нанизывании» на некий китаецентристский стержень. Свидетельством может служить то, что непримиримые идейно-политические течения — националистическое и коммунистическое, персонифицированные Чан Кайши и Мао Цзэдуном, — роднила уверенность: в силу особых морально-этических качеств китайцев тотальное регулирование всей жизни мощным государством способно в кратчайшие сроки обеспечить «скачок» страны в экономическом развитии. За 2500 лет, прошедших со времени рождения Конфуция, его наследие укоренилось в Китае практически на генетическом уровне.

---

[1] China's Population. Peak Toil // The Economist. January 26, 2013. P. 48–49.
[2] Where China's Future Will Happen // The Economist. April 19, 2014. P. 8.
[3] Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 205.

«Развитие этого направления мысли привело к появлению теории о том, что государственное управление — искусство, которому нужно учиться и которым необходимо кропотливо овладевать, — подчеркивает индийский специалист по Китаю Рави Бхуталингам. — Оно не может быть обретено случайно и кем попало. Отсюда настороженное отношение китайцев к выборам путем всенародного голосования. Может ли этот процесс привести к избранию на ответственные государственные посты по-настоящему подготовленных для этой работы людей? Смогут ли они принимать долговременные или непростые решения, которые, возможно, противоречат их личным или отраслевым интересам? Смогут ли они отстаивать интересы тех, кто не принимал участия в голосовании? Конфуций учил, что умелое руководство — плод учебы и накопление необходимого опыта. Люди, заслуживающие высоких постов, должны прежде пройти через испытания, и добродетельность — одна из необходимых предпосылок для занятия высокой должности. Учение Конфуция предвосхитило современную этику корпоративного руководства»[1].

Современная конфуцианская модель мало отличается от своего оригинала. Человек по природе своей способен как на добро, так и на зло. От самосовершенствования, образования и работы над собой зависит победа того или другого. Человек живет в обществе, поэтому отношения, долг и обязанности важнее личных качеств и способностей. Гармония должна быть главным принципом регулирования отношений. Государство — лишь продолжение народа, а значит, неотъемлемая часть человеческих отношений. Для хорошего управления требуется добродетель, обучение и опыт. Этими качествами одарены далеко не все. Гармоничное правление приведет к миру, который будет благом для всех. Заметим, эти принципы весьма отличаются от западных.

Китай не очень религиозен и в отличие от индо-буддийской или исламской цивилизации считает наивысшим смыслом существования людей достижение этической нормы и социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства. Единственная заслуживающая внимания мудрость — конфуцианская мораль, так как только она способна научить людей жить по правилам, как то и подобает цивилизованному человеку, т.е. китайцу. Лишенные этой мудрости народы — варвары, которые, войдя в соприкосновение с жителями Поднебесной, сами рано или поздно китаизируются, чему история дает немало примеров. Существует механизм самосохранения и самосовершенствования в виде привлечения умных и способных. «Потеря лица» всегда означала гражданскую смерть для чиновника, любого интеллектуала, которых характеризовало стремление к постижению мудрости древних, к само-

[1] *Рави Бхуталингам.* Китай 2020: конфуцианская демократия // Россия в глобальной политике. Т. 9. № 1. Январь–февраль 2011. С. 144–145.

усовершенствованию на основе выработанных ими предначертаний, к примату морали, которая выше материальной выгоды.

«Деловая культура современного Китая рассматривается в качестве производного от особенностей принятия решений в традиционном китайском обществе. Имеется в виду, что законодательство там никогда не регламентировало все тонкости имущественных отношений или наказания за уголовные преступления, а обозначало принципы, которыми должен руководствоваться судья при принятии решения»[1], — пишут востоковеды из Санкт-Петербурга.

В английском языке понятие «власть» происходит от «силы» (power), а в русском от «владения». Фан Лихун в книге «Китайский секретный путь к власти» пишет, что значение иероглифа цюань (власть) в старину означало «гиря для весов». Позднее он стал использоваться как глагол. Правление, власть в Китае — это не сила и не владение, а соблюдение меры. ««Взвешивать» и «определять», «принимать решение» — таковы значения, полученные данным иероглифом позднее. Тот, кто взвешивал, имел большую власть, т.е. имел право на взвешивание. «Власть не есть нечто раз и навсегда зафиксированное, она находится в динамическом состоянии, в развитии, — пишет петербургский китаист Николай Спешнев. — Отсутствие свободного мышления в Китае привело к культу авторитетов. Чиновник, занимающий определенный административный пост, и есть авторитет. Власть стала ассоциироваться с понятием “чиновник”. Иероглиф гуань со значением “чиновник” встречается на черепашьих панцирях уже в эпоху Шан.

После династии Тан для чиновников было составлено руководство под названием “Рельсы для чиновника” в двух цзюанях. Пять глав первой цзюани были посвящены тому, как следует хранить единство (совершенномудрых и чиновников), быть верноподданным, принципиальным, справедливым, исправлять ошибки. Во второй цзюани, также состоящей из пяти глав, говорилось о таких человеческих качествах, как честность, осмотрительность, бескорыстие, благородство, умение быть полезным людям. Затем, в период Сун-Юань, появилось “Наставление чиновникам” Люй Бэньчжуна, где говорилось о необходимости соблюдения трех правил — неподкупности, осмотрительности и усердия.

Теперь для чиновников сформулированы новые принципы морального кодекса. Это справедливость и бескорыстие, строгое следование правилам, чистота помыслов, старательность, здравомыслие, единство слова и дела, осмотрительность и бдительность, соблюдение демократического стиля работы, умение сотрудничать с другими, умение видеть задачу в целом и служить примером, соблюдение закона. Чиновники, как и в стародавние времена, постоянно подвергаются критике

[1] Введение в востоковедение. С. 204.

со стороны властей, журналистов, писателей и ученых. В вину чиновникам ставятся индивидуализм, преклонение перед деньгами, разгульный образ жизни, использование служебного положения, взяточничество, казнокрадство, нарушение закона, обман»[1].

Вместе с тем КНР конституировалась как республика советского типа, для которой характерно формальное верховенство представительных органов над иерархической системой других органов государства и осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами партийного руководства или исполнительными структурами. Советские образцы до сих пор пронизывают все поры «социализма с китайской спецификой». Основные властные полномочия принадлежат центральным и местным структурам правящей партии — КПК, насчитывающей сегодня около 80 млн членов. В Конституции КНР зафиксирована руководящая роль КПК. Важным инструментом партийного влияния является практика совмещения постов главного управляющего и секретаря парткома, а также создание в соответствии с Уставом КПК, наряду с парткомами, «партийных групп руководства» в аппарате центральных и местных государственных органов, хозяйственных и культурных учреждениях, негосударственных и иных непартийных организациях. С 2002 г. предприниматели имеют право вступать в партию. Во всех коммерческих и некоммерческих структурах, даже в фирмах со 100-процентным иностранным участием, созданы партячейки КПК.

Формально высшим политическим институтом в Китае является Всекитайское собрание народных представителей, которое выполняет функции парламента и в то же время венчает собой систему местных представительных органов, обладающих известной самостоятельностью: парламенты провинций принимают в 30–40 раз больше законодательных актов, чем ВСНП. Практически во всех провинциях глава местной парторганизации является главой законодательной власти региона. Существуют еще восемь партий, и для карьеры не обязательно быть членом КПК.

Чиновничьи должности очень популярны и почетны. Зарплаты небольшие, но людей привлекают медицинское и пенсионное страхование, оплачиваемые отпуска и льготы при получении жилья. При этом численность аппарата по-прежнему относительно невелика: 5,1 млн работников государственных административных учреждений всех уровней. В кадровой политике правительство подчеркивает три главных направления: постоянную ротацию кадров с их повышением; обновление руководящего состава, вследствие чего время пребывания даже на самых высоких постах четко регламентировано; обеспечение самостоя-

[1] *Н.А. Спешнев.* Китайцы: Особенности национальной психологии. СПб., 2011. С. 114–116.

тельности региональных и местных властей (в начале 1980-х централизованные доходы составляли до 75% бюджетных поступлений, сейчас около половины).

Одной из главных проблем Китая является коррупция. Согласно решению ВСНП, принятому еще в 1995 г., государственные служащие сдают декларации о доходах два раза в год; они обязаны декларировать имущество, свое и своих родственников, их близкие не могут заниматься предпринимательской деятельностью в сферах или на территориях, которые в той или иной степени находятся в зоне их контроля. Действует норма о разной ответственности взяткодателя и взяткополучателя: тяжесть наказания падает, прежде всего, на последнего. В последние годы к смертной казни были приговорены все, кто был изобличен в получении взятки в 10 млн юаней и выше (свыше 45 млн руб.).

При Си Цзяньпине борьба с коррупцией приняла исключительно широкие масштабы. Среди арестованных оказались бывший министр железнодорожного транспорта, бывший директор Комиссии национального развития и реформ, ректоры университетов, главные редакторы газет, региональные партийные функционеры. В январе 2014 г., по сведениям агентства Синьхуа, расследовалось 27 238 дел в отношении 37 тысяч официальных лиц. Под расследованием за взятки китайским официальным лицам находились и зарубежные компании, включая фармацевтический гигант GlaxoSmithKline[1].

Проблемы реформы избирательной системы в Китае не обсуждаются. «КПК тщательно изучает англо-американские демократии, скандинавскую социал-демократическую модель, особенности государств Восточной Азии и быстроразвивающихся стран, таких как Индия и Индонезия, — пишет Бхуталингам. — Нет ничего удивительного и нелогичного в том, что китайские лидеры приходят к довольно пессимистическим выводам. Что касается западных демократий, то КПК считает их фактически олигархическими государствами, где правящая элита не слышит голос народа даже в таких вопросах, как ведение войны. Более того, эти общества раздираемы глубокими экономическими разногласиями, они не способны обуздать рыночную стихию, вынуждены решать социальные проблемы, которые были бы разрушительны в китайском контексте. Скандинавские демократии выглядят вполне благополучно, но они слишком далеко ушли вперед, чтобы служить примером для Китая в переходный период. Жители Индии, вне всякого сомнения, были бы разгневаны тем, что китайцы считают их хваленую демократию фикцией, поскольку она не приносит справедливых экономических дивидендов и не ведет к социальной реформе, которая изменила бы жизнь бедных и социально не защищенных слоев обще-

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 315–318.

ства… Конечный вывод сводится к тому, что легитимной и устойчивой может быть лишь та система, которая корнями глубоко уходит в национальную культуру»[1].

В то же время нельзя исключить возможность определенной трансформации в направлении большого участия граждан в политике Китая. Подвижки в сторону усложнения политической системы отмечают и западные аналитики, как Дэвид Лэмптон из университета Джонса Гопкинса: «Китайское общество так же, как экономика и бюрократия, фрагментировались, увеличивая количество групп интересов, на запросы которых китайские лидеры должны отвечать… Со временем развился набор норм, которые регулируют отбор лидеров, включая ограничения по возрасту, учет заслуг, опросы внутри самой партии. Как бы важны они ни были, эти нормы нельзя путать с законом — они неполные, неформальные и изменяемые, — но они представляют драматическкое отдаление от системы капризов Мао»[2].

Целью политических реформ провозглашается «демократизация», под которой чаще всего понимают совещательную демократию на основе внутрипартийных выборов и консультаций. На локальном уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены отдельные элементы конституционализма: провозглашен принцип верховенства закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, ограниченно — свобода слова и собраний. Планируется сделать постепенное расширение выборности кадров на руководящие посты в КПК. К работе и даже руководству партийными ячейками в сельской местности возможно привлечение местных жителей, не являющихся членами КПК[3].

В ближайшей перспективе ожидать каких-либо кардинальных подвижек в политической системе Китая нет оснований. Реформирование идет в русле внутренней модернизации КПК.

Накануне XVIII съезда КПК, который проходил в ноябре 2012 г. в Пекине, в партийном руководстве возникла дискуссия по поводу включения идей Мао Цзэдуна в базовые лозунги съезда и новый вариант Устава партии. Часть политиков предлагала ограничиться упоминанием вклада в теорию «китайского социализма» только трех руководителей — Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Возобладало мнение тех, кто выступал за сохранение имени «великого кормчего» в докладах и новой редакции Устава КПК. Вместе с тем перед съездом обвинили в коррупции и исключили из партии члена Полтибюро Бо

---

[1] *Рави Бхуталингам.* Китай-2020: конфуцианская демократия. С. 12.

[2] *David M. Lampton.* How China Is Ruled: Why It's Getting Harder for Beijing to Govern // Foreign Affairs. January/February 2014. P. 75–76.

[3] Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. С. 136.

Силая, который выражал интересы так называемых «новых левых». Они полагали, что социалистические ценности, заложенные Мао, были деформированы, а дальнейшее углубление реформ приведет Китай к капитализму, гибели партии и страны, критиковали власти за коррупцию, социальное расслоение, сближение с США и Европой.

Общий лейтмотив съезда был связан с идеей нового возвышения КНР. Если раньше назывались цифры роста экономики, то на XVIII съезде впервые была сформулирована задача удвоения *душевого* ВВП к 2020 г. — как часть реализации стратегии создания общества «малой зажиточности». В отношении международных дел использовались идеи создания «гармоничного и справедливого мира» и характеристики современной эпохи как «эпохи мира и развития». Время объявлять Китай сверхдержавой, как отмечено на съезде, придет к 100-летию образования КНР — в 2049 г. Съезд же подтвердил официальный статус Китая как большого «развивающегося государства».

Си Цзиньпин, ставший новым Генсеком ЦК КПК, а в марте 2013 г. еще и Председателем КНР, относится к категории «принцев», чьи родители занимали важные пост в партии. Во времена культурной революции его отец с поста вице-премьера Госсовета был отправлен в места заключения, а сам Си был сослан в отдаленную деревню, бежал, сидел за это в тюрьме. При этом он продолжал самообразование и девять раз предпринимал попытки вступить в партию, пока его не приняли[1]. Партийная карьера развивалась стремительно и вне публичной сферы. «К моменту принятия в члены Постоянного комитета Си Цзиньпин, “номер шесть”, генерал-майор Народно-освободительной армии Китая, был известен куда хуже, нежели его супруга, знаменитая певица»[2], — насмехается Макгрегор. Си Цзиньпин отметился на съезде необычным выступлением: около десяти раз он использовал термин «возрождение китайской нации» и только один раз — «социализм с китайской спецификой».

Состав Постоянного комитета Политбюро говорил о балансе сил между неформальными группами — людьми бывшего руководителя Цзян Цзэминя («шанхайцы») и бывшего Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао («комсомольцы»). Было полностью обновлено военное руководство: заслуженные генералы уступили место 60-летним[3].

Большое значение в политической жизни Китая имел состоявшийся в ноябре 2013 г. III Пленум ЦК, на котором был утвержден 60-страничный план всестороннего углубления реформ до 2020 г. С уче-

---

[1] *Алексей Никольский.* Си Цзиньпин // Ведомости. 19 ноября 2012.

[2] *Ричард МакГрегор.* Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. М., 2011. С. 29.

[3] *Евгений Шестаков.* Пекин меняет мир: В предстоящие 10 лет Китай просит считать его «развивающимся государством» // Российская газета. 23 ноября 2012.

том того, что Китай еще долгое время будет находиться на начальной стадии построения социализма, подчеркнута необходимость «высоко нести великое знамя социализма с китайской спецификой, руководствоваться марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями "тройного представительства", концепцией научно обоснованного развития». Ключевым был назван вопрос о соотношении государства и рынка, ответ на который заключался в том, чтобы рынок играл решающую роль в размещении ресурсов, а государственное управление функционировало более эффективно. Подчеркивался курс на внутреннюю открытость и расширение внешних связей через ускорение создания зон свободной торговли в пограничных регионах. Отмечалась необходимость ускоренными темпами создавать «справедливую и авторитетную социалистическую правовую систему с целью защиты прав и интересов народа».

На Пленуме были созданы два принципиально новых органа власти — Группа по руководству углублением реформ и Центральный комитет государственной безопасности. Оба возглавил Си Цзиньпин, и без того занимающий посты генсека ЦК КПК, Председателя КНР и председателя военного совета КПК и КНР. «Такое сосредоточение власти в руках лидера может быть сравнимо со схожими преобразованиями, проведенными руководством Гоминьдана в 50-е годы прошлого столетия, после тяжелого поражения на континенте»[1], — пишут российские китаисты. В первом заседании Группы по руководству углублением реформ в начале 2014 г. приняли участие все члены Постоянного комитета Политбюро, и было создано шесть подгрупп по основным направлениям деятельности: экономика и экология, демократия и право, культура, социальная система, партийное строительство, проверка дисциплины. ЦКГБ позволил Си объединить в одной структуре руководство и армией, и спецслужбами.

Эксперты отмечают беспрецедентную со времен Мао концентрацию полномочий в руках главы государства и его мощный идеологический посыл. Элизабет Экономи, возглавляющая азиатские исследования в американском Совете по международным делам, пишет: «Президент Китая Си Цзиньпин предложил простое, но могущественное видение: обновление китайской нации. Это — патриотический призыв к оружию, черпающий вдохновение из славы китайского имперского прошлого и идеалов социалистического настоящего для обеспечения политического единства внутри страны и влияния за рубежом»[2].

---

[1] Китайская народная республика: политика, экономика, культура: К 65-летию КНР / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 133.

[2] *Elizabeth C. Economy.* China's Imperial President: Xi Jinping Tightens His Grip // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 80.

В развитии политической системы Китая существуют и другие факторы риска.

Кто-то не убежден в устойчивости однопартийной системы и коммунистической идеологии. В Китае попытались переформатировать легитимность компартии, представить ее уже не революционной, как когда-то, а правящей партией, подтверждающей свое право на руководство страной своими успехами, результатами работы. Однако давление — и внешнее, и внутреннее — в пользу демократизации существует и будет продолжаться. Выступления протеста в Гонконге — наглядное тому подтверждение.

Серьезную проблему представляет этнический сепаратизм в Синьцзяне, Тибете и на других национальных окраинах.

На протяжении своей истории Тибет находился в различной степени зависимости от китайских династий. Там сложилась уникальная система управления — духовным и светским лидером в одном лице стал Далай-лама, глава наиболее многочисленной буддистской школы «гелугпа» («желтые шапки»), один из «живых будд» (таких в Тибете несколько тысяч), правивший из Лхасы. Вторым по значению лидером в тибетской иерархии стал панчен-лама, живший в городе Шигадзе, — перерождение самого Будды Амитабы. Два главных ламы Китая подтверждают истинность перерождения друг друга, играя ключевую роль в системе передачи власти.

После краха императорского Китая в 1911 г. Тибет некоторое время был самостоятельным государством, но коммунисты, придя к власти, вернули территорию Китаю. По соглашению 1951 г. Тибету предоставлялась автономия с сохранением прежней системы управления во главе с далай-ламой, а центральное правительство получало право держать в Тибете войска, охранять внешнюю границу и проводить внешнюю политику. Коммунистические реформы вызвали на Тибете антикитайское восстание 1959 г., жестоко подавленное армией, а Далай-лама XIV и его сторонники бежали в Индию, где образовали тибетское правительство в изгнании. Оставшийся на Тибете Панчен-лама X пытался сотрудничать с Пекином, но в 1964 г. был отправлен в тюрьму, где провел 14 лет.

В 1965 г. был создан Тибетский автономный район, но в обладающих реальной властью партийных органах тибетцев там практически нет. Во время культурной революции из примерно 3000 монастырей осталось всего три. В 1989 г. в Тибете произошли серьезные беспорядки. Секретарем парткома ТАР тогда был Ху Цзиньтао, который принял решительные меры по их подавлению. Было решено прекратить переговоры с далай-ламой и запретить всякие упоминания о нем.

Панчен-лама X, выйдя на свободу, лишь один раз — в 1989 г. — смог посетить Тибет и вскоре умер. В 1995 г. Далай-лама объявил, что новый панчен-лама найден — шестилетний мальчик по имени Гедхуна Чокьи

Ньима. Китайское правительство отреагировало немедленно: выбрало панчен-ламой другого мальчика — Гьяйлцэна Норбу, а Гедхун Чокьи Ньима был взят «под защиту», и его местонахождение с тех пор неизвестно (тибетская оппозиция называла его самым молодым в мире политическим заключенным). Сложно убедить тибетцев, что их боги и святые должны назначаться в Пекине[1].

«Синьцзян», или китайский Туркестан, — самая западная китайская провинция, отделенная от центральных районов страны пустыней Гоби. Синьцзян официально стал частью Китая в конце XIX в., но и после восставал, добиваясь независимости. В 1949 г. войска Мао Цзэдуна окончательно присоединили провинцию, хотя и позднее уйгуры устраивали беспорядки. Уйгуров в Китае около восьми миллионов, и они составляют 40% населения Синьцзяна, сколько и ханьцы.

В последние годы ситуация в Синьцзяне не раз становилась взрывоопасной: там нередки волнения, в организации которых Пекин подозревает и внешние силы, прежде всего, Соединенные Штаты и исламистов. В 2009 г. в межэтническом конфликте погибло больше 200 человек. На 2013 г. пришелся всплеск террористической активности в регионе; уйгурские исламисты совершали теракты и в других регионах страны, включая и площадь Тяньаньмэнь в центре Пекина.

В развитие Синьцзяна и Тибета вкладываются огромные деньги, чтобы населению было выгодно жить в составе Китая. Там находятся крупные силы армии и полиции.

Будет ли революция в Китае? Фрэнсис Фукуяма, используя аналитический инструментарий из классической работы Самуэля Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» 1968 г., замечает, что ускорение развития экономики и общества часто приводит к переворотам и путчам, это объясняется несоответствием институтов закрытого общества стремлению молодого и активного поколения к участию в политической жизни. Вместе с тем Фукуяма называл ряд факторов, которые говорят против революционных ожиданий. «Средний класс Китая скорее опасается перспективы многопартийной демократии, чем стремится к ней. Ведь это расчистит путь многочисленным требованиям перераспределения богатства со стороны тех, кто остался не у дел… Очевидно, что качество китайского авторитарного правления значительно выше, чем ближневосточного. Хотя китайское правительство формально неподотчетно народу через процедуру выборов, оно отслеживает признаки социального недовольства и часто отвечает на него послаблениями, а не репрессиями. Другая отличительная особенность Китая — добровольная смена лидеров. Китайское правительство более умно и жестко подходит к подавлению недовольства. Распознав

[1] *Александр Лукин.* Буддизм и коммунизм // Ведомости. 28 марта 2008.

угрозу, китайские власти никогда не позволяют западным медиа распространять информацию. Facebook и Twitter запрещены, а содержание китайского Интернета и китайских социальных сетей находится под контролем целой армии цензоров… Главная загадка Китая — средний класс, который пока выглядит довольным заключенной им сделкой по обмену политических свобод на растущий доход и стабильность»[1]. И, конечно, на стороне стабильности традиция, партия и армия.

Геополитический гигант

За многие тысячелетия существования государства у его обитателей выработалось стойкое представление об исключительно большом месте Китая в мире. «Самовосприятие Китая как Срединной империи подразумевало не просто центральное положение в географическом смысле, за ним стояла убежденность, что Китай, в каком-то смысле, является центром тяжести Вселенной, — подчеркивает Доминик Моизи. — В отличие от России (к примеру), эта громадная и полная самоуверенности империя не нуждалась в расширении, чтобы обеспечить свое существование. Великая китайская стена обеспечивала Китаю безопасность и в то же время словно подчеркивала отсутствие необходимости захватывать другие страны, чтобы ощущать собственную значительность. Китай, разумеется, расширялся, но его территориальный рост происходил не благодаря мощи оружия, а за счет демографии, то есть количества самих китайцев, которых режим использовал в качестве колонизирующей и управляемой силы»[2].

В конце своей статьи «Географическая ось истории», опубликованной в 1904 г. и положившей начало геополитике, сэр Халфорд Макиндер выразил особое беспокойство в отношении Китая. Объяснив, что Евразия является силовым геостратегическим центром мира, он высказал предположение, что китайцы, если они смогут распространить влияние далеко за пределы своей страны, «способны превратиться в желтую опасность для мировой свободы. И как раз по той причине, что они соединят с ресурсами громадного континента протяженную океанскую границу — козырь, которого была лишена Россия, хозяйничавшая в этом осевом регионе прежде»[3].

Историческое прошлое Китая побуждает китайских руководителей вести дело к тому, чтобы превратить его во влиятельную, а в перспективе и в великую доминирующую и процветающую державу. Руководство страны хочет также исключить возможность повторения

---

[1] *Фрэнсис Фукуяма.* Ждать ли революции в Китае // Ведомости. 18 марта 2011.

[2] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 58–59.

[3] Цит. по: *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography. P. 188.

более чем столетней истории «унижений со стороны иностранных держав», которые подспудно воспринимаются как варварские.

В Китае, в отличие от некоторых других стран АТР, существует довольно четкая внешнеполитическая стратегия, которая прочитывается не столько из доктринальных документов, сколько из конкретных действий. С начала 1980-х гг. он проводит политику, которую называет «независимой и самостоятельной».

В 1990-е гг. Дэн Сяопин дал указание из 24 иероглифов о том, что во внешней политике Китаю следует «хладнокровно наблюдать», «вести себя скромно», «не претендовать на лидерство», «выжидать в тени», «крепко стоять на ногах» и др. Сюн Гуанкай — директор Китайского института международных стратегических исследований — говорил: «Первые 30 лет после образования нового Китая считалось, что основными проблемами мирового характера являются война и революция, поэтому концепция безопасности была сконцентрирована на оборонной и политической безопасности, т.е. на защите территориальной целостности и суверенитета страны, а также на укреплении государственной власти. Такую концепцию мы называем традиционной. В последующие 30 лет закрепилось понимание того, что обеспечение мира и гарантия развития являются двумя главными задачами современной эпохи. В данный период Китай, не упуская из виду традиционных угроз безопасности, акцентирует внимание и на нетрадиционных угрозах в таких областях, как экономика, финансы, информатика, энергетика, продовольствие, здравоохранение, а после 11 сентября 2001-го — также и на борьбе с терроризмом. Таким образом, сформирована Всеобъемлющая концепция национальной безопасности КНР, учитывающая как традиционные, так и нетрадиционные угрозы»[1].

Гипертрофированное стремление к самостоятельному подходу к международным проблемам, обостренное чувство престижа стали стилем китайской дипломатии. Прагматизм, малая выразительность и недостаточная акцентированность современного внешнеполитического курса Пекина, официально открещивающегося от роли лидера или «сверхдержавы», вызывают вопрос: является ли это временной тактикой империи, готовящейся к реализации формулы «XXI век — век Большого Китая», или же китайское руководство намерено довольствоваться ролью одного из полюсов в «многополярном мире»?

Пекину чужд миссионерский подход к внешней политике, он не стремится утвердить в других странах собственную идеологию, систему правления или представления о нравственности. «Во внешней политике Китай не может не исходить из основополагающего национального интереса — экономического выживания, и поэтому мы вправе оха-

[1] *Сюн Гуанкай.* Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая // Россия в глобальной политике. № 3. Май–июнь 2009.

рактеризовать эту страну как сверхреалистичную, сверхпрагматичную державу, — справедливо замечает Каплан. — По существу лишенный выбора в своих действиях на международной арене, Пекин не особенно заботится о том, с какими режимами ему приходится иметь дело; в партнерах ему нужна стабильность, а не добропорядочность, как ее понимает Запад»[1].

Китай не присоединяется ни к каким союзам и действует в собственных интересах. Хантингтон не без основания писал: «Бурный энтузиазм, порожденный тесным антизападным союзом конфуцианских и исламских стран, был охлажден китайской стороной, а именно — заявлением в 1995 году президента Цзянь Цземиня о том, что Китай не станет заключать союза с каким-либо государством. Предполагается, что такая позиция отражает классическое китайское мировоззрение, что, будучи Срединной империей, центральной державой, Китай не нуждается в формальных союзниках, и другим странам следовало бы понимать, что в их интересах сотрудничать с Китаем»[2].

Китайские руководители, мысля историческими стратагемами, не торопятся. Характерно решение политического руководства КНР отказаться от понятия, принятого было в 2003–2004 гг. как официальное — «мирное возвышение Китая» и заменить его в октябре 2005 г. на концепцию «гармоничного мира совместного процветания», сосредоточив усилия на создании образа модернизированного мирного Китая, ни над кем не «возвышающегося» и готового поделиться с другими странами плодами своего процветания. Китай постоянно подчеркивает необходимость проведения миролюбивой, согласованной с другими странами политики. «Если сосуществование различных школ мысли и баланс между разными державами и центрами силы смог почти на сто лет сохранить мир в Европе XIX века, то почему мы не сможем добиться его в наши дни в глобальном масштабе? — пишет китайский аналитик Фэн Шаолей. — …углубляющийся процесс глобализации дает возможность разным странам и регионам осуществлять взаимовыгодный обмен товарами и идеями. Перспективы мирного сосуществования разных государств и цивилизаций — не такая уж недостижимая мечта»[3].

В то же время у некоторых китайских руководителей и аналитиков время от времени прорывается нетерпение, «мышцы рвут пиджак». В экспертном сообществе развернулась дискуссия по поводу наследия Дэн Сяопина. Многие говорят, что часть заветов Дэна выполнена, они

---

[1] *Роберт Каплан.* География китайской мощи // Россия в глобальной политике. Т. 8. № 4. Июль–август 2010. С. 52.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 383.

[3] *Фэн Шаолей.* По заветам Меттерниха // Россия в глобальной политике. Т. 9. № 1. Январь–февраль 2011. С. 92.

не актуальны, поскольку не соответствуют реальному влиянию Китая в мире; нужны новые иероглифы, которые бы радикально обновили внешнеполитические принципы. Особое неприятие вызывают указания быть «в тени», «вести себя скромно» и «не претендовать на лидерство». Многие китайские военные эксперты говорят об устарелости курса на избегание конфликтов и лавирование, призывают «не бояться конфликтов», занимать жесткую наступательную позицию. Бестселлером стала вышедшая в 2009 г. книга «Китай недоволен», где утверждалось, что китайцы якобы лучше других распоряжаются природными богатствами, которых стране не хватает, и поэтому в будущем Пекину следует контролировать мировые ресурсы, чтобы управлять ими на благо человечества. В не менее популярной книге «Китайская мечта» профессор Университета национальной обороны (входит в систему Минобороны КНР) Лю Минфу утверждал, что в XXI столетии Китай должен стать первой державой мира. В противном случае усилиями США, борьба (а может быть, и война) за лидерство с которыми неизбежна, он будет отброшен на обочину мирового развития. «Превратите несколько мешков с деньгами в патронташи»[1]. Но в Пекине повторяют, что это неформальные и неофициальные мнения.

Радикальной выглядит полемика в китайском Интернете, где стихийно формируется запрос на более решительную внешнюю политику. Возникают молодежные национально-патриотические группы, откликающиеся на призывы партии и правительства по любому внешнему поводу. Наглядный пример — реакция на споры с Японией вокруг островов Дяоюйдао/Сенкаку. Существует запас протестной энергии, которая может выплеснуться на антиамериканском, антииндийском, антивьетнамском и других направлениях. И нет уверенности, что пекинское руководство полностью контролирует эти настроения.

Джон Миршаймер в книге «Трагедия великодержавной политики» уверял, что «самыми опасными государствами в системе международных отношений являются континентальные державы с большими армиями»[2]. Сегодня вооруженные силы Китая — крупнейшие в мире. Их численность в 2014 г. — 2,333 млн человек, из них в сухопутных войсках — 1,6 млн, во флоте — 235 тысяч, в ВВС — 398 тысяч, в ракетных войсках стратегического назначения — 100 тысяч. Боеготовый резерв достиг 660 тысяч человек. Уровень военных расходов с начала XXI в. увеличивался быстрее роста ВВП и превысил 10% в год, составив 112 млрд долл.[3]

---

[1] *Александр Лукин.* «Китайская мечта» и будущее России // Россия в глобальной политике. Т. 8. № 2. Март–апрель 2010. С. 93

[2] *John Mearsheimer.* The Tragedy of Great Power Politics. N.Y., 2001. P. 35.

[3] The Military Balance 2014. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economies. L., 2014. P. 230–231.

Армия пользуется большим авторитетом, имеет возможность набирать лучшие кадры личного состава, но при этом находится под жестким гражданским контролем со стороны КПК. «Наш принцип — партия командует винтовкой; совершенно недопустимо, чтобы винтовка командовала партией»[1], — говорил еще Мао Цзэдун. Исторически армия неизменно рассматривалась как дублер и страховка гражданской власти. «С момента основания в НОАК царит двоеначалие — армия напоминает человека с двумя головами, которые следят друг за другом, — пишет Макгрегор. — Каждую командную должность занимают два офицера в одинаковом чине: один считается командиром, другой — его политкомиссаром. Не так-то просто понять, где проходят границы их полномочий, кто кому подчиняется, и в каких случаях… Политкомиссары были переняты из советской Красной армии, хотя в Китае они с имперским душком. Китайские императоры посылали своих эмиссаров на фронт, чтобы те приглядывали за военачальниками»[2].

Пока у Китая нет сверхсовременных вооружений, однако китайская армия энергично разрабатывает стратегии, подрывающие способность США перебрасывать свои войска в регион (стратегия «изоляции района военных действий»). Китай продемонстрировал способность уничтожать объекты на низкой околоземной орбите, что создает угрозу спутниковой архитектуре других стран.

Китай приложил немало стараний, чтобы урегулировать многочисленные пограничные споры на суше — с республиками Центральной Азии, Россией и другими соседями (Индия в этом ряду является исключением). Великая Китайская стена лучше всего свидетельствует о том, что, начиная с глубокой древности, Китай неизменно тревожила прежде всего угроза внешней агрессии с севера, по суше. Теперь она ушла.

На море Китай сталкивается с гораздо более сложным положением. Проблемной зоной для китайского флота является так называемая «первая островная гряда»: Корейский полуостров, Курильские острова, Япония (включая острова Рюкю), Тайвань, Филиппины, Индонезия и Австралия. Китай вовлечен в споры о принадлежности различных участков дна Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, богатых энергоносителями: с Японией предметом дискуссии являются острова Дяоюйтай/Сэнкаку, с Филиппинами и Вьетнамом — острова Спратли.

Пекин также готовится оспорить гегемонию США в Тихом океане, развивает флот и так называемую «нить жемчужин» — вереницу портов и военных баз в дружественных странах на побережье Тихого и Индийского океанов. Китайские военно-морские силы стремятся рас-

[1] *Мао Цзэдун*. Не бояться трудностей, не бояться смерти. С. 63.
[2] *Ричард МакГрегор*. Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая.

пространить свое присутствие и за пределы китайского побережья в соответствии с новой стратегией — «дальней морской обороной». КНР готовится сопровождать суда от Персидского залива до Малаккского пролива, а также защищать интересы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Другой элемент китайской военно-морской стратегии — распространение операционных возможностей за пределы Южно-Китайского моря и Филиппин к так называемой «второй цепи островов» — скалам и атоллам в Тихом океане. Эта зона пересекается со сферой доминирования американского и японского флотов.

О твердом желании Китая обеспечить свои позиции на море свидетельствуют и крупные приобретения последних лет. Пекин модернизировал свои эсминцы, сосредоточил усилия на строительстве дизельных, атомных и ракетных подводных лодок нового типа. В 2013 г. на боевое дежурство встал первый китайский авианосец Ляонинг.

Китай имеет как стратегическое, так и тактическое ядерное оружие. Стратегические ядерные силы Китая включают полную триаду: стратегические ракетные войска, стратегическую авиацию и атомный ракетный флот, которая традиционно была небольшой и не могла быть использована для первого удара. Общее количество средств доставки ядерного оружия стратегического назначения оценивается в 300 единиц, количество оперативно развернутых боеголовок 100–200 единиц[1]. Представляется, что обязательство Китая о неприменении ядерного оружия первыми носит отнюдь не декларированный характер. Вместе с тем в последние годы Китай активно модернизирует и наращивает свою триаду. Нередко эти изменения связывают с разработкой и размещением американской системы противоракетной обороны, которая представляет бóльшую угрозу для китайского потенциала сдерживания, чем, скажем, для российского[2].

Может ли Китай пойти на применение силы для реализации этих целей? Китайская стратегическая культура этого не исключает. Генри Киссинджер, анализируя логику применения Пекином вооруженной силы против стран даже с превосходившими военными возможностями, приходил к выводу о готовности Китая идти на риск войны в тех случаях, когда «враждебная сила создает базы в разных точках по китайской периферии… Пекин полагал, что если позволить враждебной державе осуществить ее замысел, то Китай будет окружен и окажется в положении постоянной уязвимости. Соперник получит возможность начать войну во время по собственному выбору, и осознание этого преимущества позволит ему действовать»[3].

---

[1] *Jeffrey Lewis.* Paper Tigers: China's Nuclear Posture. L., 2014. P. 148–149.

[2] *Baohui Zhang.* US Missile Defence and China's Nuclear Posture: Changing Dynamics of an Offence-Defence Arms Race // International Affairs. May 2011. P. 555–569.

[3] *Henry Kissinger.* On China. P. 375.

Но в целом Китай, реализуя стратегию усиления своего влияния в мире, делает упор на создание «зоны добрососедства и зон взаимного процветания» по периметру границ. Приоритетное внимание уделяется регионам и странам, интересным с точки зрения наличия богатых запасов сырья и энергоресурсов, а также к странам — источникам высоких технологий. Китай наращивает своей влияние в соседних государствах прежде всего путем активной экономической интеграции, которая подчас сопровождается демографической экспансией, к чему Пекин все больше добавляет «мягкую силу».

Китайское влияние в мире растет за счет диаспоры, миллионов этнических китайцев и их потомков, пустивших корни в бизнесе, культуре и политике всего мира. Пекин может в полной мере полагаться на диаспору, особенно сейчас, в период подъема национальной гордости. «Для пекинского правительства люди китайского происхождения, даже с другим гражданством, являются членами сообщества и посему в некоторой мере подвластны китайскому правительству, — подмечал Хантингтон. — Китайская идентичность определяется расовыми понятиями. “Подойди к зеркалу и посмотри на себя” — вот напоминание ориентированных на Пекин китайцев тем соотечественникам, кто старается ассимилироваться в зарубежных странах». Благодаря китайцам имел место бурный экономический рост восточноазиатских «Тигров» (три из четырех «тигров» — Гонконг, Тайвань и Сингапур — китайские общества), Хуацяо были важным источником инвестиций в КНР. Китайцы заметны в экономиках стран Юго-Восточной Азии. В начале XXI в. китайцы составляли 1% населения Филиппин, но контролировали там 35% продаж, 2–3% населения Индонезии, но 70% местного капитала, 10% населения Таиланда, которые контролировали 50% ВНП[1].

В системе внешнеполитических приоритетов Китая впереди идут отношения с большими державами. На первом месте США; Россия, скорее, на втором, затем страны ЕС (чаще говорят не о ЕС как таковом, а об Англии, Франции, Германии). Далее идут Япония и Индия.

В 1990-е гг. китайское правительство исходило из того, что с момента утверждения США в качестве единственной сверхдержавы, они проводили политику гегемонии и действовали с позиции силы. «Враждебные силы Запада, — говорил в 1995 г. Цзян Цземинь, — не оставили ни на мгновение свои попытки вестернизировать и “разделить” нашу страну». Основания для подобных оценок имелись. Соединенные Штаты разрешили президенту Тайваня Ли посетить Вашингтон, продали Тайваню 150 самолетов F-16, назвали Тибет «оккупированной суверенной территорией», обвиняли Китай в нарушениях прав человека, помешали Пекину стать столицей Олимпийских игр 2000 г., безоснова-

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 260–263.

тельно осудили Китай за экспорт в Иран компонентов химического оружия, ввели торговые санкции за продажу ракетной техники Пакистану и, угрожая Китаю дополнительными экономическими санкциями, одновременно препятствовали его вступлению во Всемирную торговую организацию[1].

В годы администрации Джорджа Буша-младшего к раздражающим факторам в двусторонних отношениях добавились военное присутствие США в Афганистане, нападение на Ирак и американо-индийское сотрудничество в ядерной сфере. «Решение укрепить американо-индийское стратегическое партнерство на условиях, способствующих расширению ядерного арсенала Индии, должно было стать особенно неприемлемым для Китая, который до того времени исходил из концепции минимального стратегического средства устрашения, — подчеркивал Бжезинский. — Значительное увеличение ядерного арсенала Индии могло только побудить Пекин отказаться от стратегического самоограничения. Этот шаг США, без сомнения, также делал Пекин менее склонным откликнуться на призыв Америки в отношении позиции по Северной Корее и Ирану»[2].

В формуле «большой двойки» в КНР увидели лишь стремление Америки поставить страну в подчиненное положение. «В действительности Пекин, который давно уже критикует США за реальные или мнимые гегемонистские устремления, меньше других стран хотел бы видеть мировое правительство, возглавляемое Соединенными Штатами, — пишет Дэниэл Фунг (Фэн Хуацзянь), член Политического консультативного совета Китая. — Китай хорошо понимает, что в обозримом будущем у него мало шансов добиться превосходства над этой сверхдержавой. Кроме того, КНР не заинтересована в роли “заместителя шерифа” при США»[3].

В начальный период пребывания Обамы у власти из Пекина казалось, что «в отношении Азиатско-Тихоокеанской архитектуры, Китай и США вступили в период взаимного приспособления и мирного сосуществования»[4]. Но в конце 2011 г. Вашингтон заявил о масштабной переориентации своей внешней политики в рамках «разворота к Азии». Перспектива перемещения военно-политической активности Америки в сторону АТР, за которым очевидно проглядывается стремление к сдерживанию Китая, в Пекине восторга не вызвало.

---

[1] Там же. С. 352, 353.

[2] *Збигнев Бжезинский.* Еще один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 150.

[3] *Дэниел Фунг.* Политика в стиле ретро // Россия в глобальной политике. Т. 9. № 1. Январь–февраль 2011. С. 135.

[4] *Fu Mengzi.* The Geo-Economic Situation in the Asia-Pacific // CIR. November/December 2011. P. 38.

«Пекин будет и дальше охотно признавать за Соединенными Штатами статус мировой торговой державы — как минимум на протяжении следующего поколения, — потому что Китай совершенно точно не готов стать державой номер один в ближайшее время, если вообще он когда-либо будет к этому готов. И коль скоро сверхдержава пожелает выполнять функции мирового жандарма, Китай с этим смирится, придерживаясь принципа "только не в моем дворе" — как во внешней, так и во внутренней политике. Иными словами, Пекин не только будет смотреть сквозь пальцы на "полицейские операции", но в некоторых случаях может и открыто поддерживать их, пока не будет пересечена невидимая черта. Например, пока Седьмой флот США не начнет патрулировать Тайваньский пролив или американские разведывательные корабли не станут перехватывать электронные сигналы в непосредственной близости от базы подводных лодок на Хайнане»[1], — пишет Дэниел Фунг.

Ван Джиси (Wang Jisi), президент Института международных и стратегических исследований Пекинского университета, так суммирует позицию Китая по отношениям с США: «В китайских глазах основная цель Соединенных Штатов в мировых делах — сохранение статуса единственной сверхдержавы как можно дольше… В китайской политической элите существует сильная уверенность, что Соединенные Штаты создают напряженность и разжигают недоверие во всех частях Азии против Китая и потому должны нести ответственность за эти проблемы. Китайско-американское стратегическое соперничество, включая военное, в Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжится, если не усилится… Американские схемы подрыва китайского правительства, политического и идеологического проникновения в китайское общество воспринимается в Пекине как прямая и настоящая угроза»[2]. Вызывают протест планы создания Транстихоокеанского партнерства без участия Китая. В Пекине предельно возмущены участием США в организации и поддержке движений протеста в Гонконге и Синьцзяне.

Не менее жестко настроены американские аналитики. «В ближайшие годы сам факт укрепления экономической и военной мощи Китая усугубит напряженность в американо-китайских отношениях, — считает Каплан. — Перефразируя Миршаймера, можно сказать, что Соединенные Штаты, гегемон Западного полушария, приложат все возможные усилия, чтобы помешать Китаю сделаться гегемоном большей части полушария Восточного. И не исключено, что это станет самой потрясающей драмой нашей эпохи»[3]. Джозеф Най настроен более спокойно: «То, что Китай вряд ли станет равным соперником Соединен-

[1] *Дэниел Фунг.* Политика в стиле ретро. С. 136.
[2] *Wang Jisi.* The US-China Codependency // The American Interest. May/June 2014. P. 22–24.
[3] *Роберт Каплан.* География китайской мощи. С. 71.

ных Штатов в глобальном масштабе, не означает, что он не может бросить вызов Соединенным Штатам в Азии. Но подъем китайской силы в Азии сталкивается с противодействием Индии, Японии, да и других стран, и это создает большое преимущество Соединенным Штатам»[1].

Другие эксперты не так уверены в исходе китайско-американского соперничества в Восточной Азии. Стив Чан из Университета Колорадо отмечает, что со времен холодной войны отношения США с их европейскими и азиатскими союзниками строились на трех основах: обязательствах Вашингтона их защищать, незаменимости доллара как средства международной торговли и сбережений и критической важности доступа на самый большой в мире американский рынок для экспорта союзных стран. В благодарность за это союзники платили политической лояльностью, поддерживали высокий курс собственных валют и помогали США оплачивать их бюджетные дефициты. Сейчас же крупнейшие золотовалютные резервы не у Соединенных Штатов или их союзников, Китай стал главным импортером продукции из Восточной Азии, где во многих странах тема китайской угрозы воспринимается лишь как элемент американской конкурентной борьбы с Пекином. «Китайский вызов носит не столько военный, сколько экономический характер, а Соединенные Штаты продолжают сохранять безусловное превосходство только в инструментах войны»[2].

Американо-китайские противоречия неизбежны и в будущем, тем более что США не откажутся от взгляда на мир через призму противостояния сил демократии и авторитаризма, свободного рынка и государственного патернализма. Не собирается отступать и китайская сторона. Как отмечал Дэниел Фунг, «по широким вопросам внешней политики китайское общественное мнение не менее националистично или враждебно к Америке, чем политическая элита. Напротив, быстрорастущая национальная гордость китайцев, радующихся достижениям своей страны с 1979 г. — не только экономическим, но также социальным, политическим и военным, — приводит к тому, что китайские граждане не желают подчиняться давлению или запугиванию со стороны Соединенных Штатов в вопросах внешней политики, безопасности или обороны»[3].

Серьезным камнем преткновения остается проблема Тайваня, которая в политике Пекина занимает, безусловно, центральное место. КНР настаивает на необходимости воссоединения с ним на благо всех китайцев. Вашингтон утверждает, что его забота — сохранение демократии, носителем которой является Тайвань. Хотя, конечно, корень проблемы

---

[1] *Joseph Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. 186.

[2] *Steve Chan.* Looking for Balance: China, the United States, and Power Balancing in East Asia. Stanford (Cal.), 2012. P. 239–240.

[3] *Дэниел Фунг.* Политика в стиле ретро.

в другом. Еще генерал Дуглас Макартур говорил, что Тайвань — это «непотопляемый авианосец», занимающий позицию ровно посередине береговой линии Китая. Только слияние Тайваня с КНР ознаменовало бы возникновение в Восточной Азии «действительно многополярной военной ситуации»[1].

Китай отделяют от Тайваня сто миль. Однако не похоже, что Пекин намерен воевать за остров. Он делает все, чтобы воздействовать на Тайвань экономически и пропагандистски. В настоящее время о сроках решения «тайваньской проблемы» китайские руководители предпочитают не высказываться, хотя ранее заявлялось, что эта задача должна быть решена к середине XXI в. Но Соединенные Штаты не согласятся с переходом Тайваня под китайскую юрисдикцию, поскольку в этом случае другие американские союзники начнут сомневаться в прочности обязательств Вашингтона. Впрочем, и в самих Соединенных Штатах можно услышать мнение о невозможности неограниченно долго сохранять независимый статус Тайваня. Даже Бжезинский не исключает, что решение «в логике формулы Дэн Сяопина "один Китай — две системы", представляет эластичную формулу как для объединения, так и для сохранения отчетливых политических, социальных и даже военных институтов»[2].

После победы партии Гоминьдан на парламентских и президентских выборах в 2008 г. обстановка в зоне Тайваньского пролива вступила в новый этап: возникли предпосылки к снижению конфликтного потенциала, накопившегося за предшествовавшие годы правления Демократической прогрессивной партии (ДПП), осуществлявшей курс на суверенизацию. С тех пор наблюдалась значительная разрядка напряженности между берегами Тайваньского пролива. На регулярную основу перешли межпартийные контакты между Гоминьданом и КПК. Избрание в 2009 г. председателем Гоминьдана Ма Инцзю означало еще более высокий уровень диалога.

Он пошел на открытие прямых авиарейсов с материка на остров, разрешил туристам из КНР посещать Тайвань, а также подписал соглашения по взаимному снижению тарифов. Примерно 30% тайваньского экспорта приходится на Китай. Две трети тайваньских компаний осуществляли инвестиции в китайскую экономику. В июне 2012 г. на Тайване впервые открылось отделение китайского банка — третьего по величине активов Банка Китая. Ежегодно остров посещают около полумиллиона туристов с материка, а 750 тысяч тайваньцев как минимум по полгода проживают в Китае. Власти Пекина начали вкладывать большие средства в поддержание и восстановление культовых

[1] *Роберт Каплан.* География китайской мощи. С. 64, 65.

[2] *Zbignev Brzezinski.* Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012. P. 177–178.

мест на материке, которые пользуются популярностью у тайваньских туристов[1].

Победителем президентских выборов на Тайване в январе 2012 г. вновь стал Ма Инцзю. Победу обеспечил именно его подход к отношениям с КНР, который укладывался в формулу «трех нет»: нет — полной независимости от Китая, нет — объединению с КНР, нет — использованию силы для решения споров. Наблюдается также и смена настроений в тайваньском обществе: все большая часть населения острова (более 60%) проявляет практическую заинтересованность в развитии связей с КНР.

Впрочем, 70% жителей острова считают себя в первую очередь тайваньцами и лишь во вторую — китайцами[2]. Играет свою роль и тот фактор, что после первых прямых выборов президента в 1996 г. Тайвань позиционирует себя как становящуюся демократию. В 2014 г. в Тайбее прошла серия уличных студенческих акций, сопровождавшихся даже захватом парламента, в знак протеста против заключения китайско-тайваньского договора о торговле и услугах[3]. КНР, в свою очередь, продолжает внимательно следить за попытками Тайваня расширить свое внешнеполитическое влияние и пресекает любые шаги острова, которые подключали его к деятельности международных организаций в качестве суверенной стороны. В настоящее время всего 23 государства имеют официальные связи с Тайванем, причем за исключением Ватикана, это развивающиеся страны Африки, Океании и Латинской Америки, которые заинтересованы в «безвозмездной» тайваньской помощи для поддержания своей экономики.

Все большее место во внешней политике Китая занимает Россия.

В Китае сохраняется историческая память о том, что на рубеже 1940–1950-х гг. была создана особая модель отношений, суть которых — в разделении глобальной и региональной ответственности при продвижении общих внешнеполитических интересов по принципу «спина к спине». Китай признавал СССР в качестве старшего партнера, а себя как союзника Советского Союза. «Затем, после китайско-советского раскола, он увидел себя в роли предводителя третьего мира в борьбе с обеими сверхдержавами, что повлекло за собой значительные издержки и немногочисленные преимущества. После смены американской политики при администрации Ричарда Никсона Китай попытался стать третьим участником в игре “баланс власти между двумя сверхдержавами”, уравновесив в 1970-х США, которые тогда казались слабыми, но затем, в 1980-е, когда военный потенциал Соединенных Штатов возрос,

---

[1] *Ho Ai Li.* Honoring the Gods of Cross-Strait Peace // The Straits Times. June 28, 2012.

[2] The Decline of Deterrence // The Economist. May 3, 2014. P. 39.

[3] Taiwan's Young Democracy Still Has a Long Road to Travel // The China Post (Taiwan). May 8, 2014.

а СССР испытывал экономические трудности и увяз в Афганистане, Китай занял равноудаленную позицию»[1], — писал Хантингтон.

Россия — единственная крупная страна, на которую разные сегменты китайской внешнеполитической элиты традиционно могут положиться больше, чем на политическую элиту других стран, так как есть больший уровень взаимопонимания, взаимной рефлексии, более тесные исторические связи и т.д. Москва — независимый центр силы — интересует Пекин как определенный противовес в его сложных партнерско-конкурентных отношениях с Соединенными Штатами, Европой, с Японией как один из гарантов проведения им собственной «независимой и самостоятельной» внешней политики. Китай разделяет российский взгляд на многополярность в мире. За идеалом многополярности стоит простая реальность: и Россия, и Китай достаточно сильны, чтобы иметь собственные подходы в международных отношениях, но недостаточно сильны, чтобы поодиночке противостоять одной сверхдержаве.

Бжезинский замечал, что «возрастающая роль Китая в мире и процесс восстановления России создают новый элемент в геополитической расстановке сил, не направленный открыто против Соединенных Штатов, как прежний китайско-советский альянс, но вызванный к жизни совпадающими региональными интересами, а также общим желанием (открыто не провозглашенным) подрезать распростертые крылья Америки»[2]. Россия и Китай отрицательно относятся к давлению Запада по вопросам их внутреннего устройства, к американской политике «продвижения демократии».

Россия является для Китая важным источником некоторых товаров, которые он либо не может приобрести где-то еще (вооружения), либо не может приобрести в необходимом количестве (нефть, лес и другие сырьевые товары). Пекин готов идти на многое, чтобы обеспечить долгосрочное и гарантированное поступление углеводородов из России, стремясь снизить свою зависимость от поставок с Ближнего Востока и из Африки, на которые приходится около 90% импорта энергоносителей. За счет наземных трубопроводов Китай надеялся снизить риски по сравнению с морскими маршрутами, которые могут перекрыть флоты недружественных держав. Китай заинтересован в приграничном сотрудничестве с Россией с целью развития своих северо-восточных территорий и поэтому все последние годы конструктивно подходит к решению пограничных проблем, вопросов миграции и двусторонней торговли.

В то же время эксперты в Пекине применительно к российско-китайскому сотрудничеству порой повторяют поговорку: «Вверху шу-

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 258–259.
[2] *Збигнев Бжезинский.* Еще один шанс. С. 148–149.

мит, внизу — тишина». Элиты достаточно хорошо взаимодействуют по вопросам современного мироустройства, но имеется разрыв между договоренностями «наверху» и реальностью двусторонних отношений. Россия на сегодня — десятый торговый партнер Китая, хотя для нас КНР — первый партнер.

Налицо реально низкая взаимодополняемость экономик, слабость сотрудничества в приоритетных для России сферах — модернизации и инновациях. Освоение территории Дальнего Востока и Сибири с китайским участием, наряду с позитивными моментами, чревато экологическими, социальными и прочими проблемами. Не удается нормализовать торговый обмен: «народная торговля» продолжается порой по тем же черным и серым схемам, что и десять-двадцать лет назад. Бурное развитие Китая приводит к загрязнению российского приграничья, реки Амур. Существует проблема усиления влияния Китая в Центральной Азии. Сегодня нет сформулированной целенаправленной политики вытеснения России из этого региона, и именно из-за учета российского фактора. Китай не может официально признать Абхазию и Южную Осетию, правильность российской политики в Крыму, для него проблемы территориальной целостности крайне болезненны.

Вместе с тем Китай занял в целом пророссийскую позицию в связи с событиями на Украине, он не скрывает удовлетворения, что Россия щелкнула по носу Соединенные Штаты. Рейтинг Путина в Китае после Крыма стремительно вырос. Китай официально будет избегать действий, которые можно было бы истолковать как критику российской позиции, а неофициально Москве обещана полная моральная и экономическая поддержка, естественно, на взаимовыгодных условиях[1]. В 2014 г. было подписано рекордное количество российско-китайских соглашений, одна только сделка на поставку газа по трубопроводу «Сила Сибири» стоимостью 400 млрд долл. чего стоит! Отправляясь в Шанхай в мае 2014 г., Путин подчеркнул, что взаимодействие двух держав стало «наилучшим за всю свою многовековую историю»[2].

Стратегический диалог ЕС–Китай начался в 1990-е гг. «Европа — основное направление для Китая при диверсификации наших валютных резервов, — заявил в 2012 г. на саммите ЕС — Китай премьер Вэнь Цзябао. — Китай искренне и твердо готов помочь Европе справиться с долговыми проблемами». А председатель Народного банка Китая Чжоу Сяо-чуань добавил: «Китай всегда будет привержен принципам владения такими активами, как суверенные долги ЕС»[3].

---

[1] Азиатская диалектика «Большой игры» // Russian View. № 2. Май–июнь 2014. С. 31–33.

[2] *Татьяна Замахина.* Сближение с Поднебесной // Российская газета. 20 мая 2014.

[3] *Михаил Оверченко.* Китаю не нравится доллар.

В апреле 2014 г. Си Цзиньпин совершил 11-дневное турне по Европе, который китайская пресса нарекла «визитом с улыбкой и уверенностью». Китайский лидер призвал ЕС к заключению договора о свободной торговле, который позволил бы запустить «двойной мотор глобального экономического роста» и довести объем торговли до 1 трлн долл. к 2020 г. 18-миллиардная сделка с Францией включала покупку 70 самолетов Airbus и контракт между автогигантами Dongfeng и Peugeot Citroen. Премьер Ли чуть раньше совершил турне по Восточной Европе, где поставил цель удвоить товарооборот с регионом за 5 лет и довести его до 150 млрд долл., а также осуществить инвестиции в крупные инфраструктурные проекты, включая строительство скоростной железной дороги между Венгрией и Сербией[1].

У Пекина накопился к Брюсселю ряд требований. Главное из них — признание рыночного характера экономики КНР, что лишило бы ЕС оснований возводить таможенные барьеры. Пекин заинтересован импортировать из Европы больше высоких технологий и покупать больше европейских активов, добивается отмены действующего с 1989 г. эмбарго на поставку европейских вооружений.

Китай интенсивно развивает отношения со странами и организациями АТР. Важнейшим направлением продвижения интеграционных процессов в Восточной Азии Китай считает АСЕАН+3, механизм АСЕАН+Китай, а также «тройку» — КНР, Южная Корея и Япония. Вместе с тем Пекин не поддерживает идею формирования зоны свободной торговли в рамках АТЭС в связи с тем, что в нем участвует Тайвань. Большое значение Китай придает своей деятельности в рамках Регионального Форума АСЕАН, но выступает против его участия в урегулировании конфликтов (опасаясь его позиции по спорным проблемам в отношениях КНР с другими странами и по Тайваню).

Пекин положительно оценивает любые сигналы японского руководства, указывающие на желание проводить более независимую от США политику. В 2010 г. приоритетной целью было объявлено достижение формата «стратегических и взаимовыгодных интересов» как шаг к «стратегическому сотрудничеству». Китай пытался убедить японцев в том, что усиление мощи КНР — не угроза, а возможность для развития. Тем не менее отношения развивались в рамках формулы «не друзья и не противники». Китай стал крупнейшим торговым партнером Японии с оборотом торговли в 340 млрд долл. в 2010 г. Страны стали использовать юань и иену в двусторонней торговле и инвестициях. Соответствующие соглашения премьер Японии Йосихико Нода и его китайский коллега Вэнь Цзябао подписали в декабре 2011 г. Япония приобретала китайские гособлигации на сумму 10 млрд[2].

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 326.
[2] *Маргарита Лютова.* Юань на весь мир // Ведомости. 28 декабря 2011.

Однако с осени 2012 г., в связи с конфликтом вокруг островов Сенкаку, напряженность в отношениях между Китаем и Японией достигла небывалой за послевоенные годы остроты. Обозреватель «Файненшл таймс» Гидеон Рахман в феврале 2013 г. сравнивал отношения в треугольнике Китай — Япония — США с положением в Европе летом 1914 г.: «Сейчас Китай, как и Германия 100 лет назад, — поднимающаяся держава, которая боится, как бы существующие великие державы не задержали ее подъем»[1]. Как замечал Ван Чжиси летом 2014 г., «к сожалению, китайско-японские двусторонние отношения находятся на самой низкой точке с момента установления дипломатических отношений в 1972 г., что подстегивается националистическими эмоциями, взаимным неуважением, плохой коммуникацией и внутренней политикой»[2].

Осенью 2014 г. на саммите АТЭС, который принимал Китай, Си возобновил диалог с японским премьером Синдзо Абэ. Как отметил Гарри Кертис из Колумбийского университета, «это положило конфликт вокруг Сенкаку туда, где ему и следует быть, — на полку»[3].

Отношения с Южной Кореей довольно тесные, высок уровень торговли, крупных политических разногласий нет, если не считать проблемы с КНДР и американское военное присутствие в РК. Китайско-северокорейские отношения, с одной стороны, развиваются в рамках сохранившихся (де-юре и де-факто) союзнических отношений, чрезвычайно важных для КНДР. Китай рассматривает самостоятельную КНДР как ключевое звено своей собственной безопасности в Северо-Восточной Азии, опасаясь чрезмерного американского влияния в потенциальной единой Корее. Вместе тем невосприимчивость северокорейского руководства к китайским попыткам подтолкнуть реформирование экономики на основе китайского опыта, стагнация КНДР заставляют Пекин сдержанно подходить к поддержке Северной Кореи. Пекин воздействует на Пхеньян в рамках закрытых межпартийных и межправительственных контактов, побуждая к разумной гибкости. Политика создания ядерного оружия, которая осуществляется без согласования с Пекином, китайскую сторону крайне раздражает, равно как и провокации Пхеньяна, связанные с испытаниями ракет. В Пекине полагают, что «полномасштабное и значимое экономическое партнерство между Северной Кореей и Китаем вряд ли может стать реальностью до того, как Северная Корея откажется от программы создания ядерного оружия»[4].

---

[1] *Gideon Rachman.* The Shadow of 1914 Falls over the Pacific Ocean // Financial Times. February 2, 2013.

[2] *Wang Jisi.* The US-China Codependency. P. 25.

[3] *Tom Mitchell, David Pilling.* Xi Turns Down Rhetoric in Conciliatory Nod to Neighbours // Financial Times. December 2, 2014.

[4] *Zhu Feng.* The Korean Peninsula after the Tian An Incident // CIR. November/December 2011. P. 70.

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли Китай — АСЕАН. Это 3-я по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и НАФТА. Полная реализация договора освободит более 7 тысяч видов товаров от таможенных пошлин, что составляет примерно 90% от их общего количества. КНР в отношении государств АСЕАН проводит тактичную политику, не вмешиваясь в их внутренние дела. Всем им КНР предоставляет более свободный вход на свой рынок и допускает дефицит в торговле с ними (что принесло рекордные прибыли предпринимателям АСЕАН). В октябре 2013 г. на саммите АТЭС на Бали Си заявил о цели увеличить товарооборот с 400 млрд долл. в 2012 г. до 1 трлн в 2020. А с Малайзией отношения были подняты на уровень «всестороннего стратегического партнерства» с намерением нарастить двустороннюю торговлю с 57 до 160 млрд к 2017 г.[1]

Впрочем, везде в ЮВА опасения от соседства с северным гигантом присутствуют. Китай не может поделить с Филиппинами одинокий риф Скарборо (китайское название — Хуанъянь), ценный только как место рыбного промысла. Весьма непросты отношения с Вьетнамом. В годы американской агрессии Пекин однозначно поддерживал ДРВ. Но когда объединенный Вьетнам стал претендовать на роль лидера комдвижения в Азии и региональной державы, Китай решил поставить его на место. КНР поддержал камбоджийский режим «красных кхмеров» в его конфликте с Ханоем, а когда вьетнамцы свергли этот режим, Пекин двинул войска во Вьетнам, где потерпел болезненное поражение.

Скандалом обернулся министерский саммит АСЕАН в 2012 г., когда впервые за 45 лет не удалось принять совместное коммюнике. Председательствовавшая в АСЕАН Камбоджа по настоянию Пекина заблокировала резолюцию по территориальным спорам в Южно-Китайском море. «Это пиррова победа, — был уверен Кишоре Мабубани. — КНР выиграла битву за коммюнике, но, возможно, потеряла капитал доверия. Лидеры Китая раньше считали, что сильная и единая АСЕАН является важной буферной зоной, способной смягчить возможное применение стратегии сдерживания со стороны США. “Девятипунктирная демаркационная линия” (линия из девяти штрихов, обрисовывающая часть Южно-Китайского моря, которую Китай считает своей) может оказаться мельничным жерновом на шее Китая»[2].

В мае 2014 г. в очередной раз обострились отношения с Ханоем, после того как китайский траулер протаранил вьетнамское рыболовецкое судно, а Китай установил буровую платформу в акватории Сиша, или Парасельских островов, которые обе страны считают своими. Позиция Пекина: он не пойдет «ни на какие уступки и компромиссы» в террито-

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 324.
[2] *Кишоре Мабубани.* Когда Китай станет первым // Ведомости. 14 августа 2012.

риальном вопросе. В то же время китайское руководство осознает, что обострение территориальных споров с соседями повышает риск изоляции или создания их единого фронта, который с удовольствием поддержит США[1]. Что уже и происходит. В августе 2014 г. председатель комитета начальников штабов Джон Дэмпси стал первым американским военным такого ранга, который посетил Вьетнам более чем за 40 лет, и речь шла о приобретении оружия США и о совместных усилиях по сдерживанию китайской мощи[2]. Впрочем, 29 октября 2014 г. китайский лидер Си Цзиньпин выступил с программным заявлением, в котором провозгласил «политику добрососедства, основанную на дружбе, искренности, взаимной выгоде и инклюзивности»[3].

Как подмечал Генри Киссинджер, «немногие азиатские страны ностальгируют по эпохе, когда они были вассалами китайских правителей… Даже те азиатские государства, которые не входят в альянсы с США, стремятся получить заверения их политического присутствия в регионе и наличия американских сил в близлежащих морях как гаранта мира, к которому они привыкли. Общий подход выразил, обращаясь к своему американскому коллеге, высокопоставленный индонезийский чиновник: "Не оставляйте нас, но не заставляйте нас выбирать"»[4].

У Китая непростые отношения с Индией. Страны в их современном виде были образованы почти одновременно после Второй мировой войны и демонстрировали взаимные симпатии, которые, правда, омрачались взаимными подозрениями, пограничными спорами и претензиями обеих стран на лидерство в «третьем мире». Китай подозревал Индию в поддержке тибетских сепаратистов, в Дели были недовольны вводом китайских войск в Тибет в 1950 г. В 1959 г., воспользовавшись антикитайским восстанием, Пекин ликвидировал автономию Тибета, и его лидер — Далай-лама XIV — бежал в Индию, где образовал правительство в изгнании. Сразу вспомнились старые пограничные споры. Неру был уверен в нерушимости установленной британцами границы их империи, Мао считал их проявлением несправедливой империалистической политики и одним из символов национального унижения[5]. В 1962 г. дело дошло до вооруженного конфликта, в котором Китай

[1] *Виталий Воробьев, Андрей Иванов.* Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря // Вестник МГИМО-университета. № 3. 2013. С. 37–44; *Андрей Кириллов, Алексей Селищев.* Никто не хотел уступать // Эхо планеты. № 25. 2014. С. 15–16.

[2] *Jane Perlez.* In China's Shadow, U.S. Pursue Closer Ties to Vietnam // International New York Times. August 18, 2014.

[3] *Tom Mitchell, David Pilling.* Xi Turns Down Rhetoric in Conciliatory Nod to Neighbours.

[4] *Генри Киссинджер.* Будущее американо-китайских отношений: Конфликт — это выбор, а не необходимость // Россия в глобальной политике. Т. 10. № 2. Март–апрель 2012. С. 94, 87.

[5] *Mohan Gurushwamy, Zorawar Daulet Singh.* India China Relations: The Border Issue and Beyond. New Delhi, 2009. P. 68–82.

взял верх, сохранив контроль над районом Аксайчин, который Индия считает территорией своего штата Джамму и Кашмир. Москва тогда не поддержала КНР, а США и Великобритания начали прямые военные поставки в Индию. В 1993 и 1996 гг. Китай и Индия подписали соглашения, по которым обязались уважать «линию фактического контроля».

В основе партнерства с Индией лежит взаимный экономический интерес, прежде всего торговля, составившая в 2008 г. 51,8 млрд долл., в 2011-м — 74 млрд, выход на 100 млрд планировался на 2015 г. В то же время обе стороны признают, что конфликтная основа не исчезла, а политически «законсервирована». В Пекине не остались незамеченными шаги Индии по сближению с США, Японией, Австралией, имевшие место после заключения Дели в октябре 2008 г. соглашения с Вашингтоном по сотрудничеству в ядерной области. Критическую реакцию Китая вызывает активизация Индией военного строительства в районе спорных территорий. Напряжение вызывает взаимное наращивание влияния в стратегическом «подворье» другой стороны (Индия — во Вьетнаме и Сингапуре, Китай — в Мьянме, Бангладеш и Шри-Ланке).

С стороны Индии — особенно на неофициальном уровне — звучит внушительный набор претензий: поддержка Пакистана, стремление стать региональным гегемоном, поддержка маоистов в Непале, подавление протестов в Тибете, желание контролировать ключевые отрасли в индийской экономике, искусственное создание профицита внешней торговли и т.д. В 2013 г. было несколько вооруженных инцидентов на китайско-индийской границе с жертвами с обеих сторон. Смягчил напряженность визит Ли Кэцяна в Дели в мае 2013 г.[1]

Для Пекина традиционно приоритетным является пакистанский вектор. В Исламабаде также относят Китай к числу ближайших партнеров, несмотря на союзнические отношения с США. В Исламабаде предпринимаются попытки более активного вовлечения Пекина в дела Южной Азии, что могло бы привести к корректировке баланса на субконтиненте не в пользу Индии. Сложилась система взаимной поддержки по продвижению в региональные организации. Так, в 2005 г. благодаря такой поддержке Китай получил статус наблюдателя в СААРК (Ассоциация стран Южной Азии), а Пакистан — в ШОС. Исламабад лоббирует прием Китая в СААРК, претендуя на получение полноправного членства в ШОС. В 2009 г. были подписаны соглашения о помощи КНР в строительстве двух пакистанских АЭС, что особенно симптоматично, учитывая отказ Соединенных Штатов предложить Пакистану сделку в ядерной сфере, аналогичную той, которую они заключили с

[1] *Андрей Иванов, Александр Лукин.* Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России // Ежегодник Института международных исследований МГИМО. 2013. Вып. 3–4 (5–6). М., 2013. С. 165–167.

Индией. Пакистанский вектор будет объективно осложнять китайско-индийские отношения.

Центральная Азия для Китая — перспективно важный, стратегический тыл, в том числе и в его конкуренции с США, источник стабильных и все возрастающих поставок углеводородов и сырья. Китай стал крупнейшим инвестором и торговым партнером стран Центральной Азии, а для некоторых из них (Киргизии и Таджикистана) еще и важнейшим экономическим донором. Строятся новые линии коммуникаций, призванные соединять транспортные артерии ЦА с китайскими. Наибольшие инвестиции Китаем в ЦА сделаны в приобретение нефтегазовых активов. Сегодня компании из КНР контролируют до 40% всей нефтегазовой сферы Казахстана. На Китай ориентированы два крупнейших транспортных проекта, реализованных в регионе в последние годы: нефтепровод Казахстан-Китай (Атырау — Алашанькоу) и газопровод Туркмения-Китай (Саман — Тепе — Алатау). Достигнуты соглашения о строительстве двух газопроводов Казахстан — Китай пропускной способностью 40 и 10 млрд куб. м в год[1].

Заполнение Китаем образующегося в результате «ухода России» вакуума представляется некоторой части элит стран региона более предпочтительным, чем усиление влияния США, Турции, ЕС, а тем более исламских фундаменталистов. Но нельзя сказать, что в Центральной Азии «смирились» с неизбежным доминированием Китая. В политических кругах государств региона весьма распространены опасения по поводу перспектив зависимости от Китая, а то и возможности включения их территорий в состав КНР. К большей независимости от Китая будет подталкивать и опыт этнически близких соседей по другую сторону границы: в Синьцзяне и Тибете.

В 2014 г. Китай заявил о новых крупных инициативах на азиатском направлении — создании Азиатского инвестиционного банка, который будет соперником Всемирного банка, и вложении 40 млрд долл. в долгосрочный инфраструктурный проект Шелкового пути, призванный теснее соединить Китай с Центральной и Южной Азией[2].

Китай негативно рассматривает военное присутствие США в Ираке и особенно в Афганистане, оценивая его не столько в контексте антитеррористической борьбы, сколько как часть американского плана по военному окружению самого Китая. В этом контексте Пекину важно политическое сотрудничество с Тегераном. Исламская республика обеспечивает около 11% потребностей КНР в импортных углеводородах —

---

[1] Марлен Ларуэль, Себастьен Пейрус. Дружба поневоле // Россия в глобальной политике. Т. 8. № 2. Март–апрель 2010. С. 105.

[2] *Jane Perlez.* Chinese President Asserts Nation's Growing Global Role // International new York Times. December 1, 2014.

на Китай приходится около 22% ее нефтяного экспорта. Кроме того, Пекин является одним из крупнейших инвесторов в нефтегазовый комплекс Ирана, куда из-за санкций не могут вкладываться крупнейшие международные энергетические компании. Китай занимает солидарную с Россией позицию по Ближнему Востоку, по ситуации в Сирии. Вместе с тем Китай поддерживает отношения и с союзниками США в регионе. В 2009 г. Китай стал крупнейшим покупателем саудовской нефти. Саудовские компании активно инвестируют в нефтеперерабатывающие и нефтехимические проекты в Китае. По словам саудовского принца Файзала, в сравнении с США, чья поддержка Израиля постоянно создает сложности в двусторонних связях, отношения с Китаем менее нагружены и легче приводят к взаимной выгоде. Примерно пятая часть китайского нефтяного импорта приходит из Саудовской Аравии.

В ноябре 2006 г. в Пекине состоялся китайско-африканский саммит с участием 48 лидеров стран континента (от приглашения традиционно отказались пять союзников Тайваня). Было объявлено о выводе отношений на уровень стратегического партнерства. КНР выдала кредитов 5 млрд долл., а 12 китайских госкомпаний заключили контракты с африканскими правительствами на 2 млрд, крупнейшие из которых — освоение нефтегазовых месторождений в Либерии, постройка железной дороги в Нигерии и строительство ГЭС в Гане. После этого многие политики и СМИ на Западе заговорили об угрозе китайской экспансии на Черный континент и утрате позиций США и ЕС.

Эти разговоры резко усилились после аналогичного форума 2009 г. в Шарм-эш-Шейхе. Вэнь Цзябао пообещал выделить Африке льготных кредитов еще на 10 млрд долл. и создать фонд с уставным капиталом в 1 млрд для кредитования средних и мелких африканских компаний. Пекин ввел нулевую пошлину на 95% товаров из беднейших стран Африки, списал долги самым безнадежным должникам, предоставил медицинское оборудование 30 госпиталям, начал строить 50 школ и осуществлять 100 проектов по производству энергии из возобновляемых источников. Была расширена программа обучения африканцев в китайских вузах.

КНР вышла на первое место по товарообороту с Черным континентом, опередив США и Францию. Если в 1995 г. объем торговли КНР с Африкой составлял 6 млрд долл. то в 2010 г. превысил 130 млрд, а по итогам 2012 г. — 200 млрд. Огромные инвестиции направляются в топливно-энергетический и горнодобывающий секторы. Инвестиционные риски покрывает специально созданный China-Africa Development Fund. В большинстве африканских стран работают постоянные торговые миссии КНР. В Пекине открыта китайско-африканская торговая палата, ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли с го-

сударствами Юга Африки. КНР создает в Африке пять свободных экономических зон.

Экономическая экспансия и стремительное укрепление позиций Китая в Африке на фоне ослабления влияния западных стран вызывает озабоченность последних, обвиняющих КНР в безразличии к нарушениям прав человека, коррупции и тоталитаризму. В июне 2011 г. Хилари Клинтон, выступая в Замбии, прямо обвинила Китай в проведении политики «нового колониализма». Многие африканские лидеры «не на публику» также высказывают опасения относительно того, что амбициозные проекты Китая могут привести к «новому экономическому закабалению африканцев». Ряд экспертов был склонен рассматривать даже операцию НАТО против Ливии как, не в последнюю очередь, антикитайскую акцию. К марту 2011 г., когда началась военная операция, в Ливии работало 75 крупных китайских компаний, которые заключили контрактов на 18 млрд долл.[1] Впрочем, среди населения континента антикитайские настроения уступают антиамериканским. По опросу PEW Research Center в Сенегале 86% населения положительно оценили роль Китая в их стране, роль США — 56%; в Кении — 91% против 74% и т.д.[2]

И Китай не ослабляет своих усилий по проникновению в Африку. Си Цзиньпин в ходе своего первого зарубежного турне через Москву направился в Танзанию, а затем на саммит БРИКС в ЮАР, а оттуда в Конго. Повсюду китайский лидер обещал «уважать достоинство и независимость африканских держав». Эти слова сопровождались обязательствами выделить льготные кредиты в размере 20 млрд долл., бесплатно обучить 30 тысяч африканских специалистов и 18 тысяч студентов в китайских вузах. Только на модернизацию портов и железных дорог ЮАР Пекин предоставит кредит в 5 млрд долл. А резервный банк ЮАР объявил о намерении держать до 3% международных резервов в юаневых активах[3]. В крупнейшей африканской стране, Нигерии, часто можно услышать, что Китай оккупирует страну. В Лагосе, где живут более 17 тысяч китайцев, огромный Чайнатаун, на въезде в который висит огромный плакат: «Да здравствует китайско-нигерийская дружба!». Рынки и магазины забиты китайскими товарами. Но основной интерес Пекина — нефть, в добычу которой в бассейне Бида он инвестировал 10 млрд долл.[4] На Черном континенте работают более тысячи китай-

---

[1] Война с Китаем // Ведомости. 8 июня 2011.

[2] *Damsiba Moyo.* Beijing, a Boon for Africa // International Herald Tribune. June 29, 2012.

[3] *Александр Кондрашин, Андрей Одинец.* Председатель КНР посетит поставщиков: Китай продолжает экспансию в Африке // Коммерсантъ. 2 апреля 2013.

[4] *Adewale Maja-Pearce.* Nigeria's China Connection // International New York Times. May 8, 2014.

ских компаний, в которых занято более миллиона граждан КНР, которые реализуют 1200 масштабных совместных проектов[1].

Приоритетную роль в системе связей КНР с Латинской Америкой имеют ее отношения с Бразилией, Мексикой, Аргентиной, Венесуэлой, а также диалоговые механизмы с интеграционными объединениями (МЕРКОСУР, Андское сообщество, группа РИО, КАРИКОМ). Пекин заключил соглашения о свободной торговле с Чили в 2005 г. и Перу в 2009-м, вступил в Межамериканский банк развития, в Межамериканскую инвестиционную корпорацию и Многосторонний фонд инвестиций. За первое десятилетие XXI в. объем товарооборота увеличился в 10 раз за счет сотрудничества в сферах добычи полезных ископаемых, транспорта, коммуникаций, производства продуктов питания и связанной с этим инфраструктуры. С бразильской компанией «Петробраз» заключен контракт на совместную разработку месторождений нефти на атлантическом шельфе (общая стоимость — 20 млрд долл. США). Совместные проекты китайских нефтяных компаний с венесуэльской ПДВСА в бассейне реки Ориноко оцениваются в 6 млрд. долл. Кроме того, китайцы приобрели акции аргентинской нефтяной компании «Бридас» на 3,2 млрд долл. Вместе с тем и здесь китайская экспансия вызывает беспокойство.

В Пекине все больше понимают необходимость экспорта идей и культурных ценностей, что непривычно из-за традиционной самодостаточности китайской цивилизации, сложного и не всегда адекватного восприятия китайских ценностей в других регионах планеты. Основными источниками китайской «мягкой силы» считают культуру и успехи китайской модели модернизации. Проводники китайской «мягкой силы» — масштабные мероприятия типа Олимпиады-2008 и ЭКСПО-2010, активно работающие сети Институтов Конфуция по всему миру, все возрастающий прием иностранных студентов, появляющиеся глобальные китайские культурные бренды, создание китайских аналогов CNN и Голливуда.

Первый в мире Институт Конфуция был открыт еще в 1994 г. в Узбекистане. По количеству таких структур в зарубежных странах Китай далеко превзошел Россию и догоняет Британский Совет — признанного мирового лидера по экспорту образовательных услуг, продвижению национального языка и культуры. Количество Институтов Конфуция в мире планируется к 2020 г. довести до тысячи. Интенсивно расширяется сеть китайских газет, журналов, радио и телеканалов, а также информационных интернет-сайтов на разных языках: француз-

[1] *Александр Чудодеев.* Китайские наследники Лоуренса Аравийского // Russian View. № 2. Май–июнь 2014. С. 34–39.

ском, английском, испанском, арабском, французском, русском, португальском. «“Синьхуа” занимает офис на Таймс-сквер, где установлен огромный экран, показывающий программы медиагруппы, которая начинала как Информационное агентство Красного Китая… В Вашингтоне китайская государственная телекомпания CCTV заняла новую штаб-квартиру, из которой намеревается соперничать с международными телеканалами, такими, как аль-Джазира»[1], — с явным неодобрением констатировал журнал «Time».

Важным уровнем присутствия Китая в глобальном информационном пространстве является стремительно развивающаяся культурная индустрия КНР, включающая шоу-бизнес, анимацию, компьютерные игры, кинематографию, телевидение, издательство, рекламу. Основными потребителями культурной продукции являются этнические китайцы, проживающие за границей. Однако растет и роль сугубо иностранной аудитории. Китайские актеры и режиссеры (Чжэки Чан, Чжэт Ли, Чжан Имоу) на протяжении многих лет работают в американском Голливуде[2]. Накануне открытия XVIII съезда КПК в 2012 г. у Китая появился еще один козырь — присуждение Нобелевской премии по литературе писателю Мо Яню.

* * *

«Китаю приходится восстанавливаться после долгих лет унижения со стороны великих держав в XX веке, японской оккупации и внутренних катастроф, вызванных опустошительной “культурной революцией” и политикой “Большого скачка”. Главная цель национального возрождения, конечно, заключается в восстановлении законного положения Китая в качестве регионального лидера в Азии, которое он занимал на протяжении 18 из 20 прошедших веков. Неудивительно, что КНР жаждет мира и стабильности внутри страны и на международной арене, чтобы наверстать упущенное и склеить осколки своей древней цивилизации, которая долгое время напоминала разбитую вазу времен династии Мин. Пекин также надеется достичь хотя бы какого-то подобия былого величия и славы. Китай поддерживает старомодную, хрестоматийную вестфальскую архитектуру сдерживающих друг друга национальных государств, которую Меттерних метко и точно сравнил с “равновесием большого канделябра”»[3], — считает Дэниел Фунг.

---

[1] *Hanna Beech.* Alien Nation: To Improve Its Image, China is Promoting Soft Power // Time. June 11, 2012. P. 14.

[2] *Евгений Евдокимов.* Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. № 1. Январь–апрель 2011. С. 74–83.

[3] *Дэниел Фунг.* Политика в стиле ретро. С. 139.

«В результате комплексной модернизации Китай вернул себе чувство цивилизационной полноценности и оптимизма»[1], — справедливо замечают российские китаисты. Трудно найти страну, с большей уверенностью смотрящую в будущее.

[1] Духовная культура Китая. Т. 4. С. 201.

Глава 10

ЯПОНИЯ

Вишни в полном цвету!
И рассвет такой, как всегда,
Там, над дальней горой.

Мацуо Басе

Япония — одна из самых оригинальных и сложных для понимания стран на планете. Хантингтон, определяя ее место в череде цивилизаций, приходил к выводу: «Наиболее значимая страна-одиночка — это Япония. Ни одна другая страна не разделяет ее самобытную культуру, а японские мигранты ни в одной стране не составляют значительной доли населения и не ассимилировались в культуры этих стран… Одиночество Японии усиливает и тот факт, что ее культура в высшей степени обособлена и не имеет потенциально универсальной религии (христианство, ислам) или идеологии (либерализм, коммунизм), которые можно было бы экспортировать в другие общества и таким образом установить культурную связь с этими обществами»[1].

Огромную роль в судьбе японской цивилизации сыграл географический фактор. Древняя легенда о сотворении Японии гласит: «Когда боги Изанаги и Изанами по радуге спускались с небес, чтобы отделить земную твердь от хляби, Изанаги ударил своим богатырским копьем по зыбко колыхавшейся внизу пучине. И тогда с его копья скатилась вереница капель, образовав изогнутую цепь островов». Страна занимает острова Японского архипелага, протянувшиеся примерно на 3400 км вдоль восточного побережья Евразии. Территория Японии — 372,3 тыс. кв. км — состоит из четырех главных островов (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку) и около 3900 небольших и совсем крошечных.

«Путь гор» — таково одно из толкований древнего имени страны — Ямато. Шестнадцать горных вершин поднимаются выше чем на 3 тысячи метров. Из 150 вершин около сорока — действующие вулканы. Отсюда — повышенная сейсмичность Японии, особенно самого крупного острова — Хонсю. Ежегодно фиксируются около полутора тысяч землетрясений. Если же эпицентр землетрясения находится в море, возникают цунами. Нередки циклоны и тайфуны. Стихийные бедствия — одна из главных причин врожденной стойкости к превратностям судьбы.

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 206.

Историческое развитие островов, до недавнего времени представлявшихся краем света, на протяжении многих веков отставало от развития континента. «Любой элемент цивилизации достигал ее с опозданием, причем большая или меньшая степень этого опоздания точно соответствовала историческим обстоятельствам и географической удаленности от китайских, сибирских, индийских центров или центров Юго-Восточной Азии. Таким образом, японская хронология всегда представляется маргинальной, сдвинутой на один временной порядок от континентальной хронологии»[1], — пишут в классическом исследовании французские востоковеды Вадим и Даниэль Елисеевы.

Ямато и Ниппон

Происхождение Японии — одна из неясных страниц мировой истории. Она как бы возникла из небытия уже сложившимся государством . Но непрерывность событий и времени в собственной стране — своеобразная навязчивая идея японского исторического сознания.

Японские острова заселены, по меньшей мере, на протяжении 30 тысяч лет. Если отталкиваться от археологии, то в доисторической истории Японии можно выделить четыре периода:

- Палеолитический докерамический, который закончился за тысячу лет до нашей эры.
- Эпоха Дземон (XI–III вв. до н.э.), названная так по своеобразному «веревочному» орнаменту, украшавшему простую глиняную посуду. Этот период нельзя обозначить даже как неолит: люди практически не использовали камень, не занимались ни сельским хозяйством, ни скотоводством, если не считать выращивания собак для охоты.
- Эпоха Яей (II в. до н.э. — III в. н.э.). Самое важное достижение этого времени — заимствование из Китая и Кореи технологии выращивания риса и других зерновых культур, что дало толчок развитию металлургии и военного дела. Появились бронза и железо. К началу нашей эры на островах насчитывалось около 600 тыс. жителей. В это время в Японии возникает государственная власть — сначала в виде совета старейшин, а затем как государство Ямато.
- Эпоха Кофун, продолжавшаяся с IV по VI в. н.э. «Кофун» — «погребальный курган»; отдельные из них (в форме замочной скважины, в которых хоронили государей Ямато) настолько велики, что соперничают с египетскими пирамидами.

[1] *Вадим Елисеефф, Даниель Елисеефф.* Японская цивилизация. Екатеринбург; М., 2008. С. 28.

Наиболее ранние сведения о Японии дают корейские и китайские династические хроники и истории, написанные в первые века нашей эры. Собственно японские письменные источники появились в виде полумифических хроник только в VIII в.: «Кодзики» («Заметки о событиях прошлого») и «Нихонсеки» («Анналы Японии»).

В них история Японии выглядит иначе. В «Нихонсеки» — самом историческом из мифологических источников — даже сотворение мира и человека происходит в Японии. Прародительницей всех японцев — и только их — является лучезарная богиня солнца Аматэрасу. Своему внуку Ивару она передала три волшебных предмета — металлическое зеркало, меч и ожерелье из яшмы — как символы власти. В VII в. до н.э. произошло переселение людей племен тэнсон и идзумо во главе с Иваро с острова Кюсю на остров Хонсю. Там он построил для символов власти святилище и объявил себя наследником богов. Созданное им государство на равнине Ямато у горы Мива и стало центром становления народа Японии. Начиная с Иваро, который был назван «Дзимму-тэнно» («Божественный», или «Небесный» царь, воин), власть в роду правителя Ямато переходила по наследству. Во главе Ямато стоял «великий принц», окими.

Вожди Ямато были удачливыми, храбрыми воинами. В первые века нашей эры они подчинили себе племена кумасо на острове Кюсю и эбису — на Хоккайдо. Японцы жили родовыми общинами, объединяемыми поклонением общему родовому божеству. Во главе патриархального рода (удзи) стоял старейшина, который подчинялся окими и был одновременно судьей и главным жрецом. Существовала общая собственность на землю и орудия труда. Ямато представляло собой, по сути, объединение родоплеменных союзов, где власть принадлежала влиятельным кланам. Императорский род был сильнейшим во многом благодаря представлениям о его сакральности, хотя реальной властью мог обладать и другой могущественный род. Подобное положение станет одной из отличительных особенностей Японии.

Каждый новый правитель переносил столицу на новое место. Это было связано с тем, что принц-наследник жил в собственной ставке, которая и становилась столицей после смерти царя. Летописи называют и другие причины перемещений столицы: например, своды синто предписывали «избегать позора смерти» и накладывали табу на дом, где находился покойник (табу будет стерто буддизмом). Столицу могли перенести еще при жизни правящего императора, если ему необходимо было от кого-нибудь скрыться. Или если на этом настаивали гадальщики.

В VI–VII вв. клановое общество обретает черты полноценной государственности. Одной из важнейших причин этого стала встреча с Китаем. Мощь цивилизации, существовавшей уже не одно тысячелетие

к тому моменту, как Япония появлялась на историческом горизонте, наблюдали посольства, отправляемые к китайскому двору династии Суй регентом при императрице Суйко принцем Сетоку Тайси. В каждую делегацию входили «ученики», некоторые из них подолгу жили за границей. Началось проникновение из Кореи и Китая буддизма и конфуцианства, письменности, оттуда приходили высокое ремесленное производство, шелководство, чайная культура, новые формы орошения. Японцы, посещавшие Китай, не только восхищались роскошью Суйского и затем и Танского двора, но и выражали тревогу по поводу его военной мощи. Китайские достижения, рассказы «учеников» о единой могущественной империи, системе ее государственных институтов подвигли страну Ямато к радикальным реформам, продолжавшиеся весь VII в.: сначала по инициативе принца Сетоку Тайси, затем — клана Сога, императоров Тэндзи и Тэмму, который и приказал составить «Нихонсеки».

Принц Сетоку Тайси в 603 г. установил 12 служебных рангов вместо прежней наследственной системы замещения должностей; ввел «кодекс (конституцию) 17 статей», провозглашавший верховную власть царей Ямато в едином государстве. Были заложены основы государственной структуры рицуре, по сути воспроизводившей китайские порядки. «Конституция, построенная на моральных принципах, если ее подвергнуть филологической экспертизе, содержит реминисценции из самых разных китайских текстов: из «Классической поэзии» и «Классической истории», из «Рассуждений и бесед» Конфуция, из «Историчеких записок» Сыма Цяна, из поэтической антологии «Вэн-Сюань»; одновременно в ней можно найти влияние многих философских школ: конфуцианства, легизма, даосизма и даже мысли Мо Цзы»[1]. Императорский двор активно поддержал распространение буддизма, который в 594 г. стал государственной религией, тогда же началось строительство храмов Ситэнодзи и Хорюдзи, которые положили начало японской архитектуре в китайском стиле. Были введены в обращение иероглифы, а китайский язык, адаптированный к местной фонетике, стал официальным (первыми его преподавателями были корейцы). Гипотезы о существовании исконной письменности у японцев до культурного взаимодействия с Китаем научных подтверждений не получили.

Важнейшим событием японской истории стал так называемый переворот Тайка («великая перемена»), осуществленный принцем Наканоэ. В шестом месяце 645 г. он пригласил наиболее опасных соперников из ведущих кланов — в том числе клана Сога — на пир и перебил их, когда они опьянели. В первый день следующего года глава клана Ямато объявил о проведении эпохальных реформ по китайским

[1] Там же. С. 46.

лекалам[1]. Реформы Тайка продолжались около 50 лет и завершились принятием кодекса законов «Тайхо рицуре» 702 г., которые в основных чертах определил жизненный уклад японцев на последующие 500 с лишним лет. Верховный правитель Ямато был возведен в ранг императора («тэнно» — дословно «сын неба»), чем утверждалась теория его божественного происхождения.

С целью максимальной централизации государственной власти в руках двора вся страна по китайской (танской) модели была разделена на округа («до»), провинции («коку»), уезды («гун»), поселения («ри»), управлявшиеся начальниками, которых назначало правительство. Чтобы умиротворить бывших родовых старейшин и племенных вождей, им предоставили важные должности и высокие ранги в придворной администрации.

Реформы Тайка-Тайхо упразднили прежнюю систему землевладения, по которой родовая знать обладала автономной властью над землей и живущими на ней людьми. Вся земля была объявлена государственной собственностью, а общинники — подданными трона. Земля была распределена между крестьянами по числу едоков. За это они должны были платить императору налог с урожая и продуктами (шелк, ткани), выполнять повинности, включая и воинскую.

Правители Японии хотели не просто подражать Китаю, заимствуя все, что возможно, они уже не желали им ни в чем не уступать. Переименование правителя из окими в тэнно обозначало, помимо прочего, стремление к равенству с Китаем. В это же время страна получила название «Нихон» или «Ниппон» — «Страна восходящего солнца». Почему не Ямато? Одно из значений иероглифа, которым записывалось это название, звучало как «карлики, лилипуты», а другое — «далекий», «окраинный». Это не нравилось амбициозной правящей элите Японии, которая быстрыми темпами наверстывала отставание от великого соседа. В принятой тогда на Дальнем Востоке международной практике переименование было равнозначно провозглашению своей независимости от Китая. Япония заявляла о себе как о самостоятельном игроке. Новое название и флаг Японии — красный шар солнца на белом полотнище — имеют прямое отношение к солярной символике государственной идеологии. А откуда взялось название «Япония»? К нам оно пришло из европейских языков в XVII в. Острова, лежавшие к востоку от восточного края земли, в Китае называли «жи-бэнь-го» (солнце–корень–страна). Иероглифы «жи-бэнь» на диалектах Южного Китая произносятся как «я-пон»[2].

---

[1] *Джеймс Л. Мак-Лейн.* Япония: От сегуната Токугавы — в XXI век. М., 2011. С. 39.

[2] Всемирная история: В 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 309.

«Кочующая» резиденция правителя отходила в прошлое. Первый столичный город был назван «Фудзивара». В 710 г. столица надолго обосновалась в Хэйдзе (Нара). Архитектурный план Нара представлял собой чисто китайское заимствование: квадрат, рассеченный широкими прямыми бульварами. В новую столицу в разобранном виде были перевезены дома знати и дворцы, переехала администрация, стража, слуги и ремесленники, началось грандиозное храмовое строительство. Население Хэйцзе достигало в период расцвета 150 тыс. человек. В эпоху Нара началась массовая чеканка монет. После 741 г. официальной религией стал буддизм, и буддистские храмы, рассматривавшиеся не только как святилища, но и как символы философии централизованного правления по китайскому образцу, стали строиться в каждой провинции[1].

В 794 г. перемещения столиц прекратилось после того, как резиденция императора была перенесена в Хэйан («столицу мира и спокойствия»), отстроенный также по китайскому образцу. Если в эпоху Нара власть императора была неоспоримой и государство строилось по китайским лекалам, то в эпоху Хэйан (794–1185) стала вновь проступать японская специфика. Как выяснялось, тэнно более царствовал, нежели реально управлял страной. Почему? Вот объяснение Леонида Васильева: «Конфуцианской элиты чиновников-администраторов по китайскому образцу вокруг него не сложилось, как и не возникла и система регулярного их воспроизводства с конкурсными экзаменами в качестве ее базы. Это было первое принципиальное отличие японской модели от китайской, корейской и вьетнамской»[2].

Вакуум власти был заполнен… влиятельным аристократическим домом Фудзивара. Его представители неизменно оказывались регентами при несовершеннолетних императорах и канцлерами — при взрослых, а сами императоры брали жен из этого же клана, что неизбежно делало Фудзивара их старшими родственниками. Император Сирикава положил начало еще одной традиции: в 1086 г. он отрекся от престола в пользу своего сына Хорикава и принял монашеский буддийский постриг. При этом Сирикава сохранил политическую власть и реально управлял страной. Возникли две политические подсистемы: регенты-канцлеры (сэйкан-сэйдзи), пост которых занимали несколько семей Фудзивара, несмотря на формальное отсутствие такой должности в сводах законов (в X в. один из кланов этой семьи присвоил монопольное право занимать должность регента), и удалившиеся в монастырь императоры (инь-сэй), получавшие возможность сохранять независимость позиции, неприемлемой при строгом соблюдении церемоний

[1] Япония от А до Я. М., 2012. С. 331–332.
[2] *Леонид Васильев.* История Востока. М., 2011.Т. 1. С. 637.

царствующим монархом[1]. Реальная и формальная власть, как видим, в Японии далеко не всегда совпадали.

В период Хэйан официальные контакты с материком были прекращены: последнее посольство в танский Китай было направлено в 838 г., хотя накопленный объем заимствований, включая книги, был огромным. В IX в. на основе китайских иероглифов были созданы фонетические азбуки катакана и хирагана, которые применялись для дневников, художественных произведений. Официальные тексты по-прежнему записывались иероглифами по-китайски.

В Хэйан жестокость и воинственность не только не приветствовались, но считались недопустимыми. Отошли на второй план искусство верховой езды и владения мечом. Столица превратилась в замкнутый огороженный мир с одними воротами в нескольких километрах от центра. Наградой за стабильность стала демилитаризация элит. Но не вдали от столицы. Там распространялась система крупных частных вотчин (сеэн), владельцы которых не всегда были настроены миролюбиво.

Независимо от двора начали формироваться многочисленные группы воинов буси (бусидан). Во главе крупных объединений бусидан, как правило, стояли аристократы: принцы — родственники императора — Фудзивара, Минамото, Тайра. Низшая часть сословия буси состояла из мелкого военного дворянства — самураев — воинов на службе у князей. Самурай должен был беспрекословно отдать жизнь за своего сюзерена, а за малейшее нарушение совершить самоубийство — вспороть себе живот, предварительно написав предсмертное стихотворение. Кодекс чести самурая «Бусидо» считался — и во многом до сих пор считается — образцом достойного служения.

Классическое изложение этого кодекса, вышедшее из-под пера Дайдодзи Юдзана в XVII в., начиналось со слов: «Тот, кто является самураем, прежде всего, должен держать в уме — днем и ночью, с утра, когда он берет свои палочки, чтобы съесть новогодний завтрак, и до ночи старого года, когда он оплачивает все годовые расходы, — тот факт, что ему предстоит умереть. Это — главное его занятие. Если он будет всегда помнить об этом, то сумеет прожить жизнь в соответствии с Путями преданности и сыновней почтительности, избежит множества зол и несчастий, освободится от болезней и бед и насладится долгой жизнью». Главным для сердца самурая Юдзан считал «преданность, долг и храбрость»[2].

«Вечное противостояние элит между кугэ, знатью императорского двора, и буси, воинами — одна из оригинальных черт японской цивилизации. Обозначившись в XII в., это противостояние продлилось вплоть до эпохи Мейдзи»[3], — пишет французский японист Мишель Вие.

---

[1] Всемирная история: В 6 т. Т. 2. С. 316–318.
[2] *Дайдодзи Юдзан.* Кодекс Бусидо. М., 2008. С. 13–14.
[3] *Мишель Вие.* История Японии с древних времен до эпохи Мейдзи. М., 2009. С. 38.

Генетический код

На становление японской цивилизации Китай оказывал огромное влияние. «Китайская цивилизация преобладала на японских островах в течение многих веков, — утверждал Фернан Бродель. — Причем ее расцвет сопровождался такими деформациями, что зачастую она становилась неузнаваемой (пример тому буддизм, который в форме учения Дзэн стал идеологией «кровавых самураев», начиная с XII в.). В других случаях, напротив, китайская цивилизация в Японии сохраняла свои архаичные формы, уже преданные забвению в самом Китае (например, китайская музыка, утраченная в Китае, сохранилась в Японии). В целом можно утверждать, что китайская цивилизация в Японии трансформировалась под влиянием местного населения, общественного уклада, традиций, которые отличались от китайской модели. Это оказалось тем легче сделать, что китайская цивилизация проникала в Японию зачастую в «корейской модели», которая не всегда полностью соответствовала оригиналу. Первая японо-китайская цивилизация являлась золотым веком древней Японии. В процессе длительного окультуривания все становилось объектом перемен: китайская классика, каллиграфия, живопись, архитектура, государственные институты, право (эпохи Тан)»[1].

Вместе с тем государственное устройство Китая и Японии заметно отличалось. В китайской традиции с глубокой древности господствовало представление о «Небесном мандате» (тянь мин) на управление Поднебесной, который дается конкретному правителю и династии в целом самим Небом. В Японии подобная доктрина прижиться не могла из-за совершенно иного отношения к персоне императора: согласно синто, император является прямым потомком богини Аматэрасу, т.е. живым божеством. Джеймс Джордж Фрэзер так описывал природу власти микадо: «Он есть воплощение богини солнца, правящей над всей вселенной, включая богов и людей. Один раз в год все боги делают ему визит и проводят месяц при его дворе. В течение этого месяца, который называется обязательным, никто не посещает храмы, потому что все пребывают в убеждении, что они пусты. Микадо получает от народа и использует в официальных воззваниях титул «воплощенного божества», он претендует управлять всеми богами Японии». А вот из другого источника: «Постыдным унижением считается для него даже простое прикосновение к земле. Даже солнцу и луне не дозволено сиять над его головой. С тела его никогда не срезают ни волосы, ни бороду, ни ногти. Пища каждый раз подается ему исключительно в но-

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 285.

вой посуде»[1]. Ни о какой смене династии даже речи быть не могло. По представлениям японцев, со времен Дзимму-тэнно непрерывно правит одна и та же династия.

Подобное отношение к императорской власти в сочетании с военно-феодальными порядками предопределило существование на протяжении многих веков системы правления, именуемой *сегунатом*: диктатуры сильнейшего в военном, политическом и экономическом отношении клана. Его глава носил титул сегун («полководец», «военачальник»; полное название титула звучит как сэйи-тайсегун — великий полководец и покоритель варваров) и обладал практически абсолютной властью в стране. При этом сегуны, изолировав императоров от вопросов управления страной и оставив им право «общаться с богами», никогда не покушались на свержение правящей династии и провозглашение новой, как это неоднократно бывало в Китае. Сегунские династии существовали параллельно с императорской[2].

В Японии, в отличие от Китая, развилась сильная военная традиция. Почему? В Китае воины никогда не выделялись в отдельное сословие, занятие военным делом не считалось престижным. Настоящий воин должен одерживать победы, не воюя. Воинские заслуги не шли ни в какое сравнение с успехами в сфере государственного управления или в литературе. В Японии же, напротив, воинская доблесть была превыше всего.

Можно предположить, что здесь сыграл свою роль буддизм в его специфической японской форме дзэн-буддизма, сыгравший существенную роль в воспитании поколений самураев, проходивших выучку в дзэнских монастырях с их суровой дисциплиной и повиновением наставнику. Но почему буддизм, миролюбивый по своей сути, стал воинственным именно в Японии? Видимо, решающую роль сыграли условия развития Японии, острое соперничество знати за ограниченные ресурсы, контроль над территориями и людьми при недостаточно сильной и эффективной власти центра. Это способствовало выходу на передний план принципа силы. Навыки воинской доблести веками оттачивались, достигнув совершенства в кодексе бусидо.

В Японию, так же как в Корею и Вьетнам, проникли из Китая конфуцианство, буддизм и даосизм, но в состав «триады учений» даосизм включен не был, его место занимает исконная японская религия — синто (дословно «путь богов») — культ природы и предков. Синто утверждает, что все в мире одушевлено, а значит, наделено святостью: и гора, и радуга, и лотос и т.п. Аматэрасу — богиня Солнца — является главой

---

[1] *Джеймс Джордж Фрэзер.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2006. С. 183, 184.

[2] Введение в востоковедение / Под ред. Е.И. Зеленева, В.Б. Касевича. СПб., 2011. С. 402.

этих восьми миллионов божеств. Синто — обожествление природы, рожденное восхищением ею. Японцы поклонялись предметам и явлениям окружающего мира не из страха перед грозными силами природы, а из чувства благодарности к ней за щедрость, многоликую красоту. Синто не требует от верующего ежедневных молитв, достаточно присутствия на храмовых праздниках и приношений за исполнение обрядов. В быту исповедующие синто проявляют свою религиозность обеспечением чистоты. Грязь ассоциируется со злом, а очищение служит основой всех обрядов.

Становление синто в качестве национальной и государственной религии японцев относится к VII–VIII вв., и основными каноническими текстами стали упоминавшиеся «Кодзики» и «Нихонги». Создание культа особо почитаемых божеств происходило во взаимодействии и при сильном влиянии буддизма. Согласно преданию, правитель Кореи Пэкче прислал в Ямато в 552 г. отлитую из золота статую Будды в сопровождении буддийских монахов. Первым с новой религией познакомился царь Ямато Сетоку-тайси, который стал его приверженцем и начал насаждать его в своей стране.

Две столь несхожие религии (языческий культ обожествления природы и вероучение с глубокой философией) мирно ужились в японской цивилизации и продолжают сосуществовать. «Поскольку синтоистские ритуалы акцентировались в основном на обращении к ками за помощью именно в земном существовании, а буддизм занимался судьбой души после смерти тела, человек мог практиковать оба эти вероучения… — подчеркивал американский японист Джеймс Мак-Клейн. — На протяжении столетий, последовавших за появлением в Японии буддизма, ками в глазах как религиозных авторитетов, так и простых верующих превратились в воплощения будд и бодхисаттв. Таким образом Аматэрасу... стала отождествляться с космическим Буддой, Дайничи, санскритское имя которого — Махаваирокана — означало “Велкое Солнце”»[1]. На территории синтоистских святилищ стали строиться буддийские пагоды, появлялись изображения будд и бодхисатв. Считалось, что боги синто надежнее всего защитят Будду от злых духов. Третьим компонентом японской «триады учений» стало конфуцианство. В период Токугава оно ляжет в основу воспитания и образования.

Произошло своеобразное «разделение» в триаде: церемонии синто сопровождают радостные события в жизни человека (рождение ребенка, свадьбы). Синто освящает и общинные празднества, связанные с явлениями природы, а также начало важного дела — сев, жатва, закладка здания, спуск на воду судна. Синтоизм объяснял и происхождение японского народа, его прошлое и связь с божествами. Конфуцианство

[1] *Джеймс Л. Мак-Лейн.* Япония. От сегуната Токугавы — в XXI век. С. 67.

регулировало повседневную жизнь, т.е. настоящее. А буддизм объяснял, что может произойти с человеком после его кончины — погребальные обряды, поминание предков всегда находились в ведении буддийских монахов. Опросы населения в Японии дают неожиданные на первый взгляд результаты: верующих почти в два раза больше общего числа населения. Это объясняется тем, что почти все японцы считаются приверженцами синто, воспринимая его как образ существования японца, но одновременно могут причислять себя к адептам и другой религии[1].

При этом порой веру им заменяет эстетика, поклонение прекрасному, культ красоты. Именно эстетические нормы во многом определяют жизненную философию японской цивилизации. Существуют определения японской культуры как «фольклора четырех времен года» или «цивилизации сосновой иглы» (умение наслаждаться красотой сосновой хвоинки, не пытаясь охватить взором целое дерево). Характерная черта японской культуры — природоподражательность, она строится по образу природы.

Японцы — коллективисты, и традиция эта корнями уходит в глубь веков. Связана она, скорее всего, с традициями рисоводства, которое эффективно лишь при участии не менее двух десятков человек. Горный ландшафт вынуждал селиться отдельными, небольшими, прижатыми к подножию деревнями. Знать старалась не допускать ухода крестьян в чужие владения. В Японии вплоть до XIX в. старались даже не возводить мосты через реки, чтобы затруднить сообщение. Все это и определило стиль жизни нации: из года в год, в одном и том же месте, дверь в дверь с одними и теми же соседями, подчиняя свои интересы коллективу.

На протяжении веков основной социальной единицей считалась патриархальная семья. Родовая единица «иэ» («дом») предполагала близость людей по крови в сочетании с заветами предков. Реестры, в которые сельские и городские управы заносили все важные события — рождения, смерти, бракосочетания, заслуги и проступки членов «иэ», определяли знатность, положение в обществе той или иной семьи. Эти «семейные книги» на протяжении веков выступали действенным средством управления поведением: считалось позором, если в книгу попадали факты, порочащие семью. Главой семьи являлся мужчина (отец, муж, старший сын), которому принадлежала вся собственность рода. Важны были не столько узы супружества, сколько отношения между родителями и детьми. Мужчине наследовала не жена, а старший сын. К нему переходило право на собственность и вся полнота власти над

[1] Введение в востоковедение. СПб., 2011. С. 399.

домочадцами. Остальные сыновья — с согласия и с помощью старшего — искали занятия на стороне.

Из-за того, что японские аристократы могли вступать в брак несколько раз и усыновлять детей (нравы были намного свободнее, чем в Китае), возникла родственная система, поражающая невероятной сложностью. Разница в возрасте между супругами или сводными братьями могла составлять несколько десятков лет, свободно заключались браки между тетей и племянником, дядей и племянницей; старший брат мог усыновить младшего, а передача ребенка другим родителям не вызывала удивления. Но, несмотря на ощущение хаоса, именно «семейственность» и преобладала. Проблемы незаконного рождения не существовало: усыновление позволяло скрыть происхождение ребенка, а число наследников укрепляло статус.

Сегунаты

В истории Японии выделяют три периода правления сегунов: сегунат Минамото со столицей в Камакура (1192–1333), сегунат Асикага с центром в Муромати (1338–1598) и сегунат Токугава — в Эдо (1603–1867). Эпоху сегунатов часто сравнивают с западным средневековьем.

Минамото Еритомо первым получил в 1192 г. от императора титул сэйи тайсегун. Он отказался признать своей резиденцией Хэйан, который уже начали называть Киото, и выбрал штаб-квартирой город Камакура. Его власть признавалась законной императором, но распространялась только на часть Японии. Такая власть получила название бакуфу (военное правительство).

В ставке-бакуфу была перенята характерная для императорского двора система: сегун, обычно назначавшийся на эту должность в детском возрасте и отстраняемый от своих обязанностей к 25–30 годам, исполнял в основном церемониальные функции, поддерживая связи с императорским дворцом и принимая вассальные присяги, тогда как реальная власть принадлежала регентам — сиккэнам. Регентами в Камакура стали Ходзе, которые до 1333 г. контролировали сегунов так же, как Фудзивара контролировали императоров. В Японии установилась двойная система государственного управления, сохранившаяся вплоть до 1867 г. Император и существовавшие уже несколько столетий государственные структуры рицуре сохраняли свое значение. Но наряду с ними сегун и бакуфу — ставка военного правительства — заняли ключевое место в государственной системе.

Японской элите понадобилась сплоченность для отражения — впервые в своей истории — внешнего вторжения. Монголы захватили север Китая, создав империю Юань, подчинили ближайшего соседа

Японии — Коре. В 1274 г. флот Хубилая из 900 судов захватил острова Цусима и Ики и направился к Кюсю. Японию спас тайфун, получивший название божественный ветер (камикадзе). Второе нападение в 1279 г. велось силами уже 4400 боевых кораблей, которым противостоял небольшой японский флот. И вновь вовремя подоспел шторм[1].

Япония начала создавать свой флот, что имело одним из следствий… распространение пиратства. С конца XIII в. главным связующим звеном между Японией и внешним миром стали именно пираты — вако. Они грабили торговые корабли Кореи и Китая, а добычу продавали японской элите, которая закрывала глаза на пиратство. Деятельность пиратов достигла кульминации в середине XVI в., но тут в конкурентную борьбу с ними вступили португальцы.

В начале 1330-х гг. император Годайго из младшей линии тэнно, мечтавший свергнуть бакуфу, сформировал коалицию с самурайскими семьями, недовольными Ходзе, против сегуна. Камакура был разграблен и сожжен, и Киото вновь стал резиденцией правительства. В 1336 г. Асикага Такаудзи, командовавший войсками бакуфу, сверг Годайго и привел к власти старшую линию тэнно, а его самого сослал на юг — в Есино, где экс-император создал свой новый двор, хотя и менее роскошный. С этого момента начался полувековой период сосуществования и борьбы северного и южного дворов. В 1338 г. Такаудзи получил от северного императора Коме титул сэйи тайсегуна. Таким образом появился сегунат Асикага.

Двор Есино просуществовал до 1392 г. и был захвачен Асикагой II — наследником Такаудзи. В отличие от сегуната Минамото, для эпохи Асикага не была характерна система сиккэн, власть принадлежала самим сегунам. Вместе с тем, власть и сегунов Асикага тоже не была всеобъемлющей, так как в ходе войн они раздали своим сторонникам крупные владения, и большая часть провинций оказалась под контролем усилившихся самурайских кланов. Третий сегун Асикага Есимицу, пользуясь соперничеством провинциальных родов, вновь поставил под контроль бакуфу практически всю страну. Он восстановил политические и торговые отношения с Китаем и даже получил от императора Чжу Ди титул вана, что означало признание вассальной зависимости. Но его сын Есинори был убит приближенными в 1441 г., и страна распалась на владения более десятка могущественных родов. Последовала «эпоха воюющих провинций» (1467–1573 гг.), когда сохранялась номинальная власть Асикага, но фактически центрального правительства не существовало. Власть на местах принадлежала главам могущественных кланов — дайме, превратившихся в территориальных князей. С конца XV в. дайме впервые стали строить укрепленные замки, создавать для

[1] Всемирная история: В 6 т. Т. 2. С. 604–606.

своих владений региональные своды законов. Дайме стали главными держателями земли, младшие ветви их раздробленных родов согласились на прямую вассальную зависимость.

Киото сохранял статус столицы, теперь ничто не нарушало спокойствия императорской династии. Но там так и не сформировался чиновничье-бюрократический аппарат, рекрутируемый по китайской модели. В системе же сегуната функции чиновников исполняли в основном самураи с характерным для них кодексом: верность долгу, чести, преданность господину, почтение к старшему, культ добропорядочности, готовность отдать жизнь во имя соблюдения принятых норм поведения. И именно буси стали создателями нового общества. Елисеевы подчеркивают: «Воины — буси, которые удерживали власть с XIII по XIX в., были не отъявленными милитаристами… а правителями, роль которых в организации такой гражданской деятельности, как образование и торговля, была выдающейся; будучи убежденными сторонниками конфуцианской этики, буси были очень образованными людьми, авторами политических и экономических сочинений»[1].

В XVI в. в Японии появились европейцы (в 1542 г. — португальцы, затем — испанцы), которые вели главным образом посредническую торговлю товарами из стран Азии. Европейские миссионеры также начали распространять христианство. Но японцы его не поняли и не приняли. В сборнике преданий можно было прочесть, как в XVI в. «торговое судно южных варваров прибыло к нашим берегам. С борта корабля спустилось непонятное существо, напоминающее по форме человека, но больше похожее на длинноносого гоблина. При ближайшем рассмотрении было выяснено, что это создание именовалось “Падре”. Особое внимание привлекал длинный нос, похожий на ракушку. Голова была маленькой, на руках и ногах длинные когти, а зубы длиннее лошадиных. Его речь была совершенно непонятной, голос походил на крик совы. Все пришли посмотреть на него, выстраиваясь толпами вдоль дорог»[2].

Идея единого Бога была несовместима с почитанием миллионов божеств синто. Миссионеры покушались на святая святых — «японскую душу». Кроме того, их проповеди резко контрастировали с беспутным поведением западных моряков и торговцев в портах Японии и с небескорыстием самих священников. В 1567 г. лоцман испанского корабля «Сан Фелипе» хвастался в японском порту увеличением владений Испании и открыл секрет успеха: «Сначала пришли миссионеры, а потом — солдаты короля». Об этом разговоре сообщили сегуну Хидэеси. Тотчас же 120 миссионерам было приказано немедленно по-

[1] *Вадим Елисеефф, Даниель Елисеефф.* Японская цивилизация. С. 12.

[2] *George Elison.* Deus Destroyed: The Image of Christianity in Early Modern Japan. Cambridge (Mass.), 1988. P. 321.

кинуть Японию, а 26 христиан было казнено. Это событие известно как «Распятие на кресте двадцати шести».

Междоусобия закончились в конце XVI столетия победой дома Токугава после выигранной им в 1598 г. битвы при Сэкигахара, где треть буси уже пользовалась мушкетами. В эпоху Токугава земельные владения сегуна составляли около 1/4 территории страны, остальная часть находилась во владении его вассалов — дайме. Правительство — бакуфу — находилось в Эдо, император оставался в Киото. Тэнно был попрежнему отлучен от реальной политической власти, но был необходим бакуфу для легитимации его власти.

Основатель династии сегунов Иеясу Токугава издал свод «100 законов Иеясу». Закреплялось сложившееся деление японского общества на четыре сословия: воины, земледельцы, ремесленники и торговцы. Носить фамилии (а значит, и родовые гербы на кимоно) могли лишь воины. Торговцы как самое низкое из сословий оказались даже без имен: к ним было предписано обращаться по названию их дела. Одежда человека, пища, размеры дома, даже игрушки, в которые могли играть его дети, — все это определялось унаследованным социальным положением. Сто законов завершались строкой: «Избегай излюбленных удовольствий, обращайся к неприятным обязанностям» (она до сих пор живет в Японии как поговорка). Не потому ли счастье в понимании японцев — лишь приятный момент отдыха, но никак не цель жизни.

Основной задачей сегуната эпохи Эдо было поддержание господства над вассалами-дайме. Роды Тосокабэ и Тойотоми были полностью уничтожены. С 1615 г. бакуфу разрабатывал Общие правила (сехатто), которые применялись ко всей Японии — к императору, членам двора, дайме и др. Большинство дайме получили распоряжение «сменить страну». Прибыв на новое место, дайме должен был с помощью верных вассалов, также лишавшихся корней, создать новую администрацию. В 1635 г. была введена уникальная система: дайме были обязаны один год находиться в Эдо, другой — в своем княжестве, но при этом оставляли в Эдо своих жен и детей в качестве заложников. Эта мера истощала княжества, так как поездки и содержание семей в Эдо поглощали значительную часть доходов князей. Но исключала нелояльность. Столица сегунов стала местом смешения и консолидации новой японской аристократии, что и обеспечивало мир. Эдо превратился в крупнейший город мира с населением в 1 млн человек (два Парижа времен Людовика XV), половину из которых составляли воины, их семьи и слуги. Осака — 500 тыс. жителей — становилась основным центром торговли и финансов. Киото, численность населения которого приближалась к 400 тыс., оставался производителем предметов роскоши для императорского двора и аристократии. Если бакуфу обладал монополией на чеканку монет, то хозяева княжеств

имели право на выпуск бумажных денег, курс которых они сами же и устанавливали.

Мир способствовал созданию нового чиновничьего слоя из бывшей военной элиты. Дайме занимали административные посты в правительстве букуфу и неоднократно меняли княжества в течение карьеры. Самураи-буси, занятые теперь на гражданской службе, получали посты в администрации в зависимости от годового дохода — т.е., на самом деле, от происхождения. Растущая сложность управления увеличивала спрос на талант. Дети буси обязаны были посещать школы, где поощряли лучших учеников, открывая каналы социальной мобильности. Результатом стала растущая демилитаризация сознания самураев-буси.

С 1640 г. сегуны начали политику изоляции Японии от внешнего мира. Смертью каралась принадлежность к христианству. Любому иностранцу, проникшему на японские острова, грозила смертная казнь. Однако изоляция Японии от европейского мира не была абсолютной и не сопровождалась официальным отторжением всего иноземного, пренебрежением к нему. Напротив, формированию феномена Японии способствовала веками воспитанная склонность к заимствованиям извне при отсутствии характерного для Китая почитания собственной мудрости и пренебрежения к иным культурам. Продолжались контакты с голландцами в бухте Нагасаки, где взаимодействовали две монополии: бакуфу и нидерландская Ост-Индская компания. Благодаря голландцам в Японию проникала западная наука (рангаку — голландские знания): медицина, естествознание, металлургия, химия.

При этом бакуфу не видел противоречия между изоляцией страны от западного мира и собственной экспансией на соседние азиатские территории, которая была поручена дайме, жившим на побережье, что имело следствием растущую роль торговли и мореплавания. Первые попытки территориального расширения относятся к неудачным экспедициям в Корею в 1592–1593 и 1597–1598 гг. воинов Тоетоми Хидэеси. В XVI в. японские торговые суда ходили в порты Китая и Юго-Восточной Азии, доставляя серебро, оружие и т.п. Японское население в некоторых материковых городах достигало нескольких тысяч человек. Манила на Филиппинах, Аюттая в Сиаме, Хойан во Вьетнаме до сих пор хранят остатки японских поселений[1]. Внешняя торговля и покровительство бизнесу со стороны дайме уже в XVII в. привело к возникновению богатых торговых домов, в том числе знаменитых впоследствии Мицуи и Сумитомо.

Стабильность эпохи Эдо дала сильный импульс подъему Японии, что выразилось в демографическом росте, развитии сельского хозяйства, торговли, урбанизации, распространении грамотности, чтения

[1] *Сергей Чугров.* Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 196.

и книгопечатания, научной и общественной мысли. В середине XV в. население Японии насчитывало не более 12 млн человек. Первая перепись населения, проведенная бакуфу в 1721 г., дала цифру в 26 млн (а с учетом не попавших в перепись — больше тридцати). К середине XIX в. 40% мужчин и 15% женщин умели читать.

Японцы все больше осознавали себя единой нацией. «Политика Токугава привела к возникновению границ, которые отделяли японцев от тех, кто ими не являлся… — пишет Джеймс Мак-Клейн. — Люди, находившиеся под властью сегуна или дайме, принадлежали одной религии, язык, которым они пользовались, был понятен всему населению страны. По сельским районам были разбросаны тысячи небольших святилищ, посвященных мириадам божеств»[1].

Различия в диалектах преодолевались изданием специальных словариков, различия кухонь (хотя все японцы ели в основном рис, супы, рыбу и гарниры к ней) — публикацией поваренных книг, среди которых выделялось шеститомное «Собрание рецептов из Эдо». Сложилась общая манера одеваться. Архитектура сохраняла региональные черты, но люди жили в одинаковых каркасных домах с перегородками-седзи и устланными циновками полами. Чувство общности нации подкреплялось появлением культуры путешествий, труппами бродячих актеров, странствовавших по стране с короткими версиями спектаклей кабуки и театра марионеток (длинные версии длятся порой сутками). Сын небогатого самурая Мацуо Басе превратил низкий жанр хайкай в высокую поэзию, ставшую известной как хайку.

Летние травы
Там, где исчезли герои,
Как сновиденье[2].

Но сегунат вызывал все больше вопросов у японской элиты. Нехватка продовольствия была хронической. Разрастание больших городов, куда хлынул поток обедневших крестьян, вызвал запустение на плодородных землях. Как и Китай, Япония открылась для колониальных держав и испытала серию национальных унижений.

Западные державы поначалу интересовали порты, которые можно было использовать для торговли с Китаем. Соединенные Штаты, чье Западное побережье было освоено к середине XIX в., теперь видели «предначертание судьбы» и в том, чтобы нести цивилизацию через Тихий океан. Активный миссионер, один из первых американцев, который свободно овладел японским языком, Сэмюель Уильямс уверял, что открытая американскому влиянию Япония обнаружит «цели Господа распространить Благую весть на все народы. Я полностью

[1] *Джеймс Л. Мак-Лейн.* Япония: От сегуната Токугавы — в XXI век. С. 163.
[2] Японская классическая поэзия. М., 2013. С. 275.

убежден, что политика самоизоляции наций Восточной Азии не соответствует Божественному плану спасения этих народов, и их правительства должны принести изменения силой и страхом, чтобы народы могли освободиться»[1].

Появившись у японских берегов в 1853 г. с посланием от президента Милларда Филлмора «изменить древние законы и позволить свободную торговлю между двумя странами» и получив отказ, американский командор Мэтью Перри вернулся в 1854 г. во главе военной эскадры из восьми самых больших судов мира с требованием открыть границы для торговли под угрозой бомбардировки и блокады Эдо с моря. В результате США добились открытия портов Симода и Хакодате для иностранных кораблей. Ансэйские договоры, заключенные с Соединенными Штатами и европейскими державами в 1854–1858 гг., открыли Японию ветрам мирового рынка. В 1855 г. был заключен и первый российско-японский договор, положивший начало официальным межгосударственным отношениям. В 1863–1864 гг. произошли столкновения пограничных войск Японии с западными военными кораблями, в которых правительство бакуфу продемонстрировало свою беспомощность перед Западом.

Реакцией на западную колонизацию стал политический переворот 1868 г., в результате которого власть перешла в руки императора Муцухито (Мэйдзи). В середине 1860-х гг. многие крупные княжества объединились в рамках нового движения — тобаку-ха (партия, выступающая за отмену бакуфу и возвращение императору его суверенных прав). В 1865 г. военное правительство решило подчинить независимое княжество Тосю и направило туда армию. Однако наступление, не поддержанное многими дайме, провалилась.

В 1867–1868 гг. против сегуната выступала широкая коалиция: торгово-промышленная буржуазия, низшие слои самурайства, придворная аристократия и оппозиционно настроенные дайме, среди которых руководящую роль играли лидеры юго-западных княжеств Сацума, Тесю, Тоса и Хидзен. Сегун Есимоба, нарушая традиции бакуфу, захватил императорский дворец, в его руках оказался 16-летний император (будущий Мэйдзи-тэнно). Тогда Сацума и Тосю решили действовать силой. Когда войска коалиции юго-западных княжеств подошли к воротам дворца, Есимоба сбежал по морю в Эдо. С этого момента наступление армии, названной императорской, напоминало победное шествие. В мае 1868 г. после короткой гражданской войны коалиция дайме из княжеств Сацума, Тесю и Тоса захватила замок Эдо. Правительство сегуна пало. Реальную власть впервые за много веков получил император — Муцухито (Мэйдзи) — и его правительство.

[1] *Arthur Walworth.* Black Ships Off Japan: The Story of Commodore Perry's Expedition. N.Y., 1946. P. 39.

Реставрация Мэйдзи и империя

Революция Мэйдзи привнесла три важнейших изменения: открытие некоторых портов для иностранцев и отправка японцев за границу для обучения и сбора информации; восстановление централизованной власти в лице императора (реставрация); модернизация армии, экономики и государственных институтов с использованием достижений Запада.

Япония была едва ли не единственной страной Востока, в чьем развитии период индустриального колониализма и энергичной вестернизации означал не кризис, а, наоборот, интенсивный подъем. Все это происходило без радикальной ломки устоявшихся традиций. Хантингтон замечал: «С началом реставрации Мейдзи к власти в Японии пришли динамичные группы, которые изучили и переняли западные технологии, практику и институты, после чего начали процесс японской модернизации. Однако они провели ее таким образом, что сохранили основные черты традиционной японской культуры, которая во многих отношениях помогла модернизации и которая позволила Японии вспомнить, переформулировать и дополнить элементы этой культуры, чтобы поддержать и оправдать свой империализм в тридцатые — сороковые годы двадцатого века»[1].

Муцухито и действовавшие от его имени советники — с целью ослабить и исключить в дальнейшем феодальные распри — в ходе реформы 1871 г. ликвидировали феодальные уделы и наследственные привилегии князей-дайме, подорвали основы самурайства. Япония была разделена на губернии и префектуры во главе с назначаемыми из центра чиновниками. Их кадры комплектовались из тех же дайме и самураев, но это были уже не независимые аристократы, а находившиеся на службе у государства и получавшие жалованье из казны чиновники. Причем чиновники, не имевшие бюрократических традиций и потому еще не погрязшие в коррупции (вы можете себе представить коррумпированного самурая?), не научившиеся бюрократическим проволочкам.

Были установлены свобода выбора профессий и передвижения по стране. Вместо прежних четырех были учреждены три сословия: высшее дворянство, дворянство, к которому были отнесены все бывшие самураи, и сословие простого народа — остальные. Серия реформ 1872–1873 гг. изменила аграрные отношения: земля была признана собственностью тех, кто ею реально владеет. Крестьянство было освобождено от земельной ренты в пользу дайме (за это князья получили пенсии) и обрело возможность за выкуп владеть своей землей и работать на рынок. Создавалась стройная административно-бюрократическая

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 153.

система, основанная на равенстве сословий, усилении роли казны и единой финансовой системы.

Хотя самурайство как сословие было отменено, кодекс бусидо продолжал жить, и он не позволял усомниться в превосходстве Японии. Для защиты от западного господства был выбран прагматичный путь — наращивать силу. Быть современным для японцев стало означать быть победителем в различных областях жизни, прежде всего на поле боя. Создание сильной армии и, особенно, флота стало задачей номер один, что еще больше подтянуло за собой промышленное развитие. Начались массовые закупки необходимого оборудования и машин за границей, приглашались иностранные офицеры, инженеры и техники. Потребовалось резко увеличить экспорт главной экспортной культуры — шелка, сократить импорт сырья за счет развития собственной добывающей промышленности. Важная роль на начальном этапе модернизации Японии принадлежала Франции.

Расширилось собственное промышленное производство, стали расти банки. Правительство взяло на себя строительство наиболее крупных предприятий (арсеналы, металлургические заводы, верфи), а затем, согласно принятому в 1880 г. закону, за символическую плату продала их в руки крупных компаний, таких как Мицуи, Мицубиси, Фукава.

Развернулось движение за конституцию, в первых рядах которого шли предприниматели, тоже вчерашние самураи, первое поколение получивших европейское образование японских интеллигентов, выходцы из княжеских семей. В Европу и США была послана специальная миссия Хиробуми Ито с целью ознакомиться с западными нормами и институтами. Ито остановился на прусско-германской модели. В 1889 г. от имени императора был обнародован текст конституции. Создавалась конституционная монархия с большими правами императора, которому принадлежало и право законодательной инициативы. Парламент контролировал финансы, но был лишен права создавать ответственное перед ним правительство. Парламент был созван в 1890 г., причем правом избрания нижней его палаты (верхняя напоминала палату лордов) пользовались не более 1% налогоплательщиков страны.

Но это не привело к формированию политической системы западного типа. «До соприкосновения с Западом Япония уже располагала сильным правительством, имевшим многие черты верховной бюрократии, в котором баланс государства и общества был сильно смещен в сторону государства, — писал Фукуяма. — Существовали различные социальные группы — крестьяне, купцы и военные, — но они не были организованы для коллективных действий на манер, сравнимый с европейскими независимыми городами, церквями, гильдиями и т.п.».

Гражданское общество до сих пор гораздо слабее и менее организовано, чем на Западе[1].

Фернан Бродель точно описывал суть перемен: «Традиционная императорская власть выбрала революцию, уничтожила феодальные преграды, объявила о создании промышленности, высвободила необходимые инвестиции и сама создала заводы. После этого, что случалось часто, она уступила право управления предприятиями частным лицам, которых выбрало по своему усмотрению, что напоминало наделение приближенных земельными феодальными наделами. Одновременно с этим императорская власть поставила перед японским обществом гигантскую задачу развития. Эта задача была выполнена. Сын солнца, почитаемый в храмах за свое божественное происхождение, велел приступить к индустриализации страны. Чтобы выполнить эту волю, Японии не понадобилось новой идеологии или религии — они уже существовали. Они-то и позволили управлять Японией, как одним человеком»[2].

Япония — единственная из неевропейских стран, чье развитие уже к рубежу XIX–XX вв. позволило ей не просто сравняться с ведущими европейскими державами, но и стать одной из наиболее влиятельных и успешно развивающихся стран, вступивших в борьбу за передел мира.

Дух бусидо с выходом на передний план культа императора как потомка богини Аматерасу обрел новое содержание. Вчерашние самураи и их потомки, ставшие офицерским корпусом новой армии, воспитывались в готовности умереть во имя величия новой Японии и ее императора. Но если ранее дух самураев реализовывался в междоусобных войнах, то теперь он направлялся вовне. Япония все более уверенно определяла свое место в мире — и относительно Запада, и относительно Азии.

В 1886 г. в нашумевшей книге «Будущее Японии» молодой журналист Токутоми Сохо писал о цене следования западным «универсальным» стандартам: «Эти голубоглазые и рыжебородые расы вторгнутся как гигантская волна и смоют наших людей на острова в океане»[3]. В конце XIX в. получает распространение концепция «азиатизма», отражавшая претензии националистов на лидерство Японии в Восточной Азии. Они определяли ее взаимодействия со странами региона как отношения «восточного типа», «моральные» и «семейные». Формула «семья — государство» переносилась на международный уровень, Япония претендовала на роль «старосты азиатской семьи». Именно так интер-

---

[1] *Francis Fukuyama.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. L., 2014. P. 351.

[2] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 285.

[3] *John D. Pierson.* Tokutomi Soho, 1863–1957: A Journalist for Modern Japan. Princeton, 1980. P. 143.

претировался лозунг «восемь углов под одной крышей» (хакко итиу). Японцы считали, что по-миссионерски призваны нести в Азию иерархический порядок, в котором каждая страна должна занимать «подобающее место»[1].

Первым направлением внешней политики пореформенной Японии стала борьба за влияние в Корее, которая официально считалась вассалом Китая. В 1876 г. высадившийся в Корее японский экспедиционный корпус навязал этой стране неравноправный договор. В 1885 г. по японо-китайскому соглашению Китай признал японские интересы и права в Корее равными своим. После японо-китайской войны 1894–1895 гг. по Симоносекскому договору Япония получила право владения островами Тайвань и Пэнхуледао. В 1895 г. японские агенты убили антияпонски настроенную корейскую королеву, а король был вынужден искать убежища в российском посольстве.

На рубеже веков Япония по факту стала одной из колониальных держав. Она была в числе тех восьми стран, чьи миссии организовали интервенцию в Китае в 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней. В 1902 г. Япония заключила военный союз с Англией, что помогло ей усилить свои позиции и вступить в феврале 1904 г. в успешную войну против России. Впервые великая европейская держава терпела поражение на азиатской периферии. «Мы развеиваем миф о неполноценности небелых рас, — ликовал уже мэтр японской журналистики Сохо. — Своей мощью мы завоевываем признание как одна из величайших держав мира»[2]. Впрочем, Япония была истощена войной не меньше, чем Россия, и в мае 1905 г. обратилась к Теодору Рузвельту с просьбой о посредничестве. В сентябре был подписан Портсмутский мирный договор, по которому Россия признавала Корею сферой влияния Японии, уступала ей аренду Квантунской области с Порт-Артуром и Дальним, южную ветку КВЖД и часть Сахалина к югу от 50-й параллели. Российский переговорщик премьер Сергей Витте с тех пор носил прозвище «полусахалинский».

Южная Маньчжурия и Корея превратились в протекторат Токио. Японский капитал устремился в эти районы, превращая их в плацдарм для дальнейшей экспансии на континенте, в основном в Китае. В 1906 г. создан полуправительственный концерн Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Захват новых рынков и милитаризация экономики дали мощный толчок развитию: объем валовой продукции увеличился с 1905 по 1914 г. почти в два раза.

Накануне и в ходе Первой мировой войны Япония была охвачена националистическими настроениями. Основой сверхактивной политики стал бурный экономический рост, подстегнутый ростом оборонных

[1] *Сергей Чугров.* Япония в поисках новой идентичности. С. 197.
[2] *John D. Pierson.* Tokutomi Soho, 1863–1957. P. 279.

и иных заказов воевавших стран, включая и Россию. За 1914–1919 гг. ВНП возрос впятеро — с 13 до 65 млрд иен. Двадцать третьего августа 1914 г. Япония объявила войну Германии. Захватив крепость Циндао на арендованной Германией территории, японские войска оккупировали почти весь Шаньдун. В октябре японский флот занял также принадлежавшие Германии Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Восемнадцатого января 1915 г. Япония предъявила 21 требование Юань Ши-каю, которые были в основном приняты.

Япония сыграла немалую роль в интервенции против Советской России на Дальнем Востоке. Ее войска высадились 5 апреля 1918 г. во Владивостоке, оккупировали Приморье и вторглись в Сибирь. В марте–апреле 1919 г. Япония подавила восстание в Корее. После войны Токио удалось добиться на Парижской мирной конференции мандата на управление Маршалловыми, Марианскими и Каролинскими островами, всеми германскими активами в Шаньдуне. Продолжавшееся усиление позиций Японии вызывало недовольство конкурентов — Великобритании и США, и на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония была вынуждена заявить о возвращении Китаю Шаньдунского полуострова и подписать договор девяти держав, предусматривавший признание принципа «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. В октябре 1922 г. ее войска эвакуировались из Владивостока, в руках Японии осталась лишь северная часть Сахалина.

Были отмечены острой внутриполитической борьбой 1920-е годы. В ней все большую роль играла группировка «молодых офицеров», по взглядам близкая германским нацистам: они добивались отказа от многопартийной системы, выступая за диктатуру внутри страны и экспансию вовне. Не сразу, но они добились своего. В 1927 г. к власти пришел кабинет генерала Гиити Танака, настроенного весьма агрессивно. Японский экспедиционный корпус дважды направлялся в Шандун для наведения порядка. В 1928 г. прошла волна арестов членов Компартии Японии и сочувствующих ей, были запрещены другие левые организации.

Великая депрессия нанесла мощный удар по японской экономике. В 1929–1933 гг. объем промышленного производства сократился на 32,5%, сельского хозяйства — на 40%, число безработных превысило 3 млн человек. Это отрыло новые возможности сторонникам диктатуры. В 1930–1932 гг. они осуществили серию восстаний и политических убийств. Пятнадцатого мая 1932 г. был убит премьер-министр Инукаи. Путч подавили, однако влияние военных продолжало усиливаться.

Восемнадцатого сентября 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где годом позже создала марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с Пу И, последним китайским императором. В 1933 г. Япония демонстративно вышла из Лиги Наций после того, как

та отказалась признать Маньчжоу-го. В ноябре 1936 г. Токио подписал антикоминтерновский пакт с Германией. Летом 1937 г. началась японо-китайская война, длившаяся почти целое десятилетие.

По точному выражению американского политолога Гарольда Ласвелла, в 1930-е гг. Япония стала «казарменным государством». И именно в его рамках началось создание того, что получит название «государства всеобщего благосостояния». «Социальное страхование зародилось в Японии раньше 1930-х гг. в форме защиты от производственных травм и страхования здоровья (на фабриках — с 1927 г.). Оно охватывало, впрочем, лишь 40% промышленных рабочих, — подмечал Ниал Фергюсон. — Верховное правительство Японии, что любопытно, одобрило проект Министерства социальной защиты населения 9 июля 1937 г., уже после начала очередной войны с Китаем. Первый шаг — введение новой системы страхования здоровья всех граждан, а не только фабричных рабочих. Число застрахованных выросло почти в сто раз за какие-то шесть лет, с 500 тыс. в конце 1938 г. до более чем 40 млн в конце 1944-го. Цель никто не скрывал: если население хорошо себя чувствует, вооруженные силы его величества будут процветать. Клич военного времени — "Все люди — солдаты"»[1].

Третьего ноября 1938 г. премьер-министр Коноэ провозгласил создание «нового порядка в Восточной Азии», который должен был стать антизападным. Токутоми Сохо выражал мнение многих сограждан, когда писал: «Мы должны показать всем расам Восточной Азии, что порядок, спокойствие, мир, счастье и удовлетворение могут быть завоеваны только путем искоренения порочного прецедента агрессии и вымогательства англосаксов в Восточной Азии»[2].

В июле 1938 г. японские войска вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан, но потерпели поражение. Одиннадцатого мая 1939 г. части японской Квантунской армии нанесли удар уже по территории Монголии в районе Халхин-Гола. Войска Жукова, присоединившись к монгольским, к концу августа вновь взяли верх. После этого Токио стало больше склоняться к «южному» варианту — наступлению на владения европейских держав и США в Юго-Восточной Азии и Тихом океане. К тому моменту — 1 сентября 1939 г., с которого европейцы отсчитывают начало Второй мировой войны, погибли уже почти 10 млн китайцев.

С началом войны в Европе в Токио решили, что час пробил. Экономика Японии была переведена на военные рельсы. С партийной борьбой и парламентской деятельностью было покончено, вместо ликвидированных партий и профсоюзов была создана военизированная

---

[1] *Найл Фергюсон*. Восхождение денег. М., 2010. С. 227–228.

[2] Sources of Japanese Tradition, 1600–2000 / Ed. by William De Bary, Carol Gluck, Arthur Tiedemann. N.Y., 2006. Vol. 2. P. 137.

организация фашистского типа — «Ассоциация помощи трону» во главе с премьером, осуществлявшая тотальный политический и идеологический контроль. Высшие военные круги, возглавлявшие и кабинет министров, получили неограниченные полномочия для ведения войны. Армия и генералитет стали символизировать силу, мощь, процветание и беспощадность страны.

Активизировались военные действия в Китае, сопровождавшиеся запредельной жестокостью. Дождавшись капитуляции Франции и Голландии перед Германией, японцы приступили к оккупации Индокитая, провозгласив концепцию «Восточноазиатской сферы сопроцветания», что на практике означало создание гигантской империи. Объединенный комитет начальников штабов США так оценивал ее границы: «Япония стремится в конечном счете включить в эту сферу Восточную Сибирь, Восточный Китай, Индо-Китай, Таиланд, Малайю, Голландскую Индию, Филиппины, а возможно, и Бирму»[1]. Устремления Японии нашли свое подтверждение в подписанном 27 сентябре 1940 г. Тройственном пакте с Германией и Италией. Разворачивая экспансию на юг, Токио продолжало готовиться к войне против СССР. Чтобы предотвратить возможность нападения и войны на два фронта, Советское правительство предложило заключить договор о нейтралитете. Япония, тоже опасавшаяся войны на два фронта, ответила согласием. Тринадцатого апреля 1941 г. пакт о нейтралитете был подписан.

В ночь с 7 на 8 декабря 1941 г. японские военно-воздушные и военно-морские силы — за день до объявления войны — атаковали базу американского флота Перл-Харбор на Гавайских островах, Гуам, Манилу и Гонконг. В императорском рескрипте об объявлении войны Запад назывался расистским, империалистическим, обладающим «неуемными амбициями доминирования на Востоке». Миссия Японии, говорилось в выпущенном в тот же день кабинетом заявлении, заключалась в ведении «священной войны» против Запада, освобождении народов Азии, находившихся в колониальной зависимости, и обеспечении «мирного сосуществования всем нациям и народам»[2]. На начальном этапе войны с США и Великобританией Токио сопутствовали успехи, К середине 1942 г. Япония оккупировала Филиппины, Индокитай, Таиланд, Бирму, Малайю и Индонезию. На захваченных территориях устанавливался жестокий колониальный режим. Япония демонстрировала миру средневековые по жестокости воинские традиции, нормы которых предусматривали безжалостное уничтожение как побежденных воинов, так и гражданского населения. Вместе с тем, именно Япония ликвидировала западные колониальные режимы в восточноазиатских странах,

[1] *Роберт Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. Т. 1. М., 1958. С. 640.
[2] *Джеймс Л. Мак-Лейн.* Япония: От сегуната Токугавы — в XXI век. С. 679.

приближая час их освобождения. «Японцы продемонстрировали, насколько глубоки был корни антизападных настроений и как быстро азиаты могут вернуть себе власть из рук европейских хозяев… — писал Панкадж Мишра. — Япония навсегда изменила значительную часть Азии — как экономически, так и политически»[1]. Деколонизация после этого становилась лишь вопросом времени.

Америка Франклина Рузвельта оказалась достойным противником. Битвы у атолла Мидуэй и в Коралловом море определили перелом в пользу Соединенных Штатов. Американские войска высаживались то в одних, то в других захваченных странах и на островах, вытесняя оттуда японцев. Несмотря на тяжелое положение на тихоокеанских фронтах, Япония продолжала держать на границах с Советским Союзом Квантунскую армию численностью около 1 млн человек, что сковывало на Дальнем Востоке и значительную часть советских войск, необходимых для войны с Гитлером.

Следуя подтвержденным на Ялтинской конференции обязательствам, в апреле 1945 г. СССР денонсировал заключенный с Японией в 1941 г. пакт о нейтралитете, а в августе того же года, вскоре после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американцами, советские войска разгромили Квантунскую армию и заняли Маньчжурию, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Император во избежание дальнейших жертв приказал сдаться. Второго сентября 1945 г. Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась.

Японские чудо и дефляционная ловушка

«Поражение в войне обернулось глубоким шоком системы. Все, что было в их умах, потеряло свою ценность и было отвергнуто»[2]. Япония лишилась всех своих колониальных владений и завоеванных территорий. Встал вопрос о ее статусе, и здесь свое слово сказали американцы, оккупировавшие страну. Японские правительственные органы были обязаны проводить в жизнь директивы штаба американского главнокомандования.

Смысл политических преобразований, которые были проведены Союзным советом для Японии во главе с генералом Дугласом Макартуром, сводился к радикальной перестройке всей структуры власти. Возрождались партии. В октябре 1946 г. была принята парламентом и 3 мая 1947 г. вступила в силу новая конституция. В 9-й статье декларировался отказ от применения вооруженной силы как средства разре-

[1] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. L., 2013. P. 250, 253.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 153.

шения международных конфликтов и от создания с этой целью вооруженных сил. В 1946–1948 гг. состоялся Токийский процесс, осудивший главных японских военных преступников. Были проведены чистка государственного аппарата от военных преступников, децентрализация полицейской системы, реформа системы образования. Особые меры предусматривали ограничение возможностей крупнейших японских монополий (дзайбацу), которые, к тому же, выступали конкурентами американским на мировых рынках. Радикальная аграрная реформа 1948–1949 гг. ликвидировала крупное землевладение и тем окончательно подорвала экономические позиции остатков самурайства.

Прибывший в Токио в 1948 г. Джордж Кеннан давал весьма негативную оценку увиденному. «Американская военная администрация насчитывала в то время 87 тыс. человек военнослужащих, большинство из которых занимались административными вопросами… Кроме военного персонала, мы имели там еще более 35 тыс. гражданских лиц. Численность же японского обслуживающего персонала, труд которого оплачивался также японской казной, составляла несколько сот тысяч человек, включая десятки тысяч слуг. К моменту нашего визита японское правительство было вынуждено построить, естественно, за свой счет 17 тыс. новых жилищных комплексов для сотрудников американской военной администрации, тогда как в стране насчитывалось несколько миллионов разрушенных бомбежками городских строений, в которых ютилось население. Оккупационные расходы составляли не менее трети расходов японского бюджета. Громоздкий оккупационный аппарат паразитировал в целом ряде аспектов (констатировал я), не говоря уже о личном обогащении некоторых оккупантов…

Наибольшее же опасение, на мой взгляд, вызывала ситуация, вызванная чисткой, проводимой в правительстве, сфере образования и бизнесе, направленной против людей, подозреваемых в симпатиях к японскому милитаризму и содействии японской агрессии в прошлые годы. Американская военная администрация действовала в этой области слишком догматично, безлико и карательно, мало чем отличаясь от тоталитарных режимов. Ко времени нашего приезда такую процедуру прошло уже более 700 тыс. человек.

На возрождении японской экономики весьма отрицательно сказывались демонтаж промышленного оборудования и репарационные поставки, шедшие в Китай, на Филиппины и в другие страны, бывшие союзниками США»[1].

Во многом под влиянием подобных оценок с конца 1948 г. Соединенные Штаты начали проводить «обратный курс»: была принята

[1] *Джордж Кеннан.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М., 2002. С. 282–285.

«программа экономической стабилизации», способствовавшая восстановлению позиций японских монополий, в 1950 году создан полицейский резервный корпус как основа будущей армии. Восьмого сентября 1951 г. на конференции в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией, в котором, кстати, она отказывалась от Курильских островов (СССР его не подписал). В этот же день был заключен японо-американский «договор безопасности», который предоставил США право создавать свои базы и на неопределенный срок держать свои войска в Японии. С вступлением Сан-Францисского договора в силу полнота власти была передана японскому правительству. Однако США сохранили в своих руках важные рычаги влияния и массированное военное присутствие.

Первое — откровенно проамериканское — правительство Иосиды в декабре 1954 г. ушло в отставку. Новое правительство возглавил Итиро Хатояма — президент основанной в 1954 г. Демократической партии, которая после слияния в 1955-м с либералами получила название Либерально-демократической партии Японии. Она окажется правящей на следующие 54 года.

Девятнадцатого октября 1956 г. была подписана совместная российско-японская декларация, провозгласившая прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между двумя странами. Советский Союз отказался от репарационных претензий, согласился поддержать просьбу Японии о приеме ее в ООН. Стороны условились заключить мирный договор после передачи Москвой Японии двух из четырех спорных островов Курильской гряды.

Раны Второй мировой войны с 1950-х гг. залечивались быстро. Японский капитал в новых и весьма благоприятных для него условиях стал наращивать темпы роста, что и заложило фундамент феномена Японии.

Ликвидация «дзайбацу» и последовавшая за этим реструктуризация крупнейших монополий усилили конкуренцию в промышленности. Япония, в отличие от Китая или СССР, никак не была ограничена в возможностях получения западных — прежде всего американских — технологий и ноу-хау, активно скупала по всему миру и активно внедряла десятки тысяч патентов и лицензий. Земельная реформа и ликвидация помещичьего землевладения привели к созданию большого количества индивидуальных фермерских хозяйств, демонстрировавших высокую производительность и выступавших все более емким рынком сбыта.

Япония была избавлена от высоких военных расходов, что увеличивало норму накопления. При этом страна получала огромные военные и связанные с ними заказы от Соединенных Штатов в годы их войн в Корее и во Вьетнаме.

Сыграла свою роль и система индикативного планирования. В 1960 г. был разработан «План удвоения национального дохода» (он же План премьера Икэда), который ставил целью за 10 лет преодолеть отставание в экономическом и техническом уровне развития от ведущих западных государств путем развития экспортных отраслей. Закон о стимулировании особых отраслей промышленности 1966 г. ставил целью повышение конкурентоспособности промышленности через слияние и объединение компаний, что вывело на первый план несколько крупных национальных лидеров — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Фудзи, Кавасаки, Ниссан, Тойоту.

Реформа системы просвещения позволила обеспечить всеобщее 9-летнее образование, повысить качество технического и университетского обучения, что резко улучшило ситуацию с трудовыми ресурсами, и без того трудолюбивыми и дисциплинированными[1].

Сочетание заимствованного и своего вновь оказалось достаточно гармоничным. Это хорошо видно на примере японской фирмы. Она действует на рынке как собственник, но в то же время представляет собой подобие традиционной социальной корпорации, построенной на принципе патернализма, взаимной поддержки всех сотрудников во имя успеха общего дела. Демилитаризованные потомки самураев («самураи с портфелями», как их нередко называют) переключили свою активность в конструктивное русло. Во многом восходящее к конфуцианской дисциплине, культуре и этике труда поведение рабочих, гораздо более склонных к искреннему сотрудничеству с фирмой, нежели к борьбе с ее верхушкой во имя отстаивания своих прав, тоже вносило немалый вклад в процветание страны[2]. Переориентация японской энергии в мирное русло дала блестящие плоды, превратив Японию в страну, занимающую лидирующие позиции в наукоемких отраслях, в создании жизненной среды.

Япония продолжала опережать едва ли не весь остальной мир (за возможным исключением Швеции) в создании институтов социального государства. От лозунга «Все люди — солдаты» страна перешла к лозунгу «Все люди должны иметь страховку», активно укрывая своих граждан от превратностей жизни. «Если они рождались больными — государство платило, — подчеркивал Фергюсон. — Если не имели денег на образование — государство платило. Если не могли найти работу — государство платило. Оно платило даже тогда, когда люди не выходили на работу по болезни. Ну и разумеется, государство платило, когда люди уходили на покой. А когда они умирали, государство платило тем, кто материально зависел от покойных… Охват всего населения с

[1] *Александр Панов.* О Японии: Очерки и исследования дипломата. М., 2014. С. 169–174.

[2] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 2. С. 332–333.

колыбели до гроба ставили свое целью многие страны. Японии удалось затмить остальной мир эффективностью предпринятых мер. Нигде люди не жили так долго. Нигде они не были столь образованными»[1].

С 1950 по 1974 г. экономика росла в среднем на 10% в год. Накануне войны на долю Японии приходилось 5% мирового промышленного производства. Страна вернулась на этот уровень к 1964 г., а в 1980 г. производила 15% от мировой промышленной продукции, выйдя на 2-е место в мире по объему ВВП[2]. После чего ее экономика… встала.

Что же произошло? В 1985 г. Соединенные Штаты, обеспокоенные слишком высоким курсом доллара, который убивал конкурентоспособность американских товаров, убедили крупнейшие экономики, включая Японию, увеличить стоимость своей валюты (Плазовское соглашение). За несколько месяцев курс йены подскочил с 250 до 149 за доллар. Японские экспортеры стали нести потери, которые решили компенсировать финансовыми спекуляциями, после чего деньги потекли на Токийскую фондовую биржу и в недвижимость. Начал раздуваться капитал кредитных организаций, и японские инвесторы бросились приобретать зарубежные активы — от государственных облигаций до небоскребов и курортов. К 1988 г. все десять крупнейших банков мира были японскими, индекс Nikkei вырос на 300%, а японская недвижимость по своей совокупной стоимости превысила американскую. Чтобы охладить рынок, Банк Японии в 1989 г. поднял учетную ставку с 2,5 до 4,25%. Инвестиционные банкиры начали паническую распродажу, фондовый рынок за несколько месяцев потерял 6 трлн долл. капитализации[3].

В 1991 г. экономический рост Японии фактически прекратился. Инвестиции падали из-за большого объема накопленных банками «плохих долгов», началась дефляция, на фоне неспособности правительства и бюрократии, сращенных с бизнесом, принять болезненные для предпринимателей решения. Для оживления экономики власти прибегли к увеличению государственных расходов на инфраструктуру и строительство за счет выпуска облигаций, которые покупало главным образом собственное население.

Государственный долг начал быстро нарастать в период депрессии 1990-х гг., и по такому показателю, как отношение накопленного долга к ВВП, Япония заняла первое место в мире. На его обслуживание уходило до четверти расходной части японского бюджета. Это существенно ограничивало возможности государства по стимулированию конъюнктуры, вызывало опасения на рынках за состояние государственных финансов.

---

[1] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. С. 227, 228.
[2] *Joseph Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. 164–165.
[3] *Мария Приходина.* Сказка о потерянном времени // РБК. Май 2013. С. 46–51.

Возраставшая конкуренция с другими восточноазиатскими производителями автомобилей и цветных телевизоров сложилась не в пользу Японии, которая страдала к тому же от старения рабочей силы и укрепления иены. Количество производственных компаний сократилось на треть с 1996 по 2006 г. Доля промышленности в японском ВВП снизилась с 36% в 1970 до 18% в 2009 г.[1] Сокращение населения означало ограниченность внутреннего рынка. Экономическая модель не предполагала открытость к внешним рынкам, Япония осталась скорее наблюдателем в процессах создания зон свободной торговли в АТР. Налоги корпорации оставались высокими, как и цена рабочей силы.

Япония стала также жертвой своих чрезмерных социальных обязательств в условиях сокращения количества трудоспособного населения и увеличения количества пенсионеров и иждивенцев. «С середины 90-х годов государственные страховщики не вылезают из минуса. Японские расходы на социальное обеспечение поглощают примерно три четверти всех налоговых поступлений… У частных компаний дела идут не лучше. Биржевой крах 1990 года подкосил общества по страхованию жизни, и три крупных игрока не дожили до конца десятилетия. В отчаянном положении находятся и пенсионные фонды»[2].

С середины 1990-х цены перестали расти, что оказалось губительным для экономического роста. На протяжении первого десятилетия XXI в. средние темпы ежегодного прироста ВВП составляли лишь 1,4%.

Накануне мирового кризиса 2007–2009 гг., казалось, ситуация в японской экономике начала выправляться. Была преодолена проблема «плохих долгов» банков и дефляция. Значительно упрочилось финансовое положение банков и компаний, которые, сделав ставку на высокие технологии, смогли не только нарастить масштабы экспорта и расширить его географию, но и оживить внутренний спрос. Кризис поначалу затронул Японию меньше, чем другие развитые страны, но затем, когда началось обвальное снижение экспорта, ситуация быстро ухудшилась. Это нанесло удар по экспортоориентированным и смежным с ними отраслям японской промышленности (на них приходится около 30% промышленного производства) и сказалось и на всех других отраслях. В результате в промышленности произошел самый глубокий за весь послевоенный период спад — на 34%. В реальном выражении экономика сократилась на 0,7% в 2008 г. и на 5,4 — в 2009-м.

В результате рецессии с января 2009 г. началось снижение оптовых цен, а с февраля — и розничных. Снижение цен провоцировало экономических агентов (компании и потребителей) откладывать на будущее осуществление своих планов. Индекс розничных цен в конце 2012 г. был

---

[1] *Martin Fackler.* Declining as a Manufacturer, Japan Weighs Reinvention // The New York Times. April 15, 2012.

[2] *Найл Фергюсон.* Восхождение денег. С. 242.

на 3,6% ниже, чем в 1998 г.[1]. Серьезной проблемой для конкурентоспособности страны вновь стал рост курса иены, она оказалась единственной твердой валютой, чей курс по отношению к доллару в условиях кризиса вырос, что резко ударило по конкурентоспособности японских товаров в мире. В 2010 г. Китай обошел Японию по размерам ВВП и оттеснил ее с позиций второй экономической державы мира.

Расширение экспорта в результате улучшения положения в мировой экономике и масштабная программа антикризисных мер стали главными факторами восстановления японской экономики. К началу 2011 г. она практически восстановилась до предкризисного уровня, прирост ВВП ожидался на уровне 3%. Но этот прогноз рухнул 11 марта 2011 г., когда северо-восточное побережье острова Хонсю было разрушено катастрофическим землетрясением магнитудой в 9 баллов и накрыто цунами, что вызвало разрушение атомной станции в Фукусиме.

«Тройной удар» унес жизни более 20 тыс. человек и оставил без крова более 150 тыс. Это было наиболее серьезное испытание за всю послевоенную историю (великое Кантонское землетрясение 1923 г. привело к гибели более 100 тыс. человек). В зоне бедствия был район интенсивного сельского хозяйства, снабжавшего продовольствием как местные города, так и 32-миллионную городскую агломерацию равнины Канто (Токио, Йокогама, Йокосука, Кавасаки, Урава, Тиба). Часть земли стала непригодной для обработки, важнейшая в Японии зона прибрежного рыболовства была уничтожена, погибли 21 700 рыболовных судов. Из-за повреждения причалов и пожаров остановились четыре нефтеперерабатывающих завода и несколько терминалов по приему сжиженного газа.

Атомные блоки пяти АЭС на побережье автоматически отключились (атомная энергетика покрывала около 30% потребности Японии в электроэнергии). На станции Фукусима-1 в трех реакторах расплавились топливные стержни, четвертый разнесло взрывом водорода. Почва в радиусе 30–50 км вокруг станции была заражена радиоактивными выбросами, радиоактивная вода попала в океан. Уровень радиации в прибрежной зоне возле второго энергоблока превысил норму в 6500 раз. Японское агентство по ядерной и промышленной безопасности объявило о присвоении аварии на «Фукусима-1» седьмого, наивысшего уровня опасности. До этого максимальный уровень опасности устанавливался в мире лишь однажды — во время аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г.

В силу разрушений инфраструктуры и дефицита электроэнергии промышленное производство во втором квартале 2011 г. упало на 8,5%, до уровня июля 2008 г. Суммарная величина ущерба составила более

[1] *Tatsuo Ito.* Japan Economists Offer Advice // The Wall Street Journal Asia. November 23–25, 2012.

430 млрд долл., 7% годового ВВП Японии. Для ликвидации последствий катастрофы были выделены на первые пять лет 20 трлн иен, что резко увеличило нагрузку на бюджет.

ВВП Японии вновь восстановился к весне 2012 г. Конъюнктура поддерживалась потребительским и инвестиционным спросом на внутреннем рынке и экспортом. Была оказана бюджетная поддержка программе субсидий для строительства жилых домов и покупки новых автомобилей. Но кризис в Еврозоне и снижение темпов роста в США и Китае отразились на экспортных поставках. Торможению способствовало и резкое повышение цен на мировых рынках продовольствия и энергоносителей. К концу 2012 г. Япония опять вплотную подошла к рецессии[1].

Серьезные сдвиги происходили в энергетическом балансе и в энергетической политике. Планы строительства новых атомных электростанций отменены. Летом 2012 г. все 50 атомных реакторов были заглушены для стресс-тестов и профилактического ремонта. Тогда же Министерство экономики, торговли и промышленности провело через парламент новую энергетическую стратегию. Принят предельный срок работы реакторов в 40 лет, после чего они будут демонтироваться, а новые реакторы строиться не будут. Для 2030 г. установлена контрольная цифра экономии электроэнергии в 10% от уровня 2010 г. Все осветительные приборы в стране будут заменены на светодиодные. В энергетике началась серьезная реформа. Передача и сбыт отделяются от генерации электроэнергии. Строится система межрегиональных оптовых сетей, начала работать электроэнергетическая биржа, создавалась законодательная база для конкурентного рынка электроэнергии.

Нехватка электроэнергии покрывалась из разных источников, в том числе импортом сжиженного природного газа из Катара и Австралии, чья доля в производстве электроэнергии достигла 60%. Япония стала крупнейшим импортером сжиженного природного газа в мире. В стране ускоренными темпами строится сеть газопроводов и 10 тепловых электростанций, которые будут работать на этом газе.

Повышение тарифов стало стимулом для развития альтернативной энергетики: ветровые турбины, электростанции на геотермальных водах, океанских приливах и солнечных батареях, печи для сжигания биомассы (рисовой соломы). Япония — мировой лидер в этой области, субсидируемой правительством. Небольшие солнечные батареи прочно вошли в быт, владельцы магазинов и многих жилых домов ставят их на крыши.

Непростая ситуация складывалась в сфере внешней торговли. Экспортные поставки японских компаний сократились как в результате

[1] Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика: Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М., 2012. С. 69.

снижения спроса в США и стран Евросоюза, так и из-за высокого курса иены. С 2007 по 2011 г. общий объем экспорта сократился на 12%. За это время японские корпорации уступили компаниям Южной Кореи, Тайваня и Китая мировое первенство в производстве электронных компонентов, персональных компьютеров, телевизоров, энергосилового оборудования, черных металлов и пластмасс. Япония уже сама ввозит из этих стран цифровые фото- и видеокамеры, мобильные телефоны и смартфоны, жидкокристаллические экраны, кондиционеры, стиральные машины и пр. Лидерство сохраняется в области уникального оборудования (суперкомпьютеры), в производстве медицинской техники и новейших лекарственных средств, строительных машин.

Японские компании широко используют бум инфраструктурного строительства в развивающихся странах. В Японии есть новые технологии строительства сейсмостойких сооружений и накоплен большой опыт строительства скоростных автомобильных и железных дорог, мостов, тоннелей, систем водоснабжения, аэропортов и пр. Но и на этом перспективном рынке японские компании начинают проигрывать тендеры конкурентам из Китая и Южной Кореи, предлагающим более низкие цены. Крупнейшим проектом в Юго-Восточной Азии, который японские компании готовят при дипломатической и финансовой поддержке своего правительства, является так называемый Южный экономический коридор — от Вьетнама через Камбоджу, Таиланд и Бирму в Индию.

Перспектива выхода на мировой рынок есть у высококачественной продукции сельского хозяйства. Потребители в Восточной Азии, например богатые китайцы, охотно покупают японский рис, хотя он намного дороже местного. Создание крупных экспортных хозяйств во многом сдерживается существующей системой сельскохозяйственного производства. Семейные фермы, объединенные сетью снабженческо-сбытовых кооперативов, обладают большой электоральной силой, нередко решая исход выборов. Аграрное лобби сопротивляется отмене субсидий и снижению тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции.

Высокий курс иены, высокие ставки налога на прибыль, дефицит и дороговизна электроэнергии — все это побуждает компании выводить капиталы из страны. Каждая четвертая промышленная компания имеет филиалы за рубежом. В Китае находится 27% этой филиальной сети, 30% — в остальных странах Азии. Восемь автомобильных компаний (Toyota, Honda, Nissan, Mitsubishi, Mazda, Suzuki, Subaru и Isuzu) 30% своих машин производят за границей[1].

Япония попала и в демографическую ловушку.

[1] Там же. С. 70–75.

Численность населения в трудоспособном возрасте, определяемом с 15 до 64 лет, достигла максимума в 1995 г. — 87,3 млн, а к 2012 г. сократилась до 81,5 млн человек. Доля лиц в возрасте старше 65 лет в общей численности населения удвоилось с 1990 до 2010 г., в абсолютных цифрах — с 18,3 до 29 млн человек[1]. При этом японские женщины впервые с 1985 г. потеряли титул главных долгожительниц планеты: с ожидаемой средней продолжительностью жизни в 85,9 лет в 2011 г. они уступили обитательницам Гонконга[2].

Япония стала своего рода демократической геронтократией, где старшее поколение — решающая политическая сила, политический вес которой заметно превосходит ее численность. Во-первых, пенсионеры участвуют в выборах активнее других. Во-вторых, избирательные округа нарезаны таким образом, что регионы с пожилым населением имеют большее представительство в парламенте. Существует небезосновательное мнение, что Япония попала в дефляционную ловушку именно из-за давления геронтократии: для пожилых дефляция предпочтительнее инфляции, так как большая часть сбережений пенсионеров — активы с фиксированной доходностью, депозиты и облигации. Японские корпорации переполнены пожилыми сотрудниками, получающими большую зарплату, чем их более молодые коллеги. Социальные лифты закупорены сверху.

Уровень безработицы, составляющий менее 5%, по международным меркам, является низким. Однако для Японии, где на протяжении послевоенных лет безработицы как социального явления практически не существовало, это наиболее высокий показатель за несколько десятилетий. Кроме того, происходят такие болезненные процессы, как разрушение системы пожизненного найма на крупных предприятиях, резкое расширение масштабов применения различных форм временной занятости с менее выгодными условиями. Число временных рабочих, не имеющих страховок и социального обеспечения, вырос к 2012 г. до 20 млн человек (34% рабочей силы). Суицид и «кароши» (смерть от изматывающей работы) все чаще поражают молодых мужчин. Растет число «хихикомори», как называют молодых людей, не выдержавших выпускных экзаменов в престижных университетах или не получивших сразу после их окончания работу в крупной корпорации. У них уже, скорее всего, никогда не будет «второго шанса»[3]. Уровень бедности (по японским меркам — это душевой доход менее 12 тыс. долл. в год) до-

---

[1] *Tatsuo Ito.* Japan Economists Offer Advice.

[2] Disaster and Demography in Japan. Generational Warfare // The Economist. August 4, 2012. P. 45.

[3] *Александр Зотин.* Геронт нашего времени // Коммерсантъ Деньги. 19–25 ноября 2012. С. 23–24.

стиг 14%, вдвое больше, чем десятилетием ранее. Бросается в глаза рост числа бездомных на улицах японских городов.

Вместе с тем в ближайшем будущем Япония останется высокоразвитой страной, обладающей огромным научно-техническим потенциалом, передовой промышленностью, современной инфраструктурой, мощной финансовой системой, еще надолго сохранит свое превосходство над Китаем по уровню жизни. Уровень деиндустриализации и спада промышленного производства не следует преувеличивать. Примерно пятая часть японского производства размещена за границей. В соответствии с концепцией летящих гусей Япония заняла передовую технологическую нишу[1].

Невестминстерская демократия

Долгое время Япония переживала период политической нестабильности: ни один из шести кабинетов, предшествовавших избранию Синдзо Абэ в 2012 г., не продержался у власти больше года. Но это не было особенностью момента: с 1885 г. в стране сменилось 96 премьеров, т.е. средний срок пребывания каждого у власти — 1,4 года[2].

Проблемы современной Японии связаны не только с экономикой, но являются производной и от особенностей политической системы. Институты представительной демократии были привиты стране, где до 1945 г. органичные предпосылки для такой демократии отсутствовали. Парламентаризм, появившийся в Японии в период Мэйдзи, не предполагал ответственности правительства перед парламентом — ключевую роль в управлении продолжили играть чиновники, подчиненные императору как единственному суверену.

Современная политическая система Японии по целому ряду параметров отличается от западных. К ее основным особенностям следует отнести:

- длительное доминирование одной партии при теоретической многопартийности, фракционная борьба внутри которой и обеспечивала динамику политического процесса и плюрализм;
- слабость политического лидерства, вызванная полной зависимостью премьера от фракционной расстановки сил в парламенте и в правящей партии, от общественного мнения;
- сосуществование параллельных механизмов принятия решений в структурах правящей партии (Совет по политическим вопросам

[1] The Deindustrialization of Japan May Be Neither as Complete nor as Damaging as Feared // The Economist. June 9, 2012. P. 53.

[2] *М. Приходина.* Акио Кавато: «Популисты сильнее землетрясения» // РБК. Май 2013. С. 52–53.

в годы правления ЛДП) и правительства при слабой политической координации внутри правительства;

- огромная роль несменяемой высшей карьерной бюрократии, которая пользуется авторитетом в обществе и считает себя незаменимой, высокомерно относится даже к членам правительства; до сих пор реальная власть в руках бюрократии, а не министров;
- монополия бюрократии на информацию, которая сама определяет уровень гласности в отношении правительственной политики;
- большее значение подзаконных актов, нежели законов;
- высокий уровень независимости и самодостаточности отдельных министерств и ведомств, замкнутых на административного заместителя министра, большая степень ответственности средних звеньев управления;
- внушительный масштаб «серой зоны» принятия решений из-за взаимного переплетения интересов бюрократии, политических кругов и бизнеса, широкое сочетание формальных и неформальных методов принятия решений в условиях их слабой правовой регламентации[1].

В Японии существуют влиятельные политические династии: четыре из последних шести премьеров — Абэ, Фукуда, Асо, Хатояма — были детьми или внуками председателей правительства. Две пятых депутатов от ЛДП гарантированно избираются от округов, которые раньше представляли их отцы, деды или дяди[2].

Исследователь политических систем Р. Дэвид утверждает, что демократические институты в стране практически не действуют, он констатирует: «Японцы не любят вмешиваться в общественные дела и предпочитают, чтобы ими управляли сильные мира сего». При этом идея права в их сознании по-прежнему связана с наказанием и тюрьмой; право — ненавистная вещь; честные люди должны сторониться права. Вызов в суд даже по гражданскому делу считается постыдным, страх позора можно считать главной движущей силой, определяющей поведение японцев… Никто не обращается в суд для осуществления своих прав, как это предусматривается кодексами… Наилучший вариант — это не судебное решение, удовлетворяющее обе стороны, а отказ от иска и полюбовное соглашение»[3].

Многочисленные претензии к архаичной политической модели, которая оказалась неспособной обеспечить экономический рост, ежегодная смена премьер-министров и катастрофическое снижение попу-

---

[1] См.: *Э.В. Молодякова.* Политическая сисема Японии // Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011. С. 547–568; *Д.В. Стрельцов.* Современная система государственного управления Японии // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 550–570.

[2] Japanese Politics. To the District Born // The Economist. November 29, 2014. P. 48.

[3] Введение в востоковедение. С. 220–211.

лярности ЛДП после отставки Дзюнъитиро Коидзуми в 2006 г. — все это вызывало требования перемен. В период кризиса 2007–2009 гг. местные эксперты наперебой отмечали психологический надлом нации, в которой за многие десятилетия имитации и улучшения западных моделей и аналогов исчезли люди, способные принимать на себя риски и действовать нестандартно. Рейтинг премьер-министра Таро Ассо упал до 11%.

В сентябре 2009 г. к власти впервые за десятилетия пришла оппозиция –Демократическая партия Японии (ДПЯ) во главе с Юкио Хатоямой. Идеология ДПЯ предполагала превращение Японии в «нормальную страну» с западной (вестминстерской) политической системой, легализованными вооруженными силами и внешнеполитическим суверенитетом. Успех ДПЯ позволял говорить о формировании в стране «нормальной» двухпартийной системы. Однако противостояние либерал-демократов и демократов не имело столь принципиального значения, как пытались порой представить их лидеры. Практически все высшее руководство ДПЯ составляли выходцы из ЛДП, у них схожее мировоззрение.

Надежды населения на реальные изменения в политике не оправдались. Первый кабинет ДПЯ во главе с Хатоямой, несмотря на первоначальную рекордную популярность (70%), смог удержаться у власти чуть более полугода. На фоне резкого падения рейтингов правительства, связанного с коррупционными скандалами и неспособностью решить вопрос передислокации американской военной базы с Окинавы, правительство 2 июня 2010 г. ушло в отставку.

Новый лидер — Наото Кан — не был потомственным политиком и получил известность как ярый борец с бюрократией. Кан являлся сторонником бюджетной экономии и ослабления курса иены для повышения конкурентоспособности страны. Был взят курс на восстановление в полном объеме отношений с США при продолжении сближения с Китаем. Кан так и не доказал, что обладает сильными лидерскими качествами, что проявилось в период национальной трагедии — цунами. Семьдесят процентов граждан были недовольны действиями кабинета по ликвидации последствий землетрясения и аварии на АЭС, рейтинг составлял от 21 до 27%. Оппозиция потребовала его отставки. Третьего апреля 2011 г. Демократическая партия потерпела сокрушительное поражение на местных выборах, не получив большинства ни в одной из 41 префектуры, где проводились выборы (всего в Японии 47 префектур).

Политический кризис привел к избранию главой правительства Йосихико Ноды — бывшего министра финансов. За исключением разве что экс-министра иностранных дел Маэхары — который тоже недолго задержался в правительстве, в кабинете не было ярких и опытных по-

литиков. Нода не обладал поддержкой ни внутри парламента, где ДПЯ не имела даже простого большинства, ни внутри собственной партии.

В целях борьбы с дефицитом в июне 2012 г. Нода провел через парламент законопроект о повышении налога с продаж с 5 до 10% с октября 2015 г., но цена победы была слишком высока. Чтобы заручиться поддержкой оппозиционной ЛДП, Нода пожертвовал двумя министрами и одновременно получил раскол в собственной партии, 57 депутатов от которой голосовали против премьера[1]. Всплеск недовольства вызвало и решение правительства возобновить летом 2012 г. работу двух реакторов на АЭС для преодоления энергокризиса. Затраты на нефть и газ, необходимые для компенсации потерь в производстве электроэнергии, стоили 100 млн долл. в день, что привело к дальнейшему росту бюджетного дефицита[2].

Нода объявил парламентские выборы на 16 декабря. В них приняло участие 14 политических партий, которые пытались представить себя альтернативными центрами силы. Наиболее сильными выглядели альянс партии Восход экс-губернатора Токио Синтаро Исихара, который настаивал на более жесткой линии в отношении Китая и обретении ядерного оружия, и Партия реставрации Японии во главе с мэром Осаки Тору Хасимото, борцом против атомной энергетики. В какой-то момент казалось, что ведущие партии получат на двоих меньше половины голосов: за ЛДП в ноябре собирались голосовать 25% избирателей, за правившую ДПЯ — вдвое меньше[3].

Оппозиционная ЛДП шокировала страну выдвижением на пост лидера бывшего премьера Синдзо Абэ, который потерял этот пост в 2007 г. из-за обвинений в ультранационализме и неспособности запустить мотор экономики. Во время избирательной кампании Абэ призывал к «неограничнному стимулированию» экономики в размере 15 трлн иен (181 млрд долл.), снижению высшей планки налогов на корпорации с 38 до 20%, чтобы добиться 2-процентной инфляции и 3-процентного роста ВВП, отказу от госрегулирования в энергетике и здравоохранении[4]. Платформа ЛДП призывала отказаться от послевоенной Конституции и заменить ее новым документом, который подчеркивал бы «японскую честь и японскость», пересмотреть «несправедливый» взгляд на роль страны во Второй мировой войне как агрессивную. Предлагалось активизировать оборонные усилия в свете

---

[1] *George Nishiyama.* Japan's Noda Faces Key Tests as Tax Bill Advances // The Wall Street Journal. June 8–10, 2012; *Mure Dickie.* Noda Wins Vote on Sales Tax Rise // Financial Times. June 27, 2012.

[2] Japan's Anti-Nuclear Protests. The Heat Rises // The Economist. July 21, 2012.

[3] *Martin Fackler.* A Brash Political Samurai // International Herald Tribune. September 27, 2012; Japan's Election. Pole Dancers // The Economist. November 24, 2012. P. 55–56.

[4] Japan's Dismal Election // The Wall Street Journal Asia. November 23–25, 2012; *Маргарита Лютова.* Борец с дефляцией // Ведомости. 27 декабря 2012.

северокорейских ядерной и ракетной программ, роста военных усилий Китая и «возвращения российского милитаризма», что угрожало территориальной целостности и суверенитету Японии[1].

ЛДП победила на выборах, и в самом конце 2012 г. парламент утвердил Синдзо Абэ в качестве премьера. Министром финансов стал еще один бывший премьер Таро Ассо. Четвертого апреля 2013 г. новый председатель Банка Японии Харухико Курода объявил детали политики, призванной вывести Японию из «потерянного 15-летия». Банк переходил к таргетированию денежной базы, которая должна была удвоиться в течение двух лет, как и его вложения в государственные облигации и акции. Был начат выкуп и более рискованных активов. На приобретение гособлигаций выделялось 50 трлн иен ежегодно. Курода пообещал разогнать инфляцию до 2% за два года[2].

Ослабление курса йены для стимулирования экспорта было названо первой стрелой экономических реформ. Второй стрелой стали налоговые стимулы на 105 млрд долл., которые помогли строительной отрасли и тяжелой промышленности. Третьей стрелой назвали структурные реформы

Абэномика поначалу понравилась и рынку, и населению: на фондовом рынке началось ралли, рестораны вновь начали наполняться людьми. Рост экспорта, потребительский оптимизм, небольшой рост занятости и зарплат, избрание Токио столицей летней Олимпиады 2020 года поднимали настроение нации. К июлю 2013 г. рейтинг популярности кабинета Абе достиг 57% и не сокращался до конца года[3]. На выборах в палату советников 21 июля 2013 г. либерал-демократы одержали безоговорочную победу, установив контроль уже над обеими палатами парламента. Абэ получил карт-бланш на проведение любой политики[4].

В первом квартале 2013 г. экономический рост достиг 4% в годовом выражении, подстегиваемый ростом потребительского спроса и экспорта, но уже в четвертом квартале замедлился до 1%[5], что дало среднегодовой рост в 2,6%. Инфляция разогналась до 3,5% к апрелю 2014 г. ВВП вновь начал расти — 6% в первом квартале 2014 г., но при этом фондовый рынок потерял 13%. С 1 апреля 2014 г. был повышен с 5 до 8% налог на продажи, не только не вызвавший восторга у населения, но и приведший к падению ВВП на 7,1% за квартал в годовом выражении. Инфляция вновь снизилась — до 1,5%. Дефицит бюджета превышает

---

[1] *Yuka Hayashi, Alexander Martin.* Japan's Opposition Emphasizes Military, Territory // The Wall Street Journal Asia. November 22, 2012.

[2] *Сергей Смирнов.* Япония борется за инфляцию // Ведомости. 5 апреля 2013.

[3] Elections and Japan. Man with Plan // The Economist. July 20, 2013. P. 43.

[4] Japan's Election. License to Grow // The Economist. July 27, 2013. P. 11–12.

[5] *Jonathan Soble.* Consumers Put Heart into Japan Growth // Financial Times. May 17, 2013.

3%, государственный долг на конец 2014 г. составил 240% ВВП[1]. Не случайно, что агентство Мудиз понизило кредитный рейтинг Японии до уровня А1, что ниже китайского или южнокорейского, на уровне Эстонии или Бермудских островов[2].

В июне 2014 г. Абэ приступил к реализации плана «третьей стрелы», объявив о сокращении налогов на корпорации, реформе Правительственного фонда пенсионных накоплений, чьи средства было решено перенаправить на фондовый рынок, а также мерах по возвращению женщин на рынок труда[3].

Главные риски реализации правительственного курса аналитики видят в возможности долгового коллапса Японии. Летом 2013 г. МВФ назвал возможный провал абеномики в качестве одного из самых больших рисков для мировой экономики. Тогда японский долг перевалил за символическую отметку в квадриллион иен (10,3 трлн долл.), а в 2014-м только на обслуживание процентов по нему уходило 25 трлн иен. Пока японские инвесторы готовы под очень низкий процент оплачивать госдолг (95% долга находится на руках граждан через банки, страховые компании и пенсионные фонды). Но если рост остановится, настроение граждан может измениться, что приведет к крайне негативным последствиям не только для японской, но и для всей мировой экономики[4]. Очередной доклад МВФ 2014 г. фиксировал, что «первоначальный импульс абеномики был сильным, но, похоже, он иссякает», и указывал на риски возвращения к низкому росту и дефляции[5].

Неоднозначно отношение к абеномике со стороны делового сообщества, причем не только со стороны аграриев и рыбаков, регулярно устраивающих акции протеста. В японской культуре принято различать хонне — выражение реальных чувств и мыслей, и татемэ — их публичное выражение. Хиромаса Йонекура — руководитель крупнейшей предпринимательской организации Keidanren — позволил себе редкое хонне, назвав проводимую монетарную политику безответственной. Бизнесу не нравятся призывы Абэ поднять уровень заработной платы, активнее брать на работу женщин, установить более строгий контроль над корпорациями. Главы крупных компаний не испытывают тяги к переменам, предпочитая более консервативные деловые практики[6].

---

[1] Coming to a Crunch: Time is Running Out for Abenomics // The Economist. The World in 2015. P. 68.

[2] *Ben McLannahan.* Sales Tax Delay Sparks Japan Downgrade // Financial Times. December 2, 2014.

[3] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 329–331.

[4] *Thomas Catan.* Global Impact of Japan's Revival Bid // The Wall Street Journal. July 29, 2013.

[5] *Jonathan Soble.* Abenomics Impact Waning, Says IMF // Financial Times. April 29, 2014.

[6] Big Business in Japan Publicly Supports Abenomics while Being Privately Wary // The Economist. November 9, 2013. P. 70; *Tamzin Booth.* Trials of a Superhero // The Economist. The World in 2014. P. 65.

В современной мировой экономической науке слово «Япония» порой используется почти как ругательство, как символ экономической неэффективности. Пол Кругман, желая подчеркнуть неудачи экономической политики Швеции, написал, что она превращается в Японию[1].

Только усугубляется проблема стареющего и сокращающегося населения, которое не спешит тратить деньги, что ограничивает спрос, или предпочитает тратить их за рубежом. Возможность увеличения числа рабочих рук за счет либерализации иммиграционного законодательства не рассматривается. При этом уровень жизни растет мало: ВВП на душу населения составляет 38–39 тыс. долл., что соответствует примерно уровню Великобритании[2].

Японцы начинают сознавать, подчеркивает профессор Университета Васеда Норихиро Като, что «мечта о возвращении Японии в эру быстрого роста, движимого экспортом, как в период с конца Второй мировой войны до конца 1980-х, может быть нереалистичной»[3].

Правительство Абэ стало самым долгоживущим за всю послевоенную историю Японии. Все 18 министров, назначенных в конце 2012 г., сохранили свои посты вплоть до конца 2014 г. Но это не гарантировало премьеру безоблачное политическое будущее. Его популярность падала вместе с темпами экономического роста — до 39% осенью 2014 г. Внутри ЛДП зрело недовольство его правого крыла, во главе которого встал генеральный секретарь партии Сейгеру Ишиба, весьма популярный среди рядовых либерал-демократов, готовый бросить вызов Абе за лидерство в партии. Серьезные противоречия возникли и с партнером по парламентской коалиции — партией Новая Комейто, которая недовольна весьма непопулярными в стране шагами Абе в сфере национальной безопасности, которые грозят обострить отношения с ближайшими соседями[4].

В этих условиях Абэ пошел на решительный и рискованный политический шаг — проведение 14 декабря 2014 г. досрочных парламентских выборов, не дав другим партиям времени на подготовку. Премьер не побоялся вынести на суд избирателей все свои спорные инициативы: планы повысить налог с продаж с 8 до 10% к 2017 г., пересмотр мирных статей Конституции и возобновление работы ядерных реакторов. Риск себя полностью оправдал. ЛДП, не встретив серьезного сопротивления и при рекордно низкой явке избирателей (53%), сохранила за собой две трети мест в парламенте, а вместе с Комейто получила 325 и 475 мест в нижней палате[5].

---

[1] *William Pesek.* Krugman's Well-Timed Wisecracks on Japan // Gulf News. April 29, 2014.

[2] The Economist. The World in 2014. P. 97.

[3] *Norihiro Kato.* Japan in a Post-Growth Age // International New York Times. December 4, 2013.

[4] Japan's Right Wing. Unwelcome Change // The Economist. August 30, 2014. P. 41–42.

[5] *Галина Дудина.* Япония оказала доверие премьеру // Коммерсантъ. 15 декабря 2014.

Непотопляемый авианосец

Долгое время Япония воздерживалась от участия в решении глобальных военных и политических проблем: как из-за травматического шока (первой в истории оккупации страны и ядерной бомбардировки), так и наличия американского зонтика безопасности.

Японская политика в выборе союзников традиционно строилась на «следовании за сильным, а не на противодействии ему», «заключении альянса с наиболее влиятельной силой». В современной Японии отсутствует сильная традиция самостоятельной внешнеполитической или военно-политической мысли. Все основополагающие концепции во многом вторичны по отношению к доктринам национальной безопасности США и планам американского военного развертывания. В своей глобальной стратегии Токио сильно ориентирован на Вашингтон, во многом разделяя его видение ситуации в мире. Однако набирают силы и сторонники ориентации на азиатский мир. Но такая переориентация тоже не проста. Японию в Азии, мягко говоря, не любят.

Концептуальными основами национальной обороны Японии являются положения Конституции (особенно статья 9) и ряд пацифистских законов, которые предусматривают проведение исключительно оборонительной политики, отказ от превращения в военную державу, гражданский контроль над вооруженными силами, соблюдение трех неядерных принципов (не обладать, не производить и не допускать размещения ядерного оружия на своей территории). Формально в Японии нет вооруженных сил, только «силы самообороны», на которые нельзя тратить больше 1% ВВП. Со второй половины 1970-х гг. Япония начала разрабатывать концепцию всеобъемлющей, или всеобщей безопасности, которая помимо военной охватывала и социально-экономическую сферу. Концепция комплексного обеспечения национальной безопасности 1980 г. выделяла шесть достаточно ограниченных приоритетных направлений:

- тесное военное сотрудничество с США;
- наращивание собственных возможностей по защите своей территории;
- улучшение отношений с Китаем и Россией;
- обеспечение энергетической безопасности;
- обеспечение продовольственной безопасности;
- создание механизмов по предупреждению последствий землетрясений.

В 1980–1990-е гг. шло активное развитие концепции «кризисного контроля», в которой чисто военные аспекты находились не на переднем плане. Приоритет отдавался вопросам экономической и продовольственной безопасности, сохранности морских коммуникаций, а с

1990-х гг. — проблеме терроризма. Последняя особенно остро встала в связи с деятельностью секты «Аум синрике», осуществившей в 1995 г. террористический акт с применением зарина в токийском метро. Позднее к числу приоритетов добавилась борьба с изменением климата, а также с пандемиями (птичий грипп и т.п.). Сама инициатива создания международной системы борьбы с глобальным потеплением — Киотский протокол — явилась формой ответа на эти угрозы.

На протяжении последних десятилетий непрерывно шли дискуссии о возможности изменения конституции для снятия ограничений и усиления военно-политических позиций страны, однако они чаще всего заканчивались победой сторонников умеренной линии. Толчок к более активному участию в международных делах и задействованию вооруженных сил за пределами страны был дан событиями 11 сентября 2001 г. в США и поддержкой Токио американских операций в Афганистане и Ираке. Япония направила корабли-заправщики в Индийский океан, предоставила ограниченные контингенты, в основном, для осуществления гуманитарных миссий. В начале 2009 г. Япония направила корабли морских сил самообороны в Аденский залив для участия в международной операции по борьбе с пиратством. Однако это расширение военных обязательств Японии сопровождалось сокращением ее оборонных расходов на протяжении почти всех «нулевых» годов.

Новая кампания за увеличение военных программ началась на фоне роста военного потенциала Китая и особенно после ракетно-ядерных испытаний КНДР в апреле–мае 2009 г. Правительство Таро Асо впервые назвало Северную Корею угрозой для Японии, развернуло на своей территории элементы американской системы противоракетной обороны, заявило об интересе к обретению собственных сил оперативно-тактического сдерживания. Был законодательно зафиксирован статус Министерства обороны, формировались полноценные разведсообщества, расширялась законодательная база для действий вооруженных сил за рубежом.

В декабре 2010 г. были опубликованы «Основные направления Программы национальной обороны», где декларировался переход от «базовой» к «динамичной» обороне, призванной обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы, в числе которых названы рост военной мощи Китая, усиление активности его военно-морского флота в Восточно-Китайском море, а также ракетно-ядерная программа Северной Кореи. В соответствии с концепцией «динамичных возможностей» силы самообороны Японии должны быть готовы к реагированию на самый широкий спектр угроз, включая теракты, провокации и иные формы нападения как в традиционных сферах (морские и наземные пространства), так и в космосе, и киберпространстве. Главный упор в программе модернизации «сил самообороны» делался на укрепление

потенциала береговой охраны в Восточно-Китайском море. В рамках программы ПРО ТВД в военно-морские «силы самообороны» поступали шесть эсминцев с новейшими противоракетными комплексами «Иджис». В целом «Новые направления» отразили качественный сдвиг: впервые за послевоенный период «политика Японии утратила выраженный реактивный характер и эволюционировала в сторону большей проактивности»[1].

Даже несмотря на сохраняющиеся ограничения на военные расходы в пределах 1% от ВВП, Япония сегодня обладает пятым военным потенциалом в мире. Численность вооруженных сил — 230 тыс. человек, из них в сухопутных силах самообороны — 133,4 тыс., морских силах самообороны — 42,4 тыс., военно-воздушных силах — 34,8 тыс. Космическая группировка насчитывает четыре спутника. В Японии дислоцировано около 30 тыс. военнослужащих США (армия — 2,5 тыс., флот — 3,7 тыс., ВВС — 12,6 тыс., морская пехота — 14,4 тыс.)[2].

Япония способна создать собственное ядерное оружие и не исключает такой возможности. Ядерная стратегия была сформулирована в 1969 г. как внутренний документ МИДа, и о нем стало известно из публикации в газете Mainichi Shimbun в 1994 г. В документе говорилось об отсутствии намерения «какое-то время» создавать атомное оружие и о стремлении «поддерживать экономический и технический потенциал для производства ядерного оружия». На третьем саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г. японское правительство заявило о передаче США 700 фунтов оружейного плутония и большого объема высокообогащенного урана. Вместе с тем, остановка атомных реакторов делает сложным обоснование продолжения программы обогащения оружейных ядерных материалов[3].

Абе заявил себя как сторонник пересмотра 9-й статьи японской Конституции, но его далеко идущие планы в этом отношении встретили сопротивление со стороны пацифистки настроенного партнера по парламентской коалиции — партии Комейто. Поэтому курс на ремилитаризацию осуществлялся в слегка завуалированной форме.

В декабре 2013 г. парламент принял закон о создании Совета национальной безопасности по образу и подобию аналогичных структур в США и Великобритании. Была опубликована новая Стратегия национальной безопасности и принят закон, предусматривающий резкое ужесточение ответственности за разглашение чувствительной

---

[1] *Д.В. Стрельцов.* Москва и Токио: выйти из спячки: Почему японская политика никак не преодолеет кризис // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2011.

[2] The Military Balance 2010. The annual asseisment of global military capability and defence economy. L., 2010. P. 381–382, 388, 408–411.

[3] *Norihiro Kato.* Ambiguities of Japan's Nuclear Policy // International New York Times. April 14, 2014.

информации (закон был непопулярен). Министерство обороны выпустило измененные Программные установки по национальной обороне и Среднесрочную оборонную программу, в которых декларировалось намерение создать «динамичные вооруженные силы», способные проецировать силу за пределами «японской периферии»; улучшить взаимодействие всех родов войск; создать силы, способные осуществлять одновременно и морские, и сухопутные операции (amphibious capability). Военные расходы выросли за 3% — самое большое увеличение с начала века[1].

С 1 апреля 2014 г. в Японии отменен действовавший с 1976 г. запрет на экспорт оружия — за исключением тех стран, которые находятся в состоянии войны или под санкциями СБ ООН. Токио способен предложить корабли, системы ПВО, средства радиоэлектронной борьбы, электронные компоненты, конкурируя скорее с США и странами ЕС, чем с Россией[2].

Офис премьер-министра создал специальный Совет по восстановлению правовой основы в области обороны, который в мае 2014 г. представил свои рекомендации о том, как интерпретировать «самооборону» в современных условиях и как она соотносится с потребностями «коллективной обороны». В качестве примеров назывались: поддержка американских усилий на Корейском полуострове, защита путей транспортировки нефти в Персидском заливе, защита американских морских маршрутов в других частях земного шара. После согласования с Комейто была принята концепция «ограниченной коллективной самообороны», которую будут использовать в трех случаях: если атака на другое государство будет представлять «очевидную опасность» существованию Японии и конституционным правам ее граждан; если не существует другой возможности защитить Японию и ее граждан; и если применение силы будет сведено к минимуму. В 2015 г. принимается 17 законов, позволяющих вооруженным силам осуществлять такие операции. Как считают эксперты, эти изменения «откроют дорогу пересмотру всей «ориентированной на оборону военной политики», которая проводилась во все послевоенные годы». И все без изменения конституции. Китай и Южная Корея уже выразили свою понятную озабоченность этим фактом[3].

В японской внешней политике традиционно существовала дихотомия США — Азия. В послевоенный период была свойственна безоглядная верность американскому союзнику, подкрепляемая американским военным присутствием. Вашингтон также рассматривает

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 331–332.

[2] *Константин Волков.* Токио может стать серьезным игроком на рынке вооружений // Известия. 2 апреля 2014.

[3] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 332–334.

военно-политический союз с Токио в качестве основной несущей конструкции системы американских альянсов и инструментов влияния в АТР. Япония оказывала широкую политическую, дипломатическую и материально-техническую поддержку США в войне против Вьетнама. В 1964 г. она дала согласие на заход в японские порты американских атомных подводных лодок, в 1967-м — атомных авианосцев и других надводных кораблей. Впрочем, позиция японской элиты никогда не была однозначной. В ЛДПЯ сложились «националистическое», «пацифистское» и «меркантилистское» течения, каждое из которых имело собственное представление об угрозах и приоритетах. «Меркантилисты» всегда исходили из того, что главная угроза безопасности вызвана изоляцией страны и упадком системы мировой торговли, «националисты» били тревогу в связи с утратой суверенитета и полного подчинения Японии старшему партнеру, «пацифисты» тревожились по поводу риска вовлечения в вооруженный конфликт против своей воли[1].

В 1990-е гг. по широкому кругу вопросов японские лидеры научились по-азиатски мягко иногда говорить «нет» своим американским коллегам. Поворотной точкой в отношениях стало событие, которое один высокопоставленный японский чиновник назвал «большим крушением поезда»: в феврале 1994 г. премьер-министр Морихиро Хосокава ответил решительным отказом на требования президента Клинтона об увеличении Японией импорта американской промышленной продукции. Годом позже японский министр иностранных дел заявил, что «в эпоху экономической конкуренции между государствами и регионами японские национальные интересы куда более важны, чем стремление к западной идентичности»[2]. Администрация Клинтона пригрозила обложить 100-процентной пошлиной японские автомобили премиум-класса, а взаимные нападки достигли такого накала, что ведущие японские политики начали ставить под вопрос военное присутствие США.

В 1985 г. 87% американской общественности утверждало, что они испытывают дружеские чувства к Японии, в 1993 г. — лишь 50%, а почти две трети заявляли, что стараются не приобретать товары японского производства. В 1985 г. 73% японцев характеризовали отношения с США как дружеские, в 1993 г. 64% — как недружественные. Впервые в списке стран, угрожающих безопасности США, американцы поставили Японию впереди Советского Союза, и впервые японцы сочли, что Соединенные Штаты представляли большую опасность для Японии, чем СССР[3].

---

[1] *Д.В. Стрельцов.* Москва и Токио: выйти из спячки.
[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 359.
[3] Там же. С. 350.

Все чаще всплывал вопрос неравноправия японо-американского сотрудничества, началась активная полемика относительно переноса американской военной базы на Окинаве как «остаточного символа» поражения Японии во Второй мировой войне. Вместе с тем, было очевидно, что для Японии не видно альтернативы японо-американскому союзу.

Катастрофа 2011 г. в Японии привела к заметному сближению Токио с США. Немедленно посетившая с визитом Токио госсекретарь США Хиллари Клинтон провела встречи с императором Акихито, премьером Каном и подтвердила, что США будут оказывать Японии всестороннюю поддержку в преодолении катастрофы, а союз США и Японии остается «незаменимым для глобального прогресса и безопасности». В гуманитарной миссии Operation Tomodachi приняли участие 20 тыс. военнослужащих США. Военные двух стран провели беспрецедентные по масштабам учения «Томодати» («Друзья»), когда впервые за всю историю отрабатывалась полномасштабная совместная операция с участием всех родов войск. Новый уровень сотрудничества в военно-стратегической сфере был зафиксирован в ходе ежегодного совещания по вопросам безопасности с участием министров обороны и иностранных дел (формат «два плюс два») в июне 2011 г. Токио и Вашингтон выступили за налаживание более тесного взаимодействия в сфере безопасности с Австралией, Южной Кореей, Индией, что также явило собой новый момент в стратегии безопасности Японии.

Абе выступил за более тесное военно-политическое партнерство с США. Крупным символическим жестом могло бы стать вступление Японии в Транстихоокеанский союз, что предполагало открытие внутренних рынков. Абе выразил свою заинтересованность в этом в переговорах с Обамой в Вашингтоне[1]. В феврале 2013 г. впервые с 1997-го были пересмотрены US-Japan Defense Guidelines в сторону расширения рамок военного сотрудничества. Ослабла напряженность в отношении американских баз на Окинаве. Обама стал первым американским президентом, который заявил, что обязательство США по защите территории Японии распространяется и на острова Сенкаку.

В то же время не все в японо-американских отношениях безоблачно. Мало кто в Японии верит, что США действительно будут воевать с Китаем, если вспыхнет конфликт вокруг островов. Переговоры об участии Японии в Транстихоокеанском партнерстве зашли в тупик из-за требований со стороны Токио особых для себя условий в торговле рядом продовольственных товаров и снижения таможенных пошлин в США на японские автомобили. Не помог даже визит Обамы в Японию в апреле 2014 г., когда этот вопрос стал предметом специальных пере-

[1] *Martin Fackler.* Abe Plays it Safe in 2nd Act // International Herald Tribune. February 20, 2013.

говоров[1]. После них японская команда сравнила переговорный процесс с 10-ю этапами восхождения на Фудзияму, из которых «преодолены седьмая или восьмая ступень, но никак не девятая»[2]. Впрочем, проблемы есть и с американской стороны. «Пока республиканцы неожиданно не дадут Обаме полномочия на проведение переговоров по ускоренной процедуре, пакт представляется безнадежной затеей. Даже если это произойдет, окончательная сделка точно будет TPP-лайт для Японии, коль скоро Абэ должен ублажить аграрных и автомобильных лоббистов»[3], — замечал Уильям Песек из Bloomberg Views.

Серьезным вызовом для отношений Японии с внешним миром в целом представляет курс Абе на подстегивание националистических настроений. Он отрицает нанкинскую резню 1937 г., корейское сексуальное рабство, регулярно посещает храм Ясукуни, где похоронены японские военные перступники, и считает унижением послевоенную оккупацию Японии Соединенными Штатами. При этом большинство японцев не подвержено националистическим настроениям, и электоральная поддержка Абэ больше связана с его экономическим курсом, чем с кампанией по подъему национального духа[4].

В США недовольны реабилитацией японских военных преступников и их преступлений. В марте 2014 г. The New York Times в редакционной статье писала: «Национализм премьера Синдзо Абэ представляет собой все более серьезную угрозу для отношений с Соединенными Штатами». Больше всего американцы опасаются, что воинственная риторика Абэ обострит отношения с соседями Японии, прежде всего с Пекином, а США меньше всего хотели бы выполнять свои союзнические обязательства перед Токио в случае китайско-японского конфликта или войны[5].

Для Японии Соединенные Штаты и Западная Европа являются не только партнерами, но и конкурентами, а азиатские страны — скорее нет, так как их развитие соответствовало концепции «летящих гусей», и они находятся в другой технологической нише. Роль Азии во внешней политике Японии неуклонно растет.

Вторым по значимости — после США — направлением внешнеполитической стратегии Японии является Китай. Дипломатические отношения между ними были установлены только в 1972 г. В 1974–1975 гг. были подписаны соглашения о торговле, авиационном сообщении, мореплавании и рыболовстве. В 1978 г. Япония заключила с КНР договор о мире и дружбе, согласившись (с некоторыми оговорками) на вклю-

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 334–336.

[2] *Jonathan Soble.* Abenomics Impact Waning, Says IMF // Financial Times. April 29, 2014.

[3] *William Pesek.* Krugman's Well-Timed Wisecracks on Japan.

[4] *Jennifer Lind.* Restraining Nationalism in Japan // International Herald Tribune. July 25, 2013.

[5] Mr. Abe's Dangerous Revisionism // International New York Times. March 3, 2014.

чение в него пункта о борьбе с «гегемонизмом», которому китайское руководство придавало антисоветскую направленность.

В последние годы Китай выступал в роли основного внешнеторгового партнера Японии. Одновременно японо-китайские отношения характеризуются глубоким взаимным недоверием и острыми проблемами: восприятие истории (диаметрально противоположные подходы к событиям японо-китайской войны 1937–1945 гг.); территориальные разногласия (притязания Китая на острова Сенкаку); будущее Тайваня; вопросы прав человека; незаконная иммиграция из Китая в Японию; негативное отношение Китая к американо-японскому союзу; резкий рост потенциала Китая как региональной сверхдержавы и возможность разработки в Пекине концепции «Большой Восточной Азии» без Японии[1].

Япония по совокупной военной мощи существенно уступает Китаю. Гарантии безопасности Японии, в том числе и ядерной, могут дать только Соединенные Штаты. Но и у Китая есть основания опасаться Японии. О них писал Збигнев Бжезинский: «Согласно китайским политическим и военным изданиям, Япония, помимо того, что она имеет сверхсовременные военно-морские и военно-воздушные силы, наращивает внушительный арсенал баллистических ракет, который в качественном отношении уже превосходит аналогичные силы Франции и самого Китая и даже сопоставим с потенциалом Америки. В то же время очевидный интерес Японии к сотрудничеству с Соединенными Штатами в создании оборонительной системы на базе управляемых ракет и приобретение ею сверхсовременных эсминцев ПВО "Эгис" рассматриваются как свидетельство ее намерения добиться стратегического превосходства над Китаем. В более мрачных китайских прогнозах дело выглядит так, будто Япония вот-вот превратится в мощную ядерную державу»[2].

Бедствие 2011 г. улучшило общую атмосферу в японо-китайских отношениях. Немедленно после землетрясения Китай предложил Японии около 20 тыс. т топлива и предметы первой необходимости, которые поставлялись и по государственной линии, и в форме пожертвований рядовых граждан и организаций. Большой резонанс получил показ по телевидению КНР, как китайские спасатели извлекали японцев из-под обломков домов.

Но с 2012 г. началось обострение вокруг островов Сенкаку после их национализации и последовавших резких акций Китая. Хотя глава МИД Генба заявлял, что Япония будет по-прежнему поддерживать

---

[1] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2010. С. 98–99.

[2] *Збигнев Бжезинский.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010. С. 138–139, 142–143.

«взаимовыгодные отношения, основанные на общих стратегических интересах» с Пекином[1], отношения стремительно покатились под откос. Только за первую половину 2013 г. прямые японские инвестиции в Китай упали на 31%, резко сократились размеры импорта из Японии — в основном из-за бойкота японской продукции со стороны китайцев (хотя свою роль играл и фактор удорожания китайской рабочей силы»). Китай перестал быть главным экспортным рынком для Японии, уступив первенство Соединенным Штатам[2].

В апреле 2014 г. Япония продемонстрировала Китаю объединенный японо-тайваньский фронт, подписав в Тайбеем соглашение о допуске тайваньских моряков в акваторию Сенкаку. Абэ и Си Цзиньпин впервые встретились только в ноябре 2014 г. на саммите АТЭС в Пекине, что позволило несколько подтопить лед недоверия.

Впрочем, как подмечает исследователь истории двусторонних отношений Уильям Чунг, «фокус исключительно на современных проблемах упускает тот факт, что отношения между Японией и Китаем всегда были цикличными, разворачиваясь от конфликта к сотрудничеству и наоборот»[3]. Так что вереди еще много зигзагов.

Важное место во внешнеполитической стратегии Японии занимает Республика Корея — и с точки зрения экономических интересов, и как «прифронтовое государство» в системе безопасности от «угрозы со стороны Пхеньяна». В последние годы все более очевидно стремление Сеула к выравниванию многолетних «подчиненных» взаимоотношений с Токио. Важный раздражитель в двусторонних отношениях — территориальные претензии Токио к Сеулу и «глубокие расхождения» в оценке исторического прошлого. В заявлении от 10 августа 2010 г. в связи со столетием аннексии Кореи Японией премьер-министр Наото Кан в чрезвычайно интенсивной форме принес извинения за колониальное господство. Однако проблемы в двусторонних отношениях не исчезли. В июне 2012 г. в последнюю минуту сорвалось подписание соглашения об ограниченном военном сотрудничестве, подготовленное правительством Ли Мен Бака в тайне от парламента и общественности. Кабинет обвинили в проведении прояпонской политики, а Японии припомнили все — от десятилетий оккупации до отказа Токио вести переговоры о компенсации корейским «сексуальным рабыням» времен Второй мировой войны[4]. Встреча на высшем уровне между Абэ и его южнокорейской визави в марте 2014 г. оказалась возможной только потому, что на этом настояли США, и встреча проходила в трехстороннем формате.

---

[1] *Koichiro Genba.* Japan-China Relations at a Crossroads // International Herald Tribune. November 21, 2012.

[2] *Simon Long.* A Long Winter // The Economist. The World in 2014. P. 67.

[3] *William Choong.* The Ties that Divide: History, Honor and Territory in Sino-Japanese Relations. L., 2014. P. 14.

[4] A Lost Deal // International Herald Tribune. July 9, 2012.

Япония занимает все более жесткую позицию в отношении КНДР. После испытаний весны 2009 г. и заявления о северокорейской военной угрозе, Токио поддерживал и поддерживает введение самых жестких санкций против Пхеньяна. В одностороннем порядке были введены запреты на любой импорт из КНДР и на заход северокорейских кораблей в японские порты. Односторонние санкции против Пхеньяна были продлены еще на два года в апреле 2013 г., когда Северная Корея заявила о состоянии войны с Южной, а Токио на время даже привел свои силы в боевую готовность. Северокорейская угроза воспринимается многими не сама по себе, а как «дополнение» китайской. Разработки ПРО ТВД усилиями Токио и Вашингтона следует рассматривать как часть стратегии сдерживания Китая, хотя формально он направлен против угрозы со стороны КНДР.

Одним из приоритетов внешнеполитической стратегии Японии в АТР становится углубление отношений со странами АСЕАН, основными направлениями которых назывались «открытый регионализм», экономическое партнерство, создание двусторонних и, по возможности, многосторонних зон свободной торговли. Парадоксально, но партнером Японии в регионе становится ее недавний геополитический противник — коммунистический Вьетнам. В ходе визита главы МИДа Гэмбы в Ханой в июле 2012 г. стороны договорились сотрудничать в обеспечении безопасности судоходства в оспариваемых Пекином районах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. В рамках объявленного стратегического партнерства Токио помогает Вьетнаму в создании службы береговой охраны и освоении месторождений редкоземельных металлов, чтобы обойти монополию Китая на их производство[1].

К концу 2013 г. Абэ закончил объезд столиц всех государств АСЕАН, где неустанно работал над созданием единого фронта противодействия Китаю. На саммите Япония–АСЕАН в декабре 2013 г. в Токио странам десятки была обещана экономическая помощь в размере 20 млрд долл. Однако способность Японии организовать государства ЮВА для противодействия Китаю остается под вопросом[2]. Ограничителем для роста влияния Японии в экономике и политике АТР является нежелание региональных стран принимать политическое и тем более военное лидерство Токио, также помня историческое прошлое. Одновременно в военно-политическом плане соседи склонны видеть в Японии исключительно дублера США. Мало кто готов к формированию новой «сферы сопроцветания» во главе с ней. У Японии надежных друзей в Восточной Азии нет.

---

[1] *Сергей Строкань.* Япония предлагает антикитайские услуги: Вьетнам приобрел нового партнера // Коммерсантъ. 17 июля 2012.

[2] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 337–338.

Япония все более активно заявляет о себе в Африке, для которой, как считают в Токио, очень подходит опыт индустриальных рывков эпохи Мэйдзи и послевоенного восстановления. Осуществляются инвестиции в Программу инфраструктурного развития Африки (транспорт, энергетика, вода), японцы помогли оборудовать 14 пунктов быстрого пересечения границ между африканскими государствами. С 2008 г. Японский банк международного развития выделил 2,9 млрд долл. на кредиты под низкие проценты в Африку, японские компании ведут на континенте активную геологоразведку[1].

В связи с катастрофой 2011 г. на первый план в японской дипломатии выходит энергетическая безопасность. Повышение спроса на углеводороды заставляют Токио диверсифицировать источники поставок, в первую очередь, на Ближнем Востоке и в Африке, что приводило к обострению конкуренции с Китаем и Индией в этих регионах. Вместе с тем, новые горизонты потенциально открывались в отношениях с Россией.

Японцы ни на йоту не отошли от своей позиции, согласно которой Россия «обязана» вернуть им все четыре острова. Промежуточные варианты даже не обсуждаются. Крупная уступка Владимира Путина, который, проявив заметное политическое мужество, согласился вернуться к формуле подписанной и ратифицированной двумя сторонами Совместной декларации 1956 г., предусматривавшей передачу нами двух островов после подписания мирного договора, встретила бурное возмущение и была Токио отвергнута. Поскольку Россия представляет хорошо пристрелянную пропагандистскую мишень, Токио не может убрать проблему «северных территорий» из центра повестки дня двусторонних отношений. В Москве же считают, что вопросы послевоенного урегулирования решены в Совместной декларации 1956 г. и в серии договоров и соглашений, заключенных и ратифицированных в двустороннем порядке.

Так что же, российско-японские отношения остаются в тупике? Не все так безнадежно. Среди стран «семерки» в 1990-е гг. Япония занимала наиболее благоприятную позицию в отношении России по целому ряду вопросов: борьба с терроризмом на Северном Кавказе, права человека, предоставление экономической помощи после дефолта 1998 г., подключение России к АТЭС[2]. Налицо сдвиги в сфере экономики, которая долгие десятилетия была заложником политики. Товарооборот между двумя странами вырос с 3 млрд долл. в 2000 г. до 31 млрд долл. в

---

[1] *Yutaka Yoshizawa.* Japan Is Committed to Aiding African Development // Business Report (South Africa). March 12, 2013.

[2] Современные российско-японские отношения и перспективы их развития / А.Н. Панов (рук.) и др. М., 2012. С. 27.

2012-м[1]. Россия является важным поставщиком энергетических ресурсов, цветных металлов, морепродуктов, леса. Японские компании стали абсолютными лидерами среди иностранных партнеров по объему капиталовложений в российский ТЭК. Японские инвестиции составили 30% в проекте Сахалин-1 и 22,5% в проекте Сахалин-2. Последний снабжает сырьем принадлежащий компании «Сахалин Энерджи» первый в России завод по сжижению природного газа в поселке Пригородное на юге Сахалина, мощность которого 9,6 млн т в год (5% от мирового производства сжиженного природного газа), 60% его продукции законтрактовано для поставок в Японию, в результате чего степень зависимости японского внутреннего рынка от поставок газа с проекта Сахалин-2 превысит 6%[2].

Политические сдвиги менее заметны. Большинство японских экспертов, ведущие газеты по-прежнему настроены к России весьма негативно. Уровень осведомленности о России и ее политике крайне низкий. В Японии существует комплекс превосходства в отношении России. Ей, как показал лондонский японист Александр Бух, приписывались все те недостатки неразвитости, культурные и психологические паталогии, которые можно было обнаружить в англо-американском дискурсе о Японии времен Второй мировой войны. Россия для Японии (где вообще доминируют западные модели знания), как и для Запада — ее Другое, и «инаковость России для Запада использовалась в японском дискурсе для конструирования принадлежности Японии к универсальной цивилизации, но в то же время и для указания на уникальное социокультурное превосходство не только над Россией, но над самим Западом»[3]. Выводы о подъеме «российского империализма» — в порядке вещей.

Японские военные с озабоченностью следят за усилением российского военного присутствия на Дальнем Востоке. В новой оборонной доктрине в качестве «источника тревоги» отмечается возобновление активности России на Дальнем Востоке, и прежде всего, учений с применением военных кораблей и стратегических бомбардировщиков (например, «Восток-2010»). Однако угроза военного конфликта с Россией, например, вокруг принадлежности «северных территорий», не рассматривается Токио всерьез. Согласно распространенной в истеблишменте точке зрения, Россию, обремененную грузом собственных внутренних проблем, следует рассматривать не как самостоятельную «угрозу», а в контексте ее партнерства с Китаем. Стало популярным мнение о том,

---

[1] Россия в цифрах. 2013: Краткий статистический сборник. М., 2013. С. 540, 542.

[2] *А.В. Иванов.* Энергетическая стратегия Японии и российско-японское сотрудничество в области энергетики // Ежегодник ИМИ — 2010. М., 2011. С. 261.

[3] *Александр Бух.* Япония: национальная идентичность и внешняя политика. М., 2012. С. 83, 222.

что визиты российского президента и других официальных лиц на острова Южно-Курильской гряды являются частью консолидированной стратегии Москвы и Пекина по давлению на Токио.

Одновременно антияпонские настроения усиливались и в России. С 1995 по 2011 г. уровень симпатий упал с 70 до 45%, тогда как уровень антипатий вырос с 19 до 31%. Более 90% россиян против передачи Курильских островов. Очевидно, понимая, что отношения могут зайти в тупик, в марте 2012 г. правительство Японии приняло решение не использовать более термин «незаконная оккупация» в отношении островов, заменив на формулу: «занятые без юридических оснований». Во время официального визита в Россию 29 апреля 2013 г. Абэ заявил, что повышение уровня сотрудничества между двумя странами как партнерами является потребностью времени[1].

На какой-либо принципиальный прорыв в двусторонних отношениях в ближайшем будущем рассчитывать трудно, особенно в свете введенных в отношении России санкций и ответного запрета на ввоз японских продуктов. Однако следует заметить, «до сих пор санкции Японии были самыми мягкими по сравнению с мерами, принятыми другими странами «семерки»[2].

* * *

Японию нередко относят к Западу. Но цивилизационно, как мы убедились, она точно не Запад.

В 1970–1980-е гг. успешное экономическое развитие Японии, которое контрастировало с застоем американской экономики, вызвало разочарование в западных моделях и новый интерес к родной культуре. Но японцам не так просто «соединиться с Азией». «Только Запад считает Японию “азиатской” страной, — подчеркивает Моизи. — В сегодняшней Азии, по прошествии более 60 лет с конца Второй мировой войны, Япония до сих пор презираема большинством своих соседей как надменная страна “Ниппон”. Будучи слишком западными для большинства азиатов, японцы по-прежнему остались слишком азиатами, и люди Запада не способны полностью их понять… Японцы, будучи первыми и пока единственными жертвами атомной бомбардировки, считают, что уже заплатили огромную цену за свое поведение во время войны, которое они рассматривают как ошибочное, но не обязательно преступное. “Мы будем готовы принести извинения за то, что начали войну в Азии, когда Америка принесет извинения за Хиросиму”, — за-

[1] *Елена Шаповалова.* Россия и Япония: взгляд заинтересованного наблюдателя // Международная жизнь. Август 2013. С. 125–126.

[2] *Владимир Петровский.* Россия и Восточная Азия в контексте украинского кризиса: «нет» санкциям, «да» новому миропорядку // Международная жизнь. Октябрь 2014. С. 53.

явил мне бывший японский дипломат во время моего последнего посещения Японии в октябре 2008 г.»[1].

Для японцев азиатские страны долгое время были «другими, от которых надо отличаться». Но в последние годы наметился психологический сдвиг, и некоторые страны Азии становятся «другими, на которые следует быть похожими»[2]. Японцы стали ездить на экскурсии, отдыхать в соседних странах, растет интерес к азиатской культуре. Очарование Запада и зависть по отношению к нему не исчезли, но очевидно любопытство японцев к тайской и китайской кухне, прикладному искусству Вьетнама и острова Бали, к кино Гонконга, Тайваня и Южной Кореи. Велик интерес к Индии как колыбели буддизма, к ее эзотеризму и древней культуре. «Японцам до недавних пор было свойственно смотреть на Восток сквозь фильтр стереотипов западных "азиаскептиков" — с нескрываемым чувством превосходства. Сейчас в основном японцы относятся к азиатам без примеси снобизма, как к родственникам»[3].

Япония сама настойчиво применяет «мягкую силу» в Восточной Азии. Японская поп-культура все больше захватывает молодое поколение Восточной Азии. Магазины «Исэтан», «Маруи» сильно влияют на потребительские вкусы в регионе.

Экономический застой негативно влияет на национальное самочувствие. «В течение десятилетий послевоенного восстановления Японии целое поколение японцев жертвовало своим экономическим положением ради величия и процветания своей страны, и японская нация охотно и старательно училась демократии и капитализму в западном стиле. Теперь же эти жертвы и годы ученичества кажутся бессмысленными, поскольку громадные соседи Японии набирают все больше и больше власти и влияния, не понеся сравнимых жертв. И вот Япония, "отличница" на протяжении десятилетий, сидит и смотрит, как "двоечникам" ставят лучшие оценки»[4].

Страна не уверена, какова ее природа и куда ей идти. Она болезненно воспринимает тот факт, что ее потеснили с экономического пьедестала не только Китай, но и Индия. В политических кругах Токио и особенно в МИДе (Гаймучо) чувствуется навязчивый страх Китая.

Поиск новой идентичности идет по старому руслу — японцы мечтают об «уютной Японии», «красивой стране», «азиатской Швейцарии», «стране второго шанса для человечества», строят «хорошее общество», в котором, однако, угадываются контуры старого традиционного уклада. Может ли Япония претендовать на роль сверхдержавы XXI века?

---

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 72–73.

[2] *Сергей Чугров.* Япония в поисках новой идентичности. С. 196.

[3] Там же. С. 206–207.

[4] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 74–75.

Вряд ли. «Размером примерно с Калифорнию, Япония никогда не обретет географические и демографические параметры Соединенных Штатов, — писал Джозеф Най. — Ее успех в модернизации, демократизации и в массовой культуре дает Японии некоторую мягкую силу, но этноцентричные настроения и политика ее подрывают»[1].

Японский традиционализм отступает под давлением глобализации, но сохраняет свою скрытую мощь. Японию ни с чем не спутать, как ни с чем не спутать кимоно (буквально означает «одежда»), для мужчин и женщин — халат с широкими рукавами, который запахивают на груди на правую сторону и завязывают поясом. Даже с распространением европейского костюма японцы надевают кимоно как парадный костюм по праздникам или в качестве домашнего халата. Ни с чем не спутать деревянные сандалии гэта в форме скамеечки, удерживаемые веревками или ремешками большим и вторым пальцами ног. При входе в жилище их оставляют за порогом дома, как и другую обувь. В Японии получили совершенство заимствованные из Китая традиции составления букетов (икебана) и выращивания карликовых деревьев (бонсай). И все знают каратэ, катаны, суши и сакэ. Россия — одна из немногих стран, где японская кухня пользуется большей популярностью, чем китайская.

Японская цивилизация возникла в борьбе со стихийными бедствиями — землетрясениями, цунами, извержениями вулканов. Во многом именно стихия сформировала уникальную японскую культуру с ее эстетикой возрождения из пепла, способствовала воспитанию силы духа, трудовой этики, способности к самоорганизации, коллективистского поведения. Не случайно у японцев есть поговорка: «Нихондзинно ти га нагарэтэ иру». «Японская кровь продолжает течь».

---

[1] *Joseph Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. 165.

Глава 11

ИНДИЯ

Власть над собой — единственная необходимая власть.

Махатма Ганди

Индия — планетарный гигант. Вторая по численности населения страна — с перспективой скоро стать первой. Четвертая экономика мира с перспективой к середине века стать второй, отодвинув Соединенные Штаты. Страна, от которой в огромной степени зависят судьбы мира. «По мере того, как Соединенные Штаты и Китай становятся великими державами-противниками, направление движения Индии может определить курс геополитики в Евразии в XXI в., — считает Роберт Каплан. — Другими словами, Индия превращается в самое главное уравновешивающее государство»[1].

Индия — стержневое государство Южной Азии — седьмое на планете по площади, которая составляет 3,28 млн кв. км. Расположенная в тропических и субэкваториальных широтах, отгороженная цепью высочайших в мире гор — Гималаев от северных ветров, она — одна из самых жарких стран мира. Ее отличает исключительное разнообразие природы: заснеженные пики, выжженные саванны, пустыни и джунгли.

В Гималаях берут начало потоки, питающие две великие реки Индостанского полуострова — Инд и Ганг. Инд, бассейн которого в наши дни практически весь находится в Пакистане, дал название страны, ставшей очагом древней цивилизации. Сами индусы называли реку Синдху, но персы превратили слово в Хинду. Из Персии оно перекочевало в Грецию, где использовалось для обозначения всего Индостана[2].

Горы способствовали замкнутости. Но они никогда не были непреодолимой преградой. Индия приняла немало миграционных волн, став домом для дравидских и арийских племен, кушан, гуннов-эфтаитов, иудеев, парсов, представителей многих мусульманских и других народов. Разнообразны были контакты с Египтом, Вавилоном, греко-римским миром, странами Центральной и Юго-Восточной Азии, Закавказьем,

---

[1] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography: What the Maps Tell Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. N.Y., 2013. P. 228.

[2] *Артур Бэшем.* Цивилизация Древней Индии. Екатеринбург, 2007. С. 15.

Китаем. С XII в. Северная Индия — часть мусульманского мира. С конца XV в. на ее территории появились португальцы, англичане, голландцы, французы, датчане, армяне.

Хараппа, Маурьи, Гупты

Историю Индии обычно ведут с протоиндийской, или хараппской, цивилизации (примерно XXVI–XVII вв. до н.э.), которая сложилась на огромной территории в долинах Инда и его притоков, в верховьях Ганга и на территории современного штата Гуджарат. Это была городская цивилизация, по уровню развития не уступавшая Древнему Египту и Шумеру. Ее центры — города Хараппа (по современному названию поселения в Пенджабе) и Мохенджодаро (на правом берегу Инда примерно в 400 км от устья) — были застроены домами из обожженного кирпича, нередко в два и более этажей, где имелись водоснабжение и канализация. Практиковалось орошаемое земледелие, было высоко развито ремесло, существовала культура обработки меди и бронзы.

Больше всего поражала Филиппе Арместо «культурная однородность: жители любого ее города или деревни чувствовали бы себя в других городах и деревнях как дома. Расположение улиц, конструкция домов, сооруженных из одинаковых кирпичей, иногда обожженных в печи, иногда высушенных на солнце, расположение административных и жилых зон — все это почти всегда одинаково… Форпосты этой цивилизации доходили до Шортугала в северном Афганистане, где шла торговля лазуритом и медью… Это было жестко стратифицированное и жестко управляемое общество. Огромные склады свидетельствуют о распределительной роли государства; иерархически расположенные жилища — о классовой, «даже кастовой системе… На всем пространстве мира Хараппы использовалась одна система письма»[1]. Она остается непрочитанной, хотя, похоже, ученые близки к разгадке. Есть основания полагать, что хараппцы первыми в мире освоили прядение и ткачество, запряженные быками повозки, а может быть, и вообще колесный транспорт[2].

Хараппская цивилизация просуществовала около тысячи лет и исчезла, судя по всему, в XIX–XVII вв. до н.э., похоже, еще до последовавшего в середине II тысячелетия до н.э. натиска индоарийских племен — от серии наводнений и упадка торговли с Месопотамией. Нет свидетельств генетической преемственности современной Индии от цивилизации Хараппы.

---

[1] *Фелипе Фернандес-Арместо.* Цивилизации. М., 2009. С. 299, 300.
[2] *Джон Кей.* История Индии. М., 2011. С. 37–38.

Вторжение индоариев, прародиной которых многие ученые считают южнорусские степи, растянулось на столетия. Ариями, рассказывает видный индийский историк Ромила Тапар, изначально называли людей, говоривших на индоарийских языках, которые придерживались кастовой системы и следовали мировоззрению, почерпнутому из ведической литературы. Это не была раса. Теория арийской расы возникла в XIX в. в трудах европейцев, изучавших древнеиндийскую историю. Тогда индологи установили сходство санскрита с древнеиранским, греческим, латинским, славянскими и другими европейскими языками и сделали вывод о существовании ранее общего индо-европейского языка, который стали называть арийским. Поэтому понятие арии стало применяться в широком смысле для обозначения всех праиндоевропейцев[1]. А затем его подняли на щит сторонники теории «высшей расы», особенно в гитлеровской Германии.

В узком значении, пишут Григорий Бонгард-Левин и Григорий Ильин, «к собственно арийским народам могут быть причислены только древние иранцы и индийцы, а к арийским языкам — индийские и иранские». Версия о том, что арии были неразвитыми кочевниками, в последнее время уступает представлению о них, как об оседлых и полуоседлых земледельческо-скотоводческих племенах, хорошо знакомых с металлами и ремесленными производствами[2]. Впрочем, не обнаружено никаких свидетельств о наличии у них письменности (она появится около 500 г. до н.э., одновременно с железными топорами и плугами). Первоначально арии обосновались в областях Восточного Пенджаба, затем продвинулись в междуречье Джамны и Ганга и далее на восток до границ современной Бенгалии. Переселенцы смешивались с местным населением, создавая сплав арийских и автохтонных верований, культур и социальных институтов, на основе которого формировалась индийская традиция.

Приход ариев открыл так называемую ведийскую эпоху (1500–600 гг. до н.э.), получившую название по ведам — древнейшим памятникам духовной культуры, к которым относятся сборники гимнов, молитв и жертвенных формул (Ригведа, Самаведа, Яджурведа, Атхарваведа), теологические тракты («Брахманы», «Упанишады»). Авторство Вед принадлежит жрецам арийского племени бхаратов (от него происходит и второе официальное название современной Индии — Бхарат), и в этих текстах содержались представления как древних ариев, так и коренных жителей полуострова Индостан.

Из вед мы узнаем, что в индуистской традиции, как в иудейской или христианской, начало истории отсчитывается от Всемирного по-

[1] *Romila Thapar.* The Past as Present: Forging Contemporary Identities Through History. New Delhi, 2014. P. 179–189.

[2] *Григорий Бонгард-Левин, Григорий Ильин.* Индия в древности. М., 1985. С. 130, 142.

топа. Но если потоп Библии — кара Господня, то Индия была смыта чисто природным катаклизмом, а Ману — индийский аналог Ноя — выжил благодаря своей доброте. Он пожалел пойманную рыбку, вырастил ее, а та предупредила Ману о необходимости построить большой корабль[1].

Период от XII до IV в. до н.э. однозначно относят к «хаосу». Существовал калейдоскоп политических образований, находившихся на разных ступенях развития — от союзов племен до относительно оформившихся царств, небольших по территории. Затем на их основе стали возникать махаджанапады — крупные государственные объединения. К VI в. до н.э. — во время жизни Будды — их было более тридцати, из них 16 только в Северной Индии.

Сиддхартха Гаутама (около 563–483 гг. до н.э.) родился в предгорьях Гималаев в местечке Лумбини (на границе с современным Непалом) в семье предводителя клана Шакья. Он вел жизнь баловня судьбы в городе-государстве Капилавасту, женился на царевне Яшодхаре, у них родился сын Рахула. Но в 29 лет, столкнувшись с несправедливостями мира, Гаутама оставил семью и жизнь в роскоши дворца, отправившись на поиски истины, обрести которую надеялся аскезой и общением с мудрыми гуру. Доведя себя за шесть лет до полного истощения, он присел у подножия дерева в окрестностях Гайи (современный штат Бихар), где медитировал четыре недели, после чего в одну из ночей на него нашло откровение, и рассвет он встретил Буддой — Просветленным.

Он разрешил ученикам собраться возле него и начал проповедовать путь истины. Откровения Будды и ранних его сподвижников собраны в Трипитаке («Трех корзинах»), в которых наибольшей популярностью пользуется Дхаммапада — короткое собрание его мудрых изречений. Первая проповедь Будды состоялась в Сарнатхе. Ее называют «Огненной проповедью», поскольку в ней он провозгласил, что мир объят пламенем желаний и страстей, и поведал Четыре благородные истины. Вся жизнь состоит из страданий (дукхи). Их причина — в желаниях и ложных привязанностях. Чтобы исцелить страдания, надо перестать желать ложного. Срединный Путь — избежание как роскоши, так и крайней аскезы.

В буддизме нет верований как таковых — нужно просто выбрать как нравственный ориентир Благородный Восьмеричный путь. Вот эти восемь принципов. Праведное воззрение — признание Четырех благородных истин. Праведное мышление — стремление ума к доброй воле, отказ от ненависти, злобы и чувственных желаний. Праведная речь — освобождение от лжи, пустословия и сплетен. Праведное дей-

[1] *Джон Кей.* История Индии. С. 21–22.

ствие — моральное поведение. Праведное занятие — зарабатывать себе на жизнь не в ущерб другим людям. Праведное усилие — подавление дурных помыслов и поддержание благородных. Праведное сознание — тщательное взвешивание слов, мыслей, эмоций, поступков. Праведное самообладание — концентрация, позволяющая освободиться от всего, что тянет назад.

В буддийской морали пять запретов: не убивать живые существа, не красть, не прелюбодействовать, не лгать и не пить горячительных напитков[1].

Буддизм — религия без Бога. Будда избегал разговора о божествах, предпочитая рассуждать о Пути. Мир — место страданий, искаженное и полное иллюзий. Человек должен пройти через череду реинкарнаций, прежде чем достигнет просветления и сможет вырваться из цикла перерождений. Буддизм делает акцент на личности, разуме и внутренней жизни человека, которому надлежит стремиться к покою, очищению и добродетели. Буддист стремится к пустоте, избавляясь от неверных желаний и ложных привязанностей. Гаутама проповедовал Нирвану — угасание желаний, состояние свободы и умиротворенности.

Всякий может стать Буддой, если будет следовать Пути. Бодхисатвы — просвещенные личности, решившие вернуться на землю, чтобы помогать другим, возможно, будущие Будды.

Ключевым в буддизме (как и в индуизме, джайнизме, сикхизме) является понятие «дхармы». Современный индийский философ Раджив Маготра пишет: «Дхарма чаще всего переводится как “религия”, “Путь”, “Закон” и “этика”, но ни один перевод не передает ее суть. Принципы и ранние определения дхармы доступны словами классического санскрита, но не имеют точного эквивалента в других языках; дхарма объединяет множество стилей жизни и взглядов, которые эволюционировали на протяжении многих веков»[2]. А знаток мировых религий Кевин О’Доннел считает, что «дхарма сродни Логосу (Слову) в древнегреческой философии и раннем христианстве, “причина”, на которой зиждется все бытие… Полное единение с дхармой, жизнь в ее потоке — один из вариантов буддийской цели»[3]. При этом истину не может подсказать никто, молиться некому, истина внутри каждого человека, а не свыше.

Будда скончался в возрасти восьмидесяти лет, съев то ли ядовитых грибов, то ли жареной свинины. Его прах и останки были увезены во

---

[1] *Вольдемар Карамазов.* Всеобщая история религий мира. М.; СПб., 2011. С. 318–319, 321.

[2] *Rajiv Malhotra.* Being Different. An Indian Challenge to Western Universalism. Noida, 2013. P. 3–4.

[3] *Кевин О’Доннел.* Религии мира. Харьков; Белгород, 2012. С. 47.

множество мест, где их хранят в специальных культовых сооружениях, которые называются ступами. «Будда не привнес каких-то особых знаний о богах, ритуалах, приношениях, священниках и молитвах, — пишет английский индолог Джон Кей. — Он предлагал возвышение духа, а не божественное откровение. Уже гораздо позже последователи произвели его и ботхисатв в ранг божеств, придав буддизму черты религии»[1].

Буддизм доминировал в Индостане на протяжении семи веков. Однако сегодня буддистов надо искать в Корее, Индонезии, Японии, Китае, а не в Индии. Как писал Арнольд Тойнби, «оказалось так, что роль Вселенской церкви в последней главе истории упадка и разрушения индского мира сыграл индуизм — выскочка, являвший собой архаический синкретизм элементов новых и старых. Одним из старых элементов, которым индуизм дал новую жизнь, была каста»[2]. Но пока буддизм доминировал.

История Индии выглядела как постоянные колебания маятника: между эпохами порядка, когда регионы объединялись в крупные империи, и хаоса, когда империи распадались, уступая место войне всех против всех. Фаза «порядка» впервые наступила с возникновением в долине Ганга государства Маурьев.

В IV в. до н.э. северо-западные окраины Индии подвергались нашествию Александра Македонского. После его смерти в 323 г. до н.э.) Северо-Западная Индия — как и земли Средней Азии и Афганистана — входила в состав Греко-Бактрийского царства. Во время вторжения войск Александра правивший в Магадхе (современный Южный Бихар) царь был свергнут с престола Чандрагуптой из рода Маурьев, который возглавил войну против македонских сатрапов и сам короновался. «После ухода Александра Чандрагупта захватил северо-западную провинцию и прогнал греческие гарнизоны… — пишет английский историк древнеиндийской цивилизации Артур Бэшем. — Можем установить время прихода к власти первого из Маурьев — между 324 и 313 гг. до н.э. Хотя подробности его правления нам неизвестны, несомненно, он был основателем самой большой империи классической Индии».

Селевк Никатор в 305 г. до н.э. безуспешно попытался отвоевать у Чандрагупты индийские провинции Александра и был даже вынужден уступить часть современного Афганистана своему противнику. Селевк отправил в Паталипутру посла по имени Мегасфен, который оставил первое последовательное описание Индии. Чандрагупта проживал в Паталипутре, в огромном и роскошном деревянном дворце, неслыхан-

---

[1] *Джон Кей.* История Индии. С. 108.

[2] *Арнольд Дж. Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 533.

но богатом. Столица была большим и красивым городом, окруженным деревянной оградой, ею управлял совет из тридцати человек.

Возможно, Чандрагупта отказался от трона, чтобы стать монахом. Предание сообщает, что он уморил себя голодом по примеру джайнских святых. О его сыне Биндусаре известно только то, что он был связан с Антиохом I, правителем Сирии из династии Селевкидов, проявлял интерес как к удовольствиям этого мира, так и к занятиям философией, был энергичен и сумел не только сохранить целостность унаследованной от отца империи, но и присоединить часть Декана. В период ранних Маурьев был составлен подробный трактат о государственном управлении «Артхашастра», автором которого называют брахмана Каутилью, или Чанакью — советника царя Чандрагупты. С 269 года до н.э. начался период междуцарствия, после чего трон занял сын Биндусары –Ашока[1].

Его британский биограф Дж. Макфейн писал: «В истории древней Индии фигура Ашоки возвышается подобно великой вершине Гималаев, блестящей в лучах солнца, тогда как более низкие вершины скрыты облаками»[2]. Его империя простиралась от Кашмира и Гималайских гор на севере до Мансура на юге, от современного Афганистана на северо-западе до Бенгальского залива на востоке — т.е. на всю территорию Индостана за исключением крайнего юга.

При Ашоке империя Маурьев была относительно организованным государством с системой центрального и провинциального управления. В руках императора сосредотачивалась законодательная власть, армия, суд, фиск, от его имени издавались указы и распоряжения, он назначал чиновников и определял размеры налогообложения. При этом, подчеркивают Бонгард-Левин и Ильин, монархическая власть здесь не приняла той формы деспотизма, которая известна по ряду других стран древнего Востока. Большая роль принадлежала совету царских сановников, который назывался паришад, а также совещательному органу «раджа-сабха», в состав которого входили не только высшие чиновники, но и представители горожан. В отличие от Цинь Шихуанди, Ашока не стремился к полной унификации управления по всей стране, сохраняя на присоединяемых землях традиционно существовавшие там властные институты. В пределах его империи сохранялись и автономные образования — ганы и сангхи, многие из которых являлись республиками[3].

Территория империи делилась на домениальные земли, находившиеся под непосредственным управлением царя и его аппарата (виджита — завоеванное), и провинции, состоявшие в разной степе-

---

[1] *Артур Бэшем.* Цивилизации Древней Индии. С. 48–49.
[2] *J. MacPhail.* Asoka. Calcutta, u.d. P. 7.
[3] *Григорий Бонгард-Левин, Григорий Ильин.* Индия в древности. С. 222–228.

ни зависимости от центра. Ашока установил новую категорию служащих — дхарма-махаматров, которые заботились об исполнении законов, следили за управлением провинций и за осуществлением в них реформ. Вместе с тем, даже на пике развития она была довольно рыхлой и непрочной. «Империя Маурьев, — писал Марк Мазовер, — была, мягко говоря, децентрализованной, с ядром на восточной равнине Ганга с четырьмя региональными центрами ко времени внука Чандрагупты Ашоки»[1]. Влияние центральной власти распространялось в основном на царский домен, а управление провинциями сводилось к изданию эдиктов, которые высекались на скалах и колоннах, и инспекционным поездкам по провинциям самого императора и царевичей-наместников.

По преданию, в конце восьмого года своего царствования Ашока обратился в буддизм и принял новую линию управления: усовершенствовать администрацию государства и отказаться от любой завоевательной политики. Территориальному расширению с помощью силы он предпочел «триумф дхармы» — справедливого действия, согласованного с правилами благочестия. Следование дхарме, говорил Ашока, является «наибольшей из побед», коих им одержано много, в том числе над пятью греческими правителями: Антиохом II из Сирии, Птолемеем II Филадельфом из Египта, Антигоном Гонатом из Македонии, Магом из Кирены и Александром из Эпира. Ашока не отказался от имперских намерений, но стремился примирить их с гуманистической этикой буддизма.

Ашока заявил, что все подданные — его дети, и упрекал местных правителей за несоблюдение предписанных законов. Он выбрал учение ахимса (ненасилие, доброжелательность ко всем формам жизни), которое было принято всеми религиозными сектами. Он отменил жертвоприношения животных, регламентировал забой скота и запретил убивать некоторые его виды; заменил охоту — традиционное увлечение индийских правителей — паломничествами в священные буддийские места, значительно сократил потребление мяса во дворце, чем способствовал введению вегетарианства. Вместе с тем, в отношении «диких племен, обитавших в горах и лесах», Ашока готов был применить силу, если они продолжали свои вторжения на территорию империи. Он сохранил смертную казнь, которую отменят его преемники, только предоставив осужденным отсрочку на три дня, чтобы они смогли привести в порядок свои дела.

Ашока приписал себе право трактовать буддийские священные тексты, повелел чиновникам лишать духовного сана монахов за предосудительное поведение. Именно в годы правления Ашоки буддизм

[1] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography. P. 235.

перестал быть одной из сект и начал превращаться в мировую религию. На общем священном соборе в Паталипутре был зафиксирован падийский канон. Задачи «мягкой силы» — «морального завоевания» ставились в отношении приграничных и вновь обретаемых территорий, земель, лежавших далеко за пределами империи. Миссии направлялись в Южную Бирму, Непал, в эллинистические государства[1]. Обращение Цейлона в буддизм приписывается Махендре — сыну или брату Ашоки.

Ашока полагал, что вследствие реформы боги, пораженные свершившимся духовным прогрессом, спустятся на землю, чего не случалось уже очень давно. Учение, распространяемое императором, строго говоря, не было буддизмом, но представляло собой систему взглядов, созвучных моральным установкам многих религиозных сект, и призывало к согласию и братству в этом мире, открывая одновременно путь в небеса в мире ином. Пылкая набожность Ашоки сочеталась с терпимостью, он считал, что все секты достойны уважения. Он сформулировал, пожалуй, самые древние правила проведения дебатов, когда к их участникам относились с почтением. При дворе говорили на магадхи, пракрите и санскрите. Такая традиция терпимости резко контрастировала не только с Китаем, но и с Европой того времени.

Население империи Маурьев в середине III в. до н.э., когда в ее границы входила большая часть субконтинента — 5 млн кв. км, насчитывало примерно 105–140 млн человек и, следовательно, превосходило количество подданных Римской империи в период ее расцвета. Не случайно Индийская республика изберет в качестве эмблемы для государственного герба капитель колонны Ашоки. В современной Индии Ашока, пишет Тапар, это «икона правителя, который следовал ценностям ненасилия и религиозной толерантности, а его уважение ко всем сектам часто приравнивается к секуляризму»[2].

Ашока в последние годы своего правления стал терять силу и оставил своих сыновей ссориться из-за трона. Разделение империи началось после его смерти в 232 г. до н.э., когда правители главных провинций, состоявшие в родстве с правящей династией, стали практически независимыми. У преемников Ашоки не было его масштаба, известны только их имена. Последний представитель Маурьев Брихадратха около 187 г. до н.э. был свергнут и убит своим военачальником Пушьямитрой, положившим начало новой династии Шунга. Эта династия владела уже только Северной Индией, ведя длительную войну с греко-бактрийцами.

Со II в. до н.э. усиливается миграция в Северо-Западную Индию ираноязычных сакских племен из Средней Азии и складывается за-

[1] *Григорий Бонгард-Левин, Григорий Ильин.* Индия в древности. С. 220–221.
[2] *Romila Thapar.* The Past as Present. P. 321

нимавшая огромные территории империя Кушан, о которой известно исключительно мало (современная наука зафиксировала ее существование только в середине XIX в.). Ядром государства была Бактрия в Средней Азии, а его элита принадлежала к племенам тохаров (юэчжей китайских источников). Кушаны продолжали традиции греко-бактрийцев. Они заимствовали у своих предшественников некоторые формы управления, прежде всего институт сатрапов (кшатрапов). Наибольшего могущества государство достигло в начале II в. н.э. при правителе Канишке, когда в ее состав вошли Афганистан, Средняя Азия, вся Северная и часть Центральной Индии. Государство Канишки со столицей в Пурушапуре (современный Пешевар) было одной из сильнейших держав тогдашнего мира наряду с Китаем, Римом и Парфией. В его пределах жило 60 млн человек — 20% тогдашнего человечества. В индийской, китайской, тибетской традициях сохранились повествования о Канишке как праведном буддисте, объявившем эту веру государственной религией. Формируется школа махаянской философии, укрепляется культ Будды и концепция бодхисатв как главных «проводников» на пути религиозного раскрепощения. Однако Канишка проявлял большую веротерпимость, на его монетах божества иранского, эллинистического, индийского пантеонов. Языком государственной канцелярии был бактрийский, письменность строилась на основе греческого алфавита с добавлением одной буквы[1].

Падение Кушанской империи связывают с завоеванием многих ее провинций Сасанидским Ираном в середине III в. Часть ее территории в Северной Индии вскоре оказалась в составе возвышавшейся империи Гуптов с центром в Магадхе.

Политически она была более структурированной, чем империя Маурьев. Произошло известное укрепление и «бюрократизация» государственного аппарата, власть царя обожествлялась, паришад как собрание представителей высшей знати терял свое значение. Однако вновь речь шла «не столько об унитарном государстве, сколько о слабой системе клиентских государств, привязанных торговлей и данью к ядру в районе Ганга»[2]. Завоеванные районы сохраняли значительную степень автономии. Власть императоров ограничивалась получением с подвластных земель дани и налогов, население оставалось в большей зависимости от местных элит, чем от империи. Отсутствовало единообразное территориальное деление[3].

В числе наиболее почитаемых фигур династии — Чандрагупта I, который именуется махараджаджираджей — великим царем царей, от начала правления которого около 320 г. н.э. традиционно велся от-

---

[1] *Григорий Бонгард-Левин, Григорий Ильин.* Индия в древности. С. 390–411.
[2] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography. P. 236.
[3] *Григорий Бонгард-Левин, Григорий Ильин.* Индия в древности. С. 424–425.

счет эры Гуптов. Собственно империю создал его сын Самадрагупта, которого современнники считали «сверхчеловеком», «богом на земле», а историки назовут «индийским Наполеном» — столько побед он одержал над врагами. Фигура его сына Чандрагупты II, правившего в начале V в., одна из самых популярных в индийской традиционной культуре, где он известен под именем Викрамадитьи («солнце могущества»). Скандагупта (455–467) «подчинил своей власти всю землю, связанную водами четырех океанов и полную по краям процветающими странами». Его племянник Бархагупта, сын и внук еще выступали с претензиями на «мировое господство». Но в 510 г. в очередной раз пришли гунны под предводительством Торамана, овладевшие Кашмиром и Пенджабом. После разгрома армии Гуптов под Гвалиором империя устремилась к упадку[1].

Империя Гуптов подарила миру множество блестящих культурных и научных достижений и в индийской исторической традиции прославляется как «Золотой век». Именно в эпоху Гуптов индийцы разработали упрощенную систему записи чисел с использованием девяти цифр и нуля и отдельными обозначениями десятков и сотен, изобрели рудиментарную алгебру, великий математик Альябхата вычислил обычное в наше время приближенное значение числа π — 3,1416. В этот же период окончательно сложилась и традиционная индийская медицина — аюрведа, которая практикуется и по сей день.

Эпоха Гуптов — это время утверждения индуизма. Официальным языком при дворе был санскрит. Однако расцвет индуизма приходится на эпоху после распада империи Гуптов.

Историки называют семнадцать главных династий VI в. и неисчислимое множество мелких. В течение следующих пяти-шести столетий количество царских династий в различных частях страны будет только множиться, контролируемые ими территории — сокращаться в размерах, а власть — слабеть. Средневековая Индия может быть исчерпывающе описана двумя понятиями — фрагментация и регионализация. Общность обеспечивала религия.

Индийскость

Именно индуизм являлся и остается фундаментом индийской цивилизации, его последователями называют себя более 80% населения современной Индии. Основные постулаты индуизма сформировались на основе сплава ведизма и верований древних доарийских народов Индии и берут истоки от ведического брахманизма конца второго тысячелетия до нашей эры, впитав по дороге множество систем

[1] *Джой Кей.* История Индии. С. 202–203.

верований огромного количества сект, ритуальных практик. Хотя сам термин «индуизм» появился только в XIV в. н.э. в период мусульманского господства для обозначения местных жителей, не исповедовавших ислам[1].

Пантеон индуистских богов весьма многочислен. Однако каждый из них являет собой какую-то своеобразную грань единого вездесущего Бога. Наиболее почитаема знаменитая триада, состоящая из Брахмы — вседержителя мира, Вишну — хранителя и Шивы — одновременно разрушителя и воссоздателя. Все они изображаются обычно с четырьмя руками, а Брахма еще и с четырьмя головами, подчеркивающими его всевидящее присутствие. У каждого из богов есть супруга, также обладающая выдающимися способностями. К священным книгам индуизма относят Бхагавад-гиту, веды, упанишады, пураны, а также эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна».

Леонид Васильев пишет: «Мир всего живого, включая людей и даже богов, по представлениям индуистов, — это сансара, бесконечная и безначальная цепь перерождений, унылое бытие профанического, т.е. удел всего обычного, обыденного. Ценность этого мира всегда считалась весьма относительной, ведь, в конечном счете, он ни что иное, как своего рода иллюзия, майя. Но зато за пределами такого мира, вне колеса сансары, есть мир великой подлинной Реальности, где властвует Абсолют. Вырваться из мира сансары, достичь высшей Реальности и слиться с великим Абсолютом — желанная конечная цель высокоуважаемой в индуизме религиозно активной личности, аскета, йога, гуру, риши. Цели этой достичь нелегко, доступно такое далеко не каждому, не говоря уже о том, что достижению цели нужно посвятить всю жизнь, сделав ее подвигом самоотречения, психотренинга, умерщвляющей аскезы»[2].

Жизнь в мире сансары регулируется кармой, т.е. балансом добрых и злых дел в предшествующих перерождениях. Человек, как и все живое, появляется на свет с обусловленной всеми предыдущими существованиями кармой, которая определяет не только внешний облик родившегося (человек, животное, червяк или растение), но и место. Если родившийся — человек, то он оказывается в сложной иерархической системе варн и каст.

Первое упоминание о варнах содержится в «Ригведе». Варна — всего их четыре — понятие сакральное, в отличие от касты, которых существует множество в рамках варн. Наверху социальной пирамиды располагались брахманы — священники, наставники, советники правителей, учителя. Брахман считался воплощением бога на земле, ему возбранялся физический труд. Представители высшей варны (и мно-

[1] *Romila Thapar.* The Past as Present. P. vii–viii.
[2] *Леонид Васильев.* История Востока. М., 2011. Т. 2. С. 98–100.

жества каст) жрецов — носители древней мудрости вед — несравненно более других подготовлены к разрыву кармической цепи перерождений. Ниже брахманов располагались кшатрии, коими первоначально стала военная знать индоариев. Они отвечали за управление государством, военное дело, защиту подданных, соблюдение ими обычаев своей касты. Еще ниже находились вайшьи — торговцы, ростовщики, свободные общинники, земледельцы. Эти три варны еще назывались «дваждырожденными». Мальчики за этих варн были допущены к обучению сакральному знанию на санскрите, дающему второе рождение. Четвертая варна — шудры — таких прав не имела. Они были обязаны служить «дваждырожденным», обрабатывать землю, но не могли владеть ею. За пределами этой четырехварновой системы находились неприкасаемые, которые были уборщиками мусора и нечистот. Принадлежавшие к четырем варнам считались «чистыми», неприкасаемые — «нечистыми», ритуально оскверняющими всех остальных, особенно брахманов и кшатриев.

Представители каждой из варн разбиты на множество каст, каждая из которых имела собственную идентичность, выражавшуюся в особых формах почитания богов, специфической мифологии, песен и танцев. Каста — постоянное и неизменное место человека в его данном рождении в мире сансары. Кем ты появился на свет, тем и умрешь, брахман — брахманом, неприкасаемый — неприкасаемым. И поскольку только ты являешься творцом собственной кармы, никто, кроме тебя самого, не виновен в том, что ты влачишь жалкое существование, это — плата за прошлое. Если соблюдать все нормы, диктуемые положением твоей касты, ты можешь рассчитывать на благосклонность судьбы в следующем перерождении.

Индуизм — это образ жизни Индии с его установкой на высшую ценность небытия и весьма ограниченную значимость мира сансары. Для индуиста не много смысла в истории, и не случайно столь богатая событиями и культурно насыщенная индийская традиция так скудна на хроники, летописи, историко-географические описания и т.п. Для индуиста не очень понятны призывы к равенству или социальной гармонии, ведь они противоречат идее кармы, индивидуальной ответственности за социальную ущербность в данном перерождении. Индуист чужд активному социальному протесту, а тем более насилию, ведь это чревато ухудшением кармы. Кармическая этическая норма контролировала чувства. Этически отзывчивый индуист с его принципами непричинения зла живому будет равнодушен к бедствию неприкасаемого.

При этом политическая и социальная индифферентность компенсируется высокой эмоциональностью, богатством эстетики и чувств, воспитанных мифологическими эпосами «Махабхараты» и «Рамаяны» или пуранами. В Индии им до сих пор нет равных по популярности.

Индуизм — это даже не религия в авраамическом смысле, а скорее философия, причем такая, в которой больше вопросов, нежели ответов. В самом важном тексте индуизма «Ригведе» есть центральный стих, Гимн Творению, в котором говорится:

«Кто вправду знает — и может в этом поклясться, –
Как появилось творение, когда и где!
Даже боги явились после дня творения,
Кто вправду знает, кто может честно сказать,
Когда и как началось творение?
Это начал Он? Или не Он?
Только Тот, кто наверху, может быть, знает;
Или может быть, не знает даже Он».

Сравните с уверенным тоном Библии.

Индуизм никогда не имел иерархически организованной церкви, отличался терпимостью к иным религиям. Добиваясь нравственного поведения и принципов мышления, индуизм предоставляет своим последователям широкий простор во всем остальном, включая поиск собственных путей к спасению. Сектантства в строгом смысле слова в индуизме не может быть из-за отсутствия церковной структуры и официальной догматики. Индуизм всегда был готов принять в свое лоно чужих и заблудших — от джайнов до буддистов, от сикхов до мусульман. Ярчайший пример интегрирующей силы индуизма — судьба буддизма, который практически исчез в Индии и вовсе не из-за гонений на него. Индуизм включил в себя постулаты буддизма и фактически поглотил его.

Ярко описывает мир индуизма Фарид Закария: «Приверженцы индуизма, как и конфуцианцы, не верят в Бога. Они верят в сотни тысяч богов. Каждая индуистская каста и подкаста верит в своего бога, богиню или священное существо. Каждая семья придумывает свое толкование индуизма. Вы можете выказывать уважение к одним верованиям и отвергать другие. Можно вообще ни в кого не верить. Можно быть вегетарианцем или же есть мясо. Можно молиться, можно не молиться. Ни один из этих вариантов не свидетельствует о том, являетесь ли вы приверженцем индуизма, или нет. Здесь нет ереси или отступничества, потому что отсутствует базовый набор верований, нет догмата, нет заповедей. Ничто не обязательно, ничто не запрещено» [1].

Сила и удивительная внутренняя прочность, живучесть индуизма объяснялась тем, что он опирался на общинно-кастовую структуру индийского общества и санкционировал ее.

Оказал ли индуизм воздействие на главную особенность индийской политической традиции — слабость государства, которая выражалась не только в постоянной борьбе и частой смене правящих элит, но и в

[1] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. М., 2009. С. 170–172.

их территориальной нестабильности, «текучести», если использовать термин индийского историка Б. Чаттопадхъяя, и исключительном общественном плюрализме? Безусловно. Индуизм практически безразличен к власти, к государству. Его принципы исключали честолюбие и связанную с ним предприимчивость. Руководить государством — профессиональное занятие кшатриев и советников-брахманов, удел остальных — исполнять отрегулированные веками общинно-кастовые обязанности.

Фрэнсис Фукуяма подчеркивал также, что «Индия не переживала периодов крупных внутренних войн, что требовало сильной социальной мобилизации. Почему? Скорее всего, из-за меньшей плотности населения в долинах Инда и Ганга, возможности для людей мигрировать в менее обжитые места, нежели подчиняться иерархической государственной организации». Сыграло свою роль и деление на варны и касты. Разделение на управленцев (кшатриев) и фактическое духовенство (брахманов) предопределило и разделение светской и духовной власти. Верховная власть в Индии не была в полной мере сакральной. «Цари рассматривались как исполнители законов, написанных другими, а не просто творцами законов, как в Китае». А дробление на не смешивавшиеся касты создавало исключительный общественный плюрализм, управляемый традицией, а не властью. «В Индии, — заключает Фукуяма, — новые социальные категории варны и касты сформировали каркас общественной организации и строго ограничили возможность государства проникать в нее и ее контролировать… Эта огромная территория никогда не управлялась единой политической властью и никогда не выработала единый литературный язык, как Китай. Действительно, история Индии до конца XX в. — это история постоянного политического разъединения и слабости, а среди самых успешных объединителей были иностранные завоеватели, чья политическая власть основывалась на ином социальном базисе»[1].

Индийская традиция считала главной задачей государя поддержание дхармы — санкционированного религией общественного порядка, при котором каждая из каст, общин и т.д. соблюдает предписанный ей комплекс прав и обязанностей. Индийские монархи рассматривали налоги как заработную плату за выполнение именно этой функции, а также за работу по расширению подвластных земель, установление матримониальных связей. «Но ни на унаследованной от отца, ни на завоеванной территории монарх и государство в его лице, как правило, не вмешивались в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь подвластных сообществ, ограничиваясь лишь поддержанием дхармы и взиманием налогов. Среди институтов, от которых

[1] *Francis Fukuyama.* The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. L., 2012. P. 151–153.

непосредственно зависела жизнь средневекового индийца, государство занимало далеко не первое место, — подчеркивают Борис Кузык и Татьяна Шаумян. — Уступая касте, клану, семье, общине, местным феодальным властителям»[1].

Ни одна из империй, существовавших на субконтиненте, даже такие мощные образования, как империя Маурьев, Гуптов и Моголов, никогда не включала в себя всей территории, входящей ныне в состав Республики Индия. Государствам история не отпускала достаточно времени, чтобы закрепить территорию и сформировать полноценную национальную идентичность — приходил новый завоеватель, объединявший в новую империю совершенно не стремившиеся к единству регионы. Многочисленные государственные образования не уделяли внимания ни разработке теории и практики администрирования, ни идеологической доктрине. Не было четкой юридической фиксации исключительного права государя на всю землю и ресурсы страны, как в классических странах ислама или в Китае.

Но, несмотря на специфику (в первую очередь — кастовое общество), государство обладало многими чертами, характерными и для других неевропейских стран. Во-первых, имеющий власть владел неписаным правом распоряжаться подчиненной ему территорией. Материальным выражением этого были рента-налог и различные повинности с подданных. Во-вторых, имевшие наследственную власть правители и князья были верховными субъектами централизованного перераспределения, используя доходы казны по своему усмотрению.

Бюрократия была неизмеримо слабее и стоила намного дешевле, нежели в Китае и даже в мусульманских странах. Строгие нормы кастовой иерархии ограничивали амбиции политиков и удачливых военачальников, зависть и властолюбие, столь дорого обходившиеся другим странам, здесь проявлялись гораздо меньше. Уровень потребления основной массы населения Индии всегда оставался низким. Одежда минимальна, питание в основном вегетарианское, жилища примитивны, что объясняется и климатом, и религиозными нормами. Но, взимая с общины мало, власти были сказочно богаты за счет широкой налогооблагаемой базы[2].

Внутренне присущий индийской цивилизации плюрализм социальной структуры фактически готовил почву для последующего усвоения идей, сформированных за пределами Индостана, включая концепцию политического представительства.

В каждый отрезок времени различные регионы жили фактически в разных исторических эпохах. Древние и средневековые тексты со-

---

[1] *Борис Кузык, Татьяна Шаумян.* Индия–Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009.

[2] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. С. 484–485.

держат перечисления многочисленных народов и их языков, но в этих текстах нет хотя бы туманного представления об Индии как о некоем целостном пространстве с четкими границами. В восприятии средневекового индуса жители тех регионов страны, где он сам не проживал, представлялись такими же иностранцами, как персы или китайцы. Путешествия героев «в чужие края» начинались сразу же за пределами собственного княжества. Средневековые путешественники — западные и восточные — описывали в путевых заметках не Индию, а Индии во множественном числе.

Слабость власти и неконсолидированность элит негативно сказались на судьбах ее государственности. Колонизаторы всегда найдут многочисленных союзников в лице части местных элит, не испытывавших патриотических чувств в отношении всего Индостана и думавших категориями «своей» территории. Индия, подчеркивал Фернан Бродель, смогла выжить, «как и Китай, благодаря своей потрясающей живучести, а также благодаря тому, что ее территория никогда не захватывалась полностью, вплоть до мыса Кумари»[1].

Тысячелетие под властью завоевателей

С начала XI в. Индия начинает подвергаться набегам тюркских завоевателей-мусульман, укрепившихся к тому времени на территории Афганистана (их столицей был город Газни). В 1210 г. на делийский престол взошел Шаме уд-дин Илтутмыш, ставший основателем Делийского султаната — первой мусульманской империи на территории Индии. Более чем на шесть веков Индия оказалось под властью мусульманских правителей.

Этнически разнородная элита Делийского султаната (тюркские и фарсиязычные выходцы из Центральной Азии, иранцы, представители афганских племен) делилась дополнительно на множество группировок, каждая из которых имела не меньше оснований для претензий на власть, чем сам султан. Именно поэтому с 1210 по 1526 г. на престоле Дели сменилось пять мусульманских династий, и лишь немногие из султанов умерли естественной смертью.

Делийский султанат был мусульманским государством, несмотря на то, что приверженцы ислама составляли меньшинство его населения. Государственная доктрина, военно-ленная, административная и налоговая системы, правосудие, религиозные устои, дворцовый этикет были копиями соответствующих институтов арабского халифата и других исламских государств. Индусскому большинству была уготована роль покорных подданных, которым при условии лояльности

[1] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 180.

обеспечивалась автономия во внутренних делах. Льготный налоговый режим для мусульман способствовал обращению в ислам части местного населения. Однако сила индуистского кастового общества оказалась настолько велика, что решительной исламизации не произошло. Вместе с тем, проблема взаимодействия и соперничества индуизма с исламом со времен султаната стала весьма острой. Поиски синтеза обеих религий, которые вели к появлению теорий типа бхакти (преданность единому Богу, одинаково неиндуистскому и немусульманскому) и к возникновению новых этноконфессиональных общностей типа сикхов, к решению проблемы не привели.

Для приходивших мусульманских завоевателей понятие «Хинд» (или «Хиндустан») первоначально имело значение не политическое и не географическое, а религиозное: земля, где живут язычники-индусы. Со временем, однако, завоеватели не столько ассимилировались (как в Китае), сколько адаптировались, все больше ощущая Индию как родину. Они заговорили на новоиндийских языках (но не на санскрите), вошли в уже существовавшую на местном уровне социальную структуру.

Исламские воины получили условные владения в форме икта, а во главе администрации были поставлены наиболее опытные в этом деле мусульмане из числа хорасанцев, в основном персы. Значительную часть индийских земель получили — в форме вакуфов — мусульманские духовники и мечети. Индийские раджи признали себя вассалами мусульман и обязались выплачивать им дань. Формы условного владения в княжествах тоже стали трансформироваться под воздействием исламских принципов землепользования. Вчерашние раджпутские воины в индийских княжествах, как и в землях султаната, превращались в иктадаров, обязанных служить вместе со своими раджами и военачальниками новым правителям.

«Политическая история Делийского султаната по-своему весьма поучительна, — писал Васильев. — В принципе основанная на исламе структура была объективно более сильной и жизнеспособной, чем существовавшие до нее государственные образования древней и средневековой эпох, включая и такие, как маурийская. Мусульманская структура всегда и везде сильна, прежде всего, неразрывной слитностью в ней религиозного и политического начал, тогда как индийская структура именно в этом пункте была слабой»[1]. Но даже самые энергичные меры мусульманских правителей не создали на подвластных территориях централизованного государства. Их власть во многом имела верхушечный характер, индусская элита зачастую лишь формально признавала суверенитет Дели и, по сути, откупалась уплатой дани, а также своими солдатами в военных кампаниях султанов.

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. С. 491.

Начиная с 1221 г. Индия находилась под угрозой монгольского нашествия. Последний набег закончился в 1306 г. сокрушительным поражением монголов. В декабре 1398 г., разгромив армию султана, к Дели подошел Тимур. Несмотря на то, что знать изъявила покорность завоевателю, он отдал город на трехдневное разграбление своей армии. Преемниками династии Туглаков на делийском престоле стали афганские династии Сайидов и Лоди, но они правили уже обломками некогда мощной державы.

В 1526 г. началось вторжение в Индию потомка Тимура — Бабура, правителя Ферганы. Военачальник и писатель, он какое-то время правил в Самарканде, но, лишившись своих владений в борьбе с узбекскими ханами и братом-соперником, бежал в Афганистан, где вскоре захватил власть в Кабуле. В битве при Панипате хорошо вооруженная — пушками и мушкетами — армия Бабура разбила войска султана Ибрахима Лоди и заняла Дели.

Новые владения вызывали у Бабура смешанные чувства: «Хотя Индостан страна очаровательная, но ее обитатели лишены доброжелательности, и в торговле с ними нет обходительности. Будучи лишены способностей, ума, общительности, они не знакомы ни с щедростью, ни с мужественностью. В их умозаключениях и трудах не хватает методичности, твердости, порядка, принципов. У них нет ни хороших лошадей, ни сочного мяса, ни винограда, ни дынь, ни вкусных плодов. Здесь нет ни льда, ни свежей воды. На рынках нельзя приобрести ни изысканных кушаний, ни хорошего хлеба. Им неизвестны ни бани, ни свечи или факелы, ни медресе, ни канделябры»[1].

Бабур положил начало новой династии и новой империи — Великих Моголов (словом «могол» в Индии называли всех выходцев из Средней Азии, ранее завоеванной монголами). Империя Великих Моголов была наиболее мощным из всех средневековых государств Индии. В зените своего могущества она занимала почти всю территорию современных Индии, Пакистана, Бангладеш, большую часть Афганистана.

Успеху Моголов во многом способствовала политика веротерпимости, проводившаяся наиболее дальновидным могольским правителем внуком Бабура Акбаром (1556–1605). В отличие от прежних мусульманских правителей, Акбар осознавал, что нельзя эффективно управлять страной с подавляющим индусским большинством, опираясь лишь на мусульман, и приблизил к себе индусскую знать. Все религии, исповедуемые подданными империи, были объявлены равно истинными, даровалась свобода вероисповедания. Могольская империя создала также оригинальный — надконфессиональный — стиль управления (чего не было в Делийском султанате): два военно-феодальных сосло-

[1] Цит. по: *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. С. 179.

вия Северной Индии — раджпуты-индусы и моголы-мусульмане — образовали единый правящий класс. Моголы стали местной династией, заботившейся о развитии страны. «Акбар подчеркнуто ставил идеал общеиндийской национальности над сепаратистскими притязаниями религии, — отмечал Джавахарлал Неру. — Именно в правление Акбара династия Моголов утвердилась в Индии и стала индийской по своему облику. В некотором смысле его можно считать отцом индийского национализма»[1]. В отличие от своего предшественника — Делийского султана — Могольская империя смогла создать довольно четкую административную систему, что привело к росту влияния профессионального чиновничества. Империя была разбита на провинции во главе с наместниками, в подчинении которых находился разветвленный бюрократический аппарат; вводились единая система мер и весов, календарь, «табель о рангах» государственной службы. Следует, впрочем, подчеркнуть, что даже империя Моголов оставалась аморфным государством по европейским, китайским или исламским меркам.

Политика веротерпимости Акбара не была, однако, продолжена. Особенно фанатичным приверженцем ислама выступил Аурангзеб, который приказал разрушать индуистские храмы и строить из их камней мечети. И хотя при нем Могольская империя достигла своего наибольшего расширения, именно в этот период начался ее закат. В разных частях империи начали подниматься восстания. Завершающий удар моголам нанесло вторжение в Индию в 1739 г. иранского правителя Надира Шаха, предавшего Дели чудовищному разграблению. Все провинции объявили себя независимыми, и их правители повели войны друг с другом. Могольская империя распалась, хотя формально представители династии продолжали править в Дели до 1858 г., когда Индия уже была жемчужиной в короне Британской империи.

Первыми из европейцев Морской путь вокруг Индии открыли португальцы в 1498 г. Они пиратствовали на Аравийском море, скупали пряности и ткани, центром их колониальных владений стал район Гоа на Западном побережье Индостана. С ослаблением Португальской империи ее место заняли англичане и французы. В 1600 г. была основана английская Ост-Индская компания, в 1664 г. аналогичную компанию основали французы. В борьбе за Индию Британия и Франция — дважды сталкивались в войнах (1746–1748 и 1756–1763 гг.), в которых верх остался за Англией. Великая французская революция положила конец колониальным амбициям Парижа.

Действуя методом «разделяй и властвуй», англичане не церемонились в средствах. Ост-Индская компания имела собственные вооруженные силы, состоявшие в основном из самих же индийцев — сипаев. Бо-

[1] *Глеб и Ирина Ивашенцовы.* Индия: вкратце обо всем. М., 2009. С. 43.

лее того, англичане со временем стали получать от сипайских отрядов двойную выгоду, сдавая их внаем.

Распадавшаяся Могольская империя становилась добычей Великобритании. В 1757 г. англичане разбили армию правителя Бенгалии и стали хозяевами этой богатейшей провинции. Победа над соединенными силами ряда князей и могольского императора в 1764 г. позволила Лондону овладеть практически всей Северной Индией. Дольше держалась Маратхская конфедерация — союз пяти княжеств в центральной части субконтинента. Но в 1761 г. конфедерация потерпела поражение от вторгшегося в Индию афганского правителя Ахмада Шаха и затем постепенно перешла под влияние англичан. Стойкое сопротивление оказало небольшое южноиндийское княжество Майсур, которое более двадцати лет воевало в одиночку, но и оно пало в 1799 г. В 1818 г. англичане окончательно разгромили Маратхскую конфедерацию, а в течение следующих 30 лет полностью захватили Пенджаб, Синд, другие районы Северо-Запада.

С конца XVIII в. английский парламент стал все активнее вмешиваться в дела Ост-Индской компании, усиливая ее зависимость от правительства. В августе 1858 г. был принят закон, по которому государственная власть в Индии принадлежала вице-королю, ответственному перед парламентом и правительством Великобритании. Именно с этого момента Индия и стала колонией. Впрочем, подобно Моголам, англичане сохраняли формально независимые княжества на положении вассалов. Помимо собственно Британской Индии, которая управлялась непосредственно из Лондона, сохранялась власть князей: даже к моменту обретения независимости в 1947 г. на территории современных Индии, Пакистана и Бангладеш оставалось около 600 княжеств, которые обладали атрибутами суверенных государств.

С одной стороны, завоевание англичанами привело к решительной ломке традиционной структуры Индии. Доходы, прежде оседавшие в казне султанов и князей, потекли в метрополию, немало способствуя британскому экономическому чуду. Топар считает, что это был единственный период в истории Индии, когда она была под «иностранным управлением», поскольку от всех предшествовавших завоевателей «британцы не жили в Индии и забирали богатство в Британию для собственных нужд, оставляя колонию экономически нищей»[1].

В XVIII в. англичане предложили было концепцию управления Индией на основе вековых традиций ее «классического прошлого», попранных могольскими завоевателями. Но затем, опасаясь подъема национального сознания, в XIX в. начали активно вытеснять индийскую культуру, заменяя ее лозунгами цивилизаторской миссии высшей

[1] *RomilaThapar.* The Past as Present. P. 322.

расы на диких землях[1]. Они «отрицали все индийские знания как абсолютно бессмысленные, призывая британцев в Индии создать “класс людей, индийцев по крови и цвету, но британских по вкусам, взглядам, морали и интеллекту”. Убежденные в своем превосходстве, британцы стремились его закрепить максимально возможными социальными и культурными реформами среди индийцев… А они беспомощно смотрели на то, как британцы устраивали плантации, копали каналы, прокладывали дороги и превращали Индию в поставщика сырья и эксклюзивного рынка для британской промышленности. Сообщества ремесленников в североиндийских городах, которые были в основном мусульманскими, были разорены британскими товарами, которые заполонили базары Индии»[2], — пишет Панкадж Мишра. Англичане закрепили за индийскими заминдарами статус земельных собственников, но если они не платили, владение выставлялось на продажу.

Видный индийский мыслитель XIX в. Суами Вивекананда так описывал восприятие индийцами их европейских хозяев: «Отравленные тяжелым вином вновь приобретенной власти, зловещие, как дикие звери, которым не видна разница между добром и злом, порабощенные женщинами, бессовестные в своей похоти, пропитанные алкоголем с головы до пят, без каких-либо норм и ритуалов поведения, грязные, материалистичные, зависящие от материальных вещей, захватывающие земли и богатство других людей силой или обманом»[3].

С другой стороны, Индия была принуждена стремительно знакомиться с новыми формами общественных отношений: производством машинного типа, достижениями науки и техники, либеральной демократией, парламентаризмом, активно включаться в мировой рынок. Англичане строили железные дороги и промышленные предприятия, создавали колониальную администрацию, почтовую связь. Английский язык стал служить объединяющим началом, помогавшим консолидации мультиэтничной страны в единое целое.

«Вследствие перехода управления Индией в руки британцев британская политика по превращению английского вместо персидского в официальный язык имперской администрации и предпочтению западной литературы литературе на персидском и на санскрите в системе высшего образования оказала на историю индийской культуры столь же большое влияние, какое на историю русской культуры оказала вестернизаторская политика Петра Великого, — утверждал Арнольд Тойнби. — В обоих случаях внешний налет западной жизни

---

[1] *David Day.* Conquest: How Societies Overwhelm Others. Oxford (U.K.), 2013. P. 144–145.

[2] *Pankaj Mishra.* From the Ruins of Empire: The Revolt Against the West and the Remaking of Asia. L., 2013. P. 35.

[3] Цит. по: *Tapan Raychaudhiri.* Europe Reconsidered: Perceptions of the West in Nineteenth-century Bengal. Delhi, 2002. P. 38.

вошел в моду посредством указов экуменического самодержавного правительства»[1].

Индуистская цивилизация пассивно, но стойко сопротивлялась, как прежде, по отношению к мусульманским правителям, и адаптировалась. Шла вестернизация брахманской верхушки, выходцы из верхов получали европейское образование, как в Индии, так и в Англии, служили в учреждениях Британской Индии, умножали ряды нарождавшейся индийской интеллигенции и буржуазии, ориентированных на европейский образ жизни. Однако по мере приспособления возрастало и сопротивление. Все более утверждаясь в своей способности самостоятельно управлять Индией, образованные верхи приступили к борьбе за национальное освобождение и политическую независимость.

Антиэгалитарность индуистского общества не сильно противоречила нормам английской аристократической демократии, принципы которой впитывались национальной элитой. Наследием колониального периода стала и бюрократическая система. Индийская гражданская служба (Indian Civil Service), созданная в середине XIX в., представляла собой тесно спаянный корпоративными интересами и идеалами «честной администрации» корпус из нескольких сот (затем их стало около 2 тыс.) авторитетных и высокооплачиваемых чиновников, которых называли «стальным каркасом» британского колониального режима. К 1947 г. индийцы составляли более половины кадров гражданской службы, что позволило им перехватить бразды правления у покидавших Индию англичан[2].

Британские власти не без успеха внушали, что колониальное господство спасло Индию от «хаоса», способствовало установлению ее государственного единства. Это порождало в сознании образованных индийцев представление об общей стране, которую населяет единая нация. Именно отсутствием национального единства стали объяснять они поражения Индии в столкновении с завоевателями и колонизаторами. В течение столетия такое представление утверждалось в трудах патриотически настроенных мыслителей и политиков, которые «воображали» нацию: единая страна Индия, даже в границах современной республики, никогда раньше не существовала, ее только предстояло создать. Первая общенациональная партия — Индийский национальный конгресс, основанный в 1885 г., — с самого начала отстаивала концепцию единой Индии и претендовала на представительство всех индийцев независимо от региона и конфессии.

---

[1] *Арнольд Дж.Тойнби.* Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. М., 2009. С. 548–549.

[2] *Леонид Алаев.* Политическая система и политическая культура Индии // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 398.

В индийском национализме колониальной эпохи столкнулись два главных направления. Оба «проектировали» будущую Индию в границах Британской Индии (с включением территории княжеств, но за вычетом Бирмы) — «от Гималаев до мыса Коморин», — но расходились в том, что должно было стать ее объединяющим элементом. Первое направление — «индусский национализм», или «эксклюзивный национализм», видело Индию страной индуистов, где неиндусским меньшинствам предстояло «интегрироваться в индусскую культуру». У индусского «эксклюзивного национализма» изначально существовал мусульманский близнец: идеология единой «исламской нации». Обе разновидности «эксклюзивного национализма» внесут решающий вклад в кровавый раздел страны на Индию и Пакистан. Второе направление — «секуляризм», или «инклюзивный национализм» — отстаивало «единство в многообразии». Активными сторонниками этой идеологии, несмотря на разногласия, выступали Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Рабиндранат Тагор.

Выдающуюся роль в обретении Индией независимости сыграл Махатма Ганди, получивший адвокатское образование в Англии и создавший себе имя, самоотверженно — избиения, аресты — защищая права индийцев в Южной Африке. В основе его идеологии лежали «Бхагавадгита», учение Толстого (с которым он вступил в переписку), Нагорная проповедь Иисуса и поэма «Свет Азии» сэра Эдвина Арнольда. «Око за око, зуб за зуб, — говорил Ганди, — и скоро мир станет слепым и беззубым». Его метод борьбы, который часто называют методом ненасилия, точнее можно определить использовавшимся самим Ганди термином «сатаграха»: «сат» — истина, «аграха» — твердость на санскрите. «Ненасилие в активной форме состоит… в доброжелательности по отношению ко всему сущему, — писал Ганди. — Это любовь в чистом виде. Я прочел об этом в индусском Священном Писании, в Библии и в Коране. Ненасилие — совершенное состояние. Это цель, к которой, само того не зная, стремится все человечество… Власть над собой — единственная необходимая власть. Месть — это удовлетворение, требующее сложных правил. Самообладание — это закон нашего существа. Высочайшее совершенство требует и высочайшего самообладания… Каждый раз, когда я терплю поражение, и именно из-за поражения мои усилия становятся лишь более решительными»[1].

Неру вспоминал: «И тут появился Ганди. Он был как мощный порыв свежего воздуха, который заставил нас выпрямиться и глубоко вздохнуть, как луч света, который отогнал тьму и снял шоры с наших глаз, как ураган, который перевернул многие вещи, но больше всего — умы трудящихся людей»[2]. К 1920-м гг. это уже было не движение толь-

[1] *Кристина Жордис.* Махатма Ганди. М., 2013. С. 104–105.
[2] Jawaharlal Nehru. The Discovery of India. Calcutta, 1946. P. 427.

ко интеллектуалов и профессионалов, к нему примкнули сотни тысяч крестьян, ремесленников и рабочих. Отделения Индийского национального конгресса открывались в самых разных частях страны. При этом Ганди обладал преимуществом, поскольку его пропаганда доходила до самых низов, поскольку звучала на всех многочисленных языках, а не только на английском[1].

Биограф Ганди Кристина Жордис подчеркивала: «Не облеченный никакой официальной властью, он был могущественнее главы государства, его почитали как святого, даже как бога. Известие о голодовке (а он часто устраивал голодовки) погружало всю Индию в тревожное ожидание. Он действовал личным примером, воплощая мощные идеи, которые контрастировали с ценностями колонизатора — ценностями "современной цивилизации", основанные на господстве (в том числе денег). Сила идей вкупе с силой примера… Он иначе смотрел на мир, возобновляя связь с тысячелетней религиозной традицией. Поэтому она и нашла большой отклик у народа»[2].

«Инклюзивным националистам» было важно доказать, что представления о единой нации укоренены в истории, «найти» в прошлом единую Индию. Особую роль в поисках сыграл Джавахарлал Неру. Он был воспитан как английский джентльмен, учился в Хэрроу и Кембридже, много путешествовал и читал, писал о мировой политике. Он проявил интерес к работе Конгресса угнетенных народов, состоявшегося в Брюсселе в 1927 г., а затем возглавил созданную по его следам Лигу против империализма. И Конгресс, и Лига были инспирированы Коминтерном, и не случаен был визит Неру в Москву, который, правда, не сделал из него коммуниста, но превратил в соратника СССР в антиимпериалистической борьбе[3]. Итогом изысканий «инклюзивных интернационалистов» стала книга Неру «Открытие Индии», написанная им в тюрьме, где доказывалось, что «Индия — это географическое и экономическое целое, культурное единство посреди многообразия, груда противоречий, связанных между собой прочными, но невидимыми нитями». Некая «мечта о единстве жила в индийской душе, начиная от самого зарождения цивилизации», и делала «патана с северо-запада и тамила с крайнего юга» детьми единой Родины. Реализацией этой «мечты о единстве» становились мощные империи (особенно Муарьев, Гуптов и Моголов), оценивавшиеся однозначно положительно. Наиболее известные государи-объединители, прославившиеся к тому же толерантной религиозной политикой (особенно Ашока и Акбар), стали в трудах секуляристов и затем в государственной идеологии не-

---

[1] *Ramachandra Guha.* Gandhi, India and the World // Makers of Modern Asia. L., 2014. P. 25.

[2] *Кристина Жордис.* Махатма Ганди. М., 2013. С. 121–122.

[3] *Mark Mazover.* Governing the World. The History of an Idea. L., 2013. P. 172–173.

зависимой Индии культовыми фигурами. Отношение же к периодам раздробленности, следовавшим за распадами империй, было бесспорно негативным. История Индии в трактовке Неру и его последователей становилась историей единства, не столько повествованием о прошлом, сколько проектом будущего.

Мечты о независимости стали казаться достижимой реальностью в годы Второй мировой войны, когда Азия стала просыпаться. Индийцы с готовность вставали на борьбу с фашизмом, ее добровольческие силы насчитывали 2,5 млн человек, из которых 85 тыс. погибли на фронтах[1]. Конгрессисты мечтали о надконфессиональном едином федеративном государстве, сторонники хиндутвы — об индусской державе, коммунисты — об индийском варианте Советского Союза. Расхождения в отношении конфессионального разнообразия стали решающими. Руководство Конгресса было вынуждено согласиться с разделом страны под прямым давлением непримиримых лидеров Мусульманской Лиги, требовавшей создания собственного государства, и британских властей. Осуществление плана последнего вице-короля Индии лорда Маунтбэттена: раздел Британской Индии по религиозному принципу на два доминиона определило территориальные параметры двух новых государств. Но как их называть?

Мухаммед Али Джинна, которому предстояло возглавить мусульманскую часть теперь бывшей британской колонии, предпочел акроним Пакистан, звучавший по-мусульмански. В индуистской части многие отдавали предпочтение названию «Бхарат», что должно было подчеркнуть наследие от ариев. Тем более, что слово «Индия» не встречается ни в одном из древних текстов, а использовалось англичанами. На ряде карт, изданных в Индии сразу после 1947 г., она и обозначена как Бхарат. Но Неру попросил у Маунтбеттена оставить за новой республикой прежнее название — Индия. Джинна был в ярости. «Это название давало стране право первородства, чего не досталось Пакистану». Хотя река Инд протекала уже по территории именно Пакистана, а не Индии.

Декорации для острого конфликта — в традиционной британской манере — были расставлены. «Пакистану досталась большая часть территорий, связанных с хараппской культурой, что оскорбляло Индию, гордившуюся доказательством своей древности, — пишет Джон Кей. — Индии же, напротив, досталась большая часть памятников мусульманской архитектуры, что оскорбляло Пакистан»[2]. Раздел вызвал у большинства населения Индии категорическое неприятие, выразившееся в кровавых погромах. Их жертвами становились те, кого люди считали виновниками раздела, — мусульмане.

---

[1] *K.P. Fabian.* The Middle Path // Frontline. December 12, 2014. P. 24.
[2] *Джон Кей.* История Индии. С. 95–96.

Махатма Ганди ездил по стране, пытаясь успокоить страсти, призывая к религиозной терпимости, доказывая, что «хотя географически и политически Индия разделена на две части, в душе мы всегда будем друзьями и братьями, помогающими и уважающими друг друга, и будем единым целым для внешнего мира». Тридцатого января 1948 г. его застрелил молодой индуистский фанатик, издатель газеты, клеймившей Ганди как «умиротворителя мусульман»[1].

Самая большая демократия

Политический курс независимой Индии нес на себе сильный отпечаток личности Джавахарлала Неру, который с 1947 по 1964 г. был премьер-министром и министром иностранных дел.

Его политической основой стало левое крыло Конгресса и ряд политических сил, находившихся еще левее него, включая компартию. «В многих смыслах Неру остался последним великим организатором фронта с коммунистами, который напоминал единый и народный фронты межвоенных лет, но важное отличие заключалось в том, что коммунисты никогда не пытались поставить фронт под свой контроль»[2], — пишет его биограф Бенджамин Закария. Много говорилось о некапиталистическом и даже социалистическом пути развития. «Неру был социалистом в экономике, но демократом в политике… — подчеркивает Рамачандра Гуха. — Как человек, воспитанный в традициях Ганди, он не мог оценить насилие, произведенное русской революцией… В то же время Неру притягивало обещанное плановым хозяйством использование науки и технологий для стимулирования экономического роста и искоренения нищеты»[3].

Была создана Плановая комиссия с участием технократов и экономистов, которые обладали министерским рангом. С 1951 г. стали отсчитывать пятилетки. Это предполагало координацию государственных инвестиций, создание большого общественного сектора для реализации программ инфраструктурного и промышленного развития. Неру лично работал над вторым пятилетним планом, который был сфокусирован на строительстве плотин и фабрик в государственном секторе для создания рабочих мест и индустриальной базы для будущего роста[4].

Пик социалистической экономики в Индии придется уже на период после избрания премьером в 1967 г. дочери Неру Индиры Ганди,

---

[1] *Ramachandra Guha.* Gandhi, India and the World. P. 32–33.

[2] *Benjamin Zachariah.* The Importance of Being Nehru // Frontline. December 12, 2014. P. 9.

[3] *Ramachandra Guha.* Jawaharlal Nehru: A Romantic in Politics // Makers of Modern Asia. P. 133.

[4] *C.P. Chandrasekhar.* In the Name of Nehru // Frontline. December 12, 2014. P. 13; Ramachandra Guha. Jawaharlal Nehru: A Romantic in Politics. P. 131–132.

когда были национализированы страховые компании, угольная индустрия, государство взяло под прямое управление множество «больных» компаний, был принят Акт об обмене иностранной валюты, которым ставились под контроль все иностранные инвестиции в Индию. Впрочем, уже кризис 1973–1974 гг. заставил Ганди вернуть многие рыночные механизмы[1].

Политическое устройство Индии, закрепленное Конституцией 1950 года, было вполне демократическим. Неру настоял на всеобщем избирательном праве, хотя многие отговаривали вводить его в стране, где две трети населения оставалось полностью неграмотным. Люди пользовались свободой вероисповедания, многие получили возможность получения образования на родном языке. Женщины, чей статус традиционно был принижен и в индуистской, и в мусульманской традиции, получили полные гражданские права. В начале 1952 г. Индийский национальный конгресс с союзниками без труда получил большинство на первых парламентских выборах, что положило начало длительному периоду доминирования ИНК[2].

«“Нерувианское” государство являлось оформленным самим Неру компромиссом: оно было неэффективно капиталистическим, подчеркнуто националистическим и все более местечковым, несмотря на риторику о социализме, интернационализме, справедливости и толерантности»[3], — считает Бенджамин Закария.

Внешняя политика была осложнена тем, что оставалась нерешенной судьба территорий, которые оспаривались Пакистаном: к концу 1950-х гг. территориальные претензии к Индии предъявил Китай. В итоге Кашмир оказался разделенным между тремя государствами. В 1961 г. индийские войска освободили Гоа, Даман и Диу от португальского господства (власти Португалии признали этот факт лишь в 1974 г.).

Стратегическая цель внешней политики Индии — превращение в державу мирового уровня — определилась сразу после завоевания страной независимости. Изначально во внешней политике Индии было три главных направления, три концентрических круга: выстраивание отношений со сверхдержавами при общем стремлении к равноудаленности и невовлеченности в возможный конфликт между двумя блоками; укрепление связей с развивающимися странами с целью превращения в лидера зоны Юга; усиление доминирующих позиций в Южной Азии[4].

---

[1] *Michael D. Barr.* Indira Gandhi: India and the World in Transition // Makers of Modern Asia. P. 232–233.

[2] *Ramachandra Guha.* Jawaharlal Nehru: A Romantic in Politics. P. 125–129.

[3] *Benjamin Zachariah.* The Importance of Being Nehru. P. 6.

[4] *Сергей Лунев.* Индийская цивилизация в глобализирующемся мире// Мировая экономика и международные отношения. № 3. 2003. С. 80.

Неру был идеалистом, моралистом, выступал за политику неприсоединения и против холодной войны. Следуя заветам учителя — Махатмы Ганди, Неру отрицал альянсы, пакты и соглашения, рассматривая их частью старой «реальной политики»; его не интересовали военные аспекты политики. «Через неделю после прихода к власти Неру побывал в Министерстве обороны и пришел в ярость, обнаружив среди его сотрудников профессиональных военных. С тех пор весь персонал в делийском "Южном блоке" ходит на работу в гражданской одежде. Большую часть периода правления Неру министром обороны был его ближайший политический советник Кришна Менон, который стратегическому планированию предпочитал многочасовые идеологические дискуссии в парламенте»[1].

В выборе внешнеполитической ориентации во многом помогли… Соединенные Штаты. В поисках партнеров в холодной войне Джон Фостер Даллес обратил взоры на Пакистан, и президент Эйзенхауэр санкционировал поставку ему оружия. США создали СЕАТО, что Индия и другие азиатские страны восприняли как прямой вызов, ответив созданием Движения неприсоединения. В январе 1955 г. сессия Индийского национального конгресса в пригороде Мадраса Авади провозгласила в Индии «социалистический тип общества». В 1955 г. Неру был исключительно тепло принят в Москве, в ходе ответного визита Хрущева и Булганина их бурно приветствовала в Калькутте двухмиллионная толпа. Индия, всегда ценившая усилия Советского Союза в деле деколонизации, стала рассматривать СССР и как надежного друга, и как опору в решении вопросов суверенитета над Кашмиром и Гоа[2].

Зато резко обострились противоречия с Китаем относительно спорной территории. «Мао не признавал разграничения земель, осуществленного империалистами, — констатировал Кей. — Отряды НАОК с легкостью вытеснили индийские силы, затем устремились в стратегический коридор, который связывал Западную Бенгалию и Ассам… Во всяком случае, с девизом «хинди-чини бхаи-бхаи» пришлось распрощаться… Очевидно, Неру потрясло, что Мао грубо отверг его утопический интернационализм, и он так и не оправился от этого потрясения. В начале 1964 г. он слег от болезни печени и в мае того же года умер»[3].

С годами политика Индии становилась все более реалистичной, особенно во время правления Индиры Ганди. Однако Дели по-прежнему не был способен играть значительную роль в мире, действуя в стесненных обстоятельствах. Их суммировал известный индийский аналитик

---

[1] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 164–166.

[2] *Ramachandra Guha.* Jawaharlal Nehru: A Romantic in Politics. P. 132; *K.P. Fabian.* The Middle Path. P. 27–28.

[3] *Джон Кей.* История Индии. С. 667–668.

Си Раджа Мохан: «Во-первых, раздел южноазиатского субконтинента по религиозному принципу (сначала на Индию и Пакистан в 1947 г., затем на Индию, Пакистан и Бангладеш в 1971-м) привел к непрекращающемуся конфликту с Исламабадом и внутренним противоречиям между индусами и мусульманами. Он также физически отделил Индию от исторически связанных с ней стран, таких как Афганистан, Иран и государства Юго-Восточной Азии… Модель государственного социализма привела к тому, что Индия стала избегать коммерческих отношений с внешним миром. В итоге страна оказалась оторвана от своих естественных рынков и культурно-родственных территорий в пределах расширенного соседства. Наконец, холодная война, которая разразилась вскоре после предоставления Индии независимости, толкнула ее в объятия Советского Союза в ответ на поддержку Вашингтоном Пакистана и Китая. В результате страна оказалась в стане тех, кто потерпел поражение в великом политическом противостоянии второй половины XX столетия»[1].

Сейчас Индия — самое большое в мире демократическое государство. В нем проживает более 1,26 млрд человек. Страна, занимающая 2,5% суши мира, концентрирует 1/6 часть его населения. Антропогенное давление на природно-экологическую систему — одно из самых высоких в мире и продолжает усиливаться.

Много веков среднее число детей, родившихся на одну женщину, было не менее шести-семи. Политика контроля над рождаемостью стала приоритетом, как только страна обрела независимость. Однако на деле последовал демографический взрыв 1950–1960-х гг., когда повышение жизненного уровня и государственная политика развития здравоохранения привели к снижению детской смертности (на 50% за годы независимости) и количества инфекционных заболеваний. Средняя продолжительность жизни выросла за последнее столетие почти в три раза. К концу XX в. Индия вышла на уровень смертности, уже сопоставимый с тем, который наблюдается в развитых странах. Но все еще высока детская смертность (30% смертей приходится на возрастную группу детей до года), женская смертность в репродуктивном возрасте 15–25 лет, «несовременна» структура причин смертности (инфекционные и паразитарные заболевания дают до 40% всех летальных исходов).

Стереотип многодетности начал сдавать свои позиции только к 1980-м гг. Однако число детей у одной женщины все еще вдвое превышает желаемые показатели. Сохранению высокой рождаемости способствуют низкие уровни урбанизации, грамотности женщин и их занятости (в 2–3 раза ниже, чем у мужчин), социального обеспечения и пенсий.

---

[1] *Си Раджа Мохан.* Индия и политическое равновесие // Россия в глобальной политике. № 4. Июль–август 2006. С. 10.

До недавнего времени доминировало представление, что рост населения отрицательно сказывается на развитии страны. Однако все больше набирает популярность точка зрения о том, что огромный людской потенциал представляет преимущество. Медианный возраст составляет порядка 25 лет (в Азии в среднем — 30 лет, в Европе — 40 лет), что при высоких темпах роста экономики и занятости позволяет получить демографический дивиденд. Надежда на то, что «Китай состарится до того, как разбогатеет, тогда как Индия достигнет статуса страны среднего класса, пока она еще молода». Страна имеет шанс выйти на нулевой естественный прирост не ранее середины XXI в., когда численность населения составит 1,6–1,7 млрд человек и Индия обгонит Китай[1]. Но чтобы обратить демографические проблемы в преимущество, Индии нужно решить ряд сложных проблем: занятости, бедности, образования. Сейчас треть населения неграмотна. Двадцать семь процентов учащихся не оканчивает начальные классы, 40,6% — средние, 49,3% — старшие. В системе Министерства развития человеческих ресурсов 40 центральных университетов, 30 национальных технологических институтов, 1,4 млн школ. Но качество школьных учителей низкое, 38% преподавательских ставок в вузах вакантны, но один из университетов не входит в 200 лучших в мире[2].

Налицо две Индии. Одна — страна развивающегося предпринимательства, растущих городов (часто плохо управляемых), увеличивающегося слоя богатых и зажиточных людей. Всего современные классы (предприниматели, рабочие, чиновничество, имущие крестьяне, владельцы мелких предприятий, мелкие торговцы) составляют около трети населения — 400 млн человек. Зажиточная Индия отделена от толп, грязи, жары и нищеты, как нигде на планете — лимузинами с беззвучными водителями, домами в охраняемых кварталах, куда остальные индусы могут попасть только в качестве горничных или водителей. Главный редактор The Times of India Шекхар Гупта писал: «Все мы научились становиться индивидуальными, суверенными республиками. Мы посылали своих детей в частные школы, лечились только в частных больницах, имели собственную охрану в огороженных сообществах, никогда не пользовались общественным транспортом, даже владеем собственными электрогенераторами, а во многих частях страны организовывали свое водоснабжение»[3]. Другая Индия — это 580 тыс. дере-

---

[1] *Борис Кузык, Татьяна Шаумян.* Индия–Россия: стратегия партнерства в XXI веке. С. 140, 205, 207, 215. 249, 216–217, 229, 236–237, 259; *Елена Брагина.* Индия — иной средний класс? // Международная жизнь. Февраль 2014. С. 137; *Ruchir Sharma.* Breakout Nations: In Pursuit of the Next Economic Miracles. L., 2013. P. 38.

[2] *Anubhuti Vishnoi.* Can She Deliver? // India Today. December 15, 2014. P. 25.

[3] *Manu Joseph.* Fighting to Shut out the Real India // International Herald Tribune. April 7, 2011.

вень и сотни миллионов нищих. Единственное, что объединяет две Индии — любовь к игре в крикет.

Бедные есть во всех странах. Но бедные в Европе и бедные в Индии — это совершенно разные люди. Типичный бедняк и его семейство в Индии: низкий рост, небольшой вес, хронические заболевания из-за постоянного недоедания, упование только на сезонные или случайные заработки; необходимость посылать детей на работу, а не в школу; чрезвычайная перегруженность женщин, на которых лежит не только работа в поле, но и добывание топлива за многие километры от дома и поиск питьевой воды; отсутствие нормального жилья (в городах это бесконечные трущобы или бездомные, pavement dwellers, как их называют, в деревнях — проживающие в katcha, однокомнатных глинобитных строениях, лишенных даже дверей, вместо которых используется занавеска из мешковины).

Тридцать процентов населения (более 400 млн человек) находится ниже черты бедности. По исследованию ООН, в восьми индийских штатах насчитывалось больше нищих, чем во всех 26 странах Африки южнее Сахары[1]. Подавляющая часть нищих находится на грани физического выживания (а многие — за гранью). Половина детей недоедает, у 36% женщин индекс массы тела ниже критического. Более 40% детей в возрасте до 5 лет относятся к 2–3% самых низкорослых на планете, и ситуация не улучшается. Причем положение еще хуже среди девочек, существует поговорка «дочь — это обуза», все внимание уделяется старшему сыну — будущему кормильцу[2].

Нищие живут в мире без электричества, телевидения, элементарных знаний об окружающем мире, не знакомы со средствами массовой информации, т.е. никогда не видели газет, не слышали радио и не смотрели телевизора. Только 23% неработающих пожилых людей в Индии получают пенсию по старости.

Правительство осуществляет массированные программы продовольственной помощи, развивается система социального обеспечения — одна из самых крупных в мире. Но их объем недостаточен, а реализация осложняется коррупцией, отсутствием адресности, медлительностью. Препятствием для решения социальных проблем служит и кастовая система. «Мечта Джавахарлала Неру создать социальную систему, в которой отсутствовали бы классовые барьеры, не только не сбылась — кажется, что она медленно улетучивается, став жертвой легкомысленного подхода обладающей властью политической элиты и жадности капиталистов, которых больше заботит экономический рост,

---

[1] *Pankaj Mishra.* Games India Isn't Ready to Play // International Herald Tribune. October 4, 2010.

[2] *Seema Jayachandran, Rohini Pande.* The Youngest are Hungriest // International New York Times. August 9–10, 2014.

чем социальная справедливость, — подмечал Доминик Моизи. — Богатые индусы стараются не видеть того, что огромные массы людей живут в бедности. Их взгляд скользит сквозь них или над их головами со спокойствием, которое отчасти может объясняться существованием кастовой системы. Подсознательно они словно говорят: "Конечно, они очень бедны, но чего от них ждать? Ведь так было всегда, но сегодня, по крайней мере, их стало меньше и они больше не умирают от голода"»[1].

Индия остается сельской страной — 3/4 ее населения по переписи 2001 г. проживало в сельской местности, но и численность городских жителей сопоставима со всем населением США. В 1900 г. только одна Калькутта имела население свыше 1 млн человек, в 1951 г. таких городов стало пять, а в 2001 г. — 35. В тройке крупнейших городских трущоб Оранги таун в Карачи и Дхарави в Мумбаи — в каждой более миллиона обитателей[2].

Анализ этнического состава населения Индии проблематичен, поскольку в переписях национальная принадлежность не указывается, фиксируются только лингвистические различия. Официально хиндустанцы, телугу, бенгальцы, маратхи являются не представителями национальностей, а выразителями культурного многообразия единой индийской нации. Неофициально в стране насчитывают более 450 этносов и этнических групп. Распространены языки четырех семей: индоевропейские (индоарийские), на которых говорили 76% населения, дравидийские — 21,6%, австроазиатские — 1,2, тибето-бирманские — 1,0%. Официальные национальные языки — хинди и английский.

Хинди возник на основе санскрита — и имеет как минимум 13 диалектов, каждый из которых претендует на самостоятельный статус. Это — родной язык для 30% населения Индии. На севере Индии мусульманские выходцы из Ирана и Средней Азии также приняли один из диалектов хинди, привнеся в него арабские, персидские и тюркские слова, в результате чего сложился язык урду, использующий не санскритский алфавит деванагари, а арабский. Поскольку хинди и урду имеют единую грамматику и общий запас обиходных слов, их нередко рассматривают как две литературные формы единого языка хиндустани. Помимо хиндустанцев на языках, ведущих происхождение от санскрита, говорят такие крупные народы, как бенгальцы, маратхи, гуджаратцы, ория, пенджабцы, а также ассамцы и кашмирцы. Все эти народы имеют внешний европеоидный облик. Народы Южной Индии говорят на языках дравидийской семьи. Это телугу, каннара, тамилы и малаяли. Они более темнокожи и имеют признаки австралоидной

---

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 68.

[2] *Bhuma Shrivastava, Sheridan Prasso.* In India, Slum Dwellers Move into High Rises // Bloomberg Businessweek. September 1–7, 2014. P. 14.

расы. В центральных областях Индии живут австралоидные народы, чьи языки относятся к группе мунда (австразийская семья). Северо-восточные штаты Индии населяют малые народы, имеющие монголоидные черты (3% населения): манипури, типера, гаро, нага, мизо и др. Они говорят на языках тибето-бирманской группы[1].

Индия — крупнейший в мире после Африки регион концентрации племен, которые находятся вне сложившихся на субконтиненте социальной и культурной традиций. По переписи 2001 г. численность «зарегистрированных племен» составляла 8,2% населения Индии. Племена занимают 20% территории страны, на которой сконцентрировано 70% лесов, вод, полезных ископаемых.

В свое время Андольд Тойнби писал: «Культурная пропасть между индусским обществом и современным Западом состоит не просто в их несходстве. Они прямо противоречат друг другу, поскольку современный Запад выработал секулярную версию своего культурного наследия, из которого религия была исключена, в то время как индусское общество было и осталось насквозь религиозным»[2]. Основная религиозно-этическая система — индуизм, его исповедуют 80,5% населения, 13,4% — мусульмане, 2,3 — христиане, 1,9% — сикхи, остальные — джайны, буддисты, последователи зороастризма, иудаизма и местных культовых верований[3].

Территорией Индии во многом ограничивается зона распространения индуизма. Его последователи составляют большинство также в Непале и на индонезийском острове Бали. Казалось бы, принадлежность подавляющего большинства населения к одной религии должна служить сплачивающим фактором. Однако индуизм — понятие, охватывающее бесчисленное количество разнообразных культов, обрядов, образов жизни. Хотя укрепляются силы, стремящиеся превратить индуизм в единую религию наподобие ислама и сплотить «индусов» на основе общих ценностей.

Индия — одна из крупнейших исламских стран «Ислам в Индии за счет контакта с индуизмом изменился, он стал менее авраамическим и более возвышенным». Индийские мусульмане поклоняются святым и мощам, они славят музыку и искусство, у них более практичный взгляд на жизнь, чем у большинства их единоверцев за границей[4]. Несмотря на весьма беспокойное соседство, подчеркивает Томас Фридман, «нам не известен ни один индийский мусульманин в рядах “Аль-Каиды”, мы знаем, что нет ни одного индийского мусульманина в американском

---

[1] *Глеб и Ирина Ивашенцовы.* Индия: вкратце обо всем. С. 75–76.

[2] *Арнольд Дж. Тойнби.* Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. С. 551.

[3] *Глеб и Ирина Ивашенцовы.* Индия: вкратце обо всем. С. 75–76.

[4] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 170–172.

лагере военнопленных в Гуантанамо. И пока не нашлось ни одного индийского мусульманина, сражающегося за дело джихада в Ираке»[1].

Официально в Индии все люди равны независимо от национальности, расы, религиозной принадлежности или касты. Однако значение межкастовых отношений по-прежнему велико. Точное количество каст неизвестно, в Индии отсутствует официальная кастовая статистика. Недавнее обследование выделило 4635 «общин» — каст и племен (это число крайне условно, некоторые ученые говорят о 15 000 каст). Они делятся на подкасты, которые реально существуют как отдельные общности[2]. Брахманов — до 5,5% населения, средние (небрахманские, но «чистые») касты — более 40%, неприкасаемые — 17% (сумма меньше 100%, поскольку не включает высшие небрахманские касты, а также мусульман, христиан, племена и др.).

В повседневной жизни кастовые различия продолжают играть существенную роль. Человек, принадлежащий к высшей и даже средней касте, будет скорее голодать, чем возьмется за работу мусорщика или скорняка, которой по традиции должны заниматься неприкасаемые. Само слово «неприкасаемые» не употребляется, его заменил термин «хариджаны» (дети божьи), предложенный Махатмой Ганди в 1920-е гг. После завоевания независимости за ними было закреплено от 18 до 24% (в разных штатах) мест на государственной службе, их в пределах квот без экзаменов принимают в высшие учебные заведения. Но пользуются этими льготами лишь зажиточные хариджаны. Большинство же, особенно в сельской местности, часто даже не подозревают о возможностях, предоставленных законом.

Кастовые традиции соблюдаются в сфере семейно-брачных отношений. Межкастовые браки до сих пор крайне редки, выбор жениха и невесты в большинстве случаев принадлежит не самим молодым, а их родителям. Сохраняет свое значение и такой традиционный институт, как большая, или неразделенная семья, состоящая из нескольких поколений родственников по мужской линии, которые живут в одном доме вместе с женами и детьми и имеют общую собственность. Такая семья начала распадаться на малые семьи, по сути, лишь в крупных городах. Индусская традиция запрещает разводы и вторичные браки вдов, и, хотя принятые в независимой Индии законы отменяют эти древние запреты, большинство населения продолжает их придерживаться. Традиция живет и в том, что тела умерших сжигают на погребальных кострах, а пепел развеивают. Индусы почитают священными ряд животных, прежде всего коров и быков породы зебу. Убийство коров и употребление в пищу говядины для индуса — грех.

---

[1] *Томас Фридман.* Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2007. С. 579.
[2] *Леонид Алаев.* Политическая система и политическая культура Индии. С. 399.

Но все же с ростом образования, вовлечением представителей различных каст в государственное управление и бизнес традиционные представления меняются. Все больше ценится место во власти и состояние, и относительно меньше — принадлежность к касте. Среди образованных индийцев уже нередки случаи межкастовых, межрелигиозных, межрегиональных и международных браков.

В чем-то сохранение кастового сознания способствует обеспечению социальной стабильности. Леонид Алаев подчеркивает: «Видимо, лишь продолжающимся господством кастового сознания ("каждому свое") можно объяснить то, что классовые конфликты не обостряются, что люди не бунтуют, даже находясь в нечеловеческих, с нашей точки зрения, условиях. Это дает время на вызревание предпосылок будущего гражданского общества»[1]. Это не означает полной социальной гармонии. Крестьянские движения, стачки рабочих, борьба неприкасаемых за свои права — все это имеет место. Но в сравнении с другими странами, если принять во внимание нищенское положение огромных масс населения, эти конфликты значительно смягчены.

За пределами страны сегодня существует индийская диаспора численностью около 20 млн человек. «Индийцы в высшей степени практичные люди, которые легко приспосабливаются к любой реальности, — подчеркивает Фарид Закария. — Индийские бизнесмены — они по больше части индусы — будут благоденствовать в любой атмосфере, которая создает возможности для торговли и коммерции. Индийские купцы преуспевали в любой стране, куда их забрасывала судьба. Пока они могут в своем доме ставить фигурку идола, чтобы молиться или медитировать, их чувство индуизма полностью удовлетворено»[2]. С 1950-х гг. в потоке индийской иммиграции на смену неквалифицированной рабочей силе пришли специалисты. Мощная индийская диаспора играет значительную роль в экономической и общественной жизни многих стран, представляет собой важный инструмент укрепления связей между ними и Индией.

Зарубежные индийцы переводят миллиарды долларов на историческую родину, участвуют в совместных с Индией предприятиях, финансируют торгово-экономические проекты. Наиболее динамичная и богатая их часть проживает в США, Великобритании и Канаде. Значительное количество индийцев живет и работает в странах Персидского залива, в Малайзии, Сингапуре, в странах Карибского бассейна, в Африке, особенно в ЮАР. Голландцы привозили индийских рабов в Капскую колонию еще в середине XVII в. К началу XX в. в Южной Африке было более 150 тыс. индийцев, которые своим трудом на плантациях

[1] Там же. С. 400.
[2] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 170–172.

способствовали тому, что Капская провинция и Наталь стали самыми богатыми колониями Британской империи. К 1980-м гг. в Южной Африке проживало почти 800 тыс. индийцев, однако затем их количество сократилось до 350 тыс.: большинство под давлением режима апартеида перебралось в Европу[1].

Резко выросло количество индийцев в США (они стали там третьей крупнейшей «азиатской» группой населения, уступая лишь китайцам и филиппинцам), что было связано с развитием информационных технологий. Индийцы в США добились немалых успехов, их средний доход на 25% выше среднеамериканского. Около 65% индийцев, живущих в Соединенных Штатах, имеют высшее образование, они владеют 15% новых фирм в Силиконовой долине, составляют 10–12% всех врачей США, контролируют около 40% американского гостиничного бизнеса. Индийские фамилии все чаще можно встретить в списках CEO крупнейших глобальных компаний: Викрам Пандит — Ситибанк, Индра Нуйи — Пепси, Раджат Гупта — Маккинзи, Прит Бхарара — хедж-фонд Галеон, Аджай Банга — Мастеркард. Винод Хосла входит в пятерку крупнейших венчурных инвесторов США. Примечательно, что все эти люди получили образование в Индии и только после этого перебрались на работу в США[2].

Если гражданское общество предполагает существование массы добровольных объединений, партий, профсоюзов, всевозможных общественных организаций, то всего этого в Индии не так много. Но традиционная структура общества служит своего рода заменителем гражданского общества. Индийская демократия не является «хрупкой», поскольку зиждется на двух разнородных, но совместимых основаниях — вестернизированных элитах и традиционных ценностях. Демократия воспринимается непосредственно традиционным сознанием.

По Конституции 1950 года в Индии была введена «вестминстерская система». Главой государства является президент, который имеет широкие полномочия, но действует «по совету премьер-министра». Реальная власть сосредоточена в руках премьера, который опирается на большинство в нижней палате парламента — Лок Сабхе. Выборы происходят по мажоритарной системе, кандидатов выдвигают партии, но не исключаются и независимые кандидаты. Индийские выборы — это не столько национальные выборы, сколько совокупность региональных и местных кампаний. Правительства, формировавшиеся в последние десятилетия, опирались на коалиции региональных партий, у которых было мало общего.

---

[1] *Борис Кузык, Татьяна Шаумян.* Индия–Россия: стратегия партнерства в XXI веке. С. 331.

[2] *Raghav Bahl.* Superpower? The Amazing Race Between China's Hare and India's Tortoise. New Delhi, 2012. P. 60.

Индия определена в Конституции как «Союз штатов», т.е. официально является федерацией. В штатах, сохраняющих значительную автономию, избираются законодательные собрания, которые образуют правительства во главе с главными министрами. Президент (т.е. федеральное правительство) назначает губернаторов, которые являются представителями центра на местах. Назначаются также главы округов (дистриктов) и начальники областей (тахсилов — на севере, талуков — на юге). Все эти лица являются членами Индийской административной службы — наследницы колониальной Индийской гражданской службы. Их жизнь подчиняется твердым правилам: каждый год — повышение зарплаты; каждые три года — продвижение по службе; в 55 лет — выход на пенсию. На уровне деревни или группы («блока») деревень центральную власть представляют «чиновники по развитию» (грамсеваки). Развивается местное самоуправление, строящееся снизу — на уровне деревни, тахсила и дистрикта[1]. Большую роль играют «панчаяты» — существовавшие в Индии с древних времен самоуправляющиеся общины, вмешательство государства в дела которых было весьма ограничено. Интегрированность «панчаят» в политическую систему — это своеобразное ноу-хау индийской модели демократии.

«Прочность индийского парламентаризма поразительна для страны третьего мира, — пишет востоковед Лариса Ефимова. — В Индии никогда не было попыток установить однопартийную систему… или военную диктатуру. И прочность эта, во многом, основывается… на поразительном плюрализме индуистских сект и каст, традиционной индуистской мировоззренческой терпимости, неразрывно связанной с устойчивостью кастового строя, на харизматическом авторитете Махатмы Ганди и других великих деятелей индийской парламентарной демократии и традиционном авторитете тех представителей брахманской княжеской элиты, которые постоянно и в совершенно непропорциональном их удельному весу числе оказываются наверху политической иерархии…»[2]

Существовавшая в первые десятилетия независимости партийная система с доминированием одной партии ушла в прошлое. С конца 1980-х гг. оформились две коалиции, сменяющие друг друга у власти: Индийский национальный конгресс (ИНК) и Бхаратия Джаната партии (БДП). Первая ассоциируется с западничеством, прогрессивностью, секуляризмом, вторая — с почвенничеством, религиозностью, с призывами найти «индийский путь» и построить «индусское царство». Но разногласия не следует преувеличивать.

---

[1] *Леонид Алаев.* Политическая система и политическая культура Индии. С. 402.

[2] *Лариса Ефимова.* Особенности политической культуры современного Востока // Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы. М., 2011. С. 82–83.

Политические партии представляют собой группы, объединяющиеся скорее вокруг лидера. Велика роль семейственности и харизмы как неких качеств, исходящих свыше и передаваемых по наследству. В этом одна из причин роли семьи Джавахарлала Неру, чья харизма «передалась» его дочери, сыну, его вдове, внуку.

Все партии — за демократию, но «свою», не западную. Либеральные идеи органичны индийцам. Индийские газеты и неправительственные организации поднимают те же вопросы и тревожатся по тем же поводам, что и западные. Но такая позиция отражает скорее взгляды англоязычной элиты Индии — по-прежнему составляющей меньшинство, — которая чувствует себя более комфортно в западном мире, чем в своем собственном.

Основной массе населения не до политики. На вопрос, интересуетесь ли вы политикой, большинство населения отвечает отрицательно. В то же время за годы независимости в Индии состоялись 16 раундов выборов в парламент (в нижнюю палату — Лок Сабху) и более 120 — в законодательные собрания штатов, причем в них обычно принимали участие до 60–70% избирателей. Такая высокая явка обеспечивается именно теми неграмотными массами, которым, по опросам, не до политики.

«Большое количество партий, новых идеологий, нестабильных правительств и беспрерывные выборы усиливали популярность этого великого избирательного базара. Можно сказать, что участники соблюдали индийские избирательные нормы, даже когда они брали верх с помощью собственного обаяния или безумных программ. Можно сказать, что выборы сделались даже слишком популярными, затмив собою цель — создание правительства, которое бы реально правило, а не готовилось к следующим выборам»[1].

К парадоксам индийской политической культуры относится и восприятие коррупции. С одной стороны, как и во всех восточных странах она составляет важный встроенный элемент политической и экономической жизни. Считается естественным, что люди добиваются постов и власти, чтобы обогатиться. Но, с другой стороны, страну сотрясают постоянные коррупционные скандалы, похожие на те, что случаются на Западе. Обвиненные в коррупции министры уходят в отставку, подвергаются судебным преследованиям. В 2000 г. был приговорен к тюремному заключению бывший премьер-министр Нарасимха Рао за финансовые махинации в поддержку ИНК.

Индийская демократия настолько не укладывается в схемы мирового политического развития, что ряд ученых заявляют, что ее нет, потому что ее просто не может быть. Кто-то называет страну «функцио-

[1] *Джон Кей.* История Индии. С. 691.

нирующей анархией», кто-то — «парламентским авторитаризмом». Но все же в Индии функционирует именно демократическая система, хотя и весьма своеобразная и не вполне западная. Так, в декабре 2013 г. Верховный суд Индии отменил решение нижестоящего суда от 2009 г., которым декриминализировалась гомосексуальная связь взрослых людей. Верховный суд, вызвав массу возмущенных откликов передового человечества, вернулся к формуле индийского колониального кодекса, установленного британцами в 1861 г., которым запрещались сексуальные связи, «противоречащие природе» (against the order of nature)[1].

Широкий плюрализм осложняет функционирование индийского государства, с трудом позволяет Дели определить национальные интересы, мобилизовать вокруг них страну и проводить согласованный политический курс. Центральное правительство часто отступает перед интересами региональных властей, которые становятся все более напористыми.

Объединенный прогрессивный альянс премьера Сингха, состоявший из коалиции ИНК и девяти небольших партий, попадал из одного скандала в другой, среди которых крупнейшим стала выдача лицензий на радиочастоты за взятки. Популярность правительства падала на фоне снижения темпов экономического роста. Конгресс в преддверии избирательной кампании 2014 г. сделал ставку на Рауля Ганди, который с 2007 г. возглавлял его молодежную организацию и проповедовал идеи возрождения духа великого Махатмы. Однако уже в 2013 г. опросы общественного мнения стали фиксировать его отставание от лидера БДП Нарендры Моди, которого в прессе порой характеризовали как «комбинацию Путина и Ли Кван Ю»[2]. К весне 2014 г. 70% индийцев были недовольны положением дел в стране, а 63% отдавали предпочтение БДП. Положительного мнения о Моди придерживались 78% опрошенных, отрицательного — 16%.

Моди позиционировал себя как «государственника» и «эффективного менеджера», добившегося успехов во главе штата Гуджарат. Правда, его обвиняли в том, что в 2002 г. он был причастен к межобщинной резне, унесшей более тысячи жизней мусульман. В связи с этими событиями Моди находился под санкциями США — ему был запрещен туда въезд; аналогичные санкции до конца 2012 г. действовали и в ЕС. Моди — эксцентричный политик. Он провел свою первую предвыборную манифестацию из запланированных «185 митингов победы Бхараты» в мусульманском штате Джамму и Кашмир. На белой лошади, облаченный в традиционные одежды, Моди отправился молиться в знаменитый индуистский храм Вайшно-Деви, вырезанный в пещере,

[1] *Ira Trevidi.* The Indian in the Closet: New Delhi's Wrong Turn on Gay Rights // Foreign Affairs. March/April 2014. P. 21.

[2] *James Traub.* The Power Issue // Foreign Policy. May/June 2013. P. 90–95.

а затем провел предвыборный митинг в Хиранагаре в нескольких километрах от «линии контроля» (не признанная граница с Пакистаном). Партия, чей официальный цвет — оранжевый, символизирующий очищающий огонь и святость, а символ — цветок лотоса, на котором восседали Брахма и Шива, сделала откровенную ставку на религиозное большинство — индусов. Программным лозунгом БДП стали: «Национализм — наше вдохновение. Развитие и хорошее управление — наша цель»[1]. Манифест партии предлагал отменить статью 370 Конституции, которая предоставляет особый статус Джамму и Кашмиру, устранить из Гражданского кодекса специальные установления для представителей различных религий. Сам же Моди предпочел избегать поляризующих тем, подчеркивая свое стремление к переменам, развитию и созданию рабочих мест.

Избирательная кампания превратилась в соревнование личностей Рауля Ганди и Моди. Интерес к выборам был огромен, явка превысила 66%, 100 млн избирателей впервые приняли в них участие. Результаты выборов в мае 2014 г. принесли сенсационный результат. Индийский национальный конгресс не просто проиграл, он потерпел самое сокрушительное поражение за всю историю, сумев получить только 44 места в Лок-сабхе (было 206). Бхаратия джаната парти в одиночку набрала достаточно кресел в парламенте, чтобы сформировать правительство — 272 мест из 543-х, а вместе с партнерами по 11-партийному Национальному демократическому альянсу — 336.

В новом кабинете почти все новички, кроме работавших в кабинете Вадшпаи министра внутренних дел Раджната Сингха, министра финансов Аруна Джаитли и первой в истории Индии женщины — министра иностранных дел Сушмы Сварадж[2].

Политикой Моди у власти недовольны две важные политические силы. Первая — пресса, которая всегда была прозападной и либеральной, и для нее Моди — отсталый националист. Поводов для возмущения множество. Новый министр развития человеческих ресурсов — бывшая официантка, модель и телеведущая Смирити Ирана — советовалась с ведийским астрологом. В ряде школ стали вводить преподавание санскрита. Говорится о необходимости развития образования на языках народов Индии (а не только на английском), на которых, как считается, нет нормальных образовательных ресурсов[3]. «Будущее потеряно, на нас наступает мифическое прошлое, варвары у ворот. Где мой би-

---

[1] *Сергей Строкань.* Собиратель индийских земель: К власти в Индии идет националист и государственник // Коммерсантъ. 1 апреля 2014; *Борис Волхонский.* Премьер из огненных трущоб // Эхо планеты. № 24. 2014. С. 6–9.

[2] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 293–294.

[3] *Victor Mallet.* Mystics Distract Ministers from Modi's Development Drive // Financial Times. December 1, 2014; *Tejaswini Niranjana.* Beyond the Language Tussle // The Hindu. December 6, 2014.

лет в по-настоящему либеральный кампус или мозговой центр на восточном побережье Америки»[1], — описывает настроения либеральной интеллигенции известный журналист Шекар Гупта. Моди отвечает либералам взаимностью, называя их реликтом колониальной эпохи, «делийским клубом», членом которого он никогда не был и не будет. «Он дышит индуистской культурой и историей и ценит его преимущества и его личной жизни и жизни страны, — пишет Энди Марино. — Но он говорит, что не соблюдает ритуалы»[2].

Вторая — старая карьерная бюрократия. Смена правительства означала усиление влияния высшей бюрократии по той причине, что у БДП оказалась очень короткая скамейка опытных государственных деятелей. Министры оказались не очень подготовленными. Но карьерные чиновники считают, что Моди и его команда слишком мало с ними советуется.

ИНК — продолжает существовать как семейное предприятие Ганди, а это исключает смену руководства, что может быть необходимым для реального возрождения партии. На конец 2014 г. партия не демонстрировала никаких признаков возрождения, ее кадры в центре и на местах находились в состоянии деморализации[3].

«Индия растет ночью»

Период быстрого экономического роста начался в Индии еще на базе государственного капитализма в 1980-е гг., когда ВВП ежегодно прибавлял в среднем 6%, главным образом за счет роста промышленного производства, структура которого серьезно менялась. Если в начале 1950-х гг. доля пищевой, табачной, хлопчатобумажной отраслей составляла 60% промышленной продукции, то к началу 1990-х — упала до 18%, тогда как удельный вес электроэнергетики, горнодобывающей, химической, металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности вырос с 28 до 64%.

В начале 1990-х гг. страна столкнулась с кризисом платежного баланса, обусловленным проблемами на рынке энергоносителей, распадом социалистической системы и главного партнера — Советского Союза. Стратегия реформ правительством ИНК определялась тремя принципами: во-первых, следование среднему пути между двумя «догмами» — командной и рыночной экономикой; во-вторых, проявление государственной заботы об огромных массах бедняков; в-третьих, сохранение индийской самобытности.

---

[1] *Shekhar Gupta.* Saving Indian Liberalism from its Left-Liberal Elite // India Today. December 15, 2014. P. 20.

[2] *Andy Marino.* Narendra Modi: A Political Biography. Noida, 2014. P. 260–261.

[3] Rahul's New Voice a Boost for Cong Cadre // Hindustan Times. December 5, 2014.

Переход к новой модели развития был объявлен в июне 1991 г., когда правительство провозгласило экономическую реформу. Она была направлена на обеспечение большей свободы рынка, частного предпринимательства, интернационализации экономики. Творцом экономических реформ стал министр финансов Монмохан Сингх, позднее ставший премьером. Он отменил систему «лицензий Радж», которая обусловливала получение лицензии на ведение бизнеса обязательством по количеству производимой продукции и ее цене, снизил импортные тарифы с 85 до 25%, открыл для иностранных инвесторов индийский фондовый рынок[1]. Количество отраслей, закрытых для частного предпринимательства, было сокращено с 18 до 6 (железнодорожный транспорт, оборонная промышленность, атомная энергетика, угольная и нефтедобывающая промышленность, добыча урана). Также заметно сокращалось число отраслей, в которых создание крупных частных предприятий подлежало обязательному лицензированию (производство алкоголя и табачных изделий, электронная, аэрокосмическая и оборонная промышленность, опасное химическое производство, фармацевтика).

Вместе с тем, сохранение базовых отраслей и инструментов государственного регулирования в руках государства позволили Индии избежать спада производства и объема капиталовложений в ходе проведения реформы, успешно пройти азиатский финансовый кризис 1998 г. Годы реформы характеризовались увеличением темпов экономического роста — с 1,3% в 1991/92 финансовом году до 7,3–7,8% в 1994–1997 гг. Всего же в 1990-е гг. ВВП рос в среднем на 4% в год. Уровень инфляции снизился с 12,1 до 1,6%.

В 2000-е гг. ВВП Индии ежегодно увеличивался более чем на 7%. Рост продолжался и в период мирового финансового кризиса. Главными драйверами экономического роста стали сферы торговли и услуг, на которые в 2007 г. пришлось 55% ВВП (здесь трудится немногим более четверти самодеятельного населения). В промышленности создавалось 28,4% стоимости национального продукта, а в сельском хозяйстве — 16,6% (при этом в нем занято 60% самодеятельного населения). Впрочем, точность экономической статистики под большим вопросом из-за существования огромного сектора неформальной экономики.

Индийский экономический рост идет снизу вверх — путаный, хаотичный и по большей части незапланированный. Известный публицист Гурчаран Дас пишет: «Индийцы признают, что “Индия растет по ночам”, когда садятся попить чая и поговорить о беспорядочном движении в будущее. Но это только половина поговорки. Полное предложение: “Индия растет по ночам, когда спит правительство”. Это озна-

[1] *Ruchir Sharma.* Breakout Nations. P. 38.

чает, что Индия поднимается вопреки правительству. Благосостояние действительно распространяется в стране, даже когда ее преследуют провалы в управлении. Это история частного успеха и государственного провала»[1].

Индийский капитализм сильно отличается от тех рыночных моделей, о которых можно прочесть в американских или французских учебниках. В западных экономиках значительно больше половины прибылей, получаемых на рынке ценных бумаг, приходится на компании, контролируемые институциональными инвесторами; в Индии — лишь одна восьмая. На долю государственных корпораций (похожих на российские или китайские) приходится 40% прибыли. Они производят две трети финансовых операций, энергии и полезных ископаемых страны.

Несмотря на репутацию страны множества высокотехнологичных стартапов и новых предпринимателей, в частном секторе Индии доминируют старые семейные фирмы, которые, вопреки классическим западным учебникам, занимаются многопрофильным бизнесом — от сигарет и специй до лапши и гостиниц. Среди ведущих олигархов Ратан Тата, представляющий пятое поколение владельцев конгломерата Tata Sons; Ананд Махиндра, возглавляющий созданную его дедом Mahindra Group; Анил Амбани, унаследовавший от отца часть империи Reliance. Причем основные деньги они продолжают делать на строительстве дорог и недвижимости, добыче ископаемых и энергетике. Можно жить в доме, ехать на автомобиле, говорить по телефону, обедать, страховаться, одеваться, носить часы, останавливаться в гостинице — и все это благодаря услугам компании Tata. На нее приходится 7% капитализации фондового рынка и 3% корпоративных налогов. На частные фирмы семейного типа приходится еще 41% прибылей. И только 18% прибылей падают на фирмы, контролируемые институциональными инвесторами, и подразделения западных компаний.

Исключительно высока концентрация капитала. Однако по меркам крупнейших мировых экономик гиганты индийского бизнеса невелики. Государственный Банк Индии, крупнейший в стране, по своим доходам уступает крупнейшему китайскому банку в 10 раз. Reliance — крупнейшая по капитализации компания Индии, самый серьезный игрок в химической и энергетической отраслях, втрое меньше французской Total[2]. «Вкратце, Индия не подпадает под чью-то модель, — констатирует The Economist. — Она идет своим путем»[3].

---

[1] *Gurcharan Das.* India Grows at Night: A Liberal Case for a Strong State. New Delhi, 2012. P. 1.

[2] Business in India // The Economist. October 22, 2011. Special Report. P. 3, 4, 5, 17; Ratan Tata's Legacy // The Economist. December 1, 2012. P. 14.

[3] Business in India. P. 4.

Наиболее впечатляющая характеристика сегодняшней Индии — это ее человеческий капитал: огромное и все растущее количество предпринимателей, менеджеров и находчивых бизнесменов-одиночек. Их количество увеличивается с немыслимой скоростью, частично оттого, что они владеют английским языком. Им не нужны переводчики, чтобы узнать о компьютерах, теории менеджмента, рыночной стратегии, о последних инновациях в науке и технологии. В индийском росте велика роль потребителя. Молодые индийские профессионалы не копят деньги, чтобы обзавестись домом, они берут ипотеку. Выпуск кредитных карт растет на 35% в год. Личное потребление составляет невероятные 67% ВВП, намного выше, чем в Китае (42%) или в любой другой азиатской стране. Единственная страна, в которой доля личного потребления еще больше — 70%, это США[1].

Самой успешной и динамичной отраслью современной «экономики знаний» стало производство программных продуктов и их экспорт в США и европейские страны. Ежегодный прирост доходов от этой отрасли в 2000-е гг. превысил 50%. Компании Infosys, Wipro, Tata Consultancy Services стали мировыми гигантами в производстве компьютерных программ. Билл Гейтс назвал Индию «сверхдержавой по производству программного продукта». Многие американские компании нанимают жителей Индии, которые работают на них, не покидая страну. «Сегодня около 250 000 индийцев отвечают на звонки клиентов со всего мира или сами дозваниваются до них, чтобы продать кредитные карточки, предложить мобильные телефоны со скидкой или напомнить про просроченные платежи. Низкооплачиваемая и непрестижная работа в американском колл-центре становится высокооплачиваемой и престижной в индийском»[2]. Вместе с тем, количество пользователей Интернета в самой Индии не превышает 15% от общего числа ее жителей»[3].

Индия также запускает собственные спутники, достигла полной самообеспеченности по проектированию, строительству и обслуживанию атомных электростанций, осуществляет исследовательскую деятельность в Арктике и Антарктиде. Индия производит четверть всех лекарственных препаратов, поставляемых на мировой рынок.

Но структуру экономики все еще сложно назвать современной. В сфере сельского, лесного хозяйства и рыболовства работает 49% занятых, на их долю приходится 13,7% ВВП. Промышленность производит 21,5% от ВВП и дает работу 20% занятых. Самый большой сектор экономики — услуги: 64,8% ВВП и 31% занятых. В динамично растущем

---

[1] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 152–153.
[2] *Томас Фридман.* Плоский мир: краткая история XXI века. С. 34.
[3] India Betters Rank in Net Freedom // The Hindu. December 5, 2014.

секторе информационных и других современных технологий работают лишь 4%.

Экспорт составляет около 450 млрд долл., из которых 300 приходится на товары. Вывозится программный продукт, продовольствие, товары нефтехимии, ювелирные изделия, лекарства, текстиль. Товары идут в основном в Европу — 17%, США — 13, Объединенные Арабские Эмираты — 13, Китай — 6 и Сингапур — 5%. Импорт гораздо больше — 630 млрд, из которых 500 млрд — товары. Ввозятся энергоносители, электроника, продукция машиностроения, уголь, металлы. Крупнейшие импортеры: Китай и Евросоюз — по 12%, ОАЭ — 8, Саудовская Аравия — 7 и Швейцария — 6%[1].

У Индии большой ресурсный потенциал. Страна занимает третье место в мире по добыче угля, лигнитов, баритов. На Индию приходится 1/4 мировых запасов железных руд, что обеспечивает развитие черной металлургии. Много добывается магнезитовых руд и бокситов (однако развитие алюминиевой промышленности ограничивается нехваткой энергетических мощностей)[2].

Вместе с тем, страна испытывает острый энергодефицит. Большинство сельского населения страны все еще не имеет доступа к электричеству. Уголь — главное топливо, на него приходится около половины общего энергетического потребления. Нефть обеспечивает еще около трети. Импортируется 90% нефти и природного газа морским путем, и этот процент только увеличивается[3].

Индия достигла выдающихся успехов в подъеме сельского хозяйства в 1970–1980-е гг. (период «зеленой революции») за счет возделывания высокоурожайных гибридных сортов пшеницы, риса, других культур при обильном орошении. Свыше трети посевных площадей дает урожай более одного раза в год. Однако темпы прироста сельскохозпродукции снижаются из-за деградации земельных и водных ресурсов. Эрозионными процессами охвачена почти половина территории Индии. Это — одна из самых обезлесенных стран мира: чуть более 7% территории, и площадь лесных массивов сокращается на 1,5 млрд га ежегодно. Под угрозой исчезновения 500 видов млекопитающих, 100 — рыб, 1000 — птиц.

Масштабы ежегодного сброса бытового и промышленного мусора приводят к загрязнению таких полноводных и священных для индусов рек, как Ганг. Индия испытывает проблемы как с питьевой водой, так и с водой для полива. Загрязненные воды попадают в океан, в том числе

---

[1] *Leon F. Wegner.* India. The Fascinating Country // La Vie Diplomatique. No. 2. 2014. P. 27.

[2] *Борис Кузык, Татьяна Шаумян.* Индия–Россия: стратегия партнерства в XXI веке. С. 166.

[3] Проблемы современной Азии: История, конфликты, геополитика. СПб., 2009. С. 65.

в зоны традиционной ловли рыбы, которая уходит все дальше от берегов. В атмосферу выбрасываются большие объемы газа с многочисленных химических предприятий. Катастрофа 1984 г. в городе Бхопал, во время которой погибли более 2500 человек и 35 000 людей пострадали от отравления, занесена в книгу рекордов Гиннеса как крупнейшая техногенная катастрофа[1].

Более 20 индийских городов с населением свыше одного миллиона человек относятся к числу наиболее загрязненных в мире. Загрязнение воздуха в шести крупнейших городах (Мумбаи, Калькутта, Дели, Ахмедабад, Канпур и Нагпур) более чем втрое превышает допустимые нормы, установленные Всемирной организацией здравоохранения. Основной источник загрязнения воздуха — миллионы различных видов транспорта на ее улицах (автомашины, грузовики, автобусы, моторикши, мотоциклы и др.). Почти не видел в Индии небитых машин. В районах городских трущоб проживает 20–30% всего городского населения страны (а в крупнейших городах 30–40% жителей), практически лишенных элементарных санитарно-гигиенических условий.

Инфраструктура улучшается, запланированы и идут строительство или перестройка аэропортов, дорог и портов. Однако их нынешнее состояние настолько плохо, что частным компаниям часто приходится прокладывать собственную инфраструктуру. Большинство построенных к Играм Содружества 2010 года спортивных объектов пришли в негодность еще до ввода в строй или сразу после. Как подмечал писатель Рана Расгупта, «общественная инфраструктура обычно лишь случайный побочный продукт настоящего бизнеса индийской политики, которым является бизнес»[2].

Инвестиционный климат в Индии — предмет постоянных жалоб инвесторов, причем не только зарубежных. Объем инвестиций сократился с 17% от ВВП в 2007 г. до 11% в 2011 г., что явилось одной из причин экономического торможения. Суды медлительны и нередко коррумпированы, бизнесмены предпочитает иметь дело с теми, кому доверяют. Исключительно мало новых компаний сумели прорваться в высшую предпринимательскую лигу за последние десятилетия. Из десяти крупнейших компаний в коррупционных скандалах оказались замешаны семь. Как жаловался глава ЦБ Рагхурам Раджан, Индия может начать походить на российскую олигархию, поскольку «слишком много людей обрели богатство на близости к власти». В опросе, проведенном в 2014 г., 96% индийцев согласились, что коррупция тянет стра-

---

[1] *Т.П. Петрова.* Экологические проблемы в странах БРИКС // Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации. М., 2012. С. 129–130.

[2] *Rana Dasgupta.* India's Revolt Against the Undeserving Rich // Financial Times. May 22, 2011.

ну назад, а 92% заявили об ухудшении положения дел в этой сфере в последние пять лет[1].

Ахиллесова пята реформ — увеличение неравенства. Совокупное состояние 100 богатейших индийцев (среди них около 60 миллиардеров, четвертое место в мире), которые практически находятся вне правового поля, около 300 млрд долл. Это ВВП целой Дании, Греции или Финляндии[2]. По докладу Credit Suisse в 2010 г., в Индии насчитывалось также 170 тыс. долларовых миллионеров, чье совокупное богатство превышало половину ВВП страны. За ними следовали 4,5 млн мелких предпринимателей и высококвалифицированных специалистов, зарабатывающих более 100 тыс. в год[3].

Размеры среднего класса в Индии — предмет споров. Зоя Хасан из Университета Джавахарлала Неру относит к нему пятую часть населения — порядка 240 млн человек[4]. Министр торговли Ананд Шарма называл цифру в 300–500 млн человек, что крайне маловероятно. Рейтинговое агентство McKincey считает средним классом по европейскому стандарту 50 млн с перспективой 5-процентного роста в год в ближайшие два десятилетия[5].

Премьер Монмохан Сингх заявил в 2008 г., что впредь «крейсерской скоростью» индийской экономики становится 8–9% в год, и предсказал завершение эры «хронической нищеты, безграмотности и болезней, которые были судьбой миллионов сограждан в течение веков». Однако результаты экономической политики оказались далеки от ожидавшихся. Причины объяснял Ручир Шарма: «Не имея собственной политической базы, Сингх занимает свое место исключительно благодаря президенту партии Конгресса Соне Ганди, агрессивной стороннице политики государства благосостояния, которая мало что делает для роста»[6].

В 2013 г. рост ВВП замедлился до 5%. Фондовый рынок сжимался, увеличивалась стоимость кредита. Инфляция превысила 10%. В августе 2013 г. был установлен контроль над вывозом индийцами денег из страны, что испугало и иностранных инвесторов[7]. В условиях политической неопределенности в преддверии выборов обрушились цены на недвижимость — на 30% в крупнейших городах[8].

Во время избирательной кампании 2014 г. Сингх воспринимался как сторонник большой роли государства и роста социальных про-

---

[1] A Bad Boom // The Economist. March 15, 2014. P. 20–22.

[2] Discovery of India // The Economic Times on Sunday. November 14, 2010.

[3] *Manu Joseph.* Fighting to Shut out the Real India.

[4] Zoya Hasan. Expanding Middle Classes and the Power Shift in India // Poverty in Focus / International Policy Center for Inclusive Growth. No. 26. October 2013. P. 31.

[5] *Елена Брагина.* Индия — иной средний класс? // Международная жизнь. Февраль 2014. С. 135–136.

[6] *Ruchir Sharma.* Breakout Nations. P. 39.

[7] How India Got Its Funk // The Economist. August 24, 2013. P. 9.

[8] Reform Poll Funds, Delink from Reality // The Economic Times. May 8, 2014.

грамм. Моди, как подчеркивал Гидеон Рахман, «делал упор на стимулировании роста, поддержку бизнеса и сокращение размера государства. Такая либеральная повестка дня более не модна на Западе. Но это то, что принесло успех Моди в Гуджарате»[1]. Джагдиш Бхагвати — экономист из Колумбийского университета — утверждал, что люди склонны были отдать предпочтение «росту в стиле Дэн Сяопина перед равенством в стиле Неру»[2].

Появление Моди в кресле премьера вдохнуло энтузиазм в индийский бизнес. Экспорт в мае–июле 2014 г. вырос на 9,3%, импорт также увеличился после двух лет падения. Спрос на электричество показывал годовой рост в 11%. Моди заявил о планах воспроизвести в Индии инфраструктурный бум, подобный китайскому, инвестировав на эти цели до 2017 г. 1 трлн долл., из которых на бюджет придется 47%. В речи в парламенте 11 июня 2014 г. он провозгласил цель за восемь лет обеспечить всех жильем, в котором будут вода, электричество и канализация, для чего понадобится построить и сто новых городов. На 2014/15 финансовый год выделяются 664 млрд долл. на строительство дорог, рассматривалось предложение о строительстве 16 новых портов. Было объявлено о планах продажи части акций госбанков, чья доля на кредитном рынке составляет 75%. Одновременно предлагаются такие «жесткие меры», как поднятие импортных тарифов на сахар на 14%, повышение цен на бытовой газ и керосин. Эксперты отмечают отсутствие в планах Моди мер по упрощению системы налогообложения и сокращению бюджетного дефицита. Тем не менее, ожидаемый рост в 2015 году — 6,5%. Инфляция составит 8%, бюджетный дефицит — 4,9% от ВВП. Доход на душу населения — 1,98 тыс. долл. (6,22 тыс. — по паритету покупательной способности)[3].

Поднимающаяся великая держава

Доминик Моизи пишет: «Если про Китай можно сказать, что он “вернулся”, Индия впервые выходит на международную арену. Она не чувствует себя древней империей, восстанавливающей свое центральное положение, она скорее ощущает себе новой страной, которая отметила (в 2008 г.) шестидесятую годовщину независимости, спрашивая себя с гордостью и сомнением: “Мы столь много достигли за короткое время, но правильно ли мы все сделали?”»[4]. У огромной Индии столько же дипломатов, сколько у крошечной Новой Зеландии.

---

[1] *Gideon Rachman.* India Needs a Jolteand Modi Is at Risk Worth Taking // Financial Times. April 29, 2014.

[2] *David Pilling.* A Vote for Modi Could Make India More Chinese // Financial Times. March 20, 2014.

[3] The Economist. The World in 2015. P. 97.

[4] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций. С. 66–67.

Сегодня мало кто сомневается, что Индия располагает экономическими, демографическими, культурными и цивилизационными предпосылками для того, чтобы стать в XXI в. крупнейшим суверенным центром силы. Выходят и работы, в которых формулируется более активная стратегия внешней политики. В их числе достойна упоминания книга ведущего эксперта по безопасности Раджи Менона и экономиста Раджива Кумара «Долгий взгляд из Дели», вышедшая в 2010 г. Она знаменовала очевидное смещение фокуса — от традиции стратегической автономии к стремлению играть все более активную роль и брать все большую ответственность в мире. В центре внимания — Соединенные Штаты и Китай[1].

Стратегическую концепцию современной Индии с западнических позиций формулирует Си Раджа Мохан — член Индийского консультативного комитета по вопросам национальной безопасности: «По прошествии более чем полувека фальстартов нереализованных возможностей Индия трансформируется в государство, способное решительно повлиять на глобальное политическое равновесие… Поднимающаяся страна имеет потенциальную возможность превратиться в ведущего актора «политического Запада» и играть ключевую роль в великих политических битвах предстоящих десятилетий. Будет ли эта возможность реализована и как скоро, зависит прежде всего от готовности западных держав начать сотрудничать с Индией на ее условиях»[2]. Следует отметить известное охлаждение Индии к некогда центральным идеям солидарности с развивающимися странами в рамках движения неприсоединения и переключение внимания на взаимодействие с ведущими глобальными игроками.

Но Индия сегодня — не чей-то сторонник, это самодостаточная держава, которая сохраняет независимость и способность принимать самостоятельные решения, диверсифицирует свои связи во всех областях — от торгово-экономического и военно-технического сотрудничества до поставок ядерных материалов. «Индийцы не станут рассматривать внешнюю политику как крестовый поход, равно как не видят распространение демократии в качестве своей главной национальной задачи. Склад ума индийца: живи и дай жить другим. Индийцам претят обязательства. Индия чувствует себя не очень уютно, когда ее называют “главным союзником” Америки в Азии или же составным элементом новых “особых отношений”. Дискомфорт в том, что касается точного и ясного определения друзей и врагов, — это специфически азиатская черта»[3], — пишет Фарид Закария.

---

[1] *Raja Menon, Rajiv Kumar.* The Long View From Delhi: To Define the Indian Grand Strategy for Foreign Policy. New Delhi, 2010.

[2] *Си Раджа Мохан.* Индия и политическое равновесие. С .8–9.

[3] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 172–173.

Популярна концепция «трех стратегических колец» во внешней политике. Пределы первого кольца охватывают непосредственных соседей. Здесь Дели добивается первенства и невмешательства со стороны третьих стран. Границы второго кольца включают в себя «расширенное соседство» в Азии и вдоль побережья Индийского океана. Третье — вся мировая арена.

Приоритетом является Южная Азия — регион, в который входят также Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри-Ланка, Бутан и Мальдивы. На долю Индии приходится около трех четвертей южноазиатской территории и населения, около 80% ВВП. Доминирование одной страны приводит к естественному дискомфорту других. Индия категорически против вовлечения внешних сил, особенно великих держав в решение региональных проблем. Соседи Индии, напротив, не видят угроз безопасности из-за пределов региона, обвиняя ее в гегемонизме: вмешательстве во внутренние дела Непала и Бангладеш, поддержке тамильских повстанцев на раннем этапе гражданской войны в Шри-Ланке или сепаратистов в пакистанском Белуджистане[1]. Одновременно с этим рост экономических проблем стимулирует тягу к региональному сотрудничеству, к расширению взаимных связей. Это противоречие — между экономическими выгодами от сотрудничества с Индией и страхом перед ней — и определяет политическую динамику в регионе.

Центральную роль в Южной Азии играют индийско-пакистанские отношения. Хотя Пакистан и располагает лишь одной восьмой от экономического, территориального и демографического потенциала Индии, он является достаточно мощной державой с населением больше, чем в России. Основным камнем преткновения в их отношениях выступает нерешенная кашмирская проблема. После трех вооруженных конфликтов отношения Индии с Пакистаном перешли в замороженную стадию переговоров.

В 1998 г. Индия стала ядерной страной, уверенная, что только так можно достичь статуса мировой державы. «Китайская угроза» была определена в качестве главной причины, вынудившей перейти «ядерный порог», но, конечно, речь в первую очередь шла о Пакистане, который ответил собственным испытанием. Переход двух стран в категорию фактических ядерных держав нанес серьезный ущерб политике нераспространения. Обе не подписывали Договор о нераспространении ядерного оружии (ДНЯО), а сохранение конфронтации между ними породило серьезные опасения, что дальнейшее обострение их отношений чревато возникновением ядерного конфликта. Именно угроза перерастания любого конфликта в ядерный побуждает оба государства ответственно относиться к своим разногласиям. Еще в 1988 г. Индия и

[1] The Elephant in the Region // The Economist. February 18, 2012.

Пакистан договорились о взаимном ненападении на ядерные объекты, ежегодно обмениваются информацией об их числе и местонахождении. В 2005 г. вступила в силу договоренность об оповещении друг друга в случае испытательных запусков баллистических ракет, которые могут нести ядерные боеголовки.

Ядерный потенциал Пакистана оценивался на 2014 г. в 110–130 боеголовок. Впрочем, некоторые эксперты называют и цифру вдвое больше, учитывая количество оружейных ядерных материалов, что приближает Пакистан к пятой — Великобритания (225 зарядов с планами сокращения до 180 к середине 20-х годов) или даже четвертой — Франция (около 300)[1]. Как считают эксперты, «существует примерный ядерный паритет между Индией и Пакистаном, при этом у Пакистана больший арсенал, а у Индии более совершенные средства доставки воздушного и морского базирования»[2].

Викрам Суд из Observer Research Foundation пишет: «В правящих кругах Пакистана существует настоящий страх того, что светская демократическая и экономически успешная Индия на его границах подорвет идеологию исламского Пакистана. Так называемый джихад против СССР в Афганистане и терроризм в Индии были результатом этой извращенной политики. Советы могли уйти, но Индия не могла испариться. В результате сегодня Пакистан рискует быть поглощенным его собственными созданиями — джихадом вовне и Талибаном внутри страны»[3].

В Южной Азии присутствуют все негативные факторы, обычно препятствующие развитию интеграционных процессов: наличие доминирующей региональной державы, отсутствие общего врага и недостаточная взаимодополняемость экономик. Крупнейшей региональной организацией является Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Она создана в декабре 1985 г. в Дакке, где было решено, что организация займется исключительно вопросами экономического, технического и культурного сотрудничества.

В 1993 г. было принято соглашение о предоставлении взаимных торговых преференций. В 2004-м страны СААРК договорились об образовании в перспективе зоны свободной торговли в Южной Азии, но власти Пакистана продолжают ограничивать импорт из Индии[4]. Южная Азия до сих пор наименее интегрированная часть планеты. На соседей по СААРК приходится 0,5% индийского импорта и 4% экспорта[5].

---

[1] *Mark Fitzpatrick.* Overcoming Pakistan's Nuclear Dangers. L., 2014. P. 21–22.

[2] *Michael Krepon.* Nuclear Race on the Subcontinent // International Herald Tribune. April 5, 2013.

[3] Pakistan: The Struggle Within / Ed. By Wilson John. New Delhi, 2009. P. x.

[4] *Сергей Лунев.* Регион Большая Восточная Азия и политика Индии // Вестник аналитики. № 3. 2008. С. 66–69.

[5] См.: The Elephant in the Region.

Моди, придя к власти, подтвердил приоритет отношений с южноазиатскими странами, пригласив всех лидеров СААРК на свою инаугурацию, включая пакистанского лидера Наваза Шарафа. Индийский премьер заявил о своем желании «открыть новую страницу» в отношениях с Исламабадом[1]. Но пока перспективы организации туманны. «За последние 30 лет СААРК едва ли обрел тот же динамизм, что и аналогичные организации в Европе, Латинской Америке, Восточной и Юго-Восточной Азии, которые создали сильно интегрированные и сплоченные регионы, — отмечала газета The Hindu в декабре 2014 г. — Произошло это в основном из-за продолжающейся ссоры двух крупнейших стран региона, их нежелания зарыть топор войны и двинуться вперед»[2].

Наиболее значимым регионом за пределами Южной Азии для Индии стала Восточная Азия. Уже в начале 1990-х гг. была провозглашена политика «Смотреть на Восток» с претензией на то, чтобы стать ведущим региональным игроком. В 1995 г. Индии был предоставлен статус полномасштабного партнера АСЕАН. В ноябре 2002 г. состоялся первый саммит «АСЕАН + Индия». Страна была среди 16 участниц первого Восточноазиатского саммита, проведенного в Малайзии в декабре 2005 г. Стал функционировать форум «Меконг — Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН — Камбоджу, Лаос. Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В 2009 г. Индия заключила с АСЕАН договор о свободной торговле, что позволило к 2014 г. довести объем товарооборота до 80 млрд долл. с планами за десятилетие увеличить эту сумму до 280 млрд. В 1997 г., в целях осуществления совместных экономических проектов, была образована организация БИМСТЕК, объединяющая Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Непал, Бутан, Мьянму и Таиланд. Индийское правительство согласилось и с новым форматом БКИМ (Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма), но не как очередной субрегиональной организации, а для осуществления конкретных совместных проектов[3].

Особенно важной и интригующей была эволюция индийско-китайских отношений, где главным вектором стало радикальное — хотя далеко не полное — снижение напряженности. Индийский журналист и политик Джайрам Рамеш ввел в этой связи в оборот термин «Киндия» (Chindia) как самый простой способ для обозначения двух стремительно растущих и густонаселенных стран Азии. У индийско-китайских отношений значительный потенциал для развития сотрудничества.

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 295.

[2] *S.M. Naseem.* SAARC's Make or Break Moment // The Hindu. December 5, 2014.

[3] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2010. С. 96; India in Asia. Eastern Promises // The Economist. August 30, 2014. P. 11.

Подписаны соглашение 2005 г. о китайско-индийском стратегическом партнерстве, соглашение 2006 г. о сотрудничестве в энергетике в третьих странах. Проводились совместные сухопутные и морские учения. Объем китайско-индийской торговли с начала века вырос более чем в 20 раз. «Подъем и Китая, и Индии начинает оказывать мощное влияние практически на каждое измерение мирового бизнеса, — пишет редактор книги «Киндия» Пет Энгардио из «Business Week». — В ближайшие десятилетия именно они окажутся самыми значимыми силами, которые изменят мировую экономику»[1].

Отношения можно охарактеризовать как «сотрудничество — соперничество», что отражается и в позициях различных групп индийской элиты. Прагматики — часть конгрессистов и бизнес-элиты — выступают за сотрудничество. Реалисты — представители БДП, силовых структур, МИДа — склонны к более жесткому курсу по отношению к Китаю. «Миротворцы» — члены компартии (марксистской) и других левых организаций — не видят особой угрозы со стороны Китая[2].

На страницах «большой печати» Индии (англоязычных газет Times of India, HindustanTimes, Indian Express, Hindu) эксперты, приближенные к внешнеполитическому истеблишменту, прочертили несколько основных тем, по которым проводится размежевание между «Слоном» и «Драконом». Вспоминают, что страны в течение нескольких веков вели между собой непримиримую борьбу за господство в Центральной Азии, Тибете, Бирме и государствах Юго-Восточной Азии. Эта борьба «органически» трансформировалась в геополитическое соперничество за рынки сырья и сбыта не только в Центральной Азии, но и в Африке и даже в Южной Азии, которую Китай якобы все больше рассматривает как свой «стратегический задний двор» (“strategic backyard”). Китайское военно-морское присутствие в Индийском океане воспринимается многими в Дели как составная части китайской доктрины «нитки жемчуга», согласно которой Пекин стремится окружить Индию морскими военными базами. Китай подозревают в стремлении взять их страну в геополитические «тиски» — от побережья Мьянмы на востоке до Пакистана на западе. При этом сама Индия последовательно отстаивает свою ведущую геополитическую роль в Индийском океане, на «пространстве от Суэца до Сингапура», что не вызывает восторга у Китая[3].

Недоверие в отношении Китая велико. «Индийско-китайский стратегический диссонанс имеет корни не только в контрастах поли-

---

[1] Chindia: How China India Are Revolutionizing Global Business / Ed. By Pete Engardio. N.Y. et al., 2007. P. 13.

[2] *Татьяна Шаумян.* Фактор двусторонних отношений в формате БРИКС: опыт Индии // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. М., 2013. С. 132–133.

[3] *Андрей Володин.* Индия в БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 120–121; *Наталья Стапран.* «Треугольник Примакова» в рамках БРИКС и не только // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 282–283.

тических идеалов и разнице идей, но и в постоянном преследовании Пекином стратегии баланса сил в стиле Сунь-цзы, — пишет известный политолог Брахма Челлани. — Стремясь представить себя как державу, которая "не видит зла", "не делает зла", Китай усердно наращивает свою силу, чтобы вовлечь весь мир на своих условиях… Несмотря на 25 лет постоянных переговоров, Индия и Китай остаются единственными соседями в мире, которых не разделяет даже взаимосогласованная линия контроля»[1]. КНР время от времени высказывает претензии на территории, которые Индия считает своими — а это в общей сложности около 134 тыс. кв. км в районе Аксай Чин в Ладакхе и территория индийского штата Аруначал Прадеш. Серьезным раздражителем в отношениях между Индией и Китаем продолжает оставаться тибетская проблема. Вызывает озабоченность Индии активное строительство на территории Тибета дорог, связывающих Лхасу с внутренними районами Китая, направление туда войск и создание вблизи Линии прекращения огня новых поселений для этнических ханьцев. Индия неизменно подтверждает свое признание Тибета неотъемлемой частью Китая, Далай-ламу рассматривает как религиозного лидера тибетцев и разрешает ему заниматься на территории Индии только такой деятельностью, которая соответствует этой роли.

Индия недовольна своим дефицитом в двусторонней торговле, Китай — отказом Дели предоставить КНР статус страны с рыночной экономикой. При этом усиливается и китайско-индийская конкуренция на внешних и внутрииндийском рынках. Пекин и Дели соревнуются за обладание суданской нефтью: индийской ONGC принадлежит 25% ее запасов, а китайской CNPC — 40%. Конкуренция начинает наблюдаться и в других странах Африки.

С серьезной озабоченностью в Дели относятся к военно-политическому сотрудничеству Китая с Пакистаном, как бы Пекин ни утверждал, что «индийский фактор» исключен из пакистано-китайских отношений. Пекин, в свою очередь, озабочен усилением американо-индийского сотрудничества, в котором усматривает планы «сдерживания» Китая. Правда, в последнее время Китай признал необходимость урегулирования кашмирской проблемы на двусторонней основе, не становясь однозначно на сторону Исламабада.

«Индия и Китай — две разные страны с различными политическими, экономическими и социально-политическими основами»[2], — пишет Вишну Сараф, индийский инвестиционный банкир. В Китае меньше внимания обращают на различия моделей развития. Индия в контексте БРИКС воспринимается в Пекине прежде всего как «го-

[1] *Brahma Chellaney.* Imperial China // Hindustan Times. October 30, 2006.

[2] *Vishnu Saraf.* India and China. Comparing the Incomparable. New Dehli, 2008. P. 129–130.

сударство с формирующимся рынком, имеющее общие с КНР интересы», и лишь потом как страна с «иной общественно-политической моделью»[1].

Моди четырежды посещал Китай еще будучи губернатором Гуджарата, куда Пекин инвестировал более 1 млрд долл. Но во время избирательной кампании 2014 г. он придерживался жесткой линии по отношению к Китаю. В ходе поездки в штат Аруначал-Прадеш, где в 1962 г. произошли столкновения между войсками двух стран, Моди потребовал от КНР «отбросить экспансионистские устремления» и не помышлять о том, чтобы «урвать кусок территории Индии». Серьезное недовольство в Китае вызвал тот факт, что премьер правительства Тибета в изгнании попал на официальную фотографию с церемонии инаугурации Моди[2].

Япония становится важным партнером Индии, особенно со времени премьерства Дзюнъитиро Коидзуми, который объявил о «стратегическом партнерстве» Японии с Индией, опасаясь поднимающегося Китая и ревнуя по поводу зарождающегося альянса между Вашингтоном и Дели. Это произошло вопреки резкой реакции Токио на индийские ядерные испытания 1998 г., вызвавшие санкции со стороны Японии и ее усилия добиться осуждения Индии в ООН и на других многосторонних форумах.

При этом Индия особенно активно налаживает связи с Японией именно в сфере ядерных и иных новых технологий. Часть внешнеполитической элиты Индии открыто говорит о том, что не возражала бы против превращения Японии в ядерное государство (разумеется, в противовес Китаю). Токио начал направлять часть своих зарубежных инвестиций в Индию, которая заняла и первое место в ряду получателей японской помощи на нужды развития, вытеснив с этой позиции Китай. Кроме того, Япония демонстрирует растущий интерес к расширению военного сотрудничества с Индией, особенно на море. «В поднимающейся Азии две основные незападные демократии — Индия и Япония — выглядят как естественные союзники, по мере того как Китай сближает их друг с другом, — утверждает Челлани. — Индо-японское стратегическое партнерство, включающее сотрудничество флотов в защите жизненно важных морских линий коммуникаций, способно помочь установлению уравнения баланса сил в Азии и создать долгосрочную стабильность и эквилибриум».

Отношения России и Индии после распада СССР были непростыми.

Торгово-экономические отношения пострадали больше всего. В 1991 г. совокупный внешнеторговый оборот двух стран составлял

---

[1] *С.В. Уянаев.* Сотрудничество в БРИКС в системе внешнеполитических приоритетов Китая // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 82–83.

[2] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P.?

7,6 млрд долл., или 10,3% внешнеторгового оборота Индии. В течение года объем торговли оборот упал до 862 млн. Индия занимает сейчас 18-е место среди торговых партнеров России, товарооборот составляет 10 млрд. долл.[1]. Индийский импорт из России на 60% состоит из черных и цветных металлов, минеральных удобрений и газетной бумаги; на машины и оборудование приходится лишь 8%. Большую массу индийского экспорта в Россию (на 65%) составляют хлопчатобумажные изделия, чай, кофе, медикаменты.

В 2006 г. была достигнута договоренность о поставках Россией ядерного топлива для атомной электростанции в Тарапуре. Строительство АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнаду было не беспроблемным — против АЭС велась массированная кампания, организованная экологами, позднее уличенными в использовании иностранных финансовых источников для организации выступлений протеста у станции. Тем не менее, в августе 2012 г. началась загрузка топливных стержней российского производства в первый реактор[2].

«КамАЗ» в сотрудничестве с индо-бразильской группой компаний Vectra наладил производство тяжелых грузовиков в штате Тамилнаду. Свое сборочное производство в Индии создает концерн «Тракторные заводы». Существуют широкие возможности для российско-индийского партнерства в топливно-энергетической сфере. В 2001 г. ведущая индийская нефтяная компания ONGC приобрела 20% акций дочерних компаний «Роснефти» («Роснефть-Сахалин» и «Сахалинморнефтегаз-Шельф»). «Газпром» заключил с индийскими компаниями GAIL, Gujarat State Petroleum Corporation (GSPC) и Petronet меморандумы о взаимопонимании на поставку в Индию 7,5 млн т сжиженного природного газа в год в течение ближайших 25 лет. В 2002 г. ONGC подписала с «Зарубежнефтью» контракт на сотрудничество в освоении и реконструкции нефтяных месторождений в штате Ассам. «Газпром» участвует в освоении одного из перспективных блоков в западной части Бенгальского залива[3].

В российско-индийских отношениях традиционно важное место занимает военно-техническое сотрудничество. На долю Индии приходилось 50% всех заказов, заключенных Россией в 2000-е гг. Индия и сейчас занимает первое место в мире по объему приобретаемой российской продукции военного назначения. Почти 70% индийской военной техники — российского производства. Подписаны межправительственные соглашения о закупке и производстве в Индии по российским ли-

---

[1] Россия в цифрах: 2014. М., 2014. С. 524, 526.

[2] *Алексей Баев.* Индия разделит ответственность за инциденты с АЭС // Известия. 14 августа 2012.

[3] *Александр Кадакин.* Россия — Индия: новые «чакры» сотрудничества // Международная жизнь. Июнь 2012. С. 49.

цензиям новейших российских танков, бронемашин и истребителей, а также о передаче Индии авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» («Викрамадитья»), контракт на модернизацию которого составил более 2,2 млрд долл. В 2012 г. были поставлены два фрегата стоимостью более 1 млрд долл., атомная подлодка «Нерпа» стоимостью около 900 млн р. Индия использует российские наработки для создания собственных подводных лодок и их реакторов, арендует у Москвы атомные подлодки для обучения индийских моряков[1].

Осуществляется совместная разработка и производство боевого самолета пятого поколения и многоцелевого транспортного самолета, лицензированное производство танков Т-90С и самолетов СУ-30МКИ, крылатых ракет совместной разработки и производства «БраМос», которые приняты на вооружение военными флотами обеих стран и будут использованы в вооружении истребителей СУ. Москва предложила целый арсенал средств для борьбы с терроризмом: электронные устройства и даже миниатюрные подводные лодки. Сегодня почти все крупные контракты, заключаемые между Россией и Индией, предусматривают одновременно передачу технологии производства вооружений, даже самых современных и наукоемких[2].

В октябре 2013 г. прошли российско-индийские маневры «Индра» — на полигоне «Махаджан» в штате Раджастан в пустыне Тар недалеко от индо-пакистанской границы — по отработке антитеррористической операции, в которой приняла участие российская 11-я десантно-штурмовая бригада, дислоцированная в Улан-Удэ[3].

Российско-индийское сотрудничество в области космических исследований сосредоточивается на совместных проектах в области пилотируемых программ. Российские специалисты намерены оказать содействие созданию орбитального космического корабля, центра подготовки космонавтов в Индии, взаимодействуют с индийскими коллегами в создании и запуске спутников, в использовании российской навигационной системы ГЛОНАСС в интересах Индии[4]

Все более активно взаимодействие Москвы и Дели в многосторонних форматах. РИК (Россия — Индия — Китай, «примаковский треугольник») сыграл роль своего рода ограничителя традиционных китайско-индийских противоречий и территориальных споров. Имен-

---

[1] *Алексей Никольский.* План перекрыли на $1,5 млрд // Ведомости. 16 февраля 2012; *Yogesh Joshi, Frank O'Donnell.* India's Submarine Deterrent and Asian Nuclear Proliferation // Survival. August–September 2014. P. 159.

[2] *Г.А. Власкин, С.П. Глинкина, Е.Б. Ленчук.* Сотрудничество со странами БРИКС в интересах модернизации российской экономики // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 338–339.

[3] *Владимир Мухин.* Десантники России дадут отпор сепаратистам в Индии // Независимая газета. 14 октября 2013.

[4] *Г.А. Власкин, С.П. Глинкина, Е.Б. Ленчук.* Сотрудничество со странами БРИКС… С. 337.

но в рамках РИК России удалось вывести их на уровень трехстороннего обсуждения, частично нейтрализовав напряженность между Пекином и Дели.

Российско-индийский саммит, состоявшийся в декабре 2012 г. в Дели, оказался едва ли не самым проблемным. Причинами стали ужесточение требований Дели на переговорах о строительстве третьего и четвертого реакторов АЭС «Куданкулам», неопределенность вокруг передачи Индии авианосца Vikramaditya, а также выдавливание с индийского рынка российской АФК «Система» после отзыва Верховным судом Индии лицензии у ее индийской «дочки» SistemaShyamTeleServices. К саммиту в Москве в октябре 2013 г. главные разногласия удалось либо устранить, либо купировать. Были подписаны шесть соглашений, включая документы о сотрудничестве в сфере науки, техники, энергетики, а также обмена информацией и технологиями. Вместе с тем, не были подписаны соглашения о достройке АЭС «Куданкулам», как и о переносе в Индию производства самолетов нового поколения SukhoiSuperjet 100 и МС-21[1].

У Моди, по некоторым сведениям, было в планах нанести свой первый зарубежный визит в Москву. Но этого не случилось. Отдельные эксперты связали это с намерением России возобновить свернутое после распада СССР военно-техническое сотрудничество с Пакистаном и поставить Исламабаду партию ударных вертолетов Ми-35[2]. В итоге первый визит Моди совершил в Бутан, с Путиным встретился на саммите БРИКС в Бразилии, а первым нанесет визит российский лидер — в декабре 2014 г.

Во время встречи Моди заявил: «Президент Путин — лидер великой страны, с которой нас связывают уникальные отношения, основанные на дружбе, доверии и доброй воле. Наше стратегическое партнерство беспрецедентно. Народ России поддерживал Индию и помогал нам даже в очень трудные моменты нашей истории… Важность этих отношений и их уникальное место во внешней политике Индии останутся прежними. И в будущем значимость этих отношений для обеих стран будет во многом расти». В ходе саммита были достигнуты договоренности о диверсификации взаимной торговли и наращивании инвестиций, переходе на использование национальных валют. Начались консультации по заключению договора о зоне свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом. Подписан документ об укреплении сотрудничества в использовании атомной энергии: строительство в Индии более 20 атомных энергоблоков, сотрудни-

---

[1] *Сергей Строкань.* Россия и Индия чувствуют себя в одной подлодке // Коммерсантъ. 21 октября 2013.

[2] *Сергей Строкань.* От ворот вертолет: Военная сделка с Пакистаном может рассорить Россию и Индию // Коммерсантъ. 9 июня 2014.

чество в сооружении АЭС по российскому дизайну в третьих странах, совместная добыча урана, производство ядерного топлива. «Роснефть» и «Газпром» подготовили совместные проекты по освоению российского арктического шельфа, расширению поставок сжиженного природного газа[1].

В системе индийской гражданской службы, среди профессиональных управленцев внешнеполитического блока и спецслужб существует понимание необходимости для Индии — в интересах поддержания глобального и мирового баланса — поддержания дружеских отношений с Россией. Сохраняется большой запас доверия и доброй воли. Антироссийская кампания в прессе в связи с украинскими событиями присутствует, но вовсе не доминирует.

В индийской элите весьма высоко оценивался потенциал группы БРИКС, которая, очевидно, воспринимается и как инструмент восстановления глобальной исторической справедливости, как возможность реванша развивающихся стран. Страны БРИКС, считают в Дели, смогут извлечь пользу из своей общности, только если станут субъектом, инициативно формирующим правила мировой экономики, а не объектом воздействия правил, сформированных не ими. Для этого БРИКС должно генерировать единую политику, что достижимо только при условии институционализации.

Моди оказался весьма активным сторонником активизации сотрудничества в БРИКС. На саммите в бразильском Форталезе именно он предложил назвать создающийся банк БРИКС Новым банком развития и предусмотреть в нем равный капитал всех трех стран в размере 50 млрд долл.[2].

У Индии всегда были неоднозначные отношения с США. Сближение началось после упоминавшегося конфликта с Китаем в 1962 г. «Неру как поборник неприсоединения до этих событий остерегался “дьявола из Вашингтона”, — пишет Джон Кей. — Теперь индийский премьер сам представил президенту Кеннеди постыдный договор, который включал поставку радарных установок, истребителей (сверхзвуковые, всепогодные, две эскадрильи) и бомбардировщиков (B-47, две эскадрильи)»[3]. В 1962 г. Кеннеди утвердил программу срочной военной помощи Индии в размере 60 млн долл. В сентябре 1963 г. страны провели совместные военно-воздушные учения, но серьезного развития отношения не получили, девиз «хинди-янки бхаи-бхаи» не звучал никогда. Вашингтон по-прежнему отдавал в регионе предпочтения Пакистану, а с начала 1970-х — еще и Китаю. Дели, в свою очередь, держал сторону Советского Союза.

---

[1] URL: http://news.kremlin.ru/transcripts/47221
[2] *Andy Marino.* Narendra Modi: A Political Biography. P. 277.
[3] *Джон Кей.* История Индии. С. 668.

Однако после завершения холодной войны Индия стала добиваться расположения США. Настойчивость Дели основывалась на убеждении, что только фундаментальные изменения в отношениях с единственной сверхдержавой помогут Индии добиться укрепления глобальной позиции и усиления влияния в отношениях с другими великими державами. Индия предоставила США права на дозаправку топливом во время первой войны в Персидском заливе.

В годы администрации Билла Клинтона этот порыв не встречал ответной реакции — отчасти потому, что Белый дом был сосредоточен на проблемах Кашмира и нераспространения ядерного оружия. Президент был полон решимости «ограничить, сократить и в конечном счете ликвидировать» индийский ядерный потенциал. Ответом на испытания ядерного оружия стали санкции. Но, даже находясь под американскими санкциями, Индия заявляла о том, что остается естественным союзником Соединенных Штатов. Именно ядерные испытания вынудили Вашингтон вступить с Дели в серьезные отношения. В 2000 г. состоялся первый за 22 года визит в Индию президента США. Личное обаяние Клинтона, проявленная симпатия к Индии и неожиданная поддержка, оказанная ей в войне с Пакистаном в 1999 г., улучшили атмосферу отношений.

Изменить стратегический контекст отношений смогла администрация Джорджа Буша-мл.. Во многом под влиянием своего ключевого внешнеполитического советника Боба Блэквилла, который позднее получил назначение на пост посла в Дели, он отменил многие санкции, открыл двери для сотрудничества в сфере высоких технологий, оказал политическую поддержку в борьбе Индии против терроризма на ее территории, положил конец однозначной поддержке Пакистана по проблеме Кашмира и занял в индийско-китайском уравнении более близкую к Дели позицию. В ответ на это Индия поддержала администрацию Буша в вопросах, касающихся противоракетной обороны, Международного уголовного суда, проведения операции Enduring Freedom в Афганистане, охраняя грузы США, переправлявшиеся через Малаккский пролив, согласилась работать вместе с Вашингтоном над проведением многонациональных военных операций вне рамок ООН.

Вашингтон признал особую роль Индии в регионе и мире. Впервые индийско-американские отношения были охарактеризованы как стратегическое партнерство в совместном заявлении Буша и премьера от БДП Ваджпайи в 2004 г., в котором стороны призывали к принятию Следующих шагов в стратегическом партнерстве (NSSP).

В 2005–2006 гг. произошел качественный прорыв в отношениях, свидетельством чему стала «ядерная сделка». В июле 2005 г. было подписано соглашение между Бушем и уже Манмоханом Сингхом о сотрудничестве в ядерной сфере, ратифицированное в 2006 г. американским

Конгрессом и индийским парламентом. США обязались участвовать в развитии мирной ядерной программы Индии, поставлять ей ядерные реакторы, топливо для них. В ответ Дели согласился разделить свою ядерную программу на мирную и военную, распространив на гражданские атомные электростанции международные меры безопасности и взяв на себя ряд обстоятельств по нераспространению. В мае 2005 г. Индия ратифицировала Конвенцию о ядерной безопасности, содержащую требования по проектированию, сооружению, эксплуатации и закрытию ядерно-энергетических объектов. «Сделка стала кульминацией наших усилий по улучшению отношений между самой старой демократией мира и самой большой демократией мира, — подчеркивал Джордж Буш. — Я верю, что Индия, которая является домом около миллиарда человек и образованного среднего класса, имеет потенциал стать одним из самых тесных партнеров Америки. Ядерное соглашение было историческим шагом, поскольку указывало на новую роль страны на мировой сцене»[1].

О смене приоритетов в американской политике в Южной Азии свидетельствовал отказ Вашингтона поставлять ядерные материалы Пакистану, что было связано, помимо прочего, и с отношением к нему как ненадежному партнеру, допустившему утечку ядерных технологий в третьи страны (например, в Северную Корею).

Индийская исследовательница Хариндер Сикхон в 2008 г. приходила к выводу: «Хотя стратегические соображения — например, появление Индии в качестве ключевого игрока в международной геополитике и ее роль в войне с террором — не могут быть проигнорированы как факторы, которые определили курс индо-американских отношений в последние годы, все же именно экономическая повестка дня транснациональных компаний США в огромной степени предопределила развитие двусторонних отношений… Индийская потребительская база, инфраструктура, транспорт, энергетика, здравоохранение, информационные технологии и оборонный сектор представляют собой рынки, приносяшие прибыли в миллиарды долларов американскому бизнесу»[2]. В изменении характера двусторонних отношений сыграла свою роль и индийская диаспора в США, насчитывающая около 2 млн человек с совокупным доходом около 300 млрд долл. в год»[3].

У индийско-американского партнерства есть и антикитайское измерение. В 2005 г., когда Пакистан настаивал на том, чтобы Китай получил статус наблюдателя в СААРК, Индия приняла меры, чтобы привлечь в этом качестве также Японию, Южную Корею и Соединенные

---

[1] *George W. Bush.* Decision Points. N.Y., 2010. P. 214.

[2] *Harinder Sekhon.* India and the United States. Breakthroughs, Prospects and Challenges Ahead. New Delhi, 2008. P. 87.

[3] *Си Раджа Мохан.* Индия и политическое равновесие. С. 22.

Штаты. Индия приветствует американское военно-морское присутствие в Индийском океане как важный фактор обеспечения стабильности транспортировки нефти из Персидского залива[1].

В последние несколько лет США являются одним из крупнейших поставщиков оружия для Индии. В Вашингтоне убеждены, что укрепление индийского государства, а также поддержка развития стратегической и военной культуры сотрудничества отвечают национальным интересам США. В совместном заявлении, сделанном в июле 2009 г., Обама и Манмохан Сингх отметили, что стратегическое сотрудничество в оборонной области является одним из приоритетных направлений двусторонних отношений. Однако в партнерстве нет автоматизма. Двадцать девятого апреля 2011 г. Министерство обороны Индии объявило, что всего лишь две компании — Европейский аэрокосмический и оборонный концерн (EADS), выпускающий евроистребители Тайфун, и Dassault Aviation, выпускающий истребители Rafael, — смогут принять участие в международном тендере, в рамках которого индийское правительство намерено приобрести 126 боевых многоцелевых самолетов средней дальности на сумму 10,4 млрд долл. США. Реакция Вашингтона была полна замешательства. По словам одного американского аналитика, «раз Индия предпочла самолеты стратегическим отношениям, то для Вашингтона нет никакого смысла лезть из кожи вон в попытке найти с этой страной компромисс по стратегическим вопросам». Через 24 часа посол США в Индии Тимоти Роемер объявил о своей отставке, сославшись на обязательства личного характера[2].

В американо-индийских отношениях сохраняется ряд ограничителей. США вряд ли согласятся на предоставлении Индии места постоянного члена Совета Безопасности ООН. Вызывает сомнение и их готовность признать ядерный статус Индии де-юре. Несмотря на определенное понижение роли Пакистана во внешнеполитических приоритетах США, Вашингтон окончательно не откажется от использования «пакистанской карты».

Индия, со своей стороны, выступает против однополярного мира, по-прежнему, хоть и менее активно, позиционируя себя как лидера движения неприсоединения. В ООН Индия голосовала солидарно с Соединенными Штатами только в 25% случаев. Дели крайне негативно воспринимает заигрывание США с афганскими талибами, опасаясь их прихода к власти в Афганистане после вывода оттуда американских войск. Индия всегда противилась разрыву торгово-экономических свя-

---

[1] Safeguarding Prosperity in the Indian Ocean. Exploring India-US Cooperation. New Delhi, 2012. P. 25.

[2] *Deba R. Mohanty & Uma Purushothaman.* India–US Defence Relations: In Search of a Direction. New Delhi, 2011. P. 1.

зей с Ираном, как и вообще западной политике санкций. «Консенсус в Нью-Дели по вопросам внутреннего и международного управления, хоть он и находится в развитии, ближе к бразильской концепции, чем к американской, — разачарован Чарльз Капчан. — Социальная стратификация, этническое и лингвистическое разнообразие, имущественное неравенство Индии обеспечат левый популизм на многие годы вперед»[1]. Кроме того, Индия не только не поддерживает усилия США по «продвижению демократии», но и полностью запретила деятельность в стране иностранных НКО, занимающихся политикой (не последнюю роль в этом решении сыграла и активность НКО по торпедированию строительства россиянами АЭС в Кумамкуламе).

Бывший советник по национальной безопасности Браджеш Мишра замечает, что «стратегическое партнерство между двумя странами возможно, но ему потребуется некоторое время, чтобы вызреть, и потребуются органические перемены в настроениях бюрократий обеих стран, направляемых лидерами и волей к сотрудничеству»[2].

В 2013 г. разразился громкий скандал. Вице-консул Девьяни Кхобрагаде была арестована в Нью-Йорке по обвинению в мошенничестве при получении визы для домработницы, а затем выдворена из США. В Дели действия американских властей сочли оскорбительными, в Индии прошли массовые антиамериканские митинги, заграждения вокруг американского посольства были показательно демонтированы. Потом выяснилось, что американское АНБ установило прослушку в БДП. Политика Обамы в мире встречала весьма резкую критику. «Ожидалось, что Обама будет кардинальным образом отличаться от Буша, и эти ожидания побудили Нобелевский комитет вручить ему Премию мира вскоре после того, как он занял пост президента, — писал Брахма Челлани. — Однако, подчеркивая расхождение между своими словами и действиями, Барак Обама с большей готовностью развязывает войны, нарушая нормы международного права, чем борется за мир. Он проявил себя как один из наиболее милитаристски настроенных американских президентов после Второй мировой войны и продемонстрировал готовность использовать силу, стремясь быть судьей и палачом одновременно»[3].

Избрание премьер-министром Нарендры Моди, против которого действовали американские санкции, также не сулило ничего позитивного. Но после выборов в мае 2014 г. США приняли решение об отмене

---

[1] *Charles A. Kupchan.* No One's World: The West, the Rising West, and the Coming Global Turn. N.Y., 2012. P. 142–143.

[2] Цит. по: India-US Defense Trade Relations: Trends and Challenges / Ed. by Uma Purushothaman. ORF Research Series. April 2012. P. III.

[3] *Brahma Chellaney.* Obama, the Serial Interventionist // The Hindu. September 30, 2014.

визовых ограничений, и в сентябре Моди посетил Генассамблею ООН и встретился с Обамой. Обама стал и первым американским президентом, который получил приглашение стать специальным гостем празднования Дня независимости в 2015 г. Ожидается очередной — уже четвертый по счету — раунд американо-индийского сближения[1].

Экономические и политические связи Индии с европейскими державами — прежде всего, Францией и Великобританией — тоже углубляются. Париж задолго до Вашингтона сделал ставку на то, что поднимающаяся Индия окажется хорошим рынком сбыта для высокотехнологичных товаров. Франция заслонила Дели от гнева «большой восьмерки», после проведенных им ядерных испытаний. В последние годы Великобритания тоже начала воспринимать региональные и глобальные устремления своей бывшей колонии.

Индия традиционно выступала одним из главных инициаторов взаимодействия по линии Юг-Юг. Институционализация формата ИБСА произошла 6 июня 2003 г. в Бразилии, где министры иностранных дел Индии, Бразилии и Южной Африки подписали «Декларацию Бразилиа». Официально заявленной целью ИБСА стало стимулирование диалога и сотрудничества по линии Юг-Юг в таких областях, как борьба с бедностью, развитие, глобальные изменения климата, диалог культур (мир как «единство в многообразии»), здравоохранение, образование, перспективные направления энергетики, научно-технический прогресс, инвестиции и т.д.[2]. Но уже тогда заговорили о начале строительства системы, альтернативной западной.

В октябре 2011 г. в Претории состоялся пятый саммит ИБСА, который подтвердил, что, несмотря на образование БРИКС, Бразилия, Индия и Южная Африка не собираются отказываться от сотрудничества в формате «тройки». Более того, намерены активизировать взаимодействие, позиционируя себя как «подлинные большие демократии» (намек на то, что Китай и Россия таковыми, по их мнению, не являются) и добиваясь статуса постоянных членов СБ ООН»[3].

Порой можно услышать: «Индия приходит в Африку в тени Китая». Дели предпочитает менее публичный, более тонкий подход, нацеленный на создание в африканских странах условий для развития человеческого и технологического потенциала. Министр торговли Индии Джайрам Рамеш на первом саммите Индия — Африка в апреле 2008 г. утверждал: «Первым принципом индийской политики в Африке является ее стремление не быть похожим на китайскую. Китай эксплуа-

---

[1] *Shekhar Gupta.* Obama at Rajpath: Not Just Another Selfie Moment // India Today. December 8, 2014. P. 20–21.

[2] *Андрей Володин.* Индия в БРИКС. С. 122–123.

[3] *Петр Яковлев.* Бразилия в БРИКС: модели двусторонних связей // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 170–171.

тирует природные ресурсы Африки, а наша стратегия состоит в том, чтобы прибавлять ее богатство»[1].

С 1964 г. Индия оказывает развивающимся странам (в основном, африканским) содействие в обучении специалистов — в области информационных технологий и сферы услуг — в рамках программы ИТЕК (Indian Technical and Economic Cooperation), на которую за полвека было потрачено более 2 млрд долл. В марте 2012 г. было заявлено о намерении построить в Африке более ста научных, инновационных центров по развитию человеческих ресурсов, включая такие общеафриканские институты, как Индийско-африканский институт планирования и управления в области образования, институт алмазов, информационных технологий, институт развития сельского хозяйства, центр среднесрочного прогноза погоды, академию гражданской авиации»[2]. Индийскими компаниями куплены или приобретены в долгосрочную аренду и лизинг тысячи гектаров плодородной земли в Эфиопии, Кении, Мадагаскаре, Мозамбике и Сенегале, где индийцы выращивают рис, сахарный тростник, маис и другие культуры, которые, как правило, вывозятся в Индию.

Крупнейшим партнером Индии в Африке является ЮАР, чему содействуют и давние исторические связи, наличие там индийской диаспоры, насчитывающей 1,3 млн человек. Индийские капиталовложения представлены во многих отраслях южноафриканской экономики, в первую очередь, в агроиндустрии, причем идут они из частного сектора, в отличие от китайских инвестиций[3]. В августе 2012 г. государственная нефтяная компания Южной Африки PetroSA и индийская компания по разработке нефтяных и газовых месторождений CairnIndiaGroup подписали соглашение о разработке нефтяных и газовых месторождений в долине реки Оранжевой на восточном побережье Южной Африки.

Оборонные расходы Индии в последние годы составляют 2–2,5% от ВВП, или 15% от общих расходов центрального правительства. Порядка 35–40% военных ассигнований планируется тратить в ближайшие годы на модернизацию вооружений. Страна располагает немалым ВПК, включающим в себя авиастроительный комплекс, восемь крупных DPSUs (Defence Public Sector Undertaking), около сорока оборонных предприятий OFs (Ordnance factories).Однако установленная еще в

---

[1] *Вячеслав Усов.* Создание БРИКС и проблемы проникновения Индии в агросектор африканских стран // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 270–271.

[2] *Вячеслав Усов.* Африканская стратегия Индии и формирование БРИКС // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. М., 2013. С. 162, 164–165.

[3] *Элеонора Лебедева.* ЮАР в БРИКС: перспективное сотрудничество? // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 234–235.

1992 г. планка самообеспеченности новейшим оружием в 70% остается далекой от воплощения в жизнь[1].

По данным SIPRI за 2011 г., Индия вышла на первое место по импорту оружия (10% от общего объема), опередив Китай. Общая численность Вооруженных сил — 1, 325 млн человек, из них в сухопутных частях — 1,13 млн, во флоте — 58,3 тыс., в ВВС — 127 тыс., в береговой охране — 9,5 тыс.[2]

Для обеспечения безопасности своих морских границ развития торговых связей, охраны торгово-морских коммуникаций и нефтепотоков, островных владений, а также обеспечения стратегических интересов в бассейне Индийского океана, Индия разработала стратегию и принципы развития собственных военно-морских сил. Увеличению «морской силы» способствовало приобретение разного класса крупных военных кораблей, лицензий на их производство. Индия уделила особое внимание модернизации и строительству на западных и восточных побережьях Индостана новых военно-морских баз и объектов. Военно-морская стратегия в основном сосредоточена на проблемах Индийского океана, где главным соперником Дели выступает относительно слабый пакистанский флот. Но все большую озабоченность начинают вызывать растущие морские возможности Китая. Будущее индийского флота, считает Бернард Коул, зависит от того, «захочет ли Дели стать державой двух океанов — Индийского и Тихого»[3].

Мир в основном примирился с де-факто ядерным статусом Индии. Однако серьезное беспокойство на Западе вызывают усилия по созданию арсенала баллистических ракет на подводных лодках, работа над которыми ведется с 1980-х гг. В 2015 г. должна завершить испытания и встать на боевое дежурство первая лодка с БРПЛ на борту — «Ариант», а к концу десятилетия планируется иметь от четырех до шести атомных подлодок[4]. В марте 2014 г. была успешно испытана ракета подводного базирования с дальностью действия в 3 тыс. км[5].

Моди и его министр обороны Манохар Паррикар поставили целью повысить долю оборонных расходов в ВВП — они составляли лишь 1,8% (по сравнению с 2,5% в Китае и 3,8% в Пакистане). В ближайшие 12 лет планировалось потратить на покупку оружия за рубежом

---

[1] *Deba R. Mohanty.* Arming the Indian Arsenal: Challenges and Policy Options. New Delhi., 2009. P. xv, 151.

[2] Ibid. P. xiii; The Military Balance 2010. L., 2010. P. 359–360; The Military Balance 2014. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economies. L., 2014. P. 241.

[3] *Bernard Cole.* Asian Maritime Strategies: Navigating Troubled Waters. Annapolis (Md.), 2013. P. 150.

[4] *Yogesh Joshi, Frank O'Donnell.* India's Submarine Deterrent and Asian Nuclear Proliferation. P. 157.

[5] *T.S. Subramanian.* Success on Debut for Undersea Launch of Missile // Hindu. May 8, 2014.

260 млрд долл., но эта сумма может быть сокращена, если удастся нарастить собственное производство[1].

«Индия не может рассматриваться просто как смешение старого и нового, случайным образом и механически соединенных вместе, как искусственная конструкция без естественного единства, — уверен Раджив Мальготра. — Не является она и депозитарием модных аксессуаров для западного образа жизни или младшим партнером глобального капиталистического мира. Индия представляет собой отчетливую и единую цивилизацию с проверенной способностью разрешать серьезные противоречия, созидательно взаимодействовать с другими культурами, мирно интегрировать различные человеческие сообщества. Эти ценности основаны на понимании священного, космического и человеческого, которое сильно контрастирует с фундаментальными основами западной цивилизации»[2].

Индия, считает Фарид Закария, все еще может нажить капитал на своих преимуществах: масштабной и растущей экономике, политической демократии, антиклерикатизме и толерантности, тонком понимании Востока и Запада и особых отношениях с Америкой. «Если мобилизовать все эти силы и использовать их по назначению, Индия по-прежнему сможет претендовать на свое место среди ведущих стран — технически это может быть второе, третье или четвертое место в мире»[3].

Действительно, для первого места Индии явно не хватит одного — силы государства.

---

[1] *Manu Pubby.* The Race Against Time // India Today. December 8, 2014. P. 31–33.
[2] *Rajiv Malhotra.* Being Different: An Indian Challenge to Western Universalism. P. 4.
[3] *Фарид Закария.* Постамериканский мир. С. 181–182.

Глава 12

МИР ИСЛАМА

Искусен тот гончар, что чашами голов
Земной украсил мир, трудясь без лишних слов:
На скатерть бытия вверх дном поставил чашу
И горечью ее наполнил до краев.

Омар Хайям

В начале XXI в. мир ислама стал настоящим хитом мировой политики: талибы, Афганистан, 11 сентября 2001 г., Аль-Каида, война в Ираке, уйгурские сепаратисты в Китае, Косово, палестино-израильский конфликт, интифада, джихад, Чечня, революции в Тунисе и Египте, войны в Ливии и Сирии, «Исламское государство», ядерные амбиции Ирана. Обо всем этом мы порой слышим чаще, чем о событиях в великих державах.

Ислам можно считать самой сильной и жизнеспособной религией наших дней. Рост численности мусульманского населения планеты будет в ближайшие 20 лет вдвое выше, чем немусульманского. Его доля, составлявшая в 2011 г. 23,4% от мирового, при сохранении существующих тенденций вырастет к 2030 г. до 26,4% (доля христиан сегодня оценивается в 30–33%)[1]. Ни у одной другой конфессии нет такого количества приверженцев, преданных своей вере столь страстно и самозабвенно. Ислам ощущается ими как основа жизни, как мерило всех вещей. Известно огромное количество случаев перехода в ислам из других религий, в том числе из христианства, а переход в обратном направлении — редчайшее исключение. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества и устройства Вселенной — все это делает ислам притягательным для новых приверженцев.

Мусульманский пояс, который нередко по факту называют и поясом нестабильности, протянулся от Балкан и Северной Африки до Западного Китая и Индонезии. Многие эксперты и политики называют исламский вызов главной угрозой международной безопасности. Теория Самюэля Хантингтона о конфликте цивилизаций, построенных на различных религиозных принципах, имеет много сторонников.

[1] Growth of Muslim Population Seen Outpacing Non-Muslims // International Herald Tribune. January 28, 2011.

Пророк и его учение

Корни ислама восходят к VII в. нашей эры к пескам Аравийского полуострова. Основоположник Мухаммед (Мохаммад, Магомет) — выходец из знатного, но обедневшего рода из племени курейшитов. По словам видного британского эксперта Питера Мэнсфилда, «он был человеком гения и вдохновения, который помог изменить историю человечества — факт, признаваемый далеко не только той пятой частью человечества, которые придерживаются основанной им веры»[1].

Мухаммед женился на дочери богатого мекканского торговца, что дало ему возможность посвятить свою жизнь религиозно-этической и политической деятельности. В течение полутора десятилетий Мухаммед кочевал с караванами между оазисами Аравии и сирийскими пустынными «портами» Византийской империи. Он был хорошо образованным человеком, знавшим религиозные учения и политические порядки соседних государств. Арнольд Тойнби подчеркивал серьезное влияние на его взгляды опыта Византии: «В общественной жизни Римской империи времен Мухаммеда были две особенности, которые могли произвести особенно глубокое впечатление на сознание аравийского наблюдателя, поскольку в Аравии обе они полностью отсутствовали. Первой особенностью был монотеизм в религии. Второй особенностью были закон и порядок в управлении. Дело жизни Мухаммеда состояло в переносе обоих этих элементов общественного устройства “Рума” на местную аравийскую почву и в объединении арабизированного монотеизма и арабизированной империи в едином институте — всеобъемлющем институте ислама»[2].

Его религиозная деятельность началась примерно на сороковом году жизни — в 609–610 гг. Мухаммед проводил много времени в аскетических бдениях в пещере на горе Хира близ Мекки, где ему явился архангел Джабраил (известный христианам под именем Гавриил), который начал открывать Мухаммеду текст хранящейся под небесным престолом Аллаха Книги (Корана) и от имени Аллаха возложил на Мухаммеда обязанность сообщать своим соотечественникам повеления Всевышнего.

Мухаммед стал проповедовать, но это вызвало сопротивление со стороны купеческой олигархии Мекки, изгнавшей пророка из города. Мухаммед со своими сподвижниками переселился в Медину, и день этого переселения (хиджра), 22 сентября 622 г., положил начало му-

---

[1] *Peter Mansfield.* A History of the Middle East. L., 2013. P. 14.

[2] *Арнольд Дж. Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 414.

сульманскому летоисчислению. После семи лет отсутствия он вернулся в Мекку, но не как прощенный изгнанник, а как господин. В 630-е гг. Мухаммед смог подчинить себе всю Саудовскую Аравию, привлекая все больше приверженцев и действуя огнем и мечом, — и стал главой нового теократического государства, т.е. такого государства, где светские власти одновременно являются религиозными. За десятилетие правления в Медине он лично возглавил или организовал войска для 80 крупных и мелких сражений[1].

Ислам перенял очень многое из догматики как иудаизма, так и христианства. Уже в первых строках Корана можно обнаружить многочисленные ссылки пророка на книги Ветхого Завета и на Евангелие, на изложенные в них заповеди. В то же время ислам — это четко оформленная и разработанная религия с собственными положениями и принципами, опирающимися на Коран и Сунну (свод высказываний Мухаммеда, первое время передававшихся устно и записанных только в VIII–IX вв.). Обычно эти принципы излагают в виде шести «столпов веры» (основ догматики) и пяти или шести «столпов ислама» (основ вероисповедной практики).

Первый и главный из столпов веры — вера в Аллаха, единого Бога, творца всего сущего, и отождествление его с единственной истиной. «Аллах есть истина, а то, что вы призываете помимо Него, — ложь»[2], — записано в Коране. Самый страшный грех для ислама –многобожие, под которое подпадает и христианство со своим догматом о триединстве божества. Ислам — религия однозначно монотеистическая. «Господь не нуждается абсолютно ни в чем, но все нуждаются в нем. Господь всеведущ и всемогущ. Он вездесущ, и нет места, где бы Его не было. Небо и земля для него едины, и в какую бы сторону мы не встали лицом, все равно мы будем стоять перед Ним. Он знает о сердечных тайнах, мыслях рассудка, о намерениях и делах всех нас. Он ближе к человеку, чем его сонная артерия. Он есть собрание совершенств»[3]. Если Господь отвратит хоть на миг свою милость от мира, все погибнет.

Второй — вера в ангелов. В Коране и Сунне упоминаются ангелы, особо приближенные к Аллаху, и прежде всего Джабраил, сообщивший пророку божественное откровение; есть в исламе и дьявол — Иблис, который ослушался Аллаха и был низвергнут на землю. Третий принцип — вера в ниспосланное Аллахом Священное Писание, божественное откровение, оспаривать которое не может никто. Четвер-

---

[1] *Али Акбар Велаяти.* Исламская культура и цивилизация. М., 2011. С. 23–24.
[2] Коран. Сура 31. Лукман. Аят 29.
[3] *Муртаза Мутаххари.* Исламское мировоззрение. М., 2010. С. 24.

тый — вера в пророков, посланников. Их было очень много. Поименно в Коране упоминаются только двадцать восемь, но считается, что Аллах обращался к людям устами ста двадцати четырех тысяч посланников. Многие из них хорошо известны нам по Библии. Например, Нух (Ной), предупрежденный Аллахом о Всемирном потопе, или восьмой из девяти «стойких пророков» Иса (Иисус Христос), сын Марии, который тоже получил часть божественного откровения. Но всю эту череду замыкает Мухаммед как последний пророк, «печать пророков», которому Аллах ниспослал Коран, т.е. божественное откровение во всей его полноте. Пятый стоп веры — вера в конец света, в Судный день, в существование рая и ада. Шестой — вера в божественное предопределение: мусульманин должен верить, что все в мире происходит по воле Аллаха.

К пяти «столпам ислама» относятся «шахада» — исповедание веры («Нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его»); «салат» (или, по-персидски, «намаз») — сложные молитвенные ритуалы; «закят» — налог в пользу нуждающихся мусульман; «саум» (или «ураза») — соблюдение поста в месяц рамадан (девятый месяц мусульманского календаря); «хадж» — паломничество в Мекку, которое должен совершить каждый мусульманин, если ему позволяют средства. Наконец, «шестым столпом ислама» часто называют джихад — необходимость борьбы за веру. На разных толкованиях этого понятия мы остановимся ниже.

В исламе нет привычных для христиан институтов церкви и священства. «Не существует в исламе и сообщества священников, обладателей «благодати». В нем нет ни непререкаемого авторитета в догматике, ни авторитета первосвященника, ни собора, устанавливающего догму»[1]. Собственно, христианское духовенство и именуется так потому, что «транслирует» благодать Святого Духа в рамках особого иерархического института — Церкви. В исламе ничего похожего нет. Имамом, т.е. предстоятелем, предводителем общности мусульман может быть любой человек, которого сами верующие выберут из своей среды. Огрубляя, можно сказать, что при прочих равных условиях имам должен быть более знающим, чем все остальные мусульмане, и уметь передавать это знание общине верующих. С одной стороны, это выглядит весьма демократично, с другой — создает миру ислама большие проблемы, поскольку там нет людей, «по должности» авторитетных для всех в толковании религиозного закона. В частности, просто некому было сказать, что Усама Бен Ладен неправ, поскольку он являлся столь же уважаемым имамом, как любой другой.

[1] *Анри Корбен.* История исламской философии. М., 2015. С. 22.

Звездная эпоха ислама

В течение первых веков своей истории ислам доминировал на мировой политической сцене, в культуре и в международных отношениях.

Преемники Мухаммеда ввели титул халифа — наместника мусульман, причем им становились не по наследству, а в результате избрания советом. Согласия не было. Абу Бакр ас-Сиддик — первый халиф — правил два года в кровопролитных войнах. Со вторым — Умаром ибн-аль Хаттабом (634–644) — боролась семья Мухаммеда, но убил его раб-перс. Третий халиф — Усман ибн Аффан (644–656), в правление которого был составлен письменный текст Корана, столкнулся с мятежами и был убит повстанцами в собственном доме в Медине. Четвертый халиф — Али ибн Аби Талиб (656–661) — зять Мухаммеда, которого убил экстремист из секты хараджитов, сторонников перманентного джихада против немусульман.

После четырех «праведных халифов» к власти пришел командующий войсками в Сирии Муавия ибн Аби Суфьян, пятый халиф. Муавия обеспечил преемственность власти своему сыну Язиду I, основав династию Омейядов (661–750), которую осуждают многие законоведы-сунниты и все шииты (это сокращение от «Ши'ат Али», или партии четвертого халифа Али, который, по убеждению шиитов, и должен был наследовать Пророку). Муавия разбил войско Али, а воины Язида I в десятый день лунного месяца мурракам 680 г. убили сына Али — Хусейна. С тех пор шииты оплакивают это событие как величайшее преступление и в этот день подвергают себя кровавому самоистязанию.

Удивительно, но за эти десятилетия внутренних распрей арабские мусульмане добились феноменальных военных успехов. Когда Всевышний в 632 г. забрал Мухаммеда, зона ислама ограничивалась арабоязычными племенами Аравийского полуострова и пустынными областями на границах Сирии и Ирака. Основная часть населения Сирии говорила тогда на греческом и арамейском языках, Ирака — на персидском и арамейском, Ирана — на пехлеви, Египта — на греческом и коптском, Северной Африки — на латыни, греческом и берберийском. Там не было ни мусульман, ни арабоязычного населения.

Талантливые преемники Мухаммеда — правоверные халифы — и их военачальник Халид ибн-ал-Валид начали успешные рейды в Сирию и Месопотамию. Армия решительных и вдохновленных новой верой арабских мусульман, которая вряд ли когда-либо насчитывала более 20 тыс. человек, покрывала огромные расстояния, завоевывала огромные царства и устанавливала в них свое правление. Мотивация была исключительно сильной, в джихаде был двойной стимул: добыча и рабы в случае победы или жизнь в раю после смерти в бою за веру.

Византийский император Лев VI напишет в «Стратегиконе»: «Они идут на военную службу не по призывному списку: каждый приходит по своей воле и со всем своим семейством. Богатые считают достаточным вознаграждением смерть за свой народ, бедные же приходят ради военной добычи. Их соплеменники, мужчины и, особенно, женщины обеспечивают их оружием, словно участвуя вместе с ними в походе»[1].

Новое вероучение обещало победы, и они стали приходить — причем над древними, дотоле непобедимыми империями — Византийской и Сасанидской. Победа над константинопольским императором Ираклием была одержана на реке Ярмук уже в 636 г. Тогда же персидское войско было разбито при ал-Кадисии, их столица Ктесифон пала. Сасанидская империя в Персии в 651 г. прекратила свое существование. Константинополь осаждали дважды — в 673–677 и 717–718 гг., но безуспешно. Зато были заняты Сирия, Палестина, Египет, Северная Африка, находившиеся прежде под контролем христиан.

Наступление арабов не сводилось к банальным набегам, а приводило к долговременному господству благодаря двум преимуществам, которые предлагались завоевываемым народам. Первым было резкое снижение налогов, поскольку содержание малочисленной арабской администрации и сугубо добровольной армии, которая сама себя вооружала и кормила, стоило значительно меньше, чем в Византии или Персии с их полноценным государственным аппаратом. Налоги были строго дискриминационными, потому что платить их должны были только немусульмане, но размер их был ниже, чем византийских или сасанидских. Второе преимущество было довольно парадоксальным: дискриминация всех немусульман положила конец преследованию отдельных религиозных групп, которым они подвергались в Сирии, Египте, Месопотамии. «Людям книги» — не язычникам — было позволено жить в качестве безоружных людей второго сорта (ахл ал-зимма), все они стали одинаково бесправными[2]. Язычников убивали.

Омейяды, которые были не в ладах с семьей Пророка, превратили халифат в мирское наследственное правление со столицей в Дамаске. «Постепенно из арабских вождей они превращались в правителей, следующих традиционному для них на Ближнем Востоке образу жизни, принимая своих гостей и подданных в соответствии с церемониальными правилами императора Византии или короля Персии. На смену первоначальной арабской армии пришли наемные войска»[3]. Омейяды рассматривали завоевания как территориальную экспансию, чего нель-

---

[1] *Хью Кеннеди.* Великие арабские завоевания. М., 2010. С. 8–9; *Эдвард Люттвак*. Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 310, 433.

[2] *Эдвард Люттвак*. Стратегия Византийской империи. С. 284–288, 294–295.

[3] *Albert Hourani.* A History of the Arab Peoples. L., 2013. P. 26.

зя было сказать о воинах ислама, которые по-прежнему шли в бой во имя распространения Божественного откровения.

Династия была свергнута руками хорасанцев — приверженцев Аббасидов. Их династия правила в 750–1257 гг. Столица была в Багдаде, основанном в 762 г. халифом Мансуром. Город достиг расцвета во времена правления Гаруна ар-Рашида (786–809), который вместе с супругой Зубейдой и визирем Джафаром Бармаки стали героями многих сказок из «Тысячи и одной ночи». Блестящий двор Багдада привлекал множество поэтов, музыкантов, певцов, рассказчиков, переводчиков, астрономов, целителей, чем сильно превосходил самый великий из европейских дворов того времени — Карла Великого[1].

В VIII в. со своих баз в Северной Африке арабы вместе с новообращенными в ислам берберами завоевали Испанию, Португалию и вторглись во Францию. Под властью арабоязычной элиты оказались Афганистан, Узбекистан, Туркменистан, Южный Пакистан. В IX в. аравийские войска захватили Сицилию, вторглись в Италию, осадили Остию и Рим. Еще при третьем халифе Усмане было направлено посольство в Китай, в IX в. колония из нескольких тысяч мусульман жила в Кантоне. Но исламизация в Восточной и Юго-Восточной Азии еще не приняла широких масштабов[2].

В истории известны и другие примеры стремительного завоевания — империи Александра Македонского или Чингисхана. Но на покоренных ими территориях сейчас не говорят на греческом или монгольском. Арабское завоевание отличалось непреходящим влиянием. Многие из покоренных народов приняли ислам, а на Ближнем Востоке и в Северной Африке перешли и на арабский язык, который станет там родным. Завоевание и заселение заняло несколько десятилетий, обращение большей части населения в ислам — около трех веков. Только Испания, Португалия и Сицилия вернутся к первоначальному состоянию[3].

Именно во времена Халифата сложилась арабо-мусульманская культура, на развитие которого решающее влияние оказали религия и язык. «Всякий мусульманин был в первую очередь членом общемусульманской общины, а уже потом — жителем того или иного города, провинции, выходцем из той или иной этнической группы. Единство разросшейся до огромных размеров уммы скреплялось общностью религиозных законов, обрядов и норм поведения, основанной на Коране и мусульманских преданиях (хадисах)… Литературный арабский язык как бы «денационализировался», стал восприниматься не только как язык завоевателей, но в первую очередь как язык общей культуры.

---

[1] *Абдоль-Хосейн Зарринкуб.* Исламская цивилизация: Великие открытия и достижения человечества. СПб., 2011. С. 10–11.

[2] A New History of Southeast Asia / Ed. by M.C. Ricklefs. L., 2010. P. 78.

[3] *Хью Кеннеди.* Великие арабские завоевания. С. 8–10, 14.

Всякий образованный мусульманин — иранец или тюрок, житель далекой Андалусии или Индии — стремился овладеть языком священного Корана и обширной богословской литературы. Безукоризненное владение арабским языком стало обязательным не только для духовенства, но и для служилой интеллигенции — чиновников и юристов — и, разумеется, для литераторов»[1].

С точки зрения мусульман экспансия мира ислама была делом благим. «Мир, который предстояло завоевать исламу, жил в состоянии упадка духа, упадка толерантности и умеренности, — пишет иранский религиовед Абдоль-Хосейн Зарринкуб. — Византия, одно из двух великих государств той эпохи, вследствие усиления фанатизма христиан все больше удалялась от развития науки и философии… Ислам вдохнул новую жизнь в этот мир, находившийся в плену религиозного и этнического фанатизма. Был создан общеисламский "дом", центром которого стал Коран (а не Сирия и не Ирак), излечивший болезни расовой и этнической неприязни»[2]. «Людей писания», коими считались иудеи, христиане, зароастрийцы и сабии (иракские мандеи, харранская община в Месопотамии), не принуждали принимать ислам, но случаи добровольного обращения в религию победителей были весьма частыми.

Исламские страны на несколько веков перехватили контроль над традиционной мировой торговлей. «Мусульманские державы веками перекрывали европейцам выход из сердца мира на торговые пути Индийского океана только потому, что мусульмане завоевали большие территории вокруг "задней калитки" Европы — Персидского залива и Баб-эль-Мандебского пролива»[3], — объяснял причину Уильям Бернстайн. «Это была самая передовая экономическая сила мира, которая вела торговлю на обширнейшей территории Азии, Европы, Африки, вывозила рабов из Южной Африки и ввозила шерсть в Европу». Из языков исламских народов происходят не только такие термины, как караван или базар, но также тариф, чек, магазин. Исламский мир достиг и величайшего уровня развития науки, искусства, философии, унаследовав знания Ближнего Востока, Греции, Персии и прибавив к ним многие собственные инновации. Коран во многих местах призывал к размышлению над состоянием Вселенной и над содержанием Откровения. Особенно поощрялись теология, медицина, астрономия, нежелательными науками считались магия и астрология.

Филип Хитти особенно подчеркивал, что «исламская культура была исламской в том смысле, что она развивалась и процветала под

---

[1] *Исаак Фильштинский.* История арабов и Халифата (750–1517 гг.). М., 2008. С. 299–300.

[2] *Абдоль-Хосейн Зарринкуб.* Исламская цивилизация. С. 19–20.

[3] *Уильям Дж. Бернстайн.* Великолепный обмен: история мировой торговли. М., 2014. С. 65.

эгидой исламских правителей. На самом же деле она была синтезом элементов древней семитской, в частности иудохристианской, и греко-римской культур»[1]. И не только. Из Индии пришло много текстов по медицине, астрономии, математике. Из Византии — труды греческих философов и врачей.

Когда Карлу Великому трудно было найти в империи франков несколько грамотных человек, при дворе абассидского халифа Мамуна дискутировали вокруг трудов Платона, Аристотеля и Евклида, строения земной коры и светил, измеряли окружность Земли, производили бумагу. В исламские земли она распространилась из Самарканда, где на фабрике работали китайские мастера, а уже в VIII в. Бармаки поставил бумажное производство в Багдаде (первая европейская бумажная фабрика появилась в Италии в XIII в.). При Гаруне в Багдад перевозили целые библиотеки из захватываемых городов. Созданный им «Дом мудрости» в Багдаде был первой крупнейшей публичной библиотекой и учебным заведением. В «Фатимидском доме науки» в Египте насчитывался почти 1 млн экземпляров книг, в «Доме науки» в Триполи — 1,6 млн. В Кордове омейадский халиф Хаким II построил библиотеку на 400 тыс. томов, а в одной Гранаде существовало 70 публичных библиотек. Когда четыре столетия спустя французский король Карл Мудрый (1364–1380) стал собирать библиотеку, он не нашел и тысячи томов, из которых треть составляли богословские труды. Арабы стали создавать высшие учебные заведения — медрессе, где наряду с Кораном изучались науки (Низамия, Мустансирийа, Халавия, Джавзия), которые стали прообразом европейских университетов. В школе в Нишапуре учился Омар Хайям. От арабского «бихакке ривая» (по праву предания) происходит и слово «бакалавр»[2].

Джабир ибн Хайян, живший в VIII в., известный в Европе как Джебер, считается отцом и химии, и алхимии. Мы пользуемся арабскими цифрами, хотя появились они в Индии, и в исламских странах называются индийскими. Сами эти цифры стали известны благодаря переводу с санскрита Муххамадом Фарази книги по астрономии «Стенхенд», а также последующим трудам Аль-Хорезми. Слово «алгоритм» — всего-навсего его искаженное имя. Главный труд аль-Хорезми «Аль-Джабр ва-ль-Мукабала» («Книга о восполнении и противопоставлении») был первой книгой по алгебре и тригонометрии, которая и дала название этому разделу математики. Алгебра лежала в основе астрономии, которая развивала индийские и персидские исследования. Крупнейшие обсерватории мира располагались в Самарканде и Мараге. Азимут, зе-

---

[1] *Филип Хитти.* Краткая история Ближнего Востока: Мост трех континентов. М., 2012. С. 122.

[2] *Абдоль-Хосейн Зарринкуб.* Исламская цивилизация. С. 40, 41, 43, 47, 48, 93; *Али Акбар Велаяти.* Исламская культура и цивилизация. С. 28-41.

нит — арабские слова. Самым значимым произведением средневековья по медицине был «Аль-Канун» (Медицинский канон) Ибн Сины, больше известного как Авиценна, который только в XVI в. выдержал в переводе более двадцати переизданий в Европе[1].

Средневековая Европа не просто училась у мусульман наукам и искусствам, но и в определенной степени находилась в культурной зависимости от исламской цивилизации, полагаясь на арабские переводы многих античных текстов, оригиналы которых были утрачены. Труды греческих философов, забытые в Западной Европе и непопулярные в Византии, были переведены на арабский в основном жившими в Сирии яковитами и несторианцами. Греческую драму и поэзию мусульмане не поняли. За пять веков до Марко Поло Китай посетил Сулейман Таджир, чьи путевые заметки были изданы в IX в. Китайские изобретения — компас, порох, книгопечатание — также были заимствованы европейцами у мусульман. Из языков и из стран исламских народов к нам пришли тюркский «тулпан», персидский «персик», арабский «кахва» (кофе).

В X в. единый халифат распался, появились альтернативные центры в виде халифатов в Каире и Кордове, а также ряд независимых государств со своими правителями. Дальнейшая история мира ислама вплоть до конца XV в. — в самых общих чертах — может рассматриваться в контексте трех крупных ареалов. Первый с центром в Багдаде включал современный Иран, часть Ирака и сохранял экономическую мощь и культурный потенциал халифата Абассидов. Второй центр силы с центром в Каире, построенном Фатимидами, объединял Египет, Сирию и западную часть Аравийского полуострова и являлся сердцевиной системы торговли, которая связывала государства Средиземного моря и Индийского океана. Третий ареал включал в себя страны Магриба и мусульманскую часть Испании — районы интенсивного земледелия и центры торговли с африканским континентом.

В XI–XII вв. на востоке незадолго до этого принявший ислам туркменский народ сельджуков отвоевал у ослабленной Византии часть Малой Азии, открыв дорогу для массового переселения тюрков на запад. Династия сельджуков, не претендовавшая на титул халифов и ограничившаяся званием «султанов» («держателей власти»), обосновалась в Багдаде в 1055 г. под сюзеренитетом Аббасидов. В Каире шииты Фатимиды в 1171 г. были отстранены от власти суннитом курдского происхождения Саладином (Салах ад-Дином), ставшим основателем династии Айюбидов, которая около века правила в Египте, Сирии, Хиджаде, Йемене и части Ирака. А на Западе Кордобский халифат распался на множество мелких государств[2].

---

[1] *Абдоль-Хосейн Заррикуб.* Исламская цивилизация. С. 57, 61, 70–75, 80–81.
[2] *Albert Hourani.* A History of the Arab Peoples. P. 83–84.

В XI в. начались первые попытки Западной Европы нанести мусульманам ответные удары. Крестовые походы в Палестину продолжались с 1096 по 1270 г., во главе шли французские рыцари, и не случайно до сих пор на Ближнем Востоке европейцев называют «фаранги», т.е. «франки». Официальной целью крестовых походов было отвоевание Гроба Господня в Иерусалиме, но в исламском мире они были однозначно расценены как агрессия Запада против Востока и жестокое ограбление земель мусульман и восточных христиан — Византии. Впрочем, так считают и многие историки, включая Михаила Якушева: «Все восемь крестовых походов (арабы называли их "крестовыми войнами" — аль-хуруб ас-силибийа) потерпели фиаско, поскольку они всегда носили несправедливый и захватнический характер… Ответ на вторжение крестоносцев был найден не сразу: "сарацины" долго не могли понять, кто же эти голодные и оборванные чужестранцы с крестами на одеждах и чего они добиваются. Для эффективной борьбы с франками был задействован институт джихада»[1].

Но негативные последствия для исламского мира были очевидны. Как отмечал иранский ученый Али Акбар Велаяти, «после первого похода и захвата Иерусалима среди мусульман распространилось чувство апатии и безразличия, что особенно проявилось в среде мусульман, живших на территориях, которые перешли под власть крестоносцев, особенно в Сирии»[2]. Грабежи святых для мусульман мест сопровождались уничтожением культурных центров, библиотек, сожжением книг, которые интересовали крестоносцев меньше всего.

В XIII–XIV вв. восточный исламский ареал попал под куда более мощный и разрушительный удар — со стороны монголов. Были полностью вырезаны и превращены в холмы дымящегося пепла Самарканд, Бухара, Хорезм, Балх, Мерв, Герат и многие другие города. Были свергнуты Хорезм-шахи и среднеазиатские династии. В 1257 г. пал Багдад, все население города было вырезано, интеллектуальные центры уничтожены. «Как пишет Ибн Халдун, монголами было выброшено столько книг в реку Тигр, что "возник прочный мост, по которому пешие и коные могли переправляться с одного берега реки на другой". Падение Багдада ознаменовало исчезновение центра исламского халифата и политической власти в исламском мире»[3]. Иракские города стали один за другим сдаваться на милость победителям. На территории Багдадского халифата воцарилась монгольская династия Ильханидов.

Продвижение монголов на юго-запад было остановлено в Сирии войсками мамелюков, нанятых Айюбидами. Мамелюками называлась

---

[1] *Михаил Якушев.* Крестовые походы, джихад и глобализация // Диалог цивилизаций и международные отношения. М.; Нижний Новгород; Бейрут, 2009. С. 316.

[2] *Али Акбар Велаяти.* Исламская культура и цивилизация. С. 225.

[3] Там же. С. 234.

военная каста в Египте, которая рекрутировалась из юношей-рабов тюркского (кипчаки) или кавказского (черкесы, грузины) происхождения. С 1250 по 1517 г. Египет, Сирия и святые места в Саудовской Аравии оказались под властью мамелюков, граница между ними и монголами прошла по Евфрату. В западном ареале наибольшую силу представляли династии Маринидов в Марокко и Хафсидов в Тунисе. В этот период мусульмане были изгнаны из Сицилии и стали терять позиции в Испании, сохраняя контроль только над Гранадой[1]. В конце XV в. — в год отплытия Колумба в Америку — после без малого восьми столетий господства мусульман в Испании закончилась Реконкиста — борьба за отвоевание ее территории.

С XIII в. ислам начинает распространяться в Юго-Восточной Азии, причем, в отличие от других регионов, это не было связано с завоеваниями. Он продвигался по маршрутам океанских торговых путей, через создание мусульманских поселений и обращение местного населения, которое шло, по большей части, сверху — со стороны элиты. Первые исламские общины суфитского толка возникли на севере Суматры, что было зафиксировано и венецианцем Марко Поло, и марокканцем Ибн Батутой. В XIV в. исламское государство появилось на востоке Маллакского полуострова, а также в Брунее — на севере острова Борнео. За этим последовали мусульманское образование на филиппинском архипелаге Сули, исламское государство Ачех на Суматре в XVI в., исламизация Явы. При этом ислам в ЮВА имел свои особенности. Люди считали себя мусульманами, следовали его нормам, но при этом сохраняли унаследованную от индуизма и буддизма веру в местные божества. «Исламизация была процессом, а не одним событием, и она до сих пор продолжается»[2].

Но главным событием в истории исламского мира в следующие века стал подъем Османской империи. Среди мелких туркменских царств неожиданно выделилось соседствовавшее с Константинополем государство Османа, нанесшее еще в 1301 г. поражение армии византийского императора Андроника II Старшего. С этого момента началась экспансия величайшего мусульманского государства в истории. Османы побеждали благодаря исключительной мобильности своей конницы, они мчались без шлемов, кольчуг, щитов, палиц и копий, располагая лишь мощным луком и кривой саблей или даже кинжалом. И ни одно из османских нововведений не могло сравниться с созданием единообразного корпуса янычар — «нового войска», предшественника всех современных армий. Этот пехотный корпус был сформирован при султане Мураде I из военнопленных, захваченных в христианских землях на Балканах. Затем он подкреплялся с помощью взимания налога

[1] *Albert Hourani.* A History of the Arab Peoples. P. 85–86.
[2] A New History of Southeast Asia / Ed. by M.C. Ricklefs. L., 2010. P. 79–82.

мальчиками с балканских вассалов[1]. Не имевшая местных корней и связей сверхпрофессиональная армия надежно служила своим хозяевам и не вмешивалась во внутренние династические конфликты.

Султан Баязид в 1389 г. в битве на Косовом поле положил конец сербской независимости, а затем оккупировал придунайскую Болгарию, Македонию, напал на Венгрию и Валахию. Любопытная управленческая технология османов заключалась в том, чтобы назначать на административные должности руководителей сопротивлявшихся завоеванию стран. «Османы полагали более благоразумным располагать к себе побежденных местных властителей, а позднее и слишком независимых государственных подданных, с помощью доли в правительственном вознаграждении, чем убивать их, рискуя спровоцировать дальнейшие волнения среди их сторонников»[2].

В 1453 г. султан Мехмед с 160-тысячным войском начал тринадцатую мусульманскую осаду Константинополя, который защищали менее пяти тысяч ромеев и несколько тысяч латинян. Обещания спасти город, которые были даны Римским Папой и европейскими столицами после того, как император Византии согласился на унию с католиками в 1439 г. (что вызвало раскол православной церкви), обернулись фикцией. Силы сопротивления под руководством императора Константина XI удерживали город 52 дня. Первая пятничная молитва после завоевания была проведена в базилике Святой Софии, символе православной веры, обращенной в мечеть. В далекой Московии это событие отразилось в появлении концепции «Москва — Третий Рим» — претензии на превращение страны в крупнейшее православное государство. И в женитьбе Ивана III на племяннице последнего императора Софии Палеолог. А османы продолжили экспансию на Балканский полуостров, колонизировали его и стали угрожать уже центру Европы, дойдя до Вены. Наступало время Великой Османской империи, султаны которой приняли титул халифов с 1517 г.

Но не все мусульмане были в восторге от османского могущества. «Не удивительно, что современные арабы рассматривают четыре оттоманских века в самых мрачных красках. Их предки позволили, чтобы сначала военное превосходство, а затем и политическое лидерство в исламском мире перешло в руки турок... Также ранил арабскую душу тот факт, что арабский язык — слава арабской цивилизации, утратил культурное лидерство в исламе. Арабский остался языком религии, как и раньше, но турецкий и персидский языки, испытав сильное арабское влияние, развили более жизнеспособные собственные культурные миры»[3].

---

[1] *Кэролайн Финкель.* История Османской империи: Видение Османа. М., 2010. С. 27–28, 31–33, 57.

[2] Там же. С. 63.

[3] *Peter Mansfield.* A History of the Middle East. P. 30.

Между тем среднеазиатские тюрки завоевали Индию, основав империю Великих Моголов. В период расцвета исламской цивилизации с ней по количеству населения и по культурным достижениям могла соперничать только китайская. Но китайская цивилизация формировалась как локальная, ограниченная одним регионом, Восточной Азией, и одной расовой группой. Ислам же создал цивилизацию мирового масштаба — полиэтническую, многорасовую, межконтинентальную. Ислам обладал тогда величайшей на земле военной мощью, его армии могли одновременно вторгаться и в Европу, и в Африку, и в Индию, и в Китай[1].

Как проходит мирская слава

И вдруг этот расцвет кончился. Европейцы начали заметно продвигаться вперед. Ренессанс, Великие географические открытия, начало промышленной революции позволили Западу постепенно переломить ситуацию. В конце XVII в. впервые был подписан мирный договор между побежденным исламским государством и христианскими правительствами — Карловацкий мир. До этого мусульмане никогда не допускали подобного унижения. Тогда же Петр I вышел к Азовскому морю, и к наступлению на исламский мир подключилась Россия, которая при Екатерине II заняла Причерноморье, Крым, а уже в XIX в. — Кавказ и Центральную Азию: В XVIII–XIX вв. развернулась европейская колониальная экспансия в Азию. Наполеон, чье вторжение в Египет, Палестину и Сирию в 1799 г. было воспринято как очередной крестовый поход и вызвало ответный джихад, без проблем завоевал эти страны, хотя на их стороне выступал английский флот.

Оттоманская империя стала использовать новые, заимствованные на Западе, методы военной организации, управления и права, как и правители двух виртуально автономных провинции империи — Египта и Туниса. Но это уже мало помогало. Одно поражение исламского мира следовало за другим. В 1830–1847 гг. Алжир был захвачен французами. Порты исламских государств стали полем деятельности европейских кампаний и тем местом, откуда влияние западных правительств начало распространяться на столицы мусульманских стран. Под контроль Европы попали Египет, Тунис, Марокко и Ливия.

Вместе с господством приходили и западные идеи, которые распространяли миссионеры и созданные ими образовательные учреждения. Основными были идеи реформирования ислама в сторону большей светскости, создания условий для равноправия всех граждан Османской империи, а с конца XIX в. — национализм. Эти концепции

[1] *Bernard Lewis.* What Went Wrong? Western Impact and Middle Eastern Response. Oxford, 2002. P. 6.

стали излагаться на страницах появившихся газет, впрочем, до широких масс, остававшихся неграмотными, они не доходили[1].

В результате Первой мировой войны Оттоманская империя исчезла, из ее остатков возникла Турция, а арабоязычная часть империи полностью оказалась под британским и французским контролем. К 1920 г. лишь четыре исламских государства остались свободными от той или иной формы немусульманского правления — Турция, Саудовская Аравия, Иран и Афганистан[2].

Что же вдруг пошло не так? Ответы давались разные. Увидеть причины неудач в достоинствах западной цивилизации исламские лидеры не могли: вся предыдущая история убеждала их в том, что в мире неверных нет и не может быть ничего ценного. Для общества, привыкшего смотреть на Запад свысока, была неприемлема идея у него учиться. Правда, жизнь заставляла заимствовать у европейцев военную технику, но и это происходило с очень большим отставанием. У неверных в принципе не может быть верных знаний — из этого исходил мир ислама.

Общество, которое прекрасно справлялось с вызовами средневековья, оказалось крайне неотзывчивым к императивам модернизации, которым активно сопротивлялось общественное сознание. «В мусульманском восприятии не существует законодательной власти человека, для верующего существует только один закон — Священный закон Бога, провозглашенный Откровением. Закон может детализироваться или интерпретироваться традицией или разумом. Но он не может быть изменен, и в теории ни один мусульманский правитель не может добавить или заменить ни одно из правил. В действительности они часто делали и одно, и другое, но такие их действия всегда вызывали большое недовольство»[3]. Мир усложнялся, Запад экспериментировал с новыми институтами, законами, политическими и научными теориями, художественными концепциями. А в мире ислама выбор ответов по-прежнему задавался традицией. Роберт Рейли в книге «Закрытие мусульманского разума» пишет, что, конечно, не вся цивилизация «ментально захлопнулась и отвергла доводы разума и философию. Я не утверждаю, что разум каждого мусульманина индивидуально закрыт или не существуют разные варианты ислама, в которых умы остаются распахнутыми. Но я утверждаю, что значительная часть мусульман-суннитов, большинства представителей веры, закрывали дверь в реальность в очень значительной степени»[4].

---

[1] *Albert Hourani.* A History of the Arab Peoples. P. 263–264.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 328.

[3] *Bernard Lewis.* What Went Wrong? P. 101–102.

[4] *Robert R. Reilly.* The Closing of the Muslim Mind: How Intellectual Suicide Created the Modern Islamist Crisis. Wilmington (Del.), 2010. P. 2.

Отсюда стремление скорее хранить знание, чем создавать или преумножать его, отсюда наука как преклонение перед уже доказанным. Лишь недавно по историческим меркам стало преодолеваться пренебрежение светским образованием, изучением языков христианских народов.

Изоляция женщин не только исключала возможность для половины населения внести вклад в общественное развитие, в производство, но и имела следствием низкий уровень их образования, а значит, и способности полноценно воспитывать своих детей. У необразованных мам не будет сверхобразованных детей. В исламском обществе отсутствовало и понимание свободы как ценности, а также концепции гражданского общества.

Кроме того, крах Оттоманской империи оставил мир ислама без стержневого государства. «Оттоманские земли были большей частью разделены между западными державами, которые, уйдя оттуда, оставили после себя неустойчивые государства, созданные по западным моделям, чуждым традициям ислама, — подчеркивает Самуэль Хантингтон. — Поэтому на протяжении большей части двадцатого века ни у одного мусульманского государства не было достаточной власти и достаточной культурной и религиозной легитимности для того, чтобы претендовать на роль предводителя ислама и быть принятым в этом качестве другими исламскими и неисламскими странами. Отсутствие исламского стержневого государства — основная причина продолжающихся внутренних и внешних конфликтов, присущих исламу»[1].

Значительная часть мусульман увидела главную причину внезапного отставания в отступничестве от старых добрых традиций. Так возник мусульманский фундаментализм, обращенный в прошлое, к раннему исламу. Другая тенденция — к модернизации ислама, — к тому, чтобы изменить его мир, приспособиться к современным реалиям и устремиться к созданию промышленной светской цивилизации, обозначилась позже — в начале XX в.

Наиболее ярким представителем модернистского, вестернизированного ислама стал Кемаль Ататюрк — основатель современного турецкого государства. В октябре 1922 г. он говорил: «Оставайтесь самими собой, но сумейте взять у Запада то, что необходимо для жизни цивилизованных людей. Пусть в вашу жизнь войдут наука и новые идеи; в противном случае Запад поглотит нас… Если отныне женщины не станут принимать активного участия в жизни общества, если мы радикально не изменим наши обычаи, мы никогда не добьемся подлинного развития. Мы останемся всегда позади, неспособные общаться на

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 274–275.

равных с цивилизацией Запада»[1]. Строительство государства по западным лекалам стало основной тенденцией развития.

В тот момент казалось, что и модернизация ислама, и европейское колониальное господство над большей частью исламского мира знаменуют торжество западной цивилизации. Действительно, западные ценности распространялись быстро, и в арабском мире были испробованы практически все известные западные идеологии и институциональные системы. В 1930–1940-х гг. иракцы, сирийцы, палестинцы активно интересовались фашизмом и пробовали создать у себя соответствующие режимы, но и из этого ничего не вышло. К началу Второй мировой войны мир ислама находился в основном под прочным западным господством.

Первые серьезные трещины появились в 1940 г., когда Франция потерпела поражение от Германии, а Италия, напротив, в нее вступила и бросила вызов британским позициям в пустынях западного Египта, в Эфиопии и на южных границах Судана. Война подорвала позиции и престиж всех прежних колониальных держав, на первый план вышли две сверхдержавы — СССР и США, не заинтересованные в сохранении англо-французского господства в мусульманском ареале. Последовал парад независимости в исламском мире. Суэцкий кризис 1956 г. и война в Алжире в 1954–1964 гг. были последними попытками Лондона и Парижа сохранить свои позиции. В одном месте после ухода англичан арабы потерпели поражение — в Палестине, где возникло государство Израиль.

В исламском мире появились свои центры силы — старые и новые, — представлявшие весь спектр политических моделей. Турция стала членом НАТО, и учившиеся на Западе военные стали опорой светского режима. Армия во имя принципов кемализма осуществляла военные перевороты в 1960, 1971, 1980 гг. Турция впервые поставила вопрос о членстве в тогда еще Европейском экономическом сообществе в 1959 г. и заключила с ним соглашение об ассоциированном партнерстве (как Украина в 2014-м) в 1963 г. Таможенный союз с ЕС был создан в 1995 г., а переговоры о вступлении начались в 2005-м. На сегодня в Анкаре существует уверенность, что переговоры зашли в тупик, а Турция сама перестала рассматривать членство в Евросоюзе как достижимую и желаемую цель[2].

На статус самостоятельного центра силы претендовал Иран. Национальный фронт во главе с премьер-министром Мохаммадом Мосадыком добился в 1951 г. принятия акта о национализации нефтяной промышленности. Великобритания восприняла это как опасный пре-

---

[1] *Александр Жевахов.* Кемаль Ататюрк. М., 2008. С. 209.

[2] *Seçil Paçaci Elitok.* Turkey's Prospective EU Membership from a Migration Perspective // Perceptions. Journal of International Affairs. Autumn 2013. P. 1–11.

цедент и организовала международный бойкот иранской нефти, а в 1953-м с американской помощью был организован переворот. «На рассвете 19 августа подкупленные американской агентурой толпы собрались в Тегеране, приготовившись к мятежу, — пишет американский историк спецслужб Тим Вейнер. — Автобус и грузовики, битком заполненные соплеменниками с юга, вожди которых были также щедро профинансированы ЦРУ, прибыли в столицу. Заместитель посла Хендерсона Уильям Раунтри описал то, что произошло потом как "почти спонтанная революция"… В тот день на улицах Тегерана погибло по меньшей мере сто человек. Еще не менее двухсот было убито после того, как ЦРУ приказало шахской имперской охране атаковать здание, в котором укрылся Моссадык»[1]. Мосадык был отстранен от власти и арестован. Шах вернулся в страну, контроль над нефтью перешел в руки англо-американского Международного нефтяного консорциума[2]. Доходы от продажи энергоресурсов шли во многом на закупки американских вооружений и проекты с участием западных корпораций, Иран вестернизировался.

В арабском мире доминирующей идеей 1950–1960-х гг. стал арабский национализм: стремление к союзу арабских государств, независимость от сверхдержав, социальные реформы, нацеленные на достижение социального равенства. Это были ключевые идеи египетского руководителя Абделя Насера — наиболее влиятельного лидера исламского мира той эпохи. Поражение Египта, Сирии и Иордании в войне 1967 г. против Израиля остановило продвижение идей национализма и открыло период конфликтов между исламскими странами, их растущей зависимости от Советского Союза и, особенно, Соединенных Штатов. Но чувство арабского единства не ушло в прошлое с расширением контактов между странами и людьми, появлением понятных для всех арабов СМИ. Подъему арабского мира немало способствовал нефтяной бум на Ближнем Востоке. К идеям национализма и социального равенства добавилась новая — отказа от западного опыта, возвращения к основам ислама[3].

Реисламизация и радикализм

Можно ли сегодня говорить об исламском мире как едином субъекте мировой политики? И да, и нет. Этот мир состоит из многочисленных и очень неоднородных акторов. Мусульманские общины есть практически во всех странах мира. В тридцати пяти странах мусульмане составляют большинство населения, в двадцати девяти —

[1] *Тим Вейнер.* ЦРУ: Правдивая история. М., 2013. С. 104.
[2] *Игорь Осанов.* Иран: Страна-загадка, открывающаяся миру. М., 2014. С. 125.
[3] *Albert Hourani.* A History of the Arab Peoples. P. 351–353.

влиятельное меньшинство, в двадцати восьми ислам признан государственной или официальной религией.

Помимо этого, в исламском мире существуют негосударственные субъекты. Во-первых, народы, не имеющие собственной государственности, но прилагающие все усилия, чтобы ее получить: курды, палестинцы и т.д. Во-вторых, организации, обеспечивающие региональную стабильность и координирующие межгосударственные отношения: Лига арабских государств, Организация Исламской конференции, разного рода международные негосударственные организации типа Лиги исламского мира, Народного исламского конгресса и т.д. В-третьих, большое количество экстремистских исламистских организаций.

Мусульмане пытаются формировать и свою экономическую систему, среди их лидеров растет число сторонников создания общего арабского или общего исламского рынка. В рамках Лиги арабских государств предпринимаются усилия по экономической интеграции входящих в нее стран, чтобы адаптировать их к процессам глобализации мировой экономики, обеспечив свободное перемещение капиталов, товаров и рабочей силы, унификацию таможенных тарифов и т.д.

Однако такой экономической интеграции во многом препятствует уже то, что ислам препятствует развитию ряда рыночных институтов. Например, Коран прямо запрещает взимать проценты, и поэтому полноценная банковская система в исламском мире просто невозможна. Естественно, банки там существуют, но функционируют специфически: прибыль в них измеряется не банковским процентом, а участием в прибылях всего банка.

Исламский мир в целом — самая бедная после экваториальной Африки часть планеты. Он не дал примеров экономического процветания, если не брать относительно светскую Турцию и купающиеся в нефти абсолютные монархии Персидского залива.

Самоопределение исламского мира как субъекта международных отношений происходит в немалой степени через противопоставление себя остальному миру. Это единство проявляется в солидарности с государствами, которые рассматриваются как часть исламского мира. Например — Косово, где югославским войскам и органам власти противостояли (при решающей поддержке НАТО) далеко не только бойцы из Освободительной армии Косова (главной организации албанских экстремистов), но и добровольцы-моджахеды, а также офицеры, состоявшие на действительной военной службе Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Катара, Омана.

В то же время исламский мир, конечно, не един, его раздирают большие противоречия. Одни из них — продолжение давних исторических конфликтов между цивилизациями Нила и Месопотамии, существовавших еще во времена Древнего мира. Другие — это конфлик-

ты между радикальными и умеренными светскими режимами; между государствами фундаменталистскими (наиболее яркие их представители — Иран и Саудовская Аравия) и относительно светскими (типа Сирии); между арабами и персами; между суннитами и шиитами.

По степени слияния ислама и государства условно можно выделить шесть групп стран. Первая — государства, где духовенству принадлежит верховная власть. На сегодняшний день такая страна одна — Иран. Была еще одна — Афганистан под властью талибов, но их режим был свергнут.

Вторая — страны, где исламские настроения весьма сильны, но формально политическая власть все-таки принадлежит не духовенству. Это монархии Персидского залива: Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен; это Пакистан, Судан, Сомали, а сейчас еще и Тунис. Причем эти страны заметно различаются между собой по строгости соблюдения норм шариата. В наиболее либеральном Бахрейне даже разрешается употреблять спиртные напитки (редчайшее в исламском мире исключение).

Третья (стремительно сокращающаяся) группа — секуляризированные авторитарные режимы. Яркие примеры — Ирак времен Саддама Хусейна, Ливия Муаммара Каддафи, Тунис Бен Али, на постсоветском пространстве — туркменский режим. Относительно светские режимы в Сирии и Алжире. Сюда же следует отнести современный Египет, управляемый военными. Правители таких стран берут на вооружение исламские лозунги, когда это им выгодно.

Четвертая группа — страны с мягкими, либеральными вариантами ислама, где, тем не менее, власти вынуждены в той или иной степени учитывать мнение мусульманского духовенства. К ним относятся большинство исламских государств черной Африки, а также Бангладеш, Марокко, Иордания. Сюда же следует отнести исламские государства Юго-Восточной Азии: Индонезию, где приверженцы ислама составляют 86% населения, Малайзию (60%) и Бруней (65%)[1]. Йоко Видодо, больше известный как Йокови, избранный в июле 2014 г. президентом Индонезии, утверждает: «Индонезия третья по численности населения демократия. И мы являемся страной с самым большим мусульманским населением. Это демонстрирует, что демократия и ислам совместимы»[2].

Пятая группа — страны, где правительство практически находится в состоянии вяло (а иногда и бурно) текущей гражданской войны с радикальными исламистами. В первую очередь это Алжир, Афганистан, Сирия, Ирак.

---

[1] A New History of Southeast Asia. P. 465–467.

[2] Opening Indonesia: A Conversation With Joko Widodo // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 60.

Шестая группа — государства, политически ориентирующиеся на Запад или на Россию, которая с точки зрения мусульман является скорее частью Запада как представительница христианского мира. К этой группе стран относятся Турция, Албания, большинство мусульманских республик на постсоветской территории.

В исламе существуют различные идеологические течения. Среди них принято выделять три основных: ислам либеральный, ислам традиционный и ислам радикальный, или джихадистский.

Либеральный проект, носящий в основном элитный характер, предполагает перенос на исламскую почву так называемых общечеловеческих — по сути западных — форм социальной жизни: от парламентов до ограничения рождаемости, при одновременном изменении самого ислама, с тем чтобы сделать его движущей силой прогресса.

Традиционный ислам в гораздо большей степени представляет собой пласт народного сознания, выступает оправданием сложившегося статус-кво и не предполагает каких-либо трансформаций. Мэнсфилд считает, что в строгом смысле «все мусульмане — фундаменталисты, потому что они знают, что Священный Коран был окончательным посланием человечеству от Бога. Триумф Запада в течение последних двух-трех веков рассматривается мусульманами как аберрация в истории»[1]. Традиционалисты исходят из того, что все нужное написано в Коране, а если в исламском мире и существуют какие-то проблемы, то вызваны они как раз отходом от тех принципов, которые были заложены в VII в. Экстремистскими выразителями этого течения были афганские талибы, которые запрещали радио, телевидение, фотографию и прочие «бесовские изобретения» Запада, как традиционалисты XVIII–XIX вв. запрещали пользоваться часами.

Третье течение, джихадистское, исходит из того, что ислам должен вести активную борьбу за расширение своего влияния в мире.

Как сегодня соотносятся три идеологических течения? Положение мусульманских модернистов, которые были довольно прочными в 1920–1960-х гг., становится все более сложным и незавидным. Общество все чаще видит в них ренегатов, посягающих на незыблемость традиции, хотя на самом деле эту традицию не соблюдают в полной мере уже очень многие мусульмане. Мусульманские либералы, ориентированные на западные ценности, воспрянувшие было в разгар «арабской весны», по большей части испытывают сейчас глубокий пессимизм.

На протяжении последних десятилетий исламские модернизаторы в основном отступают, а традиционалисты и джихадисты — на подъеме. Идет процесс реисламизации, исламского возрождения. Его причины — глубокое разочарование, вызванное тем, что мусульманское сооб-

[1] *Peter Mansfield.* A History of the Middle East. P. 15.

щество оказалось на обочине развития, переживает упадок, вынуждено бессильно смотреть, как неверные правят миром и определяют судьбы человечества. Фиаско всех форм правления, которые были заимствованы и опробованы в XX в., должно было привести мусульманских активистов к выводу о том, что первопричина бед — в отступлении от основ первоначального ислама, а решение проблем — в возвращении к ним под девизом «Ислам как ответ» на вызовы современного мира.

Если постараться выявить факторы и события, внесшие наибольший вклад в развитие процессов реисламизации в последние десятилетия, то на первое место я бы поставил рост влияния такого молодого фундаменталистского государства, как Саудовская Аравия.

С XIII в. практически весь Аравийский полуостров находился под властью Египта, с 1517 г. — Османской империи. Основатель дома Саудидов Мухаммад ибн Сауд, правивший оазисом ад-Дир'ийа в центральной части Аравийского полуострова, вступив в союз с религиозным лидером шейхом Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом — родоначальником «ваххабизма», сумел добиться создания независимого от Османов государства Неджд. Первое государство Саудидов просуществовало с 1744 по 1818 г., второе — с 1824 по 1891 г. В начале XX в. Абдельазиз ибн-Сауд захватил Эр-Рияд и вновь добился признания своего государства Неджд турецким султаном. Опираясь на ваххабитское учение, ибн-Сауд объединил страну под своей властью. В 1926 г. она получила первое дипломатическое признание — со стороны СССР, а в 1932 была признана как Королевство Саудовская Аравия. У Абд аль-Азиза насчитывалось более 300 жен. После смерти в 1953 г. он оставил 34 признанных им сына от 14 матерей. По воле отца его сыновья продолжают править королевством: престол наследуется ими по старшинству. За этот период королями были Сауд (1953–1964), Фейсал (1964–1975) и Халед (1975–1982). Нынешний король Фахд правит страной с 1982 г. В «Основах системы власти Королевства Саудовская Аравия» 1992 года — конституции, в фундаменте которой лежит шариат, говорится: «Власть принадлежит сыновьям короля — основателя государства Абд аль-Азиза Абд ар-Рахама аль-Фейсала ас-Сауда и сыновьям его сыновей… Король избирает наследного принца и смещает его своим указом… Высшей инстанцией всех видов власти является король»[1].

В 1930-е гг. в стране нашли нефть, и сразу же концессию получила калифорнийская «Стандард ойл», которая стала ядром «Арабско-американской нефтяной компании» (Арамко). Компания стала источником средств для экономической модернизации, а Саудовская Аравия

[1] *В.Е. Донцов, Т.А. Чурилина.* Политические системы монархий Аравийского полуострова // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 154–160.

превратилась в теснейшего партнера США. Королевство имеет огромное экономическое значение для Вашингтона как основной источник импортируемой нефти, доходы от продажи которой во многом оседают в американских банках и на фондовых рынках (до 1 трлн долл. в начале этого века); и стратегическое — как место для базирования войск и флота и для обеспечения доступа к американским военным базам в Катаре, Кувейте и Бахрейне[1]. Колоссальный вес Саудовской Аравии в исламском мире обусловлен не столько богатством и особыми связями с Вашингтоном, сколько наличием на ее территории главных мусульманских святынь — Мекки и Медины.

Следующий важный фактор реисламизации — нефть. Впервые в современную эпоху исламский мир выступил как организованная, самостоятельная и, по сути, антизападная сила в начале 1970-х, когда спровоцировал ценовой шок на нефтяном рынке. Линию на повышение цены на энергоносители начал молодой ливийский лидер полковник Муамар Каддафи, который в 1970 г. вызвал к себе на кофе представителя американской компании «Оксидентал Петролеум» и, положив перед собой пистолет, попросил увеличить цену на нефть на 30 центов за баррель. В такой просьбе трудно было отказать, за этим последовала и национализация американских компаний. А 1973 г. ключевые нефтедобывающие страны Ближнего Востока — Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Абу-Даби, Дубай, Бахрейн, Ливия и Алжир объявили о сокращении добычи нефти и наложили эмбарго на ее поставку в США в ответ на поддержку Вашингтоном Израиля в его войне против Египта и Сирии, после чего эпоха дешевой нефти в мире закончилась. Цена на нефть с 1970 до сентября 1973 г. выросла на 70%[2].

Это резко увеличило финансовые возможности ряда мусульманских государств. Собственно, начало реисламизации и пришлось на 1970-е, когда подскочили цены на нефть. У Саудовской Аравии, флагмана распространения исламских идей в традиционном и радикальном вариантах, появились большие средства. Многие из тех тысяч новых мечетей, которые возникли в последнее время на территории бывшего СССР, строились на саудовские нефтедоллары.

Мощным стимулом для возращения к основам стала Иранская революция 1979 г., вызванная протестом традиционализма против вестернизации, главной движущей силой которой стали исламисты. «Только они были едины; только они по-настоящему знали, чего хотят; только они посмели бросить вызов шаху... только они представляли собой организованную силу со своей иерархией, основу которой составляли

[1] *Mark Hollingsworth with Sandy Mitchell.* Saudi Babylon: Torture, Corruption and Cover-Up Inside the House of Saud. Edinburgh; L., 2010. P. 79–81.

[2] *Andrew Scott Cooper.* The Oil Kings: How the U.S., Iran and Saudi Arabia Changed the Balance of Power in the Middle East. Oxford, 2012. P. 108–124.

муллы (их насчитывалось десятки тысяч, а на вершине стояли аятоллы, державшиеся, впрочем, в стороне, к которым прислушивался народ. Правительство, не сознавая этого, дало им более чем лидера — героя: аятоллу Хомейни, арестованного в 1963 г., а потом высланного»[1], — писал известный французский востоковед Жан-Поль Ру.

И, конечно, мощным импульсом для исламского единства, самосознания (и не только) стала война СССР в Афганистане, о чем чуть позже.

Нельзя не обратить внимания и на такой фактор, как очевидная реисламизация такой влиятельной страны, как Турция, после победы Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом на выборах в 2002 г. Позиции военных были резко ослаблены серией громких процессов, в ходе которых сотни из них были репрессированы. Новая концепция внешней политики была сформулирована видным политологом, а затем и министром иностранных дел Ахметом Давутоглу в его книге «Стратегическая глубина». Он предлагает Турции осуществить грандиозную политическую трансформацию в ее ближайшем окружении, для чего требуется отказаться от политики статус-кво в современных границах и приступить к экспансионистской панисламистской политике, построенной на принципах Мэхана, Маккиндера, Хаусхофера и Спайкмана[2].

В 2014 г. Эрдоган осуществил конституционную реформу, позволяющую ему и дальше оставаться во главе страны: теперь основные властные полномочия сосредоточены в руках президента. В августе 2014 г. Эрдоган был избран на этот пост, получив 52% голосов, и уступил руководство партией и пост премьер-министра Давутоглу. Президент провозгласил «новую эру» в турецкой политике, которую определил как «священное завоевание», которое должно принести Турции большее процветание, благочестие и глобальное влияние[3]. Многие соседи увидели в этом возрождение призрака Оттоманской империи.

Турция решительно пошла на сближение с Россией, Эрдоган договорился с Путиным о масштабных энергетических проектах, способных превратить страну в важный пункт обеспечения газом Европы. На недовольство и давление Запада Анкара ответила демонстративными масштабными мерами по борьбе с оппонентами режима, особенно сторонниками Феттулаха Гюлена — живущего в США проповедника, которого обвиняют в попытках государственного переворота. Руководство Евросоюза объявило действия Эрдогана «противоречащими европейским ценностям». На что в ответ услышало: «Нас не волнует,

---

[1] *Жан-Поль Ру.* История Ирана и иранцев: От истоков до наших дней. СПб, 2012. С. 338–339.

[2] *Behlut Ozkan.* Turkey, Davitoglu and the Idea of Pan-Islamism // Survival. August–September 2014. P. 119–140.

[3] Turkey's New Government. Davitoglu's Moment // The Economist. August 30, 2014. P. 24.

что может сказать ЕС, примет ли он нас в качестве члена. Пожалуйста, оставьте свою мудрость при себе»[1].

Мусульманское общество даже внешне подверглось значительной реисламизации. Количество тех, кто вновь начал носить паранджу или отпускать бороду, в исламском мире за последние три десятилетия выросло многократно. Реисламизация происходила по целому ряду направлений.

Кратно увеличилось число частных либо государственных религиозных школ, университетов с преподаванием ислама. Одним из следствий этого стало появление огромного числа безработных выпускников таких учебных заведений, которые наизусть знают Коран, владеют арабским, но могут не знать арифметики. Именно они составили основу многих групп боевиков и даже целых армий. Само слово «талибан» переводится как «студенчество», и эти студенты захватили и в течение длительного времени контролировали Афганистан.

Идет приведение правовых основ государств к принципам шариата. За последние два десятилетия отказались от писаных конституций и признали своей конституцией Коран Кувейт, Пакистан, Алжир, Йемен, Ливия. Шариатские судебные системы оперируют только трактовками Корана, никакие иные правовые нормы для них силы не имеют, поскольку считается, что никто не в состоянии выработать правовые нормы, более совершенные, чем нормы Корана.

Еще одно направление — создание так называемого официального ислама. Государства начинают сращиваться с исламскими организациями, и во многих странах появляются специальные государственные органы, которые занимаются религиозными вопросами. Ничего подобного в исламе, где, напомню, иерархии духовных лиц нет, раньше не существовало. В Египте, в Сирии, во всех республиках бывшего СССР начали вводить официальные посты муфтиев. В Турции и Иордании появились министерства по делам религий. Духовные лица на государственных должностях получили исключительные полномочия, например, по выдвижению имамов для наиболее крупных мечетей и по руководству религиозным образованием. Так обстоят дела в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Сирии, Турции, Узбекистане и т.д. Во многих странах стало обязательным религиозное образование — даже в той же Турции, пользовавшейся репутацией наиболее светского из всех исламских государств.

В то же время реисламизация, которая во многом проводится самими государствами, вышла из-под контроля государства как такового. В ряде мусульманских стран правящие режимы, даже проводящие

[1] *Ольга Кузнецова.* Власти Турции усиливают борьбу с оппонентами // Коммерсантъ. 15 декабря 2014; *Екатерина Забродина.* Оставьте мудрость при себе // Российская газета. 17 декабря 2014.

реисламизацию, подвергаются острым атакам со стороны представителей радикального ислама, обвиняющих власти в недостаточной приверженности мусульманским нормам.

Проникновение современных знаний в исламскую среду до сих пор сталкивается с ограничениями. Например, среди ученых всего мира — лишь один процент мусульман. В одном Израиле людей, занимающихся наукой, больше, чем во всем мусульманском мире. Во всех арабских странах ежегодно выходит примерно триста переводных книг, а в одной только Греции — в пять раз больше. Капиталовложения в научные исследования и разработки весьма невелики, если не считать страны Юго-Восточной Азии. Инженерные знания непопулярны. Нефтедобыча арабских стран ведется в основном силами иностранцев. Нефтеперерабатывающие и нефтедобывающие мощности Саудовской Аравии полностью обслуживаются американской рабочей силой, весьма недешевой. Эмираты застраивают европейские и американские архитекторы и индийские рабочие. Метро в Мекке прокладывают китайцы.

В неудачах развития традиционалисты часто винят внешние силы, прежде всего США, «Большого шайтана», который эксплуатирует все человечество, порождая в исламском мире бедность и прочие проблемы. Следующим по значимости врагом, «Малым шайтаном», принято считать Израиль. Его суверенитет над Иерусалимом, который является третьим по значению после Мекки и Медины священным городом ислама, не признается. Там находятся две особо почитаемые мечети, обе они связаны с преданием о ночном путешествии Мухаммеда из Мекки на палестинскую землю, во время которого пророк возносился на небеса к трону Аллаха. А сейчас эти святыни оказались под властью Израиля, который в глазах мусульман является форпостом Запада.

Огромное значение для исламского возрождения сыграла война в Афганистане. И именно тогда и там сформировался тот радикальный ваххабитский ислам, который породил Аль-Каиду и многие другие экстремистские организации. Поначалу организация сопротивления советским войскам в Афганистане было рутинной операцией холодной войны. Логика была простой: если к власти в Кабуле пришли проросийские марксисты из Народно-демократической партии Афганистана, значит, им нужно противопоставить ислам и мусульман.

Уже в начале XXI в. Збигнев Бжезинский, который к началу Афганской войны был помощником президента Картера по вопросам национальной безопасности, впервые признал в интервью, что вмешательство США в дела Афганистана началось еще до того, как СССР ввел туда свои войска. По официальной версии помощь ЦРУ моджахедам началась только с 1980 г., но теперь Бжезинский подтвердил существование директивы о тайной помощи афганским оппозиционерам, подписан-

ной президентом Картером еще 3 июля 1979 г. На вопрос, не сожалеет ли он теперь об этой политике поощрения будущих террористов, Бжезинский сказал, что по-прежнему считает ее «прекрасной идеей»: «Что является более важным с точки зрения мировой истории — талибы или крах советской империи? Несколько исламистских фанатиков или освобождение Центральной Европы и конец холодной войны?»

Операцию осуществляли США (координировал ее лично директор ЦРУ Уильям Кейси), Пакистан, Саудовская Аравия, Франция, Египет, ряд других государств. «Кейси от имени ЦРУ поддержал давнюю инициативу пакистанской разведки — вербовать мусульманских радикалов со всего мира для того, чтобы воевать совместно с афганскими моджахедами, — подтверждает известный пакистанский автор Ахмед Рашид. — Президент Зия-уль-Хак стремился укрепить мусульманское единство, сделать Пакистан лидером исламского мира и помочь исламской оппозиции в Средней Азии. Вашингтону хотелось показать, что весь мусульманский мир сражается против Советского Союза плечом к плечу с афганцами и их американскими благодетелями. А саудовцы увидели в этом возможность для пропаганды ваххабизма и избавления от своих собственных разочарованных радикалов. Никто из участников игры не понимал, что у добровольцев есть и свои планы, а их ненависть к Советам впоследствии обернется против американцев и против их собственных правителей»[1].

Силы моджахедов возглавлял палестинец Абдалла Аззам, который был штатным сотрудником Лиги исламского мира (фактически это Министерство по делам религии Саудовской Аравии), но затем руководство перешло к Усаме Бен Ладену. Через арабский экспедиционный корпус в Афганистане прошло не менее 15 тыс. человек, 5 тыс. из которых были саудовцами. Война в Афганистане была, помимо прочего, войной мусульман, выступавших на стороне Советского Союза, с мусульманами, ему враждебными. Чтобы послать людей на такую войну, где предстояло убивать братьев по вере, было необходимо изобрести, по существу, новую идеологию. Те мусульмане, против которых воевали правоверные моджахеды — бойцы джихада, были объявлены кафирами, т.е. неверными, отпавшими от ислама.

В январе 1984 г. Кейси проведет брифинг для президента Рональда Рейгана о ситуации в Афганистане. По оценкам американских спецслужб (завышенным) моджахеды убили 17 тыс. советских военнослужащих, уничтожили 350–400 самолетов, 2750 танков и бронемашин и около 8 тыс. единиц автомобильной техники. Расходы советского правительства на войну оценивались в 12 млрд долл., тогда как американским налогоплательщикам она стоила лишь 200 млн долл., сколько и

[1] *Ахмед Рашид.* Талибан: Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М., 2003. С. 180.

пакистанским спецслужбам. Было решено активизировать поддержку сил джихада. Тогда же вооруженные афганские моджахеды, нагруженные напечатанными ЦРУ Коранами на узбекском языке, и начали первую поддержанную извне партизанскую операцию на территории СССР с начала 1950-х гг.[1] (когда капитулировали «лесные братья»).

В 1986 г. Кейси «убедил Конгресс передать моджахедам переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер» американского производства, чтобы сбивать с их помощью советские самолеты, и направить американских советников для подготовки партизан… ЦРУ, английская разведка MI 6 и пакистанская ISI совместно выработали провокационный план партизанских набегов на советские среднеазиатские республики — Таджикистан и Узбекистан, мусульманское мягкое подбрюшье советского государства и ближний тыл советской группировки в Афганистане. Эта задача была поручена фавориту пакистанской разведки среди лидеров моджахедов Гольбуддину Хекматьяру. В марте 1987 г. небольшие группы партизан, действуя со своих баз на севере Афганистана, переправлялись через Амударью и впервые обстреляли ракетами несколько таджикских деревень на советской стороне. Получив эту весть, Кейси был в восторге, и во время очередного тайного визита в Пакистан он пересек афганскую границу вместе с президентом Зия-уль-Хаком и произвел смотр моджахедов»[2].

Но когда арабы-«афганцы» (свои «афганцы» есть не только в России) вернулись в свои страны, то обнаружили, что и там есть мусульмане, которые живут не по шариату и общаются с Западом, причем это, прежде всего, их правители. На них в значительной степени и обратился гнев ветеранов джихада. Так появился новый феномен, который называют по-разному: салафизмом, ваххабизмом, исламизмом, радикальным исламом. Но все они выступают за отказ от накопившихся за последние века интерпретаций исламских текстов как продукта человеческой интеллектуальной деятельности, именно в силу этого не подлежащих исполнению.

Три основных постулата радикального исламизма состоят в следующем. Во-первых, джихад понимается исключительно как вооруженная борьба, не может быть джихада духовного, словесного и т.д.; иначе говоря, каждый, кто встал на путь джихада, должен взять в руки оружие. Во-вторых, такой джихад обязан вести каждый мусульманин. В-третьих, джихад направлен против кафиров — неверных, к которым относятся все немусульмане и все те, кто не разделяет первые два постулата.

Представить себе внутренний мир таких людей очень сложно. Для нас жизнь предпочтительна смерти. Для человека, который вступил

---

[1] *Steve Coll.* Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden from the Soviet Invasion to September 10, 2001. N.Y., 2004. P. 89–90.

[2] *Ахмед Рашид.* Талибан. С. 179–180.

на путь джихада, это не так. Настоящая жизнь — не здесь и не сейчас, подлинный мир начинается за смертью. А преходящий земной мир является полем жесточайшей битвы между истинными мусульманами и неверными. Исход этой битвы предрешен, истинно верующие, безусловно, победят, и эта победа подтвердит превосходство ислама. Как говорил Бен Ладен, «сражаться за религию, за веру — коллективная обязанность. Помимо веры нет никакой другой обязанности, кроме борьбы с врагом, подрывающим жизнь и религию». Задача джихада — создание всемирного халифата.

Практические попытки реализации этих постулатов предпринимаются по нескольким направлениям. Это внедрение в существующие объединения исламского духовенства и вытеснение оттуда тех, кто не исповедует радикальные формы ислама. Это создание религиозно-политических организаций, оппозиционных как по отношению к модернизаторским политическим системам, так и по отношению к местному исламскому духовенству. Наконец, это создание плацдармов в тех зонах, которые слабо контролируются центральными правительствами различных государств: шиитская «Хизбалла» на юге Ливана; Тавильдаринская зона в Таджикистане; южная часть Филиппин, северная часть острова Суматра в Индонезии, где действует исламистское движение «Свободный Ачех»; значительная часть индонезийских Молуккских островов, большие районы не только Сирии, Ирака или Ливии, но и Алжира, Мали, Судана, Нигерии, Сомали. Район афгано-пакистанской границы не контролируется вообще никакой центральной властью, а только местными князьками, и там сосредоточены учебные центры террористов, созданные еще в 1980-х для подготовки моджахедов к борьбе против советских войск. В 1999 г. чеченцы-кистинцы провозгласили самоуправляемой исламской территорией Панкисское ущелье в Грузии. В России такие зоны были созданы в Кадарском районе Дагестана, в Чечне, которая в период между 1996 и 1999 гг. фактически превратилась в исламскую республику.

В структуре радикального исламизма действуют тысячи разнообразных организаций. Наиболее известные среди них — «Аль-Каида», «Исламское государство», «Египетский джихад», «Джемаа Исламия», палестинский «Исламский джихад», действующая в Ираке организация «Ансар аль-Ислам», британская организация «Сторонники шариата», которая развернула активную деятельность в Сингапуре, Малайзии, в Индонезии. Информацию об их деятельности легко получить, зайдя в Интернет и набрав в любой поисковой системе слово «jikhad».

Каковы основные источники финансирования исламского экстремизма в мире и у нас в стране? Прежде всего, это некоторые государства Персидского залива, особенно Саудовская Аравия и Катар. Они являются объектом критики и угроз со стороны экстремистских орга-

низаций, и финансирование исламистского дела является для них способом откупиться от ваххабитов. Для них это также способ борьбы с шиитскими режимами. Запад, особенно США, не брезгует финансированием экстремистов, воюющих против не устраивающих их правительств — как в Сирии или Ливии. Очень велика и роль внутренних источников, особенно у ИГ, контролирующего часть иракской нефтедобычи.

Есть и такой невидимый источник, как хавала — абсолютно неформальная и действующая на доверии исламская финансовая сеть, на протяжении столетий компенсирующая неразвитость банковской системы в исламском мире, заменяя официальные каналы проводки денег. Если нужно перевести деньги из Парижа в Алжир, проблемы нет: находите соответствующего человека в Париже, и через несколько часов другой доверенный человек передаст эту сумму получателю в алжирской деревне. Большое преимущество этой системы, охватывающей весь мусульманский мир, заключается в том, что она не оставляет никаких следов. Поэтому деньги у террористических организациях есть и в обозримой перспективе будут.

Главной мишенью для исламских террористов являются США. Девятого сентября 2001 г. США испытали на себе самый серьезный за свою историю террористический удар, в результате которого погибло больше людей, чем во время атаки японцев на Пёрл-Харбор. Было создано несколько комиссий, которые пришли к поразительным выводам. Оказалось, что огромная часть мусульманских проповедников, действовавших на территории самой Америки, являлись представителями радикального ислама ваххабитского толка. Даже сайт Министерства обороны, предназначенный для американских солдат мусульманского вероисповедания, использовался для ваххабитской пропаганды.

США выступили главным инициатором борьбы с международным терроризмом за пределами своей территории. Война в Афганистане заметно ослабила позиции движения «Талибан», хотя вовсе не положила ему конец. Далее в иерархии американских интересов оказался Ирак, который, правда, прямой связи с исламским экстремизмом не имел. Однако у Израиля, да и у самих США были опасения относительно возможности создания Ираком оружия массового поражения. США быстро заняли Багдад, но затем столкнулись с большими проблемами, когда попытались выиграть мир. Вывод американских войск из Ирака в 2011 г. больше походил на бегство. Дэвид Гарднер — обозреватель Financial Times — пишет: «Когда будущие историки будут датировать завершение короткого однополярного момента, который последовал за холодной войной, они, безусловно, назовут Ирак»[1].

[1] *David Gardner.* Iraq: a Pitiless Display of the Decline of American Power // Financial Times. March 9–10, 2013.

«Арабская весна» и будущее исламского мира

С начала 2011 г. начался процесс стремительных перемен на Арабском Востоке, получивший название «арабской весны». Первой была «жасминовая революция» в Тунисе, приведшая к свержению президента Зин аль-Абидина Бен Али, правившего там более 23 лет. Вслед за этой первой упавшей костяшкой последовал «эффект домино» — цепная реакция в арабских странах — революция в Египте, протесты в Алжире, Марокко, Мавритании, Иордании, Йемене, Бахрейне, гражданские войны в Ливии, Сирии и Ираке. В этом же контексте начали рассматривать разразившийся правительственный кризис в Ливане и разделение Судана, где создавался — явно неудачный — первый в постколониальной Африке прецедент разделения страны и пересмотра его границ общенародным референдумом. Никогда со времен развала соцлагеря в Восточной Европе на рубеже 1980–1990-х гг. не наблюдалось такого количества одновременных народных выступлений.

Много споров о причинах «арабской весны»: что заставило население множества стран повести себя в полном противоречии с традиционными арабскими стереотипами поведения? Чаще всего звучащие в западной и отечественной прессе объяснения: произошла народная революция, вызванная дефицитом демократии и тяжелым экономическим положением. Массы реально сыграли в событиях большую роль, с демократией и экономикой в арабском мире действительно не все благополучно. Однако следует заметить, что в тех арабских странах, где о демократии вообще не слышали — в Саудовской Аравии, Эмиратах — выступлений не было и не ожидается. Абсолютным монархам, особенно ведущим родословную от Пророка, ничего не грозит.

Положившие начало «арабской весне» Тунис и Египет были скорее среди экономических лидеров своего континента и исламского мира. Индекс развития человеческого потенциала ООН (интегральный показатель состояния здоровья, уровня образования и доходов в странах) за период с 1990 по 2010 г. вырос в Египте на 28%, а в Тунисе — на 30%. По всем региональным меркам — арабским, африканским, мусульманским — Тунис и Египет являлись одними из наиболее свободных и динамично развивающихся государств. Тунисский и египетский президенты и их режимы никогда не подвергались на Западе серьезной критике за нарушения прав человека или за что-либо еще. Напротив, Тунис и Каир представали как образцы для подражания с точки зрения модернизации, борьбы с международным терроризмом, конструктивной позиции в палестино-израильском конфликте и выступали ведущими союзниками Запада в арабском мире.

На деле существовала целая комбинация факторов, которые можно свести к семи основным.

Первое, действительный протест масс против ухудшающихся условий жизни. «Общая проблема заключается в том, что существующий политический и экономический порядок в арабском мире нестабилен и его невозможно поддерживать, потому что он не удовлетворяет большинство граждан»[1], — суммировал в начале событий иорданский журналист Рами Хури. Рост цен на продовольствие (не последнюю роль в этом сыграла засуха в России 2010 г.) сократил возможность государственного субсидирования цен на продукты питания. Рост безработицы тоже имел значение: количество незанятых среди молодежи достигало 42,8% в Египте, 30,4% — в Тунисе, 24,4 — в Сирии, 30% — в Ливии[2].

Второе, мировой экономический кризис, следствием которого стал общий спад, затронувший и арабский мир, сильно зависящий, помимо прочего, от индустрии туризма.

Третье, психологическое раскрепощение арабских масс, начало преодоления ими комплекса неполноценности, комплекса «вечно проигравших», после того как Хизбалла одержала «великую победу» над Израилем во время его нападения на Ливан в 2006 г., противостояние ХАМАС израильским атакам в секторе Газа.

Четвертое, делигитимизация правящих семейств и кланов, которые на протяжении десятилетий имели монополию на власть в своих странах и прославились коррупцией, семейственностью, геронтократией: клан Каддафи, правивший в Ливии с 1969 г., клан Асадов в Сирии — с 1978 г.; Мубараки в Египте — с 1981 г., клан Али Абдаллы Салеха в Йемене — с 1990 г. «В ответ на американские планы по смене режимов все автократы региона ужесточили внутренние порядки, прибегая к сочетанию репрессий, подачек и нагнетания угроз и отказываясь от чего бы то ни было, кроме косметических реформ, — подчеркивал Мэнсфилд. — Но, поступая таким образом, подавляя политическое несогласие, они все дальше удалялись от их все более образованного, информированного и скептически настроенного населения»[3].

Пятое, «цветная демократизация» в арабском мире. Свергнутыми оказались режимы в тех странах, где проходили выборы, появлялись относительно самостоятельные СМИ, развивался Интернет, существовали возможности для уличных выступений. Протестующие вырабатывали совместные планы и получали инструкции через социальные сети или с помощью мобильных телефонов и смс-сообщений. Из Ин-

---

[1] *Rami Khoury.* Transformation Worth Watching // The Jordan Times. January 21–22, 2011.

[2] *Марина Сапронова.* Генезис арабских революций // Международные процессы. Сентябрь–декабрь 2011. С. 129.

[3] *Peter Mansfield.* A History of the Middle East. P. 497.

тернета от WikiLeaks тунисцы узнали о телеграммах американского посольства, где говорилось о коррупции президента, его супруги и ее многочисленной родни, что заметно накалило обстановку. Телеканал Аль-Джазира — влиятельный катарский телеканал — вел прямой репортаж о протестах с момента их зарождения, причем в отчетливо антиправительственном ключе. Настоящие диктатуры остались нетронутыми.

Шестое, вмешательство со стороны других арабских государств. Для Саудовской Аравии и Катара — наиболее влиятельных, богатых, исламизированных автократий главной мишенью являлись секуляризированные режимы в странах с зачатками демократии, а целью — установление исламистских суннитских режимов. О внешних факторах «арабской весны» рассуждал президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский: «Монархии Персидского залива "зачищают" светские режимы в регионе, используя или инициируя местные гражданские войны. Будет ли после их вмешательства сохранена страна или останутся конгломераты племен, их совершенно не волнует. Катарцы и саудиты тратят десятки миллионов долларов на поддержку своих союзников в Сирии: Катар больше благоволит "Братьям-мусульманам", а клиенты Саудовской Аравии — салафиты. Пусть не напрямую, но эти страны оказывают поддержку и "Аль-Каиде", объявившей Асаду джихад. Ситуацию осложняет то, что Сирия — союзник Ирана, и в преддверии надвигающейся войны с Тегераном, о которой говорят уже практически открыто, свержение режима в Дамаске становится для стран Залива приоритетом»[1]. Иран же тоже никогда не отказывался от экспорта исламской революции — уже в шиитском исполнении — и рассматривает в качестве зоны своих интересов страны с шиитским населением или правительством: Ирак, Сирию, Ливан, Бахрейн, Кувейт, Саудовскую Аравию, Йемен.

Наконец, западные влияния. Для Соединенных Штатов, а также их ведущих заинтересованных европейских союзников — Великобритании и Франции — мишенью являлись и являются те же режимы, что и для саудовцев, но не по причине их светскости, а из-за антизападной или недостаточно прозападной позиции, стратегической, политической и/или экономической, энергетической значимости.

Анализ событий «арабской весны» показывает также, что ее важным фактором была политика США в отношении исламистских сил. Вашингтон не ставит под сомнение необходимость сотрудничества с исламистами (за исключением тех случаев, когда табу на это сотрудничество накладывается по настоянию Израиля). Согласно прогнозно-аналитическим документам спецслужб США, ближайшее

[1] Отсрочка для Асада // Профиль. № 29. 2012. С. 22.

будущее региона принадлежит скорее исламистам, чем либерально-демократическим силам. Это представление распространяется и на значительную часть Центральной Азии, а также проецируется на Россию, прежде всего на Северный Кавказ.

Западные страны также имели тенденцию втискивать происходившее в прокрустово ложе формулы «демократия против диктатуры». Попытки России и других стран объяснить Западу, чем эта «демократия» хуже любой диктатуры, заканчивались ничем. Ни Россия, ни Китай не заинтересованы в создании в этом регионе нового суннитского халифата и террористического интернационала, следующей целью которого вполне может стать Россия.

Вместе с тем, в каждой стране (или группе стран), пережившей революцию, была и своя национальная специфика. В Тунисе и Египте мы имели дело с социальной революцией, сопровождавшейся могучим выбросом спонтанной энергии масс. Огромную роль — в Египте едва ли не решающую — играла армия, как минимум не мешавшая отстранению от власти правящих кланов, небезосновательно надеясь в будущем усилить собственную роль. В Ливии и Йемене большую роль играли племенные противоречия, обозначившие и проблему сепаратизма. В Омане и Бахрейне имел место бунт шиитов. В Бахрейне большинство населения шииты, а правящая династия Аль Халифа — сунниты. В Йемене в отношения между шиитскими (хауси) и суннитскими кланами добавлялись противоречия между основными исламскими мабхабами — зайдитами и шафиитами. В Марокко и Иордании бедуинская верхушка и массы протестовали против проводимой правительствами своих стран политики, не ставя под сомнение власть монархов. В Алжире и Сирии борьба против авторитарного режима и засилья армии сочеталась с религиозными конфликтами. Сирийская правящая группировка — алавиты — отколовшееся от шиизма течение, которое многие в мусульманском мире считают отошедшим от ислама вообще, — тогда как большинство населения сунниты[1].

Волнения наблюдались даже во всегда спокойных жестких диктатурах, таких как монархии Аравийского полуострова. В Саудовской Аравии бунты вспыхнули в восточных провинциях, где шииты требовали отмены дискриминации по религиозному признаку и освобождения политических заключенных. В Омане в феврале–марте 2011 г. тысячи протестовали против безработицы и коррупции. В марте того же года более 100 интеллектуалов в Объединенных Арабских Эмиратах подали петицию с предложением ввести избираемый парламент, за что некоторые из них были арестованы за оскорбление верховной власти[2].

---

[1] *Марина Сапронова.* Генезис арабских революций. С. 130–132.

[2] *Wafa Alsayed.* The Impatience of Youth: Political Activism in the Gulf // Survival. August–September 2014. P. 92–93.

«Арабская весна» пошла не в том русле, в котором ожидали ее творцы или западные правительства и СМИ. Выборы не стали панацеей. Откровенные исламисты пришли к власти в Тунисе, Египте и Марокко. Исламисты стояли за протестами в Алжире, Йемене, Мавритании. Антиправительственные выступления в Иордании случались по пятницам — после главной молитвы, которую муллы насыщают общественно-политической проблематикой (хотя трудно представить свержение короля, представляющего династию Хашимитов — прямых потомков Мухаммеда). В Ливане, где стабильность власти зиждется на шатком консенсусе между 18 религиозными и этническими группами, политический кризис был вызван выходом из правительства Хизболлы, радикальной исламской организации, располагающей более существенными военными возможностями, нежели официальные вооруженные силы страны.

И в Тунисе, и в Египте продолжались многотысячные демонстрации с требованиями углубления революции, все более суровых наказаний для представителей старого режима. При этом нарастала разруха. Протесты наносили серьезный удар по экономике небогатых стран: их следствиями стали потери сотен миллионов долларов, бегство иностранных туристов, разорение мелкого и мельчайшего бизнеса. Безработица в Тунисе и Египте удвоилась, зарубежные инвестиции иссякли по всему арабскому миру. Резко упали доходы от туризма[1].

Со всей объятой революцией Северной Африки тысячи людей поспешили, кто на чем, через Средиземное море в Европу. Меньше всего повезло Италии и ее островам, выдвинутым далеко на юг от континента. Рим обратился к партнерам по Европейскому Союзу с просьбой разделить бремя, выделив средства и приняв у себя часть беженцев. Ответом было единодушное и громогласное «нет!». Франция впервые в послевоенной истории неожиданно обнаружила себя сразу в четырех войнах — в Афганистане, Ливии, куда именно Николя Саркози увлек все НАТО, в Кот-д'Ивуаре, где срочно потребовалось свергать не признавшего своего поражения на выборах президента Д'Гадгбо, и в Мали.

Ангела Меркель и ее правительство заняли весьма двусмысленную позицию по поводу интервенции в Ливии, воздержавшись при голосовании в Совете безопасности ООН, отказавшись от посылки собственной авиации, но поддержав усилия альянса. Избиратели ничего не поняли (правый электорат самой коалиции был, скорее, за войну). Барак Обама проявлял диалектический подход в ситуации, когда начали сыпаться сначала проамериканские, а затем — антиамериканские режимы в арабском мире. Имея на своих плечах уже две большие войны,

[1] *Adiel Malik, Bassem Awadallah.* An Arab Marshall Plan // Khaleej Times. May 11, 2013.

жесточайшую схватку с республиканским большинством палаты представителей и сопровождающий ее бюджетный паралич, он обеспечил бесполетную зону над Ливией, но дальше предпочел отойти в тень.

В апреле 2013 г. Томас Фридман уже писал: «От термина “арабская весна” нужно отказаться. В ней нет ничего выглядящего по-весеннему… “Арабское пробуждение” тоже больше не подходит, учитывая то, что именно пробудилось»[1].

Тунисская писательница Сухир Стефенсон утверждала: «Через год (после революции. — *В.Н.*) у нас нет ни демократии, ни веры к избранным официальным лицам, ни улучшенной конституции. Права человека и права женщин под угрозой. Экономика тонет. Туризм деградирует. Кто хочет провести отпуск среди банд бородатых бродяг, которые штурмуют посольства, поднимают свой черный пиратский флаг над университетами и сжигают грузовики, перевозящие пиво?»[2]. Исламистская пария Эннахда получила контроль над страной, заручившись поддержкой 41% избирателей. Партии, первоначально позиционировавшие себя как демократические, предпочли войти в коалиции с исламистами, а вовсе не светскими партиями. Еще через полгода Радиа Хеннеси, руководитель одного из тунисских фондов, писала: «Не проходит и дня без того, чтобы салафисты, которые хотят насильственно навязать свои мнения всем остальным, не доминировали в передовицах. Эти салафисты были невидимы и неслышны на протяжении двух десятилетий диктатуры Бен Али. Не играли они никакой роли и в революции, которая вынесла их наверх. Но сейчас под защитой того, что они отвергают — демократии, прав человека и свободы слова, — они действуют с той же безнаказанностью, что и полиция Бен Али… Салафисты сожгли школу, которую посещала моя дочь. Они убили светского политика, разгромили кинотеатры, угрожали женщинам и художникам»[3].

Не меньше пострадал Египет. В 2010 г. страну посетили 14,7 млн туристов, а через год — только 9,8 млн[4]. Дефицит платежного баланса составил 12,7 млрд долл. в сравнении с профицитом в 719 млн долл. годом ранее, валютные резервы сократились с 36 до 18 млрд долл., иностранные инвестиции упали с 5,7 млрд до 375 млн. Страна требовала стабильности и порядка. На этом фоне стали расти акции ставших легальными исламистов из движения «Братьев-мусульман». Тридцатого июня 2012 г. принес присягу первый за 60 лет избранный на сво-

---

[1] *Thomas L. Friedman.* The Arab Quarter Century // International Herald Tribune. April 11, 2013.

[2] *Souhir Stephenson.* Tunisia, a Sad Year Later // International Herald Tribune. November 1, 2012.

[3] *Radia Hennessey.* Tunisia’s Theocratic Temptation // International Herald Tribune. May 5, 2013.

[4] *Marwa Awad.* Down in the Dumps // Arabian Business. Vol. 14/10. 2013. P. 53–54.

бодных и честных выборах гражданский президент Мухаммед Мурси — кандидат Братьев.

Правление исламистов длилось недолго. Их политика, основанная на старом лозунге «Ислам — вот решение», вызвала сопротивление традиционно светских армейских кругов, значительной части вестернизированной городской молодежи, христиан (10% египтян), бизнеса, особенно туристического, страдавшего от отношения исламистов к туризму как к разновидности проституции[1]. После 2011 г. Египет — при осознанном попустительстве исламистов — потерял больше сокровищ археологического, архитектурного и культурного значения, чем за всю многовековую историю страны. Был уничтожен построенный при Наполеоне Научный центр в Каире, в пожаре погибла значительная часть библиотеки — 160 тыс. древних рукописей, 200 уникальных фолиантов[2].

Переворот 3 июля 2013 г., положивший конец правлению Мурси, возглавил назначенный им же на пост министра обороны (с поста начальника разведки) фельдмаршал Абдул-Фаттах эль-Сасси, который заявил: «Народ Египта был озабочен тем, что инструменты государства могут быть использованы против него. Вооруженные силы должны были сделать выбор, видя угрозу растущей поляризации»[3]. Пришедшие к власти военные первоначально были настроены в отношении «Братьев-мусульман» довольно примирительно. Но недолго. Двадцать пятого декабря 2013 г. «Братья-мусульмане» были официально признаны террористической организацией, их митинги и протесты запрещались. Начались показательные судебные процессы над «Братьями», когда их активисты сотнями приговаривались к смертной казни. Оставшиеся лидеры «Братьев-мусульман» сбежали в Катар, что вызвало самый серьезный политический кризис внутри Совета сотрудничества Персидского залива (GCC) с момента его основания в 1981 г. Пятого марта 2014 г. Саудовская Аравия, Бахрейн и ОАЭ в знак протеста против сотрудничества Катара с «Братьями-мусульманами» и предоставления им доступа к СМИ отозвали своих послов из Дохи. Катар вынужден был отправить многих лидеров «Братьев-мусульман» в Ливию, где их спрятали от преследователей[4].

В президентских выборах 26–27 мая 2014 г. ас-Сасси, ради этого покинувший пост министра обороны, победил главу социалистической партии «Народное течение» Хамдин Сабахи, которого поддерживали либерально настроенные египтяне, студенты и старые левые партии.

---

[1] *Владимир Беляков.* Египет: «рождение «второй республики» // Международная жизнь. Ноябрь 2012. С. 130–140.

[2] *Дина Пьяных.* Страна пирамид влипла в историю // Эхо планеты. № 6. 2013. С. 46–47.

[3] *Youssef Rikha.* Egypt Shows How Political Islam Is at Odds with Democracy // International Herald Tribune. July 16, 2013.

[4] Qatar "Deports Brotherhood leaders to Libya" Under Pact // Gulf News. April 26, 2014.

Перед новым президентом встали сложнейшие проблемы: что делать с бюджетным дефицитом и госдолгом, двузначной инфляцией, безработицей молодежи, достигающей 25%, и бедностью более чем половины 85-миллионного населения[1].

Во внешней политике Ас-Сисси намерен сблизиться с Россией. Первый его зарубежный визит в качестве министра обороны был совершен в Москву, где он был принят на высшем уровне и заключил контракты в области ВТС более чем на 3 млрд долл.[2] Одновременно новое правительство выразило стремление возобновить отношения в Соединенными Штатами, прерванные после свержения Мурси, чтобы вновь рассчитывать на традиционную ежегодную 1,3-миллиардную военную помощь. Вместе с тем в США есть немало противников сближения, считающих новые власти еще худшей диктатурой, чем при Мубараке. В западных СМИ укрепилась точка зрения, что «контрреволюция выглядит как реставрация старого режима»[3].

Сирия пала жертвой не столько внутренних противоречий, сколько внешнего вмешательства, организованного США, саудитами, Катаром и Турцией. Общее количество антиправительственных сил на пике их деятельности оценивалось британским аналитическим центром HIS Jane's в 100 тыс. человек, из них только треть можно было отнести к «умеренным светским революционерам», которые поддерживали западные страны. К радикальным исламистам относились 40–45 тыс., в том числе 10 тыс. — к Джебхат-ан-Нусра и Исламскому государству Ирака и Леванта[4].

В сентябре 2013 г. Путин предложил формулу разрешения конфликта: постановка сирийского химического оружия под международный контроль с последующим его уничтожением. Впервые за многие годы Россия и западные страны смогли выработать совместную позицию по урегулированию острейшего международного конфликта. В апреле 2014 г. агентство по химическому разоружению заявило о том, что ей переданы 86,5% всего химического оружия Сирии, однако обвинения Асада в применении химического оружия — на сей раз трудного для обнаружения хлорина — продолжали сыпаться[5].

Новым фактором сплочения врагов режима Асада стали прошедшие 3 июня 2014 г. президентские выборы, баллотироваться на кото-

---

[1] *Marwan Asmar.* Al Sissi and the Hard Road of Egyptian Rule // Gulf News. April 25, 2014.

[2] *Мария Ефимова.* Египту оставили простой выбор между фельдмаршалом и социалистом // Коммерсантъ. 22 апреля 2014.

[3] *David Gardner.* Egypt's Main Problem Is the Restoration of its Powerful Security State // Financial Times. December 2, 2014.

[4] *Максим Юсин.* Сирийская оппозиция терпима на треть // Коммерсантъ. 17 сентября 2013.

[5] Eliminating Syria's Chemical Weapons. Getting There // The Economist. April 26, 2014. P. 26.

рых получили право только граждане Сирии не моложе 40 лет, постоянно проживавшие в стране, не имевшие иностранного гражданства и имеющие поддержку минимум 35 депутатов парламента. Видные оппозиционеры как один давно живут за пределами Сирии, и поэтому не случайно они называли выборы «дешевым спектаклем» и призывали Запад к вооруженному вмешательству[1]. В связи с событиями на Украине вновь зазвучали голоса, призывающие к американской военной интервенции в Сирии в качестве демонстрации военной мощи.

Северные районы Сирии стали объектом бомбардировок США и их союзников в ходе операции против ИГ. В ноябре 2014 г. Вашингтон обвинил ответственным за разгул радикального исламизма… Башара Асада, прозвучали заявления о том, что победа над «Исламским государством» невозможна без политических изменений в Сирии[2]. Наземная операция США в Ираке и Сирии в повестке дня не стоит, хотя такой сценарий поддерживается рядом видных республиканцев в Конгрессе. Сирия обескровлена войной, насилием, бомбежками, терактами, отчаянием. За три с лишним года войны свои дома были вынуждены покинуть 9 млн человек, из них 4 млн бежали в соседние страны. Погибли 150 тыс. человек, сотни тысяч человек ранены, а от исторического наследия самого древнего из существующих на планете городов Дамаска мало что осталось[3].

Вооруженный конфликт в Сирии превратился в региональную войну. Осенью 2013 г. ее новый фронт открылся в Ираке. Восстание исламистов охватило значительную часть иракской провинции Анбар, города Фалуджа, Рамади, Абу-Грейб. Боевики из «Исламского государства Ирака и Леванта» развернули боевые действия не только против своих традиционных противников — шиитов, организуя теракты в Эн-Насрии, Туз-Хумрату, Кербеле, но и против курдов. Боевики аль-Каиды устроили серию терактов в Иракском Курдистане, включая его столицу — Эрбиль[4].

Заигрывание аль-Малики одновременно с Вашингтоном и Тегераном привело к краху его режима. В августе 2014 г. на пост премьер-министра Ирака был назначен Хайдер аль-Абади, который руководил при Саддаме крупнейшей шиитской оппозиционной партий Ад-Даава, а затем работал министром связи и вице-спикером Совета представителей[5]. Перспективу распада Ирака на три части — шиитскую,

---

[1] *Павел Тарасенко.* Сирии добавили кандидатов // Коммерсантъ. 22 апреля 2014.

[2] *Евгений Шестаков.* Асада сделали «крайним» // Российская газета. 14 ноября 2014.

[3] Syrian Children Bear Worst Scars of Conflict // Gulf News. April 27, 2014.

[4] *Ольга Кузнецова.* Ирак втянулся в две гражданские войны // Коммерсантъ. 2 октября 2013; Сирийская война — от Бейрута до Багдада // Независимая газета. 13 января 2014.

[5] *Станислав Иванов.* Иракцы ждут от нового премьера решительных мер // Независимая газета. 19 августа 2014.

суннитскую и курдскую — я расценил бы не как невозможную. Вместе с тем, по всем опросам, подавляющее большинство иракцев — 79% — выступает за сохранение территориальной целостности страны, и только 12% курдов и 3,8% всех жителей страны хотели бы ее разделения на несколько государств[1].

Между тем «Исламское государство» провозгласило Халифат во главе с халифом Абу Бакром аль-Багдади, которому присягнули на верность многие группировки, ранее входившие в «Аль-Каиду» — в Алжире, Тунисе, Ливии. Приверженцы Халифата так или иначе проявили себя во всем мусульманском мире. Исламское государство уже имеет собственные производственные мощности, министерства, суды, систему налогообложения и сбора коммунальных платежей. Ядро собственных вооруженных сил насчитывает 10–20 тыс. человек. Кроме того, ИГ действует как мафия, не брезгуя ничем: нелегальная торговля нефтью, угон автомобилей, вымогательство, похищение людей с целью получения выкупа. Были разграблены хранилища местных госбанков и частных компаний. Собственное финансирование ИГ оценивается от миллиона долларов в день[2].

Гуманитарная катастрофа началась в Ливане, стране с населением в 4,5 млн человек, границу которой в апреле 2014 г. пересек миллионный беженец из Сирии. Ливанские сунниты поддерживают сирийскую оппозицию, тогда как шииты — официальный Дамаск, а наиболее воинственная шиитская группировка «Хезболла» отметилась и военными операциями. В ответ силы сирийской радикальной оппозиции начали обстрелы ливанской территории[3]. На этом фоне в Ливане весной 2014 г. проходили выборы президента — его избирает парламент. К моменту истечения полномочий президента Мишеля Сулеймана 25 мая 2014 г. выборы так и не дали результата, и с этого дня полномочия прездента исполняет правительство во главе с премьером и и.о. президента Таммамом Саламом.

Летом 2014 г. бойцы воевавшей в Сирии группировки «Джебхат ан-Нусра» пересекли границу, развязав бои на ливанской территории. Власти страны объявили, что готовы противостоять радикалам, против них выступило и шиитское движение «Хезболла». Таким образом, в Ливане открылся еще один фронт шиитско-сунитского противостояния[4]. На этом фоне в начале ноября 2014 г. парламент, чей мандат уже истек в 2013 г., проголосовал за продление своих полномочий до июня

---

[1] *Toby Dodge.* Can Iraq Be Saved? // Survival. October–November 2014. P. 15.

[2] *Ринат Мухаметов.* Феномен «Исламского государства» // Россия в глобальной политике. № 5. Сентябрь–октябрь 2014. С. 134–135; *Иван Горшков.* Охотники и собиратели // Мир и политика. Ноябрь 2014. С. 11.

[3] UN: War Threatens Lebanon's Stability // Gulf News. April 26, 2014.

[4] *Ольга Кузнецова.* Исламисты ориентируются по карте Леванта // Коммерсантъ. 5 августа 2014.

2017 г., чтобы не провоцировать выборами политическую нестабильность[1].

Внешний фактор был решающим и в Ливии, где против Каддафи ополчились США, Франция, Великобритания, Катар и Садовская Аравия. Арабские монархии профинансировали военную операцию, американцы обеспечили военно-техническое и разведывательное обеспечение, а Париж и Лондон провели военно-воздушные и секретные наземные операции. Основные массы боевиков составили сепаратисты из Киренаики и бойцы «Аль-Каиды». Каддафи был растерзан толпой — совсем не по-мусульмански. Вновь созданное правительство мало что контролирует. Был убит посол Соединенных Штатов. В Бенгази, где началась ливийская революция, продолжали греметь взрывы и выстрелы, жертвами которых становились египетские рабочие, французские инженеры, турецкие менеджеры[2]. Бойцы экстремистской группировки «Ансар аш-Шария» в конце июля установили контроль над Бенгази. Свидетельством того, что западные государства фактически признали полный крах Ливии, стала экстренная эвакуация из страны их граждан и дипломатических представительств[3]. В массовом порядке бежали и египтяне, составлявшие значительную часть рабочей силы. На египетско-ливийской границе вспыхнули перестрелки, уносившие жизни десятков египетских военнослужащих. На проходивших летом 2014 г. парламентских выборах в 12 округах из 200 они были сорваны в результате насилия, а из избранных 188 депутатов только 158 сумели добраться до места проведения первого заседания, которое состоялось не в Триполи, а в Тобруке — относительно спокойном портовом городе на востоке страны[4].

В Йемене революционные события привели к гуманитарной катастрофе, разрешению которой лишь частично помогает экстренная помощь по линии ООН. Более полумиллиона человек были вынуждены покинуть дома. Тринадцать миллионов йеменцев не имеют доступа к чистой питьевой воде, 10 млн недоедают[5]. В Йемене активность «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове сдерживается атаками на нее американских беспилотников. По количеству выпущенных с них ракет по своей территории с 2012 г. Йемен вышел в на первое место, оставив позади Пакистан[6].

---

[1] *Joseph A. Kechichian.* Lebanese Parliament Extends Term Until 2017 // Gulf News. November 5, 2013.

[2] Libia's Eastern City. If Only the Bombs Would Go Away // The Economist. April 19, 2014. P. 30–31.

[3] *Ольга Кузнецова.* Ливия движется к распаду // Коммерсантъ. 1 августа 2014.

[4] *David D. Kirkpatrick.* Lawmakers in Libya Vow to Prevent Country's Fall // International New York Times. August 6, 2014.

[5] *Saeed Al Batati.* UN Warns of Yemen Humanitarian Crisis // Gulf News. April 28, 2014.

[6] Yemen, America and al-Qaeda. Droning On // The Economist. April 26, 2014. P. 36; Peter Mansfield. A History of the Middle East. P. 524.

Наименее уязвимыми выглядят абсолютные монархии, которые не экспериментируют с демократией. Это исключает Иорданию, где элементы демократии присутствуют, и включает Катар, который назвали «новой сверхдержавой». Конечно, всех интересует судьба Саудовской Аравии. Ее режим по-прежнему будет одновременно вести борьбу с террористами, для которых служит одной из мишеней, и легитимизировать себя через ваххабизм. Сегодня «Аль-Каида» не ведет масштабных операций в королевстве, но ситуация может измениться. Сценарии для Саудовской Аравии-2020 варьируются в широком диапазоне — от стабильности до исламистского халифата и падающего государства. В конце 2014 г. саудовцы выступили одними из инициаторов создания объединенного военного командования, которое будет координировать оборонные усилия стран Совета сотрудничества Персидского залива, направленные против Исламского государства и Ирана. Планируется формирование совместных вооруженных формирований численностью в несколько сот тысяч человек[1].

Оценивая влияние на регион Большого Ближнего Востока событий «арабской весны», директор Института востоковедения РАН Виталий Наумкин называет резкое усиление политической роли исламистских организаций (в которых есть как умеренные, так и радикальные элементы). В краткосрочной или среднесрочной перспективе в регионе может не оказаться светских режимов, исламисты одержали верх в Тунисе, Египте (временно), Ливии, Йемене, имеют шансы на успех в Сирии и не исключено, что и последний светский режим — алжирский — в перспективе станет жертвой очередной революции[2].

«Арабская весна», по утверждению председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Михаила Маргелова, придала импульс противникам модернизации: «Влияние ваххабитов Саудовской Аравии и Катара усиливается, а светский противовес этому воздействию после свержения Каддафи, Бен Али и Мубарака исчез. И вполне вероятно, что образующаяся “зеленая дуга” от Сахеля до Африканского Рога привнесут тревожную тенденцию в развитие региона на обозримую перспективу»[3].

Горячие точки в мусульманском мире продолжают пылать. Арабо-израильский конфликт далек от урегулирования. В апреле 2014 г. палестино-израильские переговоры, проходившие при американском посредничестве, были прерваны после того, как умеренные

---

[1] *Simeon Kerr.* Gulf States Launch Joint Command in Jihadi Fight // Financial Times. December 1, 2014.

[2] *Виталий Наумкин.* О политике России на южном направлении // Оценки и идеи: Бюл. Ин-та востоковедения РАН. Т. 1. № 1. Ноябрь 2011.

[3] *Михаил Маргелов.* Арена борьбы и сотрудничества: Переплетение геоэкономических интересов в Африке // Россия в глобальной политике. Т. 11. Специальный выпуск. 2013. С. 183.

представители «Фатах» во главе с президентом Палестины Махмудом Аббасом и исламисты из «Хамаса» — не в первый раз — договорились об объединении палестинских правительств на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы. «Хамас» пошел на союз с более умеренным правительством, прежде всего потому, что лишился поддержки своего главного спонсора — египетских «Братьев-мусульман» — после свержения правительства Мурси. Однако Израиль заявил о невозможности разговоров со стороной, находящейся в союзе с террористической организацией. Американская позиция по ближневосточному урегулированию остается неизменной с 2006 г.: признание Израиля, осуждение насилия и признание всех ранее подписанных соглашений между Израилем и организацией освобождения Палестины. Израиль же выдвигает неприемлемые для арабов требования признания себя как именно «еврейского государства» (при заключении мирных договоров с Египтом и Иорданией Израилю хватало просто признания как государства) и не хочет отказываться от строительства новых поселений на захваченных территориях Западного берега реки Иордан и Восточного Иерусалима[1].

Ситуация вокруг Ирана и его ядерной программы не ясна. С одной стороны, судьба режима Каддафи, который в свое время отказался от ядерных амбиций, служит аргументом в пользу обладания ОМП. С другой — Тегеран озабочен происходящим вокруг него и не готов идти на новые риски. В то же время для Израиля и США неприемлема иранская ядерная программа. От военного конфликта удерживало только то, что никто не мог предсказать его последствий. Срок президентства Ахмадинежада, возглавлявшего фракцию, которая выступала за усиление националистической и милитаристской линии в ущерб даже религиозной, закончился в июне 2013 г.

Вероятность военного сценария в Иране резко сократилась после выборов, которые привели к власти более умеренного Хасана Роухани. Переговоры в формате 5+1 (члены СБ ООН + Германия) в ноябре 2013 г. позволили достичь первых договоренностей о заморозке ряда направлений ядерной программы Ирана в обмен на постепенную отмену санкций. Одновременно США озаботились укреплением противоракетного потенциала арабских стран Персидского залива. Наследство, полученное Роухани, оказалось весьма незавидным: ВВП в 2013 г. сократился на 5,8%, инфляция достигла 35%. Для борьбы с растущим бюджетным дефицитом правительство на 20% повысило цены на электричество, воду и газ, а в апреле 2014 г. на 40% — цены на бензин (с 27

[1] The Palestinians. Glimpses of Unity // The Economist. April 26, 2014. P. 35; Unity Government will Reject Violence: Abbas // Gulf News. April 27, 2014; Netanyahu to Abbas: Tear up Hamas Pact // Gulf News. April 28, 2014.

до 39 центов за литр), что вызвало волну протестов[1]. Отношения с США складываются непросто: «Вкратце, команда Рухани хочет хороших отношений с Америкой, сторонники жесткой линии — нет… Спецслужбы внушают иранцам, что Америка плетет заговоры, чтобы свергнуть Исламскую республику»[2].

Ожидавшаяся в ноябре 2014 г. «ядерная сделка», которая могла бы привести к отмене антииранских санкций, так и не состоялась — срок отодвинули до 30 июня 2015 г.. Но иранцы пребывают в боевом настроении. «США и все европейские колониальные страны испробовали все, чтобы поставить Иран на колени, но не смогли и никогда не смогут»[3], — заявил после очередного тура переговоров верховный лидер страны аятолла Хаменеи.

В Афганистане вывод американских войск совпадал с завершением 12-летней эры Хамида Карзая. Первый тур выборов победителя не выявил: за бывшего министра иностранных дел Абдуллу Абдуллу были отданы 44,9% голосов, за бывшего министра финансов Аршафа Гани Ахмадзая — 31,5%. Подведение итогов второго тура заняло несколько месяцев. В итоге Гани стал президентом, а Абдулла — премьер-министром. Для победителя основной вопрос — выживание в условиях неизбежного натиска талибов. В отличие от Карзая и Абдулла, и Гани настроены на то, чтобы договориться о сохранении военного присутствия США и НАТО. На конец 2014 г. там сохранялся более чем 10-тысячный американский контингент, но Вашингтон заявляет о намерении до конца 2016 г. завершить их вывод[4].

Соединенные Штаты, по моему глубокому убеждению, не уйдут полностью из Афганистана. Слишком велика стратегическая значимость этой страны, граничащей с Ираном, Китаем, Центральной Азией, Индией, Пакистаном. Это — геостратегический Клондайк, имеющий, правда, заслуженную репутацию кладбища империй. Можно также ожидать усилий Вашингтона по достижению договоренностей между Кабулом и талибами с последующим включением их в коалиционное правительство. Пока талибы не склонны к альянсам с противниками и конкурентами. Страна пока находится в отчаянном состоянии. Иностранцы либо сбежали, либо отсиживаются в хорошо охраняемых кварталах Кабула, рестораны и бары закрылись. Потратив больше триллиона долларов на войну — по 35 тыс. на каждого афганца, США оставляют страну с тем же количеством нищих, что и до их прихода — 36% населения. «Это погрязшая в насилии дисфункциональная стра-

[1] *Najmeh Bozorgmehr, Monovar Khalaj.* Iranians Defy High Fuel Costs as Rouhani Raises Prices Again // Financial Times. 26–27 April 2014.

[2] *Haleh Esfandiary.* Jailing a Journalist to Shame Rouhani // International New York Times. August 5, 2014.

[3] Bloomberg Businessweek. December 1–7, 2014. P. 21.

[4] *Peter Tomsen.* The Good War? // Foreign Affairs. November/December, 2014. P. 53.

на, — писал в конце 2014 г. The Economist. — Она также самая бедная в Азии и одна из самых бедных в мире — и самая коррумпированная»[1].

Роль Пакистана с сокращением числа сил коалиции в Афганистане возрастет. Значительная часть пакистанской элиты делает ставку на радикальные исламистские силы в расчете с их помощью добиться контроля над обширной территорией к западу и северу от страны. Обвинения пакистанских спецслужб со стороны США в пособничестве террористам, в первую очередь «сети Хаккани», оправданны. Но у США нет альтернативы поддержке Пакистана.

Отношения исламского мира и Запада далеки от идеальных. Недоверие мусульман к Западу, пишет оксфордский профессор Тарик Рамадан, «подпитывается многими десятилетиями американской поддержки диктаторов, удовлетворявших их экономические и оборонные интересы; вторжениями в Ирак и Афганистан; унижающим обращением с пленными в Абу-Грейб и Гуантанамо; и постоянной и безоговорочной поддержкой Израиля… Вывод войск из Афганистана, уважение резолюций ООН и договорных обязательств в отношении Палестины, неприменение беспилотников-убийц и прекращение “войны террором” могли бы стать прекрасным началом»[2].

Владимир Путин неоднократно заявлял, что в России живет более 20 млн мусульман. Не знаю, кто внушил ему эту цифру. Если считать мусульманами всех представителей тех национальностей, которые традиционно относятся к исламским, получится около 13 млн человек. Если брать только тех, кто действительно активно исповедуют ислам, т.е. исполняет религиозные обряды, максимальная цифра не превысит и пяти процентов населения России. Но и 13, и 9 млн мусульман — в любом случае достаточно много для того, чтобы считать Россию одной из крупных исламских стран, особенно с учетом большого количества мигрантов из Средней Азии.

Сегодня 57 российских этносов ассоциируют себя с исламом, в восьми субъектах Федерации они являются титульными. Но, как явствует из «Основных положений социальной программы российских мусульман», принятых Советом муфтиев в 2011 г., приверженцы ислама идентифицируют себя как умму, общину, но не как представителей какой-то этнической или территориальной общности[3]. Москва является крупнейшим исламским городом не только России, но и всей Европы. По разным оценкам, в Москве живет от 800 тыс. до 1,5 млн мусульман. Большинство мусульманских общин России — модернист-

---

[1] Afghanistan: So Long, Good Luck // The Economist. November 29, 2014. P. 46.

[2] *Tariq Ramadan.* Waiting for an Arab Spring of Ideas // International New York Times. September 30, 2012.

[3] *Ирина Семененко.* Россия XX — начала XXI века. Культура и общество. М., 2011. С. 478–479.

ские или традиционалистские. Совет муфтиев России неоднократно выступал с фетвами (богословско-правовыми толкованиями шариата), осуждающими разного рода проявления исламского радикализма. Проблему представляет не ислам как таковой, а именно исламистский экстремизм.

Отношения России с зарубежным миром ислама на протяжении нескольких веков строились как отношения с Оттоманской империей, и в меньшей степени — с Персией. Советский Союз ставил перед собой значительно более широкий круг задач: он установил контакты со всем мусульманским миром в области экономики, военных отношений, научно-технического сотрудничества, культуры и образования. «Политика бывших колониальных держав, а затем и США подталкивала целый ряд арабских стран к сотрудничеству с СССР, — подчеркивает академик Евгений Примаков. — В этом же направлении действовало и развитие арабо-израильского конфликта. Разносторонняя советская помощь арабскому миру и позиция, которую занимала Москва в критические моменты конфронтации арабских стран с Израилем, располагали к Советскому Союзу и арабские монархии, тесно связанные с Западом. Все-таки общеарабские чувства были не эфемерными. Однако партнерами с СССР становились те арабские страны, у руководства которых находились революционные националисты. Это же относилось и к Палестинскому движению сопротивления»[1]. Или, как замечал Мэнсфелд, Советский Союз в послевоенные годы поддерживал «популярных национальных лидеров, готовых продемонстрировать независимость от Запада. Египетский Насер был таким арабским лидером par excellence»[2].

С окончанием холодной войны ликвидировалось «внешнее силовое поле» — советско-американское соперничество. Увеличилась заинтересованность Израиля и «консервативных» государств в развитии контактов с Россией. В то же время бывшие советские партнеры внимательно присматривались к США. В свою очередь, Москва стремится к восстановлению существовавшего в прошлом комплекса взаимосвязей. Но современная Россия все еще воспринимается неустойчивым продуктом распада Советского Союза, будущее которой, как и ее внешнеполитическая ориентация, пока не вполне определены.

Россия старается с уважением относиться к мусульманскому миру. Виталий Наумкин считает важным, что «русских сближают с исламским миром схожие моральные идеалы. Это и ответственность человека перед обществом и государством, и нравственный подход к международным отношениям, и многое другое. Можно говорить о цивилизаци-

---

[1] *Евгений Примаков.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М., 2012. С. 68–69.

[2] *Peter Mansfield.* A History of the Middle East. P. 286.

онной близости наших народов… Россия и исламский мир совместно располагают основной частью ресурсно-энергетического потенциала вселенной. В этой лодке нам еще довольно долго — и желательно как можно дольше — плыть вместе»[1].

Вместе с тем, очевидны угрозы безопасности со стороны радикального исламизма. В 1994 г. эмиссары «Аль-Каиды» были впервые зафиксированы на территории Российской Федерации. Пять лет спустя это проникновение приобрело зримые формы: поход на Дагестан в 1999 г. начинался не под флагами Чечни, а под черными знаменами «Аль-Каиды». На занавесе театрального зала на Дубровке тоже висело знамя «Аль-Каиды». В Россию устремились эмиссары организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), запрещенной в большинстве стран мира. Когда американцы, войдя в Афганистан, провели зачистку учебных лагерей Бен Ладена, а затем перевезли арестованных в Гуантанамо, то в процессе фильтрации выявили и наших соотечественников.

В России с большим беспокойством наблюдали за событиями в арабском мире. «“Арабская весна” вначале воспринималась с надеждой на позитивные перемены, — замечал Путин. — Симпатии россиян были на стороне тех, кто добивался демократических реформ. Однако скоро стало ясно, что во многих странах события разворачиваются не по цивилизационному сценарию. Вместо утверждения демократии, вместо защиты прав меньшинства — выталкивание противника, переворот, когда доминирование одной силы сменяется еще более агрессивным доминированием другой… В целом же происходящее в арабском мире весьма поучительно. События показывают, что стремление внедрить демократию с помощью силовых методов может — и зачастую приводит к абсолютно противоположному результату. Со дна поднимаются силы, в том числе и религиозные экстремисты, которые пытаются изменить само направление развития стран, светский характер их управления»[2]. Серьезную угрозу представляет перспектива нацеливания энергии террора на Кавказ и Центральную Азию, признаки чего уже имеются.

Россия продолжает поддерживать правительства Ирака и Сирии в их борьбе с экстремизмом. В Москве не видят «волшебного рецепта» разрешения арабо-израильского конфликта. Учитывая близкие отношения с руководством Израиля и палестинскими лидерами, российская дипломатия продолжает на двусторонней основе и в формате ближневосточного «квартета» активное содействие возобновлению

---

[1] *Виталий Наумкин.* Ближний Восток в мировой политике и культуре. М., 2011. С. 18, 19.

[2] *Владимир Путин.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012.

мирного процесса, координируя свои шаги с Лигой арабских государств.

Каким окажется будущее исламского мира, сможет ли он встать на путь развития, модернизации, интеграции в современный мир, сможет ли сам ислам стать умеренным, модернизированным — или же победит ислам традиционный, радикальный, ваххабитский? Ответы на этот вопрос делят экспертов на оптимистов и пессимистов. Самым большим оптимистом среди российских специалистов по исламу являлся Алексей Малашенко, он писал, что «полноценная и комплексная модернизация мусульманского мира — процесс необходимый и неизбежный». Но даже Малашенко выступал как оптимист весьма осторожный, продолжив свою фразу так: «Когда-нибудь она состоится. Важен „пустяк“ — когда? Фактор времени приобретает, пожалуй, определяющее значение». Лагерь пессимистов во всемирном масштабе возглавляет, пожалуй, Бернард Льюис, чьи книги после 11 сентября стали мировыми бестселлерами. Он не возлагает больших надежд на скорую демократизацию исламского мира. Как говорится, оптимист уверен, что живет в лучшем из возможных миров, а пессимист боится, что это и вправду так.

Исламская цивилизация — единственная среди всех, отвергающая модель универсальной глобализации. И в то же время сохраняют всю свою силу мессианские идеи ислама как всемирной религии. Исламский вызов останется проблемой и для XXI в.

Глава 13

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. БРАЗИЛИЯ

Пелена спала, мы увидели свет, а нас хотят снова погрузить во тьму.

Симон Боливар

Латиноамериканская цивилизация?

Можно ли говорить о латиноамериканской цивилизации? Для Арнольда Тойнби ответом было однозначное «нет!». Для него Латинская Америка была веткой западной цивилизации, полностью задавившей и вытеснившей существовавшие там до прихода европейцев автохтонные цивилизации — андскую, юкатанскую, мексиканскую и майанскую[1]. Фернан Бродель был менее однозначен, отмечая определенную историческую эволюцию. Он полагал, что «единственная цивилизация, которая долгое время существовала в Южной Америке, была цивилизацией заимствованной: это была лишь точная копия европейской цивилизации во всей ее рафинированности, которой следовала здесь узкая группа привилегированных лиц. Как много мы знаем книг южноамериканских писателей XIX в., где ничего не позволяет заподозрить, что они написаны за пределами европейского континента!.. Эти времена прошли. Проникая в урбанизирующиеся народные массы, южноамериканская цивилизация сегодня обязательно открывается в сторону местной жизни, которая примет европейское наследие только при условии его значительной трансформации. В настоящее время Латинская Америка создает самобытную цивилизацию, свою собственную»[2].

Схожего мнения придерживается Самюэль Хантингтон: «Хотя Латинская Америка и является отпрыском европейской цивилизации, ее путь исторического развития в корне отличается от европейского и североамериканского. Присущая ей клановая и авторитарная культура для Европы значительно менее характерна, а для Северной Америки не характерна вовсе. И Европа и Северная Америка почувствовали на себе влияние Реформации и объединили в себе католическую и протестантскую культуры. Латинская Америка исторически была только католической, хотя сейчас ситуация может меняться. Латиноамерикан-

[1] *Арнольд Дж.Тойнби.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. С. 85.

[2] *Фернан Бродель.* Грамматика цивилизаций. М., 2006. С. 435–436.

ская цивилизация ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке… Политическая эволюция и экономическое развитие Латинской Америки резко отличаются от моделей, превалирующих в североамериканских странах… Латинскую Америку можно рассматривать либо как субцивилизацию внутри западной цивилизации, либо как отдельную цивилизацию, близко связанную с Западом и не определившуюся во мнении, принадлежит ли она Западу или нет»[1]. Хантингтон склонялся к последнему мнению.

Украинский аналитик Владимир Дергачев считает: «Латинская Америка характеризуется как региональная молодая пограничная цивилизация, формирующаяся на рубежах индейско-метисной, африкано-метисной и иберийско-европейской рас. В результате еще не сложился цивилизационный архетип»[2].

Мне представляется, что сейчас есть много оснований говорить о латиноамериканской цивилизации. И она — даже не одна — точно существовала до прихода европейцев

Цивилизация майя пришла к быстрому и таинственному концу, их не дождавшись, — в VIII–IX вв. н.э., оставив свидетельством своего существования руины великих городов (Чичен-Ица, Копан, Майяпан, Ушмаль, Тикаль) и самые большие на планете пирамиды (больше египетских) на территории нынешней Гватемалы. Майя, не знавшие металлов, тем не менее, обладали сложнейшей иероглифической письменностью, потрясающими познаниями в астрономии, исчислении времени, математике, архитектуре, скульптуре, живописи.

По утверждению Тойнби, мексиканская цивилизация, поглотившая до этого общество полуостров Юкатан и майянские города, приближалась уже к стадии универсального государства (охватывающего все цивилизацию) в период могущественной империи ацтеков, складывавшейся с XIII в. Ацтеки пришли в Мексиканскую долину и обосновались на берегу озера Тескоко в районе холма и одноименного источника Чепультапек в 1279 г., их столица Теночтитлан была основана в 1325 г.

Андское общество тоже достигло стадии универсального государства — империи инков, известной также как государство Туантинсуйу, основание которой принято относить к 1438 г. Империя со столицей в городе Куско занимала территории нынешних Перу, Боливии, Эквадора, Северного Чили и Северо-Западной Аргентины. В Туантинсуйу, где говорили на языке кечуа, существовала жесткая теократическая власть во главе с Великим Инкой, который считался сыном солнца, госсоб-

[1] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 54–55.

[2] *Владимир Дергачев.* Геополитическая трансформация Латинской Америки // Вестник аналитики. № 2. 2013. С. 51.

ственность на землю, разветвленная система социального обеспечения и также высочайшая культура (как и ацтеки, они хорошо умели обрабатывать металлы).

После экспедиций Христофора Колумба, который с 1492 по 1504 г. открыл острова Карибского моря (Антильского архипелага), а также побережье Центральной Америки и Венесуэлы, были основаны первые испанские поселения на островах Эспаньола (ныне — Гаити) и на Кубе, превратившиеся в опорные пункты для дальнейшего проникновения в глубь Американского континента.

Государство и цивилизация ацтеков, которые в культурном отношении во многом были выше испанцев (если не считать наличие человеческих жертвоприношений у первых и мушкетов — у вторых), и у которых, на их несчастье, оказалось слишком много золота, была уничтожена экспедицией конкистадоров Эрнана Кортеса (1519–1521) и последующим испанским колониальным правлением. Кавалерия и огнестрельное оружие, наряду с принесенными европейцами инфекционными заболеваниями, помогли сократить коренное население тогдашней Мексики с 25 до 9 млн человек менее чем за полвека.

Инкская культура также была уничтожена, а государство Тауантинсуйу полностью разграблено в 1532–1536 гг. испанским же конкистадором Франсиско Писсаро, вскоре погибшим в схватках с коллегами, продолжавшими разграбление континента.

К началу XVII в. испанское господство было установлено на территории Мексики, Калифорнии, Флориды, Центральной Америки и на всем Южноамериканском континенте за исключением территории Бразилии, которую осваивала Португалия, и Гвианы, поделенной между Англией, Голландией и Францией. Сопротивление аборигенов подавлялось огнем и мечом, вплоть до поголовного истребления. Вест-Индия, прибрежная полоса Венесуэлы и Бразилии были превращены в колонии переселенческого типа с преобладанием плантационного рабства, для которого дополнительно потребовался ввоз рабов из Африки.

В районах старой земледельческой культуры, где индейцы жили территориальными общинами, колониальные администрации прикрепили их к земле и ввели трудовую повинность, что получило название системы энкомьенда. На территории Парагвая, части Бразилии и Аргентины, где активно действовали мессионеры-иезуиты, которые, в отличие от Европы, получили здесь полную свободу действий (вплоть до запрета деятельности ордена в самой Испании и ее колониях в 1767 г.), были попытки фактически воспроизвести кастовую систему империи инков. Обращая местное население в христианство, иезуиты подкупали местных вождей (касиков), присваивая им даже испанские титулы и

именуя «идальго», обучали агрономии и ремеслам, музыкальной культуре. Крайний Юг и большинство внутренних районов Южной Америки не заселялись европейцами вплоть до XIX в.

После отмены энкомьенды в XVIII в. общинные земли перешли во владение крупных латифундистов, а аборигены перешли на положение арендаторов или отправились в города, где расцветала контрабандная торговля и зарождалась промышленность. Переселенцы из Испании и Португалии смешивались с креолами (их прямые потомки, родившиеся в Америке), индейцами, неграми, метисами, мулатами. Для жителей континента идентификация с метрополией, которая воспринимала свои заокеанские колонии как источник средств, необходимых, не в последнюю очередь, для войн на Европейском континенте, становилась все менее очевидной. На повестку дня встала борьба за независимость, во главе которой оказались креолы, вдохновленные успешным опытом войны за независимость североамериканских колоний Великобритании и Великой французской революцией. Для ведущих идеологов латиноамериканского освобождения — родившихся в Венесуэле Франсиско де Миранды и Симона Боливара, уроженцев Аргентины Х. де Сен-Мартина и М. Морено и других — весьма созвучными оказались лозунги свободы, равенства и братства. Но им претил радикализм французских якобинцев и была неприемлема модель Соединенных Штатов в части рабовладения.

Первой на путь независимости встала Гаити, за которую с 1793 г. шла война между Францией, Британией и Испанией. В нее вмешалась местная армия из бывших невольников во главе с Туссеном-Лувертюром, которая сначала перешла на сторону революционной Франции, провозгласившей отмену рабства, а затем изгнала с острова и французов. Первого января 1804 г. преемник Туссен-Лувертюря Жан-Жак Дессалин провозгласил образование республики Гаити. Одновременно впервые в Западном полушарии был ликвидирован институт рабовладения. Это был первый — гаитянский — этап освобождения, и пример оказался заразителен.

Последовал второй этап — континентальный, успех которого облегчался тем обстоятельством, что в начале XIX в. страны Иберийского полуострова оказались предельно ослабленными в результате завоевания их наполеоновскими войсками в 1808 г., когда король Фердинанд VII был арестован и затем в течение шести лет находился на положении «байонского пленника» (во французском городе Байон). В это время и в метрополии, и в колониях были созданы патриотические хунты, которые боролись за освобождение короля. Но уже с 1810 г. некоторые хунты в колониях превращались в центры борьбы за независимость от безвластной Испании. Образовались три очага освободительной вой-

ны: Ла-Плата — современные Аргентина, Парагвай и Уругвай; «андские страны» — Венесуэла, Новая Гранада, Перу, Чили, Кито; и Новая Испания — Мексика. У восстания не было единого центра, но его лидеры из различных частей огромного континента были знакомы друг с другом и встречались с конца XVIII в. в Лондоне, которой являлся важным центром антииспанских заговоров[1].

С 1810 по 1830 г. независимость обрели Венесуэла, Парагвай, Аргентина, Чили, Колумбия, Мексика, Бразилия, Боливия, Перу, страны Центральной Америки, Уругвай, Эквадор и, наконец, в 1844 г. — Доминиканская республика. Война за независимость в начале XIX в. — если исключить Бразилию, где все ограничилось династическими сделками — была весьма кровопролитной. Особенно в Мексике, где ее возглавили отцы Мигель Идальго и Кастилья и Хосе Мария Морелос, казненные испанцами. Из примерно 6-миллионного населения тогдашней Мексики к моменту обретения независимости в 1821 г. погибло более 300 тыс. человек. Испания и в дальнейшем предпринимала попытки возвратить свои американские территории, направив военно-морскую экспедицию Борредаса в Мексику в 1829 г., подписав договор о совместном вторжении туда вместе с Францией и Англией в 1860-х гг. (французская армия захватила Мехико и учредила там в 1864–1867 гг. монархию во главе во главе с племянником Наполеона III Максимилианом I), оккупировав Доминиканскую республику в 1861–1865 гг., развязав Первую Тихоокеанскую войну 1864–1866 годов, и т.д.

Заключительным аккордом крушения Испанской империи станет испано-американская война 1898, которая в 1902–1903 гг. — третий этап освобождения — принесет независимость Кубе и Пуэрто-Рико, но сразу же поставит их под жесткий контроль США (как и Филиппины). Четвертый этап, забегая вперед, придется аж на 1962–1981 гг., когда провозгласят независимость Ямайка, Гайана, Тринидад и Тобаго, Барбадос, Содружество Багамских островов, Гренада, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сент-Китс и Невис, Антигуа и Барбуда, Белиз.

Стремление осознать себя как отдельный мир, определиться относительно встретившихся там культурных традиций — иберийско-европейской, индейской, африканской — проявилось в Латинской Америке еще в колониальную эпоху. К окончанию войны за независимость относится появление не только и не столько местных национальных идентичностей, сколько региональной идентичности, напоминавшей опыт североамериканских колоний Англии, создавших США. Символом единства стала борьба с европейской (испанской) короной.

[1] Война за независимость Латинской Америки / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2011. С. 17–19, 9–10.

Война шла за возращение всего, что было ею украдено, понятие patria стало распространяться на весь континент[1].

В первые десятилетия независимого существования появилась общеконтинентальная концепция «американизма», отталкивавшаяся от идеи единой «нашей Америки», с которой выступал Симон Боливар. Неоднократно поднимался вопрос о создании общего государства, что нашло отражение в создании самим Освободителем, как стали называть Боливара, Великой Колумбии, существовавшей в 1821–1830 гг. Возникали Перуанско-Боливийская конфедерация в 1836–1839 гг., Федерация Объединенных провинций Центральной Америки в 1823–1839 гг. и повторное Центральноамериканское объединение в 1873–1885 гг. Но все же ощущение национальной сущности, нараставшее по мере государственного обособления и оформления отдельных стран, брало верх. В своем программном «Письме с Ямайки» 1815 г. Боливар уже признает: «Лично я больше, чем кто бы то ни было, желал бы создать в Америке великую нацию, которая славилась бы не столько своими размерами и богатствами, сколько свободой и доблестью. Однако, хотя я и мечтаю о самой совершенной форме правления для моей родины, я не в силах утвердить себя, что Новый Свет мог бы стать в настоящий момент единой большой республикой, а поскольку это невозможно, я не смею думать об этом»[2].

Однако заложенные им принципы конституционного устройства станут ориентиром для многих поколений латиноамериканских политических деятелей. Боливар подчеркивал, что «законы должны быть рождены тем Народом, который им подчиняется, что только в чрезвычайно редких случаях законы одной страны пригодны для другой; что законы должны соответствовать физическим условиям страны, ее климату, свойствам ее земли, ее местонахождению, величине, особенностям жизни народа; что законы должны отражать ту степень Свободы, какую допускает Конституция, учитывая религию жителей, их склонности, их жизненный уровень, их численность, род деятельности, обычаи, воспитание! Вот каким кодексом нам следует руководствоваться, а не Кодексом Вашингтона!»[3].

Независимость, как это часто бывает, не принесла немедленного счастья. Конечно, в последовавшие десятилетия устанавливались республиканские порядки, пробовались демократические институты, отменялись дворянские титулы, подушная подать с индейцев. Рабство в 1820-е гг. было запрещено в Мексике и Центральной Америке, в 1830–

---

[1] *Ирина Бусыгина.* Региональная идентичность и региональная интеграция в современном мире: исследование взаимосвязи // Ежегодник ИМИ МГИМО–2013. Вып. 3–4 (5–6). М., 2013. С. 25–26.

[2] Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2012. С. 10.

[3] *Симон Боливар.* Избранные произведения. 1812–1830. М., 1983. С. 82.

1850-е — в большинстве остальных стран, в конце 1880-х — на Кубе и в Бразилии.

Промышленный переворот начался только в последней трети XIX в. и свелся, в основном, к строительству железных дорог. Например, Мексика восстановила уровень ВВП колониального времени лишь к 1880-м гг. За этим последовали три десятилетия диктатуры генерала Порфирио Диаса, которая была свергнута в результате первой социальной революции XX в., начавшейся в 1910 г. и вдохновленной идеями троцкизма. Тогда из 15 млн мексиканцев умерло 700 тыс. и еще 250 тыс. спаслось, бежав в США.

Военные перевороты и диктатуры не были редкостью. Практически во всех государствах возникло такое явление, как каудильизм: местные главари или даже авторитетные церковные иерархи подчиняли себе определенные территории, чаще всего, чтобы защитить земельные наделы, титулы и привилегии земельных собственников. Для этого они создавали собственные армии, порой не уступавшие национальным вооруженным силам. Да и без того военные режимы больше половины XIX века господствовали более чем в половине латиноамериканских стран. В Мексике, Аргентине, Колумбии, Венесуэле, Уругвае, Гватемале прокатились гражданские войны. Нередки были и межгосударственные конфликты, крупнейшими из которых явились война Тройственного альянса — Бразилии, Аргентины и Уругвая — против Парагвая в 1864–1870 гг. и Вторая Тихоокеанская война 1879–1884 гг., в которой Чили столкнулось с Перу и Боливией.

Цивилизационная эмансипация Латинской Америки, импульс к которой придало национальное освобождение, в XIX–XX вв. сдерживалась продолжавшимся озападниванием, которое шло по двум основным путям. Во-первых, массовой иммиграцией европейцев. К концу XIX в. население Латинской Америки достигло 60 млн человек, причем за счет резкого роста числа приезжих, которые направлялись в основном в Аргентину, Уругвай, Бразилию, Чили, позже — Венесуэлу. Итальянская, новая испанская, немецкая, славянская иммиграция (особенно в Аргентину и Уругвай) отклонила эти страны от «креольского» пути. «В культурном сознании под натиском новых приоритетов обозначается болезненная поляризация между традиционной испанокреольской культурой, опирающейся на креольский фольклор, метисские “смешанные” формы, связанные с автохтонной индейской культурой и новейшими общеевропейскими, космополитическими влияниями»[1].

Во-вторых, стремительно возрастала роль Соединенных Штатов, которые в 1820-е гг. провозгласили «доктрину Монро»: «Америка для американцев». Обозначавшая вначале сопротивление какому-либо

[1] История литератур Латинской Америки. М., 1994. С. 9.

европейскому вмешательству в дела континента, эта доктрина стала позднее обоснованием для растущего вмешательства в них со стороны самих США. В целом в Вашингтоне были склонны рассматривать Латинскую Америку как свой законный «задний двор». Начало было положено войной с Мексикой 1846–1848 гг., закрепившей за северным соседом Техас и Калифорнию — 2,5 млн кв. км исконной мексиканской территории.

За континент шла напряженная конкуренция между США, Испанией, Англией, Францией, позже — Германией. В зоне американского влияния оказались Мексика, Центральноамериканские страны, зона Панамского перешейка, Венесуэла. Европейские гранды соперничали в Бразилии, Аргентине, Чили, Уругвае. Экономическая конкуренция сопровождалась и противоборством геополитических концепций — испанизма, панамериканизма, латинизма, а затем и пангерманизма. Неоднократно предпринимавшиеся попытки выработать общую платформу для объединения континента выглядели все более утопичными. Размытость государственных границ, не совпадавших с этнокультурными, становится источником межстрановых конфликтов (Мексика — Гватемала, Аргентина — Уругвай — Бразилия — Парагвай, Чили — Боливия — Перу), которые делали континент еще более уязвимым для внешнего проникновения.

В 1889 г. по инициативе Соединенных Штатов в Вашингтоне был создан Панамериканский союз, который декларировал приоритет мирных экономических и культурных связей. Но события развернулись иначе. На рубеже веков концепции испанизма и североамериканского панамериканизма сошлись в борьбе за Кубу и Пуэрто-Рико. Вмешавшись в освободительную борьбу на Кубе, США разгромили Испанию, оккупировали Кубу, аннексировали Пуэрто-Рико, помогли расколу Колумбии, которая противилась строительству межокеанского канала. Президент Теодор Рузвельт — первый американский лауреат Нобелевской премии мира — поспособствовал ноябрьской 1903 г. революции, за две недели «даровал» Панаме независимость, добился от ее нового правительства разрешения на строительство Панамского канала. В 1915 г. американские войска заняли Гаити, в 1916-м — Санто-Доминго и Никарагуа, вторглись в Мексику.

В последующем американизация Латинской Америки носила несколько более мирный характер, шла через деятельность транснациональных корпораций и военно-политическое партнерство. «Он — сукин сын. Но он наш сукин сын» — эти слова, сказанные президентом Франклином Рузвельтом о кубинском диктаторе Батисте-старшем, стали квинтэссенцией отношений Соединенных Штатов с большинством режимов региона, где демократия оставалась редкой гостьей.

Вместе с тем, американское представление о месте Южной Америки в мире как Богом данном придатке, необходимом для процветания великой североамериканской демократии, все более заметно расходилось с пониманием своей судьбы самими латиноамериканцами. Кубинец Хосе Марти в знаменитой статье «Наша Америка» писал: «Мы были похожи на персонажей маскарада: брюки английские, жилет парижский, пиджак североамериканский, накидка испанская. Ни с кем не общавшийся индеец ходил вокруг да около и удалялся в горы, на вершинах которых крестил своих детей. Беглый негр напевал ночью музыку своего сердца, безвестный и одинокий в мире волн и зверей. Крестьянин, созидатель, ослепленный негодованием, восставал против голода и против самого себя… Вводите в нашу сущность мир, но ствол должен быть нашим, корни нашими, жизненность наша»[1].

К середине XX в. страны Латинской Америки уже сами вышли на арену глобальной политики. Вместе с США в войну с державами «оси» в декабре 1941 г. вступили все страны Центральной Америки и Эквадор, а позднее — Мексика, Бразилия, Боливия, Колумбия. Последней в войну вступила Аргентина, до февраля 1945 г. поддерживавшая Германию. Бразильские войска воевали на итальянском фронте, мексиканская авиаэскадрилья участвовала в боях с Японией на Филиппинах и Тайване. Именно в тот период было положено начало военно-политическому союзу латиноамериканских государств с США, закрепленному созданием Межамериканского союза обороны со штаб-квартирой в Вашингтоне. Из 50 первоначальных членов созданной весной 1945 г. ООН 20 представляли Латинскую Америку.

Война усилила и влияние левых сил, численность компартий за ее годы выросла с 90 до 370 тыс. В Чили, Эквадоре, Коста-Рике, на Кубе коммунисты входили в правительства и были представлены в парламентах 12 стран. Это не могло не беспокоить США, которые предприняли энергичные усилия к тому, чтобы развернуть континент вправо. В сентябре 1947 г. Соединенные Штаты и двадцать стран континента подписали Межамериканский договор о взаимопомощи — договор Рио-де-Жанейро. Он был дополнен созданием на межамериканской конференции в Боготе в 1948 году политического союза в виде Организации американских государств (ОАГ), в числе задач которой было противодействие «коммунистической опасности». В апреле 1947 г. были удалены из правительства и репрессированы чилийские коммунисты. За этим последовало физическое преследование коммунистов по всей Латинской Америке — тысячи были убиты и арестованы. Репрессии привели к восстаниям и гражданским войнам в Колумбии, Парагвае, Коста-Рике, подавленным войсками. В результате военных переворотов

[1] Цит. по: Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. С. 16.

в конце 1940-х — начале 1950-х гг. были установлены диктаторские режимы в Перу, Венесуэле, Панаме, Боливии, на Кубе. В 1954 г. в Парагвае на 35 лет утвердилась диктатура генерала Стресснера. Тогда же при поддержке США была подавлена революция и установлена диктатура в Гватемале, произошел переворот в Гондурасе, в затем и в Бразилии, где военные свергли правительство Варгаса. По схожему сценарию потерял власть в Аргентине в 1955 г. Перон. Военные перевороты и диктатуры усиливали роль армии, антикоммунизм зашкаливал. К середине 1950-х нормальные дипломатические отношения с СССР поддерживали только Мексика, Аргентина и Уругвай. Получила распространение теория «географического предопределения», согласно которой США являются лидером и путеводной звездой для всего Западного полушария, а советские происки обречены на неудачу[1].

Тем более удивительной оказалась Кубинская революция 1959 г., приведшая к союзу Гаваны с Москвой и подтолкнувшая ряд стран континента к попытке выбрать социалистический путь развития. Расширение советского присутствия и влияния в Западном полушарии само по себе позволило латиноамериканским странам расширить поле для политического маневрирования, что заставило США уделить и большее внимание своему «заднему двору». Ситуация изменилась после распада СССР и Варшавского договора, когда Латамерика потеряла для США роль стратегического «ближнего зарубежья» в конфронтации с противоположным блоком. Еще ниже спустился регион в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона после 11 сентября 2001 г.

Специфической чертой политической культуры латиноамериканских государств был «президенциализм», сильная приверженность харизматическому руководству. «Образ лидера, наделенного в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности, лидера, простирающего власть на всю страну, воплощающего в себе ответственность и легитимность, — этот образ не имел конкурентов, был наполнен идеей харизмы, — подчеркивает профессор МГИМО Людмила Окунева. — В свою очередь, харизма была неотделима от исполнительной власти»[2]. Традиционное в Латинской Америке — и заимствованное из США — совмещение постов главы государства и руководителя правительства — усиливало представление о национальном лидере как двигателе перемен, вдохновителе реформ, борце с центробежными тенденциями, регионализмом и частными интересами. Латиноамериканцев было не испугать сильной властью.

---

[1] *Александр Строганов.* Латинская Америка: Страницы истории XX века. М., 2011. С. 42–46.

[2] *Людмила Окунева.* Бразилия: особенности демократического проекта. М., 2008. С. 255.

На протяжении всей истории латиноамериканских государств не прекращались интеллектуальные дискуссии о причинах их социально-экономического отставания от США и Канады. Ответы звучали разные. В начале XIX в. винить было принято иберийское наследие с его нетолерантным католицизмом. К середине того же века большую популярность получили объяснения, связанные с большой долей не склонного к прогрессу коренного населения. В первые два десятилетия XX столетия, особенно во время Мексиканской революции, распространилось убеждение, что нищета и проблемы с развитием проистекают от несправедливого распределения собственности и безземелья крестьянства. Позднее со все большей интенсивностью проблемы объяснялись империалистической эксплуатацией, прежде всего. «империализмом янки».

Один из наиболее публикуемых и цитируемых испаноязычных аналитиков — Карлос Альберто Монтанер — связывал неудачи латиноамериканской модели развития с особенностями элиты, несшей в себе специфические черты континентальной политической культуры:

- Политический класс был традиционно весьма коррумпированным, а большинство населения терпимо относилось к коррупции, считая ее естественной. Коррупция принимала самые различные формы — от банального взяточничества до создания преференций для близких людей и разветвленного клиентализма — покупки лояльности больших групп избирателей. Понятия об общем благе весьма слабы.
- Военные очень часто брали на себя роль спасителей наций от некомпетентных и продажных политиков, причем, часто действуя, как в оккупированных странах. Каудильо спровоцировали немало гражданских войн в XIX в. и создали немало диктатур в XX. «Каудильо — не просто диктатор, осуществляющий власть с помощью силы. Он — лидер, которому многие граждане и практически все структуры власти делегируют все полномочия по принятию решений и контроль за инструментами репрессий. Результат не только противоречит демократическому развитию, но и очень дорог в экономическом плане, поскольку приводит к стиранию границ между государственной и частной собственностью».
- Бизнесмены были не столько верящими в риск предпринимателями, сколько осторожными спекулянтами, предпочитавшими инвестиции в недвижимость и стабильный достаток. Сращивание бизнеса с государственной верхушкой приводило к монополизации экономики под предлогом защиты национальных интересов, что сопровождалось налоговыми привилегиями, субсидиями, особыми ставками кредита для своих. «Остается фактом, что за малыми исключениями Латинская Америка никогда не имела опыта современного капитализма, соединенного с политической демократией».

- Католическая церковь, лишенная большей части своей собственности во второй половине XIX в., занимала весьма антикапиталистические позиции, осуждая погоню за наживой, потребительство, конкуренцию, а в последнее время еще и «безжалостный неолиберализм».
- Интеллектуалы всегда играли исключительно большую роль в Латинской Америке. «Когда писатель и артист становился знаменитым, он или она становились экспертом по всем вопросам, включая войну на Балканах, прелести искусственного оплодотворения или ужасы приватизации государственных предприятий». Непрофессиональные мнения знаменитостей составили основу латиноамериканского мировоззрения, превалируют в университетских курсах. Кроме того, большинство интеллектуалов занимает последовательно антизападные, антиамериканские и антирыночные позиции (что коренным образом отличает их от российской интеллигенции, почти поголовно более прозападной, чем сам Запад).
- Исключительно сильны профсоюзы, выступающие против рыночной свободы. И во многих странах существует категория профессиональных революционеров, для которых Эрнесто Че Гевара остается иконой и примером для подражания в борьбе с капитализмом и с янки[1].

Если это — Запад, то уж больно специфический.

Континент на подъеме

Современная Латинская Америка включает в себя 25 государств, а также остаточные колониальные владения Великобритании, Франции, Нидерландов и США. На территории в 21 млн кв. км. — что сравнимо с площадью СССР — проживает более полумиллиарда человек. Дальнейшего стремительного роста населения ожидать не следует: если в 1960-е гг. средняя фертильность достигала 6 детей у одной женщины, то в 2010-е — около двух, а в Бразилии и Чили — 1,8[2]. В 18 странах государственным или официальным языком является испанский, в Бразилии — португальский, на Гаити — французский, на Багамах, Барбадосе, в Гайане, Тринидаде и Тобаго, Ямайке, английских колониях — английский, Суринаме и других нидерландских колониях — голландский. Свыше 10% населения по-прежнему говорит на индейских языках.

---

[1] *Carlos Alberto Montaner.* Culture and the Behavior of Elites in Latin America // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Ed. By Lawrence E. Harrison and Samuel P. Huntington. N.Y., 2000. P. 56–64.

[2] Demography in Latin America. Autumn of the Patriarchs // The Economist. June 1, 2013. P. 47.

Географически и геополитически Западное полушарие, как отмечал еще Спайкман, делится не столько на Северную и Южную Америку, сколько на северную часть континента, которая заканчивается в экваториальных джунглях Амазонии, и все, что южнее. Северная часть, в которую входят, таким образом, страны Центральной Америки, севера Южной Америки и Карибского моря (которое играет для этой части земного шара ту же роль, что Средиземное море играло для Старого Света, связывая Европу, Левант и Северную Африку), больше тяготеет к Соединенным Штатам. Часть континента южнее Амазонии более обособлена и менее включена в систему влияния Соединенных Штатов, тем более. что от наиболее заселенной части и крупнейших городов южноамериканского атлантического побережья — Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса (которые расположены гораздо восточнее атлантического побережья США) до Нью-Йорка не ближе, чем до Лиссабона, не говоря уже о гораздо более близком Африканском континенте[1]. Поэтому для стран юга континента вполне органично позиционирование себя не только как американцев, но и как части мирового Юга. Конечно, такое геополитическое деление не абсолютно: на севере Южной Америки есть антиамериканские правительства, как в Венесуэле, а на юге есть проамериканские, как в Чили.

Регион, страны которого в XX в. экономически плелись в середине или в конце развивающегося мира, многократно переживали кризисы, дефолты, беспрерывно нуждались в западной или советской помощи, сегодня превращается в динамичный центр мирового развития. Это — цивилизация на подъеме.

Латинская Америка хорошо обеспечена природными и человеческими ресурсами. На нее приходится порядка 20% природных ресурсов планеты, среди которых нефть, газ и другие стратегические ископаемые, огромные запасы пресной воды, обширные площади сельхозугодий с благоприятными климатическими условиями для производства продовольствия. Это — емкий и перспективный, успешно интегрирующийся рынок с суммарным объемом ВВП 5 трлн долл. Доля региона в мировом населении — 8–9%, в ВВП — 7–8%[2]. Именно стремительно и стабильно растущий спрос азиатских рынков на железную руду, цинк, золото, продовольствие рассматривается в числе ведущих причин латиноамериканского «экономического чуда»[3]. А 90% продаваемых в России роз и половина бананов поступают из Эквадора. Вместе с тем, в Латинской Америке растет и индустриальное производство. Так, если еще

[1] *Nickolas J. Spykman.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New Bruncwick, 2007. P. 49–50.

[2] *Е.М. Астахов.* Перспективы развития Латинской Америки и ее место в будущем мироустройстве // Вестник МГИМО-Университета. № 4 (13). 2010. С. 37.

[3] *Simon Romero.* Latin American Economies Find a Way to Thrive with Resources // International Herald Tribune. July 2, 2010.

недавно 75% мексиканского экспорта приходилось на нефть, то сейчас те же три четверти на промышленные товары[1].

Прекрасные условия для сельского хозяйства. Помню, ехал по Уругваю с коллегой — депутатом из Воронежа, который произнес: «И это они называют сельским хозяйством?». На бескрайних полях круглый год пасутся огромные стада, не требующие особого присмотра со стороны немногочисленных гаучо. Само заселение континента начиналось так: с приплывшего корабля высаживали на берег несколько быков и коров. Через пять лет на это место уже можно было возвращаться и создавать поселения, потому что там имелось тучное стадо.

Значимым фактором роста выступает развитие экономических связей внутри самого региона, где страны традиционно больше торговали с США и Европой, чем друг с другом. Континентальным лидером выступает Бразилия, за ней с небольшим отставанием следует Мексика и с большим — Аргентина.

Вместе с тем, темпы экономического роста снижаются. Международный Валютный Фонд (МВФ), не испытывающий нежных чувств ко многим странам Латинской Америки, озвучил в октябре 2014 г. относительно пессимистический прогноз развития экономики Латинской Америки. Стагнация в большинстве стран сохранится в 2015-м, а возможно, и в 2016 г.. Рост составит 1,5–2,5%, самый низкий показатель с начала века (но такие показатели — мечта для многих западных экономик). Темпы роста аргентинской экономики снизятся приблизительно на 1,7%, а венесуэльской — на 3%. Экономическая ситуация в Аргентине, Венесуэле и ряде других стран — результат непринятия мер по снижению высокого уровня инфляции, который в Венесуэле, например, составил 70% в 2014 г. В более сложном положении оказываются страны, зависящие от экспорта сырья в Азию, а на страны, наиболее тесно связанные с США, как, например, Мексика или Колумбия, благоприятно повлияет восстановление роста в Соединенных Штатах. Ситуация в регионе не улучшается, потому что Бразилия, Аргентина и Венесуэла проводят популистскую экономическую политику, отпугивающую потенциальных инвесторов[2]. The Economist прогнозировал на 2015 г. рост на 3% после 1,5% в 2014-м. Наивысший подъем ожидался в Мексике — 4%[3].

Очень высоким остается уровень преступности. На Латинскую Америку приходятся 43 из 50 городов и восемь из 10 стран с наивысшим количеством убийств на душу населения. В самом криминальном городе на планете — Сан-Педро-Сула в Гондурасе — убивают в шесть

---

[1] *Shannon K. O'Neil.* Mexico: Viva las Reformas // Foreign Affairs. January/February 2014. P. 11.

[2] *Andrés Oppenheimer.* El FMI, con un pronóstico pesimista para América latina // La Nacion Argentina. 7.10.2014.

[3] *Michael Reid.* The Hangover // The Economist. The World in 2015. P. 58.

раз больше людей, чем в Нью-Йорке в период эпидемии крэка в 1980-е. На первое место по абсолютному количеству убийств вышла Бразилия. Этот феномен объясняется слабостью правоохранительных органов, неравенством, долгой историей восстаний и гражданских войн, мощью наркокартелей. В Перу, Колумбии, ряде районов Мексики граждане создают собственные вооруженные отряды, чтобы защищаться от преступников, что порой только ухудшает ситуацию[1].

На континенте сохраняется серьезное социальное неравенство, большое количество бедных. Поэтому не удивительно, что последние десятилетия стали периодом «левого ренессанса», требований большего равноправия, что принесло свои плоды. «Распределение богатства в Латинской Америке улучшилось в последнее десятилетие, — замечает Луис Лопес-Калва из Всемирного банка. — Это стало результатом впечатляющего движения из нищеты, что представляет собой позитивную тенденцию». Растет средний класс, который в латиноамериканских реалиях означает 10–50 долл. в день. В 2011 г. количество представителей среднего класса превысило количество нищих, но пока не перевалило за треть населения[2].

Левая тенденция на континенте оказалась сильно окрашена в националистические, или, точнее, как принято говорить, тона «индихениста». Выдающийся левый социолог из Йеля Иммануил Валлерстайн с явным удовлетворением замечал в 2010 г.: «Латинская Америка была историей успеха мирового левого движения в первом десятилетии XXI в. Первое и наиболее заметное, левые и левоцентристские партии выиграли исключительную серию выборов в течение десятилетия. А коллективно правительства Латинской Америки впервые установили значительную степень автономии от Соединенных Штатов. Латинская Америка стала относительно независимой геополитической силой. Более того, движения коренных народов Латинской Америки оформились политически почти повсеместно и потребовали права организовывать свою политическую и социальную жизнь самостоятельно»[3].

Движение «индехениста» впервые громко заявило о себе в 1994 г. в мексиканском штате Чиапас. Но затем распространилось по всему континенту, сформировав единую латиноамериканскую сеть. Сегодня движение проявляет себя не только в странах подчеркнуто антиамериканской «боливарианской группы», или Боливийской альтернативы для Латинской Америки, которая объединяет Венесуэлу покойного Уго Чавеса и пришедшего ему на смену Мадуро, Кубу под руководством

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 85–86.

[2] *Luis F. Lopez-Calva.* A New Economic Framework to Analyze the Middle Classes in Latin America // Poverty in Focus / International Policy Center for Inclusive Growth. No. 26. October 2013. P. 15, 16.

[3] *Immanuel Wallerstein.* Latin America's Leftist Divide // International Herald Tribune. August 18, 2010.

братьев Кастро, Никарагуа вернувшегося к власти главы сандинистов Даниэля Ортеги, Эквадора Рафаэля Коррэа, Боливии Эво Моралеса. Левый крен в немалой степени характерен и для таких континентальных грандов, как Бразилия под руководством рабочей партии Лулы да Сильва и сменившей его Дилмы Руссефф, и Аргентины Кристины Фернандес (Киршнер).

Левых латиноамериканских лидеров принято считать диктаторами, подавившими свободу внутри своих стран и доведшими экономику до ручки. Особенно достается лидерам Венесуэлы, которая на протяжении десятилетий проводила самую проамериканскую политику на континенте (отставая разве что от Колумбии), а затем — при Уго Чавесе — стала основной головной болью для Вашингтона, опередив в этом отношении даже Кубу. США неоднократно пытались применить в Венесуэле схему смены режима, но безуспешно (правда, некоторые американские исследователи это категорически отрицают)[1]. Но процитирую статью содиректора вашингтонского Центра экономических и политических исследований Марка Вейсброта, напечатанную в The New York Times после переизбрания Уго Чавеса президентом Венесуэлы осенью 2012 г.: «С тех пор, как правительство Чавеса получило контроль над национальной нефтяной промышленностью, нищета была сокращена вдвое, а абсолютная нищета — на 70%. Количество поступивших в колледжи более чем удвоилось, миллионы людей впервые получили доступ к здравоохранению, а количество людей, имеющих право на государственную пенсию, выросло в четыре раза. Поэтому не удивительно, что большинство венесуэльцев переизбрали президента, который улучшил их жизненные стандарты. То же происходило со всеми левыми правительствами, которые сейчас правят в большей части Латинской Америки. И это несмотря на тот факт, что они, как и Чавес, имеют против себя большинство СМИ в своих странах, а их оппозиция располагает основной частью богатств и доходов соответствующих стран»[2].

В последние годы мировой экономический кризис и финансовые проблемы Запада ослабили притягательность монетаристских принципов «вашингтонского консенсуса». Однако праволиберальные и консервативные подходы тоже не теряют своей притягательности во многих государствах, к коим следует отнести Чили — единственную страну Латинской Америки, которая входит в ОЭСР, Мексику, Колумбию. Впрочем, либеральные реформы президента Чили Себастьяна Пирейры — миллиардера, который был избран в 2010 г. с большим переве-

---

[1] *Javier Corrales, Carlos A. Romero.* U.S.–Venezuela Relations Since the 1990s. Abingdon, 2013. P. 5.

[2] *Mark Weisbrot.* Why Chavez Was Re-Elected // International Herald Tribune. October 10, 2012.

сом, — вызвали яростные протесты профсоюзов, студенческие марши и голодовки[1]. Колумбийский президент Хуан Мануэль Сантос, выступавший в 2010 г. как продолжатель консервативного курса Альваро Урибе, в 2014 г. предпочел баллотироваться на центристской платформе. В Коста-Рике, Сальвадоре, Панаме правые кандидаты на последних выборах были отвергнуты из-за обвинений в коррупции. У правых партий не оказалось крупных лидеров. А левые нередко лишают их почвы под ногами, сдвигаясь к центру и обещая проводить ответственную финансовую политику[2].

Но везде — вне зависимости от идеологических пристрастий правящего истэблишмента — правительственная политика все больше обрамляется фразеологией независимости, критикой «империализма», «мирового капитализма» и даже глобализации, от которой страны Латинской Америки объективно выиграли едва ли не больше всех. Поэтому, как писал бывший министр иностранных дел Мексики Хорхе Кастаньеда, «электоральные победы прагматичных, центристских политиков, таких как чилийский Себастьян Пиньера или колумбийский Хуан Мигель Сантос могут означать лишь короткую интерлюдию перед возвращением в регион радикального популизма»[3]. Примечательно, что движения «индехениста» находятся в конфронтации не только с консервативными правительствами, как в Мексико, Колумбии и Перу, но и с режимами, казалось бы, прямо выражающими их интересы, как в Бразилии, Венесуэле или даже в Боливии, а также в Эквадоре, где левое правительство Рафаэля Корреа пришло к власти с изначальной поддержкой «индехенистов», провозгласив «второе и окончательное освобождение Латинской Америки». Как оказывается, «индехениста» еще более радикальна, чем левые популистские режимы.

Темой, которая в едином порыве сплотила всю Латинскую Америку, стало пребывание основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа в посольстве Эквадора, где он получил политическое убежище, но не смог им воспользоваться из-за правительства Великобритании. Позиция Лондона получила единодушное осуждение со стороны не только Боливарианского альянса народов Америки, но и всего Союза южноамериканских наций — УНАСУР (причем для принятия соответствующего решения министрам иностранных дел стран-членов потребовалось лишь восемь минут)[4]. Еще более шокирующий эффект имели разоблачения Эдварда Сноудена по поводу прослушки глав государств,

---

[1] *Jude Webber.* Chile's Leader Is Losing Grip as Student Protests Escalate // Financial Times. August 22, 2011.

[2] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 86–88.

[3] *Jorge Castaneda.* It's Springtime for Radicals: Latin Populists are Surging Again // Newsweek. November 15, 2010.

[4] *Павел Тарасенко.* Джулиан Ассанж объединил Южную Америку // Коммерсантъ. 21 августа 2012.

особенно — в Бразилии. А решение Франции и Португалии закрыть воздушное пространство для самолета президента Боливии Эво Моралеса из-за подозрения, что Сноуден находится на его борту, буквально взорвало всю Латинскую Америку. Вновь был созван экстренный саммит 12 стран Союза южноамериканских наций, резко осудивший европейские правительства как американских марионеток[1].

Двенадцатого октября 2014 г. Эво Моралес на президентских выборах в Боливии получил 61% голосов, а его «Движение к социализму» сохранило большинство в обеих палатах парламента. Уже вечером он выступил с балкона Дворца правительства: «Это — победа антиимпериалистов и антиколониалистов, это победа боливийского народа. Родине — да, колонии — нет». Моралес посвятил победу всем народам, которые борются с империализмом, а также лично Фиделю Кастро и Уго Чавесу[2].

Чувство самоуважения в Латинской Америке усилилось после избрания Римского Папы — Хорхе Марио Бергольо, принявшего имя Франциска I в марте 2013 г., первого неевропейца на престоле, который стал и самым влиятельным аргентинцем мира, и первого папы — иезуита. Латинская Америка — самый католический континент, 72% населения — католики (правда, в 1910 г. эта цифра составляла 90%)[3]. Так что не случайно ставка сделана на представителя континента, на который приходится 40% всех католиков планеты, а не на становящуюся все более атеистической Европу. Это явилось и ответом на рост влияния в последние годы протестантских деноминаций (в основном, из-за скандалов с педофилией священников и запретов на аборты) в католической церкви. Страной с самым большим римско-католическим населением — 123 млн верующих католиков — является Бразилия, и не случайно, что свой первый пастырский визит в июле 2013 г. папа Франциск совершил именно в эту страну[4].

Континент, безусловно, становится одним из полюсов современного и будущего мироустройства. Но латиноамериканская цивилизационная самоидентичность пока не очень выражена. «Сами жители Латинской Америки отличаются по субъективной самоидентификации, — подмечал Хантингтон. — Некоторые говорят: “Да, мы — часть Запада”. Другие заявляют: “Нет, у нас своя уникальная культура”, а великие писатели Латинской и Северной Америки тщательно описывают свою культурную самобытность»[5]. В Бразилии налицо множественность идентичностей. Многие представители элиты считают ее

---

[1] *Мария Ефимова, Павел Тарасенко.* Самолет президента Боливии задержали из-за Эдварда Сноудена // Коммерсантъ. 4 июля 2013.

[2] URL: http://ria.ru/world/20141013/1028029990.html#ixzz3G0psyEHt

[3] Pope Francis // Time. July 29, 2013. P. 14–17.

[4] Religion in Brazil: Earthly Concerns // The Economist. July 20, 2013. P. 41–42.

[5] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 55.

западной страной. Почти половина населения называет себя «черными» или, по крайней мере, «небелыми». «Бразильцы думают о себе не столько как о латиноамериканцах, сколько как о бразильцах, причудливой смеси африканской, европейской, ближневосточной, азиатской и местных культур»[1]. Известный бразильский социолог и философ Жилберту Фрейри замечал в 1960-е годы: «Некоторые бразильцы верят, что их страна характеризует собой особую форму цивилизации. Они считают, что эта цивилизация… способна проецировать и на другие континенты те ценности, которые были получены в результате адаптации норм современной цивилизации к другим, более отсталым регионам, не нанося ущерба культурам и обычаям местного населения»[2]. Типичного аргентинца в наши дни называют креольцем (criollo). Но в плане идентичности налицо очевидная двойственность: во внутренних районах преобладает культура испанско-индейская, в столице — скорее космополитичная, близкая к европейской. Становясь цивилизацией, Латинской Америке еще предстоит осознать себя в этом качестве.

Континентальные интеграционные процессы придают Латинской Америке новую динамику. Попытки Соединенных Штатов взять интеграцию в Западном полушарии под свой контроль, распространив на все страны принципы Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА), следует признать неудавшимися. Запущенный Вашингтоном в 1994 г. проект создания Всеамериканской зоны свободной торговли, куда должны были войти все государства региона за исключением Кубы, забуксовал с самого начала. И причиной тому стало сопротивление латиноамериканских лидеров, прежде всего Бразилии.

Именно она в качестве альтернативы начала продвигать собственный, латиноамериканский проект, начало которому было положено созданием в 1991 г. «Общего рынка южного конуса» (МЕРКОСУР), куда первоначально вошли Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай. В последующем к организации присоединилась Боливия. Дальнейшее расширение было блокировано Парагваем, который категорически противился приему Венесуэлы. Двадцать второго июня 2012 г. парагвайский сенат подверг импичменту президента Фернандо Луго за «плохое исполнение обязанностей» (гибель 17 крестьян в столкновении с выгонявшими их с земли полицейскими), что было воспринято как акт беззакония почти во всех странах континента. Главой государства стал вице-президент и критик Луго Федерико Франко, который добил-

[1] *Julia E. Sweig.* A New Global Player: Brazil's Far-Flung Agenda // Foreign Affairs. November / December 2010. P. 182.

[2] Цит. по: *Борис Мартынов.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008. С. 21.

ся международного признания лишь со стороны США. Парагвай был исключен из МЕРКАСУР, и немедленно его место заняла Венесуэла[1].

Другим крупным латиноамериканским объединением является УНАСУР, импульс созданию которому был дан в 2000 г. после совещания президентов двенадцати стран Южной Америки в Бразилиа. В результате в 2004 г. было создано «Южноамериканское сообщество наций» в составе 12 государств, которое в 2008 г. переименовали в «Союз южноамериканских наций» (УНАСУР). МЕРКОСУР и УНАСУР способны вырабатывать коллективную и солидарную позицию на важнейших международных площадках, в том числе на переговорах с США или ЕС, на мировых форумах.

Процессы создания все новых группировок на континенте не прекращаются. В 2010 г. возникло объединение латиноамериканских и карибских стран (CELAC), в котором не представлены США и Канада, но представлена Куба. Более того, к Гаване перешло председательствование в организации после ее очередного саммита в чилийской столице Сантьяго 26–27 января 2013 г.

Одновременно возникло и объединение под названием Тихоокеанский альянс, включающий страны, более тяготеющие к свободному рынку и сотрудничеству с Западом, в состав которого входят Колумбия, Чили, Мексика и Перу, а также Парагвай и Уругвай — в качестве наблюдателей[2]. Двадцать третьего мая 2013 г. в колумбийском городе Кали президенты стран-участниц подписали соглашение об отмене тарифов на 90% предметов взаимной торговли и поставили цель в течение семи лет ликвидировать оставшиеся. Тихоокеанский альянс — приветствуемая Западом (в отличие от МЕРКОСУР) группировка с совокупным ВВП в 2 трлн долл., что составляет 35% от его общего объема в Латинской Америке[3].

Латинская Америка все меньше выглядит как зона преобладающего влияния США. «Соединенные Штаты больше не являются единственной державой, к которой следует обращаться для разрешения кризисов, обеспечения безопасности и определения повестки дня развития Латинской Америки»[4], — констатирует американский эксперт Джулия Свейг. Организация американских государств явно не может найти себе нового места. Во многих странах Соединенным Штатам не могут простить продолжавшейся много десятилетий поддержки диктаторских режимов. Не нравилась слишком жесткая позиция в отношении Кубы, которую за пределами США никто в Западном полуша-

---

[1] *Immanuel Wallerstein.* Who Won What in Paraguay? // International Herald Tribune. July 17, 2012.

[2] Latin American Integration: Past and Future // The Economist. February 2, 2013. P. 40.

[3] Latin American Geoeconomics: A Continental Divide // The Economist. May 18, 2013. P. 41.

[4] *Julia E. Sweig.* A New Global Player. P. 182.

рии не считает изгоем. Не нравятся инспирируемые из Вашингтона попытки свергнуть левацких лидеров. Во многих странах, включая Бразилию, вызывает протест расширение военного присутствия США на базах в Колумбии. Не нравятся жесткие преграды на пути миграционных потоков в Соединенные Штаты. Почти нигде не нашла поддержки американская глобальная «борьба с терроризмом», особенно в Ираке, а также результаты воплощения в жизнь неолиберальных экономических рецептов.

У США тоже растет список претензий к Латинской Америке, среди которых прогрессирующее полевение стоит на первом месте (свои левые в Соединенных Штатах отсутствуют, точнее, имеются в виде горстки не представленных в конгрессе крошечных партий и групп). Но претензии существуют не только к левопопулистским режимам. Так, что касается Бразилии, «американцы чувствуют дискомфорт в отношении поднимающейся силы в их “расширенном соседстве”. Независимость Бразилии была ненадежной и прямо провоцирующей: она воспринимается как друг Ирана, поднимающаяся сила, не озабоченная ценностью прав человека как мирового добра, которую часто осуждают как подружку африканских и арабских государств»[1]. На границе США и Мексики не только строится стена, но и уже много лет идет настоящая война между армиями мексиканских наркокартелей, с одной стороны, и вооруженными силами и полицией двух стран — с другой. Кстати, иммиграцию остановила не стена, а улучшившееся экономическое положение в Мексике, из-за чего с 2011 г. все больше людей (включая американских пенсионеров) переезжает из США в Мексику, а не наоборот[2].

Збигнев Бжезинский критиковал политику Джорджа Буша-мл., вследствие которой «в Латинской Америке усиливается связь между развитием демократии и ростом антиамериканских настроений. В прошлом наиболее интенсивные проявления массового антиамериканизма в основном ограничивались странами с коммунистическим режимом кастровского типа и националистическим режимом перонистского типа. В последнее время, однако, массовая политическая активность в Латинской Америке приняла формы популистской демократии, а Соединенные Штаты стали мишенью для социального, экономического и политического недовольства»[3].

Приход к власти в США администрации Барака Обамы породил в Латинской Америке большие надежды. Предполагалось, что либе-

---

[1] *Julia Sweig, Matias Spector.* Mr. Obama, Meet the New Brazil // International Herald Tribune. March 19–20, 2011.

[2] *David D. Danelo.* South of the Border // The American Interest. November/December 2014. P. 48.

[3] *Збигнев Бжезинский.* Еще один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 152–153.

ральный демократ в Белом доме, озабоченный проблемами развития и прав человека, приложит усилия к созданию новой системы отношений в Западном полушарии, которая позволит совместно решать проблемы бедности, неравенства, преступности, миграции, изменения климата, отношений с Кубой. На саммите Организации американских государств в апреле 2009 г., казалось, надежды стали оправдываться. К неудовольствию многих Обама обменялся улыбками и рукопожатием с Уго Чавесом и обещал «новое начало» в отношениях с Кубой[1]. Но затем все вернулось на круги своя. Профессор Нью-Йоркского университета Грег Грандин писал: «Предполагавшийся альянс с бразильским президентом Луисом Инасио Лула да Сильвой не состоялся; реформу иммиграционного законодательства убрали со стола, так же как и законопроект о запрете на поставку поражающего оружия, что могло приостановить его поставки в Мексику; США отказались сократить многомиллиардные программы субсидий и тарифных льгот, которые поддерживают на плаву такие корпоративные гиганты, как Арчер Дэниелс Мидлэнд и Монсанто; Куба остается парией, пусть для одних лишь США. Как быстро уяснил Обама, препятствия на пути эффективной дипломатии в Западном полушарии следует искать не в «плохих левых» странах, а гораздо ближе, дома. Это Национальная ассоциация владельцев оружия, антикастровское кубинское лобби, агробизнес, антилатинский джингоизм, а также государственный департамент и министерство торговли»[2].

На втором для Обамы саммите Организации американских государств, проходившем в колумбийской Картахене в апреле 2012 г., президента США ждали одни разочарования. Мало скандалов вокруг того, что охрана президента не расплатилась с проституткой, что госсекретарь Хиллари Клинтон слишком зажигательно выступила на вечеринке в клубе «Гавана» под кубинскую музыку и что сам президент произнес «Мальдивы» вместо «Мальвины». Впервые традиционные союзники США — Мексика и Колумбия — поддержали вступление Кубы в состав ОАГ, а страны Боливарианской группы заявили, что не будут участвовать в последующих саммитах Америк, пока кубинское членство не будет восстановлено[3].

Именно полная изоляция США в кубинском вопросе, который превращался в камень преткновения в отношениях Вашингтона со всеми странами Западного полушария, заставила Обаму в конце 2014 г. заявить о восстановлении дипломатических отношений с Кубой. Под-

---

[1] Horrors! A Handshake! // International Herald Tribune. April 25–26, 2009.

[2] *Greg Grandin.* Playing Catch-Up in Latin America // International Herald Tribune. March 19–20, 2011.

[3] *Игорь Крючков.* Саммит Америк стал антиамериканским: Администрация Обамы теряет влияние среди ближайших соседей США // Московские новости. 17 апреля 2012.

черкнув, правда, что Соединенные Штаты не откажутся от усилий по подрыву кубинского режима.

«США, похоже, до сих пор относятся к Латинской Америке как к собственному "заднему двору" (т.е. свысока), забыв, что в свое время яростно осуждали такое отношение, когда речь заходила о европейских державах и их бывших американских колониях, — подмечает Доминик Моизи. — Хотя сегодня их вмешательство чаще всего имеет уже непрямой характер, США остаются одновременно жизненно важным фактором равновесия и ненавистным источником внешнего влияния в Латинской Америке»[1]. Экономики Центральной Америки и Карибского бассейна являются фактически продолжением американской. Американские инвестиции в регион многократно превышают китайские или чьи-либо еще. США имеют сильные каналы влияния на внутренние процессы в латиноамериканских странах, большую историю срежессированных из Вашингтона государственных переворотов. Кристина Киршнер как-то объяснила, почему в самих США не может быть государственного переворота. Потому что там нет американского посольства.

США сохраняют военное присутствие в ряде стран, а с большинством из них поддерживают интенсивные военно-технические контакты. Латиноамериканская зона «жизненно важных интересов» находится под патронажем Южного командования Вооруженных сил США в зоне Центральной Америки (USSOUTHCOM) со штаб-квартирой в Майами. Военные базы существуют на Кубе (Гуантанамо) и в Гондурасе. Настоящим форпостом выступает Колумбия, где расположено несколько военных баз США. Четвертый флот США полностью контролирует акваторию Западного полушария. Появление новых игроков в регионе — Китая, Индии, России, Евросоюза — вызывает в Вашингтоне определенное беспокойство. Но запас прочности американского влияния еще очень велик.

Интересы латиноамериканских стран все дальше выходят за пределы Западного полушария.

Товарооборот Латинской Америки с Китаем с 1999 по 2009 г. вырос в 16 раз — с 8 до 130 млрд долл. Крупнейший партнер, естественно, Бразилия. В то же время основным продавцом и покупателем на континенте в целом оставались Соединенные Штаты — 486 млрд[2]. Хотя, в отличие от США, Китай не имеет возможности военно-стратегической проекции на континент, рост китайского влияния вызывает беспокойство американских стратегов. Как замечает Збигнев Бжезинский, «это

---

[1] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 176.

[2] *John Paul Rathbone.* China is Now Region's Biggest Partner // Financial Times Special Report. April 26, 2011.

не значит, что Китай будет стремиться к доминированию в регионе, но он очевидно может получить выгоду от сокращающегося регионального могущества Америки, больше помогая открыто антиамериканским правительствам в их экономическом развитии»[1].

Последний пример — решение Пекина инвестировать 50 млрд долл. в строительство к 2019 г. канала между Атлантическим и Тихим океанами через Никарагуа. Длина канала 278 км, ширина — 230–520 м, глубина — до 30 м, что сделает его гораздо масштабнее давно устаревшего Панамского канала (длина 81,6 км, ширина — 30–150 м, глубина 12 м). США уже прилагают немалые усилия, чтобы поднять в Никарагуа движение протеста против строительства[2].

На роль крупного игрока в регионе выдвигается и Индия, закупающая все больше нефти, соевого масла и меди. Ее компании инвестировали в Латинскую Америку свыше 12 млрд долл. Индия становится «следующим Китаем» как рынок для латиноамериканского сырья, индийский промышленный экспорт в регион тоже вырастет. Индийские компании из сферы информационных технологий наняли на работу более 17 тыс. программистов в странах Латинской Америки. Корпорация Reliance Industries, владеющая самым большим нефтеперерабатывающим комплексом в мире, четверть своей нефти получает из Латинской Америки. Videsh вложила 2,2 млрд долл. в нефтедобычу в Венесуэле. А компания Jindal разрабатывает одно крупнейших в мире месторождений железной руды и строит там сталелитейный завод. Индия проявляет интерес к опыту латиноамериканских компаний в решении проблем урбанизации, развития пищевой промышленности, банковского сектора[3].

Латинская Америка возвращается в орбиту российской внешней политики. Сейчас интерес, скорее, прагматический и экономический.

В Мексике реализуются контракты на поставку турбин для ГЭС, 20 самолетов Сухой Суперджет, вертолетов, работает центр по ремонту российской авиационной техники. Российские специалисты участвуют в развитии мексиканской космической программы, С Аргентиной Россия активно сотрудничает в области гидроэнергетики, а Росатом поставляет изотопную продукцию и готовится строить АЭС. В Венесуэле российские компании участвуют в разработке месторождения Хунин-6 и ряде других энергетических проектов, создается совместный банк. В Перу поставляются наши вертолеты и машины «Лада». В Эквадор Россия поставляет оборудование для строящихся на реках Тоачи и Пи-

---

[1] *Zbignew Brzezinski.* Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012. P. 108–109.

[2] *Константин Волков.* По воде до Тихого // Российская газета. 26 декабря 2014.

[3] *Jude Webber.* Subcontinent Prepares to Be Next China // Financial Times Special Report. April 26, 2011.

латон каскадах ГЭС. Крупнейшими партнерами на континенте выступают Бразилия — 7 млрд долл. в 2013 г. и Аргентина — 2 млрд[1].

Развивается военно-техническое сотрудничество. Перу поставляются танк Т-90С и бронетранспортер БТР-80А, поставлены два десятка вертолетов Ми-171. Крупные контракты Москва заключила в 2013 г. с Венесуэлой — на сумму в 11 млрд долл. на разные виды боевой техники и вооружений — от автоматов Калашникова и строительства заводов по производству АК и патронов к нему до многофункциональных истребителей Су-30МК и бронетехники. Нашими вертолетами и системами ПВО интересуется Аргентина, предлагает построить для нее ледокольное судно для работы в Антарктиде, большегрузные автомобили «Урал» ходят в Уругвае и Мексике, некоторые страны прорабатывают возможность поставки к ним пожарного самолета Бе-200. На латиноамериканском рынке оружия у России много серьезных конкурентов: не только США, но и Франция, а также Китай, который предлагает боевую технику и вооружение, скопированное с российского, уступающее по качеству и тактико-техническим характеристикам, но выигрывающее по цене.

В июле 2014 г. Путин совершил латиноамериканское турне, посетив Кубу, Никарагуа и Аргентину, затем нанес официальный визит в Бразилию, побывав в Рио-де-Жанейро, Бразилиа и Форталезе. Президент России также принял участие в работе саммита БРИКС, по итогам которого были приняты Форталезская декларация и Форталезский план действий. Путин провел двусторонние встречи не только с коллегами по БРИКС, но и с латиноамериканскими лидерами — президентами Венесуэлы Николасом Мадуро, Боливии Эво Моралесом, Уругвая Хосе Мухикой, встретился на полях саммита с президентами Перу Ольянтой Умалой, Чили Мишель Бачелет и Колумбии Хуаном Сантосом. Путин посмотрел финал чемпионата мира по футболу, по окончании которого Россия приняла эстафету проведения этого турнира в 2018 г.

В странах Латинской Америки хорошо идет канал RT на испанском языке. Девятого октября 2014 г. в режиме телемоста Владимир Путин и президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер дали старт началу вещания телеканала Russia Today на испанском языке в эфирной сети Аргентины. Как сказала Киршнер, «мы это делаем благодаря использованию собственных каналов, без участия больших каналов и больших международных СМИ, которые обычно передают новости, используя собственные интересы. Мы можем общаться между нашими народами без всяких посредников, чтобы мы могли передать наши собственные ценности». Путин, в свою очередь, выразил удовлетворение тем, что «в вашей стране появится солидный и, главное, достоверный

[1] *Павел Тарасенко.* Россия внедряется в Латинскую Америку // Коммерсантъ. 13 июня 2013.

источник сведений о происходящем в России и в мире… Приметой времени стали и жесткие информационные войны, попытки некоторых стран установить монополию на правду и использовать это в своих интересах».

Очевидно, что России непросто избавиться от подозрений в продолжении геополитических игр. Недавняя демонстрация российского флага на Кубе, в Венесуэле, Никарагуа не были однозначно позитивно восприняты латиноамериканским истэблишментом, не говоря уже о Вашингтоне. В Бразилии и ряде других стран существуют настороженность в отношении поставок российского вооружения в Венесуэлу. Культурный посыл России в Латинской Америке ограничен. «Единственный российский призыв, пользующийся ответной реакцией в регионе, — положить конец американской униполярности»[1], — пишет Жоао Фабиу Бертонья из бразильского университета Маринга.

Латиноамериканцы отстаивают равные условия в мировой торговле, доступ к источникам финансирования, рынкам сбыта, преодолении разрыва между Севером и Югом, против односторонних и силовых методов обеспечения безопасности против активизации существующих или создания новых военных блоков. Они ставят вопрос об обеспечении большей представительности Совета Безопасности ООН, в том числе за счет государств континента. При этом страны пока не могут договориться между собой по данному вопросу. Претензии Бразилии на место в Совбезе оспариваются Мексикой и Аргентиной, выступившими за представительство региона на ротационной основе.

Начиная со встречи в Эвиане, Бразилия, Мексика и Аргентина приглашаются для консультаций на саммиты «Большой восьмерки». В предложениях Николя Саркози по расширению «восьмерки» в «тринадцать», высказанных в период французского председательства, Бразилия и Мексика (наряду с Китаем, Индией и ЮАР) рассматривались в качестве перспективных кандидатов на членство в элитном клубе.

У Европейского союза весьма неплохие отношения с латиноамериканскими государствами. Серьезным преимуществом Европы является культурная близость. «В разных странах региона ассимилировались и начали думать по-бразильски или, скажем, по-аргентински порядка 30 млн итальянцев, 25 млн испанцев, около 15 млн немцев, 50 млн португальцев, не говоря уже о выходцах из Польши, Скандинавии, России»[2]. Предусмотрен механизм саммитов Евросоюза и CELAC, которые проходят раз в два года. В январе 2013 г. на саммит в Сантьяго прибыли Ангела Меркель и испанский премьер Мариано Рахой. Основным пунктом переговоров являются торговые взаимоотношения

[1] Цит. по: *Андрей Давыденко.* Ж.Ф. Бертонья: Конец американской гегемонии в Южной Америке? // Международная жизнь. Май 2011. С. 150–159.

[2] Цит. по: Там же. С.

между ЕС и МЕРКАСУР об открытии рынков, пока безуспешные. Более удачно складываются для Евросоюза отношения с Тихоокеанским альянсом: со всеми его четырьмя членами ЕС имеет договоры о свободной торговле[1].

Латинская Америка мало затронута волной милитаризации. Средний уровень оборонных расходов по континенту даже слегка сократился: с 1,42% от их совокупного ВВП в 1999 г. до 1,35% в 2008-м. Рост зафиксирован только в Бразилии, но и там их уровень не превышает 1,7% от ВВП, и в Венесуэле. В марте 2009 г. в Саньяго впервые встретились 12 министров обороны, входящие в Североамериканский оборонный совет (South American Defence Council), который был создан для поддержания диалога и обеспечения координации по вопросам безопасности на континенте. Центральными стали вопросы транспарентности оборонных расходов и военных программ. Аргентина выступила с предложением выработать стандартную методологию составления соответствующих бюджетов, чтобы избежать взаимной подозрительности и недоверия. Но пока военное сотрудничество остается на начальной стадии[2].

Куда идет Латинская Америка? Большинство экспертов и политиков континента ответят: туда, куда пойдет Бразилия.

Бразильская модель

Превращение Бразилии не только в экономического, политического и цивилизационного лидера Латинской Америки, но и в одного из лидеров глобального роста является одной из наиболее интересных тенденций развития планеты в XXI в. Страна, которая 300 лет прожила под колониальным управлением, а затем более века демонстрировала весьма средние показатели под властью слабых демократических и не очень состоятельных авторитарных правительств, обрела динамизм и уверенность в себе.

Территория современной Бразилии стала португальской еще… до своего открытия. После первого путешествия Колумба Испания и Португалия предпочли разграничить сферы владения в Западном полушарии. Закрепленная Тордесильясским договором 1494 г. (действовал до 1777 г.) демаркационная линия была проведена через оба полюса и, как окажется, разрежет Южную Америку с севера на юг. Земли к востоку от нее отходили к Португалии, к западу — Испании. Испанцы не прогадали: именно на их части материка обнаружатся богатейшие цивилизации ацтеков и инков.

---

[1] Latin American Integration: Past and Future. P. 40.

[2] The Military Balance 2010. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economies / IISS. L., 2010. P. 59.

Первым европейцем, высадившимся в Бразилии, был Винсенте Янес Пинсон, сподвижник Колумба, уверенный в том, что открыл путь в Индию, и принявший Амазонку за Ганг. Открытию в Испании не придали большого значения, и лавры первооткрывателя перешли к португальскому мореплавателю Педру Алварешу Кабралу, назвавшему обнаруженные им в 1500 г. земли островом Санта-Круш. Португальцы, озабоченные в то время освоением Азии и Африки, приступили к колонизации Южной Америки только через три десятилетия.

Прибрежная полоса Бразилии была превращена в переселенческую колонию. Основой экономики достаточно быстро стало выращивание сахарного тростника, который — вместе с техникой его выращивания — был завезен из Мадеры. Для работы на плантациях потребовались рабы, которых в массовом порядке ввозили из Африки (в основном они относились к банту, йоруба, эве, тви, хауса). Впрочем, в Бразилии из-за малой численности населения и относительной слабости Португалии классический колониальный режим так и не возник. Юг и большинство внутренних районов Бразилии долго не заселялись европейцами. В период с 1580 по 1640 год, когда Испания и Португалия были объединены под испанской короной и границы между двумя странами и их владениями исчезли, португальцы и их потомки двинулись в «экспедицию» (по-португальски bandeiras) и сильно раздвинули границы страны на Запад.

Бандейранты обнаружили золото, что вызвало золотую лихорадку и возвышение новых экономических центров. Всего на территории Бразилии были созданы 14 наследных феодальных владений — капитаний, некоторые из которых по площади превосходили саму Португалию. Границы испанских владений внутри Латиноамериканского континента были весьма неопределенными из-за отсутствия даже приблизительных географических карт, что давало возможность правившим в капитаниях донатарио расширять вверенные им португальским королем территории. В 1530–1550 гг. возникли первые города — Сан-Паулу (1532 г.), Эспириту-Санту, Олинда, Пернамбуку, Сантос, Рио-де-Жанейро (что в переводе означает «январская река», основан в 1555 г.), где большое значение, как и в испанских колониях, имело городское самоуправление — камара. В 1549 г. монарх, обеспокоенный ростом влияния многочисленных донатарио, создал в Бразилии единое правительство со столицей в основанном тогда же городе Баиа. В ходе последовавших в 1570-е гг. административно-территориальных реформ Бразилия делилась на Северную и Южную, с 1645 г. колония получила статус единого княжества, а затем — вице-королевства[1].

---

[1] *Евгений Ларин.* Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация. М., 2007. С. 230–231.

Коренному населению в Бразилии повезло больше, чем в тех землях Нового Света, которые были заселены испанцами или англичанами. В отличие от испанцев, столкнувшихся с организованным сопротивлением развитых цивилизаций ацтеков и инков, португальцы в Бразилии встретили лишь разрозненные племена тупи-гуарани, у которых нечего было отбирать, и заселение обошлось без лишней крови. В отличие от англичан, которые не видели в индейцах или неграх людей, достойных приобщения к христианству или, тем более, вступлению в брак, у португальцев, по словам бразильского социолога и историка Сержиу Буарке де Оланда, «нет или почти нет чувства расового превосходства, по крайней мере, того упрямого чувства, стоящего на пути многих компромиссов, которое так характерно для северных народов. Эта особенность национального характера португальцев, сближающая их с другими народами латинского происхождения и даже в большей степени с мусульманским населением Африки, объясняется, главным образом, тем, что к моменту открытия Бразилии португальцы в этническом плане были уже неоднородны»[1]. Действительно, политика Португалии в отношении индейцев напоминала ее подход к маврам в самой этой стране до XV в., когда мавры приравнивались к белым во всех гражданских актах, включая браки. Но и в Бразилии индейское население заметно сократилось из-за заболеваний и захватов земель поселенцами — с 5 млн в начале XVI в., когда началось португальское заселение, до 300 тыс. сегодня[2].

Католический идеал, как он был привнесен на землю Бразилии, призывал к созданию Града Земного, построенного на коммунитарных началах, предполагал христианизацию местного населения и не препятствовал смешанным бракам португальских колонистов с индейскими женщинами. Португальский католицизм оказался настолько податливым, что в бразильских церквах даже лики святых и самой Богоматери приобрели смуглый оттенок. Как подчеркивает российский латиноамериканист Борис Мартынов, «особая синергия рас, цивилизаций и культур, происходившая на территории Бразилии в XV–XVII вв., к началу следующего столетия, думается, должна была дать уже принципиально иное качество. Растворившись в местной среде, среди местных народов, восприняв их традиции, привычки и культуру как свои, португальцы к тому времени уже не могли не превратиться в бразильцев». Обширные пространства Бразилии были открыты уже не португальцами, а уроженцами Америки, которым не надо было прибегать к большому насилию. «В этом смысле “покорению” Бразилии португальцами больше соответствовал бы термин “освоение”, и в этом

[1] *Сержиу Буарке де Оланда.* Корни Бразилии. М., 2005. С. 29.
[2] *Michael Palin.* Brazil. L., 2013. P. 4.

было много общего с процессом освоения Сибири и Дальнего Востока в XVI–XVIII вв.»[1].

Культуру Бразилии и ее демографический состав определил синтез европейского, африканского и индейского (тупи-тапуайя, араваки, караибы) компонентов. Связующим звеном между разнородными в расовом и культурном отношении группами на протяжении истории страны было смешанное население: мулаты — потомки негров-рабов и португальских колонистов, метисы — дети индианок и португальцев. Особое место занимали пардо — потомки индейцев и африканцев, — которые старались преувеличить долю индейской крови, поскольку переход индейцев и метисов в категорию белых происходил легче, чем у мулатов. В бразильском фольклоре сочетаются мотивы индейских и африканских сказок, легенды о брандейрантах. На музыку сильно повлияла африканская мелодика, а бразильские песни — мод — восходят к португальским. А к какой культуре отнести красочные карнавалы с выборами короля самбы?

«Как и все латиноамериканские страны, Бразилия является проекцией иберийского католического культурного узла, но в отличие от "белых" стран так называемого "южного конуса" (Чили, Аргентина, Парагвай, Уругвай) или преимущественно индейской Мексики испытывает на себе значительное влияние африканского генотипа, — замечает директор американских программ Фонда «Русский мир» Николай Михайлов. — Это выражается в виде широко распространенного афрокатолического синкретизма с сохранением отдельных чисто африканских анимистических (шаманско-тотемических) традиций. Негры, мулаты, метисы и самбо Бразилии сегодня составляют половину ее… населения, и влияние этого этно-расово-культурного компонента продолжает расти. По этой причине вполне естественным выглядит начавшееся в последние десятилетия «возвращение» Бразилии в Африку… Учитывая, что ее расово-культурный архетип продублирован в Колумбии, Венесуэле и странах Карибского бассейна, мы можем полагать, что именно в этот регион и будет направлена ближайшая геополитическая экспансия Бразилии» [2].

В экономической истории Бразилии выделяют несколько циклов. Первый был связан с экспортом в Европу красного дерева (pau brazil), от которого и пошло наименование страны. Второй — в XVI в. — с выращиванием сахарного тростника и экспортом сахара, когда Бразилия покрывала практически 100% мирового спроса на этот продукт. Третий начался с XVIII в., когда были открыты богатые месторождения золота и алмазов, ставших главными предметами экспорта. Четвертый, в сле-

---

[1] *Борис Мартынов.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. С. 19, 17.

[2] *Н.Н. Михайлов.* Страны БРИКС и межцивилизационный диалог // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. М., 2013. С. 420–421.

дующем веке, вывел на первое место хлопок и кофе. На рубеже XIX–XX вв. наступил короткий период, когда Бразилия выступала монополистом по производству натурального каучука. Из всех этих культур до настоящего времени большое значение сохранили кофе и сахар[1].

В Бразилии борьба за независимость, как отмечалось, прошла довольно спокойно. После того, как Наполеон I в 1808 г. двинулся на Португалию, королевский двор перебрался в Бразилию, которая обрела равный с метрополией статус в Объединенном королевстве Португалии, Бразилии и Альгарвы. Когда король вернулся в Лиссабон и Бразилию такого статуса постарались лишить, оставшийся в Рио наследник трона Дон Педро в 1822 г. провозгласил независимость Бразилии и был коронован как ее первый император. По сути, суверенизация стала своего рода компромиссом в рамках королевского дома Браганcов. При Педру I и его наследнике Педру II, который правил почти полвека (1831–1889), была принята весьма передовая конституция, создана компетентная государственная администрация. Страна оставалась независимой монархией вплоть до 1889 г., когда регентша Изабель к возмущению земельной знати отменила рабство и военные лишили императора власти. Бразилия обрела статус независимой республики с федеративным устройством (провинции империи были переименованы в штаты), президентским правлением, двухпалатным Конгрессом (Палата депутатов и Сенат).

«Старая республика» просуществовала до 1930 г., когда была революционным путем заменена «новым государством» Жетулио Варгаса, который вскоре объявил чрезвычайное положение и распустил конгресс. Проводившаяся им «импортозамещающая индустриализация», когда правительство озаботилось строительством объектов промышленности и гидроэнергетики, привела к быстрому промышленному росту. Появилось трудовое и социальное законодательство, пенсии, при этом запрещались забастовки и участие огосударствленных профсоюзов в политической борьбе. Варгас отправил 25-тысячный корпус на европейский театр Второй мировой войны, тем самым Бразилия вступила на арену глобальной политики. В феврале 1945 г. были восстановлены демократические свободы, возникли легальные партии, возобновлялись дипотношения с Москвой. Создав собственную Трабальистскую (Рабочую) партию, Варгас призвал к сотрудничеству классов и укреплению госсектора в национальной экономике. Но осенью военные настоятельно попросили его покинуть пост президента[2].

Между тем начали набирать силу вышедшие из подполья коммунисты, БКП насчитывала 180–200 тыс. членов. В мае 1947 г. Федераль-

---

[1] *Евгений Ларин.* Всеобщая история: латиноамериканская цивилизация. С. 231–232.

[2] *Александр Строганов.* Латинская Америка: Страницы истории XX века. М., 2011. С. 55–56.

ный Верховный суд по инициативе правительства Дутры постановил аннулировать ее регистрацию. Министерство труда санкционировало вторжение полиции в штаб-квартиры 14 профсоюзов и запретило профцентр, находившийся под контролем коммунистов. В январе 1948 г. законом Конгресса были аннулированы мандаты федеральных и муниципальных депутатов, избранных по спискам компартии[1].

На выборах 1950 г. вновь победу одержал Варгас. В октябре 1953 г. он подписал закон о создании национальной компании «Петробраз», получившей монопольное право на добычу и переработку нефти. «В экономической области он проводил национальную линию, возлагая ответственность за проблемы платежного баланса на иностранный капитал, — пишет о причинах вновь быстро возникших у него проблем бразильский историк Борис Фаусту. — Его ответом на сомнения канадских и американских энергетических компаний относительно новых инвестиций в экономику Бразилии стал законопроект, согласно которому в данном секторе экономики создавалась государственная компания "Элетробраз" (апрель 1954 г.)»[2]. В августе того же года связанные с США военные предъявили ему ультиматум, и Варгас выстрелил себе в сердце в личных апартаментах дворца Катети.

Ускорение развитию Бразилии придал избранный президентом в 1956 г. чешский цыган Жуселио Кубичек, который провозгласил лозунг «50 лет за пять» и взялся воплотить в жизнь записанную еще в первую конституцию идею о создании новой столицы. Так родилась новая столица — Бразилиа (первой столицей был Сальвадор, второй — Рио) — городская Утопия, главным архитектором которой был коммунист Оскар Немейер. Город по форме напоминает самолет, фюзеляжем которого выступает Монументальная ось, вдоль которой размещены правительственные здания, а на западном конце расположены парламент и президентский дворец. Улицы пронумерованы, сектор гостиниц соседствует с сектором банков, сектором культуры и т.д. Это был символ новой Бразилии.

В 1964 г. власть вновь захватили военные, после чего до 1985 г. пять последующих президентов были генералами. В 2014 г. — после многомесячной работы, сопровождавшейся саботажем госчиновников и военных — будет подготовлен 4400-страничный доклад правительственной комиссии, расследовавшей преступления военных диктатур — особенно с 1964 по 1988 г. Задокументированы сотни случаев убийств, исчезновений людей, пыток, сокрытия тел. Президент Дилма Руссефф, сама подвергавшаяся пыткам, не смогла сдержать слез, когда представляла доклад[3]. «Спурт роста в середине XX в был профинансирован за счет

---

[1] *Борис Фаусту.* Краткая история Бразилии. М., 2013. С. 296–297.
[2] Там же. С. 307.
[3] *Максим Макарычев.* Когда плачет президент // Российская газета. 12 декабря 2014.

внешнего долга в полузакрытой экономике, которая обвалилась в разгар нефтяных шоков 1970-х гг. Последовали два неустойчивых десятилетия безудержной инфляции, которая превысила 700% в год к началу 1990-х»[1], — подметил Джозеф Най.

Важной вехой стали принятие новой Конституции в 1988 г. и первые за три десятилетия президентские выборы 1989 г., принесшие победу Фернанду Коллору ди Мелу. Как отмечают авторы книги Why Nations Fail Дарон Акемоглу и Джеймс Робинсон, последующий подъем Бразилии «не был сконструирован экономистами международных институтов, дававших советы, как лучше строить политику и избежать падений рынка. Он не был достигнут путем вливания внешней помощи. Он не был естественным следствием модернизации. Он был результатом решения разнообразной группы людей создать инклюзивные институты. Постепенно это привело к более инклюзивным экономическим институтам»[2].

Бразильское экономическое чудо в немалой степени связано с амбициозной и рациональной политикой двух ее президентов — лидера Партии бразильской социал-демократии Фернандо Энрике Кардозу и лидера Партии трудящихся Лиаса Инасио Лула да Сильва (более известного в народе как Лула), ученицей и продолжательницей дела которого является нынешняя президент Дилма Руссефф.

В Бразилии 1990-е гг. получили название «десятилетие реформ». Выборы 1994 г. проходили еще в обстановке всеобщего национального уныния и пессимизма: экономика пребывала в длительном застое, госдолг безнадежно рос, инфляция достигала 30% в месяц, страна была отрезана от мирового рынка капиталов, поскольку отказалась обслуживать внешний долг. Победу одержал тогдашний министр финансов Кардозу — либеральный социолог и политолог с международной известностью, выходец из семьи потомственных военных и госчиновников. В основе его политики было следование либеральным макроэкономическим принципам при одновременном увеличении социальных программ, которые позволили бы поднять покупательную способность населения.

Была проведена приватизация госсобственности на общую сумму в 100 млрд долл. (больше, чем где-либо в развивающемся мире), что помогло сбалансировать бюджет. «План реал», связанный с введением новой денежной единицы, позволил в течение нескольких месяцев остановить инфляцию. Санация и приватизация банков, принадлежавших правительствам штатов, общая модернизация банковской системы, частичная демонополизация нефтегазового сектора и допуск в нее ино-

[1] *Joseph S. Nye, Jr.* The Future of Power. N.Y., 2011. P. 175.

[2] *Daron Acemoglu, James A. Robinson.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N.Y., 2012. P. 457.

странных инвесторов, приватизация телекоммуникационного сектора, принятие законодательства о концессиях дали серьезный импульс для притока частных инвестиций, в том числе зарубежных. Начались серьезные реформы в налоговой, пенсионной системах, преобразование аграрного сектора. Результаты оказались впечатляющими. Макроэкономическая стабильность, таргетирование инфляции, плавающий курс валюты, накопление и инвестирование золотовалютных резервов, получаемых от продажи природных ресурсов, климат политической стабильности резко выделили Бразилию в лучшую сторону из числа латиноамериканских собратьев.

Несмотря на несомненные успехи либеральной политики правительства Кардозу, в 2002 г. ПБСД была вынуждена уступить власть левым. Почему? Сам Кардозу в своих мемуарах объяснил это тем, что его соотечественники не любят капитализм: «Эту систему не любят парламентарии, журналисты, профессора. А внутри этой системы они особенно не любят банки, финансовые рынки и спекулянтов… Они любят государство, любят государственное вмешательство, общий контроль и контроль над валютными операциями… Они не любят отечественный капитал, но еще больше — международный. Идеал, сидящий у них в головах, — это изолированный некапиталистический режим с сильным государством и обширными социальными программами… Правительство, которое предлагает интегрировать Бразилию в новое международное разделение труда, рассматривается как неолиберальное. Этот ярлык предполагает, что оно не хочет решать социальные проблемы»[1].

Новый президент — Лула — внешне выглядел как полная противоположность Кардозу. Лула родился в бедной рабочей семье на отсталом северо-востоке, рос без отца, не окончил школу и посвятил всю жизнь организации профсоюзного и забастовочного движения. Его восхождение на политический Олимп Бразилии стало одним из проявлений «левого ренессанса» континента.

Придя к власти, Лула не отказался от макроэкономической политики Кардозу. Единственным принципиальным отличием стало полное сворачивание дальнейшей приватизации. Темпы экономического роста достигли к 2007 г. 5,4%, в 2008 — 5,1%[2]. В следующем году из-за падения мировых цен и спроса на сырье, частичного паралича международного кредитного механизма и заметной утечки капитала ВВП сократился до 3,5%, но уже в 2010 г. вырос на рекордные 7,5%, в 2011-м наблюдался 4-процентный рост. С 2002 по 2008 г. первичный профицит федерального бюджета составлял от 2,2 до 2,8% от ВВП, и даже в кризисном

---

[1] Цит. по: *Сергей Васильев.* Эпоха двух президентов: Бразилия на пути модернизации // Россия в глобальной политике. № 5. 2010. С. ?

[2] *Э.И. Панков.* Бразилия: стремление в будущее // Вестник МГИМО-Университета. № 4. 2010. С. 200–201.

2009-м был в плюсовой зоне (0,64% ВВП). Размер прямых иностранных инвестиций рос на 26% ежегодно на протяжении пяти лет, достигнув 48,5 млрд долл. в 2010 г. На Бразилию в 1998–2008 гг. пришлось 31,3% от зарубежных инвестиций в Латинскую Америку (274 млрд долл.)[1]. Инфляция сократилась с 200% в 1990 г. до 4,8% в 2008-м.

Гораздо больший акцент был сделан на социальные программы, из которых наибольшую известность приобрела Bolsa Familia — «семейный кошелек». Трансферы беднейшим семьям были увязаны с посещением детьми школы и прохождением регулярной вакцинации. Повышались пенсии и минимальные зарплаты. Центральным звеном политики стимулирования экономического роста стала серия инфраструктурных программ. Социальные и строительные проекты увеличили долю госрасходов в ВВП за 2002–2008 гг. с 21,7 до 23,8%[2]. В феврале 2004 г. было создано Министерство социального развития и борьбы с голодом, которое работало во всех в 5563 муниципалитетах, охватывая 68 млн человек (37% населения). С 1995 по 2005 г. затраты на социальную помощь бедным выросли с 1,3 до 18,8 млн реалов, т.е. в 13 раз. За 1990–2005 гг. число бразильцев, чей доход составлял меньше 1 долл. в день, упало до 4% от общего числа населения, детская смертность сократилась почти в два раза[3].

Считается, что благодаря социальным программам Лулы 20,5 млн бразильцев вырвались из нищеты, а 40 млн — население Аргентины — пополнили средний класс с 2003 до 2011 г., когда средняя зарплата росла на 4,61% в год[4]. Это создало почву для политической стабильности и продолжения реформ при администрации Дилмы Руссефф (болгарки с русскими корнями), которая вступила в должность 1 января 2011 г.

Тропический гигант

Бразилия — крупнейшая страна Латинской Америки (8,5 млн кв. км, 5 место по территории в мире). Ее географическое положение, как подчеркивает Роберт Каплан, «не создает ей конкурентных преимуществ. Она лежит изолированно в Южной Америке и географически отдалена от остальных континетов»[5].

---

[1] *В.М. Давыдов, А.В. Бобровников.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009. С. 46.

[2] Там же.

[3] *А.Ю. Борзова.* Подходы Бразилии к проблеме «устойчивого развития» в рамках БРИКС // Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации. М., 2012. С. 180–181.

[4] *Marcelo Neri.* The New Brazilian Middle Class and the Bright Side of the Poor // Poverty in Focus. On the Middle Class. International Policy Center for Inclusive Growth. No. 26. October 2013. P. 18.

[5] *Robert D. Kaplan.* The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate. N.Y., 2013. P. 31.

Население в 2012 г. превысило 200 млн человек, также пятое место в мире. В составе бразильцев выделяют три расовых компонента — европеоидный, монголоидный и негроидный. Пятьдесят пять процентов населения — европейцы и их потомки, 38% — метисы и мулаты, 6 — негры, 1% — японцы, арабы и индейцы. В бразильском варианте португальского языка выделяются три диалекта: северный, северо-восточный и южный. Среди метисов и индейцев распространен также язык, именуемый лингуа жерал. Некоторые негры сохраняют африканские языки кимбунду и йоруба. Девяносто процентов верующих — католики, остальные — протестанты или спиритуалисты.

Казалось бы — верх разнообразия. И все же фактом является существование особой «бразильской расы», притом, что слово «раса» никогда не носила для жителей страны негативного оттенка. Страна имеет основания называть себя «плавильным котлом». «Бразилия — не аморфная федерация, не многоязыкая конфедерация; это — удивительно эффективная коллекция различных людей, которые счастливы видеть себя в первую очередь бразильцами, — подмечает известный глобальный путешественник Майкл Пэлин. — Процесс интеграции выковал одну из самых характерных черт Бразилии — толерантность. Есть и другие, как очень громкая музыка и очень холодное пиво, мягкое и апатичное произношение, которое звучит, как будто они только проснулись, и ощущение большинства бразильцев, что баланс между работой и жизнью должен быть точно смещен в сторону жизни. Существует знаменитая старая бразильская поговорка: “Para ingles ver” (“Англичанину виднее”). Она относится к определению разницы между “требованиями права и реальным поведением”, и для многих бразильцев гибкое отношение к закону является направляющим принципом»[1].

Когда дела в стране идут хорошо, бразильцы говорят: «Бог — бразилец». Дела в течение многих лет действительно шли очень неплохо. «В последнее десятилетие Бразилия превратилась в глобальный бренд и в глобальную державу, — писала в 2010-м в статье с красноречивым названием «Новый глобальный игрок» директор латиноамериканских исследований Нью-Йоркского Совета по международным отношениям Джулия Свейг. — Это пятая по величине земельная масса, восьмая по величине экономика и один из ведущих в мире производителей вещей, которые нужны всем остальным: от животных, овощей и минералов до воды, энергии и самолетов»[2].

По некоторым оценкам, Бразилия еще выше в мировой табели о рангах. В 2011 г. бразильский Госкомстат поставил ее ВВП по паритету покупательной способности выше и России, и Германии. Именно Бра-

[1] *Michael Palin*. Brazil. P. IX–X.
[2] *Julia E. Sweig*. A New Global Player. P. 173.

зилия является главным конкурентом России в борьбе за звание пятой или даже четвертой экономики планеты. ВВП на душу населения немного ниже, чем в России с ее меньшим населением, и составляет 91% от среднемирового уровня. Индекс неравенства Джини почти совпадает со среднемировым.

Сегодня Бразилия на 90% покрывает потребности внутреннего рынка за счет собственного производства, в том числе на 80% — в машинах и оборудовании. Быстро растет современная промышленность, продукция которой составляет 30% экспорта[1]. Корпорация «Эмбраер», созданная лишь в конце 1970-х гг., превратилась в третьего в мире производителя авиационной техники (после «Боинга» и «Эйрбаса»). Крупные достижения налицо в электронике, информатике, био- и нанотехнологиях, генетике, ядерных исследованиях. В Бразилии запущены два ядерных реактора, третий будет построен к 2015 г., после чего страна получит полный цикл обогащения урана. Еще четыре реактора намечено пустить в строй к 2030 г. Сегодня Бразилия располагает шестыми в мире доказанными запасами природного урана, который в основном пока отправляется за границу — в Канаду и Европу — для обогащения[2]. Бразильский военно-промышленный комплекс — безусловный лидер на континенте, многие виды оружия охотно закупаются другими странами. Реализуются крупные инфраструктурные проекты, включая строительство высокоскоростной железной дороги между Рио и Сан-Пауло стоимостью 22 млрд долл.

В последние десятилетия кардинальным образом изменилась ситуация с энергообеспеченностью Бразилии, которая еще в 1970-е годы импортировала 85% топлива. Причины — биоэтанол и нефть. Бразилия традиционно была одним из мировых лидеров в производстве этанола, который там называют просто алкоголем. Еще во времена Великой депрессии избыток сахара трансформировали в этанол, который в обязательном порядке добавлялся в моторное топливо. После войны дешевая нефть сделала его производство неактуальным вплоть до нефтяного кризиса 1973 г. К середине 1980-х уже 95% продаваемых в Бразилии новых автомобилей ездили на «алкоголе». С начала XXI в. три фактора вновь сделали этанол популярным: рост цен на нефть; достижения науки, заметно удешевившие производство этанола; и начало выпуска двигателей, способных работать на различных видах моторного топлива. Такие двигатели были установлены на 83% новых автомобилей, проданных в Бразилии в 2011 г. Причем, если производить этанол не из кукурузы, а из сахарного тростника (как это сейчас чаще всего и

[1] *Э.И. Панков.* Бразилия: стремление в будущее. С. 200.
[2] *Julia E. Sweig.* A New Global Player. P. 178.

происходит), то не требуется даже вырубать тропические леса, в которых тростник прекрасно растет[1].

Долгое время считалось, что в Бразилии нет нефти. Президент Petrobras Жозе Серджио Габриэлли вспоминал: «Мы должны были найти нефть. Мы не нашли ее на суше, и поэтому мы пошли на шельф». Разведка на шельфе осложнялась тем обстоятельством, что под толстым слоем воды лежит еще и полуторакилометровый слой соли. Тем не менее, в 2007 г. нефть была найдена в бассейне Сантос, который тянется на 500 миль параллельно южному побережью Бразилии. Сегодня страна обладает самыми передовыми технологиями бурения и добычи на континентальном шельфе, опережая даже традиционного лидера — Соединенные Штаты. Президент Лула назвал это событие повторным обретением независимости Бразилии, а Дилма Руссефф — «нашим паспортом в будущее». Крупнейший мировой эксперт в области энергетической политики Дэниел Ергин пишет: «Если все пойдет, как планируется, человеческие и технологические ресурсы подоспеют вовремя и не произойдет больших разочарований. Бразилия может в течение полутора десятилетий начать производить до шести миллионов баррелей в день, что будет вдвое больше текущей добычи Венесуэлы. Инвестиции должны быть огромными — полтриллиона долларов или больше, — но это должно катапультировать Бразилию в самый верх списка мировых производителей, превращая ее в один из столпов мирового предложения на десятилетия вперед»[2]. Впрочем, компания Petrobras и так уже является крупным глобальным игроком с операциями в 27 странах, а по оценке разведанных запасов нефти Бразилия переместилась с 24-го на 8-е место в мире.

Правительство Дилмы Руссефф, как и ее предшественника, исходит из тезиса об активной роли государства в стимулировании экономического роста. Сама она описывала свою долгосрочную политику следующим образом: «Бразилия восстановила способность планирования в таких областях, как энергетика, транспорт, жилищное строительство и санитария, переформулировала роль государства с большим упором на развитие социальной инфраструктуры. Открытие огромных запасов нефти на шельфе дает начало новому циклу индустриализации, особенно в секторах судостроения, нефтехимии и тяжелой промышленности в целом; это позволит Бразилии создать специальный фонд для инвестиций в социальную, научную, технологическую и культурную политику. Страна усилила компании, находящиеся под контролем государства, такие как Petrobras, Electrobras, а также над го-

[1] *Daniel Yergin.* The Quest: Energy, Security and the Remaking of the Modern World. L., 2012. P. 657–661.

[2] Ibid. P. 254–255.

сударственными банками, чтобы стимулировать развитие. Через активные механизмы защиты торговли, поддержанные правилами ВТО, она не позволит, чтобы промышленность пострадала от несправедливой конкуренции»[1].

Покровительство, оказываемое крупным национальным чемпионам, встречает критику со стороны многих западных экспертов. Иан Бреммер недоволен: «Бразильское правительство приняло серию законов, которые делают государственную нефтяную компанию Petrobras ведущим оператором по новой разведке и производственной деятельности, связанной с огромными шельфовыми месторождениями нефти. Разрабатывается также законодательство, направленное на развитие местной промышленности, обслуживающей нефтяной сектор, которое требует, чтобы определенный процент оборудования и услуг, используемых для добычи этой новой нефти, приходился на бразильских поставщиков. Учитывая масштабы и сложность добычи такого количества нефти с таких глубин и тот факт, что Petrobras уже реализует существующие проекты, возможно, компанию попросят сделать больше, чем она в состоянии исполнить»[2].

В период президентства Руссефф активизировалась промышленная политика, направленная на поддержку отечественного производителя. В 2011 г. было объявлено об отмене 20-процентного налога на фонд заработной платы для четырех отраслей, создающих максимальное количество рабочих мест — производство одежды, обуви, мебели и программного обеспечения. Политика «Покупай бразильское!» включала в себя также более жесткие меры борьбы с демпингом импортеров, контроль за происхождением товаров (многие китайские товары беспошлинно поступают через третьи страны), возможность осуществлять закупки для госнужд у местных производителей на четверть выше рыночной цены. Строительство и сфера услуг росли в результате мощного внутреннего спроса[3].

В Бразилии первоклассный банковский и финансовый сектор, фондовый рынок по объему является третьим в мире. В сентябре 2010 г. Petrobras поставила мировой рекорд, разместив свои акции на 70 млрд долл., сильно превысив остававшееся непревзойденным на протяжении 23 лет до этого достижение японской корпорации NTT в 36,8 млрд (большую часть акций — 42,5 млрд долл. — приобрело государство в обмен на шельфовые месторождения)[4]. Бразилия превратилась в одного из крупнейших кредиторов Соединенных Штатов,

---

[1] *Dilma Rousseff.* Brazil Will Fight Back Against the Currency Manipulators // Financial Times. September 22, 2011.

[2] *Ian Bremmer.* Every Nation for Itself: Winners and Losers in the G-Zero World. L., 2012. P. 125–126.

[3] Brazil's Industrial Policy: Dealing with the Real // The Economist. August 6, 2011. P. 39.

[4] *Алексей Алексеев.* Бразильский рекорд // Ведомости. 9 сентября 2010.

инвестировав более 160 млрд долл. в американские казначейские обязательства.

В Бразилии были едва ли не самые высокие для крупных экономик процентные ставки — 12,5%. «Валютная война», объявленная в 2010 г. министром финансов Гуидо Мантегой, включала в себя увеличение налогов на краткосрочные притоки капитала, повышение требований к капиталу банков, которым разрешены обменные операции. Центральный банк с середины 2011 до конца 2012 г. снизил процентную ставку с 12,5 до 7,25%, подвигал госбанки к более широкому кредитованию, налог на приток иностранной валюты и интервенции ЦБ привели к падению курса реала почти на 20%, были сокращены налоги на промышленность. Вырос спрос домохозяйств, снизилась инфляция.

Бразилия — четвертый в мире экспортер продовольствия, занимает первое место в мире по производству сахарного тростника, кофе и говядины, одно из первых — сои, мяса птицы, свинины, концентрированного апельсинового сока. Причем, пока под сельское хозяйство используется лишь четверть площади страны, есть резервы дальнейшего роста. По данным Всемирного банка, Бразилия «в одиночку» могла бы прокормить свыше 1 млрд человек.

Страна является экологической сверхдержавой. Наряду с Сибирью район Амазонки является «легкими планеты», а на Бразилию приходится три пятых амазонской сельвы. Приоритетом экологической политики является сохранение уникальных лесов Амазонии, где растут до 4 тыс. ценных пород деревьев, а также биоразнообразия самой реки, в которой водится до 2000 видов рыб. Только на одном дереве в лесах Амазонки ученые насчитали больше видов птиц, бабочек, муравьев и других представителей фауны, чем во всех лесах Англии. Это природная кладовая мира, ответственность за сохранение которой берут на себя многие латиноамериканские страны. Еще в 1901 г. в Рио-де-Жанейро прошел Географический конгресс с участием представителей Перу, Аргентины, Боливии, Колумбии, Парагвая, Уругвая и Бразилии для решения вопросов навигации по реке Ориноко, через Амазонку до дельты реки Эль Плата и выработано соответствующее соглашение, подписанное тогда же на Второй межамериканской конференции в Мехико.

Четвертого июля 1978 г. было подписано соглашение стран, территории которых находятся в бассейне Амазонки, нацеленное на развитие физической инфраструктуры бассейна. Однако ситуация в Амазонии продолжала ухудшаться[1]. По запасам пресной воды Бразилия (18% от мировых) опережает даже Россию. Гидроэлектростанции производят 40% необходимой стране энергии, столько же приходится на

[1] *Т.П. Петрова.* Экологические проблемы в странах БРИКС // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 122–125.

биотопливо. Бразильцы, по международным опросам, наиболее озабоченные проблемами окружающей среды жители планеты.

Лидерские амбиции Бразилии подкрепляются и в повседневной жизни. Страна стала весьма притягательным местом для миграции высококвалифицированной и высокооплачиваемой рабочей силы. С начала кризиса туда переселилось столь большое количество иностранных банкиров, менеджеров хедж-фондов, нефтяников, юристов и инженеров, что к 2011 г. цены на офисы в Рио-де-Жанейро превысили нью-йоркские. И это было не случайно: высококвалифицированные менеджеры получали в Рио вдвое больше, чем в Нью-Йорке. Количество разрешений на работу, выданных иностранцам, выросло на 144%. И это притом, что бразильское трудовое законодательство и гигантская бюрократия ставят заградительные барьеры трудоустройству подданных других государств. Попасть в англоязычные школы Бразилии можно только через длинные листы ожидания, элитная недвижимость в таком дефиците, что стоит втрое дороже, чем на пляжах Флориды. Не случайно, что недвижимость в Майами и других престижных городах США стала пользоваться большим спросом у бразильцев[1]. В списке миллиардеров журнала «Форбс» только в 2011 г. добавилось 12 новых бразильских имен.

Бразилию называют моделью «глобализации с социальной ответственностью». Жилищные кредиты стали субсидироваться государством, минимальные зарплаты постоянно повышаются. Программа Bolsa Familia охватывает сейчас до 40% населения и служит платформой для все новых социальных программ — «Вода для всех», «Зеленый грант», «Мой дом — моя жизнь», «Народный телефон» и «Социальный тариф на электричество». С начала президентства Руссеф реализуется и программа «Бразилия без крайней нищеты». Из абсолютной нищеты было выведено 22 млн человек, что означает практическое решение этой проблемы. Подсчитано, что без этих программ уровень бедности был бы на 33–50% выше. Они также способствовали сокращению в последние годы коэффициента Джини на 12–21%[2]. В конце 1990-х гг. только 2% небелых бразильцев имели высшее образование, в 2013 г. — 6%.

Через бюджет распределяется уже 35% от ВВП — наивысший показатель в Латинской Америке. При этом целые 13% от ВВП — необычайно высокий показатель — приходится на пенсионные выплаты[3]. Численность бразильского среднего класса, что означает доход в 131 долл. в месяц, достигла 100 млн человек, а пропорция людей, попадающих

---

[1] *Simon Romero.* Brazil Leaps Ahead as Global Economy Crawls // International Herald Tribune. August 13–14, 2011.

[2] Bolsa Familia Program: A Decade of Social Inclusion in Brazil. Executive Summary / Ed. by Teresa Campello, Marcelo Cortes Neri. Brasilia, 2014. P. 14–15.

[3] *Michael Mandelbaum.* BRIC Bust? // The American Interest. May/June 2014. P. 78.

в эту категорию, выросла с начала века с 38 до 53%. Такой уровень доходов нельзя признать высоким, но 73% граждан в 2013 г. были удовлетворены своим материальны положением. Вместе с тем, увеличение среднего класса порождает и его растущие ожидания, которые правительство далеко не всегда способно удовлетворить, что создает почву для социального протеста[1].

При этом, сохраняется и множество проблем. Качество образования остается низким, 16% населения — неграмотны. Бразилия все еще на третьем месте в Латинской Америке и десятом месте в мире по уровню социального неравенства, 26% населения живет в трущобах. В одном только Рио-де-Жанейро миллион человек — каждый пятый — обитает в стихийно застраиваемых фавелах, где бал часто правят криминальные группировки. После объявления Рио олимпийской столицей некоторые фавелы подверглись «пасификации», что включало в себя не только рейды вооруженной полиции, но и прокладку водопроводов и канализации, кабелей Интернета, установку уличных фонарей, создание социальных и образовательных служб. Велика безработица среди молодежи — 16,3%, тогда как для категории 25–49 лет — 5,7%, а старше 50 — 2,8%[2].

На сегодняшний день самой серьезной проблемой стало снижение темпов экономического роста. По оценкам The Economist, в 2015 г. ожидается рост на 1,8%, хотя правительство предприняло немалые усилия для его стимулирования. Размер ВВП на душу населения составит 11,41 тыс. долл. (12,65 тыс. — по паритету покупательной способности)[3]. Факторами, вызвавшими снижение темпов экономического роста, называют недружественное отношение правительства к частному капиталу, замедление роста цен на экспортные сырьевые товары, растущую выплату потребителями кредитов на приобретение автомобилей и других товаров долговременного пользования, снижение предложения рабочей силы из-за низкой безработицы, высокие цены на электричество. Для роста, как считают эксперты, страна должна избавиться от «бразильской наценки»: сочетания бюрократизма, все еще высоких налогов, дорогого кредита, переоцененной валюты и плохой инфраструктуры[4]. Рушир Шарма из Морган-Стэнли к числу слабостей бразильской экономики относит также излишний протекционизм: Бразилия считается одной из самых закрытых экономик в развивающемся

---

[1] *Antonio Sampaio.* Brazil's Angry Middle Class // Survival. August–September 2014. P. 108–109.

[2] *Carlos Henrique Corseuil, Miguel Foguel, Gustavo Gonzaga, Eduardo Ribeiro.* A Brief Overview of Youth Turnover in the Brazilian Formal Labor Market // Policy in Focus. Youth and Employment Among the BRICS. April 2014. No. 28. P. 10.

[3] The Economist. The World in 2015. P. 99.

[4] Brasil's Economy. A Breakdown of Trust; Stalled // The Economist. December 8, 2012. P. 17, 51-52.

мире — на импорт и экспорт приходится лишь 15% ВВП, хотя имеет репутацию крупнейшей торговой державы; высокие социальные расходы и низкие затраты на инфраструктуру, высокая доля государственных расходов в ВВП.

С 2013 г. существенным фактором стало также экономическое замедление Китая, что снизило спрос на железную руду и сою. Засуха в конце 2013 — начале 2014 г. вызвала нехватку электроэнергии, учитывая роль гидроэлектростанций. На Западе все сильнее критиковали экономическую политику Бразилии. В марте 2014 г. агентство Standard & Poor's снизило кредитный рейтинг страны до BBB — самого низкого уровня за шесть лет[1]. «Бразилия — когда-то любимица рынка, вышла у инвесторов из фавора… — писала в мае 2014 г. Financial Times. — На прошлой неделе Руссефф подняла социальные выплаты и сократила налоги, чтобы помочь экономике. Хорошая идея, если не считать, что Бразилии нужны меры по стимулированию предложения, чтобы повысить производительность, а не меры по увеличению спроса, которые лишь подстегивают и без того высокую инфляцию»[2]. Впрочем, значительная часть критики имела прямое отношение к шедшей в стране избирательной кампании, в которой Запад делал очевидную ставку на смену Руссефф.

Со времени принятия новой конституции в 1988 г., Бразилия проделала большой путь в создании современной демократической политической системы. И это притом, что исторический опыт и политическая культура этому мало способствовали. «Длительная историческая традиция закрепила в Бразилии характерный и для других латиноамериканских стран приоритет исполнительной власти над законодательной. Концентрация власти в руках президента при относительной слабости парламента, получившая название "суперпрезидентская республика", составляла сущность бразильской политической системы», — подчеркивает Людмила Окунева. В качестве тех черт политической культуры, которые в наибольшей степени повлияли на процессы демократического транзита исследовательница называла:

- Персонификацию власти и президенциализм: «Власть здесь традиционно персонифицировалась с лидером, активно действовавшим против "враждебных сил", — будь то олигархи, коррупционеры или "противники прогресса" вообще. Будучи избранным, этот лидер автоматически становился в массовом сознании "президентом всех бразильцев"».
- Устойчивое представление о харизме власти, воспринимаемой как средоточие «добра», и о бюрократии как «воплощенном зле».

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 93.
[2] Brazil's Olympian World Cup Blues // Financial Times. May 5, 2014.

- Отсутствие традиции индивидуализма, более фрагментарный характер общества, чем в Северной Америке, ориентация на религиозные, семейные ценности, на государство, повышенное ожидание правительственного патернализма.
- Пронизанность политической культуры «до-современными отношениями, прежде всего, имеющими глубокие корни клиентелизмом, традиционализмом, связью с государственным корпоративизмом и патримонизмом».
- «Коронелизм» (понятие, происходящее от слова «полковник», но имеющее также смысл «каудильо», «предводитель») как политический контроль местных лидеров над определенными районами и муниципиями для закрепления преимущественных прав определенных семейных кланов.
- Традиция популизма, «когда партии заигрывают с массами, но отнюдь не отражают их интересы».
- Потребительская ориентированность, стремление не инвестировать средства, а вкладывать их в предметы роскоши[1].

Демократия рассматривалась в качестве важной основы национального проекта и при Кардозу, и при Луле, и при Руссефф. По Конституции 1988 года (с поправками) Бразилия — демократическое правовое государство, федеративная республика, состоящая из 26 штатов и столичного федерального округа Бразилиа. Это — отчетливо выраженная президентская республика, хотя полномочия президента не безграничны, как в прежние времена. Президент не может самостоятельно издавать декреты, имеющие силу закона, хотя на совместном заседании палат парламента ему могут быть делегированы и законодательные полномочия. Но глава государства, который является одновременно и главой правительства, самостоятельно назначает и увольняет министров, является верховным главнокомандующим, вводит чрезвычайное положение и объявляет войну. Он назначает — с последующим утверждением Сената — членов Федерального верховного суда, генерального прокурора, председателя и директоров Центрального банка. В своей работе президент опирается на два совещательных органа — Совет республики (в составе вице-президента, председателей обеих палат конгресса, лидеров парламентского большинства и оппозиции в обеих палатах, министра юстиции и шести известных граждан) и Совет национальной обороны (вице-президент, председатели палат, министры юстиции, иностранных дел, планирования и обороны).

Национальный конгресс состоит из палаты депутатов и считающегося более значимым Федерального сената, которые, вместе с тем, имеют равные полномочия и наделены контрольными функциями относи-

[1] *Людмила Окунева.* Бразилия: особенности демократического проекта. С. 251, 255, 265–267, 268.

тельно друг друга. Правом на законодательную инициативу обладают депутаты и сенаторы, президент, высшие суды, генеральный прокурор и граждане в порядке народной инициативы.

Судебная власть включает Федеральный верховный суд, выполняющий роль высшей конституционной инстанции, и Высший суд юстиции, являющийся высшей апелляционной инстанцией. В систему правосудия входят также региональные федеральные судьи, Высший суд по трудовым спорам, Высший избирательный суд и Высший военный трибунал, суды штатов и местные суды. Уголовные дела рассматриваются судом присяжных. Независимость суда обеспечивается пожизненным назначением судей (они уходят в отставку в возрасте 70 лет) и невозможностью их смещения. Штаты имеют свои конституции, законодательные ассамблеи, губернаторов и вице-губернаторов, а муниципалитеты — муниципальные палаты, префектов и вице-префектов.

Конституция закрепила прямые выборы президента, вице-президента, депутатов, сенаторов, губернаторов, членов законодательных ассамблей штатов, мэров и мировых судей. Право голоса — с 16 лет, причем голосование обязательно для граждан с 18 до 70 лет. Минимум 30% мест в представительных органах резервируется за женщинами. Бразилия стала первой страной, полностью перешедшей на электронное голосование. Монополией на политическое представительство пользуются политические партии, участие в выборах беспартийных кандидатов исключено.

К факторам возможной нестабильности в Бразилии относят именно ее партийно-политическую систему. Правящей остается Партия трудящихся (ПТ), созданная в 1980 г. на съезде металлургов Сан-Паулу и объединившая первоначально широкий спектр левых сил — от гевaристов, троцкистов и маоистов до радикальной университетской интеллигенции и умеренных социал-демократов. Отвергнув классовую борьбу и диктатуру пролетариата, партия провозглашает своей целью демократический социализм и построение общества без эксплуатации. После выхода из ПТ «красного крыла» партия заняла более умеренные позиции. В конгрессе, избранном на 2011–2014 гг., были представлены 27 партий. Администрация Руссефф имела поддержку коалиции из более чем дюжины из них — от коммунистов и правых популистов: Партии трудящихся, Партии бразильского демократического движения, Демократической трабальистской партии, Коммунистической партии Бразилии, Бразильской социалистической партии и др. В совокупности они давали правительству конституционное большинство в три четверти голосов в Конгрессе. Но многие из этих партий интересовались не столько идеологией и законодательством, сколько получением должностей в госаппарате, где президент назначает до 25 тыс. чиновников, и в правительственных контрактах.

Вступив на путь борьбы с коррупцией, Руссефф сильно рисковала, заслужив в рядах некоторых союзников репутацию «опасно наивной» особы. Коррупционные скандалы сотрясали правящую коалицию. В августе 2011 г. ее покинула небольшая Партия республики во главе с руководителем Министерства транспорта, в котором обнаружились серьезные злоупотребления. Был арестован замминистра туризма и 30 его подчиненных по обвинению в разворовывании средств, предназначенных на подготовку персонала гостиниц в преддверии чемпионата мира по футболу. Ушел в отставку министр сельского хозяйства, который был прямым ставленником вице-президента Мишеля Темера, чья Партия бразильского демократического движения являлась главным союзником ПТ. Подчеркнуто технократичный политик, ранее не занимавший выборных постов, Руссефф затягивалась в болото межпартийных интриг[1]. Этим в полной мере старалась воспользоваться оппозиция.

По итогам первого года президентства Руссефф The Economist отмечал, что она «была достаточно осторожна и не осуществляла перемены настолько серьезные, чтобы они выглядели как отрицание политики Луиса Игнасио Лула да Сильва, ее предшественника и патрона. Она подождала, прежде чем уволить унаследованных от него коррумпированных министров до того момента, когда обвинения против них не стали очевидными, и осуществила лишь ограниченные реформы…»[2].

В ноябре 2012 г. более чем три четверти респондентов определили ее работу как «хорошую» или «отличную». Крупнейшая оппозиционная сила — правоцентристская Партия бразильской социал-демократии — делала ставку на сенатора Аэцио Невеса, который был коронован как лидер партии и ее кандидат на пост президента в декабре 2012 г. На его стороне имя — его отец Танкредо Невес был избран президентом страны в 1985 г., но умер, не успев вступить в должность — харизма и два срока успешного губернаторства во втором по численности населения штате — Минас Гериас[3].

В 2013 г. серьезно осложнились отношения Бразилии с США. Стало известно, что АНБ США отслеживало переговоры Руссефф, членов ее правительства и военного руководства. В знак протеста президент Бразилии отменила государственный визит в США, а затем, не получив ни извинений, ни даже обещаний, что слежка за ней не будет продолжаться, начала действовать: выступила с осуждением операций АНБ и ЦРУ в Латинской Америке, приняла меры по обеспечению безопасности телекоммуникаций, усилила контроль за деятельностью представителей США в стране. В этих обстоятельствах переизбрание Дилмы Руссефф, к

[1] Dilma Tries to Drain the Swamp // The Economist. August 20, 2011. P. 41–42.

[2] Coming into Her Own // The Economist. February 18, 2012.

[3] Stalled // The Economist. December 8, 2012. P. 52; Politics in Brazil: Early Kick-Off // The Economist. February 23, 2013. P. 40.

которой и до этого были серьезные претензии, в Вашингтоне, похоже, сочли нежелательным. На Западе существовали также надежды на то, что победа правых в Бразилии может поменять политический вектор всего континента. Именно там разворачивалась схватка за Латинскую Америку.

Серьезный импульс оппозиции придали начавшиеся в июне 2013 г. массовые движения протеста, которые первоначально были спровоцированы повышением цен (рубля на три) на проезд в общественном транспорте, а также возмущением огромными тратами на чемпионат мира по футболу 2014 года. Футбол — мощнейший нациеобразующий фактор для Бразилии. Огромный импульс национальному самосознанию придало избрание Бразилии хозяйкой чемпионата мира в 2014 г., как и летней Олимпиады-2016. Но при этом лишь 34% бразильцев полагали, что проведение чемпионата полезно для экономики, потому что создает рабочие места, 61% — что плохо, поскольку отвлекает средства от более насущных нужд[1]. Полагаю, все затраты и неудобства, вызванные подготовкой к чемпионату, были бы прощены, если бы сборная Бразилии его выиграла. Но сокрушительные поражения в концовке чемпионата вызвали шок и приступ недовольства.

Во главе протеста, как и в Москве, и в Киеве, оказался «креативный средний класс», недовольный политикой правительства в целом. Не обошлось без влияния внешних сил и социальных сетей, число пользователей которых возросло с 6 млн в 2010 г. до 83 млн в 2014-м, и потому все потенциальные кандидаты активно использовали Интернет. И Невес, и председатель вышедшей из правящей коалиции центристской Бразильской социалистической партии (БСП), губернатор Пернамбуко Эдуарду Кампос, обещавший избавить Бразилиа от старомодного политического фаворитизма и добиться автономии Центрального банка. Популярность Руссефф заметно снизилась с пика, достигавшего 77%, до 47% весной 2014 г., хотя она опережала и Невеса с 17%, и Кампоса с 12%[2].

Но, похоже, на выборах основная ставка США была сделана на Марину Силву, защитницу окружающей среды, всегда имевшую тесные связи с Вашингтоном. В течение пяти лет она входила в правительство Лулы, но в знак протеста против его политики демонстративно сменила партийную принадлежность, став членом Зеленой партии. На президентских выборах в октябре 2010 г. Силва заняла третье место с почти 20% голосов. В 2014 г. она приступила к созданию так называе-

---

[1] Most Say Hosting World Cup is Bad for Brazil: 2014 / Pew Research Center. URL: http://www.pewglobal.org/2014/06/03/brazilian-discontent-ahead-of-world-cup/brazil-report-03/

[2] Brazil's Presidential Election: Winning Hearts and Likes // The Economist. March 15, 2014. P. 43–44; Joe Leahy. Former Governor Offers Brazil a Third Way // Financial Times. May 5, 2014.

мых Сетей устойчивого развития взамен «изживших себя партийных структур». Однако по Конституции можно регистрировать партии, но не сети, и пришлось искать запасной вариант. Эдуарду Кампос предложил ей стать вторым номером в БСП[1]. Но рейтинг партии был всего 9–10%, а в СМИ вспыхнули обвинения его в коррупции. Тринадцатого августа 2014 г. в Сантосе (штат Сан-Паулу) вылетевший из Рио-де-Жанейро самолет Cessna 560XL, на борту которого находился Кампос, при заходе на посадку рухнул на жилой район. Руссефф распорядилась о временной приостановке избирательной кампании. В стране был объявлен траур. Редкое СМИ не обсуждало версию теракта, организованного американскими спецслужбами. Гибель Кампоса привела к немедленному резкому росту рейтинга Силвы, которую соцпартия объявила кандидатом в президенты — 34–35% в первом туре с возможностью победы во втором. Заявив себя как борца против «чавизма» в Бразилии, Силва призывала не торопиться с консолидацией БРИКС, не спешить с реализацией заключенных в Форталезе соглашений о Банке развития, Резервном фонде, высказывала сомнения по поводу Южноамериканского совета обороны.

Однако первый тур выборов 5 октября 2014 г. выбил Силву из седла: Руссефф набрала 42% голосов, Невес — 34, а Силва — только 21%. Теперь все усилия оппозиции и США были брошены на поддержку Невеса, и в какой-то момент казалось, что он вырвался вперед. Он резко критиковал Руссефф за устаревшие идеологические схемы, за коррупцию, выступал за резкое сокращение расходов, предоставление новых льгот частному сектору и за начало торговых переговоров с Вашингтоном. Однако в последние дни кампании маятник вновь качнулся в сторону президента, когда ее поддержали даже некоторые лидеры протестного движения, недовольные недостаточным вниманием Невиса к решению социальных проблем[2].

Руссефф одержала победу с 52% голосов. Но база ее поддержки в парламенте сократилась. Президент взяла на вооружение ряд программных установок своих оппонентов на выборах, поддержав идею бюджетной экономии. Новым министром финансов стал учившийся в Чикаго крупный брокер Иоаким Леви, Министерство планирования возглавил известный экономист Нельсон Барбоса, что было позитивно воспринято инвесторами[3].

Многие черты традиционной политической культуры Бразилии дают о себе знать. Тем не менее. тот прогресс, который достигнут страной на пути создания демократических институтов, заслуживает ува-

---

[1] Let the Games Begin // The Economist. The World in 2014. P. 59.
[2] *Евгений Бай.* Партизаны опять у власти // Мир и политика. Ноябрь 2014. С. 27.
[3] Dilma Changes Course // The Economist. November 29, 2014. P. 45.

жения. Еще в конце 1994 г. президент Кардозу сделал вывод о вступлении Бразилии в стадию «консолидированной демократии», а еще через год уверил, что возврат к авторитаризму снят с повестки дня[1]. Сегодня бразильская демократическая модель не вызывает больших вопросов у мирового сообщества.

Век Бразилии?

Идеи создания Великой Бразилии как самостоятельного центра регионального и глобального развития присутствовали в умах лидеров страны на протяжении многих десятилетий, были различимы в концепциях «нового государства» Варгаса или «нового панамериканизма» Жуселиу Кубичека. Правившие в 1960–1980-е гг. военные режимы были менее амбициозны и предпочитали позиционировать Бразилию как неприсоединившуюся страну и партнер, хотя вовсе не автоматический, Соединенных Штатов.

Все изменилось со времен Кардозу и Лулы. Сперва появилась концепция Бразилии как «Соединенных Штатов Юга». Затем Кардозу заговорил о «тропической России». При Луле была сформулирована новая парадигма, которую сам он скромно озвучил в Риме в октябре 2005 г.: «XIX век был веком Европы, XX — веком США. XXI век будет веком Бразилии»[2]. Его доктрина чем-то напомнила популярную в Соединенных Штатах концепцию «предопределения судьбы». Не прибегая к силе или территориальной экспансии, Бразилия создала многоэтничную и мультикультурную демократию со стабильной рыночной экономикой и растущим средним классом. Бразильцы самого разного происхождения убеждены, что уже в силу своих достижений страна должна рассматриваться как глобальная держава и вести себя соответствующим образом.

Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Роджер Коуэн, четверть века до этого живший в Бразилии, описывал свои наблюдения от посещения страны в 2011-м: «Новое популярное слово (buzzword) в экономических кругах это “конвергенция”, процесс преодоления открывшегося 150 лет назад с началом промышленной революции разрыва в развитии между развивающимися экономиками, в которых живет пять миллиардов человек, и развитыми экономиками. Приехать в Бразилию в эти дни из Соединенных Штатов или Европы — это почувствовать мир перевернутым с ног на голову. Безграничный оптимизм заменил собой экономическое уныние… Люди уверены, что их дети будут жить лучше, чем они сами. Бразильцы разговаривают с индийцами и китайца-

[1] *Людмила Окунева.* Бразилия: особенности демократического проекта. С. 774.

[2] *В.М. Давыдов, А.В. Бобровников.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике… С. 27–28.

ми об инвестициях; они считают, что старые державы становятся маргинальными для XXI века»[1].

Вместе с тем, особенности национального характера, в котором терпимость занимает исключительное важное место, накладывают отпечаток и на внешнюю политику. «Бразильцы не любят запрещать и читать нотации, они стремятся приспособиться друг к другу… С конца разрушительной войны с Парагваем в 1860-е гг. Бразилия избегала каких-либо крупных конфликтов»[2], — подметил Майкл Палин. «С точки зрения мягкой силы бразильская народная культура карнавала и футбола имеет транснациональную привлекательность, и она разработала внешнюю политику, направленную на трансляцию позитивного имиджа в Латинской Америке и за ее пределами»[3], — отмечает Джозеф Най.

Конечно, в центре внешней политики Бразилии — Латиноамериканский континент, где она задает тон интеграционным процессам. И в индивидуальном качестве, и как лидер МЕРКОСУР, УНАСУР, других объединений, Бразилия осуществляет трансконтинентальные контакты с другими крупными державами, такими как Индия, ЮАР, Германия, Россия, Китай. В рамках сообщества португалоговорящих стран Бразилия выступает инициатором сотрудничества по линии Юг-Юг.

Все более уверенная в себе Бразилия претендует на место в Совете Безопасности ООН, активна на форумах по охране окружающей среды, организует развивающие страны в рамках Дохийского раунда переговоров в ВТО, добивается увеличения их голосующей доли в Мировом банке и Международном валютном фонде. Представитель Бразилии в МВФ Паоло Батиста негодовал в 2010 г.: «На Европейский Союз приходится около 20% глобального ВВП, но почти треть голосов в МВФ. Европейские страны занимают сейчас девять из 24 кресел в исполнительном совете. Управляющий директор МВФ — всегда европеец, и европейцы всегда излишне представлены в аппарате МВФ, особенно на высшем уровне… Настоящая реформа Фонда — критический тест на готовность развитых стран адаптироваться к меняющемуся миру»[4]. Под влиянием столь решительной позиции Бразилии и других участников БРИКС перераспределение голосующих долей в МВФ состоялось, пусть и в компромиссном виде (и до сих пор не ратифицировано в США).

В Бразилии весьма критически относятся к экономической политике ведущих западных держав и реалистично оценивают возможности крупных развивающихся стран. «Поднимающиеся экономики под-

---

[1] *Roger Cohen.* Brazil's Giddy Convergence // International Herald Tribune. July 5, 2011.
[2] *Michael Palin.* Brazil. P. 58.
[3] *Joseph S. Nye, Jr.* The Future of Power. P. 176.
[4] *Paolo Nogueira Batista.* Europe Must Make Way for a Modern IMF // Financial Times. September 24, 2010.

держивают рост в мире, но не способны взять на себя роль глобального центра силы, если им не помочь, — подчеркивала Руссефф. — Экономики, которые выпускают резервные валюты, управляют мировой ликвидностью без ощущения коллективного блага… Если они хотят преодолеть кризис, основные экономики мира должны дать более четкие сигналы политического сплочения и макроэкономической координации. Не будет восстановления, доверия или роста без большей координации в "Группе двадцати". Поэтому Бразилия поддерживает программу G-20 по сильному, устойчивому и сбалансированному росту, которая будет осуществляться всеми и для всех, без каких-либо исключений. Важно бороться с протекционизмом и всеми формами валютных манипуляций»[1].

Руссефф, как и ее предшественники, заявляла о стремлении строить продуктивные отношения с Соединенными Штатами на равноправной основе, отвергая любые попытки говорить с Бразилией в менторском тоне и избегая идеологических дискуссий. «Бразилия отвергнет любые предложения стать формальным союзником Вашингтона. Но как основной выгодополучатель от глобализации она не будет стремиться отвергнуть существующие правила игры. Она скорее постарается их мягко адаптировать к изменяющемуся миру»[2], — приходят к выводу Джулия Свейг и директор центра международных исследований бразильского Фонда Гетулио Варгаса Матиас Спектор. В США все больше понимают ценность Бразилии как ключевой державы Латинской Америки. От жесткой критики «покрасневшей» Бразилии после избрания президентом Лулы да Сильва США перешли к разговорам о необходимости двустороннего стратегического сотрудничества, даже просили Бразилию поумерить «антиамериканский радикализм» левых режимов, в частности, венесуэльского. Впрочем, о последующем обострении отношений нам уже тоже известно.

В 2007 г. Бразилия подписала в Лиссабоне Протокол о взаимном партнерстве с Европейским Союзом, который заметно расширил области двустороннего взаимодействия. После заключения Договора о стратегическом партнерстве с Францией в сентябре 2009 г. и начала массовых закупок военной техники французского производства для бразильской армии и технологий для ВПК на сумму более 10 млрд евро Европа становится привилегированным союзником.

Оправдывая свои претензии на место в СБ ООН, Бразилия возглавляла миротворческую миссию ООН на Гаити с 2004 г., а после землетрясения 2009 г. (когда погиб 21 бразильский военнослужащий), предложила 205-миллионный пакет помощи. Ее солдаты входили и входят

[1] *Dilma Rousseff.* Brazil Will Fight Back Against the Currency Manipulators.
[2] *Julia Sweig, Matias Spector.* Mr. Obama, Meet the New Brazil.

в миротворческие контингенты в Либерии, Центральноафриканской Республике, Кот д'Ивуаре, Восточном Тиморе[1].

Опираясь на ресурс собственной 10-миллионной общины выходцев с Ближнего Востока, Лула активизировал политику и в этом регионе, нанося визиты в Израиль, Иорданию, Западный берег реки Иордан, Турцию, пытаясь выступать посредником в арабо-израильском конфликте и даже при решении иранской ядерной проблемы. Своим главным аргументом в переговорах с Ираном Бразилия называла собственный пример. От ядерного статуса Бразилия отказалась фактически в 1967 г., когда подписала с Аргентиной Договор Тлателолко, в котором две страны обязались развивать мирные ядерные программы и установили процедуры взаимной верификации. Конституция 1988 года запретила обладание ядерным оружием, а в 1998-м Бразилия присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия и добровольно свернула секретную программу по созданию атомного оружия[2].

«Почему Обама не позвонит Ахмадинежаду, — вопрошал Лула, — почему этого не сделают Саркози или Ангела Меркель, или Гордон Браун? Люди не говорят. Я поеду и буду говорить»[3]. И поехал. В мае 2010 г. накануне голосования в СБ ООН резолюции по поводу жестких санкций в отношении Ирана министр иностранных дел Бразилии Селсо Аморим подписал со своими коллегами из Турции и Ирана декларацию о готовности Тегерана отправлять отработанное ядерное топливо на переработку в другие страны. США заподозрили заговор с целью предотвратить введение антииранских санкций, другие постоянные члены Совбеза сочли инициативу запоздалой. Бразилия оказалась в изоляции и впервые в истории проголосовала в СБ ООН против инициативы, поддержанной Соединенными Штатами.

Бразилия активно позиционирует себя и как ведущая держава португалоязычного мира. Семнадцатого июля 1996 г. в Лиссабоне на совещании глав и правительств Португалии, Бразилии, Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, Островов Зеленого мыса и Сан-Томе и Принсипи было создано Сообщество стран португальского языка (ССПЯ). Бразилия играла важную роль на переговорах Португалии, ООН и Индонезии по проблеме независимости Восточного Тимора (незаконно занятого Индонезией в 1975 г.), направляла свои миротворческие силы в эту страну, которая также вошла в состав ССПЯ[4].

Для Бразилии весьма органичной оказалась идея сотрудничества крупных восходящих держав, воплотившаяся в конструкцию БРИКС.

---

[1] *Julia E. Sweig.* A New Global Player. P. 175.

[2] Ibid. P. 178.

[3] *Alexei Barrionuevo, Ginger Thompson.* Brazilian President's Mission to Iran Worries U.S. Officials // International Herald Tribune. May 17, 2010.

[4] *Борис Мартынов.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. С. 265.

Еще правительство Кардозу сформулировало концепцию преференциального партнерства так называемых стран-гигантов. При Луле из списка потенциальных партнеров были молчаливо исключены США, Канада и другие развитые страны, с которыми Бразилия не находила понимания в связи со своими амбициями на членство в СБ ООН и по вопросу торговли в рамках ВТО. Выступая в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне 10 декабря 2002 г., Лула заявил, что Бразилия «будет искать новых партнеров среди стран, которые по размеру и потенциалу похожи на нас. Это — Россия, Китай, Индия». А министр иностранных дел Аморим на церемонии своего вступления в должность 1 января 2003 г. заявил о стремлении Бразилии «вступить в союз с великими развивающимися нациями — Китаем, Индией, Россией, Мексикой, ЮАР»[1].

Относительно членства в БРИК Бразилия первоначально высказывала немалые сомнения. Но сейчас очевидно, что эта организация, превратившаяся в БРИКС с присоединением Южной Африки, вызывает все больший интерес и энтузиазм. По мнению политического руководства Бразилии, страны БРИКС — «восходящие гиганты», экономики которых построены на «реальном производстве, а не на спекуляциях», наиболее динамично развивающиеся «глобальные производители и потребители» — представляют собой полюс в новом многополюсном мире. В социально-экономической области первоочередной интерес связан с вопросами освоения больших территориальных пространств и природных ресурсов, решения проблем демографии, разрыва в доходах на душу населения и уровнях регионального экономического развития, к торговой и экономической взаимодополняемости. В выступлениях политических лидеров Бразилии прослеживается и подчеркнуто заинтересованное отношение к потенциалу политического сотрудничества. Как отмечает известный дипломат и аналитик Желсон Фонсека, «пять стран будут играть какую-то роль во всех уравнениях мирового порядка… Трансформация БРИКС в политическую реальность, хоть и неформальную, соединяет и усиливает их политическое влияние»[2]. Бразилия может играть особую роль в БРИКС, считает посол Рубенс Барбоса, поскольку «располагает наибольшим потенциалом для выстраивания консенсуса и направления группы в русло мягкой силы»[3].

С помощью БРИКС Бразилия стремится получить постоянное место в Совете Безопасности ООН, усилить свою роль в формировании нового «справедливого» мирового порядка, в реформировании основных мировых финансовых институтов, в G-20, что важно и для

---

[1] Там же. С. 259, 269.

[2] *Gelson Fonseca Jr.* BRICS: Notes and Questions // Brasil, BRICS and the International Agenda. Brasilia, 2013. P. 23–24.

[3] Debating BRICS / Ed. by Jose Vicente de Sa Pementel. Brasília, 2013. P. 107.

закрепления статуса региональной державы и представителя интересов стран Латинской Америки на основных международных форумах. С довольно большой долей уверенности можно сказать, что Бразилия будет заинтересована в дальнейшей институционализации блока и в расширении повестки дня сотрудничества пяти стран.

С апреля 2009 г. первое место среди торговых партнеров Бразилии, оттеснив США, занимает Китай. Товарооборот в 2000–2010 гг. вырос почти в 25 раз и превысил 56 млрд долл. Велика заинтересованность китайской стороны в стабильных поставках железной руды (27% от экспорта в Китай), сои (23%) и нефти (6%). В китайском экспорте в Бразилию доминируют промышленные товары, причем недорогие потребительские изделия массового спроса (текстиль, одежда, обувь, детские игрушки, товары для дома и досуга) все более вытесняются промышленным оборудованием, транспортными средствами (в первую очередь — мотоциклами), химической продукцией, бытовой и вычислительной техникой.

В апреле 2010 г. в Бразилиа лидеры двух стран одобрили «План действий» на пять лет, предусматривавший углубление сотрудничества в сфере торговли и энергетики. Была достигнута договоренность о строительстве в Бразилии металлургического предприятия стоимостью 5 млрд долл., началось сотрудничество Petrobras и китайской корпорации Sinopec в области добычи углеводородов на бразильском шельфе. С 2003 по 2010 г. объем китайских инвестиций в Бразилию составил 37,1 млрд долл. — в портовое хозяйство, железные дороги, реакторы, добычу и производство металлов, нефтедобычу. На территории Бразилии действуют многочисленные китайские предприятия. Они заняты в деревообработке, индустрии питания, телекоммуникациях и производстве электробытовых аппаратов. Ряд бразильских предприятий, в свою очередь, осуществляют проекты в Китае, в частности, в области гидроэнергетики. Авиастроительная компания «Эмбраер» создала там завод для сборки своих гражданских среднемагистральных самолетов, действует бразильско-китайское соглашение по производству и запуску спутников CBERS (China-Brazil Earth Recognaissance Satellite). Новым стало использование национальных валют во взаиморасчетах.

Вместе с тем бразильские предприниматели с беспокойством воспринимают экспансию китайских товаров, выступают против заниженного курса юаня (хотя сами порой сталкиваются с аналогичными обвинениями в отношении реала). Из 12 нерешенных споров, которые Бразилия выносила на рассмотрение в ВТО, 8 имели отношение к Китаю. По страницам бразильской прессы прокатилась волна «экономического патриотизма»: появились материалы о «китайской торговой угрозе», раздались требования «защитить национальную индустрию от нечестной конкуренции азиатских компаний». Давление бизнеса и

общественного мнения стало настолько сильным, что бразильское правительство предприняло шаги по регулированию импорта из Китая ряда товаров[1].

В отношениях Бразилии с Индией торговые связи не играют такой роли, как с Китаем, хотя бразильско-индийский товарооборот с 2000 по 2010 г. вырос в 16 раз — с менее чем 500 млн долл. до почти 8 млрд и продолжал расти в период мирового кризиса. Эта торговля сводится с нехарактерным для Бразилии отрицательным сальдо. Началось стратегическое сотрудничество Petrobras и индийских энергетических компаний, новые возможности Бразилии как экспортера нефти вызывают в Нью-Дели очевидный интерес. Развивается сотрудничество в сфере науки, образования, высоких технологий, информатики, био- и нанотехнологии, освоении космического пространства (совместный проект по выводу на орбиту искусственного спутника Земли), металлургии, авиа- и автомобилестроения, в военно-технической области. Так, в августе 2012 г. компания EMBRAER передала Индии первые три самолета дальнего радиолокационного обнаружения СМВ-145[2].

Бразилия стала первым южноамериканским государством, с которым Россия установила дипломатические отношения — более 180 лет назад. Контакты между ними предшествовали официальным отношениям. В 1804 г. участвовавшие в кругосветных экспедициях корабли «Надежда» и «Нева» заходили в бразильские порты. Главными инициаторами сближения выступали академик и дипломат Г.И. Лангсдорф и основоположник бразильской дипломатической школы барон де Рио-Бранко[3]. Однако долго отношения пребывали в зачаточном состоянии, не в последнюю очередь из-за того, что Бразилия оказалась в сфере влияния США.

Импульс отношениям был придан при президенте Кардозу. В 1993 г. глава МИД Аморим на ГА ООН выразил солидарность с усилиями России в процессе демократизации. В октябре 1994 г. состоялся первый визит министра иностранных дел Бразилии в Россию. Евгений Примаков нанес визит в Бразилию в ноябре 1997 г. Была создана межправительственная комиссия высокого уровня (КВУ), соглашения по научно-техническому и военно-техническому сотрудничеству, в области

---

[1] *П.П. Яковлев.* Бразилия в БРИКС: модели двусторонних связей // Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 161–165; *Б.Ф. Мартынов, З.В. Ивановский, Л.Н. Симонова, Л.С. Окунева.* Ключевые интересы и целевые ориентиры Бразилии как участницы формата БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 95–97; *Owen Fletcher.* China Seeks Heft for "BRICS" // The Wall Street Journal. April 13, 2011.

[2] *Т.Л. Шаумян.* Фактор двусторонних отношений в формате БРИКС: опыт Индии // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 127; *П.П. Яковлев.* Бразилия в БРИКС: модели двусторонних связей. С. 165–166.

[3] *Сергей Лавров.* Между прошлым и будущим: Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 669–670.

мирного использования атомной энергии, научных и культурных обменов. Были установлены рабочие контакты между разведслужбами[1].

В начале 2002 г. впервые в истории двусторонних отношений президент Бразилии — Кардозу — нанес визит в Россию, где заявил, что обе страны выступают за многополярный мир. В 2004 г. Владимир Путин стал первым лидером России, посетившим Бразилию. В октябре 2005 г. Лула подписал с Путиным соглашение о сотрудничестве в космосе, и вскоре первый бразилец М. Понтес полетел на МКС. Дальнейшему наращиванию российско-бразильских связей способствовало и начало взаимодействия России и МЕРКОСУР на основе подписанного в 2006 г. Меморандума о взаимопонимании.

В последние годы Россия вошла в число крупных импортеров бразильских продовольственных товаров, в частности, сахара-сырца, кофе, говядины, свинины, мяса птицы, фруктовых соков, спиртных напитков. С введением санкций против западного продовольствия доля Бразилии на российском рынке только вырастет. Речь идет и о промышленных товарах: дорожной и строительной технике, роторных насосах, алюминиевом прокате, цилиндрах для прокатных станов, запчастях для транспортных средств, комбикорме, одежде, обуви, охотничьем оружии, бумаге, мебели, товарах для дома и занятия спортом.

В свою очередь, Россия поставляет в Бразилию минеральные удобрения (азотные, калийные и смешанные), на которые приходится до 90% стоимости российских поставок на бразильский рынок. Бразилия вышла на второе место (после Китая) среди покупателей российских удобрений[2]. В марте 2014 г. «Роснефть» получила контрольный пакет в совместном с HRT проекте по разработке нефтегазовых месторождений Солимойнс, что приносит российской компании перспективные запасы в объеме 789 млн баррелей в нефтяном эквиваленте. Затраты на проект оценивались в 14 млрд долл. с учетом строительства нефте- и газопроводов[3].

В ходе визита министра обороны России Сергея Шойгу в октябре 2013 г. были подписаны контракты на поставку зенитного ракетно-артиллерийского комплекса «Панцирь-С1» и переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла-С», крайне необходимых для защиты стадионов во время чемпионата мира по футболу в 2014 г. и Олимпийских игр 2018 г. Совместная российско-бразильская рабочая группа, созданная по линии Совета безопасности России и Министерства по стратеги-

---

[1] *Алешандре Марченко, Ванда Марченко.* Бразильский подход к отношениям стран БРИК // БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия. М., 2010. С. 101.

[2] *П.П. Яковлев.* Бразилия в БРИКС: модели двусторонних связей. С. 172–174.

[3] *Людмила Подобедова.* «Роснефть» получила контроль в бразильском месторождении // Известия. 25 марта 2014.

ческим вопросам Бразилии, является первым механизмом такого рода, учрежденным Россией с латиноамериканской страной.

Бразилия все более активно заявляет о себе как о лидере всего развивающегося мира. Еще в 1987 г. было создано Бразильское агентство по сотрудничеству, в компетенцию которого входит координация и финансирование технической помощи развивающимся странам в развитии сельского хозяйства, в подготовке кадров, совершенствовании систем образования, правосудия, здравоохранения, защиты окружающей среды, информационных технологий, налаживании инфраструктуры и градостроительстве, в области культуры, защиты прав человека. Агентство выполняет множество проектов сотрудничества по линии Юг-Юг в 81 стране. Основная часть помощи пришлась на страны Латинской Америки и страны Африки южнее Сахары, особенно португалоязычные[1].

Глобальная «Акция против голода и нищеты» стала продолжением внутренних бразильских программ, направленных на борьбу с голодом (Fome Zero) и бедностью (Bolsa Familia). Страна позиционировала себя как «голос Юга», как «мост» между развитыми и развивающимися странами для построения более справедливого и гармоничного мира. В Бразилии была открыта штаб-квартира Международного центра по проведению политики всестороннего роста (International Policy Center for Inclusive Growth, IPC-IG), тесно связанного с действующими в рамках ИБСА Академическим форумом и с Бюро содействия развитию при ООН. Это совместный проект Программы развития ООН (ПРООН) и Бразилии для проведения исследований проблем бедности и неравенства в развивающемся мире, результаты которых публикуются в журнале «Бедность в фокусе» (Poverty in Focus). Бразильский национальный банк экономического и социального развития (BNDES) выделяет кредиты на развитие инфраструктуры, энергетики и сельского хозяйства, на улучшение уровня жизни и сокращение неравенства в развивающихся странах. Пятьдесят процентов проектов реализовывалось в Африке, 23 — в Южной Америке, 15 — в Азии и 12% — в странах Центральной Америки и Карибского бассейна[2].

Президент Лула совершил бесчисленное количество визитов в Африку, где объяснял, что Бразилия является второй в мире по численности черного населения страной после Нигерии. У Бразилии крупные инвестиции первоначально были в португалоговорящие государства — Анголу, Мозамбик, Гвинею-Биссау — и ряд стран, располагающих природными ресурсами. Затем крупнейшими партнерами стали ЮАР,

---

[1] *А.Ю. Борзова.* Роль бразильского агентства по сотрудничеству (ABC) в развитии системы здравоохранения в Африке // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. М., 2013. С. 144–145.

[2] *А.Ю. Борзова.* Подходы Бразилии к проблеме «устойчивого развития» в рамках БРИКС. С. 182–185.

Нигерия и Алжир. Petrobras инвестировала больше 2 млрд. долл. в проекты, связанные с нефтью, газом, углем и биотопливом в Нигерии, ведет разведку нефти на шельфе Анголы. Бразильская Vale инвестировала 1 млрд. долл. в добывающую промышленность Мозамбика и совместно со строительной компанией Odebrech возводит там гидроэлектростанцию, порты, прокладывает железную дорогу. Odebrech превратился в крупнейшего негосударственного работодателя в Анголе, развивая бизнес в пищевой промышленности, производстве этанола, строительстве офисных зданий, заводов и супермаркетов. Сотрудничество с африканскими странами рассматривается Бразилией и как важный политический капитал, необходимый, помимо прочего, для усиления своей поддержки в ООН[1].

Объем торговли между Бразилией и Африкой вырос с 4,3 млрд долл. в 2002 г. до 27,6 млрд в 2011-м. Доля Африки в общем бразильском импорте достигла 10%, в экспорте — 6%. Бразильский импорт из Африки: минеральное сырье, химическая продукция и базовые металлы. Экспорт: продукты питания, продукция животноводства, транспортное оборудование. В товарообороте Бразилии 77% приходятся на пять стран: Нигерия — 30%, Ангола — 16, ЮАР — 14, Алжир — 10 и Ливия — 5%.

Для стран Африки Центром была подготовлена масштабная программа по социальной политике (The Brazil-Africa Cooperation Program on Social Development). Бразилия подписала 55 двусторонних соглашений в области образования. Множество африканских студентов учатся в Бразилии за счет принимающей стороны. Создан Федеральный университет Лузо-Афро-Бразильской Интеграции (UNILAB) в Реденсао, который принимает студентов и преподавателей из португалоязычных стран. Действует 53 соглашения с 22 государствами Африки в сфере здравоохранения, среди которых Программа по контролю за диагностикой и распространением малярии, действуют бразильские миссии по борьбе с ВИЧ/СПИД[2].

Бразилия не испытывает серьезных проблем с обеспечением безопасности. Долгое время самой серьезной выглядела советская угроза. Еще в 1960-е гг. существовали планы оборонительного союза с ЮАР для «разделения ответственности» за безопасность в Южной Атлантике, где наблюдалось присутствие советских кораблей, и через который в Бразилию поступало до 90% импортируемой нефти. После англо-аргентинской войны за Фолькленды (Мальвины) — май–июнь 1982 г. — усилиями бразильской дипломатии при поддержке Арген-

---

[1] *Joe Leahy.* Brazil Seeks to Triumph in New Great Game in Africa // Financial Times Special Report. April 26, 2011.

[2] *А.Ю. Борзова.* Роль бразильского агентства по сотрудничеству (ABC) в развитии системы здравоохранения в Африке. С. 146.

тины и Уругвая на 41-й сессии Генассамблеи ООН была принята резолюция о превращении Южной Атлантики в «Зону мира и сотрудничества». Единственным государством, выступившим против, были США. При всей юридической расплывчатости «Зона мира» в какой-то мере воспрепятствовала усиленной милитаризации этого региона. После краха режима апартеида в ЮАР регулярные военно-морские учения ВМФ Бразилии, Аргентины и Уругвая («Фратерно Амиго», «Нинфа») в Южной Атлантике дополнились оперативным взаимодействием с ВМФ ЮАР.

Начиная с 1995 г. в документах национальной безопасности Бразилии основным вызовом называется защита национального достояния — Амазонии — от «иррегулярных» вооруженных формирований из соседних стран, «транснациональных структур», наркокартелей, приверженцев идеи «общечеловеческого достояния» и государств «с преобладающей военной мощью». С 2005 г. к «Зеленой» зоне безопасности — Амазонии — добавилась «Голубая» — районы добычи нефти в Южной Атлантике[1].

Национальная оборонная стратегия, принятая в декабре 2008 г., называла основными целями развитие возможностей осуществлять контроль над воздушным пространством, территорией и территориальными водами; улучшение стратегической мобильности и укрепление «трех стратегически важных секторов: кибернетика, космос, ядерный». Предполагалось создание флота из 8–10 атомных подводных лодок, авианосных соединений, современной военно-транспортной и истребительной авиации. Ставилась цель обновить вооружение, прежде всего, в компоненте сухопутных сил (три четверти оборонных расходов тратилось на содержание военнослужащих). Оборонные программы вписаны в стратегию национального развития, предполагается активный обмен технологиями и поощрение прямых иностранных инвестиций в военную промышленность. Оборонные расходы росли с 29 млрд долл. в 2009 г. до 35,3 млрд в 2012-м, но в 2013 г. из-за бюджетных сложностей сократились до 34,7 млрд.

Бразилия очевидно диверсифицирует внешних поставщиков вооружений. В качестве основных боевых танков для армии закупаются немецкие «Леопарды-1». Российские вертолеты Ми-35 используют для борьбы с наркотрафиком в Амазонии. До 50 вертолетов Кугар покупаются во Франции. Сухопутные силы в рамках Стратегического пограничного плана 2011 г. передислоцировались из южных и юго-восточных районов, где они традиционно размещались, в центральную часть и на север — в Амазонию. Предполагается сделать их максимально мобиль-

[1] *Б.Ф. Мартынов, З.В. Ивановский, Л.Н. Симонова, Л.С. Окунева.* Ключевые интересы и целевые ориентиры Бразилии как участницы формата БРИКС. С. 90–91.

ными и гибкими, подразделения в центре страны рассматриваются как резерв. Легкая пехотная бригада размещается в Рио, бригада для действий в джунглях — в Манаусе и воздушно-десантная бригада — в Анаполисе.

Перед флотом ставятся задачи увеличения присутствия в дельте Амазонки и в бассейне рек Парагвай — Парана с целью приглядеть за недавно открытыми шельфовыми месторождениями нефти. Оборонная стратегия предполагает, что «для обеспечения гарантий от проникновения со стороны моря (sea denial) Бразилия будет полагаться на мощный подводный флот, состоящий из обычных и атомных подводных лодок», в создании которого помогает Франция. Планируется также сбалансировать надводный флот путем введения в строй многоцелевых кораблей, способных осуществлять контроль над морским пространством и защиту войск. «Эмбрайер» подписал большой контракт на разработку и производство новых транспортных самолетов и самолетов-заправщиков.

В декабре 2012 г. Министерство обороны обнародовало Политику в области кибербезопасности, которой, помимо прочего, предусматривалось создание Военной системы кибернетической обороны. В связи с разоблачениями Сноудена поставлена задача развития системы спутниковой связи, «отвязки» от американской оптоволоконной сети, для чего прокладывается специальный кабель в Южную Африку. Бразилия активно поддерживает идеи общемировых правил управления Интернетом и киберненападения.

У Бразилии достаточно большие, хотя и сокращающиеся вооруженные силы — 318,5 тыс. человек в 2013 г. (против 330 тыс. в 2009-м), из них на армию приходится 190 тыс., флот — 59 тыс., ВВС — 69,5 тыс. и полувоенные формирования — 400 тыс. В резерве — 1,35 млн. Особый акцент делается на обязательный военный призыв, который, помимо прочего, рассматривается как средство обеспечения большего национального и социального единства. Срок службы 12 месяцев, но обсуждается переход на 18-месячную[1]. Глобальные амбиции Бразилии начинают обретать и силовую составляющую.

«Бразилия не достигла видимого прогресса в достижении трех внешнеполитических целей, поставленных для себя в 2003 г.: место постоянного члена Совета Безопасности ООН, мировая торговая сделка а рамках Дохийского раунда переговоров в ВТО и создание мощного южноамериканского блока… — подводит итог реализации бразильского внешнеполитического курса Джозеф Най. — Хотя новая Бразилия осложнит американскую дипломатию по сравнению с прошлым,

[1] The Military Balance 2010. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economies. P. 57, 59, 60, 69; The Military Balance 2014. The Annual Assessment… L., 2014. P. 361–364, 371–372.

но она вряд ли попытается стать прямым конкурентом Соединенным Штатам в этом веке. Эта роль будет оставлена Китаю»[1].

Специалисты ИЛА РАН во главе с его директором Владимиром Давыдовым весьма одобрительно отзываются о бразильской модели, позволяющей стране укрепиться в роли «естественного лидера находящейся в становлении латиноамериканской цивилизации». По их мнению, «секрет успеха — в так называемом бразильском национальном проекте, который сочетает либерализм в экономике с мерами, связанными с господдержкой малоимущих, а демократическую форму правления — с сильной президентской властью. Во внешней политике этот проект предусматривает активный региональный курс, дополненный подключением к решению глобальных проблем на основе выстраивания равноправных отношений с США и развитыми странами Запада и преференциальных — с развивающимися государствами и «восходящими странами-гигантами»[2].

Будет ли XXI век бразильским — неизвестно. Но то, что Бразилия прочно заняла место в клубе ведущих мировых держав, — сомнений не вызывает.

---

[1] *Joseph S. Nye, Jr.* The Future of Power. P. 177.

[2] Бразилия — «тропический гигант» на подъеме / Отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2011. С. 8–9.

Глава 14

АФРИКА. ЮАР

Западная цивилизация не полностью
стерла мое африканское происхождение.

Нельсон Мандела

Люди, даже в самой Африке, редко отдают себе отчет, насколько она велика. Ее площадь — 30 млн кв. км, что больше территорий США, Западной Европы, Индии, Китая и Аргентины вместе взятых. Там живет около миллиарда человек, а будет жить гораздо больше, поскольку только в Африке продолжается взрывной рост населения.

В последние годы крупнейшие аналитические центры, консалтинговые и рейтинговые агентства, инвестиционные банки и исследовательские структуры разных стран наперебой доказывают, что в XXI в. Африка будет самым динамично растущим регионом мира, от которого во многом будут зависеть характер и темпы развития планеты, ее обеспеченность сырьем, энергетическими и человеческими ресурсами.

Неуютная колыбель человечества

У палеоантропологов есть мало сомнений, что именно Африка была колыбелью человечества. Именно в Африке, как установили генетики, обитали те мужчина и женщина — по понятной причине названные учеными Адам и Ева, — которые являются предками каждого из ныне живущих на планете. Это — единственная область мира, где засвидетельствованы все стадии развития человека: австралопитеки, питекантропы, неандертальцы, современный человек. Наиболее древние наскальные рисунки относятся к VIII–VI тысячелетиям до н.э.

Когда говорят об африканской цивилизации, обычно имеют в виду Древний Египет, основанный финикийцами Карфаген, арабский Магриб. При этом редко вспоминают многие другие существовавшие на континенте государственные образования. История народов, живущих южнее Сахары, известна гораздо хуже, что, в первую очередь, объясняется отсутствием письменности у большинства из них. Письменные памятники сохранились лишь у сонгаи, хауса, суахили, нуба. А африканистика как наука развивалась в странах колониальных, где в прошлом

подвластных народов — до прихода европейцев — находили мало примечательного.

Но Африка действительно не проявила себя как место возникновения большого количества государств. Одну из основных причин назвал политолог Джеффри Хербст: «Фундаментальная проблема для создателей государства в Африке — будь то колониальные короли, колониальные губернаторы или президенты в эпоху независимости — как распространять власть на негостеприимных территориях с относительно низкой плотностью населения»[1].

Значительная часть Африки мало пригодна или совсем не пригодна для жизни. Сахара — самая большая пустыня на планете, размером с США вместе с Аляской, — одно из самых засушливых мест планеты. Периодичность и интенсивность дождей варьируется гораздо больше, чем в Азии или Америке. На подавляющей части Африканского континента отсутствуют времена года, есть засушливый и дождливый сезоны. Иногда дождливый сезон не наступает вообще. Поскольку влага быстро испаряется, чтобы они пропитала почву и сделала ее плодородной, требуется больше дождей, чем в более умеренных климатических зонах. На тропики приходится лишь 8% континента, тогда как 50% его поверхности получают такое количество осадков, которое не позволяет заниматься земледелием.

Качество почв исключительно низкое. Пятьдесят пять процентов поверхности континента пригодно исключительно для собирательства. Это — пустыни с солевыми долинами, дюнами и каменистой поверхностью, на территории которых, тем не менее, проживет до 30% населения континента. Только 16% земель относятся к землям высокого качества, 13% — среднего.

Климат, в котором отсутствуют зимы, создает исключительно благоприятные условия для размножения паразитов. Конечно, африканцы развили иммунитет ко многим болезням, которого нет у остальных жителей планеты, но массовые эпидемии не редкость. Паразиты исключают и некоторые виды сельского хозяйства, прежде всего в животноводстве: треть поверхности континента к югу от Сахары непригодна для выращивания скота из-за мухи цеце (особенно опасной для лошадей).

На континент, охватывающий пятую часть суши, приходится 14% населения планеты. Голод был главной отличительной особенностью африканской истории на протяжении веков. Фиксировались случаи, вызванные засухами, когда население Африки сокращалось на треть. Африка только к 1975 г. достигла той плотности населения, что была в Европе в 1500 г.

---

[1] *Jeffrey Herbst.* States and Power in Africa. Princeton, 2000. P. 11.

В Африке мало рек, которые в принципе облегчают проецирование силы и создание государств. Не было и сухопутных путей: если вымощенные римлянами дороги использовались тысячу лет, то в Африке тропические ливни размывали любые дороги за несколько лет. Береговая линия протяженностью лишь в 30 тыс. км, вдвое меньше, чем у Азии. Она не изрезана, что означает отсутствие естественных бухт, необходимых для мореплавания. Плотность населения в береговой зоне — самая незначительная на всей планете (за исключением побережья Северного Ледовитого океана). Создание транспортной инфраструктуры в Африке обходится дороже, чем на любом другом континенте. Это заметно затрудняет сообщение и товарообмен между разными ее частями, усиливая тенденцию к локальной замкнутости[1].

«Низкая плотность населения означала, что обычно были доступны новые земли, люди могли ответить на угрозу завоевания простым уходом дальше в буши, — уверяет Фукуяма. — Консолидация государства путем войны или завоевания никогда не случалась в Африке в той же степени, как в Европе из-за того, что стимулы и возможности для такого завоевания были гораздо более ограничены… Появление государств в таких ограниченных частях континента, как долина Нила, — это исключение, полностью укладывающееся в основное правило»[2].

Похоже, что древнеегитетское государство возникло в IV тысячелетии до н.э. на автохтонной основе и лишь позднее культурно обособилось от остальной Африки, переплетя свою историю с судьбой Передней Азии и Средиземноморьем. Но к западу от Египта уже с XIII–XII вв. до нашей эры существовало государство гарамантов со столицей Гарама на территории современной Ливии. К югу от Египта — на территории современного Судана — во II тысячелетии до н.э. сложилось государство Куш, в какой-то момент даже завоевавшее Египет и основавшее там XXV (Эфиопскую) династию. Кушанское государство с центром в Мэроэ просуществовало более тысячи лет и было уничтожено только в IV в. н.э. войсками Аксумского царства, возникшего в середине I тысячелетия до н.э. в северной части современной Эфиопии.

В VII–VIII вв. н.э. Египет и вся Северная Африка были завоеваны арбами, вошли в состав арабского Халифата, а еще через восемьсот лет их поглотит Оттоманская империя. Но пустыни Сахеля представляли собой непреодолимые препятствия для завоевателей, причем даже для таких привычных к пескам, как арабы, которые так и не распространили свое влияние в глубь континента. Они перешли Сахель. Но затем кони арабских завоевателей стали умирать от укусов мухи цеце, и дальше северных районов Нигерии, Кот д'Ивуара и Ганы воины ислама не

[1] *Tom Young.* Africa. Oxford, 2010. P. 4-8.

[2] *Francis Fukuyama.* The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. L., 2012. P. 91.

продвинулись[1]. Линия соприкосновения пустыни с ее кочевыми племенами и африканской саванны, где существовали оседлые племена и их государства, по которой прошла и граница между исламом и язычеством, превратилась в арену постоянной борьбы, не прекращающейся до настоящего времени. А об африканских государствах саванны (в тропических джунглях они почти не возникали и существовали недолго) известно, по большей части, из арабских источников.

Государства к югу от Сахары были далеки от их современного понимания, часто речь шла о признании власти и авторитета «большого вождя», определенных обычаев и норм сельскими общинами на большой территории, а не о наличии политических институтов или кодифицированного права. Причем, чем дальше отдельные части государства были от места проживания вождя, тем слабее была его власть. В доколониальной Африке использовались самые разные денежные знаки, но ни один из них не был привязан к конкретному политическому образованию. Полигамные браки исключали крепость династий и упорядоченное престолонаследие из-за обилия у вождей отпрысков мужского пола. Тем не менее, серьезные государственные образования были.

В Нубии в VII–XVI вв. существовали христианские государства Донгола, Мукурра и Алоа, позднее сильно исламизированные. Центром культуры в Западном Судане стало государство Канем-Борну, возникшее в IX в. на северо-восточном берегу озера Чад, а затем — из-за угрозы кочевников и/или наступления пустыни в конце XIV в. — переместившееся на его западный берег. Борну было знакомо с мавританскими технологиями, наукой, методами государственного управления, что, вероятно, и объясняло его удивительно долгую по африканским меркам жизнестойкость. Именно здесь в XVI в. появилось первое в Африке южнее Сахары огнестрельное оружие, пришедшее из Турции и Испании.

Ориентировочно с IX в. нашей эры существовало мощное государство Аукер (Гана), владения которого простирались от Сенегала до среднего течения Нигера. Его столицей был Кумби-Салех, построенный из камня и древесины акации. «Вокруг королевского города расположены крытые куполами дома и священные рощи, где живут колдуны, верховные жрецы их религии… Их религия — язычество и обожествление идолов. Когда король умирает, над его могилой строят огромный деревянный купол… Приводят людей, которые подавали королю пищу и питье. Потом закрывают дверь купола и заваливают разными тканями. Собираются люди и покрывают купол землей, пока он не превращается в большой курган»[2]. В 1076 г. Кумби-Салех сравняли с землей и

[1] *Jack Goody.* Technology, Tradition, and the State of Africa. Oxford, 1971. P. 37.
[2] *Фелипе Фернандес-Арместо.* Цивилизации. М., 2009. С. 131–132.

уничтожили всех его жителей альморавиды — отшельники и воины с окраин исламского мира, жившие в условиях матриархата: у них женщины правили, мужчины закрывали лица. Гана непостижимым образом возродилась, и рассказы середины XII в. повествуют о едва ли не образцовом исламском государстве, где король почитал Пророка и осуществлял правосудие в его духе.

После того, как Гана была завоевана неизвестными язычниками и распалась, на южных ее землях в середине XIII в. появилось государство Мали, основанное королем народа мандинго по имени Сундиата. Это огромное и воинственное государство являлось на тот момент крупнейшим торговцем золотом — где оно добывалось, до сих пор можно только гадать. В XIV в. малийский правитель (манса) считался самым богатым королем планеты. Манса Мусса, отправившись в паломничество в Мекку в 1320 г., привел с собой караван из пятисот верблюдов, груженных золотом, и раздал его святилищам и знати, вызвав инфляцию в арабском мире. Самый известный арабский путешественник Ибн-Батута, которого трудно было чем-то удивить (он посещал и Индию, и Китай), оставил, тем не менее, полные изумления заметки о Мали. Ему понравилось, что детей держали на цепи, пока они не выучат Коран, и шокировало бесстыдство неодетых женщин. Скромность и справедливость мансы контрастировала с экстравагантностью одетых в перья придворных поэтов в птичьих масках и благосклонностью правителя к каннибалам, которым он жаловал своих рабынь. Ибн-Батута с удовлетворением отметил, как «они сказали, что есть белого человека вредно, потому что он неспелый». Прекрасно вооруженная кавалерия, за которой следовали торговцы, позволили Мали утвердить власть от Гамбии и низовьев Сенегала на западе до долины Нигера на востоке. Однако внутренние распри, сепаратизм сонгхей и удары туарегов из пустыни положили конец величию государства. Европейцы, которые на своих картах изображали на фоне этой страны дворцы с золотыми куполами (и не были далеки от истины), так и не застали всего этого великолепия[1].

В XV–XVI вв. вся средняя часть Нигера вошла в состав государства Сонгаи, простиравшегося на две тысячи километров. Из ее столицы Тимбукту отправлялись корабли с товарами и вооруженной кавалерией, контролировавшей оживленную торговлю золотом и медью. В 1591 г. Сонгаи было уничтожено привлеченными его богатством марокканцами.

Если об истории перечисленных государств и протогосударственных образований существуют более-менее надежные, главным образом, арабские источники, то о более южных народах приходится больше су-

[1] Там же. С. 133–137.

дить по их устной традиции, позднее — по сообщениям европейских путешественников и завоевателей. К их появлению на территории Нигерии, населенной йоруба, существовали города-государства Иле-Ифе, Илорин, Ибодан; в южном течении Нигера — государство Бенин. В бассейне реки Конго — государства и родо-племенные объединения Конго, Лунда, Ндонго, Бушонго. В междуречье Замбези–Лимпопо имелось протогосударство Мономотапа. В Межозерье — Буганда (на юге современной Уганды), Уньоро, Руанда, Бурунди, Анколе, на Мадагаскаре — Имерина. На побережье Восточной Африки существовали города — Софала, Кильва, Ламу, Момбаса, Занзибар, участвовавшие в морской торговле на Индийском океане. В конце XV в. почти все народы Африки были знакомы с обработкой железа, за исключением бушменов Южной Африки, пигмеев из тропических лесов бассейнов рек Конго и Огове, а также жителей острова Фернандо-По, пользовавшихся еще каменными орудиями. Африка южнее Сахары в средние века не произвела на свет великих цивилизаций и была далека от того, чтобы рассматриваться как отдельная цивилизация. Но она вовсе не была и лесом с лазающими по деревьям дикарями, когда пришли европейцы.

Более того, и после их появления продолжали существовать и возникать государства: королевства Абомей (Догомея) и Асанте — могущественная конфедерация многих племен с правильной административной организацией и судебной системой на территории современной Ганы и частей Того и Кот д'Ивуара; Эмираты Фулани в северной части Нигерии и Камеруна; королевство тутси в Руанде-Урунди, Халифат Сокото в Судане, Баротселенд — в нынешней Замбии.

Колониализм и независимость

Европейцы не спешили колонизировать континент, как Америку: не было критического количества готового для немедленного разграбления богатства, и климат не располагал к массовому переселению. Европейцы считали африканцев презренными жалкими существами. Ослепительный облик средневекового Мали, пленявший христианский мир, сильно поблек при первом соприкосновении с этим государством в эпоху упадка. «Близкое знакомство породило презрение, и потомков мансы стали изображать уродами, как изображали чернокожих на португальской сцене в XV–XVI вв.: это грубые стереотипы расовой неприязни, со свисающими обезьяньими гениталиями», — подмечал Фелипе Фернандес Арместо. Одним из очень немногих исключений в общем презрительном отношении долгое время был Бенин, который европейцы застали в период расцвета в XV в. В этой жаркой стране, настоящем инкубаторе тропической лихорадки, тем не менее, существовали правильные города с красиво украшенными дома-

ми, бронзовая скульптура, сильная армия, хотя не было письменности. Бенин стал основным поставщиком в Европу перца, слоновой кости и пальмового масла[1].

Поскольку богатств для вывоза было не так много, Африка была превращена вместо этого, словами возмущенных основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в «заповедное поле коммерческой охоты на чернокожих»[2]. Первой работорговлю — уже в XV в. — начала Португалия. Еще через столетие к этому прибыльному бизнесу подключилась Великобритания, за ней Голландия, Франция, Дания, наконец, США. Интерес для работорговцев представляли молодые, сильные и сообразительные мужчины и женщины, способные перенести, помимо прочего, транспортировку — в забитых людьми, как сельдями, трюмах — через океан. Доплывали немногие.

Первоначальный маршрут работорговли выглядел так: рабы из района Гамбии и Сенегала отправлялись в Испанию и Португалию, а из дельты Нигера — на остров Сан-Томе. Однако к концу первого столетия европейского освоения Нового Света 90% коренного населения островов Карибского моря погибло от насилия и завезенных болезней. Нехватку рабочей силы поначалу пытались восполнить отправкой заключенных, безработных и бездомных из Европы, но их не хватало, к тому же они массово умирали от тропических болезней. Меж тем, пример Сан-Томе вдохновлял: там африканские рабы уже активно трудились на тропических плантациях. Поэтому настала эра работорговли из Черного континента в Америку. Впервые его обитатели были перевезены через Атлантику и проданы в рабство в 1532 г. Трафик рабов обрел особую интенсивность с 1630-х гг., когда его поставили на массовую основу — сначала голландцы, а затем французы и англичане — в связи с быстрым ростом сахарных плантаций на островах Карибского моря и в Бразилии.

Согласно данным официальной статистики стран, промышлявших работорговлей, всего до 1870–1880-х гг. в Америку было доставлено 10 млн рабов из Африки, и еще 2 млн умерло по дороге. Но очевидно, что большая часть работорговли не носила официальный характер, и о подлинных цифрах можно только догадываться. К XVIII в. уже все западное побережье Африки — от Сенегала до юга Анголы — превратилось в берег рабов. Европейцы сами не охотились за ними. Как правило, основывали форты на берегу, из которых вынуждали и заинтересовывали местных правителей поставлять соплеменников и военнопленных в виде выкупа или товара профессиональным работорговцам[3]. Проданный в рабство рассматривался не как человек, а как собственность,

[1] Там же. С. 137–138, 245–249.
[2] *Карл Маркс, Фридрих Энгельс.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 760.
[3] *Kevin Shillington.* History of Africa. 3-d ed. N.Y., 2012. P. 180–181.

сродни домашнему скоту. С экономической точки зрения дешевле было привозить новых рабов, чем позволять размножаться имеющимся: женщины в этом случае надолго выбывали бы из трудоспособного состояния, а детей надо было кормить много лет, прежде чем они могли работать на земле. По подсчетам известного американского борца за права чернокожего населения Уильяма Дюбуа, которые прозвучали на Версальской конференции в 1919 г., работорговля отняла у Африки около 100 млн человек, убитых во время азартной охоты за рабами, увезенных, погибших в пути.

Колонизация континента началась с Юга. В 1652 г. голландская Ост-Индская компания, специализировавшаяся на торговле с Индией и Юго-Восточной Азией, основала на южной оконечности, которую не мог миновать ни один огибающий Африку корабль, Капскую колонию, которую начали заселять голландские африканеры (буры), постепенно захватывавшие земли бушменов готтентотов и южных банту. На рубеже XVIII–XIX вв. Капскую колонию захватили англичане. Изгоняемые буры на отвоеванных у зулусов землях (зулусы яростно сопротивлялись под руководством ныне высоко чтимого короля Чаки) основали республику Наталь, которую англичане тоже заняли. Буры двинулись на земли бечуана и басуто, создав Трансвааль и Оранжевую Республику. Борьба европейцев за Африку началась.

Колониальное освоение остального континента было стремительным, заняв чуть более трех десятилетий в конце XIX в. Перезаряжающиеся винтовки и легкая артиллерия делали сопротивление африканцев занятием бессмысленным. «Поскольку преобладающие представления о “цивилизации” исключали неевропейцев, и обычные законы войны, как полагалось, к ним не применимы, европейские силы использовали такие практики, как уничтожение собственности и убийство пленных, что считали недопустимым между собой»[1], — замечает Том Янг. Помогало и то, что одних африканцев можно было склонить к войне с другими, что облегчало завоевание континента руками и местных жителей тоже. Был только один удачный опыт сопротивления колонизаторам, когда в 1896 г. император Абиссинии Менелик II разгромил при Адуэ итальянский экспедиционный корпус и даже заставил агрессора выплатить контрибуцию.

В 1876 г. под колониальной властью находилось 10% территории континента, а к 1900-му — 90%, исключение составляли лишь Эфиопия и Либерия, которой покровительствовали США. Свою миссию, как это сформулировал премьер лорд Пальмерстон, имперские власти видели в том, чтобы «восстановить упавшие миры и поднять те, которые никогда не поднимались».

---

[1] *Tom Young*. Africa. P. 43.
Ibid. P. 30.

На практике это вылилось в массовое выселение коренных жителей с их земель. Массаев изгнали между 1904 и 1911 гг. В Южной Родезии колонизаторы заняли половину территории. Жители Южной и Восточной Африки были согнаны в «местные резервации» (native reserves), которые, как правило, оказывались на наименее пригодных к использованию землях. Аборигенов заставили платить налоги, для чего надо было производить товары на продажу, а не для собственного потребления. Миллионы погибли от голода в Восточной Африке в 1898–1900 гг., и в Западной Африке — в 1913–1914 гг. Колониальные власти вводили и принудительный труд, особенно на строительстве дорог и железных дорог. Железнодорожное полотно Конго-Браззавиль длиной в 450 км было построено трудами 120 тыс. подневольных африканцев, из которых половина погибла.

Борьба за передел колоний, которую затеяла Германия в начале XX в., стала одной (из многочисленных) причин развязывания Первой мировой войны. В ее годы все колониальные державы осуществляли принудительные мобилизации в армию своих подданных, в военных действиях в Европе и в самой Африке участвовали сотни тысяч жителей континента, многие из которых потом осели в метрополиях. Пребывание в одних окопах с европейцами перевернуло их представление о мире: оказывается, всесильный белый человек тоже смертен, он бывает труслив, корыстен, слаб! Моральное оправдание колониализма оказалось под большим вопросом.

На Парижскую мирную конференцию 1919 г. прибыли и африканцы, которые приняли участие в прошедшем на ее полях Первом панафриканском конгрессе, где тон, правда, задавали афроамериканцы во главе с Уильямом Дюбуа. В столице Франции зазвучали слова о правах африканцев, о самоуправлении колоний, которые с энтузиазмом были поддержаны японцами (к ним тогда относились не намного лучше, чем к черным) и американцами, которых старые колониальные державы не подпускали к рынкам в своих владениях. Проводившиеся с тех пор панафриканские конгрессы сыграли заметную роль в формировании первого поколения африканских политиков. Свой вклад в расшатывание колониальной системы стал вносить и Коминтерн, рассматривавший антиколониальную борьбу как часть антиимпериалистической. Через московский Коммунистический университет трудящихся Востока прошли десятки африканских лидеров, включая, например, будущего первого президента Кении Джомо Кеньята.

Дело африканского освобождения подстегнула Вторая мировая война, потребовавшая еще большего, чем первая, напряжения всех ресурсов колоний воевавших стран. Чтобы обеспечить бесперебойную доставку в метрополии растущих объемов сырья и продовольствия, потребовалось ускоренное строительство а Африке дорог, портов, аэ-

родромов, перерабатывающих предприятий. Экономика начала развиваться. Политически процесс национального самоопределения был поддержан Атлантической хартией, в которой Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль в августе 1941 г. провозгласили право народов самим решать свою судьбу. Хотя, строго говоря, заявление касалось колоний Германии и Японии, другие колонии восприняли это и на свой счет.

Борьбу за освобождение начала Азия, которую японцы в годы войны не только оккупировали, но и пропитали лозунгами «Азия для азиатов». Затем настала пора Африки.

Во главе движения за национальное освобождение шла выпестованная самими же колониальными властями национальная африканская интеллигенция. К плюсам колониализма, как и на других континентах, следует отнести образовательную систему, сначала миссионерские, а затем и обычные школы, через которые прошли многие представители будущей африканской элиты. Некоторые из них заняли чиновничьи должности в колониальных администрациях, стали адвокатами и журналистами. Растущий африканский средний класс перенимал и многие нормы колонизаторов — язык, имена, моду, характер семейных отношений. В наиболее развитых колониях он начал формировать прообраз гражданского общества, которое проявляло себя в относительно независимой прессе, различных общественных организациях. К середине 1950-х гг. в большинстве африканских стран сложились политические партии, бравшие на вооружение идеи африканского национализма.

Борьба против колониализма облегчалась тем обстоятельством, что метрополии были предельно ослаблены Второй мировой войной. Две поднимавшиеся сверхдержавы — СССР и США — по разным причинам, но дружно выступали против колониализма. Созданная в 1945 г. Организация Объединенных Наций стала важной трибуной для осуждения ужасов колониализма со стороны всех неколониальных держав.

В первое послевоенное десятилетие антиколониальные выступления в Африке жестоко подавлялись — восстание мау-мау в Кении, волнения во Французском Камеруне, забастовки в Нигерии или на юге Африки. В 1957 г. британцы создали первый прецедент, предоставив независимость своей самой развитой колонии — Золотому Берегу, переименованному в Гану, которую возглавил выпускник местного педагогического колледжа Кваме Нкрума. Тысяча девятьсот шестидесятый отмечался как год Африки. Тогда сразу 17 колоний обрели независимость, а ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Там, где европейцы вообще никак не готовились к деколонизации (что было особенно характерно для владений Испании, Португалии,

Бельгии), они вынуждены были под угрозой смерти полностью очистить свои колонии, которые превратились в арены длительных кровопролитных конфликтов (Ангола, Гвинея-Биссау, Демократическая Республика Конго, Западная Сахара, Мозамбик).

Обретшие независимость африканские страны оказались в положении наследников миллионера, обнаруживших по вскрытии завещания, что унаследовали долгов на миллионы. Ни собственной экономической базы, ни кадров, ни инфраструктуры, ни здравоохранения, ни системы образования, ни международных связей. Кроме того, государства обретали независимость в проведенных уходившими колониальными державами границах весьма причудливой конфигурации. Многие народы оказались разделенными сразу между несколькими странами. Например, Сомали — между Сомали, Джибути, Эфиопией и Кенией. А заклятые враги обнаруживали себя в границах одного государства. Так, хауса и фулани должны были строить независимую Нигерию вместе с традиционными противниками йоруба и ибо (которые, впрочем, и между собой совсем не ладили). Остается только удивляться малому количеству межстрановых конфликтов в последующие годы.

Глубинный протест против колониализма стал причиной подъема африканского национализма. Главный враг был очевиден — колонизаторы, те, кто провозглашал идеалы свободы, справедливости и равенства, но лишал всего этого целый континент. Был и другой враг, против которого необходимо было вести борьбу, — трайбализм. Модернизация виделась Нкруме в 1961 г. как освобождение «от пут зарубежного колониального господства и от тирании местного феодализма». Или, как скажет 20 лет спустя первый президент Мозамбика Самора Машел, «чтобы нация жила, племя должно умереть»[1]. Ни одна из освободившихся африканских стран не ставила перед собой задачи вернуться к порядкам предков. Но эти порядки давали о себе знать.

Африканская цивилизация?

Большинство западных экспертов по проблемам цивилизаций, кроме Броделя, не признавали наличия отдельной африканской цивилизации. Самюэль Хантингтон был осторожен: «По всей Африке еще сильно самоопределение в соответствии с племенной идентичностью, но среди африканцев быстро возрастает чувство африканской идентичности, и, по-видимому, Африка «ниже» Сахары (субсахарская) может стать отдельной цивилизацией»[2].

---

[1] Ibid.P. 43.

[2] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 57.

Вместе с тем, Африку южнее Сахары есть основания рассматривать во многих отношениях как единое целое. Прежде всего, население данной части континента при всей его этнической пестроте, в основном, однородно. Это негритянское население, связанное многими общими чертами и признаками, а в значительной степени и общей судьбой (речь не идет о европейских поселенцах Южной Африки)[1].

Для камерунца Даниэля Этунга-Мангуэлле, который написал соответствующую главу в Culture Matters под редакцией Хантингтона и Харрисона, ответ на вопрос, имеет ли смысл делать обобщения по поводу общей африканской культуры, однозначен: «Полагаю, да. Разнообразие — большое количество субкультур — бесспорно. Но существует фундамент разделяемых ценностей, отношений и институтов, которые связывают вместе нации к югу от Сахары, а во многих отношениях — также и к северу от нее…»[2].

Под воздействием каких факторов эта общность формировалась и в чем ее основные черты? Африканское общество отличает высокая жизнеспособность, адаптировность к крайне тяжелым обстоятельствам. К фундаментальным особенностям социальной организации относится восприятие земли как принадлежащей всем, понятия частной собственности на землю чужды, везде земля остается, в конечном счете, в собственности общины. Малая плотность населения всегда делала главной проблемой не столько владение землей, сколько поиск рабочей силы для ее обработки.

Африканские общества исключительно озабочены проблемой воспроизводства населения, рождения детей. Полигамия была широко распространена. Повсеместно существующая «плата за невесту» имеет прямой смысл с точки зрения потери рабочих рук и роженицы. Женщины, не способные родить детей или просто пожилые, часто рассматриваются как проклятые или ведьмы. Семьи далеки от привычной нам «нуклеарной» модели: африканская семья может включать мужчину, его жен, их детей, множество других родственников, слуг, а в прежние времена — еще и рабов. Супружество — не столько личная связь двух людей, сколько вопрос отношений домохозяйств и сложных внутриобщинных отношений.

Борьба за контроль над землями, противоречия по поводу суверенитетов или демаркации границ, игравшие столь большую роль в мировой истории, в Африке большого значения не имели из-за возможности подданных мигрировать. Высокая мобильность населения

---

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 1. М., 2011. С. 679, 681.

[2] *Daniel Etounga-Manguelle.* Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? // Culture Matters: How Values Shape Human Progress / Ed. By L. Harrison, S. Huntington. N.Y., 2000. P. 67.

затрудняла и то, что принято называть национальной идентичностью. В Африке общаются на 1–2 тыс. языков, причем на пятидесяти — более чем по миллиону человек. В одной Сьерра-Леоне говорят на шестнадцати различных языках, из которых четыре являются официальными.

В Африке за пределами исламского ареала отсутствует доминирующая религия, которая играла объединяющую роль в других цивилизациях. Налицо смесь ислама, христианства и традиционных верований. Вместе с тем, как заявил однажды президент Кот д'Ивуара Феликс Уфуэ-Буаньи, католик по вероисповеданию: «От африканских архиепископов до самых незначительных католиков, от великого колдуна до самого незначительного мусульманина, от пастора до самого незначительного протестанта — у всех у нас анималистское прошлое»[1]. За проигрыш или победу футбольной команды отвечает не столько тренер, сколько служитель культа.

В африканских традиционных верованиях не произошло разделение на «божественное», «природное» и «человеческое». Низкий уровень грамотности и практическое отсутствие письменных священных текстов делают бессмысленным понятия догмы или ереси. Отношение к душе и к духам довольно неформально и прагматично, в центре внимания проблемы плодородия, процветания и благополучия общины. Идея высшего разума или высшего существа сосуществует с миром духов природы, предков, героев-воинов, ведьм. Главное, отдавать всем им дань уважения через ритуалы, жертвоприношения и праздники. Разделение на политику и религию, столь важное для западного сознания, не имеет большого смысла в африканском. Напротив, вожди и старейшины уважаются за владение эзотерическим знанием и ритуалами, необходимыми для общения с высшими силами. Если же эти способности вождей ставились под сомнение, то от них могли отречься, если не убить.

В качестве элиты на протяжении веков выступали вожди. Только с приходом на континент европейцев стала формироваться «новая элита» — по преимуществу бюрократическая. Если в других регионах планеты элита является носителем национальной культуры, то в Африке — наоборот, она сегодня выступает чаще всего носителем чужих — западных — обычаев, языка, нравов, образа жизни, идеологии. В то же время новая элита носит и черты традиционализма. Президент в Африке не просто высшее должностное лицо, но и воплощение государства, нации. Харизматическое лидерство, использование властью традиционных ритуалов и символов более характерны, чем в других регионах.

---

[1] Цит. по: *Alassane Ndaw.* La Pensée Africaine: Recherches sur les fondements de la pensée négro-africaine. Paris, 1983. P. 233.

Законы характеризуются неформальностью и гибкостью, и их центральная миссия — примирение споров и восстановление гармонии в общине, а не озабоченность выявлением и наказанием виновной стороны, как на Западе. Африканцы не воспринимают себя как изолированных индивидуумов, для них важна групповая идентификация[1].

Этунга-Мангуэлле выделяет следующую типологию «африканской культурной реальности»:

- Иерархическая дистанция. Большая вертикальная дифференциация, небольшое национальное богатство сосредоточено в руках немногих. Общество статично и политически централизовано.
- Слабый контроль за неопределенностью. Он осуществляется через религию, но не через право или технологии. Сильна вера, что только Бог способен изменить логику мира, который он сам создал для вечности. Африканец порабощен природой, которая определяет его судьбу.
- Тирания времени. Африканец воспринимает пространство и время как неразрывное целое. «Не часы изобрели человека». Славное прошлое и предки воспеваются в сказках и легендах, но мало делается, чтобы подготовиться к будущему. Африканец, привязанный к культуре предков, полагает, что прошлое способно только повторять себя.
- Невидимая власть и авторитет. Для африканского лидера в порядке вещей заявлять о наличии магических способностей. С этим связана вера в вождя как источник силы и развития народа.
- Доминирование общины над личностью. Мнение о человеке как автономном и ответственном существе отвергается. Вертикально африканец интегрирован в семью, почитает важных предков и Бога; горизонтально — в группу, общество, космос. Процветание возможно только через общину и семью. Африканской мысли чужды скептицизм и индивидуализм.
- Чрезмерное дружелюбие и избегание открытого конфликта. Общество структурировано вокруг праздников: рождения детей, крещения, свадеб, дней рождения, повышения по службе, выборов, открытия сессий парламента, приездов и отъездов, традиционных и церковных торжеств. Количество приглашенных на такие мероприятия должно быть максимальным вне зависимости от дохода.
- Неэффективные homo economicus. Мировоззрение уделяет небольшое внимание финансовым и материальным аспектам жизни. Африканец работает, чтобы жить, а не живет, чтобы работать. Сбережение гораздо менее важно, чем немедленное потребление. В этом

[1] *Tom Young*. Africa. P. 10–15.

смысле правительство и нувориши мало чем отличаются от рядовых граждан.

- Высокая мера иррациональности. В обществе сильно распространено колдовство, вера в магию. Вера в темные силы только укрепилась по мере знакомства с Библией или Кораном, которые подтверждают наличие дьявольского начала. Колдуны и гадатели окружают каждого африканского президента, который не принимает важных решений без их советов.
- Авторитаризм, пронизывавший трайбалистскую структуру, продолжает доминировать в семьях, деревнях, школах и церквах.

При этом Этунга-Мангуэлле считает африканскую культуру едва ли не самой гуманистической — с ее солидарностью, любовью к соседям вне зависимости от возраста и статуса, уважением к природе как общему достоянию[1].

И вопрос не просто о наличии отдельной африканской цивилизации, но и ее превосходстве над остальными даже не стоит для сторонников идей афроцентризма и негритюда.

Афроцентризм — ответная реакция афроамериканцев и африканцев на поколения униженности, угнетения, на европейское высокомерие, имперский расизм. Африканских школьников в колониальный период заставляли изучать не историю и культуру их народов, а прошлое Великобритании, Франции, Бельгии, Португалии. Действие рождало противодействие. При этом еще Маркус Гарви, основавший в Соединенных Штатах движение «Назад в Африку», в 1923 г. утверждал, что африканцы прекрасно владели искусствами, наукой и литературой еще тогда, когда Европу населяли лишь каннибалы, дикари, варвары и язычники[2].

Афроцентризм как проработанное идейное течение стал активно формироваться в афроамериканской среде США с начала 1980-х гг., а затем получил распространение и среди части африканской интеллигенции. Один из его главных теоретиков — Молефе Кете Асанте, профессор Темпльского университета в Филадельфии, — пишет: «Афроцентризм — это интеллектуальное сосредоточение, направленное на то, чтобы помешать любым ученым, которые игнорируют, что человеческая цивилизация началась на возвышенностях Восточной Африки... Греция — единственная цивилизация, которая по происхождению может считаться европейской. Но сама Греция — продукт взаимодействия с африканскими цивилизациями. Среди древних цивилизаций,

---

[1] *Daniel Etounga-Manguelle.* Does Africa Need a Cultural Adjustment Program? P. 68–75.

[2] My Soul Looks Back, 'Less I Forget: A Collection of Quotations by People of Color / Ed. by D.W. Riley. N.Y., 1998. P. 7.

которые Африка дала миру, — Эфиопия, Нубия, Египет, Куш, Аксум, Гана, Мали и Сонгай. В этих древних цивилизациях родились медицина, естественные науки, представления о монархиях, королевствах и о Всемогущем Боге». Афроцентризм, по его мнению, «должен занять место среди таких идеологий и религий, как марксизм, ислам, христианство, буддизм и иудаизм»[1].

Параллельно с этим начали оформляться идеи негритюда — исключительности, особого психического склада «негритянской души», которую нельзя понять и объяснить с позиций западного рационализма. Белый человек, согласно негритюду, подчинил себя материализму, стал рабом техники, машин, а черный сохранил связь с природой, эмоциональное, чувственное восприятие действительности. Один из основателей негритюда — первый президент Сенегала поэт Леопольд Седар Сенгор считал, что миссия негроидной расы в возрождении единства человека и природы, во всестороннем духовном развитии человечества. При этом он утверждал, что «гордость за свою расу — это первое требование негритюда».

От этого недалеко до пропаганды различных форм «дискриминации наоборот» — белого и цветного населения. Самый яркий пример — Зимбабве, где президент Роберт Мугабе стал поощрять «стихийный» захват ферм, принадлежавших белым и кормивших страну. Результат — развал сельского хозяйства, потеря сотен тысяч рабочих мест, голод, рост преступности, нелегальная эмиграция в соседние страны.

Стремление к самоутверждению ведет к бурному росту интереса к собственной культуре, традициям. Вместо жизнеописаний Наполеона и королевы Виктории теперь изучают биографии своих правителей и возмущаются, что в Европе их называли не королями, а вождями. Африканцы винят Запад и в том, что, разрушив Африку, его представители не помогают ей сейчас. Много ли европеец или американец знает о жесточайших войнах в Судане, Анголе, Конго, Руанде, Бурунди, Сьерра-Леоне, Либерии, Сомали, Мали, ЦАР? Ближний Восток, «арабская весна», Афганистан — у всех на слуху, но где Африка южнее Сахары?[2]

Вслед за обретением независимости африканские страны стали демонстрировать и стремление к солидарности. Была создана Организация африканского единства как общеконтинентальный орган, призванный защищать только что приобретенный суверенитет государств-членов.

Идея образования Африканского Союза (АС), ставшего преемником Организации африканского единства (ОАЕ), была официально вы-

---

[1] Цит. по: *Аполлон Давидсон, Ирина Филатова.* Исторические пласты афроцентризма // Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. М., 2009. С. 6–7.

[2] Там же.

двинута Муаммаром Каддафи — основным мотором континентальной интеграции — на 4-й внеочередной Ассамблее ОАЕ в Сирте в сентябре 1999 г. На саммите ОАЕ в Ломе (Того) в июле 2000 г. был принят акт об учреждении АС. Среди декларированных принципов — защита суверенитета, ускорение политической и экономической интеграции, поощрение демократических принципов, продвижение согласованных подходов африканских стран на международной арене, в мировой экономике.

Организационная структура АС во многом скопирована с механизмов Европейского Союза. Во главе иерархии стоит Ассамблея глав государств и правительств, которая собирается как минимум дважды в год. Повседневной деятельностью АС руководит комиссия из десяти человек, подчиняющихся исполнительному совету. В 2004 г. был создан Совет мира и безопасности (Peace and Security Council), призванный обеспечивать спокойствие на континенте и для этого обладающий собственными войсками. Возможность их использовать появилась в том же году в связи с конфликтом в Судане, в ходе которого большинство членов АС (которые представляют страны южнее Сахары) были на стороне Южного Судана, противостоявшего арабскому северу.

Тогда же впервые собрался Панафриканский парламент, выполняющий по большей части консультативные функции, но существуют планы наделить его и законодательными полномочиями. В 2005 г. возник Экономический, социальный и культурный совет (ECOSOCC). Существует также Суд Союза. К финансовым институтам АС относятся: Африканский центральный банк, Африканский валютный фонд, Африканский инвестиционный банк. Местом пребывания штаб-квартиры АС определена Аддис-Абеба. Из субрегиональных объединений следует назвать Экономическое сообщество западноафриканских государств (ECOWAS), созданное в 1975 г., Сообщество развития Южной Африки (SADC).

«Слишком мало времени и слишком много серьезной работы»

Политическое и экономическое развитие независимой Африки отмечено многочисленными падениями и взлетами.

Поначалу демократия повсеместно оказалась изгоем в независимой Африке. Президент Танзании Джулиус Ньерере утверждал: «Когда достигнута независимость, главная задача — построение основ экономики. Подобно борьбе с колониализмом, это требует единства и максимальной концентрации усилий… Раздувание искусственных противоречий ради сохранения демократии — развлечение, которое

мы, африканцы, себе позволить не можем. У нас слишком мало времени и слишком много серьезной работы»[1].

Повсеместно создавались авторитарные режимы, проводившие национализацию экономики. Все это сопровождалось военными переворотами, по частоте которых Африка уверенно приблизилась к Латинской Америке.

Если на Востоке доступ к власти был одним из возможных источников обогащения, то в Африке — единственным. Там практически не оказалось экономической элиты, своего класса менеджеров, финансистов, предпринимателей, а приглашение подобных специалистов извне противоречило идеям африканизации и чаяниям народных масс. Власть как главный источник обогащения — именно это предопределило ожесточенность борьбы за нее, жесткость режимов, множественность переворотов и волн национализаций. Коррупция и показная роскошь приобрели широкий размах. В Африке появилось новое племя — «вабенци», суахильский неологизм, образованный от «Мерседес-Бенц». Габонские парламентарии установили себе зарплату гораздо выше, чем в Британии. Почти каждый руководитель отметился строительством огромного стадиона.

Ряд режимов не останавливался перед уничтожением собственного населения — по расовому, религиозному, классовому и другим признакам. Наиболее, пожалуй, знаменитой стала Центральноафриканская Республика, которую ее президент Жан-Бедель Бокасса провозгласил империей, а себя — королем. Для церемонии коронации во Франции была заказана бриллиантовая корона, золотой трон в форме орла, шестиметровая бархатная мантия, подбитая горностаем, старинная карета с лошадьми и т.д. Не менее интересными были Уганда при Иди Амине; «идеальное социалистическое государство» Гвинея при Секу Туре; Экваториальная Гвинея Масиаса Нгемы, который побил рекорд камбоджийских красных кхмеров, уничтожив треть подданных и заставив еще треть эмигрировать.

Да и во всех внешне демократических республиках режим личной власти был налицо. Президент Кот д'Ивуара Феликс Уфуэ-Буаньи превратил родную деревню Ямусукро в большой город и перенес туда столицу государства. Улицы ганских городов пестрили лозунгами: «Нкрума — новый мессия», «Нкрума никогда не умрет». Был создан огромный институт по изучению нкрумаизма. Президент Ганы очень удивится, когда в 1966 г. его свергнут в результате военного переворота. Впрочем, политическое долгожительство тоже было в порядке вещей.

---

[1] Цит. по: *Николай Алексеев-Рыбин.* Пятьдесят лет мучительной свободы // Вокруг света. Ноябрь 2010. С. 88.

Леопольд Седар Сенгор правил в Сенегале 20 лет, Ньерере был у власти 21 год, Уфуэ-Буаньи — 33 года.

В независимой ЮАР продолжала действовать система апартеида, при которой черное население было лишено большинства гражданских прав. Белое меньшинство сохранило свое господство в Родезии, где образцовые фермерские хозяйства поддерживали процветающую экономику и кормили окрестные страны.

Конечно, когда говоришь о целом континенте, есть опасность допустить неточности из-за слишком широких обобщений. Многопартийная демократия в какой-то форме существовала в Ботсване, Гамбии, Сенегале. В Кот Д'Ивуаре и Кении случались дискуссии внутри правящей партии. Но все-таки это было исключение. С момента обретения независимости и вплоть до 1991 г. ни в одной из африканских стран ни разу не произошло смены власти в результате выборов. После этого, когда следование демократическим принципам стало считаться хорошим тонам, выборы и смены правительств начали происходить. Однако избранные режимы продолжали управляться во многом теми же методами, что и однопартийные, а результаты выборов повсеместно искажались и фальсифицировались в пользу того или иного кандидата. Деятельность политической оппозиции, мягко говоря, не приветствуется. Демократией все это можно называть с очень большой натяжкой.

Стюарт Йе из Университета Миннесоты не без оснований утверждает: «Правящая элита захватывает и использует каждый ключевой правительственный институт — гражданскую службу, суды, вооруженные силы, средства массовой информации, банки. Ключевые позиции в этих институтах передаются близким, соплеменникам и лояльным сторонникам президентов. В результате меритократия, верховенство закона, права собственности, транспарентность и административная эффективность исчезают. Подозревая заговоры, которые могут ее свергнуть, элита заполняет стратегические позиции в полиции и армии лояльными родственниками и соплеменниками. Экономические реформы, которые могут сократить государственный контроль и нехватку ресурсов отвергаются, потому что контроль является источником ренты, получаемой правящими элитами. Поскольку политическое поражение может означать ссылку, заключение в тюрьму, голод и конфискацию всей собственности и богатства, правящие элиты отказываются ограничивать политическую власть или делиться ею. А те, кто лишен власти, прибегает к насилию, восстаниям, гражданской войне»[1]. Стоит ли удивляться, что результаты правительственной политики были далеко не всегда впечатляющими.

[1] *Stuart S. Yeh.* Ending Corruption in Africa Through United Nations Inspections // International Affairs. May 2011. P. 631.

После обретения независимости африканские государства разделились на страны капиталистической и социалистической ориентации. Но подобное разделение касалось не столько сущности режимов, сколько источника получения зарубежной помощи. В странах, больше ориентировавшихся на СССР и Китай, проводилась активная политика индустриализации путем создания крупных госпредприятий, которая порой давала неплохие результаты. Асуанская плотина в Египте, гидростанция Акосомбо в Гане до сих пор являются основными источниками электроэнергии в этих странах. Но были и очевидные провалы. Построенный при советской помощи гигантский сталелитейный завод в нигерийском городе Аджаокута так толком и не заработал из-за недостатка железной руды. Часто создававшимся текстильным предприятиям не хватало хлопка, табачным — табака, консервным заводам нечего было консервировать. Планы общественных преобразований были грандиозными, но управленческие таланты и возможности новых элит оказались весьма ограниченными.

Везде произошел резкий рост госсектора. Количество государственных служащих с 1960-х по 1980-е гг. выросло в три раза. Наблюдался умеренный экономический рост. С 1950 по 1975 г. экономика континента увеличилась в среднем на 2,4%, хотя некоторые страны демонстрировали более высокие темпы — в Кении на 5%, Кот д'Ивуар удвоил экономику за 1960–1970-е гг. Выросло число студентов — с 25 тыс. на всю Африку ко времени обретения независимости до полумиллиона к середине 1980-х. Но качество образования оставляло желать много лучшего. Уровень грамотности вырос с 27 в 1960 г. до 45% в 1990-м. К этому времени уже треть населения имела доступ к нормальной питьевой воде по сравнению с 10% в колониальные времена. Этот факт, а также программы вакцинации стали главными предпосылками для снижения детской смертности и увеличения продолжительности жизни с 40 до 52 лет к 1990 г. Население стало быстро расти, нередко опережая темпы подъема экономики, что не позволяло расти уровню жизни.

К концу XX в. в Африке появился собственный предпринимательский класс, который имел опыт работы на международных рынках, и солидные капиталы, которые порой имели сомнительное происхождение. Эту прослойку, которая была заинтересована в политической и экономической предсказуемости, уже не устраивали авторитарные режимы, грозившие ее состояниям. Реформирование госсектора и неолиберальные экономические реформы охватили едва ли не весь континент.

МВФ и МБРР предложили свои универсальные рецепты: устранение государства из экономики, дерегулирование, открытость к внешним рынкам, создание механизмов конкуренции, ослабление валют для

стимулирования внутреннего производства. При низком и неизменном уровне доходов такой курс мог быть осуществлен через сокращение государственных расходов, в том числе социальных, уменьшение импорта, высокую инфляцию. «Но не были учтены цивилизационные, психологические и экономико-социальные особенности африканцев, более тесная связь народа и государства, предпочтение семейно-клановых и этнических связей индивидуальному обогащению, склонность подавляющего большинства населения вкладывать свободные финансовые средства не в банки, акции и ценные бумаги, а в предметы престижного потребления, недвижимость, торговлю»[1].

Результаты неолиберальной политики оказались для Африки плачевными. Несмотря на получение 170 млрд долл. на цели развития, экономика стран южнее Сахары продолжала деградировать. С 1982 по 1992 г. доходы на душу населения сокращались там ежегодно в среднем на 1,1%, тогда как в остальных развивающихся странах росли на 0,8%. В 1993 г. совокупный ВВП всех стран южнее Сахары, где проживали 600 млн человек, был равен бельгийскому. Их внешний долг с 1980 г. вырос в три раза и превысил 180 млрд долл., или 100% от ВВП. Из 20 беднейших стран планеты 18 находились в Африке[2]. В 1990-е гг. средний экономический рост на континенте составлял 2,2%, а среднегодовая инфляция — 27% в год.

В новом веке все поменялось.

Экономика Африки неизменно росла быстрее, чем мировая (уступая по этому показателю исключительно странам Восточной Азии), и объем ее увеличился в три раза. Нам уже известно, где производится наибольшее количество фильмов на планете — в индийском Болливуде. Но кто идет на втором месте? Голливуд? Ошибаетесь. Это нигерийский Нолливуд, где в год снимают 1–1,5 тыс. кинокартин, не считая сериалы. Это кино про африканцев и для африканцев. Популярны хорроры, связанные с темой колдовства. Фильмы не только разлетаются по всему континенту, но и находят своего зрителя в странах с многочисленным африканским населением — в США и Великобритании[3].

В течение последних пяти лет ВВП Африки южнее Сахары рос в среднем на 4,8%. В Африке располагались четыре из шести самых быстро растущих экономик мира в 2014 г. Впервые цифра инфляции меньше показателя экономического роста, который ожидается на уровне 5,5%. Страны Северной Африки дают рост около 6%, а треть государств к югу от Сахары — выше 6%. Каковы были главные факторы

---

[1] *А.Л. Емельянов.* Политические системы Африки // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006. С. 268.

[2] Там же. С. 268–269.

[3] *Ирина Любарская.* Добро пожаловать в Нолливуд // Russian View. Май–июнь 2014. С. 58–63.

роста? На первое место следует поставить подъем Китая, других крупных развивающихся экономик, которым понадобилось большое количество ресурсов[1].

Но рост имеет не только внешние, но и внутренние причины. Согласно данным МВФ, 8 из 12 наиболее быстро росших экономик Африки южнее Сахары не были ресурсными, и среди них ряд самых бедных стран — Буркина Фасо, Эфиопия, Мозамбик, Руанда, Танзания, Уганда. Для этих стран были характерны принятие стратегий развития, которые предусматривали макроэкономическую стабильность, инвестиции в инфраструктуру и развитие человеческого капитала[2].

Впрочем, нигерийско-американская журналистка Дайо Олопаде полагает, что успехи африканских стран связаны не столько с реализацией заимствованных на западе схем и не с политикой правительств, сколько с усилиями самих африканцев, научившихся выживать в сложнейших специфических условиях (концепция канджу — kanju), семейными ценностями и связями, вызванной нуждой изобретательностью[3].

Континент обеспечивает более 90% потребности мировой промышленности в металлах платиновой группы, 70 — в алмазах и кобальте, 48 — в хромитах, 19 — в золоте и т.д.[4]. Разведанные запасы нефти в Африке составляют 9,7% от общемировых, природного газа — 7,8%. Их месторождения обнаружены в 19 странах континента, и именно на них приходится до 40% прямых иностранных инвестиций в Африку. Большая часть разведанных запасов углеводородов — свыше 90% — расположена на территории и шельфе семи африканских стран: Алжира, Судана, Экваториальной Гвинеи, Нигерии, Анголы, Туниса, Конго. Африканская нефть — высокого качества, даже в сравнении с ближневосточной; страны, располагающие нефтью (за исключением Нигерии), не являются членами ОПЕК и не подпадают под решения этой организации об ограничении квот добычи; большинство нефтеносных полей Африки находятся в оффшорных зонах — все это делает условия для бизнеса там более привлекательными. Международные корпорации стараются обеспечить себе устойчивые позиции в сфере переработки, транспортировки и логистики “downstream”, африканским же странам отводится в основном функция контроля над добычей и первичной переработкой сырья “upstream”[5].

---

[1] *John O'Sullivan.* Digging Deeper: Some of the World's Fastest-Growing Economies in 2014 Will Be in Africa // The Economist. The World in 2014. P. 77; *Константин Полтев.* Африканское сафари // Russian View. Июль–август 2014. С. 44.

[2] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. L., 2014. P. 285.

[3] *Dayo Olopade.* The Bright Continent: Breaking Rules and Making Change in Modern Africa. N.Y., 2014.

[4] *Вадим Зайцев.* Работайте, недра // Коммерсантъ Власть. 4 февраля 2013. С. 32–33.

[5] *У.Ф. Черненко.* Африка в орбите энергетических интересов Китая // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. М., 2013. С. 168–169.

Прямые иностранные инвестиции выросли с 6 млрд в 2000 г. до 34 млрд в 2012-м[1]. В 2006–2007 гг. Сейшельские острова и Гана стали первыми странами — после Южной Африки, которые предложили на мировой рынок государственные облигации. С тех пор множество других государств — от Нигерии до Руанды и от Замбии до Анголы — последовали их примеру, использованы эти деньги были не столько на инвестиции, сколько на субсидирование цен и зарплату госслужащим[2]. С 2004 по 2014 г. объем размещений вырос с 1 млрд до 20 млрд долл., притом, что соотношение государственного долга к ВВП в среднем по Африке увеличилось с 30 до 70%[3]. МВФ в апреле 2014 г. выпустил доклад, в котором предупреждал о рисках рынка облигаций африканских стран, которые прибегли к «чрезмерной финансовой экспансии, частично оплаченной за счет внешних заимствований, и тем самым увеличили свою уязвимость в случае неожиданного разворота финансовых потоков». Не вполне понятно, чем будут отдавать государства-заемщики, если по какой-то причине начнется отток денег с рискованных рынков[4]. В Африке более полутора тысяч публичных компаний, причем свыше ста из них имеют годовой доход, превышающий 1 млрд долл. Работают более двадцати фондовых бирж, крупнейшие — в ЮАР и Нигерии.

Каждый год Африка теряет около 150 млрд долл. из-за оттока капитала, который на 60% объяснятся уходом корпораций от налогов. Есть немало «налоговых гаваней» и оффшорных зон, среди которых лидирует Маврикий. Примечательно, что на долю Маврикия пришлось 43% иностранных инвестиций в Индию в первом десятилетии нынешнего века, и на острове имели свои отделения 37 из списка ста крупнейших американских компаний[5].

Исключительно низка энергообеспеченность. Для 600 млн обитателей Африки южнее Сахары жизнь останавливается после наступления темноты. Там потребляют столько же электроэнергии (если исключить ЮАР), сколько один Вьетнам. Это значит, что дети не могут делать домашнее задание, пища портится, женщины рожают при свечах, а готовят на дровах или кизяках. Лидеры африканского бизнеса дружно называют нехватку электроэнергии главным препятствием на пути экономического роста[6].

---

[1] *Mohamed A. El-Erian*. Into Africa // Foreign Policy. May/June 2013. P. 29–30.

[2] Africa Must Invest Borrowings Wisely // Financial Times. April 14, 2014.

[3] *Richard Walker.* The Coming African Debt Crisis // The Economist. The World in 2015. P. 79.

[4] *Ralph Atkins.* Reasons to Be Wary of African Debt Expansion // Financial Times. May 2, 2014.

[5] Onshore Is the New Offshore // The Africa Report. December 2010 — January 2011. P. 19.

[6] *Michael Elliott.* Lighting up Africa // The Economist. The World in 2014. P. 80.

Сельское хозяйство, если брать Африку в целом, растет медленно, использование удобрений застыло на уровне середины 1990-х. Производство аграрного сектора в последние годы росло в Анголе, Мозамбике, Сенегале, Южной Африке, Замбии, но падало до уровней двадцатилетней давности в Бурунди, Камеруне, Экваториальной Гвинее, Мадагаскаре, Уганде и на Сейшелах. Сельхозпроизводство дает половину рабочих мест, но лишь около 20% регионального ВВП[1]. На Африку приходится половина всех необрабатываемых, но пригодных для использования сельскохозяйственных земель планеты. Во многом это объясняется отсутствием дорог, портов, хранилищ для сельхозпродукции, фермеры теряют до 50% продукции, просто пытаясь доставить ее на рынок[2].

Лучшей транспортной артерией для путешествий с севера на юг, как и много веков назад, остается Нил, дороги через Сахару либо отсутствуют, либо убиты и при этом весьма небезопасны. Внутриконтинентальная торговля составляет лишь 13% от ее общего объема (в Азии — 53%). Транспортные расходы составляют 50–75% в розничной цене товаров в Малави, Руанде или Уганде. Доля сельхозпроизводителей в рыночной цене продовольствия не превышает 20%, что лишает их стимулов к производству. Доставка автомобиля из Китая в Танзанию по морю обойдется в 4 тыс. долл., а последующая транспортировка в соседнюю Уганду — еще 5 тыс. Многочисленные блокпосты требуют взятки и тормозят движение[3].

В ноябре 2010 г. на уровне министров торговли было принято решение о создании континентальной зоны свободной торговли. На встрече глав государств и правительств был запущен переговорный процесс по созданию тройственной зоны свободной торговли (COMESA — SADC — East African Community) с участием 26 стран с населением около 600 млн человек и объемом ВВП более 1 трлн долл. В качестве локомотива развития рассматриваются крупные инфраструктурные проекты в рамках НЕПАД, включая проект коридора автомобильных и железных дорог Север — Юг[4]. Крупнейшим инвестиционным проектом в Восточной Африке становится объявленный в ноябре 2013 г. президентом Кении Ухуру Кеньятта план строительства железной дороги от порта Момбаса до столицы Найроби, а затем в Уганду, Руанду, Южный Судан и на восток Демократической Республики Конго стои-

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 287.

[2] *Ngozo Okonjo-Iweala, Dilip Ratha.* Homeward Bond // International Herald Tribune. March 16, 2011.

[3] Transport in Africa. Get a Move On // The Economist. February 16, 2013. P. 29–30.

[4] *Михаил Петраков.* Африка и мир — взгляд с Юга континента // Международная жизнь. Июнь 2012. С. 105–107.

мостью в 15 млрд долл. Тендер на строительство выиграла китайская компания[1].

Африка пока слабо участвует в мировой торговле — на континент приходится лишь два процента ее объема. Не в последнюю очередь это объясняется сохранением определенной дискриминации в торговле со стороны западных стран. ЕС предоставляет право торговли без пошлин и квот только 27 самым бедным странам Африки, ряд бывших метрополий дают менее щедрые преференции своим бывшим колониям в двустороннем порядке. США благоволят 40 странам, но при этом полностью исключают преференции для любых видов сельхозпродукции, которые способны конкурировать с производимой внутри Соединенных Штатов, например, хлопка[2].

Экономический рост по-прежнему не поспевает за увеличением населения — самым высоким в мире. Шестьдесят пять процентов населения Африки живет менее чем на 2 долл. в день, 290 млн человек голодают. При этом континент обеспечивает 21% прироста мировых трудовых ресурсов, а в следующие десятилетия этот показатель увеличится до 30%. После 2050 г., когда в Африке будут проживать от 21 до 30% людей планеты, на нее придется более 90% увеличения населения и 65% прироста трудовых ресурсов. Однако качество человеческого капитала остается одним из самых низких в мире.

Уровень неграмотности в среднем по континенту — 40%. Сорок три миллиона африканцев ВИЧ-инфицированы, около 4 млн больны туберкулезом, более 90% случаев смерти от малярии в мире также приходится на Африку. Средняя продолжительность жизни самая низкая — 53 года. Высок уровень безработицы: по официальным данным — 15% в странах Северной Африки и 9% — южнее Сахары. Велика трудовая миграция: 35 млн мигрантов из 200 млн в мире — африканцы. Только в Европе насчитывается 4–5 млн нелегальных мигрантов из Африки[3]. Жизненный уровень населения остается также самым низким — 2,5 тыс. долл. по паритету покупательной способности.

Эксперты МВФ и Всемирного банка полагают, что причины бед африканской экономики — в чрезмерном государственном регулировании, и видят выход в приватизации, структурных реформах, экономической либерализации и демократизации[4]. Многие исследователи

---

[1] *Wanjohi Kabukuru.* Rows Cast Gloom over $15bn East African Railway Project // African Business. April 2014. P. 86.

[2] *K.Y. Amoako, Daniel Hamilton, Eveline Herfkens*. A Trans-Atlantic Deal for Africa // International Herald Tribune. May 8, 2013.

[3] *И.О. Абрамова.* Демографические процессы в странах БРИКС: последствия для Африки // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 39–40.

[4] The United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) Secretariat. The Least Developed Countries 2000 report. Aid, Private Capital Flow and External Debt: the Challenge of Financial Development. N.Y., 2000. P. 102.

называют фактор коррупции: «Централизация и экономической, и политической власти превращает государство в горшок с золотом, который хотят захватить разные конкурирующие группы. Однажды захваченная власть используется для обретения больших личных состояний, обогащения своих приближенных и соплеменников, уничтожения врагов и увековечивания власти»[1]. Глава центрального банка Нигерии Ламидо Сануси в феврале 2014 г. был уволен за попытку выяснить, куда исчезли 20 млрд долл., которые были получены от продажи нефти и должны были быть зачислены в бюджет[2].

Каковы экономические перспективы Африки южнее Сахары? Нуриэль Рубини пока не склонен относить страны данного региона — за возможным исключением стран Южной Африки и Нигерии — к числу развивающихся экономик, относя их к категории «экономик фронтира», которые выглядят сегодня так же, как двадцать лет назад выглядели современные успешные развивающиеся экономики Азии или Латинской Америки[3].

И конечно, континенту не хватает стабильности. В первые два–три десятилетия независимости африканские страны еще неплохо ладили друг с другом. Страшнейшая гражданская война в Нигерии в конце 1960-х гг. и серьезные межобщинные конфликты в Руанде и Бурунди были исключением.

Сегодня Африка является наименее стабильным местом на планете, даже если оставить в стороне все революции и войны в Магрибе, о которых мы говорили раньше. В войнах и межнациональных конфликтах в Африке гибнет больше людей, чем где-либо на планете. На континент приходится половина всех миротворческих миссий ООН[4].

Вдоль десятого градуса северной широты — границы между мирами пустыни и саванны, ислама и других верований, скотоводов и земледельцев, арабов и чернокожих — от Сомали на побережье Индийского океана до Сенегала на берегу Атлантического тянется не имеющий аналогов пояс анархии, беззакония, голода и почти непрерывных кровавых конфликтов. В этом регионе было нестабильно на протяжении тысячелетий. Но во все прежние времена были и попытки наладить модус вивенди, учесть интересы кочевых и земледельческих племен. Сегодня существовавшие на протяжении многих веков договоренности и нормы поведения пошли прахом. В связи с глобальным потеплением участились засухи, что обострило борьбу за скудеющие водные, земельные и пищевые ресурсы. Земледельцы бьются против превращения своих

---

[1] *G.B.N. Ayittey.* Africa Unchained: the Blueprint for Africa's Future. N.Y., 2005. P. 48.

[2] Revising Nigeria's Economy // International New York Times. April 14, 2014.

[3] Nouriel Roubini: "Africa Has Come as a Positive Surprise" // African Business. April 2014. P. 24–26.

[4] The Military Balance 2010. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economies. L., 2010. P. 283.

угодий в вытоптанную скотом степь, скотоводы — за пастбища и против голодных похитителей скота. На традиционных маршрутах кочевников вырастают обнесенные заборами фермы, огораживаются реки.

Идеи религиозного экстремизма находят здесь очень благожелательный отклик. Заметно активизировалась «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, которая работает над свержением всех светских режимов в регионе. Здесь тон задают не государственные власти, а кланы, вожди и военные, часто имеющие собственную повестку дня. По некоторым оценкам, до половины населения имеет оружие, в основном проверенные «Калашниковы». Где-то оно появилось в результате длящихся десятилетиями гражданских войн (Сомали или Судан), где-то правительства сами вооружали людей (Кения или Эфиопия)[1].

В Сомали командиры бандформирований, пираты, исламисты из группировки «Аль-Шабаб» давно ввергли страну в хаос. Кения, которую много лет на Западе представляли образцом демократического развития, ведет затяжную и пока бесперспективную войну против исламистов. Племена туркана и дасанеч, столетиями мирно сосуществовавшие на границе Кении и Эфиопии, теперь воюют за контроль над стремительно мелеющим озером Туркана, причем правительства двух стран вооружили «свои» племена.

Много лет идет война в Судане, в котором сохранялось четкое деление на арабов-мусульман Севера и чернокожих христиан и анимистов Юга. Война, унесшая более 2 млн жизней, завершилась в 2005 г., и в январе 2011 г. прошел референдум, в ходе которого 99% южан проголосовали за независимость. Принятый с большой помпой в ООН огромный Южный Судан имеет 40 км асфальтированных дорог, за пределами Джубы и Малакала не существует видимой власти, полицейских участков или больниц (медицинская помощь на 80% оказывается зарубежными НПО, и доступ к ней имеют менее трети населения). Зато на страну приходится 75% некогда общей суданской нефтедобычи, одной из крупнейших в Африке. При этом все нефтепроводы идут исключительно через Север. Не договорившись о цене транзита, бывший полевой командир, а теперь президент Южного Судана Салва Киир решил прекратить экспорт энергоносителей, что вызвало многомиллиардные потери и новую войну. Он надеялся на полную поддержку США, которые лоббируют строительство нового нефтепровода в кенийский порт Ламу, и объявили президента Судана Омара Башира (он больше дружен с Китаем и Россией) спонсором международного терроризма, Международный суд в Гааге выдал ордер на его арест за геноцид в Дарфуре. Граница между двумя странами протяженностью 2200 км наводнена боевой техникой, особенно в спорных провинциях Абьей,

[1] *Хоранд Кнауп.* Эпидемия АК-47 // Профиль. № 11, 2012. С. 28-31.

Южный Кордофан и Голубой Нил. Последовали жесточайшие бои с тысячами убитых с обеих сторон [1].

Внутри самого Южного Судана с декабря 2013 г. идет гражданская война между правительственными войсками Киира, принадлежащего к племени динка, и отстраненного им от должности вице-президента Риека Мачара из племени нуэр. С севера — из Судана — оружие поступает обеим сторонам. Согласие безуспешно пытаются установить 10 тыс. миротворцев ООН, на чьих базах прячутся 50 тыс. беженцев. Из шести миллионов жителей Южного Судана более миллиона покинули свои дома, десятки тысяч убиты. Война идет в первую очередь за контроль над нефтяными доходами, которые в любом случае используются на усиление армии и обогащение новой элиты[2].

В Мали в 2012 г. пало правительство Амаду Тумани, не сумевшее защитить страну (и вновь спустя много веков!) от туарегов, активность которых до последнего времени сдерживалась подачками из Триполи, которые перестали поступать после свержения Муаммара Кадаффи. Теперь же туареги и их союзники-исламисты из «"Аль-Каиды" в странах исламского Магриба» заняли весь север Мали и провозгласили на территории, которая вдвое превосходит германскую, новое государство — Азавад. К власти в Бомако после переворота пришла военная хунта, которая взялась освободить страну от туарегов, но которую не признали во внешнем мире. Лидеры Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), объединяющего 15 государств, объявили, что будут отстаивать территориальную целостность Мали всеми средствами. Но их вооруженные силы оказались мало приспособлены к ведению военных действий в пустыне, которая является для туарегов домом родным[3]. Кроме того, сами соседи Мали не стабильны и не контролируют собственные территории. На большей части Мали, а также Нигера, Мавритании иностранцам практически гарантирован захват в качестве заложников при первом же появлении. В 2013 г. французские и чадские войска, освободив крупные города на севере страны, приступили к ликвидации баз исламистов в горном массиве Ифогас[4].

Не отличается политической стабильностью Нигерия из-за нескончаемых терактов группировки «Боко-Харам» (в переводе: «западное образование — грех»). Ее предводитель Мухаммед Юсуф (убит спецслужбами в 2009 г.) в начале века основал самопровозглашенное государство

---

[1] *Jody Clarke.* A Country Starting from Scratch // Mail & Guardian (South Africa). January 14-20, 2011. P. 21; *Максим Юсин.* На два Судана нефти не хватило // Коммерсантъ. 18 апреля 2012.

[2] South Sudan. A New Depth of Horror // The Economist. April 26, 2014. P. 33.

[3] *Анатолий Максимов.* Интервенция против джихада // Коммерсантъ. 9 апреля 2012.

[4] *Максим Юсин.* Война в Мали идет по восходящей // Коммерсантъ. 25 февраля 2013.

в самом нищем исламском штате Борно на границе с Нигером и Чадом, восставшее против светского государства и Запада. В штате действуют около пяти тысяч мусульманских религиозных школ, большинство — в столице Майдугури с населением в 1,2 млн человек, где исключительно Коран и арабский язык изучают нищие дети безработных родителей (у которых таких детей может быть два-три десятка от четырех жен). Сценарий раскола страны на исламский Север и христианский Юг не исключен[1].

Побережье Африки стало главным местом пиратства в мире. Совсем недавно лидировала акватория Индийского океана и Аденского залива вблизи от Сомали, где еще в 2011 г. нападения на суда осуществлялись практически ежедневно. Но военно-морскими усилиями мирового сообщества пиратство там было сведено к минимуму, после чего пальма первенства перешла к Гвинейскому заливу Атлантики, где — особенно в нигерийских водах — в 2014 г. произошло 19% всех пиратских актов на планете[2].

Нестабильность питает милитаризацию, которая не приняла запредельные масштабы только из-за общей бедности стран континента. Их общие военные расходы в 2013 г. 44,9 млрд долл., при этом Алжир стал первой страной Африки, тратящей на оборону более 10 млрд долл. в год, недалеко от него отстала Ангола[3].

Африка и великие державы

Африка представляет несомненный и все растущий интерес для всех глобальных игроков — в силу как своего экономического потенциала, так и совокупного политического влияния — на страны континента приходится 27% голосов в ООН.

Конец холодной войны был воспринят в Африке без энтузиазма. Элиты континента сознавали, что теряли значимость в глазах бывших конкурентов по биполярной конфронтации. Все виды внешней помощи африканским странам действительно резко сократились. У наследников СССР и Варшавского договора исчезли деньги, да и идеологические мотивы для помощи своим прежним клиентам, у Запада отпала необходимость отвоевывать умы и сердца африканцев у коммунистического оппонента.

Сделав вывод о том, что Запад победил, африканские страны поспешили заявить ему свою лояльность. Однако встречной реакции не последовало. Только в начале XXI в. развитые страны предложили программу «Новое партнерство для развития Африки» (NEPAD), которая

---

[1] *Хоранд Кнаup.* Эпидемия АК-47. С. 29–30.
[2] Piracy in Africa: The Ungoverned Seas // The Economist. November 29, 2014. P. 33–34.
[3] Russian View. Июль–август 2014. С. 4.

была принята в Лусаке в 2001 г. Ассамблеей глав государств и правительств стран-членов ОАЕ. В целях реализации НЕПАД на саммите «Большой восьмерки» в Кананаскисе (июнь 2002 г.) был принят «План действий "восьмерки" по Африке». Однако эффективность всех этих программ очень невысока. Помощь, которую развитые страны оказывают Африке (ее параметры обсуждались на каждом заседании «семерки», «восьмерки», «двадцатки») пока сводится в основном к тому, что Запад направляет излишки своей сельскохозяйственной продукции, а также выделяет кредиты, которые на Запад же и возвращаются, поскольку тратятся на закупки там товаров и оплату услуг западных специалистов. То, что выращивают сами африканцы, неконкурентоспособно, поскольку они, в отличие от западных фермеров, не получают субсидий от государства[1].

Джордж Буш-ст. отправил в Сомали небольшой контингент в рамках операции по поддержанию мира. В 1993 г. — уже при Билле Клинтоне — операция «Удар черного ястреба», в ходе которой американские военные пытались спасти окруженную в центре Могадишу команду спецназа, обернулась большими потерями, и президент принял решение свернуть американское участие в сомалийской миссии. «Контраст между американским участием в Югославии и замалчиванием того, что произошло в Африке, не остался незамеченным, — подмечал Збигнев Бжезинский. — Впечатление о безразличии Америки к Африке связывалось также с ее продолжительной пассивностью к бедствиям геноцида, происходившего в Руанде в 1994–1995 гг.»[2].

В октябре 2008 г. Соединенные Штаты официально открыли Африканское командование (AFRICOM) своих вооруженных сил со штаб-квартирой в немецком Штутгарте. Озабоченные критикой своей военной политики, особенно в мусульманском мире, США подчеркивали, что их целями в Африке являются предотвращение войны, а не ее ведение, долгосрочное наращивание боевых возможностей и поддержание стабильности[3].

При Обаме казалось, что Соединенным Штатам, учитывая наличие у президента отца из Кении, ничего не надо предпринимать, чтобы сохранять свои позиции и симпатии на Африканском континенте. Оказалось, что этого недостаточно на фоне активности других держав (китайский товарооборот с Африкой вдвое превысил американский). В августе 2014 г. в Вашингтоне был организован трехдневный Американо-Африканский саммит, на который приехало около 50 африканских лидеров. Помощник Обамы по национальной безопасности

---

[1] *Николай Алексеев-Рыбин*. Пятьдесят лет мучительной свободы. С. 92.

[2] *Збигнев Бжезинский.* Еще один шанс: Три президента и кризис американской сверхдержавы. М., 2010. С. 102.

[3] The Military Balance 2010. The Annual Assessment… P. 288.

Сюзан Райс заявила: «Мы не рассматриваем Африку как трубопровод для выкачивания жизненно важных ресурсов и не как объект для благотворительности». США представлялись как партнер в создании рабочей силы, разрешении конфликтов и развитии человеческого капитала[1]. Однако в ходе саммита выяснилось, что свою стратегическую роль Вашингтон видит, в первую очередь, в вооружении африканских армий. Обама обещал 5 млрд долл. в Фонд контртеррористического партнерства, который поддерживает программы Пентагона, уже осуществляемые в 35 государствах континента. Наибольше средства уходят в две страны — Нигерию и Южный Судан, чьи армии отличались особенной коррупцией и небезуспешным стремлением контролировать политические элиты. «Американская дипломатия становится служанкой африканских генералов»[2], — иронизировали после саммита информированные аналитики.

Важнейшими партнерами африканских стран продолжали оставаться бывшие европейские метрополии, проводившие политику постколониального присутствия, которое неуклонно ослабевало. Взаимодействие с Евросоюзом касалось почти исключительно экономических вопросов и институционально осуществлялось, в основном, по линии диалога ЕС и созданной в 1975 г. Организации стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АКТ). Напряженность начала спадать только к 1980-м гг.

Саммит Европейского Союза и Организации Африканского Единства в 2000 г. принял программу помощи странам Черного континента из четырех пунктов: мир и безопасность, поддержка политической стабильности; государственное управление, развитие демократических институтов, соблюдение прав человека; региональная интеграция, развитие торговли Африки и Европы; вопросы общего развития: экология, гуманитарные проблемы, внешний долг, интеграция в мировое сообщество. Это был качественный сдвиг в отношениях, позволявший говорить о спаде постколониальной подозрительности с обеих сторон[3].

Европейский Союз принял решение помочь миротворческой миссии в Дарфуре. «С самого начала ЕС способствовал усилиям Африканского Союза в поисках решения: предоставил ему 212 млн евро на организацию миссии, тренировал, экипировал и транспортировал африканских солдат, направил в зону конфликта европейских военных экспертов и полевых специалистов. Вряд ли без ЕС африканский

---

[1] Obama's Africa Summit // International New York Times. August 6, 2014.

[2] *Alex de Waal, Abdul Mohammed.* Handmaiden to Africa's Generals // International New York Times. August 16–17, 2014.

[3] *Сергей Никуличев.* Европейский и Африканский Союзы: тенденции, помощь, политика // Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. С. 303, 304–305, 306–307, 308, 309, 326.

корпус смог бы предложит населению Дарфура хоть малую гарантию стабильности»[1], — свидетельствовал Хавьер Солана.

Новая стратегия в отношении Африки была принята Евросоюзом в 2005 г. Она предусматривала, что не менее половины средств из общеевропейских фондов помощи будет направляться в Африку, а ее объем вырастет с 17 млрд евро в 2003-м до 25 млрд в 2010 г. В сфере поддержки бюджетов развивающихся стран особое внимание уделялось перспективным проектам, ставящим целью уменьшение зависимости от внешних инвестиций. До сих пор Европа остается самым крупным рынком для африканского экспорта.

Отношение современных европейцев к Африке неплохо характеризует пассаж из Доминика Моизи: «Среди европейцев, особенно тех, чьи страны раньше обладали колониями в Африке, отношение к ней включает как реальную озабоченность будущим африканцев, так и смесь алчности и страха перед тем их количеством, которое может хлынуть в Европу из-за нищеты у себя дома. Средиземное море уже не "колыбель цивилизации", описанная французским историком Фернаном Броделем, теперь оно больше напоминает озеро, где состоятельные люди всей планеты прогуливаются на своих яхтах и изредка замечают беженцев с другого берега, цепляющихся за свои утлые суденышки и с риском для жизни пытающихся достичь "европейского рая"»[2].

Негативно на отношение к западным странам Африки повлияли события в Ливии — до недавнего времени самой зажиточной страны на континенте. Механизм Африканского союза, специально созданный для дипломатических и миротворческих усилий был демонстративно проигнорирован в натовских столицах. «Западные страны, как Соединенные Штаты и Франция, предпочли военный подход. Во время гражданской войны в Ливии в 2011 г. совет африканских президентов, учрежденный Африканским союзом и возглавляемый Джекобом Зумой из Южной Африки, предложил разрешить полковнику Муаммару Каддафи отбыть в одну из африканских стран и создать затем переходное правительство. Но этот план был взорван НАТО, которая предпочла смену режима путем военной интервенции»[3].

Стоит ли удивляться, что все более серьезные позиции на Африканском континенте завоевывают страны БРИКС. Особенно активен Китай. В отличие от Запада, Китай не оговаривает экономическое сотрудничество никакими условиями, не учит никого жить. Дэн Сяопин в беседе с посетившим Пекин в 1985 г. лидером Ганы заметил: «Пожа-

---

[1] *Xavier Solana.* Stabilizing Darfur // International Herald Tribune. May 19, 2006.

[2] *Доминик Моизи.* Геополитика эмоций: Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 171.

[3] *Alex de Waal, Abdul Mohammed.* Handmaiden to Africa's Generals.

луйста, не копируйте нашу модель. Если мы сами чему и научились, то это умению формировать политику в соответствии с национальными условиями»[1].

Получение доступа к минеральным ресурсам Африки было ключевой целью лишь на первом этапе проникновения КНР в Африку в 1990-е. Тогда благодаря выдаче кредитов без каких-либо политических условий, а также поставкам оружия, Пекин быстро установил дружественные связи с режимами богатых ресурсами африканских стран, которые Запад считал диктаторскими и старался изолировать. Госкомпании КНР получали эксклюзивные права на разработку углеводородов и полезных ископаемых там, где не могли работать западные компании. В итоге сейчас Африка обеспечивает треть нефтяного импорта Поднебесной.

Серьезным игроком на континенте выступает Индия, имеющая давнюю историю присутствия в Африке. Голландцы привозили индийских рабов в Капскую колонию еще в середине XVII в. Индийская миграция в Южную Африку в массовом масштабе началась в 1860-е гг. К началу XX в. в Южной Африке было более 150 тыс. индийцев, которые своим трудом на плантациях способствовали тому, что Капская провинция и Наталь стали самыми богатыми колониями Британской империи. К 1980-м гг. в Южной Африке проживало почти 800 тыс. индийцев, однако затем их количество сократилось до 350 тыс.: большинство под давлением режима апартеида перебралось в Европу[2]. Торговые и культурные связи Индии с Восточной Африкой (нынешние Кения, Танзания и Уганда) привели к возникновению там индийской колонии задолго до прихода англичан. Но лишь после введения британского колониального порядка миграция индийцев стала массовой. К началу XXI в. в Кении и Танзации насчитывалось по 85 тыс. зарубежных индийцев. А в Уганде, откуда большинство индийцев были выселены при режиме Иди Амина, — около 15 тыс. В экономической области наиболее тесные отношения с Анголой, Конго, Габоном, Камеруном и Нигерией. В Африке налицо серьезная китайско-индийская конкуренция, особенно наглядная в Судане: индийской ONGC принадлежит 25% запасов суданской нефти, а китайской CNPC — 40%.

К 2014 г. Индия контролировала 7% африканского рынка телекоммуникационных услуг, 5 — ширпотреба, 10% — энергетического сектора Африки. По размерам инвестиций на континент занимала шестое место, а по объему внешней торговли третье с 93 млрд долл. (211 млрд

---

[1] *Джон и Дорис Нейсбит.* Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества. М., 2012. С. 216, 218.

[2] *Б.Н. Кузык, Т.Л. Шаумян.* Индия — Россия: стратегия партнерства в XXI веке. С. 331.

у Китая, 117 млрд — у Северной Америки, 61 млрд — у стран всей Латинской Америки)[1].

В последнее время Россия начинает медленное возвращение в Африку, начало которому положили визиты Путина и Медведева в Марокко, ЮАР, Ливию, Алжир, Анголу, Намибию, Нигерию, Египет. С начала века товарооборот вырос в десять раз, достигнув 12 млрд долл., но это в 2 раза меньше, чем у Бразилии, в 4 раза меньше, чем у Индии, и в 16 раз — чем у Китая. Семьдесят процентов объема торговли приходится на страны Северной Африки, причем в ней доминируют пищевые продукты и сырье, а также продукция нашей оборонки[2]. На саммите БРИКС в Дурбане в марте 2013 г. Путин отметил, что «Россия способна поднять на более высокий уровень экономические отношения с Африкой — кладовой природных ресурсов, в которых мы нуждаемся не меньше, чем другие страны мира, выгодным торговым партнером и обширной сферой приложения инвестиций, в которых так заинтересованы страны континента, и где наша страна также способна найти свою нишу»[3].

Российские компании инвестируют в Африку, в 2012 г. — 8,5–9 млрд долл. Заявленный объем планируемых капиталовложений на 2013–2020 гг. составляет 17 млрд долл. — примерно 4% от накопленных прямых зарубежных инвестиций России и 2–3% всех накопленных ПИИ в Африке.

В Гвинее работают «Русал», «Северсталь-золото», «Гаммахим». В ЮАР — группа компаний «Ренова» и «Мечел». В Анголе — «АЛРОСА», «Технопромэкспорт», дочернее предприятие «Газпромнефти» — концерн «НИС», «Росатом», «Атомредметзолото». В Намибии — группа компаний «Ренова», есть планы сотрудничества у «Газпромбанка». В Нигерии — «Русал», возможно участие там в проектах «Газпрома» и «Атомстройэкспорта». Расширяется круг африканских государств, с которыми налаживается инвестиционное сотрудничество — Экваториальная Гвинея, Ботсвана, Гана, Либерия, Сьерра-Леоне[4].

Россия вносит вклад в программы помощи развитию. Была списана задолженность африканских стран на сумму 20 млрд долл., в том числе Эфиопии — 4,8 млрд, Ливии — 4,5 млрд, Алжиру — 4,3 млрд, Анголе — 3,5 млрд. долл. Россия заключила межправительственные соглашения в рамках инициативы ООН «Долг в обмен на развитие» с

---

[1] *Victor Mallet.* African Growth Opportunities Entice India // Financial Times. March 12, 2014.

[2] *Алексей Васильев, Евгений Корендясов.* Африканский гамбит // Russian View. Май–июнь 2014. С. 41.

[3] *Н.А. Волгина.* Российские инвестиции в Африке // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 177.

[4] *Михаил Маргелов.* Возвращение в Африку // Россия в глобальной политике. Т. 11. Специальный выпуск. 2013. С. 187–188.

Танзанией, Замбией, Мозамбиком на общую сумму 263,6 млн долл.[1]. В российских вузах обучается свыше 6,5 тыс. африканцев, из них половина — за счет федерального бюджета[2].

«Россия возвращается в Африку с “низкого старта”, — констатирует спецпредставитель Президента РФ по связям с континентом Михаил Маргелов. Советское влияние, основанное на льготных кредитах и подарках в виде плотин и прочего, не по силам российскому бизнесу, а государство этим не занимается. Наших компаний в Африке относительно мало. Если не принять меры, Россия упустит выгодную площадку для своих инвестиций и товаров. И если руководствоваться долгосрочной программой торгово-экономических отношений с Африкой, то требуется госэкономическая стратегия, для разработки которой нужны государственные усилия»[3].

* * *

Если африканская цивилизация существует или складывается, какое государство (или государства) могут претендовать на роль стержневого? Уверен — Южно Африканская Республика.

ЮАР: долгий путь к свободе

Расположенная на южной оконечности Африки, страна является 24-й по площади в мире (1,2 млн кв. км, сразу после Мали). Климатически она очень разнообразна: от сухой пустыни Намиб до субтропиков на востоке у границы с Мозамбиком и побережья Индийского океана. Западная часть, состоящая из пустыни Калахари и болотистых приатлантических низменностей, мало пригодна для обитания. Восточное побережье — равнина, где господствует муха цеце; эту часть страны следовало одолеть побыстрее на пути во внутренние районы. Там местность быстро поднимается, образуя Драконовы горы и переходя в большое внутренне плато, называемое вельд. Наилучшие для обитания земли, плодородные и богатые природными ресурсами, находятся именно там, а также на южных равнинах, примыкающих к Атлантическому и Индийскому океанам.

Человек появился в Южной Африке в глубокой древности, о чем говорят находки в пещерах возле Стеркфонтейна, Кромдрая и Макапансхата. Эти земли были населены кочевыми племенами скотоводов

---

[1] *Евгений Корендясов.* Интересы России в Африке // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 190–193; *Н.А. Волгина.* Российские инвестиции в Африке. С. 174–175.

[2] *Сергей Лавров.* Россия и Африка к югу от Сахары: отношения, проверенные временем // Russian View. Май–июнь 2014. С. 11, 13.

[3] *Михаил Маргелов.* Возвращение в Африку. С. 189.

кой-кой (готтентоты) и собирателей — сан (бушмены) до середины I тысячелетия нашей эры, когда с севера пришли земледельцы-банту, уничтожавшие или ассимилировавшие местное население. К началу XV в. в Южной Африке возникло протогосударственное образование Мономотапа во главе с обожествленным правителем, получавшим дань от вассальных вождей. В основе экономики лежала торговля металлами, включая золото, слоновой костью, шкурами, а также рабами. С XVI–XVII вв. работорговлю в этой части Африки стали контролировать португальцы, в зависимость от которых вскоре и попала Мономотапа.

Первое письменное упоминание о постоянном поселении европейцев датируется 1652 г., когда Ян Ван Рибек от имени Голландской Ост-Индской компании основал деревню на «мысе Штормов», позднее получившем название «мыс Доброй Надежды». Занятая торговыми операциями в Индии и Индонезии, компания в ту пору мало интересовалась Африкой и рассматривала стоянку, именовавшуюся Капстад, Капштадт или Кейптаун, лишь как пункт для отдыха моряков и ремонта кораблей на долгом пути из Европы на Восток и обратно. В XVII и XVIII вв. туда — в климатическом смысле едва ли не самый благоприятный район Африки — начали прибывать колонисты из Нидерландов и Германии, французские гугеноты, спасавшиеся от религиозных преследований на родине. Они распахивали земли побережья, основывали животноводческие фермы. Постепенно переселенцы-буры (от нидерландского boer — «крестьянин») продвигались в глубь континента, оттесняя и истребляя немногочисленное местное население, в первую очередь, готтентотов. В Капскую колонию также свозились рабы из других голландских владений, в частности, из Индонезии и с Мадагаскара. Их потомки называются «цветными».

Великобритания впервые получила господство над Капской колонией в ходе Четвертой англо-голландской войны 1795 г. Тогда Нидерланды оказались под властью Наполеона, и британцы, опасаясь французского контроля над этим стратегически важным регионом, отправили туда армию под командованием генерала Джеймса Генри Крэйга. Однако в 1803 г. по Амьенскому миру Батавская республика (так назывались Нидерланды после французского завоевания) оставила Капскую колонию за собой. После возобновления войны в 1806 г. английские войска под командованием Дэвида Бэрда вновь вошли в форт Капстада. Началось переселение британцев из метрополии.

Постоянные стычки с англичанами заставили буров в массовом порядке отправиться в так называемый Великий трек в глубь континента, на плоскогорье-вельд. «Широкая экспансия, начало которой положило Великое переселение, стала в истории африканеров важнейшим собы-

тием, сопоставимым с завоеванием Дальнего Запада в США»[1], — считал Фернан Бродель. Наиболее сильным противником являлось государство зулу, зулусов в провинции Наталь, которое под руководством короля Чаки — ныне одного из главных национальных героев, имя которого носит аэропорт в Дурбане, — сумело создать мощную боеспособную армию. Чака потерпел поражение в 1838 г. В местах расселения бантуязычных племен в середине XIX в. возникли независимые республики Трансвааль и Оранжевая. На юге, где жили англичане и оставались колонисты-буры, в результате войн с зулусами и коса расширялись территории Капской колонии и заново созданной на побережье к северо-востоку от нее колонии Наталь. Южная Африка условно разделилась на две части: северную — бурскую и южную — английскую.

Открытие в конце 1860-х гг. алмазных россыпей Кимберли (названных по имени британского министра колоний) и золота в Трансваале в 1880-х гг. вызвало алмазную и золотую лихорадку и приток старателей со всего мира, что дало толчок экономическому развитию. Строились города, железные дороги, предприятия. Создавались мощные корпорации, одна из которых, Де Беерс (Бирс) во главе с губернатором Сесилом Родсом, стала практически монополистом в алмазном деле.

Буры, которые занимались в основном сельским хозяйством, ценили собственную независимость и привыкли распоряжаться чернокожими работниками по собственному усмотрению, активно сопротивлялись энергичному натиску англичан. В 1880–1881 гг. произошла первая англо-бурская война, буры сумели выстоять. В 1899–1902 гг. — вторая война, которая стала всемирно известно благодаря романам Луи Буссенара «Капитан Сорви-голова» и «Похитители бриллиантов», где буры были представлены в качестве жертв насильственной колонизаторской политики Великобритании; и историческому труду Артура Конан-Дойла «Война в Южной Африке», защищавшему политику англичан. Следует заметить, что в России общественные симпатии были на стороне буров. В Южную Африку отправились русские добровольцы, среди которых был и будущий лидер октябристов, спикер Государственной думы и военный министр Временного правительства Александр Гучков. Там он был ранен и попал в английский плен. Полурегулярные войска буров, несмотря на первоначальные успехи, все же проиграли лучше обученным и вооруженным англичанам, обладавшим к тому же подавляющим численным преимуществом. После этого буры обратились к тактике партизанской войны, противодействуя которой англичане создали сеть блокгаузов, а также стали отправлять бурских женщин и детей в первые в мире концентрационные лагеря.

[1] *Фернан Бродель*. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 491.

После многолетних переговоров в 1910 г. был образован Южно-Африканский Союз, куда вошли Капская колония, Наталь, Колония Оранжевой реки и Трансвааль. Хотя Союз был доминионом Британской империи (и в этом качестве участвовал в Первой мировой войне), буры — которых стали уже чаще называть африканерами — не только влились в политическое руководство ЮАС, но и во многом задали тон ее внутренней политике. Расцвел апартеид, основанный на официально провозглашенной расовой дискриминации. «Южно-Африканский Союз — явление уникальное не только в Африке, но и вообще в мире, — пишет Леонид Васильев. — Это было многорасовое государство при законодательно зафиксированном политически-правовом и социально-экономическом превосходстве европейского населения, численно тогда составлявшего менее 20% жителей страны (а с цветными и индийцами, наделенными некоторыми правами по сравнению с африканцами, но тоже дискриминируемыми по отношению к европейцам, около 30%)»[1].

По закону 1913 г. исключительно за белыми закреплялось 87% территории страны, африканцам запрещалось приобретать землю вне резерваций. Покидать их можно было только по специальным пропускам. Владеть участками арендованной земли разрешалось при условии отработки на землях хозяина. Негры, чем бы они ни занимались, принадлежали как бы к иной породе людей. Борьбу за политические права небелого населения возглавила национальная интеллигенция, авангардом которой с 1912 г. стал Африканский национальный конгресс (АНК).

В 1934 г. была образована Объединенная партия, в которую вошли пробританская Южноафриканская партия и бурская Национальная партия. В 1939 г. она распалась из-за возникших разногласий о том, следует ли Южной Африке вслед за Великобританией вступать во Вторую мировую войну — Национальная партия симпатизировала Третьему рейху и выступала за еще более резкую расовую сегрегацию.

Окончательное легальное оформление политики апартеида произошло после победы Национальной партии на всеобщих выборах 1948 г. под лозунгами «Южная Африка для белых». Закон о регистрации населения 1950 г. предписал провести расовую регистрацию всего населения, которое официально разделялось на четыре группы — белые, африканцы (по терминологии того времени «банту»), цветные, азиаты (в основном — индийцы). Чернокожие были частично или полностью лишены прав на гражданство, на участие в выборах, на свободу передвижения (им было запрещено выходить на улицу после захода солнца, а также появляться в белых районах — т.е. в городах — без особого разрешения властей), на смешанные браки, на нормальное меди-

[1] *Леонид Васильев.* История Востока. Т. 2. М., 2011. С. 127.

цинское обслуживание и образование (основные лечебные и образовательные учреждения находились в «белых» районах). Была официально закреплена расовая дискриминация при приеме на работу.

При этом черное большинство населения, в числе которого были и отходники со всей Тропической Африки, имело весьма высокий по африканским стандартам уровень жизни и политической активности. Расовая дискриминация вызвала сначала многочисленные протесты, а затем и активное сопротивление небелого населения, в котором ведущую роль сыграли черные активисты, такие как Стив Бико, епископ Десмонд Туту и Нельсон Мандела. К ним присоединились многие цветные, индийцы и даже белые. Вооруженные отряды АНК, опиравшиеся на активную поддержку окружающих стран прифронтовой зоны, как ее именовали тогда оппозиционеры, были серьезной силой. Активистов АНК арестовывали и загоняли в подполье, запрещалась союзная ему Коммунистическая партия, за членство в которой полагался срок в 9 лет лишения свободы. В июле 1963 г. был арестован Мандела — на ферме, где сейчас расположен музей его памяти. На процессе он заявил: «Я боролся против доминирования белых, я боролся против доминирования черных. Я воспевал идеал демократического и свободного общества, в котором все люди живут в гармонии и пользуются равными возможностями. Это идеал, ради которого я надеюсь жить, чтобы добиться его. И за него я готов умереть»[1].

В 1961 г. Южно-Африканский Союз стал независимой республикой (ЮАР), которая вышла из британского Содружества наций, во многом, из-за непринятия политики апартеида другими членами Содружества (членство ЮАР в Содружестве было восстановлено в 1994 г.). ООН неоднократно в своих резолюциях признавала апартеид «южноафриканским фашизмом» и безуспешно призывала прекратить политику расовой дискриминации, угрожая санкциями. ЮАР стала уникальной страной, разработавшей ядерное оружие и впоследствии добровольно от него отказавшейся под одновременным давлением двух сверхдержав — Советского Союза (с наших спутников удалось засечь ядерные объекты) и Соединенных Штатов.

После крушения португальской империи в 1974 г. исчезла зона европейского господства, отделявшая ЮАР от независимой черной Африки. В соседних Анголе, Мозамбике появились связанные с Москвой марксистские правительства, которые с удовольствием предоставляли убежище представителям АНК и готовили их в вооруженной борьбе, а также кубинские войска, поддержанные Советским Союзом. Восстание в Соуэто в 1976 г. привело к тому, что 14 тыс. молодых людей вынуждены были бежать за пределы страны, становясь внешним ядром

[1] Цит. по: *Martin Meredith.* The State of Africa: A History of the Continent since Independence. Jeppestown (S.A.), 2011. P. 127.

сил сопротивления. Столица Мозамбика Мапуту, расположенная менее чем в 50 милях от границы ЮАР, стала главным операционным центром АНК.

Однако в годы советской перестройки Горбачев пришел к выводу, что не в интересах СССР поддерживать режим в Анголе, в чем можно было убедить и Фиделя Кастро. Москва вступила в переговоры с ЮАР, и в декабре 1988 г. была достигнута договоренность о выводе кубинских войск из Анголы в обмен на выход оттуда и южноафриканских войск, а также на признание Преторией независимости Намибии. Горбачев также прекратил поддержку правительства Фрелимо в Мозамбике, после чего страна объявила об отказе от марксизма-ленинизма и о переходе к многопартийной демократии. Развал соцлагеря в 1989 г. лишил АНК основных источников финансовой и военной помощи. Но он одновременно избавил Конгресс от репутации «троянского коня», продвигавшего советские интересы[1].

В сентябре 1989 г. президентом страны избран Фредерик де Клерк, который начал предпринимать активные действия для ликвидации системы апартеида. Многие дискриминационные законы были отменены, из тюрьмы выпущен Нельсон Мандела и другие борцы за свободу. В 1993 г. после серии переговоров и соглашений всех заинтересованных сторон было созвано Учредительное собрание, принявшее новую переходную конституцию, текст которой был опубликован 1 января 1994 г. В 1994 г. были отменены Акт о внутренней безопасности, а в 1995-м — смертная казнь.

Лидеры современной ЮАР ведут отсчет истории от апреля 1994 г. в не меньшей степени, чем Советский Союз вел отсчет от Октября 1917 г. Страна начинала жить с чистого листа, что, однако, удавалось далеко не всегда.

В 1994 г. прошли первые всеобщие выборы, победу на которых одержал Африканский национальный конгресс. В предвыборном манифесте АНК говорилось о новой «нации, построенной в результате развития наших разных культур, верований и языков, как источнике нашей общей силы»[2]. Президентом стал Мандела, а вице-президентом — де Клерк, который в 1996 г. добровольно ушел в отставку. В парламенте большинство также досталось умеренному крылу АНК. «Наши борцы за свободу работали внутри страны на поверхности или в подполье, побуждая массы подняться и оказывать сопротивление всем формам угнетения и эксплуатации… — писал о том времени Мандела. — Неожиданно в апреле 1994 г. те же пожиратели огня, которые оттачивали мастерство сопротивления и работали без устали для полного уни-

[1] Ibid. P. 425–426, 434–435.

[2] African National Congress. A Better Life for All: Working Together for Jobs, Peace and Freedom. Johannesburg, 1994.

чтожения господства белых, не имея предварительной подготовки и опыта в управлении, столкнулись со сложнейшей задачей управления самой развитой и богатой страной Африканского континента. Беспрецедентный вызов заключался в том, чтобы восстановить человеческое достоинство всего нашего народа через устранение всех форм расовой дискриминации, внедрение принципов равенства во всех сферах нашей жизни… Это был основной Рубикон, который должны были перейти бывшие борцы за свободу, ранее проповедовавшие неуправляемость, бойкот и санкции. Теперь бывший террорист получал задание объединить Южную Африку, воплотить в жизнь базовые принципы Хартии свободы, которая объявляла, что Южная Африка принадлежит всем ее людям — черным и белым»[1].

Сам Мандела, которому в тот момент исполнилось 76 лет, позволил лидерам АНК уговорить себя стать президентом только на один срок. Он сформировал правительство национального единства и провозгласил политику национального примирения. Цели проводившейся свежеиспеченными политиками из АНК национально-демократической революции изначально заключались в том, чтобы добиться улучшения положения небелого большинства с помощью социалистических рецептов. Однако, надо отдать им должное, наиболее радикальные рецепты, связанные с национализацией и экспроприацией собственности белых, были отвергнуты.

Позиция Манделы заключалась в том, чтобы от расистского общества перейти не к многорасовому, а безрасовому. «Мы никогда не соглашались с многорасовостью. Наше требование — безрасовое общество, потому что, когда говорят о многорасовости, подчеркивают существование страны многих рас»[2], — уверял он. Заговорили о «южноафриканском чуде» — мирном переходе власти к демократически избранному правительству и мирной трансформации расчлененного по расовому признаку общества в единую нацию. Епископ Десмонд Туту провозгласил, что Южная Африка — «радужная нация». В 1996 г. вице-президент Табо Мбеки в речи по поводу принятия конституции включил всех жителей республики — зулусов, коса, кои, сан, цветных, африканеров и даже китайцев — в единый образ африканца[3]. Мбеки был избран лидером АНК, и стал президентом страны в 1999-м.

В Конституции подтверждалось равенство всех перед законом, но одновременно в Билле о правах предусматривалась возможность принятия «законодательных и прочих мер, направленных на защиту или продвижение лиц или категорий лиц, пострадавших от несправедливой дискриминации». С 1996 г. правительство резко ускорило прове-

---

[1] *Nelson Mandela.* Conversations With Myself. L., 2010. P. 355, 357.
[2] Ibid. P. 118.
[3] *Thabo Mbeki.* Africa: The Time Has Come: Selected Speeches. Cape Town, 1998. P. 31–36.

дение политики «позитивных действий». В течение полутора–двух лет 22,2 тыс. служащих центрального аппарата, 25,8 тыс. служащих провинциальных администрации и 15,5 тыс. учителей были отправлены на пенсию. В 1997–1998 гг. было сменено все высшее руководство армии и военной разведки, в подавляющем большинстве — белое. При отсутствии местных черных кадров на руководящие посты зачастую назначались черные кандидаты-иностранцы даже в ущерб квалификации. В непростом положении оказались те виды искусства и культуры, которые не были сочтены подлинно африканскими. В конце 1990-х гг. начали сворачиваться «европейские» симфонические оркестры и театральные труппы.

В 1985–2005 гг. из ЮАР уехало около 0,9 млн белых, в основном в возрасте до 40 лет, а также множество индийцев. Согласно списку вакансий по «редким» специальностям за 2007 г., опубликованному Министерством труда, стране не хватало около миллиона специалистов: инженеров, техников, технологов, врачей, медсестер, учителей, преподавателей вузов, менеджеров, управляющих ферм, квалифицированных работников ферм и т.д.

Мбеки — коса по национальности — выступил архитектором новой схемы культурных изменений, которую он назвал Африканским ренессансом. Его целями были: бороться с мнением, будто Африка отличается от других континентов и уступает им в развитии; доказывать, что Африка может меняться и возрождать африканское достоинство; демонстрировать, что африканцы берут ответственность в свои руки, признают ошибки и работают над их исправлением; бороться с позорящими Африку явлениями, как, например, геноцид в Руанде; вновь почувствовать душу Африки; сделать реальной связь между Африкой и правами человека; показывать гордость африканским наследием, но и способность к модернизации. Энн Бернсайн из Центра развития и предпринимательства в Йоханнесбурге подчеркивала, что «Африканский ренессанс» — и политический инструмент, и глубоко прочувствованное убеждение президента Мбеки и членов его круга. Однако данные опросов показывают, что эта идея оказывала небольшое влияние на население в целом[1].

В это же время началась пропаганда «убунту», что можно перевести как «человечность», «совместность» (близко по значению к нашей «соборности»). Сегодня «убунту» считается африканской идеологией и африканским образом жизни, существовавшими якобы до прихода белого человека.

Вновь стало обыденным благодарственное забивание быка в честь важного события. У зулусов возрождена традиция проверки девствен-

[1] *Lawrence E. Harrison.* The Central Liberal Truth. How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself. Oxford, 2006. P. 124.

ности, и только девственницы допускаются к участию в традиционном танце камыша, во время которого мужчины присматривают себе жен. Многоженство в порядке вещей. Количество супруг зависит главным образом от способности оплачивать приданое за невесту, которое, например, у зулусов измеряется 11 коровами. Даже многие образованные люди убеждены, что традиционная медицина может вылечить их от СПИДа. Но при этом многие африканские традиции большинство неафриканского населения, да и часть африканского, отвергает, например, многоженство.

На конференции АНК в декабре 2002 г. основой его тактики было названо «творческое использование рычагов государственной власти, которые постепенно, но верно переходят в руки движущих сил фундаментальных перемен…». «Критическим элементом программы национального освобождения» рассматривались «перераспределение богатства и доходов в пользу всего общества, особенно бедных» и «расовое перераспределение собственности и контроля над богатством, включая землю». Новый вариант Стратегии и тактики, принятый на конференции АНК в декабре 2007 г., изменил и конечную цель революции: теперь это было социал-демократическое «общество национальной демократии»[1]. Поворот вызвал недовольство входящих в правящую коалицию коммунистов, которые сочли такую формулу отказом от подлинной социалистической перспективы.

Программа реконструкции и развития (Reconstruction and Development Programme) была направлена на решение острейшей жилищной проблемы и обеспечение населения минимально необходимыми услугами: доступом к питьевой воде, электрификацией черных поселков, где проживала большая часть населения страны, создание новых рабочих мест. Хотя программа не была выполнена, на смену ей в 1998 г. пришла новая макроэкономическая стратегия «Рост, занятость и перераспределение», в которой роль основного звена экономики была отведена частному капиталу. Программа подверглась критике как «неолиберальная», особенно когда стало ясно, что она не приносит ожидаемых результатов. Параллельно с 2004 г. осуществлялась политика «расширения участия черного населения в экономике» (Black Economic Empowernment — BEE), которая предусматривала уступку части капитала компаний африканцам. Выиграл от этого главным образом узкий круг привилегированных лиц[2].

---

[1] Strategy and Tactics of the ANC. Building A National Democratic Society. As Adopted by the 52nd National Conference of the African National Congress. 16–20 December 2007. Polokwane, Limpopo.

[2] *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 146–147.

Рост ВНП в 1995–2005 гг. составлял 3,5% в год, а в последующие два года повысился до 4,5%; ежегодно создавалось около 300 тыс. новых рабочих мест в легальном секторе экономики и еще около 200 тыс. — в сером. Было введено бесплатное базовое школьное обучение, созданы медпункты в сельской местности, беднота получила бесплатный доступ к определенному минимуму электроэнергии и воды. Доля черных студентов выросла с 42 до 60%. В рамках Программы реконструкции и развития правительство построило больше миллиона жилых домов для бедных. Около 10 млн человек получали различные пособия и гранты. Но критики Мбеки рисовали и другую картину: в стране в среднем убивали 50 человек в день; 1000 человек в день умирало от СПИДа, причем ответственность возлагалась лично на Мбеки, долгое время отказывавшегося признавать принятые в мире методы лечения этой болезни и внедрять их в систему здравоохранения; колоссальные уровни безработицы и социального неравенства (автомобиль был у 93% белых семей и только у 10% черных) [1].

Началом кризиса в АНК послужило увольнение в 2005 г. с поста заместителя его председателя Джекоба Зумы, против которого были возбуждены уголовные дела. Однако дело о коррупции было закрыто судьей, а по делу об изнасиловании он был оправдан. На съезде АНК в декабре 2007 г. Мбеки в третий раз выставил свою кандидатуру на пост председателя, однако на съезде за него проголосовало лишь 40% делегатов, а за Зуму — 60%. Зуму считали человеком левых взглядов: он был членом компартии и ее Политбюро, но вышел из нее (как и Мбеки) в начале 1990-х. На заседании Национального исполкома АНК 20 сентября 2008 г. большинство настояло на «отзыве товарища Мбеки» с поста президента, и менее чем за год до очередных общенациональных выборов он подал в отставку[2].

Сторонники Зумы праздновали победу и не стеснялись говорить, что наступила новая политическая эра, когда страной будут править зулусы. Он также подтвердил свою приверженность зулусским традициям, включая и многоженство (у него восемь жен, из которых шесть — официальные).

На парламентских выборах в 2009 г. АНК набрал 65,9% голосов, в основном, черных избирателей, и Зума возглавил страну. Политическая база его поддержки за пределами АНК включала в себя крупнейшее профсоюзное объединение КОСАТУ, Южно-Африканскую коммунистическую партию и две наиболее массовые Молодежные лиги — АНК и ЮАКП.

---

[1] Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. С. 188–189.

[2] *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС. С. 144–145.

Континентальный лидер

Современная ЮАР позиционирует себя как континентального лидера. И у нее есть для этого основания. У страны самая развитая экономика в Африке. Хотя территория ЮАР составляет всего 3% от площади Африки, на ней сконцентрировано 40% промышленного производства, 30% ВВП (до пересчета нигерийского), половина выработки электроэнергии и 45% добычи полезных ископаемых континента. Доля ЮАР в экспорте стран Африки составляет приблизительно 17%, а в общем импорте — 18%. Южная Африка — единственный представитель Африки в «большой двадцатке».

В 2014 г. Нигерия в результате пересчета размера собственного ВВП, куда раньше не включались такие виды деятельности, как услуги мобильной телефонии, производство фильмов и т.д., одномоментно почти удвоила свою экономику, которая стала оцениваться в 510 млрд долл., что оказалось выше, чем в ЮАР[1]. Однако по всем среднедушевым показателям Нигерия отстает от Южной Африки в 3–4 раза.

Экономика ЮАР с 1994 г. росла в среднем на 3,3% в год — не очень много для развивающейся экономики, но и не плохо. Количество южноафриканцев, живущих в состоянии крайней нищеты сократилось с 41 до 31%[2]. Рост ВВП в 2015 г. ожидается на уровне 3,4%, инфляция — 5,4%, дефицит бюджета не превысит 4%. ВВП на душу населения оценивается в 7,48 тыс. долл. (13,53 — по ППС)[3]. Государственные расходы составляют 31,5% от ВВП.

Южная Африка на 39-м месте в рейтинге стран журнала Forbes по удобству ведения бизнеса (Россия — на 86-м). И это притом, что в ЮАР установлен относительно высокий подоходный налог (до 40% в зависимости от уровня дохода).

Своему опережающему развитию ЮАР во многом обязана богатству природных ресурсов. Их разведанные запасы руководство страны оценивает суммой в 2,5 трлн долл., и хватит их больше чем на столетие. Для разработки стратегических ресурсов создана Государственная добывающая компания. Больше 30% экспорта приходится на горнодобывающую промышленность, в которой занято 2,9% экономически активного населения[4]. Доля страны в общемировом производстве платины достигает 79%, кианита — 60, хромовой руды — 42, палладия — 41, вермикулита — 40, ванадия — 35, циркония — 32, рутила и ильменита —

---

[1] Nigeria's GDP. Step Change // The Economist. April 12, 2014. P. 75.
[2] South Africa: Time to Ditch Mandela's Party // The Economist. May 3, 2014. P. 12.
[3] The Economist. The World in 2015. P. 101.
[4] *Jacob Zuma.* State of the Nation. February 10, 2011.

по 19, марганцевой руды — 14, золота — 9%[1]. Не растрачены крупные запасы алмазов, асбеста, никеля, свинца, урана, угля. Главный экспортный продукт в стоимостном выражении — платина. Основные статьи импорта — нефть, продукция химической промышленности.

В отличие от многих других африканских стран ЮАР обладает развитой инфраструктурой, густой сетью автомобильных и железных дорог, высоким уровнем авиаперевозок. На страну приходится более 25% от общей протяженности железных дорог и 20% — всех асфальтированных дорог в Африке. Южно-Африканские Авиалинии — крупнейшая авиакомпания континента.

Значительны достижения страны в ветеринарии, агробиологии, биотехнологиях, химии, энергетике, гео- и астрофизике, металлургии, горной добыче и машиностроении и ряде других сфер фундаментальных и прикладных исследований. Около 30% необходимого стране жидкого топлива производится из угля на заводах корпорации САСОЛ, которая является мировым лидером в этой отрасли. Ведутся активные исследования в области солнечной энергетики, нанотехнологий, создания сверхпрочных и сверхлегких композитных материалов[2].

Страна электрифицирована на 81%, ощутимый прогресс по сравнению с 2000 г., когда этот показатель составлял 63%. В три новые электростанции — Медупи, Кусиле и Ингула инвестированы 75 млрд рандов.

Финансовая система ЮАР является, безусловно, самой развитой в Африке. В ее центре Южно-Африканский Резервный Банк — центробанк страны. В ЮАР насчитывается 17 банков, 3 кооперативных банка, 14 филиалов иностранных банков и 41 представительство иностранных банков. Десять южноафриканских банков в 2013 г. входили в число 500 крупнейших в мире: Standard Bank на 103-м месте; ABSA — на 115-м, Nedmank — на 119-м; First National Bank — на 133-м. Эта «большая четверка» активно осуществляет активную финансовую экспансию в Африке[3]. Фондовая биржа в Йоханнесбурге является одной из 15 крупнейших мира. Общая капитализация южноафриканских компаний превысила 1 трлн долл., что почти втрое больше, чем в 1994 г.[4]

ЮАР считается локомотивом экономики Африканского континента и воротами для инвестиций, особенно в государства САДК. Ее фирмы управляют национальной железной дорогой в Камеруне, электроэнергетическими компаниями в Танзании, Руанде и Камеруне, владеют электростанциями в Зимбабве, Замбии и Мали, добыва-

---

[1] *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС. С. 148.

[2] Там же. С. 153.

[3] *И.А. Айдрус.* Экспансия банков ЮАР на Африканском континенте // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 99.

[4] *Andrew England.* Time to Change Track? // Financial Times. May 2, 2014.

ют золото в Мали и ведут разведку нефти в Экваториальной Гвинее, строят дороги и мосты в Малави и Мозамбике, газопровод между континентальным шельфом Мозамбика и ЮАР; контролируют банки, телекоммуникационные компании, пивоварни, супермаркеты и гостиницы по всей Африке, обеспечивают телевизионными программами большинство стран континента. Железнодорожная компания «Спурнет» имеет контракты в более чем 15 странах Африки. Компания «Шопрайт холдингс» стала крупнейшим на материке поставщиком продовольствия с 1421 магазинами в 17 странах Африки. Горнодобывающие компании ЮАР, крупнейшая из которых «Англо-Америкэн», за последние годы вложили в промышленность ряда стран — в Танзанию, Мали, Замбию, Зимбабве, Намибию и Ботсвану — более 5 млрд долл. Главной сделкой была покупка ганской золотодобывающей компании «Ашанти голд филдс»[1].

Основными торговыми партнерами ЮАР за пределами Африки традиционно являлись США и Европейский Союз, а среди его членов в первую очередь Великобритания и Германия. Однако все большая ставка в ЮАР делается на активизацию многостороннего сотрудничества со странами БРИКС. КНР, которая стала инициатором включения ЮАР в состав объединения, является главным торгово-экономическим партнером и инвестором. Объем двустороннего товарооборота составляет почти 21 млрд долл., а взаимных инвестиций — 7 млрд. В рамках «всеобъемлющего стратегического партнерства», заключенного между КНР и ЮАР на встрече стран БРИКС в начале 2011 г., достигнуты договоренности об увеличении китайских инвестиций в промышленность, инфраструктуру и энергетику, включая участие в строительстве АЭС и передаче ядерных технологий. Китайские фирмы создают в Южной Африке предприятия по добыче железной руды и титана[2].

Растет туризм, что не удивительно. Есть что посмотреть — от живописнейшей южной оконечности Африки и Кейптаунского порта до очень интересных национальных парков, где можно вблизи наблюдать «большую пятерку» — львов, слонов, леопардов, буйволов и носорогов, не считая многих других экзотических животных. Гостиницы вполне европейского качества, так же как дороги и аэропорты, в изобилии свежайшие морепродукты, качественные вина и пиво. Весьма популярны туристические винные туры — по семейным и промышленным хозяйствам. В ЮАР три зоны для виноделия. Северный Кейп и Восточное побережье (Квазулу-Натал), где вина не самого лучшего качества из-за

---

[1] *В.А. Сидоров.* ЮАР в экономике Африки // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 128–130.

[2] *Э.Е. Лебедева.* ЮАР в БРИКС: перспективное сотрудничество?// Восходящие государства-гиганты БРИКС… С. 232–233.

слишком жаркого и засушливого климата. А вот на юго-западе (Западный Кейп) вина очень неплохие. Экспортируются они и в Россию.

ЮАР полностью обеспечивает внутренние продовольственные потребности, а также является одним из ведущих экспортеров сельхозпродукции. Одних фруктов вывозится 140 видов. И это притом, что только 15% площади пригодно для использования. Лес существуют лишь в южной части провинции Квазулу-Наталь. Естественные леса занимают лишь 0,14% территории, деловая древесина поступает с лесопосадок (1% территории). Развиты мясо-молочное производство, овцеводство. На мировой рынок поставляются шкурки каракулевых овец. В большом количестве разводят коз, в основном ангорских, чья шерсть тоже высоко ценится (до 50% мирового производства мохера приходится на ЮАР). В последние годы активно развивается страусоводство. Растущие мировые цены на сельхозпродукцию отпугивают традиционных покупателей продовольствия из соседних стран, зато Китай продемонстрировал способность поглощать весь излишек продукции южноафриканского аграрного сектора. На долю сельского хозяйства приходится 35–40% всего экспорта. По улову рыбы и других морепродуктов (около 1 млн т в год) ЮАР занимает ведущее место в Африке. Рыболовство осуществляется главным образом у западного побережья, омываемого Бенгальским океаническим течением. Около 40% улова приходится на пресноводную рыбу, добываемую в реках Эландс, Лимпопо и других, а также путем разведения в искусственных водоемах.

Успехи продовольственного сектора объясняются, далеко не в последнюю очередь, тем, что крупные фермерские хозяйства остались во владении семей африканеров, занятых земледелием на протяжении многих поколений, в отличие, скажем, о соседней Зимбабве, где белые землю потеряли, что имело следствием голод. Государство и в ЮАР — для устранения несправедливостей режима апартеида — занялось проведением земельной реформы, рассчитанной на 1999–2014 гг. Предусматривалось восстановление прав черных владельцев и возврат им 30% белых фермерских земель (24,6 млн га) на принципах добровольной купли-продажи. Но к 2012 г. удалось перераспределить лишь 8% земель, и поэтому программа была продлена до 2025 г.[1].

Считается, что белые владеют 80% сельскохозяйственных угодий страны. В действительности эта цифра не учитывает территорию бывших бантустанов, большая часть земли в которых находится в «традиционном пользовании» общин и в ведении вождей. Конституция подтвердила принцип частной собственности, в том числе и на землю. Но при этом правительство поставило цель перераспределить в пользу

[1] *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС. С. 148.

черных 30% товарных ферм, что заставляет оппозицию говорить об угрозе «зимбабвезации» Южной Африки[1].

Уровень жизни по африканским меркам весьма высок. По доходу на душу населения, рассчитанному по паритету покупательной способности, ЮАР занимает 78-е место на планете согласно данным МВФ (Россия — 53-е) и 65-е — Всемирного банка. Более высокий средний уровень жизни в Африке был зафиксирован только на курортном острове Маврикий и — до недавнего времени — в дореволюционной Ливии. Страна — самая урбанизированная в Африке, доля городского населения с 1990 по 2010 г. увеличилась с 52 до 62%[2]. Мобильными телефонами пользовалось 93% населения. Демографическая структура расценивается как относительно благоприятная: число людей трудоспособного возраста сильно превышает количество зависящих от них детей и пожилых людей. Рождаемость среди белых начала падать еще в 1950–1960-е гг., а среди африканцев — в 1970–1980-е, опустившись к моменту обретения независимости до 2,5 ребенка на одну женщину, что немного выше уровня простого воспроизводства. Население растет менее чем на 1% в год, причем рост постоянно замедляется[3].

Но и социальные проблемы до предела обострены. Национальная комиссия планирования — совещательный орган, состоящий из 26 наиболее видных экспертов, назначенных президентом, — констатируя успехи независимого развития, называет главные пороки социально-экономической модели страны: слишком мало людей имеют работу, стандарты образования для черных низки, инфраструктура развита недостаточно, кумовство не позволяет бедным воспользоваться плодами развития, экономика слишком зависит от добычи сырья, слабая система здравоохранения не позволяет справиться с эпидемиями, общественные службы развиты слабо и неравномерно, широко распространена коррупция, общество остается разделенным[4].

Ситуация с занятостью близка к катастрофической. Безработица остается на очень высоком уровне — от 25 до 43% в зависимости от методики подсчета. Причем среди молодежи в возрасте от 15 до 25 лет безработных 25%, от 15 до 29 лет — 71%. Это является источником молодежных протестов. Наблюдается наибольший за все годы после достижения независимости подъем забастовочного движения. Оно было подстегнуто расстрелом полицией 34 шахтеров во время незаконной

---

[1] *Marian I. Tupy, Michael Kransdorf.* The Zimbabwe-ification of South Africa // The Wall Street Journal. July 16, 2009.

[2] South Africa: Where Will the Rainbow End // The Economist. May 3, 2014. P. 32.

[3] National Planning Commission. National Development Plan. Vision for 2030. 11 November 2011. P. 6–7.

[4] Ibid. P. 3.

забастовки 16 августа 2012 г.. В начале 2014 г. бастовали 80 тыс. шахтеров платиновых шахт, требовавших повышения зарплаты[1].

Эпидемия СПИДа поразила ЮАР едва ли не сильнее, чем любую другую страну мира (хуже только в Свазиленде, Ботсване и Лесото). Количество зараженных достигало 18% взрослого населения, а к настоящему времени после принятых серьезных медицинских мер стабилизировалась на отметке в 10%. Средняя продолжительность жизни в стране — 49 лет, что выше, чем в 2000 г., когда составляла 43 года. Нетипичный демографический факт: у женщин она меньше (48 лет), чем у мужчин (50 лет).

Уровень социального расслоения в ЮАР — один из самых высоких на Земле. Около 15% жителей абсолютно ни в чем себе не отказывают. Огромные поместья и плантации, роскошные кварталы вилл на океанском побережье радуют самый избалованный глаз. В Кейптауне и окрестностях множество резиденций мировых знаменитостей, включая Элтона Джона или Леонардо ди Каприо. При этом половина населения — в основном черные — живут в нищете. Либо в первобытных условиях бушей, голой пустыни. Либо в грязных тауншипах — скоплениях жестяных коробок, которые подбираются к границам крупных городов. Впрочем, для вырвавшихся из бушей людей тауншипы, куда проведены бесплатные вода и электричество, являют собой мощнейшие социальные лифты. Их обитатели получают возможность найти работу в городе, а значит, вырваться из бедности. К категории бедных относят 85% черного населения, тогда как 87% белых считаются представителями среднего класса и выше[2].

Примерно 15 млн южноафриканцев получают социальные гранты от государства. В массовом порядке выплачиваются детские пособия — от 12 до 15 рандов на ребенка в день. При этом Зума не устает повторять, что ЮАР — не «государство благосостояния», а «государство развития», где помощь должна оказываться тем, кто сам хочет помочь самому себе.

Очень высок уровень преступности, особенно в бедных районах. Хотя количество убийств сократилось за последние 15 лет вдвое, их уровень остается одним из самых высоких в мире — 30,9 на каждые 100 тыс. человек (по сравнению с 4,7 в США)[3]. К тауншипам приближаться настоятельно не рекомендуется. В больших городах гулять по улицам сравнительно безопасно, не в последнюю очередь из-за обилия полицейских постов и патрулей.

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 281, 276.

[2] *Andrew England.* Time to Change Track?

[3] South Africa's Trial: Justice, After All, Is Being Done // The Economist. April 19, 2014. P. 31.

Остро встала проблема нелегальной миграции — из Зимбабве, Анголы, Мозамбика и других стран Восточной Африки. Всего в ЮАР, по оценкам различных экспертов, проживают от 5 до 8 млн незаконных переселенцев, конфликты с которыми в порядке вещей. Претензии к ним стандартны: отбирают рабочие места, соглашаясь работать за более низкую зарплату, плодят преступность. В мае 2008 г. в Йоханнесбурге и Дурбане произошли массовые выступления против мигрантов, которых избивали и даже убивали. Полиция утратила контроль над ситуацией и была вынуждена обратиться к президенту Мбеки с просьбой использовать армию для наведения порядка, что и было сделано.

Огромные средства вкладываются в образование, до 90% детей школьного возраста посещают школы. Соотношение девочек и мальчиков в школах практически один к одному — лучше, чем в большинстве развивающихся стран. При этом успеваемость у девочек более высокая. Грамотность по стране достигает 88%. Решение проблем образования, качество которого, особенно в сельской местности, оставляет желать много лучшего, связывается с реализацией формулы «трех Т» (Teachers, Textbooks, Time) — учителя, учебники, время. В вузах при большом росте числа черных студентов заканчивают обучение и получают дипломы только 15% из них, несмотря на огромные суммы, направляемые на образовательные кредиты.

Весьма спорной оказалась программа «экономического укрепления черных». Некоторые злые языки даже прозвали ее «экономическим укреплением Зумы» после того, как пара крупных программ в угольной отрасли сильно помогла двум представителям семьи президента. Программу критикуют даже его ближайшие союзники АНК по правящей коалиции. Но и успехи налицо. В 2014 г. черные составляли 40% менеджеров южноафриканских компаний, в 1994 г. таковых было лишь 4%. Больше чем у половины негритянского населения открыты банковские счета, за 20 лет до этого — только у одной пятой[1].

В 2009 г. Конгрессом была предложена программа развития, основанная на пяти приоритетах: образование, здравоохранение, сельское развитие и аграрная реформа, борьба с преступностью, создание полноценных рабочих мест. Несмотря на возобновление экономического роста, последнее направление — увеличение занятости — признается наиболее проблемным. В ноябре 2010 г. появился документ под названием «Новый путь роста» (New Growth Path), в котором была поставлена цель создать 5 млн рабочих мест за 10 лет. Основные надежды возлагались на массированные инвестиции в широко понимаемую инфраструктуру: объекты энергетики, транспорта, коммуникаций, во-

[1] South Africa: Where Will the Rainbow End? // The Economist. May 3, 2014. P. 31.

доснабжения и жилищного строительства. Назывались и пять других приоритетных областей, где планировалось добиться особых успехов усилиями государственно-частного партнерства — зеленая экономика (использование энергии солнца, ветра, а также биотоплива), сельское хозяйство, добывающая промышленность, реиндустриализация и создание инновационной экономики, туризм и другие виды услуг[1].

Национальная комиссия по планированию в программе развития до 2030 г. предложила решить две основные задачи: избавиться от нищеты и резко снизить уровень неравенства. Это предполагает сокращение количества лиц, живущих ниже официально установленного прожиточного уровня — 418 рандов в месяц — с 39% до нуля, а также уменьшения коэффициента Джини с 0,7 до 0,6[2].

Социальное самочувствие зависит не только от экономики. Точками мощнейшего национального подъема становились двукратные победы ЮАР на Кубках мира по регби. И, конечно, подлинным триумфом национального духа явился чемпионат мира по футболу 2010 г. Весь мир услышал теперь уже легендарные вузузелы. Чемпионат был организовал на самом высоком уровне, хотя в материальном выражении основные прибыли, как водится, получила ФИФА. Ведущие же города страны, где прошли основные матчи, прикидывали, как закрыть бюджетные дыры. Их оставили как строительство спортивных и других объектов, так и возросшие в период чемпионата требования о повышении заработной платы, которые дружно выдвинули все крупнейшие профсоюзы работников государственного и муниципального секторов (в ту минуту никто не посмел им отказать). Но страна, первая в Африке принявшая это важнейшее для сотен миллионов спортивное событие, уже навсегда вписала свое имя в историю, что только подкрепляло ее претензии на континентальное лидерство.

Многие эксперты, включая и российских, прогнозируют сползание страны в системный кризис. Среди предпосылок этого называют исчерпание основных фондов, оставшихся от времен апартеида и мало обновлявшихся с тех пор; архаичную энергосистему, не способную обеспечить потребности горнодобывающей промышленности; зависимость экономики спроса на сырье; опережающее развитие сферы услуг в ущерб промышленности; снижение иностранных инвестиций; отток квалифицированных кадров, в особенности белых; хроническая бедность и безработица; огромные расходы на социальные программы; высокий уровень преступности и насилия.

---

[1] URL: http://www.economic.gov.za/communications/publications/new-growth-path-series

[2] National Planning Commission. National Development Plan. Vision for 2030. 11 November 2011. P. 2–3.

Руководство страны, признавая наличие этих проблем и неотложность их решения, делает ставку на новую модель развития. Она основана, по словам министра торговли и промышленности Р. Дэвиса, «не на потреблении, как раньше, а на расширении, прежде всего, промышленного производства, на увеличении экспорта и снижении импорта»[1]. Речь идет о реиндустриализации экономики ЮАР — задача, знакомая и в России.

Главная особенность ЮАР заключается в исключительной неоднородности, разнообразии общества, где соседствует не только разные расы, культуры, религии и языки, но и разные исторические эпохи и уклады.

По численности населения Юго-Африканская Республика находится на 26-м месте в мире — 53,1 млн человек в 2014 г. Это одна из самых этнически разнообразных стран Африки, она имеет наибольшую долю белого, индийского и смешанного населения на континенте. Первая перепись в стране проводилась в 1911 г. Тогда доля белых составляла 22%. К 1980 г. этот показатель снизился до 18%. По переписи 2010 г. белые составляли 9,2%, черные — 79,4, цветные (в основном мулаты и потомки завезенных голландцами жителей Юго-Восточной Азии) — 8,8, индийцы — 2,6%. Численность белых уменьшается главным образом за счет их эмиграции в Северную Америку, Европу, Австралию и Новую Зеландию. Доля черного населения ЮАР растет больше всего за счет притока людей из стран Тропической Африки.

Весьма пестр этно-культурный состав населения. Среди черных, которых политически корректно называть африканцами, наиболее крупная группа — зулу, зулусы, или — по самоназванию — амазулу — около 8 млн. Они принадлежат к группе банту, многие придерживаются традиционных верований, хотя есть и приверженцы Назаретской баптистской церкви. Коса (амакоса, южные зулу, кафры) тоже один из народов банту, среди которых, однако, больше последователей протестантизма и афрохристианских церквей. Среди белого населения преобладают африканеры — около 2,8 млн человек, принадлежащих по преимуществу к Голландской реформаторской церкви и объясняющихся на языке африкаанс, который относится к германской группе и причудливо сочетает в себе первоначальную нидерландскую основу с элементами немецкого, французского, английского и некоторых языков банту. Англоафриканцы, которых насчитывается порядка 1,3 млн человек, говорят на специфическом английском, в котором немало слов, заимствованных из языков южных банту, готтентотского, африкаанс и французского. Большинство из них также протестанты — ан-

[1] *Э.Е. Лебедева.* ЮАР в БРИКС: перспективное сотрудничество? С. 230–233.

гликане, методисты, пресвитериане. В стране нет доминирующего религиозного большинства. По данным 2010 г. к приверженцам сионских церквей относили себя 10% граждан, к пятидесятникам — 7,5, к католикам — 6,5, методистам — 6,8, голландским реформатам — 6,7, англиканам — 3,8, мусульманам — 1,3% и т.д.

По Конституции государственными в ЮАР признаны 11 языков (третья страна по этому показателю после Индии и Боливии). Соответственно, у ЮАР существует 11 официальных названий. Впрочем, несмотря на столь широкое меню, наиболее националистически настроенные южноафриканцы предпочитают двенадцатое название — Азания, которое никак не напоминает о колониальных временах. В теории у всех языков равные права, но в жизни не так. Заметного развития языков банту не происходит, хотя появились бантуязычные школы и телеканал. Положение африкаанс, который считается языком колонизаторов, изменилось в худшую сторону, хотя это родной язык не только африканеров, но и большого количества цветных, которые не говорят по-английски. Африкаанс перестали использовать в армии и почти перестали в полиции. Африканеры жалуются, что их предки «вычеркнуты из истории или представлены ее единственными злодеями». Кампанию по перемене названий городов, улиц, аэропортов и т.д., развернувшуюся в 2008 г., африканеры сочли «сознательной пощечиной». Зато начал процветать английский язык, роль которого после 1994 г. резко возросла. Только за первые пять лет свободы количество печатных изданий на африкаанс сократилось на 70%, на зулу — на 60, а на английском выросло на 60%. К рубежу веков теле- и радиопрограммы на английском языке составляли больше 70%, на африкаанс — 8, на языках группы сото/тсвана — 3,5%. Обучение в 80% средних школ велось на английском языке, в 16% — на африкаанс, что породило немало споров о полезности преподавания на неродном языке, тем более что и английский многих учителей оставляет желать много лучшего[1].

Этно-культурная пестрота затрудняет выработку общей идентичности. Вскоре после обретения свободы — в 1997 г. по опросам абсолютное большинство южноафриканцев считали себя прежде всего африканцами, зулусами, коса, христианами и т.д. Лишь очень небольшая часть — в основном англоязычные белые и небольшое число цветных — называли себя южноафриканцами. Через десятилетие — в 2006 г. — другой опрос показал, что 72% жителей страны редко общаются или вовсе не общаются вне работы с представителями других расовых

[1] Pax Africana: континент и диаспора в поисках себя. М., 2009. С.?

групп, а 40% им не доверяют. Но и тех, кто считает, что важно создать единую нацию, стало много — 76%[1].

Весьма примечательны политическая и правовая системы ЮАР.

Начнем с того, что в ней несколько столиц. Основной считается Претория, там расположено правительство. Две другие ветви власти располагаются в городах, которые тоже называют столицами: парламент — в Кейптауне, Верховный суд — в Блумфонтейне. Такое обилие центров власти объясняется обстоятельствами образования Южно-Африканского Союза — из британских владений со столицей в Кейптауне, Оранжевого государства со столицей в Блумфонтейне и Южноафриканской республики (Трансвааля) со столицей в Претории. При их слиянии никто не был обижен. До 1994 г. ЮАР была федерацией и делилась на четыре провинции — Капскую, Наталь, Оранжевое свободное государство и Трансвааль. Современная Южная Африка — унитарное государство, на территории которой девять провинций.

Правовая система ЮАР вобрала в себя элементы сразу трех правовых семей: романо-германской, англо-саксонской и традиционной. Конституция защищает и гарантирует все международно признанные права человека. ЮАР — одна из немногих стран мира, где действует уголовное право по английскому образцу. Оно не кодифицировано. Судебная система состоит из Верховного апелляционного суда, высоких судов и судов магистратов. В правовых нормах удивительным образом соседствуют небывалый по африканским меркам либерализм с весьма несовременными нормами. Так, в 1990-е гг. в ЮАР — единственной стране на континенте — были легализованы однополые браки. В то же время до сих пор официально применяется физическое наказание несовершеннолетних — в виде порки.

ЮАР — парламентская республика. Президент в своих решениях по большинству вопросов должен опираться на поддержку парламента. Он состоит из двух палат — Национального совета провинций (верхняя палата — 90 членов) и Национальной ассамблеи (400 членов). Члены нижней палаты избираются по пропорциональной системе: половина депутатов баллотируется по общенациональным партийным спискам, половина — по провинциальным. В Национальный совет провинций каждая из них, независимо от численности населения, посылает десять членов. Выборы проходят раз в пять лет. Правительство формируется большинством в нижней палате: лидер победившей партии становится президентом. С 1994 г. правящая партия — Африканский национальный конгресс.

[1] Там же. С. 214.

В выступлениях руководителей государства Южная Африка называется полноценно функционирующей конституционной демократией. Существуют независимые суды, офис омбудсмена, Комиссия по правам человека, офис Генерального аудитора, Комиссия по продвижению и защите прав культурных, религиозных и лингвистических общин, Гендерная комиссия. Демократия, безусловно, присутствует. Но все-таки особая. Некоторые политологи не без оснований называют ее нелиберальной, т.е. имеющей формальные демократические атрибуты демократического правления — конституцию, выборы, разделение властей, — но при отсутствии либеральной политической культуры.

Постоянны дискуссии о свободе слова, чем-то напоминающие российские. Хотя разброс мнений в англоязычных газетах весьма значителен и многие из них находятся в очевидной оппозиции правительству, обвинения в стремлении ограничить свободу СМИ звучат постоянно из уст либеральной интеллигенции. Но все таки, как отмечают известные африканисты Аполлон Давидсон и Ирина Филатова, «в ЮАР, несмотря на отчетливую тенденцию к централизации управления и установлению контроля исполнительной власти над властью законодательной и судебной, этот процесс далеко не завершен: в парламенте действует активная оппозиция, ни пресса, ни суды не зависят от исполнительной власти, в стране есть гражданское общество, проявляющее себя далеко не всегда так, как этого хочет правительство. Да и сам АНК перестал быть послушной машиной руководства»[1].

Уровень коррупции в аппарате власти, включая органы правопорядка, оценивается как весьма высокий. Мандела и Мбеки пытались бороться с этим, но без особого успеха. Уже при Зуме в составе Министерства по гражданской службе и администрации было создано Специальное антикоррупционное подразделение. Его первые отчеты были неутешительными: до четверти бюджетных расходов (30 млрд рандов, или 3,8 млрд долл.) были истрачены на приобретение товаров и услуг по заведомо завышенным ценам или просто исчезли в неизвестном направлении[2]. Понятно, это заметно снижает эффективность государственного управления и проводимой экономической политики.

Главная специфическая черта политической системы: огромное значение расового вопроса, который вовсе не может считаться решенным. Электоральные базы политических партий все еще формируются в значительной степени по расовому принципу. Национальные и расовые противоречия наблюдаются и внутри партий и их коалиций.

Белые, цветные и индийцы, которые численно преобладают над черным населением только в провинции Западный Кейп со столицей в

[1] Там же. С. 213.
[2] A Can of Worms // The Economist. October 22, 2011.

Кейптауне, предпочитают Конгрессу другие партии. Политическое позиционирование цветных, которые считают себя наиболее дискриминируемой категорией населения в современной ЮАР, неоднозначно. Они были крайне недовольны политикой Мбеки, и многие голосовали за африканерскую Новую национальную партию. Но та настолько стремительно теряла вес, что в 2005 г. сочла за благо влиться в АНК. Это событие поставило уже все провинции, включая и Западный Кейп, под управление Конгресса. Но ненадолго. Часть цветного электората отошла к Демократическому союзу, другая — не испытывавшая симпатий к англоязычным либералам — стала основой партии Независимые демократы (НД), которую возглавила Патриция де Лилль. На местных выборах в 2006 г. НД поначалу вступила в союз с АНК, что привело к серьезной потере голосов. На последующих выборах цветные поддержали Демократический союз, который получил большинство и сформировал правительство Западного Кейпа во главе с Хелен Зилле.

Именно Демократическому союзу — главной оппозиционной силе — отдают предпочтение белые, особенно англоязычные. Партия все крепче консолидирует свою власть в провинции, где белое политическое большинство базируется на коалиции цветных, индийцев и небольшого количества черных избирателей. Поддерживая заявленные базовые принципы правящей коалиции, основанные на видении нерасового общества, стремящегося к равноправию и развитию, Зилле в то же время весьма резко отзывается о власти: «Тройственный альянс АНК по-прежнему находится в отравленной ловушке расового национализма и марксизма-ленинизма, включая такие дискредитированные идеи, как “демократический централизм”, коммунистическую “авангардную” партию, расстановку кадров, слияние партии и государства, доминирование правящей партии в парламенте»[1]. Демократический Союз набрал 16,7% голосов на выборах 2009 г.

Пятого декабря 2013 г. в возрасте 95 лет скончался Нельсон Мандела, и его уход был большой потерей для ЮАР, и не только. Но уже 27 апреля 2014 г. Южная Африка громко отметила 20-летие избавления от апартеида. Седьмого мая страна в пятый раз пришла на выборы. Победу вновь одержал АНК. И не потому, что популярен Зума, оказавшийся в центре очередного скандала о 20 млн долл., потраченных им на перестройку собственной виллы. Популярен АНК — партия Манделы. Конгресс ставит себе в заслугу, что за двадцать лет экономика выросла втрое, было построено 3,7 млн домов, а 15 млн получают соци-

[1] *Helen Zille.* Fatal Contradictions in ANC’s Policy // Sunday Times (S.A.). January 9, 2011.

альные гранты[1]. При всех трудностях, с которыми сталкивается страна, подавляющее большинство черного населения сегодня чувствует себя значительно лучше, чем 20 лет назад.

Но перевес АНК, получившего 62,1% голосов, был меньше, чем на предшествовавших выборах. Внутри партии бывший министр разведки Ронни Касрилс и бывший замминистра здравоохранения Нозизве Мадлала-Рутледж организовали движение «Голосуй нет», которое призывало избирателей портить бюллетени или голосовать за мелкие партии, чтобы напомнить Конгрессу о его ответственности перед народом. Серьезный вызов бросил изгнанный ранее из партии экс-руководитель ее молодежной организации Джулиус Малема, который возглавил популистскую партию «Борцы за экономическую свободу» (Economic Freedom Fighters), выступавшую за национализацию горнорудной промышленности и экспроприацию земли у белых. Партия набрала 6% голосов. По-прежнему силен Демократический альянс. О своих разногласиях с АНК заявила крупнейшая КОСАТУ[2].

Вместе с тем реальной альтернативы преобладанию АНК пока не заметно.

Дипломатия убунту

Внешнеполитическая доктрина ЮАР весьма самобытна. Доклад на эту тему, выпущенный Департаментом международных отношений и кооперации, как с 2009 г. называется южноафриканский МИД, носил название «Строя лучший мир: дипломатия убунту». Буквально это означает следующее: «Южная Африка — многообразная, мультикультурная и мультирасовая страна, которая принимает концепцию убунту для определения того, кто мы такие и как соотносимся с другими. Философия убунту означает “человечность” и отражается в идее о том, что мы подтверждаем свою человечность, когда подтверждаем человечность других. Она сыграла основную роль в выковывании южноафриканского национального сознания, в процессах демократической трансформации национального строительства… Эта философия транслируется в такой подход к международным отношениям, который уважает все нации, народы и культуры. Она признает, что в наших национальных интересах помогать позитивному развитию других. Одновременно национальная безопасность зависит от центрально-

[1] South Africa Marks 20 years of Freedom // Gulf News. April 28, 2014; *Mark Gevisser.* Pistorius, Zuma: Is This Really the Best South Africa Can Do? // Los Angeles Times. April 27, 2014.

[2] *Andrew England.* Time to Change Track?; Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs. P. 280.

го места безопасности человека как универсальной цели в соответствии с принципом Бато Пеле (люди превыше всего)». Идеалы, одухотворявшие борцов против апартеида, шагнули на мировую арену. «Ответы Южной Африки на внешнеполитические проблемы продолжают определяться нашей историей и эволюцией внешней и внутренней политики после 1994 г. В этом отношении Южная Африка вносит вклад в трансформацию глобальной системы управления — от системы, основанной на силе, к системе, основанной на правилах в справедливом и равноправном глобальном порядке» [1].

Внешнеполитическая мысль исходит из того, что перемещение центра силы мирового развития открывает перед страной уникальную возможность резко увеличить свой вес на международной арене, проводя активную и многостороннюю политику, превращаясь не только в региональную державу, но и страну, способную оказывать воздействие на мировой порядок. «Внутри страны и за рубежом господин Зума — подчеркнутый прагматик, который желает удовлетворить всех и никого не обидеть, — подмечал журнал The Economist. — Не столь подчеркнуто антизападный, как господин Мбеки, он видит, как могущество утекает на Восток и Юг и надеется оседлать волну»[2]. Большая роль отводится культурно-цивилизационному аспекту: «В 1990-е гг. доминирующей идеологией была переделка мира по неолиберальной парадигме. Однако новые поднимающиеся державы придерживаются альтернативных моделей развития, совместимых с их культурными нормами»[3].

Приоритетом номер один внешней политики ЮАР является, безусловно, Африканский континент, где она рассчитывает примерно на такие же лидирующие позиции, какими Германия располагает в Европейском Союзе. Страна подчеркивает свою неразрывную связь со стабильностью, единством и процветанием континента, равно как и ведущую роль в промышленном производстве, добыче сырьевых ресурсов, электроэнергетике, развитии транспортной инфраструктуры, финансового сектора и сферы услуг. Руководство ЮАР приложило решающие усилия для реализации инициативы Нового партнерства для развития Африки (NEPAD) и превращению Организации африканского единства в 2002 г. в Африканский Союз, который рассматривается в качестве главного интеграционного звена на континенте. Помимо этого, были предложены к подписанию соглашения о зоне свободной торговли между региональными интеграционными группировками — Южно-Африканским сообществом развития, Общего рынка Восточ-

[1] Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu. White Paper on South Africa's Foreign Policy. P. 4, 7.

[2] Human Rights? What's That? // The Economist. October 16, 2010.

[3] Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu. P. 14.

ной и Южной Африки, Восточно-Африканского сообщества, которые рассматриваются как строительные конструкции для будущей панафриканской интеграционной системы. Республика координирует усилия по созданию новой трансконтинентальной инфраструктуры, проект транспортного коридора Юг — Север. Существует понимание, что международный вес ЮАР в решающей степени будет зависеть от того, насколько она окажется способной выступить в роли лидера и интегратора континента.

Оппозиция и западные страны критикуют руководство ЮАР за поддержку национально-освободительных движений и их лидеров даже тогда, когда они превращаются в единоличных лидеров или даже диктаторов. Не всем понравилось, что Южная Африка пыталась выступить посредником в ливийском конфликте. Предложенная Зумой от имени Африканского Союза дорожная карта предполагала прекращение военных действий со всех сторон, проведение Муаммаром Каддафи политических реформ и инклюзивный диалог между участниками конфликта. Каддафи южноафриканские условия принял, оппозиция — нет. В итоге бомбардировщики стран НАТО, заодно вооруживших и оппозицию, возобладали над дипломатией убунту. «Теперь это уже только для протокола, но усилиям Африканского Союза никогда не был дан шанс. Военным действиям было отдано предпочтение над мирными средствами»[1], — возмущался Зума на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2011 г.

Именно претензии на африканское лидерство являются главной движущей силой укрепления оборонных усилий. Несмотря на экономические проблемы, ЮАР наращивает свои военные расходы, необходимые для обеспечения расширяющихся международных обязательств, которые берут на себя Южно-Африканские силы национальной обороны. В последние годы военнослужащие ЮАР участвовали в миротворческих и восстановительных миссиях в Бурунди, Кот д'Ивуаре, Демократической Республике Конго, Эфиопии, Эритрее, Непале и Судане, а также в операциях по поддержанию порядка во время выборов на Каморрах, в ДРК, на Мадагаскаре и в Лесото[2]. В 2011 г. 2,2 тыс. южноафриканских военных находились за пределами страны в двух миротворческих миссиях — в ДРК и Судане, а также осуществляли вспомогательные операции в Центрально-Африканской Республике и помогали Мозамбику бороться с пиратством в Мозамбикском проливе[3].

---

[1] Statement by President Jacob Zuma to the General Debate of the 66th United Nations General Assembly, UN Headquarters. New York, 21 September 2011.

[2] The Military Balance 2010. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defense Economies. P. 290.

[3] Department of Defence. Annual Report 1 April 2010 to 31 March 2011. Safeguarding South Africa for a Better Life for All. P. 6.

В марте 2009 г. Объединенный постоянный комитет по обороне парламента выступил с заявлением о недостаточности военных расходов, существовавший уровень которых приводил к деградации вооруженных сил. Была поставлена цель увеличить долю оборонных расходов с 1,2 до 1,7% от ВВП за четыре года. Основной приоритет — легкие моторизованные силы, разведывательные и инженерные подразделения, необходимые для поддержки заграничных операций, авиационные силы доставки. Второй уровень задач — механизированная пехота, артиллерия, бронетехника и другие компоненты ведения обычных наземных операций[1]. Численность вооруженных сил на 2014 г. — 62,1 тыс. человек, из них 37,15 тыс. — в армии, 6,25 тыс. — на флоте, 10,7 тыс. — в ВВС и 8 тыс. — в рядах Южно-Африканской военно-медицинской службы. Военный бюджет составил 47 млрд рандов, более 5 млрд долл.[2].

Второй по значимости внешнеполитический приоритет — отношения по линии Юг-Юг. Здесь наибольшее внимание уделяется сотрудничеству в форматах ИБСА (Индия, Бразилия, Южная Африка), Группы стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АСР), стран Британского Содружества (членство в Содружестве было восстановлено в 1994 г.), расположенных в Южном полушарии.

К числу фирменных знаков южноафриканской внешней политики следует отнести озабоченность проблемами борьбы с расовой дискриминацией в глобальной масштабе. Ее принципы, как считают в ЮАР, наиболее полно изложены в Дурбанской декларации и программе действий, принятой в 2001 г. по итогам Всемирной конференции против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости. ЮАР проявляет также повышенную заинтересованность в решении вопросов охраны окружающей среды и изменения климата, выступает за заключение юридически обязывающего соглашения в этой области.

Третий приоритет — участие в многосторонних организациях, среди которых страна неизменно выделяет Организацию Объединенных наций. ЮАР неоднократно заявляла о своих претензиях на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Повышение роли в мировом сообществе она связывает с членством в большой двадцатке, с своей активностью в Движении неприсоединения и группе 77 развивающихся стран. ЮАР поддерживает идеи создания независимого палестинского государства, выступает за отмену санкций против Кубы.

В контексте многополярности весьма высоко оценивается и роль БРИКС. «Изначальная концепция БРИКС развилась в мультисекторальную дипломатическую силу, вызывающую количественные и ка-

[1] The Military Balance 2010. The Annual Assessment… P. 290–292.
[2] The Military Balance 2014. The Annual Assessment... L., 2014. P. 458, 457.

чественные изменения в системе глобального управления»[1], — подчеркивал Зума в апреле 2011 г. на саммите в Санья, где Южная Африка обрела полноправное членство в БРИКС. Он также не преминул напомнить, что «два десятилетия назад Южная Африка все еще находилась в центре борьбы за освобождение. Бразилия, Российская Федерация, Индия и Китай твердо поддерживали наш порыв к свободе. Сегодня мы встретились как одно целое, мы встретились как партнеры»[2]. «Мы используем наше членство, — говорится во внешнеполитической концепции, — как стратегическую возможность продвинуть интересы Африки по глобальным проблемам, таким, как реформа глобального управления, работа G-20, международная торговля, энергетика и изменение климата»[3].

Следующий приоритет — Азия, где выделяют Китай, Индию и Японию, выступающих ведущими инвесторами в Южную Африку и одними из крупнейших торговых партнеров. Активные связи поддерживаются также со странами АСЕАН, особенно — с Индонезией, Малайзией и Вьетнамом, а также с Южной Кореей.

Но все же с экономической точки зрения большее значение для ЮАР имеют страны Европейского Союза, на которые приходятся треть всей внешней торговли, 40% экспорта, 70% прямых иностранных инвестиций. Оттуда продолжает поступать помощь на цели развития. Отношения с ЕС и его странами-участницами определяется как стратегическое партнерство. В европейском контексте рассматриваются и двусторонние отношения с Россией и Турцией, за которыми признается «важная роль в глобальной и региональной политике».

Сохраняющийся антиимпериалистический и антирасиситский пафос заставляет считать латиноамериканские страны и МЕРКАСУР (с которым у Зоны свободной торговли Юга Африки есть преференциальное торговое соглашение) более существенными партнерами в Западном полушарии, чем Соединенные Штаты. Но и с США Южная Африка вовсе не настроена на конфронтацию: «США останутся доминирующей политической, экономической и военной силой, с важным потенциалом для южноафриканской и африканской торговли, туризма и инвестиций»[4]. Для США Южная Африка долгое время была не очень понятным партнером с учетом «очевидного противоречия между ценностями демократии и прав человека и сердечными отношениями с кубинским Фиделем Кастро и ливийским Муаммаром Каддафи. Тем

---

[1] Statement by South African President Jacob Zuma during the Joint Press Conference by BRICS Heads of State at the Third BRICS Summit, Sanya.

[2] Address by President Jacob Zuma to the plenary of the third BRICS leaders meeting, Sanya, Hainan Island, People's Republic of China.

[3] Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu. P. 26.

[4] Ibid. P. 3.

не менее, Вашингтон и при республиканских, и при демократических администрациях рассматривал Южную Африку как важное якорное государство на Африканском континенте»[1]. ЮАР является крупнейшим (если исключить нефтедобывающие страны) получателем американской помощи в рамках Africa Growth and Opportunity Act (AGOA). США также выступает немаловажным партнером по миротворческим операциям в разных районах Африканского континента.

ЮАР выдвигается на роль основного партнера России на континенте. Однако отношения остаются на более низком уровне, нежели ожидалось, учитывая престиж России во время освободительной борьбы. Борис Ельцин еще до апреля 1994 г. активно заигрывал, а затем поспешил установить дипломатические отношения со «старым режимом», что не могло не наложить негативный отпечаток на развитие двусторонних отношений с освободившейся от режима апартеида Южной Африкой. Потребовалось несколько лет, чтобы в ЮАР преодолели недоверие к либеральной Москве. Визит Нельсона Манделы в Москву состоялся лишь в 1999 г. [2].

Этапным событием в двусторонних отношениях стал официальный визит Президента Путина в ЮАР 5–6 сентября 2006 г. Это была первая в истории поездка руководителя российского государства в Африку южнее Сахары. В августе 2010 г. президент ЮАР Джейкоб Зума посетил Москву с официальным визитом, прихватив с собой 11 министров и более ста человек, представлявших банковский, финансовый, оборонный, аэрокосмический сектора, отрасли энергетики, инжиниринга, информации и связи, образования. Проявлением партнерства стала и поддержка Россией вступления Южной Африки в БРИКС. В ходе очередной встречи Зумы и Путина во время саммита БРИКС 2013 г. между Россией и ЮАР были подписаны: Совместная декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, Соглашение о сотрудничестве в области энергетики, Меморандум о сотрудничестве в отношении металлов платиновой группы и многие другие.

На очередной встрече в Сочи в мае 2014 г. были обсуждены вопросы трансформации БРИКС в «полноформатный механизм взаимодействия по проблемам экономики и политики». Было отмечено, что в 2012 г. товарооборот вырос на 66% и достиг почти 1 млрд долл., и столько же российские компании вложили в южноафриканскую экономику[3]. Основная доля российского экспорта приходится на черные и цветные металлы, удобрения, древесину, инструменты, искусственный

---

[1] Strategic Survey 2014. The Annual Review of World Affairs.P. 279.

[2] *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС. С. 164–165.

[3] *Кира Латухина.* Виза на саммит: Владимир Путин и Джейкоб Зума обсудили Сирию и БРИКС // Российская газета. 17 мая 2013.

каучук, оборудование, приборы оптические и медицинские. В российском импорте из ЮАР преобладают продовольственные товары и сельхозсырье, черные металлы, руды, продукты химической индустрии, алкогольные и безалкогольные напитки [1].

Россия предлагает помощь в создании в ЮАР атомной промышленности в целом — от добычи сырья, строительства АЭС и исследовательских реакторов до проектирования и собственного производства атомного энергооборудования.

Российский фонд фундаментальных исследований и Национальный исследовательский фонд ЮАР объявили совместный конкурс по 14 проектам по таким направлениям, как фундаментальные проблемы лазерной обработки материалов, физика тяжелых ионов, нейтронно-активизационный анализ в экологических исследованиях, новые подходы к поиску и разработке лекарственных средств, исследование методов эффективного использования высокопроизводительных вычислительных систем и др.[2].

Хантингтон в свое время писал: «Территория, ресурсы и месторасположение делают потенциальной стержневой страной Нигерию, но ее межцивилизационная разобщенность, невероятная коррупция, политическая нестабильность, диктаторское правительство и экономические проблемы крайне затрудняют ей эту роль, хотя время от времени эта страна в ней оказывалась. Мирный переход ЮАР от апартеида, промышленный потенциал этой страны, высокий уровень экономического развития по сравнению с другими африканскими странами, ее военная мощь, природные ресурсы и система политического управления с участием белых и чернокожих — все это делает Южно-Африканскую Республику явным лидером Южной Африки, вероятным лидером англоязычной Африки и возможным лидером всей Африки ниже Сахары»[3].

Существует ли африканская цивилизация? Полагаю, что существует. А если нет — то складывается, и очень быстро. И лидером ее выступает именно ЮАР.

---

[1] *А.А. Архангельская.* ЮАР — «ворота в Африку»? Результаты Саммита БРИКС в Дурбане // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. С. 108–109.

[2] *Г.А. Власкин, С.П. Глинкина, Е.Б. Ленчук.* Сотрудничество со странами БРИКС в интересах модернизации российской экономики // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты. С. 328–329, 330, 331; *А.А. Архангельская, В.Г. Шубин.* ЮАР — новый член БРИКС. С. 164–165; *А.А. Архангельская.* ЮАР — «ворота в Африку»? С. 108–109.

[3] *Самюэль Хантингтон.* Столкновение цивилизаций. С. 205.

Заключение

Современный мир возник не вчера. Человеческая цивилизация насчитывает несколько тысячелетий. Множество великих империй и государств канули в Лету. Немногие продолжились в современность. Самая древняя из ныне существующих стран — Китай — пять тысяч лет непрерывной истории. Но все эти цивилизации и государства — исчезнувшие и живущие — внесли свой вклад, большой или малый, очевидный или малозаметный в создание того мира, в котором мы живем. Господство западной цивилизации началось пару веков назад — миг в истории — и, казалось, достигло апогея к концу XX в., когда широко праздновали «победу» в холодной войне и «конец истории» в связи с торжеством западных ценностей.

Триумфализм, очевидно, проходит. Мир демонстрирует множество моделей развития, все больше учитывающих национальную, региональную, историческую, религиозную и иную специфику каждой страны. Центр тяжести мирового развития все больше перемещается с Запада на Восток, с Севера на Юг, из зоны развитых экономик в ареал развивающихся. Если еще 30 лет назад на страны Запада приходилось 80% мировой экономики, то сейчас — заметно меньше половины. В 2014 г. впервые с 1872 г. Соединенные Штаты перестали быть крупнейшей экономикой планеты, вернув пальму первенства Китаю. В 2014 г. ВВП западной «большой семерки» — США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада — оказался меньше, чем у семерки крупнейших развивающихся экономик — Китая, Индии, России, Бразилии, Мексики, Индонезии, Турции. Все меньше сторонников у «вашингтонского консенсуса» с его идеей нерегулируемых (или регулируемых исключительно из Вашингтона) рынков.

Соединенные Штаты оказались в долговой ловушке, которая не страшна, пока существует доверие к доллару и финансовым инструментам, эмитируемым американским правительством. Исчезновение консенсуса по ключевым социально-экономическим и

морально-этическим вопросам парализует политический механизм, партийно-политическая система поляризована, как никогда со времен Гражданской войны 1861–1865 гг., что препятствует принятию адекватных решений в финансовой политике. Доверие к американскому правительству на исключительно низком уровне. Расовые конфликты, которые гасятся во многом личностью первого президента-афроамериканца, могут разгореться с большей силой после его ухода.

Соединенные Штаты, убежденные в своей непреходящей исключительности, по-прежнему будут делать ставку на глобальную гегемонию, имея в то же время все меньше ресурсов и возможностей для ее осуществления. Главным средством обеспечения этого по-прежнему окажутся усилия по предотвращению появления альтернативных центров силы, способных бросить вызов американскому доминированию. Такие США последовательно зачищает: Ирак, Ливия, Сирия, под постоянным прессингом Иран и Северная Корея. Но главные объекты сдерживания на обозримую перспективу — Россия как основной вызов в военно-стратегической сфере и Китай — как вызов экономический, геополитический и даже цивилизационный. «Двойное сдерживание» России и Китая может оказаться решающим испытанием возможностей США в современном мире.

Смены не устраивающих США режимов чаще всего дают результаты, которые противоречат интересам самого Вашингтона. Впрочем, учитывая стереотипность американских подходов, эта политика будет продолжена. Одновременно складывается ощущение, что подавляющее большинство человечества подустало от однополярного доминирования. Не спадающая агрессивность западных держав является плохой новостью для режима нераспространения. США и их союзники пока не нападали на страны, обладающие ядерным оружием, что делает его весьма ценным активом в глазах тех, кто не хочет оказаться жертвой очередной «гуманитарной» или иной интервенции.

Европейский союз еще как минимум десятилетие будет выбираться из экономического кризиса 2007–2009 гг., оставаясь регионом стагнации и самого медленного роста на планете. Возможности поддержания на обозримое будущее европейской социальной модели тают на глазах. Европу ждет балансирование по узкой грани, с одной стороны которой стремление еврооптимистов и евробюрократов создать федеративное государство, а с другой — не менее сильное желание евроскептиков и патриотов сохранить национальный суверенитет. Отринув христианские ценности, сделав ставку на мультикультурализм, моральную всеядность, руководство ЕС рискует и дальше терять популярность, стимулировать рост националистических и левых сил. «Евросоюз не способен расширяться дальше без урона себе, а расходы на

страны, не входящие в объединение, ему не по карману»[1], — считает Федор Лукьянов.

Украинский кризис будет обостряться, поскольку Вашингтону он выгоден как инструмент антироссийской политики и сплачивающий и мобилизующий фактор для НАТО. Шансы Украины на членство в Европейском союзе значительно меньше, чем на ее дезинтеграцию и превращение в «падающее государство» под воздействием неадекватного, как обычно, внешнего управления со стороны Соединенных Штатов.

Самая большая территория с самыми большими запасами природных ресурсов, самое образованное с мире население, второй в мире оборонный потенциал, мыслящая глобальными категориями элита, возрождающееся чувство национального самоуважения делают Россию сильным геополитическим игроком. Она остается самостоятельным центром силы, все более опирающимся на собственные возможности и партнерство с незападным миром, коль скоро надолго оказалась в изоляции со стороны Запада. Стратегическая глубина будет наращиваться через расширяющиеся Евразийский экономический союз, Шанхайскую организацию сотрудничества, БРИКС.

Азия, в которой уже проживает большинство человечества, в ближайшие десятилетия станет глобальным лидером по всем основным социально-экономическим и, возможно, технологическим параметрам. Впрочем, в этом не будет ничего нового: на протяжении последних тысячелетий азиатские страны, прежде всего Китай и Индия, неизменно — за исключением последних двух столетий, когда они стали объектом колониальной экспансии, являлись крупнейшими экономиками мира. Азиатские страны чувствуют, что ветер дует в их паруса, и это приводит к повсеместному росту национального достоинства, уверенности в силе своих традиций и своей способности изменить свои страны и весь мир к лучшему.

Китай будет и дальше уходить в отрыв по экономическому развитию от всех остальных, создавая эквивалент экономики Индии каждые два года[2]. Сочетание сильного и организованного государства, основанного на имперском и коммунистическом наследии, на культуре конфуцианства и стратегического мышления, с огромным рынком самой населенной страны мира дает стране большой запас прочности и жизненной энергии. Именно КНР выдвигается на роль второго мирового центра силы, и именно усилия других центров по ограничению его влияния окажутся основным сдерживающим фактором китайского роста. Равно как и стимулом для развития и поиска партнеров по всему миру.

---

[1] *Федор Лукьянов.* Ассоциация наоборот // Российская газета. 17 декабря 2014.

[2] *Jim O'Neill.* Winners and Losers in the Global Economy of 2025 // Europe's World. Autumn 2014. P. 24–25.

Роль Японии — главного чуда послевоенной экономики — снизится в экономическом и демографическом табеле о рангах. Будущее Японии в решающей степени зависит от ее способности вырваться из дефляционной и долговой спирали, запустить механизм роста, а также сформулировать систему позиционирования страны в мире, отличную от американской. Японский национализм, помогающий выигрывать политические битвы внутри страны, оказывается основным препятствием для выстраивания Токио нормальных отношений со всеми соседями, что снижает его влияние в АТР.

Индия будет неизбежно подниматься в мировой табели о рангах, в наибольшей степени используя преимущества от демографического дивиденда и вырывая десятки миллионов людей из нищеты. Слабость государства, всегда присущая этой «функционирующей анархии», будет основной слабостью «самой большой демократии мира». Роль Индии в мире будет зримо расти, отражая и ее экономический подъем, и желание всех без исключения основных центров силы иметь Дели в качестве стратегического партнера.

Политика западных стран, американские интервенции в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, поддержанные извне революции «арабской весны» надолго дестабилизировали исламский мир, превращая многие страны в источник перманентных конфликтов и выбрасывая энергию исламистского экстремизма далеко за его пределы. «Ближний Восток с большой вероятностью будет представлять собой слабые государства, не способные контролировать большие части своих территорий, на которых все более активно будут действовать вооруженные и террористические группы, идти гражданские войны и межгосударственные конфликты. Религиозные и общинные идентичности окажутся сильнее национальных»[1], — считает Ричард Хаас. Обострится суннитско-шиитское противостояние. Вместе с тем, исламское возрождение, подкрепляемое нефтяными ресурсами Персидского залива, подтолкнет развитие и этого огромного региона и всей мусульманской общности, насчитывающей более четверти населения Земли.

Латинская Америка если уже не стала самостоятельной цивилизацией, то стремительно ею становится. Она будет и дальше разделена на государства, находящиеся в более или менее тесных отношениях с США, правые и левые правительства. Но Латинская Америка способна на появление солидарности, сбрасывает с себя «доктрину Монро», эмансипируясь от безоговорочного влияния США, усиливает региональную интеграцию, все активнее влияет на мировую политику,

[1] *Richard N. Haass.* The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs. November/December 2014. P. 70.

неуклонно, пусть и не стремительно, увеличивает свой вес в мировом хозяйстве. Континентальный лидер — Бразилия, борющаяся за место в первой пятерке мировых экономик, претендует на все более активную роль в международных делах, продвигает партнерство по линии Юг-Юг.

Африка способна стать самым быстро растущим континентом — с точки зрения как демографии, так и экономики. За сердца африканских стран, составляющих самую большую голосующую долю в ООН, и за ресурсы Черного континента усилится соперничество основных глобальных центров силы. А внутри него развернется конкуренция между двумя основными претендентами на лидерство — Южной Африкой и Нигерией. Вместе с тем, Африка еще надолго останется самым неблагополучным материком, где наибольшая доля людей будет жить в нищете, имея наименьший доступ к здравоохранению и самую низкую продолжительность жизни.

Эпоха однополярности оказалась довольно скоротечной. История возобновилась, и мир устремился к большему разнообразию. Стремление к созданию сильных государств, как выяснилось, не сильно противоречит интересам демократического развития. Просто все меньше людей считают демократией или образцом для подражания то, что существует в США.

Повсеместно в мире мы видим возрождение интереса к своим корням, к вере, к естеству. Традиционализм, гордость наследием предков, национальной культурой, нравственными устоями проявляется повсеместно, принимая форму движений и/или концепций «индехиниста» в Латинской Америке, «убунту» в Южной Африке, конфуцианского возрождения в Китае и других восточноазиатских странах, подъема индусских настроений и политических сил в Индии.

За исключением Европы, где храмы пустеют, растущее количество людей в мире демонстрирует религиозные чувства. Это видно по скачкообразному росту прихожан православных храмов в постсоветской России, толпам в буддистских пагодах Китая или Японии, реисламизации мусульманского мира (что порой приобретает и радикальные формы). А Африка, Индия, Латинская Америка или Соединенные Штаты всегда были почти поголовно верующими.

Контуры нового миропорядка, как мне представляется, уже просматриваются. Прежде всего, в такой организации как БРИКС, который начал существовать как виртуальная реальность, как перечень не связанных друг с другом быстро растущих экономик, но быстро обрел плоть и кровь как реальность политическая. Мягкое восхождение БРИКС не связано с насилием или гегемонистскими устремлениями. У каждой из пяти стран-цивилизаций свое уникальное место на зем-

ном шаре, культурные матрицы, взгляды на развитие и обеспечение безопасности. Но они считают само это разнообразие безусловным благом. Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка, в которых проживают 43% населения планеты, не склонны вмешиваться во внутренние дела друг друга, принимают партнеров такими, какими они сложились на протяжении столетий. Они сотрудничают поверх старых разделительных линий Восток–Запад или Север–Юг. Пятерка гораздо ближе к тому, чтобы демонстрировать образец «концерта цивилизаций», чем предсказанного Хантингтоном конфликта цивилизаций.

Лидерство в мире будущего окажется у тех, кто будет обладать не только преобладающей экономической и военной силой (что может совпадать, а может и нет). Перевес обеспечат качество лидерства, мораль, мотивация населения, государственные стратегии, политическая воля, способность предложить человечеству новую мечту.

И самое главное. Впереди будут те, на чьей стороне правда и справедливость.

Научное издание

Никонов Вячеслав Алексеевич

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ИСТОКИ

Переплет *Ю.Н. Симоненко*
Технический редактор *З.С. Кондрашова*
Корректоры *Е.А. Босина, Л.Б. Казьмина, Е.А. Певак, Г.Л. Семенова*
Верстка *Л.В. Тарасюк*

Подписано в печать 22.04.2015.
Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Гарнитура Palatino Linotype.
Усл. печ. *л*. 55,0. Уч.-изд. *л*. 56,3. Тираж экз.
Изд. № 10 438. Заказ №

Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5.
Тел.: (495) 629-50-91. *Факс:* (495) 697-66-71.
Тел.: (495) 939-33-23 (*отдел реализации*).
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Сайт Издательства МГУ:
www.msu.ru/depts/MSUPubl2005
Интернет-магазин: http://msupublishing.ru

Адрес отдела реализации:
Москва, ул. Хохлова, 11 (Воробьевы горы, МГУ).
E-mail: izd-mgu@yandex.ru. *Тел.:* (495) 939-34-93

Отпечатано в типографии МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15